

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 397 509

1500
Pslaw 460.5 ($\frac{1902}{1-2}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Инвентарь № 2713

Книгов 6

Листов 1

Место книги на полке 5

人
来

Годъ XI-й.

✓

Литературный журнал 1902 г.

№ 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ 230

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Handwritten: 2348

Я Н В А Р Ъ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

0
Pslav 460.5 (1902)
1-2

✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 4 1962

62 x 2

Дозволено цензурою 26-го декабря 1901 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
1. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. Н. Котляревскаго.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ДНЕВНИКА. Ив. Бунина.	26
3. НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. В. Вересаева.	28
4. ИЗЪ ЖИЗНИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ. (Paul de Roussiers. «La question ouvrière en Angleterre». Paris 1895). Л. Давидовой.	70
5. ДОМОЙ. (Изъ путевыхъ очерковъ). Тана.	84
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ДОРОГѢ. Тана.	100
7. АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. Фридриха Паульсона. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. Богдановичъ.	101
8. ВЪ ЦИРКѢ. Разказъ. А. Куприна.	125
9. СТИХОТВОРЕНІЕ ALBUM-BLÄTTER. О. Чюминой.	149
10. ОСЕНЬЮ. Эскизъ. Ив. Бунина	151
11 ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦИИ АКАДЕМІЙ. А. Фаминцына.	158
12. БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). Л. Гуревичъ.	173
13. АНГЛІЙСКАЯ ГОДОВЩИНА. 1827—1902. (Къ семидесятипятилѣтію со дня смерти Джорджа Каннинга). Евг. Тарле.	198
14. СМЕРТЬ. Повѣсть Артура Шницлера. Переводъ съ нѣмецкаго Т. Б.	224
15. СТИХОТВОРЕНІЕ. РУДОКОШЫ. Вл. Волькенштейна.	252

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Выдающіяся произведенія истекшаго года.—Враждебное отношеніе врачей къ «Запискамъ врача» г. Вересаева.—Неосновательность такого отношенія.—Окончаніе романа М. Горькаго «Трое».—Характеристика

главнаго героя романа.—Театральныя новинки.—«Лишенный правъ» г. Потапенки. А. Б.	1
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Дѣтскіе мечты и запросы.—Взаимодѣйствіе деревни и города.—Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи.—Изъ прошлаго.—Земскій адресъ Б. Н. Чичерину.—Отголоски монополии.—За мѣсяцъ.—Н. И. Наумовъ. (Некрологъ).	15
18. ОБЩЕСТВО ВСПОМОЖЕНІЯ ОКОНЧИВШИМЪ ВЫСШЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ. Т. Богдановичъ.	30
19. Изъ русскихъ журналовъ. У казаковъ.—Воспоминаніе Д. Ахшарумова.—Новыя теченія въ современной литературѣ. . . .	33
20. За границей. Присужденіе премій Нобеля.—Общественные вопросы въ Германи.—Народный домъ въ Гамбургѣ.—Первый итальянскій крестьянскій конгрессъ.—Въ скандинавскихъ странахъ.—Современная Аркадія.	43
21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Женское движеніе за послѣднее время въ Европѣ и на Востокѣ.—Альфредъ Нобель и его взгляды.—Республика будущаго.—Никола Тесла.	54
22. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Марселенъ Бертело. (По поводу пятидесятилѣтія его научной и общественной дѣятельности). В. Яковлева.	59
23. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій.—Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей.—Механическая теорія зрѣнія.—Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство. В. Аг.	68
24. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Медицина и гигиена.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. . .	76
25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	1
27. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	1

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

I.

Планъ очерка.—Вопросы достаточно разъясненные: біографія Гоголя, оцѣнка художественнаго и общественнаго значенія его произведеній, приемы его мастерства.—Вопросы менѣе обследованные: исторія психической жизни художника и связь его творчества съ культурной средой и съ литературными теченіями его эпохи.—Границы очерка: литературная дѣятельность Гоголя отъ 1829 до 1842 г.

О личности Гоголя и его жизни, о заслугахъ его передъ нашимъ обществомъ и о художественной цѣнности его произведеній писано очень много. Все существенное достаточно выяснено, и все-таки тотъ, кто пожелалъ бы теперь вновь заговорить о Гоголѣ, не осужденъ всецѣло повторять старое.

Нашъ очеркъ не ставитъ себѣ цѣлью подробно ознакомить читателя съ біографіей поэта. Гоголь уже нашелъ біографа рѣдкой преданности и еще болѣе рѣдкой добросовѣстности. Кто хочетъ знать, какъ жилъ нашъ писатель, тотъ прочтетъ всю лѣтопись его жизни въ многотомномъ трудѣ В. И. Шенрока, и если читателю случится иной разъ устать при этомъ чтеніи, то онъ, вѣроятно, вспомнитъ, что въ жизни каждаго человѣка, даже и очень крупнаго, всегда бываютъ скучные моменты и мало интересные дни. В. И. Шенрокъ при своей безпредѣльной любви къ Гоголю не дѣлалъ разницы между событіями въ жизни своего кумира: для него всѣ прожитые Гоголемъ дни были полны интереса, и біографъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія. Нашъ очеркъ не можетъ и не долженъ претендовать на такое детальное жизнеописаніе. Внѣшнія условія жизни Гоголя будутъ приняты нами въ расчетъ лишь постольку, поскольку они прямо или косвенно вліяли на его настроеніе или на образъ его мыслей.

Нашъ очеркъ не ставитъ себѣ также главной задачей выясненіе художественной стоимости и общественнаго значенія произведеній Гоголя. Эта стоимость и значеніе давно опредѣлены. Мѣсто, занимаемое комедіями и повѣстями Гоголя въ исторіи нашей словесности, было вѣрно указано еще его современникомъ Бѣлинскимъ. Оцѣнка, имъ произведенная, хотя она и касалась преимущественно эстетической цѣнности критикуемыхъ памятниковъ, достаточно ясно намекала и на ихъ общественную роль. Это

общественное значеніе творчества Гоголя въ связи съ его значеніемъ художественнымъ служило затѣмъ неоднократно предметомъ изслѣдованія. Послѣ Чернышевскаго, Аполлона Григорьева, А. Н. Пыпина и Алексѣя Ник. Веселовскаго едва ли можно сказать что-либо новое по этому вопросу. Для всѣхъ теперь ясна побѣда, одержанная творчествомъ Гоголя надъ старымъ ложнонароднымъ содержаніемъ нашей словесности, надъ условностью ея содержанія и ея формы; всѣ знаютъ, какъ выѣстъ съ Пушкинымъ, Гоголь раздѣляетъ славу истинно-народнаго художника, перваго истиннаго реалиста; никто, наконецъ, не станетъ теперь преувеличивать гражданскихъ заслугъ Гоголя и никто, съ другой стороны, не просмотритъ того рѣшительнаго вліянія, какое слова Гоголя оказали на наше самосознаніе.

Такъ же точно едва ли является надобность пересматривать вновь исторію самого процесса художественной работы Гоголя,—исторію его «пріемовъ мастерства». Примѣчанія Н. С. Тихонравова къ его классическому изданію сочиненій нашего автора навсегда освободили историковъ литературы отъ необходимости такого пересмотра.

Если признать, такимъ образомъ, что и біографія поэта, и художественная и общественная стоимость его произведеній, и, наконецъ, самыя пріемы его работы достаточно выяснены и описаны, то на долю изслѣдователя, не желающаго ограничиться лишь повтореніемъ, выпадаетъ пересмотръ двухъ до сихъ поръ недостаточно разработанныхъ вопросовъ.

Надлежитъ, во-первыхъ, возстановить съ возможной полнотой исторію психическихъ движеній этой загадочной души художника и, во-вторыхъ, изслѣдовать болѣе подробно то соотношеніе, какое существуетъ между произведеніями Гоголя и современной ему дѣйствительностью, а также и ту взаимную связь, которая объединяетъ его творчество съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей.

Изъ этихъ двухъ задачъ первая не допускаетъ полнаго рѣшенія. Гоголь унесъ съ собой въ могилу тайну своей души, этой загадочной, сложной души, психическія движенія которой бывали такъ неожиданы и такъ поражали современниковъ. Внутреннія мученія этого страждущаго духа, разрѣшившіяся настоящей душевной болѣзью — навсегда останутся полубьяснимой загадкой. Изслѣдователь принужденъ ограничиться лишь догадками—попыткой возстановить ихъ послѣдовательный ходъ по тѣмъ отрывочнымъ словамъ и намекамъ, какіе попадаются въ перепискѣ художника и на нѣкоторыхъ интимныхъ страницахъ его произведеній.

Что же касается вопроса о разъясненіи той связи, которая соединяетъ творчество Гоголя съ міросозерпаніемъ его эпохи и съ ея литературными теченіями, то рѣшеніе этой задачи и возможно, и необходимо для правильной исторической оцѣнки и литературной, и общественной роли нашего писателя.

Поэтъ, какъ и всякій иной дѣятель, во многомъ продуктъ своего

времени и своей среды, какъ бы онъ высоко надъ ними ни возвышался. Въ отношеніи къ Гоголю это тѣмъ болѣе вѣрно, что онъ былъ натурой самобытно русской и западное вліяніе на образъ его мыслей и на его творчествѣ совсѣмъ не сказывалось. Связь между нимъ какъ человѣкомъ и тѣмъ историческимъ моментомъ народной жизни, который онъ пережилъ — связь тѣсная; и въ той же степени тѣсна и связь между его творчествомъ и современнымъ ему литературнымъ движеніемъ. Указать на эту зависимость художника отъ среды, въ кругѣ которой онъ, наблюдатель и поэтъ, вращался, необходимо для восстановления настоящей перспективы, въ какой намъ должно явиться творчество этого яркаго таланта.

До сей поры историки обыкновенно говорили лишь о томъ впечатлѣніи, какое творчество Гоголя производило на читателей. Картина получалась очень красивая и яркая. Съ момента смерти Пушкина, Гоголь выросалъ на своемъ пьедесталѣ, и созданные имъ художественные образы выступали отчетливо на общемъ литературномъ фонѣ конца 30-хъ и 40-хъ годовъ. Цѣлый періодъ нашего литературнаго развитія получилъ названіе «гоголевскаго» и вполне справедливо въ отношеніи къ Гоголю, и не вполне справедливо относительно тѣхъ писателей, которые до Гоголя или вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ одной задачей. Не говоря о ближайшихъ друзьяхъ, о Жуковскомъ и Пушкинѣ, которые Гоголь былъ многимъ обязанъ въ развитіи, и своего писательскаго таланта, и своего образа мыслей — у него были обязательства и относительно многихъ второстепенныхъ писателей его времени; пусть Гоголь и превосходитъ всѣхъ этихъ лицъ силой своего поэтическаго дарованія, пусть на вѣкоторыхъ изъ нихъ его творчество оказывало непосредственное и сильное вліяніе — все-таки были среди нихъ лица, которыя прокладывали дорогу самому Гоголю, были также и такія, которыя даже опережали его, если не въ способѣ художественно изображать жизнь, то въ умѣніи иной разъ пристальнѣе къ ней присмотрѣться и замѣтить въ ней то, что ускользало отъ нашего гениальнаго сатирика или на что, быть можетъ, онъ не хотѣлъ обратить должнаго вниманія. Вотъ это-та связь Гоголя съ его эпохой, связь взаимная — и остается пока не вполне выясненной. Встарину одинъ лишь Бѣлинскій, на глазахъ котораго зрѣлъ Гоголь, оцѣнивалъ его творчество въ связи со всѣми литературными новинками дня. Послѣ Бѣлинскаго, который такъ много способствовалъ къ укрѣпленію славы Гоголя—эта слава окончательно заглушила память о всѣхъ сподвижникахъ нашего писателя и о нихъ забыли. Когда на смѣну Гоголя пришли его ученики—тогда еще меньше было поводовъ вспоминать объ этомъ старомъ*): о немъ приходится, однако, теперь вспомнить и въ исторіи творчества

*) Единственно о чемъ еще говорили, такъ это о вліяніи на Гоголя малороссійской литературы; но установить точно степень этого вліянія очень трудно: оно сказывалось лишь въ самые ранніе годы дѣятельности нашего писателя, а потому при

нашего сатирика должно быть отведено мѣсто работѣ тѣхъ меньшихъ силъ, вмѣстѣ съ которыми ему удалось свершить свое великое дѣло. Рассказъ объ этой совмѣстной работѣ Гоголя и его сподвижниковъ и составитъ задачу нашего очерка.

Мы позволимъ себѣ, однако, одно очень важное ограниченіе въ исполненіи поставленной задачи.

Литературная дѣятельность Гоголя, какъ извѣстно, приняла въ послѣдніе годы его жизни совсѣмъ особое направленіе. Художникъ-бытописатель превратился въ моралиста-проповѣдника. Это превращеніе подготовлялось издавна, чуть ли не съ первыхъ шаговъ нашего писателя на литературномъ поприщѣ: никакого рѣзкаго перелома, никакого кризиса его творчество не испытало, но общій характеръ его незамѣтно и постепенно измѣнился. Наступилъ моментъ, когда воплощеніе жизни въ искусствѣ стало Гоголя интересовать меньше, чѣмъ общій религіозно-нравственный смыслъ этой жизни и его проявленіе на практикѣ общественныхъ явленій. Это случилось приблизительно въ срединѣ 40-хъ годовъ, когда первая часть «Мертвыхъ Душъ» была написана, первое полное собраніе сочиненій издано, когда вообще было создано все, что намъ оставилъ Гоголь-художникъ.

Такое преобладаніе размышленія надъ непосредственнымъ творчествомъ совпало въ художникѣ съ повышеніемъ въ нашемъ обществѣ интереса къ вопросамъ общественнаго характера, которые въ концѣ 40-хъ годовъ стали очень настойчиво тревожить мысль нашихъ публицистовъ и художниковъ, до того времени занятыхъ преимущественно вопросами чисто-литературными или общефилософскими.

На долю Гоголя выпала такимъ образомъ совсѣмъ особая роль: въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ его произведенія были самыми выдающимися литературными явленіями и вокругъ нихъ главнымъ образомъ и закипали всякіе литературные споры; въ художникѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ тотъ же Гоголь являлся истолкователемъ разныхъ общественныхъ вопросовъ первостепенной важности. Дѣйствительно, какой бы строгой критикѣ мы ни подвергали его извѣстной «Переписки съ друзьями», мы должны признать, что появленіе этой книги оказало большое вліяніе на возбужденіе нашей общественной мысли и что сама эта книга была отвѣтомъ писателя на тѣ вопросы личной и социальной этики, которые тогда назрѣвали, отвѣтомъ исчерпывающимъ или поверхностнымъ, вѣрнымъ или невѣрнымъ — это, конечно, вопросъ иной.

Такимъ образомъ, если въ творествѣ самого Гоголя и не признавать никакихъ рѣзкихъ переломовъ или поворотовъ, то все-таки исто-

общей оцѣнкѣ значенія Гоголя, какъ вполне сложившагося писателя, можно и не считаться съ вліяніемъ на него малороссійской словесности: это не значитъ, конечно, что, говоря о нашемъ писателѣ, мы можемъ забыть объ его малороссійскомъ происхожденіи и объ его національныхъ талантахъ и недостаткахъ.

рїя его дѣятельности допускаетъ дѣленіе на двѣ эпохи, изъ которой одна характеризуется расцвѣтомъ чисто-художественнаго творчества поэта, а другая—стремленіемъ его осмыслить и понять жизнь, какъ проблему этическую и религіозную.

Разсмотрѣніе этой попытки художника стать судьей и истолкователемъ религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ нуждъ его эпохи не войдетъ въ предѣлы нашей задачи: оно можетъ составить предметъ совсѣмъ особаго изслѣдованія, въ которомъ о Гоголѣ-поэтѣ не будетъ и рѣчи. Мы же будемъ говорить лишь о тѣхъ годахъ дѣятельности Гоголя, когда онъ былъ исключительно художникомъ и закончимъ обзоръ этой дѣятельности 1842 годомъ, т.-е. годомъ выхода въ свѣтъ первой части «Мертвыхъ Душъ»,—на которой, какъ извѣстно, оборвалась творческая работа нашего писателя.

II.

Народныя черты характера Гоголя. Его настроеніе въ дѣтствѣ.—Странности этого настроенія. — Школьная жизнь. — Мечты о своемъ призваніи и планы будущаго.

Біографію Гоголя принято начинать обыкновенно съ описанія той природы, среди которой онъ выросъ, и съ указанія на основныя черты характера той народности, изъ среды которой онъ вышелъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Малороссія оказала большое влияніе на развитіе его характера и его поэтическаго дарованія. Гоголь попалъ на сѣверъ лишь на 20-мъ году своей жизни—все свое дѣтство и юность прожилъ онъ въ южной усадьбѣ и въ городѣ Нѣжинѣ, гдѣ учился.

Есть какая-то затаенная грусть въ этой малороссійской природѣ; въ ней нѣтъ ни строгости, ни энергическаго величія природы сѣверной, ни жгучей, страстной красоты настоящаго юга; ея красота по преимуществу томная, мечтательная, какъ какая-то греза безъ ясныхъ очертаній и сильнаго движенія. Народъ, живущій издавна среди этой природы, одаренъ и соответствующими чертами характера—идиллическимъ настроеніемъ души, переходящимъ иногда въ волевою слабость, грустную мечтательность, которая всегда споритъ съ весельемъ, живою, но не грандіозной фантазіей. Природа надѣлила малорусскій народъ, кромѣ того, особымъ даромъ—юморомъ, столь типичнымъ для всѣхъ, даже скромныхъ представителей этой народности. Трудно опредѣлить точно, въ чемъ этотъ даръ заключается; иногда это просто комическая жилка—способность отгѣнить въ предметѣ или въ вопросѣ его смѣшную сторону, чтобы позабавиться—такъ, для невинной потѣхи; иногда же это—своеобразный взглядъ на вещи, ищущій въ насмѣшкѣ противовѣса грусти и ограждающій себя смѣхомъ отъ слишкомъ печальныхъ выводовъ и размышленій.

Всѣ эти народныя черты характера сохраняли свою власть и надъ жизнью и творчествомъ Гоголя. Сентиментальное сердце, любящее нѣ-

житься въ грусти, и острый, насмѣшливый умъ — вотъ тѣ двѣ силы, которыя въ немъ никакъ не могли ужиться. Сердце было всегда лирически настроено и на землѣ тосковало по туманному идеальному міру, умъ всегда былъ трезвъ и обладалъ удивительной способностью замѣчать въ этой жизни именно всё ея несовершенство, неизбежную ложь, грязь и пошлость. Трудно было жить съ такими дарами духа, и Гоголь заплатилъ за нихъ своимъ душевнымъ покоемъ и счастьемъ.

Но еще задолго до того времени, когда зоркость художественнаго взгляда и лиризмъ сердца стали такъ враждовать между собой—еще въ ранніе школьные годы Гоголь сроднился съ тревогою духа.

Какая-то неотвязная мысль, весьма, впрочемъ, неопредѣленная, но мысль во всякомъ случаѣ серьезная и грустная, шла рука объ руку съ тѣмъ весельемъ и той рѣзвостью, какія, судя по воспоминаніямъ товарищей, проявлялъ этотъ хитрый мальчикъ. А онъ былъ хитеръ, скрытенъ и себѣ на умѣ и таковымъ остался всю жизнь, къ немалому огорченію лицъ, которыя думали, что въ душѣ этого человѣка могли читать, какъ въ своей собственной.

Когда позднѣе серьезная сторона жизни пріобрѣла въ его глазахъ гораздо большую цѣну, чѣмъ сторона веселая, когда задумчивость и грусть поколебали совсѣмъ его духовное равновѣсіе—трагедія его души можетъ быть объяснена трудностью того положенія, какое занялъ онъ—художникъ на отвѣтственномъ посту—передъ лицомъ родины, которая, какъ онъ былъ убѣжденъ, ждала отъ него прорицаній. Но любопытно, что еще въ дѣтствѣ у него были проблески этого сознанія отвѣтственности и сознанія своей силы; любопытно, что уже въ его дѣтскихъ интимныхъ рѣчахъ можно подмѣтить въ зародышѣ ту самую мысль, которая его позднѣе такъ мучила — мысль о томъ, что на него возложена какая-то миссія.

Людямъ нерѣдко въ дѣтскомъ возрастѣ приходится считаться съ ударами судьбы. Эти удары на разныхъ людей разнѣ действуют: кого закаляютъ и дѣлаютъ жизнеупоритѣ, кого расслабляютъ и заставляютъ теряться передъ минутой—слѣдствіемъ чего почти всегда бываетъ осадокъ меланхоліи и печали въ сердцѣ человѣка. Гоголю не пришлось испытать такихъ ударовъ въ дѣтствѣ—и не они виноваты въ его ранней грусти.

Въ семьѣ царилъ любовь и согласіе. Ребенокъ росъ въ довольствѣ, воспитывался, какъ настоящій помѣщичій сынокъ и былъ очень избалованъ. Шалилъ, рассказываетъ, также много. Счастливымъ условіемъ этой дѣтской жизни былъ общій интеллигентный уровень всѣхъ лицъ, которые окружали ребенка. И семья Гоголя, и ея знакомые—были люди, которымъ интересы умственные и литературные не были чужды. Отецъ поэта, какъ извѣстно, былъ авторомъ нѣсколькихъ игривыхъ комедій. Особаго вліянія онъ, впрочемъ, на сына не оказалъ, такъ какъ умеръ очень рано. Если кто вліялъ непосредственно на

ребенка, такъ это его мать — женщина очень религіозная. Ея вліяніе сказалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на томъ повышенномъ религіозномъ чувствѣ, которое всегда, съ юныхъ лѣтъ, было живо въ душѣ ея сына. Она же, вѣроятно, болѣе другихъ и избаловала его. За эти-то попеченія много лѣтъ спустя ей и пришлось выслушать отъ сына ни-жестѣдующее наставленіе: «Я очень хорошо помню—писалъ онъ матери въ 1833 году — какъ меня воспитывали. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула эти чувства» *).

Иногда школа исправляетъ ошибки семьи и излишнее баловство въ семьѣ находитъ себѣ поправку въ школьной дисциплинѣ. Школа кое-чему научила и Гоголя, но только отнюдь не дисциплинѣ. На тринадцатомъ году онъ былъ отданъ въ Нѣжинскій лицей, и веселая жизнь въ усадьбѣ смѣнилась не менѣе веселой жизнью въ корридорахъ училища, въ его саду и въ окрестностяхъ маленькаго провинціального городка, гдѣ, вѣроятно, всѣ жители знали другъ друга по имени и, навѣрное, знали по имени и нашего студента, который много проказничалъ.

По свидѣтельству товарищей, Гоголь особеннымъ прилежаніемъ въ школѣ не отличался; онъ вынесъ изъ аудиторіи мало знаній, и вина въ данномъ случаѣ, едва ли падаетъ на учителей, которые, впрочемъ, также особенными талантами не блестяли. Нѣжинъ оказалъ вліяніе только на общее развитіе юноши, умственный кругозоръ котораго расширился въ средѣ талантливыхъ товарищей. Но надъ этимъ расширеніемъ, кажется, больше, другихъ работалъ онъ самъ—кое-что онъ почитывалъ а главное—наблюдалъ; общеніе съ весьма разнообразными классами общества, начиная съ лицейскаго начальства, кончая крестьянами городскихъ предмѣстій, куда онъ часто заглядывалъ, давало не мало пищи его остроумію и фантазіи. Яркій слѣдъ этой изопрямляющей наблюдательности остался на его удѣлѣвшихъ литературныхъ школьныхъ опытахъ и, вѣроятно, этотъ слѣдъ былъ еще болѣе замѣтенъ на тѣхъ его сатирахъ и памфлетахъ, которые онъ писалъ также въ школѣ и которые, къ сожалѣнію, утратились. Много интересовался Гоголь въ эти юношескіе годы и театромъ: онъ ставилъ пьесы и самъ игралъ и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ. Не всего болѣе онъ въ эти годы думалъ, думалъ о самыхъ различныхъ и иногда очень серьезныхъ вопросахъ и они-то и были источникомъ его грусти.

*) «Письма Н. В. Гоголя». Редакція В. И. Шенрока. Спб. 1901, I. 260.

Стоить только перелистать школьную переписку Гоголя, чтобы увидеть, какая передъ нами сложная психическая организація. Эта юношеская переписка необычайно важна для характеристики всего склада его души. Ознакомимся же съ этими ранними признаніями, въ которыхъ мы безъ труда узнаемъ совсѣмъ еще юнаго «искателя правды», т.-е. члена той у насъ довольно распространенной семьи моралистовъ отъ рожденія, для которыхъ жизнь—рядъ поводовъ терзать свою душу разными трудными вопросами. Дѣйствительно, въ раннихъ письмахъ Гоголя, передъ нами длинная веревка такихъ серьезныхъ размышленій, иногда изложенныхъ въ удивительно вычурномъ, патетическомъ тонѣ, который звучитъ подчасъ неискренно и непріятно. Но такое вычурное патетическое выраженіе бываетъ нерѣдко прямымъ слѣдствіемъ повышенности очень искренняго чувства, слишкомъ еще интенсивнаго и потому не способнаго изъ нѣсколькихъ выраженій выбирать себѣ наиболѣе подходящее; и у Гоголя, какъ извѣстно, эта вычурность языка всегда проступала наружу, когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь сердцу его наиболѣе дорогомъ и близкомъ.

Одна мысль въ его дѣтскихъ письмахъ останавливаетъ на себѣ преимущественно наше вниманіе. Это мысль о томъ, что я — странная натура, иначе, чѣмъ другія, созданная, чувствующая и думающая иначе; куда идти мнѣ и какой избрать родъ дѣятельности, соответствующій той силѣ, какую я въ себѣ чувствую?

Какъ видимъ, это та же самая мысль, съ которой Гоголь легъ въ могилу.

Гоголь еще въ самую раннюю пору жизни произвелъ себя въ какую-то загадочную натуру и какъ будто гордился этимъ: онъ почему-то думалъ, что уже успѣлъ испить отъ житейской печали и скорби, что вообще его отношеніе къ жизни совсѣмъ иное, чѣмъ у другихъ людей его возраста. На обыкновенномъ школьномъ языкѣ такое состояніе духа иногда называютъ «ломаньемъ», но если доля такого «лома» и была въ ранней исповѣди Гоголя, то въ цѣломъ эта исповѣдь все-таки была правдива: что-то необычное и пока неизъяснимое сознавалъ въ себѣ этотъ странный юноша.

Вотъ что онъ пишетъ матери наканунѣ выхода изъ школы: «Я больше испыталъ горя и нужды, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать расцѣяность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ принижаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагоприятностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слышалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; ни кто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педагогомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ

людей. Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ... Нѣтъ я, слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастья» *).

Читая это письмо, бѣдная Марія Ивановна, вѣроятно, вѣрила каждому слову своего сына, тѣмъ болѣе, что и раньше онъ въ своихъ письмахъ говорилъ ей приблизительно то же, только не все сразу, какъ онъ это сдѣлалъ въ этомъ признаніи. Мы можемъ быть болѣе строги и можемъ увидеть въ этихъ словахъ преувеличеніе, которое тѣмъ не менѣе весьма характерно. Преувеличивать Гоголь любилъ и позднѣе: ему всегда казалось, что жизнь на него смотритъ гораздо болѣе страшными глазами, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; но эти раннія жалобы на одиночество, на неловкое, трудное, страдательное положеніе среди людей—показатели, хотъ и неопредѣленнаго, но всетаки весьма задумчиваго отношенія юноши къ тому, мимо чего мы обыкновенно въ юности проходимъ, т. е. къ общему смыслу жизни, который для большинства теряется за раздробленными впечатлѣніями отдѣльныхъ минутъ и частныхъ будничныхъ столкновений.

Иногда въ итогѣ такого обобщенія житейскихъ встрѣчъ и явленій получался у нашего мечтателя вызывающій и презрительный отзывъ о людяхъ. Въ письмѣ къ одному пріятелю Гоголь въ такихъ словахъ говорилъ о своей лицейской жизни. «Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодѣтельной свободы: не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время! (Рѣчь идетъ объ экзаменахъ)... Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе чловѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ **»). Все это очень риторично и некрасиво высказано. Но во всей этой тирадѣ и тому подобныхъ, которыхъ въ письмахъ Гоголя не мало, есть и нѣчто истинное и искреннее; это—неясное пока чувство своего превосходства, чувство ничѣмъ еще не оправданное и потому лишь патетически высказанное и ввинченное. Ставить юношѣ въ упрекъ это раннее самолюбіе, это подчеркиваніе своего отличія отъ всѣхъ остальныхъ людей, это кокетничанье своей загадочностью—можно, но надо помнить, что этотъ порокъ вытекалъ, безсознательно для самого

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 97—98.

***) «Письма Н. В. Гоголя», I, 75.

Гоголя, изъ безспорнаго превосходства его ума и чувства, въ которомъ онъ не давалъ себѣ пока яснаго отчета.

Такое же неопредѣленное честолюбіе и плохо скрытая гордыня видны и въ его мечтаніяхъ о своемъ будущемъ, мечтаніяхъ, которымъ онъ часто отдавался въ школѣ и которыя повѣрялъ охотно своей матери. Это темное предчувствіе славы въ грядущемъ, увѣренность въ великомъ подвигѣ, который его ожидаетъ—явленія довольно обычныя въ юношеской жизни людей крупныхъ. Они не должны удивлять насъ и въ Гоголѣ. Однако, въ этихъ мечтахъ нашего лицейста о будущей своей славѣ есть нѣчто опять-таки очень своеобразное.

Въ 1826 году, въ веселую и добрую минуту онъ пишетъ матери: «Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ иногда, для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таялось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной) и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ. Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и на яву мнѣ грезятся Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ, но ежели счастье состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, — не совсѣмъ до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста» *).

Въ другую, печальную минуту, вспоминая своего покойнаго отца, онъ пишетъ матери: «Сладостно мнѣ быть съ нимъ (т.-е. съ образомъ усопшаго), я заглядываю въ него, т.-е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія... Черезъ годъ вступаю я въ службу государственную» **).

«Какъ угодно, почитайте меня, но только съ настоящаго моего прищца вы узнаете настоящій мой характеръ—пишетъ онъ матери, уже прощаясь съ Нѣжиномъ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрѣкъ благу... Вы увидите, что современемъ за всѣ худыя дѣла людей я буду въ состояніи заплатить благодареніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро» ***).

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 58, 59.

***) «Письма Н. В. Гоголя» I, 68.

****) «Письма Н. В. Гоголя» I, 98.

Итакъ, скорѣй въ Петербургъ. «Уже ставлю мысленно себя въ Петербургъ, — мечталъ онъ, — въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно жить въ такомъ райскомъ мѣстѣ или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведеть мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ!» *). Читая всѣ эти размышленія о предстоящемъ подвигѣ на благо людей и эти постоянные вздохи о Петербургѣ и службѣ трудно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ что именно въ данномъ случаѣ такъ разжигало фантазію Гоголя. Было ли это въ самомъ дѣлѣ высокое честолюбіе, унаслѣдованное отъ предковъ, какъ утверждаетъ одинъ биографъ **). Едва ли. Вѣрнѣе предположить, что столь популярное тогда слово «служба» и слово «служеніе» совпадали въ мечтахъ Гоголя о своемъ будущемъ. Дѣйствительно, нашъ художникъ всю жизнь признавалъ себя «служителемъ» общественнаго блага и даже тогда, когда отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ пришлось отказаться, онъ не переставалъ смотрѣть на свою писательскую дѣятельность, какъ на «службу» государству, и раздавалъ направо и налѣво совѣты государственной мудрости. Такъ и въ юные годы слилось у него представленіе о службѣ въ Петербургѣ съ представленіемъ о служеніи на благо ближняго.

Но самое поразительное въ этихъ мечтахъ юноши, это полное молчаніе о писательской карьерѣ: Гоголь настойчиво говоритъ о своемъ желаніи принести людямъ пользу, облагодѣтельствовать ихъ, и кромя «службы» онъ не видитъ иного пути для достиженія этой цѣли; онъ какъ будто не желалъ замѣгить, что въ его распоряженіи находится совсѣмъ особый даръ для служенія людямъ. Нельзя, однако, предполагать, что онъ совсѣмъ не сознавалъ въ себѣ этого дара, и потому-то молчаніе о немъ такъ странно. У писателей замѣчается обыкновенно еще въ дѣтствѣ большое пристрастіе и большое довѣріе къ будущему своему излюбленному дѣлу: они дѣтьми о немъ мечтаютъ. Гоголь въ данномъ случаѣ составлялъ исключеніе. Насколько позднѣе онъ высоко цѣнилъ свою писательскую дѣятельность, считая ее боговдохновеннымъ пророчествомъ, настолько небрежно относился онъ къ ней въ ранней юности и даже, какъ сейчасъ увидимъ, въ первые годы своей литературной работы.

А между тѣмъ въ школѣ онъ трудился надъ своимъ литературнымъ образованіемъ довольно усердно и самъ подписывалъ не мало и охотно.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 78.

***) Срав. А. Колловичъ. «Дѣтство и юность Гоголя». «Московский Сборникъ». С. Шарапова. М. 1887 г., стр. 224.

III.

Литературные опыты въ школь.—Неоконченныя историческія повѣсти.—Идиллія «Ганцъ Кюхельгартель».—Ея содержаніе и біографическое значеніе.—Туманные идеалы.—Впечатлѣніе, произведенное Петербургомъ.—Неудача съ идилліей.—Выгство за границу.—Тревожное состояніе духа и успокоеніе.—Возвращеніе въ Петербургъ и поступленіе на службу.—Работа надъ «Вечерами на хуторѣ».—Ихъ выходъ въ свѣтъ въ 1831 и 1832 гг.

Гоголь пробовалъ свои силы и въ стихахъ, и въ прозѣ, пробовалъ въ разныхъ тонахъ, и веселыхъ, и грустныхъ, и въ различныхъ формахъ, и лирической, и повѣствовательной. Писалъ онъ сатиры и стихи на случай, наполняя ими издававшіеся въ лицѣ рукописные журналы, написалъ какую-то трагедію «Разбойники», набросалъ нѣсколько историческихъ повѣстей и много потрудился надъ идилліей въ стихахъ, которая и была первымъ его произведеніемъ, появившимся въ печати. Біографъ Гоголя замѣтилъ совершенно вѣрно, что въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ нашъ писатель предпочиталъ высокій стиль низкому и отдавалъ предпочтеніе патетическимъ темамъ передъ комическими *).

Патетиченъ былъ онъ, когда въ Нѣжинѣ воспѣвалъ Италію, когда впервые съ чужихъ словъ говорилъ объ этой странѣ лимоновъ и миртъ, которая впоследствии стала для него второй отчизной. Онъ воспѣвалъ ее въ стихахъ, не совсѣмъ гладкихъ и звучныхъ, но зато въ мечтахъ предъ нимъ звучали и лились «октавы» Тассо. Патетично настроенъ былъ онъ, когда писалъ свой историческій романъ «Гетьманъ», въ которомъ рассказывалъ страшное преданіе о томъ, какъ нѣкій благочестивый дьяконъ пошелъ усовѣщевать безбожныхъ ляховъ въ ихъ гнѣздо разврата, какъ его повѣсили на соснѣ, какъ затѣмъ постигла эта сосна, подобно мертвецу, какъ кивала убійцѣ своей всклокоченной бородою, какъ она сквозь стѣну его спальни простерла къ нему свои колючія вѣтви, съ которыхъ капала на него невинная кровь. И уже въ этомъ романѣ, отъ котораго сохранилась только одна глава, можно было замѣтить мастерство пріемовъ Гоголя въ описаніи природы, въ реализмѣ діалоговъ, въ умѣніи пользоваться фантастичнымъ и страшнымъ. Патетиченъ и страшенъ былъ нашъ молодой писатель и въ другомъ своемъ историческомъ романѣ, когда описывалъ монастырскую темницу, гдѣ «цѣлыя лоскутья паутины висѣли темными клоками съ земляного свода, гдѣ обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу, гдѣ на одной изъ этихъ кучъ торчали человѣческія кости, гдѣ летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ, гдѣ, наконецъ, сова и летучая мышь были бы красавицами». Ужасъ возбуждалъ нашъ рассказчикъ въ читателѣ, когда гово-

*) В. И. Шенрокъ. «Матеріалы для біографіи Гоголя». I, 88.

рилъ о несчастномъ плѣнникѣ, для котораго эта темница была предназначена, плѣнникѣ, который весь съ ногъ до головы былъ увязанъ ружьями, придавленъ пушечнымъ лафетомъ и привязанъ толстымъ канатомъ къ стѣдлу. «Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту этого несчастнаго — и онъ бы (т. е. мѣсяцъ), вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть лица его, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшотку»... Не всегда, впрочемъ, нашъ авторъ писалъ въ такомъ романтически-ужасномъ стилѣ. Въ третьей своей повѣсти «Страшный кабанъ», уцѣлѣвшей также лишь въ отрывкахъ, онъ набросалъ рядъ жанровыхъ картинокъ изъ малороссійской жизни, въ которыхъ былъ уже видѣнъ авторъ «Вечеровъ на хуторѣ». Здѣсь была дана иѣткая, полная юмора, характеристика школьнаго учителя, тщательно вырисованныя сценки сельской жизни и рассказана очень граціозная, веселая любовная идиллія, которая потомъ будетъ такъ часто попадаться въ его малороссійскихъ повѣстяхъ.

Среди всѣхъ этихъ отрывковъ и литературныхъ плановъ «Ганцъ Кюхельгартенъ» — идиллія въ стихахъ — представляетъ наибольшій интересъ для біографа. Въ художественномъ отношеніи эта идиллія стоитъ неизмѣримо ниже прозаическихъ отрывковъ изъ недописанныхъ романовъ Гоголя, но она имѣетъ совсѣмъ иное значеніе: она документъ, важный для опредѣленія настроенія, въ какомъ находился нашъ мечтатель въ послѣдніе годы своей лицейской жизни. Эта странная греза съ ея героемъ изъ нѣмцевъ и съ обстановкой не русской, была въ сущности страницей изъ жизни самого автора, который скрылся подъ псевдонимомъ. Гоголь вложилъ много души въ эту сентиментальную повѣсть, которая причинила ему затѣмъ столько огорченій. Въ ней, безспорно, были самыя свѣжія воспоминанія и намеки на собственныя думы и впечатлѣнія, что между прочимъ, подтверждается сходствомъ нѣкоторыхъ строфъ этой идилліи съ письмами Гоголя послѣднихъ лѣтъ его лицейской жизни. В. И. Шенрокъ далъ убѣдительные примѣры такихъ совпаденій *) и тѣмъ самымъ рѣшилъ вопросъ и объ оригинальности «Ганца». Давно было указано на довольно извѣстную идиллію Фосса «Луиза», какъ на оригиналъ, который могъ служить Гоголю образцомъ для его «Ганца» — предположеніе, которое напрашивалось въ виду общаго тона и сентиментальнаго настроенія въ этихъ двухъ памятникахъ. Сходство это однако чисто-внѣшнее, и у Фосса нѣтъ и намека на тотъ типъ, который данъ въ самомъ Ганцѣ. Но если даже и предположить въ данномъ случаѣ заимствованіе, то оно ничуть не измѣняетъ стоимости этого перваго опыта для біографа Гоголя. Западный образецъ надо въ крайнемъ случаѣ признать не за ориги-

*) В. И. Шенрокъ. «Матеріалы для біографіи Гоголя» I, 159.

наль, съ котораго Гоголь списывалъ, а за предлогъ, который натолкнулъ Гоголя на мысль воспользоваться сходной внѣшней формой для выраженія своего внутренняго чувства. Припомнимъ содержаніе этой юношеской грезы.

Подъ тѣнью липъ стоитъ уютный домикъ пастора... Патриархальную жизнь ведутъ его обитатели. Старый пасторъ среди мирной своей семьи какъ бы предвкушаетъ вѣчный миръ небесныхъ селеній и веселая весенняя природа улыбается ему, какъ вѣстникъ вѣчнаго свѣта, тепла и радости. Семья его не велика, но зато при немъ его Луиза, рѣзвая, свѣжая, любящая, какъ ангелъ-посѣтитель, озаряющая закатъ его дней. Все бы обстояло въ этой семьѣ благополучно, когда бы только не Ганцъ. Странный человекъ этотъ Ганцъ! Онъ вѣрно боленъ. Онъ обнаруживаетъ всѣ симптомы романческаго душевнаго расстройства. Въ часъ полночи, часъ мечтаній, сидитъ онъ за книгою преданій и перевертывая листы, ловить въ ней только нѣмыя буквы. Онъ живетъ въ вѣкахъ прошлыхъ; очарованъ чудесной мыслью, сидитъ онъ подъ сумрачной тѣнью дуба и простираетъ руки къ какой-то тайной тѣни. Онъ страдаетъ отъ прозы жизни, его тянетъ вдаль, вдаль не только пространства, но и времени. Онъ вздыхаетъ по древней Греціи, по ея свободѣ, славнымъ дѣламъ и прекраснымъ созданіямъ искусства.

И Ганцъ рѣшается бѣжать, прощѣвъ предварительно подъ окномъ своей невѣсты прощальную пѣсню. Гоголь, конечно, читалъ Байрона, такъ какъ не даромъ, когда Ганцъ, постоявъ нѣкоторое время въ раздумьи, удаляется, окутанный туманомъ, подъ вой вѣтра—

Вѣрный пѣсъ какъ бы въ укоръ
Прояляль звучно на весь дворъ.

Въ эту ночь разлуки Луиза видѣла тяжелый сонъ; ей приснилось, что она въ темной пустынѣ, что вокругъ нея туманъ и глушь... По примѣру Татьяны, которая видѣла тотъ же сонъ, Луиза успѣшила найти разгадку своего сновидѣнія и вообще бѣгства Ганца въ его собственномъ кабинетѣ. Вмѣстѣ съ матерью онѣ начали рыться въ его книгахъ и романтическая тайна обнаружилась:

Вотъ входятъ въ комнату онѣ,
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежитъ въ густой пыли томъ давній
Платонъ и Шиллеръ своенравный.
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ,
Да позабытый Винкельманъ.

Подборъ книгъ чрезвычайно любопытный. Это—библіотека, въ которую вошли всѣ лучшіе выразители тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые преобладаютъ въ поэзіи самого Гоголя. Платонъ и Шиллеръ, какъ пѣвцы того міра идей, тоска по которомъ не покидала нашего

писателя во всѣ моменты его жизни; Петрарка, какъ пѣвецъ неземной любви, влюбленный въ воздушный женскій образъ, которымъ бредила разгоряченная фантазія поэта; Аристофанъ—Гоголь афинской республики; Винкельманъ—восторженный жрецъ античной красоты и, наконецъ, Тикъ, средневѣковой Паладинъ, кудесникъ, живущій въ такомъ ладу со всѣмъ міромъ привидѣній.

Цѣлыхъ два года пространствовалъ Ганцъ, помышляя о жертвахъ слѣпой бренности. Старикъ тѣмъ временемъ умеръ, надъ его могильнымъ холмомъ шумятъ смиренно два зеленыхъ явора... А Луиза?.. она ходитъ на его могилу и опершись лилейной рукой на урну сидитъ долго въ раздумьи. Она въ своей томной грусти какъ серафимъ, который тоскуетъ о пагубномъ паденіи человѣка. Она по прежнему ждетъ Ганца. Наконецъ онъ возвращается. Но кто бы узналъ въ немъ прежняго Ганца? Житейскій опытъ превратилъ юнцу въ старца. Его житейская мудрость свелась къ правилу, которое гласило, что если въ человѣкѣ нѣтъ желѣзной воли и силъ исполнить великое предназначеніе, то лучше въ скромной тишинѣ протекать по полю жизни, довольствоваться скромной семьей и не внимать шуму свѣта. Такъ дѣйствительно и поступилъ Ганцъ, вернувшись къ своей Луизѣ. Тяжкій сонъ страданій спалъ съ его души, онъ переродился живой и спокойный, женился на Луизѣ... и потекли для нашего Ганца мирные годы счастья.

Ганцъ — портретъ самого Гоголя, конечно идеализированный, но въ основныхъ чертахъ вѣрный. Тревожное состояніе духа, неясность желаній, тоска по какому-то идеалу, стремленіе вдаль, на поиски за тѣмъ-то непонятнымъ, недовольство скромной дѣйствительностью— всѣ эти приступы романтической болѣзни испыталъ на себѣ очень рано и Гоголь. Въ одномъ только идилліи не совпала съ жизнью поэта—онъ не примирился и не пожелалъ въ скромной тишинѣ «протекать по полю жизни»—онъ всю жизнь тосковалъ по великомъ дѣлу и по высокому идеалу; онъ искалъ его сначала вокругъ себя, потомъ адали, наконецъ въ себѣ самомъ и, измученный этими поисками умеръ.

Подводя общій итогъ всѣмъ разрозненнымъ намекамъ, которые мы находимъ въ юношескихъ письмахъ Гоголя и въ его раннихъ литературныхъ опытахъ, мы получаемъ въ высшей степени неясное впечатлѣніе о складѣ его ума и вообще объ его настроеніи. Ясно только одно, что передъ нами очень сложная натура, нервная, въ которой настроенія мѣняются очень часто, склонная отъ природы къ меланхоліи; натура очень гордая и скрытная, съ очень высокимъ мнѣніемъ о себѣ и увѣренная въ томъ, что она современемъ оправдаетъ это самомнѣніе; натура богато одаренная литературнымъ талантомъ, съ умомъ рѣзкимъ, саркастическимъ и насмѣшливымъ и съ сердцемъ, полнымъ самаго расплывчатого лиризма. Какая на его долю выпадетъ дѣятельность, мальчижъ

пока не знаетъ, и только смутное представленіе о службѣ государству окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ всѣ его надежды на будущее. Съ этой службой тѣсно связано у него понятіе вообще о плодотворной дѣятельности на пользу людей, которые ждутъ отъ него чего то и которыхъ онъ, очевидно, любитъ, хотя и самой неясной, чисто сентиментальной мечтательной любовью. Въ этой любви нѣтъ никакихъ положительныхъ идеаловъ, на защиту которыхъ она должна быть направлена; все сводится къ туманнымъ, но заманчивымъ словамъ «добро» и «благо». Ко всѣмъ этимъ чувствамъ и размышленіямъ примѣшивается кромѣ того иногда настроеніе религиозное, правда не очень часто; и затѣмъ нѣкоторое ощущеніе тяготы дѣйствительностью: нашъ мечтатель тоскуетъ по иному порядку жизни, чѣмъ тотъ сѣрый, будничныи, среди котораго ему приходится вращаться. Это представленіе объ иномъ порядкѣ жизни не связано опять-таки ни съ какимъ определеннымъ понятіемъ объ условіяхъ реального существованія, это просто ощущеніе разлада между мечтой и дѣйствительностью, между туманнымъ желаемымъ и оскорбительно яснымъ настоящимъ—разлада, который особенно ощутительно чувствуютъ натуры мечтательныя, сентиментальныя или, какъ ихъ иногда называютъ, «романтическія».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ мечтатель и философъ болѣе чѣмъ кто либо умѣетъ въ этой сѣрой дѣйствительности найти и отгнѣнить то, что всегда помогаетъ переносить ея однообразіе—а именно ея смѣшную сторону. Многое весьма серьезное и глубокое угадываетъ онъ, этотъ еще неопытный искатель правды, и кажется только одного не подозреваетъ пока, это — своего призванія какъ художника. И, даже поздиѣ, когда придется ему убѣдиться въ силѣ своего художественнаго таланта, онъ и тогда не сумѣетъ оцѣнить его какъ слѣдуетъ: все ему будетъ казаться, что этотъ талантъ цѣненъ не самъ по себѣ, а лишь тѣми нравственными истинами, которымъ онъ служить.

Такова была эта мятежная душа, когда она сочиняла свою мирную идиллію:

Живаго юности стремленья
 Такъ испестрялися мечты.
 Порой, небеснаго черты,
 Души прекрасной впечатлѣнья
 На немъ лежали; но чего,
 Въ волненьяхъ сердца своего,
 Искать онъ думою неясной,
 Чего желать, чего хотѣлъ
 Къ чему такъ пламенно летѣлъ
 Душой и жадноу, и страстной
 Какъ будто міръ желать обнять,
 Того и самъ не могъ понять.
 Ему казалось душно, пыльно
 Въ сей позаброшенной странѣ,

И сердце билось сильно, сильно
 По дальней, дальней сторонѣ.
 Тогда когда бъ вы повидали,
 Какъ воздымалась буйно грудь,
 Какъ взоры гордо трепетали,
 Какъ сердце жаждало прильнуть
 Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной,
 Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
 Какая жаркая слеза
 Живые наполнила глаза! («Ганцъ Кюхельгартенъ», Картина V).

Въ такомъ восторженно-неясномъ настроеніи былъ нашъ мечтатель, когда приходили къ концу годы его школьной жизни. Тягость этого настроенія была имъ глубоко прочувствована; онъ ждалъ избавленія и примиренія и оно рисовалось ему вдали какъ награда за всѣ его тревоги. Юноша нашъ разсуждалъ такъ:

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
 Когда въ порѣ самопознанья,
 Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
 Тотъ, небомъ избранный, постигъ
 Цѣль высшую существованья;
 Когда не гревъ пустая тѣнь,
 Когда не славы блескъ мишурный
 Его тревожатъ ночь и день,
 Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
 Не мысль и вѣршка, и бодря
 Его одна объемлетъ, мучитъ
 Желаньемъ блага и добра;
 Его трудамъ великимъ учить.
 Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
 Вотще безумно чернь кричатъ:
 Онъ твердь средъ сихъ живыхъ обломковъ
 И только слышитъ, какъ шумитъ
 Благословеніе потомковъ. («Ганцъ Кюхельгартенъ», Картина XVII. Дума).

Вѣроятно, что это благословеніе потомковъ слышалось издали и нашему мечтателю, когда наконецъ насталъ желанный мигъ и онъ садился въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ на службу.

Въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ рисовалась ему наша сѣверная столица — арена «гражданскихъ» его подвиговъ... Тѣмъ тяжелѣе и оскорбительнѣе было разочарованіе.

На самомъ дѣлѣ, ничего особенно грустнаго и печальнаго съ Гоголемъ въ Петербургѣ не случилось; никакія бѣды на голову его не падали—произошло самое обыкновенное: холерный ребенокъ попалъ въ чужой городъ, гдѣ никому до него не было дѣла и гдѣ, ни отъ жизни, ни отъ людей нельзя было ждать ласки, а Гоголь въ ней всегда нуждался.

Заставимъ его самого разсказать намъ о томъ, чѣмъ ему Петербургъ такъ не понравился; мы увидимъ, что главная причина недовольства—

было именно отсутствіе ласки и красоты въ его Петербургской обстановкѣ и отсутствіе вообще подъема духа въ этой для него новой, сѣрой и мелко-дѣловитой жизни. Первый разъ молодому фантазеру пришлось испытать на дѣлѣ разладъ мечты и дѣйствительности, и на первыхъ порахъ этотъ разладъ явился передъ нимъ въ очень несложномъ обычномъ и пока милостивомъ своемъ видѣ.

«Скажу вамъ—пишетъ онъ матери—что Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали другіе о немъ, также живы. Жить здѣсь несравненно дороже, нежели думали. Это заставляетъ меня жить какъ въ пустынѣ: я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театр. Если я пойду разъ, то уже буду ходить часто: а это для меня накладно т.-е. для моего неплотнаго кармана...» *)

«Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. На Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые посѣлились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, обиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блещитъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ» **).

Очевидно, что взглядъ на «службу» у нашего мечтателя нѣсколько измѣнился и если Гоголь все таки продолжалъ искать этой службы для себя, то это надо объяснять уже не прежнимъ романтическимъ увлеченіемъ «службой какъ средствомъ работать на благо людей, а менѣе сложными соображеніями чисто-матеріальнаго свойства.

Кажется, что отчасти, эти же соображенія побудили Гоголя попытать свое счастье и на иномъ поприщѣ, чѣмъ служебное, а именно, на литературномъ. Говоримъ кажется, потому что прямыхъ указаній на мотивы, которые заставили Гоголя печатать то, что у него накопилось въ портфель, и приступить къ новой работѣ у насъ нѣтъ. Въ своихъ письмахъ онъ говоритъ о своихъ литературныхъ планахъ неопредѣленно и не достаточно откровенно. Одно только ясно: въ этихъ письмахъ не видно совсѣмъ увлеченія своей литературной работой, въ нихъ нѣтъ того увѣреннаго тона, по которому мы могли бы заключить, что эта работа—его истинное «дѣло», его святое призваніе. И позднѣе, въ самый разгаръ работы надъ «Вечерами на хуторѣ», онъ все будетъ напирать на непосредственную выгоду, которую онъ можетъ получить отъ своей работы, и будетъ очень трезво говорить о томъ, о чемъ другой—столь

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 115.

***) «Письма Н. В. Гоголя» I, 117.

же даровитый художникъ, какъ онъ—сталъ бы говорить совсѣмъ иначе. Какъ бы то ни было, но вскорѣ послѣ прїѣзда въ Петербургъ Гоголь рѣшилъ напечатать своего «Ганца».

Нашъ авторъ едва ли могъ ожидать матеріальныхъ выгодъ отъ продажи этой идилліи, но, можетъ быть, онъ думалъ, что ея успѣхъ облегчитъ ему вообще дальнѣйшую его литературную работу. Онъ выпустилъ идиллію въ свѣтъ, однако, анонимно. На обложкѣ значилось, что она сочинена В. Аловымъ, а въ предисловіи говорилось отъ лица какихъ-то мнимыхъ издателей, что авторъ ея восемнадцатилѣтній юноша, что сама идиллія представляетъ изъ себя лишь разрозненные отрывки, что главный характеръ главнаго героя не дорисованъ, но что все таки издатели гордятся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомить съ созданіемъ юнаго таланта. Какъ видимъ это не совсѣмъ скромное предисловіе отзывалось нѣсколько рекламой. Но она не спасла идилліи.

«Ганецъ» былъ принятъ критикой враждебно. Сначала «Московский Телеграфъ», а затѣмъ «Сѣверная Пчела» расправились съ нимъ жестоко—такъ, по крайней мѣрѣ казалось автору, который впалъ въ отчаяніе и самъ предалъ казни своего первенца: онъ отобралъ изъ книжныхъ лавокъ и сжегъ почти всѣ экземпляры. Судъ былъ нѣсколько поспѣшный, тѣмъ болѣе, что критика, осудивъ этотъ юношескій опытъ, все-таки признала, что въ авторѣ замѣтно воображеніе и способность писать хорошіе стихи. Но самолюбіе Гоголя границъ и тогда уже не имѣло и этой суровой расправой со своей книгой онъ спасалъ себя отъ неприятныхъ намековъ и напоминаній въ будущемъ. Дѣйствительно, такъ какъ идиллія была написана и напечатана въ большомъ секретѣ отъ всѣхъ, даже близкихъ друзей, и такъ какъ съ книжнаго рынка она исчезла, то уязвленный авторъ могъ безъ опасеній забыть о ней—что онъ и сдѣлалъ.

Но эта неудача, довольно обычная въ жизни начинающихъ писателей, произвела въ первую минуту на Гоголя самое тягостное впечатлѣніе и очень своеобразно отразилась на его жизни.

Нашъ писатель вдругъ, совсѣмъ неожиданно, рѣшился покинуть Россію. Это было одно изъ тѣхъ мгновенныхъ рѣшеній, одна изъ тѣхъ выходовъ, на какія часто бываютъ способны нервные натуры. Смятеніе духа въ Гоголѣ было сильное и оно ясно выразилось въ томъ любовномъ письмѣ, которое онъ написалъ матери, извѣщая ее о своемъ внезапномъ отъѣздѣ за границу. Въ письмѣ рядомъ съ явнымъ лужью были и искреннія строки, очень цѣнныя.

«Я чувствую налегшю на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго!—писалъ Гоголь. Безумный! Я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимуую бездѣйственной разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю

*

чуждую, чтобы я тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣивать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута — богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проводимыя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!»

«Я рѣшился служить здѣсь во что бы ни стало; но Богу не было угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать».

Гоголь рассказывалъ въ этомъ письмѣ дальше что, съ нимъ случилось великое несчастье: онъ влюбился до безумія; все въ мірѣ стало для него чуждо, адская тоска со всевозможными муками закипѣла въ его душѣ; онъ въ порывѣ бѣшенства кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ и потому созналъ необходимость бѣжать отъ самого себя.

Вся эта пламенная исповѣдь была, однако, чистой выдумкой; послѣ тщательной провѣрки всего біографическаго матеріала оказывается, что никакой такой дамы не было, которая такъ неожиданно погнала бы Гоголя изъ Петербурга. Онъ просто подыскивалъ правдоподобный мотивъ, который могъ бы въ глазахъ матери объяснить его странное поспѣшное бѣгство изъ Россіи.

«Не огорчайтесь, добрая, несравненная маменька!—продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ. Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня: я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ (въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца): лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы мнѣ ихъ навѣкъ. Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ (нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное существо вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня)—по крайней мѣрѣ, всю жизнь посвящу для счастья и блага себѣ подобныхъ *).

Всѣ эти восторженные обѣщанія для насъ не новость, мы встрѣчали ихъ еще въ письмахъ лицейста и должны признать ихъ и въ данномъ случаѣ не за рисовку, а лишь за неумѣлое выраженіе искренняго порыва восторженной души, все еще не утратившей вѣры въ возможность работать на «благо» и «счастье» ближняго.

Врожденная сентиментальность и восторженность, не убитая петер-

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 123, 129.

бургской прозой, а лишь обманутая и раздраженная, она-то и заставила нашего мечтателя бѣжать въ чужіе края, искать за границей Россіи желаннаго совпаденія мечты и дѣйствительности; бѣжать безъ оглядки на послѣдніе деньги, унося съ собой все-таки надежду совершить нѣчто «полезное». Это неудержимое влеченіе вдаль, которое Гоголь подмѣтилъ въ себѣ самомъ еще тогда, когда вручилъ своему Ганцу Кюхельгартену страннической посохъ, эта надежда найти за предѣлами Россіи разгадку тѣхъ вопросовъ, на которые его наводила жизнь—остались навсегда характерными чертами его психической организаціи. Онъ въ трудныя минуты всегда будетъ помышлять о бѣгствѣ.

Такой попыткой бѣжать отъ призраковъ, обступившихъ его душу, и была его первая поѣздка за границу. Приблизительно въ этомъ же смыслѣ истолковывалъ эту поѣздку и самъ авторъ когда много лѣтъ спустя писалъ въ своей «Авторской исповѣди»: «Я никогда не имѣлъ влеченія или страсти къ чужимъ краямъ, я не имѣлъ также того безотчетнаго любопытства, которымъ бываетъ снѣдаемъ юноша, жадный впечатлѣній. Но, страшное дѣло, даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученья, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что, именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумывался объ этомъ, но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ; картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣе, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея» *).

Всѣхъ этихъ мыслей о Россіи у Гоголя въ 1829 году, конечно, не было; онѣ сложились и приняли такой настойчивый характеръ позднѣе, но надежда на то, что вдали ждешь что-то, что обѣщаетъ и проясненіе мысли, и успокоеніе взволнованнаго чувства, эта надежда могла въ душѣ Гоголя зародиться и въ очень ранніе годы.

Гоголь пробылъ за границей всего лишь три мѣсяца и послѣшно вернулся обратно. Какъ можно судить по нѣкоторымъ весьма немногочисленнымъ письмамъ, состояніе его духа за этотъ срокъ времени было очень смутное. Его охватило знакомое намъ непонятное вол-

*) «Сочиненія Гоголя. X-ое изданіе», 1899 IV, 260.

неніе, которое выражалось теперь въ сѣтованіяхъ на Бога, зачѣмъ Онъ, создавъ такое единственное или, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ сердце, какъ его, создавъ такую душу, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному, облекъ ее въ такую грубую оболочку? Гоголь какъ будто угадывая, что о немъ будетъ говорить потомство, спрашивалъ Бога, зачѣмъ онъ допустилъ въ его душѣ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?

Но смѣна впечатлѣній все-таки свое дѣло сдѣлала. Новая обстановка и новые люди заинтересовали Гоголя, и онъ въ письмахъ своихъ къ матери очень подробно и спокойно рассказывалъ о томъ, что ему пришлось видѣть новаго въ Любекѣ и Гамбургѣ, двухъ городахъ, дальше которыхъ онъ и не поѣхалъ. Впрочемъ, мечта и въ данномъ случаѣ значительно опередила дѣйствительность. Онъ ожидалъ отъ чужихъ странъ большаго. Онъ думалъ, что любопытство его будетъ рагораться постепенно. «Ничего не бывало. Я въѣхалъ (въ Любекъ) такъ, какъ бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто. Никакого особеннаго волненія не испыталъ я». Но въ этомъ отсутствіи волненія, быть можетъ, и заключался самый осязательный и благотворный результатъ путешествія. Гоголь самъ это чувствовалъ, когда писалъ матери, что теперь онъ въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность, что новыя занятія дадутъ силу его душѣ быть равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ. Нашъ странникъ, повидимому, настолько успокоился, что былъ даже въ состояніи довольно трезво обсудить свой собственный поступокъ. «Вотъ вамъ мое признаніе—писалъ онъ матери по поводу своей первой поѣздки:—одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однако-жъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи увѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко *)». Тотъ-же трезвый тонъ слышится и черезъ мѣсяцъ, когда Гоголь уже рѣшилъ поскорѣй вернуться во свояси. «Въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться на службу, писалъ онъ матери. Тогда съ обновленными силами примусь за трудъ и посвящу ему всю жизнь свою. Можетъ быть, Богу будетъ угодно даровать мнѣ возможность загладить современемъ мой безразсудный поступокъ**).

Онъ и загладилъ его очень скоро, возвратясь въ Петербургъ и поступивъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1830 года, на службу въ департаментъ удѣловъ.

Этотъ годъ и два за нимъ слѣдующихъ—эпоха очень знаменательная въ жизни Гоголя: это годы созданія его «Вечеровъ на хуторѣ», съ которыхъ началась его литературная слава и вмѣстѣ съ тѣмъ пер-

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 136.

***) «Письма Н. В. Гоголя» I, 138.

вые годы сознательной выработки въ себѣ художника подъ непосредственнымъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина, съ которыми Гоголь въ это время познакомился и очень быстро сошелся.

За исключеніемъ этихъ знакомствъ, кругъ которыхъ постепенно расширялся, во внѣшней жизни Гоголя никакихъ особыхъ переменъ не произошло. Онъ служилъ на маленькомъ мѣстѣ, жалованье получалъ весьма скромное, порой нуждался и на эту нужду жаловался. Свои финансовые недочеты пополнялъ частью заказной литературной работой, отчасти уроками и гувернерствомъ. Во всякомъ случаѣ, сѣрая и прозаическая сторона жизни была для него опутима не меньше, чѣмъ прежде и быть можетъ она давала себя чувствовать еще сильнѣе теперь, когда въ обществѣ Жуковскаго и Пушкина, разгорался въ Гоголѣ энтузіазмъ художника и міръ художественной мечты приобреталъ для него особую прелесть.

Однимъ изъ способовъ смячить тяготу прозаической жизни была и работа надъ малороссійскими новѣстями и сказками, изъ которыхъ потомъ составились «Вечера на хуторѣ». Эти повѣсти, съ одной стороны, должны были принести матеріальную пользу, съ другой—дать писателю возможность позабыться въ мечтахъ.

Писались эти рассказы довольно долго—цѣлыхъ три года, съ 1829 до 1831 г.—и авторъ, созидавая ихъ, на первыхъ порахъ менѣе всего думалъ объ ихъ литературной цѣнности: онъ не угадывалъ ихъ силы и значенія, и говорилъ о нихъ совсѣмъ не такъ, какъ художникъ говорить о своемъ любимомъ твореніи.

«Теперь, почтеннѣйшая маменька, теперь васъ прошу сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій — пишетъ онъ матери въ 1829 г.— Вы много знаете обычаи и нѣвы малороссіянь нашихъ и потому вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно... Я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ самыхъ наименѣе перемѣвившихся малороссіянь... Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская ни малѣйшихъ подробностей... Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказавій, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно... Еще прошу васъ высать мнѣ двѣ паливѣквы малороссійскія комедіи: «Овца-собака» и «Романа съ Пароскою». Здѣсь такъ занимается всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ не-

удача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и такъ дагѣе *)).

И Гоголь неоднократно повторяетъ такія просьбы въ своихъ письмахъ. Его «отдохновеніе», подѣ которымъ онъ подразумѣвалъ свою писательскую работу, должно ему въ скорости принести существенную пользу **). Онъ проситъ мать собирать ему свѣдѣнія объ играхъ (карточныхъ), о хороходныхъ пѣсняхъ, а главное рассказываемыя простолюдинами повѣрья, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Гоголь такъ занятъ этимъ собираніемъ матеріала, что онъ не забываетъ о немъ даже во время пребывания своего за границей; накануне отъѣзда за границу, онъ извѣщаетъ мать, что въ тиши уединенія онъ «готовитъ запасъ», который не хочетъ выпустить въ свѣтъ, пока порядочно не обработаетъ. У него мелькаетъ даже мысль издать весь этотъ «запасъ» на иностранномъ языкѣ. Не успѣвъ онъ вернуться изъ-за границы, какъ опять проситъ собирать для него всякія древнія монеты и рѣдкости, старопечатныя книги, другія «антики»; онъ хочетъ прислужиться этимъ одному вельможѣ, отъ котораго зависитъ улучшение его участи. Ему очень хотѣлось бы имѣть «старыя записки, веденныя предками какой-нибудь старинной фамиліи, стародавнія рукописи про времена гетьманщины... «Это составляетъ мой хлѣбъ»—пишетъ онъ матери.

Размѣръ и содержаніе труда или «запаса», надѣ которымъ Гоголь работалъ, недостаточно ясно опредѣляются всѣми этими указаніями. Легко можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду написать обширное этнографическое и историческое изслѣдованіе о Малороссіи: на это указываетъ, нпр., его желаніе издать свой трудъ на иностранномъ языкѣ, который едва ли былъ пригоденъ для того, чтобы на немъ писать повѣсти. Мы знаемъ также, что мысль о широкомъ планѣ историческаго труда и позднѣе очень долго занимала Гоголя. Во всякомъ случаѣ можно предположить, что чисто-художественная обработка собраннаго имъ матеріала, была не единственная, которую онъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ о своихъ литературныхъ планахъ.

Первая часть «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» вышла въ свѣтъ въ сѣрединѣ 1831 г., а черезъ годъ была издана вторая. Литературная репутація Гоголя была сразу твердо установлена; его талантъ былъ признакъ и оцѣненъ по достоинству, и самымъ авторитетнымъ литературнымъ трибуналомъ, и кругомъ самой простой читающей публики.

Ученическіе годы Гоголя окончились.

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 119—121.

***) «Письма Н. В. Гоголя» I, 122.

Въ психической жизни художника за эти годы, какъ мы видѣли, много туманнаго и трудно объяснимаго. Удивительное чередованіе веселости и глубокой меланхолиі съ перевѣсомъ послѣдней; необычайно живо работающая фантазія и рядомъ съ ней умъ очень зоркій; романтическое тяготѣніе къ неизвѣданному и неиспытанному, большая склонность къ размышленію и къ анализу своихъ собственныхъ ощущеній и мыслей, самолюбіе сильно развитое и очень близко подходящее къ самоувѣренію; увѣренность въ своихъ силахъ, пока еще не испытанныхъ; смутное представленіе о призваніи къ чему-то великому, но пока неизвѣстному взглядъ на этотъ грядущій подвигъ, какъ на нѣчто весьма для людей полезное и спасительное, а потому и сознание своего права строго судить людей, наконецъ, великій даръ художественнаго творчества—вотъ тѣ мысли, ощущенія, настроенія и силы, которыя владѣютъ Гоголемъ одновременно.

Со всѣми этими психическими факторами его жизни мы будемъ встрѣчаться и позже и они будутъ проявляться въ своеобразномъ, иногда весьма странномъ видѣ. Но теперь, когда Гоголь сталъ авторомъ «Вечеровъ на хуторѣ», мы должны на время оборвать рассказъ объ его жизни, чтобы перейти къ историко-литературной оцѣнкѣ его перваго художественнаго произведенія. Обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ облегчить намъ эту оцѣнку.

Н. Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груди облаковъ,
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенній полдень свѣтелъ, и на сѣверъ
Уходятъ тучи. Ылены золотые
И бѣлыя березки у балкона
Съвязать на небѣ рѣдкою листвою,
И хрусталею на нихъ сверкаютъ льдинки.
Онѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Бушуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно завлечены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топленныя печи—
Все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по саду пустому кружить вѣтеръ
И, листья подметая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтелъ день,
Но холодно,—до снѣга недалеко.

Въ концѣ аллеи есть старая калитка.
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
А въ лужѣ—вуча листьевъ. За калиткой
Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
И даль полей открыта... Много дней
Вдоль тѣхъ аллей, среди березъ гудящихъ
Подъ холодомъ и вѣтромъ я свитался,
Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
Забудь тебя, унять тоску разлуки,
Пока въ тоскѣ душа не истомилась,
Пока недугъ печали не сломилъ...
Теперь я отдыхаю. Одиноко
Проходятъ дни, но горе миновало.
Мнѣ весело глядѣть теперь на небо,
На облака, на солнце... Я съ улыбкой
Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
Весь день звенитъ и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга...
 Теперь на Черномъ морѣ непрерывно
 Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
 Скалистый берегъ, бѣшеный прибой
 И въ шумѣ волнъ—сверкающая пѣна...
 Ты помнишь этотъ берегъ, оваймленный
 Его широкой, свѣжною грядой?
 Бывало, мы сбѣжимъ къ нему съ обрыва
 И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вѣетъ
 Онъ бодростью и свѣжестью морской;
 Срываая брызги съ бурнаго прибоа,
 Онъ влажной пылью воздухъ наполняетъ
 И свѣжныхъ чаекъ носить надъ волнами.
 Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
 Онъ валитъ съ ногъ и заглушаетъ голосъ,
 А намъ легко и весело, какъ птицамъ...
 Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ?
 „Не надо думать въ радости и горѣ.
 Люби и грусть, и радость,—пѣсни жизни!“
 Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
 Деревня, глушь, забытая усадьба
 И только вѣтеръ тотъ же... Онъ играетъ
 Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
 И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
 Поетъ о чемъ-то звонко и высоко...
 Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,
 До слезъ о прошломъ? Жизнь не замедляетъ
 Свой вольный бѣгъ, она зоветъ впередъ,
 Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!
 Зачѣмъ смущать себя бесплодной думой,
 Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
 На это счастье,—что никто не знаетъ,
 Къ чему всѣ наши радости и скорби,
 Когда насъ ждетъ забвенье и ничто?
 Умру—и все-жъ останусь въ этомъ мірѣ,
 Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
 И пусть, пока я сознаю его,
 Пока я это чувствую и мыслю,
 Пусть сердце не смущается въ печали,
 Пусть любить все, что разлюбить не можетъ,
 Пусть познаетъ, что и печаль, и радость—
 Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ—жить!

Ив. Бунинъ.

НА ПОВОРОТѢ.

П О В Ъ С Т Ъ .

I.

20 іюля 1900 года въ томилинскомъ вокзалѣ стояла обычная суета, сопровождавшая приходъ вечерняго почтоваго поѣзда. Съ этимъ поѣздомъ пріѣхалъ изъ Пожарска Владиміръ Ниволаевичъ Токаревъ. Его встрѣтили на вокзалѣ его сестра Тania и фельдшерица земской больницы Варвара Васильевна Изворова. Они всѣ трое стояли въ залѣ второго класса, въ ожиданіи посылщика, ушедшаго получать багажъ Токарева.

— Вотъ досадную вещь я вамъ должна сообщить!—сказала Варвара Васильевна. — Я вамъ писала, — директоръ банка обѣщалъ мнѣ немедленно дать вамъ мѣсто въ банкѣ, какъ только пріѣдете. Вчера захожу къ нему, — оказывается, онъ совсѣмъ неожиданно уѣхалъ за границу, въ Карлсбадъ у него опасно заболѣла дочь. Спрашивала я помощника директора, — ему онъ ничего не говорилъ объ васъ... Такая досада! Придется вамъ ждать, пока воротится директоръ.

Варвара Васильевна говорила извиняющимся тономъ, какъ будто была виновата въ неожиданномъ отъѣздѣ директора. Токаревъ съ любовью и любопытствомъ приглядывался къ ея блѣдному, красивому лицу; онъ не видѣлъ ея четыре года, со времени своего петербургскаго студенчества.

— Такъ вѣдь не на годъ же уѣхалъ директоръ? — спросилъ онъ, улыбаясь ея тону.

— Нѣтъ, конечно. На мѣсяць, самое большее — на два. А пока мѣсть, знаете что? Поѣдьте къ намъ въ деревню. Я съ завтрашняго числа беру въ больницѣ отпускъ, нынче или завтра пріѣдутъ изъ деревни лошади.

— Варвара Васильевна, да вѣдь это превосходно! — радостно воскликнулъ Токаревъ. — Чего-жъ вы за меня огорчаетесь? Пожить въ деревнѣ, — лучшаго для себя я не могъ бы ничего и

придумать. Я такъ усталъ за это время, такъ усталъ!.. Только вотъ хорошо было бы, если бы и ты, Танька, съ нами поѣхала!— обратился онъ къ сестрѣ.

— Обязательно! Объ этомъ нечего и говорить!—рѣшительно произнесла Варвара Васильевна.

— Не знаю еще, посмотрю!—уклончиво отвѣтила Таня.

— Ну, чего тамъ,—„посмотрю!“—сказалъ Токаревъ.—Мнѣ, голубушка, хотѣлось бы и съ тобою побыть, посмотрѣть, чѣмъ ты стала... Вотъ ужъ не ждалъ-то, что увижу тебя здѣсь!—въ десятый разъ, повторилъ онъ, оглядывая Таню.

Подожелъ носильщикъ съ вещами.

— Куда прикажете извозчика брать?—спросилъ онъ Токарева, приложивъ руку къ козырьку.

Токаревъ, оживленный, съ блестящими глазами, взялъ ремни съ пледомъ.

— Какая у васъ тутъ есть гостинница недорогая?— обратился онъ къ спутницамъ.

— Ну, вотъ еще, зачѣмъ гостинница?—встрепенулась Таня.— Остановишься у насъ въ колоніи.

— Въ колоніи?—переспросилъ Токаревъ, поднявъ брови.— Посмотримъ, что за колонія!

Они вышли изъ вокзала. Къ подъѣзду подкатилъ извозчикъ въ выпѣтшемъ синемъ армякѣ, на дребезжащей пролеткѣ.

— Поѣжайте, господа,— сказала Варвара Васильевна,— а мнѣ нужно еще забѣжать въ больницу, сдѣлать двѣ перевязки. Я сейчасъ буду у васъ.

Носильщикъ уложилъ чемоданы, Токаревъ и Таня сѣли и поѣхали по шоссе, ведущему отъ вокзала къ городу. По бокамъ шоссе тянулись трактиры, съ синими вывѣсками и сѣрыми тесовыми крышами; солнце садилось, надъ шоссе стояла золотистая пыль, и самъ воздухъ казался отъ нея золотымъ. Токаревъ смотрѣлъ, и все вокругъ казалось ему милымъ и необычно-хорошимъ.

— Расскажи ты мнѣ толкомъ, какъ ты сюда попала,— обратился онъ къ Танѣ.— Въ февралѣ въ послѣдній разъ написала изъ Петербурга, и послѣ этого, какъ въ воду канула.

— Я тебѣ говорила,— всю весну мы пробыли тутъ на годѣ, въ артемьевскомъ уѣздѣ. Ну, я тебѣ скажу,— и насмотрѣлись! Жутко вспомнить. До іюня пробыли тамъ,—и все просядили, у кого какія были деньги; то-есть, понимаешь, ни гроша ни у кого не осталось! Ну, вотъ и пошли въ Томилиньскъ.

— Пошли?—удивился Токаревъ.

— Гдѣ шли, гдѣ на товарномъ поѣздѣ ѣхали... Очень было весело! Тутъ раздобыли работы, кто по статистикѣ, кто урочевъ.

Живемъ всё вмѣстѣ, — цѣлый, братъ, домъ нанимаемъ! За три рубля въ мѣсяцъ. Вотъ увидишь, славные подобрался ребята.

— Я кое-что слышалъ о твоей дѣятельности на голодѣ. Въ вагонѣ я разговорился съ однимъ земскимъ врачомъ, — Разсудинъ, кажется, фамилія. Онъ мнѣ много рассказывалъ о тебѣ.

— Разсудинъ? Что, что онъ говорилъ? — быстро спросила Тая, съ любопытствомъ поднявъ голову; ея большіе глаза самолюбиво заблестѣли.

Токаревъ лукаво улыбнулся.

— Однимъ словомъ, одобрялъ. А передавать не стану, — загордился... А скажи ты мнѣ лучше вотъ что: когда ты уѣхала на голодъ?

— Въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Какъ же ты съ экзаменами устроилась? Перешла на слѣдующій курсъ?

— Я ужъ зимою вышла съ курсовъ.

— Вы-ышла? — протянулъ Токаревъ и замолчалъ. — Почему? — коротко спросилъ онъ.

— Они мнѣ совершенно не нужны. Курсы важны только вначалѣ, чтобъ пріобрѣсти знакомства, попасть въ извѣстную среду. А разъ это ужъ есть, то что въ нихъ?

Токаревъ потемпѣлъ.

— Странно! — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Курсы, во всякомъ случаѣ, даютъ систематическое знаніе.

— Систематическое знаніе! — размѣялась Тая. — Дипломъ они даютъ, а не систематическое знаніе. Мнѣ не шестнадцать лѣтъ, я и безъ профессорской уязки сумѣю пріобрѣсти знанія.

— Я не понимаю, вѣдь тебѣ всего одинъ годъ оставался до окончанія! — раздраженно заговорилъ Токаревъ. — Что бы тебѣ помѣшалъ дипломъ? Кто знаетъ, что можетъ случиться въ будущемъ, — почему его не имѣть на всякій случай?

— Господи, какъ это скучно, — о будущемъ думать! Не боюсь я никакого будущаго, всегда сумѣю прожить и безъ диплома. Вѣдь тебѣ вотъ тоже оставался всего годъ до диплома, — не получилъ, и что-жь? Большая отъ этого бѣда?

Токаревъ нахмурился и молчалъ. Онъ не видѣлъ Таню три года, съ тѣхъ поръ, какъ она, кончившею гимназисткою, пріѣзжала лѣтомъ провѣдать его въ вятскую губернію. Она осталась все такою же, какъ была дѣвочкою, — безпечною и безалаберною, не хотящею знать никакихъ заботъ. „Родительская кровь!“ подумалъ Токаревъ, вспоминая своего отца, почтальона въ глухомъ приволжскомъ городѣ: добродушно-беззаботный, онъ жилъ, не зная, чѣмъ будетъ жить завтра, тратя послѣдніе гроши на

чижей, „венаровъ“ и голубей; съ четвертаго класса гимназін Токаревъ собственнымъ трудомъ содержалъ себя и Таню.

Пролетка переваливалась изъ ямы въ яму по немощеной, изрытой промоинами улицѣ. По бокамъ тянулись ветхіе заборы садовъ, надъ ними тамъ и сямъ высились удивительно-корявые лозины, съ листвою на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ; подъ заборами, въ бурьянѣ, валялись дохлыя кошки и арбузные корни. Пролетка остановилась у покосившихся воротъ небольшого дома; на скамеечкѣ сидѣлъ подслѣповатый, бритый старикъ въ жилетѣ и желѣзныхъ очкахъ.

— Иванъ Финогенъ, пожалуйста, открьйте намъ ворота! — крикнула ему Таня.

Старикъ оглядѣлъ пролетку и молча пошелъ отпирать. Они въѣхали на заросшіи муравкою дворъ; въ его углу, около садовой калитки, стоялъ крохотный флигелекъ съ двумя оконцами на дворъ; подъ крышею было еще одно маленькое оконце. На крыльцо вышли два студента въ ситцевыхъ цвѣтныхъ рубашкахъ.

Пролетка подѣхала къ крыльцу. Токаревъ и Таня сошли на земь. Токаревъ остановился, оправляя на себѣ дорожную сумку и съ любезнымъ, ожидающимъ вниманіемъ глядя на студентовъ.

— Знакомьтесь, господа, — сказала Таня. — Это мой братъ, а вамъ объ немъ говорила.

Студенты, немножко стѣсняясь, назвали себя и пожали Токареву руку. Одного изъ нихъ звали Борисоглѣбскимъ, другого Шеметовымъ. Борисоглѣбскій, студентъ-медикъ, былъ высокаго роста, съ крупнымъ лицомъ и крупными губами, въ очкахъ, съ жесткими черными волосиками на подбородкѣ; Шеметовъ былъ стройный парень съ густыми, темными волосами; маленькіе глаза его смотрѣли исподлобья.

— Давайте-ка, я вамъ снесу! — сказалъ Шеметовъ, беря съ пролетки большой чемоданъ. — У-ухъ, тяжелый какой! — удивленно произнесъ онъ, взваливая его на плечи.

— Чай будете пить? Сейчасъ запалимъ самоварчикъ! — заикаясь, проговорилъ Борисоглѣбскій, глядя сквозь очки на Токарева.

Всѣ вошли во флигель. Онъ состоялъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ съ грязными, полуоборванными обоями. Въ углахъ стояло три убогихъ кровати, на кроватяхъ и двухъ некрашенныхъ столахъ валялись книги. Къ стѣнѣ были припилены булавами портреты Маркса, Чернышевскаго и Горькаго. Въ окна, выходящія въ садъ, виднѣлись яблони и густой орѣшникъ.

Шеметовъ ушелъ за булками и закусками, Борисоглѣбскій вошелъ въ сѣнцахъ съ самоваромъ.

— Ну, вотъ тебѣ наша колонія! — сказала Таня, опускаясь

на одну изъ кроватей.— Третьяго, Вегнера, еще нѣту,—ушелъ куда-то...

Она помолчала.

— Ну, расскажи же, что ты подѣлывалъ въ Пожарскѣ.

— Да нечего рассказывать,—неохотно отвѣтилъ Токаревъ, у котораго еще не совсѣмъ прошло враждебное чувство къ Танѣ.— Приѣхалъ туда изъ вятской губерніи, служилъ въ управленіи желѣзной дороги, ты знаешь. Прослужилъ годъ, штаты сократили,—я и остался на мели.

— Ну, а что за народъ тамъ?—спросила Таня, внимательно приглядываясь къ Товареву.

— Никакого „народу“ нѣтъ, одни лишь обыватели. Скука, тишь, только книгами и спасался. Совершенно мертвый городишко.

Они замолчали. Токаревъ остановился у стѣны, рассматривая карточки.

— Несчастное дитя природы, онъ все тутъ съ самоваромъ киснетъ!—раздался въ сѣнцахъ ворчливый голосъ Шеметова, протившагося изъ булочной.—Пусти!

— Погоди, Сашка! Углей надо подвинуть,—возразилъ Борисоглѣбскій.

— Уйди, постылый! „Углей“! Углей довольно, нужно сапогомъ раздуть... Вотъ такъ! Видалъ? Э, какъ пошла!.. „Угле-ей“!..

Таня слушала улыбаясь.

— Милый паренъ этотъ Шеметовъ!—сказала она.—Смотрить исподлобья, голосъ свирѣпый,—а такая мягкая, деликатная душа! На голодѣ Вегнеръ заболѣлъ у насъ сыпнымъ тифомъ,—посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ за нимъ ухаживалъ: словно мать.

Черезъ десять минутъ самоваръ былъ поданъ. Сѣли пить чай. Токаревъ разспрашивалъ хозяевъ о голодѣ и объ условіяхъ, въ которыхъ имъ приходилось работать.

Пришла Варвара Васильевна вмѣстѣ съ Вегнеромъ, съ которымъ она встрѣтилась у воротъ. Невысокій и сутулый, съ впалую грудью, Вегнеръ съ застѣнчивою улыбкою пожалъ руку Токарева и молча сѣлъ за чай.

— Сейчасъ спасла Вегнера отъ расторгуевскихъ собакъ!—съ торжествомъ объявила Варвара Васильевна.—Подхожу къ углу, вижу,—собаки его окружили, заливаются, а онъ стоитъ и собирается примѣнить свой способъ. Еле успѣла ему помѣшать.

Всѣ, кромѣ Токарева, засмѣялись.

— А что же это за способъ?—спросилъ Токаревъ.

— У него свой особенный способъ есть отпугивать собакъ, самый вѣрный. Если бросится собака, нужно только присѣсть на корточки и грозно взглянуть ей въ глаза,—она сейчасъ же подожметъ хвостъ и убѣжитъ.

— Вотъ только никакъ онъ себѣ грознаго взгляда не можетъ выработать,—замѣтилъ Шеметовъ.

— Въ этомъ-то его и горе!.. Недавно, на голодѣ, пошелъ онъ въ лавочнику покупать соли для своей столовой. Высочила громадная собака; онъ присѣлъ на корточки и „грозно“ взглянулъ ей въ глаза, а она какъ цапнетъ его за ность!

— Какъ все точно!—произнесъ Вегнеръ, съ улыбкой качая головою.—Я только говорилъ вамъ, что слышалъ на голодѣ отъ одного пономаря о такомъ способѣ. А вы каждый разъ рассказываете, какъ будто все это и вправду было,—даже знаете, что именно я шелъ покупать въ какому-то лавочнику.

— И завтра будетъ рассказано такъ же!—неумолимо проговорила Варвара Васильевна.

Темнѣло. Смѣнили второй самоваръ. Въ маленькія окна тянуло изъ сада росистою свѣжестью и запахомъ спѣлыхъ вишенъ. Токаревъ взялъ съ бокового стола продолговатую сѣренькую книжку и сталъ ее просматривать. Это были протоколы недавняго ганноверскаго сѣзда, на нѣмецкомъ языкѣ.

Таня заглянула, какую онъ взялъ книжку.

— Вотъ! Правда, характерно?—сказала она.—Весь сѣздъ жѣликомъ былъ посвященъ книжонкѣ Бернштейна!.. Нечего было больше дѣлать!

Токаревъ помолчалъ, перевертывая страницы книжки.

— По моему, Бернштейнъ надъ очень многимъ заставляетъ задуматься,—сдержанно произнесъ онъ.

— Господи, Володя! Ну, надъ чѣмъ онъ можетъ заставить задуматься,—ивумленно воскликнула Таня.—Вѣдь это просто банкротъ,—успокоившійся, присмирѣвшій и трусливый! И вѣдь до чего онъ гаденько-трусливъ: у него даже не хватаетъ мужества прямо отречься отъ прежнихъ „мечтаній“...

— Не вижу у него трусости. Напротивъ, нужно было большое мужество, чтобъ выступить съ такою книгою. И ни отъ какихъ мечтаній онъ не отказывается, онъ возстаетъ только противъ трескучихъ фразъ. Вспомни, что сказалъ на сѣздѣ по его адресу Ауэръ: „Lieber Ede, du bist ein Esel, denn so was sagt man nicht, so was *thut* man!..“ Прелестно!

— Но этого-то вы не будете отрицать, что онъ филистеръ до мозга костей?—спросилъ Вегнеръ, слегка покраснѣвъ и пощипывая свою бороду.

— Я этого не отрицаю,—поспѣшно сказалъ Токаревъ.—Но это нисколько не мѣшаетъ быть его книгѣ по существу глубоководно вѣрной. Филистерство остается при авторѣ, а въ книгѣ его все-таки больше настоящаго, реалистическаго марксизма, чѣмъ въ правовѣрномъ марксизмѣ.

— Удивительное дѣло! — насмѣшливо улыбулась Таня. — Ты согласишься, что онъ насъвозь проникнуть филистерствомъ; какъ же это филистерство можетъ не отражаться на самой сути его построений? Какъ-будто филистерство — это такъ себѣ, маленький придатокъ, который не стоитъ ни въ какой связи съ остальнымъ!

— Мнѣ кажется, Таня, вы относитесь въ нему, во всякомъ случаѣ, слишкомъ легко, — заговорила Варвара Васильевна. — По моему, онъ страшно важенъ, — важенъ, какъ симптомъ, и за нимъ должно быть теперь больше силы, чѣмъ за его противниками. Когда ученіе воспринимается тысячами людей, оно можетъ сохраняться во всей своей сильной и непримиримой чистотѣ; когда же оно разливается въ миллионѣхъ, то по необходимости должно стать болѣе оппортунистичнымъ и „практичнымъ“. И Бернштейнъ, по моему, не случайный наростъ, а симптомъ громадной исторической важности: движеніе становится все болѣе карманнымъ, желающимъ лишь синицы въ руки, и отъ него все больше начинаетъ отлетать идея.

Вегнеръ вдумчиво слушалъ, покручивая свою бородку.

— Варвара Васильевна, это совершенно невѣрно! — рѣшительно сказалъ онъ. — Бернштейнъ, конечно, очень важный симптомъ, но совершенно въ другомъ смыслѣ. Противники видятъ растущую силу врага, видятъ, что прежними мѣрами съ нимъ не справиться, — и вотъ они радикально мѣняютъ свою тактику; единственный остающійся для нихъ выходъ — это попытаться фальсифицировать самую идеологию враговъ. Въ этомъ-то отношеніи очень интересны и Зомбартъ, какъ первая ласточка такой тактики, и Бернштейнъ, какъ ея первая жертва. Но, конечно, и эта тактика разобьется о ходъ вещей, и волкъ никогда не превратится въ добрую собачку, предупредительно помахивающую передъ хозяиномъ хвостикомъ.

— Но господа! Вы совершенно не принимаете въ расчетъ той страшной силы, которую бернштейнство придаетъ движенію, — возразилъ Токаревъ. — Эта сила — въ его реалистичности, въ полномъ устраниеніи того утопизма, противъ котораго марксизмъ боролся, но которымъ все-таки онъ былъ такъ богатъ.

Споръ разгорѣлся жестокой. Въ немъ приняли участіе всѣ присутствующіе, и было столько мнѣній, сколько было спорящихъ. Варвара Васильевна, сдвинувъ брови и сжавъ рукою подбородокъ, внимательно вслушивалась въ возраженія, какъ бы стараясь ими провѣрить свои взгляды; Таня спорила рѣзко и насмѣшливо, не брезгуя софизмами и переименованіемъ словъ противниковъ; ея большіе глаза съ суровою и негодующею враждою смотрѣли на Токарева и всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь высказывался за Бернштейна. Было ужъ за полночь, въ комнатѣ стоялъ душный табач-

ный дымъ, а въ окна тянуло свѣжею и глубокою тишиною спавшей ночи.

Варвара Васильевна взглянула на часы и всполошилась.

— Господи, мнѣ ужъ давно пора въ больницу!—воскликнула она вставая.—Съ двѣнадцати часовъ начинается мое дежурство, а теперь ужъ двадцать минутъ перваго. Прощайте, господа!

Она поспѣшно надѣла шляпу и претянула руку Токареву.

— Приходите ко мнѣ завтра, я съ двѣнадцати часовъ буду свободна,—сказала она, крѣпко пожавъ его руку, и быстро вышла.

— Ну, пора бы ужъ и спать,—проговорилъ Токаревъ.—Правду говоря, голова трещить съ дороги.

Онъ беспомощно оглянулся, недоумѣвая, гдѣ его тутъ могутъ положить.

— Мы вамъ сейчасъ устроимъ постель!—сказалъ Шеметовъ и всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—воскликнула Таня, опять ставшая милой и радушной.—У васъ тутъ клоповъ много. Онъ у меня наверху будетъ спать, а я пойду ночевать въ Варѣ... Пойдемъ, Володя!

Таня зажгла свѣчу. По крутой лѣсенкѣ изъ сѣнецъ они поднялись наверхъ. Тамъ была крохотная комнатка, въ которой отъ желѣзной крыши было жарко и душно, какъ въ банѣ. Въ комнатѣ стоялъ еще большій беспорядокъ, чѣмъ внизу: книги и груды статистическихъ листовъ валялись на полу, на стульяхъ, на кровати; на столѣ лежала черная юбка, которую Таня поспѣшно повѣсила на гвоздикъ.

— Ну, вотъ тебѣ комната!.. Тебѣ не будетъ жестко спать?—спросила Таня, пощупавъ рукою свою кровать.

— Нѣтъ, ничего!—разсѣянно отвѣтилъ Токаревъ, пріятно возбужденный споромъ и общей атмосферой, отъ которой онъ ужъ сталъ отвѣчать.

— Ну, спи!.. Прощай!

Таня пошла къ двери.

— Да, вотъ что!—вспомнила она и остановилась.—Не возьмешься ли ты обдѣлать тутъ одно дѣльцо?

— Что такое?—насторожившись, спросилъ Токаревъ.

— Видишь ли... Какое впечатлѣніе произвела на тебя Варвара Васильевна?

— Право, не могу сказать: я ее слишкомъ мало видѣлъ.

— Она очень живой человекъ и дѣльный. Между тѣмъ вотъ ужъ третій годъ она виснетъ тутъ въ Томилинскѣ, въ больницѣ,—отслуживаетъ земскую стипендію. Ей положительно невозможно здѣсь оставаться, необходимо перетащить ее въ Петербургъ.

— Ну, да... Но что же я тутъ могу сдѣлать?

— Видишь ли, мнѣ говорила Варя, ты зналъ въ Петербургѣ и ея двоюродную сестру Засѣцкую; она кончила на фельдшерскихъ курсахъ двумя годами раньше Вари. Такъ вотъ, эта Засѣцкая теперь замужемъ здѣсь за членомъ управы Будиновскимъ, — либеральный земецъ, вліятельный человекъ. Познакомься съ ними, они какъ разъ третьяго дня пріѣхали сюда на недѣлю изъ деревни. Ты человекъ солидный, — подѣйствуй на Будиновскаго, уговори его, чтобъ Варѣ сократили срокъ службы въ земствѣ.

— Она что же, сама хочетъ этого?

— Ей ничего объ этомъ и говорить не нужно! Она такая щепетильная, — ни за что не согласится.

— Вотъ странно! Какое же мы имѣемъ право безъ ея разрѣшенія хлопотать за нее?

— Ахъ ты, Господи! — Таня досадливо передернула плечами и быстро прошлась по комнатѣ. — Ну, я не знаю, — какъ хочешь, а здѣсь ей невозможно оставаться. Я прямо не могу съ этимъ примириться!

— Провѣдать Засѣцкую я не прочь, — сказалъ Токаревъ, — мнѣ интересно повидать ее. Но хлопотать за Варвару Васильевну безъ ея разрѣшенія, — это, по моему, безцеремонно прежде всего по отношенію къ ней же самой... А скажи, пожалуйста, я и не зналъ, что Варвара Васильевна получала стипендію; вѣдь ея родители — богатые люди, имѣютъ имѣніе подъ Томилинскомъ.

— Да, только оно все въ долгахъ, усадьба разваливается, отецъ сильно въ карты играетъ. Они только наружно богаты... Ну, однако, прощай! Спи!.. Такъ завтра мы все-таки пойдемъ въ Будиновскимъ.

Таня ушла. Токаревъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, сѣлъ на окно и закурилъ папиросу. Росистый садъ, облитый луннымъ свѣтомъ, словно замеръ, стояла глубокая тишина; только изрѣдка полно и увѣсисто шлепалось о землю упавшее съ дерева яблоко; вдали кричали пѣтухи.

Варвара Васильевна произвела на Токарева довольно блѣдное и расхолаживающее впечатлѣніе. А между тѣмъ въ Пожарскѣ и раньше — въ Вятской губерніи, онъ думалъ о ней съ сладкимъ и захватывающимъ чувствомъ. Въ Петербургѣ они были хорошо знакомы: время стояло горячее, волна общественнаго настроенія начинала подниматься все выше, и они не замѣтили, какъ сближеніе ихъ стало чѣмъ-то большимъ, чѣмъ дружба. Однажды вечеромъ вдругъ, въ какомъ-то неожиданномъ порывѣ, Токаревъ высказалъ Варварѣ Васильевнѣ то, что онъ въ ней чувствовалъ; Варвара Васильевна рѣзко и испуганно отшатнулась отъ него, и съ этого времени стала все больше замыкаться и отдаляться отъ Токарева. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что и она лю-

бить его... Вскорѣ судьба забросила Токарева далеко отъ Петербурга. Они все время переписывались, и въ этой перепискѣ образъ Варвары Васильевны дѣлался для него все свѣтлѣе, чище и дороже. Теперь, увидѣвъ ее, онъ почувствовалъ разочарованіе. Идеальный образъ, увеличенный разстояніемъ, одѣлся плотью и превратился въ обыкновенную дѣвушку,—къ тому же блѣдную, похудѣвшую и постарѣвшую; только лицо ея, строгое и красивое, немножко подходило къ прежней мечтѣ...

Токаревъ всталъ и началъ раздѣваться. Онъ сѣлъ на кровать, чтобъ снять штилеты, уперся въ нее руками—и остановился.

— Одна-аго!..—протянулъ онъ и поднялъ одѣяло и простыни. На двухъ сосновыхъ подставкахъ лежали три неоструганныхъ доски, покрытыхъ тонкимъ солдатскимъ сукномъ, и больше ничего; это была вся постель.

Токаревъ расхохотался.

„Не жестоко будетъ тебѣ?“—вспомнился ему вопросъ Тани.

— Да, „не жестоко!“—громко произнесъ онъ, щупая ладонью твердыя доски. Его охватило горячее умиленіе къ Танѣ: вѣдь, видимо, ей самой это *дѣйствительно* не жестоко; она заботилась, чтобъ ему было поудобнѣе, онъ сказалъ: „не будетъ жестоко“,—и она успокоилась...

Токаревъ развязалъ пледъ, уложилъ на доски свои подушки, пальто, пледъ, все, что было въ комнатѣ изъ таниной одежды, и кое-какъ устроилъ себѣ сносную постель. Все улыбаясь, онъ потушилъ свѣчу и легъ.

Прошелъ часъ, другой,—Токаревъ не могъ заснуть. Было душно, кусали комары и мошки, жесткія танины простыни терли тѣло; наложенныя вмѣсто тюфяка вещи образовали въ постели бугры, и никакъ нельзя было удобно улечься, хотѣлось пить, а воды не было. Токаревъ лежалъ, потный, угрюмый и злой, и вспоминалъ свою уютную квартиру въ Пожарскѣ. Опять онъ бездоменъ, будущее темно и невѣрно, и что хорошаго можетъ онъ ждать отъ этого будущаго?..

Токаревъ заснулъ, когда уже свѣтало и въ саду бойко зачирикали воробьи,—заснулъ тяжелымъ, дурманнымъ сномъ.

II.

На слѣдующій день Токаревъ проснулся въ первомъ часу. Онъ одѣлся и спустился внизъ. Студенты давно уже разошлись по своимъ занятіямъ. Таня сидѣла за статистическими листками; на столѣ кипѣлъ самоваръ и лежали свѣжія булки.

— Ну, и спишь же ты!—удивилась Таня.—Три раза углей подблудывала въ самоваръ... Садись! Ужъ такъ и быть, для

перваго разу налью тебѣ чаю. А вообще на это не рассчитывай: терпѣть не могу чай разливать.

Они напились чаю и пошли въ больницу. На больничномъ дворѣ и на улицѣ стояли телѣги, привезшія больныхъ изъ окрестныхъ деревень. Шелъ амбулаторный пріемъ. Таня и Токаревъ пробрались въ крыльцу съвозъ толпу ожидавшихъ и свернули въ длинный корридоръ, въ которомъ пахло валеріанкой и мятой. Таня постучалась въ небольшую бѣлую дверь. Отвѣта не было. Она отворила дверь. Комната была пуста.

— Ну, такъ я и думала! Ея нѣтъ еще!—сказала Таня.— А ужъ второй часъ. Навѣрное, помогаетъ кому-нибудь управиться. Я положительно не видывала, чтобъ человекъ когда-нибудь такъ работалъ. Съ утра до ночи возится съ больными, всѣ служащіе выѣзжаютъ на ней и сваливаютъ на нее всю работу, а она и въ усъ себѣ не дуетъ.

Комната была большая и чистая, два окна выходили въ больничный садъ; отъ росшихъ въ саду дубовъ и ясеней въ комнатѣ стоялъ прохладный зеленоватый сумракъ. Все вокругъ глядѣло чисто и уютно, книги на этажеркѣ стояли въ строгомъ порядкѣ, наволочки на узкой постели были бѣлоснѣжной чистоты.

Токаревъ сѣлъ въ кресло около окна и закурилъ папиросу. Таня прошла по комнатѣ, потомъ остановилась передъ этажеркою и стала пересматривать книги.

— Варенька, вы у себя?—спросилъ за дверью тонкій женскій голосъ, и дверь отворилась.

Таня поморщилась.

— Ея нѣтъ здѣсь!—холодно отрѣзала она.

Въ комнату, съ книжкою въ рукахъ, вошла молодая дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, блѣдная, съ круглыми, странно-свѣтлыми голубыми глазами. Токаревъ поднялся съ кресла.

— Здравствуйте, Татьяна Николаевна!—сказала барышня, протягивая Танѣ руку.—Варенька скоро придетъ?

— Не знаю я,—хмуро отвѣтила Таня.

Дѣвушка стояла, растерянно поглядывая на Токарева своими круглыми глазами.

— Мой братъ! Ольга Петровна Темпераментова!—пробурчала Таня.

Темпераментова почтительно пожала руку Токарева.

— Я очень рада, мнѣ Варенька столько рассказывала про васъ!—заговорила она.—Она ужасно рада, что вы перебираетесь изъ Пожарска въ Томилинскъ... Я эти дни какъ разъ вспоминала объ васъ: я вотъ читаю варенькину книжку, Энгельса, „О происхожденіи семьи“, съ вашею надписью ей... Какая книжка, просто замѣчательно! Такъ глубоко, такъ ясно все изложено!..

Какъ неопровержимо доказывается правильность экономического материализма!..

Слова ея сыпались, какъ мелкія горошины,—ровныя, круглыя и сухія, и на душѣ отъ этихъ словъ сразу стало сухо и пусто. Токаревъ слушалъ, стараясь изобразить на своемъ лицѣ вниманіе, Таня сѣла къ окну и, раскрывъ книжку журнала, стала читать. А Ольга Петровна, съ своими растерянными, странно-голубыми глазами, продолжала высыпать свое восхищеніе отъ книжки.

Пришла, наконецъ, Варвара Васильевна. Она сняла больничный халатъ, поспѣшно вышла и воротилась съ горячимъ кофейникомъ. Сидѣлка внесла поднось съ чашками.

— Ну, слава Богу! Свободна!—облегченно вздохнула Варвара Васильевна, опускаясь на кровать.

— Долгонько вы „освобождались“!—съ улыбкою замѣтилъ Токаревъ.

Темпераментова влюбленными глазами слѣдила за Варварой Васильевной.

— Вѣдь вы не знаете, Варенька такая добросовѣстная!—заговорила она.—Всѣмъ ей нужно помочь, за всѣмъ присмѣрѣть. Главный докторъ прямо говоритъ, что ею держится вся больница...

— Варя, пойдемте сейчасъ къ Будиновскимъ!—прервала ее Таня.—Володя хотѣлъ бы повидать Марью Михайловну.

— Отлично! Сейчасъ послѣ кофе и пойдемъ!—сказала Варвара Васильевна.

Сѣли пить кофе. Ольга Петровна сыпала своимъ пустымъ разговоромъ, время шло томительно и угнетающе. Всѣ поспѣшили кончить и стали собираться идти.

— Варенька, душечка, можно, я останусь у васъ въ комнатѣ читать?—спросила Темпераментова.—А то у насъ дома сейчасъ такая духота и шумъ, совсѣмъ нельзя читать:

— Господи, конечно! Пожалуйста!..

Варвара Васильевна, Таня и Токаревъ вышли на улицу. Таня шла, нахмуренная и злая.

— По моему, это прямо профанация Энгельса,—давать его читать такимъ господамъ,—злбно произнесла она.—Не понимаю, чего вы возитесь съ нему! Вѣдь пять минутъ побыть съ нею—это каторга!

— Скучновата она, это вѣрно,—отвѣтила Варвара Васильевна, глядя вдаль.—Да и навязчива немножко. А все-таки она очень хорошій человекъ... и несчастный. Съ утра до ночи бѣгаетъ по урокамъ, на ея рукахъ больной отецъ и цѣлая вуча сестреноекъ; изъ-за этого не пошла на курсы...

Они вышли на тихую Стародворянскую улицу. На углу

высился просторный одноэтажный домъ, съ большими, свѣтлыми окнами; къ дому примыкалъ большой садъ, густые клены и ясени, простирая вѣтви черезъ заборъ, образовывали надъ тротуаромъ темно-зеленый сводъ. Варвара Васильевна позвонила, всѣ вошли въ прихожую. Въ дверяхъ залы показалась молодая дама въ свѣтлой блузѣ, — бѣлая и полная, съ красивыми синими глазами.

— А-а, Варенька! Рѣдкій гость! — радостно проговорила она, цѣлуясь съ Варварой Васильевной; потомъ она остановилась, съ недоумѣвающей улыбкою щуря свои близорукие глаза на Токарева.

— Не узнаете, Марья Михайловна? — улыбнулся Токаревъ.

— Ахъ, Господи, да это Владиміръ Николаевичъ! — воскликнула Будиновская. — Я слышала отъ Вареньки, что вы перебираетесь въ Томилиньскъ... Какъ же вы измѣнились! Ну, здравствуйте, здравствуйте! — Она крѣпко, нѣсколько разъ, пожала руку Токарева. — Пойдемте, господа, въ кабинетъ... Боря, иди сюда! Къ намъ гости!

Изъ кабинета, мягко ступая легкими лѣтними башмаками, медленно вышелъ высочій, плотный господинъ лѣтъ тридцати пяти, съ большимъ лбомъ и густою русою бородкою, остриженою клиншпюмъ. Марья Михайловна перераспознала всѣхъ. Они вошли въ просторный, прохладный кабинетъ.

— Это Владиміръ Николаевичъ, Токаревъ, — говорила Марья Михайловна мужу, усаживаясь на мягкій, широкій турецкій диванъ. — Я тебѣ часто рассказывала про него. Пріятелями были въ Петербургѣ.

На большомъ дубовомъ письменомъ столѣ были въ порядкѣ разложены книги и бумаги, солнечные лучи, пробиваясь сквозь жалюзи, весело играли на зеленомъ сукнѣ стола и на яркой бронзѣ письменныхъ принадлежностей. У оконъ стояли великолѣпныя тропическія растенія; величественныя латаніи, нѣжныя ареки и бенціи переплетали узоры своихъ листьевъ; въ кабинетѣ было комфортно и уютно.

— Я слышалъ, вы переселяетесь къ намъ въ Томилиньскъ? — медленно спросилъ Будиновскій, глядя на Токарева своими серьезными глазами и вертя въ рукахъ разрѣзальный ножъ изъ слоновой кости. Будиновскій и говорилъ, и двигался медленно и сдержанно.

Онъ сталъ спрашивать Токарева о его прежней жизни и слушалъ, сочувственно и многозначительно кивая головою. Токаревъ рассказывалъ, а самъ приглядывался къ Марьѣ Михайловнѣ. Въ Петербургѣ, курсисткой, она была тоненькая и худенькая, съ большими, чудесными глазами, полными безпокойства и вопроса; теперь эти глаза смотрѣли мягко и удовлетворенно, и все ея

красивое, полное тѣло подъ легкою блузою дышало тихимъ покоемъ.

— Да, Варвара Васильевна, я вамъ хотѣлъ сообщить,—вспомнилъ Будиновскій.—Вы простите меня, но я вашего заявленія до свѣдѣнія управы не довелъ.

Варвара Васильевна нахмурилась.

— Очень жаль! Въ такомъ случаѣ я сама напишу предсѣдателю,—холодно отвѣтила она.

— Вотъ, Владиміръ Николаевичъ, подѣйствуйте хоть вы на Варвару Васильевну,—съ легкою улыбкою обратился Будиновскій къ Токареву.—Осенью на земскомъ собраніи мы единогласно постановили выразить Варварѣ Васильевнѣ благодарность за ея сердечное и добросовѣстное отношеніе къ больнымъ въ нашей больницѣ; прислали ей соотвѣтственную бумагу,—а она въ отвѣтъ подала мнѣ заявленіе, что не нуждается въ нашей благодарности... Ну, какъ можно это дѣлать?

— А какъ можно благодарить человѣка за то, что онъ исполняетъ взятыя на себя обязанности?—рѣзко возразила Варвара Васильевна.—Благодарятъ за самое обыкновенное исполненіе своихъ обязанностей!—обратилась она къ Токареву.—Да вѣдь это дико! Эдакъ скоро дожدهшься еще благодарности за то, что не обворовываешь своихъ больныхъ и не берешь съ нихъ взятку!

— Мы благодарили васъ именно за особенное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, а не за обычное, формальное: отзвонилъ, и съ колокольни долой!—сказалъ Будиновскій, забавляясь ея негодованіемъ.

— Ну, не стоитъ объ этомъ говорить! Дѣло само по себѣ слишкомъ ясно. Я работаю вовсе не для вашего земскаго собранія, и мнѣ рѣшительно все равно, одобряетъ оно меня или порицаетъ.

Въ ея голосѣ зазвенѣли слезы обиды; она быстро прошлась по кабинету и, закусивъ губу, остановилась у окна. Будиновскій посмѣивался, Токареву также было немножко смѣшно. Таня слушала внимательно, вся насторожившись, глаза ея блестѣли: у нея создавался новый планъ.

Вошла горничная и доложила, что подано кушать.

— Господа, пойдемте обѣдать!—объявила Марья Михайловна, вставая.

Всѣ направились въ столовую. Таня, отставшая отъ другихъ, остановила Будиновскаго.

— Борисъ Александровичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить,—сказала она.

Будиновскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Таню.

— Пожалуйста! Въ чемъ дѣло?—любезно произнесъ онъ.

— Видите ли... Вы сейчасъ рассказывали, какъ довольна управа службою Варвары Васильевны. Ей еще годъ нужно отслуживать стипендію... Нельзя ли, во вниманіе къ ея выдающейся дѣятельности, устроить такъ, чтобъ простить ей этотъ годъ?

Будиновскій стоялъ, наклонивъ голову, и внимательно слушалъ.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю... Зачѣмъ ей это нужно? — медленно спросилъ онъ.

— Зачѣмъ, что тогда она сможетъ уѣхать отсюда, — въ Петербургъ, напримѣръ. Ее только отслуживаніе стипендіи и удерживаетъ здѣсь.

— Я этого совершенно не зналъ.

Будиновскій медленно прошелся по кабинету, въ замѣшательствѣ поглаживая рукою бороду.

— Откровенно говоря, мнѣ сдѣлать это чрезвычайно неудобно, — заговорилъ онъ. — Какъ вы знаете, Варвара Васильевна — двоюродная сестра моей жены. На меня и такъ всѣ косятся за мой послѣдній докладъ о недостаткахъ постановки народнаго образованія въ нашей губерніи; если же я предложу сдѣлать, что вы желаете, то всѣ скажутъ, что я „радѣю родному человѣчку“.

— Господи, стоитъ на это обращать вниманіе! — возмутилась Тана.

— Очень даже стоитъ, — серьезно произнесъ Будиновскій.

— Что-жъ теперь дѣлать? — Тана задумалась. — Вотъ что: тогда познакомьте меня съ какимъ-нибудь другимъ вліятельнымъ членомъ управы.

„Вотъ неугомонная!“ подумалъ Будиновскій.

— Сейчасъ всѣ разѣхались изъ города, — неохотно отвѣтилъ онъ. — Раньше осени, все равно, ничего нельзя сдѣлать.

— Господа! Идите же обѣдать! — крикнула изъ столовой Марья Михайловна.

— Только, пожалуйста, не говорите ничего Варѣ объ нашемъ разговорѣ, — быстро сказала Тана.

Они пошли въ столовую. По тарелкамъ ужъ была разлита ботвинья съ розовыми ломтиками лососины и прозрачными кусочками льда. Мужчины выпили водки; всѣ принялись за ботвинью. На концѣ стола сидѣлъ рядомъ съ бонной шестилѣтній сынъ Будиновскихъ, въ матроскѣ, съ мягкими, длинными и кудрявыми волосами.

— Зачѣмъ у тебя синія очки? — вдругъ спросилъ онъ, съ любопытствомъ глядя на Товарева.

— Ахъ, Павлуша, ну, что тебѣ за дѣло! — размѣялась Марья Михайловна. — У дяди глазки болятъ.

— Глазки болятъ... Тогда нужно компрессы, — увѣренно произнесъ Павлуша.

— Какой опытный окулист! — улыбнулся Будиновскій Токареву.

— Да, тутъ станешь опытнымъ!—вдохнула Марья Михайловна.—Всю эту зиму онъ у насъ прохворалъ глазами; должно быть, простудился прошлымъ лѣтомъ, когда мы ѣздили по Волгѣ. Пришлось къ профессорамъ возить его въ Москву... Какой комичный мальчугашка!—засмѣялась она, вспомнивъ что-то.—Представьте себѣ: ѣдемъ мы по Волгѣ на пароходѣ, стоимъ на палубѣ. Я говорю: „Ну, Павлуша, я сейчасъ возьму папу за ноги и брошу въ Волгу“!.. А онъ отвѣчаетъ: „Ахъ, мама, пожалуйста, не дѣлай этого! Я ужасно не люблю, когда папу берутъ за ноги и бросаютъ въ Волгу!..“

Всѣ разсмѣялись. Павлуша, довольно ухмыляясь, оглядывалъ смѣющихся.

Въ передней раздался звонокъ. Вошелъ стройный, красивый студентъ въ сѣрой тужуркѣ, а съ нимъ—молодая, лѣтъ семнадцати, дѣвушка, розовая, съ длинною русою косою. Это были Сергѣй и Катя Изворовы, братъ и сестра Варвары Васильевны, пріѣхавшіе за нею изъ деревни.

— Получила отпускъ?—быстро спросилъ Сергѣй въ самыхъ дверяхъ.

— Получила!

— Чудесно! Значить, ѣдемъ!

— Сережа, Катя! Садитесь скорѣй, ѣшьте бѣтвинью!—сказала Марья Михайловна.

Пришедшіе поздоровались. Сергѣй крѣпко и радостно пожалъ руку Токареву,—видимо, онъ ужъ слышалъ объ немъ отъ сестры.

— А мы съ Катей пріѣхали, сунулись къ тебѣ,—обратился Сергѣй къ Варварѣ Васильевнѣ, садясь за столъ. — Тебя нѣту, сидитъ только дѣвица эта... Какъ ее? Съ психологической такой фамиліей. Сказала, что вы сюда пошли... Ну, а ты, шипъ, какъ поживаешь?—спросилъ онъ Павлушу.—Дифтеритомъ не заразился еще? Пора бы, братъ, пора бы тебѣ схватить хорошій дифтеритикъ!

— Ахъ, Сережа, ну, что это такое?! — воскликнула Марья Михайловна.

— Нѣтъ, ей-Богу, слѣдовало бы ему заразиться! — серьезно произнесъ Сергѣй.—Живутъ въ деревнѣ, мать—по образованію фельдшерца, и не позволяетъ бабамъ приносить къ себѣ больныхъ ребятъ,—заразятъ Павлушеньку!

— Ну, Сережа, мы лучше объ этомъ не будемъ говорить!—сказала Марья Михайловна, начиная волноваться. — Я не могу заниматься общественными дѣлами. Женщина, имѣя дѣтей, должна жить для нихъ,—это мое глубокое убѣжденіе.

— Какое же это общественное дѣло—каломелю или хинину дать ребенку?—изумленно спросилъ Сергѣй.

— Мы дѣлаемъ для народа все, что можемъ. Благодаря Борису, въ нашемъ уѣздѣ прибавлено восемь новыхъ фельдшерскихъ пунктовъ, увеличена сумма, отпускаемая на лекарства... Мы за это имѣемъ право не подвергать опасности Павлушу. Я могу жертвовать собою, а не ребенкомъ,—сказала Марья Михайловна, обращаясь взглядомъ къ Токареву за сочувствіемъ. — Владиміръ Николаевичъ, что-жъ высебѣ лафиту не наливаете? Боря, належь Владиміру Николаевичу... Нѣтъ, право, эта молодежь — такая всегда прямолинейная!—продолжала она.—Недавно продали мы наше мценское имѣніе,—только одни расходы съ нимъ. Сережа смѣется: будете, говорить, теперь стричь купоны?.. Я рѣшительно не понимаю, — что-жъ дурного въ томъ, чтобъ купоны стричь? Почему это хуже, чѣмъ хозяйничать въ имѣніи?

— Я ничего противъ купоновъ не имѣю,—возразилъ Сергѣй съ легкой улыбкою.—Но Борису Александровичу не восемьдесятъ лѣтъ, чтобъ сидѣть на ворохѣ бумагъ и рѣзать купоны.

— Это все равно. Мы не имѣемъ права рисковать капиталомъ.

— Почему такъ?

— Деньги отъ мценскаго имѣнія цѣликомъ должны остаться для Павлуши, — медленно проговорила Марья Михайловна, съ улыбкою глядя вдаль и поправляя кольца на своихъ бѣлыхъ, мягкихъ пальцахъ.

Послѣ цыплятъ подали мороженое, потомъ кофе. Сергѣй перешептывался съ Таней. Будиновскій курилъ сигару и своимъ медленнымъ, слегка меланхоличнымъ голосомъ рассказывалъ Токареву объ учрежденномъ имъ въ Томилинскѣ обществѣ трезвости.

— А какую прекрасную публичную лекцію въ пользу этого общества прочелъ у насъ недавно Осмериковъ, Алексѣй Кузьмичъ!—обратилась Марья Михайловна къ Токареву.—О рентгеновскихъ лучахъ... Это учитель гимназій нашей,—такой талантливый человѣкъ, удивительно! И какъ его дѣти любятъ! Вотъ, если бы у насъ все такіе учителя были, а бы не боялась отдать Павлушу въ гимназію.

— Дѣйствительно, удивительно дѣти его любятъ! — сказала Варвара Васильевна.—Весною встрѣтилась я съ нимъ на улицѣ, идетъ въ цѣлой толпѣ гимназистиковъ. Разговариваю съ нимъ, а мальчуганъ сзади стоитъ и тихо, любовно гладитъ его рукою по рукаву... Такъ жалко его, бѣднягу, — въ злѣйшей чахоткѣ человѣкъ.

— Только ужасно долго онъ лекцію эту читалъ, — улыбну-

лась Марья Михайловна.— Два часа безъ перерыву! Хотя и демонстраціи были, а все-таки утомительно слушать два часа подрядъ.

— Да, у насъ вообще не привыкли долго слушать, — сказалъ Токаревъ.— Вотъ въ Германіи, — тамъ простой рабочей слушаетъ рѣчь или лекцію три-четыре часа подрядъ, и ничего, не устаетъ.

— Такъ это почему? — возразила Марья Михайловна.— Они сидятъ себѣ, пьютъ пиво и слушаютъ; женщины вяжутъ чулки... Когда чѣмъ-нибудь занимаешься, всегда легче слушать. Да вотъ, напр., — мы иногда съ Борисомъ читаемъ по вечерамъ „Русское Богатство“. Я читаю, а онъ слушаетъ и рисуетъ лошадиныя головки. Это очень помогаетъ слушать.

— Ч-чортъ знаетъ, что такое! — расхохотался Сергѣй, слышавшій конецъ разговора.— Лошадиныя головки... А вѣдь остроумно вы это придумали!

Онъ смѣялся самымъ искреннимъ и веселымъ смѣхомъ. Будиновскій сконфузился.

— Ну, Маша, что ты такое рассказываешь? — проговорилъ онъ нахмурившись. — Просто, водишь машинально карандашомъ по листу, а по твоему рассказу выходитъ такъ, что безъ лошадиныхъ головокъ я и слушать не могу.

— Нѣтъ, я только говорю, что это все-таки помогаетъ сосредоточиваться, — возразила Марья Михайловна, оправдываясь.— Вѣдь правда, какъ-то легче слушать!

Сергѣй нѣсколько разъ замолкалъ и опять прорывался смѣхомъ. Таня скучала. Варвара Васильевна поспѣшила перевести разговоръ на другое.

Опять раздался звонокъ. Вошелъ господинъ, невысокаго роста и худой, съ большою, стриженною подъ гребешокъ головою и оттопыренными ушами; лицо у него было коричневое, какого-то нездороваго цвѣта, лѣтній пиджакъ болтался на костлявыхъ плечахъ, какъ на вѣшалѣ.

— А-а, Алексѣй Кузьмичъ! — привѣтливо протянула Марья Михайловна.— Вотъ лежокъ на поминѣ! А мы только что говорили о вашей лекціи. Всѣ отъ нея положительно въ восторгѣ!

— Угу! — какъ-то странно пробурчалъ Осьмериковъ и подошелъ къ ней поздороваться; онъ подошелъ, втянувъ наклоненную голову въ поднятыя плечи, какъ будто ждалъ, что Марья Михайловна сейчасъ ударитъ его по головѣ палкою.

— Ну, здравствуйте! — проговорилъ онъ сильнымъ голосомъ, сѣлъ и нервно провелъ рукою по стриженной головѣ.— А я слышалъ отъ Викентія Францевича, что вы приѣхали, — вотъ забѣжалъ къ вамъ... Да, вотъ что! Кстати! — Осьмериковъ уставился

на Сергѣя своими тусклыми глазами. — Скажите, вы не знаете, Коломенцовъ Александръ кончаетъ въ этомъ году?

— Ужъ кончилъ, кажется,—небрежно отвѣтилъ Сергѣй. — Даже при университетѣ оставленъ.

— А-а! — хрипло произнесъ Осьмериковъ. — Дай-Богъ, дай-Богъ!

— Ну, не знаю, чего тутъ „дай-Богъ“. Вѣдь это полнѣйшая бездарность!

— Зато работники! Это гораздо важнѣе! — отрывисто возразилъ Осьмериковъ своимъ силнымъ, срывающимся голосомъ. — Для жизни нужны работники, а не одаренные люди... Охъ, ужъ эти мнѣ одаренные люди! Вы мнѣ, пожалуйста, не говорите объ нихъ! Я имъ *ничего* не довѣрю, никакого дѣла,—вашимъ „одареннымъ людямъ“!

— Оди-нако! — удивился Сергѣй. — Ужъ что-то другое, а бездарность-профессоръ—это нѣчто прямо невозможное.

— Да вѣдь свѣточей-то среди нихъ—всего два-три процента, не больше! — воскликнулъ Осьмериковъ. — А остальные... Вотъ я недавно былъ въ Москвѣ на физико-математическомъ съѣздѣ. Ужась, ужась!.. У-ужась! — повторилъ онъ и, поднявшись, быстро оглядѣлся по сторонамъ. — Гдѣ люди? Нѣту ихъ! Профессоръ математики, ученый человѣкъ, европейская величина, а заставъ его поговорить съ ребенкомъ,—онъ не можетъ! Слишкомъ самъ онъ большая величина. Ребенокъ для него—логариомъ! Вотъ эдакая коробочка, въ которую нужно запихивать знанія,—пихай! Изволите видѣть? Во-отъ-съ!.. А я вамъ скажу: умный человѣкъ не тотъ, кто умѣетъ логически мыслить, а тотъ, кто понимаетъ чужую логику и умѣетъ въ нее войти!.. Вотъ иной разъ у меня же въ классѣ. Толкуешь, толкуешь мальчишкѣ,—никакъ не возьметъ въ толкъ. Кто виновать? Я! Я не поймалъ его логики!.. Вызовешь другого мальчика: ты понялъ? — Понялъ! — Ну, ступай съ нимъ за доску, объясни ему тамъ... И объяснить! А я вотъ, старый дуракъ, не сумѣлъ!

Онъ снова быстро сѣлъ на стулъ и придвинулся съ нимъ къ столу.

— Такъ вотъ, вѣдь вы, именно, и доказываете, что педагогомъ можетъ быть только одаренный человѣкъ,—неохотно возразилъ Сергѣй.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, я этого не доказываю! Нужно быть только добросовѣстнымъ работникомъ, не смотрѣть на жизнь свысока, не презирать ея! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!

Осьмериковъ говорилъ быстро и нервно, глядя въ глаза Сергѣя своими круглыми и тусклыми, какъ-будто безцвѣтными, и въ то же время пронизательными глазами.

— Бездарный работникъ именно на это-то и неспособенъ,— сказалъ Сергѣй.

— Почему нѣтъ? Почему нѣтъ?

— Потому что онъ слишкомъ преклонится передъ...

— Почему нѣтъ?

— ...Передъ собственной логикой. Она для него—все.

— Намъ нужны „большія дѣла“, на малыя мы плюемъ...

Почему нѣтъ?

Осьмериковъ снова порывисто всталъ и началъ оглядываться, какъ-будто собираясь немедленно уйти, потомъ опять сѣлъ.

— „Одаренные люди“!.. О, Господи! Избави нашу жизнь отъ одаренныхъ людей!—воскликнулъ онъ.—Они-то все и баломутятъ, они-то и мѣшаютъ нормальному теченію жизни!.. Вотъ, я вамъ прямо скажу: вы—одаренный человѣкъ. Я все время видѣлъ это, когда вы были моимъ ученикомъ. И тогда же я сказалъ себѣ: для жизни отъ васъ толку не будетъ!.. Васъ вотъ въ прошломъ году исключили изъ Московскаго университета, черезъ годъ исключать и изъ Юрьевскаго. И кончите вы жизнь мелкимъ чиновней въ акцизѣ или сопьетесь съ кругу. Почему? Потому что намъ нужно „большое дѣло“, обыденный, будничныи трудъ для насъ скученъ и пошлъ, къ „пай-мальчишкамъ“ мы питаемъ органическое отвращеніе!

— Вѣрно! Прямо органическое отвращеніе питаю!—подтвердилъ Сергѣй.

— Ну, во-отъ! Не правда, что?—обрадовался Осьмериковъ.—Сѣрые, обыденные люди для насъ не существуютъ, они для насъ—вотъ тутъ, подъ диваномъ!.. Милый мой, дорогой! Жизнь жива сѣрыми, тусклыми людьми, ея большое дѣло творится изъ малаго, скучнаго и ничтожнаго!..

Таня встала.

— Миѣ пора идти!—сказала она.—Нужно еще поспѣть въ статистическій комитетъ.

— Господа! Пойдемте, намъ вѣдь тоже ужъ давно пора!—обратился Сергѣй къ остальнымъ.

Всѣ поднялись и стали прощаться.

III.

Они вышли на улицу. Вечерѣло. Вдали еще глухо шумѣлъ городъ, но ужъ чувствовалась наступающая тишина. По бокамъ широкой и пустынной Стародворянской улицы тянулись домики, тонувшіе въ садахъ, и отъ широкой улицы они казались странно-маленькими и низенькими.

— Кто этотъ грибокъ?—спросила Таня.

— Осьмериковъ-то?.. „Чистая душа“! — усмѣхнулся Сергѣй. — Вѣдь, дѣйствительно, вся душа свѣтится! Но сколько онъ народу среди учениковъ перепортилъ своею чистою душою!

— Какъ душно съ ними! — сказала Таня, быстро поведши плечами. — И какое все кругомъ маленькое, низенькое, смиренное, — совсѣмъ вотъ, какъ эти домики!.. И ариѳметика, и чувства — все какое-то особенное: малое больше большого, сѣрое ярче краснаго...

— А какъ вы нашли Марью Михайловну? — обратилась Варвара Васильевна къ Токареву.

— Какая она стала... мягкая и бѣлая! — улыбнулся Токаревъ.

— Страшно! Страшно, какъ человѣкъ мѣняется! — задумчиво произнесла Варвара Васильевна. — Вѣдь одно лишь имя осталось отъ прежняго... Что значить семья и дѣти!..

— Да, — вздохнулъ Сергѣй, — много я видалъ семейныхъ счастлихъ, и нахожу, что на свѣтѣ ничего нѣтъ тухлѣе семейнаго счастья.

— И это положительно что-то роковое лежитъ въ женщинѣ, — продолжала Варвара Васильевна; — ребенокъ заслоняетъ отъ нея весь большой міръ... Нѣтъ, страшно, страшно!.. Нивогда бы не пошла замужь!

— Я не знаю, отчего? — проговорила Таня съ неопредѣленною улыбкою. — Все зависитъ отъ самого же человѣка. Я бы вышла, если бы захотѣла.

— Совершенно съ вами согласенъ! — рѣшительно сказалъ Сергѣй. — Люди устраиваютъ себѣ тухлятину; виноваты въ этомъ только они сами. Почему отсюда слѣдуетъ, что нужно давить себя, связывать, взваливать на себя какія-то аскетическія ограниченія? Разъ это — потребность, то она свята, и бѣжать отъ нея стыдно и смѣшно... Эхъ, ночь какая будетъ! — прервалъ онъ себя. — Господа, чуєте? Давайте, выѣдемъ сегодня же! Лошади отдохнули, а ночи теперь лунныя, свѣтлыя... Заберемъ всю конюшю съ собою и поѣдемъ!

У Тани разгорѣлись глаза.

— Вотъ это славно! — воскликнула она. — Въ такомъ случаѣ обязательно поѣду! Имъ всѣмъ полезно будетъ отдохнуть: въ Питерѣ жили чортъ знаетъ какъ, на голодѣ сами голодали, а тутъ ужъ совсѣмъ пооблѣзли... Превосходно! Всѣ и поѣдемъ!

Когда они пришли въ колонію, тамъ всѣ сидѣли за работою.

— Ну, ребята, одѣвайтесь! Ыдемъ въ деревню! — объявилъ Сергѣй.

— Да ну-у? — просіялъ Борисоглѣбскій. — Вотъ такъ здорово!.. Серьезно?

Сергѣй молча оглядѣлъ его и сдѣлалъ сконфуженную рожу.

— Прости, братъ-Митрычъ! Я пошутилъ!

— Статистику съ собою заберемъ, и тамъ можно будетъ работать,—оживленно говорила Тани.—А деревня, говорятъ, чудесная! Славно недѣлку проживемъ!

Митричъ слабо свистнулъ и съ торжествующимъ видомъ запрыгалъ по комнатамъ, неуклюже поднимая свои ножищи въ большихъ сапогахъ.

— Чай, и простокваша есть у васъ тамъ?.. Собирайся, ребята!

— Ишь, зачуялъ простоквашу, выигралъ!.. Ну, забирайте свою статистику, одѣвайтесь. А я пойду на постоянный, велю закладывать лошадей,—сказалъ Сергѣй.

Шеметовъ колебался.

— Сколько до вашей деревни версть-то?—спросилъ онъ.

— Тридцать.

— Чортъ ее, вотъ охота по пыли трястись! Я не поѣду,—рѣшительно проговорилъ Шеметовъ.

— Ну, слушайте, что вы! Поѣдте!—воскликнула Варвара Васильевна.

— Чего я поѣду? Что я, простокваши вашей, что ли, не видалъ? Не хочу я.

— Что-то онъ больно ужъ презрѣнемъ полонъ.. Что такое?—въ раздумьѣ проговорила Тани.

— Слушай, Сашка, будетъ дурить! — нетерпѣливо сказалъ Сергѣй.

Шеметовъ сталъ серьезнымъ.

— Нѣтъ, слушай, я не шучу. Мнѣ хочется поработать, почитать, а въ деревнѣ у васъ будешь развлекаться.

— А-а, вотъ оно что!—сообразила Тани.—Вѣдь у него урокъ, онъ только на два дня можетъ поѣхать, на праздники, а во вторникъ долженъ воротиться. Вы его назадъ черезъ два дня можете доставить?

— Господи, да конечно!—воскликнула Катя.—До станціи отъ насъ всего пять версть. И телѣжку можно запречь, и такъ, пѣшкомъ, мы васъ проводимъ.

— Такъ вы такъ бы съ самаго начала и говорили!—проворчалъ Шеметовъ съ пробивающеюся сконфуженною улыбкою.

— Чортъ знаетъ, что такое! Чего-жъ ты прямо не сказалъ?—изумился Сергѣй.

— Онъ всегда такой!—засмѣялась Тани.—Кипить презрѣнемъ,—значить, фонды плохи. Придетъ въ Петербургъ. „Ѣсть хотите?“ Если скажетъ: „хочу“, значить, не особенно голоденъ. А придетъ голодный, цѣлый день не ѣвши,—хонецъ! Отъ всего отказывается. Пошлешь за колбасой, сыромъ,—фыркаетъ: „стану я эту колбасу ѣсть,—она изъ собачины дѣлается!“ Ворчитъ, фыркаетъ, а у самого за ушами такъ и трещить.

— Слушайте, Шеметовъ, вы вѣдь у Домниныхъ даете урокъ?— спросила Варвара Васильевна.

— Да.

— Такъ вотъ что. Я съ ними хорошо знакома; пойду сейчасъ и попрошу, чтобъ они васъ отпустили на недѣлю... Только, господа, еще одно; нужно будетъ и Ольгу Петровну взять съ собою, Темпераментову.

— Оо-о!—застонала Таня, скорбно уронивъ руки.

— Ну, Таня, ну, что же дѣлать? Пускай и она немного отдохнетъ. Вѣдь совсѣмъ, бѣдная, заработалась за зиму!

— Отрава!—вздыхнулъ Митрычъ.— Аппетита къ жизни лишаетъ человѣка!.. А что оно, конечно, того... Нужно же и дѣвчонкѣ отдохнуть, это вѣрно!

Варвара Васильевна и Сергѣй ушли.

Дѣло Шеметова уладилось. Въ девятомъ часу вечера изъ города выѣхалъ запряженный тройкою тарантасъ, биткомъ набитый народомъ. Сидѣли на козлахъ, на приступочкахъ, вездѣ. Сергѣй правилъ.

— Селедки, селедки моченыя!— тонкимъ голосомъ кричалъ Шеметовъ, когда навстрѣчу попадались проѣзжіе мужики.

Тарантасъ выкатилъ на мягкую дорогу. Заря догорѣла, взошла луна. Лошади бѣжали бойко, Сергѣй ухалъ и свисталъ, въ тарантасѣ спорили, пѣли, смѣялись.

Была глухая ночь, когда гости пріѣхали въ Изворовку. Ихъ не ждали. Встала хозяйка, Конкордія Сергѣевна Изворова, суетливая, радушная старушка. Пріѣхавшимъ подали молока, простокваши, холодной баранины. Сонныя дѣвки натаскали въ гостиную свѣжаго сѣна и на немъ постелили гостямъ постели. Ужъ свѣтало, когда всѣ,—оживленные, веселые и смертельно-усталые,—залегли спать и заснули мертвецки.

IV.

Изворовка была старинная барская усадьба, — большая и когда-то роскошная, но теперь все въ ней разрушалось. На огромномъ домѣ крыша проржавѣла, штукатурка облупилась, служби разрушались; великолѣпнѣе былъ только садъ,—обширный, тѣнистый и заросшій, съ кирпичными развалинами оранжерей и бань. Самъ Изворовъ, Василій Васильевичъ, съ утра до вечера пропадалъ въ полѣ. Его отношенія къ семьѣ были странныя. Онъ былъ работникъ, хозяйничалъ усердно, но все, что выработывалъ съ имѣнія, проигрывалъ въ карты. Сергѣй содержалъ себя въ университетѣ самъ, Варя отслуживала въ больницѣ земскую стипендію, Катю съ грѣхомъ пополамъ поддерживала въ гимназіи

Конкордія Сергѣевна; она урывала отъ домашняго хозяйства все, что могла, продавала свиней, гусей, пеньку, и деньги прятала отъ мужа. Василій Васильевичъ предоставилъ дѣтямъ полную свободу и не предъявлялъ къ нимъ никакихъ правъ. Установилось какъ бы молчаливое соглашеніе: вы дѣлайте, что хотите, но и я буду дѣлать, что хочу.

Жизнь для гостей текла привольная. Вставали поздно, купались; потомъ пили чай и расходились по саду заниматься. На скамейкахъ аллея, въ бесѣдкахъ, на землѣ подъ кустами, вездѣ сидѣли и читали, — въ одиночку или вмѣстѣ. Послѣ завтрака играли въ крокетъ или въ городки, слушали Катину игру на рояли. Вечеромъ уходили гулять и возвращались поздно ночью. Токаревъ чувствовалъ себя очень хорошо въ молодой компаніи и наслаждался жизнью.

Прошла недѣля. Завтра „колонія“ должна была уѣзжать. На прощаніе рѣшили идти куда-нибудь подальше и прогулять всю ночь. Былъ шестой часъ вечера. Токаревъ и студенты сидѣли съ простынями подъ „ближними елками“ и ждали, когда выкупаются барышни. День былъ очень жаркій и тихій, въ воздухѣ парило.

— Эй, дѣвицы! Сворѣй! — крикнулъ Сергѣй. — Прохлаждаются себѣ ужъ два часа, а тутъ кисни... Эй, барышни! Потопли вы тамъ, что ли?

Отъ террасы быстро прошла по дорожкѣ Таня, съ простынею на плечѣ и книгою подмышкой.

— Тэ-тэ-тэ!.. Татьяна Николаевна! Это что же, вы только еще идете купаться? — спросилъ Сергѣй.

— Я въ одну минуту буду готова, только одинъ разъ окунусь, — быстро отвѣтила Таня.

— Слушай, Таня, вѣдь это невозможно! — раздраженно замѣтилъ Токаревъ. — Вѣдь кричали тебѣ купаться, — нѣтъ, сидѣла и читала, а знаешь, что люди ждутъ. А когда кончаютъ, теперь идешь. Еще полчаса ждать!

— Ну, вотъ увидишь, я съ ними въ одно время ворочусь, — сказала Таня и прошла.

Токаревъ прикусилъ губу, стараясь не показать своего раздраженія. Какъ разъ вчера утромъ онъ проспалъ и шелъ купаться, когда тамъ уже купались, а Таня сидѣла подъ елками и ждала. Она энергично воспротивилась и не пустила его, — „по одиночкѣ будете ходить, такъ цѣлый день придется тутъ ждать!..“ А сегодня сама дѣлаетъ то же самое...

— Чортъ возьми, голова трещить! — проговорилъ Шеметовъ, сидя на столѣ и лѣнливо раскачивая ногами. — Обломъ этотъ, свинья Митрычъ, — въ восемь часовъ сегодня поднялъ... Слушай, Сережка,

убери ты его, пожалуйста, отъ насъ въ другую комнату, я съ нимъ, съ подлецомъ, не могу спать.

Митрычъ, ослабивъ лицо, посмѣивался.

— Ты же самъ вчера просилъ разбудить тебя, — напомнилъ онъ.

— А сегодня утромъ я тебя просилъ не будить... Чортъ знаетъ, какъ восемь часовъ,—хватаетъ и стаскиваетъ съ постели. Эдакая свинья!

— А ужъ Сашка-то тутъ извивается! — засмѣялся Вегнеръ. — „Осторожнѣе, ты меня запуталъ!..“ „Ой, Митрычъ, оставь, я очень похудѣлъ!..“ Богъ знаетъ, что говорить, и самымъ серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ.

— Потѣха у насъ... того... бываетъ съ ними по утрамъ! — обратился Митрычъ къ Токареву. — Вечеромъ просятъ будить: это, говорятъ, развратъ,—спать до полудня. Ну, я и стараюсь. Значить, стащишь Сашку съ постели, онъ ругается, ругается, а потомъ вдругъ вскочить и бросится нѣмца стаскивать съ кровати.

— Нѣтъ, я, главное, не понимаю, для чего будить! — сердито продолжалъ Шеметовъ. — Не выспавшійся человѣкъ не въ состояніи работать; что же онъ? Будетъ только сидѣть надъ книгой и клевать носомъ; это все равно, что пустымъ ведромъ воду черпать!

— Гм... А ты полагаешь, что обыкновенно воду черпаютъ полнымъ ведромъ? — спросилъ Сергѣй.

— Полнымъ, пустымъ,—мнѣ все равно! — проговорилъ Шеметовъ. — Я вашихъ пословицъ вовсе не желаю знать!

— Онъ вообще насчетъ пословицъ ѣи цитатъ любитель, — замѣтилъ Вегнеръ. — Вчера вдругъ провозглашаетъ:

На свѣтѣ много есть, мой другъ Гораціо,
Чего нехитрому уму не выдумать и въѣкъ!

Увѣряетъ, что это Шекспиръ сказалъ...

— Эй, вы, дѣвицы!! — заоралъ Сергѣй. — Скоро вы?!

— Сейча-ась! — донесся отъ пруда голосъ Тани. Но тамъ все слышались плескъ воды и смѣхъ.

Токаревъ кипѣлъ. Что за безцеремонность! Она даже не считаетъ нужнымъ поторопиться!.. Вообще за эту недѣлю у Токарева много накопилось противъ Тани. Приѣхавшая съ ними изъ Томилинска Темпераментова была, дѣйствительно, невыносимо скучна, но такъ третировать человѣка, какъ третировала ее Таня, было положительно невозможно. Больше же всего Токарева возмущало въ Танѣ ея невыносимое „разгильдяйство“: она приѣхала сюда, не взявъ съ собою изъ одежды рѣшительно ничего, — „не стоитъ возиться,“ а тутъ безъ церемоніи носила бѣлье и платья Варвары Васильевны и Кати. Такъ же она относилась и къ чу-

жимъ деньгамъ: Токаревъ изъ своего скуднаго заработка въ Пожарскѣ высылалъ ей въ Петербургъ денегъ, чтобъ дать ей возможность кончить курсы, ни разу она не отказалась отъ денегъ, хотя могли же быть у нея хоть иногда кой-какіе заработки; этою весною она вышла съ курсовъ, ничего ему даже не написала, а деньги отъ него продолжала получать.

— Идите! Можно!—раздалось наконецъ со стороны пруда.

Барышни поднимались по тропинкѣ.

— Ну, вотъ видишь, въ одно время кончила со всѣми!—обратилась Тая въ Токареву.

Онъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ мимо.

Горячее солнце играло на гладкой и чистой поверхности большого пруда, старыя ивы на плотинѣ свѣшивали вѣтви въ водѣ. Отъ берега шли мостки въ купальнѣ, обтянутой ветхою, посѣрѣвшею парусиною, но всѣ раздѣвались на берегу, на лавочкахъ подъ большою березою.

Шеметовъ и Сергѣй лѣниво раздѣлись и остались сидѣть на скамейкѣ. Вегнеръ ужъ давно былъ въ водѣ; маленькій и юркій, онъ, какъ рыба, ныралъ и плескался по срединѣ пруда.

— Слушай, нѣмецъ, вода теплая?—спросилъ Шеметовъ.

— „Пріятная“!—значительно крикнулъ Вегнеръ.

— Гм....—Шеметовъ взошелъ на мостки и попробовалъ ногою воду.—Д-да, „пріятная“!..—протянулъ онъ.

Борисоглѣбскій стоялъ на берегу,—огромный, мускулистый и голый, обросшій жесткими черными волосами, съ странно-щурившимися безъ очковъ глазами. Протянувъ руку впередъ, онъ пѣлъ своею глубокою, рычащею октавою:

Проклятый міръ!
Презрѣнный міръ!
Несчастный,
Ненавистный мнѣ...

— Ой, чортъ!..

Шеметовъ съ мостковъ брызнулъ въ него водою.

— Ну, что за свинья! Вѣдь холодная она, вода-то!—серьезно замѣтилъ Борисоглѣбскій; онъ потеръ себѣ ляжки и продолжалъ:

Несчастный,
Ненавистный мнѣ міръ!..

Сергѣй перемигнулся съ Шеметовымъ и Вегнеромъ, съ виновнымъ видомъ вошелъ въ воду,—и на Митрыча полился цѣлый дождь брызгъ.

— Чер-рти!! — зарычалъ Митрычъ и ринулся въ берегу. Вегнеръ и Сергѣй, какъ лягушки, бросились въ воду, Шеметовъ передъ носомъ Митрыча захлопнулъ дверь купальни и заперся на

крючокъ. Митрычъ, сильный, какъ медвѣдь, плавалъ плохо и въ водѣ чувствовалъ себя неувѣренно.

— Погодите вы, черти! — произнесъ онъ. — Выйдете на берегъ, я васъ каждого заставлю „Проклятый міръ“ спѣть!

— Ребята! — крикнулъ изъ купальни Шеметовъ. — Заключимъ противъ него общій морской союзъ!

— Идетъ! — отозвался съ середины пруда Сергѣй. — Лѣзь въ воду, Сашка!

— Да вода, братъ, холодная! — отозвался Шеметовъ.

Сражался я, искалъ я смерти,
Но остался живъ... —

пѣлъ на берегу Борисоглѣбскій.

Сергѣй и Вегнеръ, тихо, стараясь не шумѣть, подплывали къ купальнѣ.

— Ой, подлецы!.. Карау-уль! — завопилъ вдругъ въ запертой купальнѣ Шеметовъ, подъ хохотъ другихъ голосовъ. Сергѣй и Вегнеръ нырнули въ купальню и обрызгали Шеметова.

— Ой!.. Погодите вы, черти, — мнѣ вамъ что-то нужно сказать! — кричалъ Шеметовъ, а вода бурлила въ купальнѣ, и брызги взлетали высоко вверхъ.

Дверь хлопнула, и Шеметовъ бомбою вылетѣлъ на берегъ

И будешь ты царицей ми-и-ра,
Подруга первая моя!.. —

равкнулъ Борисоглѣбскій и, широко разставивъ руки, облачилъ Шеметова.

— Ой, Митрычъ, погоди! Что мнѣ тебѣ нужно сказать! — серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ говорилъ Шеметовъ. — Поосторожнѣе, пожалуйста, я запутался!

— Онъ запутался! — смѣялись въ купальнѣ.

— Пой: „Проклятый міръ!“

— Убирайся къ чорту!.. Ахъ ты, кутя несчастная!

Шеметовъ ловко дернулся и обхватилъ Борисоглѣбскаго. Началась борьба. Шеметовъ, ловкій и стройный, искусно увертывался отъ попытокъ Митрыча сломить ему спину. Тѣла ихъ переплелись, напрягшіяся крѣпкія мышцы оставляли на кожѣ красные слѣды. Митрычъ съ силою налегъ на Шеметова, тотъ увернулся и брякнулъ Митрыча на земь, но Митрычъ ужъ на землѣ подмялъ его подъ себя.

— А-а, братъ! — задыхаясь, произнесъ Борисоглѣбскій, взбираясь на Шеметова. — Ну, пой: „Проклятый міръ!“

И онъ запустилъ ему свой толстый большой палецъ подъ ребра.

— Бо-ольно, Митрошка!

— Пой: „Проклятый міръ!“

— Ой-ой!.. Кишки выдавишь, свинья!

— Пой,—сейчасъ пушу!.. „Прокля-тый міръ!..“

— „Проклятый міръ“—неистово завопилъ Шеметовъ.

— „Презрѣ-нный міръ!.. Несчастный!..“—подсказывалъ Бори-соглѣбскій, ворочая пальцемъ подъ ребрами Шеметова.

— „Презрѣнный, міръ!..“ Ой Митрофанъ проклятый, саврасъ безъ узды!..

— „Несча-стный!..“—сосредоточенно и мрачно подсказы-валъ Митрычъ.

— „Несча-стный!..“

— Морской союзъ идетъ на континентъ!—крикнулъ Сергѣй. Онъ и Вегнеръ выскочили изъ воды и вцѣпились въ Митрыча.

Четыре тѣла слились въ общую кучу; они возились и барах-тались на травѣ, и среди нихъ выдавалось красное, напряженное лицо Митрыча и его огромныя, мускулистыя руки, охватывавшія сразу двоихъ, а то и всѣхъ троихъ. Товаревъ сидѣлъ на ска-мейкѣ и, смѣясь, смотрѣлъ на борьбу. Ему бросилось въ глаза злобно-нахмуренное лицо Сергѣя, придавленнаго въ землѣ лок-темъ Митрыча. Наконецъ, Борисоглѣбскаго подмяли подъ низъ и всѣ трое навалились на него.

— Пой: „Проклятый міръ!“—крикнулъ Сергѣй, съ все еще злымъ лицомъ, запуская ему палецъ въ животъ.

— „Прокля-тый міръ!“—поворно заоралъ Митрычъ,—такъ дико, что галки на ивахъ всполыхнулись и съ крикомъ поле-тѣли прочь.

— Дальше!

— „Презрѣ-нный міръ!.. Несчастный!.. Ненавистный мнѣ міръ!..“

Его выпустили. Всѣ поднялись,—красные, злохмаченные, задыхающіеся.

— Этакая гнусная привычка!—возмущался Шеметовъ, погла-живая ладонью бока.—Чуть что, сейчасъ палецъ подъ девятое ребро,—радъ, что анатомію знаетъ,—и пой ему: „Проклятый міръ!..“ Да можетъ быть, я въ этотъ моментъ совсѣмъ не рас-положенъ пѣть?

— Скоты эдакіе! Самому мнѣ все брюхо разворочали!—ска-залъ Митрычъ.

— Такъ вѣдь тебѣ-то это такъ и слѣдовало,—увѣренно произ-несъ Шеметовъ.—Ну, ребята, довольно возиться! Нужно купаться. Чуръ, не брызгаться... Только у меня что-то ужъ и охота про-шла въ воду лѣзть!—вдохнулъ онъ.

— А раньше бо-ольшая охота была!—засмѣялся Вегнеръ.

— Молчи ты, плюгашъ паршивый! Предатель! Я съ тобою и разговаривать не хочу... Владиміръ Николаевичъ!—обратился онъ къ Товареву.—Пойдемте въ купальню, какъ полагается при-

личнымъ людямъ.—Онъ взялъ Токарева подъ руку и важно про-
шелъ съ нимъ въ купальню.—Ишь, всю купальню замочили!
Порядочному человѣку и выкупаться нельзя!

— Ну, вправду, ребята, чуръ не брызгаться! Будеть!—ска-
залъ Борисоглѣбскій.

Вегнеръ и Сергѣй поплыли на ту сторону пруда. Митрычъ
три раза окунулся въ купальнѣ и вылѣзъ въ прудъ.

— У-у, песь твою голову отверти! Хорошо!—въ восторгѣ
загоготалъ онъ, подпрыгивая и окунаясь до плечъ. Токаревъ тоже
влѣзъ въ воду. Только Шеметовъ стоялъ, опираясь о перекладину
купальни, и болталъ ногою въ водѣ.

— Ключи у васъ здѣсь какіе-то бьютъ на днѣ, что-ли?—
ворчливо проговорилъ онъ.—Вода какая холодная!

— Лѣзь, Сашка, а то опять обрызгаю!—крикнулъ съ того
берега Сергѣй.

— Я те „обрызгаю!“—погрозился Шеметовъ и вздохнулъ.—
Нѣтъ, ей-Богу, я нахожу это прямо безнравственнымъ: зачѣмъ
я буду насиловать свое тѣло? Я и безъ того прозябъ, инстинктъ
тянетъ меня согрѣться, а какой-то нелѣпый долгъ повелѣваетъ
лѣзть въ холодную воду.

Митрычъ стоялъ, по грудь въ водѣ, и мылилъ себѣ голову.
Шеметовъ встрепенулся, тихонько соскользнулъ въ купальню и
исчезъ подъ водою.

— Уу-уй!!—завопилъ вдругъ Митрычъ и шарахнулся къ бе-
регу. Изъ воды вынырнуло смѣющееся лицо Шеметова.

— Ну, братъ, напугалъ ты меня! Я думалъ,—ракъ!—ска-
залъ Митрычъ.

— „Ра-акъ“... Будешь ты впередъ „Проклятый міръ“ заста-
влять меня пѣть?

— Ну, ребята, одѣвайтесь, скорѣй! А то поздно будетъ!—
крикнулъ Сергѣй.

Они одѣлись и пошли къ дому. Токаревъ, одѣваясь, за-
мѣшкался.

Широкая, еще не успокоившаяся гладь пруда играла подъ
солнцемъ золотыми змѣйками, въ тихомъ вечернемъ воздухѣ иви
надъ плотиною не шевелились ни листикомъ. Токаревъ съ улыб-
кою смотрѣлъ вокругъ, на душѣ у него было весело и молодо.

— Славно тутъ, и славные ребята,—подумалъ онъ.

На широкой каменной террасѣ, заросшей дикимъ плющемъ,
кипѣлъ самоваръ. Всѣ ужъ пили чай. Конкордія Сергѣевна, сидя
за самоваромъ, растирала деревянной ложкой горчицу въ глиня-
ной мисѣ.

— Какую это вы, Шеметовъ, пѣсню пѣли на берегу?—лу-

каво спросила Катя, выставляя изъ-за самовара свое розовое, молодое лицо.

— Это мы съ Митрычемъ спѣвались, — вздохнулъ Шеметовъ. — Дуэтъ изъ „Демона.“ Онъ Демона пѣлъ, а я Тамару, — томно произнесъ онъ. — А что, хорошо? Производитъ эстетическое впечатлѣніе?

— Прелестно! Производитъ.

— То-то! — ворчливо сказалъ Шеметовъ. — А вы думали, что только вы способны доставлять эстетическое наслажденіе, разыгрывая своихъ Шопенгауеровъ?

Катя расхохоталась и въ восторгѣ забила въ ладоши.

— А это хорошій композиторъ — Шопенгауеръ? — невинно спросила Варвара Васильевна.

— Онъ Шопена хотѣлъ сказать! — смѣялась Катя.

И всѣ смѣялись. Шеметовъ презрительно оглядывалъ ихъ.

— Смѣются! — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Какъ-будто композиторы биваютъ только въ области музыки!

— А гдѣ-жъ они еще биваютъ? — спросилъ Вегнеръ.

— Гдѣ! Да хоть въ философіи. Среди твоихъ нѣмцевъ есть пѣлмй рядъ философовъ-композиторовъ, — напр., тотъ же Шопенгауеръ, Ницше... Платонъ...

— Да Платонъ вовсе не нѣмецъ.

— Поэтому я объ немъ и не говорю, — невозмутимо возразилъ Шеметовъ. — Вотъ еще — Фихте...

— Ну, ну, припомни, какихъ ты еще философовъ слыхалъ, — засмѣялся Сергѣй. — Вали: Гегель, Лейбницъ, Шеллингъ, Кантъ...

— Нѣтъ, они были сухими рационалистами, — сердито отвѣтилъ Шеметовъ. — Въ нихъ не было этого... порыва, экстаза, что ли...

— Какой нахаль! — вздохнулъ Вегнеръ.

— А какимъ голосомъ говорить свирѣпымъ, какъ будто хочешь смертоубійство совершить! — воскликнула Варвара Васильевна.

— Я самымъ обыкновеннымъ голосомъ говорю, — возразилъ Шеметовъ.

— Да, обыкновеннымъ! — сказала Катя. — Мама, смотри, онъ тебѣ голову скуситъ! Налей ему поскорѣ чаю, умилоствивъ его!

— А, чтобъ васъ Богъ любилъ! — смѣялась Конкордія Сергѣевна, разливая въ стаканы чай.

Всѣ усердно ѣли и пили. Пшелъ Василій Васильевичъ, широкоплечій и загорѣлый старикъ, въ большихъ сапогахъ и парусиновомъ пиджакѣ. Конкордія Сергѣевна налила ему чай въ большую фарфоровую кружку съ золотыми инициалами. Василій Васильевичъ сталъ пить, не выпуская изъ рукъ чершневаго мундштука съ дымящеюся толстою папиросою. Онъ молча слушалъ

разговоры, и подъ его сѣдыми усами пробѣгала легкая скрытая усмѣшка.

— Ну, господа, напились? Пойдемте!—сказала Таня, вставая.

— Идемъ!—воскликнулъ Сергѣй.

Всѣ поднялись.

У.

Солнце садилось въ багровыя тучи. Всѣ быстрымъ шагомъ шли по дорогѣ среди ржи. Небо было покрыто тяжелыми, лохматыми облаками, на югѣ стояла синеватая муть. Безвѣтренный, неподвижный воздухъ какъ-будто замеръ въ могильной тишинѣ.

— Гроза будетъ! Чувствуется въ воздухѣ!—проговорилъ Сергѣй, радостно потирая руки, съ страннымъ, нервнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Господа, пойдемте подальше!—оживленно сказала Таня.— Ведите, Сергѣй Васильевичъ!.. Да поскорѣе, господа,—что такъ медленно?

— Медленно! И такъ почти бѣжимъ!—засмѣялась Катя.

— Правда, гроза будетъ?—встребенулась Темпераментова.— Такъ тогда лучше воротиться, захватить калоши, а то всѣ утонемъ.

— Отъ утопленія калоши не могутъ спасти,—проворчалъ Шеметовъ.

Ольга Петровна радостно засмѣялась.

— Не отъ утопленія, а чтобъ ноги не промочить,—поправи-
лась она.

— Не только не спасутъ калоши, а въ нихъ и топиться ходить,—заговорилъ Митрычъ, неуязвимо шагая по пыли своими большими сапогами.— У насъ въ селѣ, гдѣ мой батька псаломщицомъ служилъ, былъ попъ, у него сынъ, въ семинаріи учился со мною. Смирный былъ мальчишка, того... Скромный. Ну, ладно. Вотъ разъ попалъ онъ въ компаніи на ярмарку,—то, другое, и напился въ дрызгъ, до ризъ положенія; не знаетъ, какъ домой попалъ. Утромъ проснулся,—голова трещить, лохматый; лежитъ и стонетъ: „Олена, а Олена! Поддай мои колоши!..“ У насъ тамъ, въ Олонецкой губерніи, на о говорятъ. Вышелъ на дворъ, вцѣпилъ въ волосы... „О, позоръ, позоръ!.. Гдѣ мои колоши? Пойду, утоплюся!..“

— Господа, посмотрите, что наверху дѣлается!—вдругъ воскликнула Катя.

Тучи,—низкія, причудливо-лохматыя,—горѣли по всему небу яркими красками. Надъ головою танулось большое, расплывающееся по краямъ облако ярко-краснаго цвѣта, далеко на востокѣ нѣжно розовѣли круглыя облачка, а ихъ перерѣзала черно-ли-

ловая града тучь. Облако надъ головою все краснѣло, какъ-будто наливалось кроваво-краснымъ свѣтомъ, и все небо, покрытое странными, клубящимися тучами, выглядѣло необычно и грозно.

— Смотрите, господа, смотрите, какое у Митрыча красное лицо!—засмѣялась Катя.

— Да у васъ еще краснѣе,—возразилъ Шеметовъ.

— У всѣхъ, у всѣхъ! Господа, посмотрите другъ на друга! И дорога, и все!

Лица всѣхъ были алма, дорога и рожь казались облитыми кровью, а зелень пррея на межахъ выглядѣла еще зеленѣе и ярче. На югѣ темнѣло, по ржи изрѣдка проносилась быстрая, нервная рябь. Потянуло прохладю, груди бодро дышали.

— Впередь, господа, впередь! —торопила Тая.—Эхъ, славно!

Они шли какъ разъ навстрѣчу надвигавшимся съ юга тучамъ. Тамъ поблескивала молнія, и слышалось глухое ворчаніе грома. Облако надъ головою сжалось, вытянулось и стало лиловымъ, и всѣ облака наверху стали темнѣть.

— А тамъ-то какая идиллія, посмотрите!—сказала Варвара Васильевна.

На сѣверѣ, на бирюзово-синемъ небѣ, бѣлѣли легкія облачка, все было тамъ такъ тихо, мирно и спокойно...

— Туда посмотрѣть и потомъ сразу обернуться сюда,—совсѣмъ два разныхъ міра.

Далеко на дорогѣ взвилось большое облако пыли и окутало сѣрѣвшія надъ рожью крыши деревни; видно было, какъ на горѣ вдругъ забилась старая лозина. Вѣтеръ рванулъ и понесся по ржи, по ней побѣжали большія, раскатистыя волны. И опять все стихло. Только слышалось мирное чириканье птичекъ, вдали протяжно свистнула иволга.

— Господа, не присядемъ ли мы здѣсь на минутку?—сказала Ольга Петровна.

У перекрестка дороги шель угломъ невысокій валь, отгораживавшій деревенскіе конопляники. По ту сторону дороги высился запущенный садъ, сквозь плетень виднѣлись заросшія дорожки и куртины.

— Ну, вотъ еще!—запротестовала Тая.—Дальше, господа, дальше поидемъ!

— Нѣтъ, я тоже усталъ,—присядемъ!—рѣшительно произнесъ Токаревъ.

— Ну, что-жь, присядемъ,—согласилась Варвара Васильевна.

Ольга Петровна, Катя и Вегнеръ устало опустились на валь.

— Такъ давайте большинствомъ голосовъ рѣшимъ,—предложила Тая.

— Я рѣшительно не понимаю, какъ такія вещи можно рѣ-

шать большинствомъ голосовъ! — заговорилъ Токаревъ, враждебно глядя на Таню. — Я удивляюсь, у тебя нѣтъ самаго элементарнаго чувства товарищества! Многіе устали, не могутъ идти, а ты хочешь большинствомъ голосовъ заставить ихъ тащиться за собою!

— Да о чемъ тутъ говорить? Одохнемъ немного, того... покуримъ и пойдемъ дальше, — примирительно произнесъ Митричъ и сѣлъ.

И всѣ сѣли.

— Эхъ, вы, ползучіе люди! — презрительно сказала Таня. Она продолжала стоять, жадно глядя въ надвигавшіяся тучи.

Черно-синія, тяжелыя, онѣ медленно нарастали, поблескивая молніями; громъ доносился ужъ совсѣмъ явственно. За полверсты, на склонахъ горы, вдругъ бѣшено забились и зашумѣла роща, и этотъ шумъ было странно слышать рядомъ съ неподвижнымъ, молчащимъ садомъ. Вскорѣ заревѣлъ и онъ; деревья заметались, сверкая изнанкою листьевъ.

Ночь будетъ страшная и буря будетъ злая,
Сольются въ мракъ и гулъ и небо, и земля... —

продекламировалъ Сергѣй.

— Сергѣй Васильевичъ, вы знаете Фета? — изумленно спросилъ Токаревъ.

— А почему бы мнѣ его не знать? — въ свою очередь удивился Сергѣй. — Очень даже его люблю.

— Сережа, прочти все стихотвореніе, — коротко сказала Варвара Васильевна, подперевъ подбородокъ и глядя вдаль.

Таня стояла, жадно дыша бодримъ, прохладнымъ вѣтромъ.

— Господи, я положительно этого не могу понять! — воскликнула она. — Тутъ настоящая, живая гроза идетъ, а они сидятъ и стихи читаютъ про грозу!.. А ну, васъ! Шеметовъ, пойдѣте впередъ! Мы воротимся.

— Идемъ! — Шеметовъ вскочилъ.

— А, чортъ! Я тоже съ вами! Чего тутъ киснуть? — сказалъ Сергѣй и тоже вскочилъ.

Они втроемъ пошли по дорогѣ навстрѣчу вѣтру. На югѣ свервали яркіе зигзаги молній, громъ доносился громко, но еще довольно долго послѣ молній. Далеко на дорогѣ, на свинцовомъ фонѣ неба, бился подъ вѣтромъ легкій свѣтло-желтый шарфъ на головѣ Тани, и ярко пестрѣли красная и синяя рубашки Сергѣя и Шеметова.

— А гроза-то замѣшкается! — вдругъ лѣниво проговорилъ Митричъ, лежавшій на брюхѣ и жевавшій сухую былинку.

Тучи, дѣйствительно, какъ-будто остановились, вѣтеръ упалъ; наверху вяло двигались клочковатыя облака, — сѣрыя, безсильныя. На нѣсколько минутъ воцарилась мертвая тишина, природа словно

подозрительно прислушивалась. Потомъ все оживилось, птицы беззаботно зачирикали.

— Господи, да вѣдь онѣ вправду остановились! — воскликнула Варвара Васильевна, глядя на неподвижныя тучи.

— А тѣ то, несчастные! — засмѣялась Катя. — Смотрите: стоять и ждуть!

— Эй-эй, ребята! — зычно крикнулъ Митрычъ. — Спектакль отложенъ, ворочайтесь!

Прошло пять минутъ, десять; воздухъ и небо были неподвижны. Таня, Сергѣй и Шеметовъ повернули назадъ.

— А что, хорошая гроза? — спросила Катя.

— О, позоръ, позоръ! Гдѣ мои колоши? Пойду, утоплюся! — воскликнулъ Шеметовъ, валясь на траву.

— Ну, свалился! — возмутилась Таня. — Вставайте же, господа, пойдемте, наконецъ! Неужели еще не отдохнули?

Всѣ встали и пошли дальше. Темнѣло. Тучи на югѣ стояли неподвижно, помигивая молніями. Дорога, обогнувъ овсы, шла въ густой давыдовскій лѣсъ.

— Эхъ, славная вещь гроза! Люблю ее, — заговорила Варвара Васильевна. — Странное она на меня производитъ впечатлѣніе: она такъ поднимаетъ, въ ней есть что-то такое увѣренное, несомнѣнное и творческое... Кажется, — здѣсь, подъ грозой, не можетъ быть никакихъ раздумій и колебаній; все, что будешь дѣлать, будетъ хорошо, нужно, и будетъ какъ разъ то, что и слѣдовало дѣлать. А какъ это хорошо, — дѣйствовать, не раздумывая, когда тебя подхватитъ и понесетъ впередъ большая, могучая сила!..

— Оно такъ теперь и есть, — сказала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

— Гдѣ-жъ оно есть? — возразила она. — Такъ, на минуту, намъ показалось было, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ, нѣтъ того прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія, и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжною.

— Господи, „книжною“! — воскликнула Таня. — Варя, вы, значитъ, совсѣмъ слѣпы, вы ничего не видите кругомъ!

— Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевскій говорить о вѣчномъ русскомъ „скитальцѣ“ — интеллигентѣ и его драмѣ. Недавно казалось, что вопросъ, наконецъ, рѣшенъ, и скиталецъ перестаетъ быть скитальцемъ. Но развѣ это такъ? Конечно, сравнительно съ прежнимъ есть разница, но разница очень небольшая: мы по прежнему

остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни.

— Что ты такое городишь? Я рѣшительно ничего не понимаю!—раздраженно произнесъ Сергѣй, пожавъ плечами. Лицо у него, съ тѣхъ поръ, какъ они съ Таней и Шеметовымъ воротились къ перекрестку, было злое и сѣрое.

— Я говорю, что у насъ все хорошо и стройно только въ теоріи,—продолжала Варвара Васильевна.—Вотъ мы идемъ вмѣстѣ и разговариваемъ, — люди все благомыслящіе и единомыслящіе. Наши идеалы велики и свѣтлы, мы горды собою и своимъ міросозерцаніемъ. Но столкнешься съ жизнью,—и все это тускнѣетъ, и все становится такимъ маленькимъ и жалкимъ по своей безпочвенности... И жизнь говоритъ: „ты горда собою, и горда по праву, и какъ ты можешь поступаться всею полнотою и правдою твоихъ идеаловъ? Но вмѣстѣ' съ этимъ, — а можетъ быть, какъ разъ вслѣдствіе этого,—ты слѣпа и неумѣла, и жизнь тебя отметаегъ“... Иногда мнѣ почти кажется, что я слышу преждее страшное: „не суйся!..“

Таня хотѣла возразить, но Варвара Васильевна продолжала:

— И вотъ возникаютъ вопросы: идти на два или на десять шаговъ впередъ? Сами эти вопросы подлы, подлы до самой сути, они оскорбительны для меня и ставятъ меня въ фальшивое положеніе: я не могу отрекаться отъ самой себя. Но то, — могучее, стихійное,—оно меня не признаетъ, а во мнѣ нѣтъ силы, я—ничто, если не захочу признать этого стихійнаго и его стихійности.

— Чортъ знаетъ, что такое!—возмутилась Таня.—Вотъ такъ вопросы! На два, на десять шаговъ впередъ! Что мнѣ за дѣло до этого? Я хочу идти полнымъ шагомъ, и плевать мнѣ на все и на всѣхъ! Кто отстанетъ,—догоняй, а эдакъ какъ начнутъ всѣ одинъ къ другому принаравливаться, то всѣ и будутъ топтаться на мѣстѣ!

— Bravo, Татьяна Николаевна! — въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй.—Вотъ! Вотъ это самое и есть! Все стихійность, стихійность... Еще новый богъ какой-то, передъ которымъ извольте преклоняться! На себя нужно рассчитывать, а не на стихійность! Стану я себя отрицать, какъ же! Чорта съ два!.. Смѣлѣе нужно быть, нужно идти на свой собственный рискъ и полагаться на свои собственные силы, — только! Будь она проклята, эта стихійность!

— Вѣрно, вѣрно! —согласился и Борисоглѣбскій.—Что она мнѣ за указъ, стихійность эта? Злость у меня есть тутъ здоровенная (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь), — ну, и ладно! Больше мнѣ ничего не нужно!

— Ну, и тѣшьтеся въ такомъ случаѣ бирюльками, гарцуйте съ своею злостью въ безвоздушномъ пространствѣ! — ворчливо произнесъ Шеметовъ.—А я не понимаю и не признаю, что подлаго въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говоритъ Варвара Васильевна. Да, весь вопросъ именно въ томъ,—на два или на десять шаговъ впередъ! Для меня стихійность только и дорога, самый важный, самый главный вопросъ, — какъ къ ней применить. А вы, кучка гарцующихъ, и будете себѣ гарцовать, пока, совершенно независимо отъ васъ, къ вамъ подойдутъ тѣ... Вы сколько ужъ времени,—тридцать, сорокъ лѣтъ гарцуете?..

Они шли теперь по лѣсной полянѣ, среди лѣса. Вокругъ поляны тѣснились темные, кудрявые дубы, и отъ нихъ поляна имѣла какой-то спокойный и серьезный видъ. Тучи на югѣ все росли и темнѣли, но вѣтру не было, и стояла глухая тишина.

Токаревъ молча шелъ и задумчиво слушалъ спорящихъ. На душѣ у него было тяжело: всѣ спорили горячо и страстно, вопросы спора, видимо, имѣли для нихъ такой жизненный, кровный интересъ; онъ старался и себя настроить на такой ладъ, но мысль его оставалась холодною, и онъ чувствовалъ себя чуждымъ и постороннимъ.

Къ нему подошелъ Сергѣй.

— Люблю я эти споры!—сказалъ онъ.—Мысль жива,—работаетъ и ищетъ... А какъ нѣсколько-то лѣтъ назадъ: всѣ вопросы рѣшены, все распределено по ящичкамъ, на ящички наклеены ярлыки. Сиди да любуйся. Вѣдь это—гибель для ученія, смерть!.. Только и оставалось, что спорить съ народниками; другъ съ другомъ не о чемъ было и говорить...

— А что, господа, кобылка тутъ не пробѣгала?—вдругъ радаяся надъ ихъ ухомъ незнакомый, задыхающійся голосъ.

— Фу, чортъ!!—нервно вскрикнулъ Сергѣй и отскочилъ въ сторону.

Въ сумеркахъ передъ ними стоялъ сгорбленный мужикъ съ растеряннымъ лицомъ, въ накинутаго на плечи зипунѣ.

— Вотъ испугаль-то! — улыбнулся Сергѣй, стыдась за свой испугъ.—Какая кобылка?

— Пѣгая кобылка, сбѣгла съ ночного,—что съ нею подѣялось!.. Не иначе, какъ по этой дорогѣ побѣгла... Горе какое!

— Нѣтъ, тутъ не видно было, — сказала Варвара Васильевна.

— Э-эхъ!—вскрикнулъ старикъ, почесавъ въ волосахъ.—Главное дѣло, конь-то молодой, дороги домой не знаетъ, только на Казанскую купленъ...

— Возмутительнѣе всего эти инсинуаціи, на которыхъ вы выѣзжаете!—сердито говорилъ Шеметовъ.—Споръ тутъ вовсе не о принципѣ, а только о фактѣ. Какъ обстоитъ дѣло? По вашему?

Ну, и слава Богу, это—самое лучшее, чего и мы хотимъ. Но только суть-то въ томъ, что вы ошибаетесь.

Они пошли дальше. Варвара Васильевна осталась стоять съ мужикомъ.

— Тутъ весь вопросъ именно въ принципъ, — возражала Тана. — Вопросъ въ этомъ оппортунизмѣ, „практичности“, до-вольствѣ малымъ...

— Кто проповѣдуетъ ваше довольство?—грубо спросилъ Шеметовъ и вдругъ остановился. Онъ поднялъ брови и, словно что вспомнивъ, оглянулся назадъ.—Что это онъ про кобылку-то говорилъ?.. Чортъ знаетъ, что такое! Идетъ девять здоровенныхъ балбесовъ, судьбы отечества рѣшаютъ... Пойдемте, поможемъ ему!

— Пойдемте, господа! — убѣждающе сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй встряхнулся.

— Идемъ!.. Эй, дѣдушка!—крикнулъ онъ старику.—Какая, говоришь, кобылка твоя? Пѣгая?

— Пѣгая, батюшка, нѣгая... Я чего боюсь-то? Ночь подходитъ, непогода, а въ лѣсу у насъ тутъ волки,—задерутъ лошадь.

— Говоришь, въ эту сторону побѣжала?

— Въ эту, въ эту!

— Ну, ладно. Ты самъ откуда, —дернопольскій? Такъ ступай, мы тебѣ приведемъ кобылку твою.

— Самоувѣренно!—засмѣялась Варвара Васильевна, качая головою.

— Подсобить хотите? Ну, дай вамъ Богъ!—обрадовался мужикъ.—Пойдемте! Ужъ больно трудно одному-то!

— Пойдемъ, ребята, большимъ кругомъ, въ эту сторону, —сказалъ Сергѣй.—Чуръ, перевливаться! Сходиться у мостика въ лоцинкѣ, передъ сторожкой.

Всѣ разбрелись по лѣсу, лѣсъ огласился криками и смѣхомъ. На западѣ было еще свѣтло, но кругомъ становилось все темнѣе; среди полной тишины тучи на югѣ росли медленно и увѣренно.

Товаревъ шелъ, продираясь сквозь чащу орѣшниковъ и осинокъ, отступая о пенъки и буреломъ. Слѣва раздались крики и смѣхъ Шеметова и Митрыча.

— Нашли-и-и...—донесся справа голосъ Сергѣя.

— Нашли?—крикнулъ слѣва Шеметовъ.

— Нашли вы?—спросилъ Сергѣй.

— Мы-то не нашли, а ты нашель?

— Нѣтъ, не нашель.

— Чего-жъ ты кричишь „нашли“?

— Я васъ спрашивалъ.

— Дуракъ!..

Лѣсъ вдали глухо зашумѣлъ, по вершинамъ деревьевъ порывисто пронесся вѣтеръ. Токаревъ шель впередъ, стараясь не сбиться съ направленія. Сначала онъ усердно глядѣлъ по сторонамъ, потомъ пересталъ и шель лѣниво, постукивая тросточкою по стволамъ. Крики и ауванья становились все отдаленнѣе.

„Еще заблудишься тутъ!“—подумалъ Токаревъ. Лѣсъ теперь вылъ и шумѣлъ подъ налетѣвшимъ вихремъ, желтые листья и сучки падали на землю. Вдали глухо грохоталъ громъ.

Чаща стала свѣтлѣть. Токаревъ вышелъ на край какой-то лощинки. Внизу вился болотистый ручей, заросшій осокою, квакали лягушки. По косорогу шла дорога и видѣлся мостикъ. Этого, что ли?..

По дорогѣ усталою походкою спускались Варвара Васильевна и Ольга Петровна. Токаревъ направился къ нимъ.

— Не нашли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Нужно будетъ дальше идти. Только подождемъ, чтобъ всѣ собрались... Ау-уу!!

Вдали отълигнулись. Вѣтеръ бѣшено вылъ по лѣсу, глухой шумъ деревьевъ то росъ, то ослабѣвалъ, и по этому глухому шуму струями проносился рѣзкій, шипящій шумъ ближнихъ деревьевъ. Подошли еще Вегнеръ и Катя, потомъ Борисоглѣбскій.

Вдругъ ярко блеснула молнія, небо какъ-будто растрескалось и съ оглушительнымъ грохотомъ посыпалось на землю. Изъ кустовъ неслышно вышелъ Шеметовъ.

— „Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу!“—сказалъ онъ, кивая на небо.

— Не нашли лошадь?—волнуясь, спросила Варвара Васильевна.

— Чортъ ее найдетъ!—проворчалъ Шеметовъ, садясь на мостикъ.

Молніи ярко-бѣлыми стрѣлами сыпались на лѣсъ, громъ яростно катался по небу изъ конца въ конецъ, лѣсъ ревѣлъ и бился. На югѣ было жутко-темно. Ольга Петровна стояла съ блѣдною улыбкою, стараясь побороть страхъ.

На косогорѣ, среди дубовыхъ кустовъ, показался Сергѣй; молнія ярко освѣтила его кумачную рубашку.

— Го-го-го-го!!—въ бѣшеномъ восторгѣ кричалъ онъ, покрывая голосомъ шумъ бури.—Слышите, ребята? Вонъ какъ гремитъ!.. Варька, слышишь?!

Вѣтеръ рвалъ на немъ рубашку, Сергѣй былъ въ какомъ-то восторженномъ экстазѣ.

— Позоръ всѣмъ слабымъ и малодушнымъ!—гремѣлъ онъ.— Позоръ тѣмъ, кто передъ лицомъ грозы отрицаетъ идущую грозу!..

Идетъ она, идетъ! Видите вы ее теперь,—вы, робкіе, сомнѣвающіеся?.. Пришла жизнь, пришла борьба и просторъ! Слава бурѣ!..

— Го-го-го-го!—раздался изъ чащи голосъ Тани.

— Татьяна Николаевна, сюда!—кричалъ Сергѣй.—Наша взяла! Пришла гроза!.. Слава борцамъ, слава всѣмъ друзьямъ грозы...

Таня, изъ развѣвающейся юбки, быстро спустилась къ мосту; глаза ея блестѣли, она упоенно дышала вѣтромъ.

— Ну, что, не нашли?—поспѣшно спросила она.

— Нѣтъ.

— Такъ чего жъ вы сидите? Пойдемте дальше!.. Правда, какъ хорошо?—съ счастливою улыбкою обратилась она къ Токареву.

Токаревъ молча кивнулъ головою, хотя находилъ, что кругомъ становится довольно-таки неуютно.

— Ну, идемъ, господа! Вставайте!—торопила Таня.

— Экая неугомонная!—проворчалъ Шеметовъ.—Куда вставать-то? Очевидно, лошадь украли и увели. Станетъ васъ конюградъ ждать!

— Ну, все-таки, поищемъ еще!—сказала Варвара Васильевна.—Очень ужъ мужика жалко.

— Навѣрное, кобыла сама ужъ домой пришла, — замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— А что пайти-то, конечно, ужъ не найдемъ теперь, — согласился Сергѣй.

— „Позоръ всѣмъ сомнѣвающимся и малодушнымъ!“ — иронически повторила его слова Варвара Васильевна.

— Э, чортъ! Вѣрно, пойдемъ дальше!—воскликнулъ Сергѣй.—Что за позоръ! Бабы насъ ведутъ впередъ!

По дорогѣ забили первыя крупныя капли дождя. Варвара Васильевна украдкой внимательно посмотрѣла на Токарева.

— Только вотъ что: зачѣмъ всѣмъ идти? — сказала она.—Многіе устали. Тутъ сейчасъ за бугромъ сторожка, можно зайти, отдохнуть; тѣмъ болѣе, дождь начинается.

— Господа, да зайдитемте всѣ!—заговорилъ Токаревъ.—Ну, что за охота мокнуть подъ дождемъ! Пройдетъ дождь, тогда и пойдемъ опять искать.

— А тогда ты скажешь, что мокро, ноги промочишь,—ядовито возразила Таня.

Токаревъ нахмурился и замолчалъ.

— Пойдемте, я васъ проведу въ сторожку, — предложила Варвара Васильевна.

— Ну, господа, а мы пойдемъ дальше, — сказала Таня.

— Го-го-го! На выносъ возьмемъ гору! — врывнулъ Сергѣй.

Онъ, Шеметовъ и Митрычъ вмѣстѣ съ Танею быстро взбѣжали на косогоръ.

— Нѣтъ, я отдохну, усталъ,—произнесъ Вегнеръ, съ завистью глядя вслѣдъ убѣгавшимъ.

Варвара Васильевна провела Токарева, Катю, Вегнера и Ольгу Петровну къ лѣсной сторожкѣ. Къ нимъ навстрѣчу вышелъ лѣсникъ,—худощавый, съ краснымъ носомъ, въ пиджакѣ.

— Ну, прощайте пока!—сказала Варвара Васильевна.

— Варвара Васильевна, да передохните же и вы!—возмутился Токаревъ. — Вы блѣдны, какъ полотно,—видимо, вы страшно устали!

— Э, пустяки! Это такъ кажется!

Она исчезла въ темнотѣ.

— А что, любезный, хорошо бы самоварчикъ поставить; найдется у васъ?—обратился Токаревъ къ лѣснику.

— Найдется, помилуйте!.. Сейчасъ поставимъ. А мы за то вина потомъ выпьемъ за ваше здоровье.

Еще разъ блеснула молнія, прокатился громъ, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Онъ шуршалъ по соломенной крышѣ, и журчащими ручьями сбѣгалъ на землю, изъ чернаго лѣса широко потянуло свѣжею, сырою прохладю. Въ сторожку постукались. Вошелъ мужикъ, у котораго убѣжала лошадь; вода струилась по его шапкѣ, лицу и зипуну.

— Не нашли?—спросила его Катя.

— Нѣтъ, барышня!—вздыхнулъ старикъ.—Ужъ и въ деревню сбѣгалъ, не воротилась ли... Нѣту!

Онъ устало опустилсѣ на лавку. Подали самоваръ, стали пить чай. Тараканы бѣгали по стѣнамъ, въ щели трещалъ сверчокъ, на печи ровно дышали спящіе ребята. Громъ гремѣлъ теперь глуше, молніи вспыхивали синимъ свѣтомъ, дождь продолжалъ лить.

Пришли Сергѣй и Шеметовъ; съ обоихъ вода лила ручьями, на сапогахъ налипли кучи грязи, оба были злы.

— Нѣтъ, Татьяна Николаевна—это, положительно, ненормальный человекъ,—сказалъ Сергѣй.—Ужъ Варя, и та созналась, что невозможно найти; а она: „а я все-таки найду!“

— Нѣтъ, вѣдь правда, нелѣпо!—сердито засмѣялся Шеметовъ.— Въ двухъ шагахъ ничего не видно,—по этакому лѣсищу ищи лошадь ощупью!.. И Митрыча несчастнаго запрягла; вряхтитъ, а преть за нею слѣдомъ.

Вскорѣ пришла и Варвара Васильевна. Было ужъ двѣнадцать часовъ. Молча пили чай, разговоръ не вязался; всѣ были вялы и думали о томъ, что по грязи, мокротѣ и холоду придется тащиться домой верстъ восемь. Варвара Васильевна, блѣдная, бодрилась, стараясь скрыть прохватывавшую ее дрожь, Сергѣй

*

и Шеметовъ сидѣли въ облипшихъ рубашкахъ, вздохмаченные и хмурые, какъ мокрые пѣтухи.

— Эй, ребята! Вы здѣсь?—раздался за темными окнами могучій басъ Митрыча.—Выходите встрѣчать, нашли!

Всѣ бросились къ выходу. Въ темнотѣ бѣлѣла лошадь, которую Митрычъ держалъ за оборотъ. Таня, бодрая, оживленная, вбѣжала въ сѣни.

— А что? Нашла?—торжествующе обратилась она къ Сергѣю и Шеметову.—Я говорила, что найду!

— Преклоняюсь!—сказалъ Сергѣй, разведя руками и низко склонилъ голову. Таня сіяла дѣтскою, смѣшною гордостью.

— Ну, и молодецъ же вы, Таня!—радостно воскликнула Варвара Васильевна.

— Ужъ вотъ, барышня, спасибо вамъ!—кланялся мужикъ.—Вѣкъ за васъ уду Бога молить! Пошли вамъ Господь добраго здоровья!

— И вѣдь какъ все вышло!—разсказывала Таня. Идемъ,—что-то въ сторонѣ бѣлѣеть. Митрычъ говоритъ: рѣка!.. Все-таки свернули. А это она! Стоитъ на полянкѣ и щиплетъ траву.

— Нашли, нашли!—радостно повторялъ мужикъ, беря изъ рукъ Митрыча оборотъ.

Таня и Митрычъ выпили остывшаго чаю. Токаревъ расплатился съ лѣсникомъ. Двинулись въ обратный путь.

Усталые и продрогшіе, всѣ вяло тащились по осклизшей, грязной дорогѣ. На сѣверѣ громоздились уходившія тучи, и глухо грохоталъ громъ, надъ лѣсомъ, среди прозрачно-бѣлыхъ тучекъ, плылъ убывавшій мѣсяцъ. Было сыро и холодно, востокъ свѣтлѣлъ.

Лѣсъ остался назади. Митрычъ и Шеметовъ стали напѣвать маршъ, всѣ пошли ровнымъ шагомъ, въ ногу; такъ идти оказалось легче; отъ ходьбы постепенно равнялись, опять раздались шутки смѣхъ.

Когда они пришли въ Изворовку, солнце ужъ встало. Сергѣй и Катя обыскали буфетъ, нашли холодныя яйца въ смятку и полкувшина молока. Всѣ жадно принялись ѣсть. Въ свѣтѣ солнечнаго утра лица выглядѣли сѣрыми и помятыми, глаза странно блестя.

Варвара Васильевна, уходившая къ себѣ въ комнату, воротилась радостная и оживленная, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— Владиміръ Николаевичъ, вы помните по Петербургу Тимофея Балудева?—спросила она.

— Какъ же!—отвѣтилъ Токаревъ.

— Онъ пишетъ, что ѣдетъ въ Екатеринославъ и по дорогѣ, отъ поѣзда до поѣзда, заѣдетъ ко мнѣ въ Томилинскъ; шестого августа, на Преображеніе. Хотите его видѣть?

— Конечно!

— Кто это?—спросила Таня.

— Рабочій, слесарь. Замѣчательно хорошій человѣкъ,—сказала Варвара Васильевна.

— Я тоже хочу его увидѣть,—быстро проговорила Таня съ загорѣвшими глазами.

— Да всѣмъ, всѣмъ нужно его повидать,—рѣшилъ Сергѣй.— Хоть у Вари всѣ люди—замѣчательно-хорошіе люди, а все-таки интересно.

— Ну, а теперь спать!—объявила Варвара Васильевна.— Еле на ногахъ стою.

В. Вересаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ *).

(*Paul de Rousiers. «La question ouvrière en Angleterre». Paris 1895).*

Книга Рузье является результатом изслѣдованія, предпринятаго имъ по порученію парижскаго «Musée social». Онъ былъ въ Англіи, лично осматривалъ тамъ многіе заводы и фабрики и знакомился съ рабочими. Будучи противникомъ социализма, Рузье останавливалъ свое вниманіе преимущественно на «преуспѣвшихъ» рабочихъ, которые, по его словамъ, рѣшили для себя рабочій вопросъ.

Поэтому книга его носитъ нѣсколько односторонній характеръ. Но, какъ бы мы ни относились къ основнымъ взглядамъ автора, нельзя не признать, что изслѣдованіе его заключаетъ въ себѣ много интересныхъ практическихъ данныхъ о жизни рабочихъ въ разныхъ английскихъ городахъ. Читатель не найдетъ въ ней рѣшенія рабочаго вопроса, но зато найдетъ характерныя бытовыя картинки, рисующія столь чуждыя намъ, характерныя фигуры английскихъ рабочихъ въ ихъ семейной и трудовой обстановкѣ. Рузье описываетъ сначала рабочихъ въ мелкомъ производствѣ, ведущемъ непосильную борьбу съ крупными предпріятіями, затѣмъ шотландскихъ углекоповъ и, наконецъ, рабочихъ въ крупной промышленности. Последняя часть его книги, посвященная описанію крупной промышленности, наименѣе интересна: здѣсь онъ даетъ только отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ заводахъ, касающіяся преимущественно технической стороны. Поэтому о ней мы говорить не будемъ.

I.

Для иллюстраціи падающихъ производствъ стараго типа Рузье беретъ одну маленькую мастерскую жельзанныхъ издѣлій въ Бирмингамѣ.

*). Настоящая статья найдена при разборѣ бумагъ покойной Л. К. Давыдовой въ видѣ вполнѣ готовой къ печати работѣ. Намъ извѣстно, что Л. К. Давыдова отложила ее, съ цѣлью сдѣлать нѣкоторыя дополненія по новымъ появившимся книгамъ того же типа, что и Рузье, имѣя въ виду рядъ задуманныхъ ею очерковъ изъ культурной и общественной жизни Западной Европы. Статья печатается безъ всякихъ измѣненій. Ред.

Хозяинъ ея, Жозефъ Браунъ, началъ простымъ рабочимъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался собственникомъ мастерской и дома съ садикомъ, въ которомъ онъ живетъ съ семьей. Это — типъ преуспѣвающаго рабочаго, который, по словамъ Рузье, «рѣшилъ для себя социальный вопросъ».

Конечно, такое рѣшеніе можетъ быть только единичнымъ, и въ сущности является вовсе не «рѣшеніемъ» рабочаго вопроса, а просто счастливою случайностью.

Авторъ книги познакомился съ Брауномъ слѣдующимъ образомъ: въ домѣ одного изъ его друзей служила въ няняхъ сестра Брауна, и хозяйка дома, узнавъ о дѣли пріѣзда своего гостя, достала ему рекомендацію отъ няни къ ея брату. Эта небольшая подробность очень характерна, потому что она рисуетъ ту социальную среду, изъ которой вышелъ Браунъ: самому ему удалось выбиться въ люди и его дочь занимаетъ уже болѣе высокое общественное положеніе, — она служитъ учительницей въ одной изъ городскихъ школъ Бирмингама, а сестра его остается простой прислугой.

Маленькая мастерская Брауна помѣщается въ одномъ изъ рабочихъ предмѣстій Бирмингама. Авторъ засталъ Брауна за работой въ кузницѣ. Узнавъ, что посѣтитель его и есть тотъ самый «джентльменъ», о которомъ ему говорила сестра, Браунъ тотчасъ же оставилъ работу, надѣлъ пиджакъ и отправился показывать ему свои владѣнія. Маленькая мастерская, домъ, гдѣ живетъ семья Брауна, садикъ, окруженный каменной оградой, обвитой ползучими растениями — все это его собственность. Въ мастерской его работаютъ отъ 10 до 22-хъ рабочихъ, и все это специалисты, потратившіе много времени на изученіе своего ремесла, и получающіе хорошую заработную плату — отъ 10 до 12 шил. въ недѣлю въ теченіе всего года. По словамъ Рузье, отношенія Брауна къ своимъ рабочимъ далеко не патріархальныя, что, впрочемъ, замѣчается и въ большинствѣ маленькихъ мастерскихъ, въ которыхъ вообще рабочіе поставлены хуже, чѣмъ на крупныхъ фабрикахъ. «У Брауна это особенно рѣзко бросается въ глаза, потому что вообще онъ чрезвычайно привѣтливъ и мягокъ, — говорятъ Рузье, — о своей женѣ онъ всегда отзывается съ искреннимъ чувствомъ, которое приятно поражаетъ васъ въ человѣкѣ, женатомъ 25 лѣтъ; дѣти болтаютъ съ нимъ безъ всякаго стѣсненія и страха, но къ рабочимъ онъ относится далеко не по отечески».

Изъ разговоровъ съ Брауномъ выясняется, что его мастерская, которая въ былыя времена процвѣтала и послужила единственнымъ источникомъ благосостоянія для всей его семьи, состоящей изъ жены и 8 человѣкъ дѣтей, теперь находится въ упадкѣ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ крупными предпріятіями, выполняющими ту же работу машиннымъ способомъ.

— Дѣйствительно ли все дѣло заключается въ конкуренціи ма-

шинъ?—спрашивалъ авторъ изслѣдованія у своего собесѣдника.—Можетъ быть, одной изъ причинъ вашей неудачи являются также неблагоприятныя условія при покупкѣ сырья?

— Конечно, — отвѣчалъ Браунъ, — но эти неблагоприятныя условія играютъ лишь самую незначительную роль. Если бы я велъ производство въ крупныхъ размѣрахъ, я прямо заказывалъ бы желѣзо на какомъ-нибудь большомъ заводѣ въ Шеффилдѣ или Бирмингамѣ, и мнѣ оно обходилось бы гораздо дешевле; но тамъ не принимаютъ заказовъ меньше, чѣмъ на десять тоннъ сразу, а для меня это слишкомъ много. Поэтому приходится прибѣгать къ посредникамъ и переплачивать имъ на каждой тоннѣ. Но, главное, мы имѣемъ страшнаго соперника въ лицѣ машины и въ скоромъ времени ручныя кузнечныя издѣлія совсѣмъ исчезнутъ.

Сознавая неизбѣжность упадка своего ремесла, Браунъ рѣшилъ обезпечить будущность своихъ дѣтей на другомъ пути. Это ремесло дало ему возможность воспитать дѣтей, но онъ не хочетъ, чтобы они продолжали его дѣло: одинъ изъ его сыновей служитъ въ торговой конторѣ, двое другихъ эмигрировали въ Новую Зеландію, и только старшій сынъ, Джо, помогаетъ отцу, да и тотъ специализировался не въ технической работѣ, а ведетъ коммерческую часть предпріятія и приобретаетъ знанія и опытъ, которыя могутъ пригодиться ему во всякомъ другомъ дѣлѣ.

— Все это очень просто рассказывается, — замѣчаетъ Рузье, — а на дѣлѣ оно вовсе не такъ просто. Сколько есть рабочихъ, которые во чтó бы то ни стало держатся за какое-нибудь падающее производство, требуютъ поддержки и искусственныхъ ограниченій. Браунъ ни отъ кого ничего не требуетъ: онъ только констатируетъ фактъ, что для его дѣтей его предпріятіе не будетъ такимъ выгоднымъ, какимъ оно было для него, и старается обезпечить имъ другой заработокъ.

Рузье подробно описываетъ вечеръ, проведенный имъ въ семьѣ Брауна.

«Въ восемь часовъ вечера, — говоритъ онъ, — я звонилъ у двери Брауна. Мнѣ открыла мистриссъ Браунъ; она попросила меня войти въ гостиную и немного подождать мужа, который долженъ сейчасъ вернуться. Оставшись одинъ, я воспользовался этимъ, чтобы осмотрѣть ихъ обстановку. Гостиная — небольшая квадратная комната, съ однимъ окномъ на улицу. Полъ устланъ цѣльнымъ ковромъ. Съ потолка спускается люстра съ тремя рожками газа. Противъ входной двери бѣлый мраморный каминъ, надъ нимъ стѣнное зеркало. Мебель солидная, семейная, прослужившая уже много лѣтъ, покрыта темнымъ репсомъ. Столы покрыты скатертями. Одинъ столъ заваленъ книгами и альбомами. На столахъ и на каминѣ красуются многочисленныя фотографическія карточки, а на стѣнахъ висятъ двѣ — три гравюры. Такова гостиная Жозефа Брауна.

«Въ ожиданіи ховяина, я разговариваю съ его двумя маленькими

сынншкѣми, которые съ любопытствомъ разглядываютъ меня. Младшій, молодой человекъ лѣтъ 8, показываетъ мнѣ книжку съ картинками, изображающими разныхъ животныхъ. Мы вмѣстѣ просматриваемъ картинки, обмѣниваемся различными соображеніями относительно носороговъ, львовъ, ягуаровъ, и пр., и вскорѣ дѣлаемся большими друзьями. Его братъ, старше его на два года, въ свободное время занимается музыкой. Онъ приноситъ свою скрипку и извлекаетъ изъ нея нѣсколько звуковъ, предварительно объяснивъ мнѣ, что онъ взялъ всего одинъ урокъ. Это можно было заключить и по его игрѣ, но тѣмъ не менѣе я совѣтую ему продолжать заниматься. Мои поощрительные совѣты, впрочемъ, совершенно излишни, потому что, въ качествѣ маленькихъ англичанъ, мои новые друзья относятся ко всѣмъ своимъ занятіямъ съ глубочайшею серьезностью. Эта серьезность ихъ невольно заставляетъ меня улыбаться, когда я бесѣдую съ ними о ягуарахъ и о скрипичныхъ гаммахъ, но въ то же время я сознаю, что именно это свойство и сдѣлаетъ изъ нихъ впоследствии людей, способныхъ выйти побѣдителями въ борьбѣ за существованіе.

Пока мы бесѣдуемъ, приходитъ и самъ м-ръ Браунъ, но я вижу передъ собою уже не рабочаго въ кожаномъ фартукѣ и безъ жилетки, какъ утромъ въ мастерской, а прилично одѣтаго господина въ сѣрой пиджачной парѣ весьма недурного покроя. Браунъ предлагаетъ мнѣ сигару и стаканъ «виски съ содой», и у насъ начинается обстоятельный разговоръ о его жизни и работѣ.

Исторія Брауна очень несложна: отецъ его былъ рабочимъ механикомъ и произвелъ на свѣтъ многочисленное потомство: онъ былъ женатъ дважды и имѣлъ 15 дѣтей. Маленькій Джо съ 11 лѣтъ былъ отданъ въ ученіе въ желѣзно-дорожную мастерскую желѣзныхъ издѣлій. Образованіе его оставляло желать очень многого: онъ мало посѣщалъ школу и, вѣроятно, всю жизнь ничего бы не добился, если бы съ 14 лѣтъ не созналъ необходимости пополнить свои скудные знанія: онъ усердно началъ посѣщать вечерніе классы, читалъ, учился, и не останавливался передъ добровольно-налагаемымъ на себя трудомъ въ томъ возрастѣ, когда большинство дѣтей думаютъ только о томъ, чтобы продлить свои часы досуга.

18-ти лѣтъ Браунъ кончилъ свое ученичество и поступилъ въ подмастерья въ одну маленькую мастерскую желѣзныхъ издѣлій. Возможно, что, покидая желѣзно-дорожную мастерскую, онъ уже мечталъ о независимомъ положеніи мелкаго предпринимателя, работающаго въ своей собственной мастерской, чего онъ и достигъ впоследствии. Въ это время Браунъ женился и вскорѣ рѣшился завести свое маленькое предпріятіе. Но на первыхъ порахъ его постигла неудача: предпріятіе лопнуло и Браунъ остался на улицѣ съ женою и 4-мя маленькими дѣтьми. Приходилось начинать съизнова. Ему удалось получить хорошій заказъ и онъ принялся за дѣло съ двумя подмастерьями. Мало-по-малу

кругъ его заказовъ расширился и ему удалось вполне упрочить свое положеніе.

Дѣти Брауна начали работать въ томъ же возрастѣ, какъ и ихъ отецъ: старшій сынъ, 14 лѣтъ, поступилъ приказчикомъ въ одинъ магазинъ и зарабатывалъ 10 шилл. въ недѣлю, но онъ не ужился тамъ и вернулся въ отцовскую мастерскую, гдѣ завѣдуетъ теперь всею коммерческою частью и получаетъ 30 шилл. въ недѣлю. Другой братъ его служитъ въ большомъ фруктовомъ магазинѣ и дѣла его идутъ прекрасно: онъ уже скопилъ себѣ нѣкоторую сумму денегъ, собирается жениться и завести собственную лавочку. Двое среднихъ сыновей Брауна эмигрировали въ Новую Зеландію. Одинъ изъ нихъ, Джекъ, въ Бирмингамѣ занимался свиноводствомъ и дѣла его шли недурно— онъ успѣлъ скопить около 500 шилл., но здѣсь трудно было рассчитывать на быстрый успѣхъ, и вотъ онъ рѣшилъ попытать счастья въ Новой Зеландіи. Скопленныхъ 500 шилл. хватало какъ разъ на билетъ 3-го класса до Новой Зеландіи. Отецъ далъ ему небольшую сумму на первые расходы, подарилъ ему пилу и топоръ и снарядилъ его въ путь. Пила и топоръ ему очень пригодились: пріѣхавъ въ свою новую отчизну, онъ выстроилъ себѣ самъ хижину и занялся овцеводствомъ. Дѣла его вскорѣ начали процвѣтать и онъ выписалъ себѣ цѣлый рядъ машинъ изъ Англіи черезъ отца. На вопросъ Рузье, что Браунъ, вѣроятно, послалъ эти машины сыну въ подарокъ, тотъ отвѣтилъ: «Нисколько. Я только не получилъ никакой прибыли за свое посредничество и послалъ ихъ ему въ кредитъ, согласившись на уплату по частямъ. Онъ и до сихъ поръ еще долженъ мнѣ 50 ф. стерл., но, конечно, въ положенные сроки выплатить ихъ».

Успѣхъ Джека побудилъ слѣдующаго брата Джона также отправиться въ Новую Зеландію и теперь они оба подговариваютъ всю семью эмигрировать туда. М-съ Браунъ не прочь была-бы послѣдовать за своими дѣтьми, но самъ Браунъ не можетъ разстаться съ насильственнымъ мѣстечкомъ.

Въ настоящее время семья Брауна живетъ вполне культурною жизнью: у нихъ въ домѣ нѣтъ прислуги, и м-съ Браунъ сама готовитъ и исполняетъ всѣ домашнія работы, но лѣтомъ они каждый годъ ѣздятъ куда нибудь къ морю или въ горы, «чтобы освѣжиться и отдохнуть». Однажды они даже переправились черезъ Ламаншъ и провели мѣсяць на берегу Бретани.

II.

Браунъ является представителемъ падающей отрасли производства, которая до сихъ поръ, однако, еще кое-какъ выдерживаетъ борьбу за существованіе и даетъ извѣстный доходъ; она погибаетъ; но еще не погибла. Рассказавъ его исторію, Рузье переходитъ къ совершенно

поблжденной отрасли производства—ручному ткачеству. Онъ воспроизводитъ передъ нами интересную фигуру ручного ткача изъ Ковентри—Геттериджа, пользуясь его автобіографіей, подъ названіемъ: «Lights and Shadows in the Life of an Artisan» (Свѣтъ и тѣни въ жизни одного ремесленника).

Геттериджъ былъ свидѣтелемъ «промышленной революціи» въ его отрасли производства. Въ 1831 году онъ работалъ въ качествѣ подмастерья на мануфактурѣ своего отца, когда владѣлецъ сосѣдней фабрики впервые примѣнилъ паровую машину къ производству шелковыхъ лентъ. Это произвело пѣлый переворотъ въ жизни города. На новую фабрику брали молодыхъ дѣвушекъ, которымъ платили ^{поне-}дѣльно. Рабочіе поняли, что имъ угрожаетъ опасная конкуренція: женщины, которыя до сихъ поръ допускались только въ качествѣ помощницъ, безъ всякихъ техническихъ знаній, могли съ успѣхомъ замѣнять ихъ при машинномъ производствѣ! Къ чему-же тогда служили 7 лѣтъ ученичества, которыми они покупали право работать въ качествѣ ткачей? Общее недовольство выразилось сначала въ протестахъ, въ негодующихъ митингахъ, а вскорѣ отъ словъ перешли къ дѣлу—толпа рабочихъ отправилась къ фабрикѣ м-ра Бека, посадила владѣльца ея на осла, лицомъ къ хвосту, и торжественно провезла его такимъ образомъ по всѣмъ улицамъ города. Часть рабочихъ присоединилась къ этой процессіи, а часть бросилась на фабрику, сломала ненавистныя машины и подожгла фабричныя зданія.

Подобныя инциденты происходили тогда по всей Англіи: рабочіе упорно противились введенію машинъ. Геттериджъ рассказываетъ, какого труда стоило тогда приписаться къ какому-нибудь ремеслу. Для этого нужно было пройти семь лѣтъ ученичества, причемъ ученикъ былъ связанъ съ мастеромъ неразрывнымъ контрактомъ и получалъ за свою работу только половинную плату; другая половина удерживалась его хозяиномъ. Къ тому же, если судьба посылала ему хозяина, склоннаго къ спиртнымъ напиткамъ, какъ это случилось съ Геттериджемъ, то, несмотря на 7 лѣтъ ученичества, трудно было выучиться какъ слѣдуетъ ремеслу. Вообще ученичество утрачивало характеръ обученія, а дѣлалось просто семилѣтнимъ предварительнымъ искусомъ для достиженія званія рабочаго.

Изобрѣтательный умъ Геттериджа тяготился однообразной [ткаческой работой: его влекло къ механикѣ и на этомъ пути онъ, вѣроятно, достигъ бы большихъ результатовъ, но тѣ же ограниченія, которыя окружали его ремесло, заграждали ему доступъ въ другія. Кончивъ ученичество ленточнаго ткача, онъ подумывалъ сдѣлаться часовыхъ дѣль мастеромъ. Эта отрасль промышленности тогда процвѣтала въ Ковентри и болѣе отвѣчала его вкусамъ, чѣмъ ткачество, но тамъ тоже нужно было пройти 7 лѣтъ ученичества. Такимъ образомъ, Геттериджъ на всю жизнь оказался связаннымъ съ ремесломъ, которое

было ему не по душѣ и которое, къ тому же, находилось въ упадкѣ, вслѣдствіе введенія машинъ.

То измѣняется мода: вмѣсто лентъ, шляпы гарнируются перьями и кружевами, и тотчасъ же въ ленточномъ производствѣ наступаетъ застой. Америка закрываетъ свой рынокъ запретительными пошлинами, это тотчасъ же отражается на производствѣ лентъ въ Ковентря и непосредственно затрогиваетъ Геттериджа. Онъ женится и вмѣстѣ со своей семьей терпитъ постоянную нужду. Нужда эта доходитъ до такихъ предѣловъ, что приходится постепенно распродавать всю мебель и бросать въ огонь послѣдній стулъ, чтобы немного согрѣть комнату, потому что дровъ купить не на что. Сравнивая положеніе такого «независимаго» рабочаго, какъ Геттериджъ, съ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ, Рузье приходитъ къ убѣжденію, что вторые находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ первые. По справедливому замѣчанію Чарльса Бутса, автора извѣстнаго изслѣдованія о «Жизни и трудѣ лондонскаго населенія», «нѣтъ болѣе тяжелой доли, чѣмъ доля одинокаго рабочаго, работающаго для неизвѣстнаго и необезпеченнаго рынка и не имѣющаго другого хозяина, кромѣ необходимости прокормиться. Этотъ «независимый трудъ», также какъ и фабричная работа представляютъ собою различныя формы экономическаго рабства, но послѣдняя форма, въ общемъ, можетъ быть признана менѣе желательной».

Геттериджу пришлось на своей спинѣ испытать всѣ удовольствія такого «независимаго» положенія. Съ большимъ трудомъ, на занятія деньги, ему удалось приобрести ткацкій станокъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣла его шли недурно: онъ могъ даже позволить себѣ маленькую роскошь—покупалъ книги и началъ собирать коллекцію раковинъ. Но вотъ насталъ тяжелый промышленный кризисъ 1860 г. и Геттериджъ въ теченіе цѣлаго года остается безъ работы. Всѣ его сбереженія растаяли, и ему съ большимъ трудомъ удалось снова устроить мастерскую и купить новые, усовершенствованныя станки. Наконецъ, мечта его сбывается: онъ заводитъ собственную маленькую мастерскую и работаетъ въ ней вмѣстѣ со своей женой. Но, къ несчастью, спросъ на ленты сокращается, и Геттериджъ, не имѣя запасовъ, принужденъ жить случайной, столярной работой. Благодаря своимъ не зауряднымъ способностямъ, онъ кое-какъ изворачивается: начинаетъ фабриковать собственными средствами микроскопы, скрипки, и пр. Въ 90-хъ годахъ онъ не могъ заработать ни одного пенни своимъ ремесломъ и перебивается разными побочными заработками. Въ настоящее время ему 75 лѣтъ и онъ живетъ на маленькую пенсію, которую ему даютъ друзья. Эти же друзья помогли ему издать его автобіографію. Но не надо забывать, что Геттериджъ — человѣкъ не заурядный, обладающій даже, какъ видно изъ его книги, нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ. И если такой человѣкъ на старости лѣтъ остается безъ куска хлѣба

и принужденъ прибѣгать къ общественной благотворительности, то какова же участь другихъ, менѣе одаренныхъ представителей погибающихъ отраслей промышленности!

Рузье приводитъ также интересную исторію другого ткача-неудачника и поэта, Вильяма Тома *). Вильямъ Томъ также былъ рабочимъ стараго типа—онъ былъ ручнымъ ткачомъ бумажныхъ матерій. Судьба его во многомъ напоминаетъ судьбу Гёттериджа: та же падающая отрасль промышленности, не выдерживающая конкуренціи съ грозною силою фабрикъ, снабженныхъ механическими двигателями и новѣйшими техническими усовершенствованіями; тѣ же кризисы, выбрасывающіе тысячи рабочихъ на улицу и заставляющіе Тома кочевать изъ города въ городъ, въ надеждѣ найти работу. Чтобы какъ-нибудь прокормить семью, Томъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству—распродаетъ маленькую библіотечку, которую онъ съ такой любовью собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ бродитъ съ семьей по деревнямъ, играетъ на флейтѣ и поетъ собственные стихи подъ эту музыку. Фермеры даютъ кое-какіе гроши странствующему пѣвцу, и на эти деньги существуетъ вся семья. Зима стоитъ суровая и дѣти дрожатъ отъ холода, странствуя въ туманныя ночи. Младшая дѣвочка умираетъ отъ холода и голода въ одной глухой деревушкѣ, и семья, схоронивъ ее на пути, продолжаетъ свое странствованіе. Наконецъ они добираются до Абердина, гдѣ Томъ находитъ работу, но не надолго: черезъ годъ снова наступаетъ безработица, а съ нею нужда.

III.

Далѣе Рузье описываетъ положеніе рабочихъ въ копяхъ Шотландіи и для иллюстраціи беретъ семью углекопа Фишера. Фишеръ также является «преуслѣвшимъ» рабочимъ, но для насъ онъ интереснѣе Брауна, потому что онъ остался настоящимъ рабочимъ и продолжаетъ работать въ тѣхъ же копяхъ, гдѣ и началась его трудовая жизнь.

Маленькая деревня Розуэль сплошь заселена углекопами, работающими въ копяхъ «White Hill Colliery». Можно сказать безъ преувеличенія, что вся жизнь деревни находится въ зависимости отъ компаніи, владѣющей копами. Всѣ дома въ деревнѣ принадлежатъ ей, все и вся находится въ ея власти. По словамъ Рузье, углекопы также прикрѣплены къ подземнымъ пластамъ каменнаго угля, какъ средневѣковые крѣпостные были прикрѣплены къ землѣ. Несмотря на отсутствіе юридическаго закрѣпощенія, оно фактически сохраняется въ полной силѣ: поколѣнія за поколѣніями жителей Розуэля работаютъ на шахтахъ. Деревня живетъ совсѣмъ обособленной жизнью. Углекопы свыкаются со своей работой и не ищутъ себѣ другихъ заработковъ, потому что они пред-

*) «Rhymes and Recollections of a hand-hoom Weaver», by William Thom.

ставляютъ собою рабочихъ стараго типа, рабочихъ-спеціалистовъ, связанныхъ къ своей профессіи.

«Я познакомился съ Фишеромъ,—разсказываетъ Рузье,—черезъ школьную учительницу Розуэля и въ первый разъ зашелъ къ нему около 7 часовъ вечера. Онъ только что облекся въ свой рабочій костюмъ. Фишеръ работаетъ въ ночной сдѣнѣ и поэтому вечеромъ не можетъ принимать гостей. По утрамъ онъ спитъ, пользуясь тѣмъ, что дѣтя въ школѣ и въ домѣ тихо. Поэтому мы назначаемъ себѣ свиданье на другой день утромъ.

«Какъ всѣ рабочіе «въ «White Hill Colliery», Фишеръ работаетъ только 5 дней въ недѣлю: по субботамъ и воскресеньямъ въ шахтахъ нѣтъ работы. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ по субботамъ работали до полудня, но теперь установленъ полный субботній отдыхъ. Я спрашиваю Фишера, довольны ли рабочіе этимъ новымъ праздникомъ.

— Конечно,—отвѣчаетъ онъ.—Вѣдь мы же сами его и постановили.

Фишеръ вообще стоитъ за сокращеніе часовъ. «Когда я начиналъ работать,—разсказываетъ онъ,—рабочій день продолжался 12 часовъ, теперь онъ длится всего 9 часовъ въ Розуэлѣ, а въ другихъ деревняхъ — 8 ч., и мы отъ этого значительно выиграли. Я помню, что представляли собою углекопы, когда имъ приходилось работать по 12 часовъ въ день: почти никто изъ нихъ не читалъ газетъ и не интересовался общественными дѣлами; они гораздо рѣже насъ ходили въ церковь, вообще жизнь ихъ была скучной. Зимой имъ приходилось спускаться въ шахту, когда было еще совсѣмъ темно, и они выходили изъ нея только вечеромъ; по цѣлымъ недѣлямъ они не видѣли солнца, кромѣ какъ по воскресеньямъ».

Въ настоящее время розуэльскіе углекопы проводятъ въ шахтахъ 46 часовъ въ недѣлю: дневная сдѣна спускается въ шахту въ 6 часовъ утра и возвращается въ 3 часа пополудни; въ 9 ч. работа прерывается на полчаса для завтрака. Дневные рабочіе получаютъ отъ 22 до 30 шил. *) въ недѣлю, т.-е. въ среднемъ около 6 шил. въ день. Рабочіе въ въ ночной сдѣнѣ получаютъ отъ 30 до 35 шил. въ недѣлю. Правда, 35 шил. получаютъ только тѣ изъ нихъ, которые, какъ Фишеръ, добровольно работаютъ больше и остаются въ шахтѣ не 9, а 10 часовъ.

Работа въ Розуэлѣ имѣется постоянная и непрерывная, поэтому годовой заработокъ такого рабочаго, какъ Фишеръ, составляетъ около 1.800 шил. Къ доходамъ семьи нужно прибавить еще заработки двухъ старшихъ сыновей Фишера, изъ которыхъ одинъ служитъ въ конторѣ компаніи, а другой—подмастерьемъ въ столярной мастерской, состоящей при шахтѣ. Первый зарабатываетъ 7 шил., а второй—6 шил. въ недѣлю. Деньги эти идутъ въ общую семейную кассу, и такимъ образомъ

*) Шиллингъ около 50 к. по курсу.

составляется бюджетъ въ 2.380 шил. Посмотримъ же теперь, какъ живетъ семья Фишера на эти деньги.

Деревня Розуэль, въ которой живетъ 300 углекоповъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, застроенныхъ одинаковыми маленькими кирпичными домиками. Домики эти построены углепромышленной компаніей и отдаются въ наемъ рабочимъ семьямъ по 2 шил. въ недѣлю. Каждый домикъ имѣетъ передъ собой маленькій цвѣтникъ въ 25 метр., обнесенный невысокой каменной оградой. Цвѣтники, засаженные яркими, пестрыми цвѣтами, придаютъ веселый видъ маленькимъ домикамъ, и углекопы, возвращаясь домой изъ темныхъ подземныхъ копей, сразу попадаютъ въ уютную и веселую обстановку. Фишеръ, обитающій въ одномъ изъ такихъ домиковъ, очень ревностно ухаживаетъ за своими грядками герани и анютиныхъ глазокъ и, видимо, гордится этимъ цвѣтникомъ. За домомъ находится маленький огородъ, въ которомъ произрастаютъ овощи, играющіе довольно значительную роль въ его хозяйствѣ. Подобно многимъ углекопамъ, Фишеръ—хорошій садоводъ: послѣ мрачной подземной работы, работа въ саду и огородѣ представляетъ для нихъ особую прелесть. По словамъ Рузье, онъ наблюдалъ эту любовь къ садоводству не только въ Шотландіи и Англіи, но и во Франціи, гдѣ даже въ большихъ городахъ углекопы селятся на окраинахъ и стараются обзавестись небольшимъ садомъ.

«Внутреннее устройство дома очень просто: въ каждомъ имѣются 2 маленькія комнаты. Каждая комната съ альковомъ, въ которомъ помѣщается по 2 кровати. Все помѣщеніе занимаетъ около 45 кв. метровъ. Это очень немного, принимая въ соображеніе количество дѣтей. Фишеръ, женатый 18 лѣтъ, имѣетъ 8 человекъ дѣтей. Трое дѣтей у него умерло, замѣчаетъ Рузье, и такъ какъ послѣдній «бэби» родился всего нѣсколько недѣль тому назадъ, то есть основаніе думать, что онъ не навсегда останется послѣднимъ. Старшая дочь находится въ услуженіи, и въ маленькомъ домикѣ живутъ, не считая бэби, 8 человекъ: бэби помѣщается въ деревянной корзинкѣ, довольно примитивнаго устройства, а остальные члены семьи спятъ по двое въ 4-хъ кроватяхъ. Удивительнѣе всего то, что при такомъ большомъ количествѣ дѣтей и маленькихъ размѣрахъ квартиры, въ домѣ Фишера царитъ образцовая чистота и все имѣетъ вполне «респектабельный» (respectable) видъ.

Въ Англіи условія жизни углекоповъ гораздо лучше, чѣмъ въ Шотландіи: въ Страффордширѣ, напр., жилища углекоповъ состоятъ минимумъ изъ 3-хъ комнатъ. Англійскіе углекопы не согласились бы жить въ такой тѣснотѣ.

Это объясняется, по мнѣнію Рузье, тѣмъ, что уровень потребностей рабочихъ въ Англіи выше, чѣмъ въ Шотландіи. Англійскій рабочий ставитъ себѣ задачей хорошо работать и хорошо жить, и возлагаетъ надежды на увеличеніе производительности своего труда, а

не на сокращеніе своихъ расходовъ. Шотландскіе рабочіе стремятся къ тому же, но имъ труднѣе осуществить это, потому что промышленное развитіе въ Шотландіи не такъ подвинуто, какъ въ Англіи.

Кромѣ того, одной изъ главныхъ причинъ плохихъ жилищъ розуэльскихъ углекоповъ является то, что эти жилища принадлежатъ владѣльцамъ копей, которые преслѣдуютъ главнымъ образомъ свои выгоды, а не интересы рабочихъ.

Однимъ изъ преимуществъ Розуэля является отсутствіе скученности. Улицы широкія, дома построены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ концѣ улицы устроенъ водоемъ, снабжающій водою всѣхъ жителей.

Внутренняя обстановка жилища Фишеровъ не отличается особенной изысканностью: первая комната служитъ въ одно время и спальней, и кухней, и столовой; въ ней стоитъ деревянный буфетъ, большой столъ, 4 стула и соломенное кресло. У окна красуется прекрасная швейная машина, недавно приобретенная за 8 ф. стерл. Это — самая дорогая вещь въ домѣ, и она постоянно находится въ употребленіи. М-съ Фишеръ сама обшиваетъ всю семью.

Вторая комната обставлена съ нѣскольکو большею роскошью. Въ ней, какъ и въ первой, есть альковъ съ двумя кроватями, отдѣленный ситцевой занавѣской; но передъ занавѣской стоитъ мягкая мебель — 6 стульевъ и кресло, обтянутыя темнымъ репсомъ, какой мы уже видѣли у Брауна. У стѣны — коммодъ и зеркало съ разными украшениями. Окна завѣшаны бѣлыми занавѣсками.

Ѣдятъ шотландскіе углекопы тоже гораздо хуже своихъ англійскихъ товарищей: мясо они ѣдятъ только разъ въ день и пуддинги только по праздникамъ.

Фишеры обѣдаютъ послѣ 12 часовъ; обѣдъ состоитъ изъ супа, мясного блюда и овощей, главнымъ образомъ картофеля. Вечеромъ, въ 6 часовъ, пьютъ чай съ хлѣбомъ и вареньемъ и закусываютъ чѣмъ нибудь легкимъ — яйцами, селедкой и пр. При второй ѣдѣ мясо обыкновенно замѣняется какой нибудь рыбой, которая здѣсь очень дешева, благодаря близости рыбацкихъ деревень на морскомъ берегу.

Рузье говоритъ, что, когда онъ рассказывалъ Фишерамъ сколько ѣдятъ англійскіе рабочіе, тѣ приходили въ ужасъ отъ этого избытка пищи.

М-съ Фишеръ покупаетъ всю провизію въ кооперативной лавкѣ, устроенной въ деревнѣ. Тамъ имѣется и мясо, и хлѣбъ, и колоніальные товары. Фишеръ и его жена не нахвалятся этой лавкой.

По ихъ словамъ, продукты тамъ гораздо лучше и дешевле чѣмъ въ другихъ розуэльскихъ лавкахъ. И дѣйствительно, эта лавка чрезвычайно полезна для населенія, потому что благодаря ей прекратилась эксплуатація потребителей лавочникомъ, который раньше въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Розуэль, являлся полнымъ хозяиномъ,

и, благодаря отсутствію конкуренціи, могъ назначать какія угодно цѣны за свои товары. Фишеръ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что можетъ теперь покупать хлѣбъ на полпенса дешевле, чѣмъ раньше, говядину по 8 пенсовъ за фунтъ, чай по 4 шил., и пр. Но не это одно заставляетъ его такъ дорожить своимъ званіемъ члена мѣстнаго потребительнаго общества.

«Каждый триместръ,—разсказываетъ онъ,—мы получаемъ извѣстные сбереженія, скопившіяся на общей суммѣ нашихъ покупокъ. Послѣдній разъ мы получили по 4 шил. на каждый фунтъ стерлинговъ. Конечно, это указываетъ на то, что мы нѣсколько переплачиваемъ при нашихъ ежедневныхъ покупкахъ (хотя и то они обходятся намъ дешевле, чѣмъ раньше), но, благодаря такому устройству, мы получаемъ сразу небольшую сумму денегъ, которая идетъ на одежду. Большинство членовъ потребительнаго общества на это и рассчитываетъ, и къ этому времени и пригоняютъ заказы бѣлья и платьевъ, которые они могутъ получить тутъ же, въ кооперативной лавкѣ. Такимъ образомъ, потребительное общество является въ то же время и сберегательной кассой. Замѣтимъ кстати, что на этомъ же принципѣ основано и большинство бельгійскихъ потребительныхъ обществъ, напр., извѣстное общество «Впередъ» въ Гентѣ *).

Но потребительное общество въ Розуэлѣ не только удешевляетъ стоимость жизни и облегчаетъ сбереженія: оно является также практической школой для рабочихъ, учитъ ихъ отстаивать свои интересы и руководить предпріятіемъ. Фишеръ разсказываетъ по этому поводу:

«На общемъ собраніи, собирающемся каждые три мѣсяца, мы платимъ жалованье приказчикамъ, за помѣщеніе магазина и уплачиваемъ по счетамъ, представляемымъ управляющимъ лавкою. Все дѣло, конечно, находится въ его рукахъ, но мы можемъ смѣстить его, если будемъ имъ недовольны».

Изъ словъ Фишера видно, что контроль общихъ собраній надъ управляющимъ—самый серьезный и дѣйствительный. Не надо забывать, что этотъ контроль практикуется рабочими надъ операціями, которыя близко затрагиваютъ ихъ интересы и въ которыхъ они повинуются толкѣ. По справедливому замѣчанію Рузье, такія кооперативныя лавки являются прекрасной школой здоровой демократіи, въ которыхъ рабочіе могутъ подготовляться къ пользованію своими политическими правами.

Вотъ приблизительный годово́й бюджетъ семьи Фишера, являющійся типичнымъ для шотландскихъ углекоповъ; бюджетъ этотъ вычисленъ у Рузье въ франкахъ, а мы переведемъ его на русскія деньги, считая франкъ по 40 коп.:

*) См. «М. В.» 1900 г., июнь, отд. II, 63. «Потребительныя общества въ Бельгіи».

Доходъ.

Жалованье Фишера	840 руб. — коп.
Жалованье двухъ сыновей	350 » — »
	<hr/>
	1.190 » — »

Расходъ.

Плата за квартиру съ садомъ	52 руб. — коп.
Расходы на мебель и бѣлье	40 » — »
Отопленіе	42 » — »
Освѣщеніе	20 » — »
Ѣда	640 » — »
Одежда	140 » — »
Лѣкарства и доктора	7 » — »
Развлеченія	24 » — »
Взносы въ рабочіе союзы	2 » 40 »
Учебныя пособія	4 » — »
Страховка	20 » 80 »

Въ общемъ получается ежегодная сумма расходовъ около 990 р., и на непредвидѣнные расходы остается еще до 200 р. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ ежегодный расходъ «на развлеченія» включаются и расходы на газеты. Фишеръ выписываетъ двѣ газеты—одну ежедневную и одну еженедѣльную. Онъ вообще очень интересуется политикой и слѣдитъ не только за англійскими дѣлами, но и за тѣми, что дѣлается за предѣлами его отечества. По словамъ Рузье, этотъ углекопъ гораздо лучше освѣдомленъ на счетъ современныхъ вопросовъ, чѣмъ огромное большинство французовъ, получившихъ среднее образованіе. «Во время моего пребыванія въ Розуэлѣ,—говоритъ онъ,—на очереди стоялъ вопросъ о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ. Фишеръ живо интересовался различными американскими «silver bills». Мы обсуждали съ нимъ отиѣну закона Шермана, вѣроятныя измѣненія въ тарифѣ Макъ-Кинлея и пр. Обо всемъ этомъ онъ высказываетъ свои сужденія, какъ человекъ, думавшій надъ этими вопросами; видно, что для него всѣ эти разсужденія имѣютъ реальную, фактическую подкладку. По своей газетѣ онъ слѣдитъ за новѣйшими событіями и относится къ нимъ вполне сознательно. Само собою разумѣется, что онъ имѣетъ вполне ясное представленіе объ Австраліи, Новой Зеландіи, Капштадтѣ. Онъ побывалъ въ Америкѣ, и въ каждомъ большомъ американскомъ городѣ, который случайно упоминается въ разговорѣ, у него окажется или родственникъ, или знакомый. Вообще весь земной шаръ кажется англичанину менѣе чуждымъ, чѣмъ Европа французу. Помимо личныхъ связей, въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить и

особаго характера англійской прессы, которая сообщаетъ своимъ читателямъ массу фактическихъ данныхъ и постоянно освѣдомляетъ ихъ относительно всего, что дѣлается на свѣтѣ».

Рузе сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о розуальской школѣ. Сельскія школы въ Англіи находятся въ зависимости отъ мѣстнаго школьнаго совѣта (School Board). Въ составъ школьнаго совѣта входятъ всѣ отцы семействъ данной деревни. Совѣтъ выбираетъ учителей, назначаетъ имъ жалованье и можетъ даже въ извѣстной степени вліять на программу школы и на ходъ преподаванія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта зависимость отъ деревни должна ровнять учителя въ глазахъ родителей ихъ учениковъ. Но на самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Рузе, англійскимъ учителямъ нечего завидовать своимъ французскимъ собратьямъ, которые являются чиновниками на государственной службѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, Фишеръ относится къ розуальской учительницѣ, миссъ Т., обучающей 2-хъ его дѣтей, съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ французскій крестьянинъ относится къ коммунальному учителю своей деревни, исполняющему свои бюрократическія обязанности, безъ всякой связи съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ Англіи каждый отецъ семейства, будь онъ крестьяниномъ, углекопомъ или фабричнымъ рабочимъ, непосредственно заинтересованъ въ школѣ, въ которой учатся его дѣти, и прекрасно сознаетъ, что онъ можетъ оказать извѣстное воздѣйствіе на ея судьбу, что онъ несетъ отвѣтственность за ходъ занятій въ школѣ: онъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы учительница, за которую онъ подавалъ голосъ, дѣйствительно оказалась бы достойной его довѣрія.

Чтобы имѣть хорошихъ учителей, нужно хорошо оплачивать ихъ трудъ. Въ маленькой деревнѣ Розуаль, гдѣ всего 300 жителей, главный учитель получаетъ 200 фун. ст. (около 2 000 р.), учительница около 800 р., а помощницы учительницъ отъ 120—до 160 р. Помощницами являются старшія ученицы, которыя работаютъ для полученія права на преподаваніе и, между прочимъ, помогаютъ учительницамъ, занимаясь съ дѣтьми.

Л. Давыдова.

ДОМОЙ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ).

Второй разъ я подъѣзжалъ къ Петропавловскому порту на манчжурскомъ пароходѣ. Цѣлый годъ прошелъ въ непрерывныхъ скитаніяхъ по сѣвернымъ пустынямъ во славу этнографической науки. Я сдѣлалъ нѣсколько тысячъ верстъ на собакахъ и въ лодкѣ и за всю зиму ни разу не жилъ на одномъ мѣстѣ больше трехъ недѣль. Въ октябрѣ мокрая пурга чуть не зарыла насъ на среднемъ Авадырѣ; въ январѣ сухая мятель держала насъ въ осадѣ на вершинѣ горнаго перевала въ сѣверной Камчаткѣ; въ мартѣ мы попали въ густой свѣжннй «убродъ» у рѣки Опуки и выбирались изъ него на лыжахъ три недѣли по поясъ въ свѣгу, соображая дорогу по солнцу и по теченію рѣкъ, какъ дѣлали это старинные казаки, въ іюнѣ прибои Сѣвернаго моря выбрасывали насъ на прибрежный песокъ и заставляли просиживать долгіе дни у каждаго скалистаго мыса, подъ утлымъ кровомъ кожаной лодки, опрокинутой вверхъ дномъ. Годъ выдался плохой, люди умирали отъ кори и отъ инфлуэнцы, олени падали отъ безкормицы, торжки и суланы свелись на вѣтъ; намъ приходилось самимъ отыскивать удивенныя стойбища на просторѣ моховыхъ пустынь и глухіе поселки въ глубинѣ приморскихъ ущелій.

Культурныя привычки исчезли. Недѣлями нельзя было умыться, ибо не было топлива, чтобы натаять лишній котелъ свѣговой воды; питаться приходилось тухлой тюленийой, или сырой моржовой кожей, дѣлать съ собаками запахъ свѣжую сушеную рыбу, жить съ ружья или сидѣть голодомъ.

Интересы цивилизованной жизни ступевались. Французская выставка, даже китайская война, все отошло куда-то далеко, какъ будто провадилось на тотъ свѣтъ.

Зато я розыскивалъ формы спряженій [полуисчезнуваго камчадальскаго языка, собиралъ каменные орудія у кавалкиихъ троглодитовъ на р. Хатыркѣ и черепа азіатскихъ эскимосовъ, во множествѣ вымершихъ съ голоду двадцать лѣтъ тому назадъ; дѣлалъ гипсовыя маски и деревянные ящики для укладки коллекцій, снималъ фотографіи, набивалъ чучела, записывалъ лѣсни на фонографѣ. Вокругъ меня былъ

кругъ интересовъ, искусственный, если угодно и чуждый непосвященному міру (кромя нѣсколькихъ хранилѣй музеевъ), но зато самодовлѣющій и пока до поры до времени не нуждающійся въ впечатлѣніяхъ съ того берега.

Правда на Чукотскомъ мысу отъ американскихъ китолозовъ я получилъ нѣсколько разрозненныхъ газетныхъ номеровъ изъ Сеаттля и Такомы, но они не могли вывести меня изъ равновѣсія. Вся эта жѣстность, эскимосскіе поселки, острова Берингова моря, американскіе китоловы и американскіе миссіонеры лежали хотя и внутри русской границы, но вѣдь предѣловъ русскаго вліянія и какъ то не входили въ счетъ. Въ газетахъ были разныя сенсаціонныя извѣстія о русской дѣйствительности, о перемѣнахъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но я съелъ ихъ американскими утками и поспѣшилъ забыть.

Однако въ концѣ концовъ пароходъ «Гирингъ» доползъ таки до Анадырскаго лимана въ апогеѣ многострадальнаго круговаго рейса по Охотскому и Берингову морямъ. Конечно это былъ своеобразный пароходъ, какіе можно встрѣтить только въ тихоокеанскихъ водахъ, съ манчжурскими порядками, приспособленными развѣ для перевозки кулевоу, а не пассажировъ, но все-таки окно въ Европу открылось таки передъ нами. На пароходѣ не было ни газетъ, ни журналовъ, и вся литература состояла изъ стараго эстонскаго псалтыря, принадлежавшаго капитану; почты тоже не было, ибо ее умудрились заслать въ Гижигу, и тѣмъ не менѣе отголоски русской дѣйствительности внезапно долетѣли до насъ. Сенсаціонныя свѣдѣнія американскихъ газетъ неожиданно подтвердились. На замороженной почвѣ уединеннаго сѣвера слабо отдалось бѣненіе живого пульса всемірной дѣйствительности и мы опять почувствовали связь съ странами и людьми, живущими за предѣломъ этихъ заколдованныхъ пустынь.

Къ великому моему изумленію на пароходѣ были также и пассажиры изъ широчайшей публики. Одинъ изъ нихъ былъ туристъ, отставной лейтенантъ нѣмецкой гвардіи, въ шапочкѣ и гетрахъ, съ бивоклемъ и маузеровскимъ ружьемъ, не говорившій ни слова по-русски.

Очевидно на свѣтѣ развелось столько туристовъ, что наименѣе удачливые отгѣсняются на сѣверъ, какъ альпійскіе зайцы, сѣверные олени и пингвины, сперва въ Норвегію, потомъ въ Камчатку, потомъ и на берегъ Ледовитаго моря. Съ легкой руки Нансена завелась даже мода ѣздить на 86-ую параллель и, въ концѣ концовъ, вслѣдъ за герцогомъ Абрудцкимъ и барономъ Толемъ шапочка и гетры туриста попадутъ и на Сѣверный полюсъ.

Лейтенантъ выѣхалъ изъ Берлина въ числѣ дюжины молодыхъ вѣнцевъ, которыхъ подобрало кольцоовское общество для распростраженія нѣмецкихъ туристовъ по всему свѣту, съ тѣмъ, чтобы показать имъ земной шаръ оптомъ и по заранѣе установленной программѣ (12.000 жарокъ съ души).

Такіе туристы въ послѣдніе годы разводятся за границей дюжинами и десятками какъ искусственные цыплята, и перевозятся съ мѣста на мѣсто, какъ свѣжевыведенныя устрицы, нуждающіяся въ провѣтриваніи.

Однако въ Коломбо нашему дюжинному туристу стало не въ моготу, и онъ сбѣжалъ, оставивъ за собой право на получение 7.845 марокъ 14 пфениговъ по недоконченному билету.

Не зная однако, что дѣлать съ своею свободой, лейтенантъ рѣшилъ объѣхать нѣмецкія колоніи, благодаря книжкѣ о колоніяхъ купленной на батарей въ Гонконгѣ, но для начала попалъ во Владивостокъ, быть можетъ, для того, чтобы посмотрѣть контору Кунста и Альберса, гамбургскихъ королей владивостокской торговли.

Главной заботой лейтенанта были его усы, которые ни за что не хотѣли расти, хотя онъ смазывалъ ихъ какимъ то патентованнымъ снадобьемъ, а на ночь завязывалъ столь же патентованнымъ бинтомъ новѣйшаго берлинскаго образца. Въ свободное отъ этихъ занятій время нѣмецъ писалъ дневникъ, выдержки изъ котораго онъ читалъ по временамъ избраннымъ слушателямъ. Я помню теперь только одно мѣсто: «Мѣхъ ююлы довольно теплый, но не годится для вывоза. Жители обшиваютъ ею воротники шубъ, а высушеннымъ мясомъ ююлы кормятъ собакъ!» Я хотѣлъ было объяснить молодому путешественнику, что въ сущности ююла есть не что иное, какъ сушеная рыба, но воздержался, чтобы не испортить впечатлѣнія. Кромѣ дневника нѣмецъ еще переписывалъ избранныя мѣста изъ энциклопедическаго словаря, дѣлалъ конспекты изъ сокращеннаго изданія Брема «Жизнь животныхъ». Онъ отличался прожорливостью и единственный изъ всѣхъ пассажировъ потреблялъ несвѣжую пароходную солонину, безъ всякаго ущерба для своего здоровья и настроенія духа.

Другой путешественникъ былъ молодой еврей изъ Архангельска, Гершкеновъ по имени, коммивояжеръ замшеваго завода, который пріѣхалъ въ сѣверные порты искать счастья и дешевыхъ оленьихъ шкуръ. Это былъ плотный рыжеватый малый съ развязнымъ купеческимъ разговоромъ и дешевымъ гостиннодворскимъ глянцемъ. Всѣ его помыслы были сосредоточены на ѣдѣ и, и такъ какъ кормили на «Гиригѣ» плохо, то онъ съ утра до вечера грызся съ капитаномъ и капитаншей, ругался и даже дрался съ прислугой.

Нѣсколько странно было видѣть, что свою обычную порцію водки онъ закусывалъ соленой рыбой вмѣсто ветчины.

— Душа моя не лежитъ къ свинству-съ!—пояснялъ онъ особеннымъ приказчинымъ отлетомъ.—Мы лучше лососняки-съ!

Онъ по своему былъ шовинистомъ, не хуже любого охотнорядца, но подъ конецъ рассказалъ совсѣмъ неожиданную эпопею.

— Что за чорты!—жаловался онъ.—Нигдѣ жить не дають!.. Проволазъ я ремеслу учиться, все равно. Въ Архангельскѣ я сѣорякъ,

а въ Тюмени *они* и вниманія не обращаютъ. Я на ярмарку прѣѣхалъ, а они говорятъ: «пошелъ вонъ!» Не знаемъ, какъ и жить!..

Оказалось, что и сюда онъ попалъ въ смутной надеждѣ, что на Дальнемъ Сѣверѣ ему разрѣшатъ торговлю.

— Хоть бы у насъ денегъ не было! — жаловался онъ. — Слава Богу, есть чѣмъ дѣло завести!.. Вотъ у моей невѣсты отецъ, богатый человекъ, будемъ говорить прямо, — ростовщикъ!.. «Заведи, говоритъ, какое-нибудь дѣло, я свой капиталъ вложу!» Теперь съ процентами плохо, — пояснилъ Гершкензонъ. — Возьми восемь процентовъ годовыхъ, да въ казну пошлину отдай, да расходы. Почти ничего и не очистится. Поневоѣ предпріятіе нужно затѣвать!..

Узнавъ, что я былъ на Чукотскомъ носу, онъ тотчасъ же заинтересовался и принялся разспрашивать.

— Вотъ бы тамъ дѣло завести!.. — мечталъ онъ. — Какъ вы думаете, разрѣшатъ?.. Намъ, евреямъ?.. Я бы цѣлую колонію устроилъ. У меня братъ скорнякъ, другой братъ лайковый мастеръ. Свой пароходъ купимъ, китобойную шкуну заведемъ!..

— А кто же у васъ будетъ китовъ убивать? — спросилъ я не безъ изумленія.

— Сами будемъ — отвѣчалъ Гершкензонъ. — Вы что думаете-съ? Мои братья на Мурманъ ходили, по Бѣлому морю плавали... Въ Архангельскомъ тоже безъ морского промысла прожить нельзя-съ!.. Какъ вы думаете разрѣшатъ? А?.. приставалъ онъ ко мнѣ. *Какъ вы изъ подъ себя думаете?*

— Торговля-то тамъ невелика! — возразилъ я. — Смотрите, не промахнитесь!..

— Ого! — воскликнулъ Гершкензонъ. — Одиѣ моржевыя шкуры!.. У насъ моржовая шкура тридцать рубликовъ ходитъ за штуку, да еще накладываешься!.. Ворвань, усъ, зубъ, пушнина, оленій товаръ. Много кой-чего!.. Можно 300 на 100 нажить.

Глаза его загорѣлись плотояднымъ блескомъ, но тотчасъ же потухли.

— Какъ вы думаете, разрѣшатъ... А? — тревожно повторилъ онъ свой постоянный вопросъ.

Я не зналъ, что отвѣчать ему. Можно ли разрѣшить евреямъ завести первую русскую факторію на Чукотскомъ носу, для того, чтобы архангельская фирма Гершкензонъ съ братьями замѣнила калифорнійскую (и тоже еврейскую) компанію Рота и Блюма и будетъ ли отъ этого лучше туземцу? Съ другой стороны, не все ли равно, кто будетъ расхищать скудное богатство полярной жизни и получать триста на это?.. И можно ли сдѣлать, чтобы туземцу было лучше въ этихъ широтахъ?..

Пароходъ «Гиринъ», который мои казаки тотчасъ же перекрестили въ «Горюна», представлялъ удивительное смѣшеніе языковъ.

Капитанъ былъ чухонецъ, жена его эстонка, одинъ младшій помощникъ латышъ, а другой—гельсингфорскій финнъ.

Матросы были японцы, носильщики корейскіе, прислуга китайскія даже по-англійски здѣсь говорили плохо. Единственный русскій на пароходѣ былъ старшій помощникъ капитана и на его плечахъ лежала вся работа. Отъ постоянной возни съ тихоокеанскими народами у него развилась мизантропія.

— Господи!—съ озлобленнымъ отчаяніемъ вскрикивалъ онъ иногда, останавливаясь на бѣгу и взмахивая руками.—Уйти бы отъ васъ! На мачту залѣзть! На маякъ наняться!..

Жизнь на маякѣ вообще была его любимой мечтой.

— Никто тебя не найдетъ, никто не потревожитъ,—часто распивалъ онъ послѣ второй бутылки пива.—Лампу заправилъ, машинку завелъ и правъ! Туманъ будетъ—въ колоколъ звони. Хочешь спи, хочешь трубку кури!.. Воля!..

Впрочемъ, человѣкъ онъ былъ въ сущности добрый и общее количество затрепанныхъ, рассыпавшихся на пароходѣ, развѣ немногимъ превышало средній тихоокеанскій уровень.

— Нельзя!—объяснилъ онъ мнѣ однажды въ откровенную минуту.—У китайца, оказывается, тоже душа есть!.. Вотъ въ прошломъ году мы везли изъ Чифу рабочихъ въ Владивостокъ. Ну, конечно, стоятъ они на палубѣ, какъ бараны, 800 человѣкъ... Стали ихъ на другое мѣсто перегонять... Третій помощникъ одному и залѣпилъ, такъ... мимоходомъ, не очень крѣпко!.. Погодили немного, приходитъ старшій ихній.—Одна китайца говорить: «Мой вода падай!»—«Зачѣмъ?» Капитана морда колоти!—Ну пойдёмъ! Посмотримъ!—«Стали искать. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ и кто?.. Говорю старшему: «Спрашивай: какой китаецъ хотѣлъ въ воду броситься?»—Никто не признается. Боятся, небось, думаютъ: въ яму посадятъ. Ну! говорю: «ищи его самъ, можетъ, ты лицо помнишь!..»

«Нѣ, говорить, мыного китайца кула!... Мой не знай!» Стали мы ходить между китайцами. Главное неловко: все-таки онъ человѣкъ, а если сказалъ, то, пожалуй, и сдѣлалъ; по настоящему шлюпку давно спустить надо... Походили немножко, старшій опять говорить: «Не надо искать!... Мой не надо искать, твой не надо искать пускай падай!... Китай народъ много!.. Мало, мало еще падай, пускай!..»

— «Правда!—закончилъ Николай Николаевичъ!—Они вѣдь такъ и говорятъ. Сколько вотъ ихъ въ Таку перестрѣляли... Наберутъ, можно сказать, первыхъ попавшихся, заставятъ уголь грузить, а потомъ поставятъ по набережной повзводно пали!... Я самъ видѣлъ!.. А спросите-ка нашего компрадора (завѣдывающаго грузомъ):» «Китай народъ много!.. Мало, мало убивай, ничего!..»

Океанъ по обыкновенію встрѣтилъ насъ сперва холоднымъ туманомъ, потомъ штормомъ.

«Гириня» и качался совсѣмъ особенно: ляжетъ на бокъ и еще какъ то особенно гнусно подскочить, а потомъ сразу на другой бокъ. «Безкостый парходъ!» опредѣлили его казаки. Дѣйствительно, онъ даже не качался, а какъ-то вилялъ тѣломъ. Ходить по палубѣ было невозможно, спать тоже, тѣмъ болѣе, что на пять пассажировъ было только двѣ крошечныхъ каюты.

Къ концу второго дня, когда число размаховъ доходило до 36 въ минуту, мнѣ стало казаться, что я подвѣшенъ къ маятнику и отбиваю вмѣстѣ съ «Гириною» какой-то новый тактъ. Сосѣдъ мой все жаловался, что не можетъ сообразить, гдѣ у него голова, гдѣ ноги, и при каждомъ размахѣ перелеталъ во всю длину кожанаго дивана отъ стѣны до стѣны.

Вдобавокъ и кормили-то насъ исключительно несвѣжей солониной изъ запаснаго трюма, такъ какъ на парходѣ не было никакихъ запасовъ, какъ будто послѣ кораблекрушенія. Впрочемъ, при расчетѣ это не помѣшало взыскать съ насъ по благородному тарифу по два съ поггиной съ человѣка въ сутки.

Наконецъ, входъ въ Авачинскую губу открылся передъ нами. Въ воздухѣ стало теплѣе и солнце проглянуло изъ тумана. Берега Петропавловской бухты, съ ихъ живописными сопками, утопающими въ зелени, развернулись вокругъ насъ въ своей граціозной и свѣжей красотѣ. Маленькій городокъ лѣпился по крутому склону, сверкая множествомъ ручьевъ, сбѣгавшихъ внизъ къ уютному заливчику Ковшу, въ которомъ едва можетъ обернуться одинъ небольшой парходъ.

Впереди Ковша на ровной и бѣлой песчаной стрѣлкѣ сверкала бронзовая верхушка памятника петропавловской славы пядьдесятъ четвертаго года. На заднемъ планѣ, но совсѣмъ близко курилась не угасающая Авачинская сопка, обѣщая къ ночи разгорѣться обычнымъ тускло-багровымъ заревомъ. Рядомъ поднималась другая сопка, Корякская, еще выше и обрывистѣе съ боками, изъѣденными со всѣхъ сторонъ туманомъ, гдѣ къ каждой морщинѣ прильнула тонкая и долгая струя оледявлага снѣга.

Мой прошлогодній знакомецъ «Байкалъ» стоялъ у естественной пристани противъ города и выгружалъ уголь.

Японская шкуна выходила изъ городского закоулка на просторъ бухты и ея высокіе паруса поднимались другъ надъ другомъ, какъ крылья гигантской бѣлой бабочки, простертыя по вѣтру.

Я смотрѣлъ на эти густыя лиственные заросли и зеленыя тесовыя крыши, поднимавшіяся мнѣ навстрѣчу, и чувствовалъ, что въ моемъ умѣ оттаиваютъ и всплываютъ воспоминанія, оцѣпенѣвшія на сѣверѣ подъ гнетомъ мятели и этнографическаго уединенія, всплываютъ наружу, сперва по одиночкѣ, потомъ группами, потомъ сплошной массой, какъ льдины на весеннемъ ледоходѣ.

Тамъ, у Берингова пролива негостепріимные утесы были наги или

покрыты краснобурными лишаями; вмѣсто тесовыхъ крышъ были грязныя шатры.

У черныхъ мысовъ постоянно волновался прибой, съ отрытаго моря ползли тяжелыя низкія облака, гонимыя западнымъ вѣтромъ... все было тускло, уныло и безлюдно.

Здѣсь предо мною опять открылась картина природы и человѣческой жизни, какъ онѣ существуютъ въ своемъ вѣчномъ взаимодействіи по всему цивилизованному міру. Мнѣ вспомнились безконечныя хлѣбныя поля, которыми я проѣзжалъ еще недавно отъ Иркутска до Петербурга, изгороди лѣсовъ и длинныя села, мосты на широкихъ рѣкахъ, волжскія пристани и грязныя петербургскія улицы, полныя суеты и движенія. Тамъ кипѣла и замирала, голодала и работала, волновалась и росла та же безпокойная и загадочная Русь, которая такъ утомила меня своими противорѣчивыми впечатлѣніями, что я не вытерпѣлъ и сбѣжалъ для отдыха за полярный кругъ..

Вѣра, желающая сдвинуть горы и не могущая пошевелить горчичнаго зерна; готовность все отдать—и лбомъ объ стѣну; жажда правды и безсилье, всероссійскіе пошехонцы и всероссійскіе чумазые нищѣ духомъ и просто нищѣ,—все это, конечно, осталось по прежнему и во всемъ этомъ мнѣ опять предстояло разбираться.

Сложная и мучительная жизнь, которая, какъ тяжело нагруженная телѣга, поднимается вверхъ по глинистому откосу, уже захватила меня въ свою власть цѣпкими нитями воспоминаній...

Петропавловскъ—это городъ, построенный и наполненный чиновниками изъ Владивостока.

Чиновники существуютъ для казенныхъ дѣлъ, казаки—для помощи чиновникамъ, мѣщане добываютъ для нихъ рыбу, пароходы возятъ припасы и для нихъ и для мѣщанъ, а мѣщанки утѣшаютъ чиновниковъ и казаковъ и матросовъ. Чиновники дѣлятся на партіи, которыя враждуютъ между собой. Каждый домъ наполненъ сплетнями, какъ улей медомъ.

Страдательнымъ объектомъ являются камчадалы, разбѣянные по небольшимъ поселкамъ, которыхъ и чиновники и казаки усмиряютъ со времени послѣдняго камчатскаго бунта въ 1731 г. и заусмиряли до пожизненнаго трепета и безмолвія. Зимой, путешествуя по сѣверной Камчаткѣ, я былъ пораженъ складомъ туземной жизни и никакъ не могъ помириться съ ея противорѣчіями. Ыды много: рыба, бараны, медвѣди. Губернаторъ Завойко велѣлъ построить, вмѣсто юртъ, избы, и жители построили и даже научились натапливать каменку до одурѣнія, благо густой лѣсъ шумитъ у самыхъ дверей. Завойко велѣлъ завести скоть, и камчадалскіе ребятишки пьютъ молоко, ѣдятъ молочную кашу, смѣшанную съ прогорѣлымъ тюленьимъ жиромъ. Завойко велѣлъ развести огородъ и камчадалы ѣдятъ картошку перетертую съ кипрейными стеблями и шеломайнымъ корнемъ. Природа богата и все

терпять и все даетъ; соболи вздорожали до 30 рублей и въ годъ промышляютъ двѣ, три тысячи штукъ. Крапива для выдѣлки сѣтей дико растеть выше человѣческаго роста. Но среди всего этого изобилія въ просторныхъ избахъ у амбаровъ, наполненныхъ пищей, живетъ населеніе, забитое до потери человѣческаго образа и вѣчно умирающее со страху то передъ начальствомъ, то передъ заразой, то даже передъ проѣзжимъ казакомъ, везущимъ почту.

Я пріѣхалъ въ Камчатку самъ-другъ съ казакомъ, но мнѣ предшествовала молва о 75 собачьихъ нартахъ, будто бы потребныхъ для экспедиціи и старосты мѣстами уже заставили жителей приготовить пищу для грядущаго нашествія.

Въ одномъ изъ большихъ поселковъ убили шесть оленей, выдергали изъ нихъ кости, вычистили десять большихъ вязокъ сушеной рыбы; обрѣзавъ перья и хвосты для богѣе приличнаго вида. Впрочемъ, пока я добрался до этого поселка, жители успѣли узнать ближе истинные размѣры моего проѣзда и сами съѣли и юколу и оленину.

Въ нѣкоторыхъ поселкахъ грозное слово: ѣдетъ изъ Петербурга производило неописуемый ужасъ; въ Кинкигѣ два старика, которыхъ я попробовалъ разспрашивать о камчадалскомъ богѣ Куткѣ, немедленно бѣжали въ лѣсъ и вернулись только черезъ два дня послѣ моего отъѣзда. Женщины при каждой встрѣчѣ падали ничкомъ закрывая голову колпакомъ мѣховой одежды, дѣти плакали и прятались подъ нары или подъ печку.

Южные камчадалы, по крайней мѣрѣ, на три четверти обрусѣли и изъ всѣхъ силъ стараются обрусѣть до конца. Но сѣверные не имѣютъ и этого утѣшенія. По-русски не говоритъ почти никто,—тѣмъ не менѣе отъ собственной духовной жизни не осталось и слѣда, сказки забыты, старинные обычаи брошены, шаманскія вѣрованія исчезли, а христіанство привилось только по имени.

Игрища и пляски, общественные обряды, сложные и оригинальные, какъ ихъ описываетъ Крашенинниковъ, — все перевелось и не замѣнено ничѣмъ.

Мнѣ случилось отсиживаться отъ пурги въ небольшой лѣсной избушкѣ съ артелью камчадалскихъ охотниковъ почти трое сутокъ. Все это время они сидѣли, теплили огонь и молчали, варили рыбу, ѣли и опять молчали, ложились спать, просыпались и опять начинали молчать. Въ жизни своей я не встрѣчалъ такого безсловеснаго народа.

Я объяснялъ себѣ испуганное состояніе камчадаловъ историческими причинами, вспоминая, напр., пословицу: «На небѣ Богъ, а въ Камчаткѣ Кохъ», но потомъ оказалось, что современность продолжаетъ вносить свою лепту.

— А ты видѣлъ помощника?—сказалъ мнѣ, наконецъ, одинъ старикъ, довѣрліе котораго я успѣлъ заслужить, выгнчивъ его отъ инфуэнды.—Въ немъ безъ малаго восемь пудовъ. Такой закричитъ, да

ногами затопаеть, поневогѣ испугаешься да въ ноги упадешь... А тигильскій-то священникъ!— прибавилъ онъ, помолчавъ.—Тоже крупный, Богъ съ нимъ!.. Всѣ русскіе крупные... Кулаки—во-о!.. Тѣ мы и боимся, не попало бы намъ случаемъ!..

Проѣзжая черезъ Петропавловскъ, я успѣлъ получить нѣкоторые новые комментаріи во взаимныхъ обвиненіяхъ враждующихъ чиновничьихъ партій.

Рыболовные промыслы, о которыхъ я писалъ въ прошломъ году, всѣ лопнули, благодаря настойчивому запрещенію японскихъ рабочихъ. Товарищество котиковыхъ промысловъ сняло долой свои рыбалки. Японская компанія подъ фирмою Зубкова распалась, но Зубковъ очутился съ капиталомъ и сталъ вести дѣло на собственный страхъ. Зато его довѣрители въ Хакодате, по рассказамъ проѣзжихъ, переселились изъ большихъ домовъ въ маленькіе. Впрочемъ, и Зубкову не везло. Лишившись японскихъ рабочихъ, онъ попробовалъ подобрать русскихъ въ Владивостокѣ изъ уличной шпонки, но они, получивъ задатки, бѣжали, какъ и въ прошломъ году. Тогда онъ попытался опять привести японскія шкуны, но его поймали, отняли невода и оштрафовали на довольно крупную сумму. Невода распяли на части и продали въ Петропавловскѣ съ публичнаго торга, къ великой радости мѣстныхъ жителей, а Зубковъ, въ свою очередь, сколько я знаю, опять обратился къ японцамъ. Стеречь эти воды некому, шкуна «Осторожь» совсѣмъ разлѣзлась, а пароходъ «Якутъ» ходилъ это гдѣто въ Беринговомъ морѣ, а между тѣмъ сушеная рыба, проданная въ Японіи, приноситъ по меньшей мѣрѣ сто на сто барыша.

Впрочемъ, товарищество котиковыхъ промысловъ не унываетъ и преобразовавшись въ камчатское акціонерное общество, съ капиталомъ въ полтора милліона, устроило подъ Петропавловскомъ большой консервный заводъ, первый на русскомъ тихоокеанскомъ побережьи, а по размѣрамъ, кажется, первый и въ Россіи.

Я провелъ на заводѣ одно поучительное утро.

Устройствомъ его завѣдываетъ управляющій рыбными промыслами, г. Оедосѣевъ, торговавшій нѣкогда на Волгѣ хлѣбомъ и, кстати сказать, не знающій ни одного иностраннаго языка. Между тѣмъ, столпотвореніе языковъ на заводѣ не уступаетъ вавилонскому.

— Прямо дванадесять языкъ!—разсказывалъ мнѣ г. Оедосѣевъ.— Я вотъ русскій, старшій инженеръ по набиванію консервовъ—американецъ, товарищъ его тоже, поваръ у нихъ негръ. Механики есть шведы, есть норвежцы, одинъ вѣмецъ, одинъ чухонецъ; рабочіе—китайцы изъ Шанхая, китайцы изъ С.-Франциско, японцы, алеуты, корейцы... Переводчиковъ нѣтъ, никто другъ друга не понимаетъ. Ссорятся, жалуются, а я ихъ тоже не понимаю... Другой разъ возиписья, возиписья съ ними, да поневогѣ и скажешь: «Ну васъ ко всѣмъ чертямъ! Глаза

бы мои не глядели на вас!.. Уфду я отъ васъ, отъ треклятыхъ, куда глаза глядятъ!» А потомъ подумашь и опять жалко станеть!

Излишне объяснять, что до прїѣзда на Камчатку г. Фодосѣевъ не имѣлъ никакого понятія ни о дѣланіи консервовъ, ни о рыболовствѣ вообще.

— Вздигъ я въ Норвегію! — говорилъ онъ мнѣ. — Промыслы посмотрѣть... Да безъ языка худо, да и не показываютъ подлецы!..

Тѣмъ не менѣ консервный заводъ отстроенъ и даже дущенъ въ дѣйствиѣ. Машины привезены изъ Норвегіи и Америки. А строили и собирали ихъ китайскіе и японскіе плотники, котельщики и кузнецы, ибо употребляютъ иностранныхъ рабочихъ запрещено только въ рыболовствѣ. Паровая машина имѣетъ 65 силъ и производительность завода достигаетъ 800 ящиковъ, т.-е. 3.200 дюжигъ коробокъ въ сутки. Такъ какъ изъ одной рыбы средней величины выходитъ 3—4 коробки то, слѣдовательно, заводъ можетъ обработать до десяти тысячъ рыбъ въ день.

Различныя лососинныя породы, ежегодно во множествѣ приходящія для метанія икры къ устьямъ рѣки, движутся густыми стадами и сравнительно короткое время. Поэтому консервный заводъ можетъ рассчитывать на работу только въ теченіе короткаго сезоннаго времени, два или три мѣсяца.

Необходимый минимумъ обработанной рыбы, для того, чтобы заводъ давалъ прибыль, составляетъ четыреста тысячъ рыбъ—на 40—45 дней работы. Не знаю, однако, хватитъ ли въ Авачинской губѣ рыбы для завода; по Охотскому морю и у устьевъ рѣки Камчатки рыбы дѣйствительно много, но собственно Авачинская губа не очень рыбная. Вдобавокъ въ этомъ году промыслы были начаты слишкомъ поздно и рыбы хватило только на двѣ тысячи ящиковъ. При мнѣ работа уже почти замирала. Поймаютъ сколько-нибудь рыбы и пустятъ машины въ ходъ на часъ или на два. Не поймаютъ, заводъ стоитъ. За отсутствіемъ японскихъ рыболововъ, общество стало скупать рыбу у петропавловскихъ мѣщанъ по неслыханный здѣсь цѣнѣ—восемь рублей за сотню, между тѣмъ какъ еще въ прошломъ году цѣна сотни не превышала трехъ съ половиной. Пробовали нанимать на промыслы мѣщанъ. Человѣкъ двадцать въ двѣ недѣли заработали по девяносто рублей, пока ходъ рыбы не кончился. Но вообще жители Камчатки слишкомъ лѣнны, чтобы послужить объектомъ для капиталистической обработки и никто изъ нихъ не годится для настоящей работы, «отъ звонка до звонка».

— Придется привести рыболововъ изъ Россіи! — вздыхалъ Фодосѣевъ.—Только гдѣ ихъ взять, вотъ что горе!.. Съ Чернаго моря намъ не годятся, съ Мурмана тоже, рыба не та. Балтійскіе чухонцы подходятъ, а только кто ихъ знаетъ. Приведи ихъ сюда,—домовъ пока нѣтъ, палатки; пожалуй, и изъ провизіи того-другого не хватитъ, съ ними бѣды не оберешься!

— Да вѣдь они смирные!—усомнился я.

— Ну, нѣтъ, знаете! — возразилъ Ѳедосѣевъ. — Съ финляндской стороны которые, тѣ упрямые!.. Съ остзейской стороны эти точно по-смирнѣе. А только чухонцы—хитрый народъ, проживеть годъ или два, узнаеть, что заработки на этой сторонѣ легкіе, только его и видѣли.

— А контрактъ?—возразилъ я.

— Контрактъ о двухъ концахъ!—загадочно сказалъ Ѳедосѣевъ.— Они по контракту, пожалуй, того напросять, чего мы имъ и дать не можемъ!..

— Кого же вамъ нужно?—спросилъ я.—Японцевъ по прежнему?

— Нѣтъ! — живо возразилъ, къ моему изумленію, Ѳедосѣевъ.— Японцы тоже испортились. Теперь вѣдь плата не по прежнему идетъ; 20—30 рублей на мѣсяцъ, а чуть что не по нихъ сейчасъ стачка: «Не хотимъ работать, везите насъ въ Японію!» А правительство японское, жалуйся не жалуйся, вниманія не обращаетъ.

— Кого же вамъ нужно!—съ недоумѣніемъ повторилъ я вопросъ. Ѳедосѣевъ задумчиво покачалъ головой.

— Я и самъ не знаю, кого. Вотъ кабы китайцевъ приспособить!—сказалъ онъ наконецъ.—Они хорошій народъ, послушный и къ работѣ понятливый!.. Только чортъ ихъ знаетъ,—прибавилъ онъ съ внезапной досадой,—на водяной работѣ ни одинъ китаецъ ничего не стоитъ!.. Мерзнуть они что-ли!..

Выходило, что для надлежащей обработки г. Ѳедосѣева Богъ еще не создалъ подходящаго племени на Востокѣ, да и чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ.

Консервы назначены преимущественно для австраійскаго рынка, и каждая коробка, имѣющая фунтъ съ четвертью чистаго вѣса, будетъ продаваться около сорока коп., т.-е. въ двадцать разъ дороже стоимости сырого продукта на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе въ лавкѣ общества въ Петропавловскѣ консервы имѣются въ продажѣ и жители ничего, берутъ.

— Съ насъ тоже всѣ дерутъ!—меланхолически говорилъ г. Ѳедосѣевъ.—До послѣдняго японца!.. Вонъ, главному инженеру за сезонъ двѣнадцать тысячъ платимъ на всежъ готовомъ, за три мѣсяца. по четыре тысячи рублей въ мѣсяцъ... Да проѣздъ взадъ впередъ на нашъ счетъ, да еще ему русская кухня не нравится, привези ему повара изъ Америки, да еще переводчика ему особаго, потому онъ ни на какомъ языкѣ не говоритъ и говорить не хочетъ, кромѣ американскаго. Раззоръ!..

— Неужели за три мѣсяца двѣнадцать тысячъ?—удивился я.

— Ну, да!—пояснилъ г. Ѳедосѣевъ.—Зато вѣдь и работникъ, не нашимъ чета! Практикъ, все умѣеть дѣлать! Посмотрите, на его руки—дерево, чистый рогъ! Въ будничныи день вы его отъ рабочаго не отличите: грязный, въ маслѣ, руки запачканныя, двѣнадцать часовъ вмѣстѣ съ рабочими работаетъ. Стоитъ и платитъ такому!.. А намъ

идь только бы выработать и продать побольше. Всѣ расходы оправдаются!..—заключилъ онъ довольно наивнымъ тономъ

Рядомъ съ консервнымъ заводомъ начаты работы по постройкѣ туковаго, который будетъ имѣть вдвое большіе размѣры. Онъ рассчитанъ не только на отбросы консервного завода, но и на переработку всей рыбы, которая будетъ доставлена не въ совершенно свѣжемъ видѣ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Пока произведены только земляныя работы, чрезвычайно трудныя при этой вѣчно мерзлой почвѣ и поставлено основаніе большой трубы, которая будетъ имѣть 120 футовъ вышины.

— Видите, какая широкая труба!—меланхолически указалъ мнѣ г. Фодосѣевъ, какъ бы не вылетѣть въ нее всему нашему капиталу!

Я смотрѣлъ на глубокія и узкія ямы, выкопанныя по сторонамъ трубы, и очень похотѣлъ на могилы, и думалъ, какъ бы г. Фодосѣевъ не зарылъ туда остатки камчадаловъ вмѣстѣ съ петропавловскими жителями. На противоположной американской сторонѣ по всему берегу стоятъ заводы, всего около полутораэта, а рыбное богатство пока не уменьшается.

Аляскинцы сѣдуютъ, что могутъ, а чего не могутъ, запаиваютъ въ банки,—гласитъ новая шуточная поговорка Аляски, но у насъ все какъ-то выходитъ иначе и, напр., отъ устьевъ Амура купеческіе рыбные промыслы уже успѣли наполовину отбить рыбныя стада.

Осмотрѣвъ постройки мы отправились въ рабочіе бараки. Впрочемъ г. Фодосѣевъ на этотъ разъ не захотѣлъ сопровождать насъ.

— Что же!—объяснилъ онъ довольно просто.—Говорить съ ними я не умѣю. Переводчикъ уѣхалъ въ Петропавловскъ.. Вы ужъ съ ними сами!

Бараки устроены въ видѣ длинныхъ палатокъ, покрытыхъ непромокаемымъ брезентомъ. По одну сторону завода три японскихъ барака, по другую одинъ китайскій. Внутри тѣсно, но необыкновенно чисто, особенно у японцевъ. У каждого человѣка нѣчто вроде стойла, отгороженного досками и устланнаго циновками, съ постелью и крошечнымъ пологомъ надъ нею.

По случаю воскреснаго дня большая часть рабочихъ сидѣла на своихъ мѣстахъ. Проходя по узкой дорожкѣ между двумя рядами постелей и инстинктивно сдерживая шаги, чтобы не наступить грязными сапогами на чистенькія, какъ будто только что вымытыя циновки, я невольно почувствовалъ, что вокругъ меня, несмотря на монгольскія лица и странный говоръ, сидятъ люди изъ культурной страны.

По случаю жаркаго дня японцы были почти совсѣмъ раздѣты. Нѣкоторые сидѣли нагишомъ, въ чемъ мать родила. Иные, впрочемъ, до пояса были покрыты такой сложной и густой татуировкой, что она производила впечатлѣніе пестрой фуфайки, плотно облегающей тѣло. Всѣ они сидѣли необыкновенно чинно и сдержанно поглядывали на насъ, очевидно не желая обнаруживать слишкомъ большого любо-

нытства. У многихъ были книги и грифельныя доски. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть книги. Все это были пособія для изученія русскаго и англійскаго языковъ. Нѣкоторые писали письма разведенною тушью на длинныхъ полоскахъ цвѣтной бумаги; въ дальнемъ углу на столѣ, назначенномъ для обѣда, играли въ карты, но и карты были совсѣмъ другія, маленькія, пестрыя, съ букетами цвѣтовъ вмѣсто очковъ и ландшафтами вмѣсто фигуръ, такъ называемыя «четыре времени года».

Никто изъ японцевъ не говорилъ по-русски, но по-англійски немного говорили двое или трое. Я спросилъ, нельзя ли снять снимокъ съ внутренности барака, но японцы отвѣтили вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ.

— Мы никому не позволяемъ фотографировать здѣсь,—объяснили они.—Но у насъ есть собственные снимки; если вы оставите адресъ, мы можемъ вамъ прислать!

Не надо забывать, что это были бѣдные плотники и кузнецы, набранные въ захолустномъ Хакодате, на сѣверномъ островѣ Хокайдо, который и заселенъ-то не очень давно и до послѣдняго времени служить мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Я невольно вспомнилъ нефтяныхъ рабочихъ въ Баку, которыхъ я видѣлъ въ прошломъ году и которые спятъ и ѣдятъ въ такихъ же тѣсныхъ стойлахъ, но въ невыносимой грязи, по колѣно въ нефтяныхъ останкахъ, и даже тѣсто для лепешекъ замѣшиваютъ на нефтяной жижицѣ

У китайцевъ было не такъ чисто. Но зато впереди барака у нихъ была кухня съ кирпичной выведенной по-русски плитой. Многие изъ нихъ были одѣты въ обноски европейскаго платья. Лица ихъ смотрѣли кротко, но нѣсколько печально. Они толпились вокругъ повара, который варилъ въ кипяткѣ особыя булочки, какъ будто едѣянная изъ бѣлой слоистой кожи. Сюда г. Федосѣевъ пришелъ вмѣстѣ съ нами.

— Вотъ хорошій народъ, послушный!—неутомимо повторялъ онъ.—Всѣмъ они довольны, стачекъ никогда не затѣваютъ, а работаютъ еще лучше японцевъ... Побольше бы такихъ-то!..

Изъ китайскаго барака мы отправились къ Смигу, который, за неимѣніемъ рыбы для обработки, уже собрался уѣзжать въ Америку. Они сводили съ Федосѣевымъ послѣдніе расчеты. Смигъ былъ необыкновенно длинный и чрезвычайно безобразный американецъ и не только руки, но и лицо его казалось грубо вырѣзаннымъ изъ сѣраго поздраватаго рога.

— Набрали япошекъ (japs)!—ворчалъ онъ въ носъ, вкладывая въ послѣднее слово japs всю ненависть, которую «торговые ляди англійскаго говора» на Востокъ питаютъ къ своимъ маленькимъ желтокожимъ соперникамъ.—Какіе это рабочіе? Дрянь! Надутоголовые! Къ чорту ихъ послать, такъ и чорта жалко...

Двое молодыхъ японскихъ джентльмена, съ лицами, похожими на желтыя маски, въ ослабительно бѣлыхъ воротничкахъ и черныхъ костюмахъ, какъ будто только что снятыхъ съ магазинной выставки, сидѣли у стѣны, но Смитъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Впрочемъ, даже я съ трудомъ понималъ его сдержанное носовое ворчаніе.

— Скажите ему,—обратился онъ къ переводчику, плотному бѣлобрысому норвежцу, съ головой, очень похожей на большую свѣжеочищенную рѣпу, кивая головой на Федосѣева,—зачѣмъ онъ не привезетъ бѣлыхъ людей?.. Десять бѣлыхъ людей сработаютъ за тридцать японцевъ въ половинное время.

— Гдѣ же я возьму бѣлыхъ?—съ сокрушеніемъ возразилъ Федосѣевъ.

— Эти японцы,—продолжалъ Смитъ съ тѣмъ же сдержаннымъ озлобленіемъ,—чѣмъ работать, они прибавки просятъ... Въ два мѣсяца три забастовки.

— Да съ!—вдохнулъ Федосѣевъ.—Двадцать рублей въ мѣсяцъ—еще имъ мало!..

— Они говорятъ,—вдругъ вмѣшался переводчикъ,—мы и третьей части не получаемъ! Китайскій подрядчикъ изъ С.-Франциска все себѣ беретъ.

— А намъ какое дѣло?—сказалъ Федосѣевъ.—Не можемъ же мы со всѣми ими дѣло имѣть, намъ надо знать кого-нибудь одного!..

Рабочихъ на всемъ тихоокеанскомъ побережьи отъ Владивостока до С.-Франциско поставляютъ китайскія или японскія конторы, которыя имѣютъ отдѣленія въ русскихъ и американскихъ городахъ и сами отъ себя нанимаютъ рабочихъ въ Шанхаѣ, Чифу, Хакодате, конечно, съ огромнымъ вычетомъ въ свою пользу.

— А что же дали имъ прибавку?—полюбопытствовалъ я.

— Какъ же не дать!—вдохнулъ Федосѣевъ—поневогѣ дашь!—не хотятъ работать иначе, знаютъ—другихъ рабочихъ здѣсь нѣтъ, ну и пользуются!.. У нихъ вѣдь одинъ сказалъ «не хочу работать», такъ и всѣ заодно: пеки у нихъ, общества. Отстать никому нельзя: убьютъ!

— Да и капризные они!..—продолжалъ онъ жаловаться.—Намедни заставили кузнецовъ трубу заводскую склепывать, не хотятъ. «Мы, говорятъ, не котельщики. Это, говорятъ, трудная работа: мы не нанемались». Плотниковъ просилъ землекопамъ помочь, отказались. А ужъ съ консервщиками прямо сладу нѣтъ. Такъ прямо и долбятъ: «Работы нашей у васъ не стало! Везите насъ въ Японію!»

— Нѣтъ!—рѣшительно сказалъ Смитъ.—Въ будущемъ году ни одного японца!.. Я поѣду въ Шанхай и самъ привезу китайцевъ; тамъ сколько угодно искусныхъ работниковъ, изъ С.-Франциска вернулись, прямо съ завода!..

Японскіе джентльмены сидѣли неподвижно, какъ муміи. Одинъ былъ маленькій, лысоватый, съ забавнымъ разноцвѣтнымъ лицомъ, какъ будто спшитымъ изъ кусковъ поношенной замши; другой повыше и

потоньше, съ черной гривой, похожей на парикъ изъ конскаго волоса, и большими неровными зубами, слявшими изъ-подъ растопыренныхъ и неизмѣнно улыбающихся губъ.

Я потихоньку освѣдомился объ нихъ у Өедосѣва.

— Кто ихъ знаетъ!—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ онъ.—Чиновники таможенные изъ Хакодате... Кто ихъ знаетъ, зачѣмъ изъ Владивостока прѣехали... На нашемъ пароходѣ назадъ поѣдутъ.

— Съ порученіемъ какимъ-нибудь?

— Не думаю,—медленно отвѣтилъ Өедосѣвъ.—Въ прошломъ году Дичковъ, надзиратель рыбныхъ промысловъ изъ Петропавловска, въ Японію заѣхалъ. Должно быть, визитъ отвѣтный... А между прочимъ, кто ихъ знаетъ!..

Послѣ завтрака мы сдѣлали прогулку по берегамъ Тарвинской бухты, гдѣ расположенъ заводъ.

Я шелъ рядомъ съ японцами. Маленькій японецъ наиввалъ что-то, поразительно напоминавшее русское церковное пѣніе. Я не вытерпѣлъ и спросилъ его о происхожденіи мотива.

— Я православный, Евграфъ Никитичъ Кураока,—объяснилъ онъ мнѣ очень плохимъ русскимъ языкомъ,—Токіо семинарія училъ! Теперь Хакодате живу.

— А много православныхъ въ Хакодате?—спросилъ я.

— Токіо много, Хакодате мало, триста человекъ. Токіо большой соборъ, епископъ есть; Хакодате церковь одинъ, священникъ одинъ. Весь островъ только четыреста человекъ!..

— А священникъ говоритъ по-русски?

— Нѣту говоритъ! Японскій священникъ... Русскій консулъ, писарь Кассавора хорошо говорятъ русскій языкъ.

— Я тоже въ Хакодате поѣду! На одномъ пароходѣ съ вами!.. —сказалъ я.

Дѣйствительно, я собирался покинуть «Гиринъ», который еще пять недѣль долженъ былъ слоняться по охотскимъ портамъ.

Японецъ посмотрѣлъ на фотографическій снарядъ въ рукахъ моего спутника.

— Хакодате такой нельзя работать, штрафъ плати!—неожиданно сказалъ онъ дружескимъ, но предостерегающимъ тономъ.

— Отчего?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нельзя, крѣпость! Штрафъ плати!—настаивалъ японецъ.—Наши строго смотрѣли!..—Я—японски!—и онъ ткнулъ себя рукою въ грудь. Тоже нельзя работать такъ!.. — и онъ опять указалъ пальцемъ на аппаратъ.

Я посмотрѣлъ своему собесѣднику въ маленькіе глазки, похожіе на кусочки чернаго стекла, но европейскому взгляду ничего нельзя было различить въ ихъ мелкой глубинѣ. Другой японецъ, не говорившій ни слова по-русски, автоматически улыбался. Тѣмъ не менѣе мнѣ

пришло въ голову, что этотъ православный чиновникъ японской крѣ-ности, въ концѣ концовъ, могъ имѣть какое-нибудь порученіе къ строптивымъ японскимъ кузнецамъ, которые не соглашались заколачивать заклепки для г. Ѳедосѣева, какъ гаршинскій глухарь.

Черезъ два дня Петропавловскъ тоже остался у насъ сзади и благодаря любезности г. Ѳедосѣева мы ѣхали въ Японію на пароходѣ общества вмѣстѣ со Смитомъ и японцами сквозь густой туманъ, окутывавшій пустынные Курильскіе острова. Пароходъ былъ русскій, тотъ же прошлогодній «Байкалъ».

— А какъ вы думаете?—спросилъ я помощника капитана, хитраго владивостокскаго старожилъ. — Выйдетъ толкъ изъ Ѳедосѣевского завода?..

— Какъ же у нихъ выйдетъ толкъ?—немедленно състрилъ помощникъ. — Будто они рыбу ищутъ? — они ищутъ только, гдѣ раки зимуютъ!.. — Я вамъ скажу, какъ будетъ,—прибавилъ онъ.—Общество истратило миліонъ рублей. Эти, должно быть, въ трубу вылетятъ. Потому продадутъ они другому машины и остатки—тысячъ за сто или за полтораста. Этотъ опять прогоритъ, да третьему продастъ. А у третьяго, можетъ, и толкъ будетъ. Такъ бываетъ.

Волны круто поднимались и качали пароходъ. Высоко надъ головой туманъ раздѣлился, какъ разорванная ткань и сталъ сжиматься большими сѣрыми клочьями. На западѣ смутно проглянула вершина сопки безъ подножія и очертаній, похожая скорѣй на облако, чѣмъ на твердую землю.

На востокъ прорѣзался узкій солнечный лучъ и на линіи горизонта заиграли бѣлые блики волнистыхъ гребней, какъ бѣлыя чайки, низко пролетающія надъ водой. Пассажиры сошли внизъ, я одинъ остался на верхней палубѣ. Мысли мои двигались скорѣе этого неуклюжаго парохода и были далеко, Богъ знаетъ гдѣ.

Я вспомнилъ, какъ уѣзжалъ я въ такое же туманное осеннее утро изъ большого шумнаго города, и на душѣ моей было смутно, какъ и на окружающемъ водяномъ просторѣ. Отъ жизни не убѣжишь или убѣжишь и самъ вернешься назадъ...

Господи, приспособи меня! Найди какое-нибудь мѣсто въ этой сложной машинѣ, куда я могъ бы втиснуть свою строптивую волю, какъ ввинтить въ гайку и истомить ее до конца въ будничной черной работѣ, чтобы не быть мнѣ больше зрителемъ чужихъ безумій и ошибокъ и лучше самому сойти съ ума и заблуждаться и буйствовать вмѣстѣ съ другими, не смущая бѣгущаго вѣка проклятымъ вопросомъ: зачѣмъ?..

Танъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

Уныло и глухо гудить паровозъ
Подъ вѣющимъ пологомъ ночи;
Десятками вѣпкихъ тяжелыхъ колесъ
Вагоны бѣгутъ, что есть мочи.
Вагоны бѣгутъ и скрипятъ, и дрожать,
Ихъ тонкія стѣнки трясутся,
Оконныя стекла не въ тактъ дребезжать
И въ каждомъ мелькаетъ назойливый взглядъ,
То призраки вмѣстѣ несутся.
Опять я свободенъ. Я духомъ окрѣпъ,
Развѣялъ и скуку, и горе.
Я городъ покинулъ холодный, какъ склепъ,
И финское мелкое море.
Изъ каменной, тѣсной, постылой тюрьмы
Я вырвался вонъ безъ оглядки...
Тамъ души ржавѣютъ, тамъ вьнутъ умы,
Тамъ люди такъ мелки и гады...
Привѣтъ тебѣ, воля! трикратный привѣтъ,
Моя удалая подруга!..
Неси меня быстро на солнце и свѣтъ
Изъ этого рабскаго круга!..
Съ тобою вдвоемъ мнѣ весь міръ нипочемъ!..
Путемъ нескончаемымъ нашимъ
Два раза мы землю кругомъ обовьемъ,
Сѣдой океанъ опояшемъ!..
Напрасно навстрѣчу сгущается тьма
И вьюга бушуетъ сердито,—
Бессонная бодрость людского ума
То лучшая наша защита.
Равно намъ покорны земля и вода,
И горы и быстрыя рѣки:
Великая сила людского труда
Ихъ всѣхъ покорила навѣки.
Начнемъ же смѣлѣе нашъ дальній походъ!
Не нужно страшиться погони...
Намъ служить стихіи. Несутъ насъ впередъ
Желѣзные быстрые кони.
Съ тобой мы объѣдемъ и сѣверъ, и югъ,
Какъ птицы умчимся далеко...
Два раза мы землю объѣдемъ вокругъ,
На западъ вернемся съ востока!..

Тань..

Артуръ Шопенгауэръ, какъ человекъ, философъ и учитель.

Фридриха Паульсена.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

Личность Шопенгауэра.

За три дня до смерти Шопенгауэръ видѣлся въ послѣдній разъ съ близкимъ ему человекомъ, Гвиннеромъ, написавшимъ впоследствии его биографію. Рѣчь шла о смерти; прощаясь, Шопенгауэръ сказалъ: «Пусть будетъ, что будетъ, по крайней мѣрѣ, совѣсть моя, какъ мыслителя, чиста» *).

*) Гвиннеръ. «Жизнь Шопенгауэра, 2-е изд. 1878 г., стр. 315. Для характеристики Шопенгауэра это сочиненіе попрежнему остается самымъ важнымъ источникомъ. Книга Фрауэнштета и Линднера «Artur Schopenhauer-Von ihm. Ueber ihn» (1863 г.) представляетъ апологетическое произведеніе, направленное противъ первыхъ сообщеній Гвиннера отъ 1862 г. Имѣютъ значеніе также письма Шопенгауэра, собранныя Шеманомъ (1893 г.) и Гризебахомъ. Гризебахъ, лучший издатель сочиненій Шопенгауэра, составилъ также его биографію (Сборникъ Веттельгейма «Герои духа» 1897 г.); достойная полная довѣрія въ отношеніи фактовъ, она нѣсколько одностороння по освѣщенію ихъ; стремясь изобразить въ самомъ благоприятномъ свѣтѣ характеръ Шопенгауэра, она черезчуръ мрачными красками рисуетъ образъ его матери. Прекрасную характеристику Шопенгауэра, опирающуюся на мнѣнія врача, далъ въ недавнее время Мэбиусъ «О Шопенгауэрѣ» (1899 г.). Двѣнадцать приложенныхъ картинъ, еще увеличиваютъ цѣнность книги; особенно интересны оригинальныя фотографіи, ихъ всего пять, первая относится къ 1845 г. Среди общихъ сочиненій о Шопенгауэрѣ наибольшей извѣстностью пользуется книга Фишера **). «Шопенгауэръ, его жизнь, дѣятельность и ученіе» (2-ое изд. 1898 г.) Особого вниманія заслуживаетъ только что изданная работа Фолькета «А. Шопенгауэръ, его личность, его ученіе, его вѣра» (1900 г.); съ тонкимъ пониманіемъ отмѣчены въ ней сильныя стороны мыслителя, но съ не меньшей тщательностью и вниманіемъ указаны односторонности, преувеличенія, недостатки и противорѣчія въ построеніи его системы. Хорошее изображеніе отношенія его философіи, съ одной стороны, къ его личности, съ другой—къ его эпохѣ и къ философіи его современниковъ даетъ Леманъ: «Шопенгауэръ, дополненіе къ психологіи метафизики» (1894). Еще можно назвать два сочиненія на англійскомъ языкѣ: W. Wallace. «Life of. S.» (1890) и W. Caldwell. «Sch-s System in its philosophical significance» (1896 г.).

**) См. «Миръ Божій» 1894 г., октябрь.

Это одна, положительная сторона сужденія Шопенгауэра о себѣ-самомъ. Но, какъ видно, изъ этихъ же словъ существовала и отрица-тельная сторона.

Ее можно заимствовать изъ его собственнаго отзыва о Фрауэнштетѣ. Шопенгауэру нравилась его умственная фізіономія, отражающаяся въ глазахъ и во лбу, но въ такой же мѣрѣ ему не нравилась его нравственная фізіономія, выражающаяся въ нижней части лица, глав-нымъ образомъ въ очертаніи рта. Шопенгауэръ придавалъ большое значеніе фізіономіи и подъ этимъ онъ подразумѣвалъ, что цѣнить-умъ Фрауэнштета выше его характера. Онъ различалъ два вида-дружбы: дружбу, основанную на волѣ, и дружбу, основанную на разумѣ; съ самимъ собой у него была дружба второго рода. Онъ удивлялся своему уму и бесѣдовалъ съ самимъ собой охотнѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Напротивъ, о своей волѣ онъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія; онъ почти стыдился ея, конечно, онъ меньше всего обвинялъ за это самого себя, онъ склоненъ былъ видѣть въ недостаткѣ воли общечеловѣческую черту, свойственную также и гениямъ.

Мнѣніе Шопенгауэра о себѣ-самомъ вполне основательно въ обо-ихъ отношеніяхъ. У него были всѣ основанія считать свои умствен-ныя дарованія выдающимися и необычайными, но въ то же время онъ никакъ не могъ быть довольнымъ своей волей. Это было существо-дикое и необузданное, съ которымъ ему всю жизнь было много хлоп-потъ. Въ качествѣ философа, Шопенгауэръ презиралъ, какъ призрач-ныя блага, вещи, составляющія предметъ общихъ стремленій; какъ-человѣкъ, онъ не могъ оторваться отъ нихъ; его воля неустанно тре-возно и жадно стремилась къ нимъ.

Въ началѣ своего разсужденія объ усовершенствованіи разума-Спиноза называетъ три вещи, къ которымъ естественно стремится воля: богатство, слава и сладострастіе. Онъ также домогался ихъ. Но-когда онъ сталъ размышлять объ нихъ при свѣтѣ опыта, ему стало-ясно, что эти три вещи не только не представляютъ прочихъ благъ, но даже составляютъ извѣстное зло, такъ какъ отвлекаютъ духъ отъ-себя самого и такимъ образомъ мѣшаютъ его полнотѣ и совершенству. Поэтому онъ принялъ рѣшеніе отказаться отъ этихъ пустыхъ и нич-тожныхъ вещей и стремиться только къ вѣчному и неизмѣнному благу, обладаніе которымъ наполняетъ духъ вѣчной и неизмѣнной радостью. Это высшее благо Спиноза открылъ въ созерцательномъ познаніи Все-могущаго Бога. И насколько можно судить изъ неполныхъ свѣдѣній о его жизни, она не стояла въ противорѣчій съ тѣмъ, что въ своихъ-писаніяхъ онъ считалъ высшей мудростью. Это та же самая мудрость, которую высказывалъ у него средневѣковой монахъ. Черезъ отрицаніе-естественной воли, черезъ отреченіе отъ призрачныхъ благъ міра, че-резъ тройной обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія идетъ путь-къ достиженію высшаго блага, вѣчнаго блаженства въ созерцаніи Бога.

Шопенгауэръ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ примыкаетъ къ этому ученію, но покорить въ дѣйствительности свою волю разсудку ему никакъ не удавалось, съ неукротимой силой его влекло къ тѣмъ вещамъ, которыя онъ, какъ философъ, цѣнилъ такъ же мало какъ мудрецъ и святой. Нѣсколько чертъ изъ сообщаемого біографами достовѣрнаго матеріала о немъ достаточно убѣдительно доказываютъ это.

Самую выдающуюся черту нравственной фізіономіи Шопенгауэра составляетъ очень высокая самооцѣнка, проявлявшаяся въ сознаніи неизмѣримаго презосходства надъ прочими людьми. Онъ геній среди посредственностей; считать ихъ ничтожествами и поступать съ ними, какъ съ ничтожествами, его право, даже обязанность передъ самими собой. Только презирая ихъ, онъ можетъ постоянно чувствовать разстояніе между ними и собой и не смѣшиваться съ нимъ. Эта самооцѣнка не была въ сущности неправильной, мало того, нельзя даже пожелать, чтобы она была иною, на скользкомъ литературно-академическомъ пути она предохраняла его отъ недостойныхъ его шаговъ. Вообще желать, чтобы Шопенгауэръ въ какомъ-либо существенномъ отношеніи былъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, значить желать, чтобы нѣмецкая литература не имѣла совѣтъ Шопенгауэра, — такія произведенія могъ написать только такой человекъ. Но не мѣѣе справедливо и то, что эта черта доставила много непріятностей и ему самому, и другимъ, и что поведеніе его далеко не всегда было похвальнымъ и достойнымъ подражанія.

Еще въ юношескіе годы эта самооцѣнка проявляется въ формѣ заносчиваго высокомерія. Въ Готѣ, гдѣ, едва раздѣлвшись съ купеческой профессіей, навязанной ему волей отца, онъ завязалъ отношенія съ мѣстной гимназіей, онъ скоро создалъ себѣ невозможное положеніе, благодаря сатирическимъ стихамъ на одного учителя (1807 г.). Самъ по себѣ этотъ случай еще не особенно удивителенъ, но удивительно то, что много лѣтъ спустя въ своей біографіи, которую онъ представилъ передъ диспутомъ берлинскому факультету, онъ подробно излагаетъ его изящной латинской прозой. Очень рѣдко этого рода произведенія содержали въ себѣ подобныя рассказы, да и вообще это жизнеописаніе и по своей длинѣ, и по своему характеру было единственнымъ въ своей родѣ. Каждое слово даетъ почувствовать, что тутъ дѣло идетъ не о жизни какого-нибудь обыкновеннаго приватъ-доцента, что это единственный, изъ ряда вонъ выходящій случай, относительно котораго никакія подробности не могутъ быть лишними *).

*) Живнеописаніе и просьба о допущеніи диссертациі были впервые опубликованы Гвинеромъ (ст. 232—247). Переписка съ деканомъ и переписка по тому же поводу съ Осаномъ напечатана у Шемана. Я считаю умѣстнымъ отмѣтить, что берлинскій факультетъ обратилъ особое вниманіе на тонъ этихъ записокъ. Въ университетскихъ актахъ сохранилась надпись, сдѣланная деканомъ на просьбѣ при передать ея въ факультетъ. Высказываясь за допущеніе диссертациі, онъ дѣлаетъ

Точно такое же впечатлѣніе производятъ переписка, которую онъ незадолго передъ тѣмъ велъ съ издателемъ своего главнаго произведенія — Брокгаузомъ. Здѣсь также идетъ рѣчь объ «ординарныхъ профессорахъ», которые хлопочутъ только о томъ, чтобы скрывать правду. Въ другомъ письмѣ онъ объявляетъ своему издателю, чтобы тотъ не вздумалъ смотрѣть на него и относиться къ нему, какъ къ «вашимъ авторамъ разговорныхъ книжекъ и другимъ жалкимъ писакамъ, съ которыми у меня нѣтъ ровно ничего общаго, кромѣ употребленія пера и чернилъ».

Этотъ надменный тонъ можно съ большою степенью вѣроятности объяснить его безграничнымъ тщеславіемъ, благодаря которому онъ считалъ, что между нимъ и всѣмъ тогдашнимъ ученымъ міромъ лежитъ громадная пропасть. Происходя изъ виднаго и богатаго купеческаго дома, онъ смотрѣлъ свысока на нѣмецкихъ ученыхъ, профессоровъ, учителей и писателей, какъ на жалкихъ бѣдняковъ, которые должны изъ-за куска хлѣба строчить или бѣгать по урокамъ въ школы или университеты. Онъ рѣдко забывалъ объ этомъ и съ гордостью указывалъ на свое независимое положеніе. Съ такимъ же высокохвѣремъ онъ выставлялъ преимущества своего свѣтскаго образованія, дополненнаго путешествіями, передъ сухой кабинетной и книжной ученостью. Въ теченіе всей своей жизни онъ предпочиталъ общество свѣтскихъ людей обществу настоящихъ ученыхъ, — поскольку онъ вообще чувствовалъ необходимость въ обществѣ. Къ этому присоединялась также противоположность его моднаго, главнымъ образомъ, естественно-научнаго образованія съ старинной богословской ученостью, приобретаемой въ монастыряхъ и закрытыхъ школахъ.

Та же самая черта его характера проявлялась и въ его отношеніяхъ съ близкими людьми. Его высокохвѣріе и неуживчивость сначала испортили, а потомъ и окончательно разстроили его отношенія съ матерью. Въ извиненіе ему можно сказать, что относиться съ чувствомъ

слѣдующее замѣчаніе: «Несмотря на большую несдержанность и непомѣрное тщеславіе г-на Шопенгауэра, выражающееся во всемъ вышеприведенномъ, я нахожу тѣмъ не менѣе, что, оставя въ сторонѣ оцѣнку ихъ, нельзя ничего возразить противъ допущенія диссертациі». Онъ считаетъ также возможнымъ удовлетворить его просьбу о внесеніи его въ розписаніе лекцій до пробной лекціи въ факультетъ и до публичной вступительной лекціи. Гегель присоединился къ его мнѣнію, между тѣмъ какъ Раумеръ и Эрманъ считали предварительное внесеніе въ розписаніе не вполне удобнымъ, а Вейсъ замѣтилъ: «Признаюсь, что чрезвычайное высокохвѣріе г-на Шопенгауэра не особенно располагаетъ меня настаивать на какомъ-нибудь исключительномъ снисхожденіи къ нему со стороны факультета. Тѣмъ не менѣе я нисколько не сомнѣваюсь, что его просьбы должны быть удовлетворены». Семью голосами противъ трехъ Шопенгауэру была оказана просимая любезность: 23-го марта 1820 г. онъ читалъ пробную лекцію о четвероякъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Во время преній онъ нашелъ случай,¹ какъ онъ самъ впоследствии рассказывалъ, передъ всѣмъ факультетомъ, уличить Гегеля въ незнакомствѣ съ психологіей.

сыновняго почтенія къ его матери было дѣло не легкое. Она любила сына, но еще больше любила самое себя. Это была женщина, хорошо одаренная отъ природы и совсѣмъ не злая, но исполненная наивнаго тщеславія избалованной свѣтской дамы. Мужа своего она никогда по настоящему не любила; онъ женился на дѣвушкѣ чуть не на двадцать лѣтъ моложе себя, происходившей изъ скромной семьи, и окружилъ ее всѣмъ блескомъ и роскошью богатаго купеческаго дома. Послѣ двадцатилѣтняго супружества внезапная смерть мужа дала ей полную свободу устраивать свою жизнь согласно собственнымъ склонностямъ. Она поселилась въ Веймарѣ, играя тамъ роль интересной и богатой вдовы. Центромъ ея жизни сдѣлались вечера, которые она устраивала у себя по два раза въ недѣлю, собирая на нихъ все, что было выдающагося въ Веймарѣ и прежде всѣхъ, конечно, Гёте. Эти вечера сыграли также значительную роль въ ея разрывѣ съ сыномъ. Послѣ постигшей его въ Готѣ непріятности, она позволила ему—въ сущности противъ своего желанія, пріѣхать въ Веймаръ. Но она не взяла его къ себѣ въ домъ, онъ долженъ былъ, какъ гость, приходиться къ обѣду и являться на званые вечера. Впрочемъ, она опасалась, что они «будутъ для него не такъ интересны, какъ для людей болѣе взрослыхъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ онъ, которые могутъ принимать въ нихъ дѣятельное участіе». Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ она еще точнѣе опредѣляетъ его роль на нихъ. «На моихъ вечерахъ ты можешь ужинать у меня, но самое лучшее, если ты будешь воздерживаться отъ несносныхъ споровъ, которые только раздражаютъ меня, также какъ вѣчные охи да ахи о жалкомъ человѣчествѣ и о царящей въ мірѣ глупости. Отъ нихъ у меня всегда бываютъ дурные сны, а я люблю хорошо поспать». Другой разъ она называетъ его «несноснымъ и утомительнымъ». «Твое вѣчное умничанье заставляетъ забывать о всѣхъ твоихъ достоинствахъ и дѣлаетъ ихъ совершенно непригодными для жизни. Ты непременно хочешь знать все лучше другихъ, вездѣ видишь недостатки, кромѣ самого себя, и все хочешь исправлять и передѣлывать по своему» (Гвинверъ, стр. 67).

Нельзя не сознаться, что мать далеко не привлекательными красками изображаетъ своего двадцатилѣтняго сына; надо думать, у нея были для этого достаточныя основанія, а ея замѣчанія, касающіяся его отношеній съ людьми, нельзя отказать въ наблюдательности. Въ то же время эти письма достаточно ярко рисуютъ ея собственный обликъ. Гордость матери выдающимся умомъ сына борется въ нихъ съ любовью свѣтской дамы къ покою и комфорту. Можно быть увѣреннымъ, что въ его отвѣтахъ не было недостатка въ саркастическихъ выходкахъ, такъ какъ сынъ не уступалъ матери въ умѣныя подмѣчать человѣческія слабости. Позднѣе, послѣ окончанія университетскаго курса, между ними произошелъ окончательный разрывъ. Непріятныя для него отношенія матери съ однимъ другимъ дома и ея

крупные, быть может, чрезвычайные расходы, послужили послѣдней каплей, докончившей дѣло. Послѣдній разъ онъ видѣлъ ее въ 1814 году, съ тѣхъ поръ,—хотя она прожила еще 24 года,—личные сношенія между ними не возобновлялись. Можетъ быть, это было и къ лучшему, у нихъ было слишкомъ много родственныхъ чертъ и они слишкомъ хорошо знали другъ друга, чтобы жить вмѣстѣ. Всякая встрѣча вела къ тяжелымъ столкновеніямъ *).

Разставшись навсегда съ матерью, онъ прожилъ слѣдующіе четыре года въ Дрезденѣ, это были годы созданія и разработки его системы. Одинъ изъ членовъ литературнаго круга, въ которомъ онъ тамъ вращался, оставилъ намъ слѣдующую характеристику молодого человѣка: «Чистосердечный и честный, прямой и строгій, въ научныхъ и литературныхъ вопросахъ необычайно рѣшительный и твердый, называющій все своими именами, не боясь ни друзей, ни враговъ, очень склонный къ шуткѣ, порой даже грубовато-насмѣшливый, этотъ бѣлокурый юноша съ сверкающими сѣро-голубыми глазами и съ глубокими складками по обѣимъ сторонамъ носа, съ нѣсколькими рѣзкими голосомъ и отрывистыми жестами имѣлъ иногда далеко не ласковый видъ». Живя уединенно и не добиваясь ничьей дружбы, онъ слылъ за чудака; когда онъ появлялся въ обществѣ, тотчасъ же возникалъ споръ, «причемъ онъ со своей безудержной откровенностью старался досадить всѣмъ, пересыпая разговоръ самыми ѣдкими сарказмами, давая волю своему злому юмору, бросая въ лицо всѣмъ самые оскорбительные отрывки изъ Шекспира и Гёте; онъ игралъ роль какого-то бука, его всѣ боялись, но никто не осмѣливался отплатить ему тою же монетою».

Къ тому же времени относится письмо Квадта—человѣка, принадлежавшаго къ ближайшимъ друзьямъ Шопенгауэра и оставшагося до конца ему преданнымъ, къ его сестрѣ Адели (опубликовано Шемановъ, стр. 489). Относясь съ искреннимъ расположеніемъ и къ брату, и къ сестрѣ, онъ высказывалъ послѣдней свои опасенія и свое огорченіе по поводу все болѣе глубокаго одиночества, въ которое замыкался ея братъ, онъ боялся, что результатомъ его, въ концѣ концовъ, явится угрюмый и жесткій эгоизмъ. Онъ убѣдительно просилъ ее съ любовью протянуть ему руку и попытаться возстановить его отношенія съ матерью.

Закончивъ писанье своей главной работы, Шопенгауэръ уѣхалъ въ Италію. Въ Римѣ онъ завязалъ сношенія съ колоніей нѣмецкихъ ху-

*) Изъ писемъ Шопенгауэра къ матери и сестрѣ до насъ ничего не дошло, вѣроятно, по его желанію они были уничтожены послѣ ея смерти. Вмѣстѣ съ ними погвѣвъ очень важный для насъ матеріалъ. Письма того періода, когда складывался его характеръ, имѣли бы большое значеніе для пониманія его личности. Но едва ли можно предполагать, чтобы они могли представить его характеръ въ болѣе благоприятномъ освѣщеніи. Правильную и тонкую характеристику его матери можно найти у Мёбіуса (стр. 20 и сл.).

дожниковъ; здѣсь онъ игралъ ту же роль, что и въ Дрезденѣ. Особенно сильное раздраженіе вызывалъ онъ тѣмъ, что выказывалъ явное пренебреженіе къ господствовавшему романтическому направленію въ національномъ и религіозномъ вопросѣ. Нѣмецкій народъ самый глупый изъ всѣхъ, заявилъ онъ разъ въ греческой кофейнѣ,—и если онъ добился духовнаго первенства, то только тѣмъ, что не имѣлъ никакой религіи. Нельзя не сознаться, что онъ обладалъ, какъ говорила его мать, особою способностью быть непріятнымъ и невыносимымъ для окружающихъ.

Выразившееся въ этомъ случаѣ стремленіе противорѣчить всему общепризнанному, составляетъ его существенную черту, какъ писателя и мыслителя; всю жизнь его душевной потребностью было высказывать презрѣніе ко всему, что пользовалось общимъ уваженіемъ, была ли это гегелевская философія или ньютоновское ученіе о цвѣтахъ, церковная ортодоксальность или новомодный матеріализмъ, романтизмъ или тяготѣніе къ средневѣковью, юдофильскій либерализмъ или просвѣтительный оптимизмъ. Оппозиція и противорѣчіе—его стихія. Пусть другіе будутъ увѣрены въ своей правотѣ, опираясь на общепризнанныя истины, онъ, наоборотъ, находитъ эту увѣренность въ опроверженіи ихъ. Онъ считалъ бы самого себя достойнымъ презрѣнія, если бы уличилъ себя въ томъ, что думаетъ, чувствуетъ или судитъ, какъ всѣ.

Это именно то настроеніе, при которомъ написано введеніе къ первому изданію его основного труда. Трудъ его представляетъ именно то, что люди такъ долго искали подъ именемъ философіи—разрѣшеніе великой загадки міра и жизни. Впрочемъ, книга эта едва ли придется по вкусу читателямъ: она представляетъ достояніе *raucogum hominum* *) «такъ какъ какой образованный человѣкъ нашего времени, когда знаніе приблизилось къ торжественной точкѣ, на которой ложь и парадоксъ воплоти одно и то же, могъ бы стерпѣть, встрѣчая почти на каждой страницѣ мысли, которыя прямо противорѣчатъ тому, что онъ самъ положительно призналъ вѣрнымъ и рѣшеннымъ?» **).

Несмотря на эти слова, Шопенгауэръ является безспорно сыномъ своего времени. По крайней мѣрѣ онъ гораздо ближе къ Фихте, Шеллингу и Гегелю, чѣмъ къ прославленнымъ въ противоположность имъ философамъ просвѣтительной эпохи. По мнѣнію всей этой группы, соглашались съ тѣмъ, что думаетъ весь міръ, что утверждаетъ здравый смыслъ, было гибелью для философа. Кто шелъ по этому пути, тотъ получалъ упрекъ въ поверхностности. Рука объ руку съ этимъ шло настойчивое стремленіе къ оригинальности и самобытности даже въ отношеніи къ родственнымъ мыслителямъ. Накто не хотѣлъ признавать другого, каждый стремился къ неограниченному господству. Все

*) Немногихъ людей.

***) «Міръ, какъ воля и представленіе», переводъ Фета, изд. 1881 г., стр. XVI.

это обще у Шопенгауэра съ этими людьми, которыхъ онъ считаетъ въ философіи своими антиподами. Полная самобытность, которую они видятъ въ противоположности со всѣмъ окружающимъ, составляетъ основное свойство его духа. Больше всего боится онъ быть стаднымъ животнымъ. Ничто такъ не чуждо ему, какъ духъ солидарности во всѣхъ его проявленіяхъ. Самъ онъ не испытывалъ и тѣни его ни какъ членъ семейства, ни какъ членъ какого-либо сословія, націи или, наконецъ, всего человѣчества. Онъ смѣется, когда ему указываютъ на далеко не лестный портретъ его матери въ воспоминаніяхъ Фейербаха, онъ презираетъ и осмѣиваетъ своихъ товарищей, университетскихъ преподавателей, онъ презираетъ и осмѣиваетъ нѣмцевъ, онъ презираетъ и осмѣиваетъ людей вообще, всѣхъ этихъ двуногихъ животныхъ. Онъ ничѣмъ не хочетъ быть, кромѣ какъ самимъ собой, онъ хочетъ быть признанъ единственнымъ. Самобытность составляетъ вѣнецъ его существованія.

Оскорбленія, дѣйствительныя или мнимыя, вызывали въ этомъ высокомѣрномъ самосознаніи яростный гнѣвъ. Два случая, относящіяся къ началу его приватъ-доцентуры въ Берлинѣ, показываютъ всю неукротимость его характера. Одинъ заключался въ столкновеніи съ товарищемъ. Вскорѣ послѣ него получилъ каѳедру философія при Берлинскомъ университетѣ Ф. Е. Беннеке. Передъ тѣмъ онъ напечаталъ въ Іенской литературной газетѣ рецензію на «Міръ, какъ волю и представленіе», которую Шопенгауэръ счелъ за литературное оскорбленіе и за попытку подкопаться подъ его академическое положеніе. Въ посланной въ литературную газету «Необходимой замѣткѣ по поводу перерванной цитаты», онъ отклонялъ отъ себя, какъ недостойныя его, всякія объясненія съ анонимнымъ критикомъ, но сильно нападалъ на него за своевольное отношеніе къ тексту, выразившееся въ неточныхъ цитатахъ. На неоднократныя попытки добродушнаго Беннеке покончить ссору личнымъ объясненіемъ, онъ отвѣчалъ всякій разъ рѣзкимъ отказомъ. Любопытно также, что свою «Необходимую замѣтку» онъ послалъ въ сопровожденіи угрожающаго письма издателю «Литературной газеты» проф. Эйхштату въ Іену (6-го января 1821 г., Шеманъ, ст. 142). Въ случаѣ, если бы тотъ отказался помѣстить эту замѣтку, онъ грозилъ тотчасъ же напечатать ее въ шести другихъ литературныхъ и политическихъ газетахъ, снабдивъ ее примѣчаніями по поводу этого отказа, а также, по поводу того «что вы поставили судьей надъ произведеніемъ, важность и значеніе котораго оцѣнить нація, мальчишку, едва выскочившаго изъ карцера».

Если здѣсь побѣда осталась за нимъ, то нѣсколько мѣсяцевъ спустя (лѣтомъ 1821 г.), его неудержимая вспыльчивость навлекла на него большія неприятности—много лѣтъ тянувшійся процессъ и плату за убытки, тянувшуюся еще дольше.

Однажды, выходя изъ дому, онъ натолкнулся на порогъ своей квар-

тыры на пожилую женщину-швею, жившую у той-же хозяйки. Она не захотѣла посторониться и онъ два раза собственноручно сильно толкнулъ ее. Женщина, увѣрявшая, что получила при этомъ поврежденія, возбудила противъ него процессъ, требуя съ него платы на содержание. Въ теченіе двадцати лѣтъ, онъ принужденъ былъ каждые три мѣсяца выплачивать ей по 15 талеровъ, пока его не освободила ея смерть, которую онъ привѣтствовалъ словами: «obit apus, abit opus» *). Пусть даже рѣшеніе суда было несправедливо—въ оправдательныхъ письмахъ, сообщенныхъ Гвинеромъ (стр. 304), слышится скрежетъ зубовъ невинно пострадавшаго. Во всякомъ случаѣ этотъ горькій опытъ былъ для него хорошимъ урокомъ. Онъ стоилъ ему тяжелаго раскаянія. Въ главѣ о первенствѣ воли въ самосознаніи, богатой такими жѣтвыми наблюденіями, чувствуется человѣкъ, испытавшій на себѣ то, о чемъ онъ говоритъ (Миръ какъ воля и представленіе, II ч.). Воля сжимаетъ въ зубахъ узду, которую накладываетъ на нее разумъ, и мчитъ впередъ, чтобы потомъ искупать муками раскаянія безумную поспѣшность. Тотъ же самый опытъ породилъ у него размышленія о техникѣ мести: молчать и выжидать и потомъ съ ясной головой и твердой рукой наносить ударъ: хладнокровныя животныя — самыя ядовитыя. Шопенгауэръ не обладалъ этой техникой, именно потому онъ и чувствовалъ съ такой силой ея достоинства.

Вмѣсто того онъ постигъ искусство избѣгать оскорбленій, уклоняясь отъ общенія съ людьми; такимъ образомъ онъ не испытывалъ ни досады, ни раздраженія, отъ неумѣнья установить съ ними правильныхъ отношеній. Онъ избѣгалъ даже литературныхъ отношеній въ формѣ личныхъ знакомствъ. Столкновеніе съ Беннеке, въ которомъ проявилась вся его вспыльчивость и несдержанность, было единственнымъ въ этомъ родѣ. Съ теченіемъ времени Шопенгауэръ достигъ того, что считалъ плодомъ самостоятельно выработаннаго характера, и называлъ планомѣрнымъ устройствомъ жизни на основѣ приобретеннаго изъ опыта знанія собственной индивидуальности, главнымъ образомъ, своихъ силъ и своихъ слабостей. Кто этого достигъ, «тому часто придется радоваться, чувствуя свою силу, и рѣдко испытывать боль, вспоминая о своихъ слабостяхъ, что составляетъ уничтоженіе, причиняющее, быть можетъ, величайшее духовное страданіе». (Миръ, какъ воля и представленіе, пер. Фета, стр. 363). Онъ чувствовалъ, что не могъ жить съ людьми ни въ мирѣ,—для этого онъ былъ слишкомъ высокомеренъ и раздражителенъ, ни во враждѣ,—для этого ему не доставало хладнокровной предусмотрительности; поэтому онъ рѣшился жить безъ людей. Это былъ самый подходящий для него образъ жизни, и его онъ держался постоянно и послѣдовательно. Въ средія двадца-

*) «Ушла старуха, ушла забота»,—латинская пословица, соотвѣтствующая русской: «баба съ воя, вояу легче»..

тыхъ годовъ онъ сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ попытокъ занять въ академическомъ мірѣ болѣе соотвѣтствующее ему положеніе, онъ мечталъ перебраться изъ ненавистнаго ему Берлина, гдѣ онъ читалъ одинъ только семестръ, въ одинъ изъ южныхъ университетовъ, нятя въ виду, главнымъ образомъ, Вюрцбургъ и Гейдельбергъ. Но изъ этого ничего не вышло. Послѣ того онъ уѣзжаетъ во Франкфуртъ и погружается тамъ въ такое глубочайшее двадцатилѣтнее затворничество, что почти исчезаетъ изъ виду. Нѣсколько небольшихъ работъ доказываютъ, что онъ еще живъ, но объ его отношеніяхъ къ людямъ въ теченіе двухъ десятилѣтій мы не узнаемъ рѣшительно ничего. Только на порогѣ старости онъ снова выплываетъ на свѣтъ. Появляются первые ученики, ихъ посѣщеніямъ и разговорамъ обязаны мы первыми извѣстіями о жизни отшельника.

Не было недостатка въ людяхъ, порицавшихъ его за это постоянное затворничество. Прежде всего ему ставилось въ вину, что онъ бросилъ университетскую кафедру, едва вступивъ на нее. Положеніе въ университетѣ и соревнованіе съ товарищами могло бы оказать на него благотворное вліяніе, нѣсколько смягчивъ его угрюмую односторонность и его эгоизмъ. Благотворное вліяніе университетскаго воздуха на его философію сказалося будто бы даже въ краткій періодъ его доцентуры. Я думаю, что Шопенгауэръ лучше зналъ свой характеръ. Исполненіе преподавательскихъ обязанностей, связанное съ ними соперничество съ сотоварищами и обязательное чтеніе лекцій и экзамены, все это окончательно измучило бы его. Онъ никогда не могъ бы ни пересилить, ни скрыть въ отношеніяхъ съ профессорами и со студентами чувства превосходства надъ ними. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что ихъ общество ниже его достоинства и что преподавательская дѣятельность предназначена для дюжинныхъ умовъ, а для генія это не болѣе, какъ тяжелый ремесленный трудъ. То же самое можно сказать и по поводу его нежеланія устраивать семью. Всевозможныя мелкія столкновенія, которыя неизбѣжны при совмѣстной жизни, многообразная зависимость семейнаго человѣка отъ общества, для Шопенгауэра, съ его характеромъ, были бы неизсякаемымъ источникомъ огорченій, которыя привели бы его къ внутренней гибели. Не связанный ни семьей, ни должностью, свободный отъ всякой зависимости, насколько это возможно для человѣка, онъ избралъ самую подходящую для себя жизнь.

Если Аристотель былъ правъ, говоря, что лучшій сапожникъ тотъ, который сошьетъ лучшіе сапоги изъ даннаго матеріала, въ такомъ случаѣ Шопенгауэръ имѣетъ полное право считаться замѣчательнымъ мастеромъ искусства жизни.

Сильно развитое чувство собственнаго достоинства сопровождалось у Шопенгауэра не менѣе сильной жадной всеобщаго признанія. Это не было обыденное тщеславіе, удовлетворяющееся внѣшнимъ почетомъ

или отличіями, всего этого онъ могъ бы достигъ, еслибъ захотѣлъ сдѣлать необходимые шаги,—нѣтъ, это было жгучее стремленіе къ тому, чтобы его идеи признавались единственной истинной философіей, а онъ самъ ея основателемъ. Какъ ни презиралъ онъ своихъ литературныхъ современниковъ, онъ далеко не былъ равнодушенъ къ ихъ сужденію. Это, конечно, довольно непослѣдовательное поведеніе. Но, быть можетъ, никто еще не достигалъ въ презрѣніи къ людямъ той степени послѣдовательности, чтобы оставаться равнодушнымъ къ тому, что люди къ нему равнодушны.

Уже въ 1822 году, во время своего второго путешествія въ Италію онъ далъ своему другу Осанну одно важное порученіе, слѣдить вездѣ за отзывами о его книгѣ, не только въ литературныхъ газетахъ, но и въ книгахъ, журналахъ, отчетахъ, программахъ и диссертацияхъ. И въ это же самое время онъ не переставалъ высказывать презрѣнія къ своимъ собратіямъ по профессіи. «Они всѣ отъ души ненавидятъ меня наиболѣе чуждые и враждебные другъ другу сходятся въ этомъ пунктѣ; такъ какъ я ни одному изъ нихъ не причинилъ ни малѣйшаго зла, то для меня эта ненависть можетъ быть только лестной» (Шеманъ, стр. 116).

Конечно, зависть и ненависть обычная форма отношенія посредственностей къ гению. Въ этомъ случаѣ теорія Шопенгауэра оказалась старше его опыта. Но, кромѣ этой формы признанія, онъ требовалъ отъ нихъ еще даня удивленія. Этого онъ не получилъ, ему не удивлялись, его не прославляли, мало того, съ нимъ даже не боролись, его не преслѣдовали, какъ Спинозу или Юма; послѣ нѣсколькихъ рецензій на его основной трудъ, воцарилось полное молчаніе, какъ будто бы ничего важнаго не произошло,—это, безъ сомнѣнія, доставило ему самыя горькія минуты въ его и безъ того не лишенной горечи жизни. Объ этомъ можно заключить по той желчной брани, которой онъ осыпалъ впослѣдствіи и тѣхъ, кто имѣлъ больше успѣха, чѣмъ онъ, и тѣхъ, кто, по его мнѣнію, былъ обязанъ распространять его славу. Съ половины тридцатыхъ годовъ злобныя выходки, наполняющія въ изобиліи всѣ его произведенія, начинаютъ понемногу стихать. Взоры его отъ настоящаго обращаются къ будущему. Черезъ головы живущихъ поколѣній взываетъ онъ гордымъ и высокомернымъ тономъ къ болѣе справедливому потомству. Отказавшись отъ всякаго вѣшняго положенія, онъ, повидимому, достигъ въ этомъ отношеніи нѣкотораго душевнаго равновѣсія, исполненнаго большого спокойствія и достоинства.

Къ сожалѣнію, старѣющій философъ не сумѣлъ сохранить это гордое достоинство при позднихъ восторгахъ первыхъ почитателей. Смѣшное и вмѣстѣ жалкое зрѣлище представляетъ этотъ человѣкъ, высокомерно презиравшій, какъ онъ утверждаетъ, одобреніе современниковъ, увѣренный въ своемъ вѣчномъ вліяніи и посмертной славѣ и

ловившій въ послѣднее десятилѣтіе ничтожнѣйшую похвалу ничтожнѣйшаго изъ своихъ современниковъ. Письма къ такъ называемымъ апостоламъ, Фраунштету, Линдеру, особенно къ Давиду Ашеру, представляютъ, дѣйствительно, постыдныя свидѣтельства человѣческой слабости. Кажется, ни отъ одного замѣчательнаго человѣка не осталось такъ мало замѣчательныхъ и такъ много мелочныхъ писемъ. Большая часть ихъ наполнена сообщеніями о лестныхъ отзывахъ по поводу его произведеній въ газетахъ, книгахъ и письмахъ и настойчивыми просьбами присылать ему все, касающееся его растущей славы, чего онъ самъ не замѣтитъ,—въ Берлинѣ и Лейпцигѣ это скорѣе можетъ попасться на глаза; пусть посылающіе даже не оплачиваютъ писемъ—это его дѣло. Къ этому присоединяются безчисленныя благодарности за оказанныя «апостольскія» услуги и побужденія къ новымъ. Кажется, ни надъ кѣмъ тщеславіе не одерживало болѣе видной побѣды, чѣмъ надъ этимъ гордымъ человѣкомъ.

Положимъ, большую роль заѣсъ играетъ возрастъ и чисто старческое тщеславіе. Многихъ изъ этихъ писемъ молодой Шопенгауэръ никогда не простилъ бы себѣ. Ему самому пришлось испытать то, что онъ однажды писалъ о Кантѣ: «Старческая слабость отзывается не только на головѣ, она отнимаетъ иногда у сердца твердость, необходимую для того, чтобы презирать по заслугамъ мнѣнія и поступки своихъ современниковъ, а безъ этого нельзя стать великимъ человѣкомъ». (Шемавъ, стр. 187).

Вторую основную черту характера Шопенгауэра составляетъ большая воспримчивость къ тѣлесному благополучію, большая чувствительность къ тѣлеснымъ страданіямъ и происходящее отсюда сильное стремленіе доставлять себѣ первое и избѣгать вторыхъ. То, что дѣлало Сократа въ глазахъ стойковъ прототипомъ философовъ—извѣстная твердость и нечувствительность къ тѣлеснымъ ощущеніямъ, совершенно отсутствовало у Шопенгауэра. Комфортъ составлялъ для него предметъ серьезнаго вниманія. Когда онъ, окончивъ свою академическую карьеру, выбиралъ себѣ мѣсто жительства, онъ остановилъ свое вниманіе прежде всего на Франкфуртѣ и Мангеймѣ. Гвиннеръ приводитъ письмо, въ которомъ онъ взвѣшиваетъ преимущества того и другого; погода, мѣстоположеніе, вода, ванны, доктора и зубные врачи, кофейни, концерты, театры, столъ, безопасность отъ воровъ и шпионовъ, собранія и условія книгоиздательства, вотъ основные пункты, которые онъ принимаетъ во вниманіе. Наконецъ, выборъ палъ на Франкфуртъ. Искусство жить, въ которомъ онъ упражнялся тамъ въ теченіе почти 30-ти лѣтъ, хорошо извѣстно намъ благодаря подробнымъ описаніямъ его образа жизни. Надо сознаться, что тщательность, съ какою предусмотрѣны были всѣ мельчайшія подробности житейскихъ удобствъ, производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе, когда подумаешь, что этотъ человѣкъ считалъ себя носителемъ важнѣйшей жизненной задачи, основателемъ единой истинной философіи.

Даже отрицаніе семьи зависѣло у него отъ того же страха передъ посягательствомъ на его свободу и удобства. Ему мѣшало основать семью вовсе не отвращеніе къ женщинамъ, но отвращеніе къ заботамъ и обязанностямъ, которыя налагаетъ бракъ. Въ молодые годы сильная, неукротимая чувственность играла въ его жизни немаловажную роль; мы знаемъ это не только отъ біографовъ,—его произведенія, трактующія постоянно вопросъ о половой жизни, доказываютъ это въ достаточной степени,—Шопенгауэръ философствуетъ только о томъ, что онъ самъ пережилъ. Изъ того же самаго источника мы знаемъ, что эта сторона жизни принесла ему много неприятностей, огорченій, разочарованій и угрызений совѣсти. Половое чувство представлялось ему злымъ демономъ, заставляющимъ индивидуумъ жертвовать своимъ личнымъ благомъ чуждой ему цѣли—продолженію рода, и быть избавленнымъ отъ него составляетъ величайшее преимущество старости. Всѣ свои переживанія въ этой области онъ облекъ въ форму теоремъ. Высокія умственныя дарованія и сильныя плотскіе инстинкты тѣсно связаны между собой, тѣлесная мощь есть та почва, на которой только и можетъ развиться гений. Свое отрицательное отношеніе къ браку онъ также возвелъ въ теорію. Человѣкъ съ высшими духовными дарованіями, гений имѣетъ и бо́лѣ высокія обязанности, обязанности передъ человѣчествомъ, которыя избавляютъ его отъ общечеловѣческой обязанности взять жену и родить дѣтей. А его разбойническіе подвиги въ этой области находятъ себѣ оправданіе въ ученіи о ничтожествѣ женщины.

Комфортъ и жизненные удобства находятся въ зависимости отъ состоянія. Шопенгауэръ понималъ это, и не только умомъ,—инстинктъ собственности пустилъ глубокіе корни въ его душѣ. Выражался онъ, впрочемъ, не въ формѣ инстинкта пріобрѣтенія,—профессія купца была ему не по вкусу, для этого въ немъ слишкомъ сильно было стремленіе къ умственной жизни, но зато въ немъ громко говорилъ инстинктъ накопленія и сбереженія. Съ необычайнымъ упорствомъ сумѣлъ онъ въ трудныя времена сохранить отцовское наслѣдство и даже благоразумно пріумножить его. Особенно характерно его поведеніе во время одного финансоваго кризиса. Часть его состоянія вмѣстѣ съ состояніемъ матери и сестры лежала въ одномъ данцигскомъ торговомъ предпріятіи. Въ 1819 году эта фирма обанкротилась и всѣ кредиторы получили 70% своихъ вкладовъ. Одинъ Шопенгауэръ спасъ весь свой капиталъ вмѣстѣ съ процентами. Гвиннеръ приводитъ замѣчательную переписку, въ которой онъ отстаивалъ свою собственность. Съ ловкостью, сдѣлавшей бы честь любому адвокату, сумѣлъ онъ выдѣлать себя изъ всей массы кредиторовъ, вступившихъ въ соглашеніе съ фирмой, и вслѣдъ затѣмъ съ неотвязной настойчивостью принудить гибнущую фирму уплатить по всѣмъ тремъ своимъ вексямъ. Радость Шейлока звучитъ въ его письмѣ, когда онъ обращается къ представителямъ пострадавшаго дома: «Если бы вы стали настаивать на невозможности производить

платежи, я доказалъ бы вамъ противоположное посредствомъ знаменитаго способа заключенія, который ввелъ въ философію великій Кантъ для доказательства нравственной свободы человѣка, а именно по способу заключенія отъ должнаго къ возможному. Проще говоря, если бы вы не уплатили добровольно, я бы опротестовалъ вексель. Вы видите, что можно быть философомъ, не будучи дуракомъ».

Трудно судить, лежитъ ли тотъ способъ, какимъ онъ отстаивалъ свои права, въ самой сущности коммерческихъ дѣлъ, но нечего удивляться, что эта фирма сдѣлала къ его имени слѣдующее примѣчаніе: «Съ этимъ человѣкомъ надо быть осторожнымъ, онъ не упуститъ своей выгоды». Шопенгауэръ же оправдывалъ передъ самимъ собой свой образъ дѣйствій слѣдующимъ разсужденіемъ. Свобода отъ обязательной работы и отъ писанья ради гонорара, и независимость отъ чьей бы то ни было благосклонности составляетъ необходимое условіе для выполненія поставленной имъ себѣ задачи. Условіе свободы будетъ достигнуто при сохраненіи доставшагося ему по счастливой случайности наслѣдства. Поэтому онъ обязанъ передъ самимъ собой и передъ философіей отстаивать свое состояніе всѣми предоставленными ему закономъ средствами.

Мы не имѣемъ въ виду упрекать его за заботы о своей собственности. Конечно, бѣдность плохая спутница особенно на ученомъ поприщѣ, она несетъ съ собой опасность ради сохраненія жизни утратить то, что придаетъ цѣну жизни. Состояніе предохраняетъ отъ этой опасности. Конечно, это не вполне вѣрная охрана и при томъ не единственная; есть и иной фундаментъ для свободы—отсутствіе потребностей. Спиноза и Сократъ основали на немъ свою независимость. Шопенгауэръ удивлялся подобному героизму, но самъ онъ не обладалъ имъ. Нельзя не согласиться, что для него съ его характеромъ и привычками внѣшній комфортъ составлялъ необходимое условіе жизни. Нужда сломила бы его и лишила дара творчества. Было бы глупо осуждать его за это. Но еще глупѣе отрицать въ немъ извѣстную жесткость характера. Въ немъ была эта жесткость, онъ самъ зналъ это и ничего не имѣлъ противъ этого.

Тотъ же финансовый кризисъ привелъ Шопенгауэра къ разрыву съ сестрой. Въ первый моментъ тревоги по поводу грозившей потери, — въ которой онъ рисковалъ только третью своего состоянія (около 9.000 талеровъ), а мать и сестра—всѣмъ, онъ написалъ сестрѣ, что всегда готовъ будетъ подѣлиться съ ними. Но позднѣе объ этомъ нѣтъ болѣе рѣчи, съ другой стороны онъ даетъ понять, что мать и сестра во время улаживанія этихъ дѣлъ гораздо болѣе заботились о своихъ выгодахъ, чѣмъ объ его. Взаимное невѣріе повело къ отчужденію, которое уже никогда не исчезало, не смотря на возобновившуюся переписку. Съ этихъ поръ они, повидимому, больше не видались, хотя Адель жила очень недалеко отъ него до 1849 года. Въ 1830 году она вмѣстѣ съ матерью

перемѣнилась на Рейнѣ, такъ какъ сильно уменьшившіяся средства не допускали того образа жизни, къ которому онѣ съ самаго начала притыкли въ Веймарѣ. Сестра его, по всему, что мы о ней знаемъ, была очень милая дѣвушка, некрасивая, но съ далеко недюжиннымъ умомъ и съ прекраснымъ сердцемъ. Гёте, правда, былъ о ней не особенно высокаго мнѣнія. Вслѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ условий, главнымъ образомъ, вслѣдствіе кореннаго перелома жизни послѣ крупнаго денежнаго краха, въ ея характерѣ появилась также нѣкоторая жестокость (см. Мѣбиусъ, стр. 27 и сл.).

Теперь мы подходимъ къ той чертѣ характера Шопенгауэра, которая имѣла рѣшающее вліяніе на его настроеніе и даже на строй всей его жизни—это его недовѣрчивость. Онъ не вѣрилъ людямъ, не признавалъ въ нихъ даже самой обыденной честности въ денежныхъ дѣлахъ. Въ отношеніяхъ съ людьми онъ всегда былъ «застегнутъ на всѣ пуговицы» и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ—это былъ его принципъ. Онъ замыкалъ отъ нихъ и свои деньги, и слова, и чувства. *Paх vobiscum, nihil amplius* (миръ вамъ, и ничего больше)—вотъ его единственное привѣтствіе всѣмъ двуногимъ; это можно перевести слѣдующимъ образомъ: не дѣлай мнѣ ничего и я тебѣ ничего не сдѣлаю. Онъ не довѣрялъ своимъ знакомымъ точно также, какъ матери и сестрѣ. Однажды Шопенгауэръ обратился съ просьбою къ одному французу, своему другу юности, сохранившему къ нему дружеское расположеніе; онъ проситъ дать ему совѣтъ, стоитъ ли вложить капиталъ въ одно французское общество страхованія жизни. Тотъ не совѣтовалъ ему дѣлать это и въ то же время предложилъ вложить часть капитала въ его собственное предпріятіе. Шопенгауэръ ничего не отвѣтилъ на это, только сдѣлалъ на письмѣ отмѣтку: «Понимаешь, въ чемъ тутъ дѣло?»

Другой разъ при подобныхъ же обстоятельствахъ ему пришлось выслушать крайне неприятную отвѣдь отъ своего издателя Брокгауза. Передавъ ему рукопись перваго изданія «Миръ, какъ воля и представленіе», онъ не могъ избавиться отъ подозрѣнія, что тотъ хочетъ замошенничать его гонораръ. Онъ написалъ ему въ этомъ смыслѣ довольно грубое письмо и прибавилъ въ концѣ, что по слухамъ онъ вообще не особенно честно выплачиваетъ гонораръ. Тотъ отвѣтилъ требованіемъ назвать ему хоть одного автора, по отношенію къ которому онъ не выполнилъ своихъ обязательствъ, въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ считать Шопенгауэра нечестнымъ человѣкомъ. Шопенгауэръ не могъ этого сдѣлать и принужденъ былъ проглотить горькую пилюлю; послѣ этого Брокгаузъ отказался продолжать съ нимъ и письменныя, и устныя сношенія. «Съ этимъ человѣкомъ надо быть очень осмотрительнымъ, это настоящая цѣпная собака», выражался о немъ Брокгаузъ.

Такое же опасеніе выражалъ Шопенгауэръ во время печатанья «*Parerga*»,—правда, на этотъ разъ не по поводу гонорара,—онъ боялся,

какъ бы надатель не показалъ его рукопись кому-нибудь, «кто можетъ украсть его мысли» (Фрауэнштетъ, стр. 509).

Удивительное впечатлѣніе производятъ тѣ мѣры предосторожности, какія онъ принималъ для охраны отъ воровъ своего имущества. «Свои цѣнныя вещи,—утверждаетъ Гвиннеръ (стр. 401),—онъ такъ тщательно пряталъ, что, несмотря на латинскія указанія на нихъ въ завѣщаніи, лишь немногія изъ нихъ съ большимъ трудомъ могли быть найдены. Послѣ своего второго путешествія въ Италію онъ велъ свою счетную книгу на англійскомъ языкѣ, а для самыхъ важныхъ отмѣтокъ пользовался латинскимъ или греческимъ языкомъ. Чтобы защититься отъ воровъ, онъ дѣлалъ нарочно невѣрныя надписи, хранилъ свои цѣнныя бумаги въ ящикѣ съ надписью *arsana medica*, пряталъ купоны въ старыя письма и въ тетради для замѣтокъ, а золото засовывалъ въ углубленіе подъ чернильницей въ своей конторкѣ». Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проявленіями страннаго скопидомническаго инстинкта, а не съ разумными мѣрами предосторожности.

Въ зависимости отъ этихъ чувствъ и инстинктовъ находятся и его политическія воззрѣнія. Государству онъ ставитъ одну единственную задачу—охранять безопасть личности и собственности. Въ его глазахъ оно является не болѣе, какъ ночнымъ сторожемъ, по выраженію Лассала, охраняющимъ отъ воровъ и разбойниковъ. Говоритъ о нравственныхъ задачахъ государства представляется ему «весьма страннымъ заблужденіемъ» («Миръ, какъ воля и представленіе», § 62, стр. 410, пер. Фета, изд. 1881 г.). Какъ возмущало его движеніе 1848 года, можно судить по его письмамъ къ Фрауэнштету. Возстановленіе стараго порядка въ Германіи врядъ ли кѣмъ-нибудь было встрѣчено съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ Шопенгауэромъ. Въ своемъ завѣщаніи, составленномъ въ 1852 году, онъ—вообще далеко не сторонникъ прусскаго государства,—оставилъ свой капиталъ «основанному въ Берлинѣ фонду вспоможенія солдатамъ, раненымъ во время усмиренія возстаній и мятежей 1848 года и возстановленія законнаго порядка, а также семьямъ павшихъ во время этихъ войнъ» (Шеманъ, стр. 547). Радость, съ какою онъ привѣтствовалъ въ сентябрѣ 1848 года «синихъ богемцевъ», ворвавшихся въ его квартиру и стрѣлявшихъ изъ оконъ въ «суверенный» народъ, служить хорошимъ комментариемъ къ этому завѣщанію.

Страхъ передъ ворами и разбойниками составлялъ только особую форму общаго неопредѣленнаго состоянія страха, которое онъ испытывалъ постоянно. «Въ молодости его мучили воображаемыя болѣзни и процессы. При началѣ войны 1813 года онъ вообразилъ себѣ, что его заберутъ въ солдаты. Изъ Неаполя его прогналъ страхъ оспы, изъ Берлина—холера. Въ Веронѣ его вдругъ охватила увѣренность, что ему подсунули отравленный нюхательный табакъ. Въ 1833 году, когда онъ собирался уѣзжать изъ Мангейма, на него вдругъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, напало чувство несказаннаго ужаса. Долгіе

годы его преслѣдовалъ страхъ какого нибудь уголовного процесса. Если ночью раздавался какой-нибудь шумъ, онъ вскакивалъ съ постели и хватался за кинжалъ и пистолеты, которые всегда держалъ заряженными. Никогда не довѣрялся онъ бритвѣ цирюльника; боясь разоры, онъ всегда имѣлъ при себѣ кожаный стаканчикъ, чтобы въ общественныхъ мѣстахъ не пить воды изъ общихъ стакановъ» (Гвиннеръ, стр. 400). Фрауэнштетъ рассказываетъ съ его словъ, что онъ пугался всякій разъ, когда почтальонъ приносилъ ему письмо. «Когда нѣтъ ничего, что бы меня страшило,—говоритъ онъ,—меня пугаетъ именно это, мнѣ представляется, что есть что-то, что мнѣ грозитъ, но оно пока еще скрыто отъ меня» (стр. 332). Не удивительно, что его молодость окрашена глубокой грустью и постоянно мрачнымъ настроеніемъ духа.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эти страхи представляютъ собою патологическія явленія, какъ это и доказываетъ Мѣбиусъ. Съ полнымъ правомъ указываютъ при этомъ также на наследственное предрасположеніе. Отецъ Шопенгауэра также склоненъ былъ къ мрачнымъ настроеніямъ и въ послѣдніе годы жизни страдалъ по временамъ душевнымъ расстройствомъ. Не безъ основанія Гвиннеръ объясняетъ его ввезапную смерть (онъ бросился изъ окна магазина) самоубійствомъ въ припадкѣ душевнаго расстройства. У обоихъ братьевъ его отца замѣчались также патологическіе признаки. вмѣстѣ съ гордостью и любовью къ независимости, сынъ его унаслѣдовалъ темпераментъ отца, его горячность, склонность къ мрачному взгляду на жизнь, дисколію, какъ онъ самъ это называлъ. Ушная болѣзнь, которой онъ страдалъ въ молодости, повидимому также была наследственной.

Въ концѣ концовъ характеръ Шопенгауэра нельзя назвать ни пріятнымъ, ни счастливымъ, онъ не былъ созданъ ни быть счастливымъ, ни дѣлать счастливыми другихъ. Сильное, основанное на инстинктѣ чувство самосохраненія служило ему опорой противъ нападковъ со стороны и противъ его собственныхъ неукротимыхъ порывовъ. Но чувство спокойной увѣренности и радости жизни было ему чуждо по крайней мѣрѣ въ молодые годы и въ зрѣломъ возрастѣ. И въ отношеніи къ людямъ, и въ отношеніи къ вещамъ онъ всегда былъ насторожѣ. Его живая фантазія рисовала ему постоянно картины всевозможныхъ бѣдствій и преслѣдованій, они составляли его единственное общество въ той безлюдной пустынѣ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы жизни, разставшись съ друзьями своей молодости, и раньше, чѣмъ явились почитатели, окружившіе его старость. Тяжелая жизнь! И едва-ли стала она легче оттого, что онъ основалъ на ней свою философію и восхвалялъ ее, какъ высшую житейскую мудрость. «Ни въ какомъ случаѣ не забывать примѣровъ злобы, измѣны, низости и подлости, какіе приходилось видѣть или испытать, наоборотъ, питать ими свою ненависть къ людямъ, постоянно воскрешать ихъ передъ собой, чтобы всегда имѣть передъ глазами истинную природу людей и ни въ какомъ случаѣ не смѣшиваться съ ними» (Гвиннеръ, стр. 424).

Здѣсь не мѣшаетъ добавить еще одно замѣчаніе по поводу его отношенія къ той породѣ людей, которую онъ ненавидѣлъ болѣе всѣхъ остальныхъ, а именно, профессоровъ философіи. Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Съ его стороны это отношеніе основывалось прежде всего на инстинктивномъ презрѣніи и отвращеніи къ нимъ. Еще въ университетскіе годы эти чувства часто прорывались у него. Попадѣе опытъ еще болѣе укрѣпилъ ихъ, онъ испыталъ или вообразилъ себѣ, что испыталъ со стороны этихъ людей и невниманіе, и тайное воровство мыслей. На почвѣ досады выросла цѣлая теорія, и онъ безчисленное количество разъ повторялъ ее. Недостатокъ въ послѣдователяхъ, отсутствіе литературной славы—все это результатъ заговора профессоровъ противъ него. И смѣшно, и грустно наблюдать, какъ онъ съ искусствомъ и ловкостью, которыя сдѣлали бы честь полицейскому агенту, прослѣживаетъ призракъ заговора и заставляетъ и себя, и другихъ повѣрять въ него и потомъ, какъ настоящій адскій судья, предастъ заговорщиковъ вѣчному презрѣнію. Какъ Лютеръ признался однажды, что онъ не могъ молиться, не проклиная въ то же время папы, такъ Шопенгауэръ въ позднѣйшіе годы не могъ философствовать, не проклиная профессоровъ философіи. И когда, наконецъ, пришла слава, фиміамъ который онъ вдыхалъ съ такимъ наслажденіемъ, онъ, судя по письмамъ, больше всего цѣнилъ ее, воображая, какъ будутъ злиться профессора философіи. Ихъ великолѣпный планъ рушился! Каспаръ Гаузеръ, котораго они такъ долго держали въ заключеніи, освобожденъ и мало того, провозглашенъ принцемъ.

Для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что весь этотъ заговоръ чистѣйшій плодъ его фантази. Но его угрюмо настроенный умъ принималъ его за непреложную истину, а нѣкоторые изъ его учениковъ и до сихъ поръ готовы утверждать это. Чтобы понять всю негѣпость этого, стоитъ только перенестись въ ту эпоху и попробовать серьезно нарисовать себѣ слѣдующую картину: Гегель и Фризь, Гербартъ и Шеллингъ, Баадеръ и Рейнгольдъ и всѣ, кто еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ читали философію въ германскихъ университетахъ сговариваются и рѣшаютъ погубить славу не знаменитаго Артура Шопенгауэра, а неизвѣстнаго молодого человѣка, защищавшаго диссертацию въ Берлинѣ, но не имѣвшаго успѣха и скоро скрывшагося изъ вида. Можно заподозрить этихъ людей въ какой угодно низости, можно упрекать ихъ въ томъ, что они просмотрѣли «Міръ, какъ волю и представленіе» или не поняли ея значенія, но приписывать имъ злой умыселъ и совмѣстное, разчитанное преслѣдованіе автора, для этого надо обладать угрюмой подозрительностью безразсудствомъ Шопенгауэра! Какъ будто каждый изъ этихъ людей не желалъ всякому, другому всевозможныхъ неудачъ! И какъ будто у каждаго изъ нихъ не было другихъ гораздо болѣе важныхъ дѣлъ, чѣмъ изучать произведеніе какого-то неизвѣстнаго Шопенгауэра! Еслибы еще онъ имѣлъ успѣхъ, если бы его сочиненіе выдер-

жало нѣсколько изданій, а его лекціи собирали многочисленныя аудиторія, тогда онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, возбудить зависть товарищей и вызвать какія-нибудь враждебныя поступки. А безъ этого не было ни малѣйшей причины обращать на него вниманія; большинство совершенно не замѣтило его книгу. Если же кому-нибудь случалось взять ее въ руки, онъ быстро убѣждался, что этотъ человекъ идетъ совершенно иными путями, чѣмъ онъ самъ и что философія его поэтому ложна съ самаго основанія. Стоило ему только прочесть введенеіе и онъ убѣждался, что Шопенгауэръ не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія стать наряду съ другими и что онъ, въ свою очередь, совершенно не признаетъ трудовъ своихъ современниковъ. Могъ ли онъ послѣ этого претендовать на признаніе со стороны тѣхъ, кого онъ такъ откровенно презиралъ?

Тотъ фактъ, что Шопенгауэровская теорія заговора имѣетъ до сихъ поръ многочисленныхъ сторонниковъ, служитъ доказательствомъ поразительной силы остроумно обставленной клеветы. Даже Мѣбиусъ, разсуждающій вообще довольно здраво, вѣритъ въ какое-то «безмолвное соглашеніе замалчивать его». Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется: «Если бы назначаемые государствомъ учителя философіи исполняли свою обязанность, если бы они свободно изучали и безпристрастно преподавали дѣйствительно существующія формы, философія вмѣсто того, чтобы клясться *in verba magistri* (словами учителя)», Шопенгауэръ раньше сталъ бы извѣстенъ. Меня не особенно огорчаетъ, когда бранятъ профессоровъ философіи, и я не знаю огорчаетъ ли это остальныхъ; мнѣ кажется, что объ ихъ солидарности слишкомъ много говорятъ. Но въ данномъ случаѣ я не могу признать за ними никакой вины. Если ознакомленіе съ философіей Шопенгауэра было дѣйствительно такимъ насущнымъ и важнымъ дѣломъ, могли бы возразить обвиняемые, то кому же оно было ближе всѣхъ, какъ не ея основателю. Если бы онъ продолжалъ свою преподавательскую дѣятельность въ университетѣ, въ чемъ ему никто не мѣшалъ, если бы онъ принялъ участіе въ публичномъ обсужденіи философскихъ вопросовъ въ газетахъ и книгахъ, въ чемъ ему точно также никто не мѣшалъ, тогда онъ приобрѣлъ бы сначала нѣсколькихъ учениковъ, а потомъ и болѣе широкій кругъ послѣдователей. Вмѣсто того онъ, напечатавъ свое произведеніе, скрылся отъ всѣхъ и въ теченіе 18-ти лѣтъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, выжидая, пока объ его созданіи заговорятъ другіе. Странно было бы порицать за это Шопенгауэра, онъ поступалъ такъ, какъ было ему свойственно, но еще страннѣе упрекать постороннихъ за то, что они не подобрали подкидыша. Конечно, съ его стороны негодованіе противъ нихъ вполне понятно, но продолжать до сихъ поръ бранить не мать подкинутаго ребенка, а тѣхъ, кто не подобралъ его, поистинѣ удивительно.

И что должны они были дѣлать, чтобъ избѣжать его неудовольствія? Не забывать «Міръ какъ волю и представленіе», обсуждать его, критиковать или рекомендовать, какъ истинную философскую си-

стему? Какъ будто бы Шопенгауэра удовлетворило это! Онъ требовалъ почитателей, поклонниковъ, учениковъ, апостоловъ, евангелистовъ своего ученія. Что могли бы ему дать люди, имѣвшіе смѣлость мыслить самостоятельноно? Другое дѣло, если бы они рѣшились отбросить свои мысли и принять его теорію. Но кто можетъ сдѣлать это, не отказавшись отъ своей личности? Идеи всегда находятся въ гармоніи съ личностью человѣка, ихъ создавашаго и именно потому онъ считаетъ ихъ истинными, а чужія идеи, выросшія на чуждой почвѣ онъ всегда по необходимости считаетъ ложными.

Страннѣе всего, что самъ Шопенгауэръ прекрасно понималъ это. Онъ знаетъ, что истина можетъ проложить себѣ путь только во второмъ поколѣніи, когда поколѣніе людей, выросшихъ на заблужденіи, сойдетъ со сцены. «На долю истины,—говоритъ онъ во введеніи къ первому изданію,—опредѣлено только краткое торжество между долгими періодами, когда она, какъ парадоксъ, отвергается или, какъ тривіальность не цѣнится» («Міръ какъ воля и представленіе», переводъ Фета, изд. 1881 г., стр. XVII).

Но это нисколько не мѣшаетъ ему поступать совершенно иначе, когда это происходитъ въ дѣйствительности и его собственные мысли отвергаются, какъ парадоксы. Теперь онъ смотритъ на это, какъ на нѣчто неслыханное и подозрѣваетъ тутъ низкій заговоръ. Между тѣмъ, нужно было по меньшей мѣрѣ чудо, чтобы эти профессора много лѣтъ признававшіе только собственную мудрость, вдругъ убѣдились въ ея несостоятельности и обратились къ ученію Шопенгауэра. Онъ знаетъ это. И онъ говоритъ себѣ: естественно, что мысли генія не могутъ проникнуть въ такой тяжеловѣсный мозгъ, особенно когда онъ загроможденъ старыми заблужденіями. Но негодованіе на непризнаніе быстро беретъ верхъ и въ ту же минуту эти самые люди превращаются въ заговорщиковъ, которые вполне признаютъ значеніе и цѣну новыхъ идей, но въ то же время понимаютъ, что нельзя принять ихъ и остаться профессорами философіи, и поэтому рѣшаются соединенными силами задвить опасную систему, самымъ надежнымъ средствомъ для чего представляется имъ заговоръ.

Трудно, я думаю, найти случай, на которомъ можно бы лучше изучить вліяніе аффекта на мышленіе. Какъ психологъ, Шопенгауэръ самъ хорошо знаетъ это явленіе, онъ много разъ наблюдалъ и описывалъ его. Но и здѣсь, также какъ при обманахъ чувствъ, пониманіе переживаемаго состоянія не мѣшаетъ его наступленію. Съ обманами сужденія можно въ сущности бороться, пользуясь обычными приемами контроля. Шопенгауэръ отказался отъ самого дѣйствительнаго изъ нихъ—сравненія своихъ впечатлѣній съ впечатлѣніями другихъ людей. Наединѣ со своими книгами и рукописями онъ никогда не слышитъ возраженій, бумага вѣдь терпитъ все, что ей ввѣряютъ. Мало-по-малу отшельникъ теряетъ контроль надъ своими представленіями, онъ разучивается доказывать другимъ ихъ истинность. Онъ прислушивается

только къ самому себѣ, оперируетъ только надъ своими мыслями и теряетъ различіе между субъективными и объективными элементами.

Это одна сторона жизни Шопенгауэра. Я нѣсколько подробнѣе остановился на ней не для того, чтобы подчеркнуть его недостатки, не для того, чтобы противъ его воли раскрыть его частную жизнь «холодному и недоброжелательному любопытству толпы», но для того, чтобы найти въ личности философа основанія для пониманія его идей. Нельзя найти болѣе субъективнаго философа, чѣмъ онъ. Если нарисованный здѣсь портретъ трудно назвать привлекательнымъ, то это не вина живописца.

Впрочемъ, Шопенгауэръ не имѣлъ никакого права жаловаться на введеніе личнаго элемента. Съ этимъ согласуются и его основная точка зрѣнія, и его собственные приемы—никто не вводилъ такъ охотно личныхъ мотивовъ въ истолкованіе чужихъ мыслей, какъ Шопенгауэръ. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Розенкранцу, онъ объясняетъ тѣ пережъны, какія ввелъ Кантъ во второмъ изданіи «Критики чистаго разума» боязнью чужихъ мнѣній и желаніемъ приспособиться, и замѣчаетъ: «Еслибы еще онъ былъ живъ, его слѣдовало бы пощадить, но *de mortuis nihil nisi verum* *)» (Шеманъ, стр. 197). Онъ не могъ бы протестовать противъ примѣненія этого принципа къ нему самому. И, въ концѣ-концовъ, онъ и не желалъ бы ничего иного; онъ былъ не святой и зналъ это, но онъ былъ искренній человекъ даже въ отношеніи къ самому себѣ. Въ замѣткахъ, обращенныхъ «къ самому себѣ» (которыми воспользовался Гвиннеръ, но, къ сожалѣнію, потомъ уничтожилъ), онъ характеризовалъ свою личность далеко не лестными чертами.

Но «человѣкъ съ выдающимися духовными дарованіями живетъ не только одной личной жизнью, но и другой духовной жизнью, которая служитъ ему для той же цѣли» («Parega», I, стр. 357). Это сказано имъ самимъ. Изъ основъ жизни индивидуума, наполняющаго свое земное существованіе всевозможными стремленіями, заботами и тревогами, выдѣляется безличный разумъ для особой, самостоятельной жизни. Эта жизнь, жизнь въ духѣ и представляетъ истинную жизнь Шопенгауэра, въ ней коренится его значеніе для человѣчества. Въ практической жизни онъ потерпѣлъ крушеніе, но онъ спасъ себя для спекулятивной жизни, къ чему его побуждали съ ранней юности его дарованія и склонности. Для практической жизни онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ неприспособленъ, прежде всего ему не хватало рѣшительности въ поступкахъ. Еще въ самыхъ раннихъ письмахъ его матери идетъ рѣчь объ его постоянныхъ колебаніяхъ, объ его «извѣстной благородной нерѣшительности». (Гвиннеръ, стр. 15). И онъ самъ знаетъ это; въ его биографіи, представленной факультету, мы находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: онъ вообще очень нерѣшителенъ въ выборѣ и только одно рѣшеніе принялъ онъ сразу твердо и непоколебимо,—это рѣшеніе перейти отъ торговой дѣятельности къ ученымъ занятіямъ, какъ только къ

*) О мертвыхъ ничего, кромѣ правды.

этому представилась возможность. Это былъ крутой переходъ отъ дѣятельной къ созерцательной жизни. Послѣ попытки основаться на границѣ обихъ, принявъ профессуру въ университетѣ, онъ окончательно разстался съ міромъ практическихъ интересовъ. Онъ хотѣлъ бы совершенно отказаться отъ него и превратиться исключительно въ наблюдателя. «Люди чувствуютъ потребность во внѣшней дѣятельности, потому что они лишены внутренней. Но тамъ, гдѣ есть вторая, первая является часто неумѣстной и ненавистной помѣхой». («Парерга», II, стр. 645).

И у этого Шопенгауэра, у Шопенгауэра-мыслителя нѣтъ недостатка ни въ величіи, ни въ счастьи. У него есть три свойства которыя особенно способствовали тому, чтобы сдѣлать изъ него философа—правдивость, смѣлость и гордость. Правдивость заставляеть его додумывать до конца свои мысли, смѣлость позволяетъ высказывать ихъ свободно, не задумываясь надъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онѣ могутъ произвести и, наконецъ, гордость побуждаетъ его принимать равнодушіе окружающихъ, какъ предназначенный ему жребій и удалиться въ уединеніе, хоть и со скрежетомъ зубовнымъ. «Счастливая жизнь невозможна, высшее чего можетъ достигъ человѣкъ это героизмъ въ жизни». Это тоже сказано о немъ.

И тѣмъ не менѣ эта жизнь не лишена была радостей. Если ему было отказано въ радостяхъ, расцвѣтающихъ на почвѣ практическихъ интересовъ, то взамѣнъ этого онъ испытывалъ въ полной мѣрѣ созерцательныя радости.

Читатель помнитъ, быть можетъ, прекрасную картину Дюрера. Святой Иеронимъ сидитъ одинъ въ залитой солнцемъ комнатѣ. Вокругъ царитъ глубокая тишина. Его спутники, левъ и собака спятъ,—кажется, что слышно ихъ спокойное дыханье. Погруженный въ размышленія святой сидитъ, откинувшись на спинку стула. Только что ему пришла въ голову мысль и онъ наклонился впередъ, чтобы записать ее на листкѣ бумаги, лежащей на низкомъ пупитрѣ передъ нимъ. Потомъ онъ снова откидывается назадъ и отдается теченію мыслей.

Въ этой картинѣ можно узнать Шопенгауэра. Полдень, солнце изъ-за Майна посылаетъ лучи въ его комнату. Онъ одинъ, наединѣ съ собой и съ своими мыслями. Звѣри — нечистыя желанія, страсти и гнѣвъ, спятъ. Отъ времени до времени онъ записываетъ пришедшія ему въ голову мысли въ лежащую передъ нимъ тетрадь. А мысли текутъ сами собой. Онъ не ищетъ ихъ, не вызываетъ, въ немъ нѣтъ своей воли, нѣтъ намѣреній. Онъ во власти вещей, онѣ говорятъ съ нимъ, онѣ открываютъ передъ нимъ свою сущность. Безъ систематической послѣдовательности чередуются другъ за другомъ афоризмы. Онъ работаетъ не по опредѣленному плану, онъ не придумываетъ системы, но въ немъ что-то возникаетъ, создается, какъ ребенокъ въ утробѣ матери. Отсутствие предвзятыхъ намѣреній составляетъ характерную черту его мышленія не только въ практической, но и въ теоретической области. Какъ зеркальная вода отражаетъ въ себѣ вещи

находящіяся на берегу, такъ разумъ Шопенгауэра воспринимаетъ въ себя вещи, попадающія въ поле его зрѣнія.

Способъ его мышленія отражается на его стилѣ. Его стиль прекрасно характеризуется словами: наглядная ясность при прозрачной глубинѣ. Его способность рисовать образы не имѣетъ себѣ равной въ нѣмецкой литературѣ; какъ живые стоятъ они передъ читателемъ, хотя намѣчены всего нѣсколькими чертами. «Мои произведенія, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, характерномъ и для его стиля, и для способа мышленія, — состоятъ изъ отдѣльныхъ кусковъ, создававшихся, когда меня наполняла какая-нибудь мысль и я хотѣлъ запечатлѣть ее: изъ нихъ они сложены почти безъ известки и цемента».

Двумя словами въ этомъ заключительномъ обращеніи къ читателю начерчена цѣлая картина. Философія Шопенгауэра представляетъ постройку изъ цѣльныхъ плитъ, какъ тѣ циклопическія стѣны, гдѣ каждый камень ложится рядомъ съ другимъ безъ всякой искусственной связи и держится въ цѣломъ исключительно силою своей тяжести.

Такъ погруженный въ созерцаніе переживалъ онъ блаженные часы. Едва ли другой человекъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ испытывалъ состояніе такого глубокаго и чистаго блаженства въ тиши размышленія. Непередаваемой свѣтлой радостью вѣетъ отъ описаній этого душевнаго мира въ его произведеніяхъ. Даже между художниками мы не найдемъ болѣе убѣжденнаго и краснорѣчиваго, отъ сердца къ сердцу говорящаго защитника уединенія и молчанія. Конечно, бывали и инныя минуты. Просыпались дикіе звѣри—страсти и ненасытныя желанія и наполняли комнату отвратительнымъ шумомъ и гамомъ. Правда, онъ надѣялся и пытался совершенно укротить ихъ. Но напрасно, они не давали ни выгнать, ни связать себя. «Изъ этого происходитъ та изумительная вещь, — говоритъ онъ, — что всякій а priori считаетъ себя вполне свободнымъ, даже въ своихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ и думаетъ, что можетъ каждую минуту начать новый образъ жизни, что значило бы сдѣлаться другимъ. Но а posteriori, по опыту, онъ находитъ къ своему удивленію, что онъ не свободенъ, а подчиненъ необходимости, что, несмотря на всѣ планы и размышленія, онъ не измѣняетъ своихъ дѣйствій и вынужденъ съ начала и до конца своей жизни проводить тотъ же самый имъ осуждаемый характеръ, какъ бы до конца разыгрывая принятую на себя роль». (М. какъ в. и пр., пер. Фета, изд. 1881 г. § 23, стр. 135). Онъ можетъ научиться обращаться съ своими прирожденными свойствами. Этому научился и Шопенгауэръ, вслѣдствіе этого старость его протекала спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ молодость. Но совсѣмъ измѣнить или уничтожить ихъ онъ не имѣлъ возможности. Въ этомъ и заключался глубокой разладъ въ характерѣ Шопенгауэра, разладъ между взглядами и поступками, между философомъ и человекомъ, разладъ между «волей и представленіемъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ЦИРКЪ.

I.

Докторъ Луховицынъ, считавшійся постояннымъ врачомъ при циркѣ, велѣлъ Арбузову раздѣться. Несмотря на свой горбъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого недостатка, докторъ питалъ къ цирковымъ зрѣлищамъ острую и нѣсколько смѣшную для чело-вѣка его возраста любовь. Правда, къ его медицинской помощи прибѣгали въ циркѣ очень рѣдко, потому что въ этомъ мірѣ лѣчатъ ушибы, выводятъ изъ обморочнаго состоянія и вправляютъ вывихи своими собственными средствами, передающимися неиз-мѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣроятно, со временъ олим-пійскихъ игръ. Это, однако, не мѣшало ему не пропускать ни одного вечерняго представленія, знать близко всѣхъ выдающихся наѣздниковъ, акробатовъ и жонглеровъ и щеголять въ разговорахъ словечками, выхваченными изъ лексикона цирковой арены и ко-нюшни.

Но изъ всѣхъ людей, причастныхъ цирку, атлеты и профес-сіональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное вос-хищеніе, достигавшее размѣровъ настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузовъ освободившись отъ крахмальной сорочки и снявъ вязанную фуфайку, которую обязательно носятъ всѣ цирковые, остался голымъ до пояса, маленькой докторъ отъ удовольствія даже потеръ ладонь о ладонь, обходя атлета со всѣхъ сторонъ и лю-буясь его огромнымъ, выхоленнымъ, блестящимъ, блѣдно-розовымъ тѣломъ, съ рѣзко выступающими буграми твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— И чортъ же васъ возьми какая силища! — говорилъ онъ, тиская изо всѣхъ силъ своими тонкими, цѣпкими пальцами по-перемѣнно то одно, то другое плечо Арбузова. — Это ужъ что-то даже не человѣческое, а лошадиное, ей-Богу. На вашемъ тѣлѣ хоть сейчасъ лекцію по анатоміи читай — и атласа никакого не нужно. Ну-ка, дружокъ, согните-ка руку въ локтѣ.

Атлетъ вздохнулъ и сонно повосившись на свою лѣвую руку,

согнулъ ее, отчего выше сгиба подъ тонкой кожей, надувая и растягивая ее, выросъ и прокатился къ плечу большой упругій шаръ, величиной съ дѣтскую голову. Въ то же время все обнаженное тѣло Арбузова отъ прикосновенія холодныхъ пальцевъ доктора вдругъ покрылось мелкими и жесткими пупырышками.

— Да, батенька, ужъ подлинно надѣлили васъ Господь,— продолжалъ восторгаться докторъ.— Видите эти вотъ шары? Они у насъ въ анатоміи называются бицепсами, т.-е. двухглавыми. А это—такъ называемые супинаторы и пронаторы. Поверните кулакъ, какъ-будто вы отворяете ключомъ замокъ. Такъ, такъ, прекрасно, видите какъ они ходятъ? А это—слышите, я нащупываю на плечѣ?—это—дельтовидныя мышцы. Онѣ у васъ точно полковничьи эполеты. Ахъ, и сильный же вы человѣчина. Что, если вы кого-нибудь этакъ... нечаянно? А? Или, если съ вами этакъ... въ темномъ мѣстѣ встрѣтитесь? А? Я думаю, не приведи Богъ! Хе-хе-хе! Ну-съ, итакъ, значить, мы жалуемся на плохой сонъ и на легкую общую слабость?

Атлетъ все время улыбался застѣнчиво и снисходительно. Хотя онъ уже давно привыкъ показываться полуобнаженнымъ передъ одѣтыми людьми, но, въ присутствіи тщедушнаго доктора, ему было неловко, почти стыдно за свое большое, мускулистое, сильное тѣло.

— Боюсь, докторъ, не простудился ли,— сказалъ онъ тонкимъ, слабымъ и немного сиплымъ голосомъ, совсѣмъ не пдуцимъ къ его массивной фигурѣ. Главное дѣло—уборныя у насъ безобразныя, вездѣ дуетъ. Во время борьбы, сами знаете, вспотѣешь, а переодѣваться приходится на сьвознякѣ. Такъ и прохватываетъ.

— Голова не болитъ ли? Не кашляете ли?

— Нѣтъ, кашлять не кашляю, а голова,—Арбузовъ потеръ ладонью низко стриженный затылокъ,—голова, правда, что-то не въ порядкѣ. Не болитъ, а такъ... будто тяжесть какая-то... И вотъ еще сплю плохо. Особенно сначала. Знаете, засыпаю, засыпаю, и вдругъ меня точно что-то подброситъ на кровати; точно, понимаете, я чего-то испугался. Даже сердце заколотится отъ испуга. И этакъ раза три, четыре: все просыпаюсь. А утромъ голова, и вообще... кисло какъ-то себя чувствую.

— Кровь носомъ не идетъ ли?

— Бываетъ иногда, докторъ.

— Мм-да-съ, такъ-съ...—значительно протянулъ Луховицынъ и поднявъ брови, тотчасъ же опустил ихъ.— Должно быть, много упражняетесь въ послѣднее время? Устаете?

— Много, докторъ. Вѣдь, масляница теперь, такъ каждый день приходится съ тяжестями работать. А иногда, съ утренними представленіями, и по два раза въ день. Да еще черезъ день,

кромѣ обыкновеннаго номера, приходится бороться... Конечно, устанешь немного...

— Такъ, такъ, такъ,—втягивая въ себя воздухъ и тряся головой, поддаивалъ докторъ.—А вотъ мы васъ сейчасъ слушаемъ. Раздвиньте руки въ стороны. Прекрасно. Дышите теперь. Спокойно, спокойно. Дышите глубже, ровнѣй...

Маленькій докторъ, едва доставая до груди Арбузова, приложилъ къ ней стетоскопъ и сталъ выслушивать. Испуганно глядя доктору въ затылокъ, Арбузовъ шумно вдыхалъ воздухъ и выпускалъ его изо рта, сдѣлавъ губы трубочкой, чтобы не дышать на ровный, глянцевитый приборъ докторскихъ волосъ.

Выслушавъ и выстукавъ пациента, докторъ присѣлъ на уголокъ письменнаго стола, положивъ нога на ногу и обхвативъ руками острия колѣни. Его птичье, выдавшееся впередъ лицо, широкое въ скулахъ и острое въ подбородку, стало серьезнымъ, почти строгимъ. Подумавъ съ минуту, онъ заговорилъ, глядя мимо плеча Арбузова на шкафъ съ книгами.

— Опаснаго, дружочекъ, я у васъ ничего не нахожу, хотя эти перебои сердца и кровотеченіе изъ носа можно, пожалуй, считать деликатными предостереженіями съ того свѣта. Видите ли, у васъ есть нѣкоторая склонность къ гипертрофіи сердца. Гипертрофія сердца, это, какъ бы вамъ сказать, это такая болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, занимающіеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и такъ далѣе. Стѣнки сердца у нихъ отъ постоянного и чрезмѣрнаго напряженія необыкновенно расширяются, и получается то, что мы въ медицинѣ называемъ „*cor bovinum*“, т. е. бычачье сердце. Такое сердце въ одинъ прекрасный день отказывается работать, съ нимъ дѣлается параличъ и тогда—баста, представленіе окончено. Вы не беспокойтесь, вамъ до этого неприятнаго момента очень далеко, но на всякій случай посоветую: не пить кофе, крѣпкаго чаю, спиртныхъ напитковъ и прочихъ возбуждающихъ вещей. Понимаете?—спросилъ Луховицынъ, слегка барабанивъ пальцами по столу и исподлобья взглядывая на Арбузова.

— Понимаю, докторъ.

— И въ остальномъ рекомендуется такое же воздержаніе. Вы, конечно, понимаете, про что я говорю.

Атлетъ, который въ это время застегивалъ запонки у рубашки, покраснѣлъ и смущенно улыбнулся.

— Понимаю... но вѣдь, вы знаете, докторъ, что въ нашей профессіи и безъ того приходится быть умѣреннымъ. Да, по правдѣ, и думать то объ этомъ некогда.

— И прекрасно, дружочекъ. Затѣмъ отдохните денекъ-другой, а то и больше, если можете. Вы сегодня, кажется, съ Ре-

беромъ боретесь? Постарайтесь отложить борьбу на другой разъ. Нельзя? Ну, скажите что нездоровится и все тутъ. А я вамъ прямо запрещаю, слышите? Покажите-ка языкъ. Ну, вотъ, и языкъ скверный. Вѣдь слабо себя чувствуете дружочекъ? Э! да говорите прямо. Я васъ все равно никому не выдамъ, такъ какого же чорта вы мнетесь! Попы и доктора за то и деньги берутъ, чтобы хранить чужіе секреты. Вѣдь совсѣмъ плохо? да?

Арбузовъ признался, что и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя нехорошо. Временами находить слабость и точно дѣнь какая-то, аппетита нѣтъ, по вечерамъ знобить. Вотъ если бы докторъ прописалъ какихъ-нибудь капель?

— Нѣтъ, дружочекъ, какъ хотите, а бороться вамъ нельзя, — рѣшительно сказалъ докторъ, соскакивая со стола. Я въ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ извѣстно, не новичокъ, и всѣмъ борцамъ, которыхъ мнѣ приходилось знать, я всегда говорилъ одно: передъ состязаніемъ соблюдайте четыре правила: первое, — накануне нужно хорошо выспаться, второе, — днемъ вкусно и питательно пообѣдать, но при этомъ—третье, — выступать въ борьбу съ пустымъ желудкомъ и, наконецъ, четвертое, — это уже психологія—ни на минуту не терять увѣренности въ побѣдѣ. Спрашивается, какъ же вы будете состязаться, если вы съ утра обрѣтаетесь въ такой мехлюзіи? Вы извините меня за нескромный вопросъ... я вѣдь человѣкъ свой... у васъ борьба не того?.. не фиветивная? То-есть заранѣе не условлено, кто кого и въ какое состязаніе положить?

— О, нѣтъ, докторъ, что вы... Мы съ Реберомъ уже давно тонались по всей Европѣ другъ за другомъ. Даже и залогъ настоящій, а не для приманки. И онъ, и я внесли по сту рублей въ третьи руки.

— Все-таки я не вижу резона, почему нельзя отложить состязаніе на будущее время.

— Наоборотъ, докторъ, очень важные резоны. Да вы посудите сами. У насъ борьба состоитъ изъ трехъ состязаній. Положимъ первое взялъ Реберъ, второе — я, третье, значить, остается рѣшающимъ. Но ужъ мы настолько хорошо узнали другъ друга, что можно безошибочно сказать за кѣмъ будетъ третья борьба, и тогда — если я не увѣренъ въ своихъ силахъ—что мнѣ мѣшаетъ заболѣть, или захромать и т. д. и взять свои деньги обратно? Тогда, выходитъ, для чего же Реберъ боролся первые два раза? Для своего удовольствія? Вотъ, на этотъ случай, докторъ, мы и заключаемъ между собой условіе, по которому тотъ, кто въ день рѣшительной борьбы окажется больнымъ, считается все равно проигравшимъ и деньги его пропадаютъ.

— Да-съ, это дѣло скверное—сказалъ докторъ и опять зна-

чительно поднялъ и опустилъ брови.—Ну что-же, дружочекъ, чортъ съ ними съ этими ста рублями?

— Съ двухстами, докторъ, — поправилъ Арбузовъ. — По контракту съ дирекціей я плачу неустойку въ сто рублей, если откажусь, хотя бы по болѣзни, работать въ самый день представленія.

— Ну, чортъ... ну, двѣсти! — разсердился докторъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ все равно отказался... Чортъ съ ними, пускай пропадаютъ, свое здоровье дороже. Да наконецъ, дружочекъ, вы и такъ рискуете потерять вашъ залогъ, если будете больной бороться съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ этотъ американецъ.

Арбузовъ самоувѣренно мотнулъ головой и по его крупнымъ губамъ проползла медленная презрительная улыбка.

— Э, пустяки, — уронилъ онъ пренебрежительно. — Въ Реберѣ всего шесть пудовъ вѣсу, и онъ едва достаетъ мнѣ подъ подбородокъ. Увидите, что я его черезъ три минуты положу на обѣ лопатки. Я бы его бросилъ и во второй борьбѣ, если бы онъ не прижалъ меня къ барьеру. Собственно говоря, со стороны жюри было свинствомъ засчитать такую подлукъ борьбу. Даже публика, и та протестовала.

Докторъ улыбался чуть замѣтной лукавой улыбкой. Постоянно сталкиваясь съ цирковой жизнью, онъ уже давно изучилъ эту непоколебимую и хвастливую самоувѣренность всѣхъ профессиональныхъ борцовъ, атлетовъ и боксеровъ и ихъ наклонность сваливать свое поражение на какія-нибудь случайныя причины. Отпуская Арбузова, онъ прописалъ ему бромъ, который велѣлъ принять за часъ до состязанія, и дружески похлопавъ атлета по широкой спинѣ, пожелалъ ему побѣды.

II.

Арбузовъ вышелъ на улицу. Былъ послѣдній день масляной недѣли, которая въ этомъ году пришлась поздно. Холода еще не сдали, но въ воздухѣ уже слышался неопредѣленный, тонкій, радостно щекоцущій грудъ запахъ весны. По наѣзженному грязному снѣгу безшумно неслись въ противоположныхъ направленіяхъ двѣ вереницы саней и каретъ, и окрики кучеровъ раздавались съ особенно ясной и мягкой звучностью. На перекресткахъ продавали моченныя яблоки въ бѣлыхъ новыхъ ушатахъ, халву, похожую цвѣтомъ на уличный снѣгъ, и воздушные шары. Эти шары были видны издалека. Разноцвѣтными блестящими гроздьями они подымались и плавали надъ головами прохожихъ, запрудившихъ чернымъ кипящимъ потокомъ тротуары, и

въ ихъ движеніяхъ—то стремительныхъ, то лѣнивыхъ,—было что-то весеннее и дѣтски-радостное.

У доктора Арбузовъ чувствовалъ себя почти здоровымъ, но на свѣжемъ воздухѣ имъ опять овладѣли томительныя ощущенія болѣзни. Голова казалась большой, отяжелѣвшей и точно пустой, и каждый шагъ отзывался въ ней неприятнымъ гуломъ. Въ пересохшемъ рту опять слышался вкусъ гари, въ глазахъ была тупая боль, какъ будто кто то надавливалъ на нихъ снаружи пальцами, а когда Арбузовъ переводилъ глаза съ предмета на предметъ, то вмѣстѣ съ этимъ по свѣгу, по домамъ и по небу двигались два большіе, желтые пятна.

У перекрестка на кругломъ столбѣ Арбузову винулась въ глаза его собственная фамилія, напечатанная крупными буквами. Машинально онъ подошелъ къ столбу. Среди пестрыхъ афишъ, объявлявшихъ о праздничныхъ развлеченияхъ подъ обычной красной цирковой афишей былъ приклеенъ отдѣльный зеленый аншлагъ, и Арбузовъ равнодушно, точно во снѣ, прочиталъ его съ начала до конца:

ЦИРКЪ бр. ДЮВЕРНУА.

Сегодня состоится 3-я рѣшительная борьба

по римско-французскимъ правиламъ

между извѣстнымъ американскимъ чемпиономъ

Г. ДЖОНОМЪ РЕВЕРОМЪ

и знаменитымъ русскимъ борцомъ и геркулесомъ

Г. АРБУЗОВЫМЪ

на призъ въ 100 руб. Подробности въ афишахъ.

У столба остановились двое мастеровыхъ, судя по запачканнымъ копотью лицамъ, слесарей, и одинъ изъ нихъ сталъ читать объявленіе о борьбѣ вслухъ, коверкая слова. Арбузовъ услышалъ свою фамилію, и она прозвучала для него блѣднымъ, оборваннымъ, чуждымъ, потерявшимъ всякій смыслъ звукомъ, какъ это бываетъ иногда, если долго повторяешь подрядъ одно и то же слово. Мастеровые узнали атлета. Одинъ изъ нихъ толкнулъ товарища локтемъ и почтительно посторонился. Арбузовъ сердито отвернулся и, засунувъ руки въ карманы пальто, пошелъ дальше.

Въ циркѣ уже отошло дневное представленіе. Такъ какъ свѣтъ

проникалъ на арену только черезъ стеклянное заваленное свѣгомъ окно въ куполѣ, то въ полумракѣ циркъ казался огромнымъ, пустымъ и холоднымъ сараемъ.

Войдя съ улицы, Арбузовъ съ трудомъ различалъ стулья перваго ряда, бархатъ на барьерахъ и на канатахъ, отдѣляющихъ проходы, позолоту на бокахъ ложъ и бѣлыя столбы съ прибитами къ нимъ щитами, изображающими лошадиныя морды, клоунскія маски и какіе то вензеля. Амфитеатръ и галлерей тонули въ темнотѣ. Вверху, подъ куполомъ, подтянутыя на блокахъ, холодно поблескивали сталью и никелемъ гимнастическія машины: лѣстница, кольца, турники и трапеціи.

На аренѣ, припавъ къ полу, барахтались два человѣка. Арбузовъ долго всматривался въ нихъ, щури глаза, пока не узналъ своего противника, американскаго борца, который, какъ и всегда по утрамъ, тренировался въ борьбѣ съ однимъ изъ своихъ помощниковъ, тоже американцемъ, Гарваномъ. На жаргонѣ профессиональныхъ атлетовъ такихъ помощниковъ называютъ „волками“, или „собачками“. Разѣзжая по всѣмъ странамъ и городамъ вмѣстѣ съ знаменитымъ борцомъ, они помогаютъ ему въ ежедневной тренировкѣ, заботятся объ его гардеробѣ, если ему не сопутствуетъ въ поѣздѣ жена, растираютъ, послѣ обычной утренней ванны и холоднаго душа, жесткими рукавицами его мускулы и вообще оказываютъ ему множество мелкихъ услугъ, относящихся непосредственно къ его профессіи. Такъ какъ въ „волки“ идутъ или молодые, неувѣренные въ себѣ атлеты, еще не овладѣвшіе разными секретами и не выработавшіе пріемовъ, или старые, но посредственные борцы, то они рѣдко одерживаютъ побѣды въ состязаніяхъ на призы. Но передъ матчемъ съ серьезнымъ борцомъ, профессоръ непременно сначала выпуститъ на него своихъ „собачекъ“, чтобы слѣдя за борьбой, уловить слабыя стороны и привычныя промахи своего будущаго противника и оцѣнить его преимущества, которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Реберъ уже спускалъ на Арбузова одного изъ своихъ помощниковъ — англичанина Симпсона, второстепеннаго борца, сырого и неповоротливаго, но извѣстнаго среди атлетовъ чудовищной силой грифа, т. е. кистей и пальцевъ рукъ. Борьба велась безъ приза, по просьбѣ дирекціи, и Арбузовъ два раза бросалъ англичанина, почти шутя, рѣдкими и эффектными „трюками“, которые онъ не рискнулъ бы употребить въ состязаніи съ мало-мальски опаснымъ борцомъ. Реберъ уже тогда отмѣтилъ про себя главные недостатки и преимущества Арбузова: тяжелый вѣсъ и большой ростъ, при страшной мускульной силѣ рукъ и ногъ, смѣлость и рѣшительность въ пріемахъ, а также пластическую красоту движеній, всегда подкупающую сим-

пяти публики, но—въ то же время—сравнительно слабыя висти рукъ и шею, короткое дыханіе и чрезмѣрную горячность. И онъ тогда же рѣшилъ, что съ такимъ противникомъ надо держаться системы обороны, обезсиливая и разгорячая его до тѣхъ поръ, пока онъ не выдохнется, избѣгать обхватовъ спереди и сзади, отъ которыхъ трудно будетъ защищаться, и, главное, сумѣть выдержать первые натиски, въ которыхъ этотъ русскій дикарь проявляетъ, дѣйствительно, чудовищную силу и энергію. Такой системы Реберъ и держался въ первыхъ двухъ состязаніяхъ, изъ которыхъ одно осталось за Арбузовымъ, а другое за нимъ.

Привыкнувъ къ полусвѣту, Арбузовъ явственно различилъ обоихъ американцевъ. Они были въ сѣрыхъ фуфайкахъ, оставлявшихъ руки голыми, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ и въ панталонахъ прихваченныхъ у щиколодокъ ремнями. Реберъ находился въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ для борьбы положеній, которое называется „мостомъ“. Лежа на землѣ лицомъ вверхъ и касаясь ее затылкомъ съ одной стороны и пятками съ другой, круто выгнувъ спину и поддерживая равновѣсіе руками, которые глубоко ушли въ тырсу*), онъ изображалъ такимъ образомъ изъ своего тѣла живую упругую арку, между тѣмъ какъ Горванъ, навалившись сверху на выпяченный животъ и грудь профессора, напрягалъ всѣ силы, чтобы выпрямить эту выгнувшуюся массу мускуловъ, опрокинуть ее, прижать къ землѣ.

Каждый разъ, когда Горванъ дѣлалъ новый толчокъ, оба борца съ напряженіемъ кряхтѣли и съ усиліемъ, огромными вздохами переводили дыханіе. Большіе, тяжелые, со страшными выпучившимися мускулами голыхъ рукъ и точно застывшіе на полу арены въ причудливыхъ позахъ, они напоминали при невѣрномъ полусвѣтѣ, разлитомъ въ пустомъ циркѣ, двухъ чудовищныхъ крабовъ, оплетшихъ другъ друга влешнями.

Такъ какъ между атлетами существуетъ своеобразная этика, въ силу которой считается предосудительнымъ глядѣть на упражненія своего противника, то Арбузовъ, огибая барьеръ и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ борцовъ, прошелъ къ выходу, ведущему въ уборныя. Въ то время, когда онъ отодвигалъ массивную красную занавѣсъ, отдѣляющую арену отъ корридоровъ, кто то отодвинулъ ее съ другой стороны, и Арбузовъ увидѣлъ передъ собой, подъ блестящимъ, сдвинутымъ на бокъ цилиндромъ — черные усы и смѣющіеся черные глаза своего большого пріятеля, акробата Антоніо Батисто.

— *Vone giorno, mon cher monsieur Argbusoffff!* — воскликнулъ на распѣвъ акробатъ, сверкая бѣлыми, прекрасными зубами и

*) Смѣсь песка и деревянныхъ опилокъ, которой посыпается арена цирка.

широко разводя руки, точно желая обнять Арбузова. Я только чичасъ окончилъ мой *répétition*. *Allons donc prendre quelque chose*. Пойдемъ что-нибудь себѣ немножко взять? Одинъ рюмокъ коньякъ? О-о, только не сломай мнѣ руку. Пойдемъ на буфетъ.

Этого акробата любили въ циркѣ всѣ начиная съ директора и кончая конюхами. Артистъ онъ былъ исключительный и всесторонній: одинаково хорошо жонглировалъ, работалъ на трапеціи и на турникѣ, подготовлялъ лошадей высшей школы, ставилъ пантомимы и главное, былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи новыхъ „номеровъ“, что особенно цѣнится въ цирковомъ мірѣ, гдѣ искусство, по самымъ своимъ свойствамъ почти не двигается впередъ, оставаясь и теперь чуть ли не въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было при римскихъ цезаряхъ.

Все въ немъ нравилось Арбузову веселый характеръ, щедрость, утонченная деликатность, выдающіяся даже въ средѣ цирковыхъ артистовъ, которые внѣ манежа, — допускающаго по традиціи нѣкоторую жестокость въ обращеніи — отличаются обыкновенно джентльменской вѣжливостью. Несмотря на свою молодость онъ успѣлъ объѣхать всѣ большіе города Европы и во всѣхъ труппахъ считался наиболѣе желательнымъ и популярнымъ товарищемъ. Онъ владѣлъ одинаково плохо всѣми европейскими языками, и въ разговорѣ постоянно перемѣшивалъ ихъ, коверкая слова можетъ быть нѣсколько умышленно, потому что въ каждомъ акробатѣ всегда сидитъ немного клоуна.

— Не знаете ли гдѣ директоръ? — спросилъ Арбузовъ.

— Il est à l'écurie. Онъ ходилъ на конюшень, сморѣлъ одинъ больной лошадь. *Mais allons donc*. Пойдемъ немножко. Я очень имѣю радъ васъ видѣть. Мой голубушка? — вдругъ вопросительно сказалъ Антоніо, смѣясь самъ надъ своимъ произношеніемъ и продѣвая руку подъ локоть Арбузова. — Карошо, будьте здоровы, самоваръ, извозчикъ, — скороговоркой добавилъ онъ, видя что атлетъ улыбнулся.

У буфета они выпили по рюмкѣ коньяку и пожевали кусочки лимона, обмокнутаго въ сахаръ. Арбузовъ почувствовалъ, что послѣ вина у него въ животѣ стало сначала холодно, а потомъ тепло и пріятно. Но тотчасъ же у него закружилась голова, а по всему тѣлу разлилась какая-то сонная слабость.

— Oh, sans doutes вы будете имѣть une victoire, — одна побѣда, — говорилъ Антоніо жестикулируя и блестя изъ-подъ черныхъ усовъ бѣлыми, ровными, крупными зубами. — Вы такой brave homme, такой прекрасный и сильный борець. Я зналъ одинъ замѣчательный борець — онъ назывался Карль Абсъ... да, Карль Абсъ. И онъ теперь уже ist gestorben... есть умеръ. О, хотя онъ былъ нѣмецъ, но онъ былъ великій профессоръ! И онъ однажды ска-

залъ: французскій борьба есть une bagatelle, одна пустячокъ. И хороший борецъ, ein guter Kämpfer долженъ имѣть очень, очень мало: всего только сильный шея, какъ у одинъ буйволъ, весьма вѣрный спина, какъ у носильщикъ, длинная рука mit starken Muskeln, съ твердый мускуль, und ein gewaltiger Griff... Какъ это называется по-русски? (Антонио нѣсколько разъ сжалъ и разжалъ передъ своимъ лицомъ пальцы правой руки). Очень сильный пальцы. Et puis, тоже необходимо имѣть устойчивый нога, какъ у одинъ монументъ и, конечно, самый большой Gewicht, самый большой тяжесть въ корпусъ. Если еще взять un coeur saint, здоровый сердца, les roupons... какъ это по русску? легкія точно у лошадь, потомъ еще немножко владнокровіе и немножко смѣлость, и еще немножко savoir les règles de la lutte, знать всѣ правила борьба, то au fond, консь-консовъ, вотъ и всѣ пустячки, которые нуженъ для одинъ хороший борецъ! Ха-ха-ха!

Засмѣявшись своей шуткѣ, Антонио нѣжно схватилъ Арбузова поверхъ пальто подъ мышками, точно хотѣлъ его пощекотать, и тотчасъ же лицо его сдѣлалось серьезнымъ. Въ этомъ красивомъ, загорѣломъ и подвижномъ лицѣ была одна удивительная особенность: переставая смѣяться, оно принимало трагическій, суровый и сумрачный характеръ, и эта смѣна выражений наступала такъ быстро и такъ неожиданно, что, казалось, будто у Антонио два лица,—одно смѣющееся, другое серьезное,—и что онъ непонятнымъ образомъ замѣняетъ одно другимъ, по своему желанію.

— Конечно, Реберъ есть опасный Nebenbuhler. У нихъ въ Америкѣ борятся, comme les bouchers, какъ мясники. Я видѣлъ борба въ Чикаго и въ Нью-Йоркѣ... Пфуй, какая гадость!

Съ тѣми же быстрыми итальянскими жестами, поясняющими рѣчь, Антонио сталъ подробно и занимательно рассказывать объ американскихъ борцахъ. У нихъ считаются дозволенными всѣ тѣ жестокіе и опасные „трюки“, которые безусловно запрещено употреблять на европейскихъ аренахъ. Тамъ борцы даютъ другъ друга за горло, зажимаютъ противнику ротъ и носъ, охватывая его голову страшнымъ приемомъ, называемымъ желѣзнымъ ошейникомъ — collier de fer, лишаютъ его сознанія искуснымъ нажатіемъ на сонныя артеріи. Тамъ передаются отъ учителей къ ученикамъ, составляя непроницаемую профессиональную тайну, ужасные секретныя приемы, дѣйствіе которыхъ не всегда бываетъ ясно даже для врачей. Обладая знаніемъ такихъ приемовъ, можно, напримѣръ, легкимъ и какъ-будто нечаяннымъ ударомъ по triceps'у вызвать минутный параличъ въ рукѣ у противника, или незамѣтнымъ ни для кого движеніемъ причинить ему такую нестерпимую боль, которая заставитъ его забыть о всякой осторожности. Тотъ же Реберъ привлекался недавно къ суду за то, что въ Лодзи,

во время состязанія съ извѣстнымъ польскимъ атлетомъ Владиславскимъ, онъ, захвативъ его руку черезъ свое плечо приемомъ *tour de bras*, сталъ ее выгибать, несмотря на протесты публики и самого Владиславскаго, въ сторону, противоположную естественному сгибу, и выгибалъ до тѣхъ поръ, пока не разорвалъ ему сухожилій, связывающихъ плечо съ предплечьемъ. У американцевъ нѣтъ никакого артистическаго самолюбія, и они борятся, имѣя въ виду только одинъ денежный призъ. Завѣтная цѣль американскаго атлета, — скопить свои 50.000 долларовъ, тотчасъ же послѣ этого разжирѣть, опуститься и открыть гдѣ-нибудь въ Санъ-Франциско кабачокъ, въ которомъ потихоньку отъ полиціи процвѣтаетъ травля крысъ и самыя жестокіе виды американскаго бокса.

Все это, не исключая лодзинскаго скандала, было давно извѣстно Арбузову, и его больше занимало не то, что рассказывалъ Антонію, а свои собственныя, странныя и болѣзненныя ощущенія, къ которымъ онъ съ удивленіемъ прислушивался. Иногда ему казалось, что лицо Антонію придвигается совсѣмъ вплотную къ его лицу, и каждое слово звучитъ такъ громко и рѣзко, что даже отдается смутнымъ гуломъ въ его головѣ но, минуто спустя, Антонію начиналъ отодвигаться, уходилъ все дальше и дальше, пока его лицо не становилось мутнымъ и до смѣшнаго маленькимъ, и тогда его голосъ раздавался тихо и сдавленно, какъ будто бы онъ говорилъ съ Арбузовымъ по телефону, или черезъ нѣсколько комнатъ. И всего удивительнѣе было то, что перемѣна этихъ впечатлѣній зависѣла отъ самого Арбузова и происходила отъ того, поддавался ли онъ пріятной лѣнливой и дремотной истомѣ, овладѣвавшей имъ, или стряхивалъ ее съ себя усиленіемъ воли.

— О, я не сомнѣваюсь, что вы будете его бросать, *mon cher Arbusoff*, мой душенька, мой голюпшійкъ, — говорилъ Антонію, смѣясь и коверкая русскія ласкательныя имена. — Реберъ *c'est un animal*, un assaraqueur. Онъ есть ремесленникъ, какъ бываетъ одинъ водовозъ, одинъ сапожникъ, одинъ... un *tailleur*, который шить панталонъ. Онъ не имѣетъ себѣ вотъ тутъ... *dans le coeur*... ничего, никакой *sentiment* и никакой *tempérament*. Онъ есть большой грубый мясникъ, а вы, *o! vous êtes un vrai artiste*. Вы есть художникъ, и я всегда имѣю удовольствіе на васъ смотрѣть.

Въ буфетъ быстро вошелъ директоръ, маленькій толстый и тонконогій человекъ, съ поднятыми вверхъ плечами, безъ шеи, въ цилиндрѣ и распахнутой шубѣ, очень похожій своимъ круглымъ бульдожьимъ лицомъ, толстыми усами и жесткимъ выраженіемъ бровей и глазъ на портретъ Бисмарка. Антонію и Арбузовъ слегка притропулись къ шляпамъ. Директоръ отвѣтилъ

тѣмъ же и тотчасъ же, точно онъ долго воздерживался и ждалъ только случая, принялся ругать разсердившаго его конюха.

— Мужикъ, русская каналья... напоилъ потную лошадь, чортъ его побирай!.. Я буду ходить на мировой судья, и онъ будетъ мнѣ присудить триста рублей штрафъ съ этого мерзавца. Я... чортъ его побирай!.. Я пойду и буду ему разбивать морду, я его буду стегать съ моимъ Reitpeitsch!

Точно ухватившись за эту мысль, онъ быстро повернулся и, семеня тонкими слабыми ногами, побѣжалъ въ конюшню. Арбузовъ нагналъ его у дверей.

— Господинъ директоръ...

Директоръ круто остановился и съ тѣмъ же недовольнымъ лицомъ выжидательно засунулъ руки въ карманы шубы.

Арбузовъ сталъ просить его отложить сегодняшнюю борьбу на день или на два. Если директору угодно, онъ, Арбузовъ, дастъ за это, внѣ заключенныхъ условій,—два, или даже три вечернихъ упражненій съ гириями. вмѣстѣ съ тѣмъ, не возьметъ ли на себя г. директоръ трудъ переговорить съ Реберомъ относительно перемѣны дня состязанія.

Директоръ слушалъ атлета, повернувшись къ нему въ полъоборота и глядя поверхъ его головы въ окно. Убѣдившись, что Арбузовъ кончилъ, онъ перевелъ на него свои жесткіе глаза съ нависшими надъ ними землястыми мѣшками, и отрѣзалъ коротко и внушительно:

— Сто рублей неустойки.

— Господинъ директоръ...

— Я, чортъ, побирай, самъ знаю, что я есть господинъ директоръ, — перебилъ онъ, закивая. Устраивайтесь съ Реберомъ сами, это не мое дѣло. Мое дѣло—контрактъ, ваше дѣло—неустойка.

Онъ рѣзко повернулся спиной къ Арбузову и пошелъ, часто перебирая присѣдающими ногами къ дверямъ, но передъ ними вдругъ остановился, обернулся и внезапно, затрясшись отъ злости, съ прыгающими дряблыми щеками, съ побагровѣвшимъ лицомъ, раздувшейся шеей и выкатившимися глазами, закричалъ, задыхаясь:

— Чортъ побирай! У меня подышаетъ Фатиница, первая лошадь парфорсой ѣзды!.. Русскій конюхъ, сволочь, свинья, русская обезьяна опоилъ самую лучшую лошадь, а вы позволяете просить разныя глупости. Чортъ побирай! Сегодня послѣдній день этой идиотской русской масляница, и у меня не хватаетъ даже приставной стулья, и публикѣ будетъ мнѣ дѣлать ein grosser Scandal, если я отмѣню борьбу. Чортъ побирай! У меня требуютъ назадъ деньги и разломаютъ мой циркъ на маленькіе ку-

сочки. Schwamm drüber! Чортъ побирай! Я не хочу слушать глупости, я ничего не слышалъ и ничего не знаю!

И онъ выскочилъ изъ буфета, захлопнувъ за собой тяжелую дверь съ такою силой, что рюмки на стойкѣ отозвались тонкимъ, дребезжащимъ звономъ.

III.

Простившись съ Антоніо, Арбузовъ пошелъ домой. Надо было до борьбы пообѣдать и постараться выспаться, чтобы хоть немного освѣжить голову. Но опять, выйдя на улицу, онъ почувствовалъ себя больнымъ. Уличный шумъ и суета происходили гдѣ-то далеко, далеко отъ него и казались ему такими посторонними, ненастоящими, точно онъ разсматривалъ пеструю, движущуюся картину. Переходя черезъ улицы, онъ испытывалъ острую боязнь, что на него налетятъ сзади лошади и собьютъ съ ногъ.

Онъ жилъ недалеко отъ цирка, въ меблированныхъ комнатахъ. Еще на лѣстницѣ онъ слышалъ запахъ, который всегда стоялъ въ корридорахъ, запахъ кухни, керосинового чада и мышей. Пробираясь ощупью въ свой номеръ, Арбузовъ все ждалъ, что онъ вотъ-вотъ наткнется впотьмахъ на какое-нибудь препятствіе, и къ этому чувству напряженнаго ожиданія невольно и мучительно примѣшивалось чувство тоски, потерянности, страха и сознанія своего одиночества.

Бѣсъ ему не хотѣлось, но когда снизу, изъ столовой „Эврика“ принесли обѣдъ, онъ принудилъ себя съѣсть нѣсколько ложекъ краснаго борща, отдававшего грязной вухонной тряпкой, и половину блѣдной волокнистой котлеты съ морковнымъ соусомъ. Послѣ обѣда ему захотѣлось пить. Онъ послалъ мальчишку за квасомъ и легъ на кровать.

И тотчасъ же ему показалось, что кровать тихо заколыхалась и поплыла подъ нимъ, точно лодка, а стѣны и потолокъ медленно поползли въ противоположную сторону. Но въ этомъ ощущеніи не было ничего страшнаго или непріятнаго; наоборотъ, вмѣстѣ съ нимъ въ тѣло вступала все сильнѣй усталая, лѣнивая, теплая истома. Закоптѣлый потолокъ, изборожденный, точно жилами, тонкими извилистыми трещинами, то уходилъ далеко вверхъ, то надвигался совсѣмъ близко, и въ его колебаніяхъ была расслабляющая дремотная плавность.

Гдѣ-то за стѣной гремѣли чашками, по корридору непрерывно сновали торопливые, заглушаемые половикомъ шаги, въ окно широко и неясно неся уличный гулъ. Всѣ эти звуки долго дѣплялись, перегоняли другъ друга, спутывались и вдругъ, слившись на нѣсколько мгновеній, выстраивались въ чудесную мелодію, такую

полную, неожиданную и красивую, что отъ нея становилось щекотно въ груди и хотѣлось смѣяться.

Приподнявшись на кровати, чтобы напиться, атлетъ оглядѣлъ свою комнату. Въ густомъ лиловомъ сумракѣ зимняго вечера, вся мебель представилась ему совсѣмъ не такой, какой онъ ее привыкъ до сихъ поръ видѣть: на ней лежало странное, загадочное, живое выраженіе. И низенькій, приземистый, серьезный комодъ, и высокій узкій шкафъ, съ его дѣловитой, но черствой и насмѣшливой наружностью, и добродушный, круглый столъ, и нарядное кокетливое зеркало—всѣ они сквозь лѣнивую и темную дремоту зорко, выжидательно и угрожающе стерегли Арбузова.

— Значить у меня лихорадка, — подумалъ Арбузовъ и повторилъ вслухъ: „у меня лихорадка“, и его голосъ отозвался въ его ухахъ откуда-то издалека слабымъ, пустымъ и равнодушнымъ звукомъ.

Подъ колыханье кровати, съ пріятной сонной рѣзью въ глазахъ, Арбузовъ забылся въ прерывистомъ тревожномъ лихорадочномъ бредѣ. Но и въ бреду, какъ и наяву, онъ испытывалъ такую же чередующуюся смѣну впечатлѣній. То ему казалось, что онъ vorочаетъ со страшными усилиями и громоздитъ одна на другую гранитныя глыбы съ отполированными боками, гладкими и твердыми на ощупь, но въ то же время мягко, какъ вата, поддающимися подъ его руками. Потомъ эти глыбы рушились и катились внизъ, а вмѣсто нихъ остановилось что-то ровное, зыбкое, зловѣще-спокойное; имени ему не было, но оно одинаково походило и на гладкую поверхность озера, и на тонкую проволоку, которая, бесконечно вытягивалась, жужжитъ однообразно, утомительно и со вно. Но исчезала проволока, и опять Арбузовъ воздвигалъ громадныя глыбы, и опять онѣ рушились съ громомъ, и опять оставалась во всемъ мірѣ одна только зловѣщая, тоскливая проволока. Въ то же время Арбузовъ не переставалъ видѣть потолокъ съ трещинами и слышать странно переплетающіеся звуки, но все это принадлежало къ чужому, стерегущему, враждебному міру, жалкому и неинтересному по сравненію съ тѣми грезами, въ которыхъ онъ жилъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда Арбузовъ вдругъ вскочилъ и сѣлъ на кровати, охваченный чувствомъ дикаго ужаса и нестерпимой физической тоски, которая начиналась отъ сердца, переставшаго биться, наполняла всю грудь, подымалась до горла и сжимала его. Легкимъ не хватало воздуха, что-то изнутри мѣшало ему войти. Арбузовъ судорожно раскрывалъ ротъ, стараясь вздохнуть, но не умѣлъ, не могъ этого сдѣлать и задыхался. Эти страшныя ощущенія продолжались всего три, четыре секунды, но атлету казалось, что припадокъ начался много лѣтъ тому назадъ,

и что онъ успѣлъ состариться за это время. „Смерть идетъ!“ мелькнуло у него въ головѣ, но въ тотъ же моментъ чья-то невидимая рука тронула остановившееся сердце, какъ трогаютъ остановившійся маятникъ, и оно, сдѣлавъ бѣшеный толчокъ, готовый разбить грудь, забилося пугливо, жадно и безтолково. вмѣстѣ съ тѣмъ жаркія волны крови бросились Арбузову въ лицо, въ руки и въ ноги и покрыли все его тѣло испариной.

Въ отворенную дверь просунулась большая стриженная голова, съ тонкими, оттопыренными, какъ крылья у летучей мыши, ушами. Это пришелъ Гришутка, мальчишка, помощникъ борридорнаго справиться о чаѣ. Изъ-за его спины весело и ободряюще скользнула въ номеръ свѣтъ отъ лампы, горѣвшей въ корридорѣ.

— Прикажите самоварчикъ, Никитъ Ионычъ?

Арбузовъ хорошо слышалъ эти слова, и онъ ясно отпечатлѣлись въ его памяти, но онъ никакъ не могъ заставить себя понять, что они значатъ. Мысль его въ это время усиленно работала, стараясь уловить какое-то небезыкновенное, рѣдкое и очень важное слово, которое онъ слышалъ во снѣ, передъ тѣмъ какъ вскочить въ припадкѣ.

— Никитъ Ионычъ, подавать, что ли, самоваръ-то? Седьмой часъ.

— Пстой, Гришутка, пстой, сейчасъ,—отозвался Арбузовъ, попрежнему слыша и не понимая мальчишку, и вдругъ поймалъ забытое слово. „Бумерангъ“. Бумерангъ — это такая изогнутая, смѣшная деревяшка, которую въ циркѣ на Монмартрѣ бросали какіе-то черные дикари, маленькіе, голые, ловкіе и мускулистые человѣчки. И тотчасъ же, точно освободившись отъ путъ, вниманіе Арбузова перенеслось на слова мальчишки, все еще звучащія въ памяти.

— Седьмой часъ, ты говоришь? Ну, такъ неси скорѣе самоваръ, Гриша.

Мальчикъ ушелъ. Арбузовъ долго сидѣлъ на кровати, спустивъ на полъ ноги, и прислушивался, глядя въ темные углы, къ своему сердцу, все еще бившемуся тревожно и суетливо. А губы его тихо шевелились, повторяя раздѣльно все одно и то же, поразившее его, звучное, упругое слово:

— Бу-ме-рангъ!

IV.

Къ девяти часамъ Арбузовъ пошелъ въ циркъ. Большоголовый мальчишка изъ номеровъ, страстный поклонникъ цирковаго искусства, несъ за нимъ соломенный сакъ съ костюмомъ. У ярка освѣщеннаго подѣзда было шумно и весело. Непрерывно, одинъ

за другимъ подъѣзжали извозчики и, по мановенію руки величественнаго, какъ статуя, городского, описавъ полукругъ, отъѣзжали дальше, въ темноту, гдѣ длинной вереницей стояли вдоль улицы сани и кареты. Красныя цирковыя афиши и зеленые анонсы о борьбѣ видѣлись повсюду — по обѣимъ сторонамъ входа, около кассъ, въ вестибюлѣ и корридорахъ, и вездѣ Арбузовъ видѣлъ свою фамилію, напечатанную громаднымъ шрифтомъ. Въ корридорахъ пахло конюшней, газомъ, тирсой, который посыпаютъ арену, и обыкновеннымъ запахомъ зрительныхъ залъ, смѣшаннымъ запахомъ новыхъ лайковыхъ перчатокъ и пудры. Эти запахи, всегда немного волновавшіе и возбуждавшіе Арбузова въ вечера передъ борьбою, теперь болѣзненно и непріятно скользнули по его нервамъ.

За кулисами, около того прохода, изъ котораго выходятъ на арену артисты, висѣло за проволочной сѣткой, освѣщенное газовымъ рожкомъ рукописное росписаніе вечера съ печатными заголовками: „Arbeit. Pferd. Clown“. Арбузовъ заглянулъ въ него съ неясной и наивной надеждой не найти своего имени. Но во II-мъ отдѣленіи, противъ знакомаго ему слова — Kampf, — стояли, написанныя крупнымъ катящимся внизъ почеркомъ полуграммотнаго человѣка, двѣ фамиліи Arbusow u. Roeber.

На аренѣ кричали картавыми деревянными голосами и хотали идиотскимъ смѣхомъ клоуны. Антоніо Батисто и его жена, Генриетта, дожидались въ проходѣ окончанія номера. На обоихъ были одинаковые костюмы изъ нѣжно-фіолетоваго расшитаго золотыми блестками трико, отливавшаго на сгибахъ противъ свѣта шелковымъ глянцемъ, и бѣлыя атласныя туфли.

Юбки на Генриеттѣ не было, вмѣсто нея шли отъ талии въ бедра пышныя буффы, а вокругъ пояса висѣла длинная и частая золотая бахрома, сверкавшая при каждомъ ея движеніи. Атласная рубашечка фіолетоваго цвѣта, надѣтая прямо поверхъ тѣла, безъ корсета, была свободна и совсѣмъ не стѣсняла движений гибкаго торса. Поверхъ трико на Генриеттѣ былъ наброшенъ длинный, бѣлый арабскій бурнусъ, мягко отгнѣнявшій ея хорошенькую, черноволосук, смуглую головку.

— Et bien, monsieur Arbusoff? — сказала Генриета, ласково улыбаясь и протягивая изъ подъ бурнуса обнаженную тонкую, но сильную и красивую руку. Какъ вамъ нравятся наши новые костюмы? Это идея моего Антоніо. Вы придете на манежъ смотреть нашъ номеръ? Пожалуйста приходите. У васъ хорошій глазъ, и вы мнѣ приносите удачу.

Подошедшій Антоніо дружелюбно похлопалъ Арбузова по плечу.

— Ну какъ дѣла, мой голубушка? All right! Я держу за васъ пари съ Винченцо на одна бутылка коньякъ. Смотрите же!

По цирку прокатился смѣхъ и затрещали аплодисменты. Два клоуна съ бѣлыми лицами, вымазанными черной и малиновой краской выбѣжали съ арены въ корридоръ. Они точно позабыли на своихъ лицахъ широкія, бессмысленныя улыбки, но ихъ груди послѣ утомительныхъ сальтомортале дышали глубоко и быстро. Ихъ вызвали и заставили еще что-то сдѣлать, потомъ еще разъ, и еще, и только, когда музыка заиграла вальсъ, и публика утихла, они ушли въ уборную, оба потные, какъ то сразу опустившіеся, разбитые усталостью.

Незанятые въ этотъ вечеръ артисты, во фракахъ и въ панталонахъ съ золотыми лампасами, быстро и ловко опустили съ потолка большую сѣтку, притянувъ ее веревками къ столбамъ. Потомъ они выстроились по обѣ стороны прохода, и кто-то отдернулъ занавѣсъ. Ласково и кокетливо сверкнувъ глазами изъ подъ тонкихъ смѣлыхъ бровей, Генриета сбросила свой бурнусъ на руки Арбузову, быстрымъ женскимъ привычнымъ движеніемъ поправила волосы, и, взявшись съ мужемъ за руки, граціозно выбѣжала на арену. Слѣдомъ за ними, передавъ бурнусъ конюху, вышелъ и Арбузовъ.

Въ труппѣ всѣ любили смотрѣть на ихъ работу. Въ ней, кромѣ красоты и легкости движеній, изумляло цирковыхъ артистовъ доведенное до невѣроятной точности *чувство темпа*, особенное шестое чувство, врядъ-ли понятное гдѣ нибудь кромѣ балета и цирка, но необходимое при всѣхъ трудныхъ и согласованныхъ движеніяхъ подъ музыку. Не теряя даромъ ни одной секунды и соразмѣряя каждое движеніе съ плавными звуками вальса, Антоніо и Генриетта проворно поднялись подъ куполъ на высоту верхнихъ рядовъ галереи. Съ разныхъ концовъ цирка они посылали публикѣ воздушные поцѣлуи—онъ сидя на трапеціи, она—стоя на легкомъ табуретѣ обитомъ такимъ же фіолетовымъ атласомъ, вакоя былъ на ея рубашкѣ, съ золотой бахромою на краяхъ и съ инициалами А и В посрединѣ.

Все, что они дѣлали, было одновременно, согласно и, повидимому такъ легко и просто, что даже у цирковыхъ артистовъ, глядѣвшихъ на нихъ, исчезало представленіе о трудности и опасности этихъ упражненій. Скользнувъ всѣмъ тѣломъ назадъ, точно падая въ сѣтку, Антоніо вдругъ повисалъ внизъ головой и уцѣпившись ногами за стальную палку, начиналъ раскачиваться взадъ и впередъ. Генриетта, стоя на своемъ фіолетовомъ возвышеніи и держась вытянутыми руками за трапецію, напряженно и выжидательно слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа, и вдругъ, поймавъ темпъ, отталкивалась отъ табурета ногами и летѣла на встрѣчу мужу, выгибаясь всѣмъ тѣломъ и вытягивая назадъ стройныя ноги. Ея трапеція была вдвое длиннѣе и дѣлала вдвое

большіе размахи: поэтому ихъ движенія то шли параллельно, то сходились, то расходились...

И вотъ, по какому-то незамѣтному ни для кого сигналу, она бросала палку своей трапеціи, падала ничѣмъ не поддерживаемая внизъ и вдругъ, скользнувъ руками вдоль рукъ Антоніо, крѣпко сплеталась съ нимъ кисть за кисть. Нѣсколько секундъ ихъ тѣла, связавшись въ одно гибкое сильное тѣло, плавно и широко качались въ воздухѣ, и атласныя туфельки Генріетты чертили по поднятому вверхъ краю сѣтки; затѣмъ онъ переворачивалъ ее и опять бросалъ въ пространство, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда надъ ея головою пролетала брошенная ею и все еще качающаяся трапеція, за которую она быстро хваталась, чтобы однимъ размахомъ вновь перенестись на другой конецъ цирка, на свой фіолетовый табуретъ.

Послѣднимъ упражненіемъ въ ихъ номерѣ былъ полетъ съ высоты. Шталмейстеры подтянули трапецію на блокахъ подъ самый куполь цирка вмѣстѣ съ сидящей на ней Генріеттой. Тамъ, на семисаженной высотѣ, артистка осторожно перешла на неподвижный турникъ, почти касаясь головой стекло слухового окна. Арбузовъ смотрѣлъ на нее, съ усиліемъ подымая вверхъ голову, и думалъ, что, должно быть, Антоніо кажется ей теперь сверху совсѣмъ маленькимъ, и у него отъ этой мысли кружилась голова.

Убѣдившись, что жена прочно утвердилась на турникѣ, Антоніо опять скользнулъ головой внизъ и сталъ раскачиваться. Музыка, игравшая до сихъ поръ меланхолическій вальсъ, вдругъ рѣзко оборвала его и замолкла. Слышалось только однотонное, жалобное шипѣніе углей въ электрическихъ фонаряхъ. Жуткое напряженіе чувствовалось въ тишинѣ, которая наступила вдругъ среди тысячной толпы, жадно и боязливо слѣдившей за каждымъ движеніемъ артистовъ...

— Pronto!—рѣзко, увѣренно и весело крикнулъ Антоніо и бросилъ внизъ, въ сѣтку, бѣлый платокъ, которымъ онъ до сихъ поръ, не переставая качаться взадъ и впередъ, вытиралъ руки. Арбузовъ увидѣлъ, какъ при этомъ восклицаніи Генріетта, стоявшая подъ куполомъ и державшаяся обѣими руками за проволоки, нервно, быстро и выжидательно поддалась всѣмъ тѣломъ впередъ.

— Attenti!—опять крикнулъ Антоніо.

Угли въ фонаряхъ тянули всю ту же жалобную, однообразную ноту, а молчаніе въ циркѣ становилось тягостнымъ и грознымъ.

— Allez!—раздался отрывисто и властно голосъ Антоніо.

Казалось, этотъ повелительный крикъ столкнулъ Генріетту съ

турника. Арбузовъ увидѣлъ, какъ въ воздухѣ, падая стремглавъ внизъ и крутясь, пронеслось что-то большое, фіолетовое, свергающее золотыми искрами. Съ похолодѣвшимъ сердцемъ и съ чувствомъ внезапной раздражающей слабости въ ногахъ, атлетъ закрылъ глаза и открылъ ихъ только тогда, когда, вслѣдъ за радостнымъ, высокимъ, гортаннымъ крикомъ Генриетты, весь циркъ вдохнулъ шумно и глубоко, какъ великанъ, сбросившій со спины тяжкій грузъ. Музыка заиграла бѣшеный галопъ, и, раскачиваясь подъ него въ рукахъ Антоніо, Генриетта весело перебирала ногами и била ими одна о другую. Брошенная мужемъ въ сѣтку, она провалилась въ нее глубоко и мягко, но тотчасъ же, упруго подброшенная обратно, стала на ноги и, балансируя на трясущейся сѣткѣ, вся сіяющая неподдѣльной, радостной улыбкой, раскраснѣвшаяся, прелестная, — кланялась кричащимъ зрителямъ... Накидывая на нее за кулисами бурнусъ, Арбузовъ замѣтилъ, какъ часто подымалась и опускалась ея грудь и какъ напряженно бились у нея на вискахъ тонкія голубыя жилки...

V.

Звонокъ прозвонилъ антрактъ, и Арбузовъ пошелъ въ свою уборную одѣваться. Въ сосѣдней уборной одѣвался Реберъ. Арбузову сквозь широкія щели наскоро сколоченной перегородки было видно каждое его движеніе. Одѣваясь, американецъ то напѣвалъ фальшивымъ баскомъ какой-то мотивъ, то принимался насвистывать и изрѣдка обмѣнивался со своимъ тренеромъ короткими, отрывистыми словами, раздававшимися такъ странно и глухо, какъ будто бы они выходили изъ самой глубины его желудка. Арбузовъ не зналъ англійскаго языка, но каждый разъ, когда Реберъ смѣялся или когда интонація его словъ становилась сердитой, ему казалось, что рѣчь идетъ о немъ и о сегодняшнемъ состязаніи, и отъ звуковъ этого увѣреннаго, квакающего голоса имъ все сильнѣе овладѣвало чувство страха и физической слабости.

Снявъ верхнее платье, онъ почувствовалъ холодъ и вдругъ задрожалъ крупной дрожью лихорадочнаго озноба, отъ которой затряслись его ноги, животъ и плечи, а челюсти громко застучали одна о другую. Чтобы согрѣться, онъ послалъ Гришутку въ буфетъ за коньякомъ. Коньякъ нѣсколько успокоилъ и согрѣлъ атлета, но послѣ него, также какъ и утромъ, по всему тѣлу разлилась тихая сонная усталость.

Въ уборную поминутно стучали и входили какіе-то люди. Тутъ были кавалерійскіе офицеры, съ ногами, обтянутыми, точно

трико, тѣсными рейтузами, рослые гимназисты въ смѣшныхъ узенькихъ шалкахъ и всѣ почему-то въ ринсе-нез и съ папиросами въ зубахъ, щеголеватые студенты, говорившіе очень громко и называвшіе другъ друга уменьшительными именами. Всѣ они трогали Арбузова за руки, за грудь и за шею, восхищались видомъ его напряженныхъ мускуловъ. Нѣкоторые ласково-одобрительно похлопывали его по спинѣ, точно призовую лошадь, и давали ему совѣты, какъ вести борьбу. Ихъ голоса то звучали для Арбузова откуда-то издали, снизу, изъ-подъ земли, то вдругъ надвигались на него и невыносимо-болѣзненно били его по головѣ. Въ то же время онъ одѣвался машинальными привычными движеніями, заботливо расправляя и натягивая на своемъ тѣлѣ тонкое трико и крѣпко затягивая вокругъ живота широкій кожаный поясъ.

Заиграла музыка, и назойливые посѣтители одинъ за другимъ вышли изъ уборной. Остался только докторъ Луховицынъ. Онъ взялъ руку Арбузова, нащупалъ пульсъ и покачалъ головой.

— Вамъ теперь бороться—чистое безуміе. Пульсъ, какъ молотокъ, и руки совѣмъ холодныя. Поглядите въ зеркало, какъ у васъ расширены зрачки.

Арбузовъ взглянулъ въ маленькое наклонное зеркало, стоявшее на столѣ и увидѣлъ показавшееся ему незнакомымъ, большое, блѣдное, равнодушное лицо.

— Ну все равно, докторъ,—сказалъ онъ лѣниво и, поставивъ ногу на свободный стулъ, сталъ тщательно обматывать вокругъ икры тонкіе ремни туфли. Кто то, пробѣгая быстро по корридолу, крикнулъ поочередно въ двери обѣихъ уборныхъ.

— Monsieur Реберъ, monsieur Арбузовъ, на манежъ!

Непобѣдимая истома вдругъ охватила тѣло Арбузова, и ему захотѣлось долго и сладко, какъ передъ сномъ, тянуться руками и спиной. Въ углу уборной были навалены большой безпорядочной кучей, черкесскіе костюмы для пантомимы III-го отдѣленія. Глядя на этотъ хламъ, Арбузовъ подумалъ, что нѣтъ ничего лучше въ мірѣ, какъ забраться туда, улечься поуютнѣе и зарыться съ головой въ теплыя, мягкія одежды.

— Надо идти,—сказалъ онъ, подымаясь со вздохомъ. Докторъ, вы знаете, что такое бумерангъ?

— Бумерангъ?—съ удивленіемъ переспросилъ докторъ.—Это, кажется, такой особенный инструментъ, которымъ австралійцы бьютъ попугаевъ. А впрочемъ, можетъ быть, вовсе и не попугаевъ... Такъ въ чемъ же дѣло?

— Просто вспомнилось... Ну, пойдете, докторъ.

У занавѣса въ досчатомъ широкое проходѣ тѣснились за-всегдаши цирка, артисты, служащіе и конюхи; когда показался

Арбузовъ, они зашептались и быстро очистили ему мѣсто передъ занавѣсомъ. Слѣдомъ за Арбузовымъ подходилъ Реберъ. Избѣгая глядѣть другъ на друга, оба атлета встали рядомъ, и въ эту минуту Арбузову съ необыкновенной ясностью пришла въ голову мысль о томъ, какъ дико, бесполезно, нелѣпо и жестоко то, что онъ собирается сейчасъ дѣлать. Но онъ также зналъ и чувствовалъ, что его держитъ здѣсь и заставляетъ именно такъ поступать какая-то безымянная, безпощадная сила. И онъ стоялъ неподвижно, глядя на тяжелыя складки занавѣса съ тупой и печальной покорностью.

— Готово?—спросилъ сверху, съ музыкантной эстрады чей-то голосъ.

— Готово, давай! — отозвались внизу.

Послышался тревожный стукъ капельмейстерской палочки, и первые такты марша понеслись по цирку веселыми, возбуждающими, мѣдными звуками. Кто-то быстро распахнулъ занавѣсъ, кто-то хлопнулъ Арбузова по плечу и отрывисто скомандовалъ ему—*allez!* Плечо о плечо, ступая съ тяжелой, самоувѣренной граціей, но по прежнему не глядя другъ на друга, борцы прошли между двухъ рядовъ выстроившихся артистовъ, и, дойдя до середины арены, разошлись въ разныя стороны.

Одинъ изъ шталмейстеровъ также вышелъ на арену и, ставъ между атлетами, началъ читать по бумажѣ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ и со множествомъ ошибокъ объявленіе о борьбѣ:

— Сейчасъ состоится борьба, по римско-французскимъ правиламъ, между знаменитыми атлетами и борцами, г. Джономъ Реберомъ и г. Арбузовымъ. Правила борьбы заключаются въ томъ, что борцы могутъ, какъ угодно, хватать другъ друга отъ головы до пояса. Побѣжденнымъ считается тотъ, кто коснется двумя лопатками земли. Царапать другъ друга, хватать за ноги и за волосы и душить за шею—запрещается. Борьба эта—третья, рѣшительная и послѣдняя. Поборовшій своего противника, получаетъ призъ въ 100 рублей... Передъ началомъ состязанія, борцы подаютъ другъ другу руки, какъ бы въ видѣ клятвеннаго обѣщанія, что борьба будетъ вестись ими честно и по всѣмъ правиламъ.

Зрители слушали его въ такомъ напряженномъ, внимательномъ молчаніи, что казалось будто каждый изъ нихъ удерживаетъ дыханіе. Вѣроятно это былъ самый жгучій моментъ во всемъ вечерѣ, моментъ нетерпѣливаго ожиданія. Лица поблѣднѣли, рты полураскрылись, головы выдвинулись впередъ, глаза съ жаднымъ любопытствомъ приковались къ фигурамъ атлетовъ, неподвижно стоявшихъ на брезентѣ, покрывавшемъ песокъ арены.

Оба борца были въ черномъ трико, благодаря которому ихъ туловища и ноги казались тоньше и стройнѣе, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ, а обнаженные руки и голыя шея массивнѣе и сильнѣй. Реберъ стоялъ слегка выдвинувъ впередъ ногу, упираясь одной рукой въ бокъ, въ небрежной и самоувѣренной позѣ, и, закинувъ назадъ голову обводилъ глазами верхніе ряды. Онъ зналъ по опыту, что симпатіи галереи будутъ на сторонѣ его противника, какъ болѣе молодого, красиваго изящнаго, а главное, посвящаго русскую фамилію борца, и этимъ небрежнымъ спокойнымъ взглядомъ точно посылалъ вызовъ разглядывавшей его толпѣ. Онъ былъ средняго роста, широкой въ плечахъ и еще болѣе широкой къ тазу, съ короткими толстыми и кривыми, какъ корни могучаго дерева, ногами, длиннорукій и сгорбленный, какъ большая сильная обезьяна. У него была маленькая лысая голова съ бычачьимъ затылкомъ, который, начиная отъ макушки, ровно и плоско, безъ всякихъ изгибовъ, переходилъ въ шею, также какъ и шея, расширяясь книзу, непосредственно сливалась съ плечами. Этотъ страшный затылокъ невольно возбуждалъ въ зрителяхъ смутное и боязливое представление о жестокой, нечеловѣческой силѣ.

Арбузовъ стоялъ въ той обычной позѣ профессиональныхъ атлетовъ, въ которой они снимаются всегда на фотографіяхъ, т.-е. со скрещенными на груди руками и со втянутымъ въ грудь подбородкомъ. Его тѣло было болѣе, чѣмъ у Ребера, а сложеніе почти безукоризненное: шея выступала изъ низкаго вырѣза трико ровнымъ круглымъ, мощнымъ стволомъ, и на ней держалась свободно и легко красивая, рыжеватая, коротко остриженная голова съ низкимъ лбомъ и равнодушными чертами лица. Грудныя мышцы, стиснутыя сложенными руками, обрисовывались подъ трико двумя выпуклыми шарами, круглыя плечи отливали блескомъ розоваго атласа подъ голубымъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

Арбузовъ пристально глядѣлъ на читающаго шталмейстера. Одинъ только разъ онъ отвелъ отъ него глаза и обернулся на зрителей. Весь циркъ сверху до низу наполненный людьми, былъ точно залитъ сплошной черной волной, на которой громоздась одинъ надъ другимъ выдѣлялись правильными рядами бѣлыя, круглыя пятна лицъ. Какимъ-то беспощаднымъ, роковымъ холодомъ повѣяло на Арбузова отъ этой черной, безличной массы. Онъ всѣмъ существомъ понялъ что ему уже нѣтъ возврата съ этого ярко освѣщеннаго заколдованнаго круга, что чья-то чужая, огромная воля привела его сюда, и нѣтъ силы, которая могла бы заставить его вернуться назадъ. И отъ этой мысли атлетъ вдругъ почувствовалъ себя безпомощнымъ, растеряннымъ и слабымъ, какъ заблудившійся ребенокъ, и въ его душѣ тяжело шевельнулся настоящій животный страхъ, темный инстинктивный ужасъ,

который, вѣроятно, овладѣваетъ молодымъ быкомъ, когда его вводятъ на залитый кровью асфальтъ бойни.

Шталмейстеръ кончилъ и отошелъ къ выходу. Музыка опять заиграла отчетливо, весело и осторожно, и въ рѣзкихъ звукахъ трубъ слышалось теперь лукавое, скрытое и жестокое торжество. Былъ одинъ странный моментъ, когда Арбузову представилоась, что эти вкрадчивые звуки марша, и печальное шипѣніе углей, и жуткое молчаніе зрителей служатъ продолженіемъ его послѣбѣденнаго бреда, въ которомъ онъ видѣлъ тянущуюся передъ нимъ длинную, монотонную проволоку. И опять въ его умѣ кто-то произнесъ причудливое названіе австраійскаго инструмента.

До сихъ поръ однако Арбузовъ надѣялся на то, что въ самый послѣдній моментъ передъ борьбой, въ немъ, какъ это всегда бывало раньше, вдругъ вспыхнетъ злоба, а вмѣстѣ съ нею увѣренность въ побѣдѣ и быстрый приливъ физической силы. Но теперь, когда борцы повернулись другъ къ другу, и Арбузовъ въ первый разъ встрѣтилъ острый и холодный взглядъ маленькихъ голубыхъ глазъ американца, онъ понялъ, что исходъ сегодняшней борьбы уже рѣшенъ.

Атлеты пошли другъ къ другу навстрѣчу. Реберъ приближался быстрыми мягкими и упругими шагами, слегка сгибая ноги и наклонивъ впередъ свой страшный затылокъ, похожій на хищное животное, собирающееся сдѣлать скачокъ. Сойдясь на срединѣ арены, они обмѣнялись быстрымъ сильнымъ рукопожатіемъ, разошлись и тотчасъ же одновременнымъ прыжкомъ повернулись другъ къ другу лицами. И въ отрывистомъ прикосновеніи горячей, сильной, мозолистой руки Ребера, Арбузовъ почувствовалъ такую же увѣренность въ побѣдѣ, какъ и въ его волющихъ глазахъ.

Сначала они пробовали захватить другъ друга за кисти рукъ, за локти и за плечи, вывергиваясь и уклоняясь въ то же время отъ захватовъ противника. Движенія ихъ были медленны, мягки, осторожны и расчетливы, какъ движенія двухъ большихъ кошекъ, начинающихъ играть. Упираясь вискомъ въ високъ и горячо дыша другъ другу въ плечи, они постоянно перемѣняли мѣсто и обошли кругомъ всю арену. Пользуясь своимъ высокимъ ростомъ, Арбузовъ обхватилъ ладонью затылокъ Ребера и попробовалъ нагнуть его, но голова американца быстро, какъ голова прачущейся черепахи, ушла въ плечи, шея сдѣлалась твердой, точно стальной, а широко разставленныя ноги крѣпко уперлись въ землю. Въ то же время Арбузовъ почувствовалъ, что Реберъ изо всѣхъ силъ мнетъ пальцами его бицепсы, стараясь причинить имъ боль и скорѣе обезсилить ихъ.

Такъ они ходили по аренѣ, едва переступая ногами, не отры-

ваясь другъ отъ друга, и дѣлая медленныя, точно лѣнныя и нерѣшительныя движенія. Вдругъ Реберъ поймавъ обѣими руками руку своего противника, съ силой рванулъ ее на себя. Не предвидѣвшій этого приѣма, Арбузовъ сдѣлалъ впередъ два шага и въ ту же секунду почувствовалъ, что его сзади ополсали и поднимаютъ отъ земли сильныя, сплетшіяся у него на груди руки. Инстинктивно, для того чтобы увеличить свой вѣсъ, Арбузовъ перегнулся верхней частью туловища впередъ и, на случай нападенія, широко разставилъ руки и ноги. Реберъ сдѣлалъ нѣсколько усилій притянуть къ своей груди его спину, но, видя что ему не удастся поднять тяжелаго атлета, быстрымъ толчкомъ заставилъ его опуститься на четвереньки, и самъ присѣлъ рядомъ съ нимъ на колѣни, обхвативъ его за шею и за спину.

Нѣкоторое время Реберъ точно раздумывалъ и примѣривался. Потомъ искуснымъ движеніемъ онъ просунулъ свою руку сзади, подъ мышкой у Арбузова, изогнулъ ее вверхъ, обхватилъ жесткой и сильной ладонью его шею и сталъ нагибать ее внизъ, между тѣмъ какъ другая рука, окруживъ снизу животъ Арбузова, старалась перевернуть его тѣло по оси. Арбузовъ сопротивлялся, напрягая шею, шире разставляя руки и ближе пригибаясь къ землѣ. Борцы не двигались съ мѣста, точно застывъ въ одномъ положеніи, и со стороны можно было бы подумать, что они забавляются или отдыхаютъ, если бы не было замѣтно, какъ постепенно наливаются кровью ихъ лица и шеи, и какъ ихъ напряженные мускулы все рѣзче выпячиваются подъ трико. Они дышали тяжело и громко, и острый запахъ ихъ пота былъ слышенъ въ первыхъ рядахъ партера.

И вдругъ прежняя, знакомая, физическая тоска разрослась у Арбузова около сердца, наполнила ему всю грудь, сжала судорожно за горло, и все тотчасъ же стало для него скучнымъ, пустымъ и безразличнымъ: и мѣдныя звуки музыки, и печальное пѣніе фонарей, и циркъ, и Реберъ, и самая борьба. Что-то вродѣ давней привычки еще заставляло его сопротивляться, но онъ уже слышалъ въ прерывистомъ, обдававшемъ его затылокъ дыханіи Ребера хриплые звуки, похожіе на торжествующее звѣриное рычаніе, и уже одна его рука, оторвавшись отъ земли, напрасно искала въ воздухѣ опоры. Потомъ и все его тѣло потеряло равновѣсіе, и онъ, неожиданно и крѣпко прижатый спиной въ холодному брезенту, увидѣлъ надъ собой красное, потное лицо Ребера съ растрепанными свалывшимися усами, съ оскаленными зубами, съ глазами, искаженными безуміемъ и злобой...

Поднявшись на ноги, Арбузовъ, точно въ туманѣ, видѣлъ Ребера, который на всѣ стороны кивалъ головой публикѣ. Зрители, поднявшись съ мѣстъ, кричали, какъ изступленные, двигались, ма-

*

хали платками, но все это показалось Арбузову давно знакомымъ сномъ, — сномъ нелѣпымъ, фантастическимъ, и въ то же время мелкимъ и скучнымъ, по сравненію съ тоской, разрывавшей его грудь. Шатаясь, онъ добрался до уборной. Видъ сваленнаго въ вучу хлама напомнилъ ему что-то неясное, о чѣмъ онъ недавно думалъ, и онъ опустился на него, держась обѣими руками за сердце и хватая воздухъ раскрытымъ ртомъ.

Внезапно вмѣстѣ съ чувствомъ тоски и потери дыханія, имъ овладѣли тошнота и слабость. Все позеленѣло въ его глазахъ, потомъ стало темнѣть и проваливаться въ глубокую черную пропасть. Въ его мозгу рѣзкимъ высокимъ звукомъ, точно тамъ лопнула тонкая струна кто-то явственно и раздѣльно крикнулъ: бу-ме-рангъ! Потомъ все исчезло: и мысль и сознание и боль и тоска. И это случилось такъ же просто и быстро, какъ если бы кто дунулъ на свѣчу, горѣвшую въ темной комнатѣ, и погасилъ ее...

А. Купринъ.

ALBUM-BLÄTTER.

1.

Какъ иногда съ прогулокъ лѣтомъ
Мы возвращаемся домой
Въ вечерній часъ съ простымъ букетомъ,
Небрежно связаннымъ тесьмой;

Тамъ, вмѣсто бувицы пахучей
И медуницъ, и васильковъ;
Я приношу цвѣты созвучій
Изъ отдаленныхъ уголковъ.

И съ каждымъ словомъ оживая,
Опять встаютъ передо мной:
И лѣсъ, и даль береговая,
Извилины тропы лѣсной.

Вечерній воздухъ, полный ласки
И тѣнь березъ вокругъ скамьи,
Я помню все: лучи и краски
И шумъ вѣтвей, и звонъ струи.

2.

Вѣтерокъ едва колышетъ
Порѣдѣвшую листву,
Грудь вольнѣй и легче дышитъ,
Я мечтаю, и—живу.

Далеко—заботы бремя,
Затиhaетъ боль души,
Надо мной бессильно время
Въ очарованной глуши.

Тишина—въ аллеяхъ парка,
Въ сердцахъ—та же тишина,
Межъ листвою блещутъ ярко
Золотистые тона.

Нити бѣлой паутины
Протянулись межъ кустовъ,
И усыпаны куртины
Лепестками отъ цвѣтовъ.

Пахнетъ влажною травою,
Въ небесахъ—блѣднѣе лучъ,
Подъ увядшею листвою
Пересохъ въ оврагѣ ключъ.

Рдѣтъ, солнцемъ озаренный,
Старый влѣнь, одѣтъ въ багрець,
И съ улыбкой примиренной
Все привѣтствуетъ конецъ.

О. Чюмина.

ОСЕНЬЮ.

Э С К И З Ъ.

I.

Около одиннадцати часовъ вечера, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, наступило на минуту молчаніе среди разговора, и, воспользовавшись этимъ, она тотчасъ же встала съ мѣста и какъ бы мелькомъ взглянула на меня.

— Ну, мнѣ пора,—сказала она съ легкимъ вздохомъ, и у меня дрогнуло сердце отъ предчувствія какой-то большой радости и тайны между нами. Я не отходилъ отъ нея весь вечеръ и весь вечеръ ловилъ въ ея глазахъ затаенный блескъ, а въ разговорахъ разсѣянность и едва замѣтную, но совершенно новую ласковость. Теперь я вдругъ почувствовалъ, что наступилъ рѣшительный моментъ. Въ тонѣ, какимъ она какъ бы съ сожалѣніемъ сказала, что ей пора уходить, мнѣ почудился скрытый смыслъ,—то, что она знала, что я выйду съ нею.

— Вы тоже?—полутвердительно спросила она, видя, что я беру шляпу. — Значить, вы проводите меня, — прибавила она вскользь и, слегка не выдержавъ роли, застѣнчиво улыбнулась, оглядываясь.

— Ну, до свиданія,—ласково сказала она хозяйкѣ.

Мужчины встали, и въ сдержанности, съ какою они опустили руки, была неподдѣльная почтительность передъ нею. Стройная и гибкая, какъ всѣ южанки съ примѣсью итальянской крови, она легкимъ и привычнымъ движеніемъ руки захватила юбку чернаго атласнаго платья и еще разъ, уже всѣмъ, улыбнулась на прощанье. И въ этой улыбкѣ, въ молодомъ, изящномъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ и волосахъ, — даже, казалось, въ тонкой ниткѣ жемчуга на шеѣ и блескѣ брилліантовъ въ серьгахъ—во всемъ была застѣнчивость дѣвушки, которая любитъ впервые. И пока ее просили передать поклоны ея мужу, а потомъ помогали ей въ прихожей одѣваться, я держался въ сторонѣ, а самъ считалъ секунды, боясь, что кто-нибудь выйдетъ съ нами.

Но вотъ мы пожали руку хозяину, нѣсколько голосовъ сразу сказало „до свиданья“, и дверь, изъ которой на мгновеніе упала въ темный большой дворъ полоса свѣта, мягко захлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всемъ тѣлѣ необычную легкость, я взялъ ее подъ руку и заботливо сталъ сводить съ крыльца, предупреждая о ступенькахъ.

— Вы хорошо видите?—спросила она, глядя подъ ноги. И въ голосѣ ея опять послышались и застѣнчивость, и поощряющая привѣтливость.

Я поспѣшилъ отвѣтить неестественно-оживленно и, наступая на лужи и листья, наугадъ повелъ ее по двору мимо обнаженныхъ акацій и увсусныхъ деревьевъ, которыя гулко и упруго, какъ корабельныя снасти, гудѣли подъ влажнымъ и сильнымъ вѣтромъ южной ноябрьской ночи.

— Воображаю, какой штормъ теперь на морѣ!—заговорилъ я машинально, все болѣе волнуясь и не зная, какъ сказать главное и нужное.

— Теперь, должно быть, очень поздно,—перебила она безпокойно, прислушиваясь къ шуму деревьевъ.—Я уже третій вечеръ не дома и мнѣ ужасно стыдно передъ своими...

— Какъ поздно?—возразилъ я, на мгновеніе растерявшись.—Какъ поздно, когда еще одиннадцати нѣтъ? И неужели вы домой?—прибавилъ я внезапно, останавливаясь и понижая голосъ.

Она тоже приостановилась.

— А куда же?—спросила она изумленно и почти строго.

За рѣшетчатыми воротами свѣтился фонарь моего экипажа. Я взглянулъ на него, потомъ на ея лицо и вспомнилъ то, что она уже давно общала мнѣ,—поѣздку за городъ.

— Къ морю,—выговорилъ я тихо.

Тогда, не отвѣчая, она взяла своей маленькой, узкой отъ перчатки рукой желѣзный пруть воротъ и безъ моей помощи откинула половину ихъ въ сторону. Поспѣшно прошла она къ экипажу и сѣла въ него, также быстро сѣлъ и я рядомъ съ нею и, накидывая на ея колѣни пледъ, негромко, но увѣренно сказалъ кучеру:

— За городъ, по прибрежной дорогѣ.

II.

Мы мелькомъ взглянули другъ на друга, но, помню, первое время долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало насъ послѣдній мѣсяцъ, было теперь сказано, и мы замолчали только потому, что сказали это слишкомъ ясно и неожиданно.

Я беззвучно прижалъ ея руку въ своимъ губамъ и, взволнованный, отвернулся и сталъ пристально глѣдѣть въ сумрачную даль бѣгущей навстрѣчу намъ улицы. Я еще боялся ея и, когда на мой вопросъ, — не холодно ли ей, — она только съ слабой улыбкой шевельнула губами, не въ силахъ отвѣтить, я понялъ, что и она боится меня. Но на пожатъе руки она отвѣтила благодарно и крѣпко.

Коляска быстро и по одной линіи мчалась вдоль полутемной улицы уже безлюднаго и соннаго города. Южный вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ на бульварахъ, колебалъ пламя рѣдкихъ газовыхъ фонарей на перекресткахъ и скрипѣлъ вывѣсками надъ дверями запертыхъ лавокъ. Иногда какая-нибудь сторбленная фигура выросла вмѣстѣ съ своею шаткой тѣнью подъ большимъ качающимся фонаремъ таверны, но исчезалъ фонарь за нами — и опять на улицѣ было пусто, и только сырой вѣтеръ мягко и непрерывно билъ откуда-то изъ темноты по лицамъ. Изъ-подъ переднихъ колесъ брызгами сыпалась въ разныя стороны грязь, и она, казалось, съ интересомъ слѣдила за нами. Я взглядывалъ иногда на ея опущенныя рѣсницы и склоненный подъ шляпой профиль, чувствовалъ всю ея такъ близко отъ себя, слышалъ тонкій запахъ ея волосъ, и меня волновалъ даже гладкій и нѣжный мѣхъ соболя на ея шеѣ.

— Направо, — сказалъ я вчужу, молчаливому австрійцу, когда впереди показались лиловато-бѣлые электрическіе шары на главной улицѣ.

И за два квартала до нея онъ свернулъ на Старо-Бессарабскую, такую широкую, пустую и длинную, что, казалось, ей нѣтъ конца. Здѣсь почти уже совсѣмъ не было фонарей и только въ рѣдкихъ домахъ свѣтились окна сквозь жалюзи и ставни. Когда-же коляска миновала старыя еврейскіе ряды и базаръ, мостовая сразу кончилась, точно оборвалась подъ нами. Отъ толчка на новомъ поворотѣ она покачнулася, и я невольно обнялъ ее. Она взглянула впередъ, — потомъ обернулась ко мнѣ. Мы встрѣтились лицомъ къ лицу, въ ея глазахъ не было больше ни страха, ни колебанія, — легкая застѣнчивость сквозила только въ напряженной улыбкѣ, — и тогда я, не сознавая, что дѣлаю, на мгновеніе крѣпко прильнулъ къ ея губамъ. Не выпуская моей руки изъ своей, она отвѣтила робкимъ и быстрымъ поцѣлуемъ и, смутившись, но уже тономъ близкаго человѣка, машинально проговорила:

— Закрой мнѣ пледомъ ноги...

Я заботливо, какъ женѣ, окуталъ ей пледомъ колѣни, а въ душѣ у меня все затрепетало отъ неудержимой радости. О, это первое „ты“ послѣ перваго поцѣлуя! Въ моей радости уже не

было ни тревоги, ни сомнѣній, но мнѣ еще сладко было сдерживать ее внутри себя. И опять, переглянувшись, мы невольно отвернулись другъ отъ друга и стали пристально слѣдить за брызгами летѣвшей изъ-подъ колесъ грязи...

III.

Въ темнотѣ мелькали высокіе силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль дороги, —наконецъ, пропали и они, свернули куда-то въ сторону и скрылись. Небо, которое надъ городомъ было черно и все-таки отдѣлялось отъ его слабо освѣщенныхъ улицъ, совершенно слилось здѣсь съ землею, и насъ окружилъ сырой и вѣтряный мракъ. Я оглянулся назадъ. Огни города, расположеннаго въ долинѣ, тоже исчезали, —они были разсыпаны точно гдѣ-то въ темномъ морѣ, —а впереди мерцалъ только одинъ огонекъ, такой одинокій и отдаленный, точно онъ былъ на краю свѣта. То была старая молдавнская корчма на большой дорогѣ, и оттуда несло сильнымъ вѣтромъ, который путался и торопливо шуршалъ въ изсохшихъ стебляхъ кукурузы.

— Куда мы ѣдемъ? —спросила она, сдерживая дрожь въ голосѣ. Но глаза ея блестѣли, —наклонившись къ ней, я различалъ ихъ въ темнотѣ, —и въ нихъ было какое-то странное и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливое выраженіе.

— Къ дачамъ за маяками, —сказалъ я. —Ты боишься?

Она закрыла глаза и съ улыбкой покачала головой.

— Тамъ теперь жутко, какъ на картинѣ Бэклина, —сказалъ я. —Я люблю тебя, я хотѣлъ-бы затеряться съ тобой въ темнотѣ этой непонятной ночи... Слушай, какъ все это случилось?

— Не знаю, —отвѣтила она медленно, опять качая головой. — Скажи лучше: правда, что ты любилъ меня и раньше... до сегодняшняго вечера?

Вѣтеръ торопливо шуршалъ и бѣжалъ, путаясь въ кукурузѣ, лошади быстро неслись ему навстрѣчу. На нѣсколько минутъ, горизонтально освѣщая темноту въ отдаленіи, показались два далеко разставленные другъ отъ друга маяка, два большихъ зловѣщихъ огня, висѣвшихъ гдѣ-то въ воздухѣ. Потомъ одинъ изъ нихъ сталъ опускаться и меркнуть, точно уходя въ землю, а второй какъ будто выросъ и загорѣлся виднѣе и ярче, выдая вправо отъ себя длинную бѣлесо-дымчатую полосу. Когда же она внезапно повернулась куда-то по направленію къ морю и потухла, только ночь и темнота остались съ нами. Казалось, что теперь уже надолго кончились обитаемыя мѣста. Снова куда-то мы свернули, и вѣтеръ сразу измѣнился, сталъ влажнѣе и прохладнѣе и еще безпокойнѣе заметался вокругъ насъ, играя,

какъ крыльями, капюшономъ моего плаща. Она низко наклонилась противъ вѣтра голову, потомъ повернулась ко мнѣ.

— А вѣдь правда!—сказала она вполголоса.—Куда мы ѣдемъ, и къ чему эта странная случайная ночь? Я даже мечтать разучилась о такихъ ночахъ, и что будетъ завтра, послѣзавтра?.. Откуда ты и кто ты?—прибавила она, съ изумленной улыбкой раскрывая блестящiе въ темнотѣ глаза.—Ты понимаешь, что я хочу сказать? Я какъ будто въ первый разъ вижу тебя и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ хорошо съ тобой, точно я во снѣ!

— Не надо думать!—отвѣтилъ я.—Я знаю только то, что все это нужно и мнѣ, и тебѣ и что я люблю тебя..

„Можетъ быть, мы и въ самомъ дѣлѣ сошли съ ума!“ добавилъ я мысленно, полной грудью вдыхая вѣтеръ. И мнѣ все сильнѣе хотѣлось, чтобы все темное, слѣпое и непонятное, что было въ этой ночи, было еще непонятнѣе и смѣлѣе. Ночь, которая казалась въ городѣ обычной ненастной ночью, была здѣсь, въ полѣ, совсѣмъ иная. Въ ея темнотѣ и вѣтрѣ было теперь что-то большое и властное, и когда, наконецъ, послышался съвозъ шорохъ бурьяновъ какой-то ровный и однообразный шумъ вдали, мнѣ стало жутко и бѣшено-весело.

— Море?—спросила она.

— Море,—сказалъ я.—Это уже послѣднiя дачи.

А въ поблѣднѣвшей темнотѣ, къ которой мы приглядывались, между тѣмъ, выросли влѣво отъ насъ огромные и угрюмые силуэты тополей въ дачныхъ садахъ, спускавшихся къ морю. Шорохъ колесъ и топотъ копытъ по грязи, отдаваясь отъ садовыхъ оградъ, на минуту сталъ явственнѣе, но скоро ихъ заглушилъ приближающийся гулъ деревьевъ, въ которыхъ метался вѣтеръ и шумъ моря. Промелькнуло нѣсколько наглухо забитыхъ виллъ въ садахъ, смутно бѣлѣвшихъ въ темнотѣ и казавшихся мертвыми.. Потомъ тополи разступились, и внезапно въ пролетѣ между ними пахнуло широкой влажностью,—тѣмъ вѣтромъ, который прилетаетъ къ землѣ съ огромныхъ водяныхъ пространствъ и кажется ихъ свѣжимъ дыханiемъ...

— Остановись,—сказалъ я, трогая за рукавъ кучера.

Она взглянула на меня.

— Приѣхали?—спросила она удивленно.

— Да,—отвѣтилъ я, беря ее подъ руку.

Лошади остановились.

И тотчасъ же ровный и величавый ропотъ, въ которомъ чувствовалась огромная тяжесть воды, и беспорядочный гулъ деревьевъ въ безпокойно дремавшихъ садахъ стали слышнѣе, и мы быстро пошли по листьямъ и лужамъ, среди какой-то высокой аллеи къ обрывамъ...

IV.

Море гудѣло подѣ нами необычно-грозно. Оно какъ будто хотѣло выдѣлиться изъ всѣхъ шумовъ этой тревожной и полусонной ночи. Огромное, теряющееся изъ глазъ въ пространствѣ, оно лежало глубоко внизу, далеко бѣлѣя сквозь сумракъ бѣгущими къ землѣ гривами пѣны. Все было дико и мощно въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ величественно и прекрасно, что мы спѣшили къ нему, не разбирая дороги. Гораздо болѣе страшнѣе былъ беспорядочный гулъ старыхъ липъ и тополей за оградой сада, мрачнымъ островомъ выроставашаго на скалистомъ побережьи. Чувствовалось, что въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ властно царить теперь ночь поздней осени, и старый большой садъ, забытый на зиму домъ и раскрытыя бесѣдки по угламъ ограды производили жуткое впечатлѣніе своей заброшенностью. Одно море гудѣло ровно, побѣдно и, казалось, все величавѣе въ сознаниіи своей силы. Влажный вѣтеръ валилъ съ ногъ на обрывѣ, и остановясь надъ нимъ, мы долго не въ состояніи были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свѣжестью. Потомъ, невольно прижимаясь другъ къ другу, скользя по мокрымъ глинистымъ тропинкамъ и остаткамъ деревянныхъ лѣстницъ, мы поспѣшно и невольно стали спускаться внизъ, къ сверкающему пѣной прибою.

— Не упади! — крикнулъ я на послѣднемъ обрывѣ, протягивая къ ней обѣ руки.

Она покорно отдалась въ нихъ, и это былъ послѣдній моментъ нашего смущенія другъ передъ другомъ. Ставъ на гравій, мы тотчасъ же отскочили въ сторону отъ волны, разбившейся о камни цѣлымъ снопомъ брызгъ, и, переглянувшись, засмѣялись.

— Посмотри скорѣе вверхъ, — сказала она.

Я взглянулъ на обрывъ, — тамъ высились и гудѣли черные тополи, а подѣ нами, какъ бы въ отвѣтъ имъ, жаднымъ и бѣшенымъ прибоемъ играло море. Высокія долетающія до насъ волны съ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ рушились на берегъ, крутились и сверкали цѣлыми водопадами снѣжной пѣны, рыли песокъ и камни и, убѣгая назадъ, увлекали спутанные водоросли, иль и гравій, который гремѣлъ и скрежеталъ въ ихъ влажномъ шумѣ. И весь воздухъ былъ полонъ тонкой, прохладной пылью, все вокругъ дышало вольной свѣжестью моря. Темнота блѣднѣла все болѣе, и море уже ясно видно было на далекое пространство.

— И мы одни! — сказала она, закрывая глаза отъ вѣтра и какъ бы дополняя словами все, что окружало насъ...

V.

Мы были одни... Обнимая ее, я цѣловалъ ея губы, упиваясь ихъ нѣжностью и влажностью, цѣловалъ глаза, которые она представляла мнѣ, прикрывая ихъ съ улыбкой, цѣловалъ похолодѣвшее отъ морского вѣтра лицо, а когда она сѣла на камень, стала передъ нею на колѣни, обезсиленный своей радостью.

— А завтра?—говорила она надъ моею головою.

И я поднималъ голову и смотрѣлъ ей въ лицо. За мною жадно бушевало море, надъ нами высились и гудѣли тополи...

— Что завтра?—повторилъ я ея вопросъ и почувствовалъ, какъ у меня дрогнуть голосъ отъ слезъ непобѣдимаго счастья.— Что завтра?—сказалъ я, смѣясь, и поцѣловалъ ея грудь сквозъ одежду.—Я, который упивается близостью къ тебѣ, къ твоей красотѣ и молодости, кому ты всѣмъ существомъ своимъ говоришь: я твоя, ты достоинъ меня,—что я могу сказать теперь тебѣ?

Она долго не отвѣчала мнѣ, потомъ протянула мнѣ руку и я сталъ снимать перчатку, цѣлуя и руку, и перчатку и наслаждаясь ихъ тонкимъ, женственнымъ запахомъ.

— Да!—сказала она медленно, и я близко видѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное и счастливое лицо.—Какъ все это похоже на сонъ, на мечты, какъ горько мнѣ почему-то и въ то же время какъ необычно хорошо! Когда я была дѣвушкой, я безъ конца мечтала о счастья, но все оказалась такъ скудно и обыденно, что теперь эта, можетъ быть, единственная счастливая ночь мѣ моей жизни кажется мнѣ не похожей на дѣйствительность и преступной. Завтра все это покажется еще болѣе сномъ, завтра я сама съ ужасомъ вспомню эту ночь, но теперь мнѣ все равно... Я люблю тебя,—говорила она тихо и вдумчиво, какъ бы говоря только для самой себя, и медленно перебирала мои волосы.

Говорила ли она именно такъ и было ли въ дѣйствительности все то, что вспоминается мнѣ? Я не знаю этого, да и нужна ли людямъ только правда и правда?

Рѣдкія, голубоватыя звѣзды мелькали между тучами надъ нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывахъ чернѣли рѣзче, и море все болѣе отдѣлялось отъ далекихъ горизонтовъ. Была ли она лучше другихъ, которыхъ я любилъ, или нѣтъ, я тоже не знаю, но въ эту ночь она была несравненной. И когда я цѣловалъ атласъ платья на ея колѣняхъ, а она въ отвѣтъ на мои безконечныя признанія и планы на будущее тихо смѣялась сквозъ слезы и обнимала мою голову, я смотрѣлъ на нея съ восторгомъ безумія, и въ тонкомъ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное, счастливое и въ то же время усталое лицо казалось мнѣ прекрасно, какъ у бессмертной.

Ив. Бунинъ.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦІИ АКАДЕМІЙ.

Въ настоящемъ году зародилось новое ученое Общество, отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ какъ по грандіознымъ размѣрамъ научныхъ задачъ, которымъ оно намѣрено посвятить свою дѣятельность, такъ и по своему составу. Въ настоящее время, въ моментъ своего зарожденія, оно включаетъ въ себѣ 19 академій, или, правильнѣе, первоклассныхъ Обществъ и, повидимому, все позволяетъ надѣяться, что съ каждымъ годомъ число это будетъ возрастать.

Называется это Общество *Международной Ассоціаціей академій*; названіе не совсѣмъ точное, такъ какъ инициаторами этого Общества были, кромѣ академій (Берлина, Вѣны и Мюнхена), три ученыхъ Общества: Королевское Общество наукъ въ Геттингенѣ, Королевское Общество наукъ въ Лейпцигѣ и Лондонское Королевское Общество *).

Официальное открытіе Международной Ассоціаціи академій послѣдовало 16-го апрѣля (по новому стилю) въ Парижѣ, въ конференцъ-залѣ института (Palais de l'Institut de France).

Открытію его предшествовали двѣ конференціи: въ Висбаденѣ въ 1899-мъ и въ Парижѣ, въ 1900 году.

Исторія возникновенія Международной Ассоціаціи академій слѣдующая: мысль о ея учрежденіи возникла въ 1898 году на съѣздѣ представителей вышепоименованныхъ академій и ученыхъ обществъ. Первое предложеніе нашей академіи о принятіи участія въ этой Ассоціаціи было сдѣлано въ 1898 году со стороны президента Лондонскаго королевскаго Общества, Листера. Въ письмѣ отъ 17-го ноября 1898 года онъ пишетъ: «Въ теченіе прошлыхъ годовъ Королевское Общество неоднократно брало на себя починъ въ ученыхъ предпріятіяхъ, непосильныхъ для одной страны и достигаемыхъ только при участіи нѣсколькихъ государствъ. Еще недавно Королевское Общество имѣло случай убѣдиться на практикѣ въ плодотворномъ соглашеніи между учеными обществами, именно въ Геттингенѣ, на происходившихъ тамъ совѣщаніяхъ делегатовъ Лондонскаго королевскаго Обще-

*) Тѣмъ не менѣе во всемъ послѣдующемъ изложеніи, для набѣжанія недоразумѣній, я буду обозначать всѣ, вошедшія въ составъ Международной Ассоціаціи ученые общества—академіями.

ства съ представителями нѣмецкихъ академій Геттингена, Лейпцига, Мюнхена и Вѣны. Отсюда возникла мысль о возможности установленія тщательно организованныхъ періодическихъ совѣщаній между главнѣйшими академіями для обсужденія научныхъ вопросовъ, требующихъ для разрѣшенія международнаго соглашенія». Для достиженія намѣченной цѣли, Листеръ нашелъ необходимымъ обратиться къ первенствующимъ академіямъ Европы съ предложеніемъ: *угодно ли имъ созывать въ установленные сроки, періодическіе съѣзды или совѣщанія?*

Съ этимъ вопросомъ обратился Листеръ по порученію Совѣта Королевскаго Общества, и къ нашей академіи, присовокупивъ, что если предложеніе это будетъ принято нами сочувственно, то Совѣтъ озаботится присылкой намъ и самаго проекта, когда онъ будетъ выработанъ въ окончательной формѣ. Въ этомъ же письмѣ сообщается, что Совѣтомъ Королевскаго Общества приняты мѣры къ полученію отзывовъ по этому вопросу и отъ другихъ академій важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

Со стороны нашей академіи выражено было Листеру полное сочувствіе его предложенію.

Въ 1899 году непремѣнный секретарь Берлинской академіи наукъ Дильсъ, состоящій членомъ корреспондентомъ Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, увѣдомилъ нашу академію, что, согласно постановленію съѣзда въ Мюнхенѣ нѣмецкихъ академій и по соглашенію съ Королевскимъ Обществомъ въ Лондонѣ, онъ приглашаетъ, отъ имени Берлинской академіи, Императорскую академію наукъ принять участіе въ конференціи, назначенной въ Висбаденѣ» на 9-е и 10-е октября (нов. стиля) и имѣющей цѣлью основаніе Международной Ассоціаціи академій.

Приглашенными Берлинской академіей на конференцію оказались: Королевское Общество наукъ въ Геттингенѣ, Королевское Общество наукъ въ Лейпцигѣ; академіи въ Мюнхенѣ, Парижѣ, Римѣ, Вашингтонѣ и въ Вѣнѣ. Задача конференціи состояла въ томъ, чтобы выработать планъ и способъ совмѣстной, въ случаѣ надобности, научной дѣятельности приглашенныхъ къ участію въ Международной Ассоціаціи ученыхъ обществъ и принятіе мѣръ для облегченія и развитія между ними сношеній и общаго научными предметами.

Принявъ приглашеніе, Академія наша назначила своими делегатами въ Висбаденъ академика Залемана и меня. Въ засѣданіяхъ конференціи приняли участіе делегаты всѣхъ приглашенныхъ академій за исключеніемъ Academia dei Lincei въ Римѣ, приславшей заявленіе сочувствія и въ то же время сожалѣнія, что не можетъ принять участія въ Висбаденской конференціи; въ засѣданіяхъ принимали такимъ образомъ участіе представители девяти академій.

Восьмого октября (27-го сентября) вечеромъ состоялось Собраніе делегатовъ академій съ цѣлью взаимнаго ознакомленія и предваритель-

наго обсужденія вопросовъ, намѣченныхъ въ проектѣ, составленнаго Берлинской академіей устава учреждаемой Ассоціаціи. Кромѣ того на этомъ же Собраніи розданъ былъ еще другой проектъ, *Фостера* и *Будевича*. Оба проекта и послужили основой при обсужденіи устава Ассоціаціи.

Мнѣнія сѣхавшихся делегатовъ оказались на предварительномъ совѣщаніи настолько различными, что многими высказывалось опасеніе относительно возможности достигнуть соглашенія.

Тѣмъ не менѣе, благодаря талантливому веденію преній предсѣдателемъ собранія, берлинскимъ астрономомъ Ауэрсомъ, и дружной работѣ остальныхъ членовъ конференции, проектъ Ассоціаціи удалось выработать въ три Общихъ Собранія. Въ заключеніе редакция его въ окончательной формѣ была принята единогласно. Кромѣ того, на конференціи въ Висбаденѣ выбраны были еще *девять* академій, которымъ рѣшено было послать составленный проектъ устава Ассоціаціи, съ приглашеніемъ присоединиться къ послѣдней.

Приглашены были слѣдующія девять академій: 1) академія въ Амстердамѣ, 2) Брюсселѣ, 3) Буда-Пештѣ, 4) Христіаніи, 5) Копенгагенѣ, 6) Мадридѣ, 7) Академія надписей и словесности въ Парижѣ, 8) Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ и 9) Академія въ Стокгольмѣ. Въ заключеніе положено было:

1) Сообщить рѣшенія конференціи участвовавшимъ въ ней академіямъ и ученымъ обществамъ, а также и Академіи dei Lincei въ Римѣ.

2) Просить вышеназванныя академіи сообщить Берлинской академіи свои сужденія о проектѣ Ассоціаціи, которая взяла на себя трудъ доставить вышеназваннымъ академіямъ всѣ имѣющія поступить заявленія, а также и свое заключеніе по этому предмету.

3) Считать статуты Ассоціаціи вошедшими въ силу, по полученіи согласія отъ шести академій.

По предложенію Лондонскаго Королевскаго Общества, мѣстомъ перваго официальнаго собранія Ассоціаціи избрали Парижъ и предполагено собраться въ 1900 году.

Въ 1900 году послѣдовало однако отъ Парижской Академіи наукъ приглашеніе не на сѣздъ, а на вторую предварительную конференцію, состоявшуюся 31-го іюля и продолжавшуюся два дня.

Конференціи этой предложены были на обсужденіе слѣдующіе предметы:

- 1) проектъ правилъ комитета;
- 2) предложенія, поступившія отъ Лондонскаго Королевскаго Общества, академіи Берлинской и Парижской академіи наукъ;
- 3) проектъ измѣненія статутовъ, предложенный Національной Академіей въ Вашингтонѣ, сопровождаемый сочувственнымъ отзывомъ Лондонскаго королевскаго Общества;
- 4) опредѣленіе юридическихъ правъ Ассоціаціи на принятіе пожертвованій;

б) распредѣленіе занятій на предстоящемъ общемъ собраніи Ассоціаціи и назначеніе дня открытія перваго съѣзда Международной Ассоціаціи академій.

Конференціей этой установлены правила для комитета; остальные же предложенія рѣшено было передать на обсужденіе ближайшаго общаго собранія Международной Ассоціаціи, заблаговременно оповѣстивъ о нихъ вошедшія въ составъ Ассоціаціи академій. Определенъ, кромѣ того, порядокъ занятій на предстоящемъ общемъ собраніи, двумъ открытія котораго назначено 16-ое апрѣля (по новому стилю) 1901 года, въ конференцъ залѣ Парижскаго института.

Согласно постановленію конференціи и состоялось 16-го апрѣля, въ 9^{1/2} часовъ утра, въ конференцъ-залѣ института первое общее собраніе Международной Ассоціаціи академій. Въ собраніи приняли участіе 19 вошедшихъ въ Ассоціацію академій; число назначенныхъ делегатовъ достигло 72; за немногими исключеніями, всѣ присутствовали. Засѣданіе было открыто непремѣннымъ секретаремъ института Дарбу, который, состоя предсѣдателемъ комитета, былъ избранъ и предсѣдателемъ Общаго Собранія.

Привожу дословный переводъ его блестящей рѣчи, которая, кромѣ привѣтствія, обращеннаго къ членамъ Ассоціаціи, заключаетъ и разъясненіе важнаго значенія ассоціаціи для успѣшной и дружной разработки научныхъ вопросовъ вообще и въ особенности вопросовъ, непосильныхъ не только для одного лица, но и для отдѣльной націи:

Милостивые государи и дорогіе товарищи!

Наша юная Ассоціація, основанная лишь четырнадцать или пятнадцать мѣсяцевъ назадъ, выполняетъ послѣдовательно и при самыхъ счастливыхъ преданаменованіяхъ все подготовленное и предусмотрѣнное уставомъ. 19-го и 20-го сего марта прошлаго года, имѣя за собою всего 6 недѣль существованія, она принесла свои искреннія поздравленія Берлинской академіи, по случаю правднованія послѣднею дружотствія со дня ея основанія. 31-го прошлаго іюля мѣсяца здѣсь собрались всѣ, кого можно назвать «исполнительною властью» — комитетъ нашей Ассоціаціи. Сегодня мы открываемъ наше первое Общее Собраніе и можемъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать, что всѣ Академіи, составляющія Ассоціацію (академіи учредительницы) отвѣтили на сдѣланное приглашеніе. Оцѣнивъ вполнѣ важность этого перваго собранія, онѣ позаботились о возможно полномъ своемъ представительствѣ на собраніи. Изъ 18-ти академій, составляющихъ Ассоціацію, только одна, Вашингтонская, не будетъ имѣть представителя. Делегатъ, ея профессоръ Линкольнъ Гоудаль, директоръ ботаническаго сада Гарвардскаго университета, вдержанный упорнымъ гриппомъ въ Женевѣ, прислалъ намъ заявленіе искренняго сожалѣнія, что лишенъ возможности участія въ нашемъ собраніи. Желая быстро и полнаго выздоровленія сотоварищу, объ отсутствіи котораго очень сожалѣемъ, мы привѣтствуемъ въ то же время сердечно отъ имени французскаго правительства всѣхъ делегатовъ, здѣсь присутствующихъ. Институтъ, гостепріимно раскрывъ двери делегатамъ, постарается сдѣлать возможно приятнымъ ихъ пребываніе среди насъ. Пусть они увесутъ самыя лучшія воспоминанія о недѣлѣ, которую мы употребимъ вмѣстѣ съ ними на организацію дѣла, ради котораго мы соединились здѣсь. Что это дѣло вполнѣ отвѣчаетъ насущной потребности, доказываетъ быстрота, съ которой применили приглашенныхъ къ участію въ немъ ученыхъ корпораціи. Прошло

время (о которомъ нѣкоторые и теперь сожалѣютъ), когда научная работа велась въ разбродъ, когда произведеніе ученаго или писателя являлось трудомъ ученаго, замкнувшагося въ своемъ кабинетѣ.

Еще въ началѣ 17-го вѣка канцлеръ Бэконъ призналъ необходимымъ предположить учрежденіе ассоціаціи для научныхъ разслѣдованій, съ цѣлью расширить знаніе и могущество людей до послѣднихъ предѣловъ.

Одаренный могущественнымъ воображеніемъ Бэконъ выработалъ до мельчайшихъ подробностей планъ этого любопытнаго учрежденія, названнаго имъ «le Collège de l'oeuvre de six jours ou la maison de Salomon». Въ зданіи этомъ предполагалось устроить башни и пещеры, пруды, колодцы, сады, лабораторіи, и снабдить его инструментами и машинами. Многочисленные, предполагаемые члены этого учрежденія, подъ разными причудливыми наименованіями, какія только Бэконъ умѣлъ придумывать, должны были распредѣлить между собою возлагаемыя на нихъ работы, состоящія въ разнообразныхъ теоретическихъ изысканіяхъ, командировкахъ за границу, въ обученіи наукамъ и ихъ приложеніи къ жизни. Полный вѣры въ свои идеи, Бэконъ испрашивалъ у своего государя средства для немедленнаго осуществленія задуманнаго имъ учрежденія, твердо памятуя, что, по прекрасному выраженію Кондорсе, «бываютъ препятствія, преодолѣть которыя можетъ только время, и имѣются работы не разрѣшимыя безъ твердой и продолжительной къ одной опредѣленной цѣли, направленной воли, безъ громаднхъ средствъ и дружныхъ усилій большаго числа ученыхъ».

Вы знаете, милостивые государи, что проектъ Бэкона не былъ осуществленъ: я прибавлю, что и въ настоящее время не могъ бы осуществиться. Наука, понимаемая ее въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, заняла въ современномъ обществѣ столь большое мѣсто, что изученіе ея не можетъ быть ограничено какимъ-нибудь однимъ учрежденіемъ, какъ бы широко послѣднее ни задумано. Даже академіи и университеты не могутъ вмѣстить ее; расширяя непрерывно свои предѣлы и распространяя повсюду свое благодѣтельное вліяніе, она проникла въ фабрики, лабораторіи, въ жилище рабочаго, въ хижину крестьянина. Непрерывный рядъ одержанныхъ ею побѣдъ и ея успѣхи въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ настолько подняли ея значеніе, что она ставитъ въ настоящее время на очередь вопросы непосильные одной какой-либо націи, какого бы могущества она ни достигла,—вопросы, доступные лишь при дружныхъ усиліяхъ все-возрастающаго числа цивилизованныхъ народовъ. Нѣсколько частныхъ вопросовъ уже разрѣшались этимъ путемъ, о которыхъ врядъ ли нужно напоминать Вамъ, каковы напр. труды Палаты мѣръ и вѣсовъ, Геодезической международной ассоціаціи, ассоціаціи для составленія карты неба и многія другія, которыхъ я не буду перечислять въ настоящую минуту. Въ сегодняшній день одна среди нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по важной роли, которую она сыграла въ быстромъ развитіи нашей Ассоціаціи—это предпріятіе изданія международнаго каталога по научной литературѣ (естествознанію и математикѣ); предпріятіе, возникшее всецѣло по почину Королевскаго Общества. Это знаменитое Общество, проявившее въ проведеніи намѣченной имъ цѣли необычайную стойкость и послѣдовательность, доложить Вамъ о блестящемъ положеніи ея предпріятія и обратиться къ Вамъ съ просьбой о нравственной поддержкѣ, въ которой конечно Вы не откажете.

Наша Ассоціація, господа, какъ Вы знаете, имѣетъ цѣлью закрѣпить выдержавшую съ успѣхомъ неоднократныя испытанія международную кооперацію и сдѣлать ее явленіемъ нормальнымъ и всеобщимъ.

Задача, которую мы себѣ поставили, можетъ показаться трудной, но исполненіе ея сдѣлалось необходимою; пусть воодушевляющія насъ чувства вселятъ въ насъ увѣренность въ успѣхъ и въ томъ, что, соединенными силами, мы преодолѣемъ всѣ трудности. Ассоціація наша, воплощая въ видимой и постоянной формѣ «Всемирную академію», подготовленную и желанную въ мысляхъ Лейбни-

домъ, предчувствія котораго частью уже осуществились, частью же сбываются передъ нами, оказать цивилизаціи услуги, значеніе которыхъ по истинѣ трудно преувеличить.

Благодаря ей, ученый, предающійся самымъ труднымъ и абстрактнымъ изысканіямъ, перестанетъ чувствовать себя одинокимъ, сохраняя въ тоже время полную независимость—первое благо и необходимѣйшую потребность изслѣдователя.

Сближая занимающихся одною отраслюю знанія въ разныхъ академіяхъ, доставляя имъ возможность, если пожелаютъ, работы сообща, предлагая на усмотрѣніе правительствамъ проекты предпріятій необходимыхъ или желательныхъ, съ указаніемъ осуществленія ихъ наилучшимъ способомъ и съ наибольшей экономіей, и содѣйствуя, чрезъ приговорительное соглашеніе ученыхъ въ теоритическомъ отношеніи, соглашенію народовъ въ практическихъ вопросахъ, Ассоціація наша быстро превратится въ могучее орудіе мира и прогресса.

Твердо убѣжденный въ этомъ, я объявляю первое Общее Собраніе Международной Ассоціаціи академій открытымъ.

По выслушаніи рѣчи Дарбу, приступлено было къ выбору должностныхъ лицъ. Оказались выбранными: почетными предсѣдателями: Момизенъ (Берлинъ), Фостеръ (Лондонъ), Гуїе (Амстердамъ), Бертело и Гастонъ Буассіе (Парижъ); вице-президентомъ Дильсъ (Берлинъ); секретарями общаго Собранія: Гомперцъ (Вѣна) и Муассанъ (Парижъ).

Обсужденію Общаго Собранія Ассоціаціи подлежали двѣ совершенно различныя задачи: 1) окончательный пересмотръ и утвержденіе статутовъ ассоціаціи и 2) починъ дѣятельности по разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Цѣннымъ матеріаломъ при обсужденіи статутовъ послужилъ выработанный на двухъ предварительныхъ конференціяхъ проектъ этихъ статутовъ. Проектъ этотъ былъ принятъ почти цѣликомъ и потребовалось лишь дополнить его нѣсколькими вновь выработанными положеніями, между прочимъ съ цѣлью согласовать его съ замѣчаніями, представленными академіями касательно нѣкоторыхъ параграфовъ проекта.

Иллюстраціей дѣятельности Ассоціаціи по отношенію къ научнымъ задачамъ можетъ послужить нижеслѣдующій, въ краткихъ словахъ обрисованный характеръ задачъ, предложенныхъ Ассоціаціи для разработки и рѣшеніе ея по этимъ вопросамъ.

Изъ всѣхъ предложенныхъ темъ только одна была внесена на разсмотрѣніе Общаго Собранія: это проектъ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ, именно: полное изданіе сочиненій Лейбница.

Мотивы и высокое научное значеніе предложеннаго изданія трудовъ Лейбница превосходно были иллюстрированы академикомъ Брошаромъ, рѣчь котораго я привожу дословно:

«Академія моральныхъ и политическихъ наукъ предложила Международной Ассоціаціи приготовить полное изданіе сочиненій Лейбница. Она полагаетъ, что въ моментъ, когда первый разъ собирается Международная Ассоціація академій, нельзя сдѣлать ничего лучшаго, какъ почтить память великаго мыслителя, который принадлежитъ не только Германіи, но всему человѣчеству, что наши нѣмецкіе товарищи въ-

ротяно не будутъ оспаривать. Научная дѣятельность Лейбница столь обширна, что интересуется болѣе или менѣе ученыхъ всего міра, независимо отъ предмета изслѣдованія, и, не преувеличивая можно сказать, что Лейбницъ, какъ бы, воплощаетъ идею, которую мы стараемся осуществить теперь. Онъ—сама всемирность. Съ 22-хъ лѣтъ онъ мечталъ объ устройствѣ Библиографическаго Обзорнія, инвентаря всѣхъ человѣческихъ знаній, энциклопедіи, совмѣщающей въ дедуктивной формѣ всѣ науки. Всю жизнь онъ былъ озабоченъ мыслью о созданіи всемірнаго языка или письма. Наконецъ, какъ удачно указалъ въ своей рѣчи президентъ Дарбу, у него перваго явилась мысль организовать федерацію ученыхъ обществъ. Онъ былъ предтеча нашей Ассоціаціи и справедливость требуетъ, чтобы ему былъ посвященъ нашъ первый трудъ.

«Новое изданіе трудовъ Лейбница особенно желательно потому, что удовлетворительнаго изданія его работъ не имѣется. Члены Ассоціаціи имѣютъ передъ собою очень ясно составленную замѣтку одного изъ нашихъ извѣстныхъ молодыхъ философовъ, г. Лудовика Кутюра (M. Louis Couturat), котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ французское правительство командировало въ Германію для изслѣдованія въ Ганноверской библіотекѣ неизданныхъ манускриптовъ Лейбница; въ близкомъ будущемъ имъ будетъ выпущенъ въ свѣтъ томъ еще неизданныхъ сочиненій этого философа. Изъ упомянутой замѣтки уже видно, что въ настоящую минуту почти невозможно одному ученому достать всѣ опубликованныя произведенія Лейбница, разсѣянные въ большемъ числѣ различныхъ изданій. Изъ имѣющихся изданій Лейбница наиболѣе полное принадлежитъ Дугенсу (de Dutens) 1768 г. Изданіе Фуше де Кариль (Fouché de Careil) 1851—1857, Онно Клоппъ (d'Onno Klopp) 1864—1884, Ердмана (d'Erdmann), Гергарда (de Gerhardt) содержатъ лишь часть произведеній Лейбница. Нѣкоторыя изъ нихъ даже оставляютъ еще многого желать въ отношеніи точности. Отдѣльные трактаты, важныя письма разсѣяны во множествѣ Обзорній и Сборниковъ и никогда не были соединены. Наконецъ, въ библіотекѣ въ Ганноверѣ существуетъ большое число неизданныхъ манускриптовъ, каталогъ которыхъ библіотекаръ Бодмонъ издалъ въ 1889 и 1895 годахъ. Собраніе это—настоящее сокровище, остававшееся неизвѣстнымъ; теперь настала пора ознакомить съ нимъ общество. Г. Кутюра, имѣвшій подъ руками часть манускриптовъ, любезно сообщилъ мнѣ нѣкоторые изъ нихъ. Хотя большая часть мыслей, изложенныхъ въ нихъ, находится уже въ другихъ произведеніяхъ Лейбница, я могъ констатировать, что изученіе ихъ представляетъ высокій интересъ, потому что онѣ освѣщаютъ нѣкоторые важные пункты философіи Лейбница, выясняютъ ея послѣдовательность и значеніе и позволяютъ даже истолковать болѣе точно, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ, нѣкоторые главные пункты его доктрины. Было бы даже излишнимъ настаивать на интересѣ, кото-

рый представляет для всѣхъ работниковъ по разнымъ отраслямъ науки опубликованіе писемъ, замѣтокъ, размышленій и корректуръ, сдѣланныхъ рукою Лейбница.

«Не слѣдуетъ, впрочемъ, скрывать отъ себя, что изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, представитъ массу затрудненій. Богатство одной Ганноверской библіотеки таково, что, не считая писемъ и неизданныхъ работъ, сохраняющихся въ другихъ библіотекахъ, по расчету г. Кутюра потребуется приблизительно отъ 130 до 140 томовъ для ихъ изданія. Насчитываютъ болѣе 15 тысячъ писемъ. Иногда встрѣчаются нѣсколько копій одной работы, написанныхъ секретарями и помѣченныхъ рукою Лейбница, съ поправками иногда противорѣчивыми и безъ обозначенія времени появленія. Надо будетъ или печатать все, или дѣлать выборъ, что представляется необычайно опаснымъ. Наконецъ, одинъ издатель не будетъ въ состояніи выполнить предстоящаго дѣла. Необходима кооперація нѣсколькихъ работниковъ: математика, философа, теолога, юрисконсульта, историка, и всѣ они, вслѣдствіе большого числа и важности писемъ, должны быть свѣдущи по исторіи литературы XVII-го столѣтія.

«Каковы бы ни были затрудненія, они все-таки не должны служить препятствіемъ предпріятію Международной Ассоціаціи. Всѣ великіе философы двухъ послѣднихъ вѣковъ имѣли своихъ издателей. Викторъ Кузенъ (Victor Cousin) напечаталъ труды Декарта, а гг. Адамъ и Таннери (M.M. Adam et Tanneu) приготавливаютъ еще болѣе совершенное его изданіе, нѣсколько томовъ котораго уже появилось. Прекрасное изданіе Спинозы появилось по случаю чествованія его столѣтія. Германія воздвигаетъ памятникъ Канту, достойный его. Одинъ Лейбницъ оказался забытымъ. Въ этомъ несправедливость судьбы, которую надо скорѣе исправить, и никто не способенъ лучше довести до конца такое дѣло, какъ Международная Ассоціація академій».

Согласно предложенію избранной для обсужденія этого вопроса коміссіи положено: къ слѣдующему Общему Собранію Ассоціаціи представить планъ изданія Лейбница и поручить Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ Академіи наукъ въ Парижѣ и Академіи наукъ въ Берлинѣ избрать по одному делегату—директоровъ, для веденія этого предпріятія. На этихъ трехъ лицъ возложены слѣдующія порученія: 1) обратиться ко всѣмъ библіотекамъ и публичнымъ книгохранилищамъ съ просьбою указать всѣ статьи, полезныя для этого изданія; 2) составить описательный или систематическій каталогъ этихъ статей; 3) приготовить подробно разработанный проектъ изданія.

Директорамъ предоставляется выбирать себѣ помощниковъ, вошедшія же въ составъ Международной Ассоціаціи академіи будутъ приглашены избрать делегатовъ изъ ученыхъ, какъ для веденія корреспонденціи съ директорами, такъ и для оказанія послѣднимъ всевозможной поддержки, гдѣ это потребуется.

Вышеозначенныя предложенія были единогласно приняты Общимъ Собраніемъ.

Остальныя темы работъ имѣли болѣе спеціальныи характеръ и обсуждались по секціямъ; въ физико-математическую секцію поступило три предложенія, въ историко-филологическую шесть.

Они почти всѣ были одобрены и приняты Общимъ Собраніемъ Ассоціаціи, но одни цѣликомъ безъ измѣненія, другія условно съ болѣе или менѣе значительной оговоркой.

Изъ предложеній, внесенныхъ въ физико-математическую секцію, наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ является измѣреніе дуги 30-го меридіана, въ Африкѣ, съ цѣлью опредѣлить съ возможно большею точностью размѣры и форму земли.

Предложеніе это сдѣлано по почину Лондонскаго Королевскаго Общества Давидомъ Гиллемъ (Gill); предполагаемая къ измѣренію дуга этого меридіана достигаетъ длины 7000 километровъ; она будетъ примыкать къ дугѣ меридіана, измѣренной Струве въ Россіи, и вмѣстѣ съ послѣдней достигнетъ длины 11.600 километровъ, что составитъ болѣе четверти всего меридіана.

Спеціально выбранная для разсмотрѣнія предложенія г. Давида Гилля геодезическая комиссія отвеслась съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ проекту измѣренія 30-го меридіана; она нашла, что положеніе дуги меридіана въ Африкѣ, которую предположено измѣрить, особенно благоприятно въ томъ отношеніи, что она простирается по обѣ стороны экватора. Комиссія, между прочимъ, выразила желаніе, чтобы на каждой геодезической станціи опредѣлена была широта мѣстности, и указала на высокій интересъ присоединенія къ геодезическимъ измѣреніямъ—наблюденія надъ тяжестью, земнымъ магнетизмомъ и производство геологическихъ изслѣдованій.

Секція, а затѣмъ и Общее Собраніе Ассоціаціи приняли отчетъ комиссіи единогласно.

Второе предложеніе состояло въ принятіи Ассоціаціей подъ свое покровительство учрежденной на международномъ съѣздѣ физиологовъ въ Кэмбриджѣ, въ августѣ 1898 года, комиссіи, съ цѣлью изысканія способовъ контроля регистрирующихъ аппаратовъ, употребляемыхъ при физиологическихъ розысканіяхъ. Предложеніе это внесено было на обсужденіе Ассоціаціи Парижской Академіей наукъ съ сочувственнымъ отзывомъ съ ея стороны.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ директору физиологической станціи въ Парижѣ г. Марееу (Marey), который внесъ въ Ассоціацію докладъ по этому предмету. Спеціальная комиссія, разсмотрѣвъ проектъ г. Марееа, вполне согласилась съ его заключеніями, которыя затѣмъ единогласно были одобрены секціей и Общимъ Собраніемъ.

Третье предложеніе, касающееся назначенія особой комиссіи для разработки исторіи развитія человѣка и животныхъ, а также и ана-

томѣ мозга, сдѣлано было Королевскимъ Саксонскимъ Обществомъ наукъ. Положено: 1) предложить обсужденіе организаціи международной разработки по вопросамъ эмбриологіи животныхъ и человека—спеціальнымъ обществамъ (анатомическимъ); 2) образовать при Ассоціаціи комиссію для разработки сообща анатоміи мозга и поручить ей выработать планъ учрежденія системы международныхъ институтовъ, съ цѣлью совершенствованія методовъ разслѣдованія, собранія по однообразному прѣму матеріала, который былъ бы доступенъ всякому ученому для пользоваія.

Наконецъ, физико-математическому отдѣленію предложено было на обсужденіе сообщеніе Лондонскаго Королевскаго Общества касательно *международной библиографіи по точнымъ наукамъ*, изданіе которой оно взяло на себя. Президентъ секціи Дарбу въ краткихъ словахъ изложилъ исторію возникновенія этого предпріятія и воздалъ должныя похвалы неутомимой энергіи инициаторовъ его—членовъ Лондонскаго Королевскаго Общества. Изъ сообщеній присутствующихъ делегатовъ академій выяснилось, что дѣло это въ большей части странъ уже въ ходу; въ заключеніе, Предсѣдатель предложилъ секціи выразить Лондонскому Королевскому Обществу глубокую признательность за починъ и веденіе этого важнаго дѣла; предложеніе президента было принято секціей.

Въ историко-филологическую секцію поступили слѣдующіе проекты:

1. Отъ имени Баварской Академіи Наукъ—изданіе полнаго собранія *греческихъ актовъ* (Corpus der Griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit) среднихъ вѣковъ и болѣе новаго времени. Спеціальная комиссія, 6 голосами противъ одного, предложила секціи сформулировать рѣшеніе свое слѣдующимъ образомъ:

1) Общее собраніе Ассоціаціи академій (т.-е. историко-филологическая секція) одобряетъ въ принципѣ проектъ изданія греческихъ документовъ, предложенное Мюнхенской академіей.

2) Академіи, сочувствующія этому проекту, выберутъ, посредствомъ переписки, комиссію для выработки окончательнаго плана и для изученія деталей, касающихся изданія.

3) Комиссія представитъ окончательный планъ изданія для санкціи ближайшему Общему Собранію Ассоціаціи. При голосованіи эти предложенія были приняты большинствомъ академій; одна только Берлинская академія высказалась противъ этого проекта; академіи Буда-Пешта и Христіаніи воздержались отъ голосованія.

2. *Изданіе энциклопедіи Ислама* предложено было совмѣстно академіями Лейпцига, Вѣны и Мюнхена. Единогласно была признана польза такого изданія и, за исключеніемъ академій Мюнхена и Берлина, положено передать проектъ на обсужденіе особой комиссіи; г. Хоутсма (Houtsma), издавшій въ Лейденѣ въ 1889 г. образчикъ предложенной энциклопедіи, назначенъ главнымъ редакторомъ этой комиссіи.

3) *Новое критическое изданіе Махабхараты*. Положено просить англійское правительство оказать возможно большее содѣйствіе и употребить свое вліяніе и всѣ возможные средства для составленія полнаго и систематическаго списка имѣющихся въ различныхъ частяхъ Индіи манускриптовъ Махабхараты, представляющихъ какую-либо цѣнность для этого изданія. Само же критическое изданіе текста признано преждевременнымъ.

4) Проекты, касательно изданія полнаго собранія мозаикъ (*Congrus des Mosaïques*) языческихъ и христіанскихъ до IX-го вѣка включительно, а равно и проектъ *учрежденія спеціальной органа* для печатанія, по мѣрѣ надобности, открываемыхъ надписей, за исключеніемъ греческихъ, латинскихъ и семитическихъ, положено подвергнуть предварительному обсужденію посредствомъ корреспонденціи и отложить ихъ обсужденіе до слѣдующаго собранія въ Лондонѣ.

5) Такое же рѣшеніе принято и касательно проекта о *гражданскихъ правахъ иностранцевъ* въ различныхъ государствахъ и предложеніе организаціи изданія по *древней нумизматикѣ*.

Изъ перечня подвергнутыхъ разсмотрѣнію Общаго Собранія Ассоціаціи проектовъ предполагаемыхъ разслѣдованій и послѣдовавшихъ рѣшеній съ достаточною рельефностью обрисовывается ея характеристика.

Представляя изъ себя союзъ 19-ти первоклассныхъ ученыхъ обществъ (академій), Ассоціація поставила своею задачею разработку вопросовъ, непосильныхъ для отдѣльной академіи. Мысль эта успѣла приобрести всеобщія симпатіи и уже послѣдовали въ ассоціацію запросы отъ частныхъ лицъ относительно способовъ передачи пожертвованій въ ея пользу.

Настоящая дѣятельность Международной Ассоціаціи академій представляетъ еще, однако, лишь первые, нетвердые шаги по намѣченному ею пути. Хотя о будущемъ приходится говорить лишь съ большою осторожностью, я позволю себѣ, въ немногихъ словахъ, набросать представляющуюся мнѣ картину дальнѣйшаго развитія дѣятельности Ассоціаціи и ея высокаго значенія въ будущемъ въ развитіи человѣческой мысли и знаній.

Мы видѣли, что дѣятельность и цѣль Ассоціаціи въ настоящее время сводится къ тому, чтобы содѣйствовать всѣми мѣрами выполненію ученыхъ предпріятій, непосильныхъ не только одному лицу, но и отдѣльной націи. Главной задачей своей Ассоціація считаетъ поэтому осуществленіе возможно широкаго и легкаго общенія, какъ между отдѣльными учеными, такъ и учеными обществами всѣхъ странъ земного шара, съ цѣлью работы сообщца по заранѣе строго обдуманному и разработанному плану. Для возможной гарантіи, какъ научной цѣнности, такъ и сужденія о возможности выполненія предлагаемыхъ задачъ, Ассоціація постановила принимать къ разсмотрѣнію лишь

предложенія, предварительно одобренныя одной изъ вошедшихъ въ составъ академій, и при томъ съ непремѣннымъ еще условіемъ, чтобы проекты, предлагаемые академіями ассоціаціи, были доставлены въ комитетъ не позже, какъ за три мѣсяца до общаго собранія; послѣднее условіе поставлено для того, чтобы и остальные академіи могли быть ознакомлены съ проектами до общаго собранія и могли бы предстать на него уже съ совершенно опредѣленнымъ мнѣніемъ касательно каждаго изъ нихъ.

Кромѣ того, для возможно болѣе гарантіи успѣха въ исполненіи намѣченныхъ ученыхъ предпріятій, учреждаются, по заявленію нѣсколькихъ или даже одной академіи, спеціальныя комиссіи для детальнаго изученія мѣропріятій предложенныхъ для осуществленія проектовъ. Члены комиссій избираются академіями изъ спеціалистовъ по трактуемому вопросу независимо отъ того, состоятъ ли они членами академій. Но н этимъ спеціальнымъ комиссіямъ не предоставляется окончательное рѣшеніе по разсматриваемому вопросу. Комиссіи обязаны передать свои рѣшенія предсѣдателю комитета Ассоціаціи; послѣднему предоставляется право, если онъ найдетъ нужнымъ, передать рѣшеніе комиссіи до сообщенія донесенія комиссіи академіямъ на разсмотрѣніе комитета; а комитетъ уполномоченъ, если окажется желательнымъ получить болѣе обстоятельныя указанія отъ комиссіи, переслать донесеніе обратно въ комиссію.

Изъ вышеприведеннаго видно, какими строгими требованіями обставленъ выборъ ученыхъ предпріятій ассоціаціи.

Воздерживаясь отъ непосредственнаго принятія проектовъ отъ частныхъ лицъ, ассоціація не лишаетъ въ то же время никого изъ ученыхъ возможности участія въ ея научной дѣятельности. Всякій имѣетъ возможность предстать передъ ассоціаціей съ планами разработки научныхъ вопросовъ, но долженъ сдѣлать это при посредствѣ одной изъ академій, входящихъ въ составъ ассоціаціи. Каждой академіи предоставлено посылать на общее собраніе ассоціаціи неограниченное число делегатовъ и при томъ не только изъ среды своихъ сочленовъ, но и изъ постороннихъ ученыхъ, если содѣйствіе послѣднихъ представится желательнымъ при обсужденіи представленныхъ проектовъ. Этимъ послѣднимъ ученымъ постановлено предоставлять во время съезда ассоціаціи пользованіе всѣми правами и льготами, наравнѣ съ постоянными ея членами. Ученый же, представившій проектъ, одобренный одною изъ академій получаетъ кромѣ того возможность лично участвовать при обсужденіи его и защищать и проводить свое предположеніе во всѣхъ инстанціяхъ ассоціаціи.

Наконецъ, посторонніе ассоціаціи ученые принимаются въ члены международныхъ комиссій, выбираемыхъ для обсужденія и разработки способовъ осуществленія намѣченныхъ задачъ. Комиссіи эти назначаются еще во время съезда Общимъ Собраніемъ или отдѣльной секціей

сѣзда, или же въ промежуткѣ времени между сѣздами, комитетомъ Ассоціаціи или одною изъ его секцій.

Международная Ассоціація академій не только не представляетъ по этому характера замкнутого въ себѣ кастоваго учрежденія, но, напротивъ того, стремится привлечь къ участию въ своей дѣятельности всякаго, интересующагося прогрессомъ человѣческихъ знаній. Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, и гарантія ея дальнѣйшаго расцвѣта.

Ассоціаціи, поставивъ себѣ одною изъ главнѣйшихъ задачъ содѣйствіе преимущественно научнымъ предпріятіямъ, представляющимъ общій интересъ, предстоитъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ расширить районъ своей дѣятельности; ей придется обратить не меньшее вниманіе на вопросы, требующіе для своего рѣшенія многочисленныхъ работниковъ, но въ періодъ времени, далеко превосходящій краткосрочную жизнь человѣка. Разговоры и предложенія на эту тему уже раздавались на сѣздѣ Ассоціаціи, но были въ настоящее время отклонены въ виду несравненно большей ихъ сложности и трудности при выполненіи, въ особенности для нарождающейся Ассоціаціи.

Случаи преимущества наблюденій въ продолженіи вѣковъ, конечно, не новость въ наукѣ. Таковы напр., поддающіяся точному вычисленію небесныя явленія, напр., затмѣнія солнечныя и лунныя; прохожденія планетъ по диску солнца, періодическія явленія кометъ. Не новость и то, что при изученіи исторіи любой изъ наукъ по естествознанію, развитіе ея представляется идущимъ совершенно такимъ же раціональнымъ путемъ, какъ будто имѣющіяся разслѣдованія произведены однимъ лицомъ, работавшимъ въ продолженіи истекшихъ вѣковъ. Это впечатлѣніе невольно навязывается всякому при изученіи въ хронологическомъ порядкѣ твореній великихъ ученыхъ, которые яркими факелами освѣщаютъ путь, по которому слѣдовалъ въ своемъ могучемъ, побѣдоносномъ шествіи человѣческій геній въ каждой изъ отраслей нашего знанія.

Сознаніе неразрывной связи настоящаго міровоззрѣнія, а вмѣстѣ съ нимъ и остальныхъ сторонъ нашей жизни со всѣмъ предшествующимъ съ одной стороны и съ грядущими вѣками съ другой, и есть тотъ сильный, жизненный нервъ, который даетъ возможность мириться съ кратковременною и скоропреходящею ролью индивидуальнаго существованія.

Закрѣпленіе этой преимственности и духовной связи съ прошедшимъ и съ будущимъ представляетъ, по моему мнѣнію, одну изъ наиболѣе заманчивыхъ и плодотворныхъ задачъ Международной Ассоціаціи академій.

Пояснить свою мысль я позволю себѣ на частномъ примѣрѣ, который заимствую изъ наиболѣе близкой мнѣ науки—біологіи.

Нѣтъ въ настоящее время біолога, который бы началъ возражать противъ общепринятаго ученія о происхожденіи наиболѣе сложныхъ формъ животныхъ и растений изъ простѣйшихъ путемъ постепеннаго

осложненія ихъ организаціи; однимъ словомъ: считается общепринятымъ ученіе объ *эволюціи* организмовъ, частнымъ случаемъ котораго является теорія Дарвина. Въ то же время, однако, мы не имѣемъ ни въ животномъ, ни въ растительномъ царствѣ ни одного непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ простой формы въ болѣе сложную. Объясняется это обыкновенно тѣмъ, что процессъ осложненія, совершаясь крайне медленно и постепенно, требуетъ для замѣтнаго проявленія своего сотни вѣковъ или даже тысячелѣтій; и большинство ученыхъ считаетъ его поэтому навсегда недоступнымъ для рѣшенія опытнымъ путемъ.

Я же беру на себя смѣлость утверждать, что заявленіе это ни на чемъ серьезномъ не основано, и я склоненъ объяснять отсутствіе фактическихъ данныхъ касательно эволюціи несовершенствомъ примѣняемыхъ для этой цѣли въ настоящее время опытовъ и наблюденій и трудностью разрѣшенія этого вопроса путемъ непосредственнаго наблюденія. Самый же вопросъ объ эволюціи представляется мнѣ разрѣшимымъ, и я позволю себѣ прибавить, что льщу себя надеждою, что разъясненіе его путемъ опытовъ можетъ наступить не въ очень далекомъ будущемъ при помощи слѣдующаго приема.

Наиболѣе подходящимъ исходнымъ объектомъ могутъ служить простѣйшія инфузоріи, водоросли, бактеріи и грибы. Въ настоящее время уже имѣется возможность полученія абсолютно чистой культуры довольно большого числа простѣйшихъ организмовъ; съ каждымъ днемъ приемы эти совершенствуются и не подлежитъ сомнѣнію, что преодолѣніе встрѣчающихся еще препятствій есть лишь вопросъ времени. Достигнувъ возможности производить опыты и наблюденія съ условіемъ полной асептики, предстоитъ вести культуру простѣйшихъ организмовъ при возможно большей комбинаціи и варіаціи внѣшнихъ условій: преимущественно свѣта, температуры и состава пищи и при томъ или одного какого-либо организма, или двухъ, или даже большого числа, въ надеждѣ уловить возможные случаи ихъ симбіоза, который, какъ показали опыты надъ лишайниками, можетъ оказаться однимъ изъ могущественныхъ факторовъ въ эволюціи, какъ растений, такъ и животныхъ.

Среди необъятной массы видоизмѣненій въ развитіи простѣйшихъ, обнаружатся, по моему мнѣнію, какъ частный случай, и условія всѣми въ теоріи признаваемой эволюціи организмовъ.

Задача эта непосильная для одного ученаго, отчасти вслѣдствіе короткаго періода человѣческой жизни, представляется, однако, разрѣшимою при участіи ученыхъ нѣсколькихъ поколѣній. Изъ этого ясно, какое благотворное и могучее вліяніе на успѣхъ предпріятія можетъ оказать производство наблюденій и опытовъ по заранѣе строго обдуманному и намѣченному плану. Изложеніе его въ видѣ обширнаго трактата, охватывающаго въ деталяхъ и систематическомъ описаніи всего сырого, имѣющагося уже матеріала, а равно и употребляе-

мыхъ уже для культуръ простѣйшихъ приѣмовъ и, наконецъ, предложенія касательно возможнаго совершенствованія ихъ является крайне желательнымъ.

Превосходнѣйшимъ средствомъ для возможно большаго совершенства подобныхъ проектовъ представляется мнѣ предварительная оцѣнка и обсужденіе ихъ Международной Ассоціаціей академій въ специальныхъ коммиссіяхъ и Общимъ Собраніемъ. Санкція проекта, этимъ учрежденіемъ, при благополучномъ испытаніи проектомъ строгой критики со стороны специалистовъ по затрогиваемымъ имъ отраслямъ знанія, несомнѣнно будетъ содѣйствовать поднятію значенія проекта, а въ данномъ случаѣ и скорѣйшему разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ біологіи.

Появленіе ученыхъ трактатовъ съ цѣлью содѣйствовать разработкѣ сообща намѣченнаго вопроса представляетъ еще другую выгоду: выясненія въ общедоступномъ изложеніи, какъ самую задачу имѣющую захватывающій интересъ не только для біологовъ, но и для образованныхъ людей вообще, такъ и желанную помощь при организаціи опытовъ со стороны физиковъ и химиковъ, подобные трактаты вызовутъ по всему вѣроятію среди послѣднихъ сильное участіе въ этомъ дѣлѣ и послужатъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ вербовкѣ, среди научныхъ труженниковъ, участниковъ въ опытной разработкѣ эволюціи организмовъ.

Подобныхъ животрепещущихъ, и въ то же время на очереди стоящихъ, вопросовъ имѣется достаточное количество и въ другихъ отрасляхъ знанія, и понятно, какое важное значеніе приобрѣтетъ въ ученомъ мѣрѣ Международная Ассоціація академій, если ей удастся своимъ влияніемъ содѣйствовать возможно раціональному развитію человѣческихъ знаній и разрѣшенію самыхъ крупныхъ и настоятельныхъ запросовъ человѣческой мысли. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мнѣ представляется наиболѣе подходящимъ закончить свой докладъ горячимъ пожеланіемъ дальнѣйшаго успѣха и широкаго развитія народившейся въ настоящемъ году Международной Ассоціаціи академій.

А. Фаминцынъ.

БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ.

(Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля).

Не прошло еще и сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ освободительная прокламація Авраама Линкольна сняла ярмо рабства съ четырехъ милліоновъ американскихъ негровъ. Борьба за ихъ свободу, длившаяся столько лѣтъ и потребовавшая отъ сѣверныхъ штатовъ такихъ огромныхъ жертвъ, составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ міровой исторіи. Рабовладѣльчество пустило уже глубокія корни на американской почвѣ, наполнило собою весь строй соціальной жизни южныхъ штатовъ, и негры не находили въ себѣ силъ для борьбы за свободу. Несмотря на всевозможныя униженія и страданія, которыя имъ приходилось испытывать отъ большинства ихъ владѣльцевъ, они несли бремя рабства съ удивительною кротостью и покорностью судьбѣ. Могло казаться, что сама природа провела рѣзкую грань между судьбою «бѣлаго» и чернокожаго человѣчества. Среди бѣлыхъ укоренился предразсудокъ, не позволявшій считать негра за человѣка, созданнаго по образу и подобию Божію. Не только рабовладѣльцы, заинтересованные въ поддержаніи такого взгляда чисто-эгоистическимъ образомъ, но и множество людей, чуждыхъ въ этомъ вопросѣ какого-либо личнаго интереса, оказывались жестокими противниками освобожденія негровъ. Извѣстно, что во время президентскихъ выборовъ 1860 г. изъ двадцати трехъ избирателей-пасторовъ только трое подали свой голосъ за Линкольна, съ его освободительною программой.

Однако, духъ лучшихъ людей не мирился съ такимъ положеніемъ вещей. Эти люди упорно требовали свободы для чернокожихъ и готовы были бороться за свою идею не на жизнь, а на смерть. Среди практическихъ янки находились герои, подобные Джону Брауну, который, возбудивъ мятежъ противъ рабовладѣльцевъ, кончилъ жизнь на висѣлицѣ и передъ смертью съ величавымъ спокойствіемъ и радостью оборачивается на пройденный имъ путь и на все сдѣланное имъ «во имя свободы человѣка».

Дѣятельность Авраама Линкольна и его сподвижниковъ также представляетъ рядъ истинно-героическихъ подвиговъ. Какая пламен-

ная и упорная энергія потребовалась для того, чтобы побудить мирныхъ и дѣловитыхъ гражданъ сѣверныхъ штатовъ оторваться отъ всякихъ личныхъ интересовъ и обычныхъ занятій ради войны за освобожденіе совершенно чуждаго имъ племени, другой, ничѣмъ не заявившій себя въ исторіи, расы! Правда, война велась какъ бы за единство великой сѣверо-американской федераціи противъ отпавшихъ отъ нея южныхъ штатовъ. Но самое это отпаденіе совершилось изъ-за несогласій по чисто-принципіальному вопросу о рабствѣ, и зачинщики компаніи вдохновлялись только идеею о человѣческой свободѣ.

1-го января 1863 г.,—когда, послѣ двадцати мѣсяцевъ кровопролитной борьбы, успѣхъ сталъ уже рѣшительно склоняться на сторону сѣверныхъ штатовъ, освободительная прокламація была подписана. Рабы получали право оставить господъ своихъ, а черезъ два года по окончаніи войнъ они были уравниены съ бѣлыми и въ политическихъ правахъ.

Черная раса впервые выступила, наконецъ, на поприщѣ исторіи. Ея предстояло теперь на дѣлѣ оправдать вѣру своихъ защитниковъ, укоренившійся среди бѣлыхъ предрассудокъ и, пріобщившись къ культурной работѣ человѣчества, дѣйствительно, начать новую жизнь. Какія же стремленія и какія способности проявитъ эта масса только что освобожденныхъ и предоставленныхъ себѣ негровъ? Сумѣетъ ли она опредѣлить свои истинныя нужды и интересы? Выдвинетъ ли изъ своей среды дѣятелей, способныхъ расчистить ей пути къ просвѣщенію, къ развитію еще необнаруженныхъ ею дарованій? Вотъ вопросъ, которымъ должны были одинаково волноваться и защитники, и противники освобожденія,—и тѣ, которые носятъ въ душѣ высокую, идеальную вѣру въ человѣка, безъ различія его племенныхъ особенностей, и тѣ, которые, во имя узкихъ себялюбивыхъ интересовъ, хотѣли бы задушить эту вѣру въ другихъ и затоптать всѣ зачатки ея въ собственномъ сердцѣ.

I.

Передъ нами замѣчательная книга. Она называется «Up from slavery» («Вонъ изъ рабства») и представляетъ собою автобіографію Букера Вашингтона, одного изъ первыхъ и самыхъ славныхъ дѣятелей негрскаго просвѣщенія. Съ необыкновенною простотою и искренностью рассказываетъ здѣсь авторъ всю свою жизнь, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ неволѣ, и кончая настоящимъ временемъ, самыми послѣдними годами, когда послѣ цѣлаго ряда лишеній и нравственныхъ напряженій онъ былъ увѣнчанъ безпримѣрною для негра славою, какъ основатель безподобнаго просвѣтительнаго учрежденія и какъ блестящій идейный ораторъ. Этотъ человѣкъ, родившійся въ рабствѣ и выбившійся изъ невѣжества собственными силами, достигъ

рѣдкихъ почестей: не только чернокожее, но и бѣлое населеніе разныхъ американскихъ городовъ устраивало ему самыя бурныя публичныя оваціи, а при путешествіи въ Европу онъ былъ приглашенъ «на чашку чаю» къ англійской королевѣ, и обо всемъ этомъ онъ сумѣлъ разсказать скромно, съ какимъ-то недоумѣніемъ передъ такимъ оборотомъ своей судьбы, съ чувствомъ теплой сердечной благодарности къ тѣмъ, которые были такъ добры къ нему. Не честолюбіе руководило имъ въ его дѣятельности, а любовь къ людямъ, и не пустое тщеславіе заставило его описать свою жизнь. Онъ не могъ не чувствовать, что жизнь его представляетъ собою нѣчто крайне поучительное,—и къ тому же онъ вынесъ изъ нея такіе отрадные, утѣшительные взгляды на свойство человѣческой природы, такую вѣру въ будущее развитіе человѣчества безъ различія расъ и племенъ! Коротенькое предисловіе Букера Вашингтона сообщаетъ намъ, что книга его содалась изъ отдѣльныхъ очерковъ, печатавшихся въ одномъ изъ американскихъ журналовъ и писавшихся постепенно, въ часы своеобразнаго досуга: въ вагонѣ, при переѣздѣ изъ одного города въ другой, въ гостиницахъ,—когда приходилось ожидать поѣзда. Авторъ извиняется за литературное несовершенство своихъ очерковъ, но они совершенно не нуждаются въ этомъ извиненіи: они внушаютъ высшій человѣческій интересъ и при живости и простотѣ языка читаются, какъ захватывающій романъ.

Первая глава книги посвящена, какъ мы уже сказали, дѣтскимъ годамъ автора, проведеннымъ въ рабствѣ, и описываетъ день освобожденія. Въ описаніяхъ рабства чувствуется настоящая, неприкрашенная правда, безъ малѣйшей тенденціи къ осужденію рабовладѣльцевъ. Тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ то, что говорится о стремленіи къ свободѣ, которое всегда жило въ душѣ чернокожихъ, и о волненіи, пережитомъ ими въ день освобожденія.

«Я родился рабомъ на плантаціи франклинскаго округа въ Виргиніи, — говоритъ Букеръ Вашингтонъ въ первыхъ строкахъ своей книги и не безъ юмора продолжаетъ: — точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ и времени моего рожденія я не имѣю, но полагаю, во всякомъ случаѣ, что гдѣ-нибудь и когда-нибудь я все-же родился. Поскольку мнѣ удалось узнать, это произошло недалеко отъ почтовой станціи, называемой Hole's Ford, а по времени—въ 1858 или 1859 году. Дня и мѣсяца я не знаю. Первые впечатлѣнія, которыя я могу возстановить въ своей памяти, относятся къ плантаціи и къ невольничьему поселку, т.-е. той части плантаціи, гдѣ находились хижины рабовъ.

«О предкахъ моихъ я почти ничего не знаю. Въ невольничьемъ поселкѣ, а затѣмъ и позднѣе, мнѣ приходилось слышать между чернокожими разговоръ о тѣхъ мученіяхъ, которыя испытывали рабы, въ томъ числѣ и мои предки со стороны матери, при перевозкѣ на кораблѣ изъ Африки въ Америку... О моемъ отцѣ я знаю еще меньше, чѣмъ о

матери. Я не знаю даже его имени. Я слышалъ, однако, что онъ былъ изъ бѣлыхъ и жилъ гдѣ-то на сосѣдней плантаціи. Во всякомъ случаѣ, кто бы онъ ни былъ,—я никогда не слышалъ, чтобъ онъ проявилъ малѣйшій интересъ ко мнѣ и малѣйшую заботу о моемъ воспитаніи. Но я не особенно осуждаю его. Онъ былъ просто другою несчастною жертвою учрежденія, которое, къ сожалѣнію, на время укоренилось въ нашей странѣ».

Семья Букера состояла изъ матери и трехъ дѣтей: у него былъ братъ и сестра. Мать его была кухаркой на плантаціи, и хижина, которую они занимали служила кухней. Это была крошечная бревенчатая изба, съ отверстиями въ стѣнѣ вмѣсто оконъ, съ землянымъ поломъ, безъ всякой мебели, даже безъ печки: кушанье готовилось на огнѣ, разводимомъ среди избы, подъ отверстиемъ въ крышѣ, — и если въ зимніе дни отверстія въ стѣнѣ и въ крышѣ оставляли свободный доступъ стужѣ, то дѣтотъ приходилось задыхаться отъ добавочнаго жара горѣвшаго костра. Спали просто на полу, т.-е. на землѣ, съ разбросаннымъ на ней тряпьемъ. Ъли стоя или на ходу. Собираться для совместнаго обѣда не полагалось. «Одно изъ самыхъ раннихъ моихъ воспоминаній,—говоритъ Букеръ—состоитъ въ томъ, что однажды, поздно ночью, мать моя изжарила пыленка и разбудила дѣтей, чтобъ угостить ихъ этимъ жаркимъ. Откуда она его достала, я не знаю. Полагаю, однако, что онъ былъ добытъ съ господскаго двора. Можетъ быть, найдутся люди, которые назовутъ это воровствомъ. Если бы подобная вещь произошла въ настоящее время, я самъ осудилъ бы это, какъ воровство. Но въ то время и при тѣхъ мотивахъ, которыми руководилась моя мать, я никакъ не могу допустить, что она была виновна въ воровствѣ».

Дѣти рабовъ сами сейчасъ же становились рабами: съ той минуты, какъ ихъ можно было принудить къ какому бы то ни было виду труда, имъ не оставляли ни одной свободной минуты. Они не знали никакихъ игръ и дѣтскихъ развлеченій. «Съ тѣхъ поръ какъ я помню себя,—говоритъ Букеръ,—каждый день моей жизни былъ полонъ такого или другого труда». Онъ полоть гряды, таскалъ воду, ѣздилъ на мельницу, причѣмъ тяжелые мѣшки съ зерномъ перекидывались черезъ спину лошади, и въ случаѣ если они сваливались, мальчику приходилось ожидать, чтобы какой-нибудь проѣзжій помогъ ему поднять и опять нагрузить ихъ. Мельница была не близко, дорога шла черезъ лѣса, возвращаться приходилось иногда поздно ночью. Онъ томился мучительнымъ страхомъ, и когда случалось несчастье съ мѣшками, въ ожиданіи помощи «проводилъ время въ слезахъ». За каждымъ деревомъ чудился ему страшный солдатъ: въ лѣсахъ, дѣйствительно скрывались дезертиры воюющихъ армій, и дѣти слышали, что если такой дезертиръ поймаетъ негрскаго мальчика, то непременно отрѣжетъ ему уши.

Свобода пришла въ 1863 г., а родился Букеръ, какъ онъ самъ го-

ворять, въ 1858 или 1859 г. Значить, какимъ же крошкою онъ былъ когда ему приходилось нести эту тяжкую для него службу! Впрочемъ, самъ онъ не подчеркиваетъ этого обстоятельства.

Сознаніе своего рабскаго положенія пробудилось у мальчика одновременно съ представленіемъ о великихъ событіяхъ времени—о гражданской войнѣ и дѣятельности великодушнаго защитника негровъ, Авраама Линкольна. Однажды рано утромъ, мать его разбудила дѣтей, чтобъ вознести вмѣстѣ съ ними горячую молитву объ успѣхѣ федеративной арміи и дарованіи рабамъ свободы. Какимъ образомъ удавалось этимъ темнымъ массамъ рабовъ получать свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ ихъ пользу, начиная съ агитаціи за выборъ Линкольна и кончая военными событіями, Букеръ, по его словамъ, не могъ вполне отдать себѣ отчета, не только во время своего дѣтства, но и позднѣе. Несомнѣнно, однако, говорить онъ, что негры были освѣдомлены на этотъ счетъ вполне точно и подробно. Часто они узнавали объ исходѣ сраженій даже раньше, чѣмъ такого рода извѣстія доходили черезъ газеты до ихъ хозяевъ. Который-нибудь изъ нихъ, поочередно, отправлялся на почту, отстоявшую отъ плантаціи за три мили и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивался къ тому, что говорили бѣлые. Слухъ быстро облетѣлъ всю окрестность. Часто, позднею ночью, рабы собирались въ группы, обсуждали все происходящее, радуясь всякой новой побѣдѣ Линкольна нетерпѣливо ожидая исхода долгой изнурительной войны.

Тягости военнаго времени повсюду давали чувствовать себя. Въ господскомъ «большомъ домѣ» начиналъ ощущаться недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, привозимыхъ обыкновенно изъ сосѣдняго города. Трое молодыхъ господъ находились въ арміи. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, двое другихъ тяжело ранены. Какъ граждане южныхъ штатовъ, они сражались конечно, за дѣло, противное свободѣ. Но, по свидѣтельству Букера ни тѣни злорадства по отношенію къ нимъ не чувствовалось въ массѣ рабовъ. Господа не были особенно жестокими, они требовали отъ своихъ рабовъ только того, чего требовали всѣ,—и рабы питали къ нимъ чувство глубокой преданности. «Я помню, какъ огорчены были рабы, услышавъ о смерти м-ра Библи,—говорить Букеръ,—и это было не показное, а вполне искреннее огорченіе. Многіе изъ нихъ няньчили м-ра Библи, другіе играли съ нимъ, когда онъ былъ ребенкомъ...» Когда двое другихъ молодыхъ господъ были привезены ранеными симпатія рабовъ высказывалась самыми разнообразными способами. Они горячо стремились ухаживать за ранеными и готовы были даже просить, какъ объ особой милости, чтобы имъ позволили проводить подлѣ нихъ цѣлыя ночи. Эта нѣжная симпатія рабовъ къ господамъ истекала изъ ихъ доброй, великодушной природы. Оберегая оставленныхъ на ихъ попеченіи женщинъ и дѣтей господской семьи, они готовы были, въ случаѣ опасности положить за нихъ свою жизнь. «Въ общемъ можно сказать,—

говорить Букеръ,—что не только соплеменники мои не испытывали озлобленія противъ бѣлыхъ ни до войны, ни во время ея, но что было не мало случаевъ, когда негры нѣжнѣйшимъ образомъ заботились о своихъ прежнихъ господахъ, если они впадали въ бѣдность». Бывшіе рабы помогали имъ деньгами, иногда участвовали въ воспитаніи ихъ дѣтей. Одного молодого человѣка, совершенно разорившагося и опустившагося изъ-за пьянства, бывшіе рабы его отца до конца жизни поддерживали разными скромными приношеніями, вродѣ кофе, мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

«Но, быть можетъ, изъ того, что я сказалъ,—замѣчаетъ Букеръ Вашингтонъ,—кто-нибудь сдѣлаетъ заключеніе, что рабы не желали свободы. Это совершенно невѣрно. Я никогда не видѣлъ никого, кто не стремился бы къ свободѣ или хотѣлъ бы вернуться къ рабскому состоянію».

Великій, долго жданный день освобожденія приближался. Война приходила къ концу. Солдаты конфедеративной арміи постоянно проходили мимо, возвращаясь по домамъ и принося извѣстія о своихъ пораженіяхъ и побѣдѣ федеративной арміи. Въ ожиданіи торжествующаго непріятеля, изъ «большого дома» выносили разныя цѣнныя вещи и прятали ихъ въ лѣсу, поручая надзору тѣхъ же преданныхъ рабовъ. И никогда, по словамъ Букера, не выдали бы чернокожіе этихъ довѣренныхъ имъ драгоценностей даже тѣмъ, которыхъ они ожидали, какъ своихъ истинныхъ друзей и защитниковъ. Послѣдніе дни рабства проходили въ небываломъ духовномъ возбужденіи. Повсюду среди рабовъ раздавался говоръ, шумъ, чаще обыкновеннаго звучали пѣсни. Многія изъ этихъ пѣсней имѣли отношеніе къ вопросу о свободѣ. Правда, въ нихъ говорилось о свободѣ, которая ждала раба за гробомъ, въ иной, лучшей жизни. Никто не ждалъ ея для себя здѣсь, на землѣ. Но теперь прежнія туманныя мечты объ освобожденіи получили новый, живой, болѣе близкій смыслъ.

Однажды вечеромъ господа прислали сказать рабамъ, чтобы утромъ они собрались къ «большому дому». Немногіе спали въ эту ночь. Волненіе достигало повсюду самой крайней степени. Настало, наконецъ, утро. «Вмѣстѣ съ моей матерью, братомъ, сестрою и множествомъ другихъ рабовъ я отправился къ господскому дому,—разсказываетъ Букеръ.—Всѣ члены господской семьи стояли или сидѣли на верандѣ, откуда можно было видѣть и слышать все происходящее. На лицахъ ихъ выражалась глубокая сосредоточенность, смѣшанная, быть можетъ, съ грустью, но ни тѣни горечи. Насколько я могу теперь отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ тогда, они были огорчены не столько потерей собственности, сколько предстоящей разлукою съ людьми, изъ которыхъ многіе выросли вмѣстѣ съ ними и которые были преданы имъ. Особенно отчетливо помню я изъ этой сцены, что какой-то человѣкъ, повидимому чужестранецъ (какое-нибудь

должностное лицо Соединенныхъ Штатовъ, какъ я полагаю), произнесъ небольшую рѣчь и затѣмъ прочелъ большую бумагу—освободительную прокламацію, какъ нужно думать. Затѣмъ намъ сказали, что мы теперь свободны и можемъ идти, когда и куда намъ угодно. Мать моя, стоявшая рядомъ со мною, приподняла одного за другимъ своихъ дѣтей, цѣлуя ихъ; по щекамъ ея бѣжали радостныя слезы. Она объяснила намъ все происходящее и сказала, что наступилъ день, о которомъ она такъ долго молилась, но до котораго боялась не дожить... Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ продолжалось великое ликование и сцены необузданнаго восторга. Но и теперь ни тѣни злорадства по отношенію къ господамъ не чувствовалось среди этихъ освобожденныхъ рабовъ. Напротивъ, они жалѣли ихъ. Дикая радость, овладѣвшая чернокожими, продолжалась недолго: я замѣтилъ, что когда они возвращались къ своимъ хижинамъ, настроеніе ихъ уже измѣнилось. Сознаніе отвѣтственности, связанной съ свободою, необходимость самимъ заботиться о дальнѣйшемъ будущемъ для себя и дѣтей своихъ овладѣло ими. Они находились въ положеніи десяти или двѣнадцати лѣтнихъ дѣтей, внезапно предоставленныхъ самимъ себѣ. Въ какіе-нибудь нѣсколько часовъ они стали лицомъ къ лицу съ великими вопросами, съ которыми англо-саксонской расѣ приходилось осваиваться въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ: съ вопросами объ устройствѣ жизни, о воспитаніи дѣтей, о гражданскихъ обязанностяхъ, о содержаніи церквей. Удивительно ли, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ радость стихла и смѣнилась глубокой и грустной задумчивостью. Многие впервые поняли также, что эта долгожданная и наступившая, наконецъ, свобода представляетъ изъ себя нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ это казалось раньше. Нѣкоторые изъ рабовъ были семидесяти, восьмидесятилѣтніе старики; лучшее время жизни безвозвратно прошло для нихъ. У нихъ не было уже силъ, чтобы зарабатывать средства для жизни въ новыхъ, чужихъ мѣстахъ, посреди чуждыхъ имъ людей, если бы даже они и могли имѣть увѣренность, что найдутъ себѣ мѣсто у чужихъ людей. Для этихъ старыхъ рабовъ предстоящая задача являлась особенно тяжелою. И къ тому же, въ глубинѣ сердецъ своихъ они чувствовали неискоренимую привязанность къ «старому господину» и «старой госпожѣ» и къ дѣтямъ ихъ. Они провели съ ними около полу вѣка и не такъ-то легко было думать теперь о разлукѣ съ ними. Постепенно, одинъ за другимъ, сначала не безъ нѣкоторой робости, старые рабы начали направляться изъ негрскаго поселка къ «большому дому», чтобы переговорить о дальнѣйшей жизни со своими бывшими господами.

Такъ кончается первая глава автобіографіи Букера Вашингтона и описаніе незабвеннаго дня освобожденія. Задача, которую предстояло разрѣшить неграмъ, была гораздо сложнѣе, отвѣтственнѣе и шире, чѣмъ задача освобожденныхъ около того же времени русскихъ крестьянъ.

*

III.

Послѣ освобожденія мать Букера переселилась вмѣстѣ съ дѣтьми къ своему мужу, отчиму двухъ мальчиковъ, который принадлежалъ во время рабства другому господину и жилъ въ городкѣ Мальденъ, въ Западной Виргиніи. Путешествіе въ Мальденъ совершалось, конечно, самымъ первобытнымъ образомъ, пѣшкомъ, и продолжалось нѣсколько недѣль. Жизнь въ новомъ мѣстѣ не представляла на первыхъ порахъ ничего отраднаго. Хижина была не лучше прежней и находилась къ тому же среди сплоченной массы другихъ хижинъ, бѣдныхъ, грязныхъ и зловонныхъ. Почти все населеніе городка зарабатывало пропитаніе работою въ солеварняхъ. Здѣсь было много негровъ, но много и «бѣлыхъ» — изъ подонковъ сѣверо американскаго населенія, невѣжественныхъ, грубыхъ и развратныхъ. Пьяные крики, ругань, драки — таковы были первыя, наиболѣе яркія впечатлѣнія мальчика въ новомъ мѣстѣ жительства. Дѣтей немедленно послали на заработокъ, и маленькому Букеру приходилось отправляться въ солеварни съ четырехъ часовъ утра.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ бывшихъ рабахъ должны были замереть всѣ высшія человѣческія стремленія и потребности. Жизнь сводилась къ каторжному труду ради куска хлѣба. Борьба за существованіе, конкуренція съ наиболѣе низменными представителями бѣлой расы должны были бы способствовать только развитію грубыхъ инстинктовъ. Но на дѣлѣ мы видимъ другое. Бывшіе рабы горѣли желаніемъ учиться.

То, что Букеръ рассказываетъ въ этомъ отношеніи о самомъ себѣ, является, повидимому, типичнымъ для всего только что освобожденнаго чернокожаго люда. Научиться «читать книги и газеты» — это была общая мечта большинства изъ нихъ. Еще въ самые ранніе годы, въ дни рабства, маленькому Букеру приходилось провожать въ школу дѣтей своихъ господъ, носить туда ихъ книги и тетради. Онъ подходилъ къ дверямъ школы, какъ къ «дверямъ рая», и возвращался домой, не переставая думать о возможности учиться, какъ объ истинномъ блаженствѣ. Послѣ переселенія въ Мальденъ, онъ упросилъ свою мать достать ему какую-нибудь книгу. Ей удалось исполнить его желаніе, и довольно счастливымъ образомъ: книга оказалась азбукой. Какимъ образомъ Букеръ одолѣлъ первыя затрудненія въ знакомствѣ съ азбукой, онъ самъ не могъ потомъ отдать себѣ отчета. Среди негровъ въ Мальденѣ не было ни одного грамотнаго, а къ бѣлымъ онъ не рѣшался подходить. Но онъ слышалъ отъ кого-то, что прежде всего нужно выучить алфавитъ, съ котораго начиналась принесенная матерью книга, и не пропускалъ случая, чтобы добыть необходимыя свѣдѣнія. Быть можетъ, посредницей его съ грамотными «бѣлыми» была мать его. Эта совершенно невѣжественная женщина горячо сочувствовала стремленіямъ своего сына и вообще не переставала мечтать объ

образованіи для своихъ дѣтей. Она отличалась яснымъ и трезвымъ умомъ, «и если я сдѣлаю въ своей жизни что-либо, достойное вниманія,—говорять Букеръ, — то я увѣренъ, что данныя къ этому были унаслѣдованы мною отъ нея».

Въ то время, какъ Букеръ боролся, въ своихъ стремленіяхъ къ знанію, съ почти непреодолимыми препятствіями, среди чернокожихъ работниковъ Мальдена появился одинъ грамотный мальчикъ изъ Огіо. Каждый вечеръ, по окончаніи работъ въ солеварняхъ, густая толпа соплеменниковъ окружала этого счастливца съ просьбою почитать вслухъ газету. И съ какимъ жаднымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за его искуснымъ чтеніемъ!

Такимъ образомъ самъ собою возникъ вопросъ объ основаніи школы. Въ этой части Виргиніи не было до сихъ поръ еще ни одной школы для чернокожихъ и достать учителя было дѣломъ нелегкимъ. Подумывали уже о томъ, чтобы поручить преподаваніе грамотному мальчику изъ Огіо, но возрастъ его представлялъ слишкомъ серьезныя препятствія для исполненія такой отвѣтственной роли. По счастью, какъ разъ въ это время въ Мальденѣ появился другой грамотный негръ—бывшій солдатъ. Рѣшено было, что каждая семья будетъ ежемѣсячно удѣлять кое-что на содержаніе школы, а пропитывать учителя будутъ поочередно.

Трудно представить себѣ, говоритъ Букеръ, въ какой степени общимъ и горячимъ было стремленіе чернокожихъ попасть въ эту школу. Мужчины, женщины, дѣти—всѣ рвались туда. Даже старики и старухи мечтали о томъ, чтобы научиться читать и прочесть Библию передъ смертью. Тѣ, которые не имѣли возможности учиться днемъ, устраивали для себя «ночные классы». Учителю приходилось работать и днемъ, и ночью, и въ праздники.

Самому Букеру пришлось сначала учиться лишь поздно вечеромъ, послѣ трудового дня. Отчимъ его былъ доволенъ имъ, какъ работникомъ, вносящимъ въ семью свою лепту, и не позволилъ ему оставить солеварню. Тогда онъ сталъ пользоваться ночными уроками, и несмотря на утомленіе послѣ долгихъ часовъ физическаго труда, дѣло это шло у него такъ успѣшно, что навсегда укрѣпило въ немъ вѣру въ полезность «ночныхъ школъ». Конечно, нужно при этомъ принять во вниманіе такъ сказать органическую свѣжесть и мощь расы, не прошедшей всѣхъ испытаній культурной жизни. Автобіографія Букера Вашингтона вся проникнута этою почти непостижимою для насъ дѣвственною мощью молодого племени. Читаешь и удивляешься этой не человѣческой выносливости тѣла и духа, этимъ невѣроятнымъ проявленіямъ силы и выдержки, о которыхъ авторъ рассказываетъ, какъ о чемъ-то вполне обыкновенномъ.

Ночные уроки значительно подвинули мальчика въ его стремленіяхъ. Однако, онъ не переставалъ мечтать о занятіяхъ въ дневной школѣ

Наконецъ, онъ добился отъ вѣтчиха разрѣшенія на это, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ работалъ въ солеварнѣ съ четырехъ до девяти утра, а затѣмъ и по окончаніи школьныхъ занятій. Это была уже цѣлая побѣда. Затрудненіе заключалось только въ томъ, что утренняя работа въ солеварнѣ кончалась въ тотъ самый часъ, когда начинались занятія въ школѣ, а путь до школы былъ не близкій. Приходилось постоянно опаздывать на уроки. Тогда онъ сталъ прибѣгать къ маленькой «предосудительной» хитрости: въ конторѣ солеварни висѣли большіе стѣнные часы, которыми руководились для рабочихъ сигналовъ надсмотрщики. Мальчикъ попробовалъ передвинуть часовую стрѣлку на полчаса впередъ, вслѣдствіе чего работа окончилась раньше обыкновеннаго. Ободренный результатомъ своей продѣлки, онъ сталъ повторять ее изо дня въ день.

Хожденіе въ школу, или, вѣрнѣе, общеніе съ школьными товарищами впервые выдвинуло предъ мальчикомъ нѣкоторые житейскіе вопросы, шевельнуло нѣкоторые пункты его человѣческаго тщеславія. На первыхъ же порахъ онъ замѣтилъ, что всѣ учащіеся приходили въ школу въ шапкахъ, хотя раньше негры не имѣли обыкновенія покрывать голову. Отстать въ этомъ отношеніи отъ другихъ показалось мальчику неловкимъ, и онъ попросилъ мать, чтобы она достала ему такую же шапку, какъ у другихъ. Мать отвѣтила, что у нея нѣтъ денегъ на «покупную шапку», но что она придумаетъ, какъ помочь этому дѣлу. И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время она преподнесла ему шапку, собственноручно сшитую изъ кусочковъ бумажен. «Съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось имѣть не мало *покупныхъ* шапокъ и шляпъ, но ни одну изъ нихъ я не надѣвалъ съ чувствомъ такой гордости, какъ эту первую шапку, сшитую моею матерью изъ двухъ кусочковъ бумажен», замѣчаетъ Букеръ. Эта маленькая исторія съ шапкою была для него и первымъ нравственнымъ урокомъ, весьма пригодившимся ему въ жизни: мать сумѣла внушить ему, что глупо тянуться за другими изъ одного только тщеславія и что многія надобности могутъ быть удовлетворены посредствомъ собственнаго труда. Мы увидимъ, какую серьезную роль сыграла эта мысль во всей послѣдующей дѣятельности Букера.

Другое затрудненіе, представившееся мальчику при посѣщеніи школы, заключалось въ томъ, что у него не было никакой фамиліи. Рабы вообще не носили никакого фамиліи. Они знали только свои личныя имена. Иногда, для отличія, къ имени раба присоединялась фамилія его бывшаго собственника: какой-нибудь Джонъ, купленный у Гаррисона, въ отличіе отъ другого Джона назывался «Гаррисоновъ Джонъ». Тотчасъ же по освобожденіи бывшіе рабы почувствовали потребность присоединить къ своимъ именамъ и подобіе фамилій. Для такого присоединенія не требовалось никакихъ формальностей: всякій придумывалъ себѣ фамилію, какую хотѣлъ. Школьные товарищи

Букера уже усвоили себѣ опредѣленные фамиліи, и онъ чувствовалъ, что и ему пора сочинить себѣ что-нибудь подобное. Въ это именно время и такимъ именно образомъ создалась его фамилія—Вашингтонъ, которою украшена его книга и которую онъ передалъ впоследствии своимъ дѣтямъ.

Время правильныхъ школьныхъ занятій оказалось, однако, для Букера очень недолгимъ. Семейныя обстоятельства скоро заставили его опять отказаться отъ посѣщенія «дневной школы». Отчимъ послалъ его теперь вмѣсто солеварни работать въ угольные копи. Повидимому, мальчикъ не протестовалъ. Но воспоминанія его объ этой работѣ передаютъ въ немногихъ сжатыхъ и отрывочныхъ словахъ весь ужасъ дѣтской души передъ этими черными подземельями, гдѣ иногда внезапно гасъ маленькій фонарикъ и приходилось нащупывать дорогу руками и ногами, гдѣ раздавались отъ времени до времени взрывы пороха и шумъ обваловъ, засыпающихъ многихъ взрослыхъ и дѣтей. По наблюденіямъ Букера работа въ угольныхъ копяхъ, вдали отъ свѣта и чистаго воздуха, въ вѣчной, трудно отмывающейся угольной пыли, оказываетъ самое пагубное вліяніе на дѣтскую душу. Маленькіе работники постепенно привыкаютъ и къ грязи на своемъ тѣлѣ, и къ отсутствію какихъ-либо живыхъ впечатлѣній, тупѣютъ, перестаютъ о чемъ бы то ни было мечтать, къ чему бы то ни было стремиться.

Этотъ новый видъ работы легъ тяжелымъ гнетомъ и на душу Букера. Онъ жилъ въ какомъ-то вѣчномъ, непрерывномъ страхѣ. Но потребность учиться уже не могла заглухнуть въ немъ. Проводя дни подъ землею, онъ по прежнему бралъ уроки по ночамъ. Ему приходилось ходить для этого то къ одному, то къ другому учителю—иногда на очень далекое разстояніе отъ дома. Случалось, что, занимаясь съ какимъ-нибудь, только что обучившимся грамотѣ негромъ, онъ замѣчалъ, что учитель знаетъ меньше его самого. Тогда онъ старался подыскать себѣ другого учителя... Но такъ или иначе, при всѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, казавшихся порою непреодолимыми, ученіе его подвигалось.

«Однажды,—разсказываетъ Букеръ Вашингтонъ,—работая въ угольныхъ копяхъ, я услышалъ разговоръ двухъ рабочихъ о большой школѣ, устроенной для чернокожихъ и находящейся гдѣ-то въ Виргиніи. Никогда мнѣ не приходилось раньше слышать что-нибудь о школѣ или колледжѣ болѣе значительнаго характера, чѣмъ маленькая негрская школа въ нашемъ городѣ. Пользуясь темнотою мины я тихонько подползъ какъ можно ближе къ разговаривающимъ. Я услышалъ, что школа была основана специально для представителей моей расы и что устроители ея давали возможность наиболѣе бѣднымъ и достойнымъ изъ учащихся оплачивать стоимость пансіона своею работою, причѣмъ ихъ обучали также ремеслу или какой-нибудь отрасли промышленности. Слушая это описаніе школы, я представлялъ ее себѣ, какъ самое чу-

десное мѣсто на всей землѣ; само небо не могло въ то время рисоваться мнѣ въ болѣе привлекательныхъ краскахъ, чѣмъ эта нормальная и промышленная школа въ Гамптонѣ, о которой они говорили. Я сейчасъ же рѣшилъ отправиться въ эту школу, хотя еще не зналъ въ точности, гдѣ именно и какъ далеко она находилась и сколько времени нужно было идти, чтобы достигнуть ея; я помню только, что горѣлъ однимъ желаніемъ—идти въ Гамптомъ. Мысль эта не покидала меня ни днемъ, ни ночью.

Однако, мальчикъ понималъ, что для достиженія этой цѣли нужно скопить кое-какія деньги. Проработавъ еще нѣкоторое время въ угольныхъ копяхъ, онъ рѣшилъ поступить на мѣсто къ одной помѣщицѣ, которая отличалась такою строгостью, что никто изъ служащихъ не могъ ужиться у нея болѣе двухъ-трехъ недѣль. Предстать передъ дамою, прославившеюся своей суровостью, было страшно. Но черезъ нѣкоторое время Букеръ сталъ разбираться въ ея требованіяхъ. Она добивалась отъ прислуги безусловной чистоты, порядка, проворства и, главное, полной честности и откровенности. Для того, кто хотѣлъ во что бы то ни стало удовлетворить этимъ требованіямъ, служеніе у нея могло быть прекрасной школой на всю жизнь. Букеръ проходилъ эту школу въ теченіе полутора лѣтъ и приобрѣлъ сердечное расположеніе своей госпожи. Она позволила ему ходить на короткое время въ школу, не мѣшала ему заниматься по ночамъ и вообще выражала ему полное сочувствіе въ его стремленіяхъ къ образованію.

Наконецъ, насталъ день, когда мальчикъ рѣшилъ тронуться въ путь. Денегъ у него было очень мало: большую часть своего заработка онъ отдавалъ своей семьѣ. Но все-таки онъ скопилъ себѣ кое-какія гроши, кромѣ того, маленькую сумму далъ ему братъ изъ своего заработка въ угольныхъ копяхъ, а житейская неопытность позволяла ему видѣть все въ минуту отъѣзда въ розовомъ свѣтѣ. Слабая здоровьемъ мать мужественно простилась со своимъ сыномъ и благословила его въ его стремленіяхъ.

Отъ Мальдена до Гамптона было около пятисотъ миль, часть которыхъ можно было проѣхать по желѣзной дорогѣ, часть въ старомодномъ дилижансѣ. На желѣзнодорожный билетъ денегъ хватило, но когда пришлось пересѣсть въ дилижансѣ, стало ясно, что добраться до Гамптона будетъ очень трудно. Поздно вечеромъ дилижансѣ остановился у какого-то постоялаго двора или маленькой гостинницы, гдѣ приходилось переночевать. Мальчикъ рассчитывалъ на добросердечіе хозяина и, когда всѣ его спутники вошли въ домъ, онъ приготовился попросить, чтобы ему дали пріютъ даромъ. Но онъ еще не успѣлъ изложить своей просьбы, какъ ему объявили, что чернокожихъ вообще не впускаютъ въ эту гостинницу, какъ и во многія другія гостинницы штатовъ. «Это было моимъ первымъ жизненнымъ опытомъ по вопросу

о томъ, что можетъ значить для людей цвѣтъ кожи»,—замѣчаетъ Букеръ.

Всю ночь мальчикъ пробродилъ подлѣ гостинницы, до такой степени упоенный своими мечтами о Гамптонѣ, что въ душѣ его не оставалось даже мѣста для горечи или досады противъ оскорбившаго его хозяина гостинницы. Утромъ онъ пустился дальше. Отчасти идя пѣшкомъ, отчасти выпрашивая позволенія проѣхать немного въ дилижансѣ или какомъ-нибудь частномъ экипажѣ, онъ добрался до города Ричмонда, отстоявшаго отъ Гамптона всего за восемьдесятъ двѣ мили. «Когда достигъ Ричмонда,—разсказываетъ онъ,—у меня не было буквально ни гроша. Мѣсто было такъ незнакомо мнѣ, я такъ не привыкъ ходить по городскимъ улицамъ,—я совершенно не зналъ, куда мнѣ направиться. Я обращался въ нѣсколько домовъ, прося пріютить меня, но повсюду требовали за это денегъ, а ихъ-то я не было у меня. Не умѣя придумать ничего лучшаго, я сталъ просто ходить по улицамъ... Я чувствовалъ утомленіе, голодь,—все, что угодно, только не отчаяніе. Какъ разъ въ то время, когда я дошелъ до самаго крайняго утомленія, я вышелъ въ такую часть улицы, гдѣ тротуаръ былъ очень значительно приподнятъ надъ землею. Я выждалъ нѣсколько минутъ, чтобы увѣриться, что никто меня не видитъ, потомъ подползъ подъ доски тротуара и улегся на ночь на землѣ, подложивъ подъ голову мой дорожный мѣшочекъ».

На слѣдующее утро, проснувшись страшно голоднымъ, но все-таки освѣженнымъ, Букеръ умудрился заработать кое-что себѣ на завтракъ, предложивъ свои услуги одному капитану, нагружавшему судно желѣзными товаромъ. Усердіе мальчика такъ понравилось капитану, что онъ предложилъ ему продолжать работу. Само собою разумѣется, что онъ съ радостью ухватился за это предложеніе и такимъ образомъ, работая изо дня въ день, проводя ночи по прежнему на землѣ, подъ досками тротуара, скопилъ себѣ маленькую сумму, на которую уже можно было добраться до Гамптона. «Это было долгое, полное разныхъ приключеній путешествіе, но при первомъ взглядѣ на большое трехэтажное кирпичное зданіе школы, я почувствовалъ себя вполне вознагражденнымъ за все испытанное... Это зданіе показалось мнѣ самымъ прекраснымъ сооруженіемъ изъ всѣхъ, какія я когда-либо видѣлъ. Одинъ видъ его какъ бы вливалъ въ меня новую жизнь. Я чувствовалъ, что для меня начинается совершенно новое существованіе—что жизнь получить отнынѣ для меня иной, новый смыслъ. Я чувствовалъ, что достигъ обѣтованной страны и говорилъ себѣ, что теперь уже никакія препятствія не помѣшаютъ мнѣ въ моихъ стремленіяхъ совершить самое прекрасное, что только можетъ быть въ этомъ мірѣ».

Въ эту блаженную минуту своей жизни Букеръ имѣлъ въ карманѣ всего пять центовъ и, при невозможности переодѣться и умыться послѣ утомительнаго путешествія чувствовалъ себя до крайности не-

представительнымъ. Однако онъ немедленно направился къ распорядительницѣ школы и, рассказавъ ей о своемъ положеніи, настоятельно просилъ ее о допущеніи въ школу.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ распорядительница не рѣшалась дать никакого опредѣленнаго отвѣта этому маленькому настойчивому негру. Наконецъ, она приказала ему убрать одинъ изъ классовъ. Мальчикъ почувствовалъ себя спасеннымъ; послѣ той суровой школы домашней службы, какую онъ прошелъ у своей хозяйки въ Мальденѣ, онъ не сомнѣвался, что выполнить возложенное на него порученіе съ полнымъ успѣхомъ. И дѣйствительно, осмотрѣвъ его работу, распорядительница общала ему, что онъ будетъ принятъ въ школу. Уборка комнатъ оказалась его вступительнымъ экзаменомъ, и онъ блестяще выдержалъ этотъ экзаменъ, показавъ на дѣлѣ свою добросовѣстность, толковость и трудолюбіе.

IV.

Вступленіе Букера въ школу устроилось на такихъ основаніяхъ: онъ былъ сдѣланъ класснымъ сторожемъ — съ обязанностию убирать комнаты утромъ и вечеромъ, а въ вознагражденіе за свой трудъ получалъ содержаніе; что касается платы за право обученія, то ему было позволено внести ее современемъ, когда обстоятельства его улучшатся.

Дни и даже ночи мальчика проходили, такимъ образомъ, въ непрерывномъ трудѣ, но ни слова жалобъ на излишки утомленія не срывается съ пера его при воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ его жизни. Напротивъ онъ говоритъ объ этомъ времени и объ окружавшихъ его тогда людяхъ съ чувствомъ величайшей благодарности судьбѣ. Распорядительница школы оказалась для него впоследствии самымъ добрымъ другомъ. Но съ особеннымъ благоговѣніемъ вспоминаетъ онъ о начальникѣ школы—генералѣ Армстронгѣ, проявившемъ, въ своей дѣятельности на пользу негрскаго просвѣщенія поистинѣ высокій умъ и характеръ. «Если бы удалить изъ Гамптона всѣ школьныя зданія, классы всѣхъ учителей, всѣ занятія ремеслами и оставить обучающимся тамъ мужчинамъ и женщинамъ одну только возможность быть въ ежедневномъ общеніи съ генераломъ Армстронгомъ, то и этого было бы достаточно, чтобы дать имъ воспитаніе, — говоритъ Букеръ. Чѣмъ старше я становился тѣмъ болѣе проникался убѣжденіемъ, что никакое воспитаніе посредствомъ книгъ и цѣнныхъ пособій не можетъ сравниться по своему значенію съ тѣмъ что можно вынести изъ общенія съ великими душами—мужчинами и женщинами. Какъ хотѣлъ бы я, чтобы вмѣсто постоянного изученія книгъ наши школы и колледжи направляли насъ на изученіе людей и предметовъ дѣйствительности». Судя по разсказу Букера, генералъ Армстронгъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ

очень выдающимся и глубоко гуманнымъ человѣкомъ. Онъ былъ родомъ изъ сѣверныхъ штатовъ и участвовалъ въ кампаніи за освобожденіе негровъ, храбро сражался противъ конфедеративной арміи, но по окончаніи войны для него не существовало различія между гражданами сѣверныхъ или южныхъ штатовъ, какъ и между бѣлыми и чернокожими. «Нормальная и Промышленная школа» Гамптона, предназначенная для воспитанія негровъ, была его замысломъ и его созданіемъ, и онъ дѣлалъ все возможное, чтобы расширить свое учебное заведеніе, открыть доступъ въ него всѣмъ, нуждающимся въ обученіи. Самъ Букеръ Вашингтонъ въ своей послѣдующей просвѣтительной дѣятельности, несомнѣнно, вдохновлялся неподобнымъ примѣромъ основателя Гамптонской школы, на что онъ постоянно указываетъ и въ своей автобіографіи.

Въ то время, когда Букеръ поступилъ въ Гамптонскую школу, наплывъ учащихся былъ такъ великъ что размѣстить ихъ въ существующемъ зданіи не было никакой возможности. Въ виду этого генералъ Армстронгъ предложилъ наиболѣе молодымъ и выносливымъ изъ мужчинъ поселиться въ разбитыхъ для этой цѣли палаткахъ. Зима была чрезвычайно суровая, однако право учиться цѣнилось такъ высоко, что никому и въ голову не приходило отказаться отъ такого предложенія. По ночамъ ледяной вѣтеръ проникалъ въ палатки, приходилось мерзнуть въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но утромъ, при видѣ любимаго начальника, совершавшаго свой обходъ, всѣ казались довольными.

Каждый день вносилъ новый лучъ свѣта въ головы обучавшихся. Но, кромѣ того, они проходили здѣсь черезъ много рода дисциплину: приучаясь къ правиламъ культурной жизни. «Жизнь въ Гамптонѣ была для меня непрерывнымъ откровеніемъ, постепеннымъ переходомъ въ совершенно новый для меня міръ,—говоритъ Букеръ.—Ѣда въ опредѣленные часы, за столомъ, накрытымъ скатерью, употребленіе салфетокъ, ваннъ, зубной щетки, простынь на кровати—все это было совершенно ново для меня. Несомнѣнно, что всѣ эти культурныя привычки были также новы и для всѣхъ другихъ воспитанниковъ Гамптонской школы, хотя Букеръ былъ самымъ молодымъ изъ нихъ, а многие достигали даже сорокалѣтняго возраста. Во время рабства всѣ чернокожіе жили не лучше, чѣмъ семья Букера. Между тѣмъ, неприятность негровъ, особенно въ виду ихъ фізіологической особенности—неприятнаго запаха ихъ кожи, должна была служить серьезнымъ препятствіемъ для сближенія ихъ съ бѣлыми и уничтоженія существующаго на ихъ счетъ предразсудка. Правила Гамптонской школы въ отношеніи чистоты и опрятности проводились съ величайшею послѣдовательностью и строгостью. Генералъ Армстронгъ самъ осматривалъ платье и обувь учащихся, не допуская никакой неаккуратности. Нигдѣ не должно было быть ни одного пятна, ни одной непришитой пуговицы

Имѣя одно только платье—то, которое онъ принесъ на себѣ, Букеръ былъ вначалѣ въ большомъ затрудненіи. Но вскорѣ его выручили распорядители школы, давъ ему перемѣну платья и бѣлья изъ пожертвованій, приходившихъ въ школу отъ благотворителей сѣверныхъ штатовъ. Употребленіе зубной щетки и ежедневное пользованіе ванною вскорѣ не только вошло у него въ привычку, но и сдѣлалось потребностью для него. «Я научился здѣсь понимать все значеніе ванны,—говоритъ онъ,—не только для поддержанія тѣлеснаго здоровья, но и для развитія самоуваженія и связанныхъ съ этимъ нравственныхъ качествъ». Что касается постельныхъ простынь, то Букеръ не сразу понималъ ихъ употребленіе: сначала онъ ложился прямо на матрацъ, прикрываясь обѣими простынями, потомъ ложился на обѣ простыни и, наконецъ, только, глядя на другихъ, равнѣ его поступившихъ воспитанниковъ, понималъ, въ чемъ дѣло.

Но время шло. Внимательный надзоръ воспитателей, указанія генерала Армстронга, духъ порядка въ соединеніи съ гуманностью, все это клало свой благотворный отпечатокъ на бывшихъ рабовъ, подготавливая ихъ къ иной, лучшей жизни. Учителя и надзиратели школъ не были простыми наемниками въ этомъ дѣлѣ. Они были, такъ сказать, добровольцами на поприщѣ негрскаго просвѣщенія, людьми выдающимися въ нравственномъ отношеніи, лучшими представителями своей страны. Они собрались сюда для сознательнаго выполненія тяжелой, отвѣтственной задачи и вносили въ свое дѣло исключительную любовь къ труду и исключительное самоотверженіе. Глядя на нихъ говоритъ Букеръ, нельзя было не убѣдиться, что трудъ на пользу другихъ, живая помощь ближнимъ есть источникъ настоящаго счастья. Освобожденнымъ рабамъ естественно было понимать счастье совсѣмъ иначе: многіе изъ нихъ стремились къ тому, чтобы отдѣлаться отъ всякаго физическаго труда, добиться всѣми возможными способами праздной и спокойной жизни маленькихъ буржуа. Гамптонская школа содѣйствовала развитію совершенно противоположныхъ принциповъ и стремленій. Букеръ съ восторженнымъ удивленіемъ вспоминаетъ объ одной воспитательницѣ, родомъ изъ старинной и интеллигентной семьи, которая, передъ возобновленіемъ школьныхъ занятій послѣ лѣтнихъ вакацій, въ теченіе двухъ недѣль мыла окна, мела комнаты, убирала постели и т. п. «Въ то время мнѣ трудно было понять,—говоритъ онъ,—какое удовольствіе могла находить женщина съ такимъ воспитаніемъ и общественнымъ положеніемъ въ этомъ трудѣ, въ работѣ надъ воспитаніемъ нашей несчастной расы». Но высокій примѣръ дѣлалъ свое дѣло: Букеръ научился любить и уважать трудъ, въ которомъ онъ раньше видѣлъ только тяжкую горькую необходимость.

V.

Какъ уже было сказано выше, Букеръ оплачивалъ пансіонъ работою въ качествѣ класснаго сторожа. Но при этомъ у него не было ни гроша денегъ, на какія-бы то ни было личные расходы, и когда прошелъ первый учебный годъ, наступило лѣто, и всѣ воспитанники разбрелись по своимъ домамъ, онъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. О томъ, чтобы повидать семью, нельзя было и думать. Приходилось искать заработка для какого ни на есть существованія въ Гамптонѣ и для отдачи долга школѣ за право обученія. Послѣ долгихъ поисковъ ему удалось найти временное мѣсто слуги въ одномъ ресторанѣ. Плата была крошечная и, несмотря ни на какія усилія, съэкономить за лѣто ничего не удалось. Но за то у него оставалось кое-какое свободное время, и онъ воспользовался имъ, чтобы поработать надъ книгами. Когда настало время учебныхъ занятій, Букеръ не зналъ съ какими глазами показаться казначею школы, которому онъ не могъ внести платы даже за обученіе прошлаго года. Но долгъ былъ великодушно отсроченъ на неопредѣленное время, а въ уплату за содержаніе опять взяли трудомъ, въ той же должноти класснаго сторожа.

Второй годъ пребыванія въ Гамптонской школѣ былъ новою ступенью въ его умственномъ развитіи. Во-первыхъ одна изъ учительницъ внушала ему особенный интересъ къ Библии «не только съ точки зрѣнія духовной поддержки, каковую онъ даетъ, но и съ чисто-литературной точки зрѣнія». Во-вторыхъ, та же учительница помогла ему въ развитіи его ораторскихъ способностей, которыя, очевидно, сказывались въ немъ уже въ то время и которыя должны были впоследствии создать ему настоящую славу. «Съ ранняго дѣтства — говоритъ Букеръ, — я чувствовалъ потребность содѣйствовать такъ или иначе усовершенствованію міра и быть въ состояніи говорить міру о необходимости усовершенствованія». Упомянутая учительница стала давать ему private уроки выразительной рѣчи, а «субботнія собранія» Гамптонской школы, предназначенныя специально для развитія дара слова у учащихся, дали ему первую возможность приложить ея указанія практически. Не довольствуясь этимъ, Букеръ организовалъ товарищескій кружокъ, цѣль котораго состояла въ такомъ же упражненіи ораторскихъ способностей и который пользовался для своихъ собраній двадцатью свободными минутами, оставшимися между ужиномъ и вечерними занятіями.

По окончаніи второго учебнаго года Букеру удалось, благодаря маленькой денежной помощи со стороны матери и брата, провести лѣтнія вакаціи въ своей родной семьѣ. Возвращеніе его въ Мальденъ было встрѣчено его соплеменниками съ истиннымъ восторгомъ. Каждый день ему приходилось посѣщать то или другое изъ знакомыхъ семействъ, гдѣ его угощали съ самымъ теплымъ радушіемъ и застав-

ляли вновь и вновь рассказывать фантастически-прекрасную исторію о его обученіи въ Гамптонѣ и обо всемъ, что дѣлалось тамъ на пользу негрскаго просвѣщенія. Кромѣ того, онъ долженъ былъ публично говорить на ту же тему въ собраніяхъ передъ церковью и въ воскресной школѣ.

Но праздникъ былъ недолгъ. Денежная нужда попрежнему давала чувствовать себя. Нужно было во что бы то ни стало найти временный заработокъ, а это было не такъ-то просто. Приходилось предлагать свои услуги разнымъ лицамъ въ окрестностяхъ города. Въ одну изъ такихъ отлучекъ Букеръ получилъ ужасное для него извѣстіе: умерла его мать. «Это была одна изъ самыхъ горькихъ и черныхъ минутъ моей жизни,—говоритъ онъ по этому поводу.—Уже нѣсколько лѣтъ здоровье моей матери было плохо, но уходя отъ нея наканунѣ, я не допускалъ и мысли что мнѣ не придется больше увидѣть ее. Кромѣ того, я всегда горячо желалъ быть при ней въ ея послѣдній часъ. Одинъ изъ главныхъ мотивовъ, побуждавшихъ меня въ свое время стремиться въ Гамптонъ, состоялъ въ желаніи достигнуть такого положенія, при которомъ я могъ какъ можно лучше и удобнѣе устроить мою мать. И она такъ часто выражала желаніе дожить до того дня, когда она могла бы видѣть своихъ дѣтей, окончившими образованіе и устроенными».

Послѣ смерти матери семья и родной домъ Букера быстро пришли въ упадокъ. Сестра его была слишкомъ молода, чтобы исполнять обязанности хозяйки, отчимъ его былъ, конечно, неспособенъ къ этому. Во всемъ чувствовался беспорядокъ, запущенность. При такихъ условіяхъ оставаться въ Мальденѣ было тяжело, и Букеръ очень обрадовался, получивъ изъ Гамптона приглашеніе явиться въ школу до начала занятій, чтобы помочь въ уборкѣ дома.

Послѣдній годъ ученія прошелъ въ непрерывномъ упорномъ трудѣ. Букеру хотѣлось окончить школу съ отличіемъ. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ іюнь 1875 г. онъ окончилъ курсъ Гамптонской школы и былъ награжденъ «почетной ролью актоваго оратора».

VI.

Послѣ окончанія школы Букеръ долженъ былъ опять взяться за первую предлагаемую работу изъ-за куска хлѣба и прослужилъ гдѣто въ ресторанѣ. Но теперь онъ имѣлъ уже другое вѣрное средство заработка, болѣе соответствующее его истинному призванію.

Скопивъ немного денегъ и вернувшись въ Мальденъ, онъ сейчасъ же взялся за обученіе своихъ соплеменниковъ. Нужда въ школахъ и хорошихъ учителяхъ давала чувствовать себя на каждомъ шагу. Горячее стремленіе негровъ, безъ различія пола и возраста, къ образованію не прекращалось. Лицъ, предлагавшихъ свои услуги въ каче-

ствѣ учителей, тоже было не мало. Но лишь очень немногіе были дѣйствительно подготовлены для этого дѣла. Ни тѣ, которые стремились учиться, ни тѣ, которые охотно выступили въ роли учителей, не умѣли отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, чему и какъ надо учить и учиться. Образцомъ высшаго существа, свободнаго и просвѣщеннаго человѣка, являлся для бывшихъ рабовъ ихъ прежній господинъ, гнушающійся физическаго труда и изучающій въ пиколѣ древнихъ классиковъ. Намъ странно слышать это, — но, по словамъ Букера Вашингтона, многіе негры стремились начать свое образованіе съ изученія греческаго и латинскаго языка.

Вообще картина того умственнаго и нравственнаго состоянія, въ которомъ находились негры въ это время, является крайне характерною и поучительною. Освободивъ ихъ отъ рабства и даровавъ имъ вскорѣ и равенство въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ не приняло со своей стороны достаточныхъ мѣръ для того, чтобы уравнивать ихъ съ бѣлыми въ культурномъ отношеніи. Такія превосходныя образовательныя учрежденія, какъ школа въ Гамптонѣ, были исключительнымъ явленіемъ и организовались по частной инициативѣ. Молодое племя находилось въ опасности пойти въ своей дальнѣйшей жизни по совершенно ложному пути, увлечся, такъ сказать, мишурною, показною стороною цивилизаціи. Противъ этой то опасности боролся такъ энергично генералъ Армстронгъ со своими помощниками. Эта же опасность ясно сознавалась, по окончаніи школы, и Букеромъ Вашингтономъ: Благоевѣрія передъ тѣмъ подвигомъ, который совершенъ былъ освободителями негровъ, онъ, однако, съ полнымъ безпристрастіемъ разсуждаетъ о дальнѣйшей внутренней политикѣ правительства, а также и объ ошибкахъ своихъ соплеменниковъ. И во всемъ, что онъ говоритъ по этому поводу, чувствуется его свѣтлый, трезвый умъ и настоящая, неподкупная справедливость.

Среди невѣжественныхъ массъ негрскаго племени все сильнѣе сказывалось тяготѣніе къ высокимъ должностямъ и обязанностямъ политическаго дѣятеля, учителя и проповѣдника. Букеръ описываетъ нѣсколько случаевъ, какъ нельзя характернѣе рисующихъ ту простодушную вѣрность, съ какою сказывались эти стремленія. Среди учителей были люди, едва умѣющіе подписать свое имя и, однако, нисколько не сомнѣвающіеся въ своей способности обучить другихъ. Когда одного изъ такихъ учителей въ окрестностяхъ Мальдена спросили, приглашая его въ школу, что онъ знаетъ о формѣ земли и что преподастъ на этотъ счетъ своимъ ученикамъ, онъ спокойно отвѣтилъ, что можетъ трактовать этотъ вопросъ на любой ладъ: можно говорить, что земля круглая или плоская, — какъ будетъ угодно большинству его патроновъ.

Должность пастора, проповѣдника тоже представлялась новоосвобожденнымъ неграмъ верхомъ земнаго благополучія, и число претендентовъ на эту должность было буквально неисчислимо. Какой-нибудь

несчастный чернокожій труженникъ, проводившій свои дни въ угольныхъ копяхъ или на плантаціи по найму, вдругъ чувствовалъ въ одинъ прекрасный день, что его осѣняетъ «вдохновеніе свѣта», что въ немъ открывается способность проповѣдывать. Обыкновенно это вдохновеніе, этотъ особенный призывъ къ дѣятельности высшаго порядка исходилъ на бѣдняковъ во время церковной службы, подъ впечатлѣніемъ проповѣди уже посвященнаго пастора. Тогда онъ бросался со скамьи на полъ и лежалъ такъ нѣсколько часовъ, обращая на себя общее вниманіе и такимъ способомъ внушая окружающимъ увѣренность, что онъ принадлежитъ къ числу избранниковъ Божіихъ. Послѣ этого было уже не трудно дѣйствительно сдѣлаться служителемъ церкви, такъ какъ при особенностяхъ мѣстнаго вѣроисповѣданія число такихъ служителей можетъ быть очень значительно. Букеръ зналъ одну церковную общину, въ которой было не болѣе двухсотъ членовъ и которая имѣла при этомъ восемьдесятъ пасторовъ и проповѣдниковъ. О томъ, какъ несложень былъ психологическій процессъ, приводившій къ рѣшимости сдѣлаться проповѣдникомъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій рассказанный Букеромъ случай. Одинъ старый негръ, изъ Алабамы, проработавъ нѣсколько часовъ на хлопчатобумажной плантаціи подъ палящимъ зноемъ іюльскаго солнца, вдругъ остановился и воскликнулъ: «О Господи! Хлопокъ такъ густъ, работа такъ тяжела, а солнце жжетъ такъ горячо, что мнѣ кажется... этотъ чернокожій призванъ проповѣдывать!»

Что касается участія въ политикѣ, выборахъ, стремленія къ выборнымъ должностямъ разнаго порядка, то это сдѣлалось настоящей горячкой среди негровъ. Отсутствие какого-либо образовательнаго ценза не мѣшало политическому полноправію, и политическое честолюбіе, если можно такъ выразиться въ данномъ случаѣ, волновало самыхъ невѣжественныхъ представителей чернокожей расы. Бывали случаи, когда чернокожіе занимали на время очень высокую общественную должность, чтобы потомъ опять вернуться къ своей профессіи. Однажды, проходя мимо строящагося дома, Букеръ былъ пораженъ возгласами: раздававшимися съ подмостокъ верхняго этажа: «Ну, тащи, тащи, губернаторъ! Тащи, тащи!» Слова эти относились къ одному изъ рабочихъ, таскавшихъ наверхъ кирпичи, который нѣкоторое время занималъ должность вице-губернатора въ томъ самомъ штатѣ, гдѣ онъ теперь попрежнему таскалъ кирпичи. И это былъ еще одинъ изъ лучшихъ случаевъ, потому что обыкновенно занятіе какой-либо общественной должности кружило голову невѣжественнымъ людямъ и отбивало у нихъ всякую охоту вернуться къ тяжелой трудовой жизни.

Центромъ политическихъ стремленій являлся, конечно, г. Вашингтонъ, гдѣ находилась палата представителей, сенатъ и «Бѣлый домъ» президента. Нѣкоторымъ неграмъ уже удалось попасть въ палату представителей, одинъ былъ членомъ сената. Многія сотни чернокожихъ проживали въ Вашингтонѣ, ожидая выборовъ и надѣясь попасть

въ число избранниковъ, которые къ тому же получали во время исполненія своихъ обязанностей и порядочное жалованье. Но часто случилось, что этого жалованья не хватало счастливымъ, удостоившимся чести получать его: у нихъ развивалась склонность жить на широкую ногу, пускать пыль въ глаза,—они запутывались въ долги и, по отбытіи своихъ обязанностей, впадали въ совершенную нищету. Даже самые скромные и ничтожные молодые люди, попавъ въ столицу и добившись какой-нибудь маленькой частной должности, готовы были истратить послѣдніе гроши, чтобы проѣхать по главной улицѣ города въ шикарномъ экипажѣ. «Сколько разъ приходилось мнѣ думать въ то время, и какъ часто и теперь еще думаю я объ этомъ,—говоритъ Букеръ,—что хорошо было бы расселить большинство этихъ людей по разнымъ округамъ страны, посадить ихъ на землю, устроить ихъ жизнь на твердыхъ и надежныхъ основаніяхъ матери-природы; вѣдь всѣ націи и расы, которымъ суждено было достигнуть чего-нибудь, съ этого именно начали свое наступательное движеніе,—движеніе медленное и затрудненное, но зато вѣрное». То же самое говоритъ Букеръ и относительно молодыхъ негритянокъ, получившихъ извѣстное образованіе и стремящихся прежде всего къ удовлетворенію своего тщеславія. Окончивъ курсъ своего ученія, дочери простыхъ трудолюбивыхъ работницъ желали прежде всего имѣть дорогія платья, шляпы, башмаки. «Словомъ, потребности ихъ значительно развились, тогда какъ умѣніе удовлетворять эти потребности не развилось въ надлежащей степени». Исключительно книжное обученіе ослабило въ нихъ способность къ физическому труду. «И много разъ думалось мнѣ,—говоритъ Букеръ,—что было бы гораздо разумнѣе, если бы, давая имъ такое же умственное воспитаніе—я одобряю всѣ пути умственного развитія, будь то изученіе языковъ или математики, ибо это усиливаетъ и углубляетъ духъ человѣческій,—но въ то же время обучали бы этихъ дѣвушекъ новѣйшимъ и наиболѣе совершеннымъ способамъ стирки или какимъ-нибудь другимъ видамъ физическаго труда».

Картина, нарисованная Букеромъ, не представляетъ изъ себя ничего исключительнаго, мѣстнаго, связаннаго съ тою или другою расою или эпохою. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ невѣжественные и полуобразованные люди, выбившись изъ болѣе низкаго общественнаго положенія въ высшее, выказываютъ презрѣніе къ труду и хотятъ воспользоваться прежде всего мишурною стороною культуры. Во всѣ времена просвѣщенная часть общества стремилась сбросить съ себя бремя физической работы и ввалить ее на плечи бѣдныхъ и темныхъ. Соотвѣтственно съ этимъ ведется и воспитаніе младшихъ поколѣній. Протестъ противъ такого положенія вещей тоже не является вполнѣ новымъ для нашего времени. Но въ устахъ Букера Вашингтона протестъ этотъ приобретаетъ особенный смыслъ и особенную силу, потому что вся жизнь этого человѣка была протестомъ *на дѣль*, непрерыв-

ною практической борьбою противъ низкихъ и грубыхъ инстинктовъ, замѣченныхъ имъ прежде всего у своихъ соплеменниковъ и для нихъ, именно, какъ для молодой расы, особенно опасныхъ. Его педагогическая дѣятельность съ самаго начала, съ момента выхода изъ школы, проникнута совершенно опредѣленною идеею, родившеюся въ немъ подъ влияніемъ его гамптонскихъ воспитателей, но пустившей глубокіе корни въ его собственномъ умѣ и развитой имъ съ удивительною послѣдовательностью.

Вотъ что рассказываетъ Букеръ о началѣ своей педагогической дѣятельности: «Когда я вернулся въ Мальденъ, меня избрали преподавателемъ въ мѣстной школѣ для чернокожихъ. Это было началомъ одного изъ самыхъ счастливыхъ періодовъ моей жизни. Съ первыхъ же дней я почувствовалъ, что одного книжнаго обученія было недостаточно для молодого населенія города. Я начиналъ свой трудъ въ восемь часовъ утра и обыкновенно не оканчивалъ его ранѣе десяти часовъ ночи. Въ дополненіе къ обычному преподаванію, я пріучалъ моихъ учениковъ причесывать волосы, держать въ чистотѣ руки и лицо, чистить платье. Особенное вниманіе обращалъ я на то, чтобы они научились употребленію зубной щетки и ваннъ... Въ городѣ было не мало взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, а также зрѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, занятыхъ въ теченіе дня тою или другою работою, но вмѣстѣ съ тѣмъ всячески искавшихъ случая получить образованіе,—такъ что вскорѣ я открылъ вечернюю школу. Съ самаго своего возникновенія эта вечерняя школа привлекала почти столько же народу, сколько дневная. Прилежаніе этихъ мужчинъ и женщинъ, достигшихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пятидесятилѣтняго возраста и даже еще болѣе старыхъ, было поистинѣ трогательно. Дневная и ночная школа не были моимъ единственнымъ дѣломъ. Я основалъ также маленькую читальню и общество дебатовъ. По воскресеньямъ я преподавалъ въ двухъ воскресныхъ школахъ—въ одной, находившейся въ самомъ Мальденѣ, въ послѣполуденное время, въ другой, отстоявшей за три мили отъ Мальдена, по утрамъ. Въ дополненіе къ этому я давалъ частные уроки нѣкоторымъ молодымъ людямъ, которыхъ я подготавливалъ къ поступленію въ Гамптонскую школу.

Однимъ изъ такихъ учениковъ Букера, подготавливаемыхъ имъ въ гамптонскую школу, сдѣлался и старшій братъ его Джонъ, который во время обученія Букера самоотверженно поддерживалъ своимъ трудомъ всю семью. Подготовка эта шла какъ нельзя болѣе успѣшно. Джонъ скоро отправился въ Гамптонъ, а по окончаніи имъ школы, черезъ три года, оба брата соединили свои усилія, чтобы подготовить для поступленія туда же своего младшаго, пріемнаго брата.

Однако, Букеръ чувствовалъ потребность нѣсколько расширить собственное образованіе. Въ виду этого, проработавъ два года въ мальденскихъ школахъ, онъ пошелъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ одинъ

изъ колледжей Вашингтона. Здѣсь образованіе носило исключительно теоретическій, научный характеръ, техника и практическое воспитаніе были въ пренебреженіи. Учащіеся здѣсь замѣтно отличались отъ воспитанниковъ гамптонской школы. Они были значительно богаче, лучше одѣты, нѣкоторые изъ нихъ выдавались блестящими умственными способностями. Но наблюденія надъ ними только укрѣпили въ Букерѣ его убѣжденія въ преимуществахъ гамптонской системы. «Воспитанникъ Гамптона, обучаясь технику, долженъ былъ постоянно направлять свои усилія на то, чтобы самостоятельно справляться со своими житейскими нуждами, и это имѣло огромное значеніе для образованія характера. Учащіеся этой, Вашингтонской школы не могли быть столь независимыми. Они склонны были также обращать особенное вниманіе на совершенно вѣшнія вещи... По окончаніи школы они были лучше знакомы съ греческимъ и латинскимъ языкомъ, но зато меньше знали жизнь, хуже понимали тѣ стороны ея, съ которыми они должны были столкнуться по возвращеніи домой». Многие изъ нихъ въ погонѣ за легкимъ житейскимъ успѣхомъ и наживою подпали въ послѣдствіи искушенію стать хозяевами отелей или избрать «въ качествѣ дѣла всей своей жизни» службу на желѣзной дорогѣ.

Въ этихъ строкахъ книги Букера Вашингтона звучитъ замѣтное пренебреженіе къ людямъ буржуазнаго типа, къ жизни, лишеной какого-либо высшаго смысла и безкорыстнаго стремленія «сдѣлать міръ хоть немного лучше, чѣмъ онъ есть».

VI.

Ко времени окончанія курса въ Вашингтонской школѣ Букеръ Вашингтонъ пользовался уже въ своемъ штатѣ такою извѣстностью, что на долю его выпало исполненіе отвѣтственной и довольно почетной обязанности. Въ это время правительство Западной Виргиніи рѣшило перенести административный центръ штата изъ не подходящаго болѣе для этой цѣли Уплинга въ одинъ изъ трехъ другихъ значительныхъ городовъ. Среди этихъ назначенныхъ трехъ городовъ былъ и Чарлстонъ находившійся поблизости отъ Мальдена. Репутація Букера, какъ выдающагося оратора, побудила гражданъ Чарлстона призвать его въ качествѣ агитатора за ихъ интересы. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ разъѣзжалъ изъ одного мѣстечка въ другое, и цѣль его стараній была достигнута: первенство осталось за Чарлстономъ.

Было бы естественно, если бы этотъ успѣхъ на поприщѣ оратора и агитатора пробудилъ въ Букерѣ стремленіе къ политической дѣятельности, которая представлялась столь соблазнительною всѣмъ его соплеменникамъ. И дѣйствительно, многие старались склонить его къ этому. Но, вѣрный своей честной и безкорыстной натурѣ, онъ не склонился на этотъ соблазнъ: карьера политическаго дѣятеля казалась ему

черезчуръ эгоистическою, не соответствующею насущнымъ нуждамъ его народа, которому прежде всего недоставало просвѣщенія и необходимой степени цивилизаціи. Онъ предпочелъ остаться педагогомъ и вернулся къ своимъ учительскимъ обязанностямъ въ Мальденъ.

Однако ему не суждено было остаться на этомъ скромномъ посту. Не успѣлъ онъ взяться за свое учительство, какъ его вызвали въ Гамптонъ, гдѣ генералъ Армстронгъ поручилъ ему сказать публичную рѣчь при открытіи въ школѣ новаго семестра, а затѣмъ тотъ же генералъ Армстронгъ упростилъ его взять въ школѣ постоянное и очень отвѣтственное мѣсто—въ качествѣ воспитателя краснокожихъ, впервые допущенныхъ въ школу. Задача Букера была не изъ легкихъ. Самый опытъ допущенія въ негрскую школу индѣйцевъ представлялъ нѣкоторый рискъ: при полномъ невѣжествѣ представители этой вымирающей расы отличались крайнимъ высокомеріемъ. Даже къ покорителямъ своимъ, бѣлымъ, они относились не только съ предубѣжденіемъ, но и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Тѣмъ болѣе презирали они негровъ, которые такъ долго и терпѣливо несли крестъ рабства, никогда не извѣданнаго индѣйцами и совершенно ненавистнаго ихъ вольнолюбивой и дикой природѣ. По отношенію къ бѣлымъ краснокожіе находились также въ привилегированномъ положеніи передъ неграми: они свободно допускались, наравнѣ съ бѣлыми, въ разныя общественныя мѣста, куда негровъ не допускаютъ. На желѣзныхъ дорогахъ, напр., негры должны ѣздить въ особыхъ вагонахъ; многіе отели до сихъ поръ совершенно недоступны для нихъ. Взавъ на себя обязанности воспитателя при отдѣленіи для краснокожихъ, Букеръ не разъ оказывался въ самомъ затруднительномъ положеніи. Однажды ему пришлось отвозить одного изъ своихъ воспитанниковъ въ вашингтонскую гѣчебницу. Когда парходная публика собралась въ общую столовую къ обѣду, Букеръ предусмотрительно выждалъ въ своей каютѣ окончанія обѣда, но и тутъ доступъ въ общую столовую былъ ему воспрещенъ, тогда какъ воспитанникъ его могъ идти туда на общихъ основаніяхъ. Въ одной изъ гостинницъ, гдѣ они хотѣли остановиться, ему также отказали въ приемѣ, хотя ничего не имѣли противъ допущенія краснокожаго.

Но Букеръ не обращалъ особеннаго вниманія на всѣ эти неприятности и мужественно продолжалъ свое дѣло. Обученіе индѣйцевъ англійскому языку шло у него вначалѣ успѣшно. Наибольшая трудность, по его словамъ, заключалась для него въ томъ, чтобы заставить ихъ отказаться отъ такихъ невинныхъ, но упорныхъ привычекъ ихъ племени, какъ привычка постоянно курить, носить длинные волосы и особое покрывало. По своему образу мыслей Букеръ былъ даже вовсе не склоненъ бороться съ такими чисто внѣшними племенными особенностями, «но,—говоритъ онъ,—вѣдь ни одинъ бѣлый американецъ не признаетъ представителя другой расы вполне цивилизованнымъ, пока тотъ не станетъ носить его одежды, ѣсть его пицци, говорить его языкомъ и

исповѣдывать его религіи». И воспитателямъ Гамптонской школы приходилось признавать эти требованія массы, какъ force majeure, и сообразоваться съ ними въ интересахъ самихъ воспитанниковъ.

Вѣроятно молодые индѣйцы, порученные презрѣнному для нихъ негру, скоро почувствовали и его умственное превосходство, и его гуманность, потому что предубѣжденіе ихъ стало быстро разсѣиваться, и они начали выражать ему уваженіе и даже теплую, искреннюю любовь.

По прошествіи года генералъ Армстронгъ поручилъ Букеру и другую должность при Гамптонской школѣ,—должность, къ которой онъ былъ хорошо подготовленъ испытаніями собственной юности. Изъ числа молодыхъ людей—мужчинъ и женщинъ, стремившихся поступить въ Гамптонскую школу, было нѣсколько такихъ, которые, подобно самому Букеру въ былое время, пришли туда съ пустыми руками, не имѣя ни гроша, чтобы заплатить за право ученія и за пансіонъ. При отсутствіи какихъ-либо доходовъ, превышавшихъ необходимые расходы, и какихъ-либо дополнительныхъ средствъ, школа не имѣла ни малѣйшей возможности допускать бесплатныхъ пансіонеровъ. Поэтому рѣшено было обходить затрудненіе тѣмъ же способомъ, какъ это было сдѣлано нѣкогда по отношенію къ Букеру: бѣдные, но способные молодые люди оставались при нѣкогда въ качествѣ работниковъ, съ обязанностью трудиться въ теченіе десяти часовъ въ день на открытой при школѣ гѣсопильнѣ, а женщины—въ прачешной, за что имъ давалось полное содержаніе, два часа занятій въ «ночной школѣ» и право перейти затѣмъ безъ дополнительной платы въ дневные классы.

Букеръ сдѣланъ былъ преподавателемъ этой ночной школы и воспитателемъ всѣхъ въ ней учащихся. Вначалѣ онъ имѣлъ всего двѣнадцать учениковъ. Но дѣло пошло какъ нельзя болѣе успѣшно, и воспитанники его класса, благодаря вліянію учителя, скоро стали особенно популярными среди пансіонеровъ школы и даже среди окрестнаго населенія. Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ число ихъ возросло до двадцати пяти. Всѣ они прошли полный курсъ школы и добились въ послѣдствіи хорошаго жизненнаго положенія. Удачно задуманная и превосходно выполненная мысль стала приносить богатые плоды: въ настоящее время число учениковъ въ ночной школѣ Гамптона достигаетъ уже нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Л. Гуревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АНГЛІЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1827—1902.

(Къ семидесятипятилѣтію со дня смерти Джорджа Каннинга).

I.

Не нова уже фраза, что Европа переживаетъ въ настоящее время «историческіе будни». Съ точки зрѣнія общественнаго, эта фраза не имѣетъ ровно никакого значенія, ибо понятіе о «будняхъ» и «праздникахъ» въ исторіи всегда должно имѣть чрезвычайно условный и, главное, субъективный смыслъ. Да и кромѣ того, огромныя массы въ каждомъ народѣ остаются — за вычетомъ весьма рѣдкихъ мгновеній — слишкомъ безучастными къ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, среди которыхъ живетъ болѣе культурная и болѣе о себѣ говорящая часть націи. Кажутся ли тому или иному слою этой болѣе культурной части народа впечатлѣнія исторической дѣйствительности праздничными или будничными, или погребальными, — до всего этого народнымъ массамъ нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла: у нихъ своя жизнь, свои воззрѣнія, свои болѣе инертныя и медленнѣе раскачиваемыя мысли и чувства. Но фраза о «будняхъ» понятна и, быть можетъ, законна въ другомъ отношеніи: въ однѣ эпохи умственно-передовые слои общества живѣе, болѣе захватывающе переживаютъ современную имъ исторію, она предстаетъ предъ ними въ рѣзкихъ очертаніяхъ, яркихъ картинахъ, покоряющихъ фантазію образахъ; въ другія эпохи этимъ общественнымъ слоямъ историческая дѣйствительность представляется, на самомъ дѣлѣ, въ видѣ долгаго сѣренькаго осенняго дня, безъ солнца, безъ грозы и безъ особенно развлекающихъ умъ дурныхъ ли, хорошихъ ли происшествій. Только въ этомъ узкомъ, условномъ и, пожалуй, *сословномъ* смыслѣ и возможно толковать о любой исторической эпохѣ, какъ о будняхъ или не—будняхъ. Несомнѣнно одно: давно уже пульсъ исторической жизни европейскихъ народовъ не выбиваетъ такихъ, сравнительно равномерныхъ ударовъ, какъ въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вв., и никакое самочувствіе, всегда по существу своему субъективное, не можетъ нагляднѣе установить эту истину, нежели общій взглядъ на событія минувшаго столѣтія, — сравненіе быстроты темпа

исторической жизни въ первыя три четверти столѣтія съ быстротою темпа за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Цѣлый міръ политической, научной и философской мысли, художественнаго творчества, ожесточеннѣйшая борьба между расами, между классами, между континентами—все это осталось за Европою въ ближайшемъ ея прошломъ. Много было передумано и сдѣлано, много выдвинулось яркихъ и сильныхъ представителей мысли и дѣла, чувства и разсчета, обороны и нападенія. XIX-ый вѣкъ былъ вѣкомъ замѣчательныхъ индивидуальностей, появившихся въ количествѣ, удивительномъ даже по сравненію съ предыдущимъ столѣтіемъ,—и въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, почти весь онъ былъ сплошнымъ «праздникомъ», а не буднями. «Какъ ярилась, какъ кипѣла, какъ пылала, какъ гремѣла здѣсь народная война въ страшный день Бородина», говоритъ Жуковский, вспоминая среди засѣяннаго поля, какъ тамъ «бомбы падали дождемъ, и земля тряслась кругомъ». То, что переживалъ поэтъ своимъ творческимъ воображеніемъ, встаетъ предъ всякимъ знакомящимся съ историческими фактами недавняго европейскаго прошлаго—безъ участія фантазіи, изъ книгъ, изъ мемуаровъ, изъ всѣхъ «человѣческихъ документовъ», оставленныхъ этимъ прошлымъ. Забытые и памятные дѣятели снова оживаютъ, опять борются, дѣлаютъ преступленія и подвиги, жертвуютъ своею и чужою жизнью, устраиваютъ боины, интригуютъ, мечтаютъ, раскаяваются, убиваютъ и крадутъ, молятся и богохульствуютъ, пытаются и сентиментальничаютъ. Крупные характеры, быстрые умы, обширные замыслы, дерзкія начинанія, яркіе поступки—много всего этого видѣла Европа въ близкомъ своемъ прошломъ. Но человѣкъ, сошедшій съ мировой арены семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, среди этихъ крупныхъ характеровъ и быстрыхъ умовъ занимаетъ весьма определенное мѣсто, которое съ нимъ раздѣляютъ въ исторіи XIX-го вѣка очень немногіе: онъ правилъ одною изъ могущественнѣйшихъ странъ міра въ самую сумеречную эпоху всеевропейской реакціи и пользовался своею властью и силою не на пользу угнетателей, а на пользу угнетенныхъ; въ годы, когда Меттернихъ и его друзья съ пренебрежительною насмѣшкою говорили о безусыхъ удиверситетскихъ мальчишкахъ, являющихся единственными противниками ихъ мудрой и здравой политики,—этотъ человѣкъ сталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на сторону безусыхъ университетскихъ мальчишекъ; пушечныя жерла перваго въ мірѣ флота по одному мановенію его руки готовы были заговорить въ униссонъ съ прятавшимися и гонимыми на континентѣ «преступными фантазерами», по крайней мѣрѣ по цѣлому ряду весьма важныхъ вопросовъ; въ краткій моментъ своего могущества онъ сдѣлалъ свою политику во многомъ матеріализаціей протеста противъ меттерниховщины, протеста, безсильнаго и робкаго въ другихъ мѣстахъ.

За долгіе годы, за всю эпоху, окончившуюся іюльской революціей, политика Джорджа Каннинга была отвѣтною пощечиною многимъ и на

многое. Онъ сошелъ въ могилу въ расцвѣтѣ душевныхъ силъ, находясь въ апогеѣ власти и вліянія, успѣвъ осуществить далеко не все, что можно было бы ожидать впослѣдствіи. Но моральное значеніе этой фигуры ужъ потому не должно быть забыто, что исторія вовсе не избаловала Европу подобными явленіями. Его помянуть, вѣрно, теплымъ словомъ въ Португаліи, въ Испаніи, а также въ Южной Америкѣ, въ Греціи, освобожденію которыхъ онъ такъ сильно содѣйствовалъ; къ Россіи онъ такого прямого и непосредственнаго отношенія не имѣлъ, но пусть уже эти нѣсколько словъ, которыя мы хотимъ посвятить его памяти, будутъ оправданы хоть тѣмъ соображеніемъ, что въ годы дѣятельности и смерти Каннинга, и Греціи, и романскія событія оказывались не совсѣмъ чуждыми въ наиболѣе отдаленныхъ отъ нихъ широтахъ: самый національный и великій русскій поэтъ не разъ обращался мыслью къ мѣстамъ, гдѣ «воскресла древнихъ грековъ слава» и повѣствовалъ о томъ, какъ «сказали разъ царю, что, наконецъ, мятежный вождь Ріего былъ удушенъ...» Испанскіе, южно-американскіе, греческіе интересы являлись тогда, во многихъ отношеніяхъ, космополитическими ужъ потому, что объединяли передовые слои европейскаго общества сочувствіемъ къ борющимся за освобожденіе. Быть можетъ, хоть вслѣдствіе этого, не слѣдуетъ совершенно обойти молчаніемъ годовщину смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ пушкинскихъ современниковъ...

II.

Джорджъ Каннингъ родился въ апрѣлѣ 1770 года, въ семьѣ, весьма бѣдной (хотя и довольно извѣстной и старой). По смерти отца, мать его добывала семьѣ (Джорджъ былъ еще маленькимъ) средства къ жизни службою въ театрѣ въ качествѣ актрисы. Впрочемъ, судьба скоро ей улыбнулась, и Джорджъ попалъ на счетъ своего богатаго дяди въ итонскую школу, традиціонное учебное заведеніе для наследниковъ богатыхъ и аристократическихъ домовъ Великобританіи. Въ этомъ училищѣ процвѣтала, конечно, розга въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, но были и свои хорошія стороны: не особенно обременяли головы старымъ латино-греческимъ грамматическимъ хламомъ, входившимъ въ программы, поощряли развивавшійся между школьниками духъ товарищества, учителя и тutory были лишены всякаго карьеризма и сопутствующихъ этой чертѣ качествъ. Въ общемъ, заботились чрезвычайно много о физическомъ здоровьѣ, о выработкѣ того, что англичанѣ называютъ *vigilantia*—мужественнаго характера, думали и о манерахъ будущихъ свѣтскихъ людей и членовъ парламента.

Каннингъ по окончаніи курса въ Итонѣ перешелъ въ оксфордскій университетъ, гдѣ сблизился съ блестящею молодежью, готовившейся выступить на политическое поприще. Въ кружкахъ этой молодежи часто происходили пирушки и товарищескія собранія, на которыхъ

говорились рѣчи, устраивалось вѣчто вродѣ словесныхъ турнировъ, пародировались парламентскія засѣданія. Все это имѣло видъ и смыслъ не совсѣмъ шутки, не совсѣмъ игры: старые лорды и министры охотне преклоняли свой слухъ, когда имъ рассказывали о подростающемъ поколѣннн и выдающихся среди него ораторскихъ талантахъ. И виги и торія были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ кадры пополнялись новыми, свѣжими силами; главари обѣихъ партій, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи довольно много мѣстъ въ нижней палатѣ (въ виду находившейся еще въ полной силѣ системы «гнилыхъ мѣстечекъ»), были, естественно, поглощены желаніемъ видѣть на этихъ мѣстахъ дѣйствительныхъ себѣ помощниковъ, ораторовъ и дѣятелей, а не тяжеловѣсныхъ сельскихъ дворянъ, которые правда, безропотно подавали свой голосъ, куда приказано патрономъ, но отъ которыхъ до смѣшного невозможно было ожидать мало-мальски активной поддержки. Лидеръ оппозиціи, также какъ первый министръ,—всегда могъ заставить vybrать въ палату общинъ въ томъ или иномъ округѣ нужнаго кандидата,—и гнетущій вопросъ былъ, собственно, въ людяхъ, въ новыхъ ораторскихъ талантахъ и политическихъ умахъ. Оттого-то каждый новый выпускъ оксфордскаго или кэмбриджскаго университетовъ чрезвычайно интересовалъ обѣ «великія партіи». Едва Джорджъ Каннингъ окончилъ университетскій курсъ и сталъ готовить себя къ юридической карьерѣ,—какъ Вильямъ Питтъ, первый министръ, черезъ общихъ знакомыхъ пригласилъ къ себѣ юношу и предложилъ ему баллотироваться въ палату общинъ, обѣщая свое полное содѣйствіе при выборахъ. Каннингъ согласился и въ 1793 году, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду,—сталъ членомъ парламента.

Политическая жизнь Каннинга началась, и началась въ весьма тревожное время. Терроръ, бушевавшій во Франціи, налагалъ свою печать на политику всѣхъ европейскихъ странъ, и внутреннюю, и внѣшнюю. Консервативный кабинетъ Вильяма Питта былъ всемогущъ внутри страны, но страшный врагъ стоялъ предъ нимъ за Ламаншемъ. Революція вдвойнѣ была ненавистна тогдашнимъ правящимъ кругамъ Англіи: во-первыхъ, они почти въ той же мѣрѣ, какъ и континентальныя правительства, боялись ея заразительности, — того, что мятежъ перекинется черезъ проливъ; во-вторыхъ, конвентъ и революціонеры грозили имъ постоянною войною, нападеніями на морѣ, высадкою въ Ирландіи, убійствомъ проживающихъ во Франціи англійскихъ купцовъ и т. д. Угрюмые и важные старики, промолчавшіе всю свою жизнь въ палатѣ лордовъ, волновались каждымъ извѣстіемъ, приходившимъ изъ Парижа, такъ же сильно, какъ сельскіе джентльмены палаты общинъ. Происходило вѣчто, смутно напоминающее то моральное состояніе, которое было названо у насъ «дворянскою хандрой» и при которомъ иные помѣщики, разстроенные слухами объ эмансипаціи, а потомъ и ея послѣдствіями, готовы были въ каждомъ нагрубившемъ

лакеѣ видѣть «пугачевского эмиссара». Въ концѣ концовъ, «французская язва» оказалась несравненно менѣе прилипчивой, нежели это сразу могло показаться, но въ годину террора число сторонниковъ непримиримаго врага Франціи — Вильяма Питта росло чуть не съ каждымъ днемъ. Но такихъ людей, какъ Джорджъ Каннингъ, повидимому, оттадживали отъ очень немногихъ друзей Франціи не столько демократическій характеръ революціи, не «заразительность» ея принциповъ, сколько страшные размѣры кровопролитія, свирѣпость конвента, обиліе и немотивированность казней. Въ первые годы своего пребыванія въ парламентѣ Каннингъ мало выступалъ въ качествѣ оратора: его дебютъ на ораторскомъ поприщѣ оказался неудаченъ, и это, вѣроятно, имѣло довольно обезкураживающее вліяніе на молодого человѣка. Но Вильямъ Питтъ не терялъ изъ виду своего протезе; онъ рѣдко ошибался въ людяхъ, и не ошибся также на этотъ разъ. Съ 1797 года Каннингъ принялъ чрезвычайно живое участіе въ политическомъ журналѣ «Антиякобинецъ», имѣвшемъ цѣлю, какъ показываетъ самое его названіе, бороться путемъ стихотворной и прозаической сатиры съ идеями, одушевлявшими крайнюю фракцію французскихъ революціонеровъ. По мѣрѣ того, какъ росли военные успѣхи сначала конвента, потомъ директоріи, вражда къ Франціи принимала въ правящихъ англійскихъ кругахъ особенно острый характеръ, и журналъ, въ которомъ сотрудничалъ Каннингъ, быстро создалъ молодому писателю репутацію талантливаго и остроумнаго памфлетиста. Почти одновременно съ сотрудничествомъ въ «Антиякобинцѣ» Каннингъ, довольно неожиданно для всѣхъ, былъ назначенъ Вильямомъ Питтомъ на постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ («помощника статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ»). Блестящая свѣтская жизнь со всѣми ея удовольствіями открылась предъ двадцатисемилѣтнимъ товарищемъ министра. Каннингъ былъ салоннымъ львомъ, признаннымъ и почитаемымъ; онъ былъ строенъ, хорошъ собою, съ прекрасными живыми глазами, въ обществѣ отличался остроуміемъ и тою быстротою такта, которая является характерною чертою этого человѣка отъ начала до конца его карьеры. Ему подражали, его *bons mots* повторялись съ упоеніемъ, и когда угловатые, неказистые снаружи и роскошные внутри дворцы лондонской знати горѣли сотнями свѣчныхъ люстръ, карета Каннинга неизмѣнно красовалась у подъѣзда, потому что ни одинъ истинно фешенебельный балъ безъ него не обходился. А нужно сказать, что въ эти годы, до парламентской реформы, вся власть надъ странюю, все вліяніе въ парламентѣ—принадлежали олигархіи,—маленькой кучкѣ знатныхъ семействъ, сажавшихъ кого угодно въ нижнюю палату и заполнявшихъ самолично палату лордовъ; имѣть успѣхъ въ свѣтѣ значило—даже не косвенно, а въ самомъ прямомъ смыслѣ—приближаться быстрыми шагами къ первымъ государственнымъ постамъ; «важные старики, обсыпанные пудрою и нюхательнымъ табакомъ», на берегахъ

Темзы еще больше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, приглядывались къ молодежи, блиставшей въ танцевальныхъ залахъ и за ломберными столами, и намѣчали изъ ея среды себѣ помощниковъ и преемниковъ. Здѣсь, въ Англии, это дѣлалось болѣе непосредственно: олигархія тутъ была властительницею, а не только обладательницею вліянія, нужнаго для «протекціи». Молодой товарищъ министра уже былъ героемъ нѣсколькихъ сезоновъ, когда начался болѣзненный катаклизмъ, временно прервавшій дальнѣйшее развитіе его карьеры. Этотъ катаклизмъ, отозвавшійся на всемъ государственномъ организмѣ, исходилъ, какъ и слѣдовало ожидать, изъ Ирландіи.

Ирландцы не переставали волноваться съ самаго начала 90-хъ годовъ. Георгъ III-й, все замѣтнѣе и замѣтнѣе приближавшійся къ помѣшательству, съ обычнымъ своимъ раздражительнымъ упорствомъ усиливалъ англиканскую реакцію на несчастномъ островѣ, вопреки намѣреніямъ и желаніямъ Вильяма Питта. Не потому Питтъ стремился успокоить Ирландію, что она хоть въ малой степени возбуждала въ немъ состраданіе, но онъ ясно видѣлъ то, что отказывался видѣть полусумасшедшій король: французы уже вошли въ прямые переговоры съ ирландскими патріотами и ихъ высадка въ Ирландіи грозила серьезною бѣдою английскому королевству. Съ 1797 года въ Ирландіи начались кровавыя волненія, только потому достаточно не поддержанныя французской директоріей, что не было свободныхъ войскъ: отборная армія отплыла съ Бонапартомъ въ Египетъ, и въ Ирландію возможно было послать лишь маленькій отрядъ. Возстаніе было усмирено самымъ варварскимъ образомъ: англичане казнили безъ разбора всѣхъ, казавшихся имъ опасными людьми. Но Питтъ былъ слишкомъ ужъ раздраженъ противъ Георга III по поводу этого бунта, столь некстати вызваннаго королемъ и его единомышленниками. Къ тому же, Питтъ уже около пяти разъ заставлялъ парламентъ давать королю деньги, на которыя тотъ не имѣлъ правъ, якобы для уплаты долговъ, а на самомъ дѣлѣ для безграничнаго и непрерывнаго кутежа и разврата королевскихъ принцевъ. Теперь, въ 1801 году, предвидѣлась необходимость въ шестой разъ просить для короля этихъ денегъ, да и король упорно не соглашался дать католикамъ хоть ту маленькую, ограниченную эмансипацію, безъ которой Питтъ считалъ совершенно невысланнымъ утихомирить надолго Ирландію. Были и еще причины, коренившіяся уже въ дѣлахъ виѣшней политики, почему Вильямъ Питтъ счелъ благоразумнымъ на время уйти отъ власти. вмѣстѣ съ Питтомъ ушелъ и Каннингъ; за нѣсколько мѣсяцевъ до отставки онъ увѣнчалъ свѣтскую карьеру свою женитьбою на одной изъ самыхъ блестящихъ красавицъ лондонской аристократіи—леди Дженъ Скоттъ, принесшей ему, кромѣ родства съ знатнѣйшими домами Англии, приданое въ 100.000 фунтовъ стерлинговъ.

Воплощенное политическое ничтожество, сэръ Аддингтонъ, смѣнилъ

Питта; Каннингъ сталъ по отношенію къ новому кабинету въ рѣзко-враждебныя отношенія. Болѣе, нежели когда-либо, Каннингу казалось необходимымъ поддерживать войну противъ Франціи, противъ Наполеона, а новый кабинетъ склонялся къ миру—и миръ, дѣйствительно, въ 1802 году былъ заключенъ. Каннингъ громилъ кабинетъ за его трусость, нерѣшительность, отсутствіе опредѣленныхъ плановъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ этотъ ненавистникъ Наполеона ставилъ въ примѣръ перваго консула своимъ противникамъ, аддингтоновскимъ министрамъ. «Взгляните на Францію,—вскричалъ онъ однажды въ парламентѣ:—что сдѣлало ее тѣмъ, чѣмъ вы ее видите? Одинъ человекъ! Вы скажете мнѣ, что она была велика, могущественна, крѣпка еще до бонапартовскаго управленія, что онъ нашелъ въ ней великія физическія и моральныя средства, и что ему нужно было только ими распорядиться. Правильно,—но онъ и распорядился ими. Сравните положеніе, въ которомъ онъ засталъ Францію, съ положеніемъ, изъ котораго онъ ее возвысилъ. Я не панегиристъ Бонапарта, но я не могу закрыть глаза на все превосходство его талантовъ»... Общимъ выводомъ изъ всѣхъ заявленій Каннинга въ это время было то, что необходимо вернуть Питта къ власти, что Аддингтонъ, въ качествѣ противника перваго французскаго консула, до курьеза не на своемъ мѣстѣ.

Вскорѣ (въ 1803 году) амьенскій миръ былъ расторгнутъ,—и Наполеонъ началъ дѣятельно готовиться къ высадкѣ на англійскіе берега. Когда въ булонскомъ лагерѣ стали сосредоточиваться огромныя военныя силы и боевые припасы, паника въ Англіи была такъ сильна, что безъ особыхъ усилій оппозиціи министерство Аддингтона пало, и Питтъ снова сталъ во главѣ кабинета, а Каннингъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его помощниковъ; изъ всѣхъ членовъ министерства 1804 года, послѣдняго министерства Вильяма Питта, никто не могъ бы съ такимъ основаніемъ назваться правою рукою премьера, какъ Каннингъ. Именно въ это-то свое послѣднее пребываніе у власти, Питтъ и оказалъ неоцѣнимую услугу своей родинѣ, сбросивъ путемъ ловкихъ дипломатическихъ маневровъ и денежныхъ подачекъ все бремя войны на руки континентальныхъ державъ: пока Наполеонъ билъ австрійцевъ и русскихъ, разорялъ Австрію и расчленялъ Германію,—Англія наслаждалась полною безопасностью. Но какъ ни былъ энергиченъ, дальновзорокъ и уменъ Вильямъ Питтъ,—онъ не могъ предвидѣть такого страшнаго, такого полнаго разгрома коалиціи, какъ тотъ, что произошелъ при Ульмѣ и на поляхъ Аустерлица, и неожиданность несчастья была смертельнымъ ударомъ для бодрого духомъ, но большого физически премьера. 2 декабря 1805 года Наполеонъ выигралъ аустерлицкое сраженіе, а черезъ семь недѣль, 23 января 1806 года, Вильямъ Питтъ скончался. Въ кабинетѣ Фокса и Гренвиля Каннингъ участвовать не могъ, вслѣдствіе неприязни къ вигамъ, въ значительномъ количествѣ вошедшимъ въ министерство, и весь этотъ страшный для континен-

тальной Европы 1806 годъ провелъ въ рядахъ оппозиціи. Наполеонъ уничтожилъ всѣ прусскія арміи, занялъ Варшаву, произошли уже кровавыя его битвы съ русскими при Пултускѣ и Эйлау, — а министерство Гренвиля (Фоксъ умеръ спустя нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи въ должность) ровно ничего не предпринимало, чтобы хоть немного компенсировать всю тяжесть этихъ блестящихъ наполеоновскихъ успѣховъ. Кабинетъ палъ съ внѣшней стороны какъ будто вслѣдствіе несогласія съ парламентомъ и королемъ по вопросу объ эмансипаціи католиковъ, а на самомъ дѣлѣ изъ-за того же, изъ-за чего и Аддингтонъ принужденъ былъ въ свое время уступить мѣсто Вильяму Питту: грозныя проблемы внѣшней политики, борьбы съ Наполеономъ требовали снова болѣе энергичнаго руководителя дѣлами, нежели Гренвиль. Весною 1807 года герцогъ Портлендъ образовалъ торійскій кабинетъ, въ которомъ Каннингъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кэстльри военнымъ министромъ, а первымъ лордомъ адмиралтейства Мэльгревъ. Особенно крупной роли Каннингъ здѣсь не игралъ, ибо Мэльгревъ Кэстльри и Портлендъ фактически заправляли всею иностранною политикою. Послѣ тильзитскаго мира, отдавашаго почти всю Европу либо во власть, либо подъ прямое вліяніе Наполеона, кабинетъ Портленда рѣшился на то отчаянное предпріятіе, которое даже въ англійской исторической литературѣ особой хвалы себѣ не снискало: подъ вліяніемъ угрозъ всесильнаго на континентѣ Наполеона, Данія не рѣшалась примкнуть къ Англіи, какъ требовалъ этого англійскій кабинетъ. И вотъ, въ глубокой тайнѣ была снаряжена морская экспедиція противъ Даніи, и Копенгагенъ подвергся страшной бомбардировкѣ, снесшей прочь нѣсколько улицъ и перебившей около двухъ тысячъ мирныхъ гражданъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что варварство и разбойничій характеръ этого происшествія зависѣли въ значительной степени отъ общей нервной напряженности историческаго момента: континентальная система грозила въ конецъ разорить Англію, Наполеонъ неимоверно усилился, все предъ нимъ трепетало, Россія, единственная независимая великая держава вошла въ тѣсный оборонительный и наступательный союзъ съ французскимъ императоромъ, словомъ все складывалось такъ, что англичане могли со дня на день ожидать новаго булонскаго лагеря, начала новыхъ сборовъ Наполеона къ завоеванію непокорнаго острова. «Кто не съ нами, тотъ съ Наполеономъ», — вотъ какаго принципа (недалекаго отъ истины) придерживался кабинетъ Портленда и Кэстльри.

Все это, разумѣется, нисколько не избавляетъ памяти Каннинга отъ нѣкотораго пятна: изъ всего кабинета только онъ одинъ способенъ былъ посмотрѣть на исторію съ бомбардировкою Копенгагена (безъ объявленія войны Даніи) не съ одной только узко-политической точки зрѣнія, и однако ни малѣйшаго протеста съ его стороны въ данномъ случаѣ не было. Но Каннингу его товарищи были несимпатичны, глав

нымъ образомъ, вслѣдствіе ихъ бездарности; онъ жаловался, въ особенности, на Кэстльри, военнаго министра, и отношенія между ними до того обострились, что Кэстльри воспыалъ къ нему самой яростною враждою.

Кэстльри былъ капризнымъ 'самодуромъ, глубоко эгоистичнымъ и въ классовомъ, и въ узко-личномъ смыслѣ; онъ являлъ собою сочетаніе всѣхъ наиболѣе антипатичныхъ чертъ англійской олигархіи въ эту реакціонную эпоху, ибо во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ Англiи въ тѣ годы царила полная реакція, начавшаяся еще съ французской революціи. Онъ не терпѣлъ Каннинга ненавистью мелкаго, злобнаго завистника; хотя они, казалось, были единомышленниками, и даже засѣдали въ одномъ кабинетѣ, но между этими двумя людьми повторялась уже давно, съ перваго момента знакомства, *mutatis mutandis*, старая и вѣчно юная исторія «Моцарта и Сальери»; злобенъкое и безсильное чувство зависти бездарнаго педанта къ сильному и самобытному политическому дѣятелю оказалось, въ концѣ концовъ, столь же кровожаднымъ, какъ и у посредственнаго музыканта къ гениальному виртуозу: Кэстльри вызвалъ Каннинга на дуэль, придравшись къ пустѣйшему случаю. Впрочемъ, Каннинга ему убить не удалось, а удалось только ранить. Почти одновременно съ этимъ скандаломъ, кабинетъ Портленда вышелъ въ отставку: внутреннія неурядицы и ссоры между министрами переполнили чашу терпѣнія и въ парламентѣ, и въ общественномъ мнѣніи, ибо и безъ того коренная задача исполнена кабинетомъ не была,—Наполеонъ положилъ къ своимъ ногамъ почти весь континентъ, дѣятельно продолжалъ борьбу въ Испаніи, и ни въ Испаніи, ни въ остальной Европѣ ни англійскія войска, ни англійская дипломатія ничего подѣлать съ нимъ не могли. Изъ всѣхъ ушедшихъ съ Портлендомъ министровъ, клеймо репутаціи бездарности не было наложено общественнымъ мнѣніемъ развѣ только на одного Каннинга. Его въ парламентѣ уважали за блестящій ораторскій даръ, быстрое соображеніе, умъ, за его желѣзный характеръ. Было въ немъ что-то гордое, широкое, безкорыстное, была какая-то черта, сразу позволявшая почти всѣмъ, имѣвшимъ съ нимъ сношенія, разглядѣть, что онъ всегда говоритъ и дѣлаетъ, не высчитывая, какая произойдетъ отъ этихъ словъ и дѣйствій польза для его кармана или для его самолюбія.

III.

Въ концѣ 1810 года (уже когда Каннингъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ Портленда) случилось то, чего съ одинаковою увѣренностью и съ давнихъ поръ, уже двадцать одинъ годъ, ожидали и психіатры, и политическіе дѣятели, и въ Англiи, и въ Европѣ: король Георгъ III окончателъно и безповоротно сошелъ съ ума. Смѣстить его оказалось дѣломъ ужъ потому несвоевременнымъ, что оно было

сопряжено съ чрезвычайными трудностями, оно оказывалось слишкомъ громоздкимъ для всей конституціонной машины; да и въ правахъ парламента сдѣлать это въ данномъ случаѣ далеко не всѣ были увѣрены. Георгъ III остался при своемъ титулѣ, а регентомъ былъ назначенъ сынъ его (впослѣдствіи Георгъ IV). Ни регентъ, развратный, буйный, почти постоянно пьяный кутила, ни новый премьеръ (снѣбившій Портленда) Персиваль не были на высотѣ своего положенія въ эти, дѣйствительно, слишкомъ ужъ трудные для Англіи годы борьбы одинъ-на-одинъ съ Наполеономъ; въ этомъ отношеніи послѣ смерти Вильяма Питта всѣ англійскіе премьеры походили другъ на друга. Кабинеты переменялись, уходилъ враждебный Каннингу Персиваль, приходитъ дружественный ему лордъ Ливерпуль, но Каннингъ уже болѣе апатично сталъ относиться и къ дѣлу оппозиціи, и къ комбинаціямъ, сулившимъ ему власть: все вниманіе его было устремлено на Европу, гдѣ рѣшалась въ эти годы мировая драма. Началась и прошла русская кампанія, стали фактами пожаръ Москвы, отступленіе Наполеона, общая война съ нимъ угнетенной Европы, паденіе французской имперіи... Еще когда гибель Наполеона не была рѣшена,—и это чрезвычайно характерно,—Каннингъ уже началъ зорко и подозрительно слѣдить за тѣми «освобождающимися», которые пока еще (въ 1813 г.) незначай, урывками—стали проявлять чрезвычайно своеобразное пониманіе «свободы», не сходившей у нихъ съ языка; «стыдомъ, сожалѣніемъ и негодованіемъ»,—воскликнулъ Каннингъ:—«наполнилъ мою душу трактатъ, присоединяющій Норвегію къ Швеціи: (вопреки желаніямъ норвежцевъ). Кратковременное пребываніе его въ качествѣ посланника въ Лиссабонъ позволило ему ближе ознакомиться со всѣми подробностями континентальныхъ дѣлъ и отношеній. Именно тогда и начало зарождаться у Каннинга столь характерное въ немъ отвращеніе къ лицемерно-ханжескому обличію, которое европейскіе люди власти считали нужнымъ придавать самымъ недвусмысленнымъ, жестокимъ и эгоистическимъ своимъ дѣйствіямъ.

1815 годъ, бѣлый терроръ во Франціи, священный союзъ, выступленіе на историческую сцену Меттерниха,—все это подтвердило и усилило начавшуюся и быстро нарастающую въ Каннингѣ антипатію къ людямъ, раздѣлившимъ наполеоновское наслѣдство. Лордъ Кэстльри стоялъ вмѣстѣ съ лордомъ Ливерпулемъ въ эти первые годы послѣнаполеоновской эры во главѣ управленія Англіей,—и Каннингъ въ дѣлахъ участія активнаго и непосредственнаго, за вычетомъ одного краткаго момента, не принималъ. Кэстльри иногда высказывалъ европейскимъ кабинетамъ свое сдержанное и деликатное порицаніе по поводу слишкомъ ужъ яркихъ и безцеремонныхъ подвиговъ общеевропейской реакціонной круговой поруки, но Меттернихъ былъ вполне правъ, считая, напримѣръ, императора Александра I опаснымъ для себя человекомъ, а министра конституціонной державы—лицомъ вполне безвред-

нымъ: Александръ (до веронскаго конгресса) все же иногда останавливалъ австрійскаго временщика, а Кэстльри всегда, въ конечномъ счетѣ, оказывался въ полномъ согласіи съ «усмирителями», а не съ «усмиряемыми», хотя бы вполне ясно видѣлъ, что интересы англійской политики (не говоря уже объ интересахъ справедливости) повелѣваютъ внимательнѣе и безпристрастнѣе отнестись къ дѣлу. Принцъ-регентъ слѣдовалъ во всемъ желаніямъ и совѣтамъ Кэстльри, парламентъ былъ занятъ уже начавшеюся борьбою изъ-за избирательной реформы, и всѣ правящіе круги Англій казались поглощенными давно уже небывалымъ въ королевствѣ явленіемъ: уличными демонстраціями въ пользу реформы и враждебными выходками народа по адресу правительственныхъ лицъ. Внѣшняя политика оставалась всецѣло въ рукахъ Кэстльри, и именно поэтому Меттернихъ во всѣхъ своихъ планахъ могъ смѣло снимать Англію со счетовъ, будучи твердо увѣренъ, что англійскій министръ всегда окажется на его сторонѣ. А между тѣмъ Кэстльри не могъ не видѣть, что Меттернихъ, пропагандируя идею вмѣшательства великихъ державъ во внутреннія дѣла «бунтующихъ народовъ», — стремится къ полной гегемоніи Австріи въ европейскихъ дѣлахъ, и что въ слишкомъ многомъ интересы Англій требуютъ протеста. Но Кэстльри только метался со своими нотами, обращаясь по очереди ко всѣмъ дворамъ и нигдѣ ничего не достигая. Онъ и подавленію революціи сочувствовалъ, и усиленія Австріи и Франціи боялся, но первое чувство всегда перевѣшивало. Джорджъ Каннингъ во внутренней политикѣ былъ противникомъ парламентской реформы и, вообще, пока не уклонялся, въ общемъ, отъ принциповъ торизма, но что касается политики внѣшней,—то онъ лучше и яснѣе другихъ видѣлъ ошибки и безтактности Кэстльри.

Въ 1820 году умеръ помѣшанный король, принцъ-регентъ взомель на престолъ, и на Кэстльри посыпались всевозможныя злословія. Ему и такъ трудно приходилось, ибо волненія по поводу парламентской реформы росли, Меттернихъ на конгрессѣ въ Троппау и Лайбахѣ всемъ устранилъ Англію отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, Испанія, Пьемонтъ, Неаполь ускользали отъ могущественнаго въ былые годы англійскаго вліянія,—и, главное, Кэстльри совершенно терялся въ соображеніяхъ, какой линіи ему теперь держаться? Идти окончательно на буксирѣ у Меттерниха—позорно и слишкомъ невыгодно, оказаться хоть въ чемъ-нибудь на сторонѣ «революціонеровъ» (какихъ, гдѣ—все равно)—это было ужъ такимъ ужасомъ, съ которымъ никакъ министръ не рѣшался примириться. Мучительное состояніе духа его осложнилось еще скандаломъ, который новому королю заблагоразсудилось устроить, начавши нелѣпый бракоразводный процессъ противъ жены. Королеву Каролину, о которой довольно справедливо говорили, что она въ своей жизни сдѣлала лишь одинъ ложный шагъ—именно, выйдя замужъ за своего супруга,—Георгъ IV обвинилъ въ измѣнѣ.

Курьезная сторона происшествія заключалась въ томъ, что короля всѣ знали, какъ человѣка, преданнаго распутству и грогу, а королеву считали чистой и безупречной женщиной, и общественное мнѣніе сразу же стало называть всѣ обвиненія—облыжными. Такъ оно и оказалось, и лордъ Брумъ (тогда еще не получившій перства), который защищалъ Каролину, доказалъ съ блестящимъ успѣхомъ, что свидѣтели, выставленные Георгомъ противъ королевы, суть проходимцы и лжецы. Не только король, но и весь кабинетъ Кэстльри и Ливерпуля понесъ при этомъ скандалѣ чувствительное моральное пораженіе. Почти тотчасъ послѣ скандала съ королевскимъ процессомъ, Кэстльри убѣдился, что существуетъ темная интрига, имѣющая цѣлю, путемъ шантажа, выманить у него значительную сумму денегъ и грозящая, въ противномъ случаѣ, какими-то весьма неприятными разоблаченіями. Терзаемый всѣми этими бѣдами, рѣшительно не знающій, какъ выйти изъ тупого переулочка, куда его завела судьба, Кэстльри, къ полной своей ярости, получилъ извѣстіе о предположеніяхъ и предназначеніяхъ Меттерниха и его товарищей по веронскому конгрессу; готовился усмирительный походъ французовъ въ Испанію, что прямо шло въ разрѣзъ съ интересами Англій на Пиренейскомъ полуостровѣ. Онъ хотѣлъ лично отправиться на веронскій конгрессъ и воспрепятствовать меттерниховскимъ планамъ,—но тутъ вдругъ его домашніе стали замѣчать за нимъ странное безпокойство, боязнъ тайныхъ враговъ, болѣзненную мнительность... 12-го августа 1822 года лордъ Кэстльри зарѣзался перочиннымъ ножомъ.

IV.

Одно лицо, весьма близкое къ Георгу IV, рассказывало Бульверу Литтону нѣкоторыя подробности о томъ, что послѣдовало за самоубійствомъ Кэстльри. Нужно предварительно сказать, что лордъ Ливерпуль, который долженъ былъ замѣнить кѣмъ-нибудь Кэстльри, почемъ необходимымъ пригласить Каннинга на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но королю и заикаться нельзя было о Каннингѣ, котораго онъ не терпѣлъ за поведеніе его при процессѣ королевы Каролины, когда Каннингъ, несмотря на свой торизмъ, ни единого слова не произнесъ въ пользу короля. Георгъ IV очень хорошо зналъ, какого мнѣнія держится Каннингъ о моральныхъ качествахъ его величества; герой нашего очерка былъ человѣкомъ чрезвычайно остроумнымъ и сужденія своего обыкновенно, ни предъ кѣмъ не скрывалъ, изъясняясь же въ иныхъ обстоятельствахъ довольно ядовито. Король Георгъ, который, вѣроятно, по случаю самоубійства Кэстльри, страшно его поразившаго, находился въ совершенно трезвомъ видѣ,—къ полному неудовольствію своему, долженъ былъ принять герцога Веллингтона, котораго отрядилъ къ королю лордъ Ливерпуль, и выслушать отъ него просьбу о Каннингѣ. «Боже мой! восклик-

нулъ король *): «Артуръ, не предлагайте же вы мнѣ этого господина на постъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ (министра иностранныхъ дѣлъ). Я сказала, и увѣряю васъ честью джентльмена, что онъ никогда уже не будетъ моимъ министромъ. Слышите, Артуръ: моею честью джентльмена! Я увѣренъ, вы согласитесь со мною: не могу же я сдѣлать то, чего обѣщала не дѣлать моею честью джентльмена.»—«Извините, государь, я съ вами не соглашаюсь: вы не джентльменъ». Король остолбенѣлъ. «Ваше величество, говорю я, не джентльменъ, но государь Англіи и вы несете обязанности по отношенію къ вашему народу, которыя гораздо выше обязанностей по отношенію къ себѣ самому. Обязанности же эти повелѣваютъ, чтобы теперь, въ это время, вы воспользовались талантами Каннинга.» Хорошо,—сказала король, испуская долгій вздохъ,—если я долженъ, —такъ долженъ...

Еще до самоубійства лорда Кэстльри Каннингу былъ предложенъ постъ генераль-губернатора Индіи, но теперь онъ отъ этого назначенія отказался. Предъ нимъ открывалось широкое поле дѣятельности, дневные и ночные труды его не пугали, мутное море дипломатическихъ всеевропейскихъ интригъ не внушало ему такого ужаса, какъ его предшественнику. Глава кабинета лордъ Ливерпуль предоставилъ ему полную свободу дѣйствій,—и вотъ, Каннингъ очутился лицомъ къ лицу съ враждебнымъ ему и одушевленнымъ меттерниховскими тенденціями европейскимъ официальнымъ миромъ. Король Георгъ IV, какъ сказано, чувствовалъ къ Каннингу болѣзненную антипатію,—и это также на первыхъ порахъ могло затруднить дѣйствія новаго министра иностранныхъ дѣлъ: монархическая идея была болѣе, чѣмъ когда-либо, сильна въ Европѣ. Каннингъ вступилъ въ управленіе дѣлами въ моментъ, когда уже нельзя было остановить прямого и непосредственнаго результата дипломатическихъ ошибокъ покойнаго Кэстльри: французская армія, по уполномочію великихъ державъ, вторглась въ Испанію, уничтожила послѣднія надежды на торжество испанскихъ конституціоналистовъ и возстановила абсолютизмъ королевской власти. Каннингъ не могъ уже установить начатаго, но онъ, не обинуясь, высказалъ французскому посланнику въ Лондонѣ, что «крестовый походъ» предпринимаемый французскимъ правительствомъ, «ненавистенъ» ему, Каннингу, и что, если Фердинандъ испанскій будетъ вести себя подобно англійскому королю Іоакиму II (изгнанному въ 1688 году), то онъ вполне заслужитъ той же участи. Эти заявленія и подобныя имъ произвели неописуемый фуроръ на континентѣ: Меттернихъ со свойственною ему безпокойною, инстинктивною чуткостью, мгновенно, повидимому, понялъ, что, кажется, его коса нашла на камень. Ближайшее будущее подтвердило блистательно справедливость этого опасенія. Наклеивалась тогда

*) «Canning, the brilliant man», стр. 246—247.

въ 1823 году, во французскихъ, испанскихъ и австрійскихъ правящихъ кругахъ одна идея, казавшаяся нѣкоторое время весьма осуществимой: Южная Америка была охвачена возстаніемъ противъ своей метрополи, и Испанія, которая совершенно не въ силахъ была справиться съ возставшими, почти готова была уступить всѣ права на колоніи французамъ,—а Франція уже проводила открыто мысль, что за свои заслуги по усмиренію испанскихъ беспорядковъ она вполне достойна нѣкоторой награды; предпріятіе снискало себѣ также и полное одобреніе Меттерниха, жаждавшаго увидѣть южно-американскихъ бунтовщиковъ поскорѣе въ крѣпкихъ рукахъ французскаго колониальнаго управленія. И вотъ, все рухнуло изъ за Каннинга. Онъ рѣшительно заявилъ, что въ дѣлѣ южноамериканскихъ колоній признаетъ только лишь «совершившійся фактъ»: освободилась извѣстная колонія, значитъ, она есть самостоятельная республика; вмѣшательства же европейскихъ державъ и передачи этихъ территорій Франціи онъ не допуститъ. Veto было серьезное и тѣмъ болѣе внушительное, что огромный флотъ Англии бороздилъ Атлантическій океанъ и никакой десантъ изъ Европы въ Америку не былъ мыслимъ безъ отчаянной схватки съ англійскими судами. Мало того: при прямомъ содѣйствіи Каннинга пришли въ возбужденіе Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты, и президентъ ихъ Монрое отвѣтилъ на приготовленія и махинаціи европейскихъ дворовъ заявленіемъ, что вмѣшательства Европы въ дѣла свободныхъ народовъ американскаго материка онъ не допуститъ. Европейскіе кабинеты были раздражены и какъ то сбиты со своей благополучной доселѣ позиціи: рисковать войною съ Англіей и сѣверо-американскою республикою являлось дѣломъ невозможнымъ. Тогда Меттернихъ пустился на хитрость: онъ затѣялъ созвать конгрессъ въ Парижѣ для рѣшенія вопроса о южноамериканскихъ колоніяхъ. Подъ его влияніемъ французскій король Людовикъ XVIII обратился съ мыслью о конгрессѣ къ выреченному имъ только что Фердинанду испанскому, а Фердинандъ уже якобы отъ себя поднялъ дѣло о конгрессѣ официально. Однако и это не помогло: Каннингъ тотчасъ же поспѣшилъ заявить, что ни на конгрессѣ никакого представителя Англии не будетъ, ни рѣшеній конгресса онъ, Каннингъ, не признаетъ. Смыслъ дальнѣйшихъ его заявленій по этому поводу сводился попрежнему къ тому, что онъ признаетъ въ южноамериканскомъ вопросѣ только лишь «совершившійся фактъ»; угодно европейскимъ державамъ усмирить силою южную Америку, пусть попробуютъ. Но пробовать опять-таки никто не рискнулъ: Каннингъ явно грозилъ войною первой же державѣ, какая только вздумаетъ отправить десантъ въ американскія воды. Меттернихъ пришелъ въ самое серьезное безпокойство, но не нашелъ ничего остроумнѣе, какъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ снова дѣйствовать новому поднятію вопроса объ общеевропейской конференціи. На этотъ разъ всѣ меттерниховскіе спутники и товарищи заговорили уже болѣе тревожнымъ и отчасти

*

грозовымъ тономъ, много говорилось объ опасности покровительствовать разрушительнымъ принципамъ, о заразительности революціонной гангрены и т. д. Но Каннингъ оставался вполне безчувственъ ко всѣмъ внутреннимъ и вѣшнимъ достоинствамъ официальной и офиціозной прозы, ко всѣмъ протестаціямъ, «ремонстраціямъ», и другимъ видамъ дипломатическаго творчества. Онъ опять и уже съ нетерпѣніемъ подтвердилъ, что конференціи не желаетъ.

Въ первый разъ Меттернихъ увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи: когда протестовалъ противъ его желаній русскій императоръ,—онъ прибѣгалъ ко лжи, къ подтасовкамъ вродѣ раздуванія беспорядковъ семеновскаго полка въ цѣлую «революцію»; когда протестовали студенты, профессора и журналисты Тугендбунда—онъ съ совершенною легкостью подыскивалъ для нихъ подходящее и приличное случаю помѣщеніе; когда протестовали итальянцы—онъ посылалъ туда лишнюю дивизію. Но что было дѣлать съ Каннингомъ? Упорный, насмѣшливый, ничему не вѣрящій, совершенно безцеремонный англичанинъ грудью загородилъ дорогу изящному счастливому и модному австрійскому канцлеру, столь легко скользяшему до сихъ поръ по европейской политической аренѣ. Меттернихъ возненавидѣлъ Каннинга отъ всей души; кажется, впрочемъ, что онъ пользовался при этомъ самою полною взаимностью. Европейскихъ реакціонеровъ особенно сбывала съ толку принадлежность Каннинга къ торійскому лагерю и довольно долго, больше года, они льстили себя надеждою, что Ливерпуль и торіи парламента изгонятъ Каннинга. Но эти надежды были напрасны: [съ каждымъ мѣсяцемъ положеніе Каннинга становилось все крѣпче и устойчивѣе, ибо виги понемногу начали сближаться съ нимъ, что было крайне существенно для долговѣчности всего кабинета. Нѣмецкій дѣятель почти той же эпохи говорилъ: «Либераль можетъ стать министромъ, но это не значитъ, что онъ будетъ либеральнымъ министромъ». Тутъ происходило нѣчто аналогичное (причемъ полный моральный выигрышъ всей этой параллели—въ пользу Каннинга); консерваторъ сталъ министромъ, но, къ совершенному негодованію Меттерниха,—не консервативнымъ министромъ. Впрочемъ, и консерватизма англійскаго Меттернихъ никогда въ точности не понималъ. Дѣло съ южно-американскими колоніями окончилось тѣмъ, что Каннингъ послѣшилъ послать въ новообразовавшіяся республики консуловъ и представителей торговыхъ интересовъ Англій: онъ ихъ призналъ вполне самостоятельными странами и сообразно съ этимъ дѣйствовалъ. Этотъ рѣшительный ударъ, нанесенный престижу «священнаго союза» и меттерниховской политики, привелъ въ восторгъ не только либеральные круги континентальнаго общества, но и парламентскихъ виговъ: они при всякомъ случаѣ старались выразить полное свое сочувствіе и почтеніе къ энергичной и опредѣленной политикѣ министра. Съ своей стороны торіи были довольны, что сразу Англія въ европейскомъ концертѣ приобрѣла прежнее значеніе, почти совсѣмъ

утраченное въ эпоху конгрессовъ и въ правленіе Кэстльри. Въ 1824 году Каннингъ имѣлъ случай замѣтить, какъ блестяще поставленъ онъ въ англійскомъ обществѣ; на нѣсколькихъ грандіозныхъ празднествахъ, гдѣ онъ появлялся,—онъ становился настоящимъ центромъ и, конечно, у него разомъ объявилось подавляющее количество друзей, обнаруживавшихъ такую необычайную сердечность, что невольно могъ явиться вопросъ объ ихъ мѣстопробываніи въ тѣ годы, когда Кэстльри, казалось, совсѣмъ отодвинулъ своего соперника на задній планъ. когда король говорилъ о Каннингѣ не иначе, какъ съ пѣною у рта и когда виги обвиняли его публично въ самыхъ недержанныхъ выраженіяхъ. Но вообще врядъ ли этотъ человекъ могъ особенно заблуждаться относительно подобныхъ новоявленныхъ друзей; привычка ли къ аристократическому обществу, многолѣтній ли и активный интересъ къ дипломатическимъ дѣламъ, своеобразная ли черта ума, все ли это вмѣстѣ было причиною,—по онъ огромному большинству своихъ свѣтскихъ и политическихъ контрагентовъ и корреспондентовъ не вѣрилъ ни на одну іоту, что, впрочемъ, слишкомъ явно и обнаруживалъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ. Его тоже искреннимъ многіе не считали *), но онъ не особенно за этимъ и гнался, больше надѣясь на доказательность и убѣдительность своихъ словъ и на цѣлесообразность своихъ поступковъ.

Поддержка виговъ была тѣмъ болѣе важна для Каннинга, что его товарищи торіи относились къ нему довольно сдержанно, расположеніе же къ нему оппозиціи дѣлало его участіе чрезвычайно выгоднымъ для всего кабинета и вполне развязывало ему руки въ его борьбѣ съ меттерниховскимъ вліяніемъ. Каннингъ не раздѣлялъ воззрѣній приверженцевъ парламентской реформы, но виги ему это прощали больше, чѣмъ кому-либо. Характерное для странъ съ низкимъ уровнемъ политическаго развитія поѣданіе единомышленниковъ единомышленниками—въ Англии встрѣчается вообще несравненно рѣже, нежели противоположное явленіе: сближеніе между политическими противниками въ тѣхъ случаяхъ, если это представляется раціональнымъ для совершенія желательнаго обѣимъ сторонамъ дѣла. Тутъ Каннингъ и виги сблизились на общей почвѣ борьбы съ меттерниховщиною, и 1825 годъ, когда Каннингъ сообщилъ официально всѣмъ представителямъ европейскихъ державъ, что онъ признаетъ новыя республики южной Америки, сблизилъ еще болѣе оппозицію съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Промышленные классы были чрезвычайно довольны, помимо всего, торговыми договорами, которые Каннингъ заключалъ съ этими новыми республиками: густо заселенный потребительный рынокъ откры-

*) «man who listened to Canning thought him only a consummate actor etc (Dictionary of Nat. Biogr. VIII, 43). Дѣйствительно, есть доказательства, что слушавшіе Каннинга считали его искуснымъ актеромъ—не болѣе.

вался для англійской промышленности и торговли. Въ 1825 году Меттернихъ увидѣлъ уже вполне ясно, что съ Южною Америкой дѣло покончено, и облегчалъ лишь свою душу особенно частыми подчеркиваніями, что ужъ никто не будетъ столь безумеаъ, чтобы давать «якобинскимъ принципамъ» торжество въ самой Европѣ. Но и здѣсь его ждали обиды и разочарованія; прологомъ къ нимъ послужили разнесшіеся по всему міру слова Каннинга на одномъ частномъ, но многолюдномъ собраніи, что вся Европа должна пользоваться свободою, какою наслаждается Англія. Подобныя заявленія въ устахъ человѣка, уже показавшаго, что онъ умѣетъ не только говорить, но и дѣйствовать, привели въ страшнѣйшее безпокойство Меттерниха и не понравились даже торіямъ типа герцога Веллингтона. А дѣйствія Каннинга продолжались. Сынъ короля португальскаго донъ-Педро, регентъ португальской колоніи Бразиліи, былъ провозглашенъ бразильскимъ императоромъ по волѣ возставшаго бразильскаго населенія. Онъ отъ этого титула не отказался съ согласія отца своего. Когда же въ 1826 году король португальскій умеръ, его престолъ перешелъ къ новому бразильскому императору, который, не имѣя возможности удержать обѣ короны, отказался отъ португальской въ пользу своей дочери донны Маріи и при этомъ октроировалъ Португаліи конституцію (сочтя себя въ законномъ правѣ предъ отказомъ отъ короны сдѣлать это). Еще до смерти португальскаго короля Каннингъ успѣшилъ призвать само стоятельность бразильской имперіи тотчасъ послѣ выраженій негодованія со стороны Меттерниха, французскаго правительства, испанскаго короля и т. д. Признавъ новую имперію, Каннингъ сейчасъ же заключилъ съ нею торговый трактатъ. Но тутъ уже дипломаты Франціи и Священнаго союза попытались отвѣтить на энергію энергіей: подъ ихъ вліяніемъ испанское правительство вступило въ прямыя отношенія съ португальскими реакціонерами, визачто не желавшими примириться ни съ отдѣленіемъ Бразиліи, ни съ либеральной конституціей. Къ концу 1826 года цѣлая армія португальскихъ реакціонныхъ эмигрантовъ, вооруженная и экипированная на испанской территоріи и, повидимому, за испанскій счетъ, двинулась къ Лиссабону. Португальское правительство и либеральная партія были въ чрезвычайно критическомъ положеніи: все зависѣло отъ Каннинга и его рѣшимости, потому что, кромѣ Англій, никто помочь не былъ въ состояніи. И Каннингъ не колебался. Просьба португальскаго правительства о помощи противъ нашествія реакціонеровъ съ испанской границы пришла 3-го декабря (1826 г.), а 12-го декабря англійскія войска уже отплывали къ Лиссабону. При первыхъ же извѣстіяхъ объ англійской вооруженной помощи, всякая опасность для португальскаго правительства разсѣялась, реакціонная армія растаяла сама собою, испанскій дворъ утихъ, а Меттернихъ уже не обинуясь сталъ называть Каннинга карбонаріемъ и якобинцемъ. За какихъ-нибудь четыре года (1822—1826) Меттер-

нихъ увидѣлъ престижъ Священнаго союза совсѣмъ распатаннымъ. При опекунскихъ и семейственныхъ параллеляхъ, которыя были тогда въ большой модѣ у меттерниховскихъ рептилій, поведение Кавнинга являлось, дѣйствительно, вопіющимъ скандаломъ и безпорядкомъ: «дѣти» (особенно непокорныя) съ полнымъ вниманіемъ и любопытствомъ слѣдили за ссорой «родителей», Меттерниху и его системѣ на глазахъ народовъ всей Европы наносились удары не со стороны бунтовщиковъ, атеистовъ, заговорщиковъ, «вредныхъ и длинноволосыхъ мечтателей» и т. д., а со стороны законнѣйшей и, мало того, консервативной власти. Это уже было обидю вестерпимю, особенно жгучею потому, что упомянутые удары оставались нестмщенными. Шатался и престижъ непререкаемости, и престижъ силы; но самая горькая чаша ждала Меттерниха впереди.

V.

Еще за годъ до самоубійства лорда Кэстльри, въ 1821 году, началось вооруженное возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества. Меттернихъ въ первое время не придавалъ этому событію особой важности, не потому, чтобы считалъ восточныя дѣла не стоящими вниманія, но вслѣдствіе характерной въ немъ узости кругозора: онъ видѣлъ, что на его сторонѣ Кэстльри, что греки, повидимому, слабѣе турокъ, и не тревожился. Собственно, его безпокоилъ только русскій императоръ. Нужно сказать, что Александръ I-й превосходно понималъ Меттерниха, что въ его глазахъ австрійскій канцлеръ былъ уличеннымъ предателемъ еще съ эпохи Вѣнскаго конгресса, когда всѣ его закулисныя интриги противъ Александра выступили наружу вслѣдствіе одного «неудобнаго случая», какъ выражаются о такихъ дѣлахъ благообразные дипломаты-мемуаристы. Со времени «неудобнаго случая» и ссоры между этими двумя лицами, они не любили другъ друга и пользовались взаимнымъ недовѣріемъ. Александръ былъ шире и умнѣе, Меттернихъ — проницательнѣе и неутомимѣе, оба, повидимому, знали слабыя стороны другъ друга, но Александръ, вслѣдствіе большей впечатлительности, больше поддавался стороннимъ воздѣйствіямъ. Огромнымъ плюсомъ въ рукахъ Меттерниха еще была опредѣленность и простота его маленькаго и узенькаго моральнаго и политическаго катехизиса: князь твердо помнилъ отъ тѣхъ дней, далекой юности, когда только еще начиналъ учиться дешифрованію чужихъ писемъ, вплоть до того страшнаго мартовскаго вечера 1848 года, когда онъ бѣжалъ переодѣтый изъ Вѣны, что кресты, гульдены и и власть онъ получить и удержать, только лишь служа реакціи, усиливая ее, давая слабымъ ея враговъ, и что если онъ не особенно расторопно будетъ это дѣлать, такъ тотчасъ же перестанетъ считаться незамѣнимымъ, и кресты, гульдены и власть уйдутъ отъ него. Но Але-

ксандра онъ никогда ясно не понималъ, хотя, повторяемъ, прекрасно умѣлъ пользоваться его слабыми сторонами; ему все царствованіе этого государя казалось не «настоящею» исторіею, а чѣмъ-то вродѣ романа (онъ въ такомъ духѣ и выразился, получивъ извѣстіе о смерти Александра въ Таганрогѣ). Что звѣрства турокъ Александру не понравились—это онъ могъ знать и раньше фактовъ, обнаружившихъ отношеніе императора къ греческому вопросу. Александръ казался Меттерниху опаснымъ потому, что могъ, во-первыхъ, помочь грекамъ по сочувствію къ ихъ страданіямъ, религіи и т. д., а, во-вторыхъ, могъ этою своею помощью грекамъ разрушить турецкую имперію или, по крайней мѣрѣ, захватить часть Балканскаго полуострова. На счастье Меттерниха, Троппау-Лайбахскій конгрессъ далъ ему возможность лично говорить съ императоромъ и вліять на него; Александръ высказался противъ грековъ на томъ основаніи, что султанъ есть законный правитель, а греки—бунтовщики и заговорщики. Но ближайшее будущее показало, что Меттерниху успокаиваться на этомъ было рано. Дѣло въ томъ, что вовсе не такъ ужъ прочно, какъ казалось, убѣдилъ онъ Александра въ легитимности султана и революціонизмѣ грековъ; конечно, это было наиболѣе благовидной почвой для разговоровъ о возстаніи, но центръ тяжести въ данномъ случаѣ лежалъ въ вопросѣ о плѣности турецкой имперіи и объ усиленіи или неусиленіи (на ея счетъ) Россіи. Лордъ Кэстльри (доживавшій тогда послѣдніе мѣсяцы своей жизни) вседѣло сталъ на сторону Меттерниха, потому что Англія опасалась захвата Константинополя русскими войсками. Все это вмѣстѣ слишкомъ связывало руки Александру I, и греки оставались совершенно одиноки.

Греческія боевыя пѣсенки съ искреннимъ увлеченіемъ, хотя и въ жестоко перевранномъ видѣ, распѣвались всею молодію Европою, филэллинизмъ все шире и шире распространялся во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, а въ Россіи охватывалъ не только передовые круги военной и аристократической молодежи, но и вліятельнѣйшихъ сановниковъ, помнившихъ дни Екатерины и явно желавшихъ возвратить Россію на путь традиціонной ея восточной политики; борьбу съ турками за православныхъ грековъ они считали и государственно-полезнымъ, и благочестивымъ дѣломъ. Послѣ возвращенія Александра въ Петербургъ, русскія дипломатическія дѣйствія стали принимать довольно непріязненный характеръ по отношенію къ Турціи; во Франціи филэллинисты громко требовали также вмѣшательства въ турецкія дѣла; университетская молодежь Германіи пользовалась всякамы удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе грекамъ, и вотъ въ этотъ-то чрезвычайно хлопотливый моментъ Меттернихъ и получилъ извѣстіе, что лордъ Кэстльри зарѣзался.

Мы уже говорили о томъ, какое тяжелое безпокойство внушили Меттерниху первые же шаги Каннинга въ испанскихъ и южно-амер-

риканскихъ дѣлахъ, какъ это безпокойство росло и оправдывалось съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе, какое безсиліе обнаружили защитники Священнаго союза при оборонѣ его принциповъ отъ новаго и страшнаго врага. Греко-турецкая борьба продолжалась, но въ глазахъ официальной Европы она нѣсколько заслонилась перипетіями столкновенія воли Каннинга съ волей Меттерниха и дипломатическими побѣдами англійскаго министра. Когда въ 1823 году Каннингъ распорядился, чтобы греческимъ инсургентамъ англійскія власти не мѣшали укрываться и снаряжаться на принадлежавшихъ Англии островахъ близъ Балканскаго полуострова,—это, повидимому, даже не произвело на Меттерниха слишкомъ сильнаго впечатлѣнія и не вызвало съ его стороны официальныхъ протестовъ; быть можетъ, онъ слишкомъ убѣжденъ былъ въ томъ, что все равно Каннингъ изъ боязни за англійскіе интересы не допуститъ нарушенія цѣлости Турціи, и что его благосклонность къ инсургентамъ объясняется желаніемъ нанести лишній уколъ австрійской дипломатіи. Но наступилъ 1824 годъ, и дѣло пошло все злокачественнѣе: Каннингъ получилъ (какъ и прочіе европейскіе министры иностранныхъ дѣлъ) протестаціонную ноту греческаго революціоннаго правительства комитета, въ которой говорилось, что инсургенты ни за что не согласятся на предположеніе Александра I устроить изъ территоріи, объятой мятежомъ, три области, которыя бы управлялись князьями, стоящими къ султану въ вассальныхъ отношеніяхъ. Это предположеніе явилось въ Петербургѣ въ качествѣ, такъ сказать, равнодѣйствующей между филэллинистическими вліяніями, съ одной стороны, и меттерниховскими вліяніями съ другой. Ни предположеніе это, ни протестъ инсургентовъ—особаго впечатлѣнія не произвели, потому что ни тому, ни другому акту практической важности не придавали, но каково же было негодованіе Меттерниха, когда онъ узналъ, что Каннингъ тотчасъ же очень вѣжливо и обстоятельно отвѣтилъ бунтовщикамъ официальной нотой со всѣми формальностями, точь-въ-точь, какъ если бы писалъ ему, поддержкѣ порядка, столпу общественныхъ основъ, «ангелухранителю Европы» и обладателю всѣхъ существовавшихъ тогда орденовъ, князю Клементію Меттерниху! Самая нота Каннинга, впрочемъ, ничего опредѣленнаго грекамъ не обѣщала, но фактъ ея послышки инсurreкціонному комитету показывалъ, что Англія признаетъ и впредь будетъ признавать полную законность греческаго правительства. Греки и друзья ихъ предавались самымъ беззавѣтнымъ ликованіямъ, не смотря на то, что до окончательнаго торжества было еще не близко. Трудные дневные и ночные переходы, трупы женщинъ и дѣтей на дорогахъ и въ канавахъ, ожесточенныя и внезапныя спибки со свирѣпыми башибузукми, маленькіе раціоны хлѣба, скудость боевыхъ припасовъ, физическая работа до изнеможенія, ежедневныя потери родныхъ и близкихъ, страданія отъ ранъ, полное отсутствіе медицинской помощи, угрозы Меттерниха, насмѣшки и клевета его рептилій,—вотъ

что приходилось слишкомъ переживать и вождямъ, и радовымъ греческой инсurreкціи съ начала возстанія. Могущественною моральною поддержкою для нихъ былъ уже филэллинизмъ въ европейскомъ обществѣ, но желаніе Каннинга вступить съ ними въ прямыя сношенія влило бодрость и вѣру въ душу наиболѣе скептическихъ сыновъ и друзей Греціи. Въ первый разъ великая держава, да еще самая сильная въ восточныхъ водахъ, явно становилась на ихъ сторону. Что касается до Россіи, то Александръ I передъ самою смертью пожелалъ не отдавать греческаго дѣла въ однѣ англійскія руки, а Каннингъ, съ своей стороны, обнадежилъ Россію, что стоитъ всецѣло за вооруженное вмѣшательство обѣихъ державъ въ пользу грековъ. Но на конференціи, созванной по этому поводу въ Петербургѣ, Австрія противъ вмѣшательства протестовала, Александръ I не особенно сильно настаивалъ, и когда онъ скончался,—вопросъ о вмѣшательствѣ все еще висѣлъ въ воздухѣ.

Восшествіе императора Николая на престолъ, подавленіе декабрьскаго бунта, первые шаги новаго правительства, все это сначала обнадежило было австрійскаго канцлера касательно греческаго возстанія. На первыхъ радостяхъ по случаю исчезновенія прежняго хотя и нерѣшительнаго и уступчиваго, но видѣвшаго его насквозь противника, Меттернихъ склоненъ былъ привѣтствовать снова свою звѣзду, начавшую какъ будто нѣсколько меркнуть. Но самый опасный врагъ оставался; Каннингъ попрежнему всею своею политикою ставилъ предъ Россію дилемму: либо вмѣшаться въ греко-турецкую войну вмѣстѣ съ Англіею, либо пассивно смотрѣть, какъ англійскій десантъ захватитъ Морею и острова. Императоръ Николай въ первые же дни своего правленія извѣстилъ иностранные дворы, что онъ считаетъ дѣйствія грековъ незаконными, а ихъ самихъ бунтовщиками и людьми предсудительными (упоминалось объ варварствѣ инсургентовъ). И все-таки желѣзная воля Каннинга не снимала съ очереди упомянутую трудную дилемму. Нужно было рѣшиться. Въ началѣ апрѣля 1826 года, т.-е. черезъ четыре мѣсяца послѣ своего воцаренія, императоръ Николай I подписалъ съ Англіею тайное соглашеніе о вмѣшательствѣ обѣихъ державъ въ восточныя дѣла,—въ пользу греческихъ инсургентовъ...

VI.

Мы подошли къ тому моменту жизни Каннинга, который является кульминаціей и концомъ его политической жизни, къ 1827 г. Чтобы событія этого года были вполне понятны, необходимо бросить взглядъ на общее положеніе кабинета, въ которомъ Каннингъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ кабинетѣ существовали двѣ тенденции, два отѣвка: болѣе консервативные элементы группировались вокругъ герцога Веллингтона, болѣе либеральные—вокругъ Кан-

нинга, глава же кабинета—лордъ Ливерпульъ былъ постояннымъ посредникомъ и примирителемъ между своими товарищами. Боевымъ вопросомъ, раздѣлявшимъ обѣ фракціи кабинета, являлся вопросъ объ эмансипаціи католиковъ; Каннингъ и его единомышленники стояли за эмансипацію, остальные члены кабинета—противъ. Король Георгъ IV раздѣлялъ воззрѣнія послѣднихъ, хотя, въ общемъ, съ Каннингомъ нѣ уже примирился: блестящіе результаты внѣшней политики министра иностранныхъ дѣлъ сильно расположили короля къ нему. Что касается парламента, то хотя по вопросу объ эмансипаціи Каннингъ большинства въ палатѣ лордовъ не имѣлъ, но палата общинъ въ 1825—1826 гг. склонялась въ пользу эмансипаціи. Повторимъ еще, что послѣдовательно-либеральная политика Каннинга во внѣшнихъ дѣлахъ также не совѣмъ нравилась Веллингтону и другимъ старымъ торіямъ. Когда министръ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ открыто заявлялъ, что всѣ народы должны поставить себѣ идеаломъ «разумную свободу» и т. д., старые торіи хмурились и находили подобныя заявленія нѣсколько излишними. Но всѣ шероховатости въ отношеніяхъ смягчалъ лордъ Ливерпульъ, человекъ удивительно тактичнаго ума и свѣтскихъ привычекъ, изучившій и Каннинга, и Веллингтона въ совершенствѣ, знавшій ихъ наизусть, такъ поставившій себя между двумя фракціями своего кабинета, что обѣ онѣ умѣряли взаимное раздраженіе изъ уваженія и любви къ премьеру. Тактъ и умъ лорда Ливерпуля ясно сказались по слѣдующему поводу. Въ 1826 году, какъ было уже сказано, состоялось тайное соглашеніе между Каннингомъ и русскимъ правительствомъ по вопросу о вмѣшательствѣ въ пользу грековъ; но такъ какъ въ дипломатіи, больше чѣмъ гдѣ-либо, нѣтъ ничего тайнаго, что не стало бы, въ концѣ концовъ, явнымъ, то князь Меттернихъ вскорѣ получилъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о петербургской конвенціи. Тутъ съ австрійскимъ канцлеромъ, не взирая на всю его благовоспитанность, приключилось нѣчто вродѣ дряннаго припадка бѣшенства. Ненавистный Каннингъ, уже такъ страшно повредившій завѣтамъ Священнаго союза въ дѣлѣ американскихъ колоній,—и на европейскомъ Востокѣ поворачиваетъ событія, куда ему желательно! Меттернихъ былъ узокъ и шаблоненъ,—и его гнѣвъ поэтому вылился сначала въ привычныя формы доносительныхъ инсинуаций: онъ громко сталъ обвинять Каннинга въ завѣдомомъ революціонизмѣ, а императора Николая чуть-ли въ сообщничествѣ и пособничествѣ, онъ говорилъ, что русскій императоръ попалъ въ сѣти англійскаго якобинца, онъ не хотѣлъ ни за что успокоиться. Но что же можно было тутъ подѣлать при помощи этихъ обвиненій и указаній? Цѣлесообразность и успѣшность доноса прежде всего зависятъ отъ наличности власти, которой доносчикъ нашептываетъ свои откровенія; а гдѣ же была власть, которая могла бы покарать Каннинга и Николая? Меттерниховская пресса писала, положимъ, что земные порядки, на

стражѣ конхъ бодрствуетъ австрійскій канцлеръ, охраняются, сверхъ сего, и самими небесами, но несмотря на все свое благочестіе Меттернихъ, въ концѣ концовъ, прибѣгнувъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не къ помощи Провидѣнія, а къ интригѣ противъ Каннинга. Онъ задумалъ смѣлый планъ: нанести ударъ Каннингу съ той единственной стороны, съ какой тотъ былъ, повидимому, открытъ для нападений. Что старые кабинетскіе и парламентскіе торіи недовольны министромъ иностранныхъ дѣлъ, — это онъ зналъ давно и преувеличивалъ разжѣры факта, и вотъ австрійское лондонское посольство начало рѣять вокругъ Георга IV, лорда Ливерпуля, герцога Веллингтона и зондировать почву. Но Меттернихъ и исполнители его велѣній слишкомъ торопились, черезчуръ обнаженно выставляли свои нехитрыя и ближайшія цѣли, а главное, очень ужъ усердно принялись за дѣло. «Генія терпѣливости» имъ не хватало, и они нарушали слишкомъ часто глупобокій, несмотря на видимую простоту, завѣтъ Талейрана: «*Pas trop de zèle, monssieurs, pas trop de zèle!*» Бисмаркъ, Кавуръ, Горчаковъ умѣли держать себя въ рукахъ, не спѣшить и казаться, въ глазахъ дипломатическаго міра небрежными и незаинтересованными даже тогда, когда самыя гравдіозныя ихъ предпріятія висѣли на волоскѣ, и когда они съ сердцебіеніемъ распечатывали каждую телеграмму, а Меттернихъ очень ужъ избалованъ былъ своими безмятежными успѣхами, и теперь, когда началась тяжелая и безуспѣшная борьба съ Каннингомъ, онъ и его помощники повели себя слишкомъ нервно, порывисто и раздраженно. Предпріятіе ихъ провалилось, впрочемъ, еще и потому, что слишкомъ сильна была позиція Каннинга: торіи (даже не любившіе его) гордились своимъ министромъ, а виги открыто выразили ему свое сочувствіе; да если бы и готовился лордъ Ливерпуль удалить Каннинга изъ кабинета, то иностранное вмѣшательство могло только заставить его удержаться отъ этого шага. Лордъ Ливерпуль сдѣлалъ тщетными всѣ подходы австрійской дипломатіи, начавшіеся незадолго до его смерти: въ мартѣ 1827 г. англійскаго премьера не стало.

Кончина лорда Ливерпуля поставила на первый планъ вопросъ о новомъ премьерѣ. Естественно, выдвинулись двѣ кандидатуры: герцога Веллингтона и Джорджа Каннинга, — и Каннингъ поставилъ на карту свое положеніе, чтобы только не допустить своего антагониста къ премьерству. Онъ ясно видѣлъ, что при Веллингтонѣ ему уже не пользоваться тою свободою дѣйствій, какою онъ пользовался при лордѣ Ливерпулѣ, а ему, при условіяхъ, въ которыя онъ поставилъ восточный вопросъ, потребовалась именно вся возможная полнота власти. Георгъ IV обратился сначала къ Веллингтону, но Каннингъ положительно заявилъ, что служить въ такомъ случаѣ онъ не будетъ. Уходъ Каннинга безпокоилъ короля; эта перспектива сулила ему хлопоты и путаницу въ дипломатическихъ дѣлахъ, да и оппозиція въ парламентѣ

устаи Брума заявляла откровенно, что если изъ торійскаго кабинета уйдетъ Каннингъ, то она сочтетъ долгомъ своимъ уже по новому бороться съ министерствомъ. Но отдавать власть перваго министра въ руки Каннинга король тоже не хотѣлъ. Съ 28-го марта (1827 г.) до 10-го апрѣля Георгъ IV предпринялъ нѣсколько попытокъ уломать Каннинга, упросить его остаться на своемъ посту даже при герцогѣ Веллингтонѣ. Но изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Пѣсколько разъ Каннингъ и Веллингтонъ за эти дни должны были, по волѣ короля, встрѣтиться, но Каннингъ, сохраняя полную любезность и словоохотливость, не далъ вытянуть изъ себя ни одного слова, ни одного намека, позволяющаго надѣяться, что онъ уступитъ. Тогда король послалъ Пила къ Каннингу. Пилъ, послѣ нѣсколькихъ боковыхъ подходовъ, оставшихся безрезультатными, вдругъ заявилъ уже напрямикъ, что только назначеніе Веллингтона уладитъ «всѣ затрудненія», и что такова воля его величества. На это Каннингъ, съ столь же прямымъ и непринужденнымъ видомъ, отвѣтилъ, что онъ преклоняется предъ волей монарха и уйдетъ, какъ только назначеніе Веллингтона состоится. Эта бесѣда происходила 9-го апрѣля, а 10-го Георгъ IV назначилъ первымъ министромъ—Каннинга.

Тотчасъ же Веллингтонъ, лордъ Мельвилъ и другіе крайніе торіи вышли въ отставку; и сами они, и Меттернихъ думали сначала, что этотъ демонстративный уходъ провалитъ новое министерство. Но Каннингъ не растерялся, а тотчасъ же отдалъ нѣсколько министерскихъ постовъ—вигамъ, такъ что его кабинетъ оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ умѣренныхъ торіевъ и нѣсколькихъ виговъ. Этотъ составъ обезпечилъ новому правительству прочное положеніе въ парламентѣ,—а оппозиція крайнихъ торіевъ опасности никакой не представляла.

Свободомыслящіе круги Европы ликовали; въ ихъ бѣдной, тусклой жизни большою отрадою было видѣть усиленіе и торжество чедовѣка, слѣды рукъ котораго ярко горѣли на фізіономіи ихъ общаго угнетателя. Престажъ Англіи, выгодные торговые договоры съ Южной Америкой, денежные займы греческаго правительства у англійскихъ банкировъ—все это, конечно, играло свою очень большую роль въ дѣйствіяхъ Каннинга, но англійскій министръ являлся въ глазахъ сочувствующихъ ему современниковъ чуть не посланникомъ богини свободы. Тогда еще любили миеологическія метафоры и умѣли увлекаться.

Нужно сказать, что враги Каннинга весьма ожесточенно нападали на него по каждому поводу въ парламентѣ и внѣ парламента; чѣмъ больше сближался онъ съ вигами, тѣмъ больше крайніе консервативные круги торіевъ отшатывались отъ него и тѣмъ язвительнѣе критиковали всѣ его дѣйствія. Но первый министръ, какъ будто что-то предчувствуя, торопился изо всѣхъ силъ закончить свое историческое дѣло. При огромномъ его самолюбіи, нападки на его личность и политику мучили и раздражали давно уже больного премьера; напряжен-

ные труды и тревоженія послѣднихъ лѣтъ потрясли его организмъ; въ 1826—27 гг. бывали случаи, когда большой, желтый, изможденный Каннингъ являлся въ парламентъ прямо съ постели, не взирая на запрещенія врачей. Все это еще больше отражалось на его здорově. Интриги Меттерниха, затѣяныя было въ Лондонѣ, прекратились почти совсѣмъ къ лѣту 1827 года и съ усиленнымъ жаромъ возобновились на материкѣ: нужно было создать изъ всѣхъ державъ Европы внушительную оппозицію противъ англо-русскаго вмѣшательства въ восточный вопросъ. Дѣло сначала пошло на ладъ (еще въ 1826 году это опредѣлилось): Пруссія всецѣло примкнула къ Меттерниху. Но на Франціи—все оборвалось: Каннингъ искусно воспользовался тѣмъ, что греческое дѣло было необыкновенно популярно во Франціи, что даже консервативные круги по религіознымъ побужденіямъ сострадали грекамъ, и заставилъ французское правительство примкнуть къ Англіи и Россіи. Совершилось то, чего никакъ не ожидали даже приготовленные къ самому худшему друзья Меттерниха: 6-го іюля (1827 г.) Франція, Россія и Англія подписали общую конвенцію о вмѣшательствѣ въ греко-турецкія дѣла. Священный союзъ былъ разбитъ, и принципы его подкопаны въ самомъ основаніи. Передовые круги всей Европы рукоплескали новой блестящей побѣдѣ Каннинга, въ звѣзду котораго они теперь твердо вѣрили; слова министра о «разумной свободѣ», въ виду поражающихъ практическихъ результатовъ его дѣятельности, получали на континентѣ самое распространительное толкованіе. Меттернихъ съ аффектаціею ужаса и съ искренностью ненависти спрашивалъ, устами своихъ наперсниковъ и роптлѣй, чѣмъ же все это потрясеніе основъ окончится? Когда же правое дѣло отплатитъ за себя? «Правое дѣло» воспрянуло скорѣе, нежели онъ могъ ожидать.

6 іюля былъ подписанъ трактатъ Англіи, Россіи и Франціи о вмѣшательствѣ въ турецкія дѣла, а уже черезъ недѣлю Каннингъ заболѣлъ. Съ каждымъ днемъ появлялись самые злокачественные симптомы общей слабости организма. Къ концу іюля онъ переѣхалъ на дачу, въ имѣніе герцога Девонширскаго; обстановка для лѣченія была превосходная, и явилась надежда на спасеніе. Но вскорѣ большой слегъ въ постель окончательно и уже не покидалъ ее. Родные, друзья, знакомые стекались къ одру болѣзни; вся Англія съ тревогой ловила всякій слухъ о перипетіяхъ болѣзни, Ирландія со страхомъ ожидала, выживетъ или не выживетъ защитникъ эмансипаціи католиковъ, Южная Америка, Пиринейскій полуостровъ, Греція съ самымъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей съ дачи герцога Девонширскаго. О болѣзни Каннинга писалось во всѣхъ дипломатическихъ канцеляріяхъ, за ней слѣдили всѣ дворы, о ней, вѣроятно, также шептались и передавались извѣстія при свиданіяхъ политическихъ арестантовъ съ ихъ родственниками и въ Неаполѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Мадридѣ,

о ней же ежедневно освѣдомлялся съ полнымъ участіемъ князь Меттернихъ... Съ первыхъ чиселъ августа теченіе болѣзни обострилось и вскорѣ пациентъ впалъ въ безсознательное состояніе; 8-го августа Каннинга не стало.

«У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ»; эти слова еще не были тогда написаны, но ихъ смыслъ слишкомъ живо (я тотчасъ же) сознали и почувствовали и счастливые, и несчастные. Черезчуръ быстро промелькнули и окончились эти пять лѣтъ, которыя для однихъ навсегда остались отмѣчены свѣтлымъ воспоминаніемъ на фонѣ придавленности и приживенности, для другихъ—обиднымъ кошмаромъ среди безпечальной жизни и непрерывнаго торжества; слишкомъ внезапно былъ вырванъ этотъ человѣкъ изъ центра европейской политической жизни и спрятанъ въ угрюмую гробницу Вестминстерскаго аббатства. Его современники остались ему благодарны за то, что онъ сдѣлалъ, и грустили о томъ, чего ему не суждено было доковчить...

Евг. Тарле.

СМЕРТЬ.

ПОВѢСТЬ АРТУРА ШНИЦЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. В.

Наступали сумерки. Марія встала со скамейки, на которой она сидѣла уже съ полчаса. Сначала она читала книгу, но подъ конецъ не отрывала глазъ отъ аллеи, по которой долженъ былъ придти Феликсъ. Въ прежнее время онъ не заставлялъ такъ подолгу ждать себя. Стало нѣсколько свѣжѣе, но воздухъ сохранялъ еще всю мягкость угасающаго майскаго дня.

Въ саду оставалось уже немного гуляющихъ, и они всѣ направлялись къ выходу, который скоро должны запереть. Марія приближалась уже къ воротамъ, когда она замѣтила Феликса. Онъ шелъ медленно, несмотря на то, что такъ опоздалъ. Только встрѣтивъ ее взглядъ, онъ нѣсколько ускорилъ шаги. Она остановилась, поджидая его, и когда онъ съ улыбкой пожималъ руку, которую она медленно протянула ему спросила съ мягкимъ упрекомъ:

— Неужели тебѣ такъ долго пришлось работать?

Онъ предложилъ ей руку и ничего не отвѣтилъ.

— Ну что же?—повторила она.

— Да, дитя мое,—сказалъ онъ и добавилъ,—и потомъ я совсѣмъ позабылъ взглянуть на часы.

Она сбоку всматривалась въ него. Онъ показался ей блѣднѣе обыкновеннаго.

— Развѣ тебѣ не кажется, — сказала она нѣжно,—что тебѣ слѣдовало бы теперь немножко побольше думать о твоей Маріи? Оставь же на время свою работу. Мы будемъ больше гулять. Хорошо? Будемъ лучше вмѣстѣ выходить изъ дому.

— Хорошо.

— Да, Феликсъ. Я не буду больше оставлять тебя одного...

Онъ бросилъ на нее быстрый, словно испуганный взглядъ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего.

Они вышли изъ сада, вокругъ нихъ весело шумѣла вечерняя жизнь.

города. Казалось, надъ городомъ вѣяло бессознательнымъ счастьемъ, которое несетъ съ собою весна.

— Знаешь, что мы могли бы сдѣлать,—сказалъ онъ.

— Ну?

— Пойти въ Пратеръ.

— Ахъ, нѣтъ, прошлый разъ внизу было такъ холодно.

— Да нѣтъ же. Посмотри, здѣсь на улицѣ почти душно. Мы можемъ сейчасъ же и вернуться. Право, пойдѣмъ.

Онъ говорилъ отрывисто, разсѣянно.

— Какъ странно ты говоришь, Феликсъ.

— Почему?

— О чемъ ты думаешь? Вѣдь ты со мной, со своей милой!

Онъ взглянулъ на нее неподвижнымъ, отсутствующимъ взглядомъ.

— Феликсъ!—воскликнула она, испуганно прижимаясь къ его рукѣ.

— Да, да,—сказалъ онъ, пытаясь овладѣть собой.— Вѣдь правда же душно. Я совсѣмъ не разсѣянъ. А если бы и такъ, ты не должна на меня сердиться.

Они шли по дорогѣ къ Пратеру. Феликсъ сталъ еще молчаливѣе. Фонари уже были зажжены.

— Ты заходишь сегодня къ Альфреду?—спросила она вдругъ.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь ты собирался.

— Развѣ?

— Вчера вечеромъ ты чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ.

— Да, да.

— И все-таки не зашелъ къ Альфреду?

— Нѣтъ.

— Вотъ видишь, вчера еще ты былъ нездоровъ, а сегодня хочешь идти въ этотъ сырой Пратеръ. Это неблагоразумно.

— Ахъ, право, это не имѣетъ значенія.

— Не говори такъ. Ты хочешь окончательно испортить свое здоровье.

— Ну прошу тебя, пойдѣмъ туда,—сказалъ онъ чуть не со слезами въ голосъ.— Мнѣ такъ хочется въ Пратеръ. Мы пройдемъ туда, гдѣ было такъ хорошо прошлый разъ. Знаешь, туда въ залу, тамъ и во холодно, правда?

— Да, да.

— Право же не холодно. Да и вообще сегодня такъ тепло. Не идти же намъ домой. Еще слишкомъ рано. И потомъ, мнѣ не хочется ужинать въ городѣ. Ужасно неприятно идти въ ресторанъ, да къ тому же мнѣ вредно быть, гдѣ накурено, и потомъ тамъ вездѣ масса народу, а мнѣ такъ тяжело отъ этого шума!

Вначалѣ онъ говорилъ быстро и громче, чѣмъ раньше. Но при послѣднихъ словахъ голосъ его совсѣмъ упалъ. Марія тѣснѣе прижалась

къ его рукѣ. Ей стало жутко и она замолчала, она чувствовала слезы въ горлѣ. Ей тоже передалось его желаніе очутиться въ маленькомъ садовомъ ресторанѣ въ Пратерѣ; его стремленіе къ тишинѣ и уединенію заразило ее. Они долго молчали. На его губахъ играла усталая, забытая улыбка; когда онъ повернулся къ ней, онъ попытался вложить въ нее выраженіе счастья. Но она слишкомъ хорошо его знала и сейчасъ же почувствовала тутъ принужденность.

Они вошли въ Пратеръ. Первая аллея отъ выхода, почти тонущая во мракѣ, вела прямо къ ихъ цѣли,—къ простѣнной садовой гостинницѣ. Большой садъ былъ еле освѣщенъ, столы стояли не накрытые, и стулья были прислонены къ нимъ. Вокругъ, въ круглыхъ фонарикахъ на стройныхъ зеленыхъ колонкахъ мерцали унылые красные огоньки. Тамъ и сямъ сидѣло нѣсколько посѣтителей, хозяинъ тоже былъ среди нихъ. Марія и Феликсъ прошли мимо нихъ, хозяинъ всталъ и приподнял шапочку. Они открыли дверь и вошли въ садовую залу гдѣ тускло горѣло нѣсколько полузавернутыхъ газовыхъ рожковъ. Въ залѣ никого не было, только съ уголкѣ дремалъ мальчикъ-кельнеръ. Онъ быстро вскочилъ, поспѣшно отвернулъ газъ и помогъ посѣтителемъ снять пальто. Они выбрали себѣ уютный полутемный уголокъ и близко сдвинули свои стулья. Не долго выбирая, они заказали себѣ ужинъ и, наконецъ, остались одни. Только въ окна заглядывали унылые красные фонарики. А углы залы тонули въ полумракѣ.

Оба все еще молчали, наконецъ, Марія, измученная, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Ну, скажи же мнѣ, Феликсъ, что съ тобой? Прошу тебя, скажи. Прежняя улыбка мелькнула на его губахъ.

— Ничего, дитя мое, не спрашивай! Ты вѣдь знаешь мое настроеніе, или ты до сихъ поръ еще не привыкла къ нимъ?

— Твои настроенія? О да, я ихъ знаю. Но ты не просто въ дурномъ настроеніи. Ты чѣмъ-то разстроенъ. Тутъ есть какая-то причина. Прошу тебя, Феликсъ, скажи, въ чемъ дѣло. Ну, скажи же, умоляю тебя.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу, къ нимъ подходилъ кельнеръ, неся заказанный ужинъ. Она снова повторила:

— Скажи же, скажи!—Но онъ только досадливо поморщился, указывая на него глазами. Мальчикъ ушелъ.

— Ну, теперь мы одни,—сказала Марія. Она ближе придвинулась къ нему и взяла его обѣ руки въ свои.

— Что съ тобой? Что съ тобой? Я должна это знать. Развѣ ты меня больше не любишь?

Онъ молчалъ. Она поцѣловала его руку, но онъ медленно отнял ее.

— Ну, что же, что же?

Онъ безпомощно оглянулся кругомъ.

— Прошу тебя, оставь меня, не спрашивай, не мучь!

Она оставила его руку и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Я хочу знать!

Онъ всталъ, прерывисто вздохнулъ, потомъ схватился за голову и сказалъ:

— Ты съ ума меня сведешь! Не спрашивай, говорю тебѣ.

Еще нѣсколько времени онъ простоялъ такъ съ остановившимся взоромъ, и она со страхомъ слѣдила за его взглядомъ, устремленнымъ въ пространство. Потомъ онъ опустился на стулъ, вздохнулъ спокойнѣе и по чертамъ его разлилось смягченное выраженіе усталости. Черезъ нѣсколько секундъ припадокъ страха, повидимому, прошелъ и онъ сказалъ Маріи тихо и ласково:

— Ну пей же, ѣшь!

Она послушно взяла вилку и ножикъ и робко спросила:

— А ты?

— Да, да, — отвѣтилъ онъ, но не пошевелился и ни до чего не дотронулся.

— Такъ и я тоже не буду, — сказала она.

Тогда и онъ принялся ѣсть и пить. Но вскорѣ онъ положилъ на столъ вилку и ножикъ, облокотился на руку и сталъ опять смотрѣть въ даль, мимо Маріи. Нѣсколько минутъ она смотрѣла на него, крѣпко сжавъ губы, потомъ отвела его руку, закрывавшую отъ нея его лицо. И она увидѣла глаза, полные слезъ, и не успѣла она воскликнуть: «Феликсъ, Феликсъ!» какъ онъ заплакалъ горячо и неудержимо. Она прижала его голову къ груди, стала гладить его волосы, цѣловала его лобъ, глаза, точно хотѣла поцѣлуями стереть его слезы.

— Феликсъ, Феликсъ!

Онъ плакалъ все тише и тише.

— Что съ тобой, мое сокровище, возлюбленный мой, мое единственное сокровище, скажи же мнѣ.

И онъ сказалъ ей, прижавшись лицомъ къ ея груди, такъ что слова неясно и глухо достигали до нея.

— Марія, Марія, я не хотѣлъ говорить тебѣ этого. Еще годъ и все кончится.

И онъ заплакалъ еще громче и безутѣшнѣе. Она вся дрожащая мертвенно-блѣдная ничего не понимала, не хотѣла понимать. Что-то ужасное, холодное сдавило ей горло. Безсознательно она вскричала: «Феликсъ, Феликсъ!» и соскользнула на полъ, заглядывая въ его заплаканное, склонившееся на грудь лицо. Онъ увидѣлъ, что она стоитъ на кофѣняхъ передъ нимъ и прошепталъ:

— Встань, встань!

Она встала, машинально повинаясь его словамъ, и сѣла на стулъ противъ него. Она не могла говорить, не могла спрашивать. Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія онъ поднялъ глаза вверхъ и проговорилъ, точно невыразимая тяжесть давила его грудь.

— Ужасно! Ужасно!

Наконецъ къ ней вернулся голосъ.

— Идемъ, идемъ, — сказала она, но больше ничего не могла произнести.

— Да, пойдѣмъ, — сказалъ онъ съ такимъ жестомъ, точно хотѣлъ отогнать что-то отъ себя. Онъ позвонилъ кѣльнера, расплатился съ нимъ, и оба поспѣшно ушли изъ залы.

Въ саду ихъ ласково обняла молчаливая майская ночь. Въ темной аллеѣ Марія остановилась и схватила руку своего мужа.

— Ну, теперь объясни мнѣ, наконецъ, все.

Онъ совершенно успокоился, и то, что онъ сказалъ ей, звучало такъ просто и обыденно, точно въ немъ дѣйствительно не было ничего чрезвычайнаго. Онъ освободилъ свою руку и погладилъ ее по щекѣ. Стало такъ темно, что они съ трудомъ видѣли другъ друга.

— Ты не должна пугаться, Марія, годъ—вѣдь это долго, очень, очень долго. Мнѣ осталось жить еще годъ...

— Да ты съ ума сошелъ, — закричала она, — съ ума сошелъ...

— Досадно, что я тебѣ это сказалъ и даже глупо. Но знать это одному, вѣчно быть наединѣ съ этой мыслью, этого бы я не могъ долго вынести. Можетъ быть, и хорошо, чтобы ты привыкла къ этому. Но пойдѣмъ же, что же мы стоимъ? А я, Марія, уже привыкъ къ этой мысли. Альфреду я давно не вѣрилъ.

— Значить, ты въ самомъ дѣлѣ не былъ у Альфреда? Но вѣдь другіе ничего не понимаютъ.

— Видишь ли, дитя, я такъ страдалъ послѣднія недѣли отъ неизвѣстности. Это все-таки лучше. Теперь, по крайней мѣрѣ, я знаю. Я былъ у профессора Бернарда и онъ сказалъ мнѣ правду.

— Да нѣтъ же, онъ сказалъ неправду. Онъ просто хотѣлъ напугать тебя, чтобы ты былъ осторожнѣе.

— Нѣтъ, моя дорогая, я говорилъ съ нимъ совершенно серьезно. Я долженъ былъ знать правду. Отчасти даже ради тебя, понимаешь?

— Феликсъ, Феликсъ, — вскричала она, хватаясь за него обѣими руками. — Что ты говоришь? Безъ тебя я не могу жить ни одного дня, ни одного часа.

— Ну, пойдѣмъ, — сказалъ онъ тихо, — успокойся.

Они вышли изъ Пратера. Вокругъ стало свѣтло, шумно, оживленно. Стукъ колесъ, свистки и звонки омнибусовъ, тяжелый грохотъ поѣзда по мосту надъ ихъ головами. Марія невольно вздрогнула. Въ этой шумной жизни она почувствовала вдругъ что-то враждебное и злорадное. Она потянула его за собой съ широкихъ людныхъ улицъ въ тихіе переулки.

На одну минуту ей мелькнула мысль взять экипажъ, но она не рѣшилась сказать ему объ этомъ. Можно было идти потише.

— Ты не умрешь, нѣтъ, нѣтъ,—повторяла она тихо, прижимая голову къ его плечу.—Но безъ тебя и я не буду жить.

— Милое дитя, потомъ ты будешь думать иначе. Я уже обдумалъ все это. Это вѣрно. Знаешь, когда такъ вдругъ передъ глазами встанетъ послѣдняя грань, тогда начинаешь видѣть все такъ ясно, такъ отчетливо.

— Никакой грани нѣтъ.

— Конечно, мое сокровище, можно этому и не вѣрить. Въ эту минуту я и самъ не вѣрю. Въ этомъ есть что-то непостижимое, не правда ли? Подумай только, тотъ самый человѣкъ, который идетъ теперь рядомъ съ тобой и говоритъ, громко говоритъ слова, которыя ты слышишь, черезъ годъ будетъ лежать холодный, быть можетъ уже истгѣвшій...

— За молчи, замолчи!

— А ты, ты будешь все такая же, какъ и теперь... Совершенно такая же, быть можетъ, только немного поблѣднѣвшая и занекаянная, но потомъ настанетъ другой вечеръ и еще, и еще, и придетъ лѣто, потомъ осень, потомъ зима и опять весна, а я ужъ цѣлый годъ какъ буду лежать мертвый и холодный. Да... Ну, что съ тобой?

Она горько плакала. Слезы текли по ея щекамъ и внизъ по шеѣ.

Мрачная усмѣшка промелькнула на его губахъ и онъ пробормоталъ сквозь зубы хрипло и жестко:

— Извини, пожалуйста.

Она все рыдала, пока они шли дальше, а онъ молчалъ. Дорога вела ихъ мимо городского парка по темнымъ, широкимъ и тихимъ улицамъ, изъ-за ограды до нихъ доносился слабый запахъ сирени. Медленно шли они впередъ. На другой сторонѣ улицы однообразно тянулась стѣна сѣрыхъ и желтыхъ домовъ. Издали, приближаясь къ нимъ, на синемъ ночномъ небѣ высился величественный куполъ св. Карла. Они обогнули уголъ поперечной улицы и подошли къ дому, гдѣ они жили. Медленно поднимались они по слабо освѣщенной лѣстницѣ, а изъ-за притворенныхъ дверей и оконъ до нихъ доносилась веселая болтовня и смѣхъ прислуги. Черезъ минуту они вошли къ себѣ и заперли двери. Окно было открыто, и темныя розы въ стаканѣ на ночномъ столикѣ наполняли комнату благоуханіемъ. Съ улицы доносился неясный гудъ. Оба подошли къ окну. Въ домѣ напротивъ было тихо и темно. Потомъ онъ сѣлъ на диванъ, а она закрыла окно, спустила шторы и зажгла свѣчу. Онъ ничего не замѣчалъ, погруженный въ свои мысли. Она подошла къ нему.

— Феликсъ!

Онъ поднялъ глаза и улыбнулся.

— Ну что, дитя?—спросилъ онъ.

И какъ только онъ произнесъ эти слова тихимъ и мягкимъ голосомъ, опять чувство безграничнаго страха охватило ее. Нѣтъ, она не

хотѣла потерять его, никогда, никогда! Все это неправда. Это невозможно. Она попыталась заговорить, хотѣла сказать ему все это. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, но не нашла въ себѣ силы для словъ. Положивъ голову ему на колѣни, она плакала. Его руки тихо лежали на ея волосахъ.

— Не плакать,—прошептала онь вѣжно.—Не надо больше плакать, Марія!

Она подняла голову, неожиданно ее озарила надежда.

— Такъ это все неправда? Скажи, неправда?

Онъ поцѣловалъ ее въ губы долгимъ, жаркимъ поцѣлуемъ и коротко сказалъ:

— Это правда.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и остановился тамъ въ тѣни. Только на ноги его падалъ слабый свѣтъ свѣчи. Черезъ нѣсколько времени онъ заговорилъ:

— Ты должна привыкнуть къ этой мысли. Думай просто, что мы съ тобой разстанемся. Ты можешь вѣдь и не знать, что меня не будетъ на свѣтѣ.

Она, казалось, не слушала его, спрятавъ лицо въ подушки дивана. Онъ говорилъ дальше:

— Если посмотрѣть на это философски, то вѣдь это, въ сущности, вовсе не такъ страшно. У насъ еще такъ много времени, когда мы можемъ быть счастливыми. Правда, Марія?

Она взглянула на него большими, полными слезъ глазами. Потомъ она бросилась къ нему, крѣпко прижалась къ его груди и прошептала:

— Я умру вмѣстѣ съ тобой.

Онъ улыбнулся.

— Это ребячество. Я не такъ ничтоженъ, какъ ты думаешь. Я не имѣю никакого права тянуть тебя за собой.

— Я не могу быть безъ тебя.

— Ты же такъ долго была безъ меня. Я уже былъ приговоренъ, когда встрѣтился съ тобой, годъ назадъ. Я не зналъ этого, но я и тогда уже подозрѣвалъ.

— Ты и теперь ничего не знаешь.

— Нѣтъ, теперь я знаю, и поэтому я теперь же возвращаю тебѣ свободу.—Она тѣснѣе прижалась къ нему.—Возьми ее, возьми.

Она ничего не отвѣтила, но взглянула на него, точно не могла понять, что онъ говоритъ.

— Ты такъ прекрасна и такъ здорова. Ты имѣешь великое право на жизнь. Оставь меня одного.

— Съ тобой я жила,—вскричала она,—съ тобой я и умру.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты не сдѣлаешь этого. Я запрещаю тебѣ, ты должна выгнать изъ головы эту мысль.

— Клянусь тебѣ...

— Не клянись. Придетъ день, когда ты будешь просить меня снять съ тебя эту клятву.

— Такъ-то ты въ меня вѣришь!

— О, ты любишь меня, я это знаю. Ты не покинешь меня до тѣхъ поръ...

— Никогда, никогда я тебя не покину.

Онъ покачалъ головой. Она прижалась къ нему, взяла обѣ его руки и поцѣловала ихъ.

— Ты такъ добра,—сказалъ онъ,—миѣ это очень грустно.

— Не грусти. Что бы ни было, наша судьба будетъ одна и та же.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ серьезно и рѣшительно,—оставь это. Я не такой, какъ другіе. И я не хочу быть такимъ. Я былъ бы жалкимъ человѣкомъ, если бы придавалъ значеніе тому, что ты говоришь въ первомъ порывѣ горя. Я долженъ уйти, а ты должна остаться.

Она снова начала плакать. Онъ ласкалъ и цѣловалъ ее, успокаивая, и они молча стояли у темнаго окна. Проходили минуты, свѣча становилась ниже.

Наконецъ, онъ отошелъ отъ нея и сѣлъ на диванъ. Тяжелая усталость овладѣла его членами. Марія подошла къ нему и сѣла рядомъ. Она тихонько взяла его голову и положила на свое плечо, онъ ласково взглянулъ на нее и закрылъ глаза. Такъ онъ и заснулъ.

Блѣдное, холодное утро заглянуло въ окно. Феликсъ проснулся. Голова его все еще лежала на ея груди, но сама она глубоко спала. Онъ тихонько отошелъ отъ нея, подошелъ къ окну и заглянулъ на улицу. Тамъ было безлюдно и сѣро. Его знобило. Не раздѣваясь, онъ легъ на постель и натянулъ на себя одѣяло.

Когда онъ проснулся, былъ яркій день, Марія сидѣла у кровати. Она разбудила его поцѣлуями. Они улыбнулись другъ другу. Не было ли все это дурнымъ сномъ? Онъ показался себѣ самъ такимъ здоровымъ и свѣжимъ. А за окномъ сіяло солнце. Съ улицы доносился шумъ; все жило кругомъ. Въ домѣ напротивъ почти всѣ окна были открыты. А на столѣ, какъ всегда, приготовленъ былъ завтракъ. И такъ свѣтло было въ комнатѣ, день проникъ во всѣ уголки. Въ лучахъ солнца кружились пылинки и во всемъ была надежда, надежда, надежда!

Докторъ докуривалъ еще свою послѣобѣденную сигару, когда ему доложили, что пришла дама. Приемный часъ еще не наступилъ и Альфредъ, естественно, былъ недоволенъ.

— Марія!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, когда она вошла.

— Не сердитесь, что я такъ рано мѣшаю вамъ. Пожалуйста, курите.

— Если позволите. Но что такое случилось. Что съ вами?

Она стояла передъ нимъ, опираясь одной рукой на столъ, а другой держа зонтикъ.

— Правда ли, что Феликсъ такъ сильно боленъ?—проговорила она быстро.—А! Вы поблѣднѣли. Почему же вы мнѣ этого не сказали, почему?

— Что это вамъ пришло въ голову?—онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.—Это все глупости. Да сядьте же, пожалуйста.

— Отвѣйте мнѣ.

— Ну, конечно, онъ боленъ. Вѣдь вы же это знаете.

— Онъ безнадеженъ,—вскричала она.

— Откуда вы взяли?

— Я знаю, и онъ знаетъ. Вчера онъ былъ у профессора Бернарда, и тотъ сказалъ ему это.

— Профессора тоже ошибаются.

— Вы же его часто изслѣдовали. Скажите мнѣ правду.

— Въ этихъ вещахъ нѣтъ абсолютной правды.

— Да, потому что онъ вашъ другъ. Вы не хотите сказать правды? Но я вижу по вашимъ глазамъ. Такъ это правда, правда! О, Боже! О, Боже!

— Милое дитя, успокойтесь.

Она быстро взглянула на него.

— Правда это?

— Ну да, онъ боленъ, вѣдь вы же знаете.

— Ахъ...

— Но зачѣмъ же ему сказали? И къ тому же...

— Ну, ну! Только, прошу васъ, не будите во мнѣ надежду, если надежды нѣтъ.

— Этого никогда нельзя сказать опредѣленно. И это можетъ такъ долго длиться.

— Да, я знаю, годъ.

Альфредъ закусилъ губу.

— Да, скажите мнѣ, почему онъ пошелъ къ другому доктору?

— Да очень просто, онъ зналъ, что вы никогда не скажете ему правды.

— Это просто бессмысленно,—вспылилъ докторъ,—просто бессмысленно. Я этого совершенно не понимаю! Какъ будто такъ настоятельно необходимо человѣка...

Въ эту минуту открылась дверь и вошелъ Феликсъ.

— Я такъ и зналъ,—сказалъ онъ, увидѣвъ Марію.

— Ты дѣлаешь удивительныя глупости,—закричалъ докторъ,—удивительныя глупости, право.

— Все это фразы, мой милый Альфредъ,—возразилъ Феликсъ,—сердечно благодарю тебя за доброе желаніе, ты поступилъ, какъ истинный другъ, ты велъ себя великолѣпно.

— Онъ говоритъ,— вмѣшалась Марія,— что профессоръ, конечно...

— Оставь это,— перебилъ ее Феликсъ,— пока все шло по старому, вы могли держать меня въ заблужденіи, но теперь это была бы пошлая комедія.

— Ты ребенокъ,— сказалъ Альфредъ,— мало ли въ Вѣнѣ людей, которыхъ двадцать лѣтъ назадъ приговаривали къ смерти!

— Однако, большинство изъ нихъ все же давно лежитъ въ землѣ. Альфредъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Во всякомъ случаѣ, со вчерашняго дня ничего не измѣнилось. Ты будешь беречься, вотъ и все, ты будешь больше слушаться меня— это хорошая сторона. Недѣлю тому назадъ у меня былъ пятидесяти-лѣтній господинъ, который...

— Напередъ знаю,— перебилъ его Феликсъ,— пресловутый пятидесятилѣтній господинъ, который въ двадцать лѣтъ былъ обреченъ на смерть, а теперь имѣетъ цвѣтушій видъ и восемь штукъ здоровыхъ дѣтей.

— Подобныя вещи нерѣдко случаются, въ этомъ нельзя сомнѣваться,— проговорилъ Альфредъ.

— Знаешь,— возразилъ Феликсъ,— я не принадлежу къ людямъ, съ которыми случаются чудеса.

— Чудеса?— воскликнулъ Альфредъ.— Да это самыя естественныя вещи.

— Да вы посмотрите на него,— сказала Марія,— онъ выглядитъ теперь лучше, чѣмъ зимой.

— Онъ долженъ беречь себя,— проговорилъ Альфредъ, останавливаясь противъ своего друга.— Вы отправитесь теперь въ горы и тамъ будете бездѣльничать.

— Когда намъ ѣхать?— спросила Марія.

— Все это ерунда,— сказалъ Феликсъ.

— А осенью вы поѣдете на югъ.

— А слѣдующей весной?— насмѣшливо спросилъ Феликсъ.

— Ты будешь, надѣюсь, здоровъ,— воскликнула Марія.

— Да, здоровъ,— разсмѣялся Феликсъ,— здоровъ! Во всякомъ случаѣ, не буду страдать.

— Я всегда говорю,— воскликнулъ докторъ,— что эти знаменитые клиницисты очень плохіе психологи.

— Потому что они не понимаютъ, что мы не можемъ выносить правды.

— Правды въ этомъ дѣлѣ нѣтъ,— повторяю я.— Человѣкъ вообразилъ себѣ, что онъ долженъ хорошенько поугаждать себя, чтобы ты былъ благоразумнѣе. Навѣрно у него былъ приблизительно такой ходъ мыслей. Если ты, вопреки его предсказаніямъ, выздоровѣешь, это, во всякомъ случаѣ, не принесетъ ему вреда. Онъ только предупредилъ тебя.

— Оставимъ эти дѣтскіе разговоры,—сказалъ Феликсъ,—я говорилъ съ нимъ совершенно серьезно, я заставилъ его понять, что мнѣ необходимо знать правду. Семейное положеніе! Это всегда импонируетъ людямъ. И я долженъ тебѣ откровенно признаться, что неизвѣстность была слишкомъ томительна.

— Какъ будто теперь ты обладаешь истиной!—раздраженно вскричалъ Альфредъ.

— Да, теперь я знаю истину. И ты, право, напрасно стараешься. Теперь дѣло идетъ только о томъ, чтобы послѣдній годъ провести возможно разумнѣе. Ты увидишь, милый Альфредъ, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые съ улыбкой расстаются съ жизнью. Да не плачь же, Марія. Ты и не воображаешь, какимъ прекраснымъ будетъ тебѣ казаться этотъ міръ и безъ меня. Какъ ты думаешь, Альфредъ?

— Оставь! Ты просто безжалостно мучишь бѣдняжку.

— Это правда, умнѣ было бы покончить сразу. Разстанемся, Марія, оставь меня одного умирать!

— Дайте мнѣ яду!—воскликнула вдругъ Марія.

— Вы оба сошли съ ума,—закричалъ докторъ.

— Да, яду. Я не хочу жить ни одной секунды безъ него, и онъ долженъ повѣрить этому. А онъ не хочетъ вѣрить. Почему же, почему?

— Слушай, Марія, что я тебѣ сейчасъ скажу. Если ты еще хоть разъ, хоть одинъ разъ заговоришь объ этой негѣпости, я разстанусь съ тобой навсегда, ты меня больше никогда не увидишь. Я не имѣю никакого права связывать твое существованіе съ моимъ, и я совсѣмъ не желаю такой отвѣтственности.

— Знаешь, милѣйшій мой Феликсъ,—заговорилъ докторъ,—чѣмъ скорѣе ты уйдешь, тѣмъ лучше. Такъ это не можетъ продолжаться. Сегодня же вечеромъ я васъ отвезу на желѣзную дорогу. Покой и живительный воздухъ, можетъ быть, вернуть вамъ рассудокъ.

— Я вполне согласенъ,—сказалъ Феликсъ,—мнѣ совершенно все равно, гдѣ...

— Ну и прекрасно,—прервалъ его Альфредъ.—Нѣтъ ни малѣйшаго основанія отчаяваться и ты можешь оставить при себѣ свои мрачныя побочныя замѣчанія.

Марія вытерла слезы и взглянула на доктора благодарными глазами.

— О, великій психологъ!—усмѣхнулся Феликсъ.—Если врачъ грубъ съ больнымъ, тому должно представиться, что онъ не такъ ужъ плохъ.

— Я прежде всего твой другъ. Поэтому ты знаешь...

— Итакъ, завтра въ горы!

— Да, это рѣшено.

— Во всякомъ случаѣ, я тебѣ очень благодаренъ,—сказалъ Феликсъ, протягивая руку Альфреду.—А теперь, идемъ. Тамъ кто-то ужъ покашливаетъ. Идемъ, Марія!

— Благодарю васъ, докторъ,—сказала Марія, прощаясь.

— Не за что благодарить. Будьте только благоразумны и присматривайте за нимъ. Итакъ, до свиданія.

На гѣстницѣ Феликсъ сказалъ вдругъ:

— А вѣдь прекрасный человекъ этотъ докторъ, какъ ты находишь?

— О, да.

— И молодой, и здоровый, и имѣетъ впереди еще лѣтъ сорокъ жизни, а можетъ быть и сто.

Они вышли на улицу. Вокругъ нихъ сновали люди, говорили, смѣялись, жили и не думали о смерти.

Они поселились въ маленькомъ домикѣ на самомъ берегу озера. Онъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни, оторвавшись отъ ряда домовъ, тянувшихся вдоль берега. За домомъ вверхъ по холму зеленѣли луга, а дальше, наверху, раскинулось поле. На самомъ горизонтѣ едва виднѣлась цѣпь далекихъ горъ. Когда они выходили на свою террасу, возвышавшуюся на четырехъ влажныхъ коричневыхъ колоннахъ надъ прозрачной глубиной, передъ ними на другомъ берегу тянулась длинная цѣпь голыхъ утесовъ, надъ которыми покоилось въ холодномъ блескѣ молчаливое небо.

Въ первые дни по приѣздѣ на нихъ снизошло чувство невыразимаго мира и спокойствія, причину котораго они и сами не могли объяснить себѣ. Какъ будто судьба могла имѣть власть надъ ними только въ привычныхъ условіяхъ жизни. Здѣсь, среди новой обстановки все, что произошло съ ними въ другомъ мѣстѣ, не могло имѣть никакого значенія. Съ тѣхъ поръ какъ они знали другъ друга, они еще никогда не испытывали такого освѣжающаго уединенія. Казалось, что въ прошломъ съ ними произошла какая-то маленькая неприятность, ссора или недоразумѣніе, о которомъ не стоило упоминать. Въ прекрасные лѣтніе дни Феликсъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что вскорѣ послѣ приѣзда онъ хотѣлъ было снова приняться за свою работу. Но Марія не соглашалась на это.

— Ты все-таки не совсѣмъ еще здоровъ,—говорила она съ улыбкой

И на маленькомъ столикѣ, гдѣ Феликсъ расположилъ свои книги и бумаги, весело играли солнечные лучи, а въ окно проникалъ съ озера мягкій ласкающій воздухъ, который не имѣлъ ничего общаго съ несчастьями всякаго рода.

Однажды вечеромъ они по обыкновенію поѣхали прокатиться по озеру въ лодкѣ. Лодка была хорошая, просторная, съ мягкой, обитой скамейкой, на которой сидѣла Марія, а Феликсъ, закутавшись въ теплый пледъ лежалъ у ея ногъ, положивъ голову ей на колѣни.

Надъ широкой спокойной поверхностью воды колебался легкій туманъ, и, казалось, сумерки медленно выплывали изъ глубины озера

и плыли къ берегамъ. Феликсъ рѣшился даже курить сигару и глядѣлъ впередъ на волны и на скалы, еще залитыя мягкимъ золотомъ солнечныхъ лучей.

— Скажи, Марія,—заговорилъ онъ,—любишь ты смотрѣть туда, вверхъ?

— Куда?

Онъ указалъ рукой на небо.

— Туда, прямо вверхъ, въ эту глубокую синеву. Я не могу. Миѣ это непріятно.

Она взглянула вверхъ и нѣсколько секундъ не отрывала оттуда взгляда.

— Миѣ нравится смотрѣть туда,—сказала она.

— Да? Когда небо такое ясное, какъ сегодня, я совершенно не выношу его. Эта безконечность, эта страшная безконечность! Когда есть облака, миѣ не такъ непріятно, облака принадлежатъ еще намъ; въ нихъ я вижу что-то родственное.

— Завтра будетъ дождь,—вмѣшался гребецъ,—оттого сегодня горы такъ близко...

Онъ поднялъ весла и лодка, беззвучно и медленно скользила по волнамъ.

Феликсъ закашлялся.

— Удивительно, сигары я все еще не переносу.

— Такъ брось же ее.

Феликсъ нѣсколько разъ повернулъ въ пальцахъ тлѣющую сигару, потомъ бросилъ ее въ воду и сказалъ, не поворачиваясь къ Маріи:

— Такъ что же, значить, я еще не совсѣмъ здоровъ?

— Перестань,—сказала она, проводя рукой по его волосамъ.

— Что мы будемъ дѣлать, если пойдутъ дожди!—заговорилъ Феликсъ.—Ты должна тогда позволить миѣ работать.

— Нѣтъ, ты не долженъ работать.

Она наклонилась надъ нимъ и заглянула ему въ глаза. Ей показалось, что его щеки горѣли.

— Я скоро прогоню твои мрачныя мысли. А теперь не пора ли намъ домой? Становится свѣжо.

— Свѣжо? Миѣ не свѣжо.

— Да, тебѣ въ твоемъ толстомъ пладѣ.

— Ахъ,—воскликнулъ онъ,—какой я эгоистъ, я и забылъ о твоемъ легкомъ платьѣ.

Онъ повернулся къ гребцу:

— Домой,—сказалъ онъ.

Въ нѣсколько ударовъ веселъ гребецъ подвезъ ихъ къ дому. Тутъ только Марія замѣтила, какъ плотно кутался Феликсъ въ свой пладъ.

— Что съ тобой?

— Я, дѣйствительно, не вполне еще здоровъ, Марія.

— Что же такое?

— Меня лихорадитъ. Довольно-таки глупо, не правда ли?

— Ты, вѣрно, ошибаешься,—робко сказала Марія,—я сейчасъ пошлю за докторомъ.

— Конечно, это мнѣ очень поможетъ.

Они остановились и вышли на берегъ. Въ комнатахъ было почти темно. Но въ нихъ еще сохранилась вся теплота лѣтняго дня. Пока Марія готовила ужинъ, Феликсъ спокойно сидѣлъ въ креслѣ.

— Такъ-то,—сказалъ онъ,—первая недѣля уже прошла.

Она оставила посуду, которую разставляла на столѣ, быстро подошла къ нему и обняла его обѣими руками.

— Ну, что же съ тобой опять?

Онъ высвободился изъ ея объятій.

— Оставь,—сказалъ онъ.

Онъ всталъ и пересѣлъ къ столу. Она пошла за нимъ. Онъ барабанилъ пальцами по скатерти.

— Я кажусь себѣ такимъ безпомощнымъ...

— Да перестань же, Феликсъ.

Она придвинула свой стулъ ближе къ нему.

Онъ смотрѣлъ кругомъ широко открытыми глазами. Потомъ онъ нетерпѣливо покачалъ головой, какъ будто не могъ понять чего-то, и пробормоталъ сквозь зубы:

— Безпомощный! безпомощный! Ни одинъ человѣкъ не можетъ мнѣ помочь. Само по себѣ это еще не такъ страшно,—но эта безпомощность!

— Феликсъ, прошу тебя, не волнуйся. Навѣрно, у тебя ничего нѣтъ. Ну, хочешь, я для твоего успокоенія схожу за докторомъ.

— Прощу тебя, оставь эти глупости. Извини, пожалуйста, что я опять надоедаю тебѣ своими болѣзнями.

— Ахъ, Феликсъ...

— Этого больше не случится. Ну-ка налей мнѣ вина. Да, да, налей, пожалуйста. Благодарю. Ну, теперь поговоримъ о чемъ-нибудь.

— О чемъ же?

— Да о чемъ хочешь. Почитай мнѣ, если тебѣ ничего не приходитъ въ голову. Ахъ, извини, конечно, послѣ ужина. Пожалуйста, ѣшь, я тоже буду ѣсть.

И онъ придвинулъ къ себѣ тарелку.

— У меня даже аппетитъ есть, все это мнѣ кажется очень вкуснымъ.

— Тѣмъ лучше,—сказала Марія съ принужденной улыбкой.

И оба принялись ѣсть и пить.

Въ ближайшіе дни шелъ теплый дождь. Они сидѣли до вечера то въ комнатѣ, то на своей террасѣ. Иногда они читали что-нибудь, вмѣстѣ, иногда смотрѣли въ окно, или она шила, а онъ любовался ею. Случа-

лось, что они играли въ карты или онъ преподавалъ ей теорію шахматной игры. Но чаще онъ ложился на диванъ, а она сидѣла около него и читала. Это были мирные дни и вечера, и Феликсъ чувствовалъ себя въ сущности вполне хорошо. Онъ радовался, что дурная погода не отзывалась на немъ. Лихорадка болѣе не возвращалась.

Однажды, когда въ первый разъ небо стало проясняться, и они снова сидѣли на своемъ балконѣ, Феликсъ неожиданно, безъ всякой связи съ предыдущимъ разговоромъ сказалъ:

— Въ сущности вокругъ насъ ходятъ все приговоренные къ смерти.

Марія подняла глаза отъ работы.

— Да,—продолжалъ онъ,—вообрази, что кто-нибудь сказалъ бы тебѣ: «Милостивая государыня, вы умрете 1-го мая 1970 года». Вѣдь ты бы всю остальную жизнь мучилась невыразимымъ страхомъ передъ этимъ 1-мъ мая 1970 года, хотя, говоря серьезно, ты, конечно, не считаешь себя прожить до ста лѣтъ.

Она ничего не отвѣтила.

Онъ говорилъ дальше, глядя на озеро, сверкавшее въ лучахъ солнца, прорвавшихся сквозь тучи.

— А другіе ходятъ себѣ здоровые и гордые, а можетъ быть, черезъ какую-нибудь недѣлю ихъ постигнетъ бессмысленный случай и унесетъ ихъ съ собой. А они совсѣмъ и не думаютъ о смерти, не правда ли?

— Знаешь,—сказала Марія,—оставь лучше эти глупыя мысли. Ты вѣдь и самъ долженъ былъ убѣдиться, что ты выздоравливаешь.

Онъ улыбнулся.

— Ну, да, ты и принадлежишь именно къ тѣмъ, кому суждено здоровье.

Онъ громко засмѣялся.

— Милое дитя, ты думаешь, что я и въ самомъ дѣлѣ собираюсь переспорить судьбу. Ты думаешь, что меня можетъ обмануть это кажущееся улучшение, которое подарила мнѣ судьба? Я случайно знаю, что мнѣ предстоитъ, и мысль о близкой смерти превращаетъ меня, какъ и cadaго сильнаго человѣка, въ философа.

— Да перестань же, наконецъ.

— Возлюбленная моя, я долженъ умереть, а вы не желаете даже испытать маленькую неприятность, слушая объ этомъ.

Она отбросила работу и подошла къ нему.

— Я чувствую,—сказала она тономъ добросовѣстнаго убѣжденія,—что ты останешься со мной. Ты не можешь самъ судить, насколько ты поправляешься. Ты не долженъ только думать объ этомъ, тогда изъ нашей жизни исчезнетъ послѣдняя тѣнь.

Онъ долго смотрѣлъ на нее.

— Повидимому, ты, дѣйствительно, абсолютно неспособна понять это. Нужно сдѣлать это для тебя осязательнымъ.

Онъ взялъ въ руку газету.

— Что здѣсь напечатано?

— 12 іюня 1890 года.

— Да, 1890. А теперь, вообрази себѣ, что, вмѣсто нуля, тутъ стоитъ единица. Тогда уже все будетъ давнымъ давно кончено. Теперь ты понимаешь?

Она взяла у него газету и съ досадой бросила ее на полъ.

— Она тутъ не при чемъ,—сказалъ онъ спокойно. Вслѣдъ затѣмъ онъ быстро всталъ, точно хотѣлъ стряхнуть съ себя всѣ эти мысли, и воскликнулъ:

— Смотри, какая красота! Какъ сверкаетъ солнце на волнахъ! А тамъ,—онъ подошелъ къ краю террасы и заглянулъ въ противоположную сторону,—какіе переливы свѣта въ поляхъ! Мнѣ хочется туда.

— Не будетъ ли слишкомъ сыро?

— Идемъ, я хочу на просторъ.

Она не посмѣла противорѣчить ему.

Они взяли шляпы, накинули пальто и отправились по дорогѣ въ поле. Небо было почти безоблачно. Только надъ дальней цѣпью горъ проносились изрѣдка легкія полосы тумана. Казалось, что даже зелень луговъ тонула въ бѣломъ золотѣ, залившемъ всю природу. Скоро они вышли на узкую дорожку среди хлѣбовъ, по которой приходилось идти другъ за другомъ; а за помы ихъ пальто задѣвали колосья. Потомъ они свернули въ сторону въ небольшую листовенную рощу, гдѣ были хорошія расчищенныя дороги и чуть не на каждомъ шагу стояли скамейки. Здѣсь они пошли рука объ руку.

— Какая красота,—воскликнулъ Феликсъ,—и что за воздухъ!

— Не думаешь ли ты, что послѣ дождя...—заговорила Марія, но Феликсъ не далъ ей докончить. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Оставь, пожалуйста, какое это можетъ имѣть значеніе? Ужасно непріятно слышать постоянно эти напоминанія.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, гдѣсь все рѣдѣлъ и свѣтлѣлъ. Уже между деревьями просвѣчивало озеро. До него оставалось не больше сотни шаговъ. Небольшой мысъ, покрытый рѣдкимъ кустарникомъ вдавался въ воду, на немъ были расположены деревянные столики со скамейками, а у самаго берега стояла легкая деревянная рѣшетка. Поднялся легкій вечерній вѣтерокъ и погналъ волны къ берегу. Съ влажныхъ листьевъ брызнули капельки дождя. Мягкій свѣтъ отлетающаго дня освѣщалъ всю картину.

— Я никогда не подозревалъ,—сказалъ Феликсъ,—что все это такъ прекрасно.

— Да, дивно хорошо.

— Ты вѣдь этого не понимаешь,—воскликнулъ Феликсъ,—и не можешь понять, тебѣ не нужно прощаться со всѣмъ этимъ.

Онъ медленно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и оперся обѣими руками

на легкую рѣшетку, выходящую прямо изъ воды. Онъ смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ ними гладь воды. Потомъ онъ повернулся назадъ. Марія стояла за нимъ, глядя на него полными сдерживаемыхъ слезъ глазами.

— Ну, смотри,—сказалъ Феликсъ шутливымъ тономъ,—все это я оставляю тебѣ. Да, да, вѣдь теперь оно принадлежитъ мнѣ. Въ этомъ могучемъ чувствѣ обладанія заключается великая тайна ощущенія жизни, которую я только теперь постигъ. Со всѣми эти вещами я могу сдѣлать все, что хочу. Тѣ голые утесы я могъ бы усыпать цвѣтами и бѣлые облака могъ бы прогнать съ небесъ. Я этого не дѣлаю, потому что оно прекрасно именно такъ, какъ есть. Ты поймешь это, милое дитя, только когда меня не станетъ. У тебя будетъ такое чувство, точно все это перешло въ твое владѣніе.

Онъ взялъ ее за руку и притянулъ къ себѣ. Другой рукой онъ указывалъ ей на прекрасный окружающій міръ.

— Все это, все это,—повторялъ онъ.

Но она молчала и смотрѣла на него сухими печальными глазами.

— Однако пора домой,—сказалъ онъ вдругъ, рѣзко мѣняя тонъ. Наступали сумерки, и они пошли ближайшей дорогой по берегу.

— Это была прекрасная прогулка,—замѣтилъ Феликсъ.

Она молча кивнула головой.

— Мы будемъ часто повторять ее, Марія.

— Хорошо,—сказала она.

— И мучить тебя я больше не буду,—прибавилъ онъ тономъ презрительнаго сожалѣнія.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Феликсъ рѣшилъ приняться снова за свою работу. Взявъ въ руку карандашъ, онъ съ нѣкоторымъ злораднымъ любопытствомъ оглянулся на Марію, ожидая, что она будетъ удерживать его. Но она ничего не сказала. Онъ недолго проработалъ: скоро онъ оттолкнулъ и карандашъ, и бумагу и взялъ первую попавшуюся подъ руку книгу. Чтеніе все-таки больше отвлекало его отъ мыслей. Къ работѣ онъ былъ еще неспособенъ. Онъ долженъ былъ сначала проникнуться полнымъ презрѣніемъ къ жизни, чтобы потомъ, спокойно глядя въ глаза безмолвной вѣчности, начертать, подобно мудрецу, свою послѣднюю волю. Къ этому онъ стремился. Не такую послѣднюю волю, какую оставляютъ послѣ себя обыкновенные люди, давая замѣтить въ ней владѣющій ими страхъ смерти. Это завѣщаніе не должно касаться вещей, доступныхъ зрѣнію и осязанію,—вещей, которыя раньше или позже погибнуть вслѣдъ за нимъ. Его послѣдняя воля будетъ поэма, тихое, съ улыбкой на устахъ, прощаніе съ міромъ, который онъ побѣдилъ. Съ Маріей онъ не говорилъ объ этой идее. Она не поняла бы его. Онъ казался себѣ созданнымъ совершенно иначе, чѣмъ она. Съ нѣкоторой гордостью поглядывалъ онъ на нее,

когда она послѣ обѣда задремывала надъ своей книгой, и растрепавшіеся локоны вились по ея лбу. Его гордость росла по мѣрѣ того, какъ онъ сознавалъ, сколько есть вещей, о которыхъ онъ долженъ умалчивать передъ ней. Онъ казался себѣ одинокимъ и великимъ.

Однажды, когда она такимъ образомъ задремала въ креслѣ, онъ тихонько выскользнулъ изъ комнаты и направился въ лѣсъ. Вокругъ него царил дремотная тишина душнаго лѣтняго дня. И вдругъ ему стало ясно, что *это* должно совершиться сегодня. Онъ вздохнулъ глубоко и свободно. Онъ шелъ дальше подъ густою тѣнью деревьевъ. Смягченный дневной свѣтъ успокоительно дѣйствовалъ на него. Все это, и тѣнь, и тишину и мягкій воздухъ, онъ ощущалъ, какъ особое счастье. Онъ наслаждался всѣмъ. И не было никакой горечи въ той мысли, что онъ долженъ разстаться со всею прелестью жизни.

— Разстаться, разстаться,—повторилъ онъ вслухъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, и мягкій воздухъ такъ легко и свободно наполнилъ его грудь, что онъ сразу почувствовалъ невозможность согласиться съ тѣмъ, что онъ боленъ. Но вѣдь онъ же боленъ, онъ даже обреченъ на смерть. И вдругъ на него нашло точно какое-то просвѣтленіе. Онъ больше не вѣрилъ въ это. Да, да, именно не вѣрилъ, оттого-то онъ и чувствовалъ себя такъ свободно и хорошо, оттого-то ему и казалось, что пришелъ настоящій часъ. Не въ томъ дѣло, что онъ побѣдилъ стремленіе къ жизни, нѣтъ, его только оставилъ страхъ смерти, потому что онъ больше не вѣрилъ въ эту смерть. Онъ зналъ, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые будутъ жить. Точно проснулось вновь что-то спавшее въ дальнемъ уголкѣ его души. Онъ почувствовалъ потребность шире открыть глаза, идти болѣе крупными шагами, дышать болѣе глубокими вздохами. День сразу сталъ свѣтлѣе и природа оживленнѣе. Итакъ, вотъ что это было, вотъ что это было! И какъ это случилось? Почему его вдругъ такъ опьянила надежда? Ахъ, эта надежда! Нѣтъ, это было больше, чѣмъ надежда. Это была увѣренность. А еще сегодня утромъ его мучилъ страхъ, сжималъ ему горло, а теперь, теперь онъ здоровъ, онъ совсѣмъ здоровъ. Онъ громко воскликнулъ:

— Здоровъ!

Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса, передъ нимъ разстигалось темно-голубое озеро. Онъ сѣлъ на скамью и сидѣлъ тамъ, погруженный въ чувство глубокаго успокоенія, устремивъ взглядъ на воду. Онъ думалъ о томъ, какъ странно это случилось: вмѣсто удовольствія гордаго прощанія съ жизнью, онъ испытывалъ радость выздоровленія. Сзади него раздавался легкій шорохъ. Онъ едва успѣлъ повернуться. Это была Марія. Глаза ея блестѣли, щеки слегка порозовѣли.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ ты ушелъ? Зачѣмъ ты оставилъ меня одну? Я очень испугалась.

— Полно,—сказалъ онъ, привлекая ее къ себѣ. Онъ улыбнулся и поцѣловалъ ее. У нея были такія влажныя теплыя губы.

— Поди сюда,—сказалъ онъ тихонько, привлекая ее къ себѣ на колѣни. Она тѣсно прижалась къ нему, обхвативъ его шею обѣими руками. Она была такъ прекрасна! Отъ ея бѣло зурыхъ волосъ шелъ легкій теплый аромать. И безконечная нѣжность къ этому гибкому, нѣжному существу вдругъ поднялась въ его груди. Глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ ея руки и началъ цѣловать ихъ. Какъ онъ любилъ ее!

Съ озера раздавался отдаленный шумъ. Они одновременно подняли головы и рука объ руку подошли къ берегу. Вдали видѣлся пароходъ. Они подождали, пока онъ подошелъ настолько, что можно было разглядѣть силуэты людей на палубѣ, потомъ повернулись и пошли лѣсомъ домой. Шли они медленно, рука объ руку, улыбаясь другъ другу. Они снова находили старыя слова, слова первыхъ дней ихъ любви. Въ этихъ словахъ звучала неувѣренная нѣжность, глубокая ласка. Они были радостны, какъ дѣти, они вновь нашли свое счастье.

Настало томительное, знойное лѣто, съ жгучими днями и коварными, раздражающими ночами. Каждый день повторялъ предшествующій и каждая ночь напоминала предыдущую. Время не двигалось. И они все были одни. Они думали только другъ о другѣ; лѣсъ, озеро, ихъ маленькій домъ—это была ихъ вселенная. Удушливая, но пріятная атмосфера окутывала ихъ, мѣшая имъ думать. Беззаботныя, счастливыя ночи, усталые, исполненные нѣжности дни пролетали надъ ними.

Разъ ночью, когда свѣча еще горѣла, Марія встала и подошла къ Феликсу. Онъ тихо спалъ, на лицѣ его лежало выраженіе глубокаго спокойствія. Она прислушалась къ его дыханію. Да, теперь это было уже несомнѣнно, каждый часъ приближалъ его къ полному выздоровленію. Глубокая нѣжность охватила ее, она ближе наклонилась къ нему, чтобы почувствовать на своей щекѣ его дыханіе. О, какъ прекрасно жить! И вся ея жизнь была въ немъ, въ немъ одномъ. И теперь онъ возвращень ей, навсегда возвращень!

Въ эту минуту одинъ вздохъ спящаго смутилъ ее, это былъ какъ бы легкій, заглушенный стонъ. Вокругъ его полуоткрытыхъ губъ появилась черточка страданія, а на лбу она со страхомъ замѣтила капельки пота. Голова слегка повернулась на бокъ. Потомъ губы снова закрылись, черты приняли спокойное выраженіе, еще два, три прерывистыхъ вдоха, и дыханіе по прежнему стало ровнымъ, почти беззвучнымъ. Но Марія уже не могла побѣдить мучительной тревоги. Больше всего ей хотѣлось разбудить его, прижаться къ нему, ощутить его теплоту, его жизнь. Странное чувство, какой-то вины вдругъ проснулось въ ней, радостная увѣренность въ его выздоровленіи показала ей дерзостью. Она пробовала убѣдить себя, что это была вовсе не твер-

дая увѣренность, а только робкая и благодарная надежда, за которую нельзя же было такъ горько наказывать ее. Она давала себѣ общаніе никогда не отдаваться такому беззаботному счастью. И вдругъ все это время ликующаго упоенья представилось ей временемъ легкомысленнымъ и грѣховнымъ, которое они должны были теперь искупать. Но вѣдь все это еще можно исправить. Безъ сомнѣнія! И къ тому же развѣ въ этомъ дѣйствительно было что-нибудь грѣховное? Вѣдь это была та любовь, которая, быть можетъ, имѣетъ власть творить чудеса. И, быть можетъ, именно эти блаженные часы вернули ему здоровье.

Ужасный стонъ вырвался изъ устъ Феликса. Въ полуснѣ онъ приподнялся на кровати съ широко раскрытыми глазами, со сграхомъ устремленными въ пространство. Марія не могла удержать восклицанія ужаса. Это его окончательно разбудило.

— Что случилось?—вскричалъ онъ.

Марія не находила отвѣта.

— Это ты кричала, Марія? Я слышалъ крикъ.

Онъ ускоренно дышалъ.

— Что-то душило меня. Я видѣлъ сонъ, не помню какой.

— Я очень испугалась,—пробормотала она.

— Знаешь, Марія, мнѣ очень холодно.

— Не мудрено, если ты видѣлъ страшный сонъ.

— Ахъ, это все пустяки,—сказалъ онъ, сердито глядя вверхъ,— у меня просто опять лихорадка, вотъ что.

У него стучали зубы, онъ легъ на подушку и плотнѣе закутался въ одѣяло.

Она съ отчаяньемъ смотрѣла на него.

— Не хочешь ли ты... Не сходить ли мнѣ...

— Ничего мнѣ не надо... Спи, пожалуйста. Я усталъ и тоже буду спать. А свѣчку не туши.

Онъ закрылъ глаза и подтянулъ одѣяло къ самому подбородку. Марія не рѣшалась ни о чемъ его спрашивать. Она знала, какъ его раздражало состраданіе, когда онъ не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже спалъ, но она не могла больше заснуть. Скоро сѣрыя сумерки стали прокрадываться въ комнату. Эти первые блѣдные признаки близкаго утра принесли Маріи большее облегченіе. Точно что-то ласковое, дружеское проникло къ ней. Она чувствовала странную потребность встрѣтить утро. Она тихонько встала съ постели, накинула на себя блузу и проскользнула на терассу. Небо, горы, озеро, все плавало еще въ смутной сѣрой мглѣ. Ей пріятно было напрягать зрѣніе, чтобы яснѣе различать очертанія предметовъ. Она сѣла въ кресло и взгляды ея потонули въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ. Невыразимая отрада наполнила ея душу, пока она сидѣла здѣсь среди глубокой тишины просыпающагося лѣтняго утра. Вокругъ все было такъ спокойно, такъ ласково, такъ вѣчно. Какъ прекрасно было по-

быть хоть минутку одной, среди этой великой природы, вырвавшись из той душевой, тѣсной комнаты. И вдругъ ее точно прожгло сознание — ей пріятно было уйти отъ него, быть тутъ, быть одной!

Весь слѣдующій день къ ней возвращались мысли минувшей ночи. Онѣ не были уже такъ тяжелы и мучительны, какъ во мракѣ ночи, но зато онѣ стали еще опредѣленнѣе и побуждали ее принять твердое рѣшеніе. Прежде всего она должна была по возможности умѣрять пламенность его любви. Она не понимала, какъ могла она до сихъ поръ не подумать объ этомъ. Ахъ, она постарается быть такой мягкой, такой умной, что онъ не приметъ это за охлажденіе, а только за новый лучший видъ любви.

Но ей и не пришлось быть ни особенно мягкой, ни особенно умной. Послѣ той ночи весь пылъ его страсти угасъ самъ собой, и онъ отнесся къ ней съ усталой нѣжностью, которая сначала принесла ей успокоеніе, а потомъ повела къ отчужденію. Днемъ онъ больше читалъ или дѣлалъ видъ, что читаетъ, часто она замѣчала, что его взглядъ блуждаетъ поверхъ книги. Ихъ разговоры вертѣлись вокругъ тысячи обыденныхъ мелочей и не затрогивали ничего значительнаго, но Марія не испытывала такого ощущенія, что онъ не посвящаетъ ее больше въ тайну своихъ мыслей. Все это складывалось само собой, какъ будто эта недосказанность, это равнодушіе въ немъ были слѣдствіемъ естественной слабости выздоравливающаго. Утромъ онъ по долгу лежалъ въ постели, а она привыкла выходить одна изъ дому на разсвѣтъ. Иногда она сидѣла на террасѣ, иногда спускалась къ озеру, садилась въ лодку и, не отплывая далеко отъ берега, тихонько качалась на волнахъ. Или же она шла гулять въ лѣсъ, и приходила его будить только послѣ небольшой утренней прогулки. Она радовалась его здоровому сну, считая его хорошимъ признакомъ. Но она не знала, какъ часто онъ просыпался по ночамъ, она не видѣла, какимъ взглядомъ полнымъ безконечной грусти смотрѣлъ онъ иногда, какъ она спала спокойнымъ сномъ здоровой юности.

Разъ утромъ, она по обыкновенію сѣла въ лодку, когда первые лучи солнца только что разсыпались золотыми искрами по волнамъ. Сверкающая прозрачная вода такъ и манила вдаль. Она попробовала выплыть подальше и отъ непривычки грести сильно разгорячилась и устала, что, впрочемъ, только увеличивало прелесть прогулки. Несмотря на такой ранній часъ на озерѣ не было пустынно. То тутъ, то тамъ навстрѣчу Маріи выплывали лодочки, и ей казалось, что нѣкоторые изъ нихъ не безъ намѣренія подѣзжали къ ней поближе. Маленькій эlegantный ботикъ, въ которомъ сидѣло двое молодыхъ людей, быстро поравнялся съ ней. Молодые люди подняли весла и весело и любезно поклонились ей.

Марія удивленно взглянула на нихъ и необдуманно отвѣтила:

— Здравствуйте.

Потомъ она такъ же бессознательно оглянулась на нихъ, когда они проѣхали. Молодые люди тоже обернулись и еще разъ поклонились ей. Только тутъ ей пришло въ голову, что она поступила не такъ, какъ слѣдовало, и она такъ скоро, какъ только позволяли ея силы, стала грести къ дому. На обратный путь пошло почти полчаса и вернулась она разгоряченная, съ распустившимися волосами. Еще изъ лодки она увидѣла, что Феликсъ сидитъ на террасѣ, и она торопливо вошла въ домъ. Возбужденная, хотя нѣсколько смущенная, точно въ чемъ-то провинившаяся, вбѣжала она на балконъ, сзади обняла Феликса руками и шутя спросила его:

— Кто это?

Онъ медленно высвободился изъ ея рукъ и спокойно взглянулъ на нее съ боку.

— Что съ тобой? Отчего это тебѣ такъ весело?

— Оттого, что я опять съ тобой.

— Отчего-жъ ты такъ разгорячилась? Ты вся пылаешь!

— Ахъ, Бсже мой, я такъ рада, такъ рада!

Своеправнымъ жестомъ она сбросила плащъ съ его ногъ и при-сѣла къ нему на колѣни. Ей было досадно и на свое невольное смущеніе, и на его обиженный видъ, и нагнувшись, она поцѣловала его въ губы.

— Чему же это ты такъ рада?

— Развѣ у меня нѣтъ причинъ радоваться? Я такъ счастлива, что... она запнулась, но потомъ продолжала дальше,—что это ушло отъ тебя.

— Что—это?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ въ голосѣ.

Надо было докончить, онъ, очевидно, не хотѣлъ ей помочь.

— Ну, тотъ твой страхъ.

— Страхъ смерти, ты думаешь?

— Зачѣмъ говорить такія слова!

— Почему ты говоришь, что онъ ушелъ отъ *меня*? Значить и отъ тебя также, не правда ли?

И взглядъ его при этомъ принялъ пытливое, недоброе выраженіе. И когда она, не отвѣчая, играла его волосами и прижимала губы къ его лбу, онъ нѣсколько откинулъ назадъ голову, и продолжалъ безпощадно и холодно:

— По крайней мѣрѣ, раньше это было твое намѣреніе—раздѣлить мою судьбу.

— Оно такъ и будетъ,—отвѣтила она живо и весело.

— Нѣтъ, такъ не будетъ, — строго остановилъ онъ ее. — Что мы другъ друга обманываемъ? «Это» отъ меня вовсе не ушло. Оно приближается все ближе, я чувствую это.

— Но, Феликсъ...

Она незамѣтно отошла отъ него и стояла прислонившись къ рѣшеткѣ балкона. Онъ тоже всталъ и ходилъ взадъ и впередъ.

— Да, я чувствую это. И моя обязанность предупредить тебя. Если это произойдетъ совершенно неожиданно для тебя, ты можешь слишкомъ сильно испугаться. Поэтому я напоминаю тебѣ, что почти четверть моего срока уже прошла. А можетъ быть, я самъ себѣ внушилъ, что обязанъ сообщить объ этомъ тебѣ, можетъ быть, это просто мое малодушіе.

— Можетъ быть, ты сердисься, что я оставила тебя одного?— сказала она робко.

— Пустяки!— быстро отвѣчалъ онъ.— Миѣ даже пріятно твое радостное настроеніе,—я самъ, насколько я себя теперь знаю, съ радостью буду ожидать извѣстнаго дня. Но твою веселость, искренне говоря, миѣ нѣсколько трудно выносить. Впрочемъ, повторяю, я даю тебѣ полную свободу отдѣлать твою судьбу отъ моей.

— Феликсъ!

Она обѣими руками постаралась удержать его, но онъ освободился отъ нея и продолжалъ ходить.

— Начинается самое тяжелое время. До сихъ поръ я былъ еще интересный больной. Немного блѣдный, немного кашляющій, немного меланхолическій. Это всегда нравится женщинамъ. Но отъ того, что теперь предстоитъ, лучше избавь себя, дитя мое. Оно можетъ только отравить твои воспоминанія обо мнѣ.

Она тщетно искала отвѣта, безпомощно глядя на него.

— На это трудно рѣшиться, думаешь ты. Это отзывается безсердечностью, пожалуй даже пошлостью. Увѣряю тебя, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, наоборотъ, ты окажешь большую услугу миѣ и моему тщеславію, если ты примешь мое предложеніе. Я хочу, чтобы ты, по крайней мѣрѣ, съ грустью вспоминала обо мнѣ и оплакивала меня искренними слезами. Но я ни въ какомъ случаѣ не желаю одного, чтобы ты дни и ночи сидѣла надъ моей постелью съ мыслью, «пусть бы ужъ это скорѣе кончалось, если оно все равно должно кончиться», и чтобы ты вздохнула съ облегченіемъ, когда я покину тебя.

Она все еще искала словъ. Наконецъ, она воскликнула:

— Я останусь съ тобой вѣчно!

Онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—сказалъ онъ. Черезъ недѣлю я намѣреваюсь поѣхать въ Вѣну. Миѣ еще надо привести въ порядокъ кой-какія дѣла. Прежде чѣмъ мы выйдемъ изъ этого дома, я снова повторю свой вопросъ, нѣтъ, свою просьбу.

— Феликсъ! Я!...

Онъ рѣзко оборвалъ ее.

— Запрещаю тебѣ говорить объ этомъ еще хоть слово до назначеннаго мною срока.

Онъ вошелъ въ комнату. Она хотѣла идти за нимъ.

— Оставь меня,—сказалъ онъ мягко,—я хочу немного побыть одинъ.

Она осталась на балконѣ и сухими глазами смотрѣла вдаль на озеро. Феликсъ прошелъ въ спальню и бросился тамъ на кровать. Онъ долго не отрываясь смотрѣлъ на одѣяло, закусивъ губы и крѣпко сжавъ кулаки. Потомъ съ злобной усмѣшкой онъ пробормоталъ сквозь зубы:

— Самопожертвованіе! самопожертвованіе!

Съ этой минуты между ними стало что-то чуждое, но въ то же время они чувствовали какое-то болѣзненное стремленіе говорить между собой. Цѣлые часы говорили они о самыхъ неважныхъ предметахъ. Имъ становилось какъ-то страшно, когда они переставали говорить. То они разсуждали о томъ, откуда приходятъ облака, заволакивающія горы, то какую погоду можно ждать завтра, то, почему озеро въ разное время дня принимаетъ разные оттѣнки. Гуляя они по большей части избѣгали ближайшихъ окрестностей своего дома, а отправлялись въ болѣе людныя мѣста на берегъ озера. Тамъ постоянно представлялись случаи дѣлать замѣчанія по поводу встрѣчныхъ. Когда навстрѣчу имъ попадались молодые люди, Марія вела себя особенно сдержанно, и если Феликсъ замѣчалъ что-нибудь по поводу костюма какого нибудь любителя-гребца или альпиниста, она съ полубезсознательной неискренностью увѣряла, будто совсѣмъ не замѣтила этихъ людей. Феликсу стоило большого труда при слѣдующей встрѣчѣ заставить ее обратить на нихъ вниманіе. Ей становилось тяжело и неловко отъ того взгляда, какимъ онъ слѣдилъ за ней во время подобныхъ встрѣчъ. Иногда они по получасу шли молча. Иногда они молчали, сидя рядомъ на балконѣ, пока Марія не предлагала ему въ видѣ послѣдняго средства, не умѣя скрыть его преднамѣренность, почитать ему газету. Даже замѣчая, что онъ не слушаетъ, она продолжала читать, радуясь звуку своего голоса, радуясь, что царившее между ними молчаніе чѣмъ-нибудь нарушается. И несмотря на всѣ эти мучительныя старанія, каждый изъ нихъ былъ занятъ исключительно собственными мыслями.

Самъ передъ собой Феликсъ признавался, что онъ только что разыгралъ передъ Маріей недостойную комедію. Если у него было серьезное желаніе избавить ее отъ предстоящихъ мученій, то лучше всего ему было бы незамѣтно исчезнуть съ ея глазъ. Можно было бы, конечно, найти такой безвѣстный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно умереть. Онъ самъ удивлялся, съ какимъ спокойствіемъ онъ обсуждалъ эти вопросы. Но когда онъ начиналъ обдумывать исполненіе этого плана, когда въ мучительныя безсонныя ночи онъ воображалъ себѣ всѣ подробности этого исполненія,—какъ онъ на зарѣ, не прощаясь съ нею, уйдетъ отсюда навстрѣчу смерти, оставивъ ее здѣсь посреди

ликующей, залитой солнцемъ жизни, жизни навсегда для него потерянной, тогда онъ чувствовалъ все свое безсиліе, глубоко чувствовалъ, что онъ никогда не сможетъ рѣшиться на это. Итакъ, что же, что? Съ каждымъ часомъ все ближе и ближе подходитъ неумолимый день, когда онъ долженъ будетъ уйти и оставить ее здѣсь. Все его существованіе превратилось въ ожиданіе этого дня, въ мучительный страхъ, болѣе ужасный, чѣмъ сама смерть. Если бы еще онъ не былъ приученъ съ дѣтства наблюдать за собою. Тогда можно было бы не замѣтить признаковъ его болѣзни или не придавать имъ значенія. Память възывала передъ нимъ образы людей, которыхъ онъ зналъ и которые за нѣсколько недѣль до смерти съ радостной надеждой смотрѣли навстрѣчу будущему. Какъ проклиналъ онъ тотъ часъ, когда по неопытности обратился къ тому врачу, который такъ долго держалъ его въ подчиненіи своей лживостью и фальшивой авторитетностью, пока ему не открылась полная и беспощадная истина. И вотъ онъ лежалъ тутъ несчастный, обреченный, хуже, чѣмъ осужденный на казнь, къ которому каждое утро могъ войти палачъ, чтобы вести его на лобное мѣсто,—и онъ понималъ, что въ сущности онъ до сихъ поръ не былъ въ состояніи уяснить себѣ весь ужасъ своего положенія. Въ темномъ уголкѣ его сердца притаилась коварная и лживая надежда, и изгнать ее окончательно онъ никогда не имѣлъ силъ. Но разумъ его былъ сильнѣе,—онъ снова и снова давалъ ему все тотъ же холодный и ясный совѣтъ и онъ выслушивалъ его сотни и тысячи разъ въ безконечныя бессонныя ночи, въ быстро летѣвшіе однообразные дни,—для него былъ одинъ выходъ, одно спасеніе—не ждать больше ни дня, ни минуты, самому положить всему конецъ. Это была бы все-таки менѣе жалкая участь. Нѣкоторое утѣшеніе было тутъ хотя въ томъ, что кончалась неизбежная необходимость ждать. Въ каждую данную минуту онъ могъ бы призвать конецъ.

Но она, она! Днемъ, особенно, когда она прибирала что-нибудь въ комнатѣ или читала ему вслухъ, ему представлялось, что разстаться съ этимъ существомъ совсѣмъ не трудно для него. Она была просто нѣкоторой частью его здѣшняго существованія—не болѣе. Она принадлежала всей окружающей жизни, которую онъ долженъ былъ покинуть, а не ему. Въ другія минуты, особенно ночью, когда глубокий сонъ сковывалъ ея члены, и она лежала передъ нимъ во всей прелести только что распустившейся юности, въ эти минуты онъ любилъ ее безгравично, и чѣмъ спокойнѣе она спала, чѣмъ неуловимѣе были ея сны, чѣмъ дальше отъ его бессонныхъ страданій была ея объятая грезами душа, тѣмъ безумнѣе обожалъ онъ ее. И одинъ разъ, незадолго до отъѣзда его охватило почти непреодолимое желаніе вырвать ее изъ власти этого дивнаго сна, въ которомъ ему чудилась коварная измѣна, и крикнуть ей въ самое ухо:

— Если ты любишь меня, умри вмѣстѣ со мною, умри сейчасъ!

Но онъ не разбудилъ ее, завтра онъ скажетъ ей это, завтра... быть можетъ.

Чаще, чѣмъ онъ подозрѣвалъ, въ эти ночи она чувствовала на себѣ его взглядъ. Чаще, чѣмъ онъ подозрѣвалъ, она изображала спящую, потому что бессильный страхъ парализовалъ ея члены и мѣшалъ ей широко открыть глаза, она только украдкой приподнимала вѣки и видѣла въ полутьмѣ комнаты его бѣлую фигуру, прямо сидящую на кровати. Воспоминаніе о ихъ послѣднемъ серьезномъ разговорѣ ни на минуту не оставляло ее и она дрожала, ожидая того дня, когда онъ снова обратится къ ней съ тѣмъ вопросомъ. И почему она дрожала? Вѣдь отвѣтъ былъ такъ ясенъ для нея. Остаться съ нимъ до послѣдней секунды, ни на мигъ не отходить отъ него, подѣлуями осушать всякую слезу съ его рѣсницъ, выпивать всякій вздохъ съ его губъ. Неужели онъ сомнѣвался въ ней? Развѣ возможенъ былъ какой-нибудь другой отвѣтъ? И какой? Неужели такой: «Ты правъ, я хочу разстаться съ тобой. Я хочу сохранить только воспоминаніе объ интересномъ больномъ. Я оставляю тебя одного, чтобъ безпрепятственно любить твою память?» А потомъ? Какая-то непреодолимая сила заставляла ее додумать до конца все, что произойдетъ послѣ этого отвѣта. Она видитъ его передъ собой холоднаго, улыбающагося. Онъ протягиваетъ ей руку и говоритъ: «Благодарю тебя». Потомъ онъ отворачивается отъ нея, а она спѣшитъ прочь. Стоитъ яркое лѣтнее утро, сулящее тысячи радостей. И она идетъ впередъ, въ золотую даль, думая только о томъ, чтобы скорѣе уйти отъ него. И вотъ она свободна отъ всякаго долга. Она опять одна, и состраданіе не имѣетъ надъ ней власти. Она не чувствуетъ на себѣ печальнаго, вопросительнаго, умирающаго взгляда, который такъ страшно мучилъ ее послѣдніе мѣсяцы. Она принадлежитъ жизни, радостямъ, она опять имѣетъ право быть молодой. Она спѣшитъ все дальше, и утренній вѣтерокъ весело ластится къ ней.

И когда эта картина стала снова и снова рисоваться ея воображенію, она почувствовала себя вдвойнѣ презрѣнной. Откуда она тамъ возникла?..

Состраданіе къ нему съ новой силой стало грызть ея сердце, она содрагалась, думая, что онъ все знаетъ и что для него нѣтъ надежды. И какъ она любила его, все сильнѣе, все глубже, по мѣрѣ того, какъ приближался день, когда она должна была потерять его. Ахъ, можетъ ли быть сомнѣніе, какой она дастъ отвѣтъ! Быть съ нимъ, страдать съ нимъ, о, какъ мало этого. Видѣть, какъ онъ ждетъ смерти, долгіе мѣсяцы переживать съ нимъ этотъ ужасъ, всего этого еще мало. Она сдѣлаетъ для него больше, она сдѣлаетъ самое большее, самое лучшее. Если она поклянется ему, что покончить съ собой на его могилѣ, онъ уйдетъ отсюда съ сомнѣніемъ, сдѣлаетъ ли она это дѣйствительно. Она умретъ вмѣстѣ съ нимъ, нѣтъ, прежде него. Если онъ снова обра-

тится къ ней съ тѣмъ вопросомъ, она найдетъ въ себѣ силы отвѣ-
тить:

— Покончимъ съ этими муками! Умремъ вмѣстѣ и умремъ сейчасъ!

И пока она упивалась этой идеей, образъ той женщины, который только что носился передъ ней, обвѣянный ласковымъ вѣтромъ, стремящейся навстрѣчу жизни и радостямъ, представился ей такимъ жалкимъ, такимъ пошлымъ.

Наступилъ день, когда они рѣшили ѣхать. Утро было удивительно мягкое, точно вновь возвратилась весна. Марія уже сидѣла на террасѣ и завтракъ былъ поданъ, когда Феликсъ вышелъ изъ комнаты. Онъ глубоко вздохнулъ.

— Какой прекрасный день!

— Не правда ли?

— Я хочу сказать тебѣ что-то, Марія!

— Что такое?

И не давая ему времени отвѣтить, она продолжала, точно хотѣла подсказать ему отвѣтъ:

— Мы останемся здѣсь еще?

— Не совсѣмъ. Мы поѣдемъ, только не прямо въ Вѣну. Сегодня я чувствую себя недурно, совсѣмъ недурно. Мы остановимся гдѣ-нибудь по дорогѣ.

— Какъ ты хочешь, мой возлюбленный.

Она сразу почувствовала себя такъ хорошо, какъ давно не чувствовала. Такъ непринужденно онъ не говорилъ съ нею ужъ много дней.

— Я думаю, дитя, остановиться въ Зальцбургѣ.

— Гдѣ тебѣ больше нравится!

— Въ Вѣну мы всегда поспѣемъ, не правда ли? Къ тому же и переѣздъ по желѣзной дорогѣ нѣсколько утомителенъ для меня.

— Конечно,—сказала Марія,—спѣшить намъ некуда.

— Все вѣдь ужъ уложено, дорогая?

— Давно. Мы можемъ хоть сейчасъ въ путь.

— Я думаю, намъ лучше будетъ взять экипажъ. Проѣхать четыре, пять часовъ на лошадахъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ вагонѣ, гдѣ вѣчно такая духота.

— Прекрасно, мой милый.

Она передала ему стаканъ молока и потомъ обратила его вниманіе на серебристый блескъ на гребняхъ волвъ. Она говорила много и весело, онъ отвѣчалъ спокойно и дружелюбно. Наконецъ, она предложила сходить заказать экипажъ въ Зальцбургъ. Онъ согласился, и она поспѣшно надѣла соломенную шляпу, поцѣловала Феликса и пошла.

Онъ ничего не спрашивалъ и не будетъ спрашивать, это было ясно написано на его спокойномъ лицѣ. И въ его дружелюбныхъ словахъ не таилось никакой задней мысли, какъ иногда, когда онъ вдругъ пре-

рывалъ веселый разговоръ какимъ-нибудь желчнымъ замѣчаніемъ. Она всегда знала заранѣе, когда это должно было случиться, а теперь у нея было такое ощущеніе, точно онъ оказалъ ей великую милость. Въ его мягкости было что-то прощающее, примирительное.

Когда она вернулась на террасу, онъ читалъ газету, пришедшую въ ея отсутствіе.

— Марія!—воскликнулъ онъ, подзывая ее ближе.—Послушай, поразительная вещь, поразительная!

— Что такое?

— Читай! Этотъ человѣкъ... ну, профессоръ Бернардъ вчера умеръ.

— Кто?

— Да тотъ, который... у котораго я... ахъ, который наговорилъ мнѣ такихъ грустныхъ вещей.

Она взяла у него газету.

— Какъ? профессоръ Бернардъ?

И на губахъ ея стояли слова: «По дѣломъ ему!» но она не сказала ихъ. Обоимъ казалось, точно это событіе имѣло для нихъ большое значеніе. Да, онъ, отнявшій послѣднюю надежду у просившаго помощи онъ, при всей своей прославленной учености, при всемъ своемъ безупречномъ здоровьѣ будетъ завтра положенъ въ землю. Только въ эту минуту почувствовалъ Феликсъ, какъ сильно онъ ненавидѣлъ этого человѣка, и то, что его постигла кара судьбы, представилось большому благопріятнымъ предсказаніемъ. Точно какой-то мрачный призракъ оставилъ его. Марія бросила газету и сказала:

— Да, что можемъ знать мы, люди, о будущемъ?

Онъ съ жадностью ухватился за эти слова.

— Что мы знаемъ о завтрашнемъ днѣ? Ничего! Ничего!

Послѣ минутной паузы онъ заговорилъ о другомъ.

— Ты заказала экипажъ?

— Да,—сказала она,—къ одиннадцати часамъ.

— Такъ мы могли бы до тѣхъ поръ немного прокатиться по озеру.

Она взяла его руку и они пошла къ пристани. У обоихъ было такое чувство, какъ будто они получили должное удовлетвореніе.

(Оканчаніе слѣдуетъ).

РУДОКОПЫ.

Glück auf!
Привѣтствіе нѣмецкихъ рудокоповъ.

Болить на усталыхъ плечахъ голова,
Ударъ за ударомъ стучить,
А туслая лампочка свѣтитъ едва
И стѣны лучомъ золотить.

Стучи рудокопъ—покорися судьбѣ!
Но помни, не выстучать счастья тебѣ.

Мы роемся ночью и роемся днемъ,
Мы къ сердцу стремимся земли
И много сокровищъ упорнымъ трудомъ
Мы въ каменныхъ нѣдрахъ нашли.

Стучи рудокопъ—не противься судьбѣ:

Быть можетъ, и выступишь счастье себѣ...

Чу! что тамъ за шумъ? Чьи-то крики и стонъ...
Да, трудъ нашъ опасенъ подчасъ,—
И здѣсь не одинъ ужъ, на смерть пораженъ,
Подъ камнями корчась, угасъ...

Стучи рудокопъ—покорися судьбѣ!

Но помни, не выстучать счастья тебѣ.

Да, тяжекъ нашъ трудъ, а потомъ, какъ на свѣтъ
Мы выйдемъ усталой толпой,
Нашъ взоръ такъ суровъ, хоть и сладокъ привѣтъ
Дѣтей и жены молодой.

Стучи рудокопъ—не противься судьбѣ:

Быть можетъ, и выступишь счастье себѣ...

И тянутся годы. А стукъ подъ землей
По прежнему мѣрно идетъ,
Слабѣетъ рука за желѣзной киркой,
И на сердцѣ больше заботъ.

Стучи рудокопъ—покорися судьбѣ!

Но помни, не выстучать счастья тебѣ.

И слышно, какъ въ темномъ, далекомъ углу
Хочочетъ насмѣшливый духъ,
И шепчетъ въ сырую подземную мглу,
И дразнить обманчивый слухъ:

„Стучи рудокопъ—не противься судьбѣ:

Быть можетъ, и выступишь счастье себѣ“...

Вл. Волькенштейнъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Выдающіяся произведенія истекшаго года.—Враждебное отношеніе врачей къ «Запискамъ врача» г. Вересаева.—Неосновательность такого отношенія. — Окончаніе романа М. Горькаго «Трое». — Характеристика главнаго героя романа. — Театральныя новинки.—«Лишенный правъ» г. Потапенки.

Слѣдуя доброму обычаю оглядываться на прошлое въ концѣ истекающаго года, не можемъ не вспомнить тѣхъ выдающихся явленій въ литературѣ минувшаго года, которыя волновали общественную мысль. И на первомъ мѣстѣ, намъ кажется, по праву должно быть поставлено, безспорно, наиболѣе замѣчательное произведеніе—«Записки врача» г. Вересаева, привлекавшія наибольшее вниманіе печати и читателей еще въ то время, когда онѣ печатались въ нашемъ журналѣ, и вышедшія вторымъ изданіемъ въ продолженіи всего трехъ мѣсяцевъ *). Помимо подкупающей искренности автора и несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствъ, признаваемыхъ единодушно даже противниками автора, есть, очевидно, въ этихъ «Запискахъ» что-то еще болѣе глубокое, волнующее общество и заставляющее противниковъ и сторонниковъ относиться къ нимъ съ такою страстностью.

По отношенію къ г. Вересаеву публика разбилась на два рѣзко опредѣленныхъ лагеря,—читатель-простецъ сталъ всецѣло на его сторону, читатели-врачи также единодушно—противъ. Что же такъ подкупило первыхъ и оттолкнуло вторыхъ? Мы думаемъ, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: горькая правда, бьющая по нервамъ, правда, впервые въ общей литературѣ высказанная громко, но спокойно. Для большинства читателей, неспеціалистовъ, эта правда заключается не въ томъ, что, — какъ невѣрно утверждаютъ иные, — только изъ «Записокъ врача» это большинство узнало о несовершенствахъ медицины вообще и врачебной подготовки въ частности. Всѣ эти стороны врачебнаго дѣла были извѣстны массѣ читателей, хотя, быть можетъ, послѣдніе и не представляли ихъ себѣ съ такою наглядностью, какъ послѣ прочтенія «Записокъ». Но главная правда «Записокъ» лежитъ гораздо глубже, и она-то больше всего поразила читательское воображеніе. Эта правда лежитъ въ основныхъ противорѣчійхъ между медициной и жизнью, которыхъ нельзя устранить, потому что они зависятъ не отъ людей, а отъ сущности

*) Закончились печатаніемъ въ «Мірѣ Божіемъ» въ маѣ, первое изданіе вышло въ августѣ, второе—въ ноябрѣ.

самого предмета. Объектомъ медицины служить человекъ, и вотъ каково его положеніе, какъ объекта,—говорятъ «Записки». Оказывается, положеніе это во многихъ и многихъ отношеніяхъ безотрадное. Всѣми своими успѣхами медицина обязана страданіямъ этого объекта и не можетъ иначе, по крайней мѣрѣ теперь, когда она и ея приемы еще такъ несовершенны. Дѣло вовсе не въ томъ, что тотъ или иной врачъ можетъ оказаться недостаточно подготовленнымъ или прямо недобросовѣстнымъ. Неподготовленность и недобросовѣстность, конечно, усугубляютъ отрицательныя стороны медицины, но сущность не въ нихъ. Даже допустивъ, что всѣ врачи будутъ, по нравственнымъ качествамъ, само совершенство, возможное для даннаго времени, все же не устранятся такія явленія, какъ, напр., оскорбленіе стыдливости паціента, или вивисекція, безъ которой нельзя шагу сдѣлать впередъ. Кромѣ того, подготовка и вмѣстѣ съ нею добросовѣстность врача покупаются путемъ опыта надъ больными. Гениальные врачи, въ родѣ Пирогова или Бильрота, откровенно признаются, черезъ какія ошибки они сами прошли, прежде чѣмъ стали такими, какими ихъ знаетъ міръ. А вѣдь во врачебномъ дѣлѣ каждая ошибка — это или смерть объекта, или лишнее тяжкое страданіе для него.

Такова одна сторона противорѣчія, скрытаго въ медицинѣ, какъ наукѣ опытной, для которой человекъ, въ концѣ-концовъ, есть и будетъ предметомъ для ея опытовъ. Но есть и другая, вскрытая въ «Запискахъ», именно—противорѣчіе между требованіями медицины и всѣмъ общественнымъ строемъ. Припомнимъ то превосходное мѣсто «Записокъ», гдѣ авторъ описываетъ судъ надъ врачомъ, отказавшимъ бѣдному паціенту въ своевременной помощи, и негодованіе общества по этому поводу. Осудивъ справедливо врача, что же сдѣлало общество съ своей стороны для устраненія такихъ печальныхъ явленій? Ничего, или почти ничего, такъ какъ для громаднаго числа недостаточныхъ больныхъ своевременная врачебная помощь до сихъ поръ не обезпечена. И происходитъ это не отъ недостатка во врачахъ, а отъ общихъ условій, въ которыхъ живутъ теперь и врачи, и паціенты. Напомнимъ прекрасную заключительную главу «Записокъ», гдѣ съ жестокой болью авторъ подчеркиваетъ безвыходность врача предъ желѣзными условіями современности, сковывающими усилія врача.

Вотъ эти двѣ стороны медицины—внутреннія противорѣчія и общественныя,—впервые съ такой художественной наглядностью вскрытыя г. Вересаевымъ, и подкупили большую публику. Въ тоже время онъ же возмутилъ врачей, и возмущеніе ихъ составляетъ для насъ фактъ глубокаго недоумѣнія. Намъ кажется, что именно врачи должны быть особенно довольны «Записками», въ которыхъ *трагизмъ* ихъ положенія, какъ людей, специалистовъ и общественныхъ дѣятелей, изображенъ съ такой художественностью, что лучшей защиты противъ обычныхъ нападокъ на нихъ—имъ и не придумать. Исторія личнаго страданія автора, начиная со школьной скамьи, когда еще студентомъ онъ переживаетъ муки сомнѣнія и колебаній, и до его выхода на путь самостоятельной практики,—исторія его неудачъ и побѣдъ, его столкновеній съ невѣжествомъ, грубостью и неблагодарностью больныхъ,—вѣдь, это типичная исто-

рія молодого врача! И. при томъ исторія, въ которой всё симпатіи читателя на его сторонѣ, потому что кто можетъ такъ искренно говорить о своихъ ошибкахъ, хватая васъ за сердце, такъ мучиться самъ и такъ радоваться чужой радости, какъ авторъ,—тотъ дѣлаетъ не только честь своей профессіи, но и показываетъ, какія силы способна вызвать эта профессія. А между тѣмъ господа врачи обидѣлись, да, именно обидѣлись, какъ дѣти. До того наввно было все то, что до сихъ поръ они высказывали печатно и устно въ своихъ докладахъ. Гдѣ же корень этой обиды? Въ томъ, — и мы это говоримъ безъ всякаго стѣсненія,—что г. Вересаевъ заговорилъ объ этомъ въ *общей* печати. Въ специально-медицинской литературѣ всѣ вопросы, поднятые г. Вересаевымъ, трактовались не разъ, и гораздо жесточе, съ полнымъ наименованіемъ всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ дѣла. Въ «Запискахъ врача» мы постоянно имѣемъ эти указанія, и ихъ могло бы быть неизмѣримо больше, если бы авторъ не считался все-таки съ условіями общей печати. Слѣдовательно, врачи лишены возможности утверждать, что всё его заявленія—выдумки или результатъ его практической неопытности. Всѣ врачи поэтому отлично понимаютъ, что отрицать правду его «Записокъ» значило бы говорить слишкомъ недвусмысленную ложь.

Вотъ почему, кромѣ лирики, у нихъ нѣтъ оружія для нападенія. Правда, согласно газетнымъ отчетамъ, были возраженія въ докладѣ проф. Вельяминова противъ указаній г. Вересаева относительно нарушенія стыдливости и неподготовленности молодыхъ врачей. Въ своемъ отвѣтѣ г. Вересаевъ вполне справедливо отклоняетъ отъ себя эти возраженія. «По газетнымъ отчетамъ,—говоритъ г. Вересаевъ,—конечно, трудно судить о степени убѣдительности возраженій проф. Вельяминова, но на одинъ недостатокъ этихъ возраженій я считаю нужнымъ обратить вниманіе теперь же, въ надеждѣ, что онъ будетъ устраненъ проф. Вельяминовымъ при напечатаніи его доклада. Недостаткомъ этимъ страдаетъ большинство возраженій, которыя мнѣ приходилось встрѣчать со стороны моихъ критиковъ-врачей. Критикъ беретъ то, что я говорю въ своихъ «Запискахъ» отъ своего лица, доказываетъ, что все это совершенно не соответствуетъ дѣйствительности, либо представлено мною въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи, что на высказываемые мною взгляды и чувства способенъ лишь человекъ крайне легкомысленный, недумчивый, сентиментальный, развратный, вырождающійся, обаянный самолюбіемъ, погрязшій въ «эгоизмъ» и т. п. Но при этомъ критикъ проходитъ молчаніемъ тѣхъ,—можетъ быть, невольныхъ,—моихъ союзниковъ, свидѣтельства которыхъ я привожу въ своей книгѣ. Слѣдствіемъ этого является то, что на добрую половину возраженій мнѣ приходится отвѣтить моимъ критикамъ: «Прочтите мою книгу, и вы увидите, что отиѣчаемое мною отиѣчается и людьми, которыхъ никто изъ васъ не рѣшится признать легкомысленными, недумчивыми и т. д.». Проф. Вельяминовъ, напр., утверждаетъ, что въ клиникахъ не происходитъ попіранія женской стыдливости пациентокъ; въ такомъ случаѣ онъ долженъ доказать, что проф. Гофмейеръ не правъ, увѣряя, что именно это попіраніе стыдливости заставляетъ многихъ пациентокъ совсѣмъ отказываться отъ врачебной помощи. Проф. Вельяминовъ утверж-

даетъ, что молодой врачъ-хирургъ вступаетъ въ практику вполне подготовленнымъ, и что можно смѣло довѣриться ему; въ такомъ случаѣ профессоръ долженъ объяснить, почему не довѣряетъ своимъ молодымъ ассистентамъ великій Листеръ,—долженъ опровергнуть указаніе проф. Таубера «на громадную разницу въ теченіи ранъ» послѣ операций начинающихъ врачей и операций опытныхъ профессоровъ, т. е. долженъ доказать ненужность совѣтовъ Мажанди приступать къ операциямъ на живомъ человѣкѣ не раньше, какъ приобрести навыкъ въ операцияхъ на живыхъ животныхъ. Итакъ во всемъ, въ чемъ профессоръ меня опровергаетъ». *)).

Итакъ, кромѣ лирики—ничего, и врачи лучше насъ, читателей-простецовъ, понимаютъ, что возражать тутъ нечего и не стоитъ: правда отъ такихъ возраженій становится еще ярче и сильнѣе. Но обиду они, несомнѣнно, чувствуютъ,—зачѣмъ «*probalium vulgus*» проникаетъ туда, куда входъ разрѣшенъ только для посвященныхъ. Въ своей наивной досадѣ они забываютъ, что чѣмъ болѣе освѣдомлена публика, чѣмъ яснѣе и виднѣе ей вся трудность положенія врачей, тѣмъ лучше прежде всего для самихъ врачей. Тутъ нѣсомненная обоюдная польза отъ большого взаимнаго знакомства, которое ведетъ къ большому пониманію, а слѣдовательно—и большей снисходительности къ врачамъ и большей требовательности къ себѣ. Мы глубоко увѣрены, что всякій, кто прочелъ «Записки врача», прежде чѣмъ обвинить врача, какъ это дѣлается походя, задумается надъ вопросомъ, кто въ данномъ случаѣ виноватъ,—наука ли, которая еще такъ несовершенна, врачъ ли, который такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы, грѣшныя, или само общество, въ условіяхъ жизни котораго такая тьма невѣжества, экономическихъ и всякихъ другихъ неурядицъ. И въ этомъ-то мы видимъ огромное общественное значеніе такихъ произведеній, какъ «Записки врача» г. Вересаева.

Замѣтный слѣдъ въ литературѣ оставилъ вопросъ о средней школѣ, почти въ теченіе всего года обсуждавшійся съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Жизнь средней школы была освѣщена такъ, какъ давно уже не бывало, пожалуй, со временъ классической реформы. Въ беллетристичѣскіе очерки гг. Никонова и Яблоновскаго,—въ особенности послѣдняго, привлечшіе общее вниманіе своей яркостью и художественностью,—безчисленныя статьи въ текущей печати, книги и брошюры, посвященныя тому же вопросу—дали богатый матеріалъ для оцѣнки старой школы и, до нѣкоторой степени, намѣтили желательныя измѣненія въ ней. Нельзя не отмѣтить, однако, что рѣшеніе вопроса о будущей школѣ далеко не получило такого освѣщенія, какъ это требуется важностью вопроса. Наступившее затѣмъ затишье въ обсужденіи его знаменуетъ какъ бы нѣкоторую усталость общественнаго вниманія, хотя матеріала накопилось, по видимому, достаточно...

Въ беллетристичѣскіе истекшаго года самыми яркими явленіями были—новая драма г. Чехова «Три сестры», рядъ сибирскихъ очерковъ г. Короленко,—напомнимъ его чудный по художественности и глубокому значенію рассказъ

*) «Россія» 7-го декабря 1901 г. «Мои критикамъ».

«Морозъ»,—большое произведеніе г. Горькаго «Трое», окончаніе котораго появилось въ пятомъ томѣ полнаго собранія его сочиненій,—и выходъ томика рассказовъ г. Леонида Андреева, сразу выдвинувшихъ этого молодого писателя въ первые ряды нашихъ молодыхъ талантовъ.

Самымъ значительнымъ, по нашему мнѣнію, является повѣсть г. Горькаго «Трое», не только по обычной для этого писателя яркости таланта, но и по широкому захвату жизни, и по тѣмъ важнымъ вопросамъ, которые возбуждаетъ это произведеніе. Мы не будемъ передавать его содержанія, предполагая что читатели уже успѣли познакомиться съ нимъ, когда оно еще печаталось въ «Жизни», и остановимся на нѣкоторой любопытной аналогіи, которая какъ-то сама собой напрашивается.

Изъ троицхъ героевъ повѣсти главное мѣсто занимаетъ, конечно, Илья Луневъ, наиболѣе типичный и сильный, въ которомъ кипитъ все время жгучая тоска по настоящей, какъ онъ выражается, «чистой» жизни. Два другихъ его товарища, Павелъ, рабочій, и сынъ трактирщика Яковъ—только дополняютъ Илью. То, что въ нихъ бродитъ смутно, скорѣе какъ инстинктивное стремленіе хорошихъ, неспорченныхъ натуръ къ свѣту и добру, въ Луневѣ переходитъ въ энергичное желаніе дѣйствовать, завоевать себѣ во что бы то ни стало «чистое» мѣсто въ жизни, стать среди другихъ людей не только равнымъ всѣмъ, но выше ихъ, «чтобы люди уважали его, и никто не показывалъ ему на каждомъ шагу:—Я выше тебя, Луневъ, я тебя лучше...» И Павелъ, и Яковъ, его забытые жизнью товарищи дѣтства,—оба мягкіе, добрые и неспособные для энергичнаго протеста люди. Одинъ, Яковъ, подчиняется грубой силѣ своего отца, заколачивающаго его въ гробъ, и смиренно чахнетъ, въ концѣ концовъ, за стойкой въ трактирѣ. Павелъ—типъ обычнаго рабочаго, котораго на время лишь выбиваетъ изъ колеи трудовой подневольной жизни его любовная исторія съ Вѣрой. Его дальнѣйшая жизнь не представляетъ уже никакого интереса: онъ будетъ красться подъ своей лямкой, добродушно восхищаться «хорошими людьми», въ родѣ тѣхъ, что послала ему судьба въ видѣ интеллигентнаго кружка, помогающаго ему спасать Вѣру, хотя и неудачно, но выше онъ не въ силахъ подняться. Это, въ сущности, натура мягкая, поэтическая, склонная къ лиризму, но не къ борьбѣ. Онъ—человѣкъ порыва, а это самый ненадежный элементъ въ жизни, ибо порывъ можетъ увлечь его въ любую сторону—и писать стихи, и водку пить, смотря по тому, въ какую сторону его бросятъ случайности жизни.

Не то Луневъ. Съ первой минуты знакомства съ нимъ чувствуется натура борца, которую жизнь можетъ сломить, но не согнуть и подчинить враждебнымъ ему силамъ. Прежде всего онъ отъ крѣпкаго корня,—его отецъ и дѣдъ? крестьяне-кержаки, раскольники, не подчинявшіеся «Нивоньянской пречести» изъ рода въ родъ, по наслѣдству передавшіе и ему свою негибкую совѣсть, не поддающуюся чуждымъ убѣжденіямъ. Эти характерныя черты проявляются съ первыхъ же шаговъ въ его самостоятельной жизни, когда онъ говоритъ свою первую «правду» и впервые натывается на неудобства, сопряженные съ

нею. Хозяинъ выгоняетъ его вонъ, находя, что онъ «дерзкій» и потому опасный для дѣла парень, который честенъ «по своему», а не по-хозяйски, т.-е. стоитъ не за правду хозяйскихъ интересовъ, а за то, что самъ считаетъ правдой. «Ты — дерзокъ, — поучаетъ его хозяинъ, — а служащій мальчикъ долженъ быть смиренъ... смиренномудръ, какъ сказано въ Писаніи... Онъ жветъ на всемъ хозяйскомъ... У него умъ хозяйскій, — честность тоже... А у тебя свое. Ну, это не порядокъ... И оттого ты дерзокъ... Ты, напримѣръ, въ глаза человѣку мѣтишь—воръ!.. Это не хорошо, это дерзко. Ты, ежели честный, мнѣ скажи объ этомъ человѣкѣ, но тихонько скажи... Я уже самъ опредѣлю все, я — хозяинъ!.. А ты вслухъ — воръ... Нѣтъ, ты погоди. Боля изъ троиухъ одинъ честенъ — это для меня ничего не значить... Тутъ особый счетъ надобенъ... Ежели же одинъ честенъ, а девять подлецы, никто не выигрываетъ... Но человѣкъ прспадетъ. А ежели семеро честныхъ на трехъ подлецовъ—твоя взяла... Понялъ? Которыхъ больше, тѣ и правы... А ежели одинъ—что въ немъ? Вотъ какъ о честности разсуждать надо... И ты съ ней впередъ не суйся къ людямъ, а подумай сначала, нужна ли она имъ?»

Но эта житейская мудрость скользить по душѣ Лунева, не оставляя въ ней никакого слѣда, потому что душа эта—кряпка особой кряпостью, которая или разбиваетъ все, что сопротивляется, или разбивается сама. И Луневъ, выслушавъ хозяйскіе совѣты, выносить изъ перваго столкновенія сознание, что съвѣ, стало быть, можетъ постоять за себя, если съ нимъ считаются, признаютъ въ немъ что-то, чего можно опасаться. Онъ становится мелкимъ разносчикомъ, и эта свободная жизнь на первое время очень ему по сердцу, удовлетворяя его юную мечтательность о свободной работѣ, о самостоятельности безъ хозяйскаго приказа. «Жизнь казалась ему простой, легкой и пріятной. Его мечты принимали тоже простыя и ясныя формы: онъ представлялъ себя черезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, чистой лавочки, гдѣ-нибудь на хорошей, не очень шумной улицѣ города, а въ лавкѣ у него—легкій и чистый галантерейный товаръ, который не пачкаетъ и не портитъ одежды. И самъ онъ тоже чистый, здоровый, красивый. Всѣ въ улицѣ уважаютъ его, а дѣвушки смотрятъ ласковыми глазами. Вечеромъ, закрывъ лавку, онъ сидитъ въ чистой и свѣтлой комнатѣ рядомъ съ ней, пьетъ чай и читаетъ книжку. Чистота во всемъ казалась ему необходимымъ, почти главнымъ условіемъ порядочной жизни». Но въ эти дѣтски-наивныя мечты жизнь вносила свою разлагающую струю, когда онъ видѣлъ жадность, взаимный обманъ, обиду и смѣхъ, попираніе чужихъ и своихъ правъ, повидимому, безъ всякой надобности, такъ, здорово живешь, лишь бы показать свою силу, унижить другого. И тогда въ немъ начинается мучительный процессъ душевной раздвоенности, когда его мечты исчезали, уступая мѣсто мучительной думѣ, въ чемъ же суть этой жизни и развѣ нѣтъ выхода изъ этой гнусной, окружающей его жизни, гдѣ сильный давитъ слабого. Поднимался свойственный молодости вѣковѣчный вопросъ, зачѣмъ жить и какъ жить? Въ разговорахъ со своими товарищами онъ то страстно хватается за эти мысли, то также страстно гонять ихъ.

Такое настроеніе было уже не разъ достояніемъ литературы, и особый

интересъ, какой возбуждаетъ въ насъ Луневъ, заключается не столько въ мастерствѣ психологическаго анализа, сколько въ самой личности героя. Онъ — не обычный для насъ интеллигентный раздвоенный человѣкъ, съ которымъ мы чуть не съ дѣтства знакомы. Предъ нами представитель новаго общественнаго слоя, вступающаго въ жизнь и ищущаго своего мѣста въ ней. Наши интеллигентныя мысли и чувства получаютъ въ его душѣ иной ходъ, иное освѣщеніе и смыслъ. Луневъ долженъ разбираться въ этихъ мысляхъ и чувствахъ не прежнимъ путемъ, а посредствомъ суровой школы жизни. На его дѣвственную душу такая школа должна оказывать сильное дѣйствіе, вызывать яркіе эффекты, не смягчаемые вдумчивостью и привычкой къ анализу, вырабатывающимися въ интеллигентномъ человѣкѣ долгой школой, которую онъ проходитъ. Луневъ реагируетъ на удары жизни тоже ударами, какъ крѣпкій и сильный организмъ, инстинктивно, рефлекторно отражающій нападеніе. Его, мечтающаго о чистотѣ и правдѣ человѣческихъ отношеній, жизнь сталкиваетъ съ такимъ случаемъ, гдѣ все это попорано, раздавлено, запачкано, нагло и открыто поругано. Его любовь къ погибшей женщинѣ, привлекшей его сначала чисто физическимъ очарованіемъ своего красиваго тѣла, а потомъ ставшей ему дорогой, какъ человѣкъ, — сталкиваетъ его съ отвратительнымъ «покровителемъ» любимой имъ дѣвушки, и это столкновение производитъ въ немъ цѣлую бурю чувствъ и мыслей. Сразу становится яснымъ, что катастрофа здѣсь неизбежна. Такія сильныя, цѣльныя натуры не способны мириться съ подобнымъ положеніемъ, тутъ выходъ можетъ быть только одинъ, и Луневъ убиваетъ покровителя своей любовницы, не подготовляясь къ этому, при первомъ подвернушемся случаѣ, даже не отдавая себѣ отчета, что творить.

Убіеніе мѣнялы Полуэктова — центральное мѣсто романа. По силѣ и глубинѣ душевнаго анализа это лучшія страницы, въ которыхъ талантъ Горькаго поднимается до потрясающей мучительности Достоевскаго, оставаясь въ то же время вполне самостоятельнымъ. Сцена убійства по силѣ впечатлѣнія можетъ выдержать сравненіе съ бессмертными страницами «Преступленія и наказанія». Еще за минуту до того Луневъ не думаетъ даже, что нѣчто подобное можетъ совершиться. Онъ только «чувствовалъ непобѣдимое желаніе посмотреть на старика вблизи». Подъ вліяніемъ этого непобѣдимаго желанія онъ идетъ смѣло, словно руководимый чуждой ему силой, и все остальное совершаетъ почти въ бессознательномъ состояніи. Его давитъ тяжесть въ «одеждѣвнемъ» сердцѣ которую онъ испытываетъ съ той минуты, когда накануне этотъ старикъ выгналъ его изъ дома своей любовницы. Онъ протягиваетъ руку и душитъ безпомощнаго жалкаго старика, «и по мѣрѣ того, какъ тѣло старика становилось все тяжелѣе, тяжесть въ сердцѣ Ильи точно таяла». Также бессознательно онъ совершаетъ грабежъ, захвативъ изъ денежнаго ящика мѣнялы нѣсколько попавшихся на глаза пачекъ денегъ. Все его поведеніе послѣ убійства отмѣчено той же бессознательностью, пока, наконецъ, не настаетъ моментъ пробужденія — не совѣсти, а именно сознанія, и онъ начинаетъ осмысливать то, что совершилъ. И первое, что тяжело ложится ему на душу, это мысль, что онъ, стремившійся все время къ «чистой» жизни — «запачкался» еще и еще

и ничѣмъ уже не отмоешь этого сознанія въ убійствѣ гадкаго старика. Когда женщина, изъ-за которой совершилось убійство, пробуетъ его успокоить, онъ «угрюмо, со злымъ недоумѣніемъ въ душѣ» говоритъ ей:

«— Всю жизнь я въ мерзость носомъ тычусь... что не люблю, что ненавижу—къ тому меня и толкаеть. Никогда не видалъ я такого человѣка, чтобы, съ радостью на него поглядѣть можно было... Неужто никакой чистоты въ жизни нѣтъ! Вотъ задавилъ я этого... твоего... зачѣмъ мнѣ? Только испачкался, душу себѣ надорвалъ... Деньги взялъ, братъ бы не надо.

«— Не горюй!—утѣшала его Олимпиада.—Жалѣть его—сердца нѣтъ.

«— Я—не жалѣю... Я... оправдаться хочу. Всякъ себя оправдываетъ, по-ому—жить надо...—Я еще поспорю», говоритъ Луневъ, не признавая въ глаза людямъ.

Его дальнѣйшая жизнь подтверждаетъ это угрюмое и грозное «поспору». Онъ не испытываетъ въ сущности ни малѣйшихъ угрызений совѣсти, ему не только не жаль убитаго, но онъ его же обвиняетъ, что тотъ запачкалъ ему душу. На ограбленные деньги онъ заводитъ свое дѣло, осуществляя юношескую мечту о чистой лавочкѣ, на не очень шумной улицѣ. Мало-по-малу въ немъ успокаивается даже это чувство раздраженія противъ гадкаго старика, и онъ самъ удивляется той легкости, съ которой относится къ совершившемуся. Имъ снова съ удвоенной силой овладѣваютъ мысли о возможности чистой, спокойной жизни, «по хорошему», любя. На эти мысли его наводитъ жизнь его квартирныхъ хозяевъ, молодыхъ людей, мужа и жены, простыхъ, но добрыхъ и чистыхъ, какъ онъ думаетъ вначалѣ. Вглядываясь, однако, въ эту жизнь, такую мирную и благообразную по внѣшности, онъ начинаетъ замѣчать, что ничего въ ней нѣтъ, кромѣ пошлыхъ интересовъ, заботъ о сытости да разврата, какъ вскорѣ убѣждается неопровержимымъ образомъ, когда его симпатичная хозяйка заводитъ съ нимъ любовную связь. Эта женщина, «изъ благородныхъ», какъ онъ считаетъ ее, возмущаетъ его вскорѣ до глубины души своей ничѣмъ не скрываеваемой внутренней пошлостью и наглымъ цинизмомъ. Ему вспоминается его прежняя любовница, которая была гораздо чище душой и ближе ему по душевному складу. И тогда старая боль и тоска по «настоящей» жизни, осмысленной глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ и цѣлью впереди, оживаетъ въ немъ.

Ни разу въ эти минуты тяжелаго раздумья надъ жизнью онъ не испытываетъ раскаянія. Изрѣдка вспоминается ему убитый старикъ, но не онъ беспокоитъ его. «Что купецъ? Онъ — несчастіе мое, а не грѣхъ.. Все равно, — думалось ему, — и безъ купца покоя въ сердцѣ не было бы. Сколько обидъ видѣлъ я и себѣ, и другимъ. Коли оцарапано сердце, то ужъ всегда будетъ болѣть...»

Главная обида — невозможность добиться столь страстно желаемой мечты о настоящей, хорошей жизни, мечты, разлетающейся, какъ дымъ, при первомъ столкновеніи съ жизнью. Его мысль остро схватываетъ всѣ окружающія несовершенства, подмѣчаетъ всѣ несправедливости, видитъ злость и глупость

человѣческую. Имъ снова овладѣваетъ старая угрюмая злоба не противъ того или иного человѣка, а противъ жизни вообще, въ которой такъ мало правды, любви и справедливости. Настоящее—его чистенькая лавочка, сытая спокойная жизнь—все меньше и меньше могло удовлетворить его страстную натуру. «И вновь въ душу Ильи стало вторгаться давно уже не владѣвшее ею настроеніе,—вновь онъ злился на людей, крѣпко и подолгу думалъ о справедливости, о своемъ грѣхѣ и о томъ, что ждетъ его впереди. Послѣдній вопросъ особенно настойчиво тревожилъ его... Будетъ ему возмездіе за убійство или нѣтъ? Иногда ему думалось, что если возмездіе за грѣхъ будетъ ему, оно будетъ несправедливо. Онъ не хотѣлъ давить купца, это вышло само собой, — говорилъ онъ себѣ въ сотый разъ. Въ городѣ живетъ много человѣкоубійцъ, развратниковъ, грабителей; всѣ знаютъ, что они по своей волѣ убійцы, развратники, мошенники, а вотъ живутъ они, пользуются благами жизни, и наказанія нѣтъ имъ до сей поры. А по справедливости—всякая обида, человѣку нанесенная, должна быть возмѣщена обидчику».

Эти мысли не давали ему покоя, и жизнь теряла цѣну въ его глазахъ. Все сложилось совершенно обратно тому, что ему грезилось въ юности. «Что-то всѣмъ намъ мѣшаетъ,—угрюмо заключаетъ онъ.—Глупость наша или что — не знаю... но только жить по-человѣчески нѣтъ никакой возможности». Столько «безобразія» вокругъ, столько несчастія и «грѣха», что душа «больше не принимаетъ». «Жить нельзя... Тѣсно, глухо и непонятно... Найдеть себѣ человѣкъ чистый уголь, и тутъ ему нѣтъ покою! Все какое-то не настоящее... поддѣльное, неприятное. Ничего не понимаешь. Обидно все... Слышишь, пѣсни люди поютъ, значить весело имъ. Но и пѣсни обидно слушать, когда душа болитъ... Я теперь такъ чувствую, что все ни къ чорту не годится! Я не понимаю ничего, можетъ быть... Ну, хорошо, не понимаю! Но я понялъ, чего мнѣ надо: мнѣ жить надо по-человѣчески, — чисто, честно, весело»... И въ заключеніе этихъ безотрадныхъ мыслей о невозможности такой жизни встаетъ въ душѣ глубоко скрытое воспоминаніе объ убитомъ старикѣ. Мысль о немъ возбуждаетъ въ Лунева въ концѣ концовъ необузданный гнѣвъ противъ убитаго, который «изломалъ» ему жизнь.

Въ характерѣ Лунева нѣтъ мѣста никакому покаянному настроенію. Онъ не считаетъ себя виновнымъ ни въ чемъ, и смерть Полуэктова отъ его руки разсматриваетъ, какъ простую несчастную случайность, отъ которой если кто и пострадалъ, такъ именно онъ, Луневъ, а ужъ никакъ не Полуэктовъ и еще менѣе люди. Натолкнувшись во время прогулки по кладбищу на могилу убитаго, Луневъ и не чувствовалъ ни страха, ни раскаянія, — онъ смотрѣлъ на гробницу съ ненавистью, съ обидой въ душѣ, съ болью. И безмолвно, съ жаромъ негодованія въ сердцѣ, съ глубокой увѣренностью въ правду своихъ словъ, онъ говорилъ купцу: «Изъ-за тебя, проклятый, всю свою жизнь изломалъ я, изъ-за тебя!.. Старый демонъ ты! Какъ буду жить... изъ-за тебя? Навсегда я объ тебя испачкался...» Въ немъ, какъ молотомъ, стучало это «изъ-за тебя»!

Для Лунева образъ мѣнялы и покупщика краденаго является олицетвореніемъ всего подлаго и нечистаго, что мѣшаетъ людямъ жить «честно, чисто

и весело». Вся гадость жизни, которую онъ видѣлъ съ дѣтства, которая давила всѣхъ его друзей и его самого, представлялась въ видѣ гаденькаго старика, что подвернулся ему подъ руку и «запачкалъ» ему душу. Уходя, онъ, «вздвонувъ отъ ненависти, плюнулъ на могилу... Уходя прочь отъ нея, онъ такъ крѣпко ударилъ въ землю ногою, точно хотѣлъ ей сдѣлать больно».

Дальнѣйшая катастрофа намѣчается ясно: Луневъ—не Раскольниковъ Достоевскаго и каяться предъ людьми не станетъ. Но и жить ему съ «испачканной душой» немислимо. Его взрывъ на именинахъ своей любовницы, признаніе въ убійствѣ и самоубійствѣ—логически вытекаютъ изъ его настроенія. Онъ не можетъ каяться, потому что считаетъ себя правымъ, а всѣхъ другихъ либо жертвами, какъ и онъ, несчастья и грѣха, либо преступниками, какъ Полуэктовъ, заѣдающими чужія жизни. Его нравственные муки пронтекаютъ не отъ признанія, что онъ преступилъ законъ, нарушилъ какую-то высшую правду и не смогъ стать выше ея, и это сознаніе губить его, какъ Раскольникова. Нисколько,—Луневъ возмущается неправдой жизни вообще, и свое несчастье не оправдываетъ, а считаетъ лишь горькой обидой жизни. Вотъ эта-то обида и доводитъ его до катастрофы, ее онъ не можетъ переварить и предпочитаетъ покончить разомъ, чѣмъ жить съ сознаніемъ безысходности этой обиды въ душѣ. Онъ не возродится и не чувствуетъ въ этомъ потребности, потому что не видитъ, чтобы былъ хуже другихъ или нуждался въ жалости къ себѣ. Пока жизнь такова, какъ она есть—ему нѣтъ въ ней мѣста, онъ—лишний, такъ какъ никогда не примирится съ условіями, которыя доводятъ людей, такъ страстно мечтающихъ и стремящихся къ красотѣ и добру жизни,—до грязи, несчастья и грѣха.

Въ этомъ отношеніи онъ—полная противоположность Раскольникову, который страстно любитъ жизнь и самое преступленіе совершаетъ съ цѣлью упорядоченія и усовершенствованія жизни. Онъ убиваетъ старуху—ростовщицу, какъ злое и вредное животное, заѣдающее чужія жизни. Свою ошибку онъ понимаетъ потомъ и искупаетъ ее великой мукой. Луневъ никакими цѣлями не задается и ничего исправлять не намѣренъ. Онъ самъ, для себя хочетъ жить, и жизнь возмущаетъ его потому, что всѣ его попытки приводать его не къ тому, чего онъ жаждетъ, а къ совершенно обратному результату. «Грабежъ, разбой, воровство, пьянство... всякая грязница и беспорядокъ... вотъ и вся жизнь! Иной ничего этого не желаетъ, но все равно!—по одной со всѣми рѣкѣ плывешь, и тебя та же вода мочитъ. Живи, какъ установлено для всѣхъ. Скрыться некуда. Въ лѣсъ, что ли, бѣжать? Въ монастырь?..» Прежде такъ и дѣлали предки Лунева, въ родѣ его дѣда, который ушелъ въ лѣсъ и тамъ простоялъ въ избушкѣ восемь лѣтъ на молитвѣ. Но Луневъ не можетъ отдаться молитвенному настроенію, и отречься отъ жизни совсѣмъ ему легче, чѣмъ пойти по стопамъ дѣда. И въ лѣсу его не оставятъ разъ проснувшіяся мысли, погонять его и оттуда, какъ гонять изъ его чистенькой лавочки, на «не очень шумной улицѣ...»

Не можетъ быть, однако, чтобы такіа по существу хорошіа натуры, цѣльные и крѣпкіа, были лишними. Если онѣ не укладываются въ рамки выпав-

шей имъ на долю жизни, онѣ сумѣютъ передѣлать эти рамки по своимъ размѣрамъ, когда подымутся на высшую степень развитія. Теперь Луневъ скорѣе чувствующій, чѣмъ мыслящій человекъ. Его проснувшаяся душа ищетъ пищи и, не находя ея, отказывается отъ жизни. Но есть такая пища, и она ее найдутъ, когда поймутъ, что нельзя жить только для себя, только своими муками, чувствами, интересами...

Эту старую, вѣковѣчную истину напомнилъ намъ со сцены г. Потапенко своею драмой «Лишенный правъ». Поставленная на Александринской сценѣ и, кстади отмѣтимъ, превосходно разыгранная, эта драма, видимо, «ударилась по сердцамъ» съ давно уже не испытанной зрителями силой, вызвавъ разомъ и бурю восторга, и бурю осужденія, что уже доказываетъ, насколько эта пьеса не заурядное явленіе. Критика встрѣтила ее враждебно, указавъ на нереальность драмы, на выдумку, которой нѣтъ мѣста въ жизни. Не бываетъ, чтобы каторга возрождала людей,—напротивъ, говоритъ критика, ссылаясь на тысячи всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ, каторга добываетъ, озлобляетъ и въ конецъ губитъ въ человекѣ все человеческое. А разъ это такъ, значить, герой пьесы—лишенный правъ Кирилль Домбровичъ не можетъ быть тѣмъ проповѣдникомъ добра и любви, какимъ онъ является на родину, отбывъ свое ужасное наказаніе. Это правда, тутъ нечего возразить, отвѣчаетъ зритель, и, тѣмъ не менѣе, проливаетъ искреннія слезы и уходитъ изъ театра съ такимъ свѣтлымъ чувствомъ, какъ если бы ему довелось повидать самую обаятельную реальную правду. Пьеса мелодраматична, въ ней нѣтъ живой дѣйствительности, продолжаетъ сурово критика и, разобравъ драму по всѣмъ правиламъ искусства, ставитъ отрицательный приговоръ. Между тѣмъ, зрители наполняютъ театръ и устраиваютъ автору настоящую овацію. И что страннѣе всего, обѣ стороны исполнѣ правы.

Да, пьеса нереальна и мелодраматична, но она напоминаетъ намъ тѣ слова, значеніе которыхъ «темно или ничтожно, но имъ безъ волненія внимать невозможно». Да, Кирилль Домбровичъ—не реальное лицо, но когда онъ говоритъ о своихъ страданіяхъ и своемъ возрожденіи, мы видѣли такое волненіе въ театрѣ, такое необычное для петербургской публики увлеченіе, что поняли въ эту минуту, какъ необходимо даже для сухого, дѣловитаго петербургскаго обывателя воззваніе къ сердцу, призывъ къ правдѣ и добру, заставляющій на минутку подняться надъ жизнью и забыть ея наиреальнѣйшія стороны.

Содержаніе пьесы очень несложно. Кирилль Домбровичъ самъ лучше всего налагаетъ въ своемъ монологѣ второго дѣйствія сущность пьесы. Молодой, блестящій инженеръ, съ сильнымъ характеромъ и пылкимъ темпераментомъ, онъ жилъ до катастрофы, какъ и многіе, велъ бурную жизнь, кутилъ, увлекался женщинами, потомъ женился по страстной любви. «Мы съ твоей матерью были,—рассказываетъ онъ дочери,—удивительно счастливы, Валерія, намъ завидовали. Но знаешь ли ты, что такое это счастье? Каждый старается взять отъ другого какъ можно больше наслажденія, а оба вмѣстѣ стараются ограбить жизнь въ свою пользу. Такъ живутъ всѣ, и всѣ называютъ это счастьемъ». Далѣе, случилось то, что сплошь и рядомъ бываетъ при такомъ счастьи: «Черезъ шесть

лѣтъ нашей счастливой жизни я измѣнилъ моею женою... Я не хотѣлъ терять семью и не хотѣлъ ничего уступить. И я метался между семьей и другой женщиной», и лгалъ на каждомъ шагѣ. Тутъ примѣшалась ревность, когда эту другую женщину сталъ у него отбивать товарищъ его по службѣ, Станицевъ, и какъ обладающій большими средствами, успѣлъ въ этомъ. Тогда имъ овладѣла безумная злоба, подѣ влияніемъ которой онъ покушался на убійство соперника, опасно ранилъ его, былъ судимъ и осужденъ въ каторжныя работы.

Гордость, злость и чувство обиды, сознание своей неправоты не позволили ему воспользоваться помощью родныхъ и друзей, и Домбровичъ ушелъ на каторгу, вѣбшенннй отъ неудачи жизни, полный жажды мести и ненависти. Оскорбленная имъ жена его выходитъ замужъ за его друга, и его дочери, въ то время еще маленькому ребенку, внушаютъ, что отецъ умеръ. Такимъ образомъ всѣ счеты его съ прежней жизнью кончены, всякое воспоминаніе о немъ затерто. Мирная и тихая жизнь складывается для его бывшей жены, дочь его накануне выхода замужъ за простого, но добраго человѣка, мѣстнаго доктора, — и вдругъ въ эту мирно текущую жизнь вновь является онъ, «лишенный правъ», бывший каторжникъ. Первая мысль у всѣхъ, что онъ явился мстить за свою разбитую жизнь. Всѣ вспоминаютъ его страстный, несдержанный темпераментъ, и только отецъ старикъ да дочь Валерія, пораженная и возмущенная, что отъ нея скрывали правду, встрѣчаютъ его съ радостью.

Но Кирилль съ перваго шага оказывается не тѣмъ, какимъ ушелъ. Онъ успокаиваетъ стараго друга, новаго мужа своей жены, что хотя дружбы старой онъ не чувствуетъ, но и вражды не питаетъ. Все старое далеко стоитъ отъ него, онъ теперь скорѣе «любопытный прохожій». На замѣчаніе, почему же онъ не прошелъ мимо, чтобы не мучить людей старыми воспоминаніями, Кирилль отвѣчаетъ, что «если будетъ мука, то ее надо перенести. Надо, чтобы каждый отвѣчалъ за то, что онъ сдѣлалъ», но, успокаиваетъ онъ встревоженнаго пріятеля, ни осуждать, ни требовать отвѣта онъ не желаетъ и не думаетъ. «Какъ странно! — заключаетъ онъ. — Вѣдь вонъ у васъ какъ будто и перемѣны есть и большія... А мнѣ, когда гляжу на васъ, почему-то кажется, будто я, уходя отсюда, заперъ васъ — цѣлый городъ — заперъ въ огромномъ ящикѣ и унесъ съ собой ключъ, и вотъ теперь пришелъ и отперъ ящикъ».

Что же произошло съ Кирилломъ, почему онъ можетъ такъ спокойно смѣтрѣть на всѣ эти перемѣны и испытываетъ не злобу къ настоящему и сожалѣніе о прошломъ, а скорѣе тихую скорбь и столь же тихую свѣтлую радость? Это онъ объясняетъ дочери въ сильномъ монолoгѣ второго дѣйствія.

«Каторжникъ! Валерія, знаешь ли ты, что это такое? Это существо, для котораго нѣтъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ. Законы природы, по которымъ живутъ всѣ разумныя и неразумныя существа, для него отиѣнены. Солнце, воздухъ, небо, свобода движеній, все это у него отнято... Насъ везли моремъ... Три мѣсяца длился этотъ ужасный переходъ... Надъ нами и вокругъ насъ — красота! Чудное южное небо, кругомъ свѣжій морской воздухъ.. Все залито яркими солнечными лучами... А мы тѣснились въ глубинѣ корабельнаго трюма, скудно освѣщаемые грязносѣрымъ свѣтомъ изъ люковъ, погру-

женныхъ въ воду, скученные въ тѣсномъ пространствѣ, дышашіе испареніями нашихъ грязныхъ тѣлъ... Никакія жалобы, никакія мольбы, обращенія къ человѣческому сердцу—не помогали намъ. Мы были ниже человѣческой жалости, мы были на той глубинѣ паденія, куда состраданіе не достигаешь. Оно такое короткое у человѣческаго сердца... Да, каторжникъ!.. Существо, у котораго отнято все, все человѣческое. Человѣкъ, лишенный человѣчества... Созданіе божіе, отъ котораго отказался Богъ!.. Что было съ мной, какія чувства волновали меня! Какая ненависть ко всему и ко всѣмъ, злоба, глухая, бессильная злоба бушевала во мнѣ».

На Сахалинѣ жизнь оказалась еще хуже. Кириллъ не подчинялся и попалъ въ разрядъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. И такъ прошло около трехъ лѣтъ. Не въ силахъ выдержать дольше этихъ мукъ, и физическихъ, и нравственныхъ, онъ рѣшаетъ покончить съ собой.

«Однажды, когда большая партія арестантовъ прокладывала дорогу по высокому берегу моря, во время отдыха я сидѣлъ прикованный къ тачкѣ надъ страшной крутизной. Былъ чудный весенній день, первый ясный день послѣ суровой зимы... Ласковые лучи солнца освѣщали нашу печальную группу, и отъ нихъ ласки и тепла намъ всѣмъ было еще больше. Я смотрѣлъ внизъ и мысленно измѣрялъ разстояніе, стараясь рѣшить, достаточно ли оно для того, чтобы я, вмѣстѣ съ своей тачкой, могъ превратиться въ пыль? И въ тотъ самый моментъ, когда я уже отвѣтилъ себѣ да и мнѣ оставалось только сдѣлать движеніе, чтобы все было кончено, вдругъ со мной произошло что-то странное. Въ послѣднее мгновеніе жизни, передъ самымъ концомъ, человѣкъ оглядывается назадъ и торопливо просматриваетъ пройденный путь. То же сдѣлалъ и я, и вдругъ какая-то новая правда предстала предо мною, точно освѣщенная заревомъ пожара. Я увидѣлъ себя въ прошломъ. Вотъ человѣкъ, у котораго есть все: образованіе, положеніе, служба, почетъ, деньги, родные, друзья, милая семья, наконецъ, то, что важнѣе всего—свобода... И что же, онъ считаетъ себя счастливымъ и хвалитъ Бога? Нѣтъ, онъ недоволенъ, онъ злобствуетъ, ненавистничаетъ, завидуетъ, клеветаетъ, измѣняетъ и убиваетъ. А вотъ другой. Онъ лишень всего: друзей, родныхъ, человѣческаго общества, сносной пищи, питья и жилища, униженъ, избитъ, прикованъ къ своей тачкѣ... Что нужно было тому, имѣвшему все, чтобы быть счастливымъ? О, много, слишкомъ много. Человѣку, обладающему всѣмъ, нужна вселенная, чтобы утолить его ненавистную жадность. Но какъ мало нужно этому! Тотъ, кто подошелъ бы къ нему и съ дружеской лаской положилъ бы руку на его плечо, заставилъ бы его плакать отъ счастья. Тотъ, кто расковалъ бы его цѣпи и сказалъ бы ему: ты можешь свободно ходить по землѣ!—подарилъ бы ему цѣлый міръ. И вся наша тюрьма, десятки, сотни тюремъ Сибири и всего міра были наполнены людьми, которымъ одной дружеской улыбкой ты можешь подарить вселенную. Повѣришь ли, Валерія, въ этотъ мигъ я дѣйствительно точно въ первый разъ въ жизни открылъ глаза... До сихъ поръ я видѣлъ только себя, свою душу, свою жизнь. Раньше я постоянно думалъ о своемъ наслажденіи, здѣсь я весь былъ поглощенъ своими страданіями, но тутъ я увидѣлъ, что вокругъ меня страдаютъ тысячи

людей, а тамъ, на необозримомъ пространствѣ земли—милліоны. И какъ страдаютъ! Людское счастье несложно: богатство, слава, любовь — вотъ къ чему сводятся стремленія всѣхъ. Но горе — какъ оно богато формами, какъ изворотливо! Нѣтъ такого горя, которое было бы самымъ большимъ,—всегда найдется еще большее; нѣтъ униженія, которое было бы самымъ послѣднимъ, — всегда можно еще и еще унижить человѣка, безъ конца. Какой глубокой новыи миръ открылся передо мною—миръ человѣческихъ страданій! И я сказалъ себѣ: какъ смѣешь ты убивать себя, когда у тебя есть еще сердце, чтобы любить, голова, чтобы мыслить, и руки, чтобы протягивать ихъ для помощи?.. Да, въ тотъ мигъ я проникъ въ самую глубину жизни и узналъ, въ чемъ ея смыслъ и въ чемъ настоящее счастье человѣка, и ужъ я не только не думалъ больше о смерти, но чувствовалъ себя такъ, какъ будто я родился вновь и для новой жизни. Я измѣнился, меня не узнавали; я сталъ хорошимъ каторжникомъ. Я началъ усердно работать, мои знанія пригодились при нашихъ сооруженіяхъ, я заслужилъ похвалу, прощеніе и, наконецъ, освобожденіе. Тогда я пошелъ по землѣ, чтобы новыми глазами посмотреть на жизнь и на людей и, вѣрь мнѣ, Валерія, я былъ тогда самый счастливый человѣкъ на землѣ. Вѣдь, подумай, я, который былъ лишень всего, получивъ въ подарокъ цѣлый земной шаръ. Я былъ въ Азіи, Америкѣ, Европѣ, обошелъ не мало уголковъ Россіи, и вотъ теперь я съ вами, но сталъ не прежній инженеръ, строящій желѣзную дорогу и зарабатывающій десятки тысячъ, а простой странникъ, простой мѣщанинъ города Виллюйска».

И этотъ преображенный человѣкъ, проникшій въ глубину жизни, раскрываетъ всѣ условности и всю ложь, опутавшую жизнь его прежнихъ близкихъ людей. Своимъ бодрымъ и правдивымъ словомъ онъ увлекаетъ другихъ если не вполне измѣнить себялюбивымъ стремленіямъ, то встряхнуться, посмотреть на окружающее другими глазами и на минуту забыть о томъ «грабежѣ», которымъ каждый изъ нихъ добываетъ то, что зовется счастьемъ. Во время наводненія, постигшаго городъ и затопившаго низменную часть его, онъ своимъ примѣромъ заставляетъ и другихъ работать, спасти десятки и сотни погибающихъ и разоренныхъ семействъ, заставляетъ своего бывшего соперника Станищева отпустить несчастную жену, а самъ уходитъ туда, гдѣ онъ можетъ оказаться нужнѣе, полезнѣе. Онъ уходитъ «осушать болото» въ одной деревнѣ, гдѣ ему пришлось побывать, ибо, какъ онъ поясняетъ, «надобно кому-нибудь и болота осушать», пока другіе занимаются радостями жизни. Послѣ его ухода старикъ отецъ спрашиваетъ уныло: «Что онъ былъ съ нами?» А Валерія отвѣчаетъ ему въ тонъ: «Да, онъ былъ съ нами! И такой... такой не похожій на всѣхъ насъ... Такой чистый, свѣтлый». «Какъ въ сновидѣніи», замѣчаетъ старикъ.—«Правда, дѣдушка... Такіе люди являются только въ грезахъ»...

Авторъ и показалъ такую грѣзу. Въ жизни мы не встрѣчаемъ ни такихъ перерожденій, ни такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ личностей. Но почему бы имъ и не быть? Унося изъ театра подобную грѣзу, зритель невольно задается такимъ вопросомъ. Неужели въ жизни только и должны быть одни самолюбивыя стрем-

ленія, взаимное поѣданіе, злоба, борьба изъ-за жирнаго куска и нѣтъ мѣста любви къ человѣку? И публика, оцѣнившая пьесу по-своему, не признавшая критики, намъ кажется правой. За одну такую «грёзу», будащую въ душѣ лучшіе истинныя, можно охотно простить всю кажущуюся нереальность драмы. Говоримъ «кажущуюся», тѣкъ какъ въ рѣчахъ и поступкахъ Кирилла Домбровича ничего нѣтъ нереальнаго. И самый характеръ его вполне допускаетъ его преображеніе подъ вліяніемъ тѣхъ испытаній, какія выпали на его долю. Если каторга, какъ общее правило, дѣйствительно, озлобляетъ, то мы знаемъ и такія исключенія, какъ, напр., Достоевскій, или возрожденіе его Раскольникова намъ не представляется страннымъ. Но это—между прочимъ, такъ какъ, повторяемъ, не эта сторона пьесы имѣетъ рѣшающее значеніе.

Мы такъ давно не слышали со сцены «хорошихъ словъ», тѣхъ «забытыхъ» словъ, которыя глубоко таятся гдѣ то въ каждомъ изъ насъ,—что голосъ Кирилла Домбровича какъ будто и въ самомъ дѣлѣ кажется «грёзой», чѣмъ-то несслыханнымъ, новымъ и чуждымъ. Но забытыя слова надо напомянуть и дѣлать это почаще. Тогда они становятся тѣмъ, чѣмъ и должны быть—дорогими и близкими и получаютъ силу побуждать отъ словъ перейти и къ дѣлу, приближая время, когда тяжкая современность покажется намъ «тяжелымъ сномъ», а грёза, навѣянная драмой г. Потапенко,—дѣйствительностью...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ъ.

Дѣтскіе мечты и запросы. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Вахтеровъ сообщаетъ результаты весьма интереснаго опыта изученія дѣтской психологіи, произведеннаго имъ въ одной большой фабричной школѣ, съ 24-мъ учащими и болѣе чѣмъ 1.400 учащимися обоаго пола. Главный контингентъ учащихся—дѣти фабричныхъ такъ какъ 55% изъ общаго числа родились на фабрикѣ, 53% все время жили и выросли на фабрикѣ и 28% никогда не бывали въ деревняхъ. Эти дѣти знаютъ о деревнѣ только по слухамъ; деревенскіе интересы имъ чужды; фабрика наложила свою печать на ихъ міровоззрѣніе; они живутъ интересами фабричныхъ. Но здѣсь же мы находимъ и деревенскихъ дѣтей, такъ какъ 33% общаго числа учащихся дѣтей родились въ деревнѣ; 39% жили въ деревнѣ не менѣе года, причемъ 21% общаго числа дѣтей выросли въ деревнѣ, гдѣ жили въ теченіе всего дошкольнаго періода своей жизни, прибыли на фабрику только для того, чтобы получить здѣсь образованіе и по окончаніи школьнаго курса, можетъ быть, навсегда вернуться въ деревню. 28% учащихся дѣтей ежегодно на всѣ большіе праздники и на все лѣто отправляются въ деревню. Естественно, что эти дѣти думаютъ о деревнѣ и полны деревенскими

интересами. Такимъ образомъ мы имѣемъ два типа дѣтей, изъ коихъ одинъ приближается къ чистому фабричному типу, а другой—къ деревенскому. Ниже помѣщенныя данныя касаются только дѣтей 4-го отдѣленія, соответствующаго старшему отдѣленію начальной школы съ четырехгодичнымъ курсомъ. Но эту школу нельзя приравнивать къ школамъ обычнаго типа. Она находится не въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, а въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Она регулируется экзаменаціонными требованіями 1886 г. Если бы она попрежнему представляла своихъ учениковъ въ экзаменаціонную комиссію министерства народнаго просвѣщенія, то, по установившимся среди мѣстнаго учебнаго начальства традиціямъ, отъ учениковъ требовалось бы столько грамматикъ, этимологическаго и синтаксическаго разбора и диктовокъ, что нечего было бы и мечтать о какихъ-либо иныхъ требованіяхъ. Къ счастью для дѣтей, школа эта имѣетъ возможность сама, въ предѣлахъ закона и съ утвержденія министра, устанавливать программу преподаванія и экзаменаціонныя требованія. Это дало возможность сообразоваться не только съ формальными экзаменаціонными требованіями, но, между прочимъ, и съ запросами самихъ дѣтей, поскольку они не противорѣчили основнымъ педагогическимъ принципамъ.

Опытъ состоялъ въ томъ, что дѣтямъ былъ предложенъ вопросъ: «Для чего вы учитесь, что вы хотите знать и какъ думаете воспользоваться своимъ образованіемъ». Отвѣты, которыхъ по отдѣльнымъ вопросамъ получено 2.979, разбиты были по группамъ, причемъ въ первую изъ нихъ отнесены тѣ, которые свидѣтельствуютъ объ альтруистическомъ направленіи дѣтской мысли. Вотъ болѣе типичныя изъ нихъ: «Хочу изучить Законъ Божій, чтобы пойти и проповѣдывать язычникамъ»; «Учусь, чтобы читать и говорить въ деревнѣ, какъ нехорошо съѣчь другъ друга розгами»; «Хочу читать и рассказывать въ своей деревнѣ, чтобы не били дѣтей»; «Чтобы читать книги по сельскому хозяйству, помогать сосѣдямъ совѣтами по земледѣлію, и они будутъ хорошо обращаться съ землею»; «Чтобы научить нашихъ крестьянъ, какъ надо болото осушить, какъ лучше землю удобрить, какія орудія и откуда выписать»; «Я учусь для того, чтобы поѣхать къ самоѣдамъ и вогуламъ и говорить имъ, что такъ жить нехорошо, и научить ихъ грамотѣ»; «Чтобы потомъ хорошо воспитывать дѣтей»; «Выучусь, и буду говорить, чтобы мои домашніе лучше обходились другъ съ другомъ и домашняя обстановка была лучше»; «Чтобы читать и рассказывать другимъ о бѣдствіяхъ войны»; «Выучусь, и буду читать и говорить, чтобы хорошо поступали съ животными»; «Читать и говорить, чтобы закрыли кабаки»; «Чтобы заводили богадѣльни и сиротскіе дома»; «Чтобы заводили больницы и аптеки»; «Образованный человекъ пойдетъ по улицѣ; попадетъ ему дерево; онъ знаетъ, что оно очищаетъ воздухъ, и онъ не тронетъ его, а пойдетъ необразованный, надрѣжетъ кору, и тогда растеніе испортится и не будетъ расти».

Далѣе идутъ отвѣты такого же характера, но только сформулированныя въ довольно общихъ выраженіяхъ. Таковы, напримѣръ: «Образованный скорѣе что-нибудь новое, полезное для людей открытіе какое-либо сдѣлаетъ»; «Выучусь, и буду стараться, чтобы наша родина ни въ чемъ не отставала отъ другихъ и чтобы въ ней жило хорошо». Есть цѣлая группа отвѣтовъ, выражающихъ

стремленіе распространять просвѣщеніе среди народа. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе отвѣты: «Чтобы научить чему-нибудь хорошему другихъ»; «Чтобы помогать другимъ своими знаніями и давать имъ хорошіе совѣты»; «Чтобы рассказывать темнымъ людямъ, что знаю; это для нихъ самое важное: если бы темнымъ людямъ ничего не рассказывать, то они такъ и умерли бы, ничего не узнавши»; «Чтобы завести библіотеку, раздавать книги и читать другимъ»; «Выучусь, и буду читать неграмотнымъ газеты и книги для того, чтобы они поумнѣли»; «Чтобы рассказывать роднымъ и знакомымъ, что узналъ въ школѣ»; «Чтобы читать и говорить о томъ, какъ нужны въ деревнѣ школы, библіотеки»; «Чтобы учить взрослыхъ неграмотныхъ».

Есть отвѣты, намѣчающіе опредѣленную, повидимому, обдуманную программу будущей дѣятельности. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій отвѣтъ: «Когда я кончу въ здѣшней школѣ курсъ, то я даю себѣ слово, что я всё знанія свои, которыя я получилъ изъ книгъ и отъ учителей, положу на то, чтобы подѣлаться ими съ неграмотными людьми. Я буду устраивать чтенія и въ своей деревнѣ, и въ другихъ деревняхъ. Буду имъ толковать, какую пользу приобретутъ они, если будутъ учиться, приведу имъ примѣры, какой вредъ получаютъ они отъ суевѣрій и какую пользу получаютъ отъ ученья; буду читать имъ, какой вредъ получаютъ они отъ пьянства».

Такихъ отвѣтовъ, отнесенныхъ къ первой группѣ, оказалось 19% общаго ихъ числа, причѣмъ наибольшее падаетъ на тотъ классъ, гдѣ дѣти въ теченіе 3½ лѣтъ находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ одной очень развитой и опытной учительницы.

Во второй группѣ отнесены отвѣты, въ которыхъ высказываются соображенія практическаго характера и личной выгоды. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе отвѣты: «Учусь, чтобы легче заработокъ найти»; «На всякомъ мѣстѣ образованному болѣе довѣряютъ, чѣмъ необразованному»; «Ученому всякое дѣло легче»; «При помощи книгъ узнаешь, какъ какую работу работать, какъ сельское хозяйство вести, какія полезныя для твоего дѣла изобрѣтенія придуманы»; «Ученый человѣкъ можетъ сработать вещь чище и заработать больше»; «Если я буду хорошо учиться, я займу должность болѣе выгодную и эту должность я буду исправлять лучше»; «Образованный лучше работаетъ и денегъ больше получаетъ»; «Образованный человѣкъ въ своей работѣ пользуется машинами, а необразованный все своимъ горбомъ работаетъ».

Подобныхъ отвѣтовъ дано 8% и число ихъ распределяется между различными классами равномерно.

Весьма многочисленна группа отвѣтовъ, характеризующихъ дѣтскую любознательность, безотносительно къ какой-либо практической цѣли. Напримѣръ: «Я учусь, чтобы знать Законъ Божій, какія мученія переносилъ Иисусъ Христосъ за народъ и какъ надо жить по его ученію». Другіе хотятъ знать, «какъ страдали люди за правду», «какъ ученые работали на пользу народа». Есть страстные поклонники русской художественной литературы. Не довольствуясь произведеніями нашихъ писателей, они хотятъ еще знать, какъ жили наши писатели: Толстой, Лермонтовъ, Пушкинъ. Есть большіе любители исторіи: они

хотать знать, «что было за тысячу лѣтъ назадъ, какъ жили люди встарину, гдѣ они жили, чѣмъ занимались, чѣмъ питались, какъ добывали огонь и какъ развивалась Россія въ послѣднее время». Иные очень интересуются географіею Россіи: они хотать знать «объ устройствѣ нашего государства», «сколько въ Россіи добывается богатства», «много ли добра лежитъ подъ землею», «насколько у насъ развиты просвѣщеніе и торговля». Есть дѣти, которыхъ болѣе всего интересуютъ иностранцы: они «желаютъ знать, какъ живутъ иностранные крестьяне и насколько они образованы», «много ли знаній имѣютъ заграничные учителя, въ какихъ земляхъ какая вѣра». Есть дѣти-политики: они хотать знать, «какъ относятся другія державы къ Россіи, знать всѣ государства Европы, тамошніе законы и порядки».

Такихъ отвѣтовъ дано 56%, причеъ распредѣленіе ихъ по классамъ, очевидно, въ зависимости отъ личности учителя, колебалось очень сильно.

Отвѣтовъ, приближающихся къ этой группѣ, но выраженныхъ въ неопредѣленной формѣ, вродѣ: «Я учусь для того, чтобы умъ развернуть», дано 16%.

Обозрѣвая весь матеріалъ, г. Вахтеровъ отмѣчаетъ, что 92% всѣхъ ученическихъ отвѣтовъ на вопросъ «для чего вы учитесь», ставятъ начальной школѣ общеобразовательныя требованія. Сюда мы относимъ и отвѣты, свидѣтельствующіе о разносторонней наблюдательности дѣтей (56,7% общаго числа), отвѣты, выражающіе стремленія дѣтей къ саморазвитію (16,1%), и отвѣты, выражающіе альтруистическія стремленія дѣтей (19,2%); остальные 8% представляютъ отвѣты, выражающіе практическіе запросы. Но и тѣ отвѣты, котрые выражаютъ практическія стремленія дѣтей, не ставятъ начальной школѣ задачъ профессиональнаго образованія, а представляютъ собой простой выводъ изъ житейскихъ наблюденій, что «образованный найдетъ болѣе выгодную должность и будетъ исправлять ее лучше»; но хорошо извѣстно, что если хозяева въ разныхъ отрасляхъ труда предпочитаютъ рабочихъ, получившихъ начальное образованіе, то они предпочитаютъ ихъ не за профессиональныя званія, которыхъ начальная школа не даетъ, а за сообразительность, понятливость, честность и прочія качества, развитіе которыхъ составляетъ задачу общеобразовательной школы.

Взаимодѣйствіе деревни и города. «Саратовскій Дневникъ» передаетъ содержаніе интереснаго доклада, прочитаннаго П. П. Масловымъ въ Саратовскомъ обществѣ естествоиспытателей: «Цифры и факты изъ переписи С.-Петербурга въ 1900 г.». Данныя доклада извлечены изъ матеріала, собраннаго авторомъ при переписи рабочаго населенія 3-го уч. Нарвской части и касаются 2.600 рабочихъ, относительно которыхъ получены болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія въ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) культурный уровень населенія, насколько можно это было учесть по грамотности его, 2) связь съ землей и деревней—опредѣляемая отвѣтами на вопросъ: ѣздитъ ли на лѣтнія работы, имѣетъ ли надѣлъ и посылаетъ ли деньги въ деревню; 3) семейное положеніе и 4) связь съ городомъ.

Что касается культурнаго уровня населенія, то общее впечатлѣніе болѣ-

шинства счетчиковъ говоритъ не въ пользу доброкачественности той духовной пищи, которой приходится довольствоваться массѣ населенія. Взрослымъ мужчинамъ, напр., приходится довольствоваться тѣми газетами, которыя предлагаются для чтенія въ трактирѣ—это, по большей части, бульварные листки. Въ общемъ среди мужчинъ оказывается гораздо больший процентъ грамотныхъ и читающихъ, чѣмъ среди женщинъ, а подростки даютъ больший процентъ грамотныхъ, чѣмъ взрослые рабочіе. При этомъ наблюдается обычный законъ: на заводахъ, гдѣ преобладаетъ трудъ квалифицированный, а также у ремесленниковъ,—процентъ грамотныхъ и читающихъ гораздо выше, чѣмъ въ мануфактурахъ, гдѣ трудъ болѣе простой, ниже оплачиваемый, исполняемый женщинами и неспециализированными рабочими, прѣзжающими изъ деревни. Докладчикъ подчеркиваетъ рядомъ цифръ эту связь высоты заработной платы и труда съ культурнымъ уровнемъ рабочаго населенія.

Другимъ факторомъ, влияющимъ на культурный уровень рабочей массы, является, по словамъ докладчика, связь рабочихъ съ деревней. Замѣчается при этомъ болѣе сильная связь съ деревней неграмотныхъ, чѣмъ грамотныхъ; пониженіе % грамотности среди рабочихъ обуславливается, главнымъ образомъ, приливомъ изъ деревни взрослыхъ рабочихъ на наиболѣе простые промыслы, не требующіе выучки и специальныхъ знаній. Такимъ образомъ, чѣмъ проще работа въ извѣстномъ предпріятіи, тѣмъ ниже культурный уровень рабочихъ этого предпріятія, тѣмъ сильнѣе связь съ деревней, съ землей. Связь эта опредѣляется отвѣтами на вопросъ: ѣздятъ ли рабочіи на лѣтнее время въ деревню, имѣютъ ли надѣлъ и посылаютъ ли деньги въ деревню?

Изъ данныхъ, приведенныхъ докладчикомъ, видно, что подавляющее большинство рабочихъ порвало фактически связь съ деревней: изъ рабочихъ резиновой мануфактуры ѣздятъ, на примѣръ, въ деревню на работы всего 17%, съ Калининскаго и Путиловскаго заводовъ—15%, въ общемъ же болѣе $\frac{4}{5}$ всего рабочаго населенія на фабрикахъ порвало связь съ земледѣльческимъ хозяйствомъ (многіе имѣютъ надѣлъ, но не обрабатываютъ его), и хотя не утратили совсѣмъ связь съ деревней, но эта связь чисто формальная, юридическая.

Она выражается, главнымъ образомъ, въ отсылкѣ въ деревню денегъ рабочими, имѣющими свой надѣлъ, и здѣсь,—говоритъ докладчикъ,—мы встрѣчаемся съ «загадочнымъ явленіемъ»: почему «рабочіе-собственники», имѣющіе свой надѣлъ, посылаютъ деньги въ деревню, а не обратно, не получаютъ денегъ отъ своей «собственности»?

Такихъ рабочихъ—значительная группа, и при этомъ далеко не всѣ имѣютъ въ деревнѣ семьи, которыя надо было бы поддерживать высылкой денегъ (на примѣръ, на резиновой мануфактурѣ, изъ 150 человекъ, не имѣютъ семьи въ Петербургѣ 35 человекъ, а посылаютъ въ деревню 77 человекъ), слѣдовательно, часть рабочихъ, отдающая деньги своего заработка въ деревню, связана съ ней юридически и обладаніе недвижимой собственностью (надѣломъ) ведетъ не къ полученію съ нея ренты, а къ уплатѣ за нее ренты, въ видѣ налоговъ, лежащихъ на землѣ. Нѣкоторые экономисты склонны видѣть въ такой несчастливой связи съ деревней и землей, такъ сказать, страхованіе на случай

*

безработицы, на время которой рабочей-собственникъ можетъ снова заняться земледѣліемъ, но докладчикъ находитъ, что слишкомъ дорого обходится для людей, порвавшихъ съ земледѣліемъ, такая страховка, отнимающая у рабочаго не мало денегъ, сильно понижающая культурный уровеньъ значительной группы лицъ.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующее: рабочей въ теченіе 35 лѣтъ высылаютъ въ деревню ежегодно по 23 р., чтобы сохранить право на надѣлъ, отказывая себя ради этого въ удовлетвореніи многихъ потребностей, прежде всего потребностей культурныхъ, между тѣмъ какъ этотъ клочокъ земли не стоитъ и десятой доли того, что за него уплачено. Примѣромъ того, какъ недостаточна доходность земледѣльческаго хозяйства, можетъ служить слѣдующее:

Двѣ сестры-дѣвушки, зарабатывая каждая по 18 р. въ мѣсяцъ, посылаютъ въ деревню 200 р. въ годъ, по 100 р. каждая. Высылая половину заработка въ деревню, онѣ принуждены спать на одной постели, питаться чернымъ хлѣбомъ съ селедкой, уплачивая рыборотговцу за право махать хлѣбъ въ селедочный разсолъ, чтобы дать какой нибудь привкусъ сухому хлѣбу.

Въ общемъ получается, говоритъ докладчикъ, ненормальное положеніе: свыше $\frac{2}{3}$ рабочихъ живутъ въ Петербургѣ болѣе трехъ лѣтъ и не заглядываютъ въ деревню, имѣютъ надѣлъ и числятся землевладѣльцами, обезпеченными землей, и за это удовольствіе большая часть посылаетъ въ деревню деньги.

И часть рабочихъ посылаетъ деньги только въ уплату налоговъ, хотя земля у нихъ запущена. Мальчики, зарабатывающіе въ день по 40—50 к., посылаютъ въ годъ 10—15 рублей, «чтобы отецъ не вытребовалъ въ деревню».

Такимъ образомъ, насильственная связь съ деревней далеко не такъ благотворна для многихъ рабочихъ, какъ это выставляютъ защитники общины. Современная деревня, вытаскивая изъ рабочаго населенія значительную часть заработка, для большинства вовсе не служитъ мѣстомъ отдохновенія на лонѣ природы отъ шумнаго города. Понижая уровеньъ потребностей рабочихъ, не имѣющихъ въ деревнѣ хозяйства и посылающихъ туда деньги, она взамѣнъ не даетъ ничего, кромѣ паспорта.

Въ заключеніе въ докладѣ обращается вниманіе на мало изслѣдованную статистикой бытовую черту изъ жизни рабочаго населенія—на развитіе гражданского брака. Что касается матеріальныхъ условій домашней жизни, то она въ общемъ крайне тяжела и антигигіенична. Вотъ примѣръ, приведенный одной изъ счетчицъ:

У работницы четверо дѣтей, зарабатываетъ она 60 к. въ день и всѣ пятеро живутъ («въ углахъ») на одной койкѣ. Старшая дѣвочка смотритъ за остальными: ей 8 лѣтъ; при такомъ возрастѣ имѣетъ на рукахъ троихъ дѣтей. Выучилась читать и писать въ воскресной школѣ. Эта «наглядная картинка» даетъ понятіе о положеніи работницы-матери и лишній разъ вызываетъ мысль о необходимости улучшить положеніе фабричнаго населенія и внести въ эту среду «прежде всего свѣта, какъ можно больше свѣта!»

Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи. Особое гостепріимство, которое еще такъ недавно встрѣчали въ Россіи нѣмецкіе колонисты, въ послѣдніе годы смѣнилось

настолько неприязненнымъ къ нимъ отношеніемъ, что окружающее ихъ русское населеніе не прочь бороться съ ними даже при помощи исключительныхъ мѣръ. Года четыре тому назадъ екатеринославское уѣздное земское собраніе признало возможнымъ, наприимѣръ, ходатайствовать о воспрещеніи нѣмцамъ покупать земли у лицъ не нѣмецкаго происхожденія, и надо думать, что это постановленіе вполне отвѣчало настроенію массы русскаго населенія. Это враждебное къ нѣмцамъ отношеніе создавалось на югѣ ихъ быстро растущимъ вліяніемъ въ сельско хозяйственной жизни. Нѣмцы постепенно вытѣсняють русскій и малорусскій элементы въ Новороссіи, и можно утверждать положительно, что въ настоящее время нѣмцамъ принадлежать до четверти всей земельной площади на югѣ, тогда какъ лѣтъ 40 тому назадъ площадь ихъ землевладѣнія составляла какихъ-нибудь 5 процентовъ, да и то лишь въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Въ чемъ же причины такого поразительнаго разростанія у насъ нѣмецкихъ колоній? Въ обширной статьѣ, напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», г. М. Камаринецъ объясняетъ это явленіе исключительнымъ правовымъ положеніемъ, въ которое нѣмцы были поставлены при самомъ населеніи въ Россіи. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, обусловило большую имущественную состоятельность ихъ, по сравненію съ представителями другихъ народностей, и повело къ распространенію нѣмецкаго элемента далеко за предѣлы первоначальныхъ нѣмецкихъ колоній.

Наиболѣе важной особенностью положенія колонистовъ въ правовомъ отношеніи является внутренняя автономія колоній. Рѣшеніе вопросовъ поземельнаго устройства, волостное и сельское самоуправленіе, внутренняя юрисдикція,— все это было предоставлено колонистамъ при самомъ основаніи колоній; мѣстныя русскія власти совершенно не должны были касаться отношеній внутри послѣднихъ.

И нѣмцы широко воспользовались своими исключительными правами во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи земельного устройства.

У колонистовъ распространено мнѣніе, что съ успѣхомъ вести хозяйство можно только на площади не меньшей 45—50 дес.; поэтому нѣмцы избѣгаютъ дробленія хозяйствъ такого размѣра между сонаслѣдниками. Сначала это достигалось путемъ миноратнаго права наслѣдованія, но затѣмъ, когда, съ теченіемъ времени, младшій сынъ потерялъ всякое преимущество передъ другими сонаслѣдниками, хозяйство стало переходить къ одному изъ наслѣдниковъ, остальные же вознаграждались денежными выдачами. Такая система наслѣдственнаго права обусловила появленіе, наряду съ зажиточными полными хозяевами, значительнаго по численности разряда безземельныхъ хозяевъ, такъ называемыхъ *Anwohner*'овъ. Несомнѣнно—*Anwohner*'ы представляютъ самое больное мѣсто нѣмецкихъ колоній, хотя не слѣдуетъ думать, что положеніе ихъ безвыходно-печально, и что они не имѣютъ никакого доступа къ землѣ. Еще при первоначальномъ устройствѣ быта переселенцевъ, сверхъ нормальнаго надѣла, колоніямъ были отведены особые запасные участки, эксплуатируемые путемъ сдачи въ аренду. Арендаторами этихъ участковъ являются, прежде всего, *Anwohner*'ы. Арендная плата, поступающая отъ сдачи запасныхъ участ-

ковъ, идетъ на образованіе особаго общественнаго капитала, на который нѣмецкіе колонисты покупаютъ на сторонѣ земли для устройства новыхъ колоній. Выселяются во вновь образуемыя колоніи почти исключительно безземельные, для чего между ними устанавливаются извѣстныя очереди; неимущіе Anwohner'ы снабжаются при этомъ необходимымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Покупная сумма за землю вносится изъ общественнаго капитала и погашается новыми колонистами въ теченіе опредѣленнаго срока, большею частью— 30 лѣтъ.

Въ каждой колоніи, хотя бы въ ней было только 10 дворовъ, обязательно имѣется начальная школа съ шестилѣтнимъ курсомъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ; всеобщее обученіе, которое для кореннаго русскаго населенія еще долгое время будетъ *pius desiderium*, нѣмцами достигнуто уже давно: неграмотность почти неизвѣстна среди колонистовъ. Въ центрѣ нѣмецкихъ колоній Екатеринославской губерніи, Хортицѣ, находится «высшая школа» съ курсомъ, приблизительно отвѣчающимъ нашимъ реальнымъ училищамъ. Тамъ же издается газета на нѣмецкомъ языкѣ.

Только культурному развитію массы нѣмцы обязаны возможностью осуществлять, безъ всякаго участія со стороны земства и администраціи очень крупныя экономическія предпріятія. Нѣмцы не участвуютъ, напримѣръ, во взаимномъ земскомъ страхованіи; вмѣсто него, у нихъ дѣйствуетъ свое собственное страхованіе, въ которомъ принимаютъ участіе менониты, живущіе во всѣхъ губерніяхъ Новороссіи. Ежегодно опредѣляется особо выработанными оцѣнщиками размѣръ убытковъ, причиненныхъ пожарами, причемъ оцѣнкѣ подлежатъ не только постройки, но и скотъ, и мертвый инвентарь, и даже хлѣбъ, которые сдѣлались жертвой огня; общая сумма пожарныхъ убытковъ во всѣхъ участвующихъ въ страхованіи колоніяхъ распределяется между всѣми колонистами пропорціонально количеству земли и уплачивается, какъ дополненіе къ волостнымъ сборамъ.

Культурно болѣе развитые, чѣмъ окружающее населеніе и, благодаря этой культурности, пользующіеся органами сельскаго и волостнаго самоуправленія въ своихъ дѣйствительныхъ интересахъ, сплоченные въ тѣсныя и обширныя экономическіе союзы, нѣмцы-колонисты должны были завоевать и завоевали себѣ выдающееся положеніе въ Новороссіи. Отъ нихъ идутъ всякія улучшенія и усовершенствованія въ полеводствѣ, на нѣмецкихъ же заводахъ изготовляются сельско-хозяйственныя машины и орудія, которыя получили широкое распространеніе не только во владѣльческомъ, но и въ крестьянскомъ хозяйствѣ; выписка сельско-хозяйственныхъ орудій изъ-за границы на югъ Россіи почти прекратилась совершенно. Помѣстное дворянство,—хотя и стоящее по культурному развитію выше колонистовъ, въ веденіи хозяйства въ громадномъ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ по проторенному уже и испытанному колонистами пути. Неудивительно поэтому, что площадь землевладѣнія нѣмцевъ-колонистовъ растетъ съ каждымъ годомъ, что имъ въ настоящее время принадлежитъ отъ 20—25 проц. всѣхъ земель въ Новороссіи, что земли многихъ мелкихъ крестьянскихъ обществъ малороссовъ дѣлится перешли въ руки

нѣмцевъ, что къ нѣмцамъ переходить и большая часть поступающихъ на рынокъ частновладѣльческихъ земель.

Вотъ этотъ - то успѣхъ нѣмецкихъ колонистовъ и вооружилъ противъ нихъ и населеніе, и администрацію, которая принимаетъ противъ нихъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. Въмѣсто того, чтобы поднять собственный культурный и экономическій уровень, мы всѣми силами стараемся понизить этотъ уровень у колонистовъ. И колонистъ начинаетъ покидать Россію, но легче ли отъ этого коренному населенію?

Изъ прошлаго. Въ «Восточномъ Обзорѣнн», со словъ сибирскаго сторожика К. Н. Н — ева, лично знавшаго нѣсколькихъ декабристовъ, воспроизведена слѣдующая любопытная страничка изъ прошлаго.

Въ концѣ 40-хъ годовъ К. Н. жилъ въ Тобольскѣ, по Архангельской улицѣ, въ домѣ своего отца, рядомъ съ домомъ декабриста Свистунова. Далѣе жили декабристы Фонвизинъ и Лопухинъ. Въ то время К. Н. было 10—12 лѣтъ. Лѣтомъ онъ почти ежедневно гулялъ въ саду Свистунова съ его дѣтьми и другими ребятами, которыхъ Свистуновъ очень любилъ. Бывало, соберетъ вокругъ себя группу дѣтей и рассказываетъ имъ про то, какъ онъ бунтовалъ и какъ потомъ мучился. Затѣмъ ведетъ всѣхъ въ свой кабинетъ, лакомствами угощаетъ, висящіе на стѣнѣ кандалы показываетъ. Иногда поднимаетъ концы своихъ штановъ, и глядятъ дѣти на зарубцованныя на ногахъ жестокія раны, глядятъ и плачутъ.

«Это,—говорить Свистуновъ,—отъ кандаловъ, дѣти! До костей натерали ноги».

Однажды къ Свистунову, стоявшему съ дѣтьми у крыльца Фонвизина, подошелъ какой-то крестьянинъ.

— Дозвольте спросить,—ваше почтеніе,—спросилъ мужикъ,—гдѣ тутотка живетъ варнакъ Хвонвизя?.. Надо бы мнѣ-ка повидать его...

— Варнакъ Хвонвизя? — улыбнулся Свистуновъ, — какъ же знаю! Вотъ тутъ и живетъ, вотъ въ этомъ домѣ! А на что тебѣ онъ?..

Какъ разъ въ это время выходитъ на крыльцо самъ Фонвизинъ, и крестьянинъ низко раскланивается ему со словами!

— Ваше почтеніе! дозволейте сказать!.. Вонъ баринъ-отъ сказывать, што у вашей милости варнакъ Хвонвизя живетъ. Нельзя ли мнѣ-ка повидать его?.. дѣльце есть...

Фонвизинъ добродушно улыбнулся:

— Какъ же, какъ же! Здѣсь братецъ, живетъ, здѣсь! На что тебѣ онъ? Ты кто будешь?..

— Я-то? Да я староста кучаевского сельскаго общества. Ну, и вотъ, какъ этотъ самый, значить, варнакъ къ нашему обществу приписанъ, дакъ мнѣ-ка надо бы попытать его, пошто онъ къ намъ не заявляется? Вотъ уже который годъ не видать его, а по записямъ числится у насъ?..

— Ну, и варнакъ!—взялъ старосту подъ руку Фонвизинъ.—Вотъ идетъ, староста, ко мнѣ, я тебѣ покажу этого варнака!.. Фонвизинъ со старостой, а за

ними и Свистуновъ съ дѣтьми, вошли въ домъ. Усадивъ старосту въ кресло и приказавъ подать ему чаю, водки, закуски, Фонвизинъ сталъ разспрашивать про кучаевское житье-бытье. Староста разошелся. Когда же, послѣ выпивки и закуски, добродушный Фонвизинъ объявилъ старостѣ, что варнакъ, котораго онъ ищетъ, и есть то самое лицо, съ которымъ онъ бесѣдуетъ, то староста страшно смутился и, оглядывая всѣхъ испуганными глазами, началъ было трястись, какъ въ лихорадкѣ. Фонвизинъ поспѣшилъ успокоить старосту, объяснилъ ему, почему онъ не является на мѣсто приписки, и, давъ ему нѣсколько рублей, проводилъ его до крыльца, прося передать поклонъ кучаевцамъ.

Описанная сцена такъ изумила старосту, что онъ пустился наутекъ, брестясь по дорогѣ.

Земскій адресъ Б. Н. Чичерину. Рѣдѣютъ ряды земскихъ дѣятелей, глубоко цѣнившихъ и понимавшихъ значеніе мѣстнаго самоуправленія въ общественной жизни Россіи. Только-что смерть похитила такихъ выдающихся земскихъ дѣятелей, какъ Д. Д. Дашковъ и Д. Ѳ. Самаринъ; теперь тяжелый недугъ оторвалъ отъ земской работы—надѣмся временно—заслуженнаго земскаго ветерана Б. Н. Чичерина. Въ чести современныхъ намъ земскихъ дѣятелей, надо сказать, однако, что поучительные образцы той страстной преданности, какую только-что названные нами земцы проявляли въ отношеніи къ дорогому для нихъ дѣлу, встрѣтили на земскихъ собраніяхъ надлежащую оцѣнку и, можно думать, что уходящіе съ земской арены борцы не останутся безъ продолжателей. Тамбовское губернское земское собраніе, открывшееся 29-го ноября, единогласно постановило поднести Б. Н. Чичерину адресъ, въ которомъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ отмѣчаетъ его выдающуюся роль въ земскомъ дѣлѣ и въ развитіи широкихъ взглядовъ на задачи и значеніе мѣстнаго самоуправленія. Адресъ было рѣшено поднести черезъ губернскаго предводителя дворянства, князя Н. Н. Челокаева.

Отголоски монополіи. Какихъ-какихъ только «произведеній» не выбрасываютъ на рынокъ разные темные гешефтмакеры издательскаго цеха! И все это дѣлается на томъ простомъ основаніи, что «бумага все стерпитъ», а полуграмотный читатель пойдетъ на всякую приманку. По словамъ «Нижегородскаго Листка», у букинистовъ въ концѣ прошлаго года появилось въ продажѣ новое удивительное «произведеніе», называющееся «Пѣсни монополіи» и предусматрительно помѣченное 1902-мъ годомъ. Въ книжкѣ есть рѣшительно все: и очерки, и драматическія сцены, и пѣсни, и куплеты, навѣянные виной монополіей. Вирши самыя убійственныя. Напримѣръ, что за прелесть «пѣснь» Ивана Всегдапьющенскаго: «Теперь мерзавчика я пью!»

Все бренно, все межъ насъ не вѣчно!
 Чѣмъ наслаждался, то разлюбилъ!
 Что я любилъ вчера сердечно,
 То нынче кинуть, разлюбилъ!
 Нашелъ не я одинъ обновку!
 Вдругъ измѣнилъ я жизнь свою!

Во время оно пилъ «поповку»,
Теперь «мерзавчика» я пью!

Далѣе оплакиваются «творенія Смирнова», Протопопова, Шустова и другихъ бывшихъ водочныхъ заводчиковъ. Но

Всякій новое находить—
И гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь!
Не надо мнѣ теперь «Смирнова»,
Когда «казенка» подъ рукой.
Отнынѣ я «казенной лавкѣ»
Весь предавъ—тѣломъ и душой!

Тотъ же «поэтъ» приходитъ въ умиленіе отъ удобствъ культурной жизни:

И даже есть—о, верхъ всѣхъ благъ!
Участокъ... Счастье, такъ ужъ счастье!
Приди хоть пьянъ, хоть босъ, хоть нагъ,—
Тамъ ты всегда найдешь участие!

По всей книжонкѣ разлито столько благодушія и жизнерадостности, что всякіе толки о пессимизмѣ новаго вѣка должны совершенно умолкнуть. Изъ «монополіи», какъ изъ рога изобилія, истекаетъ на человѣчество невѣроятное количество всевозможныхъ благъ. На вопросъ:

Отъ пьянства удержать
Кто можетъ?.. *Монополія*...

рѣшительно заявляетъ куплетистъ Р. Мечъ и печатаетъ это магическое слово курсивомъ. Никто, какъ монополія, не обуздываетъ непомерной жадности содержателей ресторановъ и гостинницъ. Имъ грозитъ даже полное уничтоженіе.

Трактирщиковъ въ архивъ
Кто спрячетъ?.. *Монополія*!

Передавать содержаніе очерковъ, драматическихъ сценъ и разказовъ, посвященныхъ въ «Пѣсняхъ монополіи», совершенно не стоитъ: до того они глуны и безнадежно плоски. Стоитъ, пожалуй, отмѣтить лишь очеркъ «Новая профессія»,—конечно, не за его литературныя достоинства, а потому, что въ немъ есть указаніе на довольно своеобразное явленіе, порожденное монополіей: это—новая профессія «стояльца». Авторъ встрѣчается со своимъ пріятелемъ-неудачникомъ, который раньше, какъ ни бился, нигдѣ не могъ пристроиться, несмотря на свое безукоризненно трезвое поведеніе. Теперь не то. «Пальто на немъ съ иголочки, бумажный воротничокъ сверкаетъ бѣлизною, лицо широко улыбается.

— Что съ вами. Ужъ не наслѣдство-ли вы получили?

— Нашелъ мѣсто!..

— Ну, радуюсь за васъ. Гдѣ же?

— По винополіи?..

— Неужели сидѣльцемъ?

— Нѣтъ, стояльцемъ!.. Вы недоумѣваете? Чего же тутъ страннаго? Сидѣлецъ сидитъ при винной лавкѣ, а стоялецъ стоитъ.

— Ничего не понимаю!

— Сейчасъ все поймете. Знаете-ли вы, что изъ казенныхъ лавокъ не отпускаютъ вина пьянымъ и дѣтямъ.

— Ну, знаю... Так неужели вы являетесь передаточной инстанціей между пьяными и винной лавкой?

— Вотъ именно!.. Пьяницы, уже налижавшіеся вдрызгъ, но все же пьющіе съ воздержаніемъ, т.-е. съ воздержаніемъ на ногахъ... Знають, гдѣ стою я, находятъ меня и за извѣстную плату посылають меня въ лавку. Я покупаю имъ вино. Миѣ отпускають, потому что я—трезвый... Ко мнѣ обращаются и дѣтишки, когда мастеравые-отцы посылають ихъ за водкой. Съ нихъ я беру подешевле. Я вамъ раньше жаловался, что никакъ не могу утилизовать свою трезвость... Ну, вотъ и утилизовалъ... Я, такъ сказать, торгую своей трезвостью... Да-съ, батенька мой, монополія—великая вещь. Она—поддержка трезвости. Это я на себѣ испыталъ. Теперь я вотъ и процвѣтаю. Думаю еще што-поръ купить... Да, ужъ видно кому что дано! Вонъ кабацкіе «человѣки» плачутся, что имъ больше жить нечѣмъ—кабаки закрыли... Да попробовали бы они, какъ я сдѣлалъ! Нѣтъ, не хватаетъ инициативы!.. Вотъ и дождутся, что бельгійская акціонерная компанія «трезвыхъ стояльцевъ» появится.

Такова «новая профессія», создавшаяся на почвѣ казенной монополіи.

За мѣсяць. Едва ли не самымъ крупнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ русской общественной жизни отъ прошлаго года, надо признать широкое территориальное распространеніе дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ.

Положеніе это составляетъ часть Высочайше утвержденного 14 августа 1881 г. Положенія комитета министровъ «о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». (Прилож. I къ ст. 1, примѣч. 2-е Уст. о предупр. и пресѣч. преступл., Св. зак., т. XIV, изд. 1890 г.). Согласно этому положенію, усиленная охрана можетъ быть введена, «когда общественное спокойствіе въ какой либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, или подготовленіемъ таковыхъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ» (ст. 6-я, п. 1).

До прошлаго 1901 г. Положеніе объ усиленной охранѣ дѣйствовало въ семи губерніяхъ: Петербургской, Московской, Харьковской, Екатеринославской, Киевской, Подольской и Волынской, въ градоначальствахъ: петербургскомъ, одесскомъ и николаевскомъ, въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ кронштадтскому военному губернатору, въ городахъ Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Нахичевани, въ селѣ Касперовкѣ и Таганрогскомъ округѣ области Войска Донскаго, въ посадахъ Богоявленскѣ, Калиновкѣ и мѣстечкѣ Варваровкѣ Херсонской губерніи. Высочайше утвержденнымъ 29-го іюня прошлаго года, постановленіемъ комитета министровъ срокъ дѣйствія введеннаго въ названныхъ мѣстностяхъ Положенія объ усиленной охранѣ продолженъ съ 4-го сентября 1901 г. еще на одинъ годъ и кромя того на тотъ же срокъ объявленъ въ Положеніи объ усиленной охранѣ города Тифлисъ и Баку съ его уѣздомъ, Покровский и Шуйскій уѣзды съ городомъ Иваново-Вознесенскомъ Владимірской губерніи, городъ Елисаветградъ, посадъ Воскресенскъ и мѣстечко Кривой

Рогъ Херсонской губерніи. Наконецъ, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ 1 декабря прошлаго года дѣйствіе Положенія объ усиленной охранѣ распространено на слѣдующія новыя мѣстности: города Ригу, Юрьевъ, Минскъ, Могилевъ, Гомель, Двинскъ, Витебскъ, Бѣлостокъ, Нижній-Новгородъ, Казань, Томскъ, Ярославль, Саратовъ, Полтаву, Самару, Кишиневъ и на Виленскую губернію.

Въ виду такого распространенія дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ, считаемъ полезнымъ напомнить читателямъ сущность этого закона.

Право первоначальнаго объявленія какой-либо мѣстности въ положеніи усиленной охраны принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, а въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ генераль-губернаторамъ, и симъ послѣднимъ, съ утвержденія министра (ст. 7-я). При объявленіи положенія усиленной охраны министръ немедленно доноситъ правительствующему сенату для распубликованія и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ о принятой мѣрѣ и о поводахъ къ ней на Высочайшее благоусмотрѣніе черезъ комитетъ министровъ (ст. 8-я). Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ Положеніи усиленной охраны, права и обязанности по охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности возлагаются на генераль-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подвѣдомственныхъ, — на губернаторовъ и градоначальниковъ (ст. 14-я). Упомянутымъ лицамъ предоставляется: 1) издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности, какъ, напр., относительно обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, относительно способовъ сего наблюденія, порядка опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ будутъ возложены владѣльцами упомянутыя обязанности, и т. п. и 2) устанавливать за нарушеніе таковыхъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 руб. (ст. 15-я). Тѣ же лица могутъ: разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ изданныхъ ими обязательныхъ постановленій; воспрещать всякія народныя, и общественныя и даже частныя собранія; дѣлать распоряженія о закрытіи всякихъ вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній какъ срочно, такъ и на все время объявленнаго Положенія усиленной охраны, и воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ Положеніи усиленной охраны (ст. 16-я). Отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда это будетъ признано необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, могутъ быть передаваемы по распоряженію генераль-губернаторовъ, а въ губерніяхъ, имъ не подвѣдомственныхъ, министра внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе военнаго суда для осужденія ихъ по законамъ военнаго времени; тѣ же лица могутъ требовать разсмотрѣнія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, и т. д. (ст. 17-я и сл.). Губернаторамъ и градоначальникамъ предоставляется требовать немедленнаго удаленія отъ должностей служащихъ не по выбору въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, которые будутъ признаны неблагонадежными (ст.

20-я). Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется дѣлать распоряженіе: 1) о предварительномъ задержаніи, не долѣе однако двухъ недѣль, всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, и 2) о производствѣ во всякое время обысковъ во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. п. и о наложеніи ареста, впредь до распоряженія подлежащаго начальства, на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица. О всякомъ заарестованіи и освобожденіи отъ онаго чины полиціи и жандармскаго корпуса составляютъ немедленно надлежащее постановленіе, копію съ котораго сообщаютъ лицу прокурорскаго надзора, безотлагательно донося о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику, по письменному предложенію которыхъ срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца со дня задержанія (ст. 21-я и прим.). По истеченіи года со времени введенія Положенія усиленной охраны о продолженіи сихъ мѣръ, буде въ томъ окажется надобность, министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ (ст. 12-я), совершенное же прекращеніе исключительнаго положенія въ данной мѣстности влечетъ за собою немедленное возстановленіе полной силы дѣйствующихъ въ обыкновенное время законовъ и отміну всѣхъ временныхъ постановленій, принятыхъ въ виду сего Положенія (ст. 13-я).

Какъ примѣръ практическаго примѣненія правилъ объ усиленной охранѣ, отміну опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ въ «Вѣдомостяхъ Петербургск. Градоначальства» извлеченіе изъ обязательныхъ постановленій, изданныхъ петербургскимъ градоначальникомъ на основаніи ст. 16-й Полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и спокойствія и инструкции для дежурныхъ дворниковъ. «Дежурные дворники не могутъ выставлять къ воротамъ ни табуретовъ, ни скамеекъ; они должны наблюдать за тѣмъ, чтобы ворота въ ночное время съ 11 часовъ были заперты; обязаны слѣдить, чтобы не было наклеено никакихъ объявленій, афишъ и вообще ничего безъ представленія надлежащаго на то разрѣшенія, а въ ночное время и вовсе не должны разрѣшать подобную расклейку; они обязаны наблюдать, чтобы не было подбрасываемо какихъ-либо предметовъ, задерживать и представлять въ полицію лицъ, замѣченныхъ въ совершеніи указанныхъ поступковъ или заподозрѣнныхъ въ намѣреніи совершить таковыя; должны бдительно оберегать дома отъ пожаровъ, слѣдить за всѣми лицами, входящими и выходящими, и въ случаѣ появленія незнакомыхъ лицъ освѣдомляться, куда и зачѣмъ они идутъ, и сообщать полиціи о тѣхъ, которые возбуждаютъ подозрѣнія; наблюдать, чтобы въ домахъ не было сборищъ подозрительныхъ людей и о всѣхъ таковыхъ сборищахъ немедленно предупреждать полицію; дежурные дворники обязаны оказывать законное содѣйствіе всѣмъ частнымъ лицамъ, обращающимся къ нимъ за помощью, и должны безпрекословно исполнять всѣ требованія полиціи».

— Настоячиво осуществляемое въ Пруссіи онѣмечиваніе польскаго населенія не одинъ разъ вызывало вспышки, которыя отражались затѣмъ во всѣхъ

польскихъ земляхъ. Недавно на этой почвѣ въ Познани имѣлъ мѣсто новый инцидентъ, который вызвалъ цѣлый рядъ польскихъ манифестацій какъ въ самой Пруссіи, такъ и въ Австріи, давъ отголосокъ и въ центрѣ русской Польши, въ Варшавѣ. Въ краткихъ словахъ сущность событія, вызвавшего новую вспышку національнаго негодованія противъ шмйцевъ, заключается въ слѣдующемъ. Однимъ изъ средствъ, употребляемыхъ въ Пруссіи для отмеченія польскаго населенія, является обязательное преподаваніе въ школахъ на вѣмецкомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, не исключая и закона Божія. Случилось, что въ городкѣ Врешинѣ польскія дѣти стали отказываться отвѣчать на урокахъ закона Божія иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Маленькіе демонстранты подвергнуты были школьнымъ начальствомъ тѣлесному наказанію, что вызвало въ родителяхъ учащихся страшное раздраженіе, выразившееся въ формѣ рѣзкой манифестаціи. Въ результатѣ—судъ, которымъ нѣсколько отцовъ и матерей приговорено къ тяжелому тюремному заключенію.

Теперь въ «Правительств. Вѣстникѣ» мы читаемъ такое сообщеніе: «21-го ноября въ Варшавѣ, въ 12 час. дня, на Іерусалимской аллеѣ, наполненной гуляющими, появились небольшія группы, отъ 6-ти до 10-ти человекъ молодыхъ людей, преимущественно учащейся молодежи, шедшихъ изъ Новаго Свѣта по направленію къ Маршальской улицѣ. Противъ дома, занимаемаго германскимъ генеральнымъ консульствомъ, группы эти весьма быстро соединились и образовали толпу отъ 60-ти до 80-ти человекъ, изъ среды которой полетѣли камни, палки и другіе предметы въ окна нижняго этажа дома, гдѣ помѣщалась канцеларія консульства, а также въ два верхнихъ окна квартиры консула. Одновременно съ этимъ висѣвшій на стѣнѣ дома консульскій щитъ и вывѣска съ гербомъ были сорваны, изломаны въ куски и брошены на середину улицы. Все описанное буйство, сопровождавшееся криками и свистомъ, продолжалось весьма короткое время, а принятыми безотлагательно мѣрами порядокъ былъ восстановленъ и часть демонстрантовъ арестована. По распоряженію генералъ-губернатора, къ виновнымъ въ числѣ 21-го человека примѣнено обязательное постановленіе варшавскаго генералъ-губернатора отъ 12-го января 1901 года относительно воспрещенія сходокъ и собраній народа на улицахъ, площадяхъ и общественныхъ мѣстахъ для совѣщанія и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, причемъ подвергнуты наказанію арестомъ на сроки отъ 2-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ: 9 студентовъ варшавскаго университета, 3 студента политехническаго института, 4 воспитанника частныхъ учебныхъ заведеній и 5 лицъ разнаго званія. Въ день демонстраціи генералъ губернаторъ выразилъ пріѣхавшему къ нему германскому консулу сожалѣніе о случившемся и на другой день сдѣлалъ консулу официальный визитъ. 27-го ноября на помѣщеніи германскаго консульства восстановлена вывѣска съ германскимъ гербомъ».

Н. И. Наумовъ (некрологъ). 9-го декабря въ Томскѣ скончался пользовавшійся въ свое время большой популярностью беллетристъ-народникъ Николай Ивановичъ Наумовъ.

Николай Ивановичъ родился 16-го мая 1838 г. въ Tobольскѣ, въ семьѣ мѣстнаго губернскаго чиновника. Рано оставшись сиротой послѣ смерти матери, онъ провелъ одинокое дѣтство, безъ ласки и безъ присмотра. Отданный въ Томскую гимназію, онъ долженъ былъ вскорѣ же оставить ее вслѣдствіе разстройства дѣла отца и поступить въ военную службу юнкеромъ. Въ 1860 году онъ попалъ въ полосу новыхъ вѣяній, охватившихъ тогда русское общество, бросилъ военную службу и, кое-какъ добравшись до Петербурга, поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, готовясь въ то же время къ сдачѣ гимназическаго экзамена. Но это не удалось ему: въ 1861 г. онъ былъ арестованъ за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ, и этимъ закончились его ученическіе годы. Затѣмъ Н. И. служилъ въ военномъ министерствѣ, комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Сибири и, наконецъ, завѣдующимъ поземельною частью и устройствомъ крестьянъ по министерству Императорскаго Двора. Таковы вѣдшіе этапы его исполненной лишений жизни, которую онъ закончилъ въ тяжелой нуждѣ, разбитый параличемъ.

На литературное поприще Н. И. выступилъ въ 1858 г. рассказомъ изъ солдатской жизни, къ изображенію которой онъ не разъ возвращался и впоследствии. Литературную извѣстность онъ приобрѣлъ значительно позже, въ 70-ые годы, когда цѣлый рядъ его рассказовъ изъ народной жизни сталъ появляться въ лучшихъ журналахъ того времени: въ «Отеч. Запискахъ», въ «Дѣлѣ» и др. Знакомый непосредственно съ народнымъ бытомъ, Наумовъ явился бытоописателемъ преимущественно сибирскаго крестьянства, которое онъ идеализировалъ, не жалѣя красокъ и противопоставляя ему враговъ народа—иродовъ, которые, въ свою очередь, подъ перомъ Наумова представляются олицетвореніемъ всякаго грѣха и порока. Несмотря на тенденціозность, часто усиленно подчеркиваемую, многія произведенія Наумова тѣмъ не менѣе представляютъ и сейчасъ крупную литературную цѣнность, обнаруживая тонкую наблюдательность автора и богатое знаніе народной жизни.

Изъ отдѣльныхъ изданій рассказовъ Н. И. Наумова отмѣтимъ: «Сила солону ломить» (Спб. 1874 г.), «Въ тихомъ омутѣ» (1881 г.), «Въ забытомъ краю» (1882 г.), «Паутина» (1888 г.) и др. *).

Общество вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы.

Среди массы разнообразныхъ обществъ въ Петербургѣ существуетъ, между прочимъ, одно общество, о которомъ мало кто знаетъ, не знаютъ даже тѣ, кому ближе всѣхъ было бы знать. Въ печати о немъ почти не упоминалось, а если и упоминалось, то въ такомъ видѣ, что объ этомъ можно только пожалѣть. Къ этому, впрочемъ, намъ придется еще вернуться. Мы говоримъ объ обществѣ вспоможенія окончившимъ высшіе женскіе курсы, основанномъ въ 1893 году.

*) По поводу выхода полнаго собранія сочиненій Наумова, см. «Критическія Замѣтки», 1897 г., февр.

Цѣль этого общества чисто товарищеская, поэтому оно не имѣетъ въ сущности особыхъ правъ на постороннее вниманіе. Средства его складываются почти исключительно изъ членскихъ взносовъ и отчасти изъ доходовъ съ организуемыхъ имъ лекцій. Въ другимъ источникамъ доходовъ, которыми обыкновенно пополняютъ свои кассы разныя благотворительныя общества, оно до сихъ поръ еще не прибѣгало: оно не устраивало ни вечеровъ, ни концертовъ, ни спектаклей и т. п., предпочитая существовать собственными силами и помощью лицъ, такъ или иначе ближе съ нимъ связанныхъ.

Бъ сожалѣнію, этихъ источниковъ дохода часто оказывается недостаточно. Далеко не всѣ окончивающія высшіе женскіе курсы—его естественные члены—вступаютъ въ него, и средства его болѣе чѣмъ ограничены. Общее число окончившихъ высшіе женскіе курсы составляетъ въ настоящее время 1.867 чел., число же членовъ общества равняется всего 418, т.-е. членами общества состоитъ около 22% изъ числа всѣхъ окончившихъ. Естественно, что при такомъ небольшомъ количествѣ членовъ средства общества должны быть ограничены, тѣмъ болѣе, что, повторяемъ, членскіе взносы составляютъ основную статью его дохода. Если мы заглянемъ въ его отчетъ хотя бы за предыдущій 1900 г., то увидимъ, что весь приходъ за этотъ годъ равняется 2.657 р. 60 к. Изъ этой суммы, 1.148 р. дали членскіе взносы, 572 р. 15 к. сборъ съ лекцій, остальная сумма распреѣлилась между болѣе мелкими статьями дохода. Съ 1895 года общая сумма капиталовъ общества возросла почти вдвое: на второй годъ своего существованія оно имѣло 3.391 р. 81 к., теперь—6.056 р. 14 к., но ежегодный приходъ его попрежнему невеликъ и почти весь идетъ на пособія нуждающимся членамъ. Такъ изъ 1.859 р., составившихъ въ 1900 г. весь расходъ общества, 1.602 р. пошло на выдачу пособій.

А между тѣмъ, потребности, которымъ оно должно удовлетворять, все растутъ. Число окончивающихъ курсы увеличивается, увеличиваются, конечно, и случаи, когда имъ необходима товарищеская помощь. Надо сказать, что окончивающія высшіе женскіе курсы въ отношеніи обезпеченія находятся до нѣкоторой степени въ исключительномъ положеніи. Курсы не даютъ имъ пока никакихъ официальныхъ правъ. Ни на какія казенныя мѣста, дающія все же нѣкоторую увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, онѣ не имѣютъ преимущественныхъ шансовъ, сравнительно рѣдко онѣ и получаютъ ихъ. Громадному большинству изъ нихъ приходится существовать разными случайными заработками, переводами, частными уроками, въ лучшемъ случаѣ уроками въ частныхъ гимназіяхъ. Всѣ эти заработки, довольно непрочные и въ настоящемъ, въ будущемъ не даютъ никакого обезпеченія. Проработавъ тяжелымъ трудомъ всю жизнь, въ случаѣ болѣзни или подъ старость онѣ оказываются абсолютно безъ всякихъ средствъ къ существованію, ни пенсій, ни временныхъ пособій имъ ждать неоткуда. Единственная корпорація, съ которою онѣ связаны и которая можетъ и должна оказывать имъ помощь, это—общество ихъ сотоварищей по университетскимъ годамъ. И до сихъ поръ это общество имѣло возможность никому не отказывать ни въ случаяхъ временныхъ затрудненій, ни въ случаяхъ полной невозможности работать. Не надо забывать, что высшіе женскіе курсы,

извѣстные сперва подъ именемъ Бестужевскихъ курсовъ, существуютъ еще съ 1878 г., такъ что, въ силу естественнаго хода вещей, они дали уже не мало инвалидовъ труда, которые имѣютъ и настоящую нужду, и неостерегаемое право на поддержку своихъ бывшихъ товарищей. На помощь такимъ уже неспособнымъ къ труду товарищамъ общество тратитъ большую часть своихъ небольшихъ средствъ. Бываютъ, однако, случаи, гдѣ его помощь, если не болѣе нужна, то, во всякомъ случаѣ, болѣе продуктивна. Это тѣ случаи, когда оно можетъ протянуть руку человѣку, только временно находящемуся въ затрудненіи, который можетъ снова стать на ноги, или даже человѣку, добивающемуся встать въ болѣе прочное положеніе, получить какое-нибудь специальное образованіе и т. п. Пока у общества была малѣйшая возможность, оно старалось не дѣлать выбора и оказывать помощь вездѣ, гдѣ она нужна. Но въ настоящее время, когда потребность въ помощи все увеличивается, а средства общества лишь слабо возрастаютъ, оно бываетъ иногда поставлено въ необходимость выбирать и отказывать тамъ, гдѣ бы ему больше всего хотѣлось помочь, чтобы не дать погибнуть тѣмъ изъ своихъ товарищей, которымъ безъ его помощи пришлось бы въ самомъ букввальномъ смыслѣ слова голодать. Мы не говоримъ уже о томъ, что, вслѣдствіе своихъ скудныхъ средствъ, оно лишено возможности предпринять что-нибудь болѣе, прочное и дѣйствительное, чѣмъ оказаніе денежной помощи—устройство общежитія для своихъ нуждающихся членовъ, организація на болѣе широкихъ началахъ существующаго при немъ Бюро для присканіи занятій и т. п. Для своей правильной постановки это бюро требуетъ во что бы то ни стало нѣкоторыхъ затратъ, а между тѣмъ, общество не рѣшается ассигновать ему ихъ, боясь урѣзывать свой и безъ того не крупный фондъ для выдачи пособій. Такое бюро, какъ само собою понятно, не менѣе необходимо, чѣмъ выдача пособій. Во многихъ случаяхъ оно можетъ замѣнить въ болѣе дѣйствительной и болѣе пріятной для обѣихъ сторонъ формѣ денежную помощь.

Грустно видѣть, что такое общество, хотя и не крупное по своимъ задачамъ, но совершенно необходимое для района своихъ дѣйствій, не можетъ изъ-за недостатка средствъ ни развить нѣсколько шире свою дѣятельность, ни даже встать на совершенно прочную почву.

Впрочемъ, относительно необходимости подобнаго общества товарищеской взаимопомощи могутъ, повидимому, существовать разныя мнѣнія. Года два тому назадъ г-жа Безобразова, напримѣръ, заявляла въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что она не можетъ понять смысла существованія общества взаимопомощи окончившимъ высшіе женскіе курсы. Для чего же и учиться,—таковъ былъ смыслъ ея разсужденій,—если, въ концѣ концовъ, приходится обращаться за помощью. Окончившія высшіе женскіе курсы должны умѣть сами зарабатывать себѣ существованіе, а не надѣяться на благотворительность. Не говоря уже о томъ, что въ упомянутомъ обществѣ дѣло идетъ не о благотвореніи, а о взаимопомощи, на что своевременно справедливо указывала въ своемъ возраженіи г-жа Балобанова и о чемъ никакъ нельзя забывать,—мы не можемъ не отмѣтить, что подобныя разсужденія напоминаютъ намъ нѣсколько разглагольствованія нашей ретроградной прессы по поводу помощи нуждающемуся населенію. «Мужикъ долженъ

самъ работать,—заявляютъ обыкновенно эти поборники труда,—помощь только развращаетъ его, отучая отъ производительной работы». Можно подумать, что помощь эта течетъ въ такомъ изобиліи, что отъ нея дѣваться некуда, и что обращаться за ней удивительно какъ легко и пріятно. Разсуждать подобнымъ образомъ можетъ, конечно, только человекъ, никогда не работавшій и никогда не нуждавшійся. Всякій же, кто испыталъ и то, и другое, знаетъ, что просить помощи не только благотворительной, но даже и товарищеской, бываетъ далеко не легко, и знаетъ въ то же время, что никакое образованіе не можетъ предохранить человека отъ болѣзней и старости, когда ему больше всего необходима чьянибудь поддержка. Если волею судьбы у него нѣтъ близкихъ, могущихъ помочь ему, и если ни за какую «выслугу лѣтъ» ему не предстоитъ подъ старость никакой пенсіи, отъ кого же ему ожидать помощи, какъ не отъ своихъ товарищей?

Нельзя не пожелать поэтому, чтобы скромное общество вспоможенія окончившимъ высшія женскіе курсы вышло изъ своего затруднительнаго положенія и получило возможность не только продолжать, но и расширять свою дѣятельность.

Т. Богдановичъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

У казаковъ. Вл. Г. Короленко продолжаетъ свои интересные очерки («Русское Богатство», ноябрь), вилетая, какъ и раньше, въ путевыя впечатлѣнія, широкую характеристику уральскаго казацкаго края. Набросавъ въ предыдущей части картину внѣшняго строя казацкой жизни, на этотъ разъ г. Короленко приступаетъ къ изображенію внутренняго содержанія этой жизни и вводитъ читателя въ своеобразный міръ духовныхъ, главнымъ образомъ религіозныхъ, интересовъ казачества. Какъ извѣстно, Уралъ тяготеетъ къ старообрядчеству, и въ немъ гнѣдаются всевозможные раскольничьи толки, особенно многочисленной является характерная группа *никудышниковъ*, людей прямолинейныхъ, не мирящихся ни съ какими компромиссами и потому не ходящихъ *никуда*, гдѣ молитвы совершаютъ австрійскіе ли, единовѣрческіе или бѣглые священники. Несмотря на непримиримую вражду и распри, всѣ толки въ сущности стоятъ на одной общей всѣмъ основѣ—на признаніи непреложной формулы, которая обнимаетъ собою извѣстный рядъ догматовъ и обрядовъ, и внѣ которой нѣтъ спасенія. Въ то время, какъ нѣкоторые старообрядческіе толки всѣми правдами и неправдами установили у себя священство, *никудышники* отрицаютъ святость всѣхъ церквей и только тоскуютъ и мечтаютъ о благодати. На этой почвѣ возникла странная, суевѣрная фантазія, дающая тѣмъ не менѣе удовлетвореніе душамъ, алчущимъ и жаждущимъ благодати,—фантазія о томъ, что далеко за морями есть блаженное царство, въ которомъ процвѣтаетъ истинная, нетронутая вѣра, соединенная съ истиннымъ благочестіемъ; среди другихъ церквей, тамъ есть болѣе 40 русскихъ церквей. Страна эта называется Камбайскимъ царствомъ или Бѣловодіей. Проникнуть въ нее очень трудно, однако, смѣлые

люди—все-таки проникали и составили нѣсколько описаній. Изъ этихъ описаній или «маршрутовъ» особеннымъ распространеніемъ пользовался на Уралѣ маршрутъ инока Марка, яко-бы ходившаго въ Бѣловодію въ XVIII в. Маршрутъ этотъ ходилъ по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ и разжигалъ въ уральцахъ желаніе проникнуть въ эту чудную страну. Въ 60-хъ годахъ однимъ казакомъ Шапошниковымъ была ассигнована значительная сумма денегъ на путешествіе и отправлены были три казака. Но проѣхавъ черезъ Малую Азію и добравшись до Остъ-Индіи, экспедиція эта не доѣхала до таинственной Бѣловодіи и вернулась ни съ чѣмъ назадъ. Черезъ нѣсколько времени по Уралу разнесся слухъ, что въ Пермской губерніи появился архіепископъ Аркадій, посвященный въ Бѣловодію. Многіе раскольники приняли Аркадія съ умиленіемъ и вѣрою; казаки же послали депутата испытать его, и въ результатѣ допроса депутатъ получилъ убѣжденіе, что Аркадій—самозванецъ. Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Уралѣ Аркадій пользовался довѣріемъ и даже поставилъ двухъ поповъ и архимандрита. Наряду съ этимъ шли дальнѣйшія разоблаченія обмановъ Аркадія. Тѣмъ не менѣе этотъ дискредитированный архіерей оживилъ вновь интересъ къ загадочной Бѣловодіи, и казаки рѣшили послать новую депутацію въ Камбайское царство. Съ этой цѣлью были избраны три казака, на путевые расходы имъ было собрано 2.600 рублей, и 30-го мая 1898 года они сѣли на пароходъ, отплывавшій изъ Одессы въ Константинополь. Г. Короленко удалось познакомиться съ однимъ изъ этихъ путешественниковъ—Хохловымъ и получить отъ него рукописное описаніе этого удивительнаго путешествія. Г. Короленко и знакомитъ читателей съ выдержками изъ этого любопытнаго документа. Прибывъ въ Константинополь, казаки были больше всего заняты тѣмъ, чтобы выяснитъ нѣкоторые сомнительные пункты относительно епископа Амвросія. Извѣстно, что босносераевскій митрополитъ Амвросій былъ въ 40-хъ годахъ, по какимъ-то политическимъ причинамъ, отозванъ изъ своей епархіи (безъ лишенія сана) и проживалъ въ Константинополѣ. Старообрядцы воспользовались свободнымъ епископомъ, вступили съ нимъ въ переговоры,—и въ результатѣ Амвросій сталъ главою старообрядческой бѣлокриницкой іерархіи. Казаковъ особенно интересовалъ вопросъ, былъ ли Амвросій подъ запрещеніемъ, когда жилъ въ Константинополѣ безъ мѣста,—и они обратились къ патриарху съ бумагой, въ которой просили его разрѣшить ихъ недоумѣнія относительно Амвросія изложивши ихъ въ шести вопросахъ: само собою разумѣется, что отвѣта казаки, не дождались. При посѣщеніи одной церкви, казаки заинтересовались преданіемъ о томъ, какъ въ этомъ мѣстѣ при завоеваніи Константинополя турками «обжаренныя рыбы соскочили со сковороды въ воду». Въ этой церкви есть бассейнъ, къ которому подошли казаки. «Я наклонился,—записываетъ Хохловъ,—и сталъ смотрѣть въ родникъ.—Увидалъ одну рыбу, величиной вершка 3—4». Тѣ ли это самыя рыбки—онъ сказать не беретъ. О тѣхъ передаютъ, «что одна сторона у нихъ бѣлая, а другая ожаренная, темнокрасная». Въ Іерусалимѣ путники «съ безотчетнымъ благоговѣніемъ осматривали всѣ дѣйствительныя и мнимыя достопримѣчательности и святыни, не подозрѣвая, какая сѣтъ лжи и обмана раскинута, теперь надъ Святой Землей. Они видѣли, между прочимъ,

«подлинный домъ» милосердаго самарянина и «ту самую смоковницу», на которой сидѣлъ Закхей (по счастливой случайности смоковница эта украшаетъ садъ современной гостинницы). Не видали только жены Лотовой, которой «въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она окаменѣла: «Ее уже давно увезли англичане». Въ Суэзскомъ каналѣ вниманіе казаковъ было занято совершенно особеннымъ обстоятельствомъ. Едва-ли кто-нибудь изъ пассажировъ (французскаго) корабля, освѣщеннаго электричествомъ и далеко впереди себя кидавшаго снопы электрическаго свѣта, думалъ въ эти минуты о томъ, что вѣкогда въ этихъ мѣстахъ «Моисей-Боговидецъ перешелъ яко по суху съ израильскимъ народомъ». Думали объ этомъ одни наши путники. Имъ говорили раньше: «когда поѣдете Краснымъ моремъ, увидите фараоновъ. Вылазятъ изъ моря и кричатъ людямъ: «Скоро ли будетъ свѣту преставленіе?» Но они пробѣжали Черное море изъ края въ край и нигдѣ водяныхъ фараоновъ не видѣли... Въ морѣ всплывали косяками лишь «адельфины, бѣжавшіе по обѣимъ сторонамъ за пароходомъ»... Можно подумать, что эти выдержки извлечены изъ какого-нибудь стариннаго «Хожденія по святымъ мѣстамъ». Дѣйствительно странное зрѣлище производили эти раскольники-начетчики, плывшіе на иностранномъ пароходѣ, не зная языка, въ поискахъ таинственной Бѣловодіи, «съ географическими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ «маршрутовъ» мненческаго вноа Марка и загадочнаго архіепископа Аркадія, съ взглядами Четій-Миней и цвѣтниковъ, съ мирозерпаніемъ, допускающимъ существованіе живыхъ ожаренныхъ рыбъ, путешествій въ адъ и появленія фараоновъ... съ чувствами, напоминающими если не Одиссея, то во всякомъ случаѣ людей XV и XVI столѣтія...» Слѣдуя смутнымъ указаніямъ Аркадія, путники пріѣхали въ г. Коломбо на Цейлонѣ. Тамъ въ русскомъ консульствѣ они очень удивили всѣхъ своими разспросами о православномъ русскомъ царствѣ, съ церквами, патриархомъ и епископами. Получивъ разочаровывающій отвѣтъ, они, тѣмъ не менѣе, рѣшили продолжать поиски. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе они съ грустью замѣчали, что указанія Аркадія и «маршрутовъ» не сходятся съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе достаточно было малѣйшаго признака святыхъ мѣстъ, чтобы захечь въ путникахъ вновь и надежду, и вѣру. Такъ, поднимаясь къ городу Сайгону, здѣсь у самаго входа въ «Камбайское царство», они услышали церковный звонъ, пришли въ радостное волненіе и заставили везти себя въ направленіи звона: оказалось, что звонъ исходилъ отъ французской церкви, освѣщенной четырехконечнымъ латинскимъ крестомъ»... «Въ дальнѣйшемъ пути одинъ еще разъ улыбнулась нашимъ искателямъ надежда. По выходѣ изъ Гонг-Конга, они замѣтили, что цвѣтъ воды измѣнился: въ моряхъ вода синяя, но прозрачная. Тутъ же кругомъ на далекое разстояніе ихъ окружали бѣлыя, непрозрачныя волны. «Не эта ли самая мѣстность называется Бѣловодіей?—говорили казаки между собою. Такъ какъ вода здѣсь отъ прочихъ водъ совсѣмъ отличная?» И они опять принялись разспрашивать о древне-православныхъ народахъ и русскихъ церквахъ. Но отвѣтъ былъ все тотъ же. А вода бѣламъ оттого, что сюда докатываетъ свои мутныя волны «великая рѣка Кянга». Путники посѣтили еще Китай и Японію, но надежда найти Бѣловодію у нихъ давно

уже исчезла. «Положа руку на сердце,—заключаетъ авторъ,—каждый искренній человѣкъ признаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ искренней вѣрой, только покрытой слоемъ невѣжества... И нужны тутъ не враждебныя обличенія и преслѣдованія, а широкое просвѣщеніе и, главное, терпимость... Слушая, а впоследствии и читая рассказы Г. Т. Хохлова, я не могъ отдѣлаться отъ назойливаго вопроса: почему эти искатели съ такимъ довѣріемъ и благодарностью относились къ словамъ партикулярныхъ русскихъ людей»—на сторонѣ. «И тотъ же Хохловъ, мужественный землепроходецъ, не боящійся даже близкой гибели въ морской пучинѣ,—съ такой подозрительной осторожностью и робостью подходилъ у себя дома къ человѣку, желавшему съ нимъ побесѣдовать хотя бы даже о вѣрѣ» (какъ это случилось съ самимъ г. Короленко)? Вступивъ въ предѣлы отечества, казаки «постепенно изъ смѣлыхъ искателей сказочнаго царства превращались въ обыкновенныхъ русскихъ людей «нижняго чина», со всеми невыгодами своего непривилегированнаго положенія. Вскорѣ авторъ встрѣтился съ двумя казаками, участниками другой экспедиціи—къ Бѣловодскому архіепископу Аркадію въ гор. Оханскъ, гдѣ онъ проживаетъ послѣ многихъ «судимостей», среди самой бѣдственной обстановки, безъ средствъ и безъ паствы. Казаки обратились къ нему за доказательствами подлинности его священнаго сана,—онъ отослалъ ихъ въ пермскій окружный судъ, гдѣ хранилась отобранная у него грамота. Они побывали въ Перми, въ Москвѣ и у сестры «епископа», разыскали подлинную грамоту «на сирійскомъ азыкѣ», которую кто-то снялъ имъ на кальку, и отправились въ Петербургъ, въ поискахъ ученыхъ людей, которые могли бы разъяснить недоумѣнія и перевести сирійскую грамоту. Здѣсь ихъ направили къ специалисту академику С. Θ. Ольденбургъ, который рассмотрѣлъ ихъ матеріалы и указалъ на несообразности въ географическихъ терминахъ бѣловодскихъ сказаній, затѣмъ разобравъ копію грамоты, онъ нашелъ, что это собраніе индусскихъ и арабскихъ начертаній, поставленныхъ рядомъ безъ всякаго смысла. Рассказывая объ интересующихъ казаковъ восточныхъ царствахъ, С. Θ. Ольденбургъ показалъ имъ, между прочимъ, статуетку Майтреи, подаренную государю императору въ Японію. Вначалѣ этотъ буддійскій святой, повидимому, не обратилъ на себя особеннаго вниманія депутатовъ. Но впоследствии онъ все чаще сталъ возникать въ ихъ памяти.

— Видите,—говорили автору эти депутаты,—въ одной рукѣ держитъ вродѣ кугланчика (сосудъ), а другая изображаетъ какъ двуперстное сложеніе. И потомъ—для чего японцы поднесли ее православному царю?

Когда депутаты рассказали объ этомъ своимъ единовѣрцамъ, старики стали упрекать ихъ, что они не собрали точныхъ свѣдѣній о мѣстопребываніи этого Майтреи и о народахъ, имѣющихъ такое перстосложеніе въ японскомъ царствѣ. Воспользовавшись знакомствомъ съ г. Короленко, депутаты просили его добыть эти свѣдѣнія отъ С. Θ. Ольденбурга.

— Въ случаѣ чего... можно бы туда отправить людей,—говорили они.

Къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности пересказать всѣхъ интересныхъ свѣдѣній и характерныхъ эпизодовъ, которыми полны очерки г. Короленко.

Воспоминанія Д. Ахшарумова. Въ «Вѣстникѣ Европы» (декабрь) напечатано окончаніе «Записокъ» петрашевца Ахшарумова. Какъ мы уже замѣтили раньше,—благодаря импульсивной натурѣ автора, благодаря глубокому и искреннему чувству, которымъ проникнуто его описаніе тюремной жизни, читатель живо входитъ въ то состояніе душевнаго смятенія, въ которомъ томится заключенный, и съ неостывающимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми перипетіями его внутреннихъ волненій.

«Во время пребыванія моего въ этомъ же помѣщеніи (въ одномъ изъ рavelиновъ Петропавловской крѣпости),—продолжаетъ свой рассказъ авторъ,—случилось одно происшествіе, сохранившееся у меня въ памяти. Присутствія сосѣдей моихъ, заключенныхъ, я не замѣчалъ вовсе, ни голоса, ни шаговъ по комнатамъ не слышно было, но вдругъ въ одинъ день, утромъ, я услышалъ страшный, пронзительный крикъ во все горло. Такой раздражающій вопль могъ быть только отъ ужаснаго тѣлеснаго страданія или же отъ жестокой душевной боли,—это былъ крикъ отчаянія или крикъ галлюцинирующаго что-либо ужасное сумасшедшаго. Впродолженіе четверти часа или болѣе кричалъ мой сосѣд слѣва изо всѣхъ силъ... Пронзительный крикъ этотъ, возобновлявшійся съ перерывами нѣсколькихъ секундъ, и теперь, при воспоминаніи объ этомъ, звучитъ въ моихъ ушахъ!.. Вскорѣ услышалъ я хожденіе въ корридорѣ, суматоху, отворились двери этой кельи, и тамъ разговоры, плачь, какая-то возня... и затѣмъ все затихло. Я бросился къ форту съ величайшимъ любопытствомъ узрѣть этого страдальца, взятаго на руки служителями и вынесеннаго изъ его одиночнаго заключенія. И я увидѣлъ молодого человѣка небольшого роста, въ арестантскомъ халатѣ, съ длинными волосами, ведомаго подъ руки двумя служителями, при офицерѣ. Мгновенно увидѣлъ я его лицо; оно было маленькое, худое, блѣдное, съ выраженіемъ, казалось мнѣ, страшнаго утомленія... По плечамъ висѣли въ беспорядкѣ длинные волосы, и ноги его переступали медленно». Это былъ, по всей вѣроятности, Катеневъ, который былъ привлеченъ также по дѣлу Петрашевскаго и «по случаю упомѣшательства не могъ быть судомъ спрошенъ»; власти постановили, впрочемъ, «чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія». Съ наступленіемъ холодовъ, въ сентябрѣ (1849 г.), Ахшарумовъ былъ переведенъ въ другое помѣщеніе; это была просторная и свѣтлая, съ двумя окнами, комната, изъ оконъ открывался видъ на соборную площадь (передъ Петропавловскимъ соборомъ). «Въ этомъ просторномъ жилищѣ я былъ болѣе подвиженъ... я часто бѣгалъ, прыгая до усталости, скакалъ черезъ табуретку... То бѣгалъ я, то стоялъ у фортки, то, двигаясь медленно, говорилъ я громко, никѣмъ неслышимый, самъ съ собою, и такъ доживалъ до вечера... Вечера проводилъ я въ чтеніи книгъ, съ моимъ карандашомъ въ рукахъ (это былъ гвоздь, который авторъ отвертѣлъ отъ кровати и бережно хранилъ)». «Но для чего эти труды, для чего эта польза,—говорилъ я самъ себѣ,—человѣку, которому нѣтъ выхода никуда... Смертная казнь казалась мнѣ, утомленному, замученному тюремной жизнью, уже не столь ужасною, но я страшно боялся быть вновь присужденнымъ къ одиночному заключенію. Ссылка куда-либо въ каторгу была единственнымъ

желаннымъ мною исходомъ изъ этой нависшей надъ головою моею со всѣхъ сторонъ неизбѣжной грозы. Думая обо всемъ этомъ, я страдалъ и мучился жестоко и всею душою моею желалъ быть сосланнымъ въ каторгу. «Въ Сибирь, на каторгу!—говорилъ я.—Одно спасенье для меня, одна отрада! Когда-бъ скорѣй она пришла!» Все остальное казалось мнѣ ужаснымъ. По временамъ, думая такимъ образомъ, впадалъ я въ глубокое отчаяніе и, упавъ на колѣна, восклицалъ: «Господи, вразуми меня!» Потомъ, опустившись на полъ, съ закинутой назадъ головою, хохоталъ неудержнымъ истерическимъ смѣхомъ и затѣмъ зѣвалъ до изнеможенія».

Однимъ изъ развлеченій заключеннаго было — стоять на окнѣ у форты и всматриваться въ прохожихъ, стараясь между ними увидать кого-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ. Однажды наблюдая такимъ образомъ прохожихъ, онъ замѣтилъ въ углубленіи соборной стѣны двухъ дамъ, боторья, скрываясь отъ постороннихъ взоровъ, смотрѣли на окна казематовъ и дѣлали руками какіе-то знаки. Вскорѣ одна изъ нихъ отдѣлилась и прошла мимо камеры Ахшарумова, пристально вглядываясь въ его окно. «Варенька!—воскликнулъ я довольно громко, оживленный неожиданнымъ явленіемъ. — Это вы!..» Она смотрѣла на меня со взоромъ участія и удивленія и, покачавъ головою, въ знакъ предупрежденія быть осторожнымъ, исчезла...» Это была невѣста одного изъ товарищей Ахшарумова по заключенію. На слѣдующій день въ тотъ же часъ она опять прошла мимо оконъ крѣпости. Эти мимолетныя свиданія приводятъ въ большое возбужденіе Ахшарумова, и онъ дѣлаетъ попытку передать ей письмо: вырвавъ заглавный листъ одной изъ книгъ онъ нацарапалъ гвоздемъ письмо, свернулъ его въ маленькій пакетикъ и перевязалъ пучкомъ своихъ волосъ; затѣмъ помощью разныхъ знаковъ передалъ Варенькѣ, чтобы она подошла къ его окну въ сумерки. Все удалось какъ нельзя лучше: письмо было выброшено изъ форточки и подобрано Варенькой. Однако, сторожа замѣтили, что она что-то подняла, и послѣ ея ухода подошли къ окну съ фонаремъ и долго обшаривали сомнительное мѣсто. Это навело автора на тревожныя опасенія, не попало ли письмо въ руки тюремнаго начальства. Стояло запахъ въ душу подозрѣнію, какъ на готовой нервной почвѣ немедленно стала работать фантазія—то автору представлялись всевозможныя грозныя послѣдствія его рискованнаго поступка; то ему чудилось письмо его въ комзахъ снѣга, разметанныхъ по сторонамъ дороги. Нужно было, чтобы въ это самое время напряженнаго ожиданія возмездія, въ камеру къ Ахшарумову вошелъ командантъ съ двумя офицерами. «Ну что? здоровы?» спросилъ онъ оцѣнившаго отъ близкой расправы узника; затѣмъ освѣдомился, передали ли ему корзину съ фруктами отъ родныхъ. Это наростаніе страха, поработившаго все существо заключеннаго и создававшего грозныя признаки изъ ничего,—очень ярко изображено Ахшарумовымъ. «Декабрь (послѣдній мѣсяцъ заключенія) былъ совершенно безцвѣтенъ и не былъ прерываемъ никакимъ освѣжающимъ впечатлѣніемъ... Я пропадалъ съ тоски и терялъ, казалось мнѣ, мои послѣднія жизненныя силы. И теперь, когда я вспоминаю это ужасное мое положеніе, и теперь кажется мнѣ, что безъ тяжкаго поврежденія или увѣчья на всю жизнь

въ моемъ мозговомъ органѣ я не могъ бы долѣе выносить одиночнаго заключенія. Томленіе, упадокъ духа были чрезвычайныя; занятіе не развлекало меня. Я не могъ оживлять себя ничѣмъ, пересталъ говорить самъ съ собою, какъ-то машинально двигался по комнатамъ или лежалъ на кровати въ совершенной апатіи».

22-го декабря съ утра въ крѣпости поднялось какое-то движеніе, слышались разговоры, торопливые шаги служителей, видны были озабоченныя лица начальства. Черезъ нѣсколько времени показались кареты, одна за другой — дѣлѣй длинный рядъ; вслѣдъ за ними выступали эскадроны жандармовъ. Скоро въ камеру къ Ахшарумову вошелъ офицеръ со служителемъ, принесшимъ платье и теплые толстые чулки. Когда Ахшарумовъ одѣлся, его вывели изъ камеры и усадили въ карету; рядомъ сѣлъ солдатъ. «Мы двинулись, колеса заскрипѣли, катясь по глубокому, морозомъ стянутому снѣгу... На улицѣ шли прохожіе и, увидѣвъ нашъ странный поѣздъ, окруженный со всѣхъ сторонъ жандармами съ саблями наголо, останавливались... Ѣзда эта продолжалась минутъ тридцать... насъ привезли на Семеновскую площадь; она была покрыта свѣже выпавшимъ снѣгомъ и окружена войсками, стоявшими въ каре; на валу, вдали, стояли толпы народа и смотрѣли на насъ... Я подвинулся впередъ, и вмѣстѣ со мною солдатъ, сидѣвшій со мною въ каретѣ. При этомъ я увидѣлъ, что мы стоимъ въ глубокомъ снѣгу, и почувствовалъ, что мнѣ холодно. Мы были взяты 22-го апрѣля въ весеннихъ платьяхъ и такъ въ нихъ и вывезены 22-го декабря на площадь. Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ, налѣво отъ себя, среди площади, воздвигнутую постройку-подмостки квадратной формы, величинаю въ нѣсколько сажени, со входною лѣстницею, и все обтануто было чернымъ трауромъ; это — эшафотъ. Тутъ же замѣтилъ я группу товарищей, столпившихся вмѣстѣ, протягивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ другъ друга послѣ злополучной разлуки. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною пережвоню; тамъ стояли Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе, — лица ихъ были худыя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ — обросшія бородой и волосами... Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкой командой генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ:

«— Становите ихъ!—закричалъ онъ.

«Тогда явился какой-то чиновникъ со спискомъ въ рукѣ и, читая, сталъ вызывать насъ каждого по фамилію; всѣхъ было насъ двадцать три человѣка. Послѣ того явился передъ нами священникъ и, ставъ впереди насъ, сказалъ:

«— Сегодня вы услышите справедливое рѣшеніе вашего дѣла,—послѣдуйте за мною!

«Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ вдоль рядовъ сеткнутыхъ въ каре... Вскорѣ вниманіе наше обращено было на сѣрые столбы, врытые съ одной стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, очень много». Когда осужденные вошли на эшафотъ, ихъ разставили въ два ряда, и чиновникъ въ мундирѣ, подходя по очереди къ каждому, читалъ изложеніе его вины. Въ обвиненію Ахшарумова главнымъ пунктомъ выставлялись его слова, произнесенныя на обѣдѣ въ память Фурье «о разрушеніи столицъ и городовъ».

По окончаніи чтенія былъ объявленъ приговоръ въ слѣдующихъ словахъ: «Полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни разстрѣліаніемъ, и 19-го сего декабря Государь Императоръ собственноручно написалъ: «Быть по сему!» «Мы всѣ стояли пораженные; чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны, и солдаты, стоявшіе сзади, одѣли насъ въ предсмертное одѣяніе». Вслѣдъ затѣмъ вошелъ на эшафотъ священникъ съ крестомъ и евангеліемъ и увѣщевалъ покаяться передъ смертью; на его призывъ къ исповѣди отозвался одинъ Тимковскій, всѣ остальные только приложились къ кресту. Когда священникъ ушелъ, «сейчасъ же вошли нѣсколько человекъ солдатъ и, подойдя къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелю, взяли ихъ и свели съ эшафота; они повели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать, каждого къ отдельному столбу веревками. Разговоръ при этомъ не было слышно, осужденные не оказывали ни какого сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ поясомъ завязали веревки. Потомъ слышно было приказаніе: «Колпаки надвинуть на глаза!» послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда, и всѣдъ затѣмъ группа солдатъ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбеля.

«Моментъ этотъ былъ поистинѣ ужасенъ! Видѣть приготовленія къ казни, видѣть уже наставленные въ упоръ на нихъ ружейные стволы и ожидать выстрѣла—было ужасно: сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты...» Вдругъ послышался барабанный бой, прицѣленные ружья были моментально подняты къверху, подѣхалъ чиновникъ съ бумагой, въ которой отмѣнялась смертная казнь и назначались другія наказанія. Привязанныхъ къ столбамъ отвязали, со всѣхъ сняли саваны, и палачи, одѣтые въ цвѣтные кафтаны, совершили обрядъ преломленія шпагъ надъ головами тѣхъ которые были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. Петрашевскаго, приговореннаго къ вѣчной каторгѣ, тутъ же на эшафотѣ заковали въ кандалы и прямо съ площади отправили въ Сибирь, остальныхъ вернули на время въ крѣпость и обѣщали разрѣшить свиданіе съ родными передъ отправленіемъ въ мѣста ссылки.

Новыя теченія въ современной литературѣ. Подъ этимъ заманчивымъ аглавіемъ напечатана въ «Русской Мысли» (ноябрь) статья г. Скабичевскаго. Характеристикѣ новыхъ вѣяній, однако, авторъ отводитъ очень немного мѣста, посвящая свою статью, главнымъ образомъ, общей схемѣ послѣдовательно сдѣлавшихъ другъ друга литературныхъ направленій въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ.

Въ исторіи каждой литературной школы, по мнѣнію г. Скабичевскаго неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе. Обыкновенно новое литературное направленіе завоевываетъ себѣ положеніе путемъ борьбы со старымъ, оно возникаетъ, какъ реакція стѣснительнымъ омертвѣвшимъ правиламъ прежней литературной школы и провозглашаетъ прежде всего эмансипацію искусства отъ всѣхъ старыхъ путей и цѣпей, выставляя на своемъ знамени «свободу творчества». Но, конечно, свобода творчества должна пониматься условно: это есть свобода лишь отъ стѣсненій, наложенныхъ прежней литературной теоріей. Въ

свою очередь новая школа тоже создает свой кодекс правилъ и пріемовъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ становится нетерпимѣе, ограничивая и связывая всякое свободное дарованіе; параллельно съ этимъ литературныя правила въ рукахъ мелкихъ представителей направленія все болѣе грубѣютъ, опоняются и, въ концѣ концовъ, вырождаются въ безжизненную литературную манеру. Очевидно, наступаетъ время, когда чувствуется потребность въ новомъ, освѣжающемъ теченіи, въ замѣнѣ истрепанныхъ, обветшалыхъ формъ — другими, возникаетъ новая школа и повторяетъ весь путь предыдущей. Такъ, ложный классицизмъ съ его чуждой современной жизни эстетической теоріей, съ прославленіемъ лишь геройскихъ доблестей и воспѣваніемъ только королей и принцевъ, лежалъ тяжкимъ гнетомъ на художественномъ творчествѣ. Освободительную роль, во имя приближенія къ дѣйствительной жизни, взяли на себя двѣ литературныя школы — сентиментализмъ и романтизмъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что при насильственномъ стѣсненіи и подавленіи естественныхъ потребностей и стремленій, освобожденіе часто является стихійнымъ и необузданнымъ движеніемъ въ противоположную сторону; при увлеченіи борьбой подвергается гоненію въ старомъ направленіи многое такое, что можно считать или безразличнымъ, или даже положительнымъ. Такъ, въ противоположность строгой дисциплинѣ творчества, установленной ложно-классической теоріей, романтизмъ провозгласилъ полную анархію его, свободу отъ всѣхъ предписаній; въ результатѣ появились безформенныя произведенія, которыя нельзя было подвести ни подъ какой родъ и видъ поэзіи. Въмѣсто риторической декламации, служившей для выраженія чувствъ въ ложно-классической трагедіи, — сентиментализмъ наводнилъ литературу слезами и чувствительностью. Далѣе, въ противобѣсъ классической древности, выставлены были средніе вѣка, народная поэзія и рыцарство; но наряду съ этимъ проникли въ литературу и темныя стороны средне-вѣковья — мистицизмъ, аскетизмъ и страсть къ чудесному. Само собой разумѣется, что всѣ эти черты дѣлали искусство натянутымъ, фальшивымъ, и, значить, школы эти заключали въ себѣ элементъ вырожденія и смерти. Опозиционнымъ направленіемъ, укрѣпившимся на развалинахъ романтизма, былъ натурализмъ. Эта школа дала много великихъ именъ и безсмертныхъ произведеній, но, тѣмъ не менѣе, и она не избѣгла своихъ увлеченій и односторонностей, стѣсняющихъ творчество и угрожающихъ ей смертью.

Нельзя сказать, чтобы характеристика этихъ «увлеченій и односторонностей» отличалась ясностью и правильностью въ этой вообще неясной статьѣ г. Скабичевскаго. Эстетическая доктрина натурализма, по утверженію г. Скабичевскаго, въ своихъ взглядахъ на пріемы и цѣли искусства слишкомъ близко подошла къ наукѣ. Художественное творчество изучаетъ человѣческую жизнь, восходя отъ частнаго къ общему, поэтому предметомъ литературнаго изображенія должно быть только общее, ординарное, типичное, — все частное, случайное, индивидуальное, по мнѣнію г. Скабичевскаго, отмѣчается натурализмомъ, какъ нехарактерное. Устремляя поэтическое творчество на путь широкихъ обобщеній, натуралистическая школа въ то же время занимается описаніемъ мельчайшихъ подробностей обстановки. Далѣе, такъ какъ цѣли искусства и науки тождественны, и беллетристъ, подобно анатому, изслѣ-

луеть внутреннія пружины челоѣческой жизни, то поэтому творчество должно быть строго объективно, художникъ является холоднымъ и безпристрастнымъ протоколистомъ. Такъ, мало-по-малу живое направленіе, по мнѣнію г. Скабичевского, окостенѣло въ неподвижныхъ формальныхъ правилахъ и гнетомъ узкаго деспотизма тяготеетъ надъ творчествомъ.

Далѣе авторъ указываетъ на появленіе реакціи противъ натурализма и на цѣлый рядъ новыхъ ростковъ, которые расшатываютъ господствующую школу и предвѣщаютъ зарожденіе новаго литературнаго направленія. Что же въ натурализмѣ особенно вызываетъ неудовлетворенность? «Повидимому, — говоритъ г. Скабичевскій, — самой публикѣ успѣла пріѣсться протокольная сухость натуралистической прозы и она съ жадностью набрасывается на изображенія всего поэтическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ экстраординарнаго, лишь бы только изображенія эти были въ мѣру художественны и не впадали въ уродство тѣхъ преувеличеній, какими грѣшатъ декаденты». Во имя всего своеобразнаго, рѣдкаго, индивидуальнаго, что не поддается учету съ точки зрѣнія натуралистической теоріи, и поднялась оппозиція господствующей школѣ. Одними изъ первыхъ протестантовъ противъ натурализма были декаденты; но такъ какъ ихъ теорія состоитъ изъ однихъ отрицательныхъ положеній и не даетъ ничего положительнаго, то, конечно, они бессильны стать на мѣсто натурализма. Здоровое зерно новаго теченія у насъ заключается въ дѣятельности молодыхъ беллетристовъ — Гаршина, Надсона, Короленко, Чехова и Горькаго. Такимъ образомъ, эти писатели наравнѣ съ декадентами стоятъ въ рядахъ оппозиціи натурализма и готовятъ его гибель. «Первое, что поражаетъ въ произведеніяхъ Гаршина, — это полное отсутствіе бытовой детальности... Главное вниманіе всюду обращено у него на психологію героевъ, на ихъ внутренній міръ, въ особенности на тѣ гамлетовскія рефлексіи, которыми преисполнены наиболѣе симпатичные изъ нихъ». Сюжеты его произведеній поражаютъ эксцентрическою трагичностью; наконецъ, есть у него вещи, которыя всецѣло принадлежатъ къ символистической поэзіи. Надсона, какъ и Гаршина, можно назвать поэтомъ настроеній. Лучшія изъ произведеній Короленко («Сонъ Макара», «Въ дурномъ обществѣ», «Лѣсъ шумитъ», «Слѣпой музыкантъ») очаровываютъ поэтическою экстраординарностью своихъ образовъ, далекою отъ всего обыденнаго и повседнежнаго. Чеховъ отступаетъ отъ кодекса натурализма крайнею конкретностью изображенія. Онъ воспроизводитъ не какія-нибудь обобщенія, а поразившіе его факты. У Горькаго мы встрѣчаемъ еще болѣе рѣзкія отступленія отъ теоріи натурализма. Онъ представляетъ изъ себя явленіе совершенно своеобразное, имѣющее очень мало точекъ соприкосновенія съ привычными намъ литературными традиціями. «Что такое представляетъ собою это новое, — заканчиваетъ критикъ, — мы не въ состояніи еще отвѣтить категорически, такъ какъ оно не успѣло еще ни опредѣлиться, ни получить своей клички. Мы можемъ лишь формулировать его отрицательно: это не будетъ ни натурализмъ, ни декадентство. А что оно стучится въ наши двери, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія».

За границей.

Присужденіе премій Нобеля. Въ Христіаніи, 10-го декабря н. ст., состоялось выдающееся торжество—раздача премій; учрежденных покойнымъ изобрѣтателемъ динамита Нобелемъ. Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, Альфредъ Нобель оставилъ послѣ себя состояніе въ 55 милліоновъ и завѣщалъ выдавать ежегодно изъ процентовъ этой суммы пять премій. Первая, согласно завѣщанію Нобеля, должна быть выдана тому, кто сдѣлалъ важнѣйшія открытія въ области физическихъ наукъ, вторая—за такія же открытія или изслѣдованія въ области химіи, третья—за открытіе въ области медицины или физиологии, четвертая премія должна быть передана въ область литературы и присуждена тому, чьи произведенія лучше всего отвѣчаютъ духу идеализма, пятая относится уже къ области политики и должна была достаться тому, кто больше всего потрудился въ пользу укрѣпленія идеи братства народовъ и всеобщаго мира, уменьшенія вооруженій и сокращенія войска. Всѣ преміи, по волѣ завѣщателя, должны носить международный характеръ и никакія соображенія относительно національности не должны при этомъ приниматься въ расчетъ. Несмотря однако, на свое желаніе придать своимъ преміямъ такой международный характеръ, Нобель нѣсколько отступилъ отъ своего принципа, присвоивъ право представленія кандидатовъ лишь тремъ академіямъ наукъ, шведской, французской и испанской (самъ никто не имѣетъ права предлагать себя), назначеніе же премій предоставляется: шведской академіи наукъ (премія по физикѣ и физиологін) и литературную премію должна назначать опять-таки шведская академія наукъ, что касается преміи мира, то для присужденія ея должно быть назначено жюри изъ пяти членовъ, избранныхъ норвежскими старшинами (парламентомъ).

Первое присужденіе премій, которое должно было состояться въ этомъ году, въ декабрѣ, естественно возбуждало много толковъ въ европейской печати. Строились всевозможныя догадки и предположенія, но имена кандидатовъ никому не были извѣстны, такъ какъ на этотъ счетъ сохранялась самая безусловная тайна. Наконецъ, прекратилось напряженное ожиданіе и имена пяти счастливицевъ были объявлены. Это были: Анри Дюнанъ, Берингъ, Рентгенъ, Вантгоффъ и Сюлли Прюдомъ, но премія мира, которая присуждена Дюнану, будетъ раздѣлена между нимъ и Фредерикомъ Пасси, организаторомъ конгрессовъ мира и неутомимымъ проповѣдникомъ идеи всеобщаго разоруженія и мира.

Выдача премій происходила въ торжественномъ засѣданіи въ залѣ музыкальной академіи, въ Стокгольмѣ, роскошно декорированномъ по этому случаю. Рентгенъ, Вантгоффъ и Берингъ сидѣли въ первомъ ряду, Сюлли Прюдомъ не могъ прѣхать по случаю болѣзни; Анри Дюнанъ также не былъ; но выдача премій мира должна будетъ происходить потомъ въ Христіаніи. Имена Рентгена, Беринга, изобрѣтателя антидифтеритной сыворотки, и Вантгоффа, прозваннаго голландскимъ Бертело за свои замѣчательныя изслѣдованія въ области химіи, творца «стереохиміи» и «химіи пространствъ», достаточно

извѣстны въ наукѣ и повтому выборъ этихъ кандидатовъ вызвалъ единодушное одобреніе во всей иностранной печати. Относительно Анри Дюнана и Фредерика Пасси также не было сдѣлано никакихъ возраженій; дѣятельность ихъ достаточно хорошо извѣстна, особенно Анри Дюнана, творца женеvской конвенціи. Но присужденіе литературной преміи Сюлли Прюдому вызвало недоумѣніе въ общевропейской печати. Тонкая и изящная поэзія Сюлли Прюдома, проникнутая идеализмомъ (наиболѣе отвѣчающимъ духу завѣщателя, по мнѣнію жюри, присудившаго премію), все таки слишкомъ мало извѣстна большой публикѣ, и слава Сюлли Придома никогда почти не переходила за предѣлы его отечества. Поэтому-то въ нѣмецкой печати по преимуществу высказывается мнѣніе, что премію слѣдовало присудить человѣку, болѣе извѣстному, такому, который имѣлъ вліяніе своими произведеніями на современное направленіе мысли, и содѣйствовалъ поднятію уровня общественной нравственности. Почти всѣ называютъ Льва Толстого и выражаютъ удивленіе по поводу того, что не онъ оказался избранныкомъ. Сорокъ два шведскихъ писателя, художника и критика, въ числѣ которыхъ находятся Августъ Стриндбергъ, Эгленъ Кей, Андерсъ Цорнъ, Густавъ Гейерстамъ и др., напечатали по этому случаю въ шведскихъ газетахъ адресъ, обращенный къ великому писателю русской земли и выражающій протестъ противъ рѣшенія жюри шведской академіи наукъ.

Присужденіе нобелевскихъ премій снова напомнило міру объ Анри Дюнанѣ, который совершенно сошелъ со сцены, послѣ того какъ совершилъ свое великое дѣло. Въ теченіе многихъ лѣтъ объ немъ ровно ничего не было слышно и лишь совершенно случайно, года четыре тому назадъ сдѣлалось извѣстно, что онъ боленъ и находится въ богадѣльнѣ на Боденскомъ озерѣ, гдѣ онъ живетъ уже болѣе 20 лѣтъ, въ большой бѣдности. Конечно, тотчасъ же какъ только это сдѣлалось извѣстно, міру стало стыдно своей неблагодарности. Объ Анри Дюнанѣ стали говорить и писать и напомнили его имя новому поколѣнію, познакомили его съ великою гуманитарною дѣятельностью. Нашлись разумѣется, и неизвѣстные благодѣтели, пожелавшіе окружить старика заботами и попеченіями. Но долгіе годы полнаго забвенія и одиночества наложили свою печать на бѣднаго больного, котораго теперь называютъ «благодѣтелемъ челоvчества». Онъ отказался покинуть убѣжище, гдѣ ему данъ былъ приютъ въ худшіе дни его жизни и остался тамъ, гдѣ жилъ раньше. Проживъ такъ долго въ одиноствѣ, онъ отвыкъ отъ людей и теперь, когда имя его, благодаря назначенію премій, снова прогремѣло по всему міру и къ нему со всѣхъ сторонъ нагрянули посѣтители, онъ не захотѣлъ никого видѣть. Кромѣ сидѣлки, которая приноситъ ему обѣдъ и приводитъ въ порядокъ его убогую комнатку, онъ никого не допускаетъ къ себѣ. Однако, сдѣлавшись до такой степени нелюдимымъ, старикъ Дюнанъ поддерживаетъ все-таки сношенія съ остальнымъ міромъ посредствомъ писемъ, которыя онъ получаетъ со всѣхъ концовъ міра и на которыя онъ отвѣчаетъ.

По буквѣ завѣщанія Нобеля, каждый, получившій премію, долженъ въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня присужденія преміи пріѣхать въ Христианію или Стокгольмъ и тамъ прочесть публичную лекцію о томъ, за что

онъ получилъ премію. Какъ выполнить это условіе, Дюнанъ, которому прежде всего состояніе его здоровье не позволяетъ пустаться въ путь — это вопросъ, который занимаетъ теперь европейскую печать и нѣкоторыя, изъ нѣмецкихъ газетъ даже высказываютъ опасеніе, что это можетъ служить препятствіемъ къ выдачѣ ему преміи и она будетъ передана другому.

Общественные вопросы въ Германіи. Пока въ германскомъ рейхстагѣ происходили ожееточенныя словесныя битвы по поводу новаго тарифнаго закона и повышенія пошлинъ на хлѣбъ, названнаго нѣкоторыми газетами «хлѣбнымъ ростовщичествомъ», новый пикантный эпизодъ отвлекъ на время вниманіе германскаго общества отъ этого жгучаго хлѣбнаго вопроса. Этотъ эпизодъ — споръ изъ-за двухъ буквъ, «К» или «С», который былъ рѣшенъ по обыкновенію «безапелляціонно» императоромъ Вильгельмомъ.

Кельнскій бургомистръ давно уже былъ озабоченъ ореографіей названія города, который считается «перломъ рѣки Рейна». Надо ли писать Кельнъ черезъ «К» или черезъ «С»? Въ Германіи пишутъ различно: «Cöln» и «Köln», но бургомистръ находилъ въ этомъ разнообразіи ореографіи большія неудобства и поэтому муниципалитетъ рѣшилъ положить конецъ такому беспорядку въ правописаніи и официально признать букву «К», какъ наиболѣе соответствующую духу языка и исторіи. Но даже такое рѣшеніе требуетъ высшей санкціи. Резолюція муниципалитета прошла всѣ слѣдующія инстанціи и, наконецъ, дошла до министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ послѣдній нисколько не удивился, что даже въ такихъ пустякахъ требуется государственная санкція. Это въ традиціяхъ Германіи, и не только Вильгельмъ II, но даже Бисмаркъ интересовался вопросами ореографіи и занимался искорененіемъ французскихъ словъ изъ нѣмецкаго языка. Благодаря вмѣшательству основателя германской имперіи, нѣмецкій языкъ до сихъ поръ еще не избавился отъ готическаго шрифта, несмотря на всѣ попытки огромной массы нѣмецкихъ писателей, читателей и каллиграфщиковъ.

Такие прецеденты не могли не превратить вопросы правописанія въ Германіи въ государственные вопросы. Такой характеръ имѣлъ и вопросъ о буквѣ «К» или «С». Министръ внутреннихъ дѣлъ торжественно утвердилъ рѣшеніе кельнскаго муниципальнаго совѣта, и буква «К» получила право гражданства. Базалось, бургомистръ почтеннаго рейнскаго города могъ успокоиться, и никому въ голову не приходило, что радость преждевременна. Для окончательнаго утвержденія буквы «К» нужна была еще подпись императора, но никто не сомнѣвался, что онъ также утвердитъ постановленіе кельнскаго муниципальнаго совѣта.

Однако, вышло: «l'homme propose et le roi dispose». Императоръ Вильгельмъ категорически объявилъ, вопреки желаніямъ всѣхъ, что кельнъ должно писать черезъ букву «С» — «Cöln», и отнынѣ во всѣхъ официальныхъ документахъ пріобрѣтаетъ права гражданства ненавистная кельнскому муниципалитету буква «С». Изъ газетной полимики, которую вызвалъ этотъ алфавитный споръ, можно видѣть, какое значеніе было придано этому ничтожному вопросу. Кельн-

скій муниципалитетъ не захотѣлъ уступать и апеллировалъ противъ рѣшенія императора Вильгельма въ высшій административный трибуналъ, требуя отміны постановленія относительно буквы «С» и представляя въ подкрѣпленіе своихъ требованій докладъ ученыхъ профессоровъ Франке изъ Бонна и Гавсена изъ Кельна. Въ этомъ докладѣ ученые философы выставили научныя основанія въ пользу буквы «К» и доказывали, что употребленіе «С» вызвано орографическимъ невѣжествомъ. Кромѣ того, муниципальный совѣтъ настаивалъ на своемъ правѣ называть городъ такъ, какъ онъ это находитъ нужнымъ, ибо онъ является ховяиномъ города. Но высшій административный судъ не уважилъ этихъ доводовъ и не принялъ ихъ во вниманіе. Онъ отклонилъ жалобу кельнскаго муниципалитета, объявивъ, что перемены въ названіяхъ городовъ должны быть предоставлены императору. Споръ перешелъ теперь на страницы газетъ, полемика продолжается, но, во всякомъ случаѣ, германское общество еще разъ убѣдилось, что императоръ Вильгельмъ желаетъ примѣнить свое знаменитое изреченіе *regis voluntas surgeta lex* къ самымъ минимальнымъ фактамъ и явленіямъ германской общественной жизни.

Другой вопросъ, который порядочно-таки взволновалъ общественное мнѣніе Германіи, касается учрежденія католической катедры исторіи въ Страсбургскомъ университетѣ и назначенія на нее, противъ желанія факультета, Мартина Шпана, католика, сына вождя центра и вице-президента рейхстага. Имя этого молодого человѣка (ему 26 лѣтъ), доселѣ мало извѣстнаго, сразу прогремѣло въ печати. Общество заговорило и заволновалось. Шпанъ былъ назначенъ во время вакацій и отсутствія декана и профессоровъ. Послѣдніе были крайне озадачены, когда кураторъ Гаммъ сообщилъ имъ о состоявшемся назначеніи. Такое вмѣшательство въ дѣла университета вызвало рѣзкій отпоръ со стороны факультета, настаивавшаго на своемъ исконномъ правѣ и отвергавшаго конфессіональную точку зрѣнія. Факультетъ обратился къ общественному мнѣнію со своимъ энергичнымъ протестомъ противъ раздачи катедръ въ качествѣ политическихъ подарковъ. Въ этомъ протестѣ заявлялось, что философскій факультетъ Эльзасскаго университета до сихъ поръ никогда не справлялся о вѣроисповѣданіи лицъ, призываемыхъ на катедру, причемъ перечислялись имена ученыхъ, занимавшихъ катедры въ этомъ университетѣ и принадлежавшихъ къ самымъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Несмотря однако на такой протестъ факультета, была опубликована телеграмма Вильгельма, выражающаго свое удовольствіе по поводу назначенія Мартина Шпана. Однако она подлила масла въ огонь. Университетскій міръ зашевелился и Несторъ академикомъ, самъ великій Моммзенъ, слава и гордость Германіи, возсталъ противъ такого посягательства на свободу научной работы и прерогативы факультетовъ. Онъ намечталъ воззваніе, въ которомъ доказывалъ, что спеціальное упоминаніе о вѣроисповѣданіи профессора, назначаемаго на катедру, уничтожаетъ его независимость и является тяжелымъ ударомъ, наносимымъ принципу свободнаго изслѣдованія, который составляетъ основу университетской жизни. «Религія, воспрещающая своимъ послѣдователямъ слушать профессоровъ, принадлежащихъ къ другой вѣрѣ, сама сознается въ своемъ безсиліи!»

восклицалъ Моммзентъ, и его энергичное воззваніе вызвало сильнѣйшее волненіе въ германскихъ академическихъ кружкахъ. Профессора, ученые со всѣхъ концовъ Германіи спѣшили, путемъ открытыхъ писемъ и заявленій, печатающихся въ газетахъ, выразить Моммзену сочувствіе и присоединиться къ его взглядамъ. Лишь очень немногіе высказывали противоположное мнѣніе.

Къ числу этихъ послѣднихъ, между прочимъ, принадлежитъ профессоръ Гершлингъ изъ Мюнхенскаго университета. Споръ, вспыхнувшій изъ-за Шпана, обнаружилъ однако, что многіе германскіе университеты не свободны отъ конфессиональныхъ предубѣжденій и что въ статутахъ нѣкоторыхъ университетовъ даже предусмотрено, что такая-то кафедра должна быть занята католикомъ или протестантомъ (Боннъ, Галле, Мюнхенъ, Кёнигсбергъ и др.). Полемика, вызванная этими неожиданными разоблаченіями, разрослась и вглубь и въ ширь и, вѣроятно, поведетъ къ пересмотру уставовъ нѣкоторыхъ университетовъ.

Но всего курьезнѣе, что назначеніе Шпана, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на ультрамонтанскаго ставленника, вызвало горячій протестъ съ совершенно неожиданной стороны, со стороны Рима. Оказалось, что Шпанъ успѣлъ раньше провиниться противъ католической церкви своею книгой «Johann Kochläus», которая возбудила негодованіе ультрамонтановъ, и своею дружбой съ эксъ-іезуитомъ графомъ Гёнсброхъ, продолжающимъ свою борьбу съ Римомъ въ безчисленныхъ памфлетахъ и статьяхъ. Католическая печать даже объявила Шпана чуть ли не противникомъ церкви, и Шпанъ очутился въ довольно странномъ положеніи: свои отъ него отрекались, чужіе не хотѣли признавать. Многіе думали, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Но онъ не пожелалъ. Молодой двадцатилѣтній профессоръ, очевидно, не хотѣлъ уступать безъ боя и смѣло началъ чтеніе лекцій. Его вступительная лекція понравилась, и онъ возбудилъ къ себѣ интересъ. Окончательно же онъ побѣдилъ сердца своихъ слушателей на коммершъ католическаго студенческаго союза «Francia» и приобрѣлъ въ лицѣ ихъ ярыхъ сторонниковъ, благодаря чему католическая ультрамонтанская печать раздѣлилась теперь на два лагеря — одна признаетъ его, а другая, заодно съ Ватиканомъ, продолжаетъ отъ него отвертываться.

Народный домъ въ Гамбургѣ. — Странствующія библіотеки и проекты жилищъ для рабочихъ. Около полугода тому назадъ въ Гамбургѣ былъ основанъ народный домъ. Организаторы этого учрежденія встрѣтили въ самомъ началѣ массу препятствій и затрудненій всякаго рода, финансовыхъ и другихъ, съ которыми имъ приходилось бороться, но успѣхъ превзошелъ ожиданія. Они имѣли въ виду создать такое нейтральное мѣсто, гдѣ бы члены зажиточныхъ и интеллигентныхъ классовъ общества могли вступать въ непосредственныя сношенія съ рабочими и ремесленниками и взаимно научилось бы понимать другъ друга и уважать. Такимъ образомъ прежде всего надо было побѣдить то недоверіе, которое присуще человеку изъ бѣднѣйшихъ классовъ общества и заставить его чувствовать себя безъ стѣсненій въ обществѣ людей, принадлежащихъ къ совершенно иному кругу. Народный домъ представлялъ много при-

влекательныхъ сторонъ для рабочихъ классовъ и давалъ имъ возможность удовлетворить свою любознательность, такъ какъ къ услугамъ ихъ была и прекрасная бібліотека и различныя публичныя лекціи. Тѣмъ не менѣе сначала число посѣтителей было очень ограничено и лишь мало-по-малу отчужденность исчезла и, наконецъ, образовался кружокъ постоянныхъ членовъ, проводящихъ вечера въ читальнѣ народнаго дома или за шахматами, шашками и т. д., и посѣщающихъ устраиваемыя въ немъ публичныя лекціи. Особенною притягательною силой являются музыкальные вечера, которые устраиваются каждое воскресенье, послѣ обѣда. За 10 пфенинговъ слушатели могутъ наслаждаться хорошею музыкой, пѣніемъ и декламаціей и въ этихъ концертахъ никогда не бываетъ недостатка въ публикѣ; они посѣщаются не только рабочими, но и семьями мелкихъ чиновниковъ, ограниченныя средства которыхъ не позволяютъ имъ пользоваться дорогими удовольствіями.

При народномъ домѣ устроено справочное и юридическое бюро, гдѣ всѣ желающіе могутъ получить справки и совѣты. Это бюро работаетъ очень хорошо, такъ какъ среди рабочихъ очень часто возникаютъ разныя тяжбы дѣла и имъ приходится прибѣгать къ помощи адвокатовъ. Но этого мало. Устроители народнаго дома больше всего имѣли въ виду оказать помощь претымъ, неученымъ ремесленникамъ, такимъ, которыхъ въ Англіи называютъ «unskilled». Рабочая аристократія имѣетъ свои союзы, свои секретаріаты и можетъ обходиться безъ такой поддержки, но «неученый чернорабочій» часто не знаетъ даже, куда ему обратиться, чтобы написать письмо или составить бумагу. Вотъ для этихъ-то послѣднихъ народный домъ въ Гамбургѣ особенно широко раскрываетъ свои двери.

Общество для распространенія просвѣщенія въ Пруссіи постановило на своемъ послѣднемъ общемъ собраніи резолюцію объ устройствѣ странствующихъ народныхъ бібліотекъ, чтобы дать возможность самымъ маленькимъ и захолустнымъ общинамъ обновлять свой запасъ книгъ. Общество располагаетъ 30.000 томовъ новыхъ книгъ и разсылаетъ свой каталогъ общинамъ, предоставляя имъ право выбрать изъ этого каталога 50 изданій, которыя и будутъ доставлены изъ центрального склада. Обиѣнъ происходитъ постоянно, благодаря такимъ «путешествующимъ» книгамъ, литература проникаетъ даже въ самыя захолустныя мѣста.

Въ художественно-ремесленномъ музеѣ въ Дюссельдорфѣ устроена въ настоящее время выставка проектовъ жилищъ для рабочихъ. Починъ устройства этой выставки принадлежитъ рейнскому союзу, поставившему своею цѣлью улучшеніе быта рабочихъ классовъ. Къ союзу присоединились въ данномъ случаѣ не только общества, преслѣдующія одинаковыя съ нимъ цѣли, но и частныя лица и, между прочимъ, извѣстная фирма Крушна, которая участвуетъ въ назначеніи премій за лучшіе проекты. Представлено было 122 проекта, изъ которыхъ 5 удостоены были преміи, такъ какъ они наиболѣе удовлетворяли условіямъ конкурса, требующаго, чтобы представляемъ былъ не только планъ жилища, но и вся необходимая для хозяйства рабочаго домашняя обстановка, мебель, утварь и т. п. Разумѣется, конкуренты должны были имѣть въ виду

при этомъ не только потребности домашняго хозяйства рабочаго, но и возможную экономію, т.-е. совмѣстить въ своемъ проектѣ наименьшую затрату съ наибольшимъ удовлетвореніемъ нуждъ рабочаго класса.

Жилищный вопросъ вообще составляетъ теперь злобу дня въ Германіи, особенно въ большихъ городахъ и имъ занимается также недавно организованное общество социальной реформы. Въ большихъ городахъ цѣны на квартиры возрастаютъ гораздо быстрее цѣнъ на трудъ, такъ что рабочіе и даже мелкіе чиновники и люди, занимающіеся интеллигентными профессіями, совершенно не въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ въ другихъ отношеніяхъ, даже при увеличеніи заработка, и не могутъ улучшить своего быта. Многіе въ Германіи видятъ въ этомъ даже одинъ изъ источниковъ промышленнаго кризиса, такъ какъ, несмотря на увеличеніе производства, потребление остается на прежнемъ уровнѣ, вслѣдствіе того, что главные доходы рабочаго населенія къ которому, какъ мы уже сказали, примыкаютъ и люди интеллигентныхъ профессій и мелкое чиновничество, почти всѣ уходятъ на покрытие расходовъ на помѣщеніе. Разумѣется, всего больше возрастаетъ населеніе большихъ городовъ и, слѣдовательно, тамъ отсутствіе хорошихъ и дешевыхъ помѣщеній для рабочихъ ощущается всего сильнее. Однако, какъ оказывается по статистическимъ свѣдѣніямъ, многія деревни въ Германіи, въ промышленныхъ центрахъ, могутъ поспорить въ данномъ случаѣ съ городами. Шенебергъ, напримѣръ составляющій какъ бы предмѣстье Берлина, имѣетъ 62.695 жителей и Рандорфъ—съ 59.943 жителей, возведены теперь въ достоинство городовъ и поэтому первое мѣсто между деревнями принадлежатъ въ настоящее время Борбеку, въ угольномъ бассейнѣ. Въ Борбекѣ 42.217 жителей, зато Германія насчитываетъ не менѣе 13-ти городовъ, число жителей которыхъ не превышаетъ 500. Самымъ маленькимъ городкомъ считается Гауенштейнъ, въ Баденѣ, могущій похвастаться лишь всего 192 горожанами.

Первый итальянскій крестьянскій конгрессъ. Въ началѣ декабря прошлаго 1901 года состоялся въ Болоньи первый конгрессъ верхнеитальянскихъ союзовъ, такъ называемыхъ «Leghe». Такого рода «конгрессъ пролетаріевъ»—какъ его называли въ Италіи, представляетъ, несомнѣнно, знаменательное явленіе, такъ какъ никогда еще ни въ одной странѣ не бывало до сихъ поръ ничего подобнаго. Въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ, крестьяне считались до сихъ поръ самыми инертными элементами страны, неподвижными и косящими въ невѣжествѣ и туго поддающимися прогрессу. Между тѣмъ, болѣе внимательные наблюдатели могли замѣтить, что среди итальянскаго крестьянства уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ началось движеніе, результатомъ котораго явился теперешній конгрессъ. Въ сѣверной Италіи давно уже начали образовываться союзы—«Leghe», покрывшіе своею сѣтью всю страну. Въ настоящее время число этихъ союзовъ достигаетъ 800 съ 150.000 членовъ. Конгрессъ былъ организованъ именно съ цѣлью объединенія этихъ союзовъ и учрежденія одного общекрестьянскаго союза Италіи.

Заинтересованная этимъ новымъ явленіемъ итальянская печать отнеслась

въ большинствѣ случаевъ довольно сочувственно къ этому конгрессу, тѣмъ болѣе, что первый опытъ оказался вполне удачнымъ. На конгрессѣ явилось около 1.000 делегатовъ и въ томъ числѣ 100 женщинъ, что тоже составляетъ весьма знаменательный фактъ въ соціальной жизни Италіи и до сихъ поръ небывалое явленіе.

Практическіе вопросы, которые были подвергнуты обсужденію конгресса, касались разныхъ сторонъ крестьянской жизни и работы. Между прочимъ, рѣшено было устроить статистическое бюро и организовать при немъ справочный отдѣлъ, съ цѣлью урегулировать отношеніе между спросомъ и предложениемъ и болѣе успѣшно бороться съ сельскою безработицею, чѣмъ это было до сихъ поръ. Затѣмъ постановлено было требовать законнаго признанія союзовъ правительствомъ Италіи и урегулированія договоровъ съ сельскими рабочими. Очень оживленныя пренія вызвалъ вопросъ о сельскихъ третейскихъ судахъ, рѣшенный также въ положительномъ смыслѣ, и гигиеническихъ мѣропріятій въ борьбѣ съ маляріей и целлагрой. Вообще, этотъ первый крестьянскій конгрессъ въ Италіи завоевалъ себѣ симпатіи общества тѣмъ, что онъ преимущественно занимался практическими вопросами и рѣдко переступалъ рамки поставленной программы. Такое серьезное отношеніе къ дѣлу указываетъ на пробужденіе самосознанія у итальянскихъ крестьянъ, не желающихъ болѣе оставаться безсловесными илотами и овцами, которыхъ стригутъ безчисленные эксплуататоры. Крестьянскіе союзы уже доказали свою пользу и теперь развитіе ихъ пойдетъ, вѣроятно, еще быстрѣе.

Въ скандинавскихъ странахъ. Въ трехъ университетскихъ городахъ Швеціи, Лундѣ, Упсалѣ и Стокгольмѣ, также какъ и въ Германіи по поводу назначенія Шпана, былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о свободѣ науки, вызвавшій ожесточенную полемику въ печати и споры и волненія въ обществѣ. Сырьборъ загорѣлся изъ-за слѣдующаго случая: единственнымъ кандидатомъ на освободившуюся катедру національной экономіи въ Лундскомъ университетѣ явился доцентъ Кнутъ Вигелль, ученая репутация котораго была давно уже установлена. Несмотря, однако, на лучшія рекомендаціи и отзывы о его научной дѣятельности, данныя факультетомъ и академическимъ совѣтомъ, избраніе Вигелля не было утверждено проканцлеромъ университета, епископомъ Биалингомъ, на основаніи политическихъ воззрѣній кандидата.

Такое рѣшеніе вызвало цѣлую бурю въ мірѣ ученыхъ и въ академическихъ кружкахъ, не только въ Лундѣ, но и въ Упсалѣ и Стокгольмѣ, и люди разныхъ партій, какъ либералы и радикалы, такъ и консерваторы, соединились въ общемъ протестѣ. Въ Упсалѣ состоялся по этому поводу митингъ протеста академиковъ, на которомъ присутствовало 600 человекъ; въ Стокгольмѣ также. Повсюду вотированы были резолюціи, протестующія противъ такого вмѣшательства въ академическіе вопросы и посягательства на свободу науки, «которую заставляютъ служить политикѣ». Въ Упсалѣ, Лундѣ и Стокгольмѣ подавляющее большинство академиковъ высказалось, по поводу этого конкретнаго случая, въ пользу абсолютной свободы научныхъ изслѣдованій, которыя не должны быть

поставлены въ зависимость ни отъ какихъ господствующихъ взглядовъ и направленія въ политикѣ. «Научное процвѣтаніе университетовъ возможно лишь при условіи полной свободы ученыхъ, не обязанныхъ подчиняться непремѣнно извѣстнымъ «привилегированнымъ воззрѣніямъ», — говорилось въ резолюціи uppsальскаго университетскаго митинга, объединившаго ученыхъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ.

Въ печати и въ шведскомъ обществѣ въ теченіе нѣкотораго времени только и было разговоровъ, что объ этомъ спорѣ, который совпалъ съ аналогичнымъ же споромъ въ Германіи. Но въ Швеціи протестующая партія взяла верхъ, и Виккедъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ на кафедре финансовыхъ наукъ, несмотря на сопротивленіе другой стороны. Онъ получилъ множество адресовъ и поздравленій изъ разныхъ мѣстъ Швеціи и, благодаря этому инциденту, еще болѣе, нежели ученымъ трудамъ, имя его сдѣлалось извѣстно во всѣхъ закоулкахъ Швеціи.

Въ одной изъ шведскихъ газетъ описываются «юношескіе союзы», получившіе довольно большое распространеніе въ Швеціи и Норвегіи въ послѣднее время и проникшіе уже въ Данію. Союзы эти организуются среди юныхъ рабочихъ, только вступающихъ на поприще труда, и имѣютъ цѣлью создать между ними болѣе тѣсное общеніе и солидарность и выработать социальное сознаніе. Въ Швеціи и Норвегіи юношескіе союзы быстро развиваются: «центральный союзъ» въ Швеціи насчитываетъ уже 1.500 членовъ, изъ нихъ 600 находятся въ Стокгольмѣ. Союзъ этотъ имѣетъ даже свой собственный органъ, который печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ. Между прочимъ, этотъ «юношескій союзъ» ведетъ усиленную агитацію противъ милитаризма и даже съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ Норвегіи такой юношескій союзъ образовался всего годъ тому назадъ, но уже насчитываетъ болѣе 1.000 членовъ. «Центральный союзъ», резиденція котораго находится въ Христианіи, имѣетъ четыре филиальныхъ отдѣленій въ предѣльяхъ, не считая отдѣленій въ окрестныхъ городахъ и деревняхъ, но и этотъ союзъ, несмотря на свое кратковременное существованіе, издаетъ уже свой органъ, названный «20-е столѣтіе». Союзъ этотъ, главнымъ образомъ, преслѣдуетъ просвѣтительныя цѣли и стремится пробудить среди юныхъ рабочихъ интересъ къ социальнымъ вопросамъ и любознательность.

Датскія газеты очень много говорятъ о новомъ министрѣ сельскаго хозяйства Оле Гансенѣ. Этотъ министръ, членъ фолькстинга (датскаго парламента), простой крестьянинъ, хотя и получившій образованіе, продолжаетъ вести прежній, крестьянскій образъ жизни, несмотря на пережину своей судьбы. Также какъ и прежде, онъ работаетъ въ полѣ вмѣстѣ со своими рабочими и продолжаетъ жить на своей фермѣ, представляющей самый простой крестьянскій дворъ. Его помѣстье очень невелико, но содержится въ образцовомъ порядкѣ, благодаря тому, что онъ самъ за всѣмъ смотритъ и работаетъ. Его сынъ также работаетъ, какъ простой крестьянинъ въ полѣ и получаетъ за это поденную плату наравнѣ съ другими. Зимой, конечно, министръ переѣзжаетъ въ городъ и на время перестаетъ быть крестьяниномъ.

*

— Если и переменю образъ жизни, то, пожалуй, переставу понимать нужды крестьянъ, — сказалъ онъ одному журналисту, который посѣтилъ его вскорѣ послѣ его избранія на постъ министра и нашелъ его въ полѣ, въ костюмѣ простого рабочаго и съ заступомъ въ рукѣ.

Въ свѣтскомъ обществѣ датской столицы нѣсколько подсмѣиваются надъ этимъ «чужацествомъ» министра, но въ общемъ всё относится къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Современная Аркадія. Къ числу достопримѣчательностей Англій, безъ сомнѣнія, надо причислить знаменитую фабрику шоколада Кэдбюри. «Cadbury's Cocoa and Chocolate» славится во всей Англій, но еще большею извѣстностью пользуются владельцы этой фабрики, эксцентричные квакеры, которые объявили «войну войнѣ». Если будетъ введена конскрипція въ Англій, то они покинутъ ее навсегда и уже два раза главный владелецъ фабрики отказывался отъ королевскаго заказа въ 60.000 фунтовъ шоколада для южно-африканской арміи, — чтобы показать, что Кэдбюри ничего не хотятъ имѣть общаго съ войной. Они всегда вступались за всё угнетенныя народности, за армянъ и др., и безъ страха выступили теперь въ пользу буровъ, отправивъ къ нимъ миссъ Гобгоузъ и устроивъ для нея митингъ, несмотря на злостные окрики чамберленцевъ.

Но Кэдбюри увѣковѣчили свое имя еще и другимъ образомъ и благодарная Англія, особенно тѣ, кто осуждены «въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ», никогда о нихъ не позабудутъ.

Джорджъ Кэдбюри, основатель колоссальной фирмы, носящей его имя, квакеръ, имѣетъ десять человѣкъ дѣтей. Его сыновья, вмѣсто того, чтобы вести жизнь, какую ведутъ большинство дѣтей богатыхъ родителей, стали помогать отцу въ его дѣлѣ, которое дѣйствительно разрослось до чудовищныхъ размѣровъ. Фабрика Кэдбюри занимаетъ 3.000 рабочихъ рукъ. Но, несмотря на возрастающее богатство, родоначальникъ ничуть не измѣнилъ ни своихъ привычекъ, ни взглядовъ. Ежедневно утромъ, передъ открытіемъ мастерскихъ, онъ отправляется съ членами своей семьи въ большую залу фабрики, въ которой устроено 3.000 сидѣній. Всѣ рабочіе приходятъ туда же, хотя это имъ и не вѣняется въ обязанность и Кэдбюри не обращаетъ никакого вниманія на религиозныя взгляды рабочихъ, одинаково обращаясь со всеми. Но изъ уваженія къ нему всѣ отправляются въ залу и почтительно слушаютъ, какъ этотъ патриархъ, основатель фабрики, читаетъ Библию и затѣмъ молится со своимъ народомъ. Рабочій день всегда начинается такимъ образомъ.

Старикъ Кэдбюри строго придерживается того принципа, что никто не вправе заставлять другихъ работать за себя и жить въ праздности; поэтому и онъ и его сыновья постоянно находятся за работой. Единственная роскошь, которую позволяетъ себѣ Кэдбюри-отецъ — это велосипедъ, на которомъ онъ каждое воскресенье ѣздитъ въ Бирмингемъ, гдѣ онъ устроилъ школу подмастерьевъ.

Въ Англій многіе смотрятъ на Кэдбюри, какъ на большого чудака. Въ одномъ большомъ собраніи онъ доказывалъ, что всякій заводчикъ или фабри-

кантъ, эксплуатируя трудъ, т.-е. истощая силы и здоровье другихъ людей и даже сокращая ихъ существованіе ради собственной выгоды, расходуешь то, что онъ не можетъ уплатить никакими деньгами, т.-е. человѣческую жизнь. Кэдбюри объявилъ, что онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ за гибель человѣческихъ жизней и поэтому онъ принялъ мѣры, чтобы его фабрика не разстраивала здоровья рабочихъ и не огущала ихъ. Никто никогда не работалъ у него больше восьми часовъ. Онъ не допускаетъ на фабрику замужнихъ женщинъ, чтобы не отнимать ихъ отъ домашняго очага, но считаетъ, что фабрика всегда обязана обезпечить существованіе семьи своего рабочаго.

Мало-по-малу около этого квакера сгруппировался дѣльный маленькій народъ и несмотря на самое разнообразное происхожденіе, религіозные взгляды и политическое направленіе, всѣхъ этихъ рабочихъ объединяетъ одно общее чувство довѣрія и уваженія къ своему патрону и полное равенство всѣхъ.

Однажды Кэдбюри собралъ всѣхъ своихъ сыновей и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь:

«Вы знаете, дѣти мои, что мы старались быть справедливыми къ «братьямъ», которые работаютъ съ нами. Мы пробовали примѣнить къ лучшему систему современной промышленности, которая присуждаетъ ихъ, потому что они бѣдны, продавать намъ свой трудъ, т.-е. свою жизнь. Эта система уже сто лѣтъ тому наздъ лишила ихъ орудій производства и поставила ихъ въ зависимость отъ капитала, вызвавъ сосредоточеніе промышленности, являющееся печальною, но неизбѣжною необходимостью. Намъ не удалось исправить эту систему и мы ничего не добьемся, если не поставимъ въ другія условія нашихъ «братьевъ», которые работаютъ и должны жить въ густо населенныхъ кварталахъ городовъ, въ ужасныхъ трущобахъ и подвергаться всѣмъ случайностямъ, болѣзнямъ, нравственной заразы и др. послѣдствіямъ скученности. Нѣкоторые изъ нихъ вѣдь не видали даже никогда голубого неба и земли! Таково великое зло, причиненное современною промышленностью. Но, дѣти, подадимъ примѣръ! Вотъ мои владѣнія—ваши владѣнія. Они обширны и мы разукрасимъ ихъ съ любовью. Подѣлимся же ими съ нашими «братьями». Пусть и они тутъ живутъ вмѣстѣ съ нами и грѣются въ солнечныхъ лучахъ! Пусть и они наслаждаются красотой природы и пусть въ ихъ жилищахъ будетъ хорошо! Потомъ придутъ люди и посмотрятъ на это и, быть можетъ, великое благодѣяніе будетъ результатомъ той жертвы, которую вы принесете».

Такимъ образомъ возникъ Бурнвилль—образцовая деревня рабочихъ. Въ одинъ годъ было выстроено 370 домовъ или коттеджей и 370 семействъ рабочихъ переселились въ нихъ изъ Бирмингама. Стоимость земли, отведенной подъ постройки, равнялась пяти милліонамъ и давала раньше дохода 150.000. Но, разумеется, послѣ этого она уже не приносила никакого дохода Кэдбюри и никогда не будетъ приносить.

Но Кэдбюри пошелъ еще дальше. Онъ доказалъ, какъ несправедливы упреки въ узости и религіозной нетерпимости, которые часто дѣлаютъ квакерамъ. И онъ и его сыновья отказались отъ администраціи устроеннаго ими поселенія, передавъ его независимому совѣту, вмѣстѣ съ актомъ, подписаннымъ 14-го де-

кабря 1900 г., отдающимъ въ общественное владѣніе весь огромный участокъ земли. Но Кэдбюри поставилъ условіемъ, чтобы его деревня была открыта равно для всѣхъ рабочихъ, а не только для тѣхъ, которые работаютъ на его фабрикѣ. Каждый можетъ поселиться въ этой деревнѣ, если будетъ свободное мѣсто, и администрація деревни должна быть свободна отъ всякихъ сектантскихъ, религиозныхъ и политическихъ вліяній; исключеніе же когонибудь изъ общины, на основаніи его религиозныхъ и политическихъ взглядовъ и сношеній будетъ прямымъ нарушеніемъ воли жертвователя.

Бурвилль только еще началъ застраиваться и утилизировано пока не больше трети дарованной земли. Одно изъ условій, поставленныхъ Кэдбюри— чтобы наемная плата была доступна самымъ тощимъ кошелькамъ, но отнюдь не было бы милостыни. Установлено 8—11 шиллинговъ въ недѣлю. Самые маленькіе коттеджи имѣютъ двѣ комнаты и всѣ хозяйственные постройки. Въ кухнѣ устроены очаги, окруженные по старинной модѣ скамьями, и тутъ же около печки находится ванна, устроенная подъ поломъ и прикрытая люкомъ. Каждый коттедж окруженъ садикомъ, въ которомъ посажены фруктовые деревья; зелень вездѣ и глазъ человѣка, попавшаго сюда изъ закопченнаго и пропитаннаго сажей Бирмингама, отдыхаетъ на этой зелени и на хорошенькихъ маленькіхъ домикахъ. Въ настоящее время въ Бурвиллѣ живутъ уже 2.000 рабочихъ, и это, потонувшее въ зелени мирное селеніе, кажется какимъ-то свѣтлымъ чуднымъ оазисомъ среди «Черной Англій», какъ называютъ обыкновенно угольные округа и фабричные центры въ Великобританіи.

Сыновья Кэдбюри являются достойными сподвижниками своего отца и вполне раздѣляютъ его взгляды. Миръ и благодать господствуютъ въ Бурвиллѣ. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, посѣтившій этотъ фабричный центръ, былъ пораженъ этимъ спокойствіемъ Бурвилля среди волнующейся кругомъ толпы. Но Кэдбюри говоритъ: «Пусть только каждый исполняетъ свой долгъ и никакой классовой борьбы не будетъ. Никакія доктрины и никакое общее законодательство ничего не помогутъ, если отдѣльныя группы людей не будутъ сами работать для собственнаго спасенія и для спасенія человѣчества».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Женское движеніе за послѣднее время въ Европѣ и на Востоку.—Альфредъ Нобель и его взгляды.—Республика будущаго.—Никола Тесла.

«La Revue» печатаетъ очеркъ женскаго движенія въ разныхъ странахъ за послѣдніе мѣсяцы. Въ Германіи это движеніе очень быстро развивается въ послѣднее время, на что указываютъ безчисленныя женскія собранія, которыя устраиваются чуть не каждый мѣсяцъ разными женскими союзами. Для одного изъ такихъ собраній даже германскій рейхстагъ гостепріимно открылъ свои двери, чего равьше никогда не бывало, и только вмѣшательство полиціи вынудило собраніе женскихъ союзовъ перейти въ другое мѣсто. Германскіе университеты мало-по-малу открываютъ свои двери женщинамъ, и во многихъ мѣстахъ

учреждаются женскія гимназіи съ курсомъ мужскихъ гимназій. Вообще женское движеніе въ Германіи, съ трудомъ прокладывающее себѣ дорогу, можетъ все-таки похвалиться значительными успѣхами.

Во Франціи основано новое феминистское общество «Société du Suffrage des Femmes», добивающееся допущенія женщинъ въ выборы въ муниципальный совѣтъ. Такое же общество существуетъ и въ Бельгіи, добиваясь политическаго равноправія женщинъ. Вообще во всѣхъ странахъ замѣчается именно это направленіе женскаго движенія: женщины добиваются политическихъ правъ, права участій въ парламентскихъ выборахъ и т. д. Въ Норвегіи они уже добились многого въ этомъ отношеніи и въ прошломъ 1901 году впервые участвовали непосредственно въ общинныхъ и муниципальных выборахъ.

Въ Австріи женское движеніе, начавшееся недавно сравнительно съ другими странами, все-таки уже достигло большаго развитія. Буда-Пештъ былъ первымъ городомъ, гдѣ начала практиковать женщина-врачъ. Австрійскія и венгерскія женщины постепенно завоевываютъ себѣ права и заставляютъ университеты отерывать имъ свои двери. Швейцарія сдѣлала очень большой шагъ впередъ, пригласивъ двухъ делегатовъ женскаго союза участвовать въ работахъ федеральной комиссіи по составленію новаго гражданскаго уложенія. Какъ извѣстно, въ Германіи, новый кодексъ гражданскихъ законовъ былъ составленъ безъ всякаго участія женщинъ и вызвалъ много нареканій и неудовольствія, а также обвиненій въ пристрастіи и односторонности. Швейцарія желаетъ избѣжать такихъ обвиненій. Въ Италіи женское движеніе остановилось на точкѣ замерзанія и за послѣднее время не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Въ Англіи женщины достигли очень многого, и теперь феминизмъ, какъ социальное движеніе, на время приостановилъ свое развитіе. То же самое и въ Америкѣ, гдѣ женщины пользуются полнымъ равноправіемъ въ общественной жизни, а въ нѣкоторыхъ штатахъ добились даже политическаго равноправія.

Большимъ сюрпризомъ, даже для тѣхъ, кто слѣдитъ за женскимъ движеніемъ, было извѣстіе о женскомъ конгрессѣ въ Болгаріи. Никто не ожидалъ, что болгарскія женщины достигли такого прогресса, а между тѣмъ онѣ проектируютъ организацію союза женскихъ обществъ (число которыхъ достигаетъ 27) и обсуждали на конгрессѣ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты.

Наиболѣе любопытны, конечно, тѣ успѣхи, которые дѣлаетъ женское движеніе на Востокѣ. Совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Каирѣ Касимъ Асимъ напечаталъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1889 г.) книгу, въ которой требовалъ для магометанскихъ женщинъ такихъ же правъ, какими пользуются европейскія женщины, съ точки зрѣнія воспитанія и гражданскаго права. Конечно его книга вызвала бурные протесты и возбудила священный гнѣвъ мусульманскаго духовенства. Касимъ-бей, однако, продолжалъ свою феминистскую пропаганду и издалъ имъ въ отвѣтъ еще книгу, названную имъ «Новая женщина», въ которой онъ даетъ историческій очеркъ прошлаго магометанской женщины и требуетъ ея эмансипаціи въ настоящемъ, обсуждая при этомъ вопросъ о воспитаніи женщинъ и чисто восточный вопросъ о «покрывалѣ».

Разумѣется, въ мусульманскихъ странахъ женскій вопросъ трактуется преимущественно мужчинами. Въ арабской печати книга Касима-Асима и его прогрессистскія идеи возбуждаютъ много толковъ, но врядь ли ихъ читаютъ въ гаремахъ, куда, вѣроятно, еще не проникло женское движеніе.

Изъ восточныхъ странъ, Японія какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи женскаго движенія занимаетъ первое мѣсто. Въ Токио открывается женскій университетъ. Въ Нагасаки образовалось женское общество «соціальной чистоты», преслѣдующее чистоту нравовъ. Молодыя дѣвушки, члены этого общества, обязуются выходить замужъ только за тѣхъ, чья нравственная репутація сохранилась въ полной неприкосновенности.

«Review of Reviews» печатаетъ по случаю состоявшейся недавно раздачі премій Нобеля, біографическій очеркъ учредителя этихъ премій, Альфреда Нобеля, завѣщавшаго почти два милліона фунтовъ стерлинговъ для выдачі премій тѣмъ, кто оказалъ наибольшія услуги человѣчеству своими научными трудами или своею дѣятельностью въ пользу мира и на литературномъ поприщѣ.

Альфредъ Нобель въ 1867 г. изобрѣлъ динамитъ, вытѣснившій въ промышленности всѣ употреблявшіяся раньше взрывчатыя вещества. Чтобы составить себѣ понятіе объ огромномъ производствѣ динамита, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ послѣднія десять лѣтъ на фабрикѣ Нобеля работало 12.000 человѣкъ и въ годъ изготовлялось нѣсколько милліоновъ пудовъ этого вещества. Но кромѣ динамита, Альфредъ Нобель сдѣлалъ еще много другихъ изобрѣтеній, второстепеннаго значенія; между прочимъ, онъ изобрѣлъ искусственный каучукъ. Незадолго до своей смерти онъ подписалъ половину суммы, необходимой для снаряженія злополучной воздухоплавательной экспедиціи Андре.

Альфредъ Нобель не былъ женатъ и всю силу своей привязанности сосредоточилъ на своей матери, которую, впрочемъ, обожали всѣ ея сыновья. Она умерла въ 1889 г. 86 лѣтъ, Альфредъ послѣдовалъ за нею черезъ семь лѣтъ, на 63-мъ году жизни.

Онъ былъ противникомъ правъ наслѣдства и находилъ несправедливой эту систему. «Съ какой стати я долженъ получить богатство, добываніе котораго не стоило мнѣ никакого труда», говорилъ онъ и находилъ подобно многимъ американскимъ отцамъ, что это только потворствуетъ лѣни и праздности. Онъ часто говорилъ своимъ родственникамъ: «Не надѣйтесь на мое имущество: оно не перейдетъ въ ваши карманы».

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ сказалъ одному изъ своихъ пріятелей: «Я не хочу оставлять свое богатство человѣку дѣятельному, такъ какъ это можетъ соблазнить его на ничегонеделаніе. Но я бы охотно помогъ какому-нибудь мечтателю справиться съ затрудненіями».

Исходя изъ этой точки зрѣнія Альфредъ Нобель и завѣщалъ все свое состояніе на учрежденіе фонда, годовой процентъ котораго дѣлится на пять равныхъ частей, составляющихъ преміи, раздача которыхъ произошла въ томъ году.

Авторъ «Борьбы мировъ» Уэлльсъ напечаталъ въ «Fortnightly Review» рядъ статей, въ которыхъ онъ изображаетъ республику будущаго. Эта новая республика возникнетъ путемъ постепенной эволюціи; наиспособнѣйшіе люди, съ дисциплинированнымъ умомъ, возьмутъ въ свои руки управленіе дѣлами міра, однако эти способные люди, въ представленіи Уэлльса, должны составлять вѣчто вродѣ ученой браминской секты, между тѣмъ, какъ все остальное человѣчество будетъ представлять изъ себя паріевъ, «людей бездны» (people of the abyss).

Уэлльсъ говоритъ о религиозныхъ и этическихъ принципахъ, которые будутъ поставлены въ основу будущей республики. Въ данномъ случаѣ онъ является приверженцемъ идей Мальтуса, и его закона народонаселенія. Въ новой республикѣ будетъ всецѣло господствовать принципъ покровительства красотѣ и способностямъ; стоящіе во главѣ люди будутъ заботиться объ усовершенствованіи человѣческаго типа и объ уничтоженіи работѣннаго, неспособнаго ни къ чему и трусливаго типа людей. Дѣти съ дурною наследственностью будутъ безжалостно уничтожаться людьми будущаго государства, ради принципа совершенствованія человѣчества въ нравственномъ и физическомъ отношеніи и уменьшенія его страданій въ будущемъ.

Всѣ идеи, которыя налагаетъ Уэлльсъ въ своей схемѣ новой республики, отличаются жестокостью. Онъ очень храбро разрѣшаетъ проблемы, передъ которыми остаются многіе современные социологи, сознавая свое безсиліе. Но главная его руководящая мысль заключается въ томъ, что нынѣшній современиый строй никуда не годится, что его надо замѣнить другимъ и что истинно способные люди всегда составляютъ меньшинство въ общей массѣ человѣчества, но это меньшинство должно потерять въ концѣ концовъ терпѣніе, вытравивъ на плохое управленіе миромъ, и захватить въ свои руки власть, создавъ новое государство, принципомъ котораго явится усовершенствованіе человѣческаго типа.

«Monthly Magazine» сообщаетъ не лишеныя интереса подробности объ извѣстномъ электротехникѣ Тесла. Никола Тесла, сербъ по происхожденію, родился въ Южной Австріи, близъ Фіумэ. Его дѣдъ сражался при Наполеонѣ, а отецъ былъ популярный поэтъ и замѣчательно ученый человѣкъ. Никола Тесла предназначался родителями къ духовной профессіи, но мальчикъ рано обнаружилъ призваніе къ наукѣ и только боялся сказать объ этомъ отцу. Когда онъ сильно заболѣлъ во время холерной эпидеміи и докторъ не подавалъ уже никакой надежды на его выздоровленіе, Тесла вдругъ пришелъ въ себя и тутъ же прерывающимся отъ слабости голосомъ, сказалъ своему отцу, что онъ желалъ бы поступить въ политехническую школу въ Грацѣ, вмѣсто семинаріи. Отецъ обѣщалъ ему послать его туда, и мальчикъ послѣ этого быстро началъ цоправляться.

Поступивъ въ политехническую школу, Тесла началъ усиленно работать и въ два года прошелъ то, что другіе проходятъ въ пять лѣтъ. По окончаніи

курса онъ поступилъ, вслѣдствіе необходимости, чертежникомъ на желѣзную дорогу въ Буда-Пештѣ, но благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, быстро выдѣлился и шагнулъ впередъ.

Тесла и теперь работаетъ очень много, хотя онъ постоянно говоритъ, что продолжительныя усилія ума, выражающіяся въ плодотворной работѣ и накопленіи умственной энергіи, должны все-таки чередоваться съ періодомъ полного покоя для восстановленія силъ. Но Тесла сокращаетъ эти періоды до минимума.

Любопытны, между прочимъ, его взгляды на питаніе человѣка. Съ его точки зрѣнія убійство животныхъ, ради употребленія въ пищу, не только жестоко, но даже приноситъ вредъ. Тесла горячій защитникъ вегетаріанства и даже заходитъ такъ далеко, что приписываетъ животные инстинкты и аппетиты, которые такъ часто даютъ себя чувствовать среди людей и препятствуютъ нравственному и умственному прогрессу человѣчества, именно такому преобладанію животной пищи, безъ которой не обходится ни одинъ человѣкъ. Поэтому онъ думаетъ что радикальная реформа пищи составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ и непремѣнныхъ условій быстрого прогресса человѣчества.

Являясь такимъ убѣжденнымъ приверженцемъ растительной пищи, Тесла конечно долженъ былъ заняться вопросомъ объ усиленіи плодородія почвы искусственнымъ образомъ. Онъ очень много работаетъ надъ этимъ теперь. Вопросъ объ уничтоженіи войны также занимаетъ его. Онъ думаетъ, что обезпечить миръ можно лишь сдѣлавъ войну совершенно невозможною. Онъ хочетъ придумать такое оружіе для нападенія, которое будетъ равно дѣйствовать какъ подъ водой, такъ и въ воздухѣ, тогда война должна будетъ прекратиться сама собою, такъ какъ она превратится въ простое состязаніе машинъ. По его мнѣнію, вѣчный миръ можетъ быть достигнутъ лишь путемъ такой эволюціи военнаго искусства.

Въ настоящее время Тесла всецѣло поглощенъ идеей беспроводнаго телеграфа и производства свѣта посредствомъ электрическихъ волнъ, которыя сдѣлаютъ лишнимъ возобновленіе электрическихъ лампъ и всѣ тѣ приборы электрическаго освѣщенія, съ которыми мы теперь живемъ дѣло.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Марселэнъ Бертело.

(По поводу пятидесятилѣтія его научной и общественной дѣятельности).

Истина вѣчно юная, блестящая красотой своихъ формъ, отражаетъ зеркаломъ солнечные лучи, направляя ихъ на сидящаго въ задумчивой, созерцательной позѣ Бертело. Другая женская фигура, изображающая Францію, вѣнчаетъ Бертело лавровымъ вѣнкомъ.

Такими художественными символами скульпторъ Шапленъ изобразилъ на золотой медали тѣ двѣ идеи, которыя руководили гениальнымъ французскимъ химикомъ въ теченіе его пятидесятилѣтней научной и общественной дѣятельности. *«Во имя истины, на пользу родины!»*—таковъ девизъ Бертело.

Назиромъ (nazir)—человѣкомъ, обречшимъ себя на исканіе истины—былъ, по словамъ Ренана, тотъ внукъ деревенскаго кузнеца, сынъ парижскаго врача, еще 18-ти лѣтъ въ послѣднемъ классѣ коллежа Henri VI, когда съ нимъ познакомился Ренанъ, только что вышедшій изъ семинаріи св. Сульпиція. Стройный красавецъ юноша, съ пронзительными, орлиными глазами, съ пламенной рѣчью, впитавшій въ себя міросозерцаніе великихъ энциклопедистовъ, ярый демократъ, подобно Робеспьеру вѣровавшій (и вѣрующій до сихъ поръ) въ возможность золотого вѣка для человѣчества въ будущемъ, если только человѣчество подчинится велѣніямъ истины и разума, юноша Бертело обяательно подѣйствовалъ на неуклюжаго, застѣнчиваго семинариста—Ренана, въ которомъ только что пробудились религіозныя сомнѣнія. Бертело завоевалъ Ренана для науки. Самъ онъ быстро прошелъ самостоятельно курсъ университета, являясь въ Сорбонну только для полученія ученыхъ степеней до *docteur ès sciences* включительно, которую онъ получилъ 27 лѣтъ въ 1854 году. Въ 1851 году мы видимъ его въ роли претендента на званіе преподавателя горячо любимой науки въ Collège de France.

Профессоръ химіи *Балларъ* предлагаетъ совѣту принять его въ качествѣ препаратора, осторожно выражая надежду, что извѣстныя ему, Баллару, превосходныя качества Бертело позволятъ молодому ученому *способствовать* на просимомъ для него мѣстѣ *дальнейшему развитію науки*. Никогда еще столь робко выраженная надежда не оправдывалась столь блестящимъ образомъ. Рѣдко кому, кромя Бертело, удавалось такъ полно оправдать надежды

учителя и такъ много «способствовать развитію науки». Въ скромномъ званіи препаратора онъ остается въ теченіе девяти лѣтъ, до декабря 1859 г.

Первая печатная работа Бертелло помѣщенная въ «Annales de Chimie et de physique», въ 1851 г. (пятьдесятъ лѣтъ, истекшихъ со времени ея появленіи и праздновались 12 ноября въ залѣ Сорбонны самымъ торжественнымъ образомъ), была посвящена, очевидно, подъ влияніемъ работъ Фарадея, вопросу о сгущеніи газовъ (именно, углекислоты) въ жидкости. Уже въ этой первой работѣ молодой ученый, держась строго фактической почвы, избѣгая всякихъ гипотезъ, выясняетъ существованіе такой температуры, при которой никакимъ давленіемъ нельзя превратить газа въ жидкость; такимъ образомъ Бертелло даетъ опору для ученія о критическомъ состояніи, столь плодотворно развитое работами Эндрьюса, Амага, Сарро и Вандеръ-Вальса въ современное ученіе о непрерывности газоваго и жидкаго состоянія матеріи.

Но физическія темы не долго занимали Бертелло, и онъ скоро перешелъ къ работамъ по органической химіи, составляющимъ его истинную славу и заслугу передъ наукой. Такому направленію его работъ, безъ сомнѣнія, способствовало состоявшееся въ 1859 году назначеніе его на кафедру химіи въ Ecole Supérieure de pharmacie, послѣ представленія диссертациі: «О сахарахъ, подобныхъ тростниковому сахару». Небольшія работы по изслѣдованію скипидара, полученіе искусственной камфары, продукта взаимодѣйствія хлористаго водорода и скипидара, работы съ сахарами направляютъ мысль Бертелло на вопросъ объ искусственномъ приготовленіи, синтезѣ веществъ, находящихся въ органическомъ мірѣ. Изученіе веществъ, образующихся въ животныхъ организмахъ, именно, жировъ, предпріятое Шеврелемъ, было продолжено Бертелло. Онъ окончательно и безповоротно доказалъ сложную природу жировъ, т.-е. то, что жиры представляютъ собою сложные эфиры органическихъ кислотъ—олеиновой, стеариновой и другихъ и особаго спирта — глицерина, давая, синтезируя жиры изъ этихъ составныхъ частей.

Но эти завоеванія не удовлетворили Бертелло. Онъ поставилъ себѣ цѣлью найти общіе приемы синтеза органическихъ соединеній какъ изъ элементовъ, такъ и изъ простѣйшихъ неорганическихъ веществъ — воды, углекислоты, амміака и т. д. Чтобы понять все величіе этой проблемы, надо рассмотреть взгляды выдающихся химиковъ того времени на задачи такъ называемой органической химіи.

Органическая химія имѣетъ своимъ предметомъ изученіе веществъ, находящихся въ живыхъ организмахъ. Она можетъ преслѣдовать эту задачу съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія *анализа* и съ точки зрѣнія *синтеза*. Эти слова, анализъ и синтезъ, имѣютъ въ химіи гораздо болѣе реальное значеніе, чѣмъ во всякой другой наукѣ. Первоначально эти слова выражали только нѣкоторые логическіе процессы, совершаемые человѣческимъ разумомъ, который то разлагаетъ сложное понятіе на рядъ простѣйшихъ, то, обратно, изъ цѣлаго ряда простѣйшихъ понятій строитъ болѣе общее. Говоря о химическомъ анализѣ и синтезѣ, надо на мѣсто слова «понятіе» поставить слово «вещество» и тогда будетъ ясно все значеніе этихъ химическихъ

операций. Химикъ мыслить лабораторными фактами, онъ оперируетъ надъ веществомъ, разлагая его на простѣйшія и доходя постепенно до такихъ веществъ, которыя болѣе уже не поддаются разложенію—до элементовъ. Съ этого началась органическая химія, она доказала, что живыя существа, будь то растенія или животныя, образованы соединеніемъ громаднаго числа опредѣленныхъ началъ, химическихъ соединеній, очень неустойчивыхъ, весьма легко измѣняющихся подъ дѣйствіемъ теплоты, электричества и химическихъ дѣятелей неорганическаго, минеральнаго происхожденія (кислотъ, щелочей).

Всѣ эти органическія соединенія, служація матеріаломъ, изъ котораго строится организованный живой міръ, въ свою очередь являются болѣе или менѣе сложными соединеніями четырехъ элементовъ: углерода, водорода, кислорода и азота. Установленіе такого взгляда на органическій міръ, отождествленіе его, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ исходнаго матеріала, изъ котораго этотъ органическій міръ образованъ, съ міромъ мертвымъ минеральнымъ, и было основнымъ приобрѣтеніемъ органической химіи до 1829 года.

Чѣмъ же замѣчательна эта послѣдняя дата? Тѣмъ, что *Велеръ* въ этомъ году воспроизвелъ искусственно мочевины, вещество, встрѣчающееся въ животномъ организмѣ. До этого времени образованіе органическихъ соединеній, ихъ синтезъ изъ воды, углекислоты и амміака приписывали исключительно дѣйствію таинственной «жизненной силы», а не дѣйствію тѣхъ физическихъ и химическихъ силъ, взаимодействіе которыхъ обуславливаетъ собою различные процессы, совершающіеся въ «мертвой» природѣ. Но синтезъ мочевины не произвелъ должнаго переворота въ умахъ химиковъ. Этотъ синтезъ одного изъ очень несложныхъ органическихъ соединеній, являющагося кромѣ того отбросомъ жизнедѣятельности организма, стоялъ въ наукѣ почти особнякомъ, какъ какой-то странный, мало объяснимый фактъ, несмотря на послѣдовавшія вскорѣ за нимъ—превращеніе цианистоводородной кислоты въ муравьиную (*Пеллузъ*) и полученіе уксусной кислоты при помощи хлористаго и сѣрнистаго углерода (*Кольбе*). Еще спустя 20 лѣтъ послѣ работы *Велера Берцелиусъ* въ 1849 году писалъ слѣдующее:

«Въ живой природѣ элементы, кажется, подчинены другимъ законамъ, нежели въ мірѣ неорганическомъ... Если бы можно было найти причину такого различія, то былъ бы найденъ ключъ къ теоріи органической химіи, но этъ теорія настолько скрыта отъ насъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, что мы не имѣемъ надежды ее раскрыть». И затѣмъ *Берцелиусъ* прибавляетъ, очевидно, имѣя въ виду работу *Велера* и другихъ: «Да и хотя бы современнѣе мы достигли того, что приготовили бы нѣтъ неорганическихъ веществъ нѣсколько веществъ, имѣющихъ составъ подобный инымъ истинно органическимъ веществамъ, все-таки такая имитация была-бы очень неполной и слишкомъ ограниченной для того, чтобы мы могли надѣяться также свободно синтезировать органическія соединенія, какъ мы подтверждаемъ теперь анализъ минеральныхъ веществъ ихъ синтезомъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя, незадолго до того, какъ *Бертело* вступилъ на научное поприще, *Жераръ* писалъ, «что образованіе органическихъ веществъ

зависитъ отъ дѣйствія таинственной жизненной силы, дѣйствія противоположнаго и направленаго противъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыя мы привыкли считать причиной обыкновенныхъ химическихъ явленій...

«Я доказываю,—говоритъ Жераръ далѣе о своей классификаціи органическихъ соединеній, названной имъ «*echelle de Combustion*» *), что дѣятельность химика направлена въ сторону прямо противоположную силамъ живой природы; что химикъ сожигаетъ, уничтожаетъ, дѣйствуетъ анализомъ; что жизненная сила одна, и только одна, дѣйствуетъ синтетически, творитъ, восстанавливаетъ зданія, которыя разрушаются дѣйствіемъ химическихъ силъ».

Въ такомъ состояніи находилась органическая химія, когда Бертело, которому не было еще и тридцати лѣтъ, приступилъ къ работамъ въ этой области. Приложение электричества къ химическимъ изслѣдованіямъ дало въ рукахъ Бертело блестящіе результаты. При помощи такъ называемаго «философскаго яйца», т.-е. яйцеобразнаго сосуда, въ который проникаютъ угольные стержни, служащіе для образования Вольтовой дуги, разрядной искры отъ сильной электрической батареи, пропуская въ этотъ сосудъ токъ водорода, Бертело получилъ простѣйшее изъ соединеній водорода съ углеродомъ—*ацетиленъ*. Отнимая накаленной мѣдью сѣру отъ сѣрнистаго углерода и сѣроводорода, Бертело вызвалъ соединеніе углерода съ водородомъ въ пропорціяхъ, отвѣчающихъ составу *метана*—*болотнаго газа*, простѣйшаго предѣльнаго углеводорода. Пропуская сквозь накаленную трубку ацетиленъ, онъ заставилъ его уплотниться въ *бензолъ*, *нофталинъ*, *антраценъ* и другіе ароматическіе углеводороды. Для того, чтобы оцѣнить по достоинству эти работы Бертело, надо принять во вниманіе, что углеводороды являются по своей природѣ первичными, исходными веществами для полученія въ лабораторіи безконечныхъ рядовъ всевозможныхъ органическихъ углеродистыхъ соединеній, какъ находящихся въ живыхъ организмахъ, такъ и искусственныхъ, появляющихся впервые въ колбахъ и ретортахъ химиковъ, каковы, напримѣръ, анилиновые краски, искусственные сахаристыя вещества, безконечный рядъ невѣйшихъ противолнхорядочныхъ и иныхъ лѣкарственныхъ средствъ. Бертело началъ, а за нимъ и другіе химики всѣхъ странъ не перестаютъ работать надъ синтезомъ все новыхъ и новыхъ органическихъ веществъ. Конечной, завѣтной цѣлью, достиженіе которой является столь желаннымъ для всѣхъ этихъ неутомимыхъ работниковъ, служитъ синтезъ крахмалистыхъ и бѣлковыхъ веществъ—основныхъ матеріаловъ человѣческой пищи, и надежды на достиженіе завѣтной цѣли растутъ. И самъ великій инициаторъ синтетическихъ химическихъ работъ имѣетъ утѣшеніе на склонѣ своихъ дней слышать то о блестящемъ выполненномъ синтезѣ сахаровъ, то объ искусственныхъ возбуждателяхъ—алколондахъ. Онъ счастливъ, по его словамъ, предвозвѣщать людямъ эти победы науки, вѣрой въ которую полна его жизнь. Бертело обращается, напр., въ 1895 г. на конгрессѣ дѣятелей прикладной химіи съ рѣчью объ этомъ «хлѣбѣ»

*) Шкала, по которой располагаются химическія соединенія на основаніи результатовъ ихъ сожиганія.

насушномъ», который наука будетъ современемъ, «въ 2000 году» (его слова) готовить въ своихъ лабораторіяхъ. Но кромѣ этой, такъ сказать, прикладной, матеріальной цѣли химіи, у нея, какъ у всякой другой истинной науки существуетъ другая—идеальная, общефилософская цѣль. Такою объединяющей идеей для всѣхъ научныхъ работъ Бертелло является тотъ своеобразный практическій, дѣйствительный позитивизмъ, который заставляетъ Бертелло, этого послѣдняго изъ энциклопедистовъ, какъ его мѣтко называлъ *Лейбъ*, бороться съ идеей о таинственной, жизненной силѣ. Вся научная дѣятельность Бертелло, занимается ли онъ изслѣдованіемъ и синтезомъ органическихъ соединений, опредѣляетъ ли онъ скорости химическихъ реакцій превращенія химической энергіи въ электрическую и тепловую, изучаетъ ли онъ путемъ точныхъ анализовъ измѣненіе въ составѣ растений по мѣрѣ ихъ роста, все направлено къ одной задачѣ — разгадать тайну жизни, овладѣть природой настолько, чтобы въ колбѣ, въ тиши химической лабораторіи творить по своему произволу и желанію тѣ вещества, которыя такъ легко и свободно, подѣ дѣйствіемъ солнечной энергіи, порождаются изъ элементовъ и простѣйшихъ химическихъ соединений въ растительныхъ и животныхъ организмахъ. Съ высоты этой гигантской задачи такія многочисленныя работы Бертелло, какъ работы по термохиміи, по изученію связи между химическими и тепловыми явленіями являются лишь отдѣльными главами въ той великой книгѣ, которую представляетъ собою вся его научная жизнь.

Работы Бертелло по термохиміи, гдѣ онъ является изобрѣтателемъ новыхъ, изящныхъ, гениальныхъ по своей простотѣ, способовъ опредѣленія теплоты, выделяющейся или поглощаемой при химическихъ реакціяхъ, такихъ работъ хватило бы на цѣлыя десятки обыкновенныхъ рядовыхъ ученыхъ, для него же это только глава, страница, отдѣльная стадія всей его жизненной задачи. Работы, посвященныя этимъ вопросамъ термохиміи и химической динамики, объединены въ двухъ обширныхъ томахъ, называющихся «*Essais de mécanique chimique*» и «*Thermochimie, lois et données numériques*».

Жажда знать, чего достигли изслѣдователи природы въ отдаленнѣйшія времена человѣческой культуры, стремленіе подойти къ началамъ, источникамъ химическихъ знаній, прослѣдить во всей полнотѣ исторію химическихъ возрѣній заставляетъ Бертелло обратиться къ изученію ассирійскихъ, египетскихъ и арабскихъ древностей. Бертелло—полаглотъ, свободно владѣющій цѣлымъ рядомъ мертвыхъ и живыхъ языковъ, принимается за дешифрированіе и восстановленіе различныхъ древнихъ папирусовъ и надписей и шагъ за шагомъ слѣдитъ, какъ мало-по-малу, накопляя наблюденные или добытые случайными опытами факты, древніе медленно двигались по той же дорогѣ къ той же завѣтной цѣли. Результатомъ этихъ археологическихъ изысканій Бертелло являются книги: «*Les origines de l'Alchimie*», «*Collections des alchimistes grecs*», «*La chimie au moyen âge: essai sur la transmission de la science antique, l'alchimie syriaque, l'alchimie arabe*». Въяцѣмъ этихъ историческихъ работъ, этого изученія развитія науки является книга объ основателѣ современной химіи Лавуазьѣ, названная Бертелло «*La révolution chimique: Lavoisier*». Въ этой книгѣ равный судить равнаго.

Съ Бертело началось новая, вторая глава химіи, какъ съ Лавуазье ведетъ свое начало современная химія.

Въ 1870 году прервалась мирная работа въ тиши лабораторій и аудиторій Бертело, ставшаго профессоромъ въ Collège de France, гдѣ заботами его учителя Балара была создана специально для гениальнаго ученика особая кафедра, съ которой Бертело могъ знакомить французскую и иностранную молодежь со своими работами. Грозный врагъ ворвался во Францію, извѣденную и развращенную режимомъ третьей имперіи. Пруссаки обложили Парижъ. Бертело принесъ весь свой научный опытъ и все свои знанія и гениальныя способности въ научную комиссію національной обороны (Commission de la défense nationale), гдѣ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ. Какъ новый Архимедъ, онъ льетъ пушки, фабрикуетъ динамитъ, организуетъ новые пороховыя заводы внутри осажденной столицы. Вместе съ другими учеными изыскиваетъ средства установить тѣмъ или другимъ способомъ сообщеніе между Парижемъ и провинціей. На Авронскомъ плато онъ слѣдитъ за дѣйствіемъ артиллеріи, спускается въ Клармарсъ и въ минные ходы для того, чтобы взорвать непріятельскія батареи въ Шатильонѣ. Онъ рискуетъ ежедневно своей жизнью, какъ самый неизвѣстный изъ рядовыхъ солдатъ. А душу его терзаютъ мысли о полной невозможности побѣды, о тщетѣ всѣхъ попытокъ положить преграду побѣдоносному шествію врага, потому что голодъ, болѣе свирѣпый, чѣмъ оружіе, помогаетъ пруссакамъ. Какой скорбью патріота, какой болью за униженную родину дышатъ воспоминанія Бертело объ этомъ времени, изложенныя во введеніи къ книгѣ «Sur la force des matières explosives d'après la thermo-chimie», гдѣ онъ резюмируетъ свои многочисленныя опыты по изученію взрывчатыхъ веществъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, Бертело является творцомъ новыхъ пріемовъ изслѣдованія, открывателемъ новыхъ явленій: взрывная волна, изученіе взрывчатого горѣнія различныхъ веществъ и ихъ смѣсей, поведшее къ полученію ученикомъ Бертело—Вьелемъ новаго бездымнаго, прогрессивно горящаго пороха изъ нитрокальчатки. Съ этихъ поръ Бертело состоитъ предсѣдателемъ комиссіи по изслѣдованію взрывчатыхъ веществъ (Comité des poudres et salpêtres), наблюдая за постоянною боевою готовностью французской арміи.

Еще два раза онъ выходилъ изъ стѣнъ лабораторіи, чтобы стать въ первые ряды правителей обновленной республиканской Франціи. Первый разъ онъ былъ избранъ депутатомъ въ февралѣ 1871 года, Бертело былъ всегда республиканцемъ, не даромъ сторонникомъ республики былъ и его отецъ настолько, насколько это было возможно при Луи Филиппѣ. Марселенъ Бертело находился среди подозрительныхъ, неблагонадежныхъ лицъ въ спискахъ наполеоновской полиціи. Вплоть до 1881 года большинство въ Сенатѣ состояло изъ клерикаловъ и реакціонеровъ, и тамъ не было мѣста для республиканца и позитивиста Бертело, но выборы 1881 года измѣнили составъ сената, и съ тѣхъ поръ Бертело, избранный пожизненнымъ сенаторомъ, засѣдаетъ на крайней республиканской и демократической лѣвой. Здѣсь, въ сенатѣ, Бертело постоянно проявлялъ заботу о судьбахъ низшаго, средняго и высшаго образованія во Франціи, способствуя увеличенію бюджета школъ, постройки новыхъ зданій, лабораторій и институтовъ. Онъ предсѣда-

тельствовавъ въ комиссіи, которая приготовила и провела проектъ закона объ реорганизаціи низшихъ школъ и объ исключеніи преподаванія Закона Божія (*écoles laïques*) въ октябрѣ 1888 года. Въ томъ же году онъ оказалъ громадную услугу Франціи, оспаривая проектъ генерала Калейенона о рекрутированіи арміи, проектъ, не допускавшій льготъ по высшему образованию и вырывавшій молодыхъ людей въ самое дорогое время для ихъ развитія умственнаго и художественнаго изъ высшихъ научныхъ и художественныхъ училищъ. Со всей силой своего гибкаго и блестящаго краснорѣчія Бертелло возсталъ и добился ограниченія этого закона и льготъ для будущихъ носителей высшей культуры Франціи. Въ качествѣ инспектора высшаго образованія (должность занятая имъ въ 1875 году по смерти его учителя Балара), онъ представилъ планъ преобразованія *Facultés des sciences* и ихъ лабораторій и вмѣстѣ съ Теномъ и Ренаномъ выработывалъ въ комиссіи 1888 года новый университетскій уставъ, благодаря которому возникли новыя лабораторіи, увеличено число профессоровъ, учреждены вновь должности *maîtres de Conférences*—профессоровъ общедоступныхъ университетскихъ курсовъ. Любовь къ наукѣ связывается у Бертелло съ постоянной заботой о ея широкомъ распространеніи и популяризаціи. Съ 1886 года по 1887 Бертелло былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ министерствѣ Гобля. Въ качествѣ министра, ему часто ему приходилось провозносить рѣчи, выдающіяся какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Въ нихъ всегда проявляется философское отношеніе къ разбираемому вопросу, прерываемое и оживляемое иногда блестящими остроуміемъ и благороднаго юмора, въ нихъ всегда ясно и отчетливо звучать республиканскія идеи яраго поклонника принциповъ великой революціи. Образцомъ ораторскаго искусства Бертелло являются рѣчи, посвященныя памяти Поля Бера, Клода Бернара, Пастера.

Во второй разъ Бертелло былъ призванъ занять министерскій постъ, но на этотъ разъ по иностраннымъ дѣламъ, въ 1895 году. Въ теченіе его кратковременнаго министерства онъ энергично стоялъ за внимательство въ дѣла Турціи съ цѣлью обуздать и прекратить турецкія звѣрства въ Арменіи и установить правильное отношеніе къ христіанамъ въ Малой Азіи.

Таковы заслуги Бертелло передъ человѣчествомъ и Франціей. Понятно, почему на призывы благодарныхъ учениковъ и со товарищей по академіи наукъ, гдѣ Бертелло съ 1887 года состоитъ непремѣннымъ секретаремъ, почтить пятидесятилѣтіе со дня появленія первой его работы, отделились не только ученые Франціи, но и всего міра.

День 12-го ноября 1901 года былъ истиннымъ праздникомъ всемірной, всеобъединяющей науки. Въ стѣнахъ старой Сорбонны собрались привѣтствовать великаго учителя представителя науки и высшія власти страны.

Послѣ рѣчей министра народнаго просвѣщенія Лейга, академика Муассана, Дарбу и многихъ другихъ, послѣ чтенія поздравительныхъ адресовъ отъ всѣхъ академій (за исключеніемъ *Петербургской*, гдѣ, однако, Бертелло состоитъ почетнымъ членомъ), отъ различныхъ ученыхъ обществъ и высшихъ учебныхъ заведеній Франціи, Бертелло отвѣчалъ слѣдующей рѣчью:

«Господинъ президентъ, господинъ министръ, мои дорогіе собратья, со товарищъ», № 1, январь. отд. II.

рищи и друзья, и вы, молодые люди, мои друзья и ученики! Я глубоко тронутъ и поистинѣ приведенъ въ смущеніе тѣми почестями, которыми вы меня только что осыпали. Это чествованіе, однако, я знаю, слѣдуетъ приписать не только вашей привязанности ко мнѣ лично, но и почтенію къ моему возрасту, уваженію къ моимъ долгодѣтнимъ работамъ, а также и къ тѣмъ немногимъ услугамъ, которыя я могъ оказать родинѣ и своимъ ближнимъ.

«Прежде всего моему возрасту: проявленіе вашей симпатіи заставило вспыхнуть послѣднимъ яркимъ блескомъ лампаду моей жизни, готовую вотъ-вотъ потухнуть во мракѣ вѣчной ночи! Почтеніе, которое оказываютъ люди старцамъ, есть выраженіе солидарности, которая объединяетъ настояція живущія поколѣнія съ тѣми, которыя намъ предшествовали, и тѣми, которыя послѣдуютъ за нами.

«Въ самомъ дѣлѣ, то, что мы представляемъ собою, всѣ наши качества лишь въ весьма малой степени можно приписать нашему труду, нашей личной индивидуальности, такъ какъ прежде всего мы обязаны этими свойствами нашимъ предкамъ, предкамъ по крови и предкамъ по духу. Если каждый изъ насъ прибавляетъ, вкладываетъ нѣчто въ общую сокровищницу, въ области ли науки, или искусства, или морали, то это случается лишь въ силу того, что долгій рядъ поколѣній жилъ, работалъ, мыслилъ и страдалъ до насъ. Развѣ не долгіе и упорные труды нашихъ предшественниковъ сотворили, вызвали къ жизни ту науку, которую вы сегодня собрались здѣсь почитать.

«Каждый изъ насъ, какова бы ни была его личная инициатива, долженъ приписывать значительную часть своихъ успѣховъ современнымъ ему ученымъ, наряду съ нимъ участвующимъ въ общей работѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны громогласно и открыто признать, что изъ всѣхъ блестящихъ открытій прошлаго вѣка ни одно не можетъ быть поставлено кому бы то ни было въ исключительную заслугу. Наука по самому существу своему есть коллективный трудъ, совершаемый въ теченіе времени усиліями множества работниковъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ народовъ, слѣдующихъ одни за другими и сплотившихся въ силу молчаливаго соглашенія для розысканія чистой истины и для приложенія этой истины къ непрестанному преобразованію и совершенствованію условій существованія всѣхъ людей, всего человѣчества.

«Нѣкогда на ученыхъ смотрѣли, какъ на небольшую группу досужихъ любителей, живущихъ на счетъ рабочихъ классовъ и выполняющихъ ни къ чему ненужную работу изъ празднаго и даже излишняго любопытства, для забавы и развлеченія баловней фортуны. Эта узкая и несправедливая точка зрѣнія, которая такъ мало соотвѣтствовала нашей любви къ истинѣ и нашимъ заслугамъ, этотъ предразсудокъ, наконецъ, мало-по-малу исчезъ, когда развитіе науки показало, что законы природы, открываемые ею, приложимы къ жизни, къ промышленности и что старые эмпирическіе рецепты, передаваемые преданіемъ, съ успѣхомъ можно замѣнить правилами, извлекаемыми изъ теорій, основанныхъ на наблюденіи и опытѣ.

«Кто нынѣ посмѣлъ бы смотрѣть на науку, какъ на пустую забаву, при видѣ несомнѣннаго общаго увеличенія благосостоянія, какъ общенароднаго, такъ

и частнаго, благосостоянія, всецѣло вытекающаго изъ даровъ науки? Для того, чтобы ограничиться наиболѣе разительнымъ примѣромъ услугъ, оказанныхъ человѣчеству наукой, достаточно сравнить жалкое, рабское положеніе народныхъ массъ въ прошедшемъ, какъ мы его узнаемъ изъ подлинныхъ историческихъ документовъ, съ настоящимъ ихъ положеніемъ, уже и нынѣ столь поднявшимися на извѣстный уровень достоинства и благополучія, мы не говоримъ уже о тѣхъ надеждахъ на еще болѣе лучшее будущее, которое провидятъ и котораго добиваются трудящіяся народныя массы. Можно ли найти такого государственнаго человѣка, который сомнѣвался бы въ еще большихъ благахъ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки? *Наука—благодѣтельница человечества!*

«Вотъ какимъ образомъ осязаемая, стоящая воочію полезность научныхъ результатовъ заставила понять носителей общественной власти, что работу научныхъ лабораторій слѣдуетъ поощрять и поддерживать, потому что она выгодна для всѣхъ, для всего общества, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ улучшенія общественнаго здоровья. Но это только часть и при томъ небольшая нашего царства.

«Наука простираетъ еще выше свои совершенно законныя притязанія. Она требуетъ нынѣ права управлять и матеріальной, и интеллектуальной, и моральной жизнью обществъ. Подъ ея импульсомъ современная цивилизація идетъ впередъ все болѣе и болѣе быстрыми шагами.

«Съ первой половины только что истекшаго столѣтія, не восходя дальше, міръ измѣнился самымъ страннымъ, самымъ необычнымъ образомъ: люди моего поколѣнія видѣли, какъ выступила на всемірную сцену на ряду съ природой, извѣстной еще съ древнихъ временъ, если не *antiphysis*, нѣкоторое противоположеніе природѣ, матеріальному міру, какъ это говорили въ старину, своего рода высшій матеріальный, какъ бы сверхнатуральный міръ, нѣчто какъ бы трансцендентное, гдѣ сила человѣческаго индивидуума какъ бы увеличивается во сто разъ, благодаря преобразованіямъ силъ, до тѣхъ поръ пренебрегаемыхъ или остававшихся непонятными, силъ, которыя мы заимствуемъ отъ свѣта, магнетизма, электричества.

«И это не все: подыдемся въ область идей, еще болѣе возвышенныхъ и плодотворныхъ. Изъ болѣе глубокаго познанія вселенной и физической и нравственной природы человѣка вытекаетъ новая концепція, новый взглядъ на судьбу человѣка, выражающійся главнымъ и основнымъ образомъ въ идеѣ о всемірной, всеобщей солидарности, между всѣми общественными классами, между всѣми народами. По мѣрѣ того, какъ узы, соединяющія народы, умножаются и становятся тѣснѣе по мѣрѣ прогресса науки, въ силу единства тѣхъ ученій, которыя она выводитъ изъ твердо установленныхъ фактовъ и которыя она видѣряетъ въ человѣческіе умы безъ насилія, но и безповоротно, неизбѣжно, каковы бы ни были первоначальныя убѣжденія, эта идея о всеобщемъ братствѣ становится все болѣе и болѣе сильною и общераспространенною: она стремится неудержимо стать основаніемъ, строго-человѣчнымъ, и нравственности, и политики будущаго. А тѣмъ самымъ, и роль ученыхъ, какъ въ отдѣльности, такъ и разсматриваемыхъ какъ цѣлый соціальный классъ, приобрѣла посте-

ненно все большее и большее значеніе въ современныхъ государствахъ. Но не надо никогда добавлять при этомъ, что тѣмъ самымъ увеличилась и наши обязанности по отношенію къ другимъ людямъ, этого не надо забывать никогда!

«Объявимъ объ этомъ всенародно, здѣсь, въ этомъ дворцѣ французской науки! Не для эгоистическаго удовлетворенія нашего личнаго тщеславія собрались здѣсь сегодня люди воздавать почести ученымъ. Нѣтъ! Но потому, что этимъ людямъ извѣстно, что ученый, истинно достойный этого имени, посвящаетъ безкорыстно свою жизнь великому дѣлу нашего времени, я хочу сказать, дѣлу улучшенія, увы! къ нашему сожалѣнію, слишкомъ медленному, судьбы всѣхъ, начиная съ богатыхъ, кончая самыми смиренными, бѣдными и страждущими! Вотъ что заявляли общественныя власти девять лѣтъ тому назадъ въ этой самой залѣ, чувствуя Пастера, вотъ что стремился выразить мой другъ Шаплонъ, въ той прекрасной медали, которую президентъ республики явился сюда мнѣ вручить. Я не знаю, достаточно ли полно я выполнилъ тотъ благородный идеалъ, который начерталъ артистъ, но я знаю, что всегда старался служить этому, сдѣлать изъ служенія родинѣ и истинѣ единственную цѣль моей жизни!»

В. Яковлевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА *).

Періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій.—Что говорятъ опыты о появленіи равновидностей.—Механическая теорія вѣрнія.—Сѣрный газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство.

35-ти-лѣтняя періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій. Въ юньской научной хроникѣ за истекшій годъ мы уже познакомили читателей нашего журнала съ работами англійскихъ астрономовъ *Лоузеровъ* о солнечныхъ пятнахъ. Эти ученые указывали на ту связь, которая, хотя и съ сильными отклоненіями, во все же вырисовывается между установленной Вольфомъ одиннадцатилѣтней періодичностью этихъ пятенъ и нѣкоторыми атмосферными явленіями.

Недавно *Вильямъ Лоузеръ* сдѣлалъ лондонскому королевскому обществу новое, весьма важное сообщеніе по вопросу о солнечныхъ пятнахъ.

Изъ наблюденій съ 1833 по 1900 годъ онъ открылъ, что существуетъ, кромѣ одиннадцатилѣтней, еще другая, бѣльшая періодичность въ явленіи солнечныхъ пятенъ, приблизительно въ 35 лѣтъ.

Лоузеръ предполагаетъ, что измѣненія солнечныхъ пятенъ, соответствующія тридцатипятилѣтней періодичности, являются слѣдствіемъ подобныхъ же измѣненій солнечной атмосферы, а это не можетъ остаться безъ вліянія и на земную атмосферу.

*) Въ «Научной хроникѣ», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ истекшаго года, на стран. 90-й, 21-ая строка снизу, нужно исправить слѣдующую опечатку: «иудіа» послѣ слова «царицу» слова «или же» замѣнить: «т.-е.»

Дѣйствительно, изучая колебанія уровня водъ, количества атмосферныхъ осадковъ, барометрическаго давленія и температуры и т. п., Э. Брюкнеръ пришелъ къ выводу, что существуетъ періодичность въ измѣненіи климатовъ на всей земной поверхности и что средній періодъ равняется приблизительно 34,8+0,7 годамъ. Брюкнеръ былъ такъ увѣренъ въ зависимости этой періодичности отъ какой нибудь космической причины, что даже, когда не могъ найти въ даныхъ Вольфа и намека на 35-ти-лѣтніе періоды, все же утверждалъ, что послѣдніе должны существовать и будутъ открыты, если не въ солнечныхъ пятнахъ, то въ какомъ нибудь другомъ явленіи солнечной жизни. И его предсказанія оправдались: выводы Брюкнера находятся въ полномъ соотвѣтствіи не только съ продолжительностью періода, установленнаго нынѣ Локьеромъ, но и съ максимумомъ и минимумомъ этого періода.

Проф. Рихтеръ, также до послѣдней работы Локьера, изъ подробнѣйшаго изученія движеній ледниковъ вывелъ заключеніе, что эти движенія въ общемъ находятся въ связи съ измѣненіями климата, указанными Брюкнеромъ. Подобную же періодичность въ 33—34 года вывелъ Ш. Эгзонъ для выпаденія дождей, бурь и нѣкоторыхъ другихъ метеорологическихъ явленій въ г. Саднеѣ, Мельдренъ для максимумовъ циклоновъ и Киттенъ для колебаній средней температуры.

Въ настоящее время мы приближаемся къ періоду максимума солнечныхъ пятенъ, который по своей интенсивности долженъ соответствовать максимуму 1870—78 г. Поэтому, если, этотъ максимумъ дѣйствительно оправдается и будетъ связанъ съ такими же метеорологическими и магнитными явленіями, какъ и минимумъ 1870—78 г., то выводы Локьера и Брюкнера получатъ блестящее подтвержденіе.

Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей *). Является ли причиной разновидности *возрастъ*? Многими опытами *Cossart Ewart* убѣдился что первыя половыя клѣтки, хотя и достигшія зрѣлости, бываютъ часто безплодными. Такъ, напр., если изолировать двухъ голубей одного и того же гнѣзда и спаривать ихъ тотчасъ же по наступленіи зрѣлости, то очень рѣдко бываетъ, чтобы первая или вторая пара яицъ дали бы хоть одного птенца. То же самое случается, если спариваются два очень молодыхъ голубя, хотя не состоящихъ въ родствѣ. Если же молодая самка спаривается съ сильнымъ, достигшимъ полной зрѣлости самцомъ или молодой самецъ спаривается съ сильной, достигшей полной зрѣлости самкой, то и первыя ихъ яйца всегда даютъ птенцовъ.

Слѣдующіе опыты показываютъ, что различіе въ возрастѣ родителей можетъ быть причиной появленія разновидности. Полевой аспидно-сизый голубь-самецъ, хотя и выросшій въ неволи, но вполне чистой расы, спарился, не достигнувъ зрѣлости, съ молодой бѣлой самкой; другой такой же голубь спарился съ черной самкой, достигшей полной зрѣлости. Отъ первой пары родился одинъ бѣлый

*) Этому вопросу посвящена президентская рѣчь, произнесенная *Cossart Ewart* на недавнемъ конгрессѣ британской ассоціаціи наукъ. Рѣчь эта содержитъ чрезвычайно много новыхъ фактовъ и обобщеній и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить нашего читателя съ ея содержаніемъ.

отъ второй два черныхъ птенца; бѣлый птенецъ умеръ, какъ только покинулъ гнѣздо, и причиной этому, вѣроятно, была молодость его родителей, у которыхъ не вышли птенцы также и изъ второй и изъ третьей пары яицъ и только четвертая пара яицъ дала двухъ голубей, достигшихъ впоследствии зрѣлости. Оба эти послѣдніе голубя были темнѣе, здоровѣе и больше отца; хвостъ у нихъ синій, какъ у индійской разновидности, и какъ у нѣкоторыхъ голубей запада, крылья слегка волнистыя, но отъ отца они существенно отличаются только четырьмя лишними перьями въ хвостѣ. Въ цѣломъ рядѣ птенцовъ, происшедшихъ отъ другого самца и черной самки, можно было также наблюдать различіе въ клювѣ, крыльяхъ и т. д., но интереснѣе всего то, что постепенно черный цвѣтъ птенцовъ переходилъ въ аспидно-сизый. *Cossart Ewart* объясняетъ это тѣмъ, что съ каждой новой парой сила самца увеличивалась.

Играетъ ли роль въ появленіи разновидности *зрѣлость половых кѣловокъ*? Если, какъ мы видимъ, различіемъ въ возрастѣ можно объяснить, почему члены первыхъ выводковъ или пометовъ похожи на одного изъ родителей, то этого недостаточно, чтобы объяснить очень ярко выраженное различіе, нерѣдко существующее между птенцами одного и того же выводка или между членами человеческой семьи. Нужно поэтому признать, что различіе между членами одной семьи зависитъ отъ разницы между половыми кѣлочками. *Cossart Ewart* констатировалъ, что если самка-заяцъ, достигшая полной зрѣлости, оплодотворяется немного ранѣе овуляціи болѣе сильнымъ самцомъ, то зайчата походятъ на отца; если же оплодотвореніе происходитъ въ періодъ овуляціи, то нѣкоторые зайчата походятъ на отца, другіе на мать, и только нѣкоторые обладаютъ совершенно новыми признаками, или же, наконецъ, походятъ на одного или на нѣсколькихъ своихъ предковъ. Если же оплодотвореніе происходитъ приблизительно 30 часовъ послѣ овуляціи, всѣ зайчата безъ исключенія походятъ на мать.

Условія, въ которыхъ находится организмъ, могутъ ли быть причиной появленія разновидности? Многие говорятъ за то, что измѣненія какой-нибудь части тѣла, способныя повліять на общее состояніе организма, вліяютъ также и на половыя кѣлочки, такъ какъ вѣдь тѣло высшихъ организмовъ то же, что окружающая среда для простѣйшихъ. Если болѣзнь ослабляетъ организмъ или вредитъ питанію половыхъ кѣлочекъ, то не можетъ ли она быть причиной разновидности? Вотъ, что дали опыты *Cossart Ewart*'а. Яйца пары индійскихъ голубей, въ крови которыхъ находилось очень много паразитовъ, схожихъ очень съ паразитами маляріи, оказались всѣ безплодны. Яйца самки съ многочисленными паразитами и самца съ малымъ ихъ количествомъ дали птенцовъ, но эти послѣдніе умерли равнѣе, чѣмъ они были въ состояніи покинуть гнѣздо. Старый самецъ съ небольшимъ количествомъ паразитовъ въ крови и здоровый англійскій голубь произвели только одного птенца; у здоровой англійской самки-голубя и того же больного маляріей стараго индійскаго самца единственный птенецъ походилъ на мать. Ко времени же второй носки яицъ индійскій голубь выздоровѣлъ отъ маляріи и птенцы, вышедшіе изъ этихъ яицъ имѣли всѣ характерныя признаки дикаго полевого голубя. Причину поражающей разницы между птенцами перваго и втораго выводка слѣдуетъ отнести не къ самимъ паразитамъ маляріи, но къ ослабленію организма.

Другіе аналогичные опыты показываютъ, что на половыя кѣточки вліяютъ и другія болѣзни, причеъ иногда болѣзни эти затрогиваютъ до такой степени непосредственно окружающую среду половыхъ кѣточекъ, т.-е. половыя железы, что эти послѣднія могутъ оказаться вполне безплодными. Въ 1900 г. у двухъ кобылъ отъ одного и того же гнѣдого арабскаго коня, страдавшаго болѣзнью половыхъ железъ, родились жеребята совершенно не похожіе на отца. Въ 1901 г. отъ того же арабскаго коня, но уже вполне выздоровѣвшаго родилось три жеребенка, изъ которыхъ одинъ вполне походитъ на отца, а остальные два—вообще на арабскихъ лошадей. Но всѣ эти факты не доказываютъ, что половыя кѣточки страдающихъ, напр., подагрой обязательно дадутъ подагриковъ, хотя въ силу того, что жизнеспособность половыхъ кѣточекъ страдаетъ у подагриковъ, потомки ихъ будутъ менѣе сильны и, слѣдовательно, болѣе подвержены заболѣванію подагрой или другой болѣзнью, чѣмъ ихъ ближайшіе предки.

Можетъ ли *перемѣна* среды порождать разновидность? Уже давно замѣчено, что перемѣна среды или увеличиваетъ или ослабляетъ плодовитость. Экзотическія растенія, перенесенныя въ нашъ климатъ, часто бываютъ сначала совершенно безплодными, послѣ же акклиматизаціи чрезвычайно плодовитыми и дающими много разновидностей. Пони, привезенный изъ Индіи, дѣлалъ три мѣсяца оставался совершенно безплоднымъ. Кромѣ того имѣются факты, показывающіе, что на половыя кѣточки вліяютъ нормальныя измѣненія, напр., линіаніе у птицъ и у млекопитающихъ. Такъ голуби, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, вышедшіе вначалѣ лѣта больше и сильнѣе вышедшихъ въ концѣ лѣта. Прямое вліаніе среды: пища, температура, влажность и т. д., можетъ уменьшить, увеличить или вообще измѣнить тѣмъ или инымъ образомъ все тѣло или часть его, но эти измѣненія вліяютъ на половыя кѣточки только въ смыслѣ замедленія или усложненія наступленія зрѣлости зародыша и не способны вызвать у зародыша появленія опредѣленныхъ новыхъ анатомическихъ или функциональных признаковъ.

Является ли *скрещиваніе* непосредственной причиной образованія разновидности или же оно вызываетъ возвратъ къ первоначальному типу?

Cossart Ewart, на основаніи своихъ опытовъ, приходитъ къ заключенію, что скрещиванье двухъ различныхъ разновидностей ведетъ къ потерѣ наиболѣе рѣзкихъ отличій родителей и къ болѣе или менѣе полному возврату къ первоначальному типу.

Путеъ скрещиванія невозможно получить новые признаки или соединить всѣ признаки двухъ различныхъ видовъ въ одномъ индивидуумѣ, но если взять сильныхъ и здоровыхъ птицъ, то все же нѣкоторые признаки одной разновидности могутъ быть перенесены на другую. Напр., черныя уши, лапы и пр. гималайскаго кролика могутъ быть, благодаря скрещиванію, скombинированы съ характерной формой, длинной шерстью и привычками ангорскаго кролика.

Скрещиваніе же родственныхъ индивидуумовъ въ удобнѣе выбранный моментъ можетъ явиться причиной прогрессивнаго измѣненія, въ другое время, наоборотъ, подобное скрещиваніе приводитъ въ вырожденію. Если, напр., скрещиваются очень молодые индивидуумы одного помета, или выводка или больные

и родственные другъ другу индивидуумы, то потомство часто уже отличается отъ своихъ родителей; тотъ же эффектъ получается при скрещиваніи вполне взрослыхъ и по виду сильныхъ индивидуумовъ, но родственниковъ уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Такое потомство отличается обыкновенно слабостью сложенія и необыкновенной чувствительностью, обыкновенно подобные экземпляры не выживаютъ, но если и достигаютъ зрѣлости, при усиленномъ питаніи, то, несмотря на обиліе половыхъ кѣлочекъ, производятъ крайне незначительное число дѣтей и, что особенно характерно, часто бѣлыхъ, или совершенно лишенныхъ пигмента.

Весной 1900 г. Ewart скрестилъ самку сѣраго кролика съ самцомъ того же помета, но цвѣта бѣлаго съ чернымъ. Дѣти представляли большое различіе въ окраскѣ; съ однимъ изъ нихъ, окрашеннымъ, какъ отецъ, та же сѣрая самка дала новый пометъ, гдѣ всѣ дѣти, за исключеніемъ одного, были менѣе рѣзкой окраски, чѣмъ отецъ. Два изъ нихъ съ наиболѣе рѣзкой окраской были скрещены другъ съ другомъ и дали дѣтенышей, почти сплошь бѣлыхъ; съ однимъ изъ самцовъ этого помета была снова скрещена первая сѣрая самка, она принесла двухъ совершенно бѣлыхъ кроликовъ, двухъ только съ темной полоской на спинѣ, двухъ слабо окрашенныхъ и одного чернаго. Скрещиваніе между родственниками у голубей даетъ тѣ же результаты, и Ewart думаетъ, что бѣлые фазаны, куропатки и птицы маленькихъ острововъ Великаго океана, съ характерными бѣлыми пятнами, появились, благодаря скрещиванію между родственниками.

Какимъ же образомъ новыя разновидности не уничтожаются скрещиваньемъ? Что произойдетъ, если нѣсколько различныхъ расъ рогатаго скота оставить на свободѣ на большомъ, но ограниченномъ пространствѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени? Многіе зоологи отвѣчаютъ на это, что скрещиваніе приведетъ, въ концѣ концовъ, въ одной расѣ; нѣкоторые полагаютъ, что разновидности могутъ сохраниться и на ограниченномъ пространствѣ, если только они не способны давать при скрещиваніи потомство. *Cossar Ewart* утверждаетъ, что опыты говорятъ противъ такого спасительнаго вліянія фвіологической изоляціи на новыя разрушающее дѣйствіе скрещиванія. Съ другой стороны факты указываютъ, что разновидности часто не только не поглощаются первоначальными, но, наоборотъ, сами поглощаютъ послѣднихъ и даютъ начало еще другимъ новѣйшимъ. Ясно, по мнѣнію Ewart'a, что здѣсь дѣло, такъ сказать, въ перевѣсѣ однихъ разновидностей надъ другими и что двѣ или нѣсколько разновидностей, хотя бы даже и способныхъ давать другъ съ другомъ потомство, могутъ сохраниться со всѣми своими особенностями и на ограниченномъ пространствѣ. Ewartъ приводитъ въ примѣръ свои опыты съ одними исландскими пони, который при скрещиваніи съ арабской лошадыю или съ шотландскимъ пони давалъ потомство, которое и по масти, и по темпераменту, и по ходу было совершенно копіей этого исландскаго пони, оказавшагося, такимъ образомъ, сильнѣе, чѣмъ старыя расы. Нѣсколько такихъ пони, помѣщенныхъ на свободѣ, въ какой угодно мѣстности, безспорно могутъ положить начало новой расѣ пони. Это вѣрно и для другихъ видовъ. Черные, безрогіе гелловейскіе волы часто оказываются столь сильными, что при скрещиваніи съ длиннорогими коровами свѣтлой окраски даютъ все же потомство, идущее на рын...

за гелловейскую чистую породу. Совершенно также волкъ оказывается сильнѣе собаки, дакій кроликъ—домашняго и т. д. Ewart приводитъ слѣдующій весьма демонстративный опытъ. Сѣрая самка, внучка диваго кролика, была скрещена съ самцомъ, шкура котораго была украшена блестящими свѣтлыми пятнами. Изъ 6 дѣтенышей перваго помета трое совершенно походили на отца; съ однимъ изъ нихъ снова была скрещена та же сѣрая самка и принесла восьмерыхъ, всѣхъ съ блестящими пятнами; съ однимъ изъ этихъ внуковъ она принесла двухъ дѣтенышей съ такими же пятнами, двухъ бѣлыхъ и двухъ сѣрыхъ. Такимъ образомъ, новыя разновидности не только могутъ избѣгнуть поглощенія старыми, но и передавать свой перевѣсъ, почти безъ измѣненія, какъ мы то видѣли на примѣрѣ пятнистаго кролика, своимъ потомкамъ— прогрессивное развитіе становится возможнымъ въ опредѣленномъ направленіи.

Ище болѣе важное значеніе для сохраненія появившихся разновидностей имѣетъ факторъ, названный Ewart'омъ *избирательной наследственностью*. Прекрасный примѣръ такой наследственности наблюдается въ семействѣ ворона. Воронъ совершенно черенъ, у вороны же грудь и спина сѣрая. Эти двѣ разновидности способны къ скрещиванію, но никогда не даютъ помѣсей, итенцы или черны, или сѣры и часто въ одномъ гнѣздѣ встрѣчаются обѣ разновидности. То же наблюдается и среди различныхъ породъ кошекъ; когда онѣ скрещиваются, то котята одного и того же помета—одни являются представителями одной породы, другія—другой.

Среди кроликовъ такая избирательная наследственность тоже встрѣчается, но у кошекъ она выражена гораздо рѣзче, и Ewart предполагаетъ, что, вѣроятно, отчасти благодаря этому, въ природѣ встрѣчается такъ много различныхъ видовъ и разновидностей кошекъ и такъ мало—кроликовъ.

Итакъ, по мнѣнію англійскаго зоолога, если новая разновидность владѣетъ достаточнымъ перевѣсомъ, то она можетъ даже поглотить болѣе старыя разновидности, и если двѣ или нѣсколько такихъ разновидностей проявляютъ избирательную наследственность, то онѣ могутъ развиваться бокъ-о-бокъ и даже образовать, въ концѣ концовъ одинъ или нѣсколько различныхъ видовъ.

Способность къ совершенному перевѣсу надъ другими разновидностями вырабатывается, конечно, подъ вліяніемъ окружающей среды, которая удаляетъ индивидуумовъ, къ ней не приспособленныхъ,—но сила выжившихъ зависитъ уже не столько отъ самой среды, какъ отъ степени ихъ перевѣса надъ другими и отъ избирательной наследственности, которая защищаетъ ихъ отъ опасности исчезнуть подъ вліяніемъ скрещиванія.

Что касается до другихъ факторовъ, выставившихся многими, какъ причинъ появленія разновидностей, то нѣкоторые изъ нихъ Ewart отрицаетъ на основаніи своихъ опытовъ, какъ, напр., вліяніе впечатлѣній самки во время беременности и телегонію, относительно другихъ высказывается отрицательно, въ свѣту общихъ соображеній. Такъ, онъ допускаетъ, что непосредственно вліяніе окружающей среды на соматическія *) клѣтки можетъ быть не прямой причиной вариации, но утверждаетъ, что все говоритъ противъ того, что соматическія измѣненія могутъ быть унаслѣдованы.

*) Соматическія клѣтки, т. е. клѣтки тѣла противопоставляются клѣткамъ овынь.

Особенно подробно останавливается Ewart на опытахъ своихъ и барона Парана, касающихся вопроса о телегоніи. Какъ извѣстно Дарвинъ признавалъ телегонію, т.-е. то, что первый самецъ, съ которымъ скрещивается самка, имѣетъ вліяніе на потомство этой самки отъ другихъ, послѣдующихъ самцовъ. Убѣдилъ Дарвина въ этомъ такъ называемый «опытъ лорда Мортонъ», въ которомъ отъ гнѣдой кобылы, слученой съ чернымъ арабскимъ жеребцомъ, родилось трое обыкновенныхъ жеребятъ и одинъ жеребенокъ полосатый, какъ квагга. Мортонъ и Дарвинъ объяснили это тѣмъ, что раньше эта же самая гнѣдая кобыла была случена съ кваггой и имѣла отъ послѣдней полосатыхъ ублюдковъ.

Какъ мы уже упоминали, специальные опыты Ewart'a и Парана (въ Бразиліи), производившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ на сотняхъ индивидуумовъ, не дали ни одного случая, подобнаго мортоновскому, и Ewartъ объясняетъ послѣдній не телегоніей, а возвратомъ къ первоначальному типу, такъ какъ знаменитая вынѣ гнѣдая кобыла была помѣсью арабской лошади и мѣстной индійской, и индійскіе пони сѣраго цвѣта и съ большимъ количествомъ полосъ. Легче допустить въ кобылѣ примѣсь крови этихъ пони, чѣмъ, на основаніи одного факта, отрицать сотни другихъ и вводить такое странное объясненіе, каковымъ является телегонія.

Итакъ, *Cossart Ewart*, на основаніи многочисленныхъ опытовъ, приходитъ къ тому выводу, что разновидности образуются не только благодаря легкимъ различіямъ въ питаніи отдѣльныхъ половыхъ клѣтокъ и различія въ зрѣлости ихъ, но также благодаря различію въ возрастѣ, силѣ и здоровьи родителей; скрещиваніе же, будучи непосредственной причиною появленія регрессивныхъ разновидностей, является лишь *непрямой* причиною появленія прогрессивныхъ разновидностей, но скрещиваніе между родственными индивидуумами въ удобный для сего моментъ, можетъ послужить причиною появленія прогрессивной варіаціи. Прогрессъ же въ опредѣленномъ направленіи, вѣроятно, часто обязанъ тому, что новыя разновидности вытѣсняють старыя и что многія разновидности могутъ владѣть избирательной наслѣдственностью въ достаточной степени для того, чтобы существовать бокъ-о-бокъ въ одной и той же мѣстности и даже образовывать новыя виды.

Механическая теорія зрѣнія. Пизонъ въ своемъ сообщеніи парижской академіи о «Движеніи пигментныхъ зеренъ у оболочниковъ» предлагаетъ замѣнить химическую теорію зрѣнія—механической. У всѣхъ животныхъ, какъ позвоночныхъ, такъ и безпозвоночныхъ, въ зрительныхъ органахъ, въ какой бы стадіи развитія послѣдніе ни находились, хотя бы были редуцированы до нѣсколькихъ клѣточекъ, всегда находятся пигментныя зернышки, обладающія очень быстрыми движеніями. Это-то присутствіе пигментныхъ зеренъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ зрительными клѣточками и постоянное движеніе этихъ зеренъ, наводитъ Пизона на мысль, не являются ли они посредниками въ раздраженіи зрительныхъ клѣточекъ, воспринимая энергію свѣтового колебательнаго движенія и передавая ее, въ свою очередь, палочкамъ и конусамъ ретвны. Молекулярное сотрясеніе, такимъ образомъ полученное зрительными клѣтками, передается по длинѣ зрительнаго нерва до мозговыхъ центровъ.

Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство. Способы, употребляемые нынѣ для уничтоженія крысъ, убиваютъ этихъ распространителей чумы, но не ихъ паразитовъ, которые, какъ было уже выяснено въ нашемъ декабрьскомъ научномъ обзорѣ играютъ наиболѣе важную роль въ распространеніи чумы. Средствомъ, убивающимъ какъ крысъ, такъ и ихъ паразитовъ, является сѣрнистый газъ (сѣрнистый ангидридъ— SO_2). Еще Пастеръ и Ру обратили вниманіе на этотъ газъ, какъ на дезинфицирующее средство: Штернбергъ и Валэнъ показали, что газъ этотъ уничтожаетъ микробы рожистаго воспаления, послѣродовой горячки и туберкулеза. Какимъ бы способомъ ни пользовались для полученія этого газа, способность его проникать всюду огромна. Чувствительныя реактивныя бумажки, положенныя въ средину матрацовъ, шкафовъ и другихъ вещей, находящихся въ дезинфицируемыхъ комнатахъ, всегда обнаруживали присутствіе этого газа. Но до недавняго времени употребленіе сѣрнистаго газа въ дезинфекціонной практикѣ было очень незначительно, вслѣдствіе несовершенства аппаратовъ, и только всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ американцемъ Клейтономъ былъ изобрѣтенъ аппаратъ, вполне пригодный для употребленія. Въ немъ сѣрнистый ангидридъ получается сжиганіемъ сѣры, которая помѣщается въ цилиндръ, постоянно наполняемомъ воздухомъ при помощи вентилятора, приводимаго въ движеніе небольшимъ паровымъ или газовымъ моторомъ. Въ Англіи и Америкѣ аппаратъ этотъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе для уничтоженія крысъ и дезинфекціи товаровъ при первомъ появленіи чумы на пароходахъ и въ портахъ, куда заходятъ пароходы. Аппаратъ ставится въ трюмъ, крысы, спасаясь отъ удушливаго газа, выходятъ изъ своихъ норъ и обыкновенно окозѣваютъ на тюкахъ съ товарами. Какъ трупы крысъ, такъ и ихъ паразиты не могутъ быть уже распространителями заразы, такъ какъ они дезинфицированы вполне. Ни товаръ, ни съѣстные продукты совершенно не портятся отъ дѣйствія сѣрнистаго газа, чай и кофе сохраняютъ свой вкусъ, ячмень не теряетъ способности произрастать.

Уже 8 лѣтъ пароходами, совершающими рейсы между Гаваной и Новымъ Орлеаномъ, съ большимъ успѣхомъ примѣняется дезинфекція при помощи аппаратовъ Клейтона для уничтоженія микроба желтой лихорадки. Каждая двѣ недѣли въ теченіе 24 часовъ трюмъ наполняется сѣрнистымъ ангидридомъ, но ни экипажъ, ни пассажиры не испытываютъ отъ этого никакихъ неудобствъ.

Аппаратъ Клейтона, кромѣ того, можетъ служить для тушенія пожара; американскія страховыя общества пароходамъ, перевозающимъ хлопокъ и легко воспламеняющійся уголь, дѣлаютъ свидку въ 33%, если пароходы снабжены аппаратомъ Клейтона. Масса опытовъ продѣлывалась съ цѣлью испытать пригодность сѣрнистаго газа при тушеніи пожара. Вотъ одинъ изъ нихъ. Въ комнату складывали до 8 футовъ въ вышину сахаръ и сосновыя дрова, все обливалось керосиномъ и зажигалось; когда огонь горѣлъ уже во всю свою силу въ теченіе 3½ минутъ, впускался сѣрнистый газъ, пламя тотчасъ же опускалось а какъ только закрывали до того открытую дверь, и совсѣмъ исчезало.

В. Аг.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь

1902 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы. — Исторія всеобщая и русская. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Медицина и гигиена. — Народное образованіе. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Новосты иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Иннокентій Анненскій. — «Меланиппа-философъ». Трагедія. — *Вольтеръ.* «Философскіе романы». — *Иванъ Франко.* «Въ потѣ лица».

Меланиппа-философъ. Трагедія. Иннокентія Анненскаго. Спб. 1901 г. Ц. 75 к. Ин. О. Анненскій, пользующійся уже почетною извѣстностью въ литературѣ, какъ авторъ капитальнаго труда по переводу, въ стихахъ и размѣромъ подлинника, *всѣхъ* трагедій *) Эврипида, — сдѣлалъ интересную попытку дать образчикъ оригинальной греческой трагедіи. Предоставляя специалистамъ высказаться о томъ, насколько трагедія г. Анненскаго проникнута духомъ истинной античности, — мы отмѣчаемъ это самостоятельное произведеніе, какъ оригинальное явленіе въ современной литературѣ. По словамъ г. Анненскаго, Эврипидъ, уже старикомъ, поставилъ на сцену пьесу, которая носила то же названіе, но пьеса эта не дошла до насъ. Сохранился только мнѣ, послужившій основой пьесы, и его авторъ долженъ былъ обработать, пользуясь скудными свѣдѣніями, сохранившимися о Меланиппѣ и Эолидахъ. Античный мнѣ потребовалъ и той формы, въ которой онъ изображался греческими трагиками. «Но, — поясняетъ авторъ, — хоръ новой Меланиппы совсѣмъ не тотъ, что былъ въ античной трагедіи: онъ индивидуализованъ, составляя гармоническое дополненіе къ героинѣ трагедіи». Основу трагедіи составляетъ борьба материнскаго чувства съ условностями жизни. Меланиппа отъ Посейдона родила двухъ сыновей-близнецовъ. Дѣтей находятъ пастухи и приносятъ во дворецъ отца Меланиппы, царя Эола, гдѣ дѣдъ ихъ, старый прорицатель Гелленъ, принимаетъ ихъ за пороженіе демоновъ и приговариваетъ къ сожженію. Тогда Меланиппа пытается ихъ спасти сначала въ страстной рѣчи, проникнутой рационалистическимъ взглядомъ на жизнь, убѣждая Эола, что дѣти, какъ и все въ природѣ, не могутъ быть враждебнымъ и злымъ явленіемъ, потомъ, когда эта попытка не удается, она открываетъ, что она — ихъ мать. Дѣти спасены, но Меланиппу судъ старцевъ приговариваетъ за нарушеніе цѣломудрія по древнему закону къ ослабленію и вѣчному заточенію въ тюрьмѣ. Въ трагедіи прекрасно проведена борьба чувствъ въ душѣ Меланиппы между страхомъ за дѣтей и стыдомъ дѣвушки, борьба достигающая кульминаціоннаго пункта въ страстной защитѣ уже приговоренныхъ къ смерти малютокъ.

Трагедія написана звучными и изящными стихами; особенно хороши хоры,

*) Одна изъ нихъ «Финикійки» напечатана въ «М. Б.», 189 г. апрѣль.

отличающіеся легкостью и музыкальностью. Какъ образчикъ, приведемъ небольшою хоръ изъ второго дѣйствія, послѣ явленія четвертаго:

Славьтесь снѣга пучины
Сребровласаго Нерей!
Славьтесь гордыя вершины,
Гдѣ снѣга лежать, бѣлыя,
Гдѣ орлы повисли рѣя
По-надъ стадомъ лебединымъ!
Но славнѣе и отраднѣй
Нѣтъ твоихъ, о Пелій, скатовъ...
Вѣвалъ сумракъ и прохладнѣй
Стали волны ароматовъ...
Дымно факелы мерцали,—
Пелій ярко обвивая,
Лента двинулась живая,
Лиры нѣжныя брачали
У гостей Нерей... Ели,
У Кентавровъ въ мощныхъ дланяхъ,
Смоляныя пламенѣли;
Нимфы ѣхали на ланяхъ;
Серебристой вереницей
Тамъ клубились Нерейды,
Мягко плыли Аониды,
Кто со свиткомъ, кто съ цѣвницей,
И съ сіяющей царицей
Шелъ властитель Эолиды.

Также музыкальны и другіе хоры и всѣ музыкальные антракты. Вообще, форма выдержана и отдѣлана съ большимъ вкусомъ и мѣрой, что дѣлаетъ это оригинальное произведеніе очень красивымъ.

А. Б.

Библиотена великихъ писателей. Полное собраніе сочиненій Шиллера. Под. ред. С. А. Венгерова. Т. II и III. Спб. 1901 г. Изд. Бронгауза и Ефрона. Мы уже отмѣтили (см. мартъ 1901 г.) выходъ перваго тома этого во всѣхъ отношеніяхъ превосходнаго изданія, совмѣстившаго идеальную внѣшность съ прекраснымъ и тщательнымъ переводомъ текста. Второй и третій томъ заключаютъ драмы Шиллера, его прозаическія произведенія и историческіе труды. Какъ и въ первомъ томѣ, каждое произведеніе сопровождается указаніями г. Горнфельда на литературу и варианты, сдѣланы комментаріи и необходимыя, въ особенности для русскаго читателя, поясненія и добавленія. Бромъ старыхъ, классическихъ переводовъ Жуковскаго, даны новыя, впервые появляющіяся въ этомъ изданіи. Настоящее изданіе можетъ служить цѣннымъ подаркомъ для юношества и должно быть необходимымъ пріобрѣтеніемъ для классныхъ и общественныхъ библиотекъ.

А. Б.

Вольтеръ. Философскіе романы, въ переводѣ Соколовскаго. Томъ I. Задигъ или Судьба.—Дитя природы.—Путешествіе Сакраменто.—Томъ II. Микромегасъ.—Кандидъ или Оптимизмъ.—Жизнь, какова она есть. «Дешевая библиотечка», изд. А. С. Суворина. Спб. 1901 г. Къ романамъ Вольтера нельзя приступать съ тѣми запросами, къ которымъ пріучила насъ беллетристика XIX вѣка. Ни психологическихъ проблемъ, ни картинъ среды, ни фобулъ, развивающейся согласно обычнымъ вѣроятностямъ реальной жизни, мы здѣсь не найдемъ. Авторъ распоряжается людьми и событіями съ безграничнымъ произволомъ. Но цѣль его не бѣгство отъ дѣйствительности въ міръ фантазій, а раскрытіе общаго характера человѣческой и мировой жизни. Если онъ пренебрегаетъ правдоподобіемъ единичныхъ чертъ, то въ цѣломъ онъ всегда стремится воспроизвести вполне правдивую картину, и въ этомъ смыслѣ его можно назвать самымъ послѣдовательнымъ реалистомъ. Пріемы, которые кажутся ему наиболее пригодными для выясненія истины, онъ не стѣсняется заимствовать у предшественниковъ. Чтобы обнаружить ничтожество человѣ-

ческаго бытія, онъ, по примѣру Свифта, заставляетъ гиганта съ Сиріусъ наблюдать жизнь земного муравейника. Чтобы подчеркнуть условность и извращенность современнаго ему быта и господствующихъ понятій, онъ вслѣдъ за Монтескье (въ «Персидскихъ письмахъ») приводитъ какого-нибудь иностранца или первобытнаго человѣка во Францію. Наконецъ, чтобы показать, что на всемъ земномъ шарѣ люди одинаково плохо умѣютъ устроить свою жизнь, онъ заставляетъ своихъ героев вольно или невольно путешествовать по всевозможнымъ странамъ, возобновляя въ этомъ отношеніи исконный приемъ повѣствовательной беллетристики. Всюду и вездѣ находя матеріалъ для насмѣшки надъ человѣческимъ эгоизмомъ, фанатизмомъ, мелочностью и глупостью, Вольтеръ умѣетъ прекрасно обставить вытекающіе отсюда философскіе вопросы: въ какой пропорціи распространены на землѣ добро и зло? Случайно ли зло или имѣетъ высшую цѣль? Какія условія для того, чтобы въ наименьшей степени подвергаться страданіямъ въ сей жизни? Достоинство философской стороны романовъ Вольтера заключается именно въ томъ, что онъ только ставитъ эти вопросы и ѣдко издѣвается надъ тѣми, кому отвѣты на нихъ кажутся вполне ясными, самъ же уклоняется отъ какого-бы то ни было опредѣленнаго рѣшенія. Ибо нельзя же, напр., считать разрѣшеніемъ проблемы объ устройствѣ человѣческихъ отношеній выводъ «Кандида», что, если хочешь чтобы жизнь казалась сносною, нужно оставить разсужденія и работать надъ своимъ огородомъ. Панглоссъ, конечно, не правъ, находя, что мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ, но кто знаетъ, худшій ли онъ изъ всѣхъ возможныхъ? Во всякомъ случаѣ, въ немъ есть элементы, изъ-за которыхъ было-бы несправедливо обречь его на сожженіе, какъ Содомъ и Гоморру. Благодаря живности разсматриваемыхъ вопросовъ романы Вольтера, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, до сихъ поръ сохранили живѣйшій интересъ. Не обладая вообще крупнымъ художественнымъ талантомъ, онъ именно въ романахъ соединилъ лучшія черты своего писательства. Иронія судьбы и безвкусіе современниковъ заставили его играть роль драматурга, тогда какъ онъ совершенно былъ лишенъ пафоса. Только насмѣшкой, карикатурой, сатирой имѣлъ онъ выразить свое дѣйствительно глубокое и искреннее чувство состраданія къ несчастному человечеству и негодованія къ его угнетателямъ. Въ трагедіи ему некуда дѣвать своихъ богатыхъ наблюденій надъ окружающею жизнью, весьма мало возвышенною. Между тѣмъ все это нашло прекрасное примѣненіе въ романѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ сатирахъ, поэтому современный читатель, желающій не съ чужихъ словъ судить о Вольтерѣ, какъ о писателѣ, можетъ не тревожить праха «Оростмана», «Альвиры», «Семирамиды», но долженъ прочесть «Кандида», «Дитя природы» (L'Ingenu) и нѣсколько другихъ прозаическихъ и стихотворныхъ романовъ, сатиръ и памфлетовъ.

Въ разсматриваемомъ изданіи читатель найдетъ нѣкоторые (далеко не всѣ) изъ прозаическихъ романовъ Вольтера. Мы не такъ давно еще имѣли случай указывать желательность такого изданія. Съ сожалѣнію, переводъ нельзя назвать удовлетворительнымъ ни по точности, ни по правильности языка. Иногда переводчикъ позволяетъ себѣ просто перифразировать текстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя не совсѣмъ соответствуютъ принятымъ въ настоящее время условностямъ приличія, такія вольности можно, по крайней мѣрѣ, объяснить, если не оправдать. Въ другихъ же случаяхъ измѣненія, внесенныя переводчикомъ, вызываютъ полное недоумѣніе. Приведемъ только одинъ примѣръ. Въ концѣ «Кандида» на безконечныя разглагольствованія оптимиста Панглосса пессимистъ Мартанъ отвѣчаетъ (въ русскомъ переводѣ): «Будемте же работать: это единственное средство сдѣлать жизнь сносною». Въ подлинникъ же эта реплика звучитъ: «Будемте работать *безъ разсужденій*» и т. д. Это кореннымъ образомъ измѣняетъ мысль: чтобы чувствовать себя сносно въ этомъ

міръ, нужно не только работать, но и отказаться отъ философскаго освѣщенія жизни. Присоединенное къ переводу предисловіе, несмотря на свою краткость, изобилуетъ грубѣйшими ошибками и не заключаетъ ни одного полезнаго указанія. Между прочимъ, Бомарше оказывается, вмѣстѣ съ Монтескье, предшественникомъ Вольтера и энциклопедистовъ.

Е. Деженъ

Ив. Франко. Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Переводъ О. Рувимовой и Р. Ольгина. Съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Славинскаго. Спб. 1901 г. Авторъ этихъ очерковъ принадлежитъ народу, которому каждый шагъ экономическаго, политическаго и культурнаго прогресса стоятъ невѣроятныхъ жертвъ и усилій. Самое сложное сплетеніе неблагоприятныхъ естественно-географическихъ и историческихъ условій окружило этотъ народъ со всѣхъ сторонъ враждебными элементами. Борьба со скудною природою, осложненіе обычнаго экономическаго гнета со стороны землевладѣльческаго и промышленнаго класса племеннымъ антагонизмомъ, нежизнеспособность государственнаго строя, равнодушіе и косность центральной власти—вотъ, что составляетъ матеріальныя и духовныя силы и безъ того небогато одаренной маленькой этнической группы, населяющей восточную Галицію. Но «судебъ удары», какъ извѣстно, могутъ имѣть и нѣкоторые благіе результаты. Не имѣя возможности ни на кого рассчитывать въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ, галиція крестьянская и рабочія массы медленно, но упорно пролагаютъ себѣ путь къ лучшему будущему. Въ этомъ поступательномъ процессѣ крупную роль играетъ галицкая интеллигенція, несмотря на свою малочисленность и бѣдность. Надо сказать впрочемъ, что большая часть этой интеллигенціи, еще такъ недавно выдѣлявшійся изъ народной массы, въ силу естественныхъ законовъ борьбы за существованіе стремится образовать буржуазно-бюрократическій слой. Чтобы не терять корней въ народѣ, эта молодая буржуазія сохраняетъ нѣсколько старыхъ формулъ демократической программы, которыя ни къ чему не обязываютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣла выработать въ себѣ въ довольно высокой степени талантъ приспособленія и наивный опортунизмъ. Тѣмъ напряженнѣе и отвѣтственнѣе работа той части интеллигентной демократіи, которая, сохранивъ полную солидарность съ производительными классами народа, поставляетъ передовыхъ борцовъ въ общественной эволюціи своей родины.

Волге четверти вѣка Ив. Франко занялъ свой постъ въ ихъ числѣ, и почти съ самаго начала ему выпала руководящая роль въ демократическомъ движеніи русинской Галиціи. Въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ до сихъ поръ протекаетъ жизнь русинскаго народа, раздѣленіе труда между борющимися элементами еще невозможно. Живые и талантливые люди не могутъ отдаться какой-нибудь одной спеціальности, ибо каждая находится въ самой тѣсной связи и зависимости отъ общаго теченія народной жизни. И конечно, Франко не сдѣлался бы такимъ выдающимся бытописателемъ, если бы не былъ одновременно публицистомъ, политическимъ дѣятелемъ, издателемъ, ученымъ и поэтомъ. Въ каждой изъ этихъ областей онъ занялъ совершенно выдающееся положеніе, благодаря своей исключительной одаренности и энергіи *). Чтобы достойно оцѣнить то и другое, надо имѣть въ виду, что онъ вышелъ изъ среды народа (сынъ крестьянина) и собственными силами пробился къ свѣту сквозь невѣроятныя препятствія, о которыхъ давно уже не имѣютъ понятія въ болѣе культурныхъ обществахъ Западной Европы. Тяжкая борьба за личное существованіе, ставившая его порой на краю голодной смерти, упорныя, бессмысленныя преслѣдованія за убѣжденія, близкое и неоднократно возобновлявшееся знакомство

*) Волге обстоятельная характеристика этого выдающагося писателя включается въ нашей статьѣ о немъ въ «Новомъ Словѣ» 1897 г. за мартъ.

съ ужасными австрійскими тюрьмами, отсутствіе на родинѣ руководителей умственныхъ запросовъ, мелкость и некультурность окружающей среды, кромѣ небольшой группы ближайшихъ сотрудниковъ,—вотъ тѣ условія, которыя могли бы сломить и разслабить всякаго зауряднаго дѣятеля, но въ такой желѣзной натурѣ, какою обладаетъ Франко, они только вызываютъ большую энергію сопротивленія.

Появившаяся въ настоящее время въ русскомъ переводѣ книга представляетъ сборникъ болѣе мелкихъ рассказовъ его, написанныхъ до 1890 года. Художественное творчество Франко стоитъ въ связи съ его общественною дѣятельностью; хотя не подчинено ей и не служитъ ей орудіемъ пропаганды. Его не занимаютъ чисто артистическія проблемы,—онъ реалистъ въ томъ смыслѣ, что его интересуютъ воспроизводимые предметы и явленія сами по себѣ, каковы они въ дѣйствительности, а не та картина, которая получается послѣ преломленія ихъ въ сознаніи художника. Несмотря на крайнюю простоту техническихъ приемовъ,—а отчасти и благодаря имъ,—авторъ достигаетъ очень часто большой силы впечатлѣнія. Этому способствуетъ именно горячее отношеніе самого художника къ своему сюжету. Слабѣе тѣ изъ повѣстей, гдѣ авторъ беретъ себѣ задачей психологію людей образованныхъ классовъ, зато изображеніе крестьянской жизни и ея психологій удается ему безподобно. Элементарный трагизмъ нищеты и безправія, жестокость нравовъ темнаго люда, душевная жизнь деревенскихъ ребятъ служатъ обычными темами повѣстей Франка. Никакой слащавости, ни тѣни обычной у новѣйшихъ малорусскихъ писателей сентиментальной идеализаціи крестьянскаго быта. Нельзя также не отмѣтить еще одного отрицательнаго достоинства: галицкая литература, художественная и публицистическая, полна національной вражды ко всѣмъ народностямъ, отъ которыхъ приходится терпѣть русинамъ и вообще малоросамъ. Смотря по направленію, галицкіе литераторы готовы пожрать одни москаля, другіе ляха, а всѣ вмѣстѣ—жида и нѣмца. Франко совершенно чуждъ слѣпой національной ненависти. Онъ всю свою жизнь ведетъ борьбу со всевозможными угнетателями и эксплуататорами, кто бы они ни были,—польскій панъ, ростовщикъ—еврей, иновѣрецъ или единовѣрецъ, но онъ никогда не распространяетъ классовый антагонизмъ на цѣлую націю. Всякая страдающая масса, на какомъ бы языкѣ она ня говорила, вызываетъ его симпатію, и когда ему случается изображать поляковъ или евреевъ, не принадлежащихъ къ классу торжествующихъ, онъ дѣлаетъ это не только безъ злобнаго предубѣжденія, а напротивъ съ теплымъ сочувствіемъ. Русскому переводу книги Франка предпослана біографія автора, весьма краткая, но составленная со знаніемъ дѣла и видимымъ увлеченіемъ.

Е. Десенъ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Сборникъ Кириши Данилова».—С. А. Венеровъ. «Русская поэзія».—Б. Никольскій. «Послѣдняя дуэль Пушкина».

Сборникъ Кириши Данилова. Изданіе Императорской публичной бібліотики. Подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901. Стр. XLVI+283. Ц. 1 р. 50 к. Отмѣченный именемъ Кириши Данилова сборникъ произведеній русской народной словесности имѣетъ любопытную исторію. Онъ былъ составленъ или списанъ въ концѣ XVIII-го вѣка по заказу Прокофія Демидова, по смерти котораго очутился въ 1802 году въ рукахъ московскаго почтъ-директора Ключарева. По порученію Ключарева, избранныя произведенія изъ сборника въ 1804 г. были напечатаны въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «Древнія русскія стихотворенія»

Сборникомъ заинтересовался извѣстный меценатъ и любитель старины гр. Румянцевъ, и рукопись перешла въ его руки за 1.000 рублей ассигн. Въ 1818 г. сборникъ Кирши Данилова былъ изданъ Калайдовичемъ съ пропускомъ девяти произведеній, въ томъ числѣ восьми пѣсенъ нескромнаго содержания и стиха о Голубиной книгѣ. Изданіе Калайдовича легло въ основу двухъ послѣдующихъ изданій «Древнякъ російскихъ стихотвореній», причемъ послѣднее по времени и четвертое по счету изданіе явилось въ «Дешевой библиотекѣ» Суворина. Между тѣмъ, подлинная рукопись сборника пропала и считалась навсегда утраченной. Но въ 1894 г. завѣдывавшій земскими школами Богородицкаго уѣзда Н. В. Чеховъ совершенно неожиданно нашелъ подлинную рукопись сборника Кирши Данилова въ библиотекѣ вн. М. Р. Долгорукова, въ его имѣніи «Огаревкѣ». Рукопись была принесена въ даръ Императорской Публичной библиотекѣ съ условіемъ напечатать сборникъ въ полномъ видѣ и пустить его въ продажу по доступной цѣнѣ. Такимъ образомъ явилось пятое изданіе сборника Кирши Данилова, существенно отличающееся отъ прежнихъ изданій. Въ этомъ изданіи напечатаны не только пропущенныя Калайдовичемъ нескромныя пѣсенки, но даже неприличныя слова, замѣняемая обыкновенно точками. Только грубо-скабреныя мѣста во вкусѣ Баркова пропущены, и то въ тѣхъ только экземплярахъ, которые пущены въ продажу. Второе существенное отличіе новаго изданія отъ прежнихъ—сохраненіе правописанія подлинника, тогда какъ у Калайдовича правописаніе исправлено и, кромѣ того, пѣсни раздѣлены на стихи.

Кромѣ текста рукописи, въ новомъ изданіи напечатано предисловіе редактора, гдѣ разсматривается значеніе, исторія и происхожденіе сборника, особенности языка и т. д. Въ сборникѣ приложены, между прочимъ, указатели собственныхъ именъ и предметовъ, словарь мѣстныхъ словъ, фототипическій снимокъ одного листа рукописей, предисловіе Калайдовича и письмо Демидова къ историкѣ Миллеру.

Сборникъ Кирши Данилова играетъ важную роль въ исторіи русской этнографіи. Первое печатное изданіе его впервые ввело въ научный оборотъ былинныя сюжеты. Своего значенія сборникъ не утратилъ и до настоящаго времени, такъ какъ содержитъ сюжеты единственные въ своемъ родѣ. И тѣ дополненія, которыя появились въ послѣднемъ изданіи, представляютъ почти совершенно новый матеріалъ, исключая стихъ о Голубиной книгѣ, гдѣ только вступленіе было раньше неизвѣстно.

Въ общемъ, новое изданіе сборника Кирши Данилова—очень цѣнный подарокъ специалистамъ; средній же образованный человѣкъ очень мало потеряетъ, если ограничится знакомствомъ съ «Древними російскими стихотвореніями» по дешевой изданію Суворина.

С. А. Венгеровъ. Русская поэзія. Выпускъ VII. Спб. 1901. Стр. 143 in 4°. Ц. 1 р. Седьмой выпускъ весьма цѣннаго изданія г. Венгерова содержитъ полное собраніе стихотвореній двухъ представителей сентиментализма въ русской поэзіи, Нелединскаго Мелецкаго и Карамзина. Сентиментальныя стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго и др. уже въ эпоху Бѣлинскаго считались давно устарѣвшими и имѣющими одинъ только историческій интересъ. Но въ нѣкоторыхъ слояхъ общества еще и въ настоящее время можно слышать пѣсенки названныхъ поэтовъ. Достаточно назвать такія пѣсни, какъ «Выду я на рѣченью» Нелединскаго-Мелецкаго, «Бто могъ любить такъ страстно» Карамзина, «Стоветъ сизый голубочекъ» Дмитріева, чтобы видѣть, насколько живучими и долговѣчными оказались, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя произведенія сентиментальной поэзіи. Столѣтіе же тому назадъ подобныя произведенія сыграли видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Это были первыя русскія стихотворенія, проникшія въ великосвѣтскіе салоны. Представители, а особенно представительницы, полуофранцузскаго общества заучивали эти нѣж-

ныя пѣсенки наизусть, декламировали и распѣвали ихъ, сопровождая пѣніе и декламацию вздохами и слезами. «Вздохи,—иронизировалъ Бѣлинскій,—превращали самыя тихіе дни въ вѣтреные, слезы потекли ручьями... Будь это въ наше время, сейчасъ бы составились компаніи на акціяхъ для постройки вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, въ расчетѣ на движущую силу вздоховъ и слезъ чувствительныхъ душъ». Гуманизирующее вліаніе этихъ вздоховъ и слезъ было не особенно велико, но все-таки они не прошли безслѣдно въ исторіи смягченія русскихъ нравовъ. Въ исторіи же развитія русской поэзіи сентиментальныя стихотворенія Карамзина и Нелединскаго-Мелецкаго занимаютъ видное мѣсто. Достаточно указать, что этими произведеніями въ свое время восторжались и увлекались Жуковский и Батюшковъ, непосредственные предшественники и учителя Пушкина. Особенно сильно было вліаніе Карамзина на Жуковского, въ первыхъ стихотвореніяхъ котораго трудно найти тему, не затронутую въ стихахъ автора «Бѣдной Лизы».

Кромѣ текста стихотвореній, въ VII выпускѣ «Русской поэзіи» находятся дѣльные историко-литературныя и библиографическія матеріалы. Относительно всѣхъ стихотвореній указано мѣсто и время ихъ первоначальнаго появленія въ печати. Въ стихотвореніяхъ Нелединскаго-Мелецкаго приложены биографическій очеркъ его, списокъ отзывовъ и статей о немъ съ наиболѣе характерными выдержками. Къ стихотвореніямъ Карамзина приложены руковожденія статьи г. Кирпичникова и Милокова, перепечатанные изъ «Энциклопедическаго Словаря», статья кн. Виземскаго о стихотвореніяхъ Карамзина, выдержки изъ литографированныхъ лекцій покойнаго Жданова о вліаніи Карамзина на Жуковского, библиографическая замѣтка г. Лященко и др. Но указатели статей и отзывовъ не только о Карамзинѣ вообще, но даже о Карамзинѣ-стихотворцѣ, не дано, хотя Карамзинъ заслуживалъ бы такого вниманія въ большей степени, чѣмъ Нелединскій-Мелецкій, о которомъ указана почти вся литература.

С. А.

Послѣдняя дуэль Пушкина. Биографическій очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1901. Стр. 97. Ц. 85 к. Много написано о катастрофѣ, преждевременно лишившей Россію ея величайшаго поэта. Много сказано «жалкихъ словъ» и о Дантесѣ, и о томъ обществѣ, которое отравило великому поэту жизнь и будто бы довело его до того, что онъ самъ искалъ смерти, хотя бы отъ руки «шалопая и мерзавца». Не забыто при этомъ и легкомысліе жены Пушкина, и недостатки его собственнаго характера, не позволившіе поэту стать выше мнѣнія и суда «мстительныхъ невѣждъ» и той «черни», которую онъ гвалтъ отъ себя въ стихахъ съ такимъ презрѣніемъ. Трагическая кончина Пушкина и обстоятельства, ей предшествовавшія, породили дѣльную литературу сплетенъ, иногда самыхъ невѣроятныхъ и пошлыхъ, не пощадившихъ даже самого поэта, не говоря уже о его женѣ. Но до сихъ поръ, несмотря на опубликованіе новыхъ документовъ, въ томъ числѣ подлиннаго военно-судебнаго дѣла о дуэли Пушкина, обстоятельства и причины, погубившія поэта къ дуэли, остаются не вполне выясненными.

Книжка г. Никольскаго представляетъ новѣйшую попытку разобраться въ этомъ хаосѣ сплетенъ, догадокъ, пристрастныхъ къ той или другой сторонѣ сужденій, запутанныхъ и противорѣчащихъ другъ другу показаній современниковъ и официальныхъ документовъ. Авторъ книжки привлекъ къ изслѣдованію всю литературу о послѣдней дуэли Пушкина и въ дополненіе къ старымъ догадкамъ и сплетнямъ пустилъ въ обращеніе новыя догадки собственнаго измышленія и такія сплетни, которыя раньше были извѣстны очень немногимъ.

«Тщательный пересмотръ матеріала» заставилъ г. Никольскаго «признать, что убійца Пушкина и его пріемный отецъ были совѣмъ не такъ глубоко и совѣмъ не въ томъ смыслѣ виновны въ смерти поэта, какъ думаютъ» (стр. 9).

Точно такъ же несогласенъ г. Никольскій съ распространеннымъ мнѣніемъ, будто «Гекеренъ и Дантесъ были только партизанами обширной великосвѣтской интриги, направленной на то, чтобы «погубить» Пушкина». Такой интриги, по мнѣнію г. Никольскаго, не было, а было на самомъ дѣлѣ одно только «заорядство», и «Пушкина погубила не интрига, но рядъ случайностей, которыя могли быть, могли и не быть, и которыя только своею роковою совокупностью привели къ трагической развязкѣ. Этой развязкѣ мыше порадовались, но никто ея не ждалъ, никто не готовилъ» (стр. 36).

Ходъ событій, приведшихъ къ трагической развязкѣ, г. Никольскому представляется въ такомъ видѣ. Баронъ Гекеренъ былъ «развратный, циничный, наглый и злой интриганъ». «Очень вѣроятно (!), что самъ Пушкинъ вооружилъ противъ себя Гекерена, не умѣя или даже не желая скрывать своего нерасположенія къ этому «Нестору развратной молодежи». Оскорбленный Гекеренъ рѣшился «насолить» Пушкину въ томъ обществѣ, гдѣ они встрѣчались, и «вынудить его (т. е. Пушкина) очистить поле столкновѣнія». Орудіемъ этой интриги явился Дантесъ, который не былъ ни побочнымъ сыномъ, ни племянникомъ Гекерена, но былъ усыновленъ имъ за услуги самого позорнаго свойства (см. стр. 19 и 23). Средствомъ «насолить врагу, отравить ему существованіе» была выбранъ жена Пушкина, за которой Дантесъ сталъ ухаживать довольно безцеремоннымъ образомъ, одновременно достигая двухъ цѣлей: и компрометируя жену поэта въ угоду Гекерену, и прикрывая своимъ ухаживаніемъ связь съ одной замужней особой. Пушкинъ «зоркимъ взглядомъ свѣтскаго человѣка сразу доискался режиссера всей комедіи». А тутъ подоспѣли анонимныя письма, въ составленіи и разсылкѣ которыхъ Пушкинъ также заподозрѣлъ Гекерена. Въ другое время поэтъ не обратилъ бы на анонимныя письма никакого вниманія, но теперь онъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы дать своимъ врагамъ острастку. Дантесъ былъ вызванъ на дуэль, но струсилъ и, во избѣжаніе поединка, женился на свояченицѣ поэта. Трусость Дантеса уронила его въ глазахъ Пушкиной, и онъ рѣшился прежнюю свою мнимую страсть, которой жена поэта могла вѣрить, обратить въ шутку. Съ этою цѣлью и послѣ женитьбы Дантесъ продолжалъ «уже явно на смѣхъ свои прежнія ухаживанія и разыгрыванія влюбленнаго». Пушкинъ и здѣсь заподозрѣлъ Гекерена и написалъ ему извѣстное письмо съ угрозою «попозорить» его въ глазахъ русскаго и голландскаго правительствъ. Цѣлью этого письма было не оскорбленіе Гекерена, а острастка. Пушкинъ былъ въ полной увѣренности, что голландскій посланникъ, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ безнаказанно въ глаза и публично назвалъ «негодяемъ», проглотитъ новое оскорбленіе, испугается угрозы и положитъ предѣлъ своимъ кознямъ. Но расчеты поэта на этотъ разъ не оправдались. Гекеренъ съ письмомъ Пушкина обратился за совѣтомъ къ графу Строганову, а графъ нашелъ необходимымъ, чтобы оскорбленіе было отомщено кровью. Какъ ни боялись Гекеренъ и Дантесъ дуэли, но вызовъ былъ сдѣланъ Дантесомъ, потому что его усыновитель не могъ этого сдѣлать по своему официальному положенію. Такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ только ради соблюденія приличій, то готовилась «не дуэль, а жалкій фарсъ», что отлично понималъ Пушкинъ. Если же этотъ фарсъ окончился трагически, то виновата въ такомъ исходѣ трусость Дантеса. При видѣ направленаго въ него пистолета, онъ подумалъ, что Пушкинъ «ему готовить честный гробъ», и испуганно спустилъ курокъ своего пистолета. Онъ предполагалъ только ранить своего противника и цѣлить въ ноги, но, сверхъ ожиданія, рана оказалась смертельной. «Для Пушкина этотъ роковой выстрѣлъ былъ еще неожиданнѣе, чѣмъ для Дантеса». Возмущенный такимъ «гнуснѣйшимъ предательствомъ» и «омерзительнымъ коварствомъ», поэтъ былъ охваченъ «жаждой мести» и выстрѣлилъ въ Дантеса.

Такова теорія г. Никольскаго относительно послѣдней дуэли Пушкина. Главнымъ виновникомъ смерти поэта оказывается онъ самъ, потому что, не вооруживъ себя Гекерена, не было бы назойливыхъ ухаживаній Дантеса и явонимныхъ писемъ, повлекшихъ за собою дуэль.

Для обоснованія такой трудно-допустимой «теоріи» г. Никольскому понадобилось сдѣлать цѣлый рядъ до чрезвычайности натянутыхъ допущеній и соображеній и проявить необычайную изворотливость и неразборчивость въ пользованіи источниками, даже такими, сомнительность которыхъ онъ самъ сознаетъ. Такъ, напримѣръ, рассказъ, записанный со словъ 74-хъ-лѣтняго князя Трубецкого, бывшаго товарища Дантеса, г. Никольскому «представляется лишь очевидной и глупѣйшей клеветой на Пушкина... и встрѣчается во многомъ несомнѣннымъ, документальнымъ «опроверженіемъ». Тѣмъ не менѣе, весь этотъ «жизненный» рассказъ перепечатывается по частямъ, и показаніе князя Трубецкого о безнравственныхъ отношеніяхъ Гекерена и Дантеса принимается безъ всякой оговорки, потому что этотъ фактъ даетъ г. Никольскому возможность объяснить усвоеніе убійцы Пушкина голландскимъ посланникомъ. Точно такъ же свободно пользуется г. Никольскій и воспоминаніями графа Соллогуба, хотя самъ же признаетъ, что «воспоминанія эти вообще очень хвастливы и порою подоварительны».

Тамъ же, гдѣ источники, хотя бы даже и крайне ненадежны, молчатъ и не даютъ нужныхъ фактовъ, г. Никольскій даетъ волю своимъ собственнымъ домысламъ. Его рассказъ пестритъ словами: повидимому, можетъ быть, по всей вѣроятности, пожалуй, едва-ли и т. д. Въ своемъ усердіи обосновать собственную «теорію» авторъ не останавливается даже передъ чтеніемъ мыслей равнаго Пушкина.

О цѣнности теоріи, потребовавшей такой подтасовки фактовъ и такого фантазирования, нѣтъ надобности особенно распространяться. Но назависимо отъ этой теоріи, книжка г. Никольскаго, по обилію собраннаго въ ней матеріала, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

С. Ашевскій.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

М. Стасюлевичъ. «Философія исторіи». — II. Сумароковъ. «Черты изъ жизни Екатерины Второй». — Ев. Тарле. «Исторія Италіи въ новое время».

М. М. Стасюлевичъ. Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ системахъ. Историческій очеркъ. Второе изданіе. Спб. 1902 г. Стр. 335. Первое изданіе этой книги появилось въ 1865 году и не прошло тогда незамѣченнымъ въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ. Г. Стасюлевичъ рассматриваетъ въ своей точно, ясно и обстоятельно написанной работѣ двѣ теоріи: теорію вѣчнаго историческаго круговращенія и теорію вѣчнаго историческаго прогресса. Первая теорія сохраняетъ въ настоящее время исключительно историческое значеніе, вторая—также является въ наши дни довольно большою рѣдкостью (по крайней мѣрѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ); но для всѣхъ, интересующихся прошлымъ исторической философіи, книга г. Стасюлевича представляетъ несомнѣнный интересъ: обѣ теоріи сыгнали въ исторіи не только научной, но и общественной мысли настолько важную роль, что ознакомленіе съ ними можетъ считаться не лишнимъ даже и для не специалистовъ.

Авторъ совершенно справедливо указываетъ, что на сторонѣ теоріи круговращенія стояли многіе первоклассные умы; дѣйствительно, имена Аристотеля, Макиавелли, Монтескье, Гизо—уже одни подтверждаютъ это безусловно. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что предполагается существованіе извѣст-

ныхъ фазисовъ историческаго развитія, чрезъ которые непремѣнно проходятъ и должны пройти всѣ народы, появляющіеся одни за другими на исторической аренѣ. Навболѣе пространную попытку обоснованія этой теоріи представилъ Вико, и его ученію посвящена въ книгѣ г. Стасюлевича особая глава. Величайшую заслугу Вико авторъ видитъ не столько въ причудливыхъ и иногда весьма натянутыхъ аргументахъ философа въ пользу обоснованія всей теоріи, сколько въ нѣкоторыхъ мысляхъ, которыми предстояла въ исторіи науки большая будущность, напр.: «исторія, какъ наука, не можетъ оставаться при одномъ случайномъ и постоянно измѣняющемся, какъ безконечная панорама, или какъ микроскопъ; она должна имѣть предметомъ своего изученія то, что постоянно и неизмѣнимо, что, слѣдовательно, составляетъ всеобщую принадлежность всѣхъ націй, и только въ этомъ смыслѣ она должна называться всеобщей». Теорія круговращенія, вѣчной повторяемости нѣсколькихъ фазисовъ, чрезъ которые проходитъ всякая нація, возникла, какъ результатъ наблюденія надъ прошлыми судьбами человѣчества.

Что же касается теоріи прогресса, то ея происхожденіе болѣе сложно, болѣе загадочно. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ авторъ, могла явиться въ сознаніи человѣка теорія прогресса, въ которой вся исторія представляется одною великою драмою, и судьба отдѣльныхъ народовъ въ этой драмѣ занимаетъ мѣсто небольшихъ актовъ, которые ведутъ человѣчество къ отдаленной и общей развязкѣ? Г. Стасюлевичъ придерживается того взгляда, что это ученіе должно было явиться одновременно съ идеями монотеизма. Теорія прогресса ассоціируется съ постановленіемъ извѣстнаго идеала, къ которому, какъ предполагаютъ сторонники этого ученія, стремится исторія человѣчества. Въ средніе вѣка св. Августинъ и его послѣдователи ставили такимъ идеаломъ вселенскую христіанскую церковь; впоследствии содержаніе конечнаго идеала безконечно разнообразилось въ полной зависимости отъ руководящихъ общественныхъ и политическихъ тенденцій времени и отъ индивидуальныхъ убѣжденій историка. Чѣмъ ближе къ нашимъ временамъ, тѣмъ болѣе и болѣе теорія прогресса теряетъ свой мистическій характеръ: «усовершенствованіе» человѣческой жизни съ точки зрѣнія «наибольшаго счастья для наибольшаго числа людей»—вотъ что въ глазахъ поборниковъ теоріи прогресса начало играть роль главнаго содержанія исторіи человѣчества. Въ изложеніи всѣхъ разновидностей этой доктрины авторъ сумѣлъ сохранить отгнѣны и характерныя черты, которые иногда сближаютъ, а иногда отдаляютъ другъ отъ друга такихъ разнообразныхъ сторонниковъ теоріи прогресса, какъ Бэконъ Веруламскій и Гердеръ, Декартъ и Тюрго, Декартъ и Ламеннэ, Лейбницъ и Бэйль и т. д. Сильно повышаетъ общую цѣнность книги полное безпристрастіе, которое удалось автору сохранить въ содержаніи и тонѣ изложенія. Нельзя назвать ни въ какомъ случаѣ «пристрастіемъ» все, что говоритъ г. Стасюлевичъ о такихъ, напримѣръ, лицахъ, какъ Боссюэтъ или Бональдъ, весь вѣкъ свой стремившихся умѣрнить (если ужъ нельзя совсѣмъ потушить) горвіе научной и рационалистической мысли. Неудача и конечная несостоятельность идей Боссюэта объясняются у автора слѣдующими соображеніями: «...даже мысль его доказать ничтожество человѣческаго разума въ исторіи была сама по себѣ рационализмомъ, а между тѣмъ приемы Боссюэта всего болѣе противны рационализму, потому что чужды всякой критики». Эти слова вполне примѣнимы и къ Бональду, и къ цѣлой массѣ однородныхъ умовъ; нужно ли говорить, что не только историкъ, но и публицистъ, и общественный дѣятель слишкомъ часто вынужденъ считаться съ такого рода тенденціями и теоріями, которыя сіяются упразднить мысль и разумъ—доказательствами отъ мысли и разума? Такой типъ теоретизирующихъ гасителей, обыкновенно, и поражаетъ своею слабостью и несостоятельностью, происходящими отъ глубокаго внутренняго противорѣчія;

впрочемъ, эта слабость и несостоятельность вредятъ подобнымъ теоретикамъ, къ сожалѣнію, только въ области науки, а въ общественной жизни—слишкомъ часто не вредятъ имъ нисколько.

Рекомендуемъ вниманію читателей книгу г. Стасюлевича, какъ интересно и обстоятельно написанную главу общей исторіи общественно-философскихъ теорій; при помощи ея возможно, съ большой экономіей времени, узнать то, съ чѣмъ образованному человѣку познакомиться необходимо. Кромѣ извѣстныхъ изслѣдованій гг. Карѣва и Виппера *), у насъ очень мало оригинальныхъ трудовъ по философіи исторіи въ ея прошломъ; вотъ почему новое изданіе разбираемой книги, возвращающее на книжный рынокъ старую, но хорошую работу, никакъ нельзя считать излишнимъ.

Евт. Т.

П. Сумароковъ. Черты изъ жизни Екатерины Второй. Съ портретомъ императрицы Екатерины II въ мундирѣ преображенскаго полка. Слб. 1901. Эта старинная характеристика отличается всѣми типичными чертами литературы позапрошлаго вѣка: стремленіемъ излагать предметъ обстоятельно, важно и дѣловито, желаніемъ говорить о высокомъ сюжетѣ подобающимъ «штилемъ», наконецъ, тою спеціальною восторженностью, отъ которой и современные историки далеко не всѣ успѣваютъ отдѣлаться, когда повѣствуютъ о Екатеринѣ. Въ одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ «Войны и мира» старый князь Болконскій чуть не наканунѣ смерти уже—вспоминаетъ «невысокую, полную женщину съ желтизною въ жирномъ лицѣ», и «жгучее чувство зависти» къ ея любимцу, давно уже истлѣвшему (какъ и она сама), вознуетъ его. Эта женщина умѣла, на самомъ дѣлѣ, удивительно властвовать не только надъ умами, но и надъ сердцами многихъ своихъ современниковъ и возбуждать чувства близкія къ обожанію и преклоненію какъ во многихъ современныхъ ей дѣятеляхъ, такъ и въ писавшихъ о ней мемуаристахъ и историкахъ. Были, конечно, и исключенія (и даже довольно многочисленныя), но Сумароковъ отнюдь не принадлежитъ къ ихъ числу. «Небесная улыбка обворожала, привлекала къ ней сердца. Приближенные разставались съ нею преисполненными преданности и удивленія,—говоритъ авторъ разбираемой книжки. Даже такое, малозначительное, нейтральное качество, какъ обиліе «электричества», приводитъ имъ при общемъ перечисленіи достоинствъ императрицы: «она имѣла въ себѣ столь много электричества, что, когда чистили байкою шелковые платки, которыми она, ложась спать, повязывала голову, и простыни, вылетали искры съ трескомъ. Однажды г-жа Перекусихина, прикалывая ей что-то, почувствовала толчокъ въ палецъ, электричество нѣсколько разъ повторялось»... Музыки она совсѣмъ не знала и не понимала, и «для сокрытія сего, равно для ободренія изящныхъ талантовъ, всегда поручала кому-нибудь изъ знатоковъ подавать ей знакъ къ рукоплесканію»... Съ окружающими, вплоть до прислуги, Екатерина была чрезвычайно обходительна, такъ, какъ не былъ никто, кромѣ нея, за весь «петербургскій» періодъ русской исторіи. «Скажи мнѣ,—говорила она горничной, небрежно исполнявшей свои обязанности,—или ты навсегда обрекла себя жить во дворцѣ? Станетъ, что выйдешь замужъ, то неужели не отвыкнешь отъ своей безопасности? Вѣдь мужъ—не я, право, подумай о себѣ!»

При докладахъ она всегда спрашивала о городскихъ слухахъ, ибо «была любопытна, желала знать мнѣнія подданныхъ, дорожила ими, предупреждала неудовольствія, неправые толки разглашеніями отъ себя, или отмѣняла свои предположенія». Она вмѣшивалась во всѣ отрасли управленія и даже судѣ, вникала въ разнороднѣйшія дѣла. Сумароковъ приводитъ слова принца де-

*) «Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ», проф. Р. Виппера, «Міръ Вожій», 1899 г.; съ марта по сентябрь включительно. Существуетъ отдѣльное изданіе.

Дня: «Въ Европѣ много молвятъ о Петербургскомъ кабинетѣ, но оный отнюдь не огроменъ, и только имѣетъ нѣсколько вершковъ пространства, отъ одного уха Екатерины до другого». Любопытно такое мнѣніе императрицы: «присоединенныя страны непристойно называть чужестранными, а обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше, нежели ошибка, и можно назвать достовѣрною глупостью. Сіи провинціи надлежитъ *легчайшими способами* привести въ тому, чтобы оны обрусѣли и перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу». Замѣчательны (и чрезвычайно на такихъ Монбланахъ рѣдки) примѣры признанія собственной вины, извиненія предъ приближенными и т. д., и авторъ не можетъ достаточно расхвалить за это свою героиню; она требовала отъ окружающихъ правды и больше многихъ иныхъ умѣла эту правду добывать и выслушивать. Что ее кругомъ обкрадываютъ и воры въ лентахъ и бантахъ, и воры безъ лентъ и бантовъ,—этого такая умная женщина не могла не знать, по ужь махнула рукой на подобныя дѣянія; разъ воры имѣли развязность при ней вынести изъ дворца (подъ какимъ-то предлогомъ) на фарфоровыхъ блюдахъ ананасы, персики, виноградъ: «хотя бы блюда мнѣ оставили», сказала императрица.

Съ чрезвычайною елейностью Сумароковъ описываетъ случаи, когда Екатерина карала «пашевилантовъ» однимъ только презрѣніемъ, бросала доносы въ огонь и т. д. Полнота характеристики требовала бы пополнить эти страницы разсказомъ о Степанѣ Пешковскомъ и его «кнутобойствѣ» (выраженіе Потемкина), о случаяхъ сѣченія фрейлинъ за каррикатуры, объ отравленіи спеціального слѣдователя по тому поводу, что «на Москвѣ было много вранья», и т. д. и т. д. Нужно, впрочемъ, сказать, что ни предыдущая, ни послѣдующая исторія въ этомъ спеціфическомъ отношеніи не могла особенно выдвинуть Екатерину изъ ряда; напротивъ, даже о единичныхъ случаяхъ «кары презрѣніемъ» и бросанія доносовъ въ огонь, хроники не только предыдущихъ, но и послѣдующихъ десятилѣтій говорятъ чрезвычайно мало.

Нельзя ни въ какомъ случаѣ принять сумароковскія «Черты» за историческія вѣрныя портреты Екатерины, но, несомнѣнно, кое что оны даютъ для пониманія образа одной изъ замѣчательнѣйшихъ личностей, сидѣвшихъ на русскомъ тронѣ. Искреннее увлеченіе и любовь сильно оживляютъ изложеніе, чуть-чуть витіеватое и велерѣчивое; да и трудно обойтись безъ показаній современниковъ, а Сумароковъ пишетъ именно по личнымъ своимъ воспоминаніямъ, по слухамъ и толкамъ, имѣвшимся тогда, когда они имъ выслушивались,—животрепещущій, злободневный интересъ.

Е. Т.

Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ новое время.—Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время, подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Изданіе Акціонерн. Общ. «Брогаузъ-Ефронъ». Съ картами. Цѣна 1 руб. Е. В. Тарле нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выпустилъ въ настоящей коллекціи книгу по исторіи Италіи въ средніе вѣка. Задача, которую предстояло автору разрѣшить въ ней, гораздо болѣе трудна, чѣмъ задача настоящей работы. Исторія Аппенинскаго полуострова въ средніе вѣка богата всевозможными внѣшними и внутренними пертурбаціями, культурныя состоянія, которыя смѣнялись въ періодъ времени паденія римской имперіи до такъ называемаго возрожденія, крайне сложны, руководящіе моменты исторіи непостоянны. И все же г. Тарле удалось очень удачно справиться съ этой задачей; на пространствѣ десяти съ небольшимъ печатныхъ листахъ оны отмѣтилъ все необходимое, и далъ, правда, во многихъ случаяхъ схематичную, но въ общемъ вѣрную и живую картину исторической эволюціи Италіи въ средніе вѣка.

Затрудненія, съ которыми приходится считаться при изложеніи исторіи Италіи въ новое время, тоже очень значительны, но они иного свойства. Тамъ

автора подавляетъ матеріалъ, трудно поддающійся сжатой и популярной обработкѣ; здѣсь матеріалъ болѣе удобенъ, потому что лучше сконцентрированъ; тамъ цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ смущаетъ популяризатора и заставляетъ его на время дѣлаться изслѣдователемъ и говорить отъ своего имени; здѣсь этого почти нѣтъ; тамъ приходится изображать судьбы страны, которая шла впереди Европы въ процессѣ экономическаго развитія и въ умственномъ движеніи, а въ политическихъ отношеніяхъ играла даже въ самые трудные моменты видную роль; здѣсь послѣ возрожденія начинается упадокъ культуры, послѣ географическихъ открытій—упадокъ торговли, послѣ реформациі—упадокъ папства, въ политическомъ отношеніи уже въ самомъ преддверіи новой исторіи Италію подвизываетъ территориальное дробленіе; словомъ, новая исторія Италіи вплоть до объединенія есть исторія упадка, и даже объединеніе не могло повернуть въ другую сторону направленіе вѣковаго процесса: оно могло лишь задержать его. Всевозможныя перипетіи этого процесса, перипетіи преимущественно мелкія, часто ничтожныя, такъ же трудно поддаются сжатому изложенію, какъ и крупныя процессы ранняго періода. Популяризатору нѣрѣдко приходится разрубать гордіевы узлы, чтобы спасти для читателя общую картину. Г. Тарле дѣлаетъ это, напр., въ отдѣлѣ о тиранахъ. Затѣмъ, при описаніи средневѣковыхъ событій, состояній и лицъ исторію можетъ оставаться совершенно спокойнымъ. Оцѣнка ихъ—вопросъ или второстепенный, или рѣшенный. Не то въ новой исторіи. Чѣмъ ближе къ современнымъ условіямъ, тѣмъ больше отъ него требуется руководящихъ точекъ зрѣнія; объективнаиъ становится трудно достижимымъ. Популяризатору не приходится быть изслѣдователемъ, но ему поневолѣ приходится быть порою публицистомъ. Въ заслугу г. Тарле можетъ быть поставленъ тотъ фактъ, что онъ всюду старался сохранить безпристрастіе. Онъ придерживается того плана, который въ историческихъ трудахъ все больше и больше приобретаетъ право гражданства: изложеніе становится тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе къ современности. Книга г. Тарле дѣлится на двѣ, почти равныя половины; та, которая нѣсколько больше, излагаетъ исторію Италіи отъ XIV вѣка до французской революціи; болѣе краткая доводитъ рассказъ до занятія Рима въ 1870 году и въ немногихъ словахъ резюмируетъ исторію послѣднихъ трехъ десятилѣтій; кончается книга вступленіемъ на престолъ короля Виктора-Эммануила II. Дѣятели объединенія нашли у Тарле въ общемъ правильную оцѣнку; только при характеристикѣ Бавура хотѣлось бы видѣть немного меньше идеальности.

Какъ и въ своей предыдущей книгѣ г. Тарле понимаетъ свою задачу очень широко: онъ далеко не ограничивается изложеніемъ однихъ только внѣшнихъ событій и включаетъ въ свой обзоръ всѣ важнѣйшіе факты и теченія культурнаго въ строгомъ смыслѣ характера. Гуманизма онъ касается, можно сказать, вскользь и отмѣчаетъ только его основныя черты въ виду того, что этому вопросу будетъ посвящена въ коллекціи Карѣева—Лучицкаго особая книга. Нѣсколько подробнѣе онъ останавливается на эпигонахъ итальянскаго возрожденія: Помпонацци, Ванини, Макіавелли, Джордано Бруно; особую главу онъ посвящаетъ публицистамъ XVIII вѣка: Бандини, Броджіа, Дженовези, Филанджьері, Беккаріа; намъ кажется, что въ этой главѣ могъ бы найти мѣсто еще одинъ мыслитель, значеніе котораго въ наукѣ не меньше, чѣмъ значеніе любого изъ выше перечисленныхъ, не исключая Филанджьері и даже Беккаріа. Мы говоримъ о Вико, авторѣ «Новой науки» и одномъ изъ родоначальниковъ социологіи. Экономическое развитіе Италіи въ новое время не выдѣляется нигдѣ изъ общаго изложенія, и это понятно: тутъ оно не имѣетъ и десятой доли того значенія, какое оно имѣло въ средніе вѣка. Зато социальныя и политическія условія описываются у Тарле въ достаточной мѣрѣ подробно. Въ книгѣ

приложены четыре карты, иллюстрирующія положеніе страны въ разные моменты новой исторіи.

Въ общемъ, повторяемъ, обѣ книги г. Тарле даютъ цѣльный и очень удачно написанный очеркъ полной драматизма исторіи Италіи. *А. Дживеллеовъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ев. Филипповичъ. «Основанія политической экономіи».—*П. Кованько.* «Главнѣйшія реформы Н. Х. Бунге».

Евгеній Филипповичъ. Основанія политической экономіи. Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія. Спб. 1901. 324 стр. Цѣна 3 руб. Курсъ политической экономіи вѣнскаго профессора Евг. Филипповича въ западно-европейской экономической литературѣ быстро завоевалъ себѣ широкія симпатіи читающей публики, потребовавшей уже третье изданіе.

Легкость изложенія, точность опредѣленій, научная безпристрастность при очень гуманномъ отношеніи къ соціально-политическимъ вопросамъ вполне объясняютъ причины этой симпатіи. Филипповичъ очень оживилъ свое изложеніе тѣмъ, что на ряду съ проблемами теоретической экономіи поставилъ и освѣтилъ волнующіе наше время соціальные вопросы и, отступая отъ обычныхъ плановъ курса политической экономіи, далъ въ концѣ своей книги краткій очеркъ историческаго развитія и современнаго состоянія политическихъ партій въ Германіи и основныхъ направленій экономической политики.

Ни въ области чисто политической теоріи, ни въ области такъ называемой экономической политики Филипповичъ не можетъ быть отнесенъ къ вполне опредѣленной научной или политической партіи. Партійность вообще ему чужда и, за немногими исключеніями, онъ сумѣлъ, подойдя къ жгучимъ вопросамъ современной экономической жизни и науки, сохранить полную объективность по отношенію къ своимъ научнымъ и политическимъ противникамъ. Эта сдержанность, къ сожалѣнію, мѣстами доходитъ у него до такихъ границъ, когда утрачивается возможность уяснить себѣ отношеніе къ даннымъ вопросамъ самого автора.

Въ общемъ, въ теоретической части Филипповичъ сильно приближается къ взглядамъ такъ называемой австрійской или психологической школы, въ области же экономической политикѣ онъ является сторонникомъ широкихъ соціальныхъ реформъ, выказываетъ глубокую симпатію къ рабочему классу, но всецѣло на точку зрѣнія требованій послѣдняго никогда не становится и, признавая законной и плодотворной борьбу рабочаго класса за улучшение своего положенія, онъ считаетъ, однако, утопией борьбу этого класса за устраненіе всякаго классового расчлененія общества.

Приближаясь по своимъ воззрѣніямъ къ ученію австрійской школы, Филипповичъ, къ сожалѣнію, не избѣжалъ общаго, если и преодолимаго, то еще не преодоленнаго, недостатка всей этой школы—ея надъисторичности. Это особенно ясно сказалось въ его ученіи о капиталѣ. Капиталъ, по его опредѣленію, это «тѣ произведенныя людьми вещественныя блага, которыя можно перемѣнять или же сдѣлать неподвижными по волѣ человека; ихъ мы противопоставляемъ почвѣ и землѣ въ качествахъ капитала» (126 стр.).

Это основное опредѣленіе Филипповича и дальнѣйшее его развитіе совершенно упускаетъ изъ виду, что капиталъ, какъ и всѣ категоріи политической экономіи, есть категорія историческая. Филипповичъ какъ бы совершенно забываетъ объ этой исторической обусловленности всѣхъ категорій политической

экономіи, о томъ, что «капиталь», «цѣнность» и т. д. выражаютъ собою не свойство вещей, а извѣстное отношеніе людей въ процессѣ общественнаго производства. Никакія «вещественныя блага», на которыя ссылается нашъ авторъ, сами по себѣ не могутъ быть капиталомъ, сами по себѣ они только «вещественныя блага» и больше ничего. Лишь опредѣленныя общественныя отношенія, сложившіяся въ итогъ долгой экономической эволюціи, превратили эти «вещественныя блага» въ капиталы. Эту историческую почву, на которой выросло такое сложное явленіе, какъ капиталъ, и надлежало выяснитъ нашему автору, но онъ ее не выяснилъ, какъ не выяснилъ онъ ее и по отношенію къ другимъ основнымъ категоріямъ экономической науки.

Въ ученіи о цѣнности Филипповичъ примыкаетъ, какъ мы уже замѣтили, къ ученію австрійской школы, хотя въ пониманіе этого ученія вноситъ нѣкоторыя черты оригинальности.

Въ противоположность обычному, — въ особенности въ русской экономической литературѣ, — дѣленію цѣнности на потребительную и мѣновую цѣнность, Филипповичъ придерживается установленнаго австрійской школой дѣленія на субъективную и объективную цѣнность. Подъ цѣнностью въ субъективномъ смыслѣ авторъ понимаетъ значеніе блага, дѣйствія, условія — вообще какого-либо вѣшняго факта для интересовъ опредѣленной хозяйственной единицы, при этомъ оно можетъ вытекать или изъ непосредственнаго воздѣйствія этого факта на собственыя хозяйственныя условія, или же изъ косвенныхъ воздѣйствій, тогда какъ хозяйственная единица, лишь затративъ указанныя блага, трудъ и т. д., получаетъ возможность имѣть въ своемъ распоряженіи такія блага, рабочія силы и т. д., отъ которыхъ непосредственно можетъ зависеть ея хозяйственное благополучіе. Такова цѣнность въ субъективномъ смыслѣ. Подъ цѣнностью же въ объективномъ смыслѣ Филипповичъ понимаетъ способность блага обеспечивать достиженіе опредѣленной вѣшной цѣли. Способность эта можетъ заключаться въ специфическихъ свойствахъ предмета — теплотѣ, разбиваемой дровами при горѣніи, въ силѣ, развиваемой паровой машиной и т. д., тогда передъ нами объективная потребительная цѣнность, или же эта способность вытекаетъ изъ выручки, которую приноситъ данное благо при приложеніи его къ производству, тогда передъ нами будетъ объективная производительная цѣнность и, наконецъ, благо можетъ быть полезно тѣмъ, что актомъ обмѣна оно способно доставить другія блага, тогда это будетъ объективная мѣновая цѣнность (195—196 стр.).

Соотвѣтственно этой классификаціи, Филипповичъ ставитъ теоріи цѣнности двоякаго рода задачу: «Выяснить причину возникновенія субъективной цѣнности и тѣ основанія, которыя опредѣляютъ ея величину, и затѣмъ тѣ же самыя явленія объяснить, принимая въ соображеніе объективную цѣнность». Психологическій характеръ перваго рода изслѣдованія, т.-е. изслѣдованія субъективной цѣнности не подлежатъ, по мнѣнію Филипповича, никакому сомнѣнію, такъ какъ здѣсь вся задача сводится къ тѣмъ «волевымъ реакціямъ, которыя вызываются въ человѣкѣ присущимъ ему хозяйственнымъ интересомъ» (198).

Но не лишена-ли этого психологическаго характера объективная, мѣновая цѣнность, вѣдь здѣсь передъ нами, повидимому, механическія, отрѣшенные отъ вліянія человеческой воли отношенія, вѣдь здѣсь цѣнность является чѣмъ-то заранѣе уже даннымъ и, повидимому, изслѣдовать здѣсь надо только вѣщныя движенія во взаимныхъ цѣностныхъ отношеніяхъ различныхъ вещей. Но подобный взглядъ на мѣновую цѣнность Филипповичъ признаетъ несостоятельнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, и объективная мѣновая цѣнность въ конечномъ анализѣ есть ничто иное, какъ результатъ сталкивающихся при обмѣнѣ субъективныхъ интересовъ. Въ силу этого, задача теоріи цѣнности въ отношеніи къ объективной мѣновой цѣнности сводится къ тому, чтобы вывести ея

происхожденіе и величину изъ субъективныхъ, обусловленныхъ вѣшними обстоятельствами и явленіями сужденій о цѣнности.

Переходя затѣмъ къ основаніямъ, опредѣляющимъ цѣнность благъ, Филипповичъ присоединяется къ теоріи предѣльной полезности (австрійская школа), по которой при данномъ запасѣ благъ и при данныхъ потребностяхъ цѣнность опредѣляется предѣльною пользою.

Таково отношеніе Филипповича къ теоріи цѣнности—центральной проблемѣ экономической науки, проблемѣ, вызывающей въ настоящее время такое рѣзкое столкновеніе мнѣній. Изъ этого столкновенія пока родилась еще не сама истина, а лишь ея мать—критика.

Одѣвнвать возрѣнія Филипповича на цѣнность здѣсь не мѣсто, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что, настаивая на психологическомъ характерѣ проблемы цѣнности, Филипповичъ, вслѣдъ за другими теоретиками предѣльной полезности, напрасно противопоставляетъ свою теорію теоріи трудовой цѣнности. Вѣдь эта вмѣсто теорія опровергла фетишизмъ экономистовъ, разсматривавшихъ категоріи экономической науки, какъ выраженія объективныхъ свойствъ вещей, а не общественныхъ отношеній людей. Надо только различать вопросъ о сущности и происхожденіи чувства цѣнности отъ вопроса объ измѣреніи цѣнности продуктовъ экономической дѣятельности. Намъ кажется, что представители субъективной школы, а съ ними и Филипповичъ, не различаютъ этого.

Переводъ книги Филипповича сдѣланъ во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно.

II. Берлинъ.

Петръ Кованько. Главнѣйшія реформы, проведенныя Н. Х. Бунге въ финансовой системѣ Россіи. Кіевъ. 1901 г. 448 стр. (цѣна не обозначена). «Николай Христіановичъ Бунге принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые будучи вполне убѣждены въ рациональности своихъ мѣропріятій, никогда не мѣшаютъ пишущей публикѣ высказывать свои соображенія», такъ начинается свою книгу г. Кованько.

Русская «пишущая публика», увы, не избалована подобною драгоценною чертою официальныхъ дѣятелей, въ силу чего у нея много накопилось невысказаннаго, и мы имѣли полныя основанія предпологать, что г. Кованько, начавъ свою книгу съ выписанной выше фразы, воспользуется драгоценною чертою покойнаго министра финансовъ и критически разсмотритъ всю его дѣятельность. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, къ чему же поминать о терпимости Н. Х. Бунге къ критическимъ замѣчаніямъ «пишущей публики», если самъ авторъ собирается писать панегирикъ Н. Х. Бунге?

Оказалось, что г. Кованько, начавъ съ приведенной фразы, наполнилъ затѣмъ 448 стр. почти сплошнымъ восхваленіемъ всѣхъ мѣропріятій Н. Х. Бунге. У него попадаются, правда, кое-какія критическія замѣчанія о томъ или иномъ финансовомъ мѣропріятіи покойнаго министра, но замѣчанія эти сдержанны, кратки, и, сдѣлавъ ихъ, авторъ тотчасъ же, точно чтобы сгладить ихъ впечатлѣніе, переходитъ къ славословію.

Вотъ передъ нами, напр., фактъ, что при министерствѣ Бунге косвенное обложеніе не только не уменьшилось, но даже еще увеличилось. «Заботы объ облегченіи и уравниеніи налоговъ,—говоритъ нашъ авторъ,—какъ бы покидаютъ Бунге при его преобразованіяхъ въ области косвенныхъ налоговъ. Вѣдь ни увеличеніе акциза на спиртъ, ни возвышеніе таможенныхъ сборовъ никоимъ образомъ не могли служить дѣлу облегченія или уравниенія податного бремени. Повидимому, интересы потребителей отходили на второе мѣсто, а на первое выдвигались интересы промышленниковъ. И къ сожалѣнію, дѣйствительно не разъ случалось такъ, что помощь, оказанная промышленности, обращалась немедленно въ пользу отдѣльныхъ группъ промышленниковъ и даже во вредъ

самой промышленности» (446). Но упомянувъ объ этомъ въ двухъ строкахъ, г. Кованько тотчасъ же снова переходитъ къ славословію. Дѣло въ томъ, что Н. Х. Бунге всё эти результаты «рисовались» совсѣмъ иными, и этой «внутренней» стороны г. Кованько рекомендуетъ не забывать. Столкнувшись съ отрицательными, какъ онъ самъ признается, явленіями финансовой политики Н. Х. Бунге, нашъ авторъ, смущенно упомянувъ о нихъ, спѣшитъ перейти къ анализу «внутренней стороны дѣла», доказательству того, что если результаты и были плохи, то побужденія и стремленія Бунге были безупречны: онъ самъ не рассчиталъ, къ чему приведутъ данныя мѣропріятія. Намъ думается, что и Бунге, какъ человѣка, это, быть можетъ, и похвально, но Бунге, какъ министру финансовъ, едва ли можно поставить въ заслугу, что онъ не зналъ, къ чему приведутъ его мѣропріятія.

Г. Кованько въ своемъ обширномъ изслѣдованіи разработалъ богатый архивный матеріалъ изъ бібліотеки покойнаго Бунге, завѣщанной имъ Киевскому университету. Съ этой стороны его изслѣдованіе весьма цѣнно, тѣмъ болѣе, что о финансовой дѣятельности Бунге у насъ совсѣмъ нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной монографіи. Но если изслѣдованіе г. Кованько весьма цѣнно какъ матеріалъ, то какъ освѣщеніе, какъ оцѣнка оно очень односторонне.

П. Берлинъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ *).

В. Бельше. «Отъ бациллы до обезьяны». — Э. С. Томпсонъ. «Разсказы изъ жизни животныхъ».

Вильгельмъ Бельше. «Отъ бациллы до обезьяны». Популярныя очерки по біологіи. Изд. А. П. Ненашева. Москва. 1901 г. Цѣна 1 р. 80 к. 318 стр. Говорятъ, Бельше считается теперь первымъ нѣмецкимъ популяризаторомъ. Я этому не вѣрю. Германія слишкомъ серьезная страна, чтобы послѣ Гумбольдта, Окена и Фогта вѣнчать Бельше. Бельше даже не популяризаторъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Его область не факты, а идеи, вѣрнѣе, одна идея — эволюція. Эволюція, прогрессивная эволюція — его догматъ, красота жизни — его культъ, торжество чело-вѣческаго разума — его пѣснопѣніе. Недурныя вещи по нашему времени, и работа Бельше, конечно, положительная, когда онъ борется съ пессимизмомъ и стремится создать бодрое настроеніе, то суля въ будущемъ новую квартиру чело-вѣчеству въ созвѣздіи Ценгавра, то рисуя, дѣйствительно, красивую картину совмѣстной эволюціи матеріи и духа. Неужели матерія, побывавшая въ мозгу Гёте, выходитъ оттуда безъ всякаго измѣненія? — спрашиваетъ нашъ авторъ.

«Можно представить себѣ, — говоритъ онъ **), — что весь круговоротъ матеріи, вся смѣна чело-вѣческихъ поколѣній и тотъ удивительный фактъ, что одинаковыя идеи проходятъ черезъ столько трилліоновъ матеріальныхъ чело-вѣческихъ мозговъ, представляетъ одну великую машину, предназначенную для того, чтобы вдолбить въ каждый атомъ земной матеріи великій урокъ, который проявится во вновь возникающихъ мірахъ съ самаго начала въ видѣ фатальныхъ заво-

*) Въ декабрьской книжкѣ истекшаго года въ рецензіи «Популярно-научная бібліотека А. Ю. Маноцковой» вкрались слѣдующія опечатки. На стр. 116, строка 26-я сверху, послѣ слова *явнобрачныя* нужно вставить «*Къ явнобрачнымъ относятся и двоячныя деревья*» — фразу, которая по недосмотру напечатана на 29 и 30 строкѣ. На этой же страницѣ, строка 6-я снизу, послѣ слова «*этихъ*» нужно вставить: «*шесть нѣтъ въ жидкости Ролана*».

**) «Гибель міра», стр. 132—133.

новъ и опредѣленныхъ предрасположеній. Благодаря этой мировой наслѣдственности нѣкоторыя вещи были бы воспроизведены въ новомъ мѣрѣ гораздо легче, и такимъ образомъ цѣль прогрессивнаго развитія была бы все-таки спасена... Высшая форма человѣчества можетъ при этомъ спокойно исчезнуть въ огненной части солнца, подобно трупѣ отдѣльнаго великаго человѣка, поглощаемому печью для сжиганія мертвецовъ. И все-таки великая цѣль эволюціи не будетъ оборвана. Возникнетъ новая линія эволюціи, которая будетъ утверждена на новой основѣ. Въ естественный законъ этой эволюціи привзойдетъ нѣчто новое, нѣчто болѣе высокое... Кто чувствуетъ еще въ себѣ силу для движенія впередъ, для бодрой работы, тотъ ищетъ болѣе свѣтлыхъ перспективъ, въ томъ живеть еще сознание необходимой связи всѣхъ вещей, которая соединяетъ наше прошлое съ судьбами млечнаго пути и Сириуса, и которая поведетъ насъ дальше, хотя бы даже земля была сокрушена или солнце погрузилось въ мракъ. Здѣсь вспыхиваетъ настоящая мировая сила индивидуальности: пока она не вѣрнетъ въ гибель міра—гибели этой не можетъ и быть».

Право, въ этой красивой фантазіи есть что-то, вѣроятно жажда вѣры и жизни, что гаситъ уже появившуюся было улыбку. Одно только печально. Людей, серьезно думавшихъ объ этихъ вопросахъ, врядъ ли успокоитъ Бѣльше, а безпокойство другихъ не идетъ такъ далеко. Но все же эта, такъ сказать, философски-этическая сторона работы Бѣльше и симпатична, и полезна, хотя бы уже тѣмъ, что многихъ заставитъ задуматься о томъ, о чемъ имъ и не снилось. Уже изъ приведеннаго примѣра видно, съ какимъ краснорѣчіемъ и азартомъ отстаиваетъ авторъ свой догматъ. Этотъ азартъ становится нѣсколько опаснымъ, когда дѣло касается фактовъ. Когда Бѣльше спускается на землю и начинаетъ излагать теорію эволюціи ея организмовъ, — то иногда какъ-то жутко за истину. Нѣтъ бога, кромѣ эволюціи—и Геккель ея пророкъ. Такъ, авторъ утверждаетъ, что геккелевская «теорія гастреи» проникла во всѣ даже маленькіе учебники зоологіи и пользуется общимъ признаніемъ.

Только азартъ начетчика можетъ освободить Бѣльше въ данномъ случаѣ отъ обвиненія въ недобросовѣстности и въ искаженіи истины. А между тѣмъ, исключительно на этой теоріи гастреи цѣликомъ построена одна изъ статей сборника («Первобытная исторія желудка») и къ ней авторъ часто обращается и въ другихъ своихъ статьяхъ («Мысли о бактеріяхъ». «Сохранившееся до нашихъ дней первобытное животное»).

Геккель можетъ отстаивать и нынѣ свою теорію, созданную имъ чуть не 30 лѣтъ тому назадъ (въ 1874 г.), подѣлать ее исходнымъ пунктомъ для популярныя статей, рассчитанныхъ на широкую публику, это все равно, что совращать въ свою секту младенцевъ. И развѣ нуждается нынѣ теорія эволюціи въ подобной защитѣ и пропагандѣ?! Наоборотъ, наступило время очистить ее отъ излишнихъ комментариевъ и толкованій слишкомъ усердныхъ адентовъ.

Къ чести Бѣльше надо сказать, что это единственное столь рѣзкое уклоненіе его отъ истины. Есть еще одно «пристрастіе», но оно касается уже «личности». Я говорю о статьѣ «О толстомъ Фогтѣ». Это талантливо и блестяще написанный памфлетъ. Главный и, по моему, самый неприятный недостатокъ его тотъ, что онъ написанъ послѣ смерти Фогта и, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти. Такъ можно писать только при жизни противника, когда послѣдній можетъ защищаться, или же тогда, когда данное лицо отошло уже въ область исторіи. Карлъ Фогтъ умеръ въ 1895 году.

«Физически, — пишетъ Бѣльше, — его мучила ломота въ костяхъ, относительно которой онъ имѣлъ предусмотрительность увѣрять, будто нажалъ ее, давая по глетчерамъ съ Агассисомъ; увѣрненіе это было необходимо, дабы черное подозрѣніе не коснулось какъ-нибудь бѣдныхъ жареныхъ куропатокъ и добраго

вина... Уже совсѣмъ старикъ, онъ все еще надѣялся снова вернуть себѣ цвѣтущую юность посредствомъ знаменитаго жизненнаго элексира Броунъ-Секара; и онъ, и Броунъ Секаръ,—оба они умерли—таки въ концѣ концовъ». Относительно знаменитаго полярнаго путешествія Фогта на Нордъ Капъ, Янъ-Майенъ и Исландію, Бѣльше говоритъ: «Однако, основательная естественно-научная работа среди всѣхъ развлеченій путешествія играла лишь второстепенную и побочную роль». Главное, по словамъ суроваго судьи, заключалось въ истребленіи ветчины и шампанскаго. Конгрессы и сѣзды Фогтъ-де любилъ оттого, что «на нихъ съ такой пріятностью переходить отъ анатомическаго расчлененія черепахъ къ изученію черепашьяго супа». «Къ зрѣ Бисмарка питалъ онъ (Фогтъ) отвращеніе, *но* *) и въ социаль-демократіи видѣлъ онъ не больше, какъ шайку поджигателей, а для вождей ея, Маркса и Либкнехта, не было у него въ запасѣ ничего, кромѣ грязной брани. Нельзя было; съ другой стороны, не замѣтить, что въ наполеонидахъ онъ чувствовалъ симпатію». Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ взаимоотношеній Фогта и тогдашнихъ вождей социаль-демократіи, но самое элементарное безпристрастіе должно было бы заставить Бѣльше упомянуть о томъ, что «вожди» съ своей стороны взводили на Фогта гнуснѣйшее и *ничѣмъ* не обоснованное обвиненіе въ подкупѣ его Наполеономъ. Бѣльше только двусмысленно киваетъ въ сторону наполеонидовъ.

Въ концѣ этой статьи-памфлета авторъ, видимо, самъ почувствовавъ непріятный пересолъ, говоритъ, что Фогта надо «рисовать въ томъ же освѣщеніи, въ какомъ самъ онъ рисовалъ событія и людей—тогда удастся всего ближе схватить его черты. Рисовать съ чуткой человѣчностью, но и не безъ легкаго оттѣнка каррикатуры».

Не знаю, что послѣ этого называется «человѣчностью» и что «легкимъ оттѣнкомъ каррикатуры»? У меня вертятся совершенно другія слова.

Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь вдаваться въ разборъ характеристики Фогта, данной Бѣльше. Скажу только, что автору слѣдовало бы доказать, а не утверждать, что въ философскихъ вопросахъ Фогтъ былъ «слабоголовъ»,—я сильно боюсь, что такія фразы какъ: «гдѣ мозгъ, тамъ и человѣческій духъ» (стр. 7) или «мозгъ уяснилъ себѣ все окружающее», «мозговые клѣтки создаютъ науку» (стр. 37) или, напр., еще яснѣе: «Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ шла рѣчь, когда мы говорили о духѣ, мышленіи и сознаніи? Конечно, о головѣ, о мозгѣ, о мозговыхъ клѣткахъ» (стр. 36), что такія фразы довольно-таки близки къ фогтовскому матеріализму.

Остальныя статьи сборника («Сказка о Марсѣ». «Изъ книги судебъ животнаго міра въ полярныхъ странахъ». «Тайна Южнаго полюса». «Классическая страна ихтиозавра». «Человѣкоподобная обезьяна съ острова Явы») написаны такъ же, какъ и упомянутыя уже нами, блестяще и литературно, часто даже художественно, также затрагиваютъ массу интересныхъ вопросовъ, также исповѣдуютъ эволюцію или поютъ гимны интеллектуальной мощи человѣка.

Въ этихъ гимнахъ слышится иногда нѣкоторый привкусъ націонализма и передъ словомъ геній высказывается вмѣсто прилагательнаго человѣческій—«германскій». Какъ бы то ни было, книга Бѣльше—оригинальное явленіе на нашемъ довольно-таки сѣвроматѣ фонѣ популяризаціи, и мы надѣемся еще къ ней вернуться въ связи съ другими проявленіями естественно-исторической мысли

В. Агафоновъ.

*) По мнѣнію Бѣльше, либо Бисмаркъ, либо социаль-демократія и Фогтъ послѣдніе 45 лѣтъ «брель безславнымъ шагомъ», такъ какъ «его не захватили въ своемъ бѣгѣ могущественныя партіи».

Э. Р. Томпсонъ. Разказы изъ жизни животныхъ. Съ 128 рисунками. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Ф. Павленнова. 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Удивительно оригинальная и талантливая книга.

Авторъ не описываетъ, какъ зоологи, путешественники или охотники, типовое, среднее, такъ сказать, обезличенное животное; онъ, какъ беллетристъ, выбираетъ себѣ героя и вводитъ васъ въ его жизнь, полную тяжелой борьбы за существованіе, любви и ненависти, самоотверженія и жестокости. Приѣмъ, недавно примѣнявшійся въ басняхъ и такихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ «Рейнеке-Лисъ», «Война мышей и лягушекъ», «Бузничихъ-музыкантъ» и пр., но авторамъ такихъ произведеній животныя служили только ширмой, изъ за которой удобнѣе было посмѣяться надъ человѣкомъ и его слабостями. Задача Э. Томпсона совершенно другая—«это не сказка», какъ сказали бы маленькія дѣти, «а—совсѣмъ взаправду». Авторъ описываетъ жизнь «настоящихъ» животныхъ, ни на шагъ не удаляясь отъ дѣйствительности—и все же читаешь эти маленькія эпопеи изъ жизни низшихъ существъ съ такимъ интересомъ и наслажденіемъ, какъ рѣдкіе романы и повѣсти изъ жизни людей.

«Эти разказы, говоритъ авторъ въ предисловіи, всѣ взяты изъ дѣйствительности. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я и отступалъ отъ строгой исторической правды, тѣмъ не менѣе животныя, описанныя въ этой книгѣ, всѣ списаны съ натуры. Они прожили ту самую жизнь, которая разказана мной, а ихъ геройство и индивидуальность проявились даже гораздо сильнѣе, чѣмъ мнѣ удалось это выразить перомъ... Я старался очертить живую личность каждаго индивидуума и его возрѣнія на жизнь, вмѣсто того, чтобы пускаться въ описаніе расы вообще, да притомъ еще съ точки зрѣнія человѣка, т. е. чисто враждебной».

И передъ читателемъ проходятъ дѣйствительно «герои»—свободолюбивые, мужественные и хитроумные, наивно-жестокіе и нѣжные, способные на такую силу любви, которую уже многіе изъ насъ утратили безвозвратно.

Вотъ гордый и могучій «король-Лобо»—вождь небольшой, стаи всего изъ пяти волковъ, держащій въ страхѣ цѣлый округъ; за голову его назначена премія въ 1.000 долларовъ. Онъ настоящій вождь—сильный, ловкій, смѣлый и осторожный; благодаря ему его стая живетъ припѣваючи въ теченіи 4-хъ лѣтъ, истребляя ежегодно до 400 головъ крупнаго скота и ускользя отъ всѣхъ хитростей и мѣстныхъ и выписныхъ охотниковъ, отъ ихъ собакъ, ружей, капкановъ и яду,—но Лобо любить Бланку и когда послѣдняя погибла, онъ отъ горя теряетъ голову и тоже попадаетъ въ руки своихъ враговъ. Ему надѣли ошейникъ съ крѣпкою цѣпью, пустили на дугъ и освободили отъ веревокъ. «Я положилъ около него мяса и поставилъ воду, разказываетъ авторъ, но онъ не дотронулся ни до чего. Онъ спокойно лежалъ на груди и смотрѣлъ своими прозрительными желтыми глазами мимо меня, вдаль, за предѣлы камыша, на открытыя поля,—его поля—и ни одинъ мускулъ у него не дрогнулъ, когда я къ нему прикоснулся. Солнце зашло, а взглядъ его все еще былъ устремленъ на поля. Я ожидалъ, что ночью онъ захочетъ созвать своихъ товарищей, и приготовился ихъ встрѣтить. Но онъ уже разъ въ тяжелую минуту взывалъ о помощи, и никто не явился; онъ никогда болѣе не станетъ звать... когда забрѣжилось утро, онъ все еще лежалъ на своемъ мѣстѣ въ одномъ положеніи, какъ бы спокойно отдыхая, но духъ его испарился—старый король Лобо былъ мертвъ».

Также свободолюбивъ и хитроумень былъ вороной мустангъ-иноходецъ, за которымъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ гонялись лучшіе коневоды западныхъ прерій, но въ концѣ концовъ его все же перехитрилъ человѣкъ и гордый конь покончилъ самоубійствомъ. Вообще по мнѣнію автора, жизнь дикаго животнаго всегда кончается трагически. Погибъ отъ пули смѣлый и хитрый Шрамъ (лисица),

дѣтей его придушили охотничьи собаки и только одинъ маленькій Типъ попалъ на цѣпь на ферму. Нѣсколько ночей подрядъ, забывъ о собакахъ и ружьяхъ, безстрашно прибѣгала къ нему его мать—старая Колдовка, стараясь освободить его изъ неволи, но тщетно—цѣпь была слишкомъ крѣпка. Когда Колдовка убѣдилась въ своемъ безсиліи, то на слѣдующую ночь принесла Типу не обычный гостинецъ—только что убитую курицу, а отравленную приманку, ядовитую силу которой она прекрасно знала. «Еслибъ Типъ былъ на свободѣ, она научила бы его различать и обходить ихъ. Но тутъ, когда предстоялъ выборъ между печальной жизнью плѣнника и моментальной смертью, она загнушила въ себѣ голосъ матери и дала ему свободу единственно доступнымъ ей способомъ».

Разсказъ «Мустангъ-иноходецъ», несмотря на свою художественность, пожалуй, наименѣе удачный—слишкомъ мало въ немъ мѣста отведено людямъ.

Наиболѣе выдержанными; съ точки зрѣнія поставленной авторомъ цѣли, являются, кромѣ упомянутого нами «Король-Лобо»,—«Серебряное пятнышко», «Рваное ушко», «Спригфильдская лисица» и «Красношейка». Здѣсь картины жизни животнѣхъ (вороны, кролика, лисицы и куропатки) нарисованы поразительно художественно и ярко. Чтобы создать такія картины, мало того громаднаго запаса личныхъ наблюденій, который скопилъ авторъ втеченіе долгихъ лѣтъ охотничьей жизни, мало и художественнаго таланта, имъ обнаруженнаго, нужна, сверхъ всего этого, какая-то необыкновенная проникновенность въ психику нашихъ «меньшихъ братьевъ».

Какъ мастерски описаны, напр., юношескіе «годы» этихъ столь различныхъ животнѣхъ, періодъ ихъ учобы. Какъ многое, что мы по традиціи приписываемъ таинственному инстинкту, оказывается приобрѣтеннымъ, благодаря продолжительному ученію, то школьному, «ротному», по выраженію автора, какъ у воровъ, то домашнему, какъ у лисицы, кролика и куропатки.

Какъ великолѣпна сцена, когда лисица Шрамъ одурачиваетъ собаку и затѣмъ наблюдаетъ надъ своимъ врагомъ и смѣется надъ нимъ. Приведемъ конецъ этой сцены. «Шрамъ мѣнялъ отъ времени до времени свою позицію, чтобы лучше видѣть происходившее, и наблюдалъ, можно сказать, съ человѣческимъ интересомъ за всѣми кругами, которые описывала собака... шерсть его подымалась на спинѣ при каждомъ появленіи собаки. Я могъ видѣть, какъ его сердце ударялось о ребра и какъ горѣлъ его желтый глазъ. Когда собака была окончательно сбита съ толку водой, забавно было видѣть Шрама: овъ не могъ усидѣть на мѣстѣ отъ радости, покачивался изъ стороны въ сторону и приподнялся на заднія лапы, чтобы насладиться зрѣлищемъ медленно плетущейся собаки. Съ пастью открытой почти до ушей, хотя и вовсе не усталый, Шрамъ громко дышалъ или скорѣе весело смѣялся, точь въ точь какъ смѣется собака, тяжело дыша и оскаливая зубы».

Еще болѣе занимательна подобная же сцена, когда молодой кроликъ «Рваное ушко» въ юношескомъ задорѣ дразнить и дурачить охотничью собаку. Подробно и чрезвычайно картинно описаны всѣ уловки и хитрости, которыя употребляетъ при этомъ «Рваное ушко». Порой только беретъ сомнѣвіе, не слишкомъ ли высокую психику придаетъ авторъ юному кролику, какъ и многимъ другимъ своимъ пріятелямъ. Но когда прочтешь всю книгу Томпсона, а начавъ ее, прочтешь непременно всю, когда трагическая лѣтопись жизни этихъ «героевъ» встанетъ передъ вами во всей своей полнотѣ, то вы не усумнитесь въ проникательности автора и согласитесь, что нѣтъ ничего зазорнаго въ томъ, что мы «сродни» животнымъ. То, что до сихъ поръ и въ человѣкѣ мы цѣнимъ выше всего—ярко и разносторонне выраженную индивидуальность и въ тоже время потребность и способность сочувствовать и понимать другого—эти мотивы жизни, только въ болѣе простой формѣ, могутъ звучать въ царствѣ

животныхъ, достигая въ лицѣ его «героевъ» такой силы и красоты, которой могли бы позавидовать и многіе изъ насъ.

Переведена книга Томпсона въ общемъ не дурно, но встрѣчаются мѣста, которыя требовали бы болѣе тщательной отдѣлки.

Рисунки также оригинальны, какъ и самые рассказы, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, исполнены тоже Томпсономъ.

В. Азафоновъ.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

В. И. Фомилиантъ. «Приморскія санаторіи». — *Д. Ашмарумовъ.* «Оспопрививаніе какъ санитарная мѣра». — *М. И. Покровская.* «Вопросы воспитанія». — *В. В. Хижмяковъ.* «О болѣзни глазъ, называемой трахомой». — *Н. Видорчикъ.* «Чахотка». — *А. Герценъ.* «Физиологическія бесѣды».

В. И. Фомилиантъ. Приморскія санаторіи, ихъ роль при лѣченіи золотухи, мѣстного туберкулеза и рахита. Съ предисловіемъ проф. Н. А. Вельяминова. Спб. 1901 г. Мало книгъ, имѣющихъ большее общественно-санитарное значеніе, можемъ мы указать равныхъ работъ д-ра Фомилианта по тѣмъ чрезвычайно важнымъ вопросамъ, которые возбуждаетъ авторъ. Въ прекрасномъ предисловіи, проникнутомъ чувствомъ глубокаго состраданія къ несчастнымъ дѣтямъ, проф. Вельяминовъ говоритъ: «Взгляните на послѣднія страницы этой книги, посмотрите, сколько проходитъ дѣтей съ мѣстными туберкулезными пораженіями черезъ одну только дѣтскую больницу Петербурга, загляните въ другую дѣтскую больницу, въ любую дѣтскую или хирургическую амбулаторію, — сколько тамъ такихъ ребятъ! Но вѣдь это далеко не всѣ петербургскія дѣти, страдающія мѣстнымъ туберкулезомъ, это только небольшая частица, а сколько такихъ маленькихъ страдальцевъ вы найдете по квартирамъ бѣдняковъ, въ углахъ и подвалахъ! Сколько ихъ въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ? — мы не знаемъ, но наврядъ ли ошибемся, если будемъ считать ихъ не сотнями, а тысячами. А Москва, Рига, Вильно, другіе большіе и малые города сѣверной и сѣверо-западной Россіи! Сколько тамъ наберется этихъ мучениковъ, для громаднаго большинства которыхъ, послѣ долгихъ мукъ и скитаній по больницамъ, въ виду только два исхода: либо смерть, либо временное выздоровленіе съ зачисленіемъ въ ряды калѣкъ, этого тяжелаго бремени для семьи и общества. Какое море физическихъ страданій для самихъ больныхъ, нравственныхъ мукъ и матеріальныхъ жертвъ для родителей?..»

Что же сдѣлало и дѣлаетъ общество для утоленія этихъ мукъ? На этотъ вопросъ даетъ прекрасный и обстоятельный отвѣтъ книга д-ра Фомилианта, въ которой изложены новѣйшія данныя о громадномъ значеніи приморскихъ станцій, о такъ называемой талассотерапіи (лѣченіе морскимъ воздухомъ и купаніями) — въ борьбѣ съ золотухой, мѣстнымъ туберкулезомъ и рахитомъ у дѣтей. Очень ясно, научно и убѣдительно авторъ доказываетъ огромную пользу приморскихъ санаторій, которыя теперь несомнѣнно признаны всѣми, какъ лучшее, если не единственное, средство для борьбы съ этими бичами дѣтской жизни. Въ особой главѣ приведенъ очеркъ всего, что сдѣлано у насъ въ этомъ дѣлѣ, причемъ описаны существующія санаторіи и подробно изложена исторія возникновенія Виндавской санаторіи и ея дѣятельности. Гуманная идея и энергичное начинаніе въ устройствѣ этой санаторіи принадлежатъ Е. С. Озеровой, привлекушей много лицъ и средствъ, и профессорамъ Раухфусу и Вельяминову. Не имѣя возможности въ краткой рецензіи привести всѣ интересные выводы о дѣятельности этой санаторіи, остановимся только на конечномъ результатѣ. Санаторія открылась въ апрѣлѣ 1899 г., пользовалось въ ней 53 человекъ

больныхъ дѣтей, изъ коихъ благоприятные результаты получилъ 41 ребенокъ (20 излѣчились совсѣмъ и 21 значительно поправилась), что составляетъ 77,3⁰/о; безъ видимаго результата осталось—9, или 17⁰/о, и ухудшеніе наступило у 3, или 5,6⁰/о. Изъ 53 человекъ 52 прибавились въ вѣсъ, причѣмъ у 46 прибавка превысила норму. Такие результаты, особенно если принять во вниманіе, что огромное большинство поступило въ санаторію въ тяжкомъ и запущенномъ состояніи болѣзни,—достаточно говорятъ сами за себя.

Полезь приморскихъ санаторій неоспорима; и остается пожелать, чтобы идея санаторій получала возможно широкое распространеніе. Несравненно дешевле и выгоднѣе устраивать подобныя санаторіи, чѣмъ лѣчить въ больницахъ, которыхъ и недостаточно, и само лѣченіе въ нихъ не даетъ такихъ прекрасныхъ результатовъ. Необходимо, чтобы устройство дѣтскихъ санаторій стало дѣломъ общественнымъ, такъ какъ это долгъ общества передъ невинными страдальцами, съ одной стороны, а съ другой—это вполне разумная забота о собственныхъ интересахъ: дѣти-калѣки являются и тяжелой обузой для того же общества.

Въ виду всего изложеннаго обращаемъ самое серьезное вниманіе читателей на интересную и поучительную книгу д-ра Фомиліанта. А. Б.

Д. Д. Ахшарумовъ. Оспопрививаніе, какъ санитарная мѣра. Вольскъ. 1901 г. Д-ру Ахшарумову, очевидно, не давали спать лавры проф. П. Ф. Лесгафта, разразившагося осенью прошлаго года неудачной филиппикой противъ оспопрививанія, и онъ рѣшилъ сообщить міру свои соображенія противъ «ступого предразсудка», отъ котораго онъ, къ своему счастью, освободился, но который продолжаетъ затмевать умы такихъ людей, какъ Рудольфъ Вирховъ, Робертъ Кохъ и т. п.

Г. Ахшарумовъ, не сообщая ничего новаго, пользуется той же аргументаціей, въ какой прибѣгаютъ всѣ немногочисленные противники оспопрививанія. На первомъ планѣ стоитъ ничѣмъ не подтверждаемое и поэтому голословное увѣреніе, что статистика сторонниковъ оспопрививанія ложная, дутая, но зато его, г. Ахшарумова, статистика безусловно вѣрна. Противъ такой постановки вопроса спорить нельзя.

Второй аргументъ слѣдующій. Въ XIX вѣкѣ, благодаря общему улучшенію санитарныхъ условій, эпидемическія болѣзни, въ томъ числѣ и оспа, потеряли свой острый характеръ и придавать въ этомъ дѣлѣ какое-нибудь значеніе оспопрививанію нѣтъ никакихъ основаній. Но развѣ это такъ? Несомнѣнно, что съ улучшеніемъ гигиеническихъ условій болѣзненность населенія уменьшается, но мы, съ одной стороны, отлично знаемъ, что и въ странахъ, гдѣ улучшеніе это въ общемъ идетъ очень медленно или даже вовсе не замѣчается, можно поголовнымъ оспопрививаніемъ прекратить эпидемію оспы, а съ другой стороны, намъ, напр., извѣстно, что въ Германіи, гдѣ санитарныя условія гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, возможны вспышки холерныхъ эпидемій (Гамбургъ, напр.), но въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются въ послѣднія десятилѣтія заболѣванія натуральной оспой.

Д-ръ Ахшарумовъ, интересуясь этимъ вопросомъ, долженъ былъ бы обратить вниманіе на общезвѣстный фактъ изъ исторіи франко-прусской войны: въ то время, какъ французы теряли массу людей отъ свирѣпствовавшей въ нихъ войскахъ оспы, нѣмецкіе солдаты, спавшіе на тѣхъ же постеляхъ, на которыхъ раньше ихъ лежали больные французы, не заболѣвали, и ничѣмъ другимъ, какъ обязательной ревакцинаціей въ нѣмецкой арміи, нельзя было объяснить этотъ фактъ.

Третій аргументъ противниковъ оспопрививанія это—прошедшій въ Англіи билль объ отмѣнѣ обязательнаго оспопрививанія. Но напрасно г. Ахшарумовъ думаетъ, что билль этотъ вызванъ сознаніемъ вреда оспопрививанія. Въ Англіи населеніе слишкомъ культурно и само понимаетъ пользу прививокъ, а вѣсть

съ тѣмъ въ этой странѣ такъ высоко развито понятіе о личности, что тамъ готовы пожертвовать нѣсколькими личностями, почему-либо не пожелавшими привить себѣ оспу, чѣмъ поддерживать какую-либо мѣру принудительными средствами.

Вслѣдъ за этой «солидной» аргументаціей въ брошюрѣ д-ра Ахшарумова излагается казуистика несчастныхъ случаевъ послѣ оспопрививанія.

Если принять во вниманіе милліарды сдѣланныхъ уже прививокъ, то казуистика эта поражаетъ своей незначительностью, въ особенности, если принять во вниманіе, что собиралъ ее противникъ оспопрививанія, слѣдовательно чело-вѣкъ, желавшій обставить эту казуистику возможно богаче. Но и собранная жалкая казуистика показываетъ не негодность мѣры, а неподготовленность, неу-мѣлость тѣхъ, кто эту мѣру примѣняетъ. У насъ въ Россіи еще сравни-тельно недавно такъ называемые оспевники изъ крестьянъ, изъ отставныхъ солдатъ, подъ видомъ оспы прививали, что ихъ душѣ угодно было, и ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что у такихъ «операторовъ» всякая прививка сопровождалась осложнениями. Если вообще борьба съ оспопрививаніемъ пред-ставляетъ неблагоприятную задачу, то борьба при помощи того матеріала, какимъ располагалъ г. Ахшарумовъ, прямо представляется покушеніемъ съ негодными средствами, какъ говорятъ юристы.

Врачъ В. И. Б—ъ.

М. И. Покровская, женщина-врачъ. Вопросы воспитанія. Спб. 1902 г. Цѣна 50 коп. Книжка г-жи Покровской распадается на двѣ части. Въ первой трактуется о развитіи душевной энергіи у дѣтей и популярно излагаются здра-выя понятія о воспитаніи. Говоря о ненормальномъ положеніи учащейся моло-дежи у насъ, г-жа Покровская горячо рекомендуетъ, какъ хорошую мѣру для улучшенія этого положенія, участіе молодежи въ благотворительныхъ учрежде-ніяхъ, гдѣ свойственная молодости жажда дѣятельности нашла бы себѣ примѣ-неніе. Намъ кажется, что о положеніи учащейся молодежи лучше было со-всѣмъ не говорить, и, конечно, не въ благотворительныхъ учрежденіяхъ найдеть удовлетвореніе лучшая часть учащейся молодежи.

Вторая часть книжки посвящена вопросу о воспитаніи цѣломудрія у маль-чиковъ. Г-жа Покровская вполне справедливо борется съ распространеннымъ въ обществѣ предразсудкомъ о вредѣ воздержанія для молодыхъ людей. Под-держанію этого предразсудка, несомнѣнно, содѣйствовалъ авторитетъ врачей—далеко, впрочемъ, не всѣхъ—тоже рекомендовавшихъ иногда для цѣлей якобы здоровья невоздержаніе. Такое мнѣніе среди врачей должно быть, какъ намъ кажется, теперь отнесено къ области прошедшаго.

В. И. Б—ъ.

О болѣзни глазъ, называемой трахомой. Совѣты здоровымъ и боль-нымъ. Составилъ земскій врачъ В. В. Хижняковъ. Москва. 1901 г. Ц. 5 к.

Чохотка, отчего она происходитъ и какъ съ нею бороться. Врача Н. Вигдорчика. Москва. 1901 г. Ц. 20 коп. Обѣ сейчасъ названная бро-шюры трактуютъ о болѣзняхъ, чрезвычайно у насъ распространенныхъ и ги-бельныхъ, о которыхъ, несмотря на ихъ распространенность, у насъ все еще мало знаютъ не только простые классы населенія, но и средній классъ. Если чахотка—пока бичъ всего человѣчества, то трахома осталась до сихъ поръ въ малокультурныхъ странахъ, слѣдовательно и у насъ.

Брошюра д-ра В. В. Хижнякова, одобренная для народныхъ чтеній ком-миссией по распространенію гигиеническихъ свѣдѣній въ народѣ, состоящей при правленіи общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, написана простымъ и яснымъ языкомъ и будетъ съ пользой прочтена всякимъ, кто захочетъ узнать что-нибудь о такой тяжелой болѣзни, какъ трахома.

Д-ру Вигдорчику надо поставить въ заслугу то, что изъ его брошюры читатель сможетъ вынести убѣжденіе, что боязнь заразиться чахоткой, такъ развитая въ обществѣ, преувеличена, что для зараженія чахоткой нужны

*

особыя благоприятныя обстоятельства, которыя, по счастью, не у всѣхъ и не всегда встрѣчаются.

Мы отмѣтимъ еще въ этой книжкѣ неудачное опредѣленіе слова «дезинфекція», подъ которой авторъ разумѣетъ уничтоженіе заразы при помощи лѣкарствъ, убивающихъ бактеріи. Не одни вѣдь лѣкарства уничтожаютъ бактеріи. И солнечный свѣтъ, и воздухъ тоже являются могучими дезинфицирующими средствами.

В. И. Б—ъ.

Проф. А. Герценъ. Физиологическія бесѣды. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. Увлекательно написанныя бесѣды проф. А. Герцена могутъ быть рекомендованы большому кругу нашей образованной публики, которая еще долго будетъ нуждаться въ популярныя свѣдѣніяхъ по естествознанію, такъ какъ, общая школа совершенно пока игнорируетъ все, что касается человѣка, его здоровья, функций его органовъ и т. д. Кромѣ главъ, посвященныхъ физиологическимъ вопросамъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ книгѣ проф. Герцена читатели найдутъ главу о брeженіи и заразѣ и приложеніе къ ней—фагоцитарную теорію Мечникова, а равно и главу о волѣ, свободѣ и нравственности съ точки зрѣнія психофизиологической. Авторъ—сторонникъ того взгляда, что между психической жизнью людей и животныхъ разница только количественная, но не качественная.

В. И. Б—ъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Сидней Веббъ. «Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ».—А. Романовичъ-Славатинскій. «Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ».—Пр. Скворцовъ. «О народномъ просвѣщеніи».—Литературная хрестоматія для всѣхъ».—А. Кузнецовъ. «Первый общедоступный театръ въ Россіи».

Сидней Веббъ и С. Вельсъ. Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ. (Лондонскіе политехникумы). Перевелъ, снабдилъ примѣчаніями и дополнилъ двумя статьями П. Г. Мижувъ. Спб. 1901 г. Изданіе редакціи журнала «Техническое Образование». Дѣтъ десять тому назадъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» была напечатана статья проф. И. И. Янжула о «Народномъ Дворцѣ» въ Лондонѣ, которая впервые обратила вниманіе русскаго общества на это замѣчательное учрежденіе и познакомила съ его исторіей. Съ тѣхъ поръ вопросъ о созданіи подобныхъ «народныхъ домовъ» уже не сходитъ со страницъ нашихъ общихъ и педагогическихъ журналовъ, которые справедливо придають этому новому просвѣтительному движенію громадное значеніе. Въ самой Англійской первоначальная идея подобныхъ учреждений подверглась значительному измѣненію и въ настоящее время выливается въ форму, такъ называемыхъ «политехникумовъ», которые, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ нашими или германскими политехническими институтами, хотя при нѣкоторыхъ изъ нихъ и существуютъ особыя отдѣленія для приготовления инженеровъ различныхъ специальностей. «Политехникумъ»—это тотъ же «народный дворецъ» только съ гораздо большей программой дѣятельности, чѣмъ его лондонскій предшественникъ, появленіе котораго на свѣтъ, какъ извѣстно, вызвано романомъ Вальтера Безанта—«All Sorts and Conditions of Men» *).

Брошюра, заглавіе которой мы выдвигали выше, представляетъ собою переводъ статьи Сиднея Вебба о лондонскихъ политехникумахъ, помѣщенной въ Сборникѣ монографій по вопросамъ народнаго образованія, изданномъ англій-

* Т.-е. «Люди всякаго рода и состоянія». Въ свое время онъ былъ помѣщенъ и на страницахъ нашего журнала подъ названіемъ «Тайна богатой наследницы». 28 г., отд. III. Есть и отдѣльное изд. ред. «М. В.».

скимъ департаментомъ народнаго просвѣщенія. Русскій переводчикъ, къ слову сказать одинъ изъ немногихъ у насъ серьезныхъ знатоковъ англійскихъ образовательныхъ учреждений, — нашелъ полезнымъ снабдить свой переводъ двумя дополнительными статьями, а также цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ примѣчаній, которыя, несомнѣнно, помогутъ читателю получить болѣе ясное представление объ этомъ новомъ типѣ «народныхъ домовъ» въ Лондонѣ. Каждый лондонскій «политехникумъ» есть, по словамъ Сиднея Вебба, — независимое и самостоятельное учрежденіе, не подчиненное контролю какого бы то ни было правительственнаго учрежденія и вообще какой бы то ни было вышней власти; каждый изъ нихъ можетъ развиваться въ какомъ угодно направленіи по усмотрѣнію своего административнаго совѣта и согласно волѣ жертвователя. Типичный лондонскій политехникумъ есть учрежденіе общественнаго характера, которое задается цѣлью — «дать возможность молодымъ людямъ обоего пола проводить выѣсть часть своего досуга, развлекаться и расширять свои познанія». Нѣтъ особой необходимости доказывать всю важность подобнаго учрежденія для рабочей массы, неирригидная обстановка жизни которой достаточно извѣстна. Въ настоящее время, въ Лондонѣ уже устроено одиннадцать политехникумовъ, на организацію и устройство которыхъ было собрано до 10.000.000 рублей! На помощь этимъ учрежденіямъ, кромѣ частныхъ лицъ, цеховъ и обществъ, — пришла также и коммиссія по техническому образованію, состоящая при лондонскомъ совѣтѣ графства, — однако, на томъ лишь условіи, чтобы образовательной дѣятельности политехникумовъ была придава прочная и основательная организація и чтобы вообще эта сторона дѣятельности политехникумовъ была значительно расширена. Благодаря этому, по свидѣтельству Сиднея Вебба, лондонскіе политехникумы, «оставляя въ неприкосновенности свои функціи въ качествѣ учреждений, содѣйствующихъ общенію и здоровымъ развлеченіямъ среди рабочихъ классовъ, приобрѣли первостепенное значеніе и въ качествѣ образовательныхъ учреждений». Въ настоящее время образовательная дѣятельность типичнаго «политехникума» крайне разнообразна. Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣ курсы, классы, школы и лекціи, которые организованы при лондонскихъ политехникумахъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, — скажемъ только, что въ этихъ учрежденіяхъ дѣти и взрослые могутъ получать не только низшее образованіе, но и спеціально-техническое по самымъ разнообразнымъ отраслямъ техники, а также и художественное, начиная съ элементарнаго рисованія и кончая лѣпкой, гравированіемъ и живописью. Кромѣ того каждый политехникумъ является центромъ для ряда кружковъ, обществъ и клубовъ, начиная съ образовательныхъ и кончая спортивными и взаимопомощи. Эта сторона дѣятельности особенно симпатична.

Въ началѣ брошюры П. Г. *Мижусевъ* знакомитъ съ главными особенностями организаціи народнаго образованія въ Англій, а въ приложеніи даетъ переводъ статьи С. Вельса о среднемъ учебномъ заведеніи при Веттерсе — политехникумѣ, которое предназначается для совмѣстнаго обученія обохъ половъ. Статья эта имѣетъ особый интересъ, такъ какъ напечатана въ официальномъ изданіи англійскаго департамента народнаго просвѣщенія и поэтому до нѣкоторой степени можетъ служить извѣстнымъ показателемъ взглядовъ, которыхъ придерживается и самъ департаментъ просвѣщенія въ Англій относительно вопроса о совмѣстномъ обученіи.

Конст. Дикомъ.

Голось стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ. Заслуженнаго профессора А. В. Романовичъ-Славатинскаго. Кіевъ. 1901 г. Университетскій вопросъ, точно также какъ и вопросъ о средней школѣ вызвалъ за послѣднее время появленіе цѣлага ряда статей и замѣтокъ въ нашей періодической печати, большинство которыхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ современную систему средняго и высшаго образованія и требуетъ ради-

кальной реформы. Этотъ «журнальный потокъ», прорвавшій, наконецъ, старую и притомъ никакуди негодную плотину школьной системы,—только лишній разъ подтверждаетъ глубокий интересъ, съ какимъ русское общество относится къ этому наболѣвшему вопросу, а также и то громадное значеніе, какое имѣеть, даже у насъ въ Россіи, печатное слово. Проф. Романовичъ-Славатинскій начинаетъ свою брошюру полнымъ осужденіемъ устава 1884 года, для котораго, по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ обстоятельствъ, смягчающихъ его вину, «такъ какъ зло, нанесенное имъ Россіи и русскому университету такъ велико, что едва ли скоро поправимо». Не вдаваясь въ особыя подробности,—авторъ настоящей брошюры подвергаетъ строгому анализу только систему «государственныхъ экзаменовъ» и приходитъ къ убѣжденію, что эта система принизила университетскую науку, парализовала значеніе многихъ существенныхъ факультетскихъ предметовъ и, кромѣ того, ослабила уваженіе къ университетскимъ дипломамъ, которые прежде выдавались факультетами. Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Романовичъ-Славатинскій категорически высказывается за полную автономію университетской корпораціи, уничтоженіе такъ называемой гонорарной системы, инспекціи и другихъ условій, при которыхъ немисливо существованіе академической свободы. Онъ указываетъ далѣе на необходимость признавать русское студенчество, «какъ отдѣльную социальную группу и предоставить ей организоваться въ различнаго рода союзы и товарищества, преслѣдующіе удивительное чисто академическихъ и университетскихъ студенческихъ цѣлей». «Существенными недостатками» современнаго университетскаго устава, по мнѣнію кievскаго профессора, «является также возможность за каждое слово, произнесенное съ кафедры, вкривъ и вкось истолкованное, безъ суда и расправы быть изгнаннымъ изъ университета». «Мартирологъ русскихъ профессоровъ»,—говоритъ далѣе авторъ,—довольно будетъ обширенъ даже тогда, когда мы не возведемъ его ко времени Галича и Арсеньева. Довольно вспомнить имена Павлова, Костомарова, Щапова, Муромцева, Ковалевскаго, Милюкова, Мищенко, Дитяткина, Барѣва и пр. безъ суда и расправы лишенныхъ кафедры, чтобы судить о томъ, сколькихъ силъ лишились университеты по однимъ подозрѣніямъ, питаемымъ молвой».

Въ заключеніе мы должны указать, что брошюра проф. Романовичъ-Славатинскаго имѣеть отчасти также и *историческое* значеніе, такъ какъ онъ приводитъ кое-какія воспоминанія, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся, впрочемъ, ко времени и не столь отъ насъ отдаленному. Особенно характерные факты профессоръ сообщаетъ о томъ, какъ были созданы программы для государственныхъ экзаменовъ и какъ среди русскихъ профессоровъ «сложился новый типъ профессора, примѣнительно къ требованіямъ новаго устава».

Очень жаль только, что авторъ не удержался въ одномъ мѣстѣ отъ «кивка въ сторону», который скорѣе подобалъ бы ярлымъ защитникамъ устава 1884 г., чѣмъ автору этой во всемъ остальномъ правдивой и серьезной брошюры.

Конст. Диксонъ.

Проф. Ир. Скворцовъ. О народномъ просвѣщеніи и объ организаціи его въ Россіи. Харьковъ. 1901 г. Соображенія проф. Ир. Скворцова объ организаціи народнаго образованія въ Россіи не лишены въ нѣкоторомъ отношеніи оригинальности и заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, болѣе внимательнаго съ ними ознакомленія. Какъ гигиенистъ, проф. Скворцовъ исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ того положенія, что народное здравіе есть основа всякаго благополучія—матеріальнаго и духовнаго. При настоящемъ положеніи дѣла народнаго образованія въ Россіи, обученіе въ народныхъ школахъ «простой грамотѣ и молитвѣ съ кое-какими обрывками дѣйствительнаго знанія», нисколько до сихъ поръ не отразилось, по мнѣнію автора, «ни на народной нравственности, ни на народномъ богатствѣ, ни на народномъ здоровьѣ». Даже наобо-

роть—«все это, несмотря на школы, ухудшается по мѣрѣ дальнѣйшаго усложненія жизни, какъ собственно народной, такъ общественной и государственной». Указывая даѣе на грозный призракъ вырожденія русскаго народа, приближеніе котораго подтверждается цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и официальныхъ документовъ, проф. Скворцовъ приходитъ къ убѣжденію, что однимъ изъ главныхъ факторовъ подобнаго положенія вещей служитъ отсутствіе у насъ широкаго просвѣщенія. «Матеріальное и нравственное благосостояніе,—пишетъ профессоръ Скворцовъ,—какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ частей его населенія, особенно основной его части—крестьянства, выражающееся въ поддержаніи и дальнѣйшемъ развитіи государственнаго и общественнаго порядка, въ достаточномъ для безбѣдной жизни массъ приобрѣтеніи и накопленіи народнаго богатства, въ обезпеченіи народнаго здравія относительно какъ повальныхъ, такъ и случайныхъ болѣзней, наряду съ повышеніемъ въ массахъ тѣлесной силы и крѣпости—такова должна быть основа всякой государственной и общественной политики». А это все возможно, по мнѣнію автора, только при разумной и цѣлесообразной организаціи народнаго просвѣщенія, не стѣняемаго никакими посторонними дѣлу случайными соображеніями и не подчиненными никакой узкой временной доктринѣ. Проф. Скворцовъ предлагаетъ свой планъ организаціи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Скворцовъ даетъ и разъясненія своего плана и высказываетъ много весьма дѣльныхъ соображеній. Особенно детально и интересно разработанъ проектъ образованія медицинскаго.

К. Диксонъ.

Литературная хрестоматія для всѣхъ. (Пособіе для устройств образовательныхъ литературныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ). Составлена одесскимъ Обществомъ любителей науки, литературы и искусства при сотрудничествѣ: А. А. Андриѣвскаго, проф. Г. Е. Аванасьевъ, проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Левитскаго, прив.-доц. М. И. Мандеса, Г. М. Пекатороса, прив.-доц. М. Г. Покруженко, М. И. Тимофѣева и Х. П. Ящуржинскаго. Томъ I-й, вып. II-й. Изданіе анціонернаго южно-русскаго Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1901 г. Цѣна 1 р. 25 к. Мы уже имѣли случай въ июльскомъ номерѣ нашего журнала за прошлый годъ отмѣтить первый выпускъ этого въ высшей степени полезнаго изданія. Настоящій выпускъ только еще болѣе убѣждаетъ насъ, что составители хрестоматіи, дѣйствительно, ясно представляютъ себѣ задачи подобныхъ сборниковъ, прекрасно знакомы съ дѣломъ организаціи общедоступныхъ литературныхъ чтеній и не жалѣютъ труда и энергіи, чтобы довести начатое предпріятіе до конца. Только тотъ, кому приходилось самому устраивать подобныя чтенія, — можетъ оцѣнить все то значеніе и важность, какую представляетъ для организаторовъ чтеній настоящее изданіе. Во второмъ выпускѣ помѣщены произведенія В. Г. Короленко, Г. Э. Лессинга, Д. Боккачіо, Л. Н. Толстого, А. Н. Апухтина, Лонгфелло, Андерсена, Шамиссо, Г. А. Бекера, И. З. Сурикова, Грене-Данкура, Богданова, Артура Моррисона, Берлиже, Ф. М. Достоевскаго, С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова, В. Г. Бенедиктова, В. И. Даля, И. С. Никитина, Ч. Диккенса, Фридриха Риккерта, Гюи-де-Мопасана, М. Гартмана, Катюль Мандеса и др. Каждому автору, какъ и въ первомъ выпускѣ, предпослана краткая характеристика его произдевій. Кроме того, въ этомъ выпускѣ помѣщена большая статья о Гоголѣ проф. А. И. Кирпачникова.

Въ концѣ книги приложена крайне полезная таблица распределенія матеріала I-го класса по группамъ слушателей: I-я группа для дѣтей школьнаго возраста; II-я группа для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ со взрослыми слушателями, не получившими школьнаго образованія; III-я группа — для тѣхъ же аудиторій, но когда слушатели имѣютъ нѣкоторую школьную подготовку, а также для чтенія въ воскресныхъ школахъ для взрослыхъ; IV группа—для

учащагося юношества и, наконецъ, V-я группа — исключительно для людей интеллигентныхъ.

Эта таблица значительно облегчитъ трудъ организаторовъ при составленіи программы чтеній. Крайне желательно, чтобы настоящее изданіе было не только допущено въ народныя бібліотеки и читальни, но также разрѣшено и для народныхъ чтеній, которыя до сихъ поръ пользуются весьма скуднымъ матеріаломъ.

К. Д.

А. А. Кизеветтеръ. Первый общедоступный театр въ Россіи. М. 1901. Изданіе Г-ва И. Д. Сытина, in 8-vo. Стр. 32. Ц. 20 коп. Брошюра г. Кизеветтера—первый выпускъ трудовъ комиссіи по устройству чтеній для учащихся, организованной состоящимъ при московскомъ университетѣ педагогическимъ обществомъ. Устройство чтеній для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—одна изъ пріятныхъ особенностей города Москвы, которую послѣдняя обязана не педагогическому обществу, а учебному отдѣлу общества распространенія техническихъ знаній, тому же учрежденію, которое выдѣлило изъ себя и комиссію по организаціи домашняго чтенія. Устройство чтеній для учащихся въ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и опытъ организаціи домашняго самообразовательнаго чтенія во всей Россіи составляютъ крупную общественную заслугу учебнаго отдѣла, и очень жаль, что старая комиссія, перекочевавшая нынѣ въ юное общество, начала свою печатную дѣятельность безъ всякихъ оговорокъ о своемъ происхожденіи, безъ указанія, что общество пошло по старой, хорошо устроенной дорогѣ.

Г. Кизеветтеръ своимъ трудомъ весьма удачно продолжаетъ дѣятельность старой комиссіи. Тема представляетъ и общій, и широко общественный интересъ, обработана живо, интересно и крайне общедоступно. Въ умѣло отдѣланную историческую раму вставленъ эпизодъ изъ исторіи русскаго театра при Петрѣ Первомъ, какъ первый опытъ публичнаго театра въ Россіи. Разсказъ умно и характерно заканчивается упрекомъ современной дѣйствительности, не доросшей до созданія общедоступнаго народнаго театра. Являясь сторонникомъ «здороваго реализма» въ драмѣ, авторъ съ еще большимъ упрекомъ относится къ современной драматической литературѣ въ той ея части, гдѣ, «вмѣсто реальныхъ образовъ, передъ нами мелькаютъ какія-то безкровныя символическія фигуры». Въ справедливой погонѣ за «здоровымъ реализмомъ» не слѣдуетъ забывать тяжкихъ условій, среди которыхъ живетъ современная драматическая литература. Циклъ живыхъ общественныхъ вопросовъ—запретный плодъ для нея; если ей и доступны вылазки въ современность, то лишь отчасти и скорѣе всего въ такой формѣ, какая не представляется ни желательной, ни полезной. Изъ сцены нельзя дѣлать искусственной дороги въ судъ, какъ то наблюдалось недавно при постановкѣ на сцену «Контрабандистовъ» или «Нефтяного фонтана». Значеніе петровской попытки устроить общедоступный театр въ Россіи у нашего автора и преувеличено, и нѣсколько перевернуто. Авторъ говоритъ намъ о мечтѣ Петра создать «національный театръ», причемъ мечта эта изображается въ требованіи, чтобы театръ служилъ его государственнымъ замысламъ, изображенію успѣховъ русскаго оружія и разъясненію истиннаго смысла преобразовательныхъ дѣяній. Петръ приказалъ быть національному театру въ роли правительственнаго слуги, всегда изумленнаго его мудростью, а создать это національное, русское тепличное растеніе должны были нѣмцы... Попытка, конечно, не удалась и, съ нашей точки зрѣнія, она вовсе не можетъ служить матеріаломъ для дифирамба по адресу Петра, а превосходнымъ доказательствомъ безсилія власти создать что-либо такое, для чего въ данномъ обществѣ нѣтъ собственныхъ элементовъ. Система театральнаго протекціонизма при Петрѣ была совершенно преждевременною въ Россіи, а нынѣ мы должны признать,

что протекціонизмъ въ наукѣ и искусствѣ—принципъ, не заслуживающій ни доверія, ни апологикъ.

Развитіе политической драмы въ стѣнахъ московской духовной академіи, о чемъ говоритъ г. Кизеветтеръ, подтверждаетъ нашу формулировку и совершенно противъ формулировки автора. Само собою разумѣется, что мы не хотимъ попрекнуть его пристрастіемъ къ протекціонизму подобнаго рода, а лишь укорить его тѣмъ, что столь выгоднымъ эпизодомъ съ «комедійною храминою» онъ не воспользовался для развитія опредѣленной здоровой идеи. Современный историкъ призванъ къ тому, чтобы смѣло и рѣшительно развивать тонкія нити живого общественнаго сознанія: дифирамбъ и проклетіе не его дѣло. Если прошлое абсолютно закономерно, то не будемъ искать въ немъ простаго развлеченія, ибо свободно можемъ превратить его въ неизсякаемый источникъ идей живого общественнаго значенія.

У г. Кизеветтера есть замѣчательная способность доступности изложенія: онъ не можетъ быть скучнымъ для публики или тяжкимъ для толпы, наполняющей народную аудиторію; его ученый багажъ разнообразенъ и свѣжъ, и онъ всегда знаетъ, что всего удобнѣе въ данную минуту пустить въ оборотъ. Но, съ нашей точки зрѣнія, у него есть недостатокъ, который сильно отзывается на его очеркахъ, предназначенныхъ для публичнаго прознесенія. Намъ думается, что нельзя чересчуръ принижаться до наличнаго развитія аудиторій. Намъ скажутъ, что первоначально нужно завлечь въ кругъ умственныхъ интересовъ, а потомъ уже вести выше по ступенямъ развитія; что историческая лекція, одухотворенная глубокимъ идейнымъ содержаніемъ и полная по своей темѣ самаго живого общественнаго интереса, въ наши дни не встрѣчаетъ ничего кромѣ сухого оффиціальнаго veto и до аудиторіи не доходитъ; что на чтеніяхъ комиссіи въ историческомъ музеѣ, чтеніяхъ, прошедшихъ миллионъ встанцій, сидятъ спеціальные педагоги, призванные ихъ слушать и наблюдать за впечатлѣніями отъ нихъ. Мы все-таки думаемъ, что отъ языка страсти, разгрома традиционныхъ и рутинныхъ представленій и строго-научной тенденціи отказываться не слѣдуетъ*). Быть можетъ, мы требуемъ отъ брошюры г. Кизеветтера того, чего не позволяетъ авторскій темпераментъ, но популярная литература должна быть признательна и за то, что предложено. Въ опытахъ г. Кизеветтера популяризовать наше прошлое мы не можемъ не признать выдающагося литературнаго явленія, не можемъ не рекомендовать его опытовъ особенно настоятельно.

В. Сторожевъ.

*) Срав. нашъ отзывъ о брошюрѣ г. Кизеветтера «День царя Алексѣя Михайловича», вложенный въ статью «Московскія воскресницы въ Политехническомъ Музеѣ» («Русская Мысль» 1898 г., № 10, стр. 153 и слѣд.).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го ноября по 15-ое декабря 1901 г.).

- Шенрокъ. Письма Гоголя. Изд. Маркса. 4 тома. Ц. 6 руб.
- Байронъ. Манфредъ. Перев. Зарина. Изд. А. С. Суворина. Ц. 25 к.
- Его же. Каинъ. Земля и небо. Перев. Зарина. Изд. то же. Ц. 25 к.
- Н. И. Новиковъ. Живописецъ. Ежедневн. журн. воспроизвед., перв. изд. 1772 г. Изд. то же. Ц. 25 к.
- Его же. Трутень. Ежедневн. журн. воспроизвед., 1-го изд. 1790 г. Изд. то же. Ц. 25 к.
- М. Юрьева. Юный работникъ. Разск. для дѣтей. Изд. Ефимова. Ц. 25 к.
- Э. Жебаръ. Шя и Викторинъ. Пер. Кошевичъ. Изд. то же. Ц. 1 руб.
- Любичъ-Кошуровъ. Ничипоръ Бородай. Изд. то же. Ц. 30 к.
- Его же. Ворона и ея знакомые. Изд. то же. Ц. 40 к.
- Н. А. Соловьевъ - Несмѣловъ. Филимоша. Изд. то же. Ц. 30 к.
- Н. И. Перельгинъ. Неожиданный гость. Изд. то же. Ц. 20 к.
- Его же. Черевички. Изд. то же. Ц. 20 к.
- А. В. Кругловъ. Красный звонъ. Изд. то же. Ц. 50 к.
- П. Н. Полевой. Какъ мы поселились въ деревнѣ. Изд. Девриена.
- В. П. Желиховская. Кавказскія легенды. Изд. то же.
- Сост. М. Гранстремъ. Всемирные свѣточи. Гёте и Шиллеръ. Изд. то же.
- Е. Н. Кондрашевой. Юность Кати и Вари Солнцевыхъ. Изд. то же.
- Евг. Сно. Генри Стэнли. Его жизнь и путешествія. Харьковъ. 1900 г.
- Его же. Ф. Нансентъ. Харьковъ. 1901 г.
- Н. И. Соболевъ. Элементы термодинамики. Изд. Тихомирова. М. Ц. 75 к.
- А. М. Роговинъ. Водѣлываніе главнѣйш. кормов. травъ. Изд. Осипова. 1901 г. Ц. 1 р.
- Антонъ Чеховъ. Разсказы Т. VI. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 коп.
- Ел. Радаковой и А. Савичъ. Швейцарія. Харьковъ. Изд. комитета об-ва распр. въ народѣ грамотности.
- К. Кругтеевъ 2-ой. Народныя чтенія въ Благовѣщенскѣ.
- Друзья. Разсказы.
- А. И. Миллеръ. А. Г. Рауумовскій. Изд. то же.
- Буры и ихъ страна.
- Маленькіе странствующіе итальянцы въ Англіи.
- Р. Киплингъ. Котуко. Изд. то же.
- Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія.
- Бѣсѣды о внутрен. земли.
- О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ.
- Бѣсѣда врача съ крестьянами о варзанныхъ болѣзняхъ.
- Бол. Пруса. Маленькій Стась. Изд. то же.
- Г. А. Мачтетъ. Жидъ. Изд. то же.
- Сочин. Н. В. Гоголя. Изд. Маркса. Съ иллюстраціями.
- Ревизоръ. Ком. Ц. 20 к.
- Коляска. Повѣсть. Ц. 5 к.
- Шинель. Ц. 8 к.
- Ночь. Ц. 6 коп.
- Старосвѣтскіе помѣщики. Ц. 6 коп.
- Тарасъ Вульба. Ц. 18 коп.
- Женитьба. Ц. 8 коп.
- Страшная мѣсть. Ц. 8 коп.
- Заколдованное мѣсто. Ц. 5 коп.
- Майская ночь. Ц. 7 коп.
- Вечеръ наканунѣ Ив. Купала. Ц. 6 коп.
- Пропавшая грамота. Ц. 5 коп.
- Вій. Ц. 9 коп.
- Ночь передъ Рождествомъ. Ц. 10 коп.
- Сорочинская ярмарка. Ц. 6 коп.
- Фостеръ и Л. Шоръ. Физиологія для начинающихъ. Изд. Т-ва Сытина. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
- Грантъ - Алленъ. Въ тайникахъ природы. Изд. О. Н. Поповой. 1902 г. Ц. 2 руб.
- В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.
- Проф. Натансона. Популярная физика. Изд. А. Ю. Мовоцковой. Ц. 85 к.
- Извѣстный. Кругомъ отъ Владикавказа до Владивостока. Ц. 55 к.
- К. Случевскій. Пѣсни изъ уголка. Спб. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 к.
- М. И. Покровская. Врачебн. полицъ надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб. 1902 г.
- А. А. Кауфманъ. Сибирское поселеніе въ исходѣ XIX вѣка. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.
- Я. К. Гротъ. По поводу школьной реформы. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
- М. А. Мензбиръ. Начальный курсъ зоологіи. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Отчетъ о дѣят. Нижегород. гор. санит. коммисіи 1899—1900 г.
- Д. И. Смирнова. Три историческихъ разсказа. Изд. Девриена. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщ. съ начала XIX в. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.
- На трудовомъ пути. Сборникъ къ 30 лѣт. лит.-пед. дѣят. Д. И. Тихомирова. Ц. 2 руб.
- Ив. Щегловъ. Юмористическіе очерки. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р.

- Ки. Дм. Голицынъ. Стѣ смутныхъ дней. Спб. Изд. то же. Ц. 1 руб.
- Бр. Грумъ-Гржимайло. Путешествіе по Западному Китаю. Изд. Девриена. Спб
- А. Зеленинъ. Новыя вѣянія въ народн. поэзіи. М. 1901 г. Ц. 25 к.
- Эдм. Кенигъ. В. Вундтъ его философія и психологія. Перев. съ нѣм. Штейнберга. Изд. ред. журн. «Образованіе». Ц. 50 к.
- Е. Буланина. Равдумье. Стихотвореніе. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Фришмутъ. Критич. очерки и статьи. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Н. Карѣевъ. «Теорія личности» П. Л. Лаврова. Спб. 1901 г.
- Перев. С. Н. Булгамовъ. Землевладѣніе и сельское ховяйство. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочихъ во Франціи. Перев. съ франц. Мануилова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.
- В. Зимницкій. Обученіе выразительному чтенію. Изд. Тихомирова. 1901 г. Ц. 30 коп.
- В. А. Лебедевъ. Историческій рассказъ. Изд. Лаврова и Попова. 1901 г. Ц. 30 к.
- А. Кузьминъ. Запорожская сѣчь. М. Изд. Карчагина. Ц. 40 к.
- М. Сазоновъ. Лѣсные пожары. Изд. Тихомирова. Ц. 5 к.
- И. Селивановскій. Праздникъ древопосажденія. Изд. то же. Ц. 7 коп.
- Его же. Сельскохозяйствен. рассказы. Изд. то же. Ц. 25 к.
- М. А. Рыловъ. Кожевенное производство. Изд. то же. Ц. 10 к.
- Я. Полферовъ. Правда о переселеніи. Изд. то же. Ц. 15 к.
- Д-ръ Н. Н. Писменный. Весѣды о поданіи первой помощи. Изд. то же. Ц. 5 к.
- Н. Мурашкинцевъ. Ветеринарія въ примѣн. къ сельск. ховяйству. Изд. то же.
- А. Вербицкая. Освободилась. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Ея же. Преступленіе Маріи Ивановны. Ц. 1 руб.
- Павель Скуратовъ. Среди падшихъ. Кіевъ 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Его же. Театральная правда. Одесса. 1901 г. Ц. 75 к.
- Гѣте. Фаустъ въ перев. кн. Цертелова. М. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Кн. Д. Н. Цертелевъ. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- С. Д. Грибоѣдовъ. Предсказанія Демчинскаго предъ судомъ науки и фактовъ. Спб. 1901 г.
- У. Джемсъ. Весѣды съ учителями о психологіи. Перев. Ал. Громбаха. Спб. Изд. Скирмунта. Ц. 50 к.
- А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Перев. съ фр. Кончевской. Изд. то же. Ц. 3 руб.
- Е. Звегинцевъ. Объ изданіи книгъ для школъ и народа. Курскъ. 1901 г.
- Кн. Долгоруковъ. О школьныхъ попечительствахъ. Курскъ. 1901 г.
- М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Изд. 2-ое. Томскъ. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Казариновъ. О человѣческомъ мышленіи. М. 1901 г. Ц. 1 руб.
- П. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Спб. Изд. Суворина. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Г. Громовъ. Первоначальныя понятія о теплотѣ. Саратовъ. 1901 г. Ц. 40 к.
- С. Браиловскій. Опіумъ его культура и потребление въ Уссурийск. краѣ. Хабаровскъ. 1901 г. Ц. 50 к.
- Столяровъ. Новѣйшіе русскіе новеллисты. Кіевъ. 1901 г. Ц. 50 к.
- Н. Ломанинъ. Изъ жизни мужчинъ. Москва. 1901 г. Ц. 50 к.
- А. А. Радцигъ. Лѣсъ и лѣсное ховяйство въ равныхъ государствахъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- С. К. О жестокости современной науки. М. 1901 г. Ц. 20 к.
- Л. Луговой. Добей его! Изд. Маркса. 1901 г. Ц. 3 руб. Съ рисунк. Маковского.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Land of the Amazons*» by the Cote Baron de Santa Anna Nery, translated by G. Humphery (Sando and Co) (Страна амазонокъ). Прекрасно иллюстрированная книга, заключающая въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о государствѣ амазонокъ. Къ описанію приложена карта. (Daily News).

«*Madame Récamier and her Friends*» by H. Noel Williams (Harpers). Госпожа Рекамье и ея друзья. Авторъ искусно воспользовался различнымъ историческимъ матеріаломъ, который находился у него въ распоряженіи и написалъ весьма занимательную книгу. Наряду съ госпожею Рекамье авторъ рисуетъ намъ Шатобриана, занимающаго одно изъ главныхъ мѣстъ въ его книгѣ. Онъ рассказываетъ, какъ Шатобрианъ голодалъ, будучи эмигрантомъ въ Лондонѣ, и какъ былъ утѣшенъ привязанностью и любовью Ивсъ, окружившей его своими попеченіями. Затѣмъ авторъ описываетъ его отношенія къ м-ше Рекамье, для которой онъ сдѣлалъ впоследствии единственною цѣлью всего ея существованія. Въ книгѣ приводятся письма Шатобриана къ ней и очень трогательно описываются послѣдніе дни жизни обоихъ друзей, когда м-ше Рекамье была уже почти слѣпая, но старалась не показывать этого. Она умерла отъ холеры черезъ годъ послѣ смерти Шатобриана.

(Athaenaeum).

«*Varia: Studies on Problems of Philosophy and Ethics*» by William Knight (Murray). (Исследование проблемъ философіи и этики). Популярное изложеніе нѣкоторыхъ проблемъ философіи и этики, доступное очень широкому кругу читателей и не требующее большой затраты умственныхъ усилій для своего пониманія. Точка зрѣнія автора во всѣхъ отношеніяхъ правильная и заслуживаетъ одобренія. Онъ высказываетъ вполне здравыя сужденія объ отношеніяхъ между философіей, поэзіей и наукой, но читатель хорошо знакомый съ современною философскою мыслью не найдетъ, конечно, ничего новаго въ этой книгѣ, хотя можетъ прочесть

ее съ удовольствіемъ, благодаря хорошему легкому слогу, которымъ она написана. (Athaenaeum).

«*Unstoried in History*» by Gabrielle Festings (Nisbet and Co). (Неисторическое въ исторіи). Очень интересно и живо написанные историческіе очерки, представляющіе портреты нѣкоторыхъ знаменитыхъ женщинъ XVI-го, XVII-го и XVIII-го вѣковъ. Образы, которые рисуетъ авторъ, обладаютъ чрезвычайною живучестью. (Daily News).

«*Robespierre*» by Hilaire Belloc (Nisbet and Co) (Робеспьеръ). Мастерски написанная біографія героя французской революціи. Авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію и полное историческое безпристрастіе. Образъ Робеспьера является точно живой въ его описаніи. (Daily News).

«*Birds and Man*» by W. H. Huxton. London. (Longmans Green and Co). (Птицы и человекъ). Этотъ очеркъ о птицахъ можетъ заинтересовать не только любителя орнитолога, но и обыкновеннаго читателя, любящаго природу въ ея твореніяхъ. Авторъ рассказываетъ свои наблюденія надъ птицами и свое личное отношеніе къ нимъ и умѣетъ сдѣлать занимательнымъ свой рассказъ.

(Daily News).

«*Die Ernährung der Thiere im Lichte des Abstammungslehre*» von Dr Heinrich Simroth (Verlag von Breitenbach). (Питаніе животныхъ съ точки зрѣнія теоріи происхожденія). Авторъ исследуетъ вопросъ о вліяніи извѣстной пищи на физическое развитіе животныхъ и на ихъ умственные качества, какъ, напримѣръ, у плотоядныхъ животныхъ, у которыхъ умственные способности гораздо выше, нежели у травоядныхъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Die Bildungsfrage als sociales Problem*» von Prof. Dr Mannheimes (Gustav Fisher). (Вопросы образованія, какъ социальная проблема). Авторъ указываетъ тѣсную связь, существующую между вопросами образованія и социальными вопросами.

Образование не должно быть достоянием избранных—это общее дело, въ которомъ санитарствованы равно всѣ граждане страны. Политическіе и экономическіе вопросы не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ образованія, но это послѣднее, по мнѣнію автора, должно составлять не средство для экономической борьбы, а самоцѣльную цѣль. Только та страна можетъ быть названа истинно прогрессирующей, народъ которой въ состояніи понимать высшія культурныя наслажденія, произведенія искусства, музыку и т. д.—однимъ словомъ, все то, что теперь доступно лишь немногимъ въ общей народной массѣ.

(Frankfurt. Zeitung).

«Essays on foreign Subjects» by John Bute (Alexander Gardner). (Очерки о разныхъ предметахъ). Въ книгѣ собрано нѣсколько очерковъ самаго разнообразнаго содержания и лучший изъ нихъ написанъ о Джордано Бруно. Въ этомъ очеркѣ авторъ выказываетъ основательное знакомство съ историческими документами и понимание духа той эпохи, въ которой жила и погибъ Бруно.

(Manchester Guardian).

«Schiller's Frauen Gestalten» von Julius Burggraf. Stuttgart. (Karl Krobb). (Женские образы Шиллера). Авторъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ хорошихъ источниковъ и прекраснымъ слогомъ описываетъ многочисленные женщинъ, родныхъ и знакомыхъ, которые оказали свое вліяніе на юношескую повѣсть Шиллера и затѣмъ на классическій періодъ его творчества. Изъ исследованийъ автора видно, что многочисленные женскіе образы, нарисованные Шиллеромъ, не были исключительно только продуктами его творческой фантазіи, а заключали въ себѣ тѣ или иные черты женскихъ характеровъ, съ которыми Шиллеру приходилось сталкиваться въ жизни. Больше всего имѣла вліянія на образы, нарисованные Шиллеромъ, его сестра Христинина и затѣмъ его жена, душа которой была такъ богата внутреннимъ содержаниемъ. Что касается Генриетты Арнимъ, то авторъ высказываетъ мнѣніе, что очень многое въ разсказахъ о ней и ея отношеніяхъ къ Шиллеру основывается лишь на толкахъ, не подтверждаемыхъ никакими доказательствами.

(Frankfurt. Zeitung).

«Mann und Frau» von Charlotte Perkins-Stetson. Uebersetzung von Marie Stritt. (Heinrich Mindus). (Мужчина и женщина). Эта книга вышла на англійскомъ языкѣ около двухъ лѣтъ тому назадъ и тогда произвела довольно сильное и вполнѣ понятное впечатлѣніе въ англо-американскомъ мірѣ и много всякихъ споровъ и возраженій. Нѣкоторые даже сравнивали эту книгу по глубинѣ мысли съ знаменитымъ сочиненіемъ Джонъ Стюарта Милля

«Подчиненіе женщины». Миссъ Стетсонъ, авторъ этой книги, рассматриваетъ женскій вопросъ, представляющій въ сущности общечеловѣчскій вопросъ, съ наиболѣе важной его стороны—со стороны экономическихъ отношеній обоихъ половъ, что составляетъ главные факторы социальнаго развитія. Авторъ указываетъ важное значеніе экономической зависимости женщины въ исторіи прогресса. Безпримѣрная жестокость и несправедливость, жертвою которыхъ была женщина, не могли задерживать эволюціоннаго процесса, совершающагося медленно, но неизбежно въ природѣ. Авторъ рисуетъ постепенный видъ эволюціи, которая привела къ теперешнему положенію женщины.

(Frankfurt. Zeitung).

«The Ethic of Freethought» by Karl Pearson. Second edition. (Black). (Этика свободной мысли). Второе, дополненное и пересмотрѣнное изданіе книги, представляющей очень серьезное исследование развитія этическихъ принциповъ свободы мысли. Авторъ принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ апологетовъ свободомыслія.

(Athenaeum).

«The Evolution of Consciousness» by Leonard Hall (Williams Norgate). (Эволюція сознанія). Авторъ изслѣдуетъ крайне интересный вопросъ о развитіи сознанія путемъ процесса органической эволюціи, результатомъ которой являются комбинаціи и координаціи дѣйствій и различныя социальные феномены, присущіе общинѣ людей и животныхъ. Но главная проблема, которую ставитъ себѣ авторъ, заключается въ изученіи такого же точно процесса эволюціи въ собраніи одинаково чувствительныхъ однолѣтчатыхъ организмовъ и рѣшеній вопроса можетъ ли этотъ процессъ эволюціи повести къ координаціи дѣйствій и другимъ феноменамъ, аналогичнымъ тѣмъ, которые наблюдаются у высшихъ организмовъ.

(Athenaeum).

«Les grands symptômes neurasthéniques» par le docteur Maurice de Fleury (Félix Alcan). (Главные симптомы неврастении). Въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе подвержены неврастеническимъ симптомамъ, и поэтому книга Флери отвѣчаетъ истиннымъ потребностямъ публики, желающей знать, въ чемъ заключаются симптомы этого болѣзненнаго состоянія нервной системы, которое заставляетъ испытывать неприятныя ощущенія. Книга написана преимущественно для врачей, но можетъ быть прочитана не безъ пользы и неспециалистами, которые почерпнутъ изъ нея полезныя для себя свѣдѣнія.

(Journal des Débats).

«Le Marquis de Mirabeau» (l'Ami des hommes) par Henri Ripert (Arthur Rouss-

veau). *Маркизъ Мирабо: другъ людей*). Эта книга является результатомъ большого труда и кропотливаго изслѣдованія. Авторъ ея прочелъ всѣ сочиненія Мирабо и изучилъ всѣ документы, относящіеся къ его эпохѣ. Благодаря, этому онъ основательно познакомился съ политическими взглядами своего героя, такъ что книга его представляетъ наиболѣе полное и интересное изслѣдованіе жизни и дѣятельности Мирабо.

(Journal des Débats).

«*Ideale Lebensziele*» *Kritisches, Geschichtliches und Philosophisches von Adalbert Svoßoda. 2 Theile. Leipzig (Naumann)*. (Идеальная цѣль жизни). Если бы эта книга или хотя бы только часть ея была написана 500 лѣтъ тому назадъ, то ея авторъ навѣрное, погибъ на крестѣ. Въ своей книгѣ онъ подвергаетъ безпощадному критическому анализу всѣ главныя основы человѣческаго міросозерцанія, положительныя цѣли, которыя преслѣдуетъ наука, отношеніе ея къ религіи, идеи божества, понятія о душѣ и т. д. Первая часть носитъ по преимуществу естественно-историческій характеръ, вторая же часть посвящена вопросамъ, вмѣющимъ общественный интересъ. Авторъ обсуждаетъ въ ней пути къ образованію идеальныхъ общественныхъ учреждений, въ основу которыхъ вложены этические принципы, говорить объ образовательной роли искусствъ и т. п.

(Frankfurt. Zeitung).

«*By the Ionian Sea*» by George Gissing. *London (Chapman and Hall)*. (Въ ионическомъ морѣ). Область Италіи, къ югу отъ Неаполя, посвящается туристами сравнительно рѣдко, и повтому рассказы автора объ этой части Италіи включаютъ въ себя много новаго и интереснаго. Онъ описываетъ свои странствованія и приключенія въ Калабрію, куда онъ отпѣвился, несмотря на всѣ предостереженія своихъ неаполитанскихъ друзей, рисовавшихъ ему Калабрію довольно дикою страной. Многія изъ ихъ предсказаній сбылись, и автору пришлось вытерпѣть не мало неудобствъ и даже неприятныхъ приключеній во время своихъ скитаній. Но зато онъ изучилъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Италіи. Книга его снабжена множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій.

(Manchester Guardian).

«*The Mind of a Child*» by Ennis Richmond (Longmans and Co). (Душа ребенка). Авторъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ различные методы воспитанія и обученія дѣтей, такъ что его трудъ, главнымъ обра-

зомъ предназначается родителямъ и воспитателямъ.

(Manchester Guardian).

«*Behind the Scenes in the Transvaal*» by David Mackay Wilson (Cassell and Co). (Позади трансваальской сцены). Авторъ совершенно не касается политики, но очень интересно описываетъ страну и народъ, который онъ хорошо знаетъ, такъ какъ прослужилъ много лѣтъ въ Трансваалѣ. Онъ, однако, сильно осуждаетъ трансваальскую администрацію, приводя различныя доказательства ея подкупности, и говоритъ, о томъ влѣ, которое она принесла трудолюбивой націи фермеровъ. Очень живописны описанія природы и жизни на бурскихъ фермахъ.

(Morning Post).

«*Men and Letters*» by Herbert Paul. (John Lane). (Люди и литература). Книга включаетъ въ себя рядъ литературныхъ очерковъ на разные темы, интересно составленныхъ и живо написанныхъ. Особенно заслуживаютъ вниманія слѣдующіе очерки: «Искусство писать», «Отецъ бездетности», «Князь журналистовъ», «Маколей и его критики» и нѣкоторые другіе.

(Manchester Guardian).

«*A winter Pilgrimage*» by Ridder Haggard (Longmans and Co). (Зимнее паломничество). Авторъ, стяжавшій себя извѣстность, какъ весьма талантливый рассказчикъ и романистъ, описываетъ свое посѣщеніе Италіи, Палестины и Кипра въ 1900 году. Особенно интересно его описаніе Палестины, очень художественное и вполне оправдывающее установившюся за авторомъ репутацію замѣательнаго писателя. Книга иллюстрирована.

(Athenaeum).

«*The Women of Salons and other French Portraits*» by S. G. Tallentyre (Longmans Green and Co). (Женщины салоновъ и другіе французскіе портреты). Содержаніе этихъ очерковъ весьма разнообразно. М-ше Дюдефанъ, м-elle Лепинасъ, м-ше д'Елиза, м-ше де Сталь, м-ше Рекамье, мать Наполеона, м-ше де-Севинье и др. проходятъ передъ глазами читателей, представляя настоящую портретную галерею. Книга читается съ интересомъ.

(Daily News).

«*Hypolympia or Gods in the Island*». *An ironic Fantasy*, by Edmund Gosse. (Гиполимпія или боги на островѣ). Хотя герой этого рассказа—древніе боги Элады, но черты ихъ характера и дѣятельности, ихъ приключенія и разговоры представляютъ на самомъ дѣлѣ остроумную сатиру на современные нравы и социальный строй.

(Athenaeum).

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ
ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ.

Романъ П. Л. ФОРДЪ.

Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Глава I.

Романъ и дѣйствительность.

Мистеръ Пирсъ ораторствовалъ по-стоянно, онъ убѣдился, что говорить выгодно. И, какъ большинство говорунъ, м-ръ Пирсъ былъ большой деспотъ. Разговоръ долженъ былъ всегда слѣдовать тому направленію, которое онъ ему давалъ. Если какой-нибудь неосторожный позволялъ себѣ перейти на другой предметъ, м-ръ Пирсъ терпѣливо ждалъ, пока онъ кончитъ, а затѣмъ спокойно, но твердо замѣчалъ: «что касается предмета, о которомъ мы только что разсуждали, то...» Если кто-нибудь осмѣливался заговорить даже въ полголоса, пока м-ръ Пирсъ не кончитъ всего, что онъ имѣлъ сказать, онъ тотчасъ прерывалъ потокъ своего краснорѣчія, ждалъ, пока осмѣлившійся прервать его кончитъ, и снова продолжалъ свою рѣчь съ того самаго мѣста, на которомъ остановился.

Въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, м-ръ Пирсъ испытывалъ полное удовлетвореніе. Въ какую-компаніи небольшой яхты собралось человѣкъ восемь. Подъ свинцовымъ небомъ, на свинцовомъ морѣ, яхта чуть-чуть покачивалась въ легкой зыбѣ.

Мали три впереди можно было различить огонь маяка при входѣ въ гавань. И хотя медленно наползавшія облака пророчили вѣтеръ, было еще совершенно тихо, и яхта едва двигалась, увлекаямая приливомъ. Участники увеселительной поѣздки провели весь день вмѣстѣ и уже успѣли обо всемъ переговорить. Последній часъ они пѣли хоромъ, всѣ, за исключеніемъ м-ра Пирса, который ни-

когда не трагилъ своего драгоценнаго голоса на такіе пустяки.

Наконецъ пѣвцы допѣлись до хрипоты на сыромъ ночномъ воздухѣ; послѣдній «испанскій кавалеръ» благополучно добился любви своей дамы, и звуки голосовъ гитары расстаяли надъ водой. Наступилъ часъ торжества м-ра Пирса. Она особа, будетъ совершенно лишнимъ упоминать, какого она была пола. вздохнула и пожалѣла, что XIX вѣкъ такъ прозяченъ и неромаантиченъ. Прокашлявшись, чтобы нарушить наступившее молчаніе и прочистить горло, м-ръ Пирсъ заговорилъ.

— Что настоящія времена менѣе романтичны и интересны, чѣмъ прошедшія столѣтія — сугубое заблужденіе. Съ незапамятныхъ временъ любовь и борьба добра со зломъ являются двумя источниками, вносящими въ міръ романтизмъ и интересъ. Каждый эпизодъ, почерпнемъ ли мы его изъ мифовъ Востока, изъ легендъ Европы, изъ поэмъ трубадуровъ или изъ хроникъ утреннихъ газетъ, имѣетъ въ основѣ одинъ изъ эгихъ фактовъ или оба вмѣстѣ. Никогда еще любовь не играла такой видной роли въ сознаніи судебъ мужчины и женщины — это неоспоримая истина, ибо наше столѣтіе является единственнымъ, гдѣ ей удалось достигнуть освобожденія отъ родительскаго и общественнаго вліянія. Кромѣ того, великая борьба общества для уничтоженія зла и возвеличенія истины никогда еще не велась столь мужественно, въ столь многихъ мѣстахъ, такимъ большимъ числомъ людей, какъ теперь. Но такъ какъ наши влюбленные и герои не оповѣщаютъ всему міру о своихъ подвигахъ, не гуляютъ при лунномъ свѣтѣ, не поютъ серенады, — свѣтъ провозглашаетъ, что только два турни-

*

ровъ и гитаръ были днями искренней любви и благородныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, мы окружены романтизмомъ, нужны только глаза, чтобы его видѣть. Вы — молодые люди, и вся ваша жизнь еще передъ вами. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ: когда вы пойдете своимъ жизненнымъ путемъ, старайтесь замѣчать только все хорошее, а не низкое. Это не дастъ вамъ богатства, славы, не сбѣлаетъ васъ лучше въ глазахъ свѣта, но дастъ вамъ возможность прожить счастливѣе, и когда вы доживете до моткъ лѣтъ, вы будете любить человечество, будете смотрѣть на міръ и говорить, что онъ прекрасенъ. И вы найдете столько романтизма, что удовлетворите всѣмъ своимъ стремленіямъ къ среднимъ вѣкамъ.

— Но, дорогой мой, нельзя себя представить, чтобы нѣкоторые люди сумѣли найти въ жизни хотя каплю романтизма, — тихо произнесъ кто-то изъ слушателей и прибавилъ еще тише, послѣ минутнаго колебанія: — на примѣръ Питеръ Стерлингъ.

— Совершенно вѣрно, — согласился м-ръ Пирсъ, — но этотъ примѣръ служить только подтвержденіемъ того, что я сказалъ. Питеръ напоминаетъ мнѣ писателей, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ. Я не думаю, чтобы мы имѣли право упрекать его за это. Да и что можно ожидать отъ сына фабричнаго надсмотрщика, который провелъ первыя шестнадцать лѣтъ своей жизни въ рабочемъ поселкѣ. Если его врожденныя способности и давали ему нѣкоторый шансъ, то подобный опытъ долженъ былъ убить его. Рабочій поселокъ — обширный расадникъ ничтожества и жизненной прозы, и нужна болѣе сильная натура, чѣмъ натура Питера, чтобы въ этой обстановкѣ научиться повимать прекрасное. Сказать по совѣсти, онъ такъ же ограниченъ, точенъ и лишенъ воображенія, какъ машины его родной фабрики. Въ характерѣ Питера нѣтъ романтизма, слѣдовательно онъ никогда не найдетъ его и не разовьетъ въ жизни. Этотъ примѣръ, повторяю, только подтверждаетъ мои выводы: чтобы найти романтизмъ въ жизни, нужно носить его въ себѣ.

М-ръ Пирсъ возвысилъ голосъ:

— Питеръ, мы споримъ о романахъ. Не прервете ли вы на минуточку вашу одинокую прогулку, чтобы высказать намъ ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Послѣдовало минутное молчаніе, затѣмъ необыкновенно ясный голосъ, раздавшійся съ передняго конца яхты, отвѣтилъ:

— Я ихъ никогда не читаю, м-ръ Пирсъ.

М-ръ Пирсъ тихонько засмѣялся.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ, — этотъ юноша даже понятія не имѣетъ, что на свѣтѣ могутъ быть какіе-нибудь романы, кромѣ тѣхъ, что въ книгахъ. Онъ такъ прозаиченъ, что не подозрѣваетъ о существованіи чего-нибудь большаго, чѣмъ тотъ маленькій міръ, въ которомъ онъ живетъ. Питеръ можетъ достигнуть исполненія всѣхъ своихъ желаній, потому что для этого, навѣрно, нужны только трудъ и деньги. Но его никогда не вдохновитъ великая идея, и онъ никогда не будетъ героемъ настоящаго романа.

Стиль однажды написалъ, что единственное различіе между католической и англиканской церквами въ томъ, что первая считаетъ себя непогрѣшимою, а вторая — всегда правой. М-ръ Пирсъ врядъ ли претендовалъ на то или другое изъ вышеупомянутыхъ качествъ, но въ данную минуту онъ твердо вѣрилъ въ свои слова, и слушатели его были вполне согласны съ нимъ.

Глава II.

О писательная.

Юноша, явившійся невольнымъ подтвержденіемъ теорій м-ра Пирса, въ это время ходилъ взадъ и впередъ въ томъ узкомъ пространствѣ между рубкой и бортомъ яхты, которое носило пышное названіе палубы. Шестъ шаговъ впередъ — и поворотъ, шесть шаговъ назадъ — и поворотъ — такова была длина этой палубы. И если бы Питеръ стоялъ на часахъ, онъ не могъ бы шагать равномернѣе и упорнѣе. Если онъ прохаживался

для пищеваренія послѣ ужина, какъ могли думать сидящіе на кормѣ, то подобное времяпровожденіе едва ли могло быть названо особенно интереснымъ. Ограниченность и быстрога прогулки напоминали пойманнаго звѣря, который мечется по клѣткѣ въ ожиданіи пищи. Но когда стояшь передъ клѣткой льва и смотришь на его неутомимое и непрерывное хожденіе, невольно задаешь себѣ вопросъ: чѣмъ оно можетъ быть вызвано? Голодомъ ли только, или дикимъ сильнымъ сердцемъ, которое бьется подъ мохнатой шкурой? Подобный вопросъ является у насъ потому, что мы все болѣе или менѣе знакомы съ природой и привычками льва. По той же причинѣ пассажиры яхты единодушно рѣшили, что непрерывное хожденіе Питера — просто прогулка для пищеваренія. Возможно, что они, говоря словами м-ра Пирса, мѣркали его на свой аршинъ, а такъ какъ, по ихъ мнѣнію, единственная причина прогулки по палубѣ въ это время могла быть только чисто-гигиеническая, то они предполагали, что и Питеръ долженъ также думать.

Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду писать автобіографію или вдохновенный романъ, то принуждены руководствоваться мнѣніемъ свѣта о Питерѣ Стерлингѣ, не разбирая—правильно оно или нѣтъ. А такъ какъ это мнѣніе являлось суммой его прошлаго и настоящаго, то мы должны обратиться къ нимъ, прежде чѣмъ узнавать, на чемъ основывалось оно.

Его исторія была такъ же несложна и прозаична, какъ его характеръ, по оцѣнкѣ м-ра в мисисъ Пирсъ. Ни богатство, ни бѣдность не приложили къ нему своей творческой руки. Единственный сынъ матери-вдовы, онъ жилъ въ маленькомъ фабричномъ городкѣ Новой Англіи тою живзью, которая выпадаетъ на долю большинства юношей. Безъ сомнѣнія, онъ былъ лучше защищенъ отъ многихъ покушевій, чѣмъ большинство сверстниковъ, такъ какъ, вслѣдствіе одиночества его матери, онъ былъ для нея не только сыномъ, но и единственнымъ ея товарищемъ. Благодаря этому, онъ, въ одномъ направленіи, сталъ серьезнѣе, чѣмъ большинство его сверстниковъ, но, съ другой стороны,

это задержало его развитіе, и эта отсталость отгѣнялась осторожнымъ умомъ, плохо уживавшимся съ порывами физическаго развитія. Въ графѣ успѣховъ его школьнаго свидѣтельства стояло: «усерденъ, но мало развитъ, поведенія примѣрнаго». Онъ никогда не былъ вожакомъ среди товарищей, но его любили. Начиная со священника и кончая наемнымъ репетиторомъ, все отзывались о немъ хорошо, но безъ энтузіазма. Все называли его «добрымъ мальчикомъ», и сказавъ это, уже больше ничего не могли придумать. Слѣдуетъ однако же, упомянуть объ одномъ важномъ исключеніи изъ этого общаго правила: ученикамъ высшей школы онъ положительно не нравился. Если бы ихъ спросили—почему, онъ не могли бы привести ни одной уважительной причины. Въ ихъ возрастъ все на свѣтѣ, начиная отъ Ніагарскаго водопада и кончая палочкой ячменнаго сахара, опредѣляется въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ словомъ интересно. Неизвѣстно за какія преступленія, Питеръ былъ ими измѣренъ, взвѣшенъ и осужденъ.

— Онъ неинтересенъ,—былъ единодушный приговоръ ученыхъ дѣвицъ, ежедневно толпившихся въ дверяхъ колледжа.

Если бы его нашли «отвратительнымъ», то ему оставался какой-нибудь шансъ, но теперь все было исчерпано этими двумя словами: «онъ неинтересенъ».

Подобное единодушіе женскаго мнѣнія было замѣчательно и заслуживало бы психологическаго изученія, если-бы оно было основано на чемъ-нибудь.

Но женскія мнѣнія въ большинствѣ случаевъ являются слѣдствіемъ инстинкта или чувства, а не разсудка и индукціи, поэтому анализъ умственнаго процесса сотни дѣвушекъ, пришедшихъ къ одному выводу, показалъ бы, что у каждой свой собственный методъ, приведшій ее къ общему заключенію. Для насъ важно только отмѣтить единодушіе ихъ мнѣнія и указать на его вліяніе на развитіе юноши.

Невозможно допустить, чтобы Питеръ не отдавалъ себѣ отчета въ возбуждаемыхъ имъ чувствахъ. Онъ былъ очень

пораженъ, когда въ первый разъ замѣтилъ явное предубѣжденіе противъ себя, и дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы побѣдить его. Но, къ несчастію, онъ пошелъ ложнымъ путемъ. Если бы онъ постоянно и напористо избѣгалъ молодыхъ дѣвушекъ, онъ бы не замедлилъ сильно заинтересовать ихъ. Но Питеръ старался добиться ихъ дружбы смиреніемъ и любезностью и, благодаря этому, сдѣлался въ ихъ глазахъ еще незначительнѣе. «Толстякъ Питеръ» насмѣшливо прозвали его, и въ этихъ двухъ словахъ вылилось все ихъ презрѣніе.

Съ поступленіемъ въ Гарвардъ положеніе дѣла не измѣнилось къ лучшему. Ни старанія матери, ни собственное его стремленіе не помогли ему найти доступъ въ то общество, которое въ Кембриджѣ и Бостонѣ охотно открываетъ свои двери избраннымъ студентамъ. Каждую пятницу вечеромъ онъ уѣзжалъ домой и возвращался съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ понедѣльникъ. Въ первый годъ онъ едва ли сказалъ десять словъ съ дамами, знакомыми ему больше по имени, да и то только во время своего пребыванія въ домѣ матери. На второй годъ пріятель его Уатсъ д'Аллуа нѣсколько разъ пробовалъ возить его въ свѣтъ. Но результатъ всѣхъ этихъ попытокъ былъ всегда одинаковъ: Питеръ неимѣнно весь вечеръ просиживалъ съ мамашей или бесѣдовалъ съ отцомъ семейства, въ то время, какъ Уатсъ ухаживалъ за барышнями.

Уатсъ всегда издѣвался надъ нимъ. Особенно хохоталъ онъ, когда вслѣдъ за первымъ визитомъ являлась записочка съ приглашеніемъ м-ру Питеру Стерлингу «доставить имъ удовольствіе пообѣдать у нихъ». Уатсъ диктовалъ ему отвѣтъ, помогалъ облачиться въ вечерній костюмъ и, наконецъ, буксировалъ его до гостинной миссисъ Н.

Его описаніе происшествій вечера товарищамъ достойно вниманія.

— Старичина поздоровался съ хозяйкой, обмѣнялись нѣсколькими словами о погодѣ, а потомъ миссисъ Н говоритъ: «Я васъ сейчасъ представлю дамъ, которую вы поведете къ столу, мистеръ Стерлингъ, но я не дамъ вамъ болтать

съ нею до обѣда. А теперь осмотритесь хорошенько и скажите, съ кѣмъ васъ познакомить». Пріятель нашъ окинулъ гостиную умирающимъ взоромъ — не было ни одной дамы старше 25 лѣтъ! И какъ вы думаете, что придумала эта старая хитрая лиса? Вотъ и называйте увальнемъ послѣ этого! Ни въ какомъ случаѣ! Ни одинъ свѣтскій франтъ не сумѣлъ бы тоньше польстить. Не догадываетесь? Ну, такъ онъ сказалъ: Мнѣ пріятнѣе всего поговорить съ вами, миссисъ Н». Фактъ! Она, конечно, приняла это за комплиментъ и была въ восторгѣ. Ну-съ, я не имѣю понятія, какъ онъ прошелъ черезъ церемонію представленія и какъ добрался до столовой, ибо моя дама была такъ восхитительна, что я ничего не видѣлъ, кромѣ нея, пока мы не сѣли за столъ, а хозяйка не обратилась къ ней съ какимъ-то вопросомъ. Тогда я отыскалъ пріятеля, который оказался какъ разъ противъ меня, чтобы убѣдиться, какъ онъ справляется. Охъ, братцы, вы бы умерли отъ смѣха! Сидитъ бѣдняжка, уставился въ пространство и, влиня, такъ старается придумать, что бы ему сказать, что я чуть не лопнулъ. Два раза онъ разбавлялъ ротъ, чтобы заговорить, и опять закрывалъ его. Барышня сначала смотрѣла на него съ удивленіемъ, но потомъ поймала мой взглядъ и сразу поняла, въ чемъ дѣло. Вотъ мы и стали оба ждать, что будетъ дальше. Вдругъ она сказала: «Теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ». Этого я уже не могъ перенести. Я чуть не подавился. Что дальше было — не знаю. Миссъ Джевонсъ обратилась ко мнѣ и задала мнѣ какой-то вопросъ. Когда я опять взглянулъ на коллегу, то увидѣлъ, что потъ выступилъ у него на лбу, а разговоръ шелъ толчками и скачками, какъ телѣга по вспаханному полю. Миссъ Календеръ, съ которой онъ сидѣлъ рядомъ, созналась мнѣ потомъ, что ей въ жизни не случалось проводить такого тяжелого вечера. Ничего не могла изъ него вытянуть, кромѣ «да» и «нѣтъ».

Три или четыре подобныхъ опыта погубили свѣтскую карьеру Питера: его

приняли безнадежнымъ. Нарѣдка онъ получалъ случайныя приглашенія на рауты или балы, считалъ своимъ долгомъ принимать ихъ, а затѣмъ добросовѣстно дѣлалъ визиты. Посѣщеніе общества являлось въ его глазахъ обязанностью, долгомъ, который онъ исполнялъ такъ же аккуратно, съ тою же добросовѣстною настойчивостью, какъ и свои ежедневныя занятія. Ему не приходило въ голову, что можно легкомысленно отнестись къ свѣтскимъ обязанностямъ. Питеръ никогда не танцевалъ и не умѣлъ поддерживать легкой разговоръ, поэтому дѣйствительно милыя дѣвушки и умныя молодыя женщины не обращали на него вниманія, и ему приходилось довольствоваться обществомъ «отгнанныхъ украшеній» и старыхъ дѣвъ, которыя, можетъ быть и невольно, давали ему почувствовать, что его бѣсѣда для нихъ—родъ наказанія, а это врядъ ли могло придать ему храбрости. Если бы его спросили въ концѣ года, что онъ думаетъ объ обществѣ и въ частности о молодыхъ дамахъ, онъ, навѣрное, отвѣтилъ бы тѣмъ же словомъ, какимъ его самого заклеили: «неинтересно!»

Питеръ не былъ красивъ, его нельзя было назвать даже привлекательнымъ. Несмотря на то, что онъ такъ много работалъ и смотрѣлъ на жизнь очень серьезно, онъ былъ положительно толстъ. У него были прекрасныя каріе глаза и густыя темныя волосы, но ихъ никто не замѣчалъ. Черты лица его были мужественны, но выраженіе ихъ, кромѣ рѣдкихъ минутъ, было скучающее и незначительное. Человѣкъ на три дюйма ниже и на двѣ трети тоньше считался бы высокимъ. «Толстякъ» былъ обыкновенный эпитетъ, прилагаемый Питеру, когда его описывали, и эта кличка такъ за нимъ и осталась. Если бы онъ поступилъ въ колледжъ десятью годами позже, то, навѣрное, снискалъ бы себѣ славу чѣмпіона. Но въ его время атлетика только что появилась и не пользовалась одобреніемъ начальства и родителей. Шекспиръ говорить о приливѣ и отлигѣ въ мнѣніяхъ людей. Родись Питеръ десятью годами позже—и его имя, навѣрное, было бы во всѣхъ газетахъ, онъ вѣ-

силъ бы пятьюдесятью фунтами меньше, тысячи народа прѣвѣтствовали бы его, онъ сталъ бы кумиромъ своего класса, былъ бы героемъ, женился бы на первой дѣвушкѣ, которую полюбилъ бы (герои—и это любопытно замѣтить—или женятся, или умираютъ молодыми, но никогда не остаются старыми холостяками), имѣлъ бы... но такъ какъ мы имѣемъ въ виду только дѣйствительность, мы должны признаться, что Питеръ былъ героемъ только въ глазахъ своей матери.

Вотъ къ кому былъ юноша, который черезъ двѣ недѣли послѣ выпуска изъ Гарварда ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ «Разсвѣта», яхты м-ра Пирса, когда приливъ тихонько увлекалъ ее въ заливъ Лонгъ-Эйланда. Но если бы сидѣвшіе на корнѣ могли въ эту минуту видѣть выраженіе лица нашего героя, то это лицо, которое они всѣ привыкли считать скучнымъ и незначительнымъ, привлекло бы ихъ вниманіе и возбудило бы въ нихъ вопросъ: почему въ немъ сегодня что-то героическое и въ то же время романтическое?

Глава III.

Странная дружба.

Изъ разговора или вѣрнѣе монолога м-ра Пирса съ окружающими было видно, что значеніе Питера Стирлинга среди веселыхъ пассажировъ «Разсвѣта» равнялось нулю. Но, съ другой стороны, м-ра Пирса ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать человѣкомъ, любящимъ незначительныхъ людей или способнымъ покровительствовать сыну фабричнаго надсмотрщика во имя челоуѣколюбія. А между тѣмъ Питеръ получилъ самое любезное приглашеніе и встрѣтилъ самый горячій пріемъ на дачѣ м-ра Пирса. Очевидно, была причина, заставившая хозяина «Бустарниковъ» — такъ называлось имѣніе м-ра Пирса—обратить на него свое вниманіе. Этой причиною былъ его пріятель, Уатсъ д'Аллуа.

Питеръ и Уатсъ были полною противоположностью другъ другу, и казалось невѣроятнымъ, что бы они могли симпа-

тизировать другъ другу и имѣть что-либо общее. И все-таки они были друзьями. Пустой случай свелъ ихъ, когда оба еще были новичками въ колледжъ. Уатсъ, какъ истый школьникъ, задумалъ, съ нѣсколькими новичками, стащить изъ Гарвардской часовни библію, имѣя въ виду съ подобающими церемоніями поднести ее такимъ же шалопаемъ въ Іалъ и получить отъ нихъ въ обмѣнъ подобную же любезность. Къ несчастью для шапуновъ, начальство колледжа было такъ нелюбезно, что встрѣтило это ежегодно повторяющееся покушеніе сопротивленіемъ. Двое изъ мародеровъ были пойманы, но Уатсъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, оставивъ въ рукахъ сторожей свою куртку. Бѣгство не спасло бы его отъ достойной кары, если бы онъ не встрѣтилъ на своемъ пути Питера, одолжившаго ему свое пальто, въ которомъ ему удалось безпрепятственно добраться до своей комнаты. Преслѣдовавшіе Уатса сторожа схватили Питера и отвели къ инспектору, но онъ легко доказалъ, что оставшаяся въ рукахъ преслѣдователей куртка не его, и что онъ только что расстался съ однимъ изъ учителей, который подтвердилъ его показаніе. Былъ поднятъ вопросъ объ исключеніи его за укрывательство виновнаго и за упорный отказъ назвать его, но безукоризненное прошлое и примѣрное прилежаніе спасло его, и дѣло ограничилось выговоромъ директора, внезапно превратившагося въ жаркій споръ о способѣ печатанія ситцевъ, прежде чѣмъ достойный ученый успѣлъ прочесть половину приготовленной имъ нотаціи. Такимъ образомъ разговоръ директора, перейдя съ печатанія ситцевъ къ культурѣ ранняго ридиса, окончился крѣпкимъ рукопожатіемъ и приглашеніемъ придти еще разъ, безъ перспективы выговора или обвиненія.

Уатсъ заявилъ Питеру, что тотъ «чертовски счастливый парень», что сумѣлъ во время помочь ему, такъ какъ при этомъ случаѣ показалъ свою удачу всему классу, подружился съ директоромъ «и, — съ удареніемъ прибавилъ Уатсъ, — если бы ты не очутился на этомъ углу въ 11 часовъ 10 минутъ вечера, то ты не познакомился бы со мной, старина!» Эй-Богу,

отъ какихъ пустяковъ зависятъ иногда самыя важныя событія нашей жизни! Весьма возможно, что еслибъ Питеръ обладалъ способностью читать въ будущемъ, онъ постарался бы уйти подальше отъ рокового угла.

Но если бы онъ заглянулъ еще дальше впередъ, то увидѣлъ бы, что отъ этой встрѣчи зависятъ величайшее счастье всей его жизни. Еслибъ мы заранее знали, откуда придетъ къ намъ опасность, и сумѣли бы предупредить ее—кто знаетъ, что бы пришло на ея мѣсто? А когда счастье освѣтитъ насъ, кто можетъ сказать, не кажется ли оно намъ еще слаще послѣ того горя, которое было передъ нимъ? Если же мы будемъ стараться обмануть судьбу, не станемъ ли мы похожи на ту старуху, которая торжественно заявляла, что заняла ровно столько денегъ, сколько нужно, чтобы уплатить всѣ прежніе долги.

Уатсъ былъ все-таки очень благодаренъ за своевременную помощь и старался доказать это словомъ и дѣломъ. Онъ объявилъ всѣмъ своимъ пріятелямъ, что «займется этимъ Стерлингомъ и приручитъ его», а Уатсъ имѣлъ замѣчательную способность всегда выполнять то, чего ему хотѣлось.

Питеръ сперва ничего не отвѣчалъ на изъявленія дружбы красиваго, элегантнаго, расточительнаго нью-іорскаго фрэата. Онъ слишкомъ хорошо видѣлъ разницу между собою и компаніей Уатса, чтобы желать сближенія съ ними. Но еще никто изъ узнавшихъ Уатса не могъ устоять противъ его веселой улыбки и открытаго обращенія, и Питеръ тоже позволилъ «приручить» себя. Возможно, что встрѣченное вначалѣ сопротивленіе раздражило настойчивость Уатса, ему помогло также и одиночество Питера. Какъ бы тамъ ни было, но Питеръ скоро сдѣлался членомъ общества, доступъ въ которое былъ закрытъ многимъ, казавшимся болѣе его достойными этой чести. Какъ это ни странно, но общество не имѣло на него замѣтнаго вліянія. Онъ продолжалъ такъ же добросовѣстно работать, несмотря на насмѣшки и на всѣ попытки совратить его съ пути; такъ же не проживалъ тѣхъ денегъ, которыя

ему присылала мать; вообще онъ остался прежнимъ робкимъ, серьезнымъ юношей. «Шайка», какъ они инаице окрестили свой кружокъ, называла его во время своихъ веселыхъ пирушекъ: «кладбищемъ», «мертвой головой», «кикиморой», но Питеръ только добродушно покуривалъ трубку и не обижался, и по правдѣ сказать, никто изъ товарищей не хотѣлъ бы измѣнить въ немъ ни одной черточки.

Его молчаливость и серьезность служила необходимымъ контрастомъ ихъ необузданному веселью. Всѣ его вышучивали. Самый популярный куплетъ написаннаго Уатсомъ школьнаго гимна былъ посвященъ изображенію въ комическомъ видѣ Питера и шайка никогда не уставала распѣвать его во все горло. И хотя они на каждомъ шагу высмѣивали Питера, однако его отсутствіе на пирушкѣ или во время пикника всегда чувствовалось. Въ университетѣ Уатсъ, самъ не зная почему, предложилъ Питеру поселиться вмѣстѣ. Онъ не хотѣлъ и слышать объ отказѣ, и ему удалось поставить на своемъ.

— Я не могу жить такъ, какъ ты, — спокойно высказалъ Питеръ главную причину отказа.

— О, я плачу за обстановку, и тебѣ это не будетъ стоить ни одного лишняго гроша, — отвѣчалъ Уатсъ, и когда Питеръ наконецъ согласился, то Уатсъ предполагалъ, что сдѣлалъ по своему. Но въ концѣ концовъ оказалось, что ихъ смежныя комнаты были обставлены гораздо проще, чѣмъ помѣщеніе остальной «шайки», которая моментально прозвала ихъ квартиру монастыремъ, и Питеръ заплатилъ половину расходовъ. И хотя онъ рѣдко звалъ гостей, половина всѣхъ расходовъ на вино и табакъ аккуртно уплачивалась имъ.

Послѣдовавшіе три года связали обоихъ друзей крѣпкими узами. Казалось естественнымъ, что они должны были бы сильно вліять другъ на друга, но на самомъ дѣлѣ вышло, какъ нерѣдко бываетъ, когда сходятся слишкомъ различныя характеры, что особенности каждаго определялись еще рѣзче. Питеръ тѣмъ усерднѣе погружался въ науку, чѣмъ

больше Уатсъ пренебрегалъ ею; Уатсъ становился тѣмъ расточательнѣе, чѣмъ осторожнѣе былъ Питеръ. Уатсъ больше говорилъ, потому что Питеръ молчалъ, а Питеръ больше слушалъ, потому что Уатсъ болталъ безъ умолку.

Правда, Уатсъ старался втянуть Питера въ свѣтъ, но правда также, что Питеръ на самомъ дѣлѣ былъ болѣе одинокъ, чѣмъ если бы онъ жилъ не съ такимъ свѣтскимъ человѣкомъ.

Каждый изъ нихъ дополнял другъ друга, и они были взаимно необходимы другъ другу, какъ анодъ и катодъ электрической машины. Питеръ, который, кромѣ обычнаго академическаго курса, слушалъ лекціи права и два дѣла занимался въ конторѣ адвоката въ своемъ родномъ городѣ, выдержавъ передъ тѣмъ въ Нью-Йоркѣ необходимый экзаменъ, старался уговорить Уатса заняться тѣмъ же, чтобы современемъ вмѣстѣ посвятить себя адвокатурѣ въ Нью-Йоркѣ.

— Я буду разговаривать съ клиентами и разрабатывать дѣла, Уатсъ, а ты будешь сочинять рѣчи и защищать на судѣ, — говорилъ Питеръ, приводя въ пылу одушевленія самыя убѣдительныя доводы.

Уатсъ только смѣялся.

— Не знаю, старина. Я думаю, вѣрнѣе я ничего не буду дѣлать. Чтобы что-нибудь дѣлать, надо рѣшить — что именно, а это чертовски трудно. Я подожду, пока получу степень, и тогда потолкую съ отцомъ. Можетъ быть, онъ рѣшитъ за меня и избавитъ мои мозги отъ излишней умственной траты. Но ты, конечно, долженъ переселиться въ Нью-Йоркъ, чтобы быть ко мнѣ поближе. Да кромѣ того, Нью-Йоркъ единственное порядочное мѣсто въ Америкѣ, гдѣ стоитъ жить.

Таковы были планы пріятелей передъ экзаменами. Уатсъ, который схватывалъ въ десять разъ скорѣе Питера, послѣднія недѣли заставляя вплотную за книги и безъ труда получалъ почетный отзывъ. Питеръ усиленно работалъ, чтобы добиться славы, но потерпѣлъ неудачу.

— Ты слишкомъ много знаешь, старина, — говорилъ Уатсъ, который охотно уступилъ бы свой триумфъ другу. — Если

ты хочешь въ чемъ-нибудь имѣть успѣхъ, ты долженъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ и сосредоточиться только на этомъ предметѣ. По моему, почегный отзывъ не стоитъ чернилъ, которыми онъ написанъ, но я зналъ, что онъ порадуетъ стариковъ, поэтому развелъ пары и добился еіо. Если бы я тащился на телѣгъ нагруженной всякой всячиной, ненужной для экзамена, то, конечно, не пріѣхалъ бы во время.

Питеръ довольно грустно потрянулъ головой.

— Ты превосходишь меня умомъ, Уатсъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

— Вадоръ!—сказалъ Уатсъ.—У меня нѣтъ и четверти твоихъ мозговъ. Но штука въ томъ, что мои предки впро-долженіи трехсотъ лѣтъ обрабатывали свой умъ. въ то время, какъ твой обра-батывали землю; понятно, мои мозги быстрае шевелятся, чѣмъ твои. Я усваиваю науку, какъ утка идетъ въ воду. по врожденному инстинкту, а ты, какъ яхта, которую нужно выстроить да оснастить, прежде чѣмъ она поплыветъ. Но если намъ придется состязаться, ты, конечно, перегонишь меня такъ же легко, какъ лодка утку. А почетный отзывъ пустяки.

— Для всѣхъ, кромѣ...—Питеръ запнулся, колеблясь между желаніемъ выразиться точнѣе и отвращеніемъ къ неочтательнымъ выраженіямъ, и, наконецъ, докончилъ:—кромѣ матери.

— Ей-то онъ меньше всего нуженъ,—возразилъ Уатсъ.—Если есть въ мірѣ люди, которые не нуждаются въ маѣннн свѣта или факультета, чтобы знать, чего мы стоимъ, такъ это наши милыя, славныя, самоотверженныя и обольщающіяся базовницы - маменьки. Ура! черезъ двѣ недѣли я увижу мою, когда вернусь отъ Пирсовъ. Я ужасно радъ, что ты тоже ѣдешь къ нимъ, старина. Это будетъ маленькая отсрочка передъ разлукой на цѣлое лѣто. Не понимаю, зачѣмъ тебѣ сейчасъ ѣхать въ Нью-Йоркъ? Никто не ведетъ никакихъ дѣлъ лѣтомъ. Ну да, даже суды прекращають лѣтомъ свою дѣятельность. Послушай, поѣдемъ лучше со мной въ Грей-Бортъ, право. Моя ма-

тушка заколетъ откормленного тельца въ честь твоего пріѣзда.

— Вѣдь мы уже рѣшили,—отвѣтилъ Питеръ, говоря, какъ передовая статья, такъ какъ рѣшилъ онъ одинъ.

Уатсъ пробормоталъ сквозь зубы что-то «вродѣ упрямаго осла», знакомаго говорившему.

— Я увѣренъ, ты теперь отвлѣнешь и отъ Пирсовъ,—прибавилъ Уатсъ сердито.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ.

— Приглашеніе въ Грей-Бортъ стоитъ двухъ приглашеній къ Пирсамъ. Мать приглашаетъ только вполне порядочныхъ людей, а м-ръ Пирсъ...

— Пригласилъ насъ,—перебилъ его Питеръ безъ малѣйшаго упрека въ голосѣ.

— Ну да,—раскохотался Уатсъ,—онъ пригласилъ насъ. И онъ не дастъ намъ рта открыть. Ты какъ разъ такой собесѣдникъ, какихъ онъ любитъ. Честное слово, не пробудешь ты и двухъ часовъ въ его домѣ, какъ онъ будетъ кричать всѣмъ и каждому, что ты замѣчательно блестящій собесѣдникъ.

— А что онъ про тебя скажетъ?— провозгласилъ Питеръ между двумя клубами дыма, который онъ выпустилъ изъ своей трубки.

— М-ръ Пирсъ, коллега,—началъ Уатсъ, въ глазахъ котораго Питеръ уловилъ взглядъ, появившійся въ нихъ всякій разъ, когда онъ собирался выкинуть какую-нибудь штуку,—такъ обо-жаетъ твоего покорнаго слугу, что одобряетъ все, что я дѣлаю.

— Неужели ты думаешь, что если бы я не чувствовалъ подъ ногами твердой почвы въ «Кустарникахъ», то рѣшился бы достать приглашеніе для...—тутъ Уатсъ позамялся на мгновеніе, видя полуспуганное, полуудивленное выраженіе, появившееся на лицѣ Питера,—для себя,—докончилъ онъ.

— Полно врать, говори правду,—сказалъ Питеръ.

Уатсъ разсмѣялся.

— Чортъ тебя возьми! Вотъ что значить пріучить такого чучелу, какъ ты, читать мои мысли. Въ высшей степени неблагородно пользоваться ими противъ

меня же. Да, это я просилъ пригласить тебя. Нечего фыркать и думать, что я тебя навязалъ, недотрога ты этакій! М-ръ Пирсъ далъ мнѣ carte blanche, и если-бы не тебя, я пригласилъ бы другого, какого-нибудь стараго осла.

— Ну, а миссисъ Пирсъ?—допытывалъ Питеръ.

— О,—объяснялъ Уатсъ,—конечно, м-съ Пирсъ написала тебѣ письмо, (не могъ же я писать отъ своего имени). потому, что м-ръ Пирсъ сказалъ ей сдѣлать это. Она очень ухаживаетъ за мною, старина, потому что мой батька самый крупный акціонеръ и одинъ изъ директоровъ въ банкѣ Пирса, и они сказали мнѣ, что я могу привести съ собой нѣсколькихъ пріятелей, чтобы повеселиться вмѣстѣ на будущей недѣлѣ. До другихъ мнѣ дѣла нѣтъ, но тебя я, конечно, не забылъ бы ни за кучу дукатовъ.

Этотъ разговоръ объясняетъ намъ тайну пребыванія Питера въ «Кустарникахъ». Чтобы понять выраженіе его лица, мы должны познакомить нашихъ читателей съ періодомъ времени между его пріѣздомъ и началомъ нашей повѣсти.

Глава IV.

Начало событій.

Какъ близко Уатсъ придерживался истины въ приведенномъ выше разговорѣ не важно; важнѣе для насъ. что Питеръ былъ приглашенъ, независимо отъ того, Уатсъ ли первый попросилъ объ этомъ м-ра Пирса, или м-ръ Пирсъ Уатса. Письмо, [написанное этимъ послѣднимъ] миссъ Пирсъ, когда было уже рѣшено, что Питеръ пріѣдетъ, имѣетъ для насъ большее значеніе и заслуживаетъ быть приведеннымъ дѣликомъ.

«Дорогая моя Эленъ!

«Пришлось дѣйствовать очень дипломатично между вашимъ патеромъ и моимъ Патеромъ, чтобы выполнить тотъ планъ, который мы задумали еще прошлое лѣто; онъ сдѣлалъ бы честь Пальмерстону и способствовалъ бы еще большей славѣ Бисмарка. Но дѣло, великое

дѣло, сдѣлано и іюня 29-го дня коллеги и я прибудемъ въ «Бустарники», даже если съ неба будутъ палки валиться, т.-е., говоря другими словами, во что бы то ни стало

«А теперь нѣсколько словъ о коллегахъ, съ которыми вамъ такъ хочется познакомиться. Я такъ много говорилъ вамъ объ немъ, что вы, конечно, осмѣете меня за желаніе сказать еще чтонибудь новое. Я этого и пробовагъ не думаю, а прошу все, что скажу сегодня, принять, какъ дополненіе къ сказанному равнѣе.

«Будьте любезны запомнить, что онъ никогда не получитъ преміи ни за красоту, ни даже за свою грацію. Онъ премило обращается съ барышнями: не только не говоритъ съ ними, но лишаетъ и ихъ возможности говорить. Напримѣръ, если меня барышня спроситъ, играю ли я въ крокетъ (что, говоря между прочимъ, уже вышло изъ моды и замѣнено новой игрой—теннисъ), я вѣроятно, отвѣчу «Нѣтъ. А вы?» Такимъ образомъ, крокетъ на десять минутъ будетъ темой для болтовни и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ новому предмету. Питеръ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ отрѣжетъ просто «нѣтъ», и поэтому барышня не можетъ развивать тему о крокетѣ и должна искать новаго предмета для разговора.

«Благоразумнѣе всего почерпнуть предметъ разговора изъ энциклопедіи и предлагать его въ азбучномъ порядкѣ. Переберите ихъ девяносто въ часть, тогда можете помолчать если не боитесь.

«Если вы достаточно храбры, то можете значительно сократить число предметовъ, collega не обращаетъ вниманіе на паузы, если только барышня имѣетъ довольный видъ.

«Если она скучаетъ, то и Питеръ скучаетъ.

«Посадите его за столomъ между собой и мамашей и помогайте ему преодолевать препятствіе. Вы, я знаю, сумѣете приручить его. Не обращайтесь на меня вниманія. Я не буду ревновать и, воспользовавшись вашимъ невниманіемъ, пробуду еще недѣлку послѣ его отъѣзда, чтобы вознаграждать себя.

«Я хочу показать милому старому отшельнику, какъ мила можетъ быть дѣйствительно хорошая дѣвушка. Итакъ, будьте обворожительны ради вашего

«Уатса Кларксона д'Аллуа».

Когда Уатсъ и Питеръ вышли изъ вагона 29-го іюня, видно было, что письмо произвело желанное дѣйствіе. Уатсъ былъ моментально отправленъ на козлы шарабана, рядомъ съ м-ромъ Пирсомъ, а Питеръ очутился на заднемъ сидѣньи, рядомъ съ барышней.

Конечно, Питеръ былъ представленъ ей, но онъ имѣлъ привычку никогда не смотрѣть въ лицо барышнямъ, поэтому онъ не могъ судить, соответствуетъ ли миссъ Пирсъ описанію Уатса. Питеръ съ мольбою глядѣлъ на сидѣнье рядомъ съ м-ромъ Пирсомъ и очень ловко, по своему мнѣнію, маневрировалъ, чтобы незамѣтно добратся до него. Но двое молодыхъ людей, далеко превосходившихъ его природной хитростью и опытностью, рѣшили, что онъ долженъ былъ сидѣть рядомъ съ, Элленъ и онъ не могъ бороться съ ними. Онъ влѣзъ на свое мѣсто, надѣясь въ душѣ, что она не заговоритъ съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, если эта надежда окажется тщетной, Уатсъ повернется къ нимъ и выручитъ его. Но это вовсе не входило въ планы миссъ Пирсъ. Она дала Питеру время удобно устроиться на своемъ мѣстѣ, зная, что если она начнетъ атаку раньше, онъ будетъ чувствовать себя несчастнымъ всю дорогу. Затѣмъ она начала:

— Не могу высказать вамъ, какъ мы всѣ довольны успѣхами Уатса. Мы конечно знали, чего онъ можетъ достигнуть, если только захочетъ, но казалось, онъ даже не хочетъ пробовать работать.

Питеръ вздохнулъ свободнѣе. Она не предложила ему вопроса и интонація послѣдней ея фразы не требовала, чтобы онъ сказалъ что-нибудь.

— О, взгляните, какая уморительная корова! — замѣтила она, прежде чѣмъ Питеръ успѣлъ начать безпеконтясь, что наступило молчаніе.

Питеръ посмотрѣлъ на корову и разсмѣялся. Ему хотѣлось бы смѣяться по-

дольше, чтобы убить время, но въ ту минуту, какъ онъ подумалъ, что смѣхъ можетъ замѣнить разговоръ, смѣхъ окончился. Однако, приглашеніе посмотреть на корову не требовало отвѣта, и онъ былъ спокоенъ.

— Мы очень гордимся нашими дорогами, — сказала миссъ Пирсъ. — Когда мы купили мнѣніе, онъ были отвратительны, но папа взялъ это дѣло въ свои руки и заставлялъ шоссировать ихъ, какъ въ Европѣ.

Разговоръ кончился уже трехъ предметовъ, а отъ него не требовали ни отвѣта, ни даже простой реплики. Питеръ не зналъ, что онъ долженъ сказать на слѣдующее замѣчаніе миссъ Пирсъ.

— Я очень люблю дороги Новой Англии, — продолжала миссъ Пирсъ и ея послѣдовательность привела въ восторгъ Питера, который привыкъ къ безпорядочной женской болтовнѣ и обыкновенно съ трудомъ могъ услѣдить за скачками мысли съ одного предмета на другой.

— Въ ихъ пейзажѣ есть что-то законченное, что приводитъ меня въ восторгъ. Мнѣ представляется, будто всѣ горячіе солнечныя лучи собрались, — извините за странное сравненіе, это Уатсъ выдумалъ, — въ охапки свѣта и засыпали имъ изгороди и поля.

Питеръ недоумѣвалъ, не требуетъ ли просьба извинить — какого-нибудь отвѣта, но рѣшилъ, что не требуетъ.

— Папа сказалъ мнѣ на-дняхъ, — продолжала миссъ Пирсъ, — что существуетъ девятнадцать сортовъ золотушника. Я никогда бы не замѣчала между ними ни малѣйшей разницы.

Питеръ начиналъ чувствовать себя легко и непринужденно. Онъ обратилъ вниманіе, что у миссъ Пирсъ очень нѣжный голосъ. Ему прежде не приходилось замѣчать, чтобы у дѣвушки могъ быть пріятный голосъ. Но теперь онъ ясно припомнилъ, что ни у одной изъ тѣхъ, съ которыми онъ говорилъ, или вѣрнѣе, которыя съ нимъ говорили, не было этого достоинства.

— Въ прошломъ году, — сказала миссъ Пирсъ, — когда Уатсъ былъ здѣсь, мы устраивали желтый шикникъ: весь домъ

былъ убранъ золотушникомъ, а на дугу горѣли желтые фонарики

— Уатсъ мнѣ рассказывалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Питеръ.

— Онъ былъ просто душою пикника,—продолжала миссъ Пирсъ.—Онъ сплелъ себѣ поясъ и ожерелье изъ дѣтвовъ и не снималъ ихъ весь вечеръ. Это очень ему шло.

Питеръ, даже не отдавая себѣ отчета, что онъ вступилъ въ разговоръ, воскликнулъ:—Онъ былъ признаннымъ красавцемъ въ нашемъ классѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ мило!—сказала миссъ Пирсъ.

— Да,—подтвердилъ Питеръ.—И это совершенная правда.

Питеръ даже и не подозрѣвалъ, что ему былъ предложенъ вопросъ, и что онъ не него отвѣтилъ. Онъ почувствовалъ желаніе посмотреть въ лицо миссъ Пирсъ. А она, между тѣмъ, воспользовавшись минутной паузой, мысленно говорила себѣ: «Эдленъ, дорогая моя, ты попала на истинный путь». Затѣмъ высказавъ себѣ мысленно одобреніе, она продолжала:

— У насъ былъ полонъ домъ гостей во время пикника, и это напомнило мнѣ, что я должна вамъ сказать, съ кѣмъ вы встрѣтитесь у насъ сегодня.

И слѣдующіе десять минутъ были посвящены описанію двухъ молодыхъ нью-іоркскихъ барышень и ихъ брата, которые составляли первую серію гостей. Въ это время глаза Питера оторвались отъ спины Уатса и бросили робкій взглядъ на миссъ Пирсъ. Питеръ убѣдился, что, говоря съ нимъ, она смотрѣла ему прямо въ лицо. но, по неизвѣстной причинѣ, это его нисколько не беспокоило. И прежде чѣмъ она успѣла кончить свое описаніе, Питеръ уже смотрѣлъ ей прямо въ глаза и даже не замѣчалъ этого.

Ея лицо не сіяло ослѣпительной красотой, но оно было вѣжно имѣло привлекательную способность ограждать малѣйшее движеніе души. И теперь быстро мѣнялось его выраженіе отъ вѣстныхъ впечатлѣній. Многія дѣвушки, болѣе красивыя, были менѣе привлекательны. Всѣ любили говорить съ миссъ

Пирсъ, и многіе подъ влияніемъ ея откровенной симпатіи высказывались больше, чѣмъ сами хотѣли. Но глаза ея были дѣйствительно прекрасны, и она обладала прелестьѣйшей въ мірѣ фигуркой; «точечная» говорилъ про нее Уатсъ, и большинство мужчинъ думали тоже Наконецъ, у ней была прелестная привычка смотрѣть прямо въ глаза людямъ, съ которыми она разговаривала, и, по многимъ причинамъ, имъ это очень нравилось.

Такое же впечатлѣніе она произвела и на Питера. Когда онъ смотрѣлъ въ ея темно-сѣрые глаза, казавшіяся еще темнѣе отъ длинныхъ рѣсницъ, онъ забывалъ все окружающее; пересталъ думать о томъ, что говорилъ; и даже пересталъ сознавать, весело ли ему. Коротче сказать, онъ совсѣмъ забылъ о себѣ и, что еще важнѣе, забылъ, что разговариваетъ съ дѣвушкой. Онъ чувствовалъ себя и поступалъ, какъ съ мужчиной.

«Святые угольники!—мысленно воскликнулъ Уатсъ на переднемъ сидѣньи.—Старина становится краснорѣчивымъ! Болтливость заразительна, и онъ заразился ею отъ м-ра Пирса».

Это въ переводѣ на языкъ фактовъ означало, что Питеръ отвѣтилъ восемь разъ и дважды смѣялся въ продолженіи получасового переѣзда отъ станціи до воротъ «Кустарниковъ».

Глава V.

Мины и контрмины.

Видъ общества, собравшагося на верандѣ дома, вернулъ Питеру сознаніе дѣйствительности, и онъ, пока шарабанъ подѣзжалъ, приготовился къ пыткамъ представленія и привѣтствій. Если бы миссъ Пирсъ не была такой доброй, славной дѣвушкой, она врядъ ли могла бы подавить улыбку, видя, какъ вытянулось лицо Питера, и какъ окаменѣла вся его фигура при видѣ общества на верандѣ. Но миссъ Пирсъ рѣшила, прежде даже, чѣмъ познакомилась съ Питеромъ, что подружится съ нимъ, и что онъ человѣкъ, которому поддержка необходима. Дайте женщинамъ принять подобное

рѣшеніе относительно мужины, и, по причинамъ, не доступнымъ ни логиѣ. ни философіи, онъ перестаетъ быть смѣшнымъ въ ея глазахъ. Поэтому миссъ Пирсъ, вмѣсто того, чтобы улыбаться, какъ великій полководецъ во время стратегическаго движенія, искусно, съ чисто женской ловкостью, провела Питера черезъ пытку новаго знакомства. Питеръ былъ представленъ миссисъ Пирсъ, но моментально отозванъ помочь миссъ Пирсъ выйти изъ экипажа, прежде чѣмъ успѣлъ что-нибудь сказать. Затѣмъ какой-то свертокъ исчезъ на днѣ экипажа и м-ръ Паулингъ, нью-іорскій фравтъ былъ посланъ помочь Питеру найти его. и при этомъ случаѣ были названы ихъ фамиліи. Наконецъ, его представили обвѣннъ барышнямъ, но въ ту же минуту его и Уатса пригласили въ ихъ комнаты; и миссъ Пирсъ, уходя къ себѣ, одобрительно кивала головой и говорила сама съ собой:

«Право же, Эленъ, я не думаю чтобы съ нимъ было трудно справиться. Онъ довольно ручной».

Когда Питеръ сходилъ внизъ передъ обѣдомъ, онъ раздумывалъ, уласть ли ему поговорить съ миссъ Пирсъ. Всюминная свои прежніе опыты, онъ очень сомнѣвался въ этомъ, особенно имѣя въ виду, что, кромѣ него, было двое молодыхъ людей, гораздо способнѣе. Но, странное дѣло, оба молодыхъ человека сидѣли уже съ нью-іорскими барышнями, а рядомъ со стуломъ миссъ Пирсъ было свободное мѣсто. И, что еще страннѣе, его тотчасъ пригласили занять это мѣсто, и не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже ничего не видѣлъ. кромѣ темносѣрыхъ глазъ, такъ ласково смотрѣвшихъ на него. Онъ повелъ миссъ Пиръ къ столу и сѣлъ между нею и ея матерью, и снова подпалъ очарованію темносѣрыхъ глазъ. Послѣ обѣда, вернувшись на верану къ дамамъ, Питеръ уже вполне свободно усаживался около миссъ Пирсъ. Позано ночью, Питеръ сидѣлъ въ своей комнатѣ, или вѣрнѣе висѣлъ изъ окна, покуривая трубку и обдумывая, какъ благополучно прошелъ день. Онъ не слѣзалъ ни одного промаха, и жаловаться было не на что.

«Я становлюсь опытиѣе»,—думалъ онъ съ гордостью школьника, не подозрѣвая, что все, что онъ говорилъ и дѣлалъ за послѣдніе нѣсколько часовъ, было сглажено и облегчено тактомъ женщины.

Слѣдующая недѣля была какъ бы продолженіемъ перваго дня. По правдѣ сказать, Питеръ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ этомъ элегантномъ обществѣ; м-ръ Пирсъ не разсыпалъ передъ нимъ цвѣтотъ своего краснорѣчія, а миссъ Пирсъ, какъ вѣрная и преданная жена, на все смотрѣла глазами своего мужа. Уаттсъ собирался руководить пріателемъ, но Уаттсъ прекрасно игралъ на роялѣ и на билліардѣ; онъ отлично гребъ и ѣздилъ верхомъ; онъ пѣлъ, танцовалъ, плавалъ, болталъ, игралъ во всѣ игры, чудесно читалъ вслухъ и, что еще важнѣе, всегда, во всякое время былъ готовъ дѣлать, что угодно. Питеръ, при всякомъ удобномъ случаѣ, инстинктивно прибѣгалъ къ помощи миссъ Пирсъ. Ему слѣдовало бы спросить себя, дѣйствительно ли барышня его общество пріятнѣе, чѣмъ общество остальной молодежи, и будь онъ немного воспитаннѣе, онъ бы самъ повялъ, что нельзя навязывать хозяйкѣ свою особу и такъ открыто завладѣвать обществомъ молодой дѣвушки. Но онъ не отдавалъ себѣ отчета, что поступаетъ не такъ, какъ должно, чувствуя, что очень счастливъ въ ея присутствіи. По причинамъ, извѣстнымъ одной миссъ Пирсъ, она позволила монополизировать себя. Она даже казалась столь же заинтересованной Питеромъ, какъ онъ увлеченъ ею. Вопросъ—было ли ей весело, такъ какъ Питеръ не былъ особенно разговорчивъ, и то немногое, что онъ говорилъ, не отличалось ни блескомъ, ни остроуміемъ. Но въ гостиной и въ экипажѣ, на верандѣ, на дугу или на палубѣ яхты, она всегда готова была оказать ему столько помощи и вниманія, сколько онъ требовалъ, а требовалъ, онъ очень много. Уаттсъ шутилъ говорилъ что «какъ только Питеръ появляется на горизонтѣ, Эленъ выкидываетъ значекъ: «свободна», и это была одна изъ многочисленныхъ шутокъ, которыя сочинялись гостями по поводу ихъ обоюдной преданности.

Этотъ экспериментъ былъ половъ опасностей для Питера. Въ первый разъ въ жизни ему приходилось видѣть привлекательную сторону молодой дѣвушки. То, что въ ней привлекало мужчинъ, трижды привлекало Питера, который могъ сравнивать ея милое обращеніе только съ холоднымъ равнодушіемъ дѣвицы его родного города и немногихъ бостонскихъ дамъ, которымъ случалось выносить его общество. Имѣи онъ больше опыта, онъ считалъ бы миссъ Пирсъ милой дѣвушкой съ прекрасными глазами, манерами и фигурой. Но какъ единственный стаканъ вина опасенъ для трезвенника, такъ ея общество имѣло громадное вліяніе на Питера, большее, чѣмъ должно было имѣть. Не прошло и недѣли, какъ онъ уже былъ безвозвратно влюбленъ, и хотя его природная застенчивость и неумѣіе высказывать свои чувства не давали миссъ Пирсъ замѣтить этого, болѣе прозорливые родители сейчасъ догадались, въ чемъ дѣло.

— Серьезно. Чарльзъ, — сказала миссъ Пирсъ, когда они были одни въ своей спальнѣ, — я думаю, это нужно прекратить.

— Совершенно вѣрно, дорогая моя, подтвердилъ ея супругъ и повелитель съ такой готовностью, что она удивилась и даже испугалась. Но онъ продолжалъ: — Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что это нужно прекратить, разъ вы находите это нужнымъ. Но такъ какъ «это» предметъ неопредѣленный, то какъ таковой нежелателенъ, поэтому во всякомъ случаѣ, прекратите «это».

— Я думала о мистерѣ Стерлингѣ, — начала миссъ Пирсъ.

— Да? — прервалъ ее м-ръ Пирсъ обидящемъ и заинтересованнымъ тономъ. — Питеръ, дѣйствительно, субъектъ неопредѣленный. Я думаю даже, можно сказать безъ преувеличенія, отрицательный. Однако я не сталъ бы останавливать его. Ему доставляетъ достаточно труда высказать какъ-нибудь заключеніе, не заикнувшись. Но можете, быть, я васъ неправильно понялъ, и вы желаете пригласить его пожить у насъ подольше.

— Я хотѣла сказать, мой другъ, — отвѣчала миссъ Пирсъ, и въ голосѣ ея

заввучало что-то вродѣ близкихъ слезъ, такъ какъ она не отличалась особенною остротою ума, и шутки ея супруга всегда пугали ее и заставляли сознавать себя ниже его, — я хотѣла сказать, что онъ слишкомъ много времени проводитъ съ Эллиенъ. Я боюсь, чтобы онъ не влюбился въ нее.

— Дорогая моя, — сказала м-ръ Пирсъ, — вы рождены быть профессиональнымъ чтецомъ мыслей. Ваше предположеніе является для меня ужаснымъ откровеніемъ. Представьте себѣ, нѣтъ, только представьте себѣ, что онъ влюбленъ въ Эллиенъ!

— Я право думаю, что онъ уже влюбленъ, — отвѣтила миссъ Пирсъ. — Хотя онъ такъ не похожъ на другихъ мужчинъ, что я не увѣрена въ этомъ.

— Во всякомъ случаѣ этому надо положить конецъ. А кстати, какимъ способомъ можно помѣшать человѣку влюбиться?

— Чарльзъ! — воскликнула миссъ Пирсъ.

Подобные возгласы миссъ Пирсъ всегда были связаны съ появленіемъ несового платка, а м-ръ Пирсъ вовсе не имѣлъ желанія вызвать увеличеніе количества атмосферныхъ осадковъ.

Потому онъ рѣшился, такъ какъ его шутки были приняты слишкомъ трагически, для контраста поговорить серьезно.

— Я не думаю, чтобы намъ нужно было вмѣшиваться. Что бы ни дѣлалъ м-ръ Питеръ — для насъ безразлично, такъ какъ очевидно, что Эллиенъ любезничаетъ съ нимъ по обязанности, какъ я догадываюсь, чтобы угодить Уатсу. Такъ что все, что она дѣлаетъ — для него большая милость, а фактъ, что Питеръ увлеченъ ею, только увеличиваетъ ея цѣну въ глазахъ другихъ.

— Такъ вы не думаете?.. — спросила миссъ Пирсъ и остановилась.

— Не оскорбляйте моей проницательности, — разсмѣялся м-ръ Пирсъ. — Я думаю. Я думаю, что дѣла не могутъ обстоять лучше. Я вѣскольکو опасался м-ра Паулинга и предпочелъ бы пригласить его и его сестеръ попозже, но такъ какъ вѣжливость требовала пригласить, а они не могли пріѣхать въ другое время,

то сама судьба послала этого чувствительнаго и скучнаго чудака Питера, чтобы занять вниманіе Эленъ. Если бы я считалъ его хоть немного опаснымъ, то и тогда не мѣшалъ бы, но постарался бы одѣлать его смѣшнымъ. Такъ родители всегда должны поступать съ неподходящимъ человѣкомъ. На будущей недѣлѣ, когда всѣ уѣдутъ, кромѣ Уатса, онъ наверстаетъ потерянное время, и контрастъ съ прошлой недѣлей будетъ для нея тѣмъ пріятнѣе.

— Такъ вы думаете, что Эленъ и Уатсъ нравятся другъ другу?—спросила миссисъ Пирсъ, вспыхнувъ отъ удовольствія, что ея собственное желаніе такой весхитительной возможности нашло откликъ въ ея супругѣ.

— Я думаю,— отвѣчалъ м-ръ Пирсъ, что тѣмъ меньше мы, родители, будемъ вмѣшиваться въ любовь, тѣмъ лучше. Если я далъ возможность Эленъ и Уатсу ближе узнать другъ друга, то одѣлалъ это, только имѣя въ виду ихъ обоюдные интересы. Любезность, которую я ему оказывалъ, относилась, главнымъ образомъ, къ участию его отца въ моемъ дѣлѣ, безъ всякихъ матримоніальныхъ намѣреній. Конечно, я не противъ того, чтобы они поженились. Уатсъ — сынъ очень богатаго человѣка съ прекраснымъ общественнымъ положеніемъ въ Нью-Йоркѣ, кромѣ того онъ самъ славный юноша. Эленъ будетъ хорошей женой, и тотъ, кто ее получитъ, не обдѣлаетъ. Если они столкнутся сами, я скажу *pice dimittis*, но до тѣхъ поръ я мальцемъ не пошевельну.

— Я думаю, что они любятъ другъ друга,—сказала миссисъ Пирсъ.

— Ну, возразилъ м-ръ Пирсъ,—я думаю, что если бы родители рѣшали сами, кто лучше подойдетъ къ ихъ дочери, и слѣдали бы за тѣмъ, чтобы молодые люди познакомились настолько, насколько нужно, прежде чѣмъ узнаютъ свѣтъ большае, чѣмъ нужно, то они могли бы съ успѣхомъ выполнить свою задачу, если только будутъ держаться подальше отъ любви. Въ жизни мужчины есть періодъ, когда онъ долженъ любить кого-нибудь, даже если «она» не моложе его бабушки. Точно также и въ жизни дѣвушки есть

періодъ, когда она не въ силахъ сказать «нѣтъ» влюбленному въ нее. Онъ на самомъ дѣлѣ любитъ въ ней только женщину, а она любитъ любовь, а не влюбленнаго, но это все равно, такъ какъ иллюзія длится ровно столько же, какъ и болѣе сознательная любовь, которая приходитъ позднѣе.

Миссисъ Пирсъ нахмурилась. Большинство женщинъ хмурятся, когда мужчина высказываетъ отвлеченныя заключенія о любви.

— Я увѣрена, что они любятъ другъ друга,—повторила она.

Глава VI.

Монологъ и діалогъ.

Въ концѣ упомянутой вначалѣ морской прогулки Питеръ одиноко шагалъ по падубѣ. Рано утромъ на слѣдующій день онъ долженъ былъ съѣздить на поѣздъ, чтобы ѣхать въ свой родной городъ, и эта мысль, въ связи съ другими мыслями, вызвала глубокія морщины на его лбу. Его заключенія выразились приблизительно такъ:

«Я до своего пріѣзда сюда подзрѣвалъ, что Уатсъ и миссъ Пирсъ любятъ другъ друга. Очевидно я былъ неправъ, такъ какъ если бы они любили другъ друга, развѣ они могли бы быть такъ мало свѣсты? Какъ онъ можетъ знать ее и не любить? Но для меня это очень счастливо, потому что я не могъ бы состязаться съ нимъ, предполагая даже, что я попробовалъ бы отбить у него любимую дѣвушку. Она не можетъ любить меня! Какъ говорить Уатсъ: я «отъ природы болванъ, а съ дѣвушками вдвое». Но все-таки я не могу уѣхать завтра, не сказавъ ей всего. Я не увижу ее до будущей зимы. Я не могу ждать такъ долго. Можетъ быть, другой и можетъ, а я не могу».

Онъ разъ двѣнадцать прошелся взадъ и впередъ, повторяя послѣднія три слова опять и опять. Его мысли приняла новый оборотъ.

«Это безуміе, и ты не имѣешь права такъ поступать. Ты самъ долженъ пробивать себѣ дорогу. Ты не

имѣешь права требовать отъ матери больше. чѣмъ тѣ полторы тысячи, которыя она общала давать тебѣ, потому что ты знаешь, что она дастъ тебѣ больше, но сама станетъ нуждаться. А что такое полторы тысячи въ годъ для такой дѣвушки? Ея отецъ просто подумаетъ, что я шушу!»

Питеръ посмотрѣлъ на свинцовыя волны и желалъ, чтобы не было трусостью покончить всѣ счеты, давъ имъ сомкнуться надъ его головой. Но темный цвѣтъ воды напомнилъ ему о темно-сѣрыхъ глазахъ, поэтому, вмѣсто того, чтобы броситься въ воду, онъ нѣсколько разъ повторялъ: «я не могу ждать», и съ удвоенной энергіей зашагалъ по палубѣ. Мысль его снова зароботала.

«Она была такъ добра ко мнѣ, что... нѣтъ, она не можетъ меня любить! Но она... если бы вдругъ, если... предположить, что любить? Что деньги—вздоръ! Мы можемъ подождать».

Питеръ нѣсколько разъ повторилъ послѣднее замѣчаніе, какъ бы желая показать, что между словами: «я не могу ждать» и «мы можемъ ждать»—большая разница. Затѣмъ онъ продолжалъ:

«Конечно, м-ръ Пирсъ будетъ недоволенъ. Онъ свѣтскій человѣкъ. Но все это пустое, если она меня любитъ. Если она меня любитъ?»

Питеръ опять повторилъ эти слова, и казалось наслаждался представленіемъ, вызваннымъ ими. Онъ видѣлъ, какъ Питеръ Стерлингъ вѣжно прощается съ вѣской молодой особой. Онъ видѣлъ его выходящимъ на арену, чтобы сразиться съ дикими звѣрями, и, конечно, онъ побѣдитъ ихъ. Онъ видѣлъ день, когда успѣхъ его позволитъ ему основать свой собственный домашній очагъ, озаренный парой темно-сѣрыхъ глазъ, которые смотрятъ на него за столомъ, провожаютъ его, когда онъ уходитъ на работу, и привѣтствуютъ его при возвращеніи. Сѣрые глаза, чтобы любить ихъ, когда они здѣсь, думать о нихъ въ отсутствіи! Увы! Сколько очаговъ и домовъ было построено изъ такого же матеріала!

Изъ всего этого видно, что Питеръ, несмотря на свою спокойную трезвую ватуру, былъ въ любовномъ дѣлѣ не

«миръ вои», № 1, январь. отд. III.

дальновиднѣе, чѣмъ всякій другой юноша, достигнувшій двадцати одного года.

— Бумъ! Воздушный замокъ распался. Семья, очагъ и сѣрые глаза разбились о деревянную пристань. Сонъ кончился.

— Помоги мнѣ нести корзины съ провизіей, коллега!—закричалъ Уаттсъ.— Постарайся быть настолько же полезенъ, насколько ты живописень.

Такимъ образомъ, одинокая прогулка Питера была прервана, и онъ сталъ помогать выгружать корзины съ провизіей и дамъ на пристань.

Но прогулка привела къ результатамъ, которые не замедлили обнаружиться. Когда компанія разбилась группами, чтобы идти домой, Уаттсъ и Питеръ оба подошли къ миссъ Пирсъ, что вовсе не входило въ планы этого послѣдняго.

— Иди-ка со всѣми, Уаттсъ,—сказалъ спокойно Питеръ.

Миссъ Пирсъ и Уаттсъ оба въ изумленіи остановились.

— Э?—произнесъ послѣдній.

— Ты пойдешь со всѣми впередъ,—повторилъ Питеръ.

— Не понимаю,—сказалъ Уаттсъ, который едва ли былъ бы болѣе пораженъ, если бы Питеръ предложилъ ему утопиться.

— Мнѣ нужно говорить съ миссъ Пирсъ,—объявилъ Питеръ.

Уаттсъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Если бы Питеръ попросилъ его уйти и привелъ свою причину не въ присутствіи миссъ Пирсъ, Уаттсъ моментально вывелъ бы свои заключенія и былъ бы недалеко отъ истины. Но было слишкомъ нелѣпо, чтобы, въ присутствіи дѣвушки, одинъ человѣкъ открыто приглашалъ другого уйти, чтобы онъ могъ сдѣлать ей предложеніе, и Уаттсъ колебался только минуту. Потомъ онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Убирайся самъ, если не любишь общества.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ,—я хочу, чтобы ты ушелъ.

Питеръ говорилъ совершенно спокойно, но въ его странно-звонкомъ голосѣ былъ какой-то неумовимый оттѣнокъ, заставлявшій повиноваться скорѣе, чѣмъ дру-

гой, болѣе повелительный тонъ. Уаттсъ привыкъ слушаться его, и изъ предыдущихъ опытовъ могъ убѣдиться, что ничто не можетъ принудить Питера отказаться отъ разъ принятаго рѣшенія.

Но теперь было совсѣмъ другое дѣло. Ему не хотѣлось уступить, и онъ старался обратить все въ шутку. Поэтому онъ не тронулся съ мѣста и началъ свистать. Оба молодыхъ человека, съ присущимъ имъ полу эгоизмомъ, совсѣмъ не приняли къ свѣдѣнію, что миссъ Пирсъ этотъ инцидентъ врядъ ли могъ показаться забавнымъ.

— Я думаю, — замѣтила миссъ Пирсъ, — что я оставляю васъ ссориться, а сама догону остальныхъ.

— Нѣтъ, — быстро возразилъ Питеръ, — мнѣ надо вамъ что-то сказать.

Уаттсъ пересталъ свистать.

«Что съ нимъ случилось?» подумалъ онъ.

Миссъ Пирсъ колебалась. Ей хотѣлось уйти, но въ глазахъ Питера было что-то, что ее удерживало...

«У меня и въ мысляхъ не было, что онъ можетъ говорить такъ рѣшительно. Онъ вовсе не такой ручной, какъ я думала. Маѣ кажется, Уаттсу слѣдуетъ исполнить его желаніе, хотя я все-таки не понимаю, зачѣмъ м-ру Стерлингу такъ хочется отослать его», мысленно рассуждала миссъ Пирсъ.

— Уаттсъ, ты отнимаешь у меня послѣдній случай поблагодарить миссъ Пирсъ, — и уѣзжаю завтра до завтрака.

Это было сказано совершенно просто, но въ тонѣ голоса слышалось приказаніе.

— Ладно, пріятель, — сказалъ Уаттсъ; ему было стыдно, что онъ собирался помѣшать Питеру, какъ слѣдуетъ протеститься съ любезной хозяйкой, и онъ бросился догонять ушедшее общество.

— Миссъ Пирсъ, — началъ Питеръ, — я не могъ уѣхать, не поблагодаривъ васъ за вашу доброту ко мнѣ. Я никогда не забуду этихъ дней.

— Я очень рада, что вамъ было весело, — зашептала миссъ Пирсъ съ восторгомъ, что ея самопожертвованіе не пропало даромъ.

— И я не могъ уѣхать, — продолжалъ Питеръ, и его звонкій голосъ вдругъ

оборвался, — не сказавъ вамъ, какъ я васъ люблю.

— Любите меня! — воскликнула миссъ Пирсъ и даже остановилась отъ изумленія.

— Да, — просто отвѣтилъ Питеръ, и это односложное словечко, сказанное такъ, какъ онъ его сказалъ, выражало болѣе, чѣмъ самое пламенное увѣреніе.

— О! — воскликнула его спутница — Какъ мнѣ жаль!

— Не говорите этого; я не хочу, чтобы вы меня жалѣли.

— Но это такъ внезапно!..

— Я думаю, что это такъ, — отвѣчалъ Питеръ, — но я люблю васъ и не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ этого. Почему не говорить о своей любви, когда ее чувствуешь? Это самое лучшее, что мужчина можетъ сказать дѣвушкѣ.

— О, пожалуйста, не надо, — просила миссъ Пирсъ, и глаза ея наполнились слезами сочувствія къ нему. — Мнѣ такъ тяжело сказать вамъ, что... что вы не должны...

— Право же я не думалъ, что вы можете любить меня такъ, какъ я васъ люблю, — сказалъ Питеръ, и отвѣтъ его относился больше къ ея тону, чѣмъ къ сказаннымъ словамъ. — Я никогда не нравился барышнямъ.

Миссъ Пирсъ начала всхлипывать.

— Это ошибка, ужасная ошибка! — вскричала она. — И я во всемъ виновата.

— Не говорите этого, — сказалъ Питеръ, — виновата только я.

Они молча шли по дорогѣ; только подойдя къ освѣщенному крыльцу, Питеръ на минутку остановился.

— Думаете ли вы, — спросилъ онъ, — что когда-нибудь все можетъ быть иначе?

— Нѣтъ, — отвѣчала миссъ Пирсъ.

— Потому что, если... если только нѣтъ другого, я буду надѣ....

— Другой есть, — перебила его миссъ Пирсъ.

Рѣшительный тонъ Питера такъ напугалъ ее, что она выдала свою тайну.

Питеръ подумалъ: «это, конечно, Уаттсъ». Ему хотѣлось вслухъ высказать эту мысль, и другой на его мѣстѣ такъ бы и сдѣлалъ. Но Питеръ вспоминалъ,

что это былъ бы поступокъ, недостойный порядочнаго человѣка, и сказалъ только: «Благодарю васъ». Потомъ, собравшись съ духомъ, прибавилъ:

— Пожалуйста, пусть моя любовь не огорчаетъ васъ. Для меня она была большимъ счастьемъ. Спокойной ночи и прощайте.

Онъ даже не протянулъ ей руки на прощанье. Они вошли вѣстѣ на крыльцо и, не присоединяясь къ остальному обществу, опустошавшему кладовую для импровизированнаго ужина, вѣстѣ поднялись наверхъ. Миссъ Пирсъ — вымыть глаза свѣжей водой, а Питеръ — уложить свои вещи.

— А гдѣ же Эленъ и Стерлингъ? — осмѣдомился м-ръ Пирсъ, когда пришло время подавать какое то удивительное мѣстное блюдо, приготовленное подъ его непосредственнымъ наблюдениемъ.

— Они сейчасъ придутъ, — сказалъ Уаттъ, — Эленъ что-то забыла на яхтѣ, и имъ пришлось вернуться.

— Они будутъ наказаны, такъ какъ не получаютъ ни кусочка, если не потропаются. А такъ какъ мы всѣ рѣшили, что въ Стерлингѣ нѣтъ ни капли романтизма, то онъ даже не получитъ духовнаго наслажденія отъ нашей чудной прогулки.

Глава VII.

Вступленіе въ свѣтъ.

Военные врачи различаютъ три рода раненыхъ. У однихъ нервы такъ слабы, что они падаютъ въ ту же минуту, какъ ранены, опасна ли рана, или нѣтъ. Другіе на столько лишены нервовъ, что продолжаютъ драться, не замѣчая, что ранены. Наконецъ, третьи, хотя и чувствуютъ рану, продолжаютъ драться, такъ какъ ихъ поддерживаютъ нервное возбужденіе. Видя этихъ послѣднихъ, врачи качаютъ головой и принимаютъ озабоченный видъ.

Питеръ укладывалъ свои вещи быстро, но спокойно, ни на минуту не прерывая своего дѣла. Потомъ онъ пошелъ внизъ и присоединился къ обществу, которое кончало ужинать. Правда,

онъ отказался сѣсть что бы то ни было и былъ очень молчаливъ, но это было такъ обычно, что никто не обратилъ на него вниманія. Когда его спросили, гдѣ миссъ Пирсъ, онъ кратко объяснилъ, что расстался съ нею на крыльцѣ, чтобы идти укладываться, и больше ее не видалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ стали расходиться. Питеръ попрощался съ каждымъ, выражаясь гораздо свободнѣе и лучше, чѣмъ за все свое пребываніе, и удивилъ всѣхъ той легкостью, съ которой онъ справился съ этой обязанностью.

— Вы должны непременно навѣстить насъ въ Нью-Йоркѣ, — сказала м-ръ Пирсъ, самъ не зная зачѣмъ, такъ какъ только что передъ тѣмъ было рѣшено прекратить знакомство съ нимъ. — Мы переѣдемъ въ началѣ сентября и будемъ рады видѣть своихъ друзей.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Питеръ. Онъ повернулся и пошелъ опять наверхъ, въ свою комнату. Можно было предполагать, что онъ всѣ ночь проходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Но онъ легъ въ постель. Спалъ ли онъ, мы не можемъ сказать. Во всякомъ случаѣ, лежалъ онъ очень тихо, пока первые лучи солнца не озарили неба. Тогда онъ всталъ и одѣлся. Онъ пошелъ на конюшню и объяснилъ груму, что поѣдетъ на станцію пѣшкомъ, прося доставить вовремя къ поѣзду его чемоданъ. Потомъ, вернувшись домой, сказалъ лакею, что позавтракаетъ въ дорогѣ. Наконецъ, онъ отправился на станцію кружнымъ путемъ, сдѣлавъ такимъ образомъ до отхода поѣзда прогулку миль въ двѣнадцать.

Труднѣе всего было Питеру, когда пришлось отвѣчать на всѣ вопросы матери о его визитѣ. Но онъ ни разу не слукавилъ и не уклонился отъ правдиваго отвѣта, и если бы его мать захотѣла, то узнала бы всю его повѣсть. Но что то въ манерѣ Питера говорить о миссъ Пирсъ заставило миссъ Стерлингъ быть осторожной, и то, что она подмѣтила, она оставила при себѣ, только поцѣловала его на прощанье съ необычной даже для нея нѣжностью. Впродолженіе

*

остального его пребывания у матери о Пирсахъ и рѣчи не было, точно они не существовали.

Миссисъ Стерлингъ не была тѣмъ, что мы называемъ «леди», но немногія изъ принадлежащихъ къ нимъ отнеслись бы осторожнѣе и вѣжнѣе къ горю Питера, если бы имъ удалось угадать его. Любовь, участіе, кротость и отсутствіе эгоизма могутъ съ успѣхомъ замѣнить воспитаніе и приличія и имѣютъ надъ ними то преимущество, что проявляются въ новыхъ и необычныхъ условіяхъ.

Одна надежда явилась у ней: «Можетъ быть, теперь, когда — это «когда» осталось недоконченнымъ даже въ ея мысляхъ, — теперь мой мальчикъ, мой Питеръ не такъ будетъ настаивать на переселеніи въ Нью-Йоркъ».

Но она въ этомъ разочаровалась. На другой же день послѣ своего пріѣзда Питеръ заговорилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Нью-Йоркъ черезъ недѣлю.

— Развѣ ты не думаешь, что можешь также хорошо устроиться здѣсь? — спросила миссъ Стерлингъ.

— До извѣстной степени даже лучше. Но Нью-Йоркъ манитъ меня, — отвѣтилъ Питеръ, — я хочу попробовать тамъ свои силы, а если мнѣ не удастся пробить себѣ дорогу, я вернусь сюда.

Мало матерей надѣются на неудачу сына, но миссъ Стерлингъ позволила себѣ очень обрадоваться этой мысли. Вспомнивъ же, что Питеръ могъ потерпѣть неудачу, она пала духомъ.

— Говорять, что Нью-Йоркъ полонъ соблазновъ, — замѣтила она.

— Я думаю, что это такъ, мама, — возразилъ Питеръ, — но только для тѣхъ, которые хотятъ соблазняться.

— Я знаю, что могу вполне довѣрять тебѣ, Питеръ, — сказала съ гордостью мать, — но я хочу, чтобы ты далъ мнѣ одно общаніе.

— Какое?

— Если ты поддашься соблазну, если ты сдѣлаешь то, что не должно дѣлать, ты напишешь мнѣ откровенно?

Питеръ не былъ слѣпъ и зналъ, что такое свѣтъ. Можетъ быть, если бы мать знала его также, она увидѣла бы, какъ несправедливо было ея требованіе. Ему

не хотѣлось сказать «да», и онъ не могъ сказать «нѣтъ».

— Я постараюсь всегда идти прямымъ путемъ, — отвѣтилъ онъ, — хотя это еще далеко не общаніе.

— Я больше ничего не прошу у тебя, Питеръ, — продолжала миссъ Стерлингъ.

«Я прожилъ четыре года моей жизни, и въ нихъ не было ничего такого, чего бы я не могъ сказать ей, думалъ Питеръ, я думаю что и слѣдующіе проведутъ также». Онъ прибавилъ вслухъ:

— Хорошо, мама, разъ ты этого желаешь, — я общаю тебѣ.

Причина стремленія Питера въ Нью-Йоркъ заключалась главнымъ образомъ въ желаніи дѣлать что нибудь определенное.

Въ настоящее время онъ старался развлечься, совершая непомѣрно длинныя прогулки и возясь съ заготовкою дровъ на зиму для матери. Онъ думалъ, что каждый шагъ, каждый взмахъ топора способствуетъ его освобожденію отъ подавляющаго чувства отсутствія цѣли въ жизни, овладѣвшаго имъ. Онъ думалъ, что ему будетъ легче, когда онъ переберется въ Нью-Йоркъ.

«Тамъ, по крайней мѣрѣ, я буду чѣмъ нибудь занятъ», — думалъ онъ. Всѣ его стремленія и планы, казалось, потеряли всякое значеніе, и все это было названо чѣмъ-то, что еще десять дней тому назадъ было чуждо ему. Какъ Моисей, онъ увидѣлъ обѣтованную землю. Но Моисей умеръ, а онъ видѣлъ ее и долженъ былъ жить вдали отъ нея. У него ничего не было впереди, крокъ стремленія забыть то, что составляло самое дорогое, самое сладкое воспоминаніе всей его жизни. Онъ вспоминалъ изреченіе: «многіе умѣютъ храбро умирать, но немногіе умѣютъ храбро жить». Три недѣли тому назадъ онъ считалъ надъ этимъ изреченіемъ и считалъ его нлодомъ французскаго цинизма. Теперь онъ готовъ былъ согласиться съ нимъ, но вдругъ вспомнилъ про темно-сѣрые глаза, и это заставило его забыть о французскомъ остроуміи. Питеръ смотрѣлъ на свое разочарованіе очень серьезно, хотя спокойно. Еслибы онъ зналъ дру-

гихъ дѣвушекъ, то могъ бы быстро поправиться. Пословица говоритъ: женщина можетъ съблать съ мужчиной все, — есан нѣтъ другой женщины.

Въ случаѣ съ Питеромъ другой женщины не было. И, что еще хуже, мало надежды было, что она когда-либо явится.

Глава VIII.

На новомъ мѣстѣ.

Середина іюля застала Питера въ Нью-Йоркѣ, и онъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе начать свою борьбу съ будущимъ.

Какъ мы уже говорили, Питеръ избралъ «право». Какъ и многіе изъ его сподвижниковъ, онъ плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ предстоящей ему борьбѣ. Его школьные товарищи обсуждали различные профессіи и пришли къ тому заключенію, что юристъ можетъ хорошо устроиться въ Нью-Йоркѣ.

Поэтому Питеръ, всѣ нью-йоркскія знакомства котораго ограничивались Уатсомъ и еще четырьмя товарищами, семьей Пирсовъ и однимъ архитекторомъ изъ его родного города, рѣшилъ, что для того, чтобы идти впередъ, необходимо устроить контору, повѣсить вывѣску и ждаты кліентовъ.

На другой день послѣ его пріѣзда, онъ, прежде всего, занялся вопросомъ о квартирѣ. Выбравъ изъ газетъ объявленія нѣсколькихъ меблированныхъ домовъ, онъ отправился на поиски. Уатсъ приблизительно указалъ ему, въ какую сторону направиться, чтобы поселиться «въ приличной части города», но посмотрѣвъ и прицѣпившись къ нѣсколькимъ комнатамъ въ Тринадцатой улицѣ, недалеко отъ авеню, Питеръ увидѣлъ, что Уатсъ руководствовался въ своихъ указаніяхъ своимъ собственнымъ кошелькомъ, а не кошелькомъ своего друга.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ дешевые меблированные дома?— спросилъ онъ женщину, показавшую ему послѣднюю квартиру.

— Если вы говитеъ за дешевизной, такъ вамъ лучше пойти на Бликеръ-Стритъ,— съ нѣкоторымъ высокомеріемъ

отвѣчала женщина. Питеръ поблагодарилъ ее и, выйдя на улицу, обратился къ ближайшему полицмену.

— Что, это приличная улица?— спросилъ Питеръ.

— Улица—какъ улица,—сказалъ, добродушно ухмыляясь, блюститель порядка.

— Я хотѣлъ сказать, — объяснилъ Питеръ,—живутъ ли тамъ порядочные люди?

— Вѣроятно; тамъ все меблированные дома для молодыхъ людей,—отвѣчалъ полицменъ,—а вы должны лучше меня знать, каковы они.

Успокоенный Питеръ отправился на поиски и нанялъ квартиру на Бликеръ-Стритъ, не понимая, что бросился въ другую крайность. Былъ мертвый сезонъ, и ему было не трудно найти такую комнату, которая удовлетворяла его требованіямъ и была по карману. Къ обѣду онъ успѣлъ водрузить своихъ немудреныхъ пенатовъ и придать уютный видъ убогой комнатѣ третьяго этажа, насколько, при помощи нѣсколькихъ картинъ и бездѣлушекъ студенческаго времени, можно скрасить впечатлѣніе истертаго ковра, дешевой рыночной мебели и безобразныхъ обоевъ. Спустившись внизъ къ обѣду, Питеръ познакомился съ четырьмя молодыми людьми, единственными лѣтними жильцами дома. Двое изъ нихъ были приказчики въ суконной лавкѣ, третій имѣлъ какую-то должность въ складѣ сыровъ и масла, а четвертый былъ кассиромъ въ одномъ изъ второстепенныхъ театровъ. Они оглядѣли платье Питера, прежде чѣмъ взглянули на его лицо, и хотя ихъ поклонъ былъ довольно любезенъ, но видно было, что дорожный костюмъ Питера, купленный въ магазинѣ готового платья въ его родномъ городѣ, его огромный галстухъ и полное отсутствіе золотыхъ вещей, не внушили имъ большого уваженія къ его персонѣ. Было очевидно, что кассиръ, не по личнымъ своимъ достоинствамъ, конечно, а скорѣе благодаря завидному знакомству съ нѣкоторыми актрисами и возможности доставать даровые билеты, игралъ за столомъ первую роль. Подъ его руководствомъ разговоръ перешелъ на театръ и другія зрѣлища. Разговоръ

этотъ былъ крайне вулгаренъ и очень скученъ. Каждый изъ нихъ желалъ порисоваться передъ новичкомъ, показать ему свое превосходство и свои знанія свѣта. Чтобы довести Питера до сознанія его ничтожества, они предлагали ему разные вопросы.

— Нравится ли вамъ?—тутъ послѣ довало имя любимой сублитки.

— Какъ? вы никогда ее не видѣли. Но гдѣ же вы жили?

— О! Конечно, у нея слишкомъ красивые ножки, чтобы забираться въ такую дыру.

Имъ очень хотѣлось разспросить Питера о немъ самомъ, но они боялись унижить свое воображаемое достоинство, высказавъ интересъ къ его ничтожной, по ихъ мнѣнію, особѣ. Однако, одинъ изъ нихъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается.

— Пока — ничѣмъ, — отвѣтилъ Питеръ.

— Ищете мѣсто, — мысленно рѣшили они и начали покровительственно обращаться съ нимъ и еще больше заважничали. Впослѣдствіи, когда обнаружилось, что онъ юристъ, имѣетъ ученую степень и хорошія средства (по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія мелкихъ приказчиковъ), они вдругъ почувствовали къ нему большое уваженіе. Но Питеръ никогда не могъ преодолѣть въ себѣ возбужденной имъ инстинктивной антипатіи. Послѣ своихъ развитыхъ, образованныхъ товарищей-студентовъ, онъ едва только переносилъ ихъ общество, но никогда не заходилъ къ нимъ и не звалъ ихъ къ себѣ. Питеръ не былъ слабымъ, но находилъ, что, прѣбывая цѣлый день по городу, гораздо пріятнѣе проводить вечеръ за книгами. Черезъ два дня послѣ переѣзда въ Нью-Йоркъ Питеръ отправился къ своему пріятелю инженеру, посоветываться съ нимъ насчетъ найма конторы, такъ какъ совѣты Уатса и его указанія были очень туманны.

Мистеръ Конверсъ покачалъ головой, когда Питеръ изложилъ ему свой планъ.

— Есть ли у васъ въ Нью-Йоркѣ знакомые, — спросилъ онъ, которые хотятъ поручить вамъ веденіе своихъ дѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Питеръ.

— Въ такомъ случаѣ просто безуміе

начинать самостоятельное дѣло, — сказалъ м-ръ Конверсъ. — Поступайте лучше въ контору какого-нибудь хорошаго адвоката и завяжите знакомства, прежде чѣмъ начинать самому. Иначе у васъ никогда не будетъ ни одного кліента.

Питеръ покачалъ головой:

— Я уже все обдумалъ, — прибавилъ онъ, какъ будто дѣло было уже сдѣлано.

М-ръ Конверсъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но такъ какъ юноша былъ ему симпатиченъ, то онъ собрался обстоятельно разъяснить ему суть дѣла, когда въ эту минуту вошелъ посѣтитель. Поэтому онъ только сказалъ Питеру:

— Если такъ, принимайтесь за работу. Совѣтую вамъ пристроить помѣщеніе гдѣ-нибудь на Бродвей, между Боттеръ-Стритомъ и улицей Канала.

Позднѣе, когда у м-ра Конверса было время и онъ вспоминалъ о Питерѣ, онъ качалъ головой и приговаривалъ:

— Бѣдный мальчикъ коячить, какъ и всѣ другіе.

«Гдѣ-нибудь между Боттеръ-Стритомъ и улицей Канала» — представляло довольно обширную территорію, но Питеръ приступилъ къ дѣлу прямо и слѣдующіе три дня безъ отдыха лазалъ по лѣстницамъ, осматривая всевозможныя помѣщенія, до теплыхъ подваловъ включительно. Наконецъ, ему удалось навѣсть скромныхъ размѣровъ контору, недалеко отъ улицы Варта.

На другой день контора была уже меблирована конторкой, двумя стульями (такъ какъ Питеръ «пока» не мечталъ принимать больше одного кліента заразъ) и этажеркой съ нѣсколькими юридическими книгами, привезенными еще изъ Гарварда и добросовѣстно прочитанными за лѣто. Въ слѣдующій понедѣльникъ, когда Питеръ подошелъ къ дверямъ своей конторы, онъ съ радостнымъ чувствомъ прочиталъ надпись весьма черными буквами на дощечкѣ матоваго стекла:

Питеръ Стерлингъ.

Присяжный Повѣренный.

Питеръ пришелъ въ свою контору очень рано, не потому, что въ его пая-

сіонъ рано завтракали, а потому, что аккуратность есть первый шагъ къ успѣху.

Онъ былъ сильно озадаченъ—что же ему теперь дѣлать? Онъ услыся передъ своей конторкой и побарабанилъ по ея крышкѣ. Потомъ всталъ и переставилъ книги на этажеркѣ, стараясь оставлять между ними равныя промежутки, чтобы этимъ придать имъ болѣе внушительный видъ. Послѣ этого онъ вытащилъ одну изъ нихъ: «Ученіе объ убыткахъ», и погрузился въ нее. Впродолженіи университетскаго курса онъ два раза въ недѣлю слушалъ лекціи объ этомъ предметѣ, но все таки счелъ своимъ долгомъ посвятить ему теперь три часа. Потомъ онъ досталъ бумаги и красивымъ, четкимъ почеркомъ сдѣлалъ конспектъ прочитаннаго. Затѣмъ сравнилъ конспектъ съ текстомъ. Поставивъ книгу на полку, очень довольный твердостью своей памяти, Питеръ посмотрѣлъ на часы. Было только половина двѣнадцати. Онъ опять сѣлъ за конторку.

«Неужели всѣ дни будутъ похожи на сегодняшний?» спросилъ онъ самъ себя. «Первая недѣля въ городѣ прошла въ поискахъ квартиры и конторы, въ устройствѣ на новомъ мѣстѣ. Но теперь?»

Онъ не могъ читать свои юридическія книги больше четырехъ часовъ въ день, если хотѣлъ вынести изъ нихъ что-нибудь. Что же дѣлать съ остальнымъ временемъ? Чѣмъ заняться, чтобы не думать о... просто чтобы не думать? Питеръ посмотрѣлъ въ окно на скучный рядъ крышъ и внизъ на пустой, грязный дворъ. Онъ крѣпко сжалъ зубы и вернулся къ своей книгѣ. Мысли его блуждали, онъ не могъ сосредоточиться и пришелъ къ убѣжденію, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ такое жаркое июльское утро.

Онъ снова посмотрѣлъ на часы, чтобы убѣдиться, что они идутъ вѣрно, открылъ дверь и выглянулъ на площадку; она была пуста, всѣ двери закрыты. Тогда Питеръ спустился по лѣстницѣ. Улица тоже имѣла пустынный, лѣтній видъ. Онъ вернулся въ контору. Сѣвъ опять за конторку и открывъ ту же книгу «объ убыткахъ», онъ взялъ перо и

началъ списывать страницу за страницей. Сначала онъ писалъ усердно, потомъ сталъ дѣлать паузы, наконецъ, рука перестала слѣдить за строчками, почеркъ сталъ неразборчивъ. Тогда Питеръ пересталъ писать. Слова смѣшались въ его глазахъ, бумага куда-то уплыла, и онъ вдругъ увидѣлъ темно-сѣрые глаза. Онъ опустилъ голову на столъ, и вся его мужественная фигура задрожала.

Нѣтъ болѣе ужаснаго испытанія мужества, какъ пассивное ожиданіе. Многіе изъ насъ сумѣютъ быть мужественными, когда у нихъ есть дѣло, но сохранить свое мужество мѣсяцы, года, не имѣя никакого дѣла, ни надежды на будущее! Таково было положеніе Питера. Ждать, ждать—но чего? Если даже явятся кліенты, если придетъ извѣстность, успѣхъ—для кого?

Нѣтъ хуже одиночества, какъ одиночество въ большомъ городѣ. Вругомъ него тѣснились миллионы народа, но ни одна душа изъ этого миллиона не знала, что Питеръ просидѣлъ у своей конторки неподвижно, уронивъ голову на руки, отъ полудня до разсвѣта слѣдующаго дня.

Глава IX.

Чужое счастье.

Окно конторы Питера выходило на востокъ, и лучи утренняго солнца, свѣтившіе ему прямо въ лицо, заставили его вернуться къ сознанию дѣйствительности. Онъ всталъ и спустился по лѣстницѣ, какъ разъ въ то время, когда ночной сторожъ отрывалъ поддѣздъ. Къ счастью, этотъ человекъ уже раньше видалъ его и поэтому не принялъ его за мазурика; сказавъ сторожу вѣжливо: «съ добрымъ утромъ», Питеръ вышелъ на улицу.

Утро было дѣйствительно прекрасное, дышавшее той свѣжестью и прохладой, которыхъ даже большой городъ не можетъ отнять у лѣтнаго разсвѣта. Питеръ почему-то чувствовалъ себя гораздо бодрѣе. Можетъ быть, отъ сознанія, что чисто физическая выносливость, помогла ему побороть тоскавое чувство одино-

чества, а можетъ быть, просто молодость брала свое. Во всякомъ случаѣ, онъ смутно чувствовалъ, что будущее, какъ бы печально и безнадежно оно ни было, еще не было завоевано, и что онъ начнетъ свою борьбу съ нимъ, будь что будетъ!

Питеръ повернулъ къ рѣкѣ и, купивъ съ проѣзжавшей мимо телѣжки пинту того, что бѣдный городской людъ покупаетъ подъ видомъ молока, направился на сѣверъ и, ускоряя шагъ, шелъ до тѣхъ поръ, пока не оставилъ за собой городъ и не достигъ новой аллеи, которая еще не была закончена. Пройдя по ней до конца, онъ вернулся домой, облился холодной водой и послѣ этого почувствовалъ, что готовъ встрѣтиться съ будущимъ лицомъ къ лицу и вступить съ нимъ въ борьбу.

Результатомъ его прогулки было то, что онъ въ первый разъ опоздалъ къ завтраку. Театральный кассиръ, узнавъ, что Питеръ не ночевалъ дома, собирался подразнить его, но не рѣшился исполнить своего намѣренія. Уже не въ первый разъ онъ со своимъ пріятелемъ собирался «пробрать» Питера—въ отсутствіи послѣдняго,—но ни разу не отважился на это, когда онъ былъ здѣсь. Кассиру также хотѣлось спросить Питера: «какой это франтъ присылаетъ вамъ такія письма?» Это послѣднее намѣреніе относилось къ письму, лежавшему около прибора Питера, и которое они, всѣ четверо, по очереди разглядывали. У письма былъ очень важный видъ. Оно было написано на очень толстой желтоватой бумагѣ. На немъ былъ штампель одного изъ самыхъ модныхъ дачныхъ мѣстъ. Наконецъ, и запечатано оно было сюргучемъ, что бываетъ очень рѣдко, и на печати былъ гербъ, что встрѣчается еще рѣже. Они всѣ были очень разочарованы, видя, что Питеръ опустилъ письмо въ карманъ, не распечатывая его.

Питеръ прочелъ письмо послѣ завтрака въ своей конторѣ. Вотъ что оно гласило:

«Дорогой старый другъ!

«Въ то утро, когда ты уѣхала, я заснулъ, какъ сурокъ, и не успѣлъ какъ

слѣдуетъ проститься съ тобой. Ты знаешь, я никогда не встаю рано, это выше моихъ силъ, и потому ты самъ виновать, что мы не наговорились на прощанье, такъ какъ отказался впустить меня въ свою комнату вечеромъ. Если бы я уже тогда могъ сообщить тебѣ ту новость, которой хочу подѣлиться теперь, то ты не удержалъ бы меня, даже если бы мнѣ пришлось выломать дверь.

«Товарищъ, прелестнѣйшая дѣвушка въ мірѣ сказала мнѣ, что любитъ меня, и мы оба счастливы, насколько это возможно смертнымъ. Я увѣренъ, что ты ни минуты не будешь сомнѣваться—кто она?

«Я теперь прискакалъ домой, подѣлиться своей радостью со своими, но въ самомъ началѣ будущей недѣли опять поѣду къ «Кустарники»—переговорить съ м-ромъ Пирсомъ—понимаешь?

«Мой родитель рѣшилъ, что годика два путешествій могутъ остепенить меня лучше, чѣмъ что бы то ни было, а такъ какъ эта перспектива мнѣ улыбается, то я не считаю нужнымъ мѣнять ее ради моихъ новыхъ плановъ, только вмѣсто того, чтобы путешествовать «solo», у насъ будетъ solitude à deux. Поэтому мы обвѣнчаемся въ сентябрѣ въ «Кустарникахъ» и тотчасъ же отплывемъ въ Европу.

«А теперь я хочу, чтобы ты мнѣ помогъ, какъ всегда и во всемъ помогалъ мнѣ. Короче сказать, я хочу, чтобы ты былъ моимъ шаферомъ, такъ какъ ты мой лучший другъ. Прими къ свѣдѣнію, что шаферъ—принадлежность англійской брачной церемоніи, но наше элегантно общество рѣшило, что онъ необходимъ при заключеніи законнаго брака. Дѣла шаферу собственно немного. Самая важная обязанность, выпадающая на его долю, это, кажется, держать шляпу жениха и не наступать на шлейфъ невѣсты, что уже значительно труднѣе.

«Мамаша желаетъ, чтобы я ѣхалъ кататься съ нею, поэтому продолжаю въ слѣдующемъ номерѣ.

Твой У.»

Питеръ не изучалъ права въ это утро. Но просидѣвъ часа два неподвижно на своемъ стулѣ, глядя на противопе-

ложную стѣну, точно онъ на ней что-нибудь видѣлъ, Питеръ взялъ перо и, не оставиваясь и не мѣняясь въ лицѣ, написалъ слѣдующія два письма: «Дорогой Уатсъ!

«Ты почти не удивилъ меня своимъ письмомъ. Изъ твоихъ частыхъ посѣщеній «Бустарниковъ» и изъ твоей манеры говорить о миссъ Пирсъ я понялъ, что ты любишь ее. Познакомившись съ ней, я понялъ, что иначе и быть не могло, и потому я былъ уже подготовленъ къ твоей новости. Ты дѣйствительно счастливъ, такъ какъ сумѣлъ завоевать такую дѣвушку. Не нужно и говорить, что я желаю тебѣ много радостей и полного счастья.

«Мнѣ кажется, ты могъ бы найти кого-нибудь изъ товарищей, который сумѣлъ бы лучше меня исполнить роль шафера, но если ты думаешь иначе — я къ твоимъ услугамъ.

«Ты долженъ сообщить мнѣ о подробностяхъ, о костюмѣ и пр. Можетъ быть, ты дашь мнѣ идею подарка? Я помню, миссъ Пирсъ говорила, что любить жемчугъ. Подходитъ ли онъ для подарка? Твоей душою, Питеръ».

«Дорогая миссъ Пирсъ!

«Въ сегодняшнемъ своемъ письмѣ Уатсъ сообщилъ мнѣ о своемъ счастьи. Боюсь, что воспоминаніе о моей ошибкѣ огорчаетъ васъ до сихъ поръ, пишу вамъ, чтобы сказать, что ваше счастье для меня дороже жизни, и то, что это составляетъ, не можетъ быть для меня ничѣмъ, какъ только самымъ счастливымъ извѣстіемъ.

«Если я только чѣмъ-нибудь когда-нибудь могу услужить вамъ, вы сдѣлаете мнѣ большую честь, вспомянувъ обо мнѣ.

Всегда преданный вамъ

Питеръ Стерлингъ».

Окончивъ эти письма, Питеръ снова погружался въ созерцаніе стѣны. Онъ изучалъ ее такъ усердно, что забывалъ о времени ленча. На стѣнѣ были три трещины, расположенныя такъ, что составляли приблизительно очертаніе Италіи, но хотя Питеръ созерцалъ эту стѣну въ продолженіи долгихъ часовъ и даже недѣль, онъ замѣтилъ эту интересную подробность уже значительно позже.

Рано утромъ и послѣ обѣда, несмотря на лѣтній зной, Питеръ предпринималъ длинныя прогулки. Въ продолженіи дня онъ сидѣлъ въ своей конторѣ безъ всякаго дѣла, если не считать писанія изрѣдка писемъ къ матери да письма Уатсу по поводу мелкихъ подробностей приближающейся свадьбы. Единственнымъ отступленіемъ отъ этой рутинныя были двукратное посѣщеніе портного да визитъ къ ювелиру, окончившійся пріобрѣтеніемъ жемчужной брошки, совершенно опустошившимъ его кошелекъ.

Питеръ почувствовалъ настоящее облегченіе, когда, послѣ томительнаго бездѣйствія послѣдняго времени, очутился наканунѣ свадьбы въ «Бустарникахъ».

Питеръ былъ крайне удивленъ, какъ легко для него прошли эти двадцать четыре часа. Правда, домъ былъ полонъ народа, и каждый былъ слишкомъ занятъ, чтобы смущать своимъ вниманіемъ молчаливаго шафера, онъ могъ дѣлать, что ему угодно, и никто его не замѣчалъ. Онъ пріѣхалъ поздно, и потому не имѣлъ случая встрѣтиться съ невестой, прежде чѣмъ, поспѣшно одѣвшись къ обѣду, сошелъ внизъ и присоединился къ обществу, которое ждало его, чтобы садиться за столъ. Питеръ свободно поздоровался со всѣми, даже съ миссъ Пирсъ, выказавъ при этомъ гораздо меньше смущенія, чѣмъ она.

Что было еще удивительнѣе, онъ спокойно предложилъ руку барышнѣ, которой его представили, и усадивъ ее, болталъ съ ней, не думая о томъ, что онъ говоритъ. Разговаривалъ онъ машинально, только чтобы спастись отъ своихъ мыслей и чувствъ.

— Я вовсе не нашла его такимъ, — говорила барышня, обращаясь къ миссъ Пирсъ послѣ обѣда, съ часто-женской неопредѣленностью, за которой скрывалась намекъ на предыдущій разговоръ.

— Онъ не особенно разговорчивъ, но съ нимъ можно справиться. Я попробовала его на тему о Нью-Йоркѣ, и нашла, что онъ знакомъ съ довольно странными уголками его и можетъ о нихъ рассказывать. Онъ даже такъ живописно говорилъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что мнѣ казалось, будто я ихъ вижу.

— Вы можете поздравить себя съ успѣхомъ, миссъ Леруа,—сказала миссъ Пирсъ,—мы ничего не могли вытянуть изъ него.

— Да? Но мнѣ, право, вѣтъ до него никакого дѣла, и, между нами, я думаю, онъ совсѣмъ меня не одобряетъ. Еслибъ Эленъ не говорила мнѣ о немъ раньше, я была бы съ нимъ очень холодна,—у него такой неприступный видъ! Онъ говорилъ со мной потому, что это было его обязанностью, но видно было, что разговоръ не доставлялъ ему никакого удовольствія.

— У него просто такая несчастная манера держаться,—возразила Эленъ,—я убѣждена, что въ душѣ онъ боится насъ. По крайней мѣрѣ и Уатсъ такъ думаетъ. Онъ ведетъ себя какъ... какъ... ты знаешь, что я хочу сказать, Алиса.

— Отлично понимаю,—отвѣтила Алиса.—Можешь не распространяться. Онъ такъ холоденъ, неповоротливъ и молчаливъ, что начинаешь замерзать въ его присутствіи и находишь, что теряешь даръ слова. Пробеуешь разговаривать съ нимъ и все время чувствуешь свое ничтожество.

— Какой вздоръ,—сказала Эленъ.— Съ нимъ говоришь какъ... какъ.. со старымъ дѣдушкой, котораго уважаешь, но находишь страшно скучнымъ и старомоднымъ.

— Но хуже всего его манера смотрѣть на васъ, такъ серьезно, даже когда съ нимъ шутишь. Я думаю, что право недурна собой, а между тѣмъ на лицѣ мистера Стерайнга такъ ясно было написано: «я смотрю на васъ по временамъ, такъ какъ этого требуетъ учтивость, разъ вы со мною говорите, но я предпочитаю смотрѣть на картину, которая виситъ надъ вашей головой». Я сомнѣваюсь, чтобы онъ замѣтилъ, какъ я причесана или какого цвѣта мои глаза. Такіе люди просто бѣсятъ меня! Когда мужчины кончатъ курить, я заставляю его обратить на меня вниманіе.

Но миссъ Леруа, какъ ни старалась, потерпѣла неудачу. Питеръ больше не обращалъ вниманія на дѣвушекъ. Когда онъ былъ студентомъ, его часто безпо-

коила мысль о томъ, что онѣ думаютъ объ немъ и какъ къ нему относятся, теперь уже этотъ вопросъ пересталъ его интересовать.

Питеръ въ этотъ день походилъ на челоѣка, который долго стремился къ чему-нибудь и вдругъ убѣдился, что это ему не нужно; такъ и для него теперь мнѣніе женщинъ потеряло свою цѣну.

Можетъ быть, въ этомъ отношеніи повторилась басня о «Лисицѣ и виноградѣ», во всякомъ случаѣ Питеръ съ этихъ поръ пересталъ интересоваться женщинами. Онъ старался быть любезнымъ, считая это своею обязанностью, но и только. Онѣ могли смѣяться надъ нимъ, оскорблять и избѣгать его, ему было все равно. Женщины были изгнаны изъ его жизненныхъ плановъ.

Такое пренебреженіе, какъ мы уже упоминали объ этомъ, неизбежно должно было привести къ противоположнымъ результатамъ въ отношеніи женщинъ къ Питеру.

Прежній Питеръ, старавшійся нравиться имъ, былъ невыразимо скученъ. Питеръ, избѣгающій барышень, говорящій съ ними только по обязанности, съ разсѣяннымъ взглядомъ и скучающимъ голосомъ—былъ совсѣмъ другой.

На слѣдующее утро по приѣздѣ Питеръ былъ свидѣтелемъ у своего друга и убѣдился, что на свадьбѣ всѣ мужчины—пятое колесо телеги. Его не пригласили еще на день, какъ всѣхъ остальныхъ гостей, и онъ ускользнулъ, какъ только окончились его обязанности, и съѣлъ на поѣздъ, доставившій его въ тотъ же вечеръ въ Нью-Йоркъ.

Черезъ недѣлю Питеръ попрощался съ молодыми на палубѣ парохода.

— Не забывай насъ, Питеръ!—кричалъ Уатсъ, когда были отданы причалы, и пароходъ медленно двинулся къ выходу изъ гавани.

Питеръ помахалъ въ отвѣтъ шляпою и, повернувшись, пошелъ съ пристани.

«Можетъ ли онъ забыть ихъ?» вотъ вопросъ, который онъ предложилъ самъ себѣ.

ГЛАВА X.

О ж и д а н и е.

«Мой другъ,—говорилъ умудренный опытомъ философъ юношѣ, который стремился скорѣе завоевать міръ, со всѣмъ пыломъ и нетерпѣніемъ своего возраста,—молодежь должна многому научиться, но самое вѣрное для человѣка—никогда не дозволить никому перещеголять себя въ умѣнн ожиданіи».

Питеръ вернулся къ своей конторѣ и началъ ожидать. Онъ пересталъ смотрѣть на стѣну своей конторы и опять принялся за книги. Одолѣвъ первую, онъ по очереди перечиталъ всѣ свои юридическія книги.

Прочитавъ ихъ, онъ началъ покупать новыя и изучалъ ихъ очень усидчиво и основательно. Во время одной изъ своихъ прогулокъ Питеръ зашелъ въ бібліотеку для самообразованія, познакомился съ ея уставомъ и сталъ аккуратно брать въ ней книги. Питеръ всегда любилъ читать, но теперь онъ посвящалъ чтенію три—четыре часа въ день, кромѣ своихъ юридическихъ занятій. Хотя по натурѣ онъ былъ медлителенъ, число не только прочтенныхъ, но изученныхъ имъ томовъ было прямо поразительно. Если книга ему нравилась, онъ тотчасъ покупалъ ее, такъ какъ его скромныя потребности позволяли ему это дѣлать. Отъ времени до времени Питеръ старался читать классиковъ, чтобы не забыть древнихъ языковъ; для той же цѣли онъ читалъ вслухъ французскія и нѣмецкія книги. Не прошло и года, какъ Питеръ сталъ извѣстенъ во многихъ книжныхъ лавкахъ и безпрепятственно могъ рыться въ старыхъ и новыхъ книгахъ, не боясь вмѣшательства и замѣчаній приказчиковъ. «Не стоитъ и пробовать всучить ему какую-нибудь книгу,—замѣтилъ разъ одинъ изъ нихъ.—Онъ всегда знаетъ, чего хочетъ». Программа его чтенія расширилась отъ классиковъ до представителей новѣйшей литературы и дополнилась новымъ развлеченіемъ, къ которому онъ теперь привылъ. Во время своихъ длинныхъ прогулокъ по городу, чтобы нарушить ихъ

однообразіе, онъ иногда останавливался поболтать съ народомъ—съ полицменами, торговцами, матросами и разносчиками. Ему было все равно—съ кѣмъ.

Часто онъ забирался на фабрики и лѣсопильные дворы, спросивъ, можетъ ли онъ «посмотрѣть», приглядывался къ способамъ обработки и разспрашивалъ надсмотрщиковъ и рабочихъ. Если кто-нибудь, случалось, говорилъ ему: «какое вамъ дѣло, вѣдь вы баринъ», онъ отвѣчалъ: «мой отецъ былъ надсмотрщикомъ по фабрику»—и ледъ былъ сломанъ. Однако, Питеру рѣдко приходилось прибѣгать къ этому средству, онъ одѣвался крайне просто и умѣлъ такъ говорить съ рабочими, что они считали его своимъ братомъ.

Послѣ подобныхъ разговоровъ и осмотровъ онъ отправлялся въ бібліотеку и бралъ книги о данномъ производствѣ, находя, что только такимъ образомъ возможно изучить техническія сочиненія; и въ самомъ дѣлѣ онъ прибрѣлъ большой запасъ свѣдѣній о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли онъ увлекался такими книгами, какъ «Наши пожарные», которую прочелъ отъ доски до доски, послѣ осмотра ближайшаго депо и болтовни съ командой, или «Система сточныхъ трубъ» Лотама, которую онъ прочелъ во время канализаціи пригородовъ Нью-Йорка. Вѣроятно, одиночество способствовало такому чтенію, но это занятіе было все-таки много полезнѣе разсмотра стѣнъ своей конторы.

Когда открылись суды, Питеръ сталъ слѣдить за указателемъ, и если какое-нибудь дѣло обѣщало быть интереснымъ или должны были фигурировать въ немъ современныя юридическія свѣтила, онъ отправлялся въ засѣданія и внимательно слушалъ.

Питеръ пробовалъ записывать рѣчи и восстанавливать ихъ по своимъ запискамъ, и кончилъ тѣмъ, что въ продолженіи всей зимы сталъ посвящать два вечера въ недѣлю изученію стенографіи. Все это служило ему только для нравственной дисциплины, такъ какъ каждое маломальски интересное дѣло печаталось; но Питеръ старался уничтожить въ своей

душѣ воспоминаніе о темно-сѣрыхъ глазахъ и усиленную дѣятельность считалъ лучшимъ средствомъ для достиженія этого.

Когда пришла зима, и большія прогулки сдѣлались не всегда возможны, онъ старался замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ. Больше по необходимости, чѣмъ изъ любви къ искусству, Питеръ сталъ посѣщать выставки, концерты и театры, сообразуясь, конечно, со своимъ карманомъ, почему послѣдніе и посѣщались рѣже всего. Искусство и музыка были мало доступны ему, но онъ много читалъ обо всякихъ періодическихъ обзорѣхъ ежедневной прессы, и специальныхъ сочиненій, и чѣмъ меньше онъ понималъ эти послѣднія, тѣмъ усерднѣе и терпѣливѣе изучалъ ихъ.

Одна черта ново-англійскаго воспитанія осталась въ Питерѣ: онъ привезъ съ собой рекомендательное письмо отъ конгрегации церкви своего родного города къ причту одной изъ большихъ Нью-Йоркскихъ церквей той же секты и, будучи принятъ въ число ея прихожанъ, арендовалъ себѣ мѣсто и сталъ постояннымъ посѣтителемъ какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ службъ.

Черезъ нѣсколько времени пасторъ сдѣлалъ ему визитъ. Это было первое знакомство Питера въ Нью-Йоркѣ.

— Онъ производитъ впечатлѣніе спокойнаго, начитаннаго юноши, — говорилъ пасторъ, — я сочту своимъ долгомъ изрѣдка навѣщать его.

Но пасторъ имѣлъ очень большой и богатый приходъ, былъ очень занятъ той челоуѣкъ и его намѣреніе никогда не было приведено въ исполненіе.

Питеръ провелъ рождественскіе праздники у матери, которая очень сокрушалась что онъ похудѣлъ

— Ты слишкомъ много работалъ, — съ тревогой говорила мать.

— Что ты, мама, у меня не было ни одного кліента, — смѣялся Питеръ.

— Ну такъ ты значить волновался, что ихъ у тебя нѣтъ, — возражала она, — отлично знаю, что дѣло вовсе не въ этомъ. Она надѣялась, что Питеръ удовлетворится шестимѣсячнымъ опытомъ и останется съ ней, но онъ ни разу не

упомянулъ о ея желаніи. Мать въ душѣ удивлялась, какъ это въ Нью-Йоркѣ не оцѣнили ея сына.

Когда Питеръ вернулся въ столицу, онъ измѣнилъ прежній порядокъ своей жизни. Меблированные комнаты, въ которыхъ онъ жилъ, съ приближеніемъ зимы наполнились, и именно тѣми людьми, которыхъ онъ уже слишкомъ хорошо зналъ. Хотя онъ встрѣчался съ ними только за общимъ столомъ, окружающая его атмосфера стала для него просто невыносимой.

Поэтому, когда освободилась комнатка рядомъ съ его конторой, ходившая до смѣшнаго по низкой цѣнѣ, онъ рѣшилъ устроить въ ней свою спальню. И такъ, вернувшись отъ матери, онъ прямо прѣхалъ на новую квартиру.

Питеръ отдѣлалъ свою комнату крайне просто: единственная роскошь, которую онъ себѣ позволилъ, была вазна, предметъ, весьма необычайный въ дѣловой Нью-Йоркской конторѣ, такъ какъ совѣсть никто не моетъ.

Питеръ выучился у своей матери, — варить кофе; сталъ питаться по европейскому образцу, покупая самъ булки и масло и завтракая у себя дома. Обѣдалъ онъ тамъ, гдѣ его заставлялъ обѣденный часъ во время прогулки. Онъ замѣтилъ, что не дѣлаетъ при этомъ никакой экономіи, но чувствовалъ себя свободнымъ идти, куда хочетъ, и дѣлать, что хочетъ.

Питеръ ничего не слышалъ о молодыхъ. Уатсъ обѣщалъ писать и прислать свой адресъ — «какъ только мы рѣшимъ, гдѣ будемъ проводить зиму: въ Италіи или на берегахъ Нила». Однако письмо не приходило. Питеръ зашелъ къ Пирсамъ, но не засталъ ихъ дома, а такъ какъ, повидимому, никто не обратилъ вниманіе на его карточку, онъ вывелъ изъ этого свое заключеніе и не повторилъ визита.

Такъ прошелъ первый годъ пребыванія Питера въ Нью-Йоркѣ. Онъ занимался, читалъ, гулялъ, а главное — ждалъ. Кліенты не являлись и казались не ближе, чѣмъ въ тотъ день, когда Питеръ въ первый разъ прочиталъ свое имя на дверяхъ своей конторы. «Сколько

же времени мнѣ еще ждать? Долго ли выдержитъ мое терпѣніе?» Вотъ какіе вопросы предлагалъ онъ себѣ, когда допускалъ себя на одну минуту терять мужество. И тогда Питеръ снова принимался смотрѣть въ стѣну и мечтать о темно-сѣрыхъ глазахъ.

Глава XI.

Новые друзья.

М-ръ Конверсъ считалъ, что для Питера единственный шансъ на успѣхъ это — приобрести себѣ друзей. Но въ этотъ первый годъ Питеръ не приобрѣлъ даже ни одного серьезнаго знакомства. На второе лѣто кругъ его знакомыхъ значительно расширился, однако въ такомъ направленіи, которое обѣщало весьма мало дѣловой практики.

Когда суды и музеи снова закрылись по случаю жаркой погоды, когда прекратились концерты и спектакли, Питеръ нашелъ, что теперь ему труднѣе убивать время, такъ какъ онъ уже хорошо изучилъ городъ. Онъ все-таки много гулялъ, что бы хоть дышать свѣжимъ воздухомъ. Часто, когда жара спадала къ вечеру, Питеръ бралъ книгу и шелъ читать въ одинъ изъ парковъ.

Не далеко отъ его конторы, на востокъ, гдѣ сходились подъ угломъ двѣ улицы, было не большое открытое пространство, слишкомъ незначительное, чтобы назвать его скверомъ, даже если бы оно не было треугольнымъ. Здѣсь, въ тѣни двухъ весьма тощихъ деревьевъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ мрачными складами, стояло нѣсколько скамеекъ. Хотя эти нѣсколько квадратныхъ футовъ пространства были единственной площадью на полъ-мили вокругъ мѣсто было пустынное и скучное, но несмотря на это имѣло какую то притягательную силу въ глазахъ Питера, и онъ, неутомимый ходокъ, предпочиталъ проводить свое время здѣсь, вмѣсто того, чтобы пойти въ паркъ, лежавшій не особенно далеко. Этой притягательной силой были дѣти.

Въ нѣсколькихъ стахъ футовъ отъ

площадки былъ одинъ изъ самыхъ населенныхъ бѣдняками кварталовъ Нью-Йорка. Они не имѣли права жить на этомъ мѣстѣ, такъ какъ именно здѣсь каждый клочокъ земли былъ нуженъ подъ склады товаровъ, но впадина, въ которой стояли ихъ домики, была когда то болотомъ, и не надежный грунтъ, а можетъ быть и нездоровый воздухъ, препятствовали постройкѣ тамъ складовъ и магазиновъ, которые окружаютъ впадину со всѣхъ сторонъ. Неудобное подъ складъ мѣсто было предоставлено бѣднякамъ, такъ какъ цѣнные товары требуютъ хорошаго помѣщенія, и въ то же время всякое мѣсто достаточно хорошо для бѣднаго человечества. Нельзя сказать, что бы было приятно проходить черезъ этотъ кварталъ; тамъ было грязно, жарко, пахло северно, а толпившися на улицахъ люди были отгѣчены печатью тяжелого труда и горя. Вѣроятно жить тамъ было не лучше, это подтверждалось стремленіемъ дѣтвора въ маленькой, жалкій мошений уголокъ безъ воздуха, про который мы уже говорили. Здѣсь можно было видѣть дѣтей съ пяти часовъ утра и до полуночи. Здѣсь выставивъ сторожей для предупрежденія о приближеніи буки, т.-е. полисмена, они играли въ мячъ; здѣсь «кошка и мышка» помогала бѣднымъ малышамъ забывать свои невзгоды, здѣсь дѣвочки весело прыгали черезъ веревку и играли въ патнашки, не смотря на удушливый зной. Здѣсь по вечерамъ Питеръ курилъ и наблюдалъ за дѣтворой.

Въ первое время онъ возбуждалъ подозрѣніе, и веселье замѣтно утихало при его появленіи. Но Питеръ такъ спокойно сидѣлъ на скамейкѣ и дымилъ трубкой, точно его и не было. Черезъ нѣсколько времени между ними завязались сношенія. Разъ вечеромъ Питеръ принесъ съ собой палочку и, закуривъ трубку, принялся строгать ее перочиннымъ ножомъ. Быстро глазѣя, дѣтвора тотчасъ стала съ интересомъ слѣдить за нимъ, и не прошло и четверти часа, какъ до пятидесяти ребятишекъ сидѣли полукругомъ на горячей мостовой, слѣдя за работой, затаивъ дыханіе. Когда въ концѣ концовъ палочка обратилась въ великолѣп-

ный свистокъ, напряженный радостный вздохъ пронесся между мальчуганами. Но когда свистокъ, поступилъ въ ихъ полное распоряженіе то никакія слова не могли выразить ихъ восторга. На слѣдующій вечеръ, старый обрывокъ каната, прослужившій «скакалкой» долгіе дни и помогавшій много разъ скрасить безцвѣтную жизнь маленькихъ оборванцевъ, лопнулъ окончательно, такъ что его даже и связать нельзя было, такъ онъ истерся объ мостовую. Видя это Питеръ поднялся съ мѣста, направился въ мелочную лавочку по сосѣдству и скоро вернулся, неся настоящую «скакалку», съ настоящими деревянными ручками! Съ этихъ поръ «настоящіе» волчки, «настоящіе» куклы, «настоящіе» мячики и другіе «настоящіе», хотя депешевенькіе игрушки, которыя раньше только снились, и которыя старались замѣнить самодѣльными, начали появляться въ рукахъ бѣдныхъ малышей. Они не могли устоять передъ такимъ искуснымъ подкупомъ, и скоро Питеръ сошелся съ ними такъ, какъ только могъ желать. Онъ узналъ ихъ имена, разбиралъ ихъ ссоры, былъ повѣреннымъ въсѣхъ ихъ горестей. Это былъ грязный, шумный, беззаконный и безбожный народецъ, но наблюдать ихъ было преннтересно, такъ что нашъ одинокій мечтатель отъ души привязался къ нимъ. Не смотря на свою преждевременную огрубѣлость, дѣти были настоящія дѣти и отвѣчали горячо на его дружескую ласку.

Черезъ нѣсколько времени Питеръ попробовалъ не только дарить игрушками, но и научить ихъ чему нибудь полезному. Онъ купилъ не дорогой наборъ столярныхъ инструментовъ, и вечера въ скверикѣ были посвящены изготовленію, подъ его руководствомъ, всевозможныхъ предметовъ.

Маленькая ручная тачка, коробка для ножей и вилочекъ, подставка для часовъ и другія не хитрыя вещицы были сдѣланы одна за другой. Всѣ мальчики и даже нѣкоторые изъ дѣвочекъ, принимали участіе въ работѣ. Одинъ отпиливалъ кусокъ доски, другой чертилъ на ней линіи карандашомъ, третій распи-

ливалъ доску по начерченнымъ линіямъ. слѣдующій вертелъ бравничкомъ дырочки, слѣдующій свинчивалъ отдѣльные части, слѣдующій сглаживалъ окончательную вещь стеклянной бумагой и т. д. Работа подвигалась крайне медленно, но за то каждый, кто только хотѣлъ, принималъ въ ней участіе, а остальные стояли кругомъ и смотрѣли. Когда вещь была готова, ее разыгрывали по жребію, и какъ счастливъ былъ тотъ, кому она доставалась!

Иногда Питеръ приносилъ съ собой книгу и читалъ вслухъ дѣтямъ. Онъ былъ крайне удивленъ, замѣтивъ, что поучительныя исторіи и волшебныя сказки не пользовались любовью слушателей. Всевозможныя же приключенія въ дикихъ странахъ имѣли гораздо большій успѣхъ, дѣти увлекались изслѣдованіями въ центральной Африкѣ, восхожденіями на швейцарскія горы, битвами съ дикими индѣйцами, и попытками открыть сѣверный полюсъ. У нихъ была странная любовь къ пыткамъ, кровопролитіямъ и убійствамъ, но не было у нихъ и недостатка въ смѣтливости и наблюдательности.

— Кажется мнѣ, что этотъ парень вретъ, — говорилъ одинъ изъ маленькихъ слушателей про рассказъ одного извѣстнаго изслѣдователя Африки, прославившагося также умѣніемъ рекламировать себя.

— Важная штука! — комментировалъ другой, когда Питеръ, чтобы не отказывать просьбѣ почитать что нибудь, вынужденъ былъ выбрать отрывокъ изъ «Опытовъ» Маколея, а именно описаніе Калькуты.

— Послушай, баринъ, я не вѣрю, чтобы онъ самъ не бывалъ тамъ, онъ не сдумалъ бы такъ хорошо рассказать, если бы не видѣлъ своими глазами.

Какъ только вышаніе Питера упрочилось, онъ по пробовалъ дѣйствовать на нравственную сторону своей аудиторіи. Каждая драка, каждая ссора тщательно изслѣдовалась имъ, и виноватый получалъ выговоръ. Потому слѣдовало приказаніе, чтобы не смѣли ругаться, и хотя это и было противно инстинкту и привычкамъ ребятншекъ, приказаніе ста-

но свято исполняться. Конечно, бывали случаи, что у когонибудь срывалось жрѣпкое словечко, но Питеръ не взыскивалъ за такую «спорадическую» брань, за то закоренѣлыхъ ругателей преслѣдовалъ, лишая своего расположенія.

Дѣвочкамъ Питеръ внушалъ, что не хорошо показывать другъ другу языкъ и дѣлать гримасы, что это тоже родъ брани, «такъ какъ это показываетъ всѣмъ, что въ вашемъ сердцѣ ненависть, что много хуже дурныхъ словъ и гримасъ».

Питеръ рисковалъ быть смѣяннымъ, но дѣти не смѣялись надъ нимъ, напротивъ, его проповѣдь внушала имъ еще большее уваженіе къ нему.

Не много времени прошло, а Питеръ уже не могъ показываться на ближайшихъ улицахъ безъ того, чтобы его не привѣтствовали восторженные крики. Старшіе тоже стали вѣжливо здороваться съ нимъ и любезно ему улыбаться. Дѣти конечно рассказывали родителямъ о немъ, объ его чудныхъ подаркахъ и искусствахъ владѣть ножомъ.

— Онъ умѣетъ вырѣзывать ножомъ все, что ни попросишь!

— Онъ знаетъ, изъ чего сдѣлана каждая вещь!

— Онъ можетъ завязать узелъ на шестнадцать ладовъ!

— Онъ умѣетъ дѣлать треугольники изъ бумаги!

— И онъ въ дружбѣ съ полисменомъ!

Подобныя похвалы и тысячи другихъ пѣли ребятишки своему другу. И потому старшіе улыбались и кивали ему, встречаясь съ нимъ, и Питера хорошо знали сотни совершенно незнакомыхъ ему людей.

Но прошелъ еще годъ, а все такіе кліенты не являлись!

ГЛАВА XII.

Первый кліентъ.

Въ жаркій іюльскій день, черезъ два года послѣ своего приѣзда въ Нью-Йоркъ, Питеръ сидѣлъ въ своей конторѣ и пи-

салъ матери. Онъ только что вернулся въ городъ послѣ своего ежегоднаго визита къ матери, и вернулся съ чувствомъ разочарованія, потому что она уговаривала его бросить свою попытку составить себѣ карьеру въ Нью-Йоркѣ, и вернуться въ родной городъ. Онъ отвѣтилъ матери только, что еще не считаетъ себя побѣжденнымъ, но просьба и ея огорченіе раздосадовали Питера.

Пока онъ писалъ, кто-то постучалъ въ дверь и, на его «войдите», вошелъ простой рабочій и робко остановился передъ Питеромъ.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ Питеръ, видя, что долженъ помочь чловѣку изложить его дѣло.

— Простите, сэръ! — кротко отвѣтилъ рабочій. — Я изъ-за Мисси. Я надѣюсь, вы извините меня, что я вамъ помѣшалъ?

— Конечно, — сказала Питеръ. — А что же съ Мисси?

— Она... докторъ сказалъ, что она умираетъ, — отвѣчалъ рабочій, подавленный своимъ горемъ, — Салли и Бриджетъ Миллиганъ уже умерли.

— Но что же я могу сдѣлать? — спросилъ съ участіемъ Питеръ, хотя ровно ничего не понималъ.

— Мисси хочетъ повидать васъ, прежде чѣмъ уйдетъ. Это только дѣтское желаніе, сэръ, и вы не извольте беспокоиться. Но я обѣщалъ придти и позвать васъ. Надѣюсь, вы не сердитесь?

— Нисколько.

Питеръ всталъ, взявъ шляпу и оба вышли вмѣстѣ на улицу.

— Чѣмъ она больна? — спросилъ Питеръ на ходу.

— Мы не знаемъ, сэръ. Они всё заболѣли вчера, и двѣ уже умерли.

Рабочій утеръ глаза рукавомъ рубахи, размазывая по лицу кирпичную пыль.

— Докторъ былъ?

— Только сегодня утромъ. Мы сначала не думали, что будѣтъ такъ плохо.

— Какъ васъ зовутъ?

— Блакеттъ, сэръ, Джимми Блакеттъ.

Питеръ начиналъ понимать. Онъ вспомнилъ, что въ числѣ его ребятъ были Салли и Матильда Блакеттъ. По-

сѣдняя и была вѣроятно, «Мисси». Они скоро достигли рабочаго квартала и поднялись во второй этажъ въ квартиру Блакетта. Въ первой комнатѣ, служившей въ то же время кухней и гостиной, на столѣ, въ гробу, лежала маленькая семилѣтняя дѣвочка. Кругомъ горѣли четыре свѣчи, увеличивая духоту и дурной воздухъ. Въ комнатѣ рядомъ лежала на кровати пятилѣтняя крошка, которую нянчила утомленная женщина.

Ребенокъ былъ блѣденъ и худъ, потъ крупными каплями катился по горячему лобку, но рука смерти придала маленькому личику что-то такое, чего раньше въ немъ не было.

— О, мистеръ Питеръ! — сказала крошка, увидавъ его. — Я говорила, что вы придете.

Питеръ вынулъ свой платокъ и вытеръ мокрый лобикъ. Потомъ взялъ лежавшую на стулѣ газету, сложилъ ее вѣеромъ и, присѣвъ на край постели, сталъ обмахивать ребенка.

— Зачѣмъ ты хотѣла меня видѣть? — спросилъ Питеръ.

— Расскажите мнѣ сказку, которую вы читали изъ книжки. Про маленькую дѣвочку, которая поѣхала въ деревню, и ей подарили живого голубя и настоящихъ цвѣтовъ.

Питеръ началъ рассказывать сказку, насколько могъ ее припомнить, но не кончилъ. Пока онъ говорилъ, другая маленькая дѣвочка ушла въ далекую страну, откуда нѣтъ возврата, и простая жизненная сказка внезапно оборвалась.

Отецъ и мать отнеслись очень спокойно къ смерти ребенка. Питеръ предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ и узналъ, что у нихъ было еще трое дѣтей, кромѣ умершихъ, и что самый старшій мальчикъ служить посыльнымъ, почему его и не было дома. Двое маленькихъ близнецовъ находились на попеченіи сосѣдей.

Питеръ спросилъ еще, есть ли у нихъ деньги; оказалось, что имъ нечѣмъ заплатить за двойныя похороны.

— Гробовщикъ обѣщалъ все сдѣлать какъ слѣдуетъ и рассчитать деньги, а я буду уплачивать ему понемногу каж-

дую недѣлю, объяснилъ рабочій, когда Питеръ высказалъ изумленіе по поводу совершенно лишнихъ, по его мнѣнію, расходовъ.

Пока они говорили, вошелъ докторъ.

— Я знаю, что нѣтъ никакой надежды, — сказалъ онъ, узнавъ о смерти ребенка. — Вы помните, я прямо вамъ это сказалъ, — прибавилъ онъ, обратясь къ родителямъ.

— Да, онъ это говорилъ, — подтвердилъ отецъ.

— Вотъ, — началъ докторъ присутимъ ему живымъ и немного грубымъ тономъ, — я нашелъ, въ чемъ дѣло.

— Ну? — встрепенулась мать, вдругъ заинтересовавшись.

— Все дѣло было въ молокѣ, — продолжалъ докторъ. — Я думалъ, что оно плохое, въ ту минуту, какъ понюхалъ его, но я взялъ пробу домой, чтобы какъ слѣдуетъ удостовѣриться. — Онъ вытащилъ изъ кармана бумагу. — Вотъ изслѣдованіе, и д-ръ Племпъ, у котораго такіе же два случая въ сосѣднемъ домѣ, нашелъ тоже самое.

Супруги Блакеттъ съ изумленіемъ смотрѣли на анализъ, ровно ничего не понимая. Питеръ тоже взглянулъ въ него, когда они удовлетворили свое любопытство. Когда онъ читалъ бумагу, на его лицѣ промелькнуло странное выраженіе, сходное съ тѣмъ, которое было у него на палубѣ яхты м-ра Пирса. Лицо Питера не измѣнилось, только взглядъ сталъ глубже и напряженнѣе.

— Это было въ молокѣ, которое пили дѣти? — спросилъ онъ, указывая пальцемъ на одну строчку.

— Да, — отвѣтилъ докторъ, — молоко было плохое само по себѣ, и чтобы скрыть это — фальсифицировано. Эти карбонаты иногда очень сильно дѣйствуютъ, и я предполагаю, что давній кувшинъ, получивъ больше снагобья, чѣмъ полагалось.

— Въ немъ почти нѣтъ жировъ, — замѣтилъ Питеръ, желая задержать доктора, пока самъ облумаетъ дѣло.

— Да, — сказалъ докторъ, — это было снятое молоко.

— Вы, конечно, дадите знать санитарному управленію? — спросилъ Питеръ.

— При случаѣ, когда буду тамъ, —

ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПЕРВОЙ ГЕРМАНСКОЙ ГЛУБОКОВОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Карла Куна.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. СКОРОХОДОВА (Надеждинская, 43).

1902.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ давнихъ поръ глубины океана привлекали къ себѣ вниманіе человѣка и возбуждали его воображеніе. Фантазія древнихъ населяла ихъ сказочными чудовищами, создавала подводное царство могучаго морского бога съ его подданными—нимфами и дельфинами. До начала нынѣшняго столѣтія, однако, никто не рѣшался приподнять таинственный покровъ морскихъ глубинъ, попытаться на дѣлѣ познакомиться съ ихъ жизнью. Впервые въ 1818 г. знаменитый путешественникъ Джонъ Россъ, во время своего пребыванія въ Баффиновомъ заливѣ, получилъ морской илгъ съ глубины 1.000 сажень,—въ немъ оказались живые организмы, именно морскія звѣзды.

Это открытіе однимъ ударомъ разрушало теорію французскаго путешественника, современника Росса—Пэрона, который старался доказать, что дно океана покрыто слоемъ льда. Однако, открытіе Росса не было оцѣнено современниками и вскорѣ было забыто. Въ 1841 г. Эдуардъ Форбсъ развивалъ въ своемъ сообщеніи передъ британской ассоціаціей наукъ, казалось, стройное и доказательное ученіе, по которому предполагалось, что глубже 300 сажень въ океанѣ нѣтъ ни одного живого организма. Скоро, впрочемъ, благодаря неутомимой энергіи норвежскихъ изслѣдователей Михайла Сарса съ его сыномъ, Ловэна и поэта-зоолога Асбьёрсена, пришлось отодвинуть границу органической жизни въ океанѣ, по крайней мѣрѣ, до болѣе значительной глубины,—Сарсъ нашелъ въ 1850 г. богатую глубоководную фауну на 450 саженьхъ.

Явились доказательства жизни на глубинахъ и другого рода. Въ 50-хъ годахъ началась прокладка перваго трансатлантическаго телеграфнаго кабеля, и уже при предварительныхъ промѣрахъ выяснилось, что существуетъ фауна на глубинѣ болѣе чѣмъ 1.000 сажень. Еще доказательнѣе было то обстоятельство, что когда порвался первый кабель, проложенный въ 1858 г., и такая же судьба постигла средиземноморскій кабель между Сардиніей и Алжиромъ, то по извлеченіи обоихъ оказалось, что на нихъ поселилось множество животныхъ. Средиземноморскій кабель пролежалъ подъ водой всего три года и этого было достаточно, чтобы къ нему прикрѣпилось на глубинѣ 3.600 метровъ до 15 видовъ изъ различныхъ отдѣловъ животнаго царства. Эти находки обратили на себя всеобщее вниманіе ученаго міра. Наиболѣе выдающіеся биологи—Эренбергъ, Гёкли, Милльнъ-Эдвардъ—высказывались всѣ въ томъ смыслѣ, что при болѣе систематическомъ изученіи морскихъ глубинъ откроется передъ зоологами новый, невѣдомый и въ высокой степени привлекательный міръ.

*

Открытія Сарса у Лофотскихъ острововъ обратили на себя вниманіе одного изъ англійскихъ ученыхъ — профессора эдинбургскаго университета Уэвилля Томсона, человѣка съ огромными научными знаніями и несокрушимой энергіей. При помощи своего друга вице-президента Королевскаго Общества Карпендера, ему удалось достигнуть, что для цѣли чисто научной, именно для рѣшенія вопроса о жизни на глубинахъ, были предоставлены въ распоряженіе ученыхъ два небольшія военныя судна—«Лейтнингъ» и «Поркупинъ». Съ этого времени начинается новая эра въ дѣлѣ изученія фауны глубинъ. Въ 1868—70 гг. названныя суда совершили цѣлый рядъ промѣрныхъ и зоологическихъ работъ вокругъ Великобританскихъ острововъ, у береговъ Испаніи и въ Средиземномъ морѣ. Исслѣдованіями этими былъ заложенъ прочный фундаментъ для современныхъ воззрѣній на жизнь глубинъ. Былъ открытъ, дѣйствительно, новый міръ существъ, нерѣдко фантастической формы, блестящихъ красками и доказывающихъ, что животный организмъ можетъ приспособляться прямо къ невѣроятнымъ внѣшнимъ условіямъ.

Это открытіе вызвало понятное восхищеніе всего ученаго міра и наиболѣе интеллигентныхъ круговъ общества Западной Европы. Въ засѣданіи англійскаго парламента одинъ изъ членовъ внесъ предложеніе снарядить экспедицію болѣе крупныхъ размѣровъ для изученія глубинъ всѣхъ океановъ—въ этомъ онъ видѣлъ долгъ своей родины передъ человѣчествомъ. Предложеніе было принято единогласно, и въ декабрѣ 1872 г. корветъ «Челленджеръ» покинулъ берега Англій, неся на себѣ цѣлый штабъ выдающихся исслѣдователей, во главѣ которыхъ стоялъ неутомимый Уэвилль Томсонъ. Корветъ вернулся черезъ пять лѣтъ, результаты его работъ—грандіознѣйшее собраніе фактическаго и теоретическаго матеріала изъ области совершенно новой и не затронутой — заставляють отвести челленджеровской экспедиціи первое мѣсто среди всѣхъ научныхъ предпріятій послѣдняго времени. Всѣ ея коллекціи и наблюденія были обработаны цѣлымъ рядомъ выдающихся ученыхъ всѣхъ національностей и результаты обработки изложены въ 38-ми огромныхъ томахъ in 4° «Отчетовъ» экспедиціи. Для новаго періода, въ который вступила океанографія и зоологія, немыслимо было придумать болѣе достойнаго начала.

Вскорѣ и другія государства, слѣдуя примѣру Англій, принявъ участіе въ изученіи морскихъ глубинъ. Прежде всего американцы принялись за выясненіе рельефа западной части Атлантическаго океана въ районѣ Сѣверной и Средней Америки. Цѣлымъ рядомъ экспедицій 1875—80 гг. подъ начальствомъ графа Пурталэ и Александра Агассица было исслѣдовано круто падающее дно западно-атлантическаго бассейна вдоль гряды Антильскихъ острововъ. Была найдена глубина въ 8341 метръ (сѣвернѣе Порторико) и добыта чрезвычайно богатая и разнообразная глубоководная фауна. При прокладкѣ кабеля между Сѣверной Америкой и Японіей американское судно «Тускарора» (1873—75 гг.) нашло на западъ отъ Японіи также огромную глубину въ 8.513 метровъ. Въ позднѣйшее время, однако, при исслѣдованіи Агассицемъ Тихаго океана, были найдены глубины, превосходящія высочайшіе подъемы земной поверхности въ Гималаяхъ, именно—глубины въ 9184 и 9427 метровъ. вблизи о. Тонга и острововъ Кермадекскихъ. Наконецъ, въ 1899 г. американецъ капитанъ Бэзкнапъ открылъ у самаго южнаго изъ вулканическихъ Ладронскихъ острововъ—острова Гуамъ—наиболѣе значительную изъ извѣстныхъ до сихъ поръ

глубинъ—въ 9.644 метра (=5.269 саж.). Если разсчитать, какое давленіе производитъ на такой глубинѣ водяной столбъ, то оказывается, что оно равняется около 1.000 атмосферъ. Впрочемъ, глубины болѣе 7.000 метровъ встрѣчаются рѣдко; лишь въ особыхъ вдавленіяхъ морского дна, находящихся вблизи линій значительныхъ сдвиговъ земной поверхности; глубины въ 6—7.000 метровъ также играютъ лишь второстепенную роль, тогда какъ пространства глубиною въ 5—6.000 метровъ во всѣхъ океанахъ довольно обширны по своему протяженію.

Кромѣ американцевъ, въ изученіи океаническихъ глубинъ приняли участіе скандинавскіе ученые: въ 1876—78 гг. была отправлена на суднѣ «Вѣрингенъ» подъ руководствомъ Г. Мона и К. Сарса экспедиція для изученія океанографическихъ условій сѣвернаго Атлантическаго океана, собравшая богатый матеріалъ по фаунѣ глубинъ полярныхъ морей. Начиная съ 1880 г., къ другимъ державамъ примкнула въ дѣлѣ изученія глубинъ также и Франція, снарядившая до настоящаго времени четыре экспедиціи, которыя работали въ Средиземномъ морѣ и въ восточномъ Атлантическомъ океанѣ до Зеленаго мыса и Саргассоваго моря. Вскорѣ приняли участіе въ изученіи глубинъ Средиземнаго моря также Италия и маленькое княжество Монакское. Князь Альбертъ Монакскій извѣстенъ, какъ изобрѣтатель чрезвычайно остроумныхъ аппаратовъ для глубоководныхъ изслѣдованій и какъ руководитель цѣлаго ряда глубоководныхъ экспедицій, дѣятельность которыхъ простиралась до Азорскихъ острововъ. Последнее время онъ изслѣдовалъ и глубины арктическихъ морей.

Датское правительство также снарядило экспедицію судна «Ингольфъ» для изслѣдованія сѣвернаго Атлантическаго океана. Одновременно австрійское военное судно «Пола» работало въ Красномъ морѣ и изслѣдовало его съ такой тщательностью, что въ настоящее время это море въ океанографическомъ отношеніи представляетъ одну изъ наилучше извѣстныхъ намъ областей. Не желаетъ отстать отъ другихъ державъ и Голландія, снаряжающая въ настоящее время экспедицію на суднѣ «Сибоба» подъ начальствомъ профессора Вебера для изслѣдованія морскихъ глубинъ въ области своихъ индійскихъ колоній.

Германія долгое время оставалась позади другихъ націй въ дѣлѣ изученія океаническихъ глубинъ. Превосходныя изслѣдованія по океанографіи и зоологіи, произведенныя военнымъ судномъ «Газель», во время его кругосвѣтнаго плаванія, не коснулись глубинъ, равно какъ и тщательныя работы «Кильской комиссіи для изслѣдованія нѣмецкихъ морей» захватывали лишь сравнительно мелководный районъ. Наконецъ, и знаменитая нѣмецкая «Планктонная экспедиція» подъ руководствомъ профессора Гензена, имѣла совершенно иную задачу, именно, старалась выяснитъ, какое количество организмовъ плаваютъ на поверхности и въ болѣе глубокихъ слояхъ Атлантическаго океана.

Лишь въ 1897 г. возникла и въ Германіи мысль вызвать къ жизни глубоководную экспедицію. Инициаторомъ былъ позднѣйшій руководитель «Первой германской глубоководной экспедиціи» профессоръ К. Кунъ (С. Chun.) На съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Брауншвейгѣ имъ былъ предложенъ планъ такой экспедиціи. Въ общихъ чертахъ маршрутъ ея предполагался слѣдующій: она должна была обогнуть Африку, изслѣдовать восточный Атлантическій океанъ, сдѣлать отъ мыса Доброй Надежды экскурсію въ антарктическія воды и, наконецъ, обратить особое вниманіе на изученіе Индійскаго океана. Планъ этотъ

былъ одобренъ и съѣдомъ, и германскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; особая избранная съѣдомъ коммиссія, состоявшая изъ профессоръ Неймайера, Вирхова и Вальдейера, высказалась о немъ также съ большимъ одобреніемъ, и съ Высочайшаго разрѣшенія экспедиція была окончательно рѣшена. На нужды этого ученаго предпріятія было отпущено изъ государственныхъ суммъ 300.000 марокъ, различныя учрежденія и частныя лица оказали всевозможное содѣйствіе, въ распоряженіе экспедиціи былъ предоставленъ огромный пароходъ «Вальдивія», совершающій обыкновенно рейсы между Гамбургомъ и Америкой.

Экспедиція покинула берега Германіи 31-го іюля 1898 г. и вернулась черезъ девять мѣсяцевъ—1-го мая 1899 г. На слѣдующихъ далѣе страницахъ мы даемъ нѣсколько сокращенное описаніе ея путешествія и полученныхъ результатовъ, составленное ея руководителемъ не для тѣснаго кружка специалистовъ, а для широкаго круга читающей публики, интересующейся наукой.

ГЛАВА I.

Лабораторіи и другія приспособленія судна.—Орудія лова.—Инструменты для океанографических цѣлей.—Составъ экспедиціи.—Отъѣздъ.—Путь до Эдинбурга.—Въ сѣверной части Атлантическаго океана.—Фарѣрскіе острова.—Гольфштромъ.

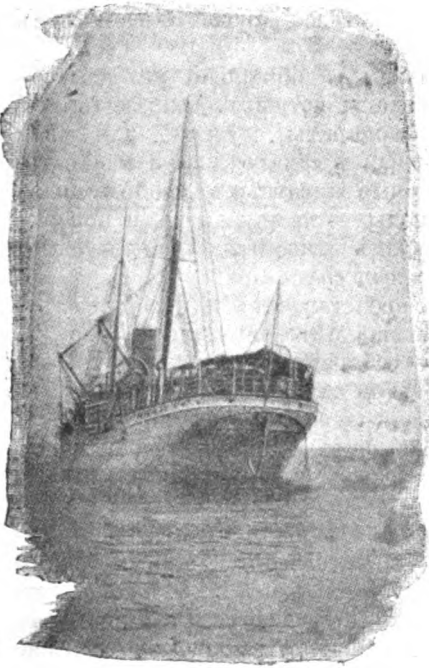

Рис. 1. «Вальдивія».

Пароходъ «Вальдивія»,—огромное судно въ 308 футъ длины и 2.176 регистровыхъ тоннъ грузовой емкости, оказался очень удобнымъ для цѣлей экспедиціи,—при его крупныхъ размѣрахъ было возможно производить различныя научныя работы одновременно на переднемъ и заднемъ концѣ палубы. Чтобы сдѣлать судно еще болѣе соответствующимъ его новому назначенію, на немъ были произведены нѣкоторыя перестройки,—такъ было выстроено специальное свѣтлое помѣщеніе для работъ съ микроскопомъ, былъ устроенъ цѣлый рядъ лабораторій—лабораторія химическая, гдѣ хранились со всѣми предосторожностями противъ качки точныя аппараты для количественнаго анализа морской воды и опредѣленія содержащихся въ ней газовъ, лабораторія бактериологическая, устроенная по послѣднему слову науки и предназначенная

для изученія бактерий моря, наконецъ, лабораторія и темное помѣщеніе для фотографическихъ работъ. Для консервированія животныхъ и сохраненія собраннаго матеріала служило также особое обширное помѣщеніе на средней палубѣ въ передней части судна. Все судно освѣщалось, разумѣется, электричествомъ,—большая дуговая электрическая лампа была приспособлена для цѣлей рыболовныхъ и позволяла работать драгой и траломъ даже ночью.

Очень цѣннымъ для насъ приспособленіемъ оказался имѣвшійся на суднѣ холодильникъ-рефрижераторъ, вырабатывавшій значительное количество льда. Дѣло въ томъ, что глубоководные организмы живутъ на глубинахъ при очень низкихъ температурахъ, и когда попадаютъ въ верхніе слои воды, нагрѣтые до 20—25° С., очень легко въ нихъ

разлагаются. Располагая большимъ запасомъ льда, экспедиція могла относительно долгое время сохранять живыми даже самыхъ нѣжныхъ животныхъ со значительныхъ глубинъ,—какъ только приходила сѣть съ большой глубины, животные перемѣщались изъ нея въ заранее охлажденную морскую воду. Это позволяло наблюдать и зарисовывать глубоководныхъ обитателей при естественныхъ условіяхъ, живыми.

Для поднятія траловъ, драгъ и сѣтей съ глубины на суднѣ была установлена огромная, очень сильная паровая лебедка. Въ нашемъ распоряженіи находилось 10.000 метровъ стального троса, 10 и 12 миллиметровъ въ діаметрѣ, и такое же количество троса сохранялось въ резервѣ на случай потери перваго. Тросъ былъ намотанъ на большой барабанъ, съ котораго по системѣ блоковъ переходилъ на стрѣлу парохода и съ конца послѣдней могъ быть спущенъ за бортъ съ тѣмъ или другимъ аппаратомъ. Кромѣ того, тросъ проходилъ черезъ особый счетчикъ, указывающій числомъ оборотовъ, сколько метровъ троса выпущено съ барабана. Для аппаратовъ болѣе легкихъ имѣлся другой барабанъ съ тонкимъ металлическимъ тросомъ.

Большое вниманіе съ нашей стороны было обращено на цѣлесообразное устройство аппаратовъ для ловли животныхъ. Аппараты эти раздѣляются на двѣ группы: *придонные* аппараты, служащіе для ловли животныхъ, которыя держатся на днѣ или у самаго дна, и аппараты *планктонные*, т. е. употребляемые для ловли животныхъ, свободно плавающихъ въ промежуточныхъ слояхъ воды — между дномъ и поверхностью и у самой поверхности. Къ первымъ относятся *тралы* и *драги*, ко вторымъ—*пелагическія* или *планктонныя сѣти*.

Обыкновенный зоологическій тралъ представляетъ изъ себя желѣзную раму, къ которой прикрѣпленъ большой сѣтевой мѣшокъ (рис. 2). Рама ползетъ по дну на полозьяхъ и собираетъ всѣхъ животныхъ, обитающихъ у дна. Внутри сѣтевого мѣшка находится второй мѣшокъ, воронкообразный, съ отверстиемъ на концѣ—онъ препятствуетъ попадающимъ въ тралъ животнымъ выйти обратно. Размѣры траловъ различны, наиболѣе часто экспедиція пользовалась траломъ, имѣвшимъ въ ширину 2½ метра. Кромѣ траловъ употреблялись драги—также сѣтевые мѣшки, но прикрѣпленные къ желѣзной рамѣ съ двумя лезвіями—при помощи ихъ драга соскабливаетъ животныхъ, сидящихъ на днѣ и на камняхъ. Драги, впрочемъ, рѣже употреблялись на большихъ глубинахъ, такъ какъ онѣ слишкомъ глубоко зарываются въ илъ и приносятъ гораздо меньше животныхъ. На каменистомъ грунтѣ, особенно гдѣ имѣются коралловые рифы, нельзя было пускать въ ходъ никакого орудія кромѣ шваберной драги—всѣ аппараты съ сѣтями рвались въ клочки; шваберная драга представляетъ изъ себя рядъ пучковъ пеньки, прикрѣпленныхъ къ желѣзной рамѣ. Когда рама ползетъ по дну, въ цѣпкой пенькѣ запутываются самыя разнообразныя животныя. Для ловли рыбъ употреблялся такъ называемый Петерсеновскій тралъ,—это небольшой неводъ, который тянется по дну и захватываетъ рыбъ, плавающихъ на глубинахъ.

Изъ пелагическихъ орудій лова мы впервые пользовались въ широкихъ размѣрахъ такъ называемой *вертикальной* пелагической сѣтью (рис. 3). Это—коническая сѣть изъ тонкаго шелковаго газа, прикрѣпленная къ металлическому кругу и имѣющая на концѣ цилиндръ, предназначенный для скопленія въ немъ вылавливаемыхъ животныхъ. Къ такой сѣти привязывается тяжесть и затѣмъ она опускается на ту или другую глубину и медленно поднимается съ глубины на поверх-

ность. При этомъ вода какъ бы фильтруется черезъ сѣть и вылавливаются всѣ мелкія животныя, встрѣчаемыя ею по пути. Измѣняя глу-

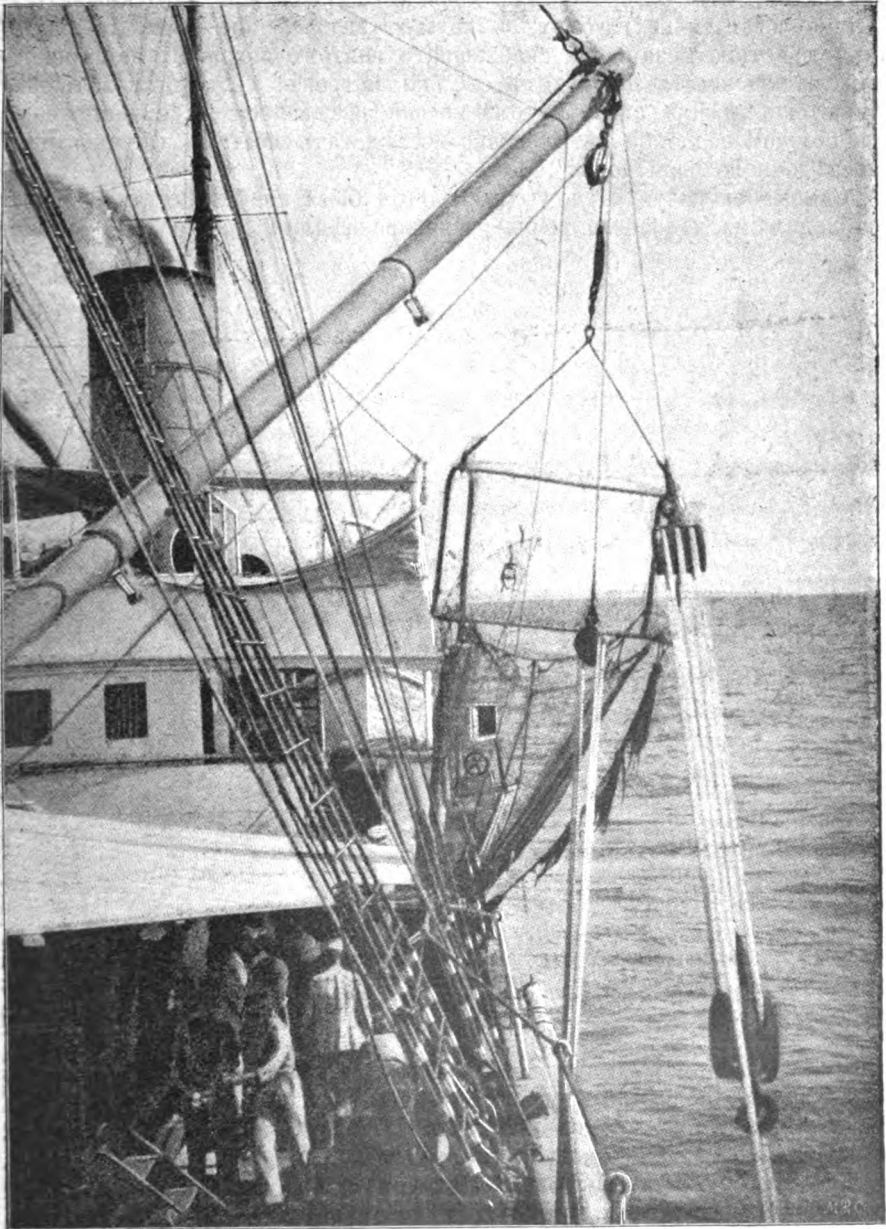

Рис. 2. Поднятіе трала (траль прикрѣпленъ къ тросу, проходящему черезъ блокъ на концѣ стрѣлы).

бину, на которую опускается сѣть, можно узнать до какой глубины распространены тѣ или другія пелагическія животныя. Еще болѣе

точно опредѣляютъ вертикальное распредѣленіе животныхъ такъ называемыя *замыкающіяся сѣти* (рис. 4, 5). Онѣ по принципу такого же устройства, какъ и обыкновенныя вертикальныя, но съ тѣмъ видоизмѣненіемъ, что отверстіе ихъ можетъ замыкаться и раскрываться. Сѣть опускается на глубину замкнутой, затѣмъ при поднятіи, благодаря дѣйствію механизма, снабженнаго винтомъ похожимъ на парходный, раскрывается, проходитъ столько метровъ, сколько желательно, открытою и затѣмъ снова автоматически замыкается. Такимъ образомъ при помощи подобной сѣти, можно изслѣдовать составъ фауны точно опредѣленнаго слоя воды.

Само собою разумѣется, что экспедиція была снабжена также всѣмъ необходимымъ для ловли рыбы разнообразѣйшими способами. Для со-

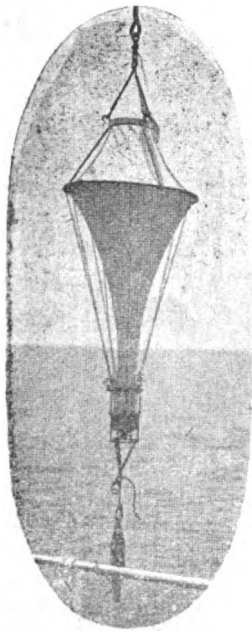

Рис. 3. Вертикальная пелагическая сѣть.

Рис. 4. Замыкающаяся пелагическая сѣть при спускѣ.

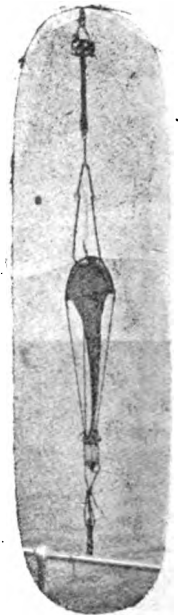

Рис. 5. Замыкающаяся пелагическая сѣть при подъемѣ.

храненія собраннаго матеріала служилъ огромный запасъ спирта — 8.000 литровъ и соответствующее количество всѣхъ важнѣйшихъ реактивовъ, употребляемыхъ въ современной зоологической технику. Запасы стекляннй посуды, цинковыхъ ящиковъ и т. п. были также обширны.

Кромѣ цѣлей зоологическихъ, экспедиція имѣла въ виду и изученіе физической природы моря. Важнѣйшими аппаратами для океанографическихъ задачъ ея были двѣ глубоководныя лотовыя машины. Одна — системы Ле-Бланъ (рис. 6), другая американской системы Сигсби. Обѣ онѣ основаны на томъ принципѣ, что на глубину опускается тяжелый грузъ на тонкой стальной, такъ называемой фортепьянной проволоцѣ; достигая два, грузъ этотъ автоматически освобождается и остается на днѣ. вмѣстѣ съ грузомъ на концѣ находится особая трубка

которая отмѣчаетъ глубину достигнутую лотомъ. Экспедиція располагала 25.000 метровъ проволоки и 260 грузами.

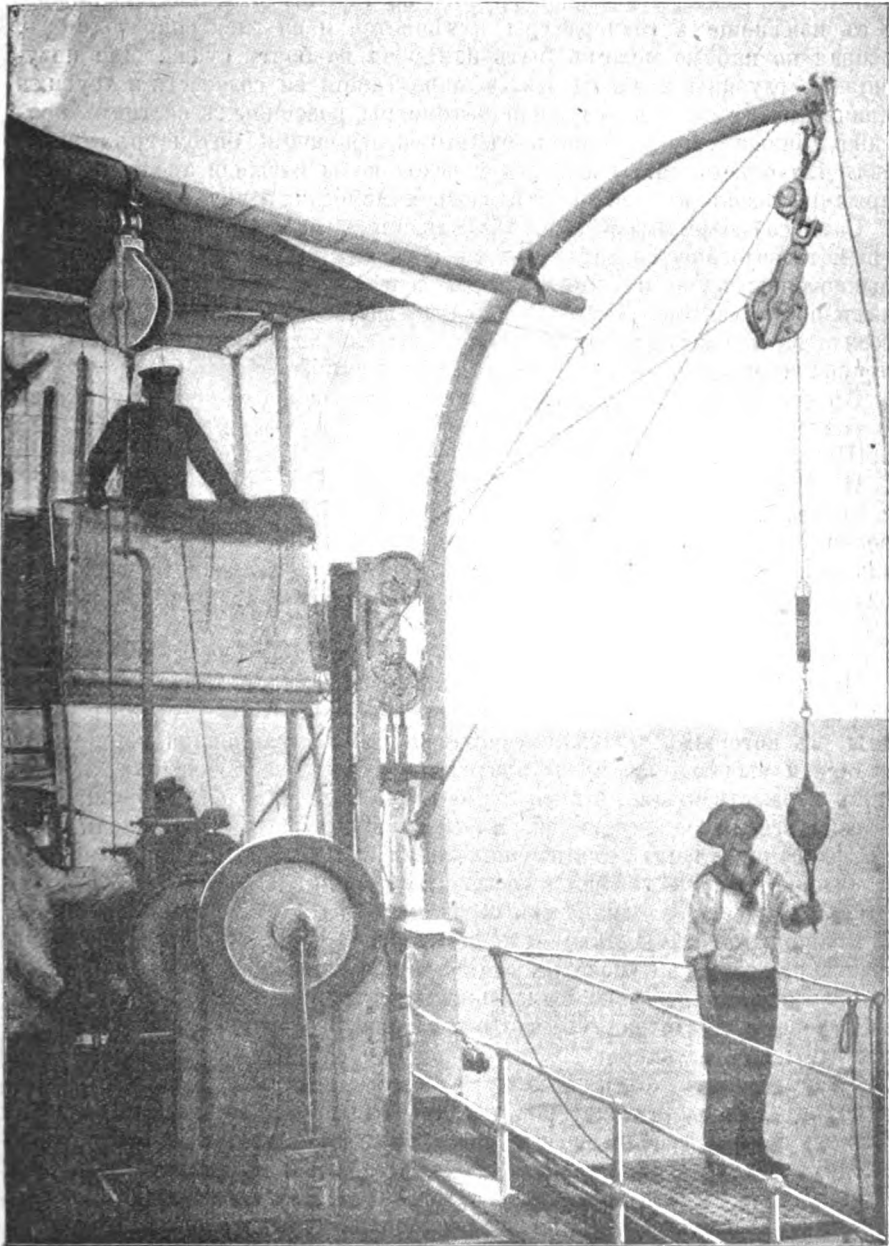

Рис. 6. Лотовая машина системы Ле-Ванъ.

Для опредѣленія температуръ на глубинахъ у насъ были особые термометры въсколькихъ системъ, особенно удобнымъ оказался термометръ Негретти и Замбра. Кромѣ того, имѣлся еще впервые примѣ-

няемый въ широкихъ размѣрахъ электрической термометръ Сименса,—этотъ аппаратъ позволялъ опредѣлять съ большою точностью измѣненія температуры до глубины 750 метровъ. Устройство его въ принципѣ основано на томъ, что если погрузить на глубину платиновую спираль, то съ измѣненіемъ температуры измѣняется и ея электропроводность, которая по кабелю можетъ быть измѣрена на борту судна. Для полученія съ глубины воды съ цѣлю опредѣленія ея солености и другихъ химическихъ свойствъ, служили батометры различныхъ системъ, особенно цѣнные услуги оказали въ этомъ отношеніи батометръ Петерсена. Для опредѣленія плотности морской воды служили ареометры, содержание газовъ въ ней опредѣлялось химическимъ анализомъ.

Само собою разумѣется, что «Вальдивія» была снабжена и походной метеорологической станціей съ полнымъ комплектомъ не только обыкновенныхъ, но и автоматически регистрирующихъ метеорологическихъ инструментовъ. Не была забыта и научная бібліотека,—она позволяла намъ уже во время самой работы справляться съ научной литературой и предварительно опредѣлять сдѣланные сборы.

Въ составъ экспедиціи вошли кромѣ начальника ея проф. Куна, еще 10 различныхъ ученыхъ специалистовъ. Океанографами экспедиціи были Г. Шоттъ и В. Саксе, ботаникомъ — проф. В. Шимперъ, химикомъ — П. Шмидтъ, бактериологомъ—М. Бахманнъ, зоологами—К. Апштейнъ, Ф. Брэмъ, Э. Фангоффенъ, А. Брауеръ, О. Цуръ-Штрассенъ. Въ качествѣ препаратора былъ взятъ Р. Шмиттъ, а въ качествѣ научнаго рисовальщика и фотографа—Ф. Винтеръ. Пароходъ экспедиціи находился подъ командою капитана А. Крехъ, стараго опытнаго моряка.

Послѣ продолжительныхъ сборовъ и приготовленій, производившихся въ Гамбургѣ, настало, наконецъ, день отъѣзда—31 іюля 1898 г. Проводы, въ которыхъ приняли участіе и высшіе сановники германской имперіи и выдающіеся представители науки и масса публики, вышли очень торжественными. Нашъ огромный бѣлый пароходъ, обращавшій на себя всеобщее вниманіе своими красивыми очертаніями, расцвѣченный флагами, отвалилъ отъ переполненной народомъ пристани Гамбурга и медленно, величественно пошелъ къ выходу въ море. Берега огласились долго не смолкавшими криками «ура!» на которые команда «Вальдивіи» отвѣчала такими же криками. Отъ борта судна отвалилъ рѣчной пароходикъ, унося на себѣ провожавшихъ, и сердца участниковъ экспедиціи невольно сжались: имъ приходилось покидать все, что было дорого, и кто знаетъ, что ожидало ихъ впереди, въ теченіе продолжительнаго плаванья?

Урегулировать ходъ такого сложнаго механизма, какъ научная экспедиція, въ составъ которой входятъ самые различные специалисты, дѣло не легкое, требовавшее нѣкотораго подготовительнаго опыта. Необходимо было также испытать предварительно и тѣ различные аппараты и инструменты, которые входили въ составъ ея научнаго снаряженія. Пускать ихъ въ ходъ сразу на большихъ глубинахъ было бы опасно. Въ виду этихъ обстоятельствъ, первоначально рѣшено было направить путь «Вальдивіи» такимъ образомъ, чтобы пройти по изслѣдованному уже району моря съ грунтомъ дна, не представляющимъ особыхъ затрудненій. Было рѣшено, что экспедиція зайдетъ сперва въ Эдинбургъ и затѣмъ къ Фарѣрскимъ островамъ, а оттуда уже, направится къ Канарскимъ островамъ.

Въ первые дни пути каждый старался войти въ свою роль и приспособиться къ новымъ условіямъ. Не всѣмъ это было легко, особенно когда за островомъ Гельголандомъ погода разыгралась, и началась качка со своими неизбежными послѣдствіями. Во время обѣда особымъ предпочтеніемъ пользовались мѣста, которыя поближе къ двери, и вскорѣ на палубѣ можно было видѣть неподвижныя, закутанныя въ пледы фигуры на креслахъ и скамьяхъ.

Первымъ мѣстомъ, куда должна была зайти экспедиція, былъ Эдинбургъ,—тамъ долженъ былъ покинуть «Вальдивію» пріѣхавшій на ея шлюпки знаменитый англійскій ученый Джонъ Мёррей (рис. 7). Бли-

Рис. 7. Джонъ Мёррей.

зость шотландскихъ береговъ сказалась тѣмъ, что море стало спокойнѣе. Вскорѣ вырисовались живописные гребни скалъ и мѣстами покрытый зеленью берегъ. 3-го августа мы увидѣли огромную базальтовую скалу Бассъ-Рокъ, стоящую передъ входомъ въ Фирсъ-офъ-Форсъ. Ея отвѣсные обрывы оживлялись тысячами глушышей (*Sula bassana*), котоыре здѣсь охраняются закономъ. Цѣлыя тучи этихъ птицъ поднялись вверху, когда, проходя мимо, мы выстрѣлили. Судно подошло ближе къ берегу и можно было даже разглядѣть шотландскихъ крестьянъ, занимающихся своей національной игрою въ гольфъ. Вскорѣ мы подошли къ маяку и взяли лодчана, который ввелъ насъ въ гавань.

Во время короткой стоянки въ Эдинбургѣ экспедиція имѣла возможность познакомиться съ живописными окрестностями города и его

важнѣйшими достопримѣчательностями. Со стороны мѣстныхъ ученыхъ она встрѣтила самый радушный и сердечный пріемъ.

Вечеромъ 4-го августа «Вальдивія» снова отправилась въ путь, держа курсъ на Фарѣрскіе острова, чтобы здѣсь испробовать впервые свои глубоководные аппараты и инструменты. Эта область моря очень интересна по своимъ условіямъ рельефа дна и по распредѣленію температуры воды. Здѣсь, между берегами Исландіи и Фарѣрскими островами находится значительное подводное возвышеніе дна, которое на 60-ой параллели переходитъ въ узкій подводный хребетъ, названный, въ честь шотландскаго ученаго, «хребтомъ Уэвилля Томсона». Этотъ хребетъ отдѣляетъ сѣверную холодную часть Атлантическаго океана отъ болѣе южной, гдѣ вода нагрѣвается до самаго дна. Присутствіе хребта мѣшаетъ нижнимъ холоднымъ слоямъ воды сѣверной части распространяться далѣе на югъ, и температуры по обѣ стороны хребта очень различны. На сѣверъ отъ хребта, напр., на глубинѣ 500 метровъ температура воды $+0,4^{\circ}$, а на глубинѣ 600—даже $-0,1^{\circ}$, тогда какъ на югъ отъ хребта—на глубинѣ 500 метровъ температура уже $+9,0^{\circ}$.

Само собою разумѣется, что это различіе въ температурѣ воды сильнѣйшимъ образомъ отражается на распредѣленіи глубоководной фауны—на сѣверъ отъ хребта фауна типично-полярная, тогда какъ на югъ отъ него она имѣетъ тепловодный характеръ.

Никто изъ участниковъ экспедиціи не забудетъ того впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ первый глубоководный сборъ. Мы подняли тралъ 6-го августа сѣвернѣе хребта Уэвилля Томсона съ относительно небольшой глубины въ 480 метровъ. Когда онъ пришелъ на поверхность, на пеньковыхъ швабрахъ, привязанныхъ къ нему, висѣли красивые морскіе ежи съ огромными иглами (*Dorocidaris papillata*), а ячеи сѣти были усеяны красными морскими звѣздами-офиурами и блѣдными раковинками плеченогихъ. Мѣшокъ трала былъ наполненъ чудными узорчатыми стеклянными губками, морскими лиліями и похожими на длинноногихъ пауковъ пикноговами. Изъ сѣти выпрыгнула на палубу еще живая глубоководная рыба (*Lycodes*), и общее вниманіе было привлечено горящими въ темнотѣ глазами глубоководныхъ раковъ,—свѣченіе ихъ обуславливается присутствіемъ въ глазу особой отражающей перегородки.

Двѣ драги, спущенныя нами на еще нѣсколько болѣе значительную глубину, на слѣдующій день, принесли намъ также большое количество характерныхъ для холодной полярной воды представителей глубоководной фауны. Одна изъ нихъ была наполнена болѣе чѣмъ 500 экземплярами изящнѣйшей глубоководной губки (*Tenea muricata*), у которой сѣтки тѣла покрыты почками, почему, вѣроятно, она и размножается въ такомъ количествѣ, что покрываетъ дно моря сплошнымъ ковромъ.

Удачѣ первыхъ измѣреній глубины, работъ траломъ и драгами и температурныхъ опредѣленій содѣйствовала въ значительной степени превосходная погода, рѣдкостная для этихъ мѣстностей. 7-го августа при совершенно безоблачномъ небѣ мы прошли мимо самаго южнаго изъ Фарѣрскихъ острововъ—острова Зюдероэ (рис. 8). Его обрывистые берега вертикальной стѣной спускаются къ голубому морю и лишь мѣстами зеленѣютъ подъ покровомъ изъ исландскаго мха и вереска. Кое-гдѣ къ морю прорываются долины, мѣстами скалы принимаютъ фантастическія формы и прорѣзаются глубокими ущельями. Безжизненные камни

скалы оживляются тѣмъ поразительнымъ развитіемъ пернатого царства, которое свойственно крайнему сѣверу. Густыми бѣлыми тучами поднимаются на воздухъ серебристыя чайки (*Larus tridactylus*) при приближеніи парохода и затѣмъ опять спускаются на воду за кормою, ища нѣтъ ли чѣмъ поживиться. Едва которая-нибудь изъ нихъ выловитъ кусочекъ повкуснѣе, какъ съ раздирающимъ крикомъ бросается на нее бурый длиннохвостый поморникъ (*Lestris parasitica*) и успокаивается лишь тогда, когда отобьетъ у чайки добычу. Въ воздухѣ надъ нами кружатся крачки (*Sterna arctica*), издавая пронзительные крики, тогда какъ тупики (*Mormon arcticus*) и чистики (*Uria troile*) колыхаются группами на поверхности моря и время отъ времени исчезаютъ подъ водою, оставляя за собою лишь расходящіеся круги. Кое-гдѣ намъ попадались бакланы (*Phalacrocorax cristatus*) и буревѣстники (*Procellaria*

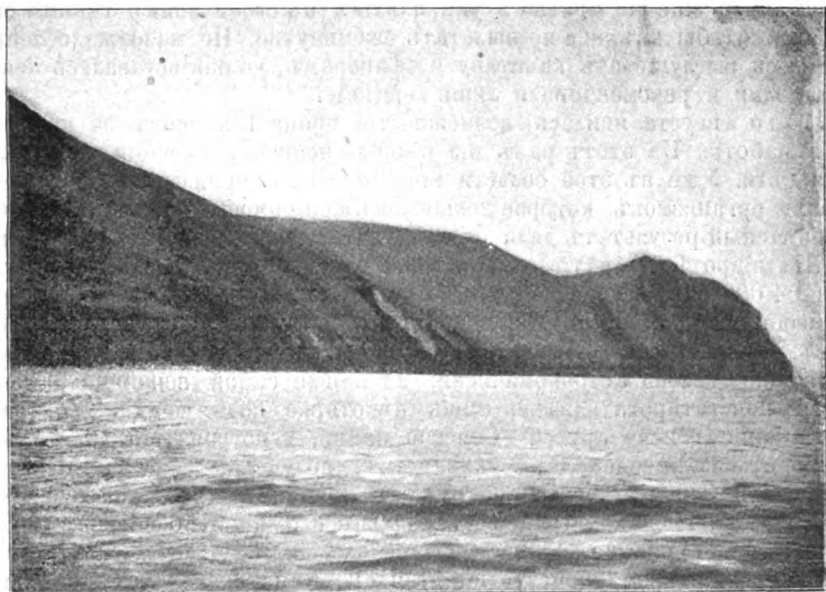

Рис. 8. Островъ Зюдерозъ.

glacialis), граціознымъ полетомъ которыхъ мы имѣли случай любоваться еще долгое время послѣ того, какъ покинули Фарѣрскіе острова.

Когда съ «Вальдивіи» раздался свистокъ, гулко разнесшійся по всему побережью, эхомъ отражаясь отъ стѣнъ, все пернатое населеніе, обезумѣвъ отъ ужаса, поднялось въ воздухъ и долго носилось съ неумолкающимъ крикомъ. Свистокъ этотъ напугалъ, впрочемъ, и жителей двухъ находящихся на островѣ селеній—они выбѣжали на берегъ изъ своихъ каменныхъ домиковъ и даже пасторъ выбѣжалъ изъ церкви.

Мы обошли островъ Зюдерозъ съ сѣвера, полюбовались на чудную группу другихъ Фарѣрскихъ острововъ, вырисовывавшихся въ фіолетовой дымкѣ, и направились прямо на югъ, держа курсъ на Канарскіе острова.

Повышеніе температуры воды на поверхности и бдльшая теплота воздуха указали намъ ясно, что мы вступаемъ въ область Гольфштрома;

его присутствіе обнаружилось и ухудшеніемъ погоды. Вечеромъ 9-го августа усилился южный вѣтеръ, вскорѣ онъ перешелъ въ юго-западный и западный и разыгрался въ настоящую бурю. Съ небольшими перерывами море бушевало до 13-го августа, и лишь 15-го мы могли снова приняться за прерванныя работы. Въ теченіе этихъ дней мы получили тяжелый урокъ морского плаванія, — всѣ люки были задраены, по палубѣ можно было ходить, лишь держась за веревку; все, что было плохо укрѣплено, приходило въ движеніе — въ лабораторіи не умолкалъ звонъ стеклянной посуды, въ библиотекѣ книги вылетали съ полокъ и отправлялись путешествовать, тогда какъ въ каютахъ членовъ экспедиціи, еще не привыкшихъ къ морскимъ предосторожностямъ, сапоги, складные стулья, чемоданы, письменныя принадлежности, не исключая чернильницъ и бавокъ съ гумми-арабикомъ, перемишались въ одинъ сплошной хаосъ. О снѣ нечего было и думать, такъ какъ никто еще не привыкъ укрѣпляться въ своей койкѣ такимъ способомъ, чтобы изъ нее не вылетать ежeminутно. Не мало жалобъ приходилось выслушивать капитану и офицерамъ, но они оставались невозмутимыми и рекомендовали лишь терпѣніе.

15-го августа явилась возможность приняться снова за прерванныя работы. На этотъ разъ мы рѣшили испробовать наши вертикальныя сѣти. Уже въ этой области моря мы были поражены тѣмъ количествомъ организмовъ, которое добывалось при помощи этихъ аппаратовъ. Прекрасный результатъ дали на слѣдующій день и замыкающіяся сѣти.

На широтѣ Гибралтара и острова Мадеры поднимаются съ глубины 4.000 метровъ подводныя банки, представляющія изъ себя группы подводныхъ вулкановъ. Мы попробовали отыскать одну изъ этихъ бавокъ, именно банку Жозефины, но такъ какъ положеніе ея не было точно опредѣлено астрономически, не нашли самой вершины банки и могли констатировать здѣсь лишь нѣкоторое поднятіе дна. Удачѣе были наши поиски другой — Севской банки, у острова Мадеры, мы ее легко отыскали, благодаря указаніямъ, полученнымъ отъ «Silvertown Submarine Telegraphic Comragну» въ Лондонѣ. На самой серединѣ этой банки мы подняли драгу съ глубины всего лишь 150 метровъ и получили въ ней огромное количество морскихъ лилій (*Antedon phalangium*).

Въ то же время присутствіе теплаго Канарскаго теченія, — одной изъ вѣтвей Гольфштрома, — сказилось болѣе богатымъ развитіемъ животной жизни на поверхности. Цѣлыми роями покрывали поверхность моря голубыя парусники (*Velella*), напоминающіе по своей формѣ лодку, фіолетовыя янтины (*Janthina*) плавали при помощи своего длиннаго, наполненнаго воздухомъ поплавка, который они устриваютъ изъ слизи, выдѣляемой на ногѣ. Къ нимъ присоединялись иногда синеватые на спинѣ и серебристые на брюшной сторонѣ голые моллюски глаукусы (*Glaucus*), держащіеся у поверхности, также благодаря оригинальному приспособленію, — они заглатываютъ воздухъ, который сохраняется въ желудкѣ и поддерживаетъ ихъ. Основная окраска всѣхъ организмовъ: свободно плавающихъ на морской поверхности и увлекаемыхъ вѣтрами и теченіями, — синяя, вполне естественно, что она служитъ имъ защитою, приближая ихъ къ голубой окраскѣ океана.

ГЛАВА II.

Канарскіе острова.—Тенериффскій пикъ.—Экскурсія по побережью.—Драконово дерево въ мѣстечкѣ Икодъ.—Путешествіе черезъ островъ.—Санта-Крудъ.—Ласъ-Пальмась.

Около полудня 20-го августа мы замѣтили Тенериффскій пикъ. Въ голубоватой дымкѣ тумана вырисовывался постепенно все яснѣе и яснѣе силуэтъ этой огромной вершины, вышиною въ 3.716 метровъ. Черезъ нѣсколько часовъ на восточной оконечности острова обрисовался изрѣзанный ущельями гребень Анагскихъ горъ и стали замѣтны бѣлые домики двухъ лежащихъ на значительной высотѣ селеній Витторія и Матанца,—названія ихъ вызываютъ въ памяти тѣ времена, когда испанцы, поборовъ геройское сопротивление туземцевъ—гуанчей, завладѣли Канарскими островами. Постепенно, по мѣрѣ нашего приближенія къ сѣверному берегу, выступали яснѣе всѣ детали ландшафта. Передъ нами простиралась роскошная долина Оротавы, ограниченная слѣва высотами св. Урсуды и темной каймою пихтовыхъ лѣсовъ, справа—крутымъ обрывомъ горы Тигаига. Главный городъ сѣвернаго берега—Оротавъ—видѣлся вдали, волны моря съ грохотомъ разбивались, ударяясь о прибрежные рифы изъ обломковъ лавы.

Я стоялъ у борта, глядяваясь въ раскрывающуюся картину, подавленный пѣлымъ роємъ воспоминаній. Здѣсь 11 лѣтъ тому назадъ я провелъ 8 мѣсяцевъ въ тихой научной работѣ. Все осталось по старому, все тотъ же великолѣпный видъ развертывался теперь опять передъ моими глазами! Всюду видѣются потоки лавы, сбѣгающіе къ морю—издали можно прослѣдить, какъ они поднимаются до самаго кратера. Лучеобразно спускающіяся съ высотъ ущелья прорѣзаютъ вулканическую породу и оглашаются грохотомъ горныхъ ручьевъ. Обрывы и склоны покрыты роскошною зеленью богатѣйшей флоры Канарскихъ острововъ. Вулканическая почва острова удивительно плодородна. Всюду видны результаты дѣятельности человека: вся долина Оротавы усѣяна городками, деревнями, отдѣльными вилами и часовнями. Между сплошными плантаціями разсѣяны въ одиночку характерные представители канарской флоры: канарскія пальмы, у которыхъ крона гораздо гуще, чѣмъ у финиковыхъ, причудливыя драконовыя деревья и торчащія, какъ канделябры, у скалистыхъ стѣнъ молочай придаютъ ландшафту своеобразный отпечатокъ. Выше завѣса облаковъ препятствуетъ взору и обильно снабжаетъ влагою зону лавровыхъ лѣсовъ, которые, къ сожалѣнію, за послѣднее время очень сильно повыврублены. Темная зелень пихтъ вырисовывается выше облаковъ и достигаетъ до самаго гребня Кумбрійскаго хребта. Надъ всѣмъ окружающимъ царитъ гигантскій черноватый конусъ—вершина Тенериффскаго пика. Онъ поднимается изъ градиознѣйшаго горнаго

цирка въ мірѣ. При взглядѣ на него мнѣ живо припоминаются тѣ прогулки по заполненному лавой и пепломъ прежнему кратеру вулкана, которыя я совершалъ неоднократно прежде. Поднимающійся въ видѣ порядочныхъ деревьевъ канарскій дракъ (*Spartium nubigenum*) играетъ преобладающую роль среди растительности кратера и, когда онъ весною покрывается бѣлыми цвѣтами, воздухъ наполняется чуднымъ ароматомъ, разносимымъ вѣтромъ на много миль отъ острововъ. Подъемъ къ новому конусу вулкана очень труденъ,—вьючные мулы еле дышатъ подъ тяжестью одѣялъ, воды и провизіи, пока не доплетутся до ночевки, приблизительно на серединѣ разстоянія до вершины вулкана. Ночью не до сна,—чувствуешь себя такимъ одинокимъ и затеряннымъ въ необъятной вселенной, такимъ далекимъ отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ и заботъ... Внизу разстилается царство смерти, царство обломковъ и пепла, надъ головой сверкаетъ жириадами свѣ-

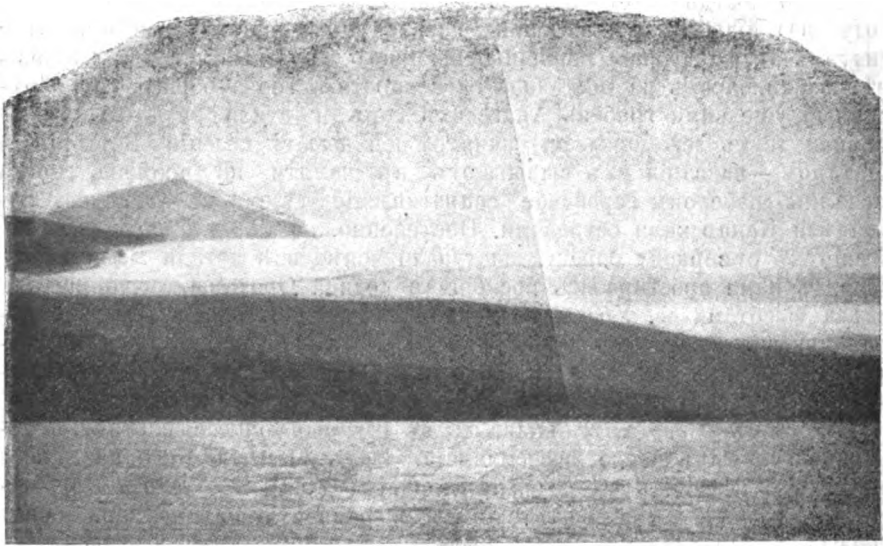

Рис. 9. Тенерифскій пикъ.

тилъ дивное южное небо и, какъ привидѣніе, поднимается темный конусъ вулкана,—онъ также мертвъ, лишь кое-гдѣ показываются клубы бѣлыхъ паровъ, указывая на то, что не совсѣмъ еще онъ уснулъ навѣки, что гдѣ то тамъ внутри сохранились еще слѣды его дѣятельности.... Утромъ снова начинается тяжелый путь черезъ острые обломки обсидіана, черезъ рыхлыя груды вулканическаго пепла... Часто приходится останавливаться, чтобы набрать въ себя воздуха, уже сильно разрѣженнаго на этихъ высотахъ, или чтобы сорвать фіалку, которая и здѣсь умудряется укрѣпиться своимъ корешкомъ въ вулканическомъ пеплѣ. Наконецъ, послѣ долгаго мучительнаго подъема, доберешься до вершины и въ полномъ изнеможеніи сядешь на краю кратера, чтобы полюбоваться видомъ, которому, дѣйствительно, врядъ ли найдется равный въ мірѣ. Подъ ногами разстилается поверхность въ 5700 кв. миль, т. е. равная приблизительно четверти поверхности всей Испаніи. Какъ на картѣ, разбросаны внизу всѣ семь Канарскихъ

острововъ: къ западу— Пальма, Ферро и Гомера, восточнѣе—о. Большой Канарскій и лежащіе ближе къ африканскому матеріку острова Фуертаветура и Лансаротъ. Тенериффа кажется лишь основаніемъ вулканическаго конуса, тѣнь котораго отбрасывается далеко на западъ. У ногъ простирается безграницный океанъ. Кто желаетъ убѣдиться въ необъятности моря, тому надо взглянуть отсюда съ высоты Тенериффскаго пика,—онъ гораздо сильнѣе проникается здѣсь этимъ чувствомъ, чѣмъ во время долгихъ недѣль морскаго путешествія, когда видишь передъ собой постоянно одну безграницную гладь океана. Какъ грандіозна стихія, какимъ малымъ и ничтожнымъ чувствуешь себя, какими крохотными кажутся острова съ находящимися на нихъ селеніями!

Но вотъ раздался выстрѣлъ салюта и разнесся гулко по окрестностямъ—онъ оторвалъ меня отъ нахлынувшихъ воспоминаній и перенесъ въ дѣйствительность. Якорь «Вальдивія», грохоча пѣпью, погрузился въ море и судно наше кочкалось на открытомъ рейдѣ Оротавы. Населеніе, повидимому, недовѣрчиво отнеслось къ нашему огромному бѣлому судну, и лодка съ санитарнымъ надзоромъ приближалась медленно и осторожно. Лишь когда различили германскій флагъ, недовѣрчивость исчезла—значитъ, это не американцы, которыхъ на Канарскихъ островахъ побаиваются, предполагая въ нихъ намѣреніе укрѣпиться здѣсь, несмотря на всѣ мирные договоры! Старинные знакомые съ большимъ радушіемъ приняли насъ въ городѣ и, вспоминая давнія времена, мы провели пріятный вечеръ въ знакомой тавернѣ донны Жуаны. «Кто разъ видѣлъ Канарскіе острова,—говоритъ мнѣ радушная хозяйка,—тотъ ужъ, видно, не можетъ ихъ забыть,—его всегда опять сюда тянетъ».

Въ виду того, что нашъ ботаникъ предполагалъ познакомиться ближе съ характерной флорой Канарскихъ острововъ, мы предприняли на слѣдующій день экскурсію вдоль берега до мѣстечка Икодъ, знаменитаго своимъ старымъ драконовымъ деревомъ. Съ величайшимъ наслажденіемъ освѣжились мы до отхода рано утромъ морскимъ купаньемъ и затѣмъ направились по тихимъ уллицамъ городка и между роскошными плантаціями вдоль берега. Растительность на сѣверной сторонѣ острова поражаетъ свѣжестью и роскошнымъ развитіемъ, несмотря на то, что былъ уже конецъ лѣта, а періодъ дождей еще не начинался. Дорога вела между эвкалиптами, миртовыми деревьями и олеандрами, стоящими во всемъ великолѣпіи своего краснаго наряда цвѣтовъ. Справа открывался видъ на морской берегъ, слѣва—на Кумбрійскій хребетъ и на крутой обрывъ горы Тигаига, закрывающій собою вершину Тенериффскаго пика. Банановыя насажденія и виноградники съ разбросанными кое гдѣ канарскими пальмами и небольшими драконовыми деревьями, чередовались съ полями, которыя орошаются цѣлою системою каналовъ. Мѣстами дорога прерывается ущельями, зигзагами спускается и поднимается по ихъ откосамъ, мѣстами встрѣчаются развалины прежнихъ укрѣпленій—слѣды столѣтней борьбы за обладаніе Канарскими островами, закончившейся пораженіемъ войска гуанчей подъ предводительствомъ ихъ короля Бенкомо. Все круче поднимаются скалистыя громады Тигаига, во многихъ мѣстахъ прорванныя ущельями и покрытыя характерными формами растительности, свойственными Канарскимъ скаламъ. Молочай (*Euphorbia canariensis*), выше человѣческаго роста, своими очертаніями напоминаютъ кактусы, другой видъ молочая (*Euphorbia regis jubae*) походитъ на кустарникъ

коверъ живучекъ (*Sempervivum*) покрываетъ голый камень скалъ, кустарники *Cistus* и развѣтвленные, какъ канделябры, вѣтви сложно-двѣтнаго *Kleinia* выдѣляются всюду между другими представителями флоры. По красотѣ своихъ видовъ крутой берегъ острова Ла-Рамбла можетъ выдержать сравненіе со знаменитѣйшими мѣстами южной Италіи и Канскихъ колоній. Нельзя оторвать взоровъ отъ этихъ дикихъ обрывовъ, стремительно спускающихся къ глубокому морю и ревушему внизу прибою, и отъ этихъ склоновъ, покрытыхъ воздѣланными полями и плантаціями, между которыми тамъ и сямъ выставляются во всей своей красотѣ граціозныя канарскія пальмы.

За Ла-Рамбла дорога проходитъ по обширнымъ полямъ, покрытымъ потоками лавы, и мѣстность становится болѣе однообразной. Все кажется какъ бы высохшимъ и превратившимся въ прахъ, помертвѣвшимъ, и лишь около мѣстечка Икодъ опять встрѣчаешь болѣе богатую растительность. Въ то же время здѣсь открывается чудный видъ на выдѣляющийся теперь конусъ пика, который какъ разъ отсюда наименѣе всего загорается другими горами. Намъ, къ сожалѣнію, не позволили долго любоваться на эту дивную картину облака, опустившіяся густымъ покровомъ и разразившіяся дождемъ, котораго давно уже жаждало все населеніе. Наше появленіе въ мѣстечкѣ вызвало не малое изумленіе—англичанъ-туристовъ, наводняющихъ въ обыкновенное время Канарскіе острова, давно здѣсь уже не было, такъ какъ ихъ напугала война, гостиницы были заперты, и мы не безъ затрудненій отыскивали себѣ уголокъ, гдѣ могли отдохнуть и подкрѣпиться.

Всеобщій интересъ возбудило, конечно, знаменитое драконовое дерево (рис. 10). По своимъ размѣрамъ и роскошному развитію этотъ гигантъ со своими свѣшивающимися съ вѣтвей воздушными корнями и богатой листвою, несомнѣнно, превосходитъ всѣ сохранившіеся на Канарскихъ островахъ экземпляры, не исключая и прославленнаго Гумбольдтомъ драконоваго дерева Оротавы. Въ его вѣтвистости есть что то величественное и въ то же время мрачное, отъ него вѣетъ старинною, чѣмъ то легендарнымъ, сказочнымъ. И дѣйствительно, это дерево видѣло много на своемъ вѣку,—подъ его тѣнью когда то держали народный совѣтъ вмѣстѣ съ своимъ королемъ выборные гуанчей. Сколько лѣтъ могло бы ему быть? Гуанчи потерпѣли пораженіе отъ кастильскихъ рыцарей у мѣстечка Реалейосъ 25 го іюля 1496 года,—два года спустя послѣ того, какъ они разбили на голову закованныхъ въ панцыри испанскихъ рыцарей въ ущельи у Матанца, несмотря на то, что были вооружены лишь копьями и пращами. Борьба за обладаніе Канарскими островами, начавшаяся въ 1402 г. съ высадки норманскаго рыцаря Жана Бетанкура на островѣ Лансаротъ, была этимъ пораженіемъ закончена. 500 лѣтъ, слѣдовательно, протекло съ того времени, когда норманы впервые увидѣли драконовыя деревья и въ виду большой ихъ древности, сочли ихъ священными. Если бы ктонибудь подумалъ, однако, что и въ настоящее время древнія драконовыя деревья считаются національной святыней, то онъ глубоко бы ошибся—любовь къ историческимъ древностямъ мало развита у испанскаго народа, а интересъ къ естественно-историческимъ сокровищамъ и совершенно отсутствуетъ. Знаменитый гигантъ Икода стоитъ въ тѣсномъ маленькомъ садикѣ, стѣна котораго прилегаетъ къ самому стволу и закрываетъ его широкое основаніе даже съ того единственнаго мѣста, откуда на дерево открывается свободный видъ. Владѣлецъ дерева, простой крестьянинъ, предлагалъ мнѣ все свое имѣніе вмѣстѣ съ

деревомъ за 3.500 дурсовъ (около 7.000 руб.) и, вѣроятно, сдѣлалъ бы съ этой суммы значительную скидку, если бы я серьезно имѣлъ желаніе съ нимъ торговаться. Директоръ ботаническаго сада въ Оротавѣ, швейцарецъ Вильдретъ, рассказывалъ мнѣ, что раньше этотъ

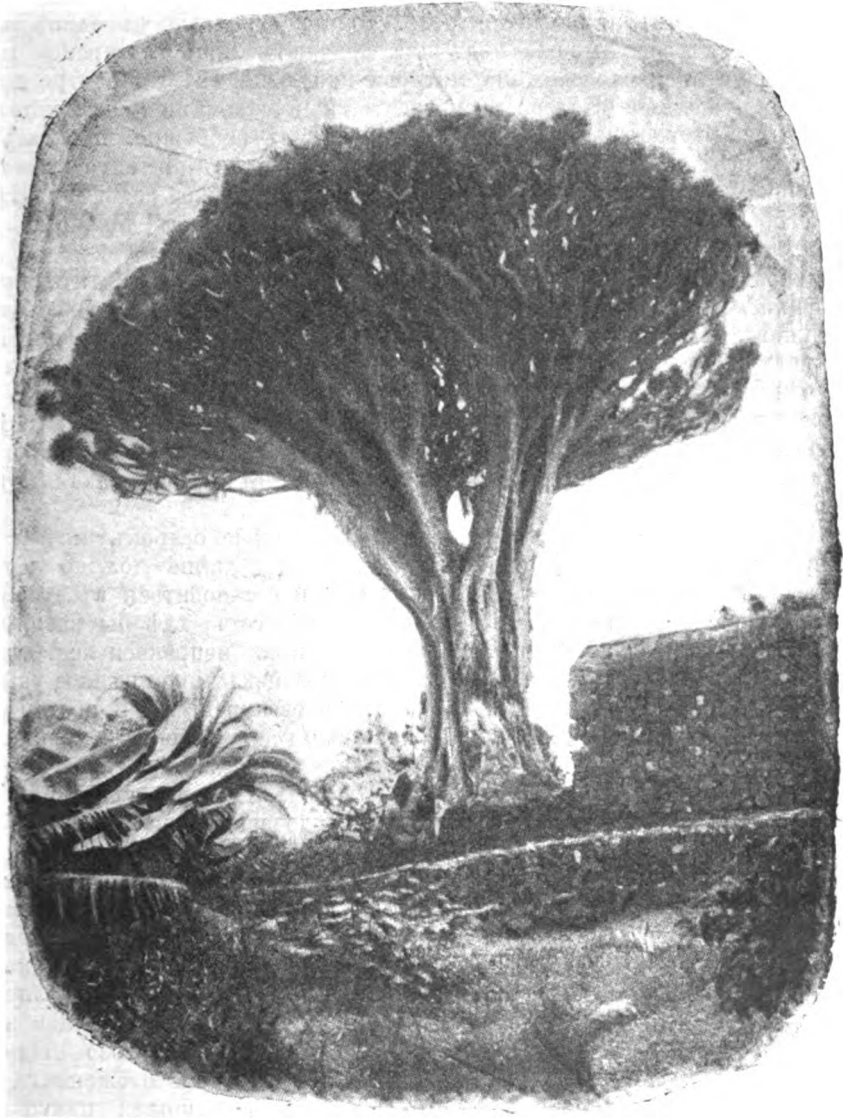

Рис. 10. Драконово дерево въ Икодѣ.

крестьянинъ просто-на-просто хотѣлъ срубить знаменитое дерево, такъ какъ оно слишкомъ затѣняло садъ,—лишь въ послѣдствіи, когда его садъ стали посѣщать иностранцы, съ которыхъ ему постоянно кое что перепадало, онъ измѣнилъ свое намѣреніе.

Икодъ, -- маленькій городокъ, привлекающій путешественниковъ

лишь своимъ драконовымъ деревомъ и величественнымъ видомъ на Тенериффскій пикъ. Въ немъ вы не найдете древне-испанскихъ дворцовъ, какіе послѣ завоеванія Тенериффы были возведены знатно въ Оротавѣ и Лагунѣ и выстроены столь прочно, что сохранились въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до настоящаго времени. Галлерей домовъ въ Икодѣ построены изъ канарской пихты, а лѣстницы изъ драгоцѣнныхъ стволовъ лавроваго дерева. Домики скромные, въ одинъ или два этажа, и своеобразный видъ имъ придаютъ лишь галлерей и рѣшетчатые ставни оконъ. Дома, которые побольше, имѣютъ внутри дворикъ, окруженный галлереею и засаженный пальмами и цвѣтущими растеніями. Чужестранца встрѣчаютъ здѣсь съ необыкновеннымъ радушіемъ и угощаютъ стаканомъ напитка ваиболѣе пріятнаго въ жаркую пору,—именно, стаканомъ прохладной фильтрованной воды. Фильтръ изъ особаго известняка, добываемаго въ Ласъ-Пальмасть, можно найти въ каждомъ домѣ.

Небольшая возвышенность, съ которой открывается восхитительная панорама, увѣнчана простенькой по своей архитектурѣ церковью. Какъ разъ когда мы собирались уходить, изъ этой церкви вышла процессія, совершавшая благодарственное богослуженіе, по поводу только что полученнаго извѣстія объ окончаніи войны съ Америкой. Всюду по острову намъ попадались группы солдатъ-резервистовъ въ голубыхъ курткахъ, которые открыто выражали свою радость, что Канарскіе острова не попали въ районъ военныхъ дѣйствій и не пострадали отъ американскаго военнаго флота.

На слѣдующій день мы предположили пересѣчь островъ и выйти на противоположную сторону, тогда какъ судно наше должно было сняться съ якоря, обойти островъ кругомъ и остановиться въ гавани Санта-Круца. На островѣ мало уже осталось мѣсть, гдѣ бы прежняя туземная растительность сохранилась во всей неприкосновенности, особенно мало лавровыхъ лѣсовъ, представляющихъ такое цѣнное украшеніе острова. Ближайшей цѣлью нашей экскурсіи мы и поставили себѣ добраться до одного такого сохранившагося уголка—стариннаго лавроваго лѣса на горномъ хребтѣ у Такоронте. Мы распростились съ нашей радушной хозяйкой донной Жуаной, у которой такъ пріятно проводили время въ обществѣ ея милыхъ дочерей, и направились по дорогѣ, ведущей къ городу Лагуна.

Съ вершины горы св. Урсулы, гдѣ пальмы собраны въ небольшія рощицы, открывается живописный видъ на то поистинѣ райское мѣстечко земного шара, которое называется долиной Оротавы. Далѣе дорога идетъ по болѣе бесплодной мѣстности, покрытой агавами и кактусами и имѣющей болѣе итальянскій характеръ. Идти подъ солнечнымъ зноємъ между сжатыми уже полями, на которыхъ туземцы занимались очисткой зерна и вѣяніемъ, было очень утомительно. Наконецъ, мы замѣтили темную полосу лавроваго лѣса, расположеннаго у Аква-Гарціа. Онъ окруженъ лишь здѣсь встрѣчающимся падубомъ (*Plex platyphyllus*) и древовиднымъ верескомъ (*Erica arborea*) и состоитъ самъ, главнымъ образомъ, изъ канарскаго лавра (*Laurus canariensis*) и другого дерева, носящаго у туземцевъ названіе «винатико» (*Persea indica*). Роскошно разрастающіеся здѣсь кустарники, прикрѣпленные къ стволамъ деревьевъ папоротники и масса ползучихъ растеній, напоминающихъ уже собою ліаны тропиковъ, оживляютъ лѣсъ и дѣлаютъ его болѣе разнообразнымъ. Судя по всему, однако, надо думать, что не смотря на строгіе лѣсные законы, которые и здѣсь,

какъ вездѣ, плохо выполняются, лавровый лѣсъ все же сильно вырубаются. Онъ показался мнѣ болѣе рѣдкимъ, чѣмъ былъ по воспомина- ниямъ при моемъ первомъ посѣщеніи; возможно, впрочемъ, что здѣсь виновато отчасти сухое время года. На скалистыхъ стѣнахъ одного изъ журчащихъ ручейковъ мы замѣтили свѣспивающіяся пети ра- стенія *Woodwardia*, тогда какъ въ глубинѣ разсѣлины нашли побѣги темно-зеленаго *Trichomanes radicans*. Этотъ лѣсъ у Аква-Гарція зна- чительно уступаетъ по прелести вѣчно зеленымъ лѣсамъ на островѣ Пальма, гдѣ царитъ таинственный полумракъ, но, тѣмъ не менѣе, на челоуѣка, попадающаго сюда впервые, онъ производитъ захватываю- щее впечатлѣніе. Спутники мои такъ увлеклись имъ, что мы пробыли здѣсь почти цѣлый день и лишь подъ вечеръ выбрались отсюда и пріѣхали въ городокъ Лагуна, бывшій когда-то столицей Teneriffy. Своими старинными дворцами, свидѣтельствующими о быломъ могуще- ствѣ и благосостояніи, городокъ, расположенный на довольно пустынной равнинѣ, производитъ меланхолическое впечатлѣніе, хотя теперь, лѣтомъ, въ немъ еще больше жизни, чѣмъ зимою,—сюда спасаются отъ жары жители Санта-Круца, ища прохлады на высотахъ. И здѣсь имѣется старое драконово дерево, но оно разрослось больше въ ширину и, благодаря своему толстому стволу, производитъ болѣе неуклюжее впе- чатлѣніе.

Когда мы спускались по многочисленнымъ зигзагамъ на южную сторону острова къ центру дѣловой дѣятельности Teneriffy, городу Санта-Круцъ, намъ казалось, что мы переносимся изъ райскихъ са- довъ въ уголокъ Сахары: все было пусто, голо, покрыто пылью, засу- шено. Мы были рады-радешеньки, когда, миновавъ раскаленные улицы города, попали, наконецъ, на палубу «Вальдивіи» и пріятно провелъ вечеръ въ бесѣдѣ со своими соотечественниками, живущими въ Санта-Круцѣ.

Уже при приближеніи къ Канарскимъ островамъ воздухъ утратилъ свою обычную прозрачность, теперь же онъ становился постепенно какъ бы болѣе сгущеннымъ, и предметы принимали тускляя, не- опредѣленные очертанія. Ночью мы снялись съ якоря и отправились къ острову Большому Канарскому, который даже послѣ восхода солнца сталъ замѣтень, лишь когда мы подошли къ нему совсѣмъ близко. Обу- словливалось это большимъ количествомъ въ воздухѣ мельчайшей пыли.

Столица острова, городъ Ласъ-Пальмасъ, была также скрыта отъ взоровъ облаками пыли. Мы воспользовались непродолжительной стоян- кой, вызванной необходимостью принять здѣсь уголь, для того, чтобы осмотрѣть городъ. На ведущей къ гавани широкой улицѣ, по которой ходитъ трамвай, наметены положительно песчаная дюны, массы пыли поднимаются на воздухъ вихремъ и дѣлаютъ пребываніе здѣсь въ концѣ лѣта положительно невозможнымъ. Между тѣмъ, какъ разъ по этой улицѣ расположились, вѣроятно по ошибкѣ, всѣ новѣйшіе, пре- восходно отстроенные отели,—они далеки даже отъ морского купанья. Какъ это ни странно, но говорятъ, что все же отели эти переполнены зимою англійскими туристами.

Вліяніе засухи сказывалось здѣсь еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ Санта-Круцѣ,—рѣка Гвинигвада совершенно высохла. Лишь въѣхавъ въ городъ, мы были пріятно удивлены его очевиднымъ благосостояніемъ.

Между всѣми городами, носящими европейскій характеръ, Ласъ- Пальмасъ едва ли не наиболѣе южный. Населеніе его свободно отъ притока чужой крови и сохранилось вполне чистымъ, такъ какъ вся-

кія сношенія съ берберійскими племенами африканскихъ береговъ, строго запрещены; особенно это запрещеніе касается канарскихъ рыбаковъ, которые утилизируютъ поразительныя рыбныя богатства, скрывающіяся въ нѣдрахъ океана между Канарскими островами и материкомъ. Ласъ-Пальма съ производитъ впечатлѣніе настоящаго южно-испанскаго города не только по составу своего населенія, но даже и по внѣшнему виду своихъ домовъ и католическихъ соборовъ, возведенныхъ изъ темнаго камня. Благодаря энергіи купечества и интеллигентности плантаторовъ, умѣло эксплуатирующихъ природныя богатства острова, удалось легко пережить тяжелые кризисы, созданныя паденіемъ культуры сахарнаго тростника и кошенили. Въ теченіе долгаго времени прекрасная гавань города давала ему преимущество надъ Санта-Крусемъ, но затѣмъ столица Тенериффы, издавна ревниво оспаривавшая первенство, не побоялась огромныхъ затратъ и возвела большой молъ, также прекрасно оградившій ея рейдъ,—въ настоящее время пароходное сообщеніе распределяется почти равномерно между обѣими гаванями. Отношеніе Канарскихъ острововъ къ метрополи съ давнихъ временъ самое тѣсное—они представляютъ изъ себя не колонію, а одну изъ провинцій Испаніи. Нравственность жителей стоитъ высоко,—ни одна испанская провинція и, пожалуй, не многія мѣстности Европы могутъ похвастаться такимъ незначительнымъ процентомъ преступниковъ противъ собственности и жизни. Тѣ черты жестокости, которыя присущи гордому и самолюбивому испанцу, не свойственны жителямъ Канарскихъ острововъ, здѣсь неизвѣстны кровавыя бои, называемыя боемъ быковъ, и не пользуются всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ невѣжественныя тореадоры.

Не отсутствуютъ въ Ласъ-Пальма и высшія духовныя стремленія, даже стремленіе къ наукѣ,—въ этомъ убѣдило насъ присутствіе недурнаго музея, въ которомъ собраны единственныя въ своемъ родѣ коллекціи, относящіяся ко времени гуанчей. Я не преминулъ сдѣлать визитъ маститому основателю этого музея, извѣстному историку Канарскихъ острововъ дому Грегорио Чиль-и-Наранчо, своему давнишнему знакомому. Старая мальвазія, которую онъ добылъ изъ своего погреба на радостяхъ, приплась очень кстати, такъ какъ, проѣзжая по городу и по прилегающему къ нему Барранко Секо, мнѣ пришлось порядочно наглоутаться пыли.

ГЛАВА III.

Морскія теченія.—Ловля акуль.—Боависта.—Гвинейское теченіе.—Фауна поверхности моря.—Черные дельфины.—Прохожденіе экватора.—Праздникъ Нептуна.

Когда мы покинули Канарскіе острова, наступила съ 20-го августа пасмурная погода, державшаяся долгое время. Воздухъ былъ тяжелымъ и влажнымъ, небо покрыто облаками и кругозоръ ограниченъ туманомъ. Это не была, впрочемъ, типичная погода пассатныхъ вѣтровъ, какую мы могли бы уже въ данное время встрѣтить въ этой мѣстности. Во время нашего прохожденія сказывалась очень чувствительно близость пустыни, — тончайшая красноватая пыль осаждалась на подвѣтренной сторонѣ судна и въ особенности на тентѣ, т.-е. парусѣ, растянутомъ надъ палубой, чтобы предохранить насъ отъ жгучихъ лучей солнца. Парусъ этотъ окрашивался въ явственный красноватый цвѣтъ. Постоянный сѣверо-восточный пассатъ не только уноситъ изъ пустыни мельчайшія частички почвы, поднимаемая вихрями, но и обусловливаетъ у береговъ въ области Сахары весьма своеобразное явленіе—подъемъ на морскую поверхность холодной воды съ глубинъ. Для объясненія этого явленія я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе.

Еще Гершель и Франклинъ доказывали въ свое время, а недавно скончавшійся географъ Цёпприцъ подтвердилъ и математическими выкладками, что морскія теченія, имѣющія постоянное направленіе, зависятъ главнымъ образомъ отъ передвиженія поверхностныхъ слоевъ воды вѣтромъ,—главнымъ двигателемъ теченій являются преобладающіе вѣтры. Въ той области, которая лежала теперь передъ нами, находятся три крупныхъ морскихъ теченія, имѣющихъ огромное значеніе для всего экваторіальнаго района Атлантическаго океана: сѣверное экваторіальное теченіе, идущее съ востока на западъ, Гвинейское теченіе, направляющееся съ запада на востокъ, и, наконецъ, южно-экваторіальное теченіе, идущее въ томъ же направленіи, какъ и сѣверное (см. приложенную карту теченій). Теченія эти стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ вѣтрами: сѣверное экваторіальное теченіе находится въ области сѣверо-восточнаго пассата, Гвинейское теченіе—въ области юго-западнаго муссона, тогда какъ южно-экваторіальное теченіе — въ области юго-восточнаго пассата.

Сѣверо-восточный пассатъ отгоняетъ отъ африканскихъ береговъ нагрѣтые верхніе слои воды въ океанъ и, вслѣдствіе этого, недостатокъ воды пополняется притекающими съ глубинъ нижними слоями, которые приносятъ на поверхность болѣе холодную воду.

Чтобы познакомиться ближе съ этимъ явленіемъ, мы направили нашъ курсъ отъ Большаго Канарскаго острова прямо къ африканскому

берегу, именно, къ выдающемуся на немъ пункту, носящему названіе мыса Боядоръ. Поднятіе холодныхъ слоевъ воды было нами констатировано, однако, въ менѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ предыдущими изслѣдователями. Температура поверхности воды, пока мы находились вблизи берега (24-го августа мы были отъ берега въ разстояніи всего 40 морскихъ миль), колебалась между $+20,5^{\circ}$ и $+22^{\circ}$. Когда мы снова вышли въ открытый океанъ, она стала быстро подниматься и достигла 27-го августа $+26^{\circ}$. Если принять во вниманіе, что температура въ различныхъ областяхъ теченія замѣчательно постоянна, то полученная разница уже заслуживаетъ большого вниманія.

Сильное волненіе, обусловленное сѣверо-восточнымъ пассатомъ, значительно затрудняло наши обычные работы по измѣренію глубинъ и глубоководныхъ температуръ и по добыванію зоологическаго матеріала. Судно сильно кренилось то въ ту, то въ другую сторону, и волны то и дѣло перекачивались черезъ палубу. Наши химикъ и бактериологъ были принуждены приказать задрать люки, ведущіе въ ихъ лабораторіи, а зоологамъ нерѣдко приходилось ловить на лету уходящіе изъ ихъ рукъ микроскопы.

27-го августа мы только что начали производить спускъ нашей вертикальной пелагической сѣти, какъ раздался крикъ капитана съ мостика, что у самага судна видна большая акула. Это извѣстіе мигомъ облетѣло все судно, и всѣхъ привело въ движеніе. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ бросается на ютъ и одинъ изъ офицеровъ судна прикрѣпляетъ на приготовленный уже для такого случая большой крюкъ кусокъ сала. Вскорѣ, дѣйствительно, мы замѣчаемъ въ водѣ коричневатую сѣрую спину, большіе грудные и спинной плавники и широкую, голову огромной акулы - людюда (*Carcharias*). Она, повидимому, уже почуяла добычу, но долго еще не приближалась къ приманкѣ. Особенно интересное зрѣлище представляли сопровождающіе акулу полосатые, какъ зебры, лопмана ея (*Naucrates ductor*), они неутомимо слѣдили за всѣми поворотами своего гиганта - товарища и то мелькали надъ его головою, то исчезали у него подъ грудными плавниками. Всѣ съ напряженіемъ слѣдятъ за движеніями страшнаго хищника, но вотъ, наконецъ, акула поворачивается на бокъ, и хватается сало своею огромною пастью. Это служитъ сигналомъ тащить, и всѣ хватаются наперерывъ за веревку, но... напрасно!—сало сорвалось, и крюкъ не захваченъ. Пока прикрѣпляютъ другой кусокъ, раздается опять крикъ съ мостика, что показалась вблизи еще одна акула, не проходить минуты, какъ замѣчаемъ еще одну и, наконецъ—четвертую. Медленно и спокойно описываютъ чудовища большіе круги впереди носовой части судна, имъ бросаютъ еще одинъ крюкъ, наживленный саломъ. Немного погодя на первый крюкъ попалась одна изъ акулъ—железо вонзилось въ ея пасть. Трудно описать то ликованіе, которое обуяло всю команду! Извѣстіе о томъ, что на крюкъ попалась акула, быстро проникло и въ машинное отдѣленіе и въ камбузь, и въ каютъ-компанію, и отовсюду бѣгутъ люди и съ ожесточеніемъ хватаются за веревку и тянутъ изо всѣхъ силъ, тогда какъ виновница всего переполоха, выхваченная изъ своего природнаго элемента, дико извивается на крюкѣ и хлещетъ хвостомъ по бортамъ судна, такъ что далеко разносятся звуки ея ударовъ. Но вотъ треугольная голова чудовища показывается изъ за борта, изъ нея струится кровь, страшные зубы выдаются изъ угрожающе раскрытой пасти. Еще одно мгновеніе—и хищникъ лежитъ на палубѣ и яростно бьетъ сильнымъ хвостомъ во всѣ стороны.

Тутъ уже нужна осторожность, чтобы не подвернуться подъ страшный ударъ! Бодманъ бросается на акулу съ поднятой тяжеловѣсной дубиной, судовой плотникъ спѣшитъ съ топоромъ, другіе матросы стараются накинуть на извивающійся хвостъ петлю каната. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, это, наконецъ, удается, канатъ перебрасываютъ черезъ блокъ и поднимаютъ добычу на воздухъ. Большого труда стоитъ спасти животное отъ топоровъ и ножей команды,—если бы не наше энергичное заступничество, матросы, навѣрное, изрубили и изрѣзали бы ее въ куски: акула — страшный врагъ моряка, и если тому удастся до нее добраться, то ужъ онъ на ней вымещаетъ всю накопившуюся злобу. Никогда мнѣ не приходилось слышать болѣе грубыхъ и ужасныхъ ругательствъ, какъ тѣ, которыя изливались на голову уже безвреднаго чудовища!

Пока мы были заняты еще съ первой жертвой, громкій крикъ радости, пронесшійся по пароходу, возвѣстилъ намъ поймку второй акулы. Вскорѣ попались на крюкъ и третья, и четвертая. И каждый разъ повторяются тѣ же сцены всеобщаго оживленія, даже поваръ по является на палубѣ и своимъ вертеломъ помогаетъ укрощать свирѣпо отбивающихся чудовищъ. Между тѣмъ судно наше продолжаетъ дѣлать широкіе размахи, отъ времени до времени волна вырастаетъ горой и раскатывается по палубѣ. Рьяный фотографъ, только что нацѣлившійся своимъ моментальнымъ аппаратомъ, качаясь съ ногъ до головы такой набѣжавшей волною, другіе принуждены ухватиться за снасти, чтобы не быть сброшенными въ лужи крови, набѣжавшія изъ зияющихъ ранъ побѣжденныхъ морскихъ чудовищъ.

Всѣ кто не пострадалъ отъ соленой влаги, которую Нептунъ мстилъ очевидно, за безвременную гибель своихъ дѣтищъ, собрались вокругъ пойманной добычи и выслушивали объясненія зоологовъ. По ихъ словамъ, это акула-людоедъ (*Carcharias Lamia*), — видъ наиболѣе часто встрѣчающійся въ этихъ областяхъ моря и характеризующійся необыкновенной шириной грудныхъ плавниковъ, положеніемъ передняго спинного плавника, закругленной мордой и формой своихъ сильно заостренныхъ зубовъ. Мы измѣрили одинъ изъ экземпляровъ и нашли, что длина его отъ конца морды до конца хвоста довольно значительна — 2,48 метра. При вскрытіи, произведенномъ для того, чтобы приготовить въ видѣ анатомическихъ препаратовъ мозгъ, сердце и спиральную кишку животного, оказалось, что желудки акулъ пусты,—по всей вѣроятности, ихъ томилъ жесточайшій голодъ, иначе нельзя объяснить, какъ могли намъ попасться подрядъ всѣ 4 экземпляра. Акулы и позднѣе нерѣдко появлялись вблизи нашего судна, особенно во время остановки, онѣ заставляли насъ иногда поостеречься и не спускать нашей маленькой лодочки для пелагическаго лова.

Увлечшись охотой, мы и не замѣтили, что пересѣкли тропикъ,—на это намъ скоро указало повышеніе температуры и увеличеніе влажности воздуха. Платье въ шкафахъ, сапоги, кожаные переплеты книгъ и даже сигары начали покрываться зеленымъ налетомъ плесени, а наши инструменты и стальные пружины—ржавѣть.

Сильный пассатъ занесъ къ намъ съ материка множество птицъ, которыя въ полномъ изнеможеніи опускались къ намъ на судно, ища на немъ отдыха. Несмотря на то, что мы находились на большомъ разстояніи отъ берега, количество видовъ птицъ, залетѣвшихъ къ намъ, было замѣчательно велико, между ними главную роль играли сорокопуты и мелкія пѣвчія; вскорѣ онѣ принялись у насъ на палубѣ охотиться

за занесенными вѣстѣ съ ними бабочками и другими насѣкомыми. На растянутомъ тентѣ мы собрали богатую коллекцію такихъ занесенныхъ насѣкомыхъ.—явное доказательство того, что въ распространеніи летающихъ насѣкомыхъ вѣтеръ и суда имѣютъ не маловажное значеніе. 28-го августа, наприимѣръ, мы собрали на тентѣ 50 бабочекъ, относящихся къ 15 видамъ.

Лишь вблизи острововъ Зеленаго Мыса, куда мы подошли 29-го августа, погода измѣнилась. Перемѣна эта сопровождалась сильнѣйшимъ ливнемъ, давшимъ сразу 19,6 мм. осадковъ и понизившимъ температуру воздуха съ 27,5° до 24° С. Мы были истомлены жарой и обрадовались ливню,—тотчасъ же явилась мысль воспользоваться имъ какъ душемъ, благо на нашѣмъ суднѣ не было ни одной дамы.

Уже ночью на 29-ое былъ замѣтенъ на горизонтѣ самый восточный изъ острововъ Зеленаго Мыса—Боависта. Островъ сильно вытянутъ въ длину, съ выдающимися въ море дюнами и голыми отдѣльными вершинами, далеко не похожими на живописные конусы Канарскихъ острововъ. Нигдѣ нѣтъ растительности, за исключеніемъ долинъ, въ которыхъ виднѣются мѣстами зеленыя полосы. Роскопный тропическій вечеръ послѣ грозы познакомилъ насъ здѣсь впервые съ тѣмъ великолѣпнымъ смѣшеніемъ яркихъ красокъ, которое нерѣдко приходилось потомъ наблюдать въ тропикахъ. Островъ казался фіолетовою, а по заходѣ солнца черною массою, тогда какъ на западѣ облака были окрашены въ кроваво-красный цвѣтъ, а море, казалось, состояло изъ расплавленного свинца...

Обошедши островъ Боависту, неподалеку отъ котораго мы сдѣлали нѣсколько удачныхъ глубоководныхъ лововъ драгою и добыли интересныя стеклянныя губки и коралловъ съ оранжевыми полипами, мы измѣнили курсъ и направились на юго-востокъ.

Уже 31-го августа мы вступили въ область направляющагося на востокъ Гвинейскаго теченія,—теплая, мало соленая и темно-синяя вода котораго въ теченіе слѣдующихъ недѣль доставила намъ невѣроятное количество драгоцѣннѣйшихъ животныхъ для нашихъ коллекцій. Эта область моря принадлежитъ къ интереснѣйшимъ районамъ экваторіальнаго Атлантическаго океана и потому будетъ, пожалуй, не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ея природѣ. Что касается до температуры поверхности моря, то первоначально она была замѣчательно высока, достигая южнѣ Зеленаго Мыса 27,8°. Съ приближеніемъ къ экватору температура понизилась, очевидно, подъ вліяніемъ юго-западнаго муссона. Особенно замѣчательно, однако, отношеніе температуръ на глубинахъ: съ глубиною температура сильно падаетъ, напр., при температурѣ поверхности въ 26,6°, на глубинѣ 60 метровъ +19,3°, на глубинѣ 600—+7,7°, на глубинѣ 1.200—+4,4° С. При сравненіи Гвинейскаго теченія съ Гольфштромомъ или съ экваторіальнымъ теченіемъ, оказывается, что глубинныя температуры перваго значительно ниже,—такъ, въ Канарскомъ теченіи на глубинѣ 600 метровъ была констатирована температура 11,9°, а на глубинѣ 1.000 метровъ—+9,9° С. Изъ этого ясно, что глубокие слои воды сѣверо-экваторіальнаго теченія и Гольфштрома прогрѣваются сильнѣе, чѣмъ въ области Гвинейскаго теченія. Это находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что юго-западный муссонъ влечетъ за собою, при высокомъ содержаніи влаги въ воздухѣ, пасмурную и дождливую погоду при постоянно затянутомъ облаками небѣ. Испареніе съ морской поверхности уменьшается, низвергающіеся потоки дождя понижаютъ соленость морской

воды, и вода, имѣя меньшій удѣльный вѣсъ, сильнѣе прогрѣвается и не опускается на глубины. Съ другой стороны, въ областяхъ болѣе сѣверныхъ сѣверо-восточный пассатъ обуславливаетъ ясную погоду и вызываетъ болѣе сильное испареніе на поверхности моря. Вслѣдствіе этого морская вода становится тяжелѣе, богаче солью и опускается на глубину, отдавая въ то же время приобретенный запасъ тепла болѣе глубокимъ слоямъ.

Какъ уже упомянуто, дальнѣйшій признакъ присутствія Гвинейскаго теченія—это уменьшеніе процента солености: съ 36‰ соленость понижается въ области пассатовъ до 34‰, т. е. до солености приблизительно Нѣмецкаго моря. Если принять во вниманіе, что соленость въ океанѣ распределяется чрезвычайно равномерно и подлежитъ лишь незначительнымъ колебаніямъ, то эту разницу должно признать уже очень существенной.

Измѣненія похожія на тѣ, которыя были замѣчены при переходѣ изъ области сѣверо-восточнаго пассата въ Гвинейское теченіе, но въ обратной послѣдовательности, наступили, когда мы, 10 дней спустя, спустились къ экватору и ощутили близость южно-экваторіальнаго теченія. Юго-западный муссонъ со своими частыми ливнями и вѣчно затянутымъ небомъ уступилъ мѣсто южнымъ и юго-восточнымъ вѣтрамъ, такъ что уже 6—8 го сентября, когда наше судно проходило экваторъ, надъ нами разстлалось ясное небо и ощущалось дуновение юго-восточнаго пассата, несущаго съ собою замѣтное пониженіе температуры. Какъ разъ на самомъ экваторѣ ночью съ 7-го на 8-ое сентября мы наблюдали удивительно для тропической области низкую температуру воздуха и воды—именно 21,8° С. Что касается до температуры воды, то ея пониженіе было вполнѣ естественно, — мы вступили въ южно-экваторіальное теченіе, представляющее изъ себя конечную вѣтвь холоднаго Бенгуэльскаго теченія. На это указывалъ и измѣнившійся цвѣтъ воды: вмѣсто темно-синей, мы имѣли передъ собою синевато-зеленую воду. Прозрачность воды также измѣнилась: въ Гвинейскомъ теченіи при погруженіи въ воду бѣлаго диска онъ исчезаетъ изъ глазъ на глубинѣ 30 метровъ, здѣсь же предѣлъ видимости находился на 12—15 метрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ процентное содержаніе соли въ морской водѣ повысилось, хотя и не достигло все же высокаго содержанія, встрѣчаемаго въ области сѣверо-восточнаго пассата. Рука объ руку съ охарактеризованными измѣненіями въ физической природѣ моря въ области трехъ экваторіальныхъ теченій шли также измѣненія въ составѣ фауны животныхъ, плавающихъ на поверхности,—такъ называемаго планктона. Имѣя въ виду, что вопросъ этотъ интересенъ самъ по себѣ и что позднѣе намъ придется еще вернуться къ нему при разсмотрѣніи образа жизни глубоководныхъ организмовъ, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Уже прежнія наблюденія, въ особенности работы Германской Планктонной экспедиціи, показали, что именно низшіе, едва замѣтные простыми глазами представители животнаго міра—простѣйшія—особенно чувствительны къ физико-химическимъ измѣненіямъ въ составѣ морской воды въ различныхъ теченіяхъ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою однокачественные организмы, гдѣ жизнь проявляется въ самой простой, наиболѣе доступной для изслѣдованія формѣ. Организмы эти примыкаютъ то ближе къ растительнымъ формамъ, то приближаются къ животнымъ, причемъ, какъ убѣждаютъ насъ въ этомъ новѣйшія изслѣдованія, провести здѣсь сколько-нибудь рѣзкую границу между пред-

ставителями животнаго и растительнаго царства, оказывается прямо невозможнымъ. Между простѣйшими, относительно принадлежности которыхъ къ тому или другому царству давно уже ведутся споры у ботаниковъ и зоологовъ, заслуживаютъ особаго вниманія такъ называемыя жгутиковыя инфузоріи. Нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ способностью самостоятельно вырабатывать, подъ вліяніемъ свѣта, изъ поглощенныхъ морскою водою неорганическихъ соединений (главнымъ образомъ, изъ углекислоты и соединений азота) бѣлковыя составныя части своего одноклѣточного тѣла, точно также какъ это дѣлаютъ растенія.

Этимъ свойствомъ обладаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя содержатъ желтоватое или коричневатое красящее вещество, родственное зеленому красящему веществу растений—хлорофиллу. Вещество это заключается въ маленькихъ протоплазматическихъ зернышкахъ шаро-

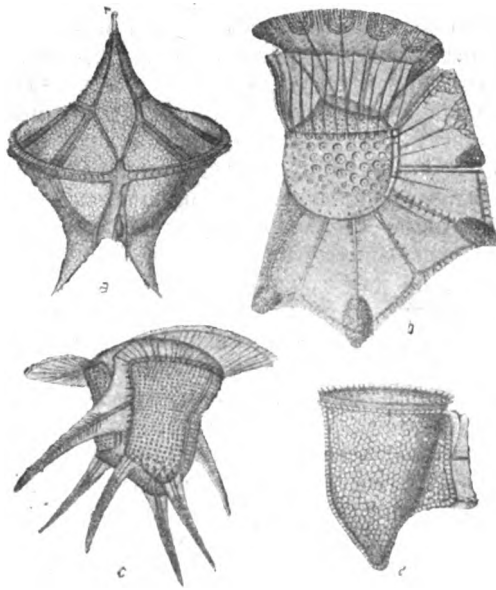

Рис. 11. Перидиніевыя теплыхъ водъ. а) *Peridinium divergens* Ehrh.—б) *Ornithocercus magnificus* St.—в) *Ceratocorys horrida* St.—д) *Phalacrota rupa* St.

образной или пластинчатой формы, такъ называемыхъ хроматофорахъ, которые прилегаютъ къ стѣнкамъ клѣтокъ. Эти жгутиковыя плаваютъ въ поверхностныхъ слояхъ океана въ особенно огромномъ количествѣ, и они-то и являются главнѣйшими производителями пищевыхъ органическихъ веществъ,—отъ нихъ находится, въ концѣ концовъ, въ прямой зависимости существованіе всѣхъ остальныхъ, болѣе высоко организованныхъ обитателей моря.

Между жгутиковыми, столь важными въ экономіи моря, обращаетъ на себя вниманіе семейство перидиніевыхъ, характеризующееся присутствіемъ у инфузорій двухъ жгутиковъ,—одинъ изъ нихъ располагается въ бороздѣ, окаймляющей тѣло, тогда какъ другой выставляется изъ перпендикулярной къ этой бороздѣ глубокой, щелевидной ямки. Плазматическое тѣло покрыто твердымъ панциремъ, который нерѣдко несетъ длинныя отростки или крылообразныя расширенія, играющія

Годъ XI-й.

№ 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Ф Е В Р А Л Ь

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

Доводено цензурою. С.-Петербургъ. 28-го января 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ПСИХОЛОГІЯ ТЕАТРА. (Соціологическій очеркъ). Проф. Р. Виппера	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ. О. Чюминой	20
3. НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. (Продолженіе). В. Вересаева	22
4. ГОГОЛЬ, КАКЪ «УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ». В. Богучарскаго	56
5. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Прудонъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго	77
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—а	101
7. СТИХОТВОРЕНІЯ. Л. М. Василевскаго	147
8. ЧЕЛОВѢКЪ-ЗВѢРЬ. (Изъ книги «По полямъ и лѣсамъ»). Разсказъ Вас. Брусянина	149
9. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРИЧИНАХЪ ПАДЕНІЯ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ РОССІИ. Н. Рожнова	160
10. ГОГОЛЕВСКІЙ СТИЛЬ. П. Морозова	166
11. СМЕРТЬ. Повѣсть Артура Шницлера. (Окончаніе). Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ	186
12. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго	228
13. НАУКА И ЖИЗНЬ. В. Агафонова	265
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗА РАБОТОЮ. Ѡ. Поступаева	287

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Великая годовщина—пятидесятилѣтіе смерти Гоголя.—Литературная и общественная среда, его окружавшая.—Изъ сборника «Подъ знаменемъ науки».—Что погубило Гоголя, какъ художника и человѣка.—«На задворкахъ фабрики» и «Край безъ будущаго», г. Маликова.—Гдѣ же хуже—на фабрикѣ или въ деревенскомъ мирѣ?—Наблюденія г. Маликова изъ жизни сектантавъ.—Памяти Ивана Васильевича Мушкетова. А. Б.	1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Грамотность Петербурга.—Дворяне о дворянской идеѣ.—Одиссея тифлискаго самоуправления.—У гроба нечиновнаго труженика.—Изъ жизни Н. В. Гоголя.—За мѣсяць.—Юбилей	16

	стр.
17. VIII Й ПИРОГОВСКІЙ СЪЪЗДЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВЪ. (3—10 января 1903 г.). Врача В. И. Бинштона	29
18. Изъ русскихъ журналовъ. («Вѣстникъ Европы» — январь; «Журналъ для всѣхъ» — январь; «Русская Старица» — январь; «Русское Богатство» — декабрь).	87
19. За границей. Общественная жизнь въ Германіи. Новый про- цессъ гуановъ. — Печальные итоги статистики населенія во Франціи. Новыя лиги. — Результаты двухлѣтней войны. Ирланд- скій вопросъ. Новыя англійскія общества. — Воспоминанія французскаго журналиста о Гейне. — Библия, какъ руковод- ство къ военному искусству.	51
20. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Потерянные силы». — Докторъ Тулузъ и его изслѣдованія происхожденія гениальности. — Мнѣніе нѣмецкаго писателя о коллегіи Рёскина въ Оксфордѣ.	63
21. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Чистая и прикладная наука. В. Як- † И. В. Мушкетовъ. В. Агафонова.	68
22. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. О химическомъ составѣ звѣздъ и земного шара. — О зараженіи животныхъ туберкулезомъ чело- вѣка. — Серотерапія брюшного тифа. — Желтая лихорадка и комары. — О посѣдѣніи волосъ. Нѣкоторыя научныя сооб- щенія, сдѣланныя на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытате- лей и врачей.	77
23. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БО- ЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы. — Исто- рія всеобщая и русская. — Политическая экономія. — Фило- софія. — Естествознаніе. — Народное образованіе. — Справочныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.	84
24. ПОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	114

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	33
26. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой гер- манской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Пе- реводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	31

ПСИХОЛОГІЯ ТЕАТРА *).

(Соціологіческій очеркъ).

Большой европейскій городъ заключаетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, самыя высшія культурныя средства, какія только выработаны людьми. Между этими средствами совершенно исключительное мѣсто занимаетъ театръ. Онъ доступенъ широкой и необыкновенно разнообразной массѣ. Онъ вызываетъ общее увлеченіе. Люди самыхъ различныхъ положеній ни о чемъ, можетъ быть, не ведутъ болѣе живыхъ, болѣе общихъ разговоровъ, какъ, именно, о своихъ театральныя впечатлѣніяхъ.

Въ чемъ лежатъ причины увлеченія театромъ? Чего люди ищутъ въ театрѣ и что въ немъ находятъ? Если бы мы могли сдѣлать общій опросъ въ этомъ направленіи, то, конечно, убѣдились бы, что для огромнаго большинства посѣщеніе театра не сопровождается ясными, сознательными идеями. Но если бы мы даже ограничились тѣми немногими людьми, которые сумѣли бы отвѣтить на вопросъ, въ чемъ они видятъ силу театра, намъ пришлось бы признать, что и эти немногіе не руководятся отчетливыми цѣлями, когда спѣшатъ не пропустить театральнаго представленія. Потребность велика, неудержима, но степень ея сознательности очень слаба. Однако, мы любимъ останавливаться теоретически на вопросѣ о цѣнѣ и роли театра въ общественной жизни и личномъ развитіи, и то, что мы высказываемъ въ эти моменты спокойнаго отношенія къ театру, только подтверждаетъ фактъ могущества и загадочности этого влеченія.

Въ самомъ дѣлѣ, что приписываетъ теорія театру? Она говоритъ, что въ красотѣ художественныхъ образовъ, воспроизводимыхъ театромъ, раскрывается и дѣйствуетъ на насъ правда, что театръ воспитываетъ, улучшаетъ общественныя нравы, выясняя обществу и чело-вѣку самихъ себя, объективируя ихъ, какъ въ зеркалѣ. Говоритъ она, что театръ судитъ дѣйствительность и примиряетъ съ жизнью: онъ даетъ выходъ нашей потребности критики, онъ произноситъ осужденіе темныхъ сторонъ жизни и въ то же время онъ очищаетъ наше

*) Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 26 ноября 1901 г.

«Жизнь вождя», № 2, февраль. отд. 1.

сознаніе, раскрывая въ изображенныхъ страданіяхъ элементы торжества высшаго начала.

Въ театрѣ, слѣдовательно происходятъ какія-то чудеса. Онъ творитъ нѣкую волшебную перемѣну въ человѣкѣ. Да и средства, которыми дѣйствуетъ театръ, развѣ не чудесны также? На подмосткахъ мы видимъ воспроизведеніе самихъ себя, своей жизни, мы видимъ своихъ двойниковъ. Всѣ усилія употреблены на то, чтобы достигнуть иллюзій и заставить насъ чувствовать истинную обстановку, истинныя страданія, истинный смѣхъ; и въ тоже время мы ни на минуту не можемъ и не должны забывать, что это—игра, т. е. искусственная и сложная форма выраженія человѣческой фантазій.

Это—изумительная область. Въ театрѣ человѣкъ явно строитъ, сочиняетъ, ухитряется, чтобы повторить нарочно то, что въ жизни проходитъ страшными, тяжелыми или, напротивъ, свѣтлыми моментами, и эта сотня выдумокъ и искусственностей заставляетъ насъ снова переживать, заставляетъ опять биться сердце, опять кипѣть и ожидать. Это—своя особенная психологія.

Нельзя-ли разобраться въ этой психологіи? Откуда въ театрѣ эти элементы чуда или вѣры въ чудо? Если мы съ этой точки зрѣнія станемъ изучать современный зрительный залъ, технику новой драмы, ея эстетическую теорію, мы окажемся въ большомъ затрудненіи. Въ нашей культурной жизни многія непосредственныя влеченія стерты или придавлены и скрыты до неузнаваемости отъ насъ самихъ—условностью нашихъ сложныхъ общественныхъ отношеній. Мы слишкомъ быстро переживаемъ впечатлѣнія, а ихъ обрывки мы привыкли заносить подъ разными слишкомъ отвлеченными, раціональными помѣтками. Наконецъ, намъ очень трудно быть судьями себя самихъ.

Вотъ отчего историкъ, а за нимъ и психологъ склонны искать толкованія къ современному человѣку въ человѣкѣ прошлаго. Тамъ, въ старинѣ свидѣтельства рѣзче, черты проще, тамъ больше конкретнаго и непосредственнаго. Но разъ понять обликъ того человѣка старины, можно искать основныхъ очертаній его рисунка въ современномъ человѣкѣ.

Попытаемся сопоставить нѣкоторыя старинныя и новыя явленія, чтобы разобрать психологію театра. Эта психологія окажется очень давней и даже, сколько помнить человѣкъ, исконной. Затрогивая ея область, мы коснемся чего-то, глубоко въ насъ коренящагося, какихъ-то основныхъ человѣческихъ свойствъ. Но не исторія театра пройдетъ передъ нами. Театръ, какъ учрежденіе, начался довольно поздно. Между тѣмъ, драматическіе символы примѣнялись очень давно: они всюду служили человѣку для успокоенія или одушевленія, для того, чтобы вызвать страхъ или отвлечь отъ тяжелыхъ чувствъ. Ими была и остается полна жизнь. Съ теченіемъ времени иныя драматическія формы исчезли, другія соединились въ одинъ опредѣленный центръ, театръ, но психологія осталась прежняя.

I.

Мнѣ представляется, что драматическіе символы и приемы можно раздѣлить на нѣсколько главныхъ типовъ.

Одинъ изъ мотивовъ, которые заставляли прибѣгать къ театральнымъ формамъ, состоитъ въ томъ, что людямъ нужно устранить грозное столкновение въ дѣйствительной жизни. Представьте себѣ довольно тѣсную среду, гдѣ общество вращается въ предѣлахъ деревни или небольшого племени. Чужихъ нѣтъ, впечатлѣній мало. Въ этой средѣ произошла ссора. Задѣли человѣка въ его достоинства. За него готовы вступить товарищи, сосѣди. Въ свою очередь, ближніе обидчика принимаютъ мѣры, ожидая нападенія. Можетъ вспыхнуть жестокая борьба. Она неизбежно затянетъ новыхъ членовъ и отразится печально на судьбѣ цѣлаго общества. Тѣ, кто пока въ сторонѣ, чувствуютъ, что надо отыскать мирный исходъ; но нельзя попирать и честь затронутыхъ, надо открыть имъ удовлетвореніе. И вотъ реальную борьбу, реальное столкновение замѣняютъ борьбой фиктивной; борьбу переносятъ въ идеальную сферу. Разстраиваютъ дуэль и, вмѣсто сраженія мстителей за оскорбленіе, открываютъ драматическое состязаніе, гдѣ каждой сторонѣ дана возможность показать свою силу и потомъ мирно разойтись.

Подобные сатирическіе турниры были въ ходу лѣтъ 100 тому назадъ у гренландскихъ эскимосовъ. Бывало такъ, что если кто-либо почувствуетъ себя оскорбленнымъ, то низачто и ни малѣйше не покажетъ своего раздраженія. Вмѣсто того, чтобы искать мести, обиженный сочиняетъ ядовитое стихотвореніе. Затѣмъ онъ собираетъ своихъ близкихъ, родныхъ, товарищей и особенно женщинъ, какъ самую впечатлительную аудиторію; въ этомъ обществѣ онъ распѣваетъ свои стихи съ обычными жестами и приплясываніемъ. Нѣсколько разъ онъ репетируетъ свое произведеніе, пока друзья не выучиваютъ его наизусть. Послѣ этого онъ оповѣщаетъ всѣхъ, что противникъ, т. е. его обидчикъ, вызванъ на состязаніе.

Въ назначенный день оба врага появляются другъ противъ друга на аренѣ; кругомъ собирается множество народа. Обиженный выступаетъ въ роли нападающаго, точно публичный обвинитель. Онъ начинаетъ пѣть свою сатиру и драматически жестикулировать подъ звуки первобытной музыки. Его партія громко поддерживаетъ его протяжными сочувственными криками и повторяетъ за нимъ всякій припѣвъ, всякую его сентенцію. По временамъ, когда попадаетъ особенно ѣдкое словечко, которое, повидимому, прямо задѣло противника въ самомъ слабомъ мѣстѣ, слушатели валятся отъ хохота на землю.

Но вотъ, раздраженіе обвинителя излилось въ его нѣкоторымъ образомъ монологъ съ аккомпаниментомъ хора. Теперь выступаетъ

*

противникъ; онъ долженъ импровизировать отвѣтъ на обвиненіе; онъ старается, въ свою очередь, поднять на смѣхъ перваго. И опять его поддерживаетъ цѣлый хоръ другой партіи. Смѣхъ переходитъ уже на другую сторону. Оба противника, могутъ повторить свои выходы и отвѣчать на новыя насмѣшки. Такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ враговъ не замолкнетъ — за неимѣніемъ новыхъ оборотовъ для сатиры, новаго матеріала для насмѣшки. Тотъ, за кѣмъ осталось послѣднее слово, признается побѣдителемъ. Подъ конецъ, партіи какъ бы сливаются въ одинъ судъ. Образуется общее мнѣніе, и вся масса слушателей рѣшаетъ въ качествѣ присяжныхъ. Съ окончаніемъ сатирическаго концерта, всѣ расстаются опять добрыми друзьями.

Европейскіе наблюдатели, которые разсказывали объ этомъ обычаѣ, прибавляютъ, что онъ часто примѣнялся у гренландцевъ и оказывалъ сильное и хорошее дѣйствіе. Местъ посредствомъ насмѣшки удерживала многихъ отъ болѣе рѣзкихъ способовъ удовлетворенія своего гнѣва, даже отъ убійства. Но этого мало. Обычай давалъ выходъ извѣстнымъ общественнымъ чувствамъ. Гренландцы пользовались имъ, чтобы иныхъ въ своей средѣ направлять на лучший образъ жизни. Этимъ способомъ драматической публичной критики они раскрывали вному позоръ его поступковъ, заставляли нерадиваго должника отдать долгъ, обнаруживали обманъ, нарушеніе семейной чести и т. п.

И ничто не могло въ такой мѣрѣ повліять на гренландца, ничто такъ не помогало сдерживать его въ границахъ нравственнаго порядка, какъ страхъ передъ общественной насмѣшкой. Сатира была ему сграпнѣе всякаго наказанія. Иногда она доводила изобличеннаго до того, что онъ покидалъ домъ и уходилъ совсѣмъ изъ родного поселка.

Гренландскій обычай открываетъ намъ много любопытнаго. Драма на аренѣ тушитъ страшную драму жизни. Вотъ она, въ грубомъ видѣ, наша мысль о разрѣшеніи конфликтовъ дѣйствительной жизни въ специическомъ столкновеніи. Затѣмъ: драматически обставленная насмѣшка бьетъ среди общаго сочувствія недостатки и пороки членовъ общества. Развѣ это не есть наша формула, которую пишутъ даже въ видѣ девиза надъ театральной сценой: «насмѣшкой онъ яравы казнить». Наконецъ, крайне любопытна форма участія публики въ драмѣ. Публика раздѣлена на два хора, на двѣ партіи, которыя даютъ другъ другу битву. Но изъ ихъ столкновенія слагается общественное мнѣніе. Въ цѣломъ, вмѣстѣ взятые, они образуютъ высшую инстанцію, которая произноситъ приговоръ.

Эта черта—судебнаго состязанія съ дѣленіемъ сторонъ и верховнымъ общимъ приговоромъ, остается и въ позднѣйшемъ театрѣ. Только ея формы—другія. Въ греческой трагедіи цѣлые діалоги, цѣлыя сцены полны спора, въ которомъ поставлена одна изъ міровыхъ загадокъ,

мучающихъ человѣка. Иногда, на такомъ состязаніи представителей двухъ воззрѣній, двухъ порядковъ вещей построена вся пьеса. То безпощадное исполненіе закона и вѣщный долгъ встрѣчаются съ самопожертвованіемъ безконечно сильной любви; то благородная энергія независимаго человѣка съ неизбежностью покорнаго подчиненія судьбѣ. Разумѣется, верховный судья — зрительный залъ; но онъ молчитъ или аплодируетъ сплошь всей пьесѣ и автору, который представилъ споръ, раскрылъ противоположность.

Однако, въ греческомъ театрѣ отъ этой публики, далекой и не прямо заинтересованной, отдѣлена другая, которую помѣстили на самой сценѣ. Это — хоръ. Греческій хоръ былъ одѣтъ въ костюмы дѣйствующихъ лицъ, принадлежалъ къ пьесѣ, но это все-таки была публика, если можно такъ выразиться, публика идеальная. Она выражала колеблющееся мнѣніе, она исполняла то самое, что у гренландцевъ дѣлали партіи двухъ противниковъ во время концертнаго спора. Мы видѣли, что когда споръ кончался, и наставало время судить, хоры партій исчезали, растворялись въ общей массѣ. Такъ и въ греческомъ театрѣ: хоръ уходилъ за кулисы, и оставалась лишь реальная публика, которой принадлежало окончательное рѣшеніе.

Въ японскомъ театрѣ нѣсколько иная форма. Тамъ роль греческаго хора исполняетъ особый актеръ, какъ бы замѣститель разсуждающаго автора. Онъ сидитъ на авансценѣ, въ ложѣ за рѣшеткой, играетъ на струнномъ инструментѣ и декламируетъ разнѣреннымъ, нерѣдко грустнымъ тономъ. Онъ объясняетъ публикѣ положеніе, описываетъ душевное состояніе дѣйствующихъ лицъ, обращается къ героямъ пьесы, внушаетъ имъ мужество, даетъ совѣты, нападаетъ на ихъ враговъ и обвиняетъ ихъ. Онъ резюмируетъ и поучаетъ, плачетъ, негодуетъ, замираетъ отъ волненія передъ развязкой и замыкаетъ драму.

Въ нашемъ театрѣ нѣтъ этихъ наивныхъ формъ. Но что осталось по существу? Часто, драма — загадка съ двойственнымъ отвѣтомъ, точно судебное дѣло, предстоящее нашему рѣшенію. Часто въ ней выведены двѣ спорящія, столкнувшіяся силы, которыя представляютъ двѣ морали, два взгляда на жизнь. То вамъ, напр., поставленъ вопросъ: нуженъ ли самообманъ, нужна ли лживая иллюзія для того, чтобы человѣкъ прожилъ счастливо? — и въ пьесѣ выступаютъ даже два адвоката, одинъ за, другой противъ положенія. То ставится вопросъ, можетъ ли сильный, одаренный человѣкъ идти одинокимъ путемъ, зная лишь одинъ законъ своего ума и своихъ порывовъ, отдаваясь невѣдомому другимъ призыву великой силы природы — или на всѣхъ живетъ одинъ уравнительный общій законъ, который заставляетъ всѣхъ людей идти медленно, оцѣпляя ихъ сотней обязательствъ, повелительно требуя дани каждому дню и справляясь безпощадно со всякимъ, кто рѣшается протестовать.

Если пьеса сильно написана, зрители переживутъ споръ, испытаютъ

колебаніе въ ту и другую сторону на себѣ; въ этомъ будетъ главный, захватывающій интересъ драмы. Всякій будетъ чувствовать, что надо выйти изъ театра съ опредѣленнымъ отвѣтомъ и дать его, если не своему спутнику, то самому себѣ. У насъ ужъ очень расчленились роли автора, актера и публики, и драма спора разорвалась на три части. Но въ концѣ, когда зрителю позволено заявлять о себѣ, когда онъ можетъ нѣкоторыми жестами и криками показать, что вѣдь дѣло шло о немъ самомъ, и что раскрывали его собственную душу — вотъ тутъ иногда снова чувствуется, что театръ есть одно цѣлое, одна большая состязательная арена.

II.

Мы видѣли только что, какъ драматическія формы служатъ общественному возмездію. Есть еще другое любопытное примѣненіе театральности съ томъ же цѣлью. Драматическая обстановка въ этомъ новомъ случаѣ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственностью, страшнымъ секретомъ, ужасающимъ чудомъ, среди котораго внезапно настаиваетъ виноватый.

Въ обществѣ мало устроенномъ, гдѣ нѣтъ сильной общественной власти и правильнаго суда, гдѣ нѣтъ сдержки насилію и обидѣ, люди стараются помочь себѣ чрезвычайнымъ образомъ: они устраиваютъ самозащиту и саморасправу. Возникаютъ особые тайные союзы, своего рода рыцарскіе или масонскіе ордена и ложи, которые берутъ на себя это дѣло. Члены ихъ облачаютъ свою работу въ мистическій покровъ и стараются вести себя, точно сверхъестественныя существа, точно таинственные духи.

Примѣромъ можетъ служить союзъ Пурра у негровъ Западной Африки. Пурра состоитъ исключительно изъ мужчинъ. Вступленіе въ него обставлено страшными условіями. Новопосвящаемаго ведутъ въ лѣсъ; онъ мѣняетъ имя и даетъ обѣщаніе хравить полную тайну о дѣлахъ союза; друзья, за него поручившіеся, произносятъ клятву и обѣщаютъ немедленно убить его, если онъ выдастъ секретъ или отступится отъ союза. Постороннему, кто рѣшился бы вступить въ таинственный лѣсъ, угрожаетъ смерть.

Пурра можетъ имѣваться во всякую ссору, которая грозитъ вспыхнуть между родами или селеніями. Пурра караетъ также за воровство и злыя колдовскія козни. Кто хочетъ добиться расправы за испытанную обиду, жалуется союзу: достаточно притронуться рукой къ груди одного изъ членовъ пурры. Тогда въ таинственномъ ночномъ засѣданіи вопросъ обсуждаютъ. Союзъ сначала предостерегаетъ, грозитъ эзекуцией, а если это не помогаетъ, члены пурры выходятъ изъ своей мистической среды. Человѣкъ 40, 50 въ странныхъ маскахъ, въ пол-

номъ вооруженіи, со страшнымъ шумомъ вступаютъ въ деревню, гдѣ долженъ исполниться приговоръ. У воровъ и грабителей отбираютъ скотъ, срѣзываютъ плоды. Виновныхъ хватаютъ и предаютъ смерти или стегаютъ кнутами. Этого мало: въ такой моментъ провозглашается общій терроръ: всякій, кого застанутъ внѣ дома, подвергается казни. Поэтому, съ приближеніемъ пурры, всѣ бѣгутъ и прячутся.

Въ пуррѣ и другихъ подобныхъ союзахъ большую роль играетъ фантастическая обстановка. Члены союза распространяютъ таинственныя свѣдѣнія о своемъ вождѣ, который, по ихъ словамъ, живетъ въ лѣсной глуши, обладаетъ необыкновенными свойствами и недоступенъ взорамъ простыхъ людей. Въ рѣшительную минуту его вызываютъ, точно привидѣніе. Оглушающая музыка тамтамовъ, дикіе крики, странная пляска, предшествующіе его появленію, должны вызвать трепетъ, лишить людей способности спокойно разсуждать. Перегородка между міромъ дѣйствительности и міромъ фантазіи падаетъ. Публика не знаетъ, появится ли сейчасъ только неизвѣстный человѣкъ, спрятанный отъ взоровъ, или въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ страшныхъ духовъ, которые приходятъ же, въ правду, ночью, во снѣ, или въ грозу, или на кладбищахъ.

И вотъ идетъ онъ самъ, укутанный въ плащъ, про который ходитъ темный слухъ, что одно прикосновеніе къ нему смертельно, потому что онъ пропитанъ ядомъ. Лицо его тщательно закрыто: на немъ огромная, рѣзкая уродливая маска съ оскаленными зубами или большими ледяными глазами. Спутники его тоже въ маскахъ и на ходуляхъ, съ громадными головными уборами, чтобы производить впечатлѣніе великавовъ. Маскировка, драматическія формы здѣсь прямо рассчитаны на то, чтобы вызвать мистическій страхъ. Маски и ихъ движенія имитируютъ блуждающихъ мертвецовъ, лѣшихъ или дикихъ охотниковъ, которые въ вѣтеръ и бурю видятся людямъ въ низко бѣгущихъ облакахъ.

Что здѣсь еще интересно, это—раздѣленіе дрожащей отъ аффекта публики и сознательно дѣйствующихъ актеровъ. Одни—жертвы мистики, другіе—ея импровизаторы, можно сказать, режиссеры, балетмейстеры и статисты мистики. Дѣйствіе придумано для болѣе чувствительныхъ, болѣе вѣрующихъ людей. И мы видимъ, что тайный союзъ, совершающію свои экзекуци, исполняетъ своеобразную социальную роль. Мужчины, свободные люди племени, образуютъ скрытую орденскую корпорацію и стараются, путемъ такихъ театралныхъ погромовъ, держать въ страхѣ и повиновеніи женщинъ и рабовъ, т.-е., по ихъ понятію, низшіе социальныя элементы. И они достигаютъ цѣли, потому что эти группы болѣе склонны къ аффекту и держатся болѣе примитивныхъ понятій.

Таинственный орденъ беретъ на себя такимъ образомъ добровольно надзоръ за общественнымъ порядкомъ, который, конечно, понимается

весьма своеобразно. Можно бы вообще сказать, что старинная полиція до нѣкоторой степени происхожденія мистико-драматическаго. Вотъ во всякомъ случаѣ любопытный примѣръ. Въ Африкѣ, въ Порто Ново, рядомъ съ королемъ, который считается представителемъ бога свѣта, есть еще ночной властитель; это—первосвященникъ бога тьмы. Власть подѣлена между ними и чередуется: одинъ править днемъ, другой—ночью. Ни одинъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ сферу другого. Ночному королю отданъ ночной судъ и ночной дозоръ. Ему подчинены особые ночные сторожа, которые выходятъ въ маскарахъ. Тутъ мы видимъ, какъ члены тайнаго союза, которые совершаютъ расправы и берутъ на себя охрану общества, обратились въ административный органъ второго разряда. Но они оставили за собой внушительный драматическій аппаратъ и связь съ міромъ духовъ и тѣней.

Подобное явленіе всюду повторялось. Когда на болѣе высокой ступени развитія слагались большія организациі суда и управленія, они не могли обойтись безъ такихъ добровольныхъ услугъ со стороны тайныхъ клубовъ. Напр., страшная средневѣковая инквизиція могла добираться до своихъ жертвъ не иначе, какъ съ помощью замаскированныхъ ночныхъ тѣней, похищавшихъ или настигавшихъ намѣченнаго человѣка, при чемъ эти похитители были своего рода заговорщики. Драматическій ужасъ обращался здѣсь во зло, служилъ жестокому гнету.

Конечно, съ теченіемъ времени таинственная оболочка спадала съ органовъ суда и административнаго надзора. Театральныя формы перестали быть орудіемъ прямой кары и сохранили лишь моральное значеніе. Но къ нимъ продолжали прибѣгать для того, чтобы потрясти воображеніе людей картиной страшныхъ мукъ за грѣхи, чтобы показать близость вездѣсущихъ духовъ отпущенія. На этомъ основана фантастическая драма, мистическая феерія, игравшая огромную роль въ старомъ театрѣ.

Въ греческой драмѣ появлялись страшныя окровавленныя богини мести съ искаженными лицами, отъ которыхъ цѣпенѣтъ взоръ человѣка. Появлялся богъ съ небесъ, который разрубалъ узелъ запутавшихся человѣческихъ отношеній и произносилъ верховный приговоръ. Въ средневѣковыхъ мистеріяхъ въ Западной Европѣ открывали загробный міръ, заоблачный и подземный. На верху сцены стоялъ престолъ Всевышняго, а внизу показывали муки ада сквозь отверстіе въ видѣ раскрытой пасти дракона. И хотя сцена была просто большимъ шкапомъ, а актеры—люди сомнительные съ точки зрѣнія мѣстнаго общества, однако, дѣйствіе овладѣвало непосредственно всею душой глядѣвшихъ на драму зрителей. Недаромъ вѣстникъ, открывавшій представленіе, обѣщалъ царство небесное тѣмъ, кто будетъ съ благочестивымъ вниманіемъ слѣдить за божественной драмой. Зрѣлище должно было поднять спасительный страхъ въ душѣ. Иногда открытая сцена была обведена кругомъ, за который никто не смѣлъ пере-

ступать. Того, кто совался за кругъ по невниманію или нарочно, скватывали театральные дьяволы и уносили въ адъ, гдѣ и держали до конца пьесы.

Тѣни, духи сохранили важное мѣсто въ современной китайской драмѣ, и я приведу только одинъ примѣръ изъ китайскаго театра, потому что мистическій элементъ выступаетъ здѣсь съ какой-то особенной наивной реальностью. Есть пьеса, подъ заглавіемъ «Мечь Теунго». Здѣсь изображено посмертное раскрытіе роковой ошибки, стоившей жизни молодой женщины, именованной Теунго. Въ дѣтствѣ Теунго была оставлена своимъ отцомъ въ краю, далеко отъ родного дома; тамъ она вышла замужъ. Ея свекра убиваютъ, а обвиненіе падаетъ на Теунго. Судъ приговариваетъ невинную къ смерти, и казнь совершена. Черезъ нѣсколько времени отецъ казненной, не подозрѣвая о случившемся, пріѣзжаетъ, въ качествѣ вышшаго судьи, ревизовать этотъ отдаленный округъ, и пересматриваетъ судебныя дѣла. Ночью онъ сидитъ за актами, читаетъ процессъ своей дочери, но не понимаетъ, что дѣло идетъ о ней, потому что она перемѣнила въ замужествѣ имя. Ему кажется, что вина осужденной доказана, приговоръ справедливъ, и отъ усталости онъ засыпаетъ. Но во снѣ ему является Теунго и тревожить его; старикъ просыпается и опять берется за акты. Тѣнь дочери вѣтаетъ теперь около одинокой свѣчи, которую судья зажегъ, и пламя тускнѣетъ. Пока онъ вычищаетъ свѣчу, духъ перелистываетъ акты и открываетъ прежнюю страницу, чтобы взоръ судьи упалъ опять на то же самое дѣло. Нѣсколько разъ повторяется эта таинственная игра тѣни, производящая на зрителей сильное впечатлѣніе. Наконецъ душа умершей показывается отцу въявь. Онъ сначала бѣжитъ на привидѣніе, обнажаетъ оружіе, но затѣмъ останавливается и слушаетъ оправдательную рѣчь духа, который раскрываетъ ему страшную истину. На другой день въ судебномъ засѣданіи онъ торжественно объявляетъ память несчастной. Драма означаетъ: вотъ какъ совершается возмездіе и происходитъ истинный судъ, внушенный таинственной силой, которая можетъ соединить умершихъ съ живыми.

Конечно, это далеко отъ современныхъ пріемовъ нашего театра. Но еще въ шекспировскомъ Ричардѣ III появляются тѣни погубленныхъ имъ людей и предрекаютъ ему заслуженную гибель. Въ Макбетѣ тѣнь убитаго сидитъ за пиршественнымъ столомъ у пустого мѣста, какое по старинному обычаю оставляли умершему.

Мы не вѣримъ въ духовъ, не символизируемъ укоровъ совѣсти въ видѣ тѣней, преслѣдующихъ человѣка; но на театральныхъ подмосткахъ по прежнему творится нравственный судъ и совершается нравственная кара. И когда нужно произнести моральный приговоръ, драматическая форма по прежнему оставляетъ наиболѣе сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

III.

Театральная обстановка, какъ мы видѣли, есть попытка человѣка изобразить чудо, дать иллюзію чуда, и въ этомъ смыслѣ она должна сильно дѣйствовать на массу вѣрующихъ въ чудо, на людей, предрасположенныхъ къ нему. Но и сами актеры, творящіе волшебство, могутъ увлекаться дѣйствіемъ. Они могутъ приводить себя въ экстазъ драматическими актами и воображать, что дѣйствительно переступили предѣлы обыкновеннаго видимаго міра и ушли въ міръ духовъ.

Это уже другой типъ театрального воздѣйствія. Пляска, маскаровка или гримъ, жестыкуляція и подражательныя дѣйствія служатъ тогда прямыми чародѣйскими средствами, чтобы пріобрѣтать нѣкоторыя сверхъестественныя качества, чтобы получать власть надъ духами, прогнать бѣсовъ или входить съ сильными духами въ союзъ. Извѣстно, что сибирскій шаманъ или американскій краснокожій «врачъ» даютъ цѣлое представленіе передъ боьнымъ, къ которому ихъ позвали для леченія. Но «врачъ» самъ впадаетъ въ энтузіазмъ или забытѣе, въ которомъ ему кажется, что онъ вошелъ въ міръ боговъ или сравнялся съ богами по силѣ.

Такія драматическія навожденія практикуются иногда надъ цѣлыми группами людей. У нѣкоторыхъ народовъ есть особые обычаи, связанные съ моментомъ перехода отъ одного возраста къ другому, особенно съ наступленіемъ отрочества для мальчиковъ. Обычаи основаны на вѣрѣ, что мальчики должны умирать, напр., по десятому году и затѣмъ снова воскресать, причемъ какой-то духъ, повидимому, духъ одного изъ предковъ, овладѣваетъ возрожденнымъ и вселяетъ въ него новую силу, послѣ чего онъ можетъ вступить въ общество взрослыхъ. Настоящее представленіе, полное страховъ и таинственности, устраивается для того, чтобы дать самимъ дѣтямъ и родителямъ иллюзію смерти и возрожденія. На одномъ изъ Молуккскихъ острововъ родители приводятъ дрожащихъ отъ ужаса дѣтей къ храму, спрятанному въ густомъ лѣсу. Жрецы удаляются съ дѣтьми въ темный залъ внутри, и скоро оттуда раздаются отчаянные крики и стонъ. Сквозь плетеную стѣну храма высовываются окровавленныя копья, и стоящимъ снаружи кажется, что жертвы перерѣзаны. Черезъ 3 мѣсяца «возрожденные» мальчики возвращаются въ деревню съ бѣлыми палками въ рукахъ, но съ ними что-то случилось: они разучились говорить и потеряли память о прежней жизни своей, не узнаютъ прежнихъ знакомыхъ и, лишь послѣ долгаго обученія, они опять пріобрѣтаютъ память.

И въ Западной Африкѣ—нѣчто похожее. Дѣтей уводятъ въ волшебный лѣсъ на цѣлый годъ и обучаютъ тамъ охотѣ и разнымъ искусствамъ; кто не идетъ самъ, того похищаетъ замаскированный «лѣсной чортъ». И опять старательно подстраиваютъ обстановку, чтобы

разорвать у ребенка связь съ предшествующей жизнью, чтобы изгладить изъ его сознанія все старое и пріобрѣсти его цѣликомъ для новаго, возрожденнаго бытія.

По этому поводу напрашивается сравненіе, можетъ быть, нѣсколько неожиданное. Мнѣ кажется, что великіе педагогическіе художники и фокусники XVI и XVII вв., іезуиты, достигали аналогичными средствами цѣлей, весьма схожихъ съ только-что описанными. Вѣдь имъ надо было сдѣлать воспитанника навсегда своимъ, душою и тѣломъ, вытравить въ немъ все прежнее и чуждое цѣлямъ школы, сдѣлать его сознаніе бѣлой доской и на ней запечатлѣть на всю жизнь извѣстные догматы, принципы и правила.

Извѣстно, какую роль у нихъ въ школѣ играли театральныя представленія, гдѣ воочію изображалась гибель ереси, ничтожество противниковъ церкви и одушевленная сила защитниковъ ея, причѣмъ на эти послѣднія героическія роли ставили самыхъ честолюбивыхъ, горячихъ и энергичныхъ юношей, чтобы экзальтировать ихъ. Но не однѣ сценическія драмы служили въ этихъ школахъ воспитанію. Во всей обстановкѣ было много такого, что вызывало впечатлѣніе волшебства и таинственности фантастическаго театра. Въ школьномъ дождѣ были какіе-то странныя потайные ходы, звучали невѣдомые голоса, внезапно появлялись и также неожиданно исчезали воспитатели. Въ полумракѣ церкви, на долгихъ изнурительныхъ молитвахъ, не безъ помощи эффектовъ освѣщенія, ученикамъ видѣлись нисходившіе къ нимъ святыя и т. д.

Говорить нечего, что драматическое волшебство имѣетъ особую заразительную силу, если оно дѣйствуетъ сразу на массу людей: состояніе одного передается другому, и энтузіазмъ у отдѣльныхъ лицъ взаимно повышается. Вездѣ у самыхъ некультурныхъ народовъ мы встрѣчаемъ большія выразительныя пляски съ пантомимами, которыя служатъ для возбужденія сильныхъ общихъ чувствъ.

Таковы, напр., военныя пляски, въ которыхъ символизируется воспоминаніе о прежнихъ битвахъ: это настоящіе маневры тактики, гдѣ по всѣмъ правиламъ спѣшаются и расхдятся отдѣльные борцы и цѣлыя отряды. Нерѣдко онѣ совершаются передъ самой битвой и должны служить средствомъ для воспламененія зрителей и участниковъ. Иногда къ самому врагу приближаются въ плясовыхъ движеніяхъ и стараются раздражить его цѣлымъ представленіемъ, вызвать его грозными или презрительными минами и жестами.

На празднествахъ эти подражанія войнѣ нерѣдко переходятъ въ страшную дѣйствительность, и танцоры въ бѣшенствѣ бросаются на окружающихъ. На островѣ Тринидадѣ такъ началось неожиданно возстаніе краснокожихъ противъ испанцевъ; бѣлые сидѣли въ качествѣ зрителей, пока возрастающее раздраженіе плясунуовъ не дошло до того, что они бросились на притѣснителей и перерѣзали ихъ всѣхъ.

У насъ есть знаменитый примѣръ подобнаго дѣйствія театра въ Европѣ въ XIX вѣкѣ; одинъ изъ уличныхъ мятежей бельгійской революціи начался на представленіи въ брюссельскомъ театрѣ оперы «Фелеллы»; изображенное въ музыкальной драмѣ народное возстаніе подѣйствовало на возбужденныхъ уже зрителей, какъ сигналъ, и они не могли удержаться на мѣстѣ.

Но драма можетъ вызывать въ толпѣ и болѣе гармоническія чувства, и въ этомъ отношеніи поразительныя театральныя подражанія мы встрѣчаемъ у народовъ мало развитыхъ. Можно бы даже сказать, что въ нашихъ большихъ празднествахъ и представленіяхъ мы утратили тайну этихъ массовыхъ сценическихъ дѣйствій.

У одного австралійскаго племени есть, напр., сложная и искусно поставленная пастораль, въ которой поэтизируется сельская работа. Въ серединѣ арены разводять огонь; группы плясунговъ быстро бѣгаютъ кругомъ пламени и приводятъ его въ сильное движеніе, чтобы изобразить наступленіе благодѣтельнаго вѣтра, при которомъ надо начинать посѣвъ. Затѣмъ актеры исполняютъ мимическую сцену: они какъ бы взрыхляютъ землю и сажаютъ полевые растенія. Въ заключеніе, чтобы символизировать радость, вызванную окончаніемъ работы, они пляшутъ веселый хороводъ.

Особенно любопытны усилія представить грозныя или красивыя явленія природы. Жители Фиджи, небольшихъ острововъ среди необъятнаго океана, любятъ изображать великую стихію, окружающую ихъ, въ «пляскѣ волнъ морскихъ». Танцоры становятся длинной линіей; сначала выбѣгаютъ впередъ по 10—12 человекъ, наклоняясь туловищемъ и распростирая руки; это какъ будто мелкіе всплески волны, когда она достигаетъ берега. Такъ, одна волна смѣняетъ другую, волны встрѣчаются другъ съ другомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся линія близится все болѣе къ середкѣ. Теперь отдѣльныя группы начинаютъ съ краевъ забѣгать круглыми поворотами, возвращаясь и снова наступая впередъ. Это море беретъ коралловый островъ со всѣхъ сторонъ, и когда остался лишь небольшой гребень въ середкѣ—среди шумной музыки, изображающей гулъ прибоя—танцоры представляютъ столкновеніе волнъ наверху съ двухъ противоположныхъ концовъ: встрѣчные ряды перебрасываютъ руки черезъ головы, бѣлыя ленты и перья на ихъ головахъ дрожатъ и колеблются, точно пѣна на волнахъ прилива. Зрители кругомъ приходятъ въ величайшій восторгъ.

Подъемъ настроенія, забытіе зрителей составляетъ результатъ театрального зрѣлища, но какъ всегда бываетъ, его стараются еще и искусственно усилить. На позднѣйшихъ театральныхъ подмосткахъ эти усилія находятъ себѣ выраженіе въ различныхъ опредѣленныхъ возбудителяхъ. Всѣмъ извѣстно, какую роль во французскихъ театрахъ играютъ организованные клякеры, разсаженные въ разныхъ мѣстахъ, повинующіеся своего рода дирижеру; они подчеркиваютъ воз-

гласами и аплодисментами мѣста, важныя для автора пьесы и для актеровъ, даютъ толчокъ къ оживленію, смѣху, шумному одобренію въ зрительномъ залѣ. Средній, легко заражающійся зритель незамѣтно для себя препарируется такимъ образомъ къ извѣстному настроенію, да и зрителю, болѣе независимому, настроеніе залы можетъ, при помощи кляки, показаться возвышеннымъ.

Конечно, современная организація аплодисментовъ есть паразитная форма дурного художественнаго предпринимательства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ клякерство представляетъ собою искаженіе стариннаго театральнаго учрежденія. Эту старинную форму искусственнаго художественнаго возбужденія можно хорошо видѣть въ японскомъ народномъ театрѣ. Въ Японіи на виду у публики надъ сценой помѣщается своеобразная фигура какъ бы публичнаго режиссера спектакля. Онъ работаетъ при помощи двухъ палочекъ, которыми ударяетъ по звучащей пластинкѣ; онъ постукиваетъ многозначительно, когда надо привлечь вниманіе зрителей, когда выходятъ, напр., главные актеры; онъ подчеркиваетъ извѣстныя слова играющихъ на сценѣ оглушительной дробной трелью. Этотъ театральный руководитель въ одно и то же время рекламируетъ постановку и повышаетъ театральное возбужденіе.

Есть еще любопытное явленіе въ японскомъ театрѣ, которое служитъ той же цѣли. Это—нѣкоторымъ образомъ театральные гномы, низшіе духи міра драматическихъ привидѣній. По сценѣ, среди ярко и блестяще разодѣтыхъ актеровъ, быстро и безшумно шмыгаютъ туда и сюда какія-то фигуры въ корячевыхъ, какъ бы тѣневыхъ костюмахъ. Зритель не долженъ ихъ замѣчать по большей части. Они подставляютъ дѣйствующимъ лицамъ стулья, приносятъ напитки, освѣжаютъ ихъ опахалами, мѣняютъ освѣщеніе. Но это не просто театральные слуги. Вдругъ кто-либо изъ нихъ поднесетъ длинную палку со свѣчей на концѣ, чтобы во весь ростъ освѣтить героя или героиню пьесы въ самый драматическій моментъ. Въ наиболѣе чувствительныхъ, патетическихъ, возбужденныхъ сценахъ непременно появляются эти театральныя тѣни, волнуются, бѣгають, раздѣляютъ чувства дѣйствующихъ лицъ, утѣшаютъ ихъ въ печали, успокаиваютъ въ гнѣвѣ и т. д.

Это все—формы усиленія художественнаго эффекта и подъема театральнаго настроенія. Намъ трудно теперь представить себѣ, въ какой мѣрѣ люди въ старину отдавались театальной иллюзіи. Изрѣдка, какое-либо происшествіе въ народномъ театрѣ напомнитъ намъ, насколько сценическая перегородка отсутствуетъ для первобытнаго зрителя. Въ Голландіи, въ одномъ селѣ не такъ давно давали пьесу, полную кровавыхъ катастрофъ. Два или три убійства уже были совершены на сценѣ. Наконецъ благодушные обыватели не выдержали, вскопчили толпою на арену и остановили зрѣлище съ криками: «ну, довольно вы тутъ крови пролили!»

Нашъ культурный театральныи залъ обыкновенно представляетъ

верхъ благовоспитанности: и все же бываютъ поразительные случаи непосредственнаго воздѣйствія сцены. Въ одной новѣйшей нѣмецкой пьесѣ есть картина дикаго трактирнаго скандала, который грозитъ окончиться тяжелымъ оскорбленіемъ для несчастнаго героя пьесы; нарастающее безпокойство всей сцены доводило иныхъ впечатлительныхъ зрителей почти до потери сознанія.

Сильно непосредственно дѣйствуютъ, также тѣ пьесы и сцены, гдѣ на подмосткахъ есть публика; напр., когда на сценѣ изображенъ театръ, или народное собраніе, митингъ, гдѣ, слѣд., эта сценическая публика дѣлаетъ приблизительно то же, что дѣлаютъ зрители, т.-е. рукоплещетъ, шумитъ, вызываетъ и т. д. Въ такихъ сценахъ двѣ публики до извѣстной степени соединяются вмѣстѣ; точно выровнялся полъ всего театральнаго зала, и мы сами изъ своихъ рядовъ слушаемъ оратора и кипимъ вмѣстѣ съ его аудиторіей; когда падаетъ занавѣсъ, кажется, что онъ неожиданно разрѣзалъ массу собравшихся, и если сцена закончилась шумнымъ оживленіемъ, оно незамѣтно и безъ остановки переходитъ въ горячій взрывъ чувствъ въ средѣ зрителей.

IV.

Мы видѣли разныя формы театральнаго дѣйствія: театръ—состязанье; театръ—навожденіе ужаса; театръ—подъемъ чувства. Но это далеко не все, скажутъ намъ: вѣдь театръ болѣе всего служитъ разсѣянію, перемины настроенія, наконецъ смѣху и отдыху. Конечно; но и здѣсь въ основѣ глубокая исконная потребность человѣка, а ея удовлетвореніе совершается опять въ повышенныхъ, сильныхъ, чрезвычайныхъ формахъ.

Человѣкъ не можетъ выносить непрерывно тягостнаго или стѣснительнаго настроенія. Есть какая-то спасительная сила внутри насъ, которая открываетъ намъ возможность перерыва, отвлеченія. Тогда человѣкъ рѣзко обрываетъ, точно оборачивается лицомъ къ врагу, который сидитъ въ его сердцѣ и точитъ его жизнь. Самымъ лучшимъ выходомъ для этого взрыва бодрости оказывается насмѣшка, карриатура на то самое состояніе, отъ котораго онъ хочетъ избавиться. Чтобы сбросить съ себя нравственный гнетъ, человѣкъ смѣется надъ самимъ собою.

Мы говоримъ, что насмѣшка можетъ убить. Да это—огромная отрицательная, разрушающая сила, которая, однако, время отъ времени спасаетъ насъ отъ отчаянія. Этотъ бѣсъ невзраченъ на видъ, но, разъ ему открытъ просторъ, онъ ничего не оставитъ на мѣстѣ. Все будетъ опрокинуто, вывернуто наизнанку. Все, что людямъ въ другое время дорого, свято, возвышенно, страшно, все это можетъ получить шутовской видъ, быть обращено въ пародію. Человѣкъ говорить

дерзости своимъ богамъ и святымъ, слабый и подчиненный потѣшается надъ сильнымъ и властнымъ, великія чувства поставлены въ нелѣпное положеніе и кажутся проявленіемъ глупости.

Насмѣшка, разт сорвавшись, не знаетъ границъ. Въ знаменитыхъ комедіяхъ Аристофана сыплются нападки на ученыхъ и литераторовъ, которые разрушали вѣру въ старыхъ народныхъ боговъ. Но тотъ же Аристофанъ, консерваторъ въ религиозныхъ и социальныхъ вопросахъ, самъ обращаетъ священный Олимпъ и возвышенныхъ боговъ въ шутовскую компанію. Гераклъ, добрый страдалецъ за людей, обошедшій всю землю, чтобы избавить бѣдное человѣчество отъ зла, обратился въ комедіи въ соннаго обжору. Да и самъ верховный богъ Зевсъ, въ изображеніи Аристофана, смѣшно побаивается за свой авторитетъ, когда два лѣнтяя устраиваютъ у него подъ носомъ безпечальное царство птицъ и зовутъ небожителей въ свой импровизированный рай.

А какое разсужденіе Аристофанъ позволяетъ самому главному отрицателю, Сократу! Старикъ, который пришелъ учиться къ великому умнику, рѣшается выразить вѣру, что праведный Зевсъ караетъ за беззаконіе, за нарушеніе слова и клятвы. Сократъ смѣется и говорить ему: «Старый дуракъ! Коли Зевсъ, правда-то, наказываетъ клятвопреступниковъ, отчего же онъ не разразитъ громомъ обманщиковъ и лжесвидѣтелей въ нашемъ городѣ, а все попадаетъ либо въ свой собственный храмъ, либо въ самый большой почтенный дубъ? Ну развѣ слыхано, чтобы были вѣроломные дубы?»

Какъ же это Аристофанъ допустилъ подобную рѣчь? Многихъ удивляли такія выходки великаго комика, защищавшаго старину и старую вѣру, и ихъ пытались объяснить тѣмъ, что ядъ отрицанія и невѣрія проникъ нечувствительно и въ его умъ, что онъ самъ служилъ невольнымъ признакомъ возрастающаго антирелигіознаго движенія. Едва-ли это такъ. Въ пародіяхъ на божественное у Аристофана вовсе не новая, а очень старинная черта. Шутовское осмѣяніе боговъ, т.-е. идеализированныхъ человѣческихъ качествъ, не есть начало отрицанія боговъ. Оно давно жило, можно сказать, всегда чередовалось съ ихъ культомъ. Это были именно моменты перерыва, чтобы сбросить временно страхъ, серьезность, повышенность това, которые могутъ удручать человѣка. Но вотъ онъ далъ себѣ вольно вздохнуть, смѣхъ прошелъ—и опять авторитеты поднимаются на прежнія мѣста, опять смыкаются цѣпи жизни, опять зрѣлище страданій и неправды, опять поклоненіе невѣдомымъ силамъ, передъ которыми чувствуетъ себя безпомощнымъ человѣкъ.

На этой потребности внезапно, часто бурнаго отвлеченія построены различныя обычаи, на первый взглядъ странныя. Въ старинномъ Римѣ былъ праздникъ сатурналій, во время котораго опрокидывались существующія общественныя отношенія, допускались всевозможныя пародіи, изображенія жизни наизнанку. Высокое положеніе никого не из.

бавляло отъ безцеремоннаго запанибратства. Рабы и подчиненные садились за столъ съ господами и могли требовать прислуживанія. Но еще поразительнѣе обычаи въ средневѣковой церкви, обычаи, въ которыхъ многіе видятъ остатки римскихъ сатурналій. Внутри самого храма, послѣ богослуженія, въ которомъ клиръ только-что выступалъ на недосыгаемой высотѣ посредника между Богомъ и людьми, — появлялись шуты, «сѣумасшедшіе», какъ ихъ называетъ старинный языкъ, и продѣлывали въ дерзкомъ маскарадѣ пародію на священно-служителей. Вводили осла, покрытаго облаченіемъ, и пѣли «сѣумасшедшую» мессу. Это была комедія на ту самую великую и грозную іерархію, подъ руководствомъ которой стояла вся жизнь тогдашняго общества. И всего любопытнѣе то, что въ этомъ невѣроятномъ шутловствѣ участвовали сами клирики.

Не только въ такихъ рѣзкихъ и цѣльныхъ формахъ проявляется потребность отвлеченія. Перерывы могутъ быть чаще, могутъ чередоваться съ моментами серьезнаго или возвышеннаго чувства. Въ такомъ видѣ они и были введены въ старинный религиозный театръ. Въ средневѣковыхъ мистеріяхъ люди смотрѣли страсти Господни, съ замираніемъ сердца слѣдили за ходомъ этой единственной драмы. И вдругъ среди изображенія тяжкихъ страданій Христа или горестной неизвѣстности, въ которой остаются ученики — неожиданно вставлена смѣхотворная сценка, въ родѣ того какъ жестоко расхвастались стражи у гроба Господня, изображая собою карриатуру на тогдашнихъ рыцарей, или какъ жены мирносицы идутъ къ лавочнику, и онъ съ ними торгуется, кричатъ и болтаютъ. Вездѣ, гдѣ нужно, для оживленія дѣйствія, конечно, выступалъ шутъ, такъ сказать, по призванію — дьяволъ: онъ острилъ, попадалъ въ просякъ, и собственные подчиненные высмѣивали его. Но этого мало. И святымъ лицамъ приходилось тоже нести долю комическаго отвлеченія, и ихъ не щадило остроуміе.

Не памфлетисты, не противники вѣры сочиняли эти сцены. Нѣтъ; здѣсь были, во-первыхъ, реально-художественные приемы, на подмосткахъ хотѣли вывести настоящихъ людей, т.-е. людей съ недостатками и слабостями. Но была и другая цѣль: ослабить напряженное, доходящее до боли чувство, оттолкнуть увлекшагося человѣка, можетъ быть, нѣсколько грубо отъ края отчаянія, спасти его отъ печали и меланхоліи.

Средство могло становиться цѣлью; попытки отвлечены посредствомъ смѣха обращались тогда въ виртуозное подыскиваніе контрастовъ, чтобы переносить зрителей отъ одной крайности къ другой, чтобы усиливать общее дѣйствіе зрѣлища. Этотъ приемъ знаетъ весьма первобытный театръ. Въ одной средневѣковой пьесѣ изображается спасеніе человѣка, заключившаго договоръ съ дьяволомъ и отрешающагося отъ Бога. Его беретъ ужасъ, онъ глубоко кается въ своей

дерзновенной жизни и идетъ въ церковь, гдѣ молить Богородицу спасти его. Божья Матерь оставляетъ младенца, сходитъ съ престола и посылаетъ въ адъ за документомъ, въ которомъ записанъ нечестивый контрактъ. Но бѣсенокъ, отправленный туда, хитритъ: онъ суетится изъ угла въ уголъ и возвращается наверхъ, увѣряя, что не нашелъ документа, хотя онъ отлично видѣлъ его за спиной у стараго дьявола. Его бранятъ и опять отсылаютъ въ преисподнюю, откуда наконецъ онъ выкрадываетъ требуемую бумагу. Послѣ этого выхода клоуна серьезное и торжественное дѣйствіе снова возобновляется.

Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ этотъ приемъ и у Шекспира, когда онъ, среди величайшаго напряженія драмы, передъ грозящей кровавой развязкой, выпускаетъ паяцовъ, зубоскаловъ или дурачковъ. Но и тутъ еще остается рассчитанное и благодѣтельное дѣйствіе отвлекающаго смѣха.

Всегда ли театральныи смѣхъ ясно направленъ? Вспомните знаменитый вызовъ публикѣ, который по художественному капризу автора, вложенъ въ уста раздраженному плуту: «Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!» Слова эти, невѣроятныя по своей откровенной смѣлости, звучатъ точно внезапная насмѣшка самого автора надъ собравшимися: «вы не видите, развѣ, что я показываю вамъ самихъ себя въ зеркалѣ?» Но, въ сущности, въ театрѣ самоосмѣяніе скрыто. Насмѣшка отведена въ сторону. Она поражаетъ другихъ, постороннихъ, зрители могутъ спокойно сидѣть на мѣстахъ. Они забываютъ о себѣ, чтобы поскорѣе насладиться зрѣлищемъ чужой бѣды, чужого затрудненія и чужой неловкости.

Эта черта злорадства, несомнѣнно, сидитъ въ людяхъ и находитъ себѣ извѣстное удовлетвореніе въ театральныи зрѣлищахъ. Человѣкъ пробиваетъ себѣ дорогу въ жизни борьбою; все его существо, какъ оно сложилось исторически—результатъ этой борьбы. Онъ способенъ поэтому упиваться зрѣлищемъ столкновения. Эта воинственная складка проходитъ черезъ весь нашъ обиходъ. Хорошая половина нашихъ разговоровъ—споры, и хотя бы они были совершенно дружескіе и исключительно служили свѣтскому развлеченію, но мы, болѣе или менѣе остро, ощущаемъ удовольствіе отъ побѣды, одержанной логическимъ оружіемъ или шутками, и мы чувствуемъ раздраженіе отъ самаго процесса борьбы. Огромное большинство игръ—состязательныя игры, и опять имъ присущи неизбѣжно опредѣленные чувства: пріятно волнуется побѣда и досадно пораженіе. Людей одной профессіи, одинаковаго направленія таланта мы почти неизбѣжно сравниваемъ, рассматриваемъ, какъ конкурентовъ, хотя бы они такими и не были.

Входимъ ли мы сами участниками въ эти состязанія или остаемся зрителями, но въ насъ непремѣнно поднимается хотя бы ослабленное, отдаленное чувство борца: намъ нужно чувствовать, что мы то сладили, одолили бы въ данномъ случаѣ, что въ насъ нѣтъ слабости, которая

опрокинута, осмѣяна, прибита въ раскрытой передъ нами борьбѣ. Назовите эту черту, какъ угодно—нѣкоторые считаютъ ее остаткомъ жестокости въ человѣкѣ,—но она жива и сильна въ насъ; она и составляетъ одинъ изъ секретовъ комедіи.

Мы видѣли: театръ удовлетворяетъ издавна сильныя и острыя потребности человѣка. Онъ даетъ выходъ извѣстнымъ чувствамъ, усиливаетъ другія, разгорячаетъ человѣка и успокоиваетъ его, наконецъ уноситъ его за предѣлы дѣйствительности. Отчего и не назвать его воздѣйствіе волшебнымъ? А что сказать о средствахъ, которыя служатъ этимъ чародѣйскимъ цѣлямъ? Театръ всегда силится повторить, воспроизвести противъ ряда дѣйствительныхъ событій и людей, противъ зрительскаго ряда, еще подобный же сценической рядъ. Театральныя тѣни слѣдуютъ за жизнью, и театромъ мы точно удваиваемъ житейскія фигуры и формы. Какъ пришелъ человѣкъ къ этимъ приемамъ?

На это также, быть можетъ, отвѣтитъ историческая старина. Человѣкъ прежде не чувствовалъ себя въ такой мѣрѣ единымъ цѣльнымъ существомъ, какъ теперь, на высотѣ культуры. Сознаніе ставило ему рядъ загадокъ. Сновидѣніе, болѣзненное забытье, фантазированье—всѣ эти состоянія, какъ ему казалось, не могли принадлежать тому самому существу, которое днемъ глазами видѣло окружающее и руками брало предметы дѣйствительности. Эти состоянія, думалъ онъ, работа особаго, второго существа, двойника, живущаго въ одной тѣлесной оболочкѣ съ первымъ. Это существо спитъ въ обычное время, при яркомъ свѣтѣ дѣйствительности; оно поднимается и вступаетъ въ свои права, когда замираетъ видимый тѣлесный человѣкъ.

У этого второго человѣка свой міръ, своя сфера, свои спутники, свои образы. Можетъ быть, это—тотъ самый загробный міръ, куда двойникъ совсѣмъ улетитъ послѣ смерти. Можетъ быть, и теперь, при жизни, когда въ сладкомъ или страшномъ сновидѣніи воображеніе далеко уноситъ человѣка, двойникъ летаетъ туда. Міръ этотъ совсѣмъ не такъ далеко. Есть мрачныя горныя разсѣлины, которыя ведутъ къ нему внизъ, подъ землю. А можетъ быть, онъ близко за облаками или на землѣ, за моремъ, куда въ золотой зарѣ прячется солнце. Міръ этотъ вовсе не такъ рѣзко отдѣленъ отъ нашего ежедневнаго: сказанія говорили, что были блаженные люди, которыхъ туда живьемъ переносили боги; да и назадъ оттуда можно вернуться. Можетъ быть, даже этотъ міръ окружаетъ насъ невидимо, находится среди насъ.

Въ силу этихъ понятій два міра все время живутъ и дѣйствуютъ рядомъ, раздѣленные таинственной чертой, почти не сообщаясь: міръ свѣта и тѣней, міръ вещей и міръ духовъ, міръ реальный и міръ мистическій. Въ человѣческомъ существѣ оба міра соприкасаются: человѣкъ можетъ бывать въ томъ или другомъ. У иныхъ есть счастливая способность переносить себя въ невидимый глазамъ міръ, но есть для

и самъ отправляется къ нимъ. Наконецъ, можно поймать на время то что узрѣлъ ясновидящій счастливецъ въ другомъ мѣрѣ, и показать другимъ. Вотъ это и будетъ первоначальный театръ.

Театръ въ началѣ всегда фантастиченъ. Маски подражаютъ мертвецамъ, бѣсамъ, ночнымъ страшилищамъ, животнымъ, болѣе всего тому, что подсказываютъ безпокойныя сновидѣнія. Жутко, страшно трогать эту область, но человѣкъ не можетъ не заглядывать въ таинственный полумракъ, который весь создается изъ преувеличенія и удвоенія его же собственныхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій. Театръ, повидимому, и служить вначалѣ этой игрѣ, страшной, захватывающе интересной, нестерпимо больной и въ то же время сладкой неудержимой игрѣ. Человѣкъ придумалъ театръ, исходя изъ вѣры въ двойственность міра и въ двойной характеръ собственнаго существа; онъ спѣшилъ въ яркихъ краскахъ нарисовать второй свѣтъ и, конечно, лишь повторялъ въ повышенныхъ тонахъ самого себя.

Театръ—созданіе старой мистики. Онъ дошелъ до насъ, сильно измѣнившись съ перемѣной всего міровоззрѣнія. Мы не вѣримъ въ двойниковъ, но мы еще не отвыкли различать въ себѣ двѣ силы: мы различаемъ въ себѣ активнаго и пассивнаго человѣка, существо испытывающее и существо анализирующее. Поэтому у насъ осталась и потребность воспроизводить самихъ себя въ повторительномъ дѣйствіи, вызывать къ жизни фикцію, въ которой мы еще разъ видимъ себя. Посредствомъ этой фикціи мы точно искусственно раздваиваемъ себя, отдѣляемъ человѣка чувствующаго отъ анализирующаго—для того, чтобы производить критику надъ собою, чтобы совершать надъ собою известную работу, усиливать одни свойства, подавлять другія.

Театръ такъ же старъ, какъ человѣческое общество. Но можно сказать, что театръ такъ же молодъ, какъ оно. Въ сммомъ дѣлѣ, развѣ это не признакъ неизбывающей молодости человѣческаго общества, если каждая новая эпоха, каждое новое поколѣніе, послѣ тяжелыхъ испытаній своихъ предшественниковъ, послѣ крушенія ихъ надеждъ, снова поднимаетъ борьбу противъ неправды и насилія, изменности и трусости, невѣжества и страха людского и опять вѣрится въ возможность соорудить храмъ изъ человѣческихъ отношеній. Въ этой борьбѣ театръ былъ и останется долго однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ.

Р. Випперъ.

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Изъ Лиліенкрона.

1) Забытый.

Вторую ночь, второй ужъ день
Лежить во ржи солдатъ забытый
И кровью ранъ своихъ покрытый.
Надъ нимъ—колосевъ спѣлыхъ сѣнь.

Въ груди—предсмертное томленье.
Возвелъ онъ взоры въ небеса.
Что это? Сонъ? Звенить коса,
Работа, мирное селенье...

Большой напрягъ и взоръ, и слухъ.
Нѣтъ, не видать села родного!
Онъ головою нивнетъ спова,
И отлетаетъ скорбный духъ.

2) П о б ѣ д а.

Розы дикія обвили
Наготу кровавыхъ ранъ,
О побѣдѣ возвѣстили
И труба, и барабанъ.

Полночь... Ужасъ безпредѣльный...
Вой въ деревнѣ былъ жестокъ,
Много рукъ въ тоскѣ смертельной
Рвутъ траву... Воды глотокъ!

Утро. Ямы роковыя,
Мертвцовъ не перечести!
Съ вѣтромъ трубы полковыя
Разнесутъ побѣды вѣсть.

О. Чюмина.

Бродячій пѣвецъ.

Блѣднѣетъ свѣтъ вечерній...
 Какимъ путемъ идти?
 Камней и острыхъ терній
 Не мало на пути.

Стучаться тщетно буду
 Въ дома съ закатомъ дня,
 Любви великой чуду
 Не сбьтся для меня.

Приютъ богатыхъ—тѣсенъ;
 Кто сытъ и кто обуть—
 Моихъ свободныхъ пѣсенъ
 Тѣ люди не поймутъ,—

Мелодій вдохновенныхъ,
 Рождаемыхъ грозой,
 Напѣвовъ, окропленныхъ
 Горючею слезой.

Но пусть меня въ метели
 Не грѣетъ камелекъ—
 Дойду къ завѣтной цѣли
 Во тьмѣ и одинокъ.

О. Чюмина.

НА ПОВОРОТѢ.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Продолженіе *).

VI.

На завтра Шеметовъ, Борисоглѣбскій, Вегнеръ и Ольга Петровна уѣхали въ Томилинскъ. Таня осталась погостить еще.

Жизнь потекла теперь болѣе спокойная. Товаревъ попрежнему наслаждался чудесной погодой и деревенскимъ привольемъ. Отношенія его съ Варварой Васильевной были какъ будто очень дружественныя, но, когда они разговаривали наединѣ, имъ было неловко смотрѣть другъ другу въ глаза; то давнишнее, петербургское, что раздѣлило ихъ, стѣною стояло между ними, они не могли перешагнуть черезъ эту стѣну и сдѣлать отношенія простыми; а между тѣмъ Варвара Васильевна становилась Товареву опять все милѣе.

Дни шли. Варвара Васильевна съ утра до вечера пропадала въ окрестныхъ деревняхъ, леча мужиковъ, принимала ихъ въ домѣ съ чернаго хода. Сергѣй ушелъ въ книги. Таня тоже много читала, но начинала скучать. Товареву она нравилась все меньше; его поражало, до чего она узка и одностороння; съ нею можно было говорить только объ опредѣленныхъ вещахъ и вопросахъ, все остальное ей было скучно, чуждо и представлялось пусляками. Поведеніе Тани, ея манера держаться также возмущали Товарева: она совершенно не считалась съ окружающими; Конкордія Сергѣевна, напр., съ трудомъ могла скрывать свою антипатію къ ней, а Таня на это не обращала никакого вниманія. Вообще, какъ замѣтилъ Товаревъ, Таня возбуждала къ себѣ въ людяхъ либо рѣзко-враждебное, либо ужъ горячо-сочувственное, почти восторженное отношеніе, и онъ сравнивалъ ее съ Варварой Ва-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь. 1902 г.

сильевой, которая всёми, даже самымъ чуждымъ ей по складу людямъ, умѣла внушить къ себѣ мягкую любовь и уваженіе.

Пятаго августа Варвара Васильевна, Токаревъ, Таня, Сергѣй и Катя отправились въ Томилинскъ, чтобъ повидать проѣзжаго гостя Варвары Васильевны. На станцію они пришли пѣшкомъ. Вечерній поѣздъ, шедшій изъ Москвы, былъ биткомъ набитъ народомъ; въ третьемъ классѣ не было ни одного свободнаго мѣста, и путники размѣстились стоя, кто на площадкахъ, кто у оконъ въ проходахъ.

Дали третій звонокъ. Поѣздъ свистнулъ и сталъ двигаться. Начальникъ станціи, въ красной фуражкѣ и съ толстымъ, бородастымъ лицомъ, что-то сердито кричалъ сторожу, указывая пальцемъ на конецъ платформы. Тамъ сидѣли и лежали среди узловъ человекъ десять мужиковъ, въ лаптяхъ и отрепанныхъ, пыльныхъ зипунахъ. Сторожъ, съ злымъ лицомъ, подбѣжалъ къ нимъ, что-то крикнулъ и, размахнувъ ногою, сильно ударилъ сапогомъ лежавшаго на узлѣ старика. Мужики испуганно вскочили и стали поспѣшно забирать узлы.

— Господи, да что же это такое?!—воскликнула Таня, стоявшая рядомъ съ Токаревымъ.

Поѣздъ уходилъ. Таня и Токаревъ высунулись изъ окна. Мужики сбѣгали съ платформы. Сторожъ, размахнувшись, ударилъ одного изъ нихъ кулакомъ по шеѣ; тотъ втянулъ голову въ плечи и побѣжалъ быстрѣе. Изогнувшійся дугою поѣздъ закрылъ станцію.

— За что это? Что тамъ случилось?—быстро спросила подошедшая Варвара Васильевна, —блѣдная, съ трясущимися губами.

— Не знаю,—отвѣтилъ Токаревъ, тоже блѣдный и возмущенный.

— „Что случилось“!.. Значить, улеглись мужички на неуказанное мѣсто, ну, ихъ покорнѣйше и попросили посторониться,—объяснилъ сидѣвшій рядомъ мастеровой.

Варвара Васильевна, прикусивъ губу, ушла на свое мѣсто. Таня стояла, злобно нахмурившись, и молча смотрѣла въ окно.

— Да, легко все это у насъ дѣлается!—сказалъ Токаревъ.

Въ глазахъ ея была такая ненависть, такое безпощадное презрѣніе къ этимъ избитымъ людямъ, что она стала противна Токареву. Онъ отвернулся; въ душѣ его шевельнулась глухая вражда, почти страхъ къ чему-то дико-стихійному и чуждому, что навсвоязъ проникало все существо Тани.

— Ну, чортъ съ ними, стоитъ еще объ нихъ говорить!—сказала Таня, передернувъ плечами, и снова стала смотрѣть въ окно.

Заря догорала. Поѣздъ гремѣлъ и колыхался, въ душномъ, накуренномъ вагонѣ было темно, стоялъ громкій говоръ, смѣхъ и пѣсни.

— Да, Володя, вотъ что!—заговорила Таня.—Какъ хочешь, а нужно будетъ въ Томилипсѣхъ предпринять еще что-нибудь, чтобъ Варя уѣхала отсюда.

Токаревъ махнулъ рукою.

— Ну, пошло!.. Я не понимаю, чего ты берешь на себя какую-то опеку надъ Варварой Васильевной.

— Да неужели же ты не видишь, что съ нею дѣлается? Вѣдь положительно живьемъ разрушается человѣкъ: какое-то колебаніе, сомнѣніе во всемъ, полное невѣріе въ себя... Очевидно, ея дѣятельность ее не удовлетворяетъ.

— Откуда это очевидно?—возразилъ Токаревъ, пожавъ плечами.—Я не говорю про Варвару Васильевну, я ее слишкомъ мало знаю,—но, вообще говоря, человѣкъ можетъ не вѣрить въ себя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Онъ можетъ признавать данную дѣятельность самою высокою и нужною, и все-таки не вѣрить въ себя... Ну, хотя бы просто потому, что чувствуетъ себя не въ силахъ отдаться этой дѣятельности,—произнесъ онъ съ усиленіемъ.

— Какъ это такъ?—удивилась Таня.—Дѣятельность самая высокая и нужная,—и не можешь ей отдаться! Очевидно, значитъ, есть другая дѣятельность, болѣе высокая и болѣе нужная.

— Таня, меня прямо поражаетъ, до чего ты узко смотришь! Возьмемъ какой-нибудь примѣръ; скажемъ, я признаю, что дѣятельность врача—одна изъ самыхъ нужныхъ; но я *не могу*, мнѣ тяжело смотрѣть на всѣ эти гноящіяся раны, слушать эти стоны, плачь...

— Очень понятно! Конечно, врачебная дѣятельность не можетъ заполнить жизни,—она слишкомъ узка и бесплодна.

— Я же это только для примѣра говорю!—нетерпѣливо произнесъ Токаревъ.—Ну, возьми, какую угодно, дѣятельность. Пусть она будетъ широка, въ высшей степени плодотворна,—все, что хочешь; да только нѣтъ у меня силъ отдаться ей!

— Очевидно, значитъ, ты не совсѣмъ вѣришь въ нее.

— Ну, слушай, Таня! Поставимъ вопросъ еще прямѣе,—поставимъ грубо, каррикатурно. Скажемъ, я страстно люблю шампанское, устрицы. Я теоретически вполне понимаю, что есть дѣла несравненно выше уничтоженія устрицъ и шампанскаго, да меня-то больше тянетъ къ устрицамъ и шампанскому.

— Тогда нечего и ломать себя: пей шампанское и ѣшь устрицы.

Подожелъ Сергѣй и молча сѣлъ около нихъ на ручку скамейки.

— Такъ что, если бы тебя больше всего тянуло къ *такой*

„дѣятельности“, то ты съ спокойною душою и предалась бы ей?—спросилъ Токаревъ.

— По моему, это ужасно скучно; но если бы тянуло,—конечно, предалась бы.

— Господи, до чего все это эгоистично!—возмутился Токаревъ.—Ну, гдѣ же, гдѣ же у тебя хоть какой-нибудь нравственный регуляторъ, хоть какой-нибудь критерій? Сегодня скучно жить для себя, завтра станетъ скучно жить для другихъ! Неужели ты не понимаешь, сколько въ этомъ эгоизма? Что хочется, то и дѣлай!.. Тебѣ даже совершенно непонятно, что могутъ быть люди, которые считаютъ своимъ долгомъ дѣлать не то, что хочется, а что признаютъ полезнымъ, нужнымъ для жизни.

— Но вопросъ въ томъ,—насколько имъ это удастся?—вмѣшался Сергѣй. — Я не понимаю, почему вы такъ возмущаетесь эгоизмомъ. Дай намъ Богъ только одного,— побольше именно эгоизма,—здороваго, сильнаго, жаднаго до жизни. Это гораздо важнѣе, чѣмъ всякаго рода „долгъ“, который человѣкъ взваливаетъ себѣ на плечи; взвалить,—и идетъ, вряхтя и шатаясь. Пускай бы люди начали дѣйствовать *изъ себя*, свободно и безъ надсады, не ломая и не насилуя своихъ склонностей. Тогда настала бы настоящая жизнь.

— Воображаю, какая бы настала жизнь!—сдержанно усмѣхнулся Токаревъ.

— Хорошая бы жизнь настала! И погибъ бы безвозвратно ея главный врагъ,—скука. Потому что вотъ съ чѣмъ эгоизмъ никогда не захочетъ примириться,—съ скукою!

Токаревъ съ улыбкою поднялъ брови.

— Скука...—протянулъ онъ.—Вы серьезно думаете, что главный врагъ жизни—это, дѣйствительно, скука?

— Безусловно! Скука стѣдитъ всякихъ лишеній, униженій, длинныхъ рабочихъ дней и тому подобнаго... „Скучно“! Вѣдь отъ этого „скучно“ люди сходятъ съ ума и кончаютъ съ собою, это „скучно“ накладываетъ свою иссушающую печать на цѣлыя историческія эпохи. Вырваться изъ жизненной скуки,—вотъ самая главная задача современности. И суть не въ томъ, чтобъ человѣкъ вырвался изъ этой скуки, а чтобъ *люди* вырвались изъ нея. А для этого что нужно? Нужно, чтобъ вокругъ ключомъ была живая общественность, чтобъ жизнь цѣликомъ захватывала душу, чтобъ эта жизнь была велика и сильна, полна борьбы и свѣта... Вотъ что нужно, чтобъ ощущалъ человѣкъ, а не необходимость какого-то „долга“... Долгъ! Въ сосѣдствѣ съ долгомъ самъ воздухъ начинаетъ свисаться и пахнуть плѣсенью.

Таня слушала Сергѣя съ разгорѣвшимися глазами.

— Все это очень легко говорить...—началь Токаревъ, но въ это время въ вагонѣ поднялся страшный шумъ и крикъ.

— Сволочь ты, негодяй!!—оралъ какой-то толстый господинъ въ грязномъ парусиновомъ пиджакѣ и съромъ картузикѣ съ блестящимъ чернымъ козырькомъ.—Я—отставной поручикъ слесарскаго гренадерскаго полка, а ты мнѣ смѣешь „ты“ говорить?.. Подлецъ!

Мастеровой въ чуйкѣ, съ блѣднымъ, зеленоватымъ лицомъ, мирно было заговорившій съ сердитымъ господиномъ, въ первую минуту опѣшилъ.

— Я тебя, мерзавца, сейчасъ велю высадить изъ поѣзда!.. Подлецъ, пьяница!..

— Я думалъ, это пушки, анъ это—лягушки!—медленно и громко протянулъ мастеровой.

Кругомъ засмѣялись.

— Молчать!!!—гаркнулъ толстый господинъ.—Дуракъ!

— Не бывалъ, братъ, ты умнымъ человѣкомъ, коли я дуракъ,—отвѣтилъ мастеровой.—Ишь ты, какой! Ясный козырекъ нацѣпилъ себѣ и думаетъ,—хозяинъ! Мнѣ на твой ясный козырекъ наплевать!

— Ах-хъ, ты, мерзавецъ!—возмутился про себя господинъ и высунулся изъ окна, какъ бы высматривая, скоро-ли остановится поѣздъ, чтобъ позвать жандарма.

— Плюю я на твой ясный козырекъ,—вотъ такъ: тѣфу!—мастеровой плюнулъ на полъ.—Плюю и потираю ногами!

— Буде вамъ!—сказалъ сидѣвшій рядомъ подгородный мужикъ.—Чѣмъ все ругаться, лучше прямо подраться!

— Вѣрно! Мнѣ ндравится ваше слово!—отвѣтилъ мастеровой.—Я васъ уважаю!.. А сказать что-нибудь противъ меня ясному козырьку энтому,—не позволю! Не желаю молчать!.. Извините меня, пожалуйста! Прошу извиненія!

— Тутъ колокольцевъ нѣту, звенѣть не на чѣмъ,—зѣвнулъ мужикъ.

Толстый господинъ, подергивая головою, продолжалъ выглядывать въ окно.

— Не желаю молчать!—волновался мастеровой.—Онъ меня растревожилъ, а я его не беспокоилъ!.. Слышь ты, козырекъ! Я сознаю, что ты—дуракъ! Понялъ ты это слово?

Поѣздъ остановился у полустанка. Толстый господинъ послѣшно вышелъ и черезъ минуту воротился съ жандармомъ.

— Вотъ!—коротко произнесъ онъ, указавъ на мастерового.—Убери его!

Жандармъ подошелъ къ мастеровому и взялъ его за рукавъ.

— Вставай!—рѣшительно сказалъ онъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—оторопѣло спросилъ мастеровой.

— Но, но, вставай! Нечего!

— Да что вы? За что вы меня?—повысилъ голосъ мастеровой.

— Послушайте, жандармъ, за что вы его высаживаете?—вскипѣла Тая, быстро подходя къ нимъ.—Онъ ничего не дѣлалъ!

— Мы всѣ можемъ быть свидѣтелями,—прибавилъ Токаревъ.—Этотъ господинъ самъ же первый началъ, на весь вагонъ сталъ кричать и ругать его.

— Я тебѣ говорю, что онъ мнѣ нанесъ оскорбленіе!—грозно и выразительно обратился толстый господинъ къ жандарму.

— Всѣ въ вагонѣ слышали, что вы первый стали наносить ему оскорбленія,—спокойно сказалъ Токаревъ.

Токаревъ былъ одѣтъ чисто и прилично, гораздо приличнѣе толстаго господина. Жандармъ въ нерѣшительности остановился, не зная, что дѣлать.

— Жандармъ! Я тебѣ повторяю: возьми его!—рѣшительно произнесъ толстый господинъ.—Онъ пьянъ!

— Нѣтъ, я не пьянъ!—возразилъ мастеровой.—Вы меня оскорбили, а я васъ не тревожилъ!

— Вы не извольте беспокоиться!—вполголоса обратился жандармъ къ Токареву.—Я его только въ другой вагонъ переведу.

— Да съ какой стати?—громко возразилъ Токаревъ, чувствуя пріятное и спокойное ощущеніе силы, которую ему придавалъ его приличный костюмъ.—Мы вамъ всѣ заявляемъ, что этотъ господинъ самъ началъ первый скандалить. Почему вы его не переводите?

— А то, можетъ, ваше благородіе, вы сами перейдете?—почтительно-увѣщавающимъ голосомъ обратился жандармъ къ толстому господину.

— Я тебѣ въ послѣдній разъ повторяю: убери его!—грозно крикнулъ господинъ.

Жандармъ растерянно пожалъ плечами.

— Да вѣдь вотъ... Всѣ свидѣтельствуютъ, что вы же сами начали,—извиняющимся голосомъ произнесъ онъ.

— Ахъ, та-авъ!.. зловѣще протянулъ господинъ.—Ну, хорошо, ступай!—отрѣзалъ онъ.—Хорошо, хорошо! Можешь идти!.. Мы это еще увидимъ! Ступай, нечего!

Жандармъ съ извиняющимся лицомъ мялся на мѣстѣ. Вагоны двинулись. Онъ соскочилъ на платформу.

— Тутъ еще скоро, пожалуй, избьютъ тебя!—возмущеннымъ голосомъ проговорилъ толстый господинъ и, взявъ свой чемоданъ, пошелъ въ другой вагонъ.

Торжествующій мастеровой стоялъ, пошатываясь, и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Фью-у!—слабо свистнулъ онъ и махнулъ рукою въ догонку господину.—Нѣтъ, ей-Богу, чудачокъ!—обратился онъ къ Танѣ, улыбнувшись и лихо покрутивъ головою.—Молчи, говоритъ, дуракъ!.. А? Почему такое? Не желаю молчать!.. Благороднаго человѣка я уважаю всегда! А коли со мною поступаютъ сурьезно,—не могу терпѣть! Такой ужъ характеръ у меня... строгій! Намедни мастеръ говоритъ намъ: „вотъ что, ребята! Послѣ Спаса за каждый приборъ на двѣ копейки меньше будемъ платить“... Какъ такъ? Нѣтъ, я говорю, я не желаю!.. Мнѣ не копейка нужна. Что копейка? Я на нее плюю!—Онъ досталъ затасканный кошелекъ, вынулъ пяталтынный и бросилъ его на-земь.—Вотъ! Не нужно мнѣ, пускай тутъ лежитъ! А зачѣмъ онъ неправильно поступаетъ? Не желаю, говорю, уйду отъ васъ, больше ничего!

— А вы гдѣ работаете?—спросила Таня.

— Мы-то? А вонъ за бугромъ зданіе пыхтитъ... Мы—токари по металлу. Мѣдь, свинець, олово,—это у насъ называется металл... По нашему, по мастеровому!..

Поездъ гремѣлъ и колыхался. Въ вагонахъ зажгли фонари. Таня сидѣла въ уголкѣ съ мастеровымъ и оживленно бесѣдовала съ нимъ.

— Я, милая моя барышня,—конфиденціально сообщала ей мастеровой,—я желаю жить, чтобъ было по справедливому, чтобъ обиды мнѣ не было! Я этого не желаю терпѣть—никогда! А за деньгами я не гонюсь... Я вотъ выпилъ—и больше ничего!

Паровозъ оглушительно и протяжно засвистѣлъ. Въ темнотѣ замелькали огни томилинскихъ пригородовъ, всѣ поднялись и стали собираться.

Поездъ остановился у платформы. На ней суетились, бѣгали, одни выходили изъ вагоновъ, другіе входили. Затиснутые въ сплошной толпѣ, Токаревъ, Сергѣй, Варвара Васильевна и Катя вышли на подъездъ.

— А гдѣ же Таня?—спросила Варвара Васильевна, когда они очутились на улицѣ

Сергѣй посмѣивался.

— Она съ мастеровымъ пошла,—сказалъ онъ.

— Да не можетъ быть!—воскликнулъ Токаревъ.

— Вѣрно! Я видѣлъ: онъ себѣ взвалилъ узелокъ на плечи, она рядомъ съ нимъ; прямо съ платформы сошли, мимо вокзала.

У Токарева опустились руки.

— Чортъ знаетъ, что такое!—проговорилъ онъ.

Онъ въ колебаніи остановился посреди улицы. Въ стороны отъ нея тянулись боковыя улицы, заселенныя мастеровщиною,—черныя, зловѣщія, безъ единого огонька.

— Нужно ее отыскать!—сказалъ Токаревъ.—Это положи-

тельно ненормальный человекъ: дѣвушка, ночью, одна, идетъ съ пьянымъ, незнакомымъ человекомъ, сама не знаетъ, куда!

— Ищи вѣтра въ полѣ!—засмѣялся Сергѣй.—Ей-Богу, молодчина Татьяна Николаевна!

Они пришли къ Варварѣ Васильевнѣ. Подали самоваръ, сѣли пить чай.

— Нѣтъ, ей-Богу, люблю Татьяну Николаевну!—говорилъ Сергѣй.—Это такой пролетарій до мозга костей! Никакія условности для нея не писаны, ничѣмъ она не связана, ничего ей не нужно...

— По моему, это не пролетарій, а психически-больной человекъ, и ей необходимо лечиться,—угрюмо возразилъ Токаревъ.

Таня пришла къ двѣнадцати часамъ ночи,—оживленная, радостная, съ блестящими глазами. Токаревъ былъ такъ возмущенъ, что даже не сталъ ей ничего говорить, и сидѣлъ молча, насупившійся и грустный. Таня не обращала на него вниманія.

VII.

Токаревъ и Сергѣй переночевали въ „колоніи“, Таня и Катя—въ больницѣ у Варвары Васильевны. Назавтра къ тремъ часамъ Токаревъ и студенты пришли къ Варварѣ Васильевнѣ. Тимошей Балугевъ ужъ сидѣлъ у нея. Тани не было: она въ одиннадцать часовъ утра ушла къ своему вчерашнему знакомцу и еще не возвращалась.

Балугевъ, въ черной блузѣ съ застегнутыми у кистей рукавами, сидѣлъ за столомъ и, держа на разставленныхъ пальцахъ блюдечко, пилъ чай въ прикуску. При входѣ гостей онъ всталъ.

— Ну, Тимошей Степанычъ, здравствуйте!—радостно произнесъ Токаревъ, идя ему навстрѣчу. Они обнялись и крѣпко поцѣловались три раза накрестъ.

— Не думалъ я, что и васъ тутъ увижу!—сказалъ Балугевъ, въ замѣшательствѣ проводя своею большою рукою по густымъ волосамъ. Ему было лѣтъ тридцать пять; густая русая борода спускалась до половины груди. Блуза на немъ была подпоясана чернымъ кожанымъ поясомъ съ темно-синей стальной пряжкой.

Сергѣй, Шеметовъ, Борисоглѣбскій и Вегнеръ назвали себя и почтительно пожали его руку.

— Какъ вы измѣнились!—проговорилъ Токаревъ, глядя на загорѣлое, обросшее лицо Балугева.—Встрѣтилъ бы васъ на улицѣ, не узналъ бы.

— Да... Да и я бы васъ не призналъ,—медленно отвѣтилъ Балугевъ.

— Что же, постарѣлъ?..

— Пооблиняли какъ-то... На видѣ!

— Ну, садитесь, господа! Пейте чай, закусывайте!—сказала Варвара Васильевна.

Всѣ сѣли къ столу.

— Вы куда же теперь направляетесь?—спросилъ Токаревъ, намазывая масло на хлѣбъ.

— Въ Екатеринославъ ѣду. Тамъ товарищи посулились на заводъ пристроить. Тутъ, значитъ, нужно было Варвару Васильевну повидать. А между прочимъ, вотъ, и васъ встрѣтилъ... Ну, а вы какъ?

Онъ говорилъ не спѣша, поднявъ брови и глядя на Товарева своими маленькими, внимательными глазами. Студенты и Катя украдкой приглядывались къ Балуеву и молчали.

Разговоръ, какъ обыкновенно, вначалѣ вязался плохо. По-немногу онъ сталъ все больше оживляться. Рѣчь зашла объ одномъ изъ вопросовъ, горячо обсуждавшихся въ послѣднее время въ кружкахъ и дѣлившихъ единомысленныхъ недавно людей на два рѣзко-враждебныхъ лагеря. Токаревъ спросилъ Балуева, слышалъ ли онъ объ этомъ вопросѣ и какъ къ нему относится.

— Какъ же, слышалъ,—отвѣтилъ Балуевъ. — Книжки тоже кой-какія читалъ объ этомъ...—Онъ помолчалъ.—Думается мнѣ, не съ того конца вы подходите къ дѣлу. Оно гладко пишется въ книжкахъ, логически, а только книжка, знаете, она больше по верхамъ кружится, больно много сразу захватить хочетъ. Оно то, да не то выходитъ. Смотришь въ книжку, — вотъ какіе вопросы; и въ волосы изъ-за нихъ вцѣпиться радъ всякому. А кругомъ поглядишь,—что такое? И вопросы другіе, и совсѣмъ изъ-за другого ссориться надо.

— Но позвольте, вѣдь книжки основываются на той же жизни, на тѣхъ же жизненныхъ фактахъ,—возразилъ Сергѣй какимъ-то необычно для него тихимъ и смирнымъ голосомъ.

— Вѣрно! „Факты“... Что такое факты? Я вотъ гляжу въ окошко, вижу, лошадь упала, и говорю: „тутъ дорога склизкая,—пожалуйста, не спорьте со мною; самъ видалъ, какъ лошадь упала“. А на дорогѣ этой, можетъ, пыли по щиколку, а лошадь потому упала, что нога подвернулась. Оно, видите ли, коли на факты въ окошко смотрѣть, то и факты-то оказываются фальшивыми. А изъ этихъ фактовъ здоровеннѣйшій гвоздь сдѣлаютъ, да въ голову его тебѣ и вгоняютъ... Намедни встрѣтился я въ Петербургѣ съ однимъ пріятелемъ старымъ.—Ты, спрашиваетъ, кто?—Я? (Подъ густыми усами Балуева мелькнула улыбка) Али не узналъ? Слесарь Тимошей!—Нѣ-ѣтъ, я не о томъ. Ты человѣкъ какихъ взглядовъ?—Я, говорю... рабочій!

Всѣ послѣшили громко и дружно разсмѣяться.

— Вотъ и ходить человѣкъ съ гвоздемъ въ головѣ,—продолжалъ Балуетъ.—И вѣдь не въ окошко самъ глядитъ, все кругомъ видитъ глазами,—а нѣтъ! Гвоздь въ головѣ сидитъ крѣпко.

Поднялся общій споръ. Приводились „факты“, соображенія. Балуетъ, положивъ на столъ руку ладонью внизъ, медленно и спокойно возражалъ, поднимая брови и оглядывая всѣхъ своими внимательными глазами. И шестеро спорившихъ были слабы передъ нимъ, какъ будто они стояли въ колеблющемся и уходящемъ изъ-подъ ногъ болотѣ, а онъ среди нихъ — на твердой почвѣ.

— А о книжкѣ я только что говорю? — обратился Балуетъ къ Варварѣ Васильевнѣ.—Словъ нѣтъ, она вещь полезная, необходимая,—кто-жъ станетъ спорить? А только вѣдь нужно и ее съ толкомъ читать,—одно взялъ, другое бросилъ. А у насъ какъ? Сшилъ себѣ человѣкъ кафтанъ изъ взглядовъ и надѣваетъ. А кафтанъ-то ему, можетъ, совсѣмъ и не въ пору. Вотъ наемни одинъ товарищъ мой пишетъ изъ Москвы брату своему, мальчонкѣ: Вася, говоритъ, учись, читай книжки, думай, чтобъ ты могъ стать „борцомъ за страдающихъ и угнетенныхъ“... Во-отъ! Я думаю, больно ужъ много книжекъ самъ онъ начитался, мозги обмозолилъ себѣ.

— Великолѣпно! — въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй. Онъ вскопчилъ и быстро заходилъ по комнатѣ. Митричъ довольно ухмылялся. Остальные недоумѣвали.

— Что-жъ вы тутъ находите смѣшного? — осторожно спросилъ Токаревъ.—По моему, письмо это, напротивъ, чрезвычайно трогательно.

— Нѣтъ, чтожъ смѣшного... Очень даже благородно! А только... За себя будь борцомъ, и то ладно. А то: мнѣ самому, дескать, ничего не надо, я вотъ только насчетъ „страдающихъ“... Недавно мнѣ тоже одинъ человѣкъ совсѣмъ это самое говоритъ...

— Я все-таки васъ не понимаю! — сказалъ Токаревъ, пожавъ плечами.

— ...одинъ человѣкъ,—образованный, интеллигентный; и притомъ состоятельный: чай пьетъ съ булками. Говорить: мнѣ ничего не нужно, мнѣ самому хорошо; я, говорить, если готовъ работать, то готовъ работать для другихъ... По моимъ взглядамъ, это ужъ не интеллигентный человѣкъ.

— Но почему же, почему? — настойчиво спросилъ Токаревъ.— Дѣятельность эгоистическая, т.-е. только для себя, по необходимости будетъ всегда узкою и темною. Высшая нравственность, напротивъ, заключается именно въ самопожертвованіи, когда человѣкъ не видитъ отъ этого выгоды для самого себя. Самопо-

жертвованіе! Какъ я могу жертвовать собою для самого себя? Напротивъ, чѣмъ меньше мои собственные интересы направляютъ мою дѣятельность, тѣмъ она будетъ чище, выше, свѣтлѣе. Вѣдь это совершенно ясно!

Балуевъ, поднявъ брови, слушалъ, и въ его глазахъ появилось что-то напряженное и растерянное. Онъ началъ возражать. Споръ становился все отвлеченнѣе. И чѣмъ отвлеченнѣе онъ становился, тѣмъ все болѣе книжными и шаблонными становились выраженія Балуева; отъ него повѣяло сѣрою скукою и теоретическою „неинтересностью“. Токаревъ и Варвара Васильевна возражали все бережнѣе и осторожнѣе, стараясь не припираться къ стѣнкѣ. Балуевъ всталъ; быстро теребя бороду, онъ заходилъ по комнатѣ и запинаящимся, неувѣреннымъ голосомъ приводилъ свои бившія мимо цѣли возраженія.

Сергѣй, своимъ твердымъ, самоувѣреннымъ голосомъ, вмѣшался въ споръ и сталъ защищать высказанный Балуевымъ взглядъ. Споръ сразу оживился, сдѣлался глубже, ярче и интереснѣе; и по мѣрѣ того, какъ онъ отрывался отъ осязательной дѣйствительности, онъ становился все ярче и жизненнѣе; Балуевъ же, столь сильный своею неотрывностью отъ жизни, былъ теперь тусклъ и сѣръ. Онъ почти пересталъ возражать; горячо и внимательно слушающая Сергѣя, онъ только сочувственно кивалъ головою на его возраженія.

Споръ началъ падать. Всѣмъ еще милѣе и симпатичнѣе сталъ Балуевъ, съ его серьезнымъ, напряженно-вдумывающимся лицомъ, какое у него было во время спора.

— Тимошей Степанычъ, вашъ чай совсѣмъ остылъ, — сказала Варвара Васильевна. — Дайте, я вамъ налью свѣжаго.

— А вотъ сейчасъ! Я этоть допью! — Балуевъ поспѣшно допилъ чай и протянулъ стаканъ Варварѣ Васильевнѣ; Сергѣй предупредительно взялъ стаканъ и передалъ сестрѣ.

— Скажите, Тимошей Степанычъ, — обратился онъ къ Балуеву. — Какъ вы стали вотъ такимъ? Вы учились въ какой-нибудь школѣ?

— До двадцати лѣтъ я и грамотѣ не зналъ, — отвѣтилъ Балуевъ. — Приѣхалъ въ Питеръ обломъ-обломомъ. Потомъ ужъ самоучкой выучился

— А что васъ заставило научиться?

Балуевъ улыбнулся.

— Хотѣлъ самъ французскіе романы читать; очень ужъ они меня заинтересовали; на квартирѣ у насъ, какъ воротимся съ работы, одинъ парнишка громко намъ „Молодость Генриха Четвертаго“ читалъ: всю бы ночь слушалъ. Выучился я, значитъ, сталъ читать. Много прочелъ французскихъ романовъ, тоже вотъ фельетонами зачитывался въ „Петербургской Газетѣ“ и „Петер-

бургскомъ Листвѣ"; даже нарочно для нихъ въ публичную библиотеку ходилъ. Ну, а потомъ поступилъ я въ вечернюю трехклассную школу, кончилъ тамъ, — послѣ этого, конечно, получилъ довольно широкій умственный горизонтъ.

Слушатели украдкою переглянулись; послѣднее выраженіе у всѣхъ вызвало умиленіе.

— И вѣдь вотъ штука какая любопытная! — съ улыбкою продолжалъ Балуевъ. — Помню, читалъ я „Рокамболя“; два тома прочелъ, а дальше не могъ достать; ужъ такая меня взяла досада! Что съ нимъ дальше, съ этимъ Рокамболомъ, случится? Хоть иди, на деньги покупай книжку, ей-Богу!.. Ну, ладно. Прошло года четыре. Ужъ Добролюбова прочелъ, Шелгунова, Глѣба Успенскаго. Вдругъ попадается мнѣ продолженіе... Желанный! Забралъ я книжку домой, думаю, — ужъ ночь не посплю, а прочту. Сталъ читать, — пятьдесятъ страницъ прочелъ и бросилъ. Такая глупость, такая скучища!.. А все-таки добромъ я ее помяну всегда, она меня читать приучила. Эти Рокамболи, вы знаете, — они большое дѣло дѣлаютъ!.. Ну, а часъ-то который сейчасъ? — обратился онъ къ Барварѣ Васильевнѣ.

— Пора идти, а то на поѣздъ опоздаете! — вздохнула Варвара Васильевна. — А то, можетъ быть, останетесь до завтраго?

— Нѣтъ, нельзя, нужно спѣшить! Спасибо на угощеніи. Прощайте!

Онъ всталъ, въ своей черной блузѣ, въ пыльных, отрепанныхъ сапогахъ, и обошелъ столъ, протягивая всѣмъ свою широкую руку. Катя робко поднялась и, — розовая, съ внимательными, почтительными глазами, — ждала. Балуевъ протянулъ ей руку; она вложила въ эту грубую, моволистую руку свою бѣлую, узкую руку и крѣпко пожала ее, испытывая отъ этого пожатія необычное чувство какого-то умиленія и радостнаго смущенія.

Балуевъ взялъ со стула свой узелокъ и вышелъ въ сопровожденіи Варвары Васильевны.

Варвара Васильевна воротилась. Всѣ сидѣли молча.

— Какъ онъ однако измѣнился! — задумчиво произнесъ Токаревъ. — И какой онъ крѣпкій, цѣльный, — прямо, кражистый какой-то!

— Да. Ничего нѣтъ похожаго на прежнее, — сказала Варвара Васильевна. — Помните, раньше? Горячій, пылкій, — но всѣмъ, какъ желторотый галчонокъ; разинулъ влюбъ, и пихай въ него, что хочешь. Ну, а теперь...

— Да, а теперь? — печально спросилъ Вегнеръ. — По моему, это положительно ужасно! Такое отрицаніе теоріи — гибель и смерть рѣшительно всему. Мы это поймемъ, но поймемъ слишкомъ поздно.

Дверь быстро раскрылась и вошла Тая, — запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся. Она оглядѣла комнату.

— Уѣхаль уже?

— Уѣхаль, конечно.

— Ахъ, ты, Господи! Ну, что это? — съ досадою воскликнула Тая. — Что, что онъ рассказывалъ? — жадно обратилась она къ Варварѣ Васильевнѣ и Сергѣю.

— Любопытный парень! — съ медленною улыбкою сказалъ Сергѣй, неподвижно глядя въ окно. — Какъ это онъ ловко выразился насчетъ обмозоленныхъ книжкою мозговъ! Чортъ его знаетъ, какой-то совсѣмъ особенный душевный строй!

Тая быстро прошла по комнатѣ.

— Слушайте, Митрычъ! — рѣшительно проговорила она. — Теперь пять минутъ шестого, поѣздъ отходить въ четверть шестого. Поѣдемъ на извозчикѣ на вокзалъ. Вы меня познакомите съ нимъ.

— Что жъ, поѣдемъ! — согласился Митрычъ, вставая.

Они оба вышли.

VIII.

Въ дверь раздался стукъ.

— Войдите! — сказала Варвара Васильевна.

Въ комнату вошелъ больничный фельдшеръ Антонъ Антонычъ, — невысокій и полный человекъ, въ бѣломъ халатѣ и розовомъ крахмальномъ воротничкѣ; онъ былъ блѣденъ, на его вспотѣвшій лобъ падала съ головы жирная и мокрая градь волосъ.

— Варвара Васильевна, Никанора привезли: взбѣсился! — сообщилъ онъ.

— Да что вы?! — воскликнула Варвара Васильевна. — Никаноръ? Взбѣсился-таки?

— Въ телѣгѣ привезли изъ деревни, связаннаго... Я, изволите видѣть, дежурный, а доктора нѣтъ. Ужъ не знаю, снимать ли его съ телѣги, или доктора подождать: больно ужъ бьется, страшно подойти. За докторомъ-то я послалъ.

Варвара Васильевна быстро надѣвала бѣлый халатъ.

— Ну, вотъ еще, — ждате! Что жъ ему, такъ связаннымъ и лежать?.. Пойдемте!

Они поспѣшно вышли.

Оставшіеся вяло молчали, мѣшая ложками въ стаканахъ съ остывшимъ чаемъ. Было очень жарко. Сергѣй сидѣлъ у окна и читалъ „Русскія Вѣдомости“.

— Духота какая!.. Давайте, господа, на лодкѣ покатаемся!— предложилъ Шеметовъ.

— Чтожъ, поѣдемъ,—отозвался Токаревъ.

— Только, господа, подождемте Татьяну Николаевну,—сказала Катя.

— Ну, вотъ еще! Ждать ее!—сердито возразилъ Сергѣй. — Она, можетъ быть, только къ ночи воротится!

Сергѣй почему-то выглядѣлъ теперь нервнымъ и раздраженнымъ.

— Я готовъ пари держать, что она съ нимъ сѣла въ вагонъ, чтобъ проѣхать пару станцій! — съ усмѣшкою произнесъ Токаревъ.

— До самага Екатеринослава его проводить, — убѣжденно сказалъ Шеметовъ.

Гдѣ-то съ силою хлопнула дверь. Въ больничномъ корридорѣ раздался тяжелый топотъ ногъ, возня и какой-то дикій, безумный хохотъ. Всѣ стали прислушиваться. По корридору проносили мимо. что-то тяжелое, кто-то хриплымъ голосомъ выкрикивалъ безсвязныя слова и хохоталъ; слышался громкій и спокойный голосъ Варвары Васильевны, отдававшей приказанія. Шумъ замеръ въ другомъ концѣ корридора.

Варвара Васильевна вошла въ комнату.

— Что это такое? Правда, бѣшенный человѣкъ?—со страхомъ спросила Катя.

— Да. Ужасно жалко его!—сказала Варвара Васильевна. — Такой славный былъ мужикъ,—мягкій, деликатный, просто удивительно! И жена его, Дуняша, такая же... Его три мѣсяца назадъ укусила бѣшеная собака; онъ лежалъ въ больницѣ, потомъ его отправили въ Москву, для прививокъ. И вотъ, все-таки взбѣсился! Буянить, бьется,—пришлось помѣстить его въ арестантскую.

— Ну, господа, идемъ, будетъ ждать,—проговорилъ Сергѣй, вставая,—Варя, хочешь съ нами? Мы ѣдемъ на лодкѣ.

— Отлично! Идемте.

Они вышли на улицу.

— А должно быть, тяжелое впечатлѣніе производятъ такіе больные, — поморщившись, произнесъ Токаревъ, у котораго еще стоялъ въ ушахъ дикій хохотъ больного.

— Не знаю, на меня они рѣшительно никакого впечатлѣнія не производятъ,—глухо отвѣтила Варвара Васильевна, глядя въ землю. — Вотъ ушла отсюда, — и на душѣ ничего не осталось, какъ будто его совсѣмъ и не было.

Въ городскомъ саду, гдѣ отдавались лодки, по случаю праздника происходило гуляніе. По пыльнымъ дорожкамъ двигались нарядныя толпы, оркестръ въ будѣ игралъ вальсъ „Невозвратное

время". Токаревъ сторговалъ лодку, они сѣли и поплыли вверхъ по теченію. Городской садъ остался назади, по берегамъ тянулись маленькіе домики предмѣстья. Потомъ и они скрылись. По обѣ стороны рѣки стѣною стояла густая, высокая осока, и за нею не было ничего видно. Солнце сѣло, западъ горѣлъ алымъ свѣтомъ.

Шеметовъ, какъ столбъ, стоялъ на скамейкѣ и смотрѣлъ вдоль рѣки.

— Сережа, Вегнеръ! Столкните, пожалуйста, Шеметова въ воду: онъ мнѣ заслоняетъ видъ,—сказала Катя.

Сергѣй, молчаливый и нахмуренный, сидѣлъ на кормѣ и не пошевелился. Вегнеръ сдѣлалъ движеніе, какъ будто собирался толкнуть Шеметова. Шеметовъ исподлобья выразительно взглянулъ на него.

— Посмотрю-ка, кто на это рѣшится!—грозно проговорилъ онъ, засучивая рукава рубашки.—

Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!..

Шеметовъ въ ожиданіи стоялъ, сжимая кулаки.

— Вотъ что значить во-время привести подходящій стихъ!—самодовольно произнесъ онъ, садясь.—Никто не осмѣлился!

Токаревъ гребъ, молча и задумчиво глядя себѣ въ ноги. Балдеевъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и онъ испытывалъ какой-то смутный стыдъ за себя и пренебреженіе къ окружающимъ; въ головѣ проносились воспоминанія изъ студенческаго времени. Потомъ припомнилась сцена изъ ибсеновскаго „Гинта“. Задорный Перъ Гинтъ схватывается въ темнотѣ съ невидимымъ существомъ и спрашиваетъ его: „кто ты?“ И голосъ Великаго Горбуна отвѣчаетъ: „я—я самъ! Можешь ли и ты это сказать про себя?..“

Шеметовъ острилъ и шуточно пикировался съ Катей, Варвара Васильевна и Вегнеръ смѣялись. Сергѣй молчалъ и съ скучающимъ, безглымъ видомъ смотрѣлъ на нихъ.

— А Сережа сидитъ, какъ будто укусу съ горчицей наѣлся!—засмѣялась Катя.

— Не вижу, чему смѣяться,—сумрачно отвѣтилъ Сергѣй.—Ваши острооты нахожу ужасно неостроумными.

— Что это?—вдругъ спросила Катя, насторожившись.

Далеко въ осокѣ отрывисто и грустно ухала выпь,—странными, гулкими звуками, какъ будто въ пустую кадучку.

— Выпь,—воротко отвѣтилъ Сергѣй.

— Какіе оригинальные у нея звуки! Что-то такое загадочное,—сказала Варвара Васильевна.

— А что такое выпь... рыба или птица?—невинно спросил Шеметовъ Сергѣя.

Сергѣй молча отвернулся и, наклонившись съ кормы, опустил руку въ воду.

— Это онъ выпь хочетъ выловить, показать намъ,—догадался Шеметовъ.

— Нѣтъ, братъ, выпь ловить я тебя самого въ воду спущу!—злбно отвѣтилъ Сергѣй.

— А лодка-то, лодка какъ идетъ!—вдохнула Катя.—Только подрагиваетъ, а впередъ совсѣмъ не движется.

— Течение быстрое,—сказалъ Токаревъ.

— Лодка дрожить отъ позора, что на ней такіе гребцы!

— Странная причина!—пробурчалъ Сергѣй.

Шеметовъ, качая головою, съ упрекомъ смотрѣлъ на Катю.

— Ай-ай-ай, какой срамъ! И не стыдно вамъ? Сморозили: лодка дрожить отъ позора! Лодка есть предметъ неодушевленный,—важнымъ, докторальнымъ тономъ заговорилъ онъ.—Она можетъ дрожать только отъ толчковъ, а не отъ позора, потому что она сдѣлана изъ дерева; а дерево, какъ всѣмъ прекрасно извѣстно, ничего не можетъ чувствовать.

— Ну, продолжай, продолжай!—прищурившись, сказалъ Сергѣй.—Эдакій остроумный юноша,—просто удивительно!

— Нѣтъ, Сережѣ положительно нужно дать валеріанки!—засмѣялась Варвара Васильевна.—Его сегодня какая-то блоха укусила.

— Владиміръ Николаевичъ, дайте мнѣ погresti!—обратился Сергѣй въ Токареву.

Онъ сѣлъ на весла и принялся яро гresti. Лодка пошла быстрѣе. Сергѣй работаль, склонивъ голову и напрягаясь, весла трещали въ его рукахъ. Онъ гребъ минутъ съ десять, потомъ остановился и отеръ потъ съ раскраснѣвшагося лба.

— Однако, какой изъ меня современемъ выйдетъ паскудный старичишка!—вдругъ проговорилъ онъ съ сконфуженною улыбкою.

Всѣ засмѣялись.

— Чортъ знаетъ, что такое!..—Сергѣй помолчалъ, глядя въ даль, гдѣ надъ темной осокъ догорала золотистая зоря.—Ужасно гнусное впечатлѣніе оставила во мнѣ сегодняшняя встрѣча!—задумчиво произнесъ онъ.—Можетъ ли быть что-нибудь противнѣе? Сидитъ онъ,—спокойный, увѣренный въ себѣ, а мы вокругъ него,—млѣющіе, умиленные, лебезящіе. И какое характерное съ нашей стороны отношеніе: мягкая снисходительность съ высоты своего теоретическаго величія, и въ то же время чисто-холопское пресмыканіе передъ нимъ. Какъ же! Вѣдь онъ—„носитель“! А мы—что мы такое? Пустота, которая стыдится себя

и тоскуеть по немъ, „носителѣ“. Жизнь, дескать, только тамъ, а тамъ ты чужой, органически не связанъ... Какая гадость! Почему онъ такъ гордо несетъ свою голову, живя самъ собою, а я только вздыхаю и поглядываю на него? Въ концѣ концовъ, я самъ по себѣ историческій фактъ. Я—интеллигентъ: что-жъ такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю, я вѣрю въ него и уважаю его, но прежде всего я хочу вѣрить *въ себя*.

— А этой вѣры нѣтъ и не можетъ быть,—грустно возразила Варвара Васильева.

— Почему это?—вызывающе спросилъ Сергій.—Чѣмъ я хуже его? Какая между нами разница?

— Та разница, что ты вотъ и теперь ужъ сталъ паскуднымъ старичишкой,—ворчливо произнесъ Шеметовъ.

Сергій хотѣлъ что-то возразить, но нахмурился и замолчалъ. Онъ снова взялся за весла и сталъ усиленно грести.

Было ужъ совсѣмъ темно, когда они воротились къ пристани. Въ городскомъ саду народу стало еще больше, въ пыльномъ мразѣ, среди вѣтвей, блестяли разноцвѣтные фонарики, музыка гремѣла.

На улицахъ было пустынно и тихо; стояла томительная духота, пахло известковою пылью и красками.

— Прощайте, господа, я пойду на вокзалъ,—вдругъ сказалъ Сергій, все время молчавшій.—Поѣду съ ночнымъ поѣздомъ: не стоить ждать до завтраго.

— Сережа, можно, и я съ тобой?—спросила Катя.

— Какъ хочешь,—хмуро отвѣтилъ Сергій.

Они простились и пошли къ вокзалу.

IX.

Шеметовъ и Вегнеръ повернули къ себѣ, Токаревъ пошелъ съ Варварой Васильевной проводить ее до больницы. Въ темномъ небѣ ярко мерцали звѣзды, гдѣ-то далеко стучала трещотка ночного сторожа. Варвара Васильевна и Токаревъ шли по тихой улицѣ, и ихъ шаги звонко отдавались за домами; оба задумчиво молчали. Сегодняшняя встрѣча пробудила въ нихъ давнишнія воспоминаія, они не перекинулись ни словомъ, но оба знали и чувствовали, что думаютъ объ одномъ и томъ же.

— Пойдите, что такое?—вдругъ сказала Варвара Васильевна, остановившись.

По ту сторону улицы стоялъ небольшой двухэтажный домъ; окна въ верхнемъ этажѣ были раскрыты, и изъ нихъ слышались звуки скрипки и роая; играли „Легенду“ Венявскаго.

У Токарева забилося сердце. „Легенда“ Венявскаго... Пять лѣтъ назадъ, онъ сидѣлъ однажды вечеромъ у Варвары Васильевны, въ ея убогой комнатѣ на Васильевскомъ Островѣ; за тонкою стѣною въ сосѣдней комнатѣ какой-то студентъ консерваторіи игралъ эту же „Легенду“. И отъ его игры на душѣ сладко щемило, охватывало поэзіей, страстно хотѣлось любви и свѣтлаго счастья; и какъ это тогда случилось, Токаревъ самъ не зналъ,— онъ схватилъ Варвару Васильевну за руку и, задыхаясь отъ волненія и счастья, высказалъ ей все,—высказалъ, какъ она безконечно дорога ему, и какъ онъ ее любитъ.

Изъ оконъ широко лились пѣвучіе, жалующіеся звуки „Легенды“. Токаревъ взглянулъ на Варвару Васильевну. Она стояла не шевелясь, съ блестящими глазами, и жадно слушала. Гдѣ-то вдали съ грохотомъ прокатились дрожжи, потомъ застучала трещотка ночного сторожа.

— Господи, какъ мѣшajúть!—нетерпѣливо прошептала Варвара Васильевна.

Вдали смолкло, и опять по тихой улицѣ поплыли широкіе, царственные звуки. Лицо у Варвары Васильевны стало молодое и прекрасное, глаза свѣтились. И Токаревъ почувствовалъ,—это не музыка приковала ее, въ этой музыкѣ онъ, Токаревъ, изъ далекаго прошлаго говорилъ ей о любви и счастьѣ, и ея душа тянулась въ нему, и сердце горячо билось въ отвѣтъ.

Музыка прекратилась, послышались звуки настраиваемой скрипки.

— Пойдемте! Другого не нужно слушать! — быстро сказала Варвара Васильевна.

Они пошли дальше. И опять за тихими домами отдавались ихъ шаги, и звѣзды мерцали въ темномъ небѣ.

— Помните, Варвара Васильевна...—началъ Токаревъ.

— Да, да! — поспѣшно прервала она его, оживленная и счастливая.—Только не пужно объ этомъ говорить... Какъ хорошо кругомъ, какъ звѣзды сверкають!..

Они подошли къ воротамъ больницы.

— Заходите чай пить,—сказала Варвара Васильевна.

Въ ея комнатѣ было темно, Токаревъ зажегъ лампу.

— Посидите, я сейчасъ схожу въ кухню за кипяткомъ... — Варвара Васильевна что-то вспомнила и въ колебаніи помолчала.— Или вотъ что,—заговорила она извиняющимся голосомъ:—подождите минутъ пять, я только схожу, провѣдаю сегодняшняго больного.

— Варвара Васильевна, да это же невозможно!—возмущился Токаревъ.—Ну, пожалуйста, я васъ прошу,—онъ сжалъ ея руку въ своихъ рукахъ, — пожалуйста, оставьте вы на сегодня всѣхъ

больныхъ! Вѣдь вы въ отпускѣ, тамъ у васъ есть дежурные фельдшера.

— Я въ одну минуту сбѣгаю. Видите, сегодня дежурный Антонъ Антонычъ; онъ съ десяти часовъ заляжетъ спать и не встанетъ до утра. А больной тяжелый, ему, можетъ быть, что-нибудь нужно... Я сейчасъ ворочусь!

— Ну, а можно мнѣ съ вами пойти?

— Отлично, пойдете!— радостно отвѣтила Варвара Васильевна.

Они пошли по корридору; Варвара Васильевна тихо открыла дверь въ арестантскую. Это была небольшая комната, разгороженная пополамъ желѣзною рѣшоткою. Во второй половинѣ, за рѣшоткою, сидѣлъ на полу, на тюфякѣ, больной. По эту сторону, у стѣны, стоялъ больничный служитель Иванъ, — блѣдный, съ широко открытыми глазами. Маленькая лампочка горѣла на стѣнѣ.

— Ну, что Ниваноръ? — шопотомъ спросила Варвара Васильевна служителя.

— Послѣ обѣда ничего былъ. Докторъ ему лекарство далъ, онъ заснулъ... А теперь вотъ сидитъ, глазами ворочаетъ, да вдругъ какъ начнетъ головою биться объ рѣшотку!.. Все пить просить.

— А лекарство вечеромъ давали ему?

— Н-нѣтъ...

Варвара Васильевна и Токаревъ подошли къ рѣшоткѣ. Въ полумракѣ сидѣлъ на полу огромный человѣкъ; онъ сидѣлъ сторбившись, съ свѣсившимися на лобъ волосами, и раскачивалъ головою.

— Здравствуйте, Ниваноръ! Какъ поживаете?— мягко сказала Варвара Васильевна.

Больной медленно поднялъ голову и пристально оглядѣлъ Варвару Васильевну; на его темной бородѣ ключьями висѣла подсыхавшая пѣна.

— А какъ!.. Видно, не больно хорошо!— хрипло отвѣтилъ онъ.

— Вы меня знаете?

— Ну, а какъ же не знаю!

— Кто же я?

— Вы-то? Барышня наша.— Онъ помолчалъ, задумчиво потирая ладонью край лба.— Скажите вы мнѣ, Бога ради,— какъ я сюда попалъ?

— Вы въ больницѣ. Вамъ было худо, и потому васъ привезли сюда.

— Худо?— переспросилъ больной и задумался.— Да, да, я что-то сильно безобразилъ. Но что я дѣлалъ,— не знаю.

— Ничего вы не безобразили. Просто, у васъ сильно болѣла голова, такъ сильно, что вы были безъ памяти. Ну, конечно, когда

человѣкъ безъ памяти, то и мечется... Хотите пить? Я вамъ сейчасъ дамъ.

— А рѣшотка зачѣмъ?—спросилъ больной.—Нѣтъ, видно сильно я безобразилъ, коли за рѣшотку посадили меня, какъ звѣря.

Онъ уныло опустилъ голову. Лицо у него стало грустное и хорошее.

— Посадили васъ за рѣшотку, чтобъ вы не убѣжали, если опять будете безъ памяти,—только для того. Поправитесь,—и пойдете себѣ домой,—сказала Варвара Васильевна.

— А гдѣ моя жена?—вдругъ спросилъ больной.

— Дома.

— А скажите... Она жива?

— Конечно, жива и здорова.

— А ребята?

— И ребята тоже.

— Гмъ...—Больной нахмурился и понурилъ голову.—Да скажите же вы мнѣ,—что такое со мною было?—спросилъ онъ, начиная волноваться.—Я помню, я что-то сильно безобразилъ. Вотъ вы говорите, жена моя Дуняша здорова... Отчего жъ ея тутъ нѣту?

— Никаноръ, какой вы, право, странный! Вѣдь вы же знаете, что у нея въ деревнѣ хозяйство, дѣти, скотина. Не можетъ же она все бросить и идти къ вамъ. Ну, справить дѣла, утромъ и придетъ васъ провѣдать.

— Утромъ... Нѣтъ, это вы меня обманываете!.. Что съ женой?—вдругъ коротко и рѣшительно спросилъ онъ, быстро поднявъ голову.—Я ей что-нибудь сдѣлалъ? Убилъ ее? Не обманывайте вы меня, Бога ради!

— Ну, Никаноръ, если вы мнѣ не вѣрите, то я уйду,—рѣшительно сказала Варвара Васильевна.—Мнѣ, наконецъ, обидно: я никогда не лгу, а вы вотъ мнѣ не вѣрите.

Больной внимательно слушалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, я вѣрю,—спокойнѣе проговорилъ онъ.—Ну, а васъ, барышня, я не обидѣлъ? Помнится, я вамъ что-то худое сдѣлалъ.

— Да нѣтъ же, голубчикъ, ничего вы мнѣ не сдѣлали!.. Будетъ разговаривать, вамъ это вредно... Иванъ, сходите къ смотрителю и принесите бутылку пива,—обратилась она къ служителю.

Иванъ вышелъ. Больной сидѣлъ на тюфякѣ, свѣсивъ голову. Лицо его поблѣднѣло, онъ дышалъ часто и поверхностно.

— Эхъ, вотъ тутъ больно,—произнесъ онъ, показывая подъ ложечку,—дыхать не даетъ. А пить охота...

— Вотъ, сейчасъ принесутъ пиво, вы выпьете, и вамъ станетъ легче.

— Скажите, барышня, я... бѣшенный?—срывающимся голосомъ вдругъ спросилъ больной.

— Ну, что за глупости!—разсмѣялась Варвара Васильевна.— Какой-же вы бѣшенный! У васъ просто горячка, больше ничего. Я сейчасъ пойду поить васъ,—развѣ бы я пошла, если бы вы были бѣшенный?

Больной замолчалъ. Его мутные глаза смотрѣли изъ полумрака на Варвару Васильевну.

— Я сейчасъ во всю силу буду стучать въ дверь!—неожиданно сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А чтобъ Дуняша пришла!—вызывающе отвѣтилъ больной.

— Я же вамъ говорила, что сейчасъ ей некогда. Она придетъ завтра утромъ, а если что задержать,—въ полдни ужъ непременно

— „Въ по-олдни“...—съ усмѣшкой повторилъ больной.—Ну, теперь я вижу, что вы все врете. Говорили,—утромъ, а теперь ужъ на полдни перешли!.. Нѣтъ, видно ея и въ живыхъ-то нѣту... Пустите меня, я къ ней пойду!—кривнулъ онъ, вставая и подходя къ рѣшеткѣ.

— Ну, Ниваноръ, если такъ, то прощайте! Я вамъ передаю ея же слова, а вы не вѣрите. Если не вѣрите, то нечего и толковать.

— Нѣтъ, постойте, не уходите. Вы скажите только,—придетъ она?

— Придетъ.

— Ей-Богу?

— Ей-Богу.

— Ну, ладно, буду ждать. А только... Коли она не придетъ, буду такъ безобразить, что... И васъ не послушаю, никого!—Больной помолчалъ. — Коли не придетъ, увидите, что будетъ! Я попрошу васъ къ себѣ сюда...—зловѣще протянулъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А тогда узнаете, зачѣмъ!.. Значить, вы только утѣшали меня, обманывали!..

Больной начиналъ волноваться все больше.

— Эхъ, какъ больно тутъ!—въ тоскѣ проговорилъ онъ.— Дайте мнѣ пить! Я пить хочу.

Въ арестантскую на ципочкахъ вошелъ служитель Иванъ съ бутылкою пива.

— Вотъ, извольте!.. Только я, барышня, ни за что не пойду съ вами!—прошепталъ онъ, въ смутномъ ужасѣ косаясь на больного.—Хоть сейчасъ съ мѣста гоните!

— Антонъ Антоничъ у себя? — спросила Варвара Васильевна.

Она вышла съ Токаревымъ въ корридоръ.

— Но вѣдь бѣшеные, кажется, не могутъ пить?—спросилъ Токаревъ, ощущая въ спинѣ быструю, мелкую дрожь.

— Нѣтъ, пиво имъ иногда удается проглотить.

По корридору шель заспанный Антонъ Антоновичъ, въ своихъ розовыхъ воротничкахъ и пиджакѣ.

— Антонъ Антонычъ, Никаноръ пить просить; не можете ли вы мнѣ его напоить?—обратилась къ нему Варвара Васильевна.

Фельдшеръ остановился, поднялъ брови и забѣгалъ глазами по потолку.

— Мм-м... Знаете, что? Подождемте лучше доктора, онъ вѣдь скоро придетъ.

— Какой же „скоро“? Онъ приходитъ въ девять утра, а теперь только часъ ночи.

— Нѣтъ, знаете... Онъ сегодня раньше придетъ.

— Ну, Антонъ Антонычъ, это вы сочиняете! Почему онъ сегодня раньше придетъ?.. Скажите, можете вы мнѣ или нѣтъ? Антонъ Антонычъ замаялся.

— Знаете... я боюсь! А ну, какъ онъ меня укуситъ! Съ докторомъ хоть въ огонь пойду, а безъ него я... извините, боюсь!

— Какъ хотите!.. Дѣло только въ томъ, что одной трудно его напоить.

Варвара Васильевна бѣглымъ взглядомъ скользнула по лицу Токарева. Токаревъ внимательно смотрѣлъ на фельдшера и съ невиннымъ видомъ игралъ ключикомъ отъ часовъ.

— Ну, а если я не пойду, то что будетъ?—помолчавъ, спросилъ фельдшеръ.

— Что будетъ! Ничего особеннаго. Пойду одна.

Фельдшеръ съ изумленіемъ оглядѣлъ ее.

— Ну Варвара Васильевна... Какъ это—одна! Это невозможно!

— А чтожь я буду дѣлать? Больной просить пить, а я стану уговаривать его ждать до девяти часовъ?

Варвара Васильевна повернулась и пошла назадъ.

— Барышня, вы подумайте, вѣдь это невозможно!—говорилъ фельдшеръ, идя за нею слѣдомъ.—Да и на что пить ему? Онъ, все равно, не выздоровѣетъ, помретъ въ завтраму,—съ пивомъ ли, безъ пива ли...

— Нужно будетъ морфія всыпать въ пиво,—сказала Варвара Васильевна, не слушая его.

Она вошла въ арестантскую. Фельдшеръ, странно сопя носомъ, въ волненіи прошелся по корридору.

— Я, знаете... не могу этого...—дрожащимъ голосомъ обра-

тился онъ къ Токареву.—У меня жена молодая, ребенокъ маленький...

И, быстро повернувшись, онъ снова, сопя носомъ, пошелъ по корридору; Токаревъ видѣлъ, какъ онъ бормоталъ что-то подъ носъ и размахивалъ дрожащими руками.

Варвара Васильевна высыпала въ жестаную кружку порошокъ и налила въ нее пиво. За рѣшоткою вырисовывалась въ полумракѣ огромная, лохматая фигура больного; онъ сидѣлъ сгорбившись и въ забытїи качалъ головою. Служители и сидѣлки толпились въ первой комнатѣ, изрѣдка слышали глубокой вздохъ. Токаревъ стоялъ, прислонясь къ косяку корридорной двери, и крѣпко стискивалъ зубы, потому что челюсти его дрожали.

Варвара Васильевна подошла къ рѣшоткѣ.

— Никаноръ, вы хотѣли пить. Я войду, напою васъ; хорошо? — спросила она.

— Хорошо,—пробормоталъ больной.

— Ну, а можно мнѣ къ вамъ одной войти, вы не обидите меня? Больной съ удивленіемъ поднялъ на нее глаза.

— Что вы, барышня? Вы меня поить будете, а я обижать! Нѣтъ, вы не опасайтесь!

— Ну, хорошо... Иванъ, отойдите замкомъ!—обратилась она къ служителю.

— Только я, барышня, ни за что не пойду съ вами!—снова зашепталъ Иванъ.—Да и вы бы тоже, барышня... Вѣдь въ его душу не влѣзешь!

— Да отпирайте же!—нетерпѣливо повторила Варвара Васильевна.

Въ комнатѣ стало тихо. Иванъ дрожащими руками совалъ ключъ, но не могъ попасть въ замкомъ. Больной неподвижно сидѣлъ на тюфякѣ и съ загадочнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на толпу за рѣшоткой.

Въ дверяхъ корридора появился фельдшеръ. Съ широко открытыми, страдающими глазами, онъ остановился на порогѣ, крѣпко вцѣпившись пальцами въ локти. Иванъ продолжалъ лязгать ключомъ по замку, Варвара Васильевна, блѣдная и спокойная, съ сдвинутыми тонкими бровями, ждала съ кружкой въ рукахъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Господи!.. Простите меня, я не могу!—пробормоталъ фельдшеръ; онъ какъ-то странно-молитвенно поднялъ вверхъ руки, повернулся и съ поднятыми руками пошелъ по корридору прочь.

Замкомъ два раза звонко щелкнулъ, рѣшотчатая дверь открылась. Всѣ замерли. Варвара Васильевна вошла къ больному. Вдругъ словно какая-то сила подхватила Токарева; онъ протолкался сквозь толпу и быстро вошелъ также за рѣшотку.

— Ну, Никаноръ, давайте пить!—сказала Варвара Васильевна. Больной зашевелился и поспѣшно отеръ ладонью усы.

— Дайте мнѣ руку, держите меня!—проговорилъ онъ.

— Позвольте, я подержу,—вполголоса обратился Токаревъ къ Варварѣ Васильевнѣ.

Она быстро обернулась и взглянула на него. И вдругъ ея блѣдное лицо вспыхнуло радостью, и засвѣтившіеся глаза съ горячею ласкою остансвились на Токаревѣ.

— За обѣ руки держите,—замѣтилъ больной. —А то я боюсь, не зашибить бы барышню... Эй, вы!—обратился онъ къ толпѣ.—Подержите кто-нибудь!

Иванъ на ципочкахъ вошелъ въ дверь и, широко улыбаясь, взявъ больного за руку. Токаревъ держалъ другую руку; онъ держалъ и смотрѣлъ на подсохшіе влочья пѣны, висѣвшіе въ спутавной, темной бородѣ больного.

— Эхъ, выпить-то я не смогу!—вздохнулъ больной, жадно глядя на кружку съ холоднымъ пивомъ.—Я воду въ ротъ, а меня какъ-будто кто за горло схватить.

— Да это не вода, это пиво,—сказала Варвара Васильевна.—Вы не бойтесь, пиво всякій всегда можетъ выпить, оно совсѣмъ легко идетъ въ горло... Ну, откройте ротъ!

Больной неувѣренно раскрылъ ротъ; Варвара Васильевна влила въ него ложку пива.

— Ну, вотъ! Отлично! Глотайте поскорѣй, вы непременно проглотите!—увѣренно твердила Варвара Васильевна.

Больной закрылъ глаза и постарался проглотить, но судорога сдавила ему горло. Въ мучительныхъ усилахъ побороть ее, онъ весь изогнулся назадъ, выкативъ глаза и вырывая руки изъ рукъ державшихъ; потомъ вдругъ сѣлъ и облегченно, глубоко вздохнулъ: онъ проглотилъ.

— Не ушибъ ли я васъ?—спросилъ онъ, передохнувъ.—Кажись, руками я шибко махалъ; не задѣлъ ли кого?

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, милый, никого ты не задѣлъ!—радостно отвѣтила Варвара Васильевна.—Вотъ теперь ты самъ видишь, что можешь пить... Ну, еще ложку!

— Дай вамъ Богъ добраго здоровья!.. Ну, Господи помилуй!

Больной, хотя съ значительными усилями, но выпилъ еще двѣ ложки.

— Теперь, Богъ дастъ, засну,—сказалъ онъ, облегченный и успокоенный.

Всѣ вышли отъ него. Въ корридорѣ къ Варварѣ Васильевнѣ подошелъ фельдшеръ.

— Я, право, Варвара Васильевна, не могъ пойти!—виновато заговорилъ онъ, подобострастно заглядывая ей въ глаза.—Вѣдь я

не одинъ, вы знаете; у меня жена молодая, ребенокъ... Знаете, хотѣлъ было пойти, и вдругъ—какъ видѣніе встало передъ глазами: Дашенька, а на рукахъ ея младенецъ! И голосъ говоритъ: „не ходи!..“ Не ходи, не ходи!.. Какая-то сила невидимая держитъ и не пускаетъ!

— Ну, что ужъ объ этомъ говорить теперь!—добродушно засмѣялась Варвара Васильевна.—Видите, кое-какъ сладилось дѣло. Покойной ночи!

Она и Токаревъ вошли въ ея комнату. На подносѣ стоялъ большой жестяной чайникъ съ кипяткомъ, и чай былъ уже заваренъ.

— Боже мой, какой чудакъ этотъ вашъ Антонъ Антоничъ!—со смѣхомъ сказалъ Токаревъ.—Вотъ бы вы посмотрѣли на его фizioномію, когда Иванъ отпиралъ замокъ!.. Да, Варвара Васильевна, встати: отчего вы прямо не обратились ко мнѣ, чтобъ я вамъ помогъ? Я сначала не рѣшался предложить свои услуги, думалъ, что для этого нуженъ специалистъ. Ну, а вижу, „специалисты“ всѣ мнутса...

Варвара Васильевна съ счастливою улыбкою поклонилась надъ чайникомъ, слегка поднимая и опуская его крышечку.

— Я въ душѣ была убѣждена, что вы пойдете... хотя на одну секунду вдругъ усумнилась.

— Это тогда, когда вы говорили въ корридорѣ съ фельдшеромъ?—улыбнулся Токаревъ.

— Д-да...

— Такъ Господи, я-жъ вамъ говорю: я не зналъ, гожусь ли я. Вижу, вы ко мнѣ не обращаетесь,—думаю: очевидно, тутъ нужны спеціальныя знанія...

Они долго просидѣли за чаемъ, имъ не хотѣлось расходиться. Случилось что-то особенное: они вдругъ стали близки-близки другъ другу; каждую фразу, каждое слово одного другой принималъ съ горячимъ, любовнымъ вниманіемъ, и взгляды ихъ встрѣчались теперь свободно.

Ужъ свѣтало, когда Токаревъ вышелъ изъ больницы. Онъ шелъ улыбаясь, высоко поднявъ голову, и жадно дышалъ утренней прохладой. Какъ будто каждый мускуль, каждый нервъ обновились въ немъ, какъ будто и сама душа стала въ немъ совсѣмъ другая. Онъ чувствовалъ себя молодымъ и смѣлымъ, слегка презирающимъ трусливаго Антона Антонича, и передъ нимъ стояла Варвара Васильевна, какъ она входила въ комнату бѣшеннаго,—блѣдная, съ сдвинутыми бровями и спокойнымъ лицомъ,—и какъ это лицо вдругъ освѣтилось горячею ласкою къ нему. И сердце его какъ будто радостно расширялось въ груди, и онъ бодро и гордо смотрѣлъ въ будущее.

Назавтра Токаревъ проснулся поздно, — проснулся угрюмый и мрачный; голова была тяжела, въ груди стояла тупая, ноющая боль отъ табаку, все вокругъ казалось мутнымъ и свѣрнымъ. Онъ лежалъ, глядя въ низкій, досчатый потолокъ таниной мансарды, и думалъ о вчерашнемъ. Что это случилось? Онъ любить Варвару Васильевну, и она его любитъ. Любовь... Любовь — это нѣчто радостное и спокойное, несущее счастье; любимаго человѣка хочется оградить отъ всякаго горя и опасностей, хочется нѣжить его и повоить. Между тѣмъ, тутъ, — она заставила его идти съ собою къ этому бѣшеному, и впереди она ждетъ отъ него, чтобъ онъ шелъ на всякія опасности. Мало и того, что онъ теперь бездоменъ и безпріютенъ?.. Токаревъ съ отвращеніемъ морщился и смотрѣлъ въ окно, на мутное, хмурое небо, изъ котораго сѣялъ мелкій дождь.

Х.

Варвара Васильевна и Токаревъ воротились въ Изворовку. Тая заявила, что она уже отдохнула въ деревнѣ и останется въ Томилинскѣ.

Жизнь въ Изворовѣ текла тихая, каждый жилъ самъ по себѣ. Токаревъ купался, ѣлъ за двоихъ, катался верхомъ, Варвара Васильевна опять съ утра до вечера возилась съ больными, Сергѣй сидѣлъ за книгами. Общія прогулки предпринимались рѣдко.

Варвара Васильевна какъ будто жалѣла о порывѣ, охватившемъ ее подъ вліяніемъ неожиданно услышанной „Легенды“. Она замулулась въ себѣ и старалась отдалиться отъ Токарева. Токаревъ мучился, нѣсколько разъ пытался заговорить съ нею: въ ея глазахъ тогда появлялось что-то растерянное, и она, прося у Токарева взглядомъ прощенія, переводила разговоръ на другое. Ему все больше начинало казаться, что Варвара Васильевна, такая на видъ спокойная и ровная, давно уже переживаетъ въ душѣ что-то очень тяжелое. Иногда, случайно увидѣвъ ее одну, онъ поражался, какое у нея было глубоко-грустное лицо.

Съ Сергѣемъ отношенія у него какъ-то совсѣмъ не ладились. Вначалѣ Сергѣй относился къ Токареву съ любовною почтительностью, горячо интересовался его мнѣніями обо всемъ; но что дальше, то больше въ его разговорахъ съ Токаревымъ стала проскальзывать ироническая нотка, и по мѣрѣ этого Сергѣй становился Токареву все непріятнѣе.

Вообще Сергѣй производилъ на Токарева странное впечатлѣніе. Оба они жили наверху въ двухъ просторныхъ воннатахъ ме-

зона. Сергѣй былъ то буйно-веселъ, то угрюмо молчалъ по цѣлымъ днямъ и не спалъ ночей; Токаревъ иногда слышалъ сквозь сонъ, какъ онъ вставалъ, одѣвался и на всю ночь уходилъ изъ дому. Отъ Варвары Васильевны Токаревъ узналъ, что Сергѣй страдаетъ чѣмъ-то вродѣ истеріи, и что у него бываютъ нервныя припадки.

Прошла недѣля. Тринадцатаго августа, въ воскресенье, были именины Конкордіи Сергѣевны. Ужъ наканунѣ съ вечера въ домѣ поднялась суета. Мѣсили тѣсто для пироговъ, мыли и чистили комнаты, разметали аллеи. На слѣдующій день къ двумъ часамъ стали съѣзжаться гости. Приѣхалъ изъ своего имѣнія за пятнадцать верстъ Будиновскій съ женою, приѣхало нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ и акцизныхъ чиновниковъ изъ города, бывшихъ сослуживцевъ Василя Васильевича. Въ четыре часа подали обѣдать.

Большой столъ былъ парадно убранъ и поверхъ обычной черной клеенки былъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью; въ окна сквозь зелень кленовъ весело свѣтило солнце. Конкордія Сергѣевна, вставшая со свѣтомъ, измученная кухонною суетою и волненіями за пирогъ, сѣла за столъ и стала разливать супъ.

— Мученица своего ангела!—вполголоса обратился Сергѣй къ Токареву.—И Варя несчастная тоже запряглась, съ утра на кухнѣ торчать.

Василій Васильевичъ былъ очень оживленъ и говорливъ.

— Ну, господа, господа! За здоровье именинницы!—говорилъ онъ, наливая всѣмъ въ рюмки зубровку.

Выпили по рюмкѣ, нѣкоторые по второй. Закусивъ, принялись за бульонъ съ пирогомъ.

— А пріятно эдакъ, знаете, на лонѣ природы жить!—съ любезною улыбкою обратился къ Конкордіи Сергѣевнѣ Юрасовъ, старый ревизоръ съ Анною на шеѣ.—Какой у васъ тутъ воздухъ прелестный!

— Эхъ, милый Алексѣй Павловичъ, не говорите!—махнула рукою Конкордія Сергѣевна.—Мы этого воздуха и не замѣчаемъ.—Столько хлопотъ, суеты,—гдѣ ужъ тутъ о воздухѣ думать!

— Нѣтъ, знаете... Что-жъ суета? Суета вездѣ есть, безъ нея не обойдешься.

— Вотъ только для дѣтей, конечно,—продолжала Конкордія Сергѣевна.—Для нихъ, для здоровья ихъ,—вотъ правда, много пользы отъ воздуха.

— Ну, да, и для дѣтей...—протянулъ Юрасовъ. Онъ взглянулъ на Сергѣя.—Сергѣй Васильевичъ гдѣ теперь, въ юрьевскомъ университетѣ?

Конкордія Сергѣевна сдѣлала скорбное лицо.

— Въ юрьевскомъ, Алексѣй Павловичъ, въ юрьевскомъ... Дай Богъ, чтобъ ужъ тамъ какъ-нибудь кончилъ, объ одномъ только я Бога и молю.

— Ну, кончить, Богъ дастъ... Молодость, знаете: кровь кипитъ, въ головѣ бродить...—Юрасовъ повелъ сухими пальцами передъ лбомъ.—Этимъ огорчаться не слѣдуетъ; перебродить, взгляды установятся,—и все будетъ хорошо. Вотъ увидите.

Сергѣй, прикусивъ красивыя губы и сдерживая улыбку, молча смотрѣлъ на благодушно-нисходительное лицо Юрасова съ отлогимъ лбомъ и глазами безъ блеска.

— И всетаки, что вы тамъ ни говорите, а я отъ души радъ за Василія Васильевича, что онъ бросилъ нашу лямку,—продолжалъ Юрасовъ.—Что ему теперь? Ни отъ кого не зависитъ, самъ себѣ хозяинъ, дѣлаетъ, что хочетъ.

— Гм... —крякнулъ Василій Васильевичъ, юмористически поднявъ брови.—Я бы съ большимъ удовольствіемъ предоставилъ это удовольствіе вамъ... Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, раньше было лучше. Бывало, придетъ двадцатое число,—расписывайся у казначея и получай жалованіе, ни о чемъ не думай. А теперь,—дождь, солнце, морозъ, отъ всего зависишь. А главная наша боль,—что народу нѣтъ. Нѣтъ народу!

— Нѣту, нѣту!—вздохнулъ помѣщикъ Пантелѣевъ, плотный, съ маленькимъ лбомъ и торчащими на головѣ густыми, стриженными волосами.—Положительно, невозможно дѣла дѣлать!

— Хоть самъ коси и паши!—продолжалъ Василій Васильевичъ.—Всѣ бѣгутъ въ городъ; тамъ хоть за три рубля готовы жить, а тутъ и за пять не хотятъ. А ужъ который остается, такъ такая шваль, что лучше и не связывайся.

— Грубый народъ, пьяный! Воръ-народъ!—поддержалъ Пантелѣевъ.—Вы повѣрите, сейчасъ августъ мѣсяцъ, а у меня еще два скирда необмолоченныхъ стоитъ прошлогодней ржи,—ей-Богу! Нѣту рукъ!

— Я думаю, господа, вы сами въ этомъ виноваты,—своимъ медленнымъ и спокойнымъ голосомъ заговорилъ Будиновскій.—Хорошихъ рабочихъ всегда можно достать, если имъ хорошо платить и сносно содержать.

— Да, Борисъ Александровичъ, вамъ это легко говорить,—возразилъ Пантелѣевъ, почтительно и съ скрытою враждою глядя исподлобья на Будиновскаго.—Мы бы, можетъ быть, съ вашими капиталами тоже не жаловались. А то капиталовъ то у насъ нѣтъ, а дѣтей семь человекъ; всѣхъ обуй-одѣнь, накорми-напой. Вы то платите отъ излишковъ, а цѣну набиваете. А жить-то, Борисъ Александровичъ, всѣмъ надо-съ,—всѣмъ надо жить!

Поднялся оживленный споръ.

— Ужасно всё помѣщики на насъ злобятся, — вполголоса обратилась къ Токареву сидѣвшая съ нимъ рядомъ Марья Михайловна. — Положительно не могутъ простить, что мы платимъ рабочимъ высокую цѣну. Этотъ самый Пантелѣевъ на земскомъ собраніи такую филиппику произнесъ противъ Бориса... И вообще, я вамъ скажу, типы тутъ! Одинъ допотопнѣе другого! Вотъ Александръ Ивановичъ много можетъ вамъ рассказать про нихъ. — Она взглянула на сидѣвшаго по другую руку отъ Токарева земскаго врача Голицынскаго.

— Это насчетъ чего? — лѣниво спросилъ Голицынскій, — загорѣлый, съ угрюмымъ и интеллигентнымъ лицомъ.

— Я говорю, что вамъ приходится наблюдать нашихъ дѣятелей въ довольно привлекательномъ свѣтѣ.

— А-а!.. — Голицынскій помолчалъ. — Да вотъ вамъ случай съ коллегой моимъ, врачомъ сосѣдняго участка, — заговорилъ онъ неохотно, какъ будто его заставляли говорить противъ воли. — Зоветь егръ въ свой пріютъ для сиротъ земскій начальникъ, гласный. У мальчика овазывается гнойный плевритъ. „Пожалуйста, будьте добры сдѣлать дезинфекцію“. — Дезинфекція ненужна, болѣзнь незаразительная. — „А я требую!“ Врачъ пожалъ плечами и уѣхалъ. Земскій пишетъ въ управу бумагу: въ пріютѣ, дескать, открылась заразная болѣзнь, а земскій врачъ отказывается сдѣлать дезинфекцію. Изъ управы запросъ къ врачу, — почему? — „Потому что не было никакихъ основаній исполнять невѣжественныя требованія г. земскаго начальника“. Назначается разслѣдованіе, — и результатъ: врача „для улучшенія мѣстныхъ отношеній“ переводятъ въ другой участокъ.

— Ну, а вы что же? — съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй, сидѣвшій рядомъ съ докторомъ.

— То-есть, что же я?

— Такъ и оставили это? И всё врачи уѣзда не вышли въ отставку?

— Ахъ, Господи, Сережа!.. Какой онъ прямолинейный! — воскликнула Марья Михайловна. — Обо всемъ судить съ своей студенческой точки зрѣнія!.. Ну, что хорошаго было бы, если бы Александръ Ивановичъ ушелъ? Однимъ дѣльнымъ человѣкомъ стало бы у насъ меньше, больше ничего!

Докторъ, наклонившись надъ тарелкой, ворошилъ вилокю оглоданное крыло утки.

— Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, — грубовато возразилъ онъ. — Дѣло, извольте видѣть, въ томъ, что куска хлѣба лишисься. А на другое мѣсто пойдешь, будетъ не лучше. Вотъ, — причина простая.

Марья Михайловна, прищурившись, смотрѣла вдаль, какъ будто не слышала признанія доктора.

— Да, это что спорить! Просто! — протянулъ Сергѣй.

— Оно, знаете, въ нашей жизни человѣкъ подлѣтъ ужасно быстро, ужа-асно! — продолжалъ Голицынскій. — Совсѣмъ особенная философія нужна для нея: надѣнь наглазники, по сторонамъ не оглядывайся и иди съ лампой по своей колеѣ. А то выскочишь изъ колеи, пойдетъ прахомъ равновѣсіе и... жить не станетъ силы. Извольте видѣть? Не станетъ силы жить!

— И вы миритесь съ этой философіей! — изумленно проговорилъ Сергѣй. — Кругомъ — жизнь, такая яркая, живая и интересная, а вы сознательно надѣваете наглазники и боитесь даже взглянуть на нее!

— Гдѣ она, яркая-то жизнь? — неохотно спросилъ докторъ. — Все сѣро кругомъ, душно и пусто... „Яркая“...

— Да, если такъ дрожать передъ нею и покоряться ей...

— Я не знаю, мнѣ кажется, вы совершенно не возражаете Александру Ивановичу, — заговорилъ Токаревъ, обращаясь къ Сергѣю. — Мысль доктора вполне ясна: въ теоріи непримиримость хороша и даже необходима, но условія жизни таковы, что человѣку волею-неволею приходится съезживаться и становиться въ узкую колею. И мнѣ кажется, это совершенно вѣрно. Какая, спрашивается, польза, чтобъ вмѣсто Александра Ивановича у насъ оказался врачъ, который бы лечилъ мужиковъ оптомъ: „эй, у кого животы болятъ? Выходи впередъ. Вотъ вамъ васторва. У кого жаръ? Вотъ вамъ хининъ!“

Сергѣй, поднявъ брови, внимательно смотрѣлъ на Токарева.

— Это въ вашихъ устахъ звучитъ ново! — медленно произнесъ онъ. — Я думалъ, вы согласитесь съ тѣмъ, что непримиримость нужна прежде всего именно въ жизни, что честные люди должны словомъ и дѣломъ доказывать, что подлость есть подлость, такъ-же увѣренно и смѣло, какъ нечестные люди доказываютъ, что подлость есть самая благородная вещь.

— Да, только тогда нельзя будетъ жить! — сказала Марья Михайловна, обрадованная поддержкою Токарева. — И всѣ честные люди будутъ погибать.

— Будутъ погибать, это вѣрно! — съ усмѣшкою отвѣтилъ Сергѣй. — А вотъ это-то какъ разъ для насъ ужасно неприятно!..

— Ну, Сережа, я тебя не слушаю! — засмѣялась Марья Михайловна, затыкая уши своими бѣлыми пальцами въ кольцахъ.

— Ма-ашенька! Ма-ашенька! — звала ее съ конца стола Конжордія Сергѣевна.

— Что, тетя?—быстро спросила она, повернувшись къ Конкордіи Сергѣевнѣ свое оживленное лицо.

— Получила ты цареградскую вербу, я на той недѣлѣ съ Гаврилою послала тебѣ?

— Да развѣ это цареградская верба? А я думала, это ма-сленка. Какъ же, получила, очень вамъ благодарна! Только позвольте...—Она встрепенулась.— Вѣдь это, значить, она вустомъ растеть... Ахъ, ты, Господи! А я ее на влумбу посадила!

— Ну, гдѣжь ее на влумбу сажать,—нельзя!—снисходительно улыбнулась Конкордія Сергѣевна.

Обѣдъ кончился. Всѣ поднялись и перешли въ гостиную. Одни сидѣли, другіе, расхаживали по комнатѣ и рассматривали бездѣлушки въ неуклюжихъ стеклянныхъ горвахъ. Подали кофе. Докторъ подошелъ къ Сергѣю и заговорилъ съ нимъ. Передъ домомъ, въ густой липовой аллеѣ, разставляли карточные столы.

Конкордія Сергѣевна сидѣла на диванѣ между женами Юрсова и Пантелѣва, размѣшивая ложечкою кофе.

— У Картамышевыхъ говорятъ мнѣ, — рассказывала она: — „попробуйте жженаго кофею взять, у насъ особеннымъ образомъ жгутъ, всѣ покупатели одобряютъ“. Взяла — гадость ужасная! Просто, кофейная настойка, безъ всякаго вкуса. А я люблю, чтобъ у кофе былъ букетъ...

— Ну, господа, господа! Пора за дѣло! — заявилъ Василій Васильевичъ, входя съ террасы въ гостиную и потирая руки. — Пожалуйте, столы готовы!

Мужчины и многія дамы поднялись.

— Владиміръ Николаевичъ, а вы въ винтъ не играете? — спросилъ Василій Васильевичъ Токарева.

— Я... мм... играю немножко...

— А-а!.. — Василій Васильевичъ съ уваженіемъ оглядѣлъ его.—Великолѣпно!.. Вотъ вамъ, значить, четвертый партнеръ! — обратился онъ къ Марьѣ Михайловнѣ.

— Какъ я рада! — просіяла Марья Михайловна, съ ласкою глядя на Токарева. Она сначала какъ будто удивилась, что онъ играетъ.

Оживленно переговариваясь, всѣ спустились съ террасы и стали размѣщаться вокругъ столовъ, весело зеленѣвшихъ своимъ яркимъ сукномъ. Партнерами Марьи Михайловны и Токарева были Пантелѣевъ и акцизный чиновникъ Елкинъ. Они усѣлись, вытянули карты. Марьѣ Михайловнѣ вышло сдавать.

— Ну, я сегодня въ выигрышѣ! — говорилъ Елкинъ, живой старичокъ съ круглыми глазами.—Какъ съ дамами играю, всегда выигрываю.—Онъ взялъ свои карты.—Такъ и есть! Тузь... другой... третій... четвертый... пятый...

Марья Михайловна засмѣялась.

— Вы что смѣетесь? Давайте пари, что выиграю!—сказаль Елкинъ.

— Давайте!

Вечеръ былъ чудесный, — теплый и тихій. Солнце свѣтило сбоку въ аллею, и нижнія вѣтви липъ просвѣчивали яркою зеленью; въ полосахъ солнечнаго свѣта золотыми точками плавали мухи. Варвара Васильевна расхаживала по аллеѣ съ женами Елкина и Пантелѣва и занимала ихъ.

Марья Михайловна въ колебаніи смотрѣла въ свои карты.

— Погодите немножко... Гмъ...—Она помолчала. — Ну... безъ козыря!

— Если говорятъ съ руки: „ну... безъ козыря!“—это значитъ, что всего два туза, —объяснилъ Елкинъ Токареву. —Четыре безъ козыря!—рѣшительно заявилъ онъ.

— Иванъ Яковлевичъ, не зарывайтесь!—лукаво погрозилась ему Марья Михайловна.

— Я вамъ съ начала игры сказалъ, что у меня пять тузовъ... Владиміръ Николаевичъ, карты поближе къ орденамъ, — все вижу.

— Пять червей!—сказаль Токаревъ, игравшій съ Марьей Михайловной.

— Па-ась, па-ась!—почтительно протянулъ Елкинъ. —Прикажете раскрыть прикупъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите! — послѣшно воскликнула Марья Михайловна. —Пять безъ козырей! Я беру!

Она раскрыла прикупъ, присоединила его къ своимъ картамъ и задумалась.

— Ну, посмотрю, поймете ли вы, —сказала она, передавая Токареву четыре карты.

— Марья Михайловна, такъ нельзя!—ворчливо замѣтилъ Пантелѣвъ.

— Да я... я ничего не сказала!

— А я вотъ поняль, что вы сказали!—вызывающе произнесъ Елкинъ. —На ренонсахъ хотите играть!

— Малый въ червахъ, —объявилъ Токаревъ.

— Петръ Петровичъ, извольте карточку, —обратился Елкинъ въ Пантелѣву. —Мой ходъ? Эх-ма!.. „Не съ чего, такъ съ бу-бенъ!“ сказалъ Александръ Македонскій, —и Елкинъ пошелъ съ тройки червей.

Марья Михайловна и Токаревъ сыграли назначенное.

— Вы мнѣ говорите „черви“, а у меня тузъ и пять фосокъ!—радостно заговорила Марья Михайловна, забирая послѣднюю взятку. —Я все-таки колебалась поднимать на малый племъ, но

думаю: вы сразу сказали пять червей, значитъ, у васъ масть хорошая... Ну, записывайте, Владиміръ Николаевичъ!

Ея красивое лицо горѣло оживленіемъ. За сосѣднимъ столомъ царило гробовое молчаніе; тамъ играли Василій Васильевичъ, Будиновскій, докторъ Голицынскій и ревизоръ Юрасовъ съ Анною на шеѣ. Они сидѣли молча, неподвижные и строгіе, и только изрѣдка раздавалось короткое: „пасъ!“ „три черви!“ „четыре трефы!“

— Вотъ играютъ! Какъ цари!—почтительно произнесъ Елкинъ.

— Ну, Иванъ Яковлевичъ! Вамъ слава!—обратилась къ нему Марья Михайловна.

Игра шла, веселая и оживленная. Сыграли уже шесть роберовъ. Темнѣло, подали свѣчи и чай. Токаревъ, увлеченный труднымъ разыгрываніемъ большого шлема съ Елкинымъ, случайно поднялъ глаза. За сосѣднимъ столомъ, лицомъ къ нему, сидѣлъ Василій Васильевичъ, глядя въ карты; свѣчи освѣщали его лицо,—серьезное и строгое, съ сдвинутыми тонкими бровями... У Токарева прошло по душѣ странное чувство. Что такое? Гдѣ онъ недавно видѣлъ такое же лицо? И онъ вспомнилъ: совсѣмъ съ такимъ лицомъ Варвара Васильевна стояла недавно передъ рѣшоткою, въ ожиданіи, когда служитель откроетъ дверь къ бѣшеному...

— Ишь, Владиміръ-то Николаевичъ нашъ! Совсѣмъ акклиматизировался среди „большихъ“,—услышалъ онъ ироническій голосъ Сергѣя, шедшаго по аллеѣ въ садъ вмѣстѣ съ Варварой Васильевной, усталой и поблѣднѣвшей.

Токаревъ дрогнулъ и слегка нахмурился.

„Какое скучное ребячество!“—съ тоскою подумалъ онъ.

Въ одиннадцать часовъ подали ужинать. Всѣ шумно сѣли за столъ, веселые и проголодавшіеся. Токаревъ опять сидѣлъ рядомъ съ Марьей Михайловной. Они теперь чувствовали себя совсѣмъ друзьями, шутили, смѣялись. Василій Васильевичъ разлилъ по бокаламъ донское игристое; стали говорить шутивые тосты, чокаться. Послѣ ужина гости начали разтѣзаться.

Марья Михайловна, въ верхней кофточкѣ цвѣта ея юбки и въ шляпкѣ, сдѣлавшей ея лицо еще красивѣе, крѣпко пожимала руку Токарева и взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ къ нимъ въ деревню. Подали коляску Будиновскихъ; красивыя сѣрыя лошади, фыркая, косились на свѣтъ и звякали бубенчиками. вучерьъ, въ бархатной безрукавкѣ, неподвижно сидѣлъ на козлахъ.

Будиновскіе сѣли, и коляска, звеня бубенчиками, мягко покатила въ темноту.

Токаревъ вышелъ на террасу. Было тепло и тихо, легкія облака закрывали мѣсяцъ; изъ темнаго сада тянуло запахомъ настурцій и георгинъ. Въ головѣ Токарева слегка шумѣло, и передъ нимъ стояла Марья Михайловна, — красивая, оживленная, съ нѣжной бѣлой шей надъ кружевомъ изящной сѣрой кофточки. И ему представилось, какъ въ этой теплой ночи катится по дорогѣ коляска Будиповскихъ; Будиновскій сидитъ, обнявъ жену за талію, ощущая сквозь шелкъ и корсетъ теплоту молодого, красиваго женскаго тѣла... Хорошо бы такъ жить! — думалъ Токаревъ. Вотъ такая жена, — красивая, бѣлая и изящная, лѣтомъ усадьба съ развѣсистыми липами, бѣлою скатертью на обѣденномъ столѣ и гостями, уѣзжающими въ тарантасахъ въ темноту; зимою — уютный кабинетъ съ латаніями, мягкимъ турецкимъ диваномъ и большимъ письменнымъ столомъ. И чтобъ все это покрывалось широкимъ общественнымъ дѣломъ, которое бы захватывало цѣликомъ, оправдывало жизнь и въ то же время не требовало бы слишкомъ большихъ жертвъ...

В. Вересаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОГОЛЬ, КАКЪ „УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ.“

«Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу».

Бѣлинскій. Изъ письма къ Гоголю по поводу его «Переписки съ друзьями.»

«Это книга оклеветанная, это великая книга... Это оклеветанная, замѣчательная книга, которою Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ».

Вольфскій. По поводу той же «Переписки».
(«Русскіе критики». стр. 697 и 713).

Приближается пятидесятилѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя, воздвигшаго себѣ своими гениальными художественными произведеніями именно «тотъ памятникъ нерукотворный», къ которому уже никогда «не заростетъ народная тропа». Было время, когда въ русской журналистикѣ звучали голоса Булгариныхъ, Гречей и Сенковскихъ, когда одинъ изъ этихъ пресловутыхъ дѣятелей нашей литературы, говоря о только что появившихся тогда «Мертвыхъ Душахъ», такъ неудачно пытался, по мѣткой характеристикѣ этой статьи Бѣлинскимъ, «втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество», когда изъ Гоголя эти господа хотѣли сдѣлать въ лучшемъ случаѣ веселаго балагура, а въ худшемъ—циничнаго Поль-де-Кока. Это время прошло, и прошло, разумѣется, настолько безвозвратно, что нынѣ дѣйствующіе въ нашей журналистикѣ прямые литературные потомки Булгариныхъ уже не осмѣливаются слѣдовать по стопамъ своихъ предковъ и, скрывая гримасу, принуждены пѣть вмѣстѣ съ искренними поклонниками Гоголя гимны великому писателю.

Но если истина взяла свое, несмотря ни на какія препятствія, то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стараются тѣ, кто принужденъ, по французскому выраженію «faire bonne mine au mauvais jeu», превознести до небесъ плеведы гоголевскаго творчества и, забывая, что Гоголь

сдѣлалъ великое дѣло именно своими художественными, а не какими-либо другими произведеніями, напрягаютъ всѣ силы для отысканія какого-то глубочайшаго смысла въ такой безусловно подлежащей забвенію вещи, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Мы говоримъ такъ, не взирая на то, что подъ «Перепиской» стоитъ имя Гоголя, ибо неужели слабое, не выдерживающее самой снисходительной критики, произведеніе должно жить только потому, что принадлежитъ человѣку, создавшему нѣсколько другихъ, истинно великихъ, вещей? Но тогда, почему бы сторонникамъ подобной мысли не продѣлать того же хотя бы, наприимѣръ, съ читанными Гоголемъ въ петербургскомъ университетѣ лекціями по исторіи и не провозгласить его великимъ историкомъ? Эти лекціи читаны Гоголемъ, значить каждое ихъ слово должно быть въ высокой степени цѣнно и въ области средневѣковой исторіи!.. Но до такой логики не дошли еще ни «критики» изъ числа поклонниковъ всякаго рода бѣснованій и волхвованій въ родѣ покойнаго Говорухи-Отрока, ни восхвалители «Переписки», провозглашающіе ее «великой книгой», à la г. Вольтинскій.

Правда, и самъ Гоголь видѣлъ въ своей «Перепискѣ» нѣчто не обыкновенно большое, но на подобный же аргументъ можетъ ссылаться и тотъ, кто сталъ бы называть «Ревизора» и «Мертвыя Души» произведеніями «необдуманными» и «незрѣлыми», ибо «предисловіе» къ «Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями» пестритъ такими фразами:

«Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя (т.-е. «Переписка») нужна и что она можетъ быть полезна».

«Мнѣ хотѣлось хотя симъ *искупить* бесполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго»...

«Знаю, что моими *необдуманными* и *незрѣлыми* сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ».... *)

Въ первомъ же письмѣ, носящемъ названіе «Завѣщаніе», мы находимъ, между прочимъ, и такую фразу:

«Объявляю также во всеуслышаніе, что, кромѣ доселѣ напечатаннаго, ничего не существуетъ изъ моихъ произведеній: все, что было въ рукописяхъ, мною сожжено, какъ безсильное и мертвое, написанное *въ болѣзненномъ и принужденномъ состояніи*».

Намъ кажется, что не мѣшало бы сопоставить это мѣсто изъ «Переписки» съ слѣдующимъ категорическимъ увѣреніемъ Панаева:

«На одномъ изъ вечеровъ у А. А. Комарова Гоголь говорилъ въ присутствіи Гончарова, Григоровича, Некрасова, Дружинина, Панаева и другихъ, что его знаменитыя «Письма» («Переписка съ друзьями») писаны имъ были *въ болѣзненномъ состояніи*, что ихъ не слѣдовало

*) Эти и всѣ послѣдующія цитаты заимствованы нами изъ «Сочиненій Н. В. Гоголя». Редакція Н. С. Тихоновича и В. И. Шенрока. Изданіе Маркса. 1901 года.

издавать, что онъ очень сожалѣетъ, что онѣ изданы. Онъ самъ будто оправдывался передъ присутствующими» *).

Сколько намъ извѣстно, слова Панаева далеко не обратили на себя того вниманія, котораго они заслуживаютъ.

Но оставляя этотъ вопросъ открытымъ и слѣдуя, какъ прослѣдуетъ Гоголя «прочитать его «Переписку» нѣсколько разъ», такъ и совѣту г. Вольнскаго читать ту же книгу «съ карандашомъ въ рукахъ, отмѣчая на поляхъ все характерное, принципиальное», мы примемъ на себя столь неблагодарный трудъ, примемъ потому, что хотя «Переписку» у насъ очень мало читаютъ, считая совершенно справедливо такое занятіе лишь непроизводительною траткою времени, но въ виду пятидесятилѣтія со дня смерти великаго писателя и не прекращающихся попытокъ найти «истиннаго Гоголя» тамъ, гдѣ его вѣтъ и слѣда, попытокъ усмотрѣть въ «Перепискѣ» нѣчто необычайно возвышенное, а въ ея авторѣ не гениальнаго художника, а именно «учителя жизни», мы считаемъ необходимымъ остановиться не на «десницѣ» Гоголя, а на его «шуйцѣ», не на собранной имъ въ житницы русской литературы превосходной пшеницѣ, а на примѣшавшихся къ ней «плевелахъ».

Суммируя въ памяти все то, что намъ пришлось перечитать у поклонниковъ «Переписки съ друзьями», мы, кажется, не упустимъ ничего изъ вида, если передадимъ мнѣнія этихъ писателей о «Перепискѣ» такими словами:

Въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголь вверилъ свой просвѣтленный высшими истинами взоръ въ сокровеннѣйшія глубины жизни; онъ, какъ бы одаренный шестымъ, а можетъ быть, и седьмымъ чувствомъ, прозрѣвалъ многое такое, что недоступно простымъ смертнымъ; онъ провидѣлъ далекія судьбы людей; онъ постигъ значеніе человѣка вообще и человѣка русскаго въ частности; онъ ставилъ величайшія и глубочайшія міровыя проблемы; онъ изрекалъ великія правды касательно настоящаго и будущаго Россіи; онъ нашелъ ключъ къ пониманію русской души; онъ далъ русскимъ людямъ совѣты, слѣдуя которымъ наше отечество станетъ счастливо, такъ счастливо, какъ никакая другая страна въ мірѣ; онъ указалъ пути, ведущіе къ этому несказанному счастью, неизглаголанному блаженству...

Приводя, повторяемъ, мысли разныхъ поклонниковъ «Переписки» въ нашей собственной передачѣ, мы старались сохранить, однако, возможно точнѣе ихъ смыслъ. Повѣривъ этимъ поклонникамъ, можно подумать, что Гоголя занимали, кромѣ вопросовъ, специально относящихся къ Россіи и русской жизни, еще двоякаго рода вопросы болѣе общаго характера: вопросы о происхожденіи зла на землѣ, тѣ «проклятые вопросы», которые задавалъ гениальный поэтъ въ гениальной строфѣ:

*) И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Вѣльнскомъ» Спб. 1876 года стр. 400.

Отчего подъ ношей крестной
 Весь въ крови влачится правый?
 Отчего вездѣ безчестный
 Отрѣченъ почестью и славой?

и вопросы порядка еще болѣе высокаго, вложенные тѣмъ же разно-
 стороннимъ Гейне въ уста его «безумца» (Narr):

О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
 Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!
 Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
 Сколько имъ муки принесъ!
 Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка:
 Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
 Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
 Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Прочитайте же всю «великую книгу», прочитайте ее «съ каранда-
 шомъ въ рукахъ» и скажите, найдете ли вы въ ней хоть намекъ на
 какую-либо изъ подобныхъ проблемъ?!

Гоголь несомнѣнно былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ. Онъ
 часто сосредоточивалъ свою мысль на могилѣ, безконечности, безсмер-
 тии души и т. д. Въ той или другой формѣ всѣ эти вопросы близки
 душѣ каждаго человѣка и могучее слово великаго писателя всегда мо-
 жетъ найти въ этой области благопріятную для себя почву въ серд-
 цахъ людей, но, не желая пестрить нашу статью подлинными цитатами
 изъ «Переписки», тѣмъ болѣе, что намъ придется дѣлать ихъ по дру-
 гимъ поводамъ еще не мало, мы спросимъ всякаго, читавшаго «вели-
 кую книгу»: способно ли возбужденіе подобныхъ вопросовъ *въ томъ
 видѣ*, въ какомъ возбуждалъ ихъ Гоголь, произвести могущественное
 впечатлѣніе на читателей и не гораздо ли болѣе правъ былъ Бѣлин-
 скій, когда писалъ на это Гоголю такія строки: «Нѣтъ, вы только обра-
 чены, а не просвѣтлены: вы не поняли ни духа, ни формы христіанства
 нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненной боязнью
 смерти, чорта и ада вѣтеть отъ вашей книги» *). Но мало этого. Увѣ-
 ровавъ въ существованіе непреложной, хотя и таинственной, связи
 между теченіемъ обычной человѣческой личной и общественной жизни
 и иными, внѣ естественнаго порядка вещей въ природѣ находящимися,
 силами, многіе европейскіе писатели и общественные дѣятели обязаны
 были именно этой вѣрѣ могучимъ подъемомъ духа для критики обвет-
 шалыхъ общественныхъ отношеній и проповѣди необходимости новыхъ,

*) Наиболѣе полный (хотя все-таки съ пропусками) текстъ письма Бѣлинскаго
 къ Гоголю напечатанъ въ VIII томѣ соч. Барсукова «Жизнь и труды Погодина». Зна-
 чительными частями приведено это же письмо въ майской книжкѣ «Міра Божія»
 за 1897 годъ (стр. 87—91) въ статьѣ г. Ашевскаго «Осужденная книга», а также у
 Джаншіева (въ книгѣ «Изъ эпохи великихъ реформъ» и въ сборникѣ «Памяти Бѣ-
 линскаго») у г. Пыпина (въ книгѣ «Бѣлинскій, его жизнь и переписка») и у нѣ-
 которыхъ другихъ.

отличныхъ отъ современныхъ имъ, социальныхъ и политическихъ установленій. Кому неизвѣстны въ этомъ смыслѣ имена француза Ламене, итальянца Маццини и многихъ другихъ? А Генри Джорджъ въ Америкѣ? Развѣ коренная его идея устраненія страданій людей путемъ «lands nationalisation» не исходила изъ горячаго религіознаго чувства этого писателя? То были, дѣйствительно, «учителя жизни». Съ ними можно соглашаться или нѣтъ, но въ нихъ нельзя не видѣть того обстоятельства, что, будучи преданы опредѣленнымъ религіознымъ идеямъ, они не только не выводили изъ нихъ доводовъ въ пользу рабства массы ближнихъ своихъ, но, напротивъ, напрягали всѣ силы къ тому, чтобы придти на помощь униженнымъ и угнетеннымъ. Если даже на жизнь и смотрѣть лишь, какъ на приготовленіе къ смерти, къ переходу въ тотъ міръ, изъ котораго, какъ выражался Гамлетъ,

No traveller returns,

(«Ни одинъ путникъ не возвращается».)

то, вѣдь, и тогда все же надо жизнь на землѣ *прожить* и вопросъ о томъ, какъ ее прожить, всегда долженъ встать передъ глазами всякаго сколько-нибудь мыслящаго человѣка. Пусть эта жизнь будетъ лишь моментомъ «въ сравненіи съ вѣчностью», но, вѣдь, если даже не принять этотъ «моментъ» *an und für sich*, то и тогда, по ученію всѣхъ религій, состояніе, въ которомъ будетъ пребывать человѣкъ «въ вѣчности», тѣснѣйшимъ образомъ связано и даже прямо опредѣлено его поведеніемъ въ теченіе «момента» земной жизни. Исходя изъ такихъ-то воззрѣній на свои обязанности къ высшимъ началамъ всякой жизни во вселенной, и дѣлали вышеназванные европейскіе писатели свои религіозныя идеи фундаментомъ для возвеличенія личности *всякаго* человѣка, для улучшенія социальной организаціи, стремленія къ достиженію наиполнѣйшаго счастья *не только* на небесахъ, но *и на землѣ*, къ воплощенію въ жизни идей свободы и братства.

Какъ же смотрѣлъ съ высоты своего религіознаго «просвѣтленія» русскій «учитель жизни» на положеніе нашего крѣпостнаго мужика, на наше поголовное невѣжество, на нашу бѣдную общественную жизнь? Ему ли, при его громадномъ литературномъ талантѣ, мало было пищи, чтобы разразиться по всѣмъ этимъ вопросамъ истинно огненнымъ словомъ? Но намъ, пожалуй, возразятъ, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена во времена Гоголя наша литература, смѣшно было и мечтать объ «огненныхъ словахъ».

Это возраженіе вѣрно только отчасти, ибо, во-первыхъ, «Переписка» составилась изъ *частныхъ* писемъ Гоголя, къ «друзьямъ», слѣдовательно, изъ документовъ, въ которыхъ Гоголь могъ высказываться съ болюе или менше полною откровенностью и, во-вторыхъ, самъ Гоголь смотрѣлъ на положеніе въ Россіи печати болюе, чѣмъ оптимистически, а потому, менше всего задумывался надъ вопросомъ о препятствіяхъ, которыя могли встрѣтиться ему на пути къ

опубликованію его писемъ. Въ письмѣ къ Языкову, носящемъ въ «Перепискѣ» заглавіе «Карамзинъ», Гоголь писалъ:

«Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, хотя онъ и не соотвѣтствовалъ во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату, писателю! И какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды и что она у насъ колетъ глаза».

Сдѣлавъ это отступленіе, возвратимся къ вопросу объ отношеніи Гоголя къ самымъ жгучимъ общественнымъ вопросамъ его времени. Какіе же это были вопросы? Приведемъ въ свидѣтели того же Виссаріона Вѣлинскаго, который отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ своемъ письмѣ къ Гоголю такими словами:

«Самые живые, современные, національные вопросы теперь: уничтоженіе крѣпостного права, *отмѣненіе* *) тѣлесныхъ наказаній, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство,—которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики съ своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ,— что доказывается его робкими, безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ *замѣненіемъ* однохвостнаго кнута треххвостною плетью».

«Переписка» составилаь, какъ мы уже говорили, изъ *частныхъ* писемъ, писанныхъ Гоголемъ его друзьямъ. Мѣста, вычеркнутыя при печатаніи книги цензурою, въ настоящее время восстановлены полностью. Что же,—найдетъ ли читатель во всей «Перепискѣ» нашего «учителя жизни» хотя бы одно слово въ осужденіе крѣпостного права? Даетъ ли Гоголь хотя бы одинъ-единственный совѣтъ своимъ друзьямъ-помѣщикамъ,—а на совѣты въ своимъ письмахъ онъ очень щедръ,— не говоримъ уже освободить крестьянъ, а хотя бы заняться только предварительною работою для такого освобожденія? Считаетъ ли онъ этотъ вопросъ достойнымъ вниманія? Приводитъ ли онъ въ защиту крѣпостнаго права хотя бы извѣстный доводъ нашихъ плантаторовъ,

*) Пользуемся случаемъ, чтобы исправить существующую въ нѣкоторыхъ изданіяхъ письма Вѣлинскаго къ Гоголю крупную ошибку. Вѣлинскій говоритъ именно, объ «отмѣненіи», т. е. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Такъ значитъ это въ первоначальныхъ (полныхъ) изданіяхъ «письма», такъ процитировало это мѣсто и у г. Пыпина. (Вѣлинскій, его жизнь и переписка стр. 290) Поэтому Джаншиевъ (двоекратно: въ книгѣ «Изъ эпохи великихъ реформъ». Изд. 7-е, стр. XI и въ статьѣ «Памяти Вѣлинскаго» въ сборникѣ того же названія) и г. Ашевскій (въ вышеупомянутой статьѣ «Осужденная книга», «Міръ Воюій» 1897 г., май, стр. 88) дѣлаютъ большую ошибку, употребляя, вмѣсто слова «отмѣненіе»—«ослабленіе». Помимо существованія выраженія «отмѣненіе», а не «ослабленіе» въ первоначальныхъ изданіяхъ «Письма», за правильность именно его говорить то обстоятельство, что тремя строками ниже Вѣлинскій употребляетъ выраженіе «замѣненіе» (въ смыслѣ замѣны) однохвостнаго кнута треххвостною плетью.

что освобожденіе крестьянъ должно начаться съ «освобожденія душъ», т.-е. съ просвѣщенія народа, доводъ, который, какъ извѣстно, при попыткахъ практическаго его примѣненія вѣсколько измѣнилъ свою фізіономію и сталъ выражаться въ такой формѣ: «крестьянъ освободить нельзя, потому что они необразованы, а образовывать нельзя, потому что они крѣпостные» *).

Пусть отвѣчаетъ на поставленные вопросы самъ Гоголь.

Въ XXII письмѣ, озаглавленномъ «Русскій помѣщикъ», онъ пишетъ слѣдующія строки:

«Возьмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взятыя въ настоящеемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что такое ты и что такое они: что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщеть съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно, какъ и они (крестьяне) также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи имъ это тутъ же на Евангеліи, чтобы они все это видѣли до единого. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, что бы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи и сдѣлай такъ, чтобы они, дѣйствительно видѣли, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщеть Богъ за послѣдняго негодая въ селѣ и что поэтому самому ты еще болѣе будешь смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ; ибо знаешь, да и они знаютъ, что, заглѣбившись, мужикъ на все способенъ—сдѣлается и воръ и пьяница, погубить свою душу, да и тебя поставитъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что ты имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія; покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь cadaго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ—чтобы они видѣли ясно, что ты во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не съ своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями. Мужикъ это пойметъ, ему не нужно много словъ. Объяви имъ всю правду: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ и что прежде всего ты будешь глядѣть за тѣмъ, чтобы не погубилъ изъ

*) См. «Записки сенатора А. Я. Сожовьева о крестьянскомъ дѣлѣ». «Русская Старина» 1881 г., мартъ, стр. 755.

нихъ кто-нибудь своей души и не предалъ бы ее на вѣчную муку» и т. д., и т. д. *)).

Такова, по Гоголю, «вся правда», которая должна существовать между рабовладѣльцемъ и рабомъ. Читая эти и многія подобныя же имъ строки «великой книги», чувствуешь какое-то удущье, забываешь, что имѣешь дѣло съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ слова и кажется, будто передъ тобою лежитъ статья «Гражданина» или составленный знающимъ свое дѣло помпадуромъ какой-нибудь «Наказъ» своимъ чинамъ.

Но вооружимся терпѣніемъ и пойдемъ дальше по пути анализа «великой книги». Гоголь не говоритъ ни слова о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Но какъ думалъ онъ, по крайней мѣрѣ, объ «освобожденіи душъ», т. е. о томъ предварительномъ «просвѣщеніи» мужика, на которое какъ на мѣру, долженствующую предшествовать паденію крѣпостного права, нерѣдко указывали даже сами крѣпостники? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ томъ же XXII письмѣ, озаглавленномъ «Русскій помѣщикъ», изъ котораго мы заимствовали и предыдущую цитату:

«Замѣчанія твои о школахъ,—писалъ Гоголь,—совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа европейскіе челоувѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжить какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги: онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей челоувѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничества. По настоящему, *ему не слѣдуетъ и знать*, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ» **).

Что же случится въ результатѣ такого «просвѣщенія»? А вотъ что:

«Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ» ***).

Эти слова писаны въ 1844 году. Гоголь не ошибся. Ровно черезъ «десятокъ лѣтъ» Европа, дѣйствительно «пріѣхала къ намъ», но только не затѣмъ, зачѣмъ думалъ авторъ «Переписки», а съ другою цѣлью: началась крымская война, доказавшая всему міру ржавость крѣпостного режима, несостоятельность русской «мудрости», которой, дѣйствительно, «не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ» за ненадобностью, и смѣхотворность той «великой книги», которой, по словамъ г. Волинскаго, «Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ»...

Еще нѣсколько цитатъ изъ «оклеветанной книги»:

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя» стр. 1466.

**) Ibid., стр. 1468—1469.

***) Ibid стр. 1487.

«Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ»...

«Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что имъ слѣдуетъ быть, *всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ, съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ оттого, что всякъ, какъ бы наперерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ.*»

Гоголь, видимо, даже не задается вопросомъ, отчего же это у насъ «всякъ» такъ поступаетъ и не существуетъ ли противъ этого какихъ либо другихъ, болѣе дѣйствительныхъ, нежели морализированіе на манеръ крыловскаго «повара», средствъ?

«Въ десять лѣтъ внутри Россіи столько совершается событій, сколько въ другихъ государствахъ не совершается въ полвѣка.»

«Если бы многіе изъ государственныхъ людей начинали свое поприще не бумажными занятіями, а умной расправой дѣлъ между простыми людьми, они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній».

Этими цитатами, а ихъ мы могли бы увеличить въ десять разъ, въ достаточной степени характеризуются общественныя воззрѣнія автора «Переписки».

Былъ ли искрененъ Гоголь, когда писалъ свою апологетику «русской мудрости»? Безъ сомнѣнія. Руководили ли имъ въ этомъ случаѣ самыя лучшія намѣренія? Безъ сомнѣнія. Но оправдываетъ ли это обстоятельство хоть сколько-нибудь «тяжкій грѣхъ» появленія въ печати «Переписки» по желанію и инициативѣ ея автора? Оправдываетъ нѣсколько автора, но не оправдываетъ содержанія книги и тѣмъ болѣе бессмысленныхъ восторговъ ея поклонниковъ. На этотъ вопросъ превосходно отвѣтилъ Бѣлинскій въ строкахъ, которыя мы взяли эпиграфомъ къ настоящей статьѣ: «Предо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу». На этотъ же вопросъ невольно отвѣтилъ, впрочемъ, и самъ Гоголь въ XXVIII письмѣ своей «Переписки». Письмо это носитъ названіе «Близорукому пріятелю» и въ немъ Гоголь, не замѣчая того, какое острое оружіе онъ даетъ противъ себя самого,—не менѣе въ данномъ случаѣ «близорукаго», чѣмъ его пріятель-корреспондентъ,—писалъ такія строки: «съ прекрасными намѣреніями можно сдѣлать зло, какъ уже многіе сдѣлали его».

Въ другомъ мѣстѣ того же, сохранившаго, несмотря на истекшее-

свыше чѣмъ полустогѣтіе со дня его написанія, полную свѣжесть и жизненность, письма къ Гоголю Бѣлинскій говорилъ такъ:

«Но можетъ быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался и всѣ мои мысли ложь, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчу я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачкомъ съ братією. Конечно, въ вашей книгѣ больше ума и даже таланта (хотя и того, и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ, но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ, тогда какъ вы, желая поставить по свѣчкѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе: *оставили, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но могутъ служить къ ея погибели.*»

Могъ ли думать авторъ «Переписки», что послѣднюю, высказанную Бѣлинскимъ, мысль, т.-е. упрекъ въ непослѣдовательности, онъ услышитъ черезъ четыре года послѣ того уже не изъ лагеря «крикуновъ», а отъ человѣка, служившаго для Гоголя живымъ воплощеніемъ той самой «мудрости», за проповѣдь которой онъ взялся въ своей «Перепискѣ», услышитъ при томъ на собственномъ смертномъ одрѣ, при самой удручающей обстановкѣ?..

Въ статьѣ «Небесное и земное» г. Розановъ рассказываетъ слѣдующую въ высшей степени замѣчательную подробность изъ предсмертныхъ часовъ Гоголя:

«Мы сидѣли разъ небольшимъ кружкомъ и разговаривали на разные темы, частью философскаго, частью религіознаго значенія. Одинъ изъ собесѣдниковъ, занимающихся въ настоящее время детальнымъ изученіемъ біографіи Гоголя, рассказалъ о слѣдующемъ фактѣ изъ его жизни, отъ котораго я тоже не могъ заснуть. Гоголь въ предсмертные мѣсяцы находился въ религіозномъ экстазѣ. Его окружали различные аристократическія особы, кажется ничтожнаго значенія. Вдругъ прѣзжаетъ къ нему человѣкъ, дѣйствительно, достопримѣчательный, отецъ Матвѣй, изъ Ржева, его интимный близкій другъ, человѣкъ суровый, печальный, но, вѣроятно, высокой души и горѣвшій передъ Богомъ какъ свѣча. Въ томъ-то все и дѣло, что этотъ от. Матвѣй былъ для своего времени, можетъ быть, столь же замѣчательное и сильное и яркое явленіе, какъ умиравшій писатель, и только жизнь его проходила въ безвѣстности. Но вѣдь есть праведники и безъ біографіи. Гоголь весь вострепнулся, когда прѣхалъ любимый и почитаемый другъ. Онъ его напутствовалъ. Гоголь уже отъ всего отрекся, отъ суеты, славы, литературы и, казалось, примирился съ Богомъ. *«Нѣтъ еще примиренія, —*

сказалъ ему от. Матѣй, — отречись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ».

«Гоголь затрепеталъ. Вотъ когда ножъ вошелъ подъ ребро и дошелъ до сердца и остановился съ вопросомъ. А вопросъ былъ предсмертный, и мы не должны судить Гоголя съ нашихъ точекъ зрѣнія, сытыхъ и безработныхъ, а съ точки зрѣнія и въ положенія Гоголя. Признаюсь, я тоже затрепеталъ узнавъ объ этомъ вопросѣ, и вдругъ вспомнилъ, что, вѣдь, точно такой же былъ въ сущности предложенъ вопросъ ап. Павломъ и эллино-римскому міру: «Отречись отъ Гомера, отречись отъ Вергилія. Отречитесь отъ маленькихъ своихъ республикъ и склоните выю подъ смиреннымъ: «рабы — повинуйтесь господамъ своимъ!» и вы не умрете, исторически и всячески, но воскреснете въ новую жизнь — духовныхъ восторговъ и возбужденій».

«Минута жизни Гоголя вдругъ освѣтила для меня громадныя перспективы исторіи, вплоть до нашего мелкаго теперешняго спора о классическомъ образованіи; а эти перспективы исторіи вдругъ какъ-то сдѣлали понятною и почти интимною загадочную, стенающую кончину Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ, ну, представимъ себѣ, что онъ, любитель Рима, да какой любитель, пѣвецъ Ануціаты — буквально вмѣстилъ въ себя всю эллино-христіанскую распрю и такъ конкретно, лично, поименно и вдругъ: «отречись отъ Пушкина». Конечно, грудь его разорвалась отъ отчаянія» *).

Комментаріи ко всему этому едва ли нужны... Замѣтимъ только, что въ своей оцѣнкѣ значенія Пушкина Гоголь, видимо, разошелся не только съ о. Матѣемъ (Константиновскимъ), но и съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ свѣтскихъ властей.

Послѣдніе приняли, какъ извѣстно, съ восторгомъ появленіе «Переписки съ друзьями». Какъ же очерчена въ этой «Перепискѣ» личность Пушкина? Пусть опять отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ самъ Гоголь. Мы нарочно сдѣлаемъ изъ «Переписки» длинныя, не оставляющія никакихъ на этотъ счетъ сомнѣній, цитаты.

«Какъ умно опредѣлилъ Пушкинъ значеніе полномочнаго монарха! И какъ вообще онъ былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ последнее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ, — чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? За тѣмъ, что законъ — дерево, въ законѣ слышитъ человекъ. что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона недалеко уйдешь; нарушать же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что

*) «Новое Время», 11 декабря 1901 года, № 9528.

такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и вывѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера; какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ... При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ; блюдетъ онъ общій строй, в его оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!» Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! Это внутреннее существо—силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое, между прочимъ, ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ нихъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: Къ Н*** *). Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ в Анничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ «Иліаду» и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принесъ на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе и плодомъ ея была величественная ода:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебѣ мы долго ожидали и т. д.

*) Напомнимъ читателямъ это стихотвореніе. Вотъ оно:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ:
Тебѣ мы долго ожидали;
И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижалы.
И что-жь? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣсню и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждався лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, бессмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанію пчель надъ розой алой

«Оставимъ личность императора Николая и разберемъ, что такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремиться въѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ и въ правѣ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностью за нихъ передъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности передъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и лезетъ, можетъ быть, незримо такія слезы и страждетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человекъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ кликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій,—тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренно кружащееся племя, которое, намѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человечества, вымолило крикомъ не о правосудіи небесномъ, предъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человекъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ,—все, что не прощаетъ на землѣ человекъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самого и отдѣлился бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы черезъ то стать ближе, равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ.

«Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ самому себѣ, что такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величьемъ возникшаго въ его душѣ отвѣта» *).

А вотъ какъ смотрѣлъ Гоголь на отношеніе Пушкина къ другому догмату русской жизни.

«Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно какъ будто они побывали въ душѣ Пушкина; точно какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготова себя къ тому глубочайшей святостью своей жизни... Я не могу даже понять, какъ могло придти въ умъ критику, печатно, въ виду всѣхъ, взвалить на Пушкина такое обвиненіе, и что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта, тогда какъ самой цензурѣ предписано, въ случаѣ, если бы смыслъ какого сочиненія не

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя», стр. 1402—1404.

былъ вполне ясенъ, толковать его въ прямую и выгодную для автора сторону, а не въ кривую и вредящую ему. Если это постановлено въ законъ цензурѣ, безмолвной и безгласной, не имѣющей даже возможности оговориться передъ публикою, то во сколько разъ больше должна это поставить себѣ въ законъ критика, которая можетъ изъясниться и оговориться въ малѣйшемъ дѣйствіи своемъ!.. Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще темень и можетъ быть истолкованъ въ двѣ стороны, станетъ говорить о томъ, что ясно, что было имъ произведено въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающейся юности. Онъ приведетъ его величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говоритъ о себѣ, что даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестью свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ и т. д. *)

«Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получить смыслъ и сдѣлаетъ добро... Но какой теперь смыслъ критики, — спрашиваю я? Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? Бездѣлица — выставить наумнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства, — человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передового сравнительно съ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталанливъ и не могъ

*) «Стансы» (митр. моск. Филарету). Вотъ полный текстъ:

Въ часы забавъ или прайдной скуки,
Бывало, лиры я моею
Ввѣрзалъ неизъженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ,
И ранамъ совѣсти моею
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ слезъ.

И вынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палама,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

пустить въ ходъ *подобную ложь* и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опроверженіе въ своихъ же стихахъ *)).

Но «подобную же ложь» Гоголь услышалъ не отъ «безталантливаго критика», а отъ лица, предъ которымъ онъ преклонялся, и не изъ книжки журнала, а на собственномъ смертномъ одрѣ... Было отъ чего разорваться сердцу несчастнаго человѣка и гениальнаго художника, такъ некстати взявшаго на себя роль «учителя жизни».

«Отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ!»,—вотъ чего неумолимо потребовала отъ Гоголя та самая логика, въ отсутствіи которой въ «Перепискѣ съ друзьями» упрекалъ ея автора и Бѣлинскій...

Не надо упускать изъ вида, что Гоголь относился къ тому ученію, однимъ изъ наиболѣе совершенныхъ представителей котораго онъ считалъ отца Матвѣя, съ величайшимъ благоговѣніемъ. Минуя обширную статью Гоголя «Размышленія о божественной литургіи», достаточно привести его отзывъ объ этомъ предметѣ изъ VIII письма, озаглавленнаго «Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ» и помѣщеннаго въ той же «Перепискѣ съ друзьями»:

«Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Это церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной, первоначальной чистотѣ своей, это церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣній и вопросы наши, которая можетъ произвести неслышанное чудо въ виду всей Европы, заставить у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала,—и эта церковь намъ незнаема! И эту церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!» **).

Довольно ли этого? Оказывается, нѣтъ. «Отрекись еще отъ Пушкина!» Бѣдный Гоголь не выдержалъ и скончался среди ужаснѣйшихъ потрясеній...

По мнѣнію о. Матвѣя, «Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ». А мнѣніе по тому же поводу свѣтскихъ властей первой половины XIX вѣка? Мы не думаемъ, чтобы они относились враждебно къ Пушкину за его «язычество» и «грѣховность», но что они относились

*) *Ib.*, стр. 1423—1424.

***) «*Ibid.*», стр. 1396.

къ нему, тѣмъ не менѣе, не лучше о. Матвѣя, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1881 годъ помѣщена любопытная статья неизвѣстнаго автора, озаглавленная «Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ сочиненіямъ А. С. Пушкина». Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ кончины Пушкина А. А. Краевскій основалъ (въ 1839 году) «Отечественныя Записки». Тамъ сталъ онъ помѣщать, между прочимъ, вновь открываемыя сочиненія умершаго поэта подъ рубрикой «Неизданныя сочиненія А. С. Пушкина». Немного времени спустя Краевскій получилъ приказаніе явиться въ третье отдѣленіе къ «хозяину русской литературы» Л. В. Дубельту.

— Ну, что, любезнѣйшій, какъ поживаете,—съ обычною фамильярностью встрѣтилъ Краевскаго Дубельтъ.—Чай, веселы, что давненько не зову васъ къ себѣ? Вѣдь, веселы,—не правда ли? Ну, а теперь призвалъ васъ вотъ для чего: что это, голубчикъ, вы затѣяли? Къ чему у васъ потянулся рядъ неизданныхъ сочиненій Пушкина? Къ чему, зачѣмъ, кому это нужно?

«Краевскій старался объяснить Дубельту, кому и чѣмъ дороги произведенія Пушкина, но Дубельтъ оборвалъ его на первыхъ же порахъ.

— Э-эхъ, голубчикъ,—заговорилъ Леонтіи Васильевичъ,—никому-то не нуженъ вашъ Пушкинъ, да, вотъ, и графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ (Орловъ, впоследствии князь) сердится и приказалъ вамъ передать, что довольно *этой дряни* (курсивъ подлинника), сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано, чтобы продолжать еще и по смерти его отыскивать «неизданныя» его творенія да печатать ихъ! Не хорошо, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, очень не хорошо! Повторяю: графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ очень недоволенъ» *).

Но намъ, можетъ быть, скажутъ, что, вѣдь, такой разговоръ между Краевскимъ и Дубельтомъ происходилъ въ 1839 году и что отношеніе Орловыхъ и Дубельтовъ къ памяти Пушкина, вѣроятно, измѣнилось послѣ того, какъ взгляды Пушкина на нѣкоторыя стороны русской жизни были разъяснены Гоголемъ въ его «Перепискѣ съ друзьями». Вѣдь самъ-то Гоголь ужъ, конечно, былъ выше всякихъ подозрѣній.

Это не совсѣмъ отвѣчаетъ исторической истинѣ: «Послѣ смерти Гоголя, — рассказываетъ князь Д. А. Оболенскій, — сначала цензорамъ было приказано строго цензуровать все, что касается Гоголя, и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ» **).

Чѣмъ же объяснить такое отношеніе Орловыхъ, Дубельтовъ, Бенкендорфовъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ и другихъ къ памяти нашихъ величайшихъ писателей? Это вопросъ большой и на него намъ прихо-

*) «Русская Старина» 1881 г., мартъ, стр. 714.

***) «Воспоминанія князя Д. А. Оболенскаго». «Русская Старина» 1873 года, декабрь, стр. 949.

дится дать лишь весьма б'глый отвѣтъ. *Изслѣдуя* одинъ изъ коренныхъ принциповъ, на которыхъ покоится наше государственное бытіе, Пушкинъ, по свидѣтельству Гоголя, «упалъ въ прахъ передъ величіемъ возникшаго въ его умѣ отвѣта». Вотъ этотъ-то процессъ «изслѣдованія», «критики», независимо отъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ того или иного человѣка, и былъ совершенно недозволителенъ съ точки зрѣнія міросозерцанія Орловыхъ и Бенкендорфовъ. Хорошо, что мысль Пушкина привела его къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ пришелъ, но, вѣдь, допусти разъ возможность критики, тогда,—чего на свѣтѣ не бываетъ!—другой можетъ найти какіе-либо изъяны въ разсужденіяхъ по этому вопросу самого Пушкина, и мы войдемъ въ полосу свободнаго изслѣдованія вещей, изслѣдованію не подлежащихъ... Отсюда простой и ясный принципъ «русской мудрости», гласящій: «не разсуждать!» Но съ этимъ-то именно «принципомъ» не могъ и не хотѣлъ примириться Пушкинъ ни въ одну изъ эпохъ своей жизни. Онъ могъ «падать въ прахъ» передъ тою или иною идеею, но только *послѣ* изслѣдованія предмета. Орловы же были враждебны всѣмъ своимъ существомъ именно такому направленію мысли.

Существовали и другія причины враждебности Орловыхъ къ Пушкину. Въ жизни Александра Сергѣевича были обстоятельства, заставлявшія Орловыхъ относиться очень подозрительно въ мужъ поэта, хотя муза эта и стала временами издавать звуки, производившіе непріятное впечатлѣніе на передовые кружки русскаго общества тридцатыхъ годовъ *). Но бюрократическіе слои не вѣрили «искренности» поэта, и они были по своему правы, такъ какъ, не взирая ни на какія «примирительные» аккорды его лиры, между міросозерцаніемъ Пушкина и міросозерцаніемъ Орловыхъ лежала бездонная пропасть. Впечатлѣнія юныхъ лѣтъ, воспоминанія о прошломъ, огромный умъ и необыкновенный творческій геній Пушкина являлись болѣе чѣмъ достаточными условіями для того, чтобы психическое содержаніе поэта не имѣло и не могло имѣть ничего общаго съ психическимъ содержаніемъ окружавшаго его официальнаго міра. Пушкинъ могъ пойти далеко «вправо» сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда ему Петербургъ оказывался «вреденъ» **), когда ему приходилось то странствовать по югу Россіи, то сидѣть въ Михайловскомъ, но преклониться передъ всѣмъ строемъ русской жизни, который казался Бенкендорфу не только нормальнымъ, но

*) См. Панаевъ. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Вѣликомъ, стр. 187.

**)

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родился вы
Или блистали, мой читатель,
Гдѣ нѣкогда гулялъ и я,
Но *вреденъ* сѣверъ для меня...

и «plus que magnifique» *), растворить вполне въ атмосферѣ этого строя собственную индивидуальность, проникнуться насквозь бюрократическими идеалами, Пушкинъ не могъ. Все, отъ злой эпитагмы, всегда готовой слетѣть съ его пера на какого-нибудь посаженнаго въ академию наукъ «Дундука», до чернаго фрака, который онъ предпочиталъ дворянскому или камеръ-юнкерскому мундиру, являясь на рауты у иностранныхъ пословъ, отъ занятій такимъ опаснымъ для спокойствія отечества дѣломъ, какъ журналистика, до смѣлаго, открытаго взгляда и вѣчно играющей на устахъ насмѣшливой улыбки, обличало въ Пушкинѣ человѣка, совершенно чуждаго тому міру, въ которомъ, какъ это не безъ основанія казалось Орловымъ, вращался онъ по какому-то недоразумѣнію. Не понимая ровно ничего въ творествѣ гениальнаго поэта, люди эти совершенно искренно называли стихи Пушкина «дрянью» и глубоко были убѣждены, что стихи эти рѣшительно «никому не нужны»...

Могъ ли себѣ представить Дубельтъ, что Россія, потомство, исторія не согласятся съ оцѣнкой, сдѣланной Пушкину, какъ поэту, самимъ его сятельствомъ, «графомъ Алексѣемъ Теодоровичемъ», и что этотъ цѣнитель пріобрѣтетъ современемъ такой «конфузь»? «Ишь, вѣдь, какая штука-то вышла», долженъ былъ бы подумать въ самомъ гробѣ почтенный Леонтій Васильевичъ, если бы только мертвецы могли думать...

Но Гоголь? Какъ человѣкъ, онъ не имѣлъ въ своемъ прошломъ абсолютно ничего, что могло бы набросить на него хоть тѣнь неблагонадежности. Какъ авторъ «Ревизора»? Конечно, но, вѣдь, съ другой стороны, комедія была разрѣшена къ постановкѣ на сцену самимъ императоромъ. Какъ же тутъ быть? Какъ творецъ «Мертвыхъ Душъ»? Это произведеніе, правду сказать, непозволительное, а по словамъ Булгарина, даже опасное, но, вѣдь, Гоголь же отрекся отъ обоихъ изъ этихъ произведеній, самъ назваъ ихъ «необдуманнми» и «неарѣльми» и написалъ такую полезнѣйшую вещь, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», за которую на него тамъ неистово набросились всѣ либеральные крикуны съ Бѣлинскимъ во главѣ... За что же, наконецъ, ставить Гоголя за одну скобку съ Бѣлинскимъ, запрещая печати говорить какъ о томъ, такъ и о другомъ?

«Фактовъ» противъ Гоголя не было рѣшительно никакихъ. Мало того: Гоголь былъ, дѣйствительно, абсолютно чуждъ всякихъ «превратныхъ идей». Все это такъ, все это не подлежитъ сомнѣнію и, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія Орловыхъ онъ былъ и долженъ былъ быть вреднымъ писателемъ. Вѣдь, что бы онъ тамъ ни говорилъ позже, а его художественныя произведенія продолжали оставаться обвинительнымъ актомъ противъ многаго изъ того, что

*) См. Жихаревъ. «П. Я. Чаадаевъ». «Вѣстникъ Европы» 1871 г., сентябрь, стр. 52.

было слишкомъ близко сердцу его судей, и способствовать развитію того именно общественнаго самосознанія, на которое Орловы смотрѣли, какъ на величайшее изъ всѣхъ могущихъ постигнуть Россію бѣдствій. Гоголь этого не имѣлъ въ виду, Гоголь этого не хотѣлъ, но отъ этого дѣло нисколько не мѣняется.

Когда Достоевскій написалъ своихъ «Бѣдныхъ людей», то прочитавшій это произведеніе Бѣлинскій пришелъ, по разсказу самого Достоевскаго, въ восторгъ и, обращаясь къ нему, какъ къ автору, воскликнулъ: «Да понимаете ли вы, что вы написали?» Восклицаніе глубоко законное по адресу истиннаго художника слова, который часто творитъ подъ вліяніемъ одного лишь вдохновенія. Гоголь принадлежалъ именно къ такимъ художникамъ. Онъ былъ менѣе всего мыслителемъ. Его интересовали не корни того или иного явленія, а самыя явленія, которыя, получая особенную переработку въ процессѣ его художественнаго творчества, выливались подъ его перомъ въ формѣ гениальныхъ, полныхъ глубочайшей жизненности, картинъ. И какое дѣло тогда до того, что именно *хотѣлъ* сказать намъ авторъ своимъ произведеніемъ? Его дѣло было *показать* намъ предметъ, а *доказать*, что предметъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и вывести всѣ надлежащія изъ него слѣдствія, является уже задачей не художественнаго творчества, а критики. Обѣ эти задачи, — каждый свою, — исполнили превосходно Гоголь и Бѣлинскій, и вотъ почему, не взирая на то, что они сильно расходились между собою во мнѣніи възрѣній на предметы первостепенной важности, оба они сослужили одинаково важную службу *одному и тому же дѣлу*, а, усматривая въ Гоголѣ и Бѣлинскомъ нѣчто общее, уже не трудно, ставъ на точку зрѣнія Орловыхъ, усмотрѣть у нихъ обоихъ и нѣчто *вредное*, за что и того и другого и можно было подвергнуть остракизму. Такова логика крѣпостнаго режима...

Пусть жизнь быстро опрокинула затѣмъ всѣ сооруженныя для подвергнутыхъ остракизму великихъ писателей рогатки, пусть увѣчала она лавровыми вѣнками бывшихъ опальныхъ, пусть принесла она ихъ судьямъ одинъ лишь стыдъ, — все это доказываетъ лишь несостоятельность точки зрѣнія, на которой стояли Орловы, безусловное осужденіе ея исторіей, но не нелогичность принимавшихся съ этой точки зрѣнія мѣръ. Онѣ присущи ей и неизбежно изъ нея вытекаютъ. Что дѣлать, если огонь и вода вмѣстѣ уживаться не могутъ, если борьба составляетъ основной принципъ жизни, если исходъ ея зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ соотношенія общественныхъ силъ и если въ эпоху Гоголя соотношеніе это было не въ его пользу?..

Выдающееся положеніе, которое занялъ Гоголь въ русской исторіи, уже принадлежитъ ему навѣки. Но не Гоголь, разумѣется, какъ «учитель жизни», — объ этомъ смѣшно даже говорить — а Гоголь гениальный

художникъ, вотъ кто останется навсегда для Россіи однимъ изъ ея наиболѣе чтимыхъ сыновъ.

Онъ умеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и тогда же немногочисленные въ то время представители русской интеллигенціи прочли такіа строки:

«Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ. Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуется, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія,—пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью, назвать великимъ, человѣкъ, который своимъ именемъ означи́тъ эпоху въ исторіи нашей литературы, человѣкъ, которымъ мы гордились, какъ одной изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ его предшественникамъ. Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить о его заслугахъ; это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви, судомъ, которымъ подобные ему люди судятся предъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того; намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы теперь чувствуемъ разлитой повсюду вокругъ насъ; не оцѣнить намъ его хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ,—самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется протянуть ей отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали; мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно Москвичамъ, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ изъ сказанномъ словѣ. Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе, самые зрѣлые плоды его генія погибли для насъ невозвратно,—и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи...

«Едва ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или вовсе неумѣстными... Смерть

имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилою; они не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставить за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами:

«Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» *)

Подъ этою статьею стояла подпись «Т—въ». Она принадлежала уже и тогда приобрѣтшему почетную извѣстность въ русской литературѣ Ивану Сергѣевичу Тургеневу. Да и кому же, какъ не ему, истинному представителю «гоголевской школы», и было послужить выразителемъ чувствъ всѣхъ лучшихъ русскихъ людей по поводу понесенной ими безконечно тяжелой и невознаградивой утраты? За эту статью, какъ извѣстно, по настоянію тогдашняго попечителя петербургскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, Тургеневъ очутился на «сѣзжей», а затѣмъ былъ высланъ изъ Петербурга въ село Спасское «безъ права выѣзда», гдѣ и прожилъ до конца 1854 года. Послѣдовавшее вскорѣ за тургеневскою статьею распоряженіе, запрещавшее совершенно говорить о Гоголѣ, довершило дѣло замалчиванія непріятнаго писателя...

Но о комъ же такъ восторженно отзывался Тургеневъ: о Гоголѣ ли, какъ художникѣ или Гоголѣ, какъ «учителѣ жизни»? Можетъ ли быть сомнѣніе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ?

«Мы всѣ вышли изъ гоголевской «Шинели»,—говорилъ, имѣя въ виду плеяду беллетристовъ сороковыхъ годовъ, одинъ изъ ея наиболѣе замѣчательныхъ представителей. Ну, а изъ «Переписки съ друзьями», кто же вышелъ? Кажется, никто.

Уже однимъ этимъ въ достаточной степени рѣшается вопросъ о Гоголѣ, какъ объ «учителѣ жизни».

В. Богучарскій

*) «Московскія Вѣдомости» 13 марта, 1852 г., № 32.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

(Продолженіе *).

VII.

Критики капиталистическаго строя.

Великіе утописты—Оуэнъ, Сень-Симонъ, Фурье—были не тол-о утопистами, рисовавшими въ голубой дали облитый солнечнымъ свѣтомъ новый чудный міръ, который долженъ придти на смѣну тяжелаго и мрачнаго стараго міра, но и глубокими критиками современнаго социальнаго строя. Однако, утопія стояла у нихъ, несомнѣнно, впереди критики. Утописты призывали не къ социальной борьбѣ, а къ социальному творчеству; они смотрѣли такъ далеко впередъ, что окружавшее ихъ взволнованное море политической жизни почти не попадало въ ихъ поле зрѣнія. Поэтому неудивительно, что ученія утопистовъ не вызвали никакихъ крупныхъ классовыхъ общественныхъ движеній и не стали лозунгомъ никакой могущественной политической партіи. Характерной чертой утопическаго мировоззрѣнія была непоколебимая увѣренность въ возможности гармоническаго примиренія всѣхъ общественныхъ интересовъ. Утописты были глубоко убѣжденными—не за страхъ, а за совѣсть—проповѣдниками *соціального мира*, служащаго темой столькихъ фальшивыхъ мелодій въ буржуазномъ лагерѣ. Но въ отличіе отъ «соціальныхъ гармонистовъ» типа Бастіа, утописты искали мира не въ царствѣ капитала, а въ царствѣ будущей свободной ассоціаціи.

Утописты стояли въ сторонѣ отъ политической классовой борьбы, отрицали неизбежность ея и видѣли въ ней продуктъ человѣческаго невѣжества. Борьба, однако, продолжалась—голоса немногихъ мечтателей не могли измѣнить теченія историческаго потока. Это не значитъ, чтобы проповѣдь утопистовъ не имѣла практическихъ результатовъ—но сфера вліянія утопистовъ лежала не въ политикѣ, а въ положи-

*) См. «Міръ Вождй», № 12, декабрь 1902 г.

тельномъ творчествѣ новыхъ общественныхъ формъ. Мы видѣли, что Оуэну удалось создать великое кооперативное движеніе, охватывающее въ настоящее время милліоны рабочихъ всего свѣта. Точно такъ же, не подлежитъ сомнѣнію и вліяніе Фурье на образованіе производительныхъ ассоціацій—тѣхъ, что у насъ называютъ артелями. Такимъ образомъ, практически дѣло утопистовъ уже и теперь громадно. Еще неизмѣримо большее значеніе оно должно приобрѣсти въ будущемъ. Созданіе новаго соціального идеала нужно считать самымъ крупнымъ завоеваніемъ общественной мысли XIX столѣтія.

Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своихъ продолжателей—критиковъ капиталистическаго строя—Прудона, Родбертуса, Маркса. Правда, подобно тому, какъ утописты были одновременно и критиками, такъ и Марксъ былъ не только критикомъ, но и послѣдвателемъ соціального идеала утопистовъ. Однако, критическіе отрицательные элементы, несомнѣнно, берутъ въ ученіи Маркса перевѣсъ надъ положительными, творческими. Въ «Капиталѣ» утопія складываетъ свои крылья и опускается съ неба на землю; въ этомъ и силе и слабость Маркса. Утописты стремились угадать цѣль, къ которой движется современное общество; Марксъ сосредоточивалъ свое вниманіе на изученіи пути къ этой цѣли. Путь историческаго развитія казался утопистамъ простымъ: мирная пропаганда новыхъ взглядовъ—дальше этого не пошли утописты. Для продолжателей ихъ дѣла выдвинулась на первый планъ иная огромная задача—открытіе закона развитія современнаго общества. Исходя изъ критическихъ идей самихъ утопистовъ, въ особенности Сентъ-Симона и Фурье, критическое направленіе пришло къ выводу, что реальнымъ содержаніемъ исторіи является борьба различныхъ общественныхъ группъ за свои экономическіе интересы. Отсюда вытекло и иное отношеніе къ этой борьбѣ. Полнаго развитія разсматриваемое направленіе достигло въ трудахъ Маркса. Какъ бы мы ни оцѣнивали положительныхъ заслугъ автора «Капитала», не подлежитъ сомнѣнію, что по своему вліянію на умы современниковъ Марксъ далеко оставляетъ за собой всѣхъ соціальныхъ мыслителей новаго времени.

I.

П р у д о н ъ .

Бываютъ историческія фразы, какъ и историческія событія. Одна изъ такихъ фразъ принадлежитъ Прудону. Его сочиненія теперь почти забыты; но кто не знаетъ, что Прудонъ рѣшился дерзновенно провозгласить—«la propriété c'est le vol»? Эти нѣсколько словъ больше содѣйствовали знаменитости автора, чѣмъ десятки написанныхъ имъ толстыхъ томовъ.

Но если вообще трудно характеризовать парой словъ содержаніе богатой и разнообразной жизни человѣка, то это въ особенности вѣрно по отношенію къ Прудону. Его всѣмъ извѣстная фраза не только не даетъ намъ ключа къ пониманію міровоззрѣнія автора, но способна внушить совершенно превратное представленіе о взглядахъ этого замѣчательнаго человѣка. Прудонъ вовсе не былъ крайнимъ революціонеромъ; онъ не проповѣдовалъ грабежа и расхищенія имущества богатыхъ, какъ можно было бы подумать по его дерзкому сопоставленію собственности съ кражей. Какъ общественный дѣятель, Прудонъ всего менѣе могъ быть обвиненъ въ беспощадномъ радикализмѣ; его упрекали, и съ полнымъ основаніемъ, въ обратномъ—въ угодливости правительству, въ склонности къ компромиссу, въ оппортунизмѣ. Правда, его фраза прозвучала въ свое время, какъ звукъ набата. Отъ нея пахнетъ дымомъ пожаровъ, она способна нарушить сонъ мирнаго буржуа и внушить его испуганному воображенію картины гражданской войны и всеобщаго разрушенія. Но самое лучшее средство покончить съ этими страхами—это познакомиться съ сочиненіями самого автора знаменитой фразы.

Пьеръ-Жозефъ Прудонъ (1809—1865) былъ сыномъ мелкаго городского ремесленника. Онъ самъ называлъ себя мужикомъ и когда въ 1848 г. ему случилось возражать въ національномъ собраніи одному легитимисту, хваставшемуся знаменитостью рода, онъ съ гордостью заявилъ: «У меня 14 предковъ мужиковъ—назовите мнѣ хоть одно семейство, имѣющее больше благородныхъ предковъ!» Жизнь Прудона была далеко не изъ легкихъ. Судьба его не баловала. Главнымъ бичемъ его жизни была постоянная нужда. Въ молодости онъ перепробовалъ нѣсколько профессій—былъ наборщикомъ, затѣмъ содержалъ небольшую типографію; разорившись, поступилъ секретаремъ къ одному богатому барину. Затѣмъ, для него сталъ главнымъ источникомъ заработка литературный трудъ, который, однако, не могъ обеспечить ему достаточнаго дохода, благодаря тому, что Прудонъ былъ во враждѣ со всѣми партіями и не имѣлъ опоры въ прессѣ. Поэтому онъ очень тяготился литературнымъ заработкомъ и неоднократно пытался получить мѣсто въ какомъ-нибудь торговомъ предпріятіи; такъ, нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ дѣлами одной торговой фирмы. Ему приходилось много претерпѣть отъ гоненій правительства, хотя онъ былъ совершенно чуждъ принципиальной оппозиціи власти. Наоборотъ, онъ постоянно носился съ мыслью привлечь правительство на свою сторону и съ его помощью осуществить свои проекты. Такъ, Прудонъ весьма примирительно держалъ себя по отношенію къ июльской монархіи; незадолго до февральской революціи онъ выразилъ увѣренность, что эра революцій миновала навсегда и что трону Луи-Филиппа не угрожаетъ никакая опасность. Февральская революція, въ которой Прудонъ не принималъ никакого участія, сдѣлала нашего автора депутатомъ національнаго собранія. Но благодаря своей обычной тактикѣ—наносить удары съ

одинаковымъ ожесточеніемъ направо и налѣво, радикализму и консерватизму—Прудонъ не преуспѣлъ на политической трибунѣ. Только одинъ разъ ему пришлось выступить въ собраніи со своимъ собственнымъ проектомъ коренной реформы налоговъ. Онъ произнесъ горячую рѣчь и въ результатѣ голосованія на сторонѣ проекта оказалось... два голоса, включая и голосъ самого Прудона.

Политическая дѣятельность Прудона закончилась присужденіемъ его къ трехлѣтнему тюремному заключенію за нападки на президента республики—Луи-Наполеона. Съ наполеоновскимъ правительствомъ нашъ авторъ никакъ не могъ поладить. Онъ не считалъ себя непримиримымъ врагомъ имперіи, столь же мало, какъ и монархіи Луи-Филиппа. Но имперія считала его своимъ врагомъ—и не останавливалась передъ суровыми карами, чтобы зажать ротъ безпокойному публицисту. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего освобожденія онъ опять навлекаетъ на себя неудовольствіе бонапартовской полиціи, и только бѣгствомъ въ Бельгію спасается отъ угрожавшаго ему новаго тюремнаго заключенія.

Въ то же время республиканская партія обвиняла Прудона въ заискиваніи передъ имперіей. Дѣйствительно, въ одной брошюрѣ, вышедшей вскорѣ послѣ переворота 2-го декабря, Прудонъ обнаружилъ довольно благосклонное отношеніе къ виновнику этого позорнаго акта и призналъ возможнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оправдать переворотъ. Авансы по адресу имперіи встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ преслѣдуемаго автора. Непримиримые враги бонапартовскаго режима ставили также съ полнымъ основаніемъ въ вину Прудону, что онъ воспользовался амнистіей Наполеона и вернулся во Францію послѣ того, какъ раньше публично заявлялъ о своемъ рѣшеніи ни въ какомъ случаѣ не принимать амнистіи изъ рукъ правительства, присудившаго его къ тюрьмѣ.

Все это несомнѣнно доказываетъ отсутствіе политической стойкости у Прудона. Но помимо недостатка гражданского мужества, поведение его объясняется и другими соображеніями, не бросающими столь неблагоприятнаго свѣта на личность автора знаменитаго мемуара о собственности. Прудонъ не былъ вполнѣ чуждъ утопическаго міровоззрѣнія, типическими выразителями котораго могутъ считаться Оуэнъ, Сент-Симонъ и Фурье. Это міровоззрѣніе, отрицавшее значеніе политической борьбы и формы правленія, дало возможность Оуэну, чистота побужденій котораго стоитъ выше всякихъ подозрѣній, обращаться съ адресами къ реакционнымъ правительствамъ священнаго союза, а благородному и рыцарственному Сент-Симону посвящать свои сочиненія Людовику XVIII. Точно также и Прудонъ былъ равнодушенъ къ политикѣ и несмотря на свой собственный, достаточно, казалось бы, убѣдительный слухъ, не покидалъ несбыточной надежды заставить правительство служить своимъ идеямъ.

Въ общемъ же сложности, Прудонъ отнюдь не былъ героической

натурой. Его социальныя идеалы также не отличались высотой; на нихъ ярко отражалось міросозерпаніе того класса, откуда вышелъ Прудонъ— мелкой буржуазіи. Въ этомъ отношеніи весьма характерно отношеніе Прудона къ женщинѣ и семьѣ. Великіе утописты стремились къ такой же глубокой реформѣ семьи, какъ и современнаго общественнаго строя. Они требовали не только освобожденія труда, но и освобожденія женщины. Напротивъ, мнѣнія Прудона о такъ называемомъ женскомъ вопросѣ нисколько не возвышались надъ уровнемъ обычныхъ буржуазныхъ взглядовъ на бракъ и семью. Онъ самъ былъ женатъ на простой работницѣ и нашелъ въ ней свой идеалъ хорошей хозяйки и любящей матери своихъ дочерей, объ образованіи которыхъ онъ совершенно не заботился. Женщина была, въ его глазахъ, низшимъ существомъ; къ образованнымъ женщинамъ онъ относился съ нескрываемымъ отвращеніемъ и заявлялъ, что предпочитаетъ имъ куртизанокъ. Семья представлялась ему прочнымъ и неразрывнымъ хозяйственнымъ союзомъ, въ которомъ долженъ неограниченно царить мужчина; на долю мужчины выпадаетъ высшая духовная дѣятельность, между тѣмъ какъ женщина должна быть только хозяйкой и матерью. Такъ называемая эмансипація женщины повела бы, по мнѣнію Прудона, лишь къ разврату, ибо только суровый долгъ и узы брака могутъ ввести въ границы и сдержатъ стихійную силу любви, заложенную въ женщину.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію сочиненій Прудона. Изъ нихъ самымъ блестящимъ является его юношеская работа о собственности *Qu'est ce que la propriété? I-e mémoire* (1840), написанная на тему, данную академіей—подобно знаменитой книгѣ Руссо о вліяніи цивилизаціи на нравы людей. Прудонъ разсматриваетъ въ ней одну за другой такъ называемыя теоріи собственности—юридическія обоснованія этого социальнаго института. Среди юристовъ наиболѣе популярна теорія перваго завладѣнія. Сущность этой теоріи сводится къ слѣдующему. Чтобы работать и добывать пищу, человекъ долженъ обладать орудіемъ труда, а также участками земли, подвергаемыми обработкѣ...

Но правильно поставивъ задачу, Прудонъ мало сдѣлалъ для ея разрѣшенія. Его критика института частной собственности, въ общемъ, слаба. Дѣйствительно, въ чемъ заключается эта критика? Главнымъ образомъ, въ разборѣ господствующихъ юридическихъ теорій обосновыванія права собственности. Но если бы даже Прудону удалось совершенно разбить эти теоріи, откуда вытекало бы не то, что институтъ собственности заслуживаетъ отверженія, а лишь то, что собственность защищается учеными плохо. вмѣсто изслѣдованія социальныхъ результатовъ права собственности, значеніе этого права для интересовъ различныхъ классовъ населенія и всего общества въ цѣломъ, нашъ авторъ даетъ намъ юридическій анализъ разсматриваемаго права, и анализъ, къ тому же, весьма неудачный. Прудонъ, конечно, не доказалъ невозможности юридическаго обоснованія

права собственности. Его критическіе удары направляются, главнымъ образомъ, противъ двухъ теорій собственности—теоріи завладѣнія и рабочей теоріи. Но самой сильной въ научномъ отношеніи теоріи собственности—такъ называемой легальной теоріи—Прудонъ почти не затрогиваетъ своей критикой. Согласно этой теоріи, право собственности имѣетъ за себя верховную юридическую санкцію—не какого-либо абстрактнаго этическаго начала, а общественной пользы. Общество нуждается въ институтѣ частной собственности не въ силу его справедливости, а въ силу его соціальной плодотворности. Чтобы разбить этотъ аргументъ въ пользу собственности, слѣдовало бы доказать, что общество, въ цѣломъ или въ лицѣ большинства, не пострадаетъ или даже выиграетъ отъ уничтоженія частной собственности. Ничего подобнаго Прудонъ не исполнилъ, да и не могъ исполнить, такъ какъ—и это самое главное—*онъ отнюдь не принципиальный врагъ частной собственности*, какъ это можно было бы подумать, судя по рѣзкости его критики.

Мы видѣли, что, отвергая частную собственность въ современной ея формѣ, Прудонъ не менѣе рѣшительно высказывается противъ социализма. Никакого положительнаго рѣшенія авторъ не даетъ, и читатель остается въ недоумѣніи, чего же, собственно, желаетъ критикъ. Разсѣять этого недоумѣнія не сумѣлъ бы и самъ Прудонъ, такъ какъ онъ, какъ можно съ увѣренностью утверждать, и самъ опредѣленно не зналъ, какимъ образомъ можно предотвратить эксплуатацію однихъ членовъ общества другими, возникающую, по мнѣнію Прудона, при господствѣ частной собственности, и въ то же время избѣжать бѣдствій коммунизма. Правда, его умственному взору представлялась нѣкоторая туманная утопія коренной реформы права собственности при сохраненіи личнаго владѣнія, но утопія эта облекалась въ разное время въ разныя формы. Прудонъ до конца жизни не терялъ надежды придумать такое социальное устройство, которое одинаково обеспечивало бы личную свободу каждаго и благосостояніе всѣхъ. Свобода и равенство были основными политическими догматами Прудона. Онъ не соглашался пожертвовать ни однимъ изъ нихъ. Во имя равенства онъ отвергалъ частную собственность въ существующей формѣ; во имя свободы онъ отвергалъ социализмъ. Нужно было, слѣдовательно, найти такое общественное устройство, въ которомъ и свобода, и равенство были бы обезпечены въ равной мѣрѣ.

Задача была не изъ легкихъ, и не мудрено, что Прудонъ постоянно колебался между различными рѣшеніями ея. Интересно, что подъ конецъ жизни онъ нашелъ, наконецъ, свой идеалъ не въ чемъ иномъ, какъ... въ русской общинѣ. Въ своемъ посмертномъ сочиненіи «*Théorie de la propriété*» Прудонъ говоритъ, что истинное рѣшеніе проблемы собственности дано славянскою расой, создавшей общинную собствен-

ность, при которой земля принадлежит всей общинѣ, а право пользования отдѣльными земельными участками—каждому члену общины.

«Требованіемъ владѣнія такого рода,—заявляетъ нашъ авторъ,—я закончилъ свой первый мемуаръ о собственности, не давъ этому требованію вполне ясной формулировки. Распространить славянскую форму владѣнія было бы большимъ шагомъ впередъ въ цивилизаціи. Эта форма болѣе пригодна для примѣненія въ жизни, чѣмъ абсолютное «dominium» римлянъ, которое воскресло въ нашемъ правѣ собственности. Никакой разумный экономистъ не можетъ желать большаго. При господствѣ славянскаго права владѣнія рабочій получаетъ должное вознагражденіе и плоды его трудовъ вполне обеспечены. Этотъ принципъ славянской цивилизаціи есть самый славный фактъ въ исторіи этой расы».

Самымъ дѣльнымъ въ научномъ отношеніи трудомъ Прудона мы считаемъ его «Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère» (1846). Въ свое время эта работа произвела огромное впечатлѣніе на современниковъ; въ Германіи быстро появились три перевода ея, и даже ученые буржуазнаго лагеря, какъ, напр., одинъ изъ основателей исторической школы, знаменитый Бруно Гильдебрандъ, признали Прудона выдающимся экономическимъ мыслителемъ эпохи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «экономическія противорѣчія» Прудона вызвали и рядъ враждебныхъ критическихъ работъ, на которыя имѣла особое значеніе книга Маркса «Misère de la Philosophie» (перефразъ заглавія Прудона). Книга эта представляетъ собой крайне рѣзкую критику Прудона, свой отзывъ о которомъ Марксъ резюмируетъ слѣдующими словами: «Господинъ Прудонъ льститъ себя надеждой дать критику какъ политической экономіи, такъ и коммунизма, въ дѣйствительности же онъ стоитъ ниже обоихъ. Ниже политико-экономовъ потому, что, какъ философъ, воображающій себя владѣющимъ одной магической формулой, онъ считаетъ себя избавленнымъ отъ обязанности входить въ разсмотрѣніе экономическихъ деталей; ниже социалистовъ потому, что ему не хватаетъ ни мужества, ни пониманія для того, чтобы подняться надъ уровнемъ буржуазнаго горизонта... Онъ хочетъ, какъ человѣкъ науки, стоять выше буржуа и пролетаріевъ, но есть на самомъ дѣлѣ только мелкій буржуа, постоянно колеблющійся между капиталомъ и трудомъ, между политической экономіей и коммунизмомъ».

Съ своей стороны Прудонъ назвалъ въ одномъ частномъ письмѣ брошюру Маркса «сплетеніемъ клеветы, плагиата и непониманія» и не счелъ ея заслуживающей отвѣта. Нечего, разумѣется, и говорить, что «Нищета философія» не была ничтожнымъ произведеніемъ, какимъ ее призналъ Прудонъ. Болѣе того—эта небольшая книга полемическаго характера въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе замѣчательна, чѣмъ двухтомный трудъ Прудона, такъ какъ въ ней мы находимъ первый абрисъ социальной и экономической системы Маркса, далеко превосхо-

*

дащей по силѣ мысли и по своему научному и общественному значенію всѣхъ разсужденія Прудона. Но все же Прудонъ не былъ неправъ въ своемъ негодованіи противъ Маркса. Геніальный творецъ «Капитала» былъ, по свойствамъ своего характера, всего менѣе способенъ къ безпристрастной критической оцѣнкѣ взглядовъ соперниковъ. Всѣ выдающіеся люди, съ которыми судьба сталкивала Маркса и которые имѣли дерзость ему не подчиняться, подвергались, рано или поздно, самымъ ядовитымъ и безпощаднымъ, исполненнымъ личной ненависти и злобы нападкамъ Маркса, не терпѣвшаго равенства и окружавшаго себя только поклонниками и послѣдователями. Въ 1845 г. Марксъ отзывался о Прудонѣ въ почти восторженномъ тонѣ: «Прудонъ,—писалъ Марксъ,—подвергъ основаніе политической экономіи—частную собственность—первому критическому изслѣдованію и притомъ первому рѣшающему, систематическому и научному изслѣдованію. Книга Прудона о собственности является великимъ шагомъ впередъ науки,—шагомъ, который преобразовалъ политическую экономію и который впервые сдѣлалъ возможнымъ дѣйствительно научное построение политической экономіи». Но Прудонъ имѣлъ несчастье имѣть свои собственные взгляды, которые не всегда сходились со взглядами Маркса. Оба экономиста, изъ которыхъ одинъ былъ въ апогеѣ своей славы, а другой молодымъ, начинающимъ писателемъ, еще ничѣмъ себя не заявившимъ, но полнымъ самоувѣренности и сознанія своей великой силы, познакомились въ Парижѣ, дружески сошлись и проводили цѣлыя ночи въ спорахъ. Разногласіе ихъ взглядовъ выяснилось: Прудонъ не уступалъ, и вотъ Марксъ обрушился на своего прежняго друга съ безпощадной критикой, имѣвшей цѣлью доказать полное научное ничтожество Прудона.

«Misère de la Philosophie» Маркса можетъ считаться образцомъ пристрастной критики, тѣмъ болѣе несправедливой, что она исходитъ отъ геніальнаго ума, котораго трудно заподозрить въ непониманіи. Читатель, не привыкшій къ самостоятельной оцѣнкѣ научныхъ произведеній и робѣющій передъ авторитетомъ, можетъ вынести изъ чтенія брошюры Маркса впечатлѣніе, что «Экономическія противорѣчія»—чуть ли не сплошной вздоръ. Однако впечатлѣніе это будетъ весьма далеко отъ истины. Сочиненіе Прудона имѣетъ много слабостей, и критика Маркса, въ частности, въ большинствѣ случаевъ вѣрна. Но въ цѣломъ она глубоко невѣрна, ибо «Экономическія противорѣчія»—одна изъ тѣхъ научныхъ работъ, которыя составляютъ въ исторіи науки эпоху. Не смотря на ѣдкость критики Маркса, мы осмѣлимся высказать мнѣніе, что безъ «Экономическихъ противорѣчій» Прудона былъ бы невозможенъ и «Капиталъ» Маркса. И общій планъ работы, и многія частности «Экономическихъ противорѣчій» оказали могущественное вліяніе на автора «Капитала», отрицавшаго достоинства сочиненія, которому онъ самъ былъ очень и очень многимъ обязанъ.

Въ «Экономическихъ противорѣчiяхъ». Прудонъ даетъ критическое изслѣдованiе основныхъ категорiй современнаго экономическаго строя. Подъ влiянiемъ Гегеля, онъ видитъ задачу науки объ обществѣ въ изслѣдованiи *процесса общественнаго развитiя*. «Социальная наука,—говоритъ онъ,—есть систематическое и рациональное познанiе не того, чѣмъ общество *было*, и не того, чѣмъ оно *будетъ*, но того, что оно *есть* во всей своей жизни, т.-е. въ совокупности своихъ послѣдовательныхъ проявленiй». Этого не понимаютъ существующiя экономическiя школы. Такъ, социалисты призываютъ общество къ организации труда; экономисты, въ отвѣтъ на это, утверждаютъ, что трудъ уже организованъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. «Но мы,—заявляетъ Прудонъ,—мы утверждаемъ, противъ социалистовъ и противъ экономистовъ, не то, что *нужно организовать трудъ*, и не то, что онъ *уже организованъ*, но что онъ *организовывается*... Политическая экономiя показываетъ первые начатки этой организации; но социализмъ совершенно правъ, указывая, что при существующихъ условiяхъ организациа труда недостаточна и случайна».

Такова задача социальной науки, какъ ее понимаетъ Прудонъ. Наука эта одинаково чужда какъ консерватизма, такъ и утопiи. Она изслѣдуетъ самый процессъ общественнаго движенiя и свои практическiя требованiя выводитъ изъ открываемыхъ ею законовъ этого движенiя.

«Краеугольнымъ камнемъ экономическаго зданiя является цѣнность». Со времени Ад. Смита экономисты различаютъ два рода цѣнности—потребительную и мѣновую. Въ какомъ же отношенiи другъ къ другу находятся эти два вида цѣнности? Увеличенiе предложенiя товаровъ увеличиваетъ общую сумму ихъ полезности, ихъ потребительной цѣнности, но понижаетъ ихъ рыночную цѣну. Уменьшенiе предложенiя повышаетъ цѣну, хотя полезность становится меньше. Слѣдовательно, между мѣновой и потребительной цѣнности существуетъ внутреннее противорѣчiе. Чѣмъ меньше имѣется въ природѣ полезныхъ для насъ предметовъ, тѣмъ они дороже. Поэтому скудный урожай часто выгоднѣе для земледѣльца хорошаго. Богатство производителя оказывается равносильнымъ бѣдности потребителя. «Идея противорѣчiя цѣнности, выступающая съ такой ясностью изъ неустранимаго различiя потребительной и мѣновой цѣнности, не зависитъ отъ недостаточнаго пониманiя экономическихъ отношенiй, или отъ неправильной терминологiи или какой-либо практической ошибки: она свойственна самой природѣ вещей... А такъ какъ понятiе цѣнности есть отправной пунктъ политической экономiи, то, слѣдовательно, всѣ элементы науки противорѣчивы въ себѣ и противоположны другъ другу, такъ что по отношенiю къ каждому вопросу экономистъ стоитъ между утвержденiемъ и отрицанiемъ, одинаково необходимыми. Антиномiя есть существенное свойство политической экономiи».

Но антивомія требуетъ примиренія. Тезисъ и антитезисъ предполагають синтезисъ. Какимъ же образомъ примиряется противорѣчіе потребительной и мѣновой цѣнности?

Подобно тому, какъ химическіе элементы только въ опредѣленной пропорціи вступаютъ въ соединеніе другъ съ другомъ, образуютъ новое химическое тѣло, такъ и социальное богатство требуетъ извѣстной пропорціональности своихъ составныхъ элементовъ. «Цѣнность есть пропорція, въ которой каждый изъ этихъ элементовъ входитъ въ составъ цѣлаго». Постигнуть природу цѣнности значитъ открыть законъ пропорціональности продуктовъ, какъ составныхъ частей социальнаго богатства. «Я исхожу,—говоритъ Прудонъ,—изъ предположенія силы, которая соединяетъ въ опредѣленной пропорціи элементы богатства и которая образуетъ изъ нихъ одно слитное цѣлое; если элементы эти не находятся въ должной пропорціи, то соединенія не произойдетъ—вмѣсто того, чтобы поглотить всю матерію богатства, сила эта оттолкнетъ часть элементовъ, сдѣлаетъ ихъ бесполезными. Внутреннее движеніе, посредствомъ котораго совершается соединеніе и которое устанавливаетъ пропорціи, есть обмѣнъ, сливающій всѣ произведенныя отдѣльными производителями цѣнности въ единое и тождественное социальное богатство. Пропорція, въ которой каждый элементъ входитъ въ составъ цѣлаго, есть цѣнность; всякій избытокъ противъ этой пропорціи есть *не цѣнность*, такъ какъ этотъ избытокъ не входитъ въ составъ социальнаго богатства, не захватывается обмѣномъ».

Мѣновыя пропорціи аналогичны, такимъ образомъ, химическимъ пропорціямъ, въ которыхъ химическіе элементы вступаютъ въ соединеніе другъ съ другъ. Но между химіей и политической экономіей существуетъ слѣдующее различіе: «Химики, открывъ путемъ опыта свои удивительныя пропорціи, не знаютъ ни причины, ни цѣли этихъ пропорцій, не знаютъ силы, которая устанавливаетъ ихъ. Напротивъ, социальной экономіи, которой никакой опытъ не открылъ бы *a posteriori* закона пропорціональности цѣнностей, извѣстна сила, опредѣляющая пропорціи».

Что же это за сила? Не что иное, какъ *трудъ* — «трудъ, единственно трудъ, производящій всѣ элементы богатства и комбинирующій ихъ до послѣднихъ молекулъ, согласно постоянному закону изменяющихся пропорцій. Это трудъ, который приводитъ въ движеніе богатство, подобно тому, какъ духъ одушевляетъ матерію. Общество, коллективный челоуѣкъ, производитъ безконечное множество продуктовъ, образующихъ благосостояніе. Благосостояніе это зависитъ не только отъ количества продуктовъ, но и отъ ихъ разнообразія (качества) и пропорціональности; поэтому общество не можетъ не стремиться достигнуть такой пропорціональности въ продуктахъ, чтобы сумма благосостоянія, при данныхъ производительныхъ силахъ, была наибольшей.

Изобиліе, разнообразіе и пропорціональность продуктовъ суть три основныхъ условія богатства».

Какимъ же образомъ достигается пропорціональность богатства? Для этого необходимо точно знать трудъ, требующійся для производства каждаго предмета потребленія. Первоначально производятся только такіе предметы, которые требуютъ для своего производства наименьшаго количества труда. Затѣмъ, по мѣрѣ роста производительныхъ силъ, общество переходитъ къ изготовленію дороже стоящихъ продуктовъ. Предметы болѣе дешевые удовлетворяютъ въ то же время болѣе необходимыми потребностямъ, дорогіе предметы суть предметы роскоши.

Но если трудъ устанавливаетъ цѣнность, то какимъ же образомъ самъ трудъ можетъ имѣть цѣну? Многіе экономисты возражаютъ противъ трудовой теоріи ссылкой на то, что трудъ есть такой же товаръ, какъ и всѣ остальные и также подвергается расцѣнкѣ. Слѣдовательно, выводить цѣнность изъ труда значитъ вращаться въ порочномъ кругѣ.

«Экономисты—замѣчаетъ Прудонъ—обнаруживаютъ въ этомъ разсужденіи удивительное непониманіе. Трудъ имѣетъ цѣнность не какъ товаръ, а какъ самостоятельный источникъ цѣнности. *Цѣнность труда* есть не болѣе, какъ фигуральное выраженіе, фикція, подобно понятію *производительности капитала*. На самомъ же дѣлѣ трудъ производитъ, а капиталъ расцѣпывается... Когда мы говоримъ: трудъ этого человѣка имѣетъ цѣнность 5 франковъ въ день, то это значитъ—ежедневный продуктъ труда этого человѣка стоитъ 5 франковъ».

Цѣнность, пропорціональную труду, Прудонъ называетъ *конституированною* цѣнностью и видитъ въ ней примиреніе противорѣчія потребительной и мѣновой цѣнности. Трудовая цѣнность предполагаетъ съ одной стороны полезность—потребительную цѣнность, безъ чего трудъ не создаетъ никакой цѣнности; съ другой стороны, пригодность предмета для обмѣна, такъ какъ только путемъ обмѣна устанавливается цѣнность предмета.

Трудовая, конституированная цѣнность есть синтезъ противорѣчій цѣнности. Проблема цѣнности заключается не въ нахожденіи всеобщаго измѣрителя цѣнности, а опредѣленіи того, что служить мѣрой цѣнности. «Въ геометріи мѣрой служитъ пространство, а единицей мѣры или градусъ—часть круга, раздѣленнаго на 360 частей — или часть шаровой поверхности, или протяженіе руки, пальца или ноги человѣка... Въ экономической наукѣ точка зрѣнія, съ которой сравниваются цѣнности, есть трудъ; что касается до единицы мѣры, то во Франціи таковой является франкъ. Удивительно, что ученые не могли усвоить себѣ столь простой идеи. По ихъ мнѣнію *сравненіе цѣнностей совершается безъ всякаго общаго мѣрила цѣнности и безъ единицы мѣры*; они готовы это утверждать, лишь бы избѣгнуть революціонной теоріи равенства. Что скажетъ объ этомъ потомство? На самомъ же дѣлѣ,

всякій продуктъ есть носитель труда... Уничтожьте трудъ—и у васъ останутся только полезности, которыя не обладая никакимъ экономическимъ свойствомъ, не нося въ себѣ ничего созданнаго человѣкомъ, являются несоизмѣримыми другъ съ другомъ».

Высшая задача, къ которой стремится общество въ сферѣ хозяйства, можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: «Производить съ возможно меньшей затратой труда возможно большее количество наиболѣе разнообразныхъ цѣнностей, такъ, чтобы каждый индивидъ могъ реализовать въ свою пользу наибольшую сумму физическаго, моральнаго и интеллектуальнаго благосостоянія».

Но эта задача — конституированіе цѣнности, построеніе цѣнности продуктовъ исключительно на базисѣ труда—еще далеко не достигнута обществомъ. Отъ этого зависятъ всѣ отрицательныя явленія современнаго хозяйственнаго строя—разстройство товарнаго обращенія, потрясенія кредита, промышленныя, денежныя и торговые кризисы, неравенство вознагражденія рабочихъ, эксплуатація однихъ членовъ общества другими, бѣдность большинства населенія. Если бы товары обмѣнивались въ соотвѣтствіи съ трудомъ, то всякій получалъ бы вознагражденіе пропорціонально своимъ заслугамъ; теперь же мы видимъ, что представители физическаго труда вознаграждаются ничтожно, между тѣмъ какъ тѣ профессіи, которыя составляютъ достоинствѣ привилегированныхъ, достаточныхъ классовъ общества, оплачиваются во много разъ выше. Если бы обмѣнъ совершался на основаніи трудовой равноцѣнности, то рабочій, отдавая свой трудъ капиталисту, получалъ бы отъ него всю созданную трудомъ цѣнность, и эксплуатація труда капиталомъ должна была бы прекратиться. Существованіе въ современномъ обществѣ непродуцительныхъ классовъ, потребляющихъ, но не производящихъ, есть результатъ того, что конституированіе цѣнности еще далеко не достигнуто».

Но, съ другой стороны, весь прогрессъ общества заключается въ борьбѣ за эту великую цѣль. «Политическая экономія есть не что иное, какъ исторія этой борьбы. Поскольку политическая экономія освящаетъ и желаетъ упрочить аномалію цѣнности и притязанія эгоизма, она есть поистинѣ теорія несчастія и организація бѣдности; но поскольку она указываетъ средства, открытыя цивилизаціей, для уничтоженія пауперизма (хотя эти средства монополія непрерывно стремится обратить въ свою пользу) она предвѣщаетъ организацію богатства».

Но если цѣнности всѣхъ товаровъ вообще пока еще далеко не конституированы, то современное общество все же обладаетъ однимъ товаромъ съ конституированной цѣнностью. Этимъ господствующимъ товаромъ являются деньги — золото и серебро. Существеннымъ отличіемъ денегъ отъ остальныхъ товаровъ слѣдуетъ считать то, что деньги — предметъ постояннаго и неограниченнаго спроса.

Деньги всегда имѣютъ сбытъ, рынокъ всегда открытъ для нихъ, ихъ всякій беретъ охотно, между тѣмъ какъ рынокъ для остальныхъ товаровъ ограниченъ; всѣ товары, кромѣ денегъ, подвергаются опасности не найти сбыта. Поэтому, деньги—товаръ по преимуществу, царь всѣхъ товаровъ. Общество достигло того, что одинъ товаръ—деньги—получилъ устойчивую цѣнность и всегда обезпеченный рынокъ. Этимъ оно сдѣлало первый шагъ къ конституированію цѣнности; дальнѣйшее хозяйственное развитіе должно повести къ тому, что и прочіе товары достигнуть того же положенія, въ которомъ теперь находятся только деньги: всѣ товары должны приобрести способность свободно циркулировать, находить сбытъ, какъ въ настоящее время золото и серебро. Теперь деньгами являются только названные металлы, впоследствии всѣ товары безъ различія будутъ играть роль денегъ.

Таково весьма замѣчательное ученіе о цѣнности Прудона. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что оно оказало огромное вліяніе на выработку взглядовъ Маркса, подвергнувшаго книгу Прудона такой суровой критикѣ. О справедливости этой критики можно судить по слѣдующему примѣру. Марксъ высмѣиваетъ утвержденіе Прудона, что трудъ, служащій мѣриломъ цѣнности, не можетъ самъ имѣть цѣнности. «Прудонъ, — говоритъ Марксъ, — видитъ въ товарѣ-трудѣ, сохраняющемъ удручающую реальность, только грамматическій оборотъ. Въ такомъ случаѣ все современное общество, основывающееся на товарномъ характерѣ труда, является не болѣе, какъ поэтической вольностью, основанной на фигуральномъ выраженіи. Если общество хочетъ избавиться отъ всѣхъ тягостей, отъ которыхъ оно теперь страдаетъ, то ему достаточно устранить неприятные словообороты, измѣнить свой языкъ... Трудъ, пока онъ покупается и продается, есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары, и точно также имѣетъ мѣвовую цѣнность» (*Das Elend der Philosophie*, стр. 34).

Такъ писалъ Марксъ въ 1847 г. Доводы Прудона, что трудъ въ качествѣ субстанціи цѣнности, самъ имѣть цѣнности не можетъ, казались Марксу пустымъ филологическимъ упражненіемъ. Прошло 20 лѣтъ и Марксъ объявилъ въ «Капиталѣ» свое собственное мнѣніе, выраженное въ цитированныхъ строкахъ, «грубой ошибкой вульгарной экономіи, которая сперва предполагаетъ цѣнность товара—труда, чтобы потомъ этой цѣнностью опредѣлять цѣнность другихъ товаровъ» («Капиталъ» т. I. Перев. подъ редакц. П. Струве, стр. 42). Выбѣстъ съ тѣмъ, Марксъ вполне усвоилъ осмѣянную имъ теорію Прудона и доказываетъ въ «Капиталѣ», вслѣдъ за Прудонемъ, что трудъ не можетъ имѣть цѣнности. Но лучше всего то, что ортодоксальные марксисты, вроде Кауцкаго, намѣренно игнорируя во всемъ этомъ роль Прудона, съ важностью заявляютъ: «Марксъ впервые доказалъ, что трудъ не есть товаръ, и потому не обладаетъ никакой цѣнностью, хотя трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности», и называютъ теорію Прудона

«основнымъ открытіемъ Маркса!» («Karl Marx'ökonomische Lehren», 1894 г., стр. 183—184).

Мы сказали, что «Экономическія Противорѣчія» существенно повлияли на выработку взглядовъ Маркса. Задачу экономической науки Марксъ понимаетъ совершенно такъ же, какъ и Прудонъ. Открытіе закона развитія современнаго хозяйственнаго строя—къ этому стремился Прудонъ въ «Экономическихъ Противорѣчіяхъ», и Марксъ въ «Капиталѣ». Подобно Прудону, Марксъ признаетъ цѣнность краугольнымъ камнемъ экономического зданія и начинаетъ свой анализъ экономическихъ категорій съ анализа цѣнности. Ученіе о цѣнности Прудона явственно отразилось въ «Капиталѣ». Мы назвали это ученіе замѣчательнымъ. Дѣйствительно, оно заключаетъ въ себѣ глубокія мысли, недостаткомъ которыхъ является лишь то, что онѣ не доведены до конца. Прудонъ останавливается въ развитіи своей теоріи на полдорогѣ, а иногда и сворачиваетъ въ сторону и попадаетъ на ложный путь. Благодаря этому, изложеніе его весьма неясно, и чтобы извлечь изъ соотвѣствующихъ рассужденій Прудона драгоцѣнное зерно, нужно самому обладать вполне отчетливымъ пониманіемъ проблемы цѣнности.

Такой глубокой мыслью мы считаемъ опредѣленіе Прудона цѣнности: какъ закона пропорціональности общественнаго производства, выстѣ съ признаніемъ труда моментомъ, устанавливающимъ, въ идеалѣ, эту пропорціональность. Прудонъ понималъ, что противорѣчіе между опредѣленіемъ цѣнности по полезности и по труду можетъ быть разрѣшено, и что разрѣшеніе это, заключается въ пропорціональности производства. Совершенно правильно формулируетъ Прудонъ хозяйственный принципъ, которымъ должно руководствоваться всякое хозяйство въ распредѣленіи производства между различными его отраслями—производить съ возможно меньшей затратой труда возможно большую сумму пользы.

Но правильно поставивъ условія задачи и догадываясь о ея рѣшеніи, Прудонъ не сумѣлъ связать рѣшенія съ условіями. Мы показали въ предшествовавшемъ «очеркѣ», что пропорціональность производства, дѣйствительно, можетъ быть осуществлена лишь на базисѣ стоимости производства, и что въ этомъ случаѣ расцѣнка по труду совпадаетъ съ расцѣнкой по полезности. Примиреніе двухъ противоположныхъ теорій цѣнности было достигнуто нами благодаря тому, что мы исходили не просто изъ теоріи *полезности*, но изъ теоріи *предѣльной полезности*. Прудонъ, пытаясь найти синтетическое рѣшеніе проблемы цѣнности, долженъ былъ исходить изъ теоріи полезности, такъ какъ теорія предѣльной полезности въ его время еще не была открыта. Поэтому, онъ больше предчувствовалъ правильное рѣшеніе, чѣмъ понималъ его. Его многословныя и запутанныя рассужденія о конституированной цѣнности, надъ которыми издѣвался Марксъ, были, дѣйствительно, мало убѣдительны. Но уже самая постановка задачи, самое пониманіе про-

блемы цѣнности, какъ закона пропорціональности общественнаго производства, была великой заслугой Прудона.

Для Маркса сложное построение Прудона сводится къ тривиальности, что цѣнность создается трудомъ. Не удивительно поэтому, что Марксъ находилъ «весьма наивнымъ со стороны Прудона выставить, какъ революционную теорію будущаго то, что Рикардо научно обосновалъ, какъ теорію существующаго, буржуазнаго общества, и провозглашать рѣшеніемъ антиноміи потребительной и мѣновой цѣнности то, что Рикардо и его школа задолго до Прудона признала научной формулой одной стороны антиноміи, мѣновой цѣнности». Но, какъ намъ еще придется говорить впереди, Марксъ совершенно неправъ, приписывая Рикардо свое собственное пониманіе трудовой теоріи цѣнности. Для Рикардо трудъ былъ не единственнымъ, а только важнѣйшимъ факторомъ цѣнности; Рикардо даже и не ставилъ той задачи, которую пытался рѣшить Прудонъ.—открыть, исходя изъ хозяйственнаго принципа, законъ пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства.

Какъ, однако, обстоитъ дѣло съ «наивностью», въ которой Марксъ упрекаетъ Прудона? Что такое трудовая теорія цѣнности,—«революціонная теорія будущаго», иначе говоря, хозяйственный идеалъ, какимъ ее признаетъ Прудонъ, или же теорія существующихъ, капиталистическихъ мѣновыхъ отношеній, какъ полагаетъ Марксъ?

Намъ уже выяснилось изъ предыдущаго «очерка», что однимъ изъ основныхъ условий осуществленія трудовой цѣнности является пропорціональность распредѣленія общественнаго производства. Спрашивается, имѣется ли это условіе въ наличности при капиталистическомъ способѣ производства—при господствѣ свободной конкуренціи и полной анархіи общественнаго хозяйства? Промышленные кризисы, общіе и частичные, и постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ объ обратномъ.

Но одной пропорціональности производства еще далеко не достаточно для достиженія трудовой цѣнности: *пока во главѣ производства стоитъ капиталистъ, для котораго человѣческая рабочая сила есть только одна изъ формъ капитала, до тѣхъ поръ издержки производства, а не трудъ регулируютъ среднія цѣны товаровъ.*

Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этому вопросу. Замѣтимъ дагѣе, что трудовая цѣнность требуетъ для своего осуществленія также и того, чтобы трудъ производителя одинаково вознаграждался въ разныхъ занятіяхъ. Между тѣмъ, огромное неравенство вознагражденія труда въ современномъ обществѣ есть не подлежащій сомнѣнію фактъ. Прудонъ указываетъ на него, какъ на одно изъ препятствій къ конституированію цѣнности. Мы привыкли къ различію оплаты умственнаго и физическаго труда и находимъ совершенно естественнымъ и справедливымъ, что человѣкъ образованный получаетъ, при значительно меньшей затратѣ труда, въ десятки и сотни разъ.

больше простого чернорабочаго. Но зависить ли эта разница доходов того и другого отъ различія производительности труда соотвѣтствующихъ лицъ или же отъ различія ихъ общественныхъ положеній—отъ того, что образованные люди выходятъ изъ достаточныхъ классовъ, а люди физическаго труда изъ рядовъ бѣдняковъ? Не имѣетъ ли огромное различіе оплаты такъ называемаго квалифицированнаго и неквалифицированнаго труда такого же происхожденія, какъ и различіе доходовъ фабриканта и рабочаго—не лежитъ въ основаніи этого различія точно также эксплуатація пролетарія собственникомъ?

Какъ извѣстно, Марксъ отвѣчаетъ на тотъ коренной вопросъ трудовой теоріи цѣнности фикціей равенства квалифицированнаго труда большому количеству простого. Марксъ принимаетъ, что лучше оплачиваемые роды труда заключаютъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простого труда. Законы конкуренціи опредѣляютъ, по словамъ Маркса, сколько дней простаго труда содержится въ одномъ днѣ сложнаго, квалифицированнаго труда.

Эту жалкую теорію, санкціонирующую существующую эксплуатацію и замѣняющую произвольной фикціей объясненіе чрезвычайно важнаго соціальнаго факта, Марксъ противопоставляетъ утвержденію Прудона, что неравная оплата труда есть насиліе однихъ членовъ общества надъ другими и нарушеніе закона трудовой цѣнности. Прудонъ, однако, остается глубоко правымъ, отказываясь признавать различіе оплаты критеріемъ производительности или сложности труда. Съ этимъ долженъ былъ согласиться и Марксъ. Въ одномъ любопытномъ примѣчаніи «Капитала» онъ совершенно разрушаетъ свою фикцію сложнаго труда. «Разница между сложнымъ и простымъ трудомъ,—говоритъ Марксъ,—частью основывается только на мнѣніяхъ или, по крайней мѣрѣ, на различіяхъ, которыя уже давно не представляютъ ничего реальнаго и, превратясь въ условности, держатся еще только на традиціи; частью же она основывается на болѣе безпомощномъ положеніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, вслѣдствіе чего послѣдніе менѣе другихъ могутъ заставлять предпринимателей оплачивать ихъ рабочую силу по ея цѣнности (См. «Капиталъ», т. I, стр. 144). Но если такъ, то нельзя ссылаться на конкуренцію, какъ на моментъ «опредѣляющій, сколько дней простаго неквалифицированнаго труда содержится въ одномъ днѣ сложнаго квалифицированнаго», ибо, по собственному признанію Маркса, конкуренція выполняетъ эту функцію весьма плохо. Одинъ день труда хуже оплачиваемыхъ рабочихъ можетъ содержать нѣсколько не меньше общественнаго труда, чѣмъ день труда рабочихъ, получающихъ высшую плату; но продуктъ, производимый первыми, въ соотвѣтствіи съ низшими издержками производства, будетъ расцѣниваться на рынкѣ ниже. Слѣдовательно, неравенство оплаты труда въ

капиталистическомъ обществѣ препятствуетъ осуществленію закона трудовой цѣнности.

Мы видимъ, что иронія Маркса не попадаетъ въ цѣль, и что пониманіе трудовой цѣнности Прудонъ, видѣвшимъ въ трудовой цѣнности требованіе равенства и освобожденія рабочаго, слѣдовательно, теорію будущаго, оказывается болѣе глубокимъ, чѣмъ поверхностное пониманіе самого Маркса, переносящаго трудовую расцѣнку продуктовъ въ капиталистическое общество, для котораго категория трудовой цѣнности скрывается подъ совершенно иной категоріей издержекъ производства. Гораздо основательнѣе Марксъ критикуетъ ученіе Прудона о деньгахъ и его логически несостоятельную утопію уничтоженія власти денежнаго капитала путемъ превращенія всѣхъ товаровъ въ деньги. Утопія эта имѣетъ въ себѣ нѣчто заманчивое, и далеко не одинъ Прудонъ подчинился ей очарованію. Школа Оуэна также увлекалась идеей такой организациі товарнаго обмѣна, при которой деньги стали бы излишни. Дѣйствительно, при недостаточномъ пониманіи функций денегъ въ товарномъ хозяйствѣ кажется какой-то аномаліей, что только одинъ товаръ, напр., золото, обладаетъ преимуществомъ передъ всѣми прочими, пользуется прерогативой неограниченнаго сбыта, устойчивой цѣнности и пр. Если золото достигло этого завиднаго положенія на товарномъ рынкѣ, то почему того же самаго не могутъ достигнуть, мало-по-малу, и остальные товары? Отвѣтъ не труденъ. По тому же, почему въ единой системѣ мѣръ единицей мѣры можетъ быть или аршинъ, или метръ, но не могутъ быть и метръ, и аршинъ вмѣстѣ. Задача уничтоженія денегъ въ товарномъ хозяйствѣ совершенно аналогична задачѣ созданія такой единицы мѣры, которая была бы равна всѣмъ измѣряемымъ предметамъ. Для чего выбирать одну какую-нибудь произвольную величину, напр., аршинъ, для измѣренія всѣхъ остальныхъ? Не проще ли всякую величину признать единицей мѣры? Нѣтъ, не проще, потому что *единица* не можетъ быть *множественна*. Польза системы мѣръ въ томъ и заключается, что различныя величины выражаются въ *одной* мѣрѣ. По этой же причинѣ, хотя самыя различныя товары въ разное время были деньгами—они были деньгами не одновременно, а въ исторической послѣдовательности. Если бы даже всѣ товары одинаково были пригодны для роли денегъ, все же мѣриломъ цѣнности сталъ бы только одинъ изъ нихъ.

Ученіе о цѣнности является основаніемъ всей системы «Экономическихъ противорѣчій» Прудона. Послѣдовательно, одну за другой, рассматриваетъ Прудонъ экономическія категоріи, и такъ какъ въ корнѣ ихъ лежитъ противорѣчивая категорія цѣнности, то всѣ онѣ оказываются содержащими въ себѣ внутреннія противорѣчія. Подобно тому, какъ человѣческій умъ изобрѣтаетъ одну гипотезу за другой для разрѣшенія трудной задачи, такъ и міровая мысль,—говоритъ нашъ авторъ,

последовательно создаетъ новыя соціальныя категоріи, все болѣе полно разрѣшающія противорѣчія соціального строя.

Соціальная эволюція начинается съ раздѣленія труда. Раздѣленіе труда даетъ возможность человѣчеству осуществить идею равенства, такъ какъ только при дифференціаціи профессій каждый можетъ заниматься тѣмъ, къ чему онъ наиболѣе способенъ или къ чему онъ чувствуетъ наибольшее влеченіе. Специализація труда увеличиваетъ въ огромныхъ размѣрахъ его производительность и открываетъ человѣчеству широкую дорогу къ накопленію богатства и знанія. Но, съ другой стороны, раздѣленіе труда поработачаетъ рабочаго, дѣлаетъ его слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ хозяина, увеличиваетъ нищету и невѣжество низшихъ классовъ народа и передаетъ всѣ блага цивилизаціи небольшой кучкѣ избранныхъ. Новое противорѣчіе, которое разрѣшается новой экономической категоріей—машинами.

Изобрѣтеніемъ машинъ промышленный геній человѣка протестуетъ противъ раздробленія и специализаціи труда. Дѣйствительно, что такое машина? Это—соединеніе въ одномъ цѣломъ тѣхъ инструментовъ, которыми раньше работало нѣсколько рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ введеніе машинъ, по своимъ результатамъ, прямо противоположно дѣйствию раздѣленія труда. Машина должна уменьшить человѣческій трудъ, понизить цѣны продуктовъ, и сдѣлать эти продукты доступными всѣмъ классамъ населенія. «Машина есть символъ человѣческой свободы, знакъ господства человѣка надъ природой, атрибутъ нашего могущества, выраженіе нашего права, эмблема нашей личности».

«Но тѣмъ самымъ, что машины уменьшаютъ трудъ рабочаго, онѣ урѣзываютъ и сокращаютъ возможность труда, благодаря чему спросъ на трудъ все болѣе и болѣе падаетъ и не достигаетъ предложенія. Правда, мало-по-малу пониженіе цѣнъ продуктовъ увеличиваетъ потребление послѣднихъ и рабочій находитъ новый заработокъ; но такъ какъ промышленныя изобрѣтенія безостановочно слѣдуютъ другъ за другомъ и непрерывно замѣняютъ механическими операціями человѣческій трудъ, то существуетъ постоянная тенденція къ обрѣзыванію труда и отстраненію рабочаго отъ производства... Вытѣсненіе рабочаго есть хроническое бѣдствіе, непрерывное и неизбежное, нѣчто вродѣ холеры, которая появляется то подъ видомъ Гуттенберга, то Акрайта; здѣсь она называется Жаккардомъ, тамъ Джемсомъ Уаттомъ, въ другомъ мѣстѣ маркизомъ Жоффруа».

«Машины, также какъ и раздѣленіе труда, суть при господствующей системѣ соціальной экономіи, одновременно источникъ богатства и постоянная и фатальная причина нищеты». Нерѣдко машины вводятся со спеціальной цѣлью борьбы съ рабочими; такъ, станокъ Шарпа и Робо былъ введенъ въ Манчестерѣ для того, чтобы побѣдить стачку рабочихъ, не соглашавшихся на пониженіе заработной платы. Но, вытѣсняя рабочихъ машинами, фабриканты сами себѣ роютъ

яму, ибо рабочіе суть потребители машинныхъ издѣлій, и сокращеніе числа рабочихъ равносильно сокращенію рынка для сбыта издѣлій.

Машинная работа оказываетъ губительное дѣйствіе на организмъ рабочаго и вызываетъ въ фабричныхъ странахъ прямое вырожденіе населенія. Въ Англіи наблюдается, одновременно съ развитіемъ фабричнаго производства, такое увеличеніе пауперизма, что ростъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ идетъ быстрѣе роста населенія.

Пролетаріатъ есть прямое порожденіе машинъ. «Крупная мастерская есть первая, простѣйшая и самая могущественная машина». Увеличивая примѣненіе машинъ, мы не дѣлаемъ трудъ рабочаго легче, напротивъ, фабричная работа и тяжелѣе и непрятнѣе прежняго ручного труда. вмѣстѣ съ тѣмъ, машина унижаетъ рабочаго, превращая его изъ искуснаго ремесленника въ простаго чернорабочаго. «Какое бы ни былъ прогрессъ механическаго знанія, сколько бы ни изобрѣтали машинъ еще во сто разъ болѣе удивительныхъ, чѣмъ прядильная машина «Дженни», паровой ткацкій станокъ и цилиндрический печатный станокъ, какія бы новыя силы, еще въ сотни разъ могущественнѣе пара, ни отрывали,—все же всѣ эти изобрѣтенія не только не дадутъ свободы человѣчеству, не увеличатъ его досуга и не улучшатъ потребленія, но, напротивъ, умножатъ трудъ, усугубятъ рабство, удорожатъ жизнь и еще болѣе углубятъ пропасть, раздѣляющую господствующій и наслаждающійся классъ отъ класса подчиненнаго и страдающаго».

Свободная конкуренція представляетъ собой слѣдующую категорію экономическаго строя. Всѣмъ извѣстны выгоды свободной конкуренціи, столь восхваляемые экономистами. Но экономисты упускаютъ изъ виду фундаментальную истину, что «конкуренція убиваетъ конкуренцію». Геометрія незнаетъ истины болѣе несомнѣнной. Правда, экономисты говорятъ намъ, что во всемъ нужно различать правильное пользованіе отъ злоупотребленія. Есть конкуренція благородная, заслуживающая высокой похвалы — это соревнованіе. Но есть конкуренція гибельная, безнравственная и разрушительная—это эгонизмъ. Точно также экономисты требуютъ чтобы мы различали хорошую и дурную сторону экономическихъ категорій, и надѣются сохранить хорошую сторону и устранить дурную. Экономисты не отрицаютъ, что конкуренція приводитъ къ своей противоположности—монополіи; но они видятъ въ этомъ лишь злоупотребленіе. Однако, говоритъ Прудонъ, монополія не есть злоупотребленіе конкуренціей, а естественный и неустраненный принципъ послѣдней. «Монополія есть фатальное завершеніе конкуренціи, непрерывно порождающей монополію, какъ свое отрицаніе; въ этомъ заключается и оправданіе монополіи. Такъ какъ конкуренція присуща обществу, какъ движеніе присуще живымъ существамъ, то и монополія, слѣдующая за конкуренціей, составляющая ея цѣль и предѣлъ, безъ которыхъ конкуренція была бы непріемлема, должна быть признаваема

столь же законной». Въ ожесточенной экономической борьбѣ побѣждаетъ сильнѣйшій, становящійся монополистомъ. Чѣмъ сильнѣе конкуренція, тѣмъ неизбѣжнѣе монополія. И мы видимъ, что монополія захватываетъ все новыя и новыя области хозяйства. И въ земледѣліи, и въ промышленности, и въ торговлѣ монополія становится господствующей. Благодаря этому, растутъ производительныя силы общества; коллективные рабочіе, объединенные монополистомъ, производятъ больше разьединенныхъ рабочихъ. Но монополія въ то же время есть могущественнѣйшая причина общественнаго упадка. *Latifundiae perdidere Italiam!* Монополія стремится не къ созданію наибольшей суммы общественнаго благосостоянія, а къ доставленію наибольшаго дохода монополисту. Ради увеличенія своего дохода монополисты готовы сократить сумму производимыхъ продуктовъ — иначе говоря пожертвовать общимъ благосостояніемъ ради своего собственнаго. Монополія въ корнѣ противоположна равенству.

Подобнымъ образомъ Прудонъ послѣдовательно разбираетъ экономическія категоріи—налоги, торговлю, кредитъ, и, наконецъ, собственность и коммунизмъ. Во всемъ онъ находитъ внутреннія противорѣчія, разрѣшеніе которыхъ возможно будетъ лишь тогда, когда будетъ разрѣшено лежащее въ основѣ современной хозяйственной системы противорѣчіе цѣнности, когда законъ трудовой цѣнности получитъ свое полное осуществленіе. Въ заключеніе Прудонъ критикуетъ ученіе Мальтуса и противопоставляетъ его формулѣ,—что населеніе растетъ въ геометрической, а средства существованія въ арифметической прогрессіи—свою собственную гласящую, что средства существованія растутъ, какъ квадраты числа рабочихъ. Нечего и говорить, что обѣ формулы—и Мальтуса и Прудона—одинаково произвольны.

Таково содержаніе «Экономическихъ противорѣчій», далеко оставляющихъ за собой по глубинѣ и зрѣлости мысли первое экономическое сочиненіе Прудона, удостоившееся горячихъ похвалъ Маркса. Несмотря на то, что авторъ совершенно произвольно распредѣляетъ свои экономическія категоріи, которыя не только не соотвѣтствуютъ послѣдовательности историческаго развитія, но и не подчинены никакому логическому правилу и столь же успѣшно могли бы быть размѣщены въ обратномъ или въ какомъ-либо иномъ порядкѣ, «Экономическія противорѣчія» содержатъ въ себѣ такую глубокую критику капиталистическаго строя, что большинству послѣдующихъ критиковъ капитализма оставалось только развивать или модифицировать мысли Прудона. Какъ мы уже говорили выше, и Марксъ былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Прудона. И это неудивительно, такъ какъ Прудонъ былъ первымъ замѣчательнымъ экономистомъ, примѣнившимъ въ широкомъ объемѣ гегелевскій методъ діалектическаго развитія къ изслѣдованію экономическихъ категорій. Тому же методу слѣдовагь и Марксъ. Правда, Марксъ утверждаетъ въ «Нищетѣ

философій», что Прудонъ совершенно не понималъ метода Гегеля. По его словамъ, «для г. Прудона каждая экономическая категорія имѣетъ двѣ стороны, дурную и хорошую... Хорошая и дурная сторона, преимущество и недостатокъ, образуютъ для г. Прудона противорѣчіе экономической категоріи. Задача, требующая разрѣшенія: сохранить хорошую сторону и устранить дурную... Г. Прудонъ знаетъ изъ гегелевской діалектики только форму выраженія».

Разумѣется, если бы методъ Прудона сводился къ банальности, что все имѣетъ дурную и хорошую сторону, то это было бы плохой діалектикой! Но и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, критика Маркса явно несправедлива. Прудонъ отлично понималъ поверхностность такого трактованія социальныхъ явленій, въ которомъ его упрекаетъ Марксъ. Это видно изъ того, что, какъ мы только что видѣли выше, въ этомъ самомъ Прудонъ обвинялъ экономистовъ и социалистовъ, и почти тѣми же словами, какъ и Марксъ. Прудонъ зналъ не хуже Маркса, что такъ называемая дурная сторона общественныхъ категорій и есть движущая сила общественнаго, развитія. Онъ говоритъ, напр., въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» по поводу монополіи: «Такъ называемыя злоупотребленія монополіи суть не что иное, какъ естественный результатъ развитія, въ отрицательномъ направленіи, всѣми одобряемой формы монополіи; эти злоупотребленія не могутъ быть отдѣлены отъ ихъ основанія, принципа монополіи, безъ того, чтобы самый принципъ не былъ уничтоженъ». Та же точка зрѣнія—что хорошая и дурная сторона экономическихъ категорій неразрывно соединены въ самомъ принципѣ послѣднихъ, благодаря чему рѣшеніе экономическихъ противорѣчій заключается не въ устраненіи дурной стороны, а въ дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи въ возникновеніи новыхъ и высшихъ социальныхъ формъ, примиряющихъ противорѣчія низшихъ формъ, проходитъ сквозь всю разсматриваемую работу Прудона.

Задача «Экономическихъ противорѣчій» была чисто критическая. Правда, Прудонъ уже и въ этомъ сочиненіи довольно ясно далъ понять, въ чемъ онъ видитъ рѣшеніе социального вопроса; конституированіе цѣнностей всѣхъ товаровъ, уничтоженіе господствующей роли денегъ—вотъ въ чемъ заключалось искомое рѣшеніе. Но какъ достигнуть этой великой задачи? На это Прудонъ отвѣчаетъ въ другой книгѣ: «Résumé de la question sociale» (1849). Онъ подымаетъ свой старый вопросъ—что такое собственность—и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что собственность, при современныхъ условіяхъ хозяйства, есть не что иное, какъ своего рода привилегія на полученіе сбора, пошлины съ продуктовъ, поступающихъ въ оборотъ съ циркуляціей товаровъ.

Въ прежнее время собственность давала возможности человѣку независимо отъ всего остального міра пользоваться плодами принадлежавшаго ему имущества. Такъ было во времена римской имперіи и

въ средніе вѣка, когда въ Европѣ господствовало натуральное хозяйство. Каждый собственникъ былъ маленькимъ центромъ своей хозяйственной сферы и не нуждался ни въ продажѣ своихъ продуктовъ, ни въ покупкѣ продуктовъ чужого труда. Но въ настоящее время собственникъ самъ по себѣ, безъ помощи своихъ согражданъ, не можетъ просуществовать и нѣсколькихъ недѣль. Онъ долженъ покупать и продавать, если не желаетъ умереть съ голоду. Собственникъ въ настоящее время— это человекъ, обладающій процентными бумагами, доходъ которыхъ зависитъ отъ обмѣна, обладающій деньгами, лежащими въ банкѣ, который существуетъ только обмѣномъ, товарами, предназначенными для продажи, землями, которыя приносятъ доходъ, если продукты находятъ сбытъ домами, которые были бы мертвыми капиталомъ, если бы не отдавались въ наемъ, и т. д. и т. д.

Если циркуляція товаровъ въ обществѣ совершается безпрепятственно, то собственность доставляетъ доходъ. Если же товарный обмѣнъ разстраивается и пріостанавливается, то и привилегія собственности утрачиваетъ свое экономическое значеніе—доходы собственника исчезаютъ. Собственность подобна пошлинѣ, взимаемой за проходъ судовъ по каналу. Реформируя механизмъ товарнаго обращенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ реформируемъ и право собственности, со всѣми его губительными послѣдствіями.

Но какая сила регулируетъ въ настоящее время обращеніе товаровъ и деспотически управляетъ ихъ движеніемъ? Эта сила—деньги. Слѣдовательно и рѣшеніе соціальнаго вопроса должно заключаться въ реформѣ денежнаго обращенія. Денежный капиталъ долженъ утратить свою деспотическую власть.

Для достиженія этой цѣли Прудонъ предлагаетъ устройство мѣноваго банка, во многомъ напоминающаго рабочую биржу Оуэна, съ тѣмъ различіемъ, что Оуэнъ стремился только къ устраненію денегъ въ роли мѣноваго посредника, между тѣмъ какъ Прудонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ достигнуть своимъ мѣновымъ банкотомъ и другой цѣли—дарового безпроцентнаго кредита.

Мы не будемъ повторять сказаннаго выше (по поводу рабочей биржи Оуэна) о невозможности обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ путемъ замѣны денегъ какими-либо условными знаками и организациі безденежнаго обмѣна товаровъ. Не организациія сбыта, а организациія общественнаго производства, замѣна анархическаго индивидуальнаго хозяйства планомѣрнымъ общественнымъ хозяйствомъ— вотъ что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбытъ. Мѣновой банкъ Прудона былъ несомнѣнной утопіей, хотя отнюдь не социалистической. Прудонъ надѣялся сохранить неприкосновенной индивидуальную свободу производителя и въ то же время избавить рабочаго отъ власти предпринимателя путемъ безпроцентнаго кредита. Но гдѣ найти капи-

талы для неограниченнаго кредита? Прудонъ повторяетъ здѣсь ошибку многихъ буржуазныхъ экономистовъ, приписывавшихъ кредиту чудесную способность создавать богатство изъ ничего. Классическимъ и неподражаемымъ образчикомъ и вмѣстѣ родокачалникомъ этихъ утопистовъ кредита былъ кредитный Калиостро XVIII вѣка—шотландецъ Джонъ Лоу, заразившій своимъ безуміемъ чуть не всю французскую націю, закружившій ее въ вихрѣ неистовой биржевой игры, ослѣпившей ее миражомъ фантастическихъ сказочныхъ богатствъ, лопнувшихъ, какъ мыльный пузырь. Весьма характерно, что Прудонъ относился съ большою симпатіей къ Лоу и даже заявлялъ въ «Экономическихъ противорѣчійхъ», что истинныя идеи Лоу еще никѣмъ не поняты надлежащимъ образомъ и что, будучи правильно поняты, онѣ могутъ произвести настоящій переворотъ въ народномъ хозяйствѣ.

Такой переворотъ долженъ былъ осуществить мѣновой, или, какъ впоследствии его назвалъ Прудонъ, народный банкъ. Съ своимъ обычнымъ избыткомъ темперамента, нашъ авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ возвѣстилъ о своемъ новомъ предпріятіи. «Я начинаю дѣло, равнаго которому не было и не будетъ въ мірѣ. Я хочу измѣнить основаніе общества, повернуть ось цивилизаціи, сдѣлать такъ, чтобы міръ, который по волѣ Божества движется съ запада на востокъ, началъ двигаться, по волѣ человека, съ востока на западъ». И всѣ эти чудеса долженъ былъ произвести скромный «народный банкъ» съ капиталомъ въ 50.000 франковъ!

Къ счастью для Прудона, судьба избавила его отъ разочарованія и нѣкотораго конфуза, который не могъ не сопровождать неизбежнаго жалкаго крушенія предпріятія, начатаго съ такими необычайными обѣщаніями. Въ дѣло вмѣшалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о томъ, чтобы «ось цивилизаціи» не пострадала: какъ разъ въ самое горячее время, наканунѣ открытія операціи банка, Прудонъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. За отсутствіемъ главнаго руководителя, «народный банкъ», акціи котораго парижскій рабочій классъ раскупалъ очень охотно, долженъ былъ немедленно закрыться.

Идея «народнаго банка» была, по всей вѣроятности, внушена Прудону Оуэномъ. Подобное же предпріятіе, впрочемъ, существовало въ 40-хъ годахъ и во Франціи: за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи былъ закрытъ въ Марселѣ мѣновой банкъ Мацеля, просуществовавшій цѣлыхъ 16 лѣтъ. По этому поводу враги обвиняли нашего автора въ плагиатѣ, но онъ утверждалъ, что впервые познакомился съ банкомъ Мацеля лишь тогда, когда уславъ его собственнаго банка былъ уже опубликованъ. Кромѣ того, между двумя банками было то существенное различіе, что Мацель отнюдь не задавался цѣлями всеобъемлющей экономической реформы, не стремился къ даровому кредиту и ставилъ себѣ болѣе скромную задачу—устроить нѣчто вродѣ комис-

сіонной конторы по сбыту товаровъ. Пока банкъ былъ очень остороженъ въ пріемѣ товаровъ—дѣлошло плохо; но въ концѣ концовъ, банкъ закрылся вслѣдствіе скопленія непроданныхъ товаровъ въ его распоряженіи.

Другой мѣновой банкъ былъ основанъ въ 1849 г. въ Марселѣ Бонаромъ и просуществовалъ около 10 лѣтъ. Закрытие банка было вызвано судебнымъ процессомъ, возбужденнымъ однимъ недовольнымъ кліентомъ банка, претендовавшимъ на то, что банкъ предлагалъ ему въ обмѣнъ на его доброкачественный товаръ никому не нужную залежь.

Какъ видимъ, предпріятія такого рода были неоднократно испробованы на практикѣ, и хотя большого успѣха не имѣли, но все же могли нѣкоторое время держаться и съ грѣхомъ пополамъ удовлетворять своему назначенію. При болѣе искусномъ и осторожномъ веденіи дѣла ихъ существованіе могло бы быть еще болѣе продолжительнымъ, но, разумѣется, отъ комиссіонныхъ товарныхъ конторъ безконечно далеко до «рѣшенія соціального вопроса».

Въ заключеніе отмѣтимъ, что Прудонъ считается создателемъ теоріи анархизма, превосходящаго по своей утопичности всѣ соціалистическія теоріи, къ которымъ нашъ авторъ относился съ такимъ осужденіемъ.

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И. Я—ъ.

I.

Въ родномъ гнѣздѣ.

— Викторъ, далеко еще?

— Оедька говоритъ, отъ поворота будетъ съ милю, а на самомъ дѣлѣ полторы, да и по тракту кусочекъ; а потому, по примѣру нашего первенца, совѣтую тебѣ прикурнуть въ уголокъ и заснуть; какъ придемъ, разбуду... Что, устала, котикъ? Вѣдь говорилъ я—это немножко дальше, чѣмъ отъ Мокотова до Муранова,—шутливо закончилъ Викторъ.

— Такъ красиво, какъ тутъ спать!—отвѣтила соннымъ голосомъ Марыня.—Знаешь, мнѣ и любопытно, и страшновато...

— Это отчего?

— Да такъ, развѣ я знаю отчего? Что-то будетъ... можетъ, и не обрадуются...—прошептала Марыня и приподняла свое блѣдное личико, черты котораго при свѣтѣ луны казались еще тоньше, чѣмъ обыкновенно.

Викторъ съ возбужденнымъ видомъ вглядывался въ дорогія черты и, замѣтивъ въ нихъ легкую тѣнь печали, почувствовалъ уколъ въ сердце. И тутъ же всѣ тайныя заботы, совершенно забытыя на время, напали на него, какъ потревоженное гнѣздо ось, съ докучливымъ жужжаніемъ старающихся каждая уколоть ядовитымъ жаломъ въ израненное мѣсто. Но онъ, какъ опытный пасѣчникъ, привычный къ нападеніямъ разсерженнаго роя, не отгонялъ ихъ и произнесъ съ упрекомъ:

— Ба, вотъ пустыки! не будутъ рады! а ну-ка, поспоримъ, сударыня, что они не спятъ и ожидаютъ; Игнатій сидитъ у себя въ музеѣ, какъ на иголкахъ, а Бэля хлопочетъ насчетъ ужина; съ самаго начала примется насъ откармливать; она, вѣдь, думаетъ, что въ городѣ не ѣдятъ, а потому если хочешь привлечь ее сразу на свою сторону, ушатай во всю, иначе она обидится, а если и обидится, такъ не огорчайся, ибо первая же и извинится. Она потѣшная!—продолжалъ онъ,

вдаваясь въ воспоминавія.—Нога у нея большая, а башмачокъ и того больше: Игнатій—погибъ совсѣмъ... Должно быть, у нихъ ужъ подросли сорванцы... Правда, кажется и немного времени, а Зыгмусю, вѣроятно, уже семь лѣтъ, поди-ка! Мечиславу около пяти, Авреглѣ три, а послѣднему бутузу годъ... Мы и то смѣемся надъ нею, что она, точно свекольная расада, черезъ лѣто плоды приноситъ... Игнасю будетъ съ кѣмъ подраться... Спи, Марыня, спи и не тревожься!

И черезъ минуту прибавилъ:

— Отведутъ намъ комнаты наверху. Изъ оконъ липы, паркъ, Синода... Ты права, красивый край! Спишь, Марыня?

Марыня, уткнувшись въ глубину экипажа, сидѣла съ закрытыми глазами, но не спала еще.

Она никогда раньше не была въ Кленовѣ, но мужъ ей часто рассказывалъ о родномъ гнѣздѣ и его обитателяхъ, и слова его теперь восстанавливали въ ея памяти рядъ туманныхъ образовъ, связанныхъ съ милымъ представленіемъ о тихой, мирной жизни и добрыхъ людяхъ. А ночь къ тому же была теплая, ясная и невозмутимо-спокойная.

По обѣимъ сторонамъ тракта за высокими насыпями дорожныхъ рвовъ простирались холмистыя пространства сжатыхъ полей, кое-гдѣ усѣянныхъ выросставшими въ темнотѣ ночи сидухами сноповъ.

На высокомъ, темносинемъ небосклонѣ, точно схваченномъ въ зенитѣ серпомъ луны, дрожали большія капли звѣздъ и маленькіе частые метеоры скатывались по небу, какъ голубыя слезы; тамъ и сямъ блуждали бѣлыя полупрозрачныя облачка, слабый вѣтерокъ едва перебиралъ ласкающимъ крыломъ волны воздуха, теплога на холмахъ и холоднаго въ сырыхъ долинахъ, откуда изъ чащи камышей изрѣдка доносилось мѣрное хриплое покрякиваніе коростеля.

Экипажъ быстро подвигался впередъ, мѣрно покачиваясь время отъ времени, конь фыркалъ, и Федьда отвѣчалъ ему: «На здоровье!» Унылый колокольчикъ временами перебывался, а черезъ минуту снова поспѣшно схватывалъ утерянный тактъ. А Марыня ощущала пріятную теплоту дремлющаго на рукахъ сына и близость Виктора, который любилъ бормотать про себя различныя чужія и собственныя риемы, и какъ разъ теперь слагалъ для нея какіе-то чудные стихи. Но надо всѣмъ преобладало въ ней чувство необыкновеннаго облегченія, точно она миновала опасный закоулокъ, гдѣ подстерегалъ ее ночной разбойникъ, чтобы отнять у нея все ея счастье, обезчестить и забросить одну въ безлюдномъ мѣстѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ безпокойство вселилось въ нее; точно трепетная птица билась въ ея груди до потери силъ, по малѣйшему поводу взъерошивая свои жесткія перья, выпускающая кривые когти и острый клювъ; теперь эта птица лежала безъ силъ въ мягкомъ пуху своихъ черныхъ крыльевъ. Воспоминавія недавнихъ дней постоянной тревоги и ночей, полныхъ страховъ, поя-

влялись еще изрѣдка, но какъ блѣдныя отраженія прошлаго, которыя возставаѣ въ памяти, не причиняя болѣе страданія.

Въ глубинѣ души ея слагались теплыя молитвы, безъ словъ, полныя чувства искренней благодарности къ этой ясной ночи, свободному простору, чистому небу. Ей казалось, что она плаваетъ въ туманѣ, ласкающемъ, какъ нѣжныя руки матери, плыветъ все медленнѣе, медленнѣе и тише... колыбелька остановилась... и все исчезло.

И уже во снѣ придавилъ ее всею тяжестью своего отвратительнаго, чудовищнаго тѣла кошмаръ, страшный, безформенный; она силилась крикнуть: «Не сплю!.. Викторъ!.. Знаю!..» но крикъ ея застылъ въ сжатой гортани, и она только нервно вздрогнула.

Въ это время экипажъ свернулъ на проселочную дорогу, колеса подскочили нѣсколько разъ на подвижныхъ, какъ клавиши, доскахъ моста; сильнѣе сжались рессоры. Овѣдка припустилъ лошадей, которыя, почуявъ близость дома, ржали все чаще и ускоряли рысь.

Было уже около полуночи, а въ кленовской усадьбѣ царствовало оживленное движеніе. Въ буфетной шумѣлъ самоваръ среди звона перетираемой посуды; въ большихъ сѣняхъ, выложенныхъ каменными плитками, усердно коптила большая бронзовая лампа, а въ различныхъ углахъ дома раздавался не въ мѣру повышенный голосъ Бэли, совершающей обрядъ головомойки сонной прислугѣ.

Панъ Игнатій бродилъ изъ угла въ уголъ въ своей комнатѣ, которая дѣйствительно походила болѣе на музей древностей или рабочей кабинетъ ученаго, чѣмъ на кабинетъ сельскаго хозяина. Ибо поскольку теперешній владѣлецъ Кленова любилъ рыться въ окрестныхъ курганахъ и городищахъ и старательно собиралъ всякія древности, постольку чисто по обязанности объѣзжалъ онъ нѣсколько разъ въ недѣлю уменьшившіяся границы своихъ владѣній, чтобы вселить въ приказчиковъ убѣжденіе, что онъ бодрствуетъ. На самомъ дѣлѣ бодрствовала энергичная Бэля и старшій управляющій, панъ Боровскій, который считалъ за собой много, отчасти мнимыхъ, долговъ признательности къ отцу обоихъ Гинтовтовъ, выплачивалъ имъ фанатичной привязанностью ко всему, что хоть немного касалось Кленова, и добросовѣстно раздѣлывалъ по полямъ съ утра до ночи.

Игнатій былъ значительно старше брата, и когда онъ праздновалъ свадьбу, Викторъ, въ новенькомъ студенческомъ мундирѣ, такъ усердно танцовалъ съ его женой, что чуть не уморилъ ея до полусмерти, первый прозвалъ ее Белладоной и къ концу вечера въ первый разъ въ жизни напился тоже до полусмерти. Несмотря на разницу лѣтъ, настроеній и темпераментовъ, братья искренно любили другъ друга, причемъ разсудительный флегматикъ Игнатій позволялъ вертѣть собой младшему брату, который былъ воплощеніемъ энтузіазма и жизни, бьющей ключомъ. Вообще въ Кленовѣ никто не могъ остановить тотъ бурный потокъ, въ который превращался Викторъ, если хотѣлъ скло-

нить къ чему-нибудь кого-либо изъ окружающихъ, убѣдить въ чемъ-либо или завлечь въ какое угодно смѣлое предпріятіе. Уступала ему даже Баля, говорившая громко, что просто чувствуетъ симпатію къ этому безумцу, а втихомолку—втайнѣ отъ самой себя—на днѣ этой симпатіи покоилось зернышко болѣе живого чувства.

Однако было и такое время, когда отношенія между братьями были сильно натянуты. Уже на второй годъ своего пребыванія въ университетѣ, во время лѣтнихъ каникулъ, Викторъ началъ вести съ братомъ горячіе споры, которые кончались взаимнымъ раздраженіемъ обѣихъ сторонъ и на долгое время отравляли всѣмъ расположеніе духа. Всего хуже было, если Балѣ удавалось ихъ обоихъ нѣсколько успокоить, тогда они начинали мириться, пробуя каждый привести свои доводы, и снова залъ гремѣлъ отъ шумныхъ споровъ и ударовъ кулакомъ по столу, причемъ жестикуляція съ обѣихъ сторонъ достигала такихъ размѣровъ, что иногда Балѣ приходилось внезапно тушить лампу, чтобы прервать неумѣстную сцену.

Это не были праздные споры, только состязаніе въ краснорѣчіи, вызванное желаніемъ сказать послѣднее слово, потому что среди вспышекъ увлеченія часто звучали нотки искренняго сожалѣнія, что они не могутъ понять другъ друга, и даже въ самыхъ упорныхъ столкновеніяхъ проявлялось неясно сознаваемое желаніе найти такой путь, на которомъ можно было бы броситься другъ другу въ объятія. Инстинктивно чувствовали оба, а въ особенности Викторъ, что, несмотря на всю разницу убѣжденій, противоположность, казалось бы, основныхъ принциповъ, въ глубинѣ ихъ душъ существуютъ какія-то точки соприкосновенія, еще болѣе тѣсныя связи, которыя стихійно притягиваютъ другъ къ другу людей изъ наиболѣе крайнихъ лагерей.

Но не одно это чувство руководило ими, ибо они искренно любили другъ друга. И вотъ они старались выразить уваженіе къ возрѣваніямъ другъ друга, разобраться во всѣхъ противорѣчіяхъ, но, какъ бываетъ большею частью, въ пылу спора только обострились ихъ положенія и даже довольно близкія по существу мысли, послѣдовательно развиваясь, приводили иногда положительно къ чудовищнымъ слѣдствіямъ, предъ которыми могъ не остановиться разгоряченный мозгъ, но должно было содрогнуться главное въ человѣкѣ—совѣсть. Баля, хотя и не особенно хорошо понимавшая, о чемъ спорятъ братья, умѣла схватывать на лету моменты черезчуръ сильнаго увлеченія и со свойственнымъ ей тактомъ во время раскрыть имъ глаза; затѣмъ, стараясь cadaго порознь припереть къ стѣнѣ, доводила ихъ до чистосердечнаго признанія: «А, да ну, сорвалось съ языка».

— А если сорвалось, то и успокойтесь, а то и еще что-нибудь «сорвется»,—строго отчитывала ихъ Баля и въ качествѣ доказательства приводила, что вотъ ужъ и прислуга подтруниваетъ надъ ними, и что, кромѣ того, они даютъ людямъ дурной примѣръ и, «пусть я буду

не я, если не по вашему примѣру Оедька опять подрался съ приказчикомъ изъ-за оброка!»

Если при этомъ находился и панъ Боровскій, то недовольный подобными отношеніями между братьями и распущенностью слугъ, онъ съ своей стороны всегда считалъ нужнымъ добавить:

— Ваши слова—святая истина! Да что тутъ и разсуждать: только бы человекъ Бога не забывалъ, тогда и все хорошо, а все остальное—фармазонскія выдумки.

Хотя панъ Боровскій эти слова обращалъ, главнымъ образомъ, по адресу горячаго Виктора, но бывали минуты, когда тотъ самъ признавалъ, что старый управляющій высказывалъ глубочайшую истину.

Сознавать это Викторъ началъ съ того времени, когда вновь пріобрѣтенныя имъ понятія, сначала касавшіяся его только поверхностно и покоившіяся исключительно на доводахъ разсудка, укоренились въ немъ глубже, сроднились тѣснѣе съ его душою и потеряли острые контуры схематическаго рисунка, оживились подъ вліяніемъ теплаго чувства.

Послѣ продолжительной внутренней борьбы, обѣ стороны его души—разсудочная и интуитивная, слились, наконецъ, въ чрезвычайно гармоничное однородное цѣлое, одаренное чуткою способностью съ ужасающею ясностью сознавать и мучительно чувствовать сущность вещей и людскихъ отношеній.

Однако, вскорѣ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ интересными для него сферами людей, Викторъ убѣдился, что только съ абстрактной точки зрѣнія можно ихъ считать за какую-то историческую группу, призванную къ выполненію идеальной и почетной миссіи, а дѣйствительно они представляютъ лишь сборище людей, добрыхъ и злыхъ, изъ которыхъ одни борются за свои права, сохраняя Бога въ сердцѣ, другіе инымъ путемъ.

Для него было сильнымъ разочарованіемъ, когда онъ открылъ, что находить не разъ отраженіе своего божества въ сердцахъ тѣхъ людей, которые явно противорѣчили ему, а бессознательно—себѣ. А потому онъ пріучалъ себя распознавать и схватывать эти святые черты среди хаоса ложныхъ разсужденій, отыскивать ихъ подъ грудой предразсудковъ, извращенныхъ понятій; вылавливать изъ сѣти логическихъ выводовъ, отарывать подъ наружностью какъ добродѣтели, такъ и порока, и достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательнаго искусства.

Благодаря этому и кое-чему другому, Викторъ даже и среди своихъ единомышленниковъ считался въ извѣстной мѣрѣ отступникомъ. Доктринеры упрекали его въ нѣкоторомъ «мистицизмѣ», выражая опасенія, что слишкомъ широкое пониманіе многихъ вопросовъ можетъ его завести въ непроходимыя дебри; но все это дѣлалось втихомолку; открыто никто не отваживался выступить; черезчуръ ужъ явно и искренно терзалось его бѣдное сердце, преданное міру, а въ душѣ гремѣлъ гнѣвъ

Божій. Къ тому же онъ обладалъ удивительнымъ вліяніемъ на окружающихъ, которыхъ располагалъ къ себѣ съ перваго взгляда, вызывая даже у непримиримыхъ враговъ удивленіе, граничащее почти съ уваженіемъ.

И когда Виктору снова, по окончаніи университета, пришлось провести довольно долгое время въ Кленовѣ, отношенія между братьями улучшились сами собою. Оба избѣгали споровъ, въ особенности Викторъ, который вообще не охотно дѣлился своими планами на будущее и отдѣлялся отъ совѣтовъ брата общими фразами или шутками.

— Кончилъ я юридическій факультетъ—буду защитникомъ...—говаривалъ онъ.

А панъ Игнатій огорчался и беспокоился; однако, противорѣчить не рѣшался. Гордый Витя выросъ и возмужалъ, превращаясь во всѣхъ отношеніяхъ въ Виктора. Младенческій пылъ и порывистый энтузіазмъ превратился въ яркій огонь, горящій ровнымъ, непрерывнымъ и чрезвычайно высокимъ пламенемъ.

Игнатій ощущалъ этотъ пламень, бессознательно преклонялся передъ нимъ и не пытался уже гасить его.

Викторъ вернулся въ городъ, рѣшивъ тамъ поселиться. Въ Кленовѣ бывалъ рѣдко, проѣздомъ и на короткій срокъ, привозилъ съ собою обыкновенно какую-нибудь новость, былъ всегда въ прекрасномъ расположеніи духа, которое понемногу сообщалось и окружающимъ, всѣ вспоминали старое доброе время, а когда онъ уѣзжалъ, при прощальныхъ объятіяхъ зарождалась снова тѣнь тревоги и опасеній и частенько отравляла Игнатію мирный покой сельскихъ ночей до полученія письма или новаго посѣщенія брата.

Письма Виктора, писанныя изъ различныхъ мѣстъ, обыкновенно отличались лаконичностью и телеграммнымъ стилемъ. Какъ вдругъ, однажды послѣ продолжительной разлуки и перерыва въ перепискѣ, обезпеченный слухами Игнатій получилъ въ отвѣтъ на вопросительную телеграмму, посланную на имя одного изъ родственниковъ, живущихъ въ городѣ, саженое письмо отъ брата, въ которомъ оказалось, между прочимъ, слѣдующее:

«... Теперь ужъ нечего скрывать; я женатъ, и двухлѣтній сыночекъ мой въ честь тебя названъ Игнатіемъ; de jure ваша свадьба состоялась сравнительно недавно, de facto мы поженились три года тому назадъ. Проступокъ противъ отжившаго догматизма—всецѣло мой проступокъ—исправленъ, и даже самая ярая ханжа не можетъ бросить ни одного упрека въ глаза нашимъ отношеніямъ... То, что я хранилъ это передъ вами втайнѣ, зависѣло, главнымъ образомъ, отъ опасенія, чтобы вы, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія не задѣли моей Марыни, чего я не могъ бы перенести, хотя бы мнѣ и угрожала опасность потерять навсегда ваше мирное и тихое гнѣздышко, гдѣ истерзанннй чело-вѣкъ всегда найдетъ мирный пріютъ и отдыхъ душевный. Жена моя

учительница, или, лучше сказать, была ею сначала, потомъ была портнихой, по происхожденію мѣшаночка, но въ общемъ такое милое существо, что часто заставляетъ меня восторгаться ею. Если хотите, могу — и даже было бы мнѣ на руку — пріѣхать къ вамъ въ гости съ семьей...»

Дальше слѣдовали всякаго рода извѣстія, нѣкоторыя даже не вполне ясныя, но все это проскользнуло незамѣченнымъ, въ виду факта, что Викторъ женатъ и уже отецъ. Супруги остолебѣли. Игнатій былъ ошеломленъ. Бэля обижена и немного шокирована, однако, въ концѣ концовъ, оба отправили сердечное письмо, въ которомъ бросались въ глаза подчеркнутые рукою Игнатія слова: «Для меня и Бэли, жена твоя, Викторъ, всегда будетъ нашей невѣсткой, а Игнась — племянникомъ». Случилось это недѣлю тому назадъ и теперь въ Кленовѣ ожидали гостей.

Пани Изабэлла рѣшила принять гостей съ большою торжественностью, но панъ Игнатій рѣшительно воспротивился, доказывая, что самымъ подходящимъ будетъ сердечный родственный приемъ, что же касается торжественности, въ особенности ночью и послѣ утомительнаго путешествія, то это могло бы просто произвести впечатлѣніе ироніи.

Послѣ долгихъ пререканій была выработана примирившая обѣ стороны программа, на ужинъ были предположены пышьята, еще что-нибудь, немного вина, Иванъ въ тужуркѣ, а Стенка въ сапогахъ.

Приближалась уже полночь, каждую минуту должны были пріѣхать гости, и по этому необычному случаю, пани Изабэлла, мѣняя капотъ на богѣе нарядное платье, наполняла весь домъ огромной суетнею, превращая его въ маленькій адъ.

Игнатій, посматривая на часы, шагалъ все быстрѣе и быстрѣе, какъ будто теченіе времени зависѣло отъ скорости его ногъ. Онъ безпокоился; между прочимъ, его волновалъ недавній случай съ докторомъ Постаанскимъ, который появился сегодня подъ вечеръ и заявилъ, что онъ пріѣхалъ не съ какимъ-нибудь глупымъ визитомъ, а просто по дѣлу, а именно пожелалъ получить за четыре огромныхъ яблока, по фунту каждое, мѣшокъ цвѣточной земли.

Игнатій безъ колебанія согласился на эту мѣну, такъ какъ привыкъ ко всякимъ выходкамъ стараго чудака, къ тому же онъ всегда былъ радъ видѣть его у себя, а сегодня болѣе чѣмъ когда-либо, намѣреваясь ему сообщить сенсационную новость о Викторѣ, судьбою котораго докторъ, повидимому, интересовался, хотя и тщательно это отрицалъ.

Поэтому онъ показалъ доктору письмо брата и выразилъ надежду, что теперь, наконецъ, Викторъ остепенится.

Старикъ, пробѣжавъ письмо, взглянулъ довольно насмѣшливо на Игнатія, пробурчалъ себѣ подъ носъ что-то вродѣ: «эхъ, простота!» сдѣлалъ странную гримасу и выругался такимъ необычнымъ голосомъ, что панъ Игнатій вздрогнулъ и спросилъ:

— А вы, какъ видно, недовольны?

— Я? Да что мнѣ за дѣло до Виктора? Пусть себѣ хоть шею свернетъ, лишь бы не на моемъ дворѣ, а то еще возись съ нимъ,—меня онъ столько же интересуесть, какъ прошлогодній снѣгъ!—огрызнулся нелюдитъ.

Игнатій встревожился еще сильнѣе, насильно удержалъ за рукавъ собиравшагося уходить Поставакаго, и въ смущеніи началъ повторять:

— Или вы видите въ этомъ что-нибудь дурное? Да? Что нибудь дурное?

Но старикъ поморщился и отчеканилъ:

— Во первыхъ, пусти меня, потому что разорвешь мнѣ платье, а починки я не люблю! Во-вторыхъ, запомни разъ навсегда, я не сторожъ твоего дома и твой, чтобы отдавать тебѣ отчетъ. Ты думаешь,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ раздраженіемъ,— что кто имѣлъ счастье спать съ твоимъ дѣдомъ подъ однимъ плащомъ, тотъ долженъ чувствовать себя признательнымъ вплоть до третьяго поколѣнія. Такъ знай же, что дѣдъ твой хоть и былъ молодцомъ въ битвѣ, да не промахъ былъ и въ палаткѣ, къ тому же здоровенная машина—и бывало какъ стянетъ плащъ къ себѣ, такъ и приходится мнѣ щелкать зубами подъ краешкомъ; съ тѣхъ поръ еще у меня пострѣливаетъ въ лопаткѣ, а зубовъ нѣтъ и помину.

И не прощаясь, видимо сердитый и какъ будто обиженный, докторъ вышелъ, взваливъ себѣ мѣшокъ на плечи и побрелъ домой.

Игнатій и самъ не зналъ, что обо всемъ этомъ подумать; хотя Поставакаго и жилъ отшельникомъ, все-таки до него доходили достоверныя извѣстія изъ многихъ мѣстъ края; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ удивительный чудакъ и фантазеръ. Поэтому его, просто, могла укусить какая-нибудь муха, а можетъ быть, его поведеніе имѣло и боже вѣскія основанія. Къ тому же, при боже внимательномъ прочтеніи письма, Игнатію бросился въ глаза намекъ на возможную перемѣну въ мѣстѣ жительства и на необходимость урегулировать дѣла по имѣнію, чего Викторъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ настоянія съ его стороны, тщательно избѣгалъ.

Отсюда вытекало одно слѣдствіе, что Викторъ имѣетъ какія-то новыя намѣренія; но какія? Свернуть ли они ему шею, или, наоборотъ, помогутъ остепениться?

Тутъ уже Игнатій терялся въ догадкахъ и полагалъ, что Поставакаго кое-что знаетъ, но не хочетъ сказать.

— Почему? — спрашивалъ себя Игнатій, и какъ только взоръ его падалъ на лежащія на письменномъ столѣ розовыя яблоки, величинаю съ хорошую бомбу, онъ останавливался, машинально всматривался въ нихъ, какъ будто внутри ихъ скрывалась разгадка.

Изъ этихъ размысленій его вывело появленіе възерошеннаго Степки, который мигомъ выпалилъ:

— Господа ѣдутъ! Барыня просить!

— Ъдутъ!—радостно повторилъ Игнатій.—Такъ зажги лампы, ставь самоваръ, — отдавалъ онъ запоздалыя приказанія, торопливо проходя по освѣщеннымъ комнатамъ.

На крыльцѣ онъ засталъ уже жену.

— Ъдутъ?—спросилъ онъ.

— Навѣрное, нашъ колокольчикъ,—отвѣтила Бэля.

— Что-то не слышно.

— Теперь они на плотинѣ, подожди, сейчасъ прїѣдутъ! — и оба стали прислушиваться.

Тихо было вокругъ, только гдѣ-то въ деревнѣ былъ слышенъ отдаленный собачій лай, и около усадебныхъ построекъ раздавались свистки ночного сторожа.

Черезъ минуту, однако, послышалось издали стрывистое звяканіе колокольчика, который становился все слышнѣе и слышнѣе, на мгновение затихъ подъ воротами и снова запѣлъ свою заунывную пѣсню подъ сѣнью тополей ведущей къ дому аллеи.

Панъ Игнатій сбѣжалъ съ крыльца и началъ всматриваться въ длинную, темную перспективу деревьевъ.

Вдали замелькала какая-то огромная тѣнь, вскорѣ можно было различить четыре движущіея силуэта лошадей; Овѣдка крикнула: «тпру!» и экипажъ остановился у крыльца.

— А, вотъ и вы, наконецъ! — открывая дверцы, воскликнула хозяйка.

— Сейчасъ, дай выгѣзу, — весело прозвучалъ голосъ Виктора, и черезъ минуту двое высокихъ мужчинъ бросились другъ другу въ объятія, оглашая воздухъ звонкими поцѣлуями.

— Ну, довольно, довольно, а то еще дождь накликаете! — останавливала ихъ Бэля.

— Я тебѣ покажу дождикъ, — задорно отвѣтилъ ей Викторъ, выпуская изъ объятій брата, и началъ ее цѣловать; потомъ обращаясь къ стоявшей въ сторонѣ Марынѣ, представилъ ее:— вотъ моя женка! А вотъ и Белладонка, недурненькое и вовсе неядовитое зельеце, а здѣсь ея опора, Игнатій—ну, да поцѣлуйте же всѣ вмѣстѣ, — вотъ такъ! и ты Игнатій—Эхъ, неуклюжій, пользуйся случаемъ, пока темно!

— Очень рады, очень рады, — бормоталъ взволнованный Игнатій, цѣлуя ручку Марыни.

А Викторъ трещалъ дальше:

— Погодите, это еще не весь мой скарбъ, вотъ тутъ—при этомъ онъ вынулъ изъ коляски довольно большой свертокъ—мое продолженіе; скажите, куда мнѣ дѣтъ это сокровище, спящее на моихъ рукахъ?

— А это ужъ мое дѣло! — сказала, взявъ изъ его рукъ малютку, Бэля, и не допуская содѣйствія Марыни, побѣжала вмѣстѣ съ нею наверхъ, гдѣ были отведены комнаты для Виктора съ семьею.

Викторъ въ это время тщетно пытался высвободить свою руку изъ ладоней старика Ивана, повторяя:

— Я не архіерей!

Но старый слуга все-таки чмокнулъ его въ руку и сказалъ:

— Барчукъ, ужъ не барчукъ, а баринъ, и семейный...

— Ну, ну, хорошо, хорошо. А скажите-ка, гдѣ мнѣ умыться — проговорилъ Викторъ, медленно поднимаясь по лѣстницѣ и расправляя онѣмѣвшіе члены.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ! — повелъ его Игнатій, ежеминутно пожимая съ нѣжностью его локоть; и въ кабинетѣ, приглядываясь къ брату замѣтилъ:

— А знаешь, ты похудѣлъ, и какъ будто не много сталъ постарше — настоящій *pater familias*.

Викторъ, дѣйствительно, при своемъ высокомъ ростѣ, былъ нѣсколько худощавъ, и по лицу онъ казался старше своихъ лѣтъ. Длинные усы, опущенные внизъ къ сильно выступающей щетинистой бородѣ, придавали его энергичнымъ чертамъ выраженіе доброты, а еще болѣе усталости. Широкая и прямая, сросшаяся линія бровей разграничивала круглый, небольшой лобъ отъ глубокихъ впадинъ глазъ, которыя казались еще больше, глубже и темнѣе послѣ долгой утомительной дороги.

— Да, я осунулся за послѣднее время — отвѣтилъ Викторъ и началъ мылить свои худыя, косматыя, жилистыя руки. Затѣмъ, среди плеска воды, которой онъ обливался съ видимымъ удовольствіемъ, сталъ засыпать брата вопросами, перескакивая съ предмета на предметъ.

— Ну, а какъ поживаетъ панъ Постанскій? Все такой же и такъ же бодръ?

— Все такой же!

— И все по старому производите мѣновую торговлю?

— Все по старому, даже сегодня...—тутъ панъ Игнатій зашулся, ибо ему показалось неосторожнымъ вдаваться въ подробности, такъ какъ рѣчь легко могла перейти къ вопросу о женитьбѣ Виктора, вопросу какъ бы то ни было, нѣсколько щекотливому.

— Врагъ людей, а въ особенности прекраснѣйшей половины человѣческаго рода, онъ, навѣрное, проберетъ меня за Марыню...—шутливо произнесъ Викторъ.

— Вотъ ужъ вѣрно! — прекрасно сказано... врагъ женщинъ—воскликнулъ Игнатій, отъ радости хлопнувъ себя по пробивающейся лысинѣ, — я, было, совсѣмъ забылъ... Пробралъ уже... а больше всего мнѣ досталось, когда я показалъ ему твое письмо...

И отъ наплыва новаго чувства, онъ сбнялъ еще мокраго брата, приговаривая:

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, а то тамъ Бэля съ ужиномъ...

Въ корридорѣ они встрѣтились съ дамами, которыя не замедлили имъ объявить, что малютка только разъ открылъ глазки и сейчасъ же опять заснулъ.

Марыня, въ свою очередь, успѣла по дорогѣ сообщить вполголоса, что ребенка положили въ такую кроватку съ рѣшетками, изъ которой онъ, при всемъ желаніи, выпасть не можетъ.

— Вотъ, видишь!—сказалъ Викторъ, какъ бы желая заставить жену покраснѣть. Потомъ онъ взялъ Бэлю за обѣ руки и подвелъ ее къ свѣту:

— А ну, ка, покажись! Все такая же стройная!—Побойся Бога, голубка, когда же ты наконѣцъ, постарѣешь? и это мать четверыхъ дѣтей! Игнась, признайся, уже не ты ли ихъ рожаешь...

— Да и хозяйство все и все остальное валится на ея бѣдную головушку,—одобрительно добавилъ Игнатій.

— Какъ же, вижу, вѣроятно, и рукописи твои тоже,—улыбнулся Викторъ, взглянувъ на голову Бэли.

— Ахъ, папильотки!—взвизгнула она, хватаясь за волосы, и мигомъ вылетѣла изъ столовой.

Это маленькое происшествіе сразу перевернуло вверхъ дномъ, всю программу приѣма, которому пани Изабѣлла хотѣла придать нѣкоторый характеръ торжественности. Послѣ же того, что случилось, она сама отбросила въ сторону съ трудомъ соблюдаемый этикетъ, совершенно впрочемъ и не согласующійся съ ея живымъ темпераментомъ, и за ужиномъ уже царствовала ничѣмъ нестѣсняемая свобода и веселость, въ чемъ она соперничала съ Викторомъ. Марыня чувствовала себя вначалѣ нѣсколько чужою и принимала только пассивное участіе, но это не мѣшало ей внимательно вслушиваться въ разговоръ.

Вскорѣ, однако, легкое стѣсненіе, которое она испытывала отъ мимолетныхъ, пытливыхъ взглядовъ обоихъ супруговъ, смягчилось и уступило мѣсто чувству довѣрія къ этимъ людямъ, которые, очевидно, и не старались въ ней найти что-нибудь дурное, а интересовались ею болѣе изъ расположенія къ ея мужу, чѣмъ изъ простаго любопытства.

Она сознавала это теперь, на душѣ у нея становилось все легче, и она невольно улыбалась имъ своею нѣсколько болѣзненною улыбкой, яснымъ взглядомъ чудныхъ сѣрыхъ глазъ, обрамленныхъ какъ бы не успѣвшими высохнуть слезами, всей своей фигурой, которая, казалось, говорила: «Да, да—примите меня въ свое гнѣздышко, ибо я люблю его не меньше, чѣмъ вы». Не забывая въ то же время словъ Виктора и не желая причинить Бэлѣ ни малѣйшаго огорченія, она старалась поглотить цѣлаго дыпленка, съ которымъ, по совѣту и примѣру хозяйки, справлялась при помощи своихъ маленькиихъ пальчиковъ. А Викторъ, зная ея крошечный аппетитъ, предательски улыбнулся, и шума на весь столъ предлагалъ ей брать еще.

Къ счастью, Бэля втайнѣ думала, что съ такого заморыша будетъ

вполнѣ достаточно и этого, а потому и не налегала особенно, оставя свои увѣщеванія на будущее.

Послѣ цыплятъ, старикъ Иванъ, съ плутоватой улыбкой перемѣнилъ Виктору тарелку, и подавая блюдо, шепнулъ ему, увѣренный въ эффектѣ:

— Фаршированная капуста.

Викторъ даже подскочилъ на мѣстѣ отъ удовольствія.

— Такъ и пышетъ! Не можетъ быть, а можетъ быть, и подогрѣтая?

— Конечно,—торжествующимъ голосомъ произнесла Бэя и подмигнула Степкѣ, который крикнулъ, вытащилъ пробку и поставилъ на столъ дымящуюся бутылку.

Викторъ взглянулъ на ярлыкъ и спросилъ:

— А это что? Габербушъ! Ей-ей, видишь, Марыня, чистыя чудеса; откуда вы это взяли?

— А что-жъ ты думаешь,—просіяла Бэя,—что только у васъ въ городѣ есть порядочное пиво, да и то, навѣрно, поддѣльное. А вотъ у насъ въ глуши будешь каждый день получать его и à discretion.

— Не въ глуши, а чуть ли не въ Канѣ Галилейской,—поправилъ ее Викторъ;—я ничего не думаю, и не заставляй меня думать въ такую торжественную минуту и позволь мнѣ сосредоточенно уничтожать твои яства...

— Отлично, только не клади на тарелку, а бери ужъ прямо съ блюда...

— Само собой разумѣется.

— Викторъ, голубчикъ, на ночь!..—увѣщевалъ Игнатій.

— А, что тамъ на ночь, отъ прибытка голова не болитъ,—возразила Бэя.

— Да я и не о головѣ говорю вовсе!—сболтнулъ Игнатій, и спохватившись, взглядомъ извинился передъ улыбавшейся Марыней.

А Викторъ, въ свою очередь, притворяясь гастрономомъ, продолжалъ уплетать любимое блюдо и бормоталъ:

— Пальчики оближешь! Объяденіе! А не трясутся у меня уши? Нѣтъ... Степка, стань позади меня и тряси мнѣ ухо... Слышишь?..

Но Степка только прыснулъ въ кулакъ, къ великому смущенію старика Ивана.

Пани Изабэлла пожертвовала собою и съ такою энергіею замѣнила Степку, что Викторъ вскочилъ и, зарывавъ, какъ левъ: «мщеніе!» погнался за Бэей вокругъ стола.

— Сумасшедшіе, точно съ цѣпи сорвались? Вѣдь дѣти спятъ! удерживалъ ихъ Игнатій.

— Ахъ правда, дѣти!—схватившись за голову, повторилъ Викторъ—совсѣмъ изъ головы вонъ; стыдно тебѣ, Бэя, вѣдь у меня только одинъ огурчикъ—это не въ счетъ, а вотъ у тебя—цѣлый ого-

родъ... Матрона!—и стараясь ее заговорить, поймалъ неожиданно за талию и чмокнулъ прямо въ губы.

— Измѣнникъ, Іуда!—вырывалась Бэля, и образумившись сразу, свернула распустившуюся волну золотистыхъ волось.—Пойдите спать, уже второй часъ!—добавила она, взглянувъ послѣ минутнаго молчанія на старинныя часы и на полусонную Марыню.

— Пани...—а потомъ поправилась:—невѣстка, вы устали, я васъ провожу.

И вышли обѣ.

Мужчины остались еще. Викторъ вообще ложился поздне, а сегодня къ тому же и разошелся и ему вовсе не хотѣлось спать.

Зато Игнатій такъ часто началъ протирать очки, что Викторъ сжалился надъ нимъ, распрощался и отправился наверхъ. Ведущая туда внутренняя деревянная лѣсенка была значительно старше Виктора. Шаткія ступеньки закрипѣли подъ его ногами, какъ и въ старое доброе время, а жиденькія ветхія перила задрожали въ его рукѣ, будто что-то живое.

«Ну ужъ теперь мнѣ не съѣхать внизъ», подумалъ Викторъ, нѣжно проводя рукой по периламъ, нѣкогда отшлифованнымъ его дѣтскими ручками и штанишками во время этихъ чудныхъ, воздушныхъ путешествій.

— Попробуй, выдержи!—какъ бы откликнулись перила.

Но онъ уже былъ въ узкомъ коридорчикѣ.

Миновавъ двѣ двери, онъ открылъ третью, ведущую въ маленькую комнату. Старый джутовый диванчикъ привѣтствовалъ его поблекшею улыбкой и живо напомнилъ ему то время, какъ онъ въ дѣтствѣ кувыркался на немъ, а поздне часто нетерпѣливо бросался на него съ тяжелой книгою въ рукахъ и проводилъ на немъ цѣлыя часы.

Привѣтливо задребезжало своими маленькими стеклами продолговатое окошечко; замѣтивъ это, онъ подошелъ къ нему, отперъ задвижки и слегка толкнулъ его наружу.

Зазвенѣли стеклышки знакомымъ голосомъ, закачалась объемистая рама, закрипѣвъ на заржавѣвшихъ петляхъ и покривившись немного, заняла свое мѣсто въ пространствѣ.

Викторъ облокотился о косякъ и смотрѣлъ. Луны уже не было, но зато еще роскошнѣе засеребрились вереницы звѣздъ на темносинемъ небосводѣ, расплылись нависшія облачка, какъ разсѣянное стадо лебедей, и протянулся широкой серебристой лентой величественный млечный путь.

Неподалеку, на уровнѣ окна, слегка покачивались вѣтвистыя верхушки раскидистыхъ липъ, въ волшебной листвѣ которыхъ, казалось, ангелы ночи обрѣли себѣ таинственную обитель.

Викторъ скользнулъ любовнымъ взглядомъ по верхушкамъ липъ, и перевелъ взоръ въ глубь такъ называемой «темной аллеи», куда

подъ аркады склоненныхъ грабовъ, задитыя волнами непрогляднаго мрака, не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта.

Но онъ различалъ тамъ все: и поросшую мохомъ скамейку изъ тесаннаго камня, на которой онъ съ такимъ трудомъ выскоблилъ гвоздикомъ свое имя, и большихъ удитокъ съ высунутыми рогами, передвигающихъ свои собственныя жилища по слизистымъ слѣдамъ, и маленькихъ птичекъ, шаловливо вертѣвшихъ хвостиками въ знакъ того, что онѣ теперь уже не испугаются его соли и не разлетятся при его приближеніи. И онъ брелъ за ними черезъ кусты и бурьяны, пока не наткнулся на кустарники одичалой малины, усыпанной мелкой ароматной ягодой и затерявшейся среди лопуховъ, боярышника и высокой крапивы, а потомъ—на тропинку, облитую сокомъ сладкой шелковицы, на сухихъ вѣтвяхъ которой порхаютъ большіе дрозды и крикливыя золотистыя иволги.

Черезъ дыру въ заборѣ онъ пробрался на лугъ, усыпанный яркими желтыми цвѣтами и у ногъ своихъ услышалъ тихій плескъ волнъ Свиноводы. Мигомъ раздѣлся, бросился внизъ головой въ знакомыя ему глубины и нащупалъ рукою давнишній свой слѣдъ, оставшійся въ мягкомъ илестомъ днѣ; въ одно мгновение та же волна вынесла его на поверхность; онъ поплылъ къ берегу, стащилъ въ воду узкую лодчонку «душегубку», опрокинулъ ее вверхъ дномъ, и плывя на ней верхомъ, былъ увѣренъ, что осѣдлалъ крокодила. Потомъ онъ погнался за хитрыми вырками, подрѣпился вкусной сердцевиной аиру, служившаго одновременно и саблей и хлопучкой, и вооружившись этимъ оружіемъ, сталъ подкрадываться по колеблющимся кочкамъ болота, покрытаго радужными жирными пятнами, къ стаду чирковъ, плавающему на большой прогалинѣ, покрытой точно выцвѣтшимъ сукномъ, зеленюю и упругими водорослями, которыхъ и не пробуй вытаскивать, такъ онѣ крѣпко держутся другъ за друга и сами тянутъ къ себѣ.

Онъ перебрался на другой берегъ, высокій и лѣсистый, гдѣ на сухомъ дубѣ пищали ястребята, а надъ ивами увивались сварливыя сороки и хохлатые смѣшныя удода.

Тамъ онъ обсушился и отдохнулъ въ наскоро сплетенномъ вигвамѣ изъ хвороста и папоротника, величиною съ хижину Робинзона Крузэ.

Спрятавъ на всякій случай нѣсколько желудей въ карманъ, онъ вырѣзалъ толстый ивовый пруть, привязалъ бичовку, подарокъ старой няни, давно уже спящей въ могилѣ, и сдѣлалъ длинный бичъ. Въ минуту передѣлавъ его на лукъ, и наигрывая на упругой тетивѣ какой-то чудный гимнъ, онъ торжествующе вошелъ въ садъ. Тамъ выбралъ себѣ самое маленькое яблочко съ дикой яблони, насадилъ его на конецъ тонкой палочки и запустилъ эту лучшую въ мірѣ стрѣлу высоко, высоко. Она поднялась вверхъ, прямо какъ свѣчка, исчезла на мгновение въ небѣ, а онъ носился съ нею вѣстѣ въ зенитѣ неба, у самаго солнца.

Викторъ переживалъ ту рѣдкую минуту чуда, когда внутреннее дремлющее око, вѣчно бодрствующее и разгорѣвшееся отъ постоянного напряженія, вдругъ отуманивается слезами неизъяснимой сладости, а суровый водovorотъ жизни, ведущій къ ничтожеству и могилѣ, останавливается и широкой волною медленно возвращается назадъ вплоть до лазореваго источника дѣтства, въ который и каждый цвѣточекъ охотно стряхиваетъ свои яркіе ароматные лепестки, и береза свѣтлыя листочки, и калина кораллы, надъ которыми колеблются на крыльяхъ изъ радужнаго стекла розовыя мечты дѣтства, куда доврчиво слетаются полевыя пташки, любовно глядится блуждающее небесное облачко, гдѣ покоится въ забытїи высокое солнце, а золотая звѣздочка страстно любитъ своимъ отраженіемъ, — къ источнику, который ничего не знаетъ ни о себѣ, ни о своемъ илнстомъ днѣ, ни о серебристой струѣ, рыдающей въ немъ непрерывно. Погруженный въ это восхищеніе, Викторъ обходилъ въ лабиринтахъ воспоминаній свое старое гнѣздо, а куда ему не удавалось проникнуть, сттуда братскій вѣтеръ самъ слѣпшилъ къ нему съ вѣстью навстрѣчу и обнималъ трепещущими отъ волненія крылами эту голову, которую онъ годами лелѣалъ на своей порывистой, широко дышащей груди, свѣтлomu божеству во славу, людямъ на жертву.

II.

Дѣла минувшихъ дней.

Вскорѣ по окончанїи фравко-прусской войны, какъ разъ въ тотъ самый годъ, когда Игнатій сдѣлался по смерти отца хозяиномъ, а двѣнадцатилѣтній Викторъ перешелъ въ третїй классъ, въ жаркїй юньскїй день на кленовскїй дворъ въѣхала мужицкая телѣга, обитая лубкомъ.

Изъ телѣги выѣзъ сѣдобородый мужчина, громаднаго роста, крѣпкаго сложенія, въ дорожномъ кителѣ, и тростью началъ пробивать себѣ дорогу среди набросившихся собакъ. Въ сѣвняхъ онъ столкнулся съ Викторомъ, который какъ разъ ичался что было силъ взглянуть, что случилось, и успокоить расходившихся собакъ.

Мальчикъ быстро окинулъ любопытнымъ взглядомъ фигуру гостя, отъ длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ до запыленныхъ носковъ сапогъ включительно, и сразу замѣтилъ, что у этого стараго господина подъ выпуклыми налитыми кровью глазами, точно какіе-то мѣшки, а что еще важнѣе, отъ одного изъ этихъ мѣшковъ во всю длину щеки шелъ глубокой шрамъ. Этотъ красно-лиловый знакъ сильно заинтересовалъ Виктора, а потому задравъ черную голову кверху, мальчикъ не спускалъ съ него быстрыхъ глазенокъ. Сѣдой незнакомецъ, въ свою очередь, тоже пытливо всматривался въ мальчика и, въ концѣ концовъ спросилъ:

— Какъ тебя зовуть?

— Викторъ!—раздался смѣлый отвѣтъ.

— И имя то же, и поразительное сходство!—прошепталъ гость и болѣе громко прибавилъ:—А братъ дома? У меня къ нему дѣло!

Викторъ влетѣлъ въ кабинетъ Игнатія, и торопя его по пути описывалъ наружность прибывшаго, стараясь узнать, кто это?

Но Игнатій не зналъ, кто это, и даже увидѣвъ гостя, не узналъ его.

— Я Постапскій,—напомнилъ ему старикъ.

— Ахъ, такъ это вы! простите... въ первую минуту...—началь оправдываться нѣсколько сконфуженный и взволнованный Игнатій, обѣими руками хватая протянутую ему руку.

А Викторъ даже вздрогнулъ при звукѣ такъ часто слышаннаго имъ имени; съ быстротою молніи пронеслись у него въ головѣ и обитые желѣзомъ сундуки на чердакѣ, прикасаться къ которымъ строго воспрещалось, потому что это сундуки Постапскаго, и заброшенная усадьба подъ лѣскомъ, и множество иныхъ вещей, благодаря чему докторъ Постапскій превращался въ его глазахъ въ какое-то мистическое существо, полное таинственнаго обаянія.

А потому, когда Постапскій, забравъ свои сундуки и конверты съ деньгами, на которыхъ рукой покойнаго отца было начертано его имя, уѣхалъ, и передъ отъѣздомъ на вопросъ Игнатія: «нѣмецкая рана?» сухо отвѣтилъ: «нѣтъ, французская»,—Викторъ положительно не могъ успокоиться и засыпалъ брата вопросами, на которые тогъ болѣею частью не умѣлъ отвѣтить, потому что и самому ему личностъ Постапскаго была, главнымъ образомъ, извѣстна изъ отрывочныхъ разсказовъ отца. Зналъ онъ, что Постапскій въ молодыхъ годахъ сражался бокъ-о-бокъ съ ихъ дѣдомъ Викторомъ, что было уже, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Дѣдъ ихъ погибъ на валахъ, а Постапскій эмигрировалъ, благодаря чему огромное родовое имѣніе—Смутнинце, Цментарки, Горыча и мѣстечко Трупецъ—перешло въ чужія руки; уцѣлѣли только Плачки, записанныя на имя родной его сестры, старой дѣвы панны Саломеи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Постапскій вернулся, но недолго побывъ на родинѣ. Приведя въ нѣкоторый порядокъ дѣла, уѣхалъ въ Петербургъ, кончилъ тамъ медицинскій факультетъ и во образѣ доктора поселился въ Трупецѣ, лѣчилъ и хозяйничалъ въ остаткахъ имѣнія. Вскорѣ, однако, бросивъ все, снова отправился на западъ, гдѣ въ то время происходили броженія.

Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, этого никто навѣрное не зналъ; думали даже, что онъ погибъ, но въ соотвѣтственный моментъ онъ снова появился на аренѣ историческихъ событій и даже успѣлъ отличиться.

Въ результатѣ исчезли и Плачки; и изъ всего богатства Постапскихъ остались въ рукахъ панны Саломеи одни только Самомуки, ма-

женскій фольваркъ въ триста морговъ *), подаренный ей когда-то на именины отчимомъ; послѣдній же представитель славнаго рода, панъ Михаилъ побрелъ дальше, но уже теперь на сѣверъ.

Какъ разъ тогда пятнадцатилѣтвій Игнатій и имѣлъ возможность познакомиться въ домѣ родителей съ Постаанскимъ, бывшимъ въ то время еще рыжеватымъ блондиномъ, полнымъ силъ, а не тѣмъ почтеннымъ старцемъ со свѣжей раной на лицѣ, котораго онъ сегодня даже не узналъ.

Паннѣ Саломеѣ, убитой судьбою брата, тоже не сладко жилось въ Самомукахъ; хозяйничала она довольно уродливо, не умѣла совершенно приспособиться къ новымъ условіямъ, влѣзла въ долги, а когда въ довершеніе всего сгорѣлъ усадебный домъ и службы, то разореніе казалось неизбѣжнымъ.

Къ счастью, какъ само Провидѣніе, послѣ пятилѣтняго отсутствія появился Постаанскій, воспользовавшись первою возможностью вернуться, и привезъ съ собою порядочную сумму денегъ.

Взявшись по своему, энергично, за спасеніе существовавшаго порядка вещей, онъ расплатился съ долгами, домъ лѣсника перестроилъ въ усадьбу, поселилъ въ ней сестру, поля сдалъ въ аренду, и обезпечивъ такимъ образомъ болѣзненной старушкѣ скромное, но спокойное существованіе, самъ, подъ предлогомъ поправленія здоровья, взявъ паспортъ, уѣхалъ за границу въ парижскія клиники.

Тамъ его застала война. И въ то время, какъ подъ стѣнами осажденнаго Парижа гречали прусскіе барабаны и грохотали пушки, а Постаанскій ловилъ крысъ въ каналахъ или чинилъ изорваанный гвардейскій мундиръ—не многимъ лучше было и въ Самомукахъ.

Панна Саломея заснула однажды въ старинномъ креслѣ такимъ сладкимъ сномъ, что никто уже не могъ ее разбудить; арендаторъ разорвалъ условіе и все попало въ руки мужиковъ, которые, не стѣсняясь, расхватывали землю, разоряли садъ и лѣсокъ, разбирали заборы, усердно и безжалостно пользуясь случаемъ.

Отецъ Игнатія, котораго Постаанскій просилъ заботаться о сестрѣ, безуспѣшно пытался воспротивиться этому изо всѣхъ силъ, и не имѣя въ рукахъ достаточныхъ законныхъ полномочій, немногаго могъ достигнуть. Къ тому же, онъ самъ чувствовалъ себя больнымъ, а потому и продалъ, что еще было возможно, остатки вещей присоединилъ къ оставленнымъ ему на храненіе сундукамъ, заплатилъ недоимки, оставшіяся деньги запечаталъ въ конвертъ, заколотилъ домикъ и въ предсмертномъ разговорѣ со старшимъ сыномъ неоднократно и настойчиво просилъ его приложить старанія къ розыску Постаанскаго.

Игнатій, у котораго и своихъ заботъ было достаточно, откладывалъ это со дня на день, пока, наконецъ, самъ Постаанскій не явился за

*) Моргъ=0,234 десятины.

полученіемъ наслѣдства и денегъ. По крайней мѣрѣ, такой отпечатокъ носило его первое посѣщеніе, что сильно задѣло молодого владѣльца Кленова, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя немного виноватымъ.

Въ концѣ концовъ онъ былъ даже радъ, что старикъ такъ или иначе появился на горизонтѣ, и тѣмъ самымъ избавилъ его отъ излишнихъ хлопотъ, которыхъ у него, какъ у неопытнаго хозяина, было и безъ того достаточно.

Зато Витя былъ буквально ошеломленъ.

Старый вояка, да еще съ глубокимъ прамомъ на лицѣ, положительно не давалъ ему покою; онъ преслѣдовалъ его днемъ, снился ему ночью во всевозможномъ вооруженіи, какое онъ когда-либо видѣлъ на картинкахъ, такъ что въ концѣ концовъ мальчикъ не выдержалъ, всталъ рано утромъ, осѣдлалъ гнѣдка и отправился въ Самоуки посмотреть, что тамъ творится?

Самоуки лежали въ восьми верстахъ отъ Кленова, недалеко отъ Трунца, но напрямикъ черезъ поля и луга было значительно ближе, и Викторъ черезъ полчаса былъ у цѣли.

Всѣ окна домика съ остатками стеколъ были отворены настежъ. По заросшему травой и бурьяномъ двору, посреди жалкихъ остатковъ деревьевъ съ ободранной корой и вѣтвями, отъ каштана къ каштану ровнымъ солдатскимъ шагомъ разгуливалъ сѣдой старикъ, безъ шапки въ сѣромъ полотняномъ костюмѣ; руки у него были заложены назадъ, голова опущена—онъ что-то бормоталъ вполголоса; казалось, онъ былъ такъ занятъ своими думами, что и не обратилъ ни разу вниманія на маленькаго всадника, который медленно подвигался по дорогѣ и съ крайнимъ любопытствомъ слѣдилъ за старякомъ.

Викторъ проѣхался нѣсколько разъ туда и назадъ, кашлялъ, кричалъ, сморкался, въ концѣ концовъ, разочарованный и обиженный, повернулъ домой и сообщилъ брату, что Поставскій ходитъ все время по двору, какъ часовой, бормочетъ себѣ что-то подъ носъ, точно зубрить латинскія слова.

— Совсѣмъ старикъ чудакомъ сдѣлался!—рѣшилъ Игнатій.

А Витя такъ опечалился, точно его посѣтило огромное разочарованіе.

Однако черезъ нѣсколько дней Поставскій снова появился въ Кленовѣ въ соломенной мужицкой шляпѣ съ толстой дубинкой въ рукахъ.

Завидѣвъ его, Витя стрѣлой бросился ему на встрѣчу и, шаркнувши передъ нимъ ногами, спросилъ:

— Вы къ брату по дѣламъ! А братъ въ полѣ, только я за нимъ сейчасъ летаю!

— Нѣтъ, я къ тебѣ, баловень!—весело отвѣтилъ старикъ.

У Вити задрожало сердце, лицо его покрылось румянцемъ радости, удивленія и беспокойства.

— А что такое?—проговорилъ онъ, тяжело переводя духъ.

— Что ты учишь уже географію? — спросилъ докторъ, усаживаясь на ступени каменнаго крыльца.

— А какъ же... Мы уже прошли Африку, Америку, Австралію и Азію...

— А Европу?

— Европу будемъ проходить въ третьемъ классѣ.

— Ну, а географію Польши ты знаешь, а?

— Это особъ статья! Панъ Малковскій со мной ее проходить — отвѣтилъ Витя, немного недовольный тѣмъ оборотомъ, который принялъ разговоръ, такъ какъ онъ рассчитывалъ на что-то совсѣмъ другое.

— А книжка есть у тебя?

— Я не по книжкѣ учу, а по тетрадкѣ, панъ Малковскій мнѣ диктовалъ..

— Покажи мнѣ эту тетрадку!

Витя помчался въ свою комнатку наверхъ, второпяхъ перевернулъ чернильницу, съѣхалъ внизъ по периламъ и думая, Господи, что-то будетъ? передалъ доктору испещренную кляксами тетрадку.

Постанскій перевернулъ нѣсколько страницъ и замѣтилъ:

— Однако, ты пишешь, какъ курица, это ужъ ты самъ читай!

— Сначала?—прошепталъ Викторъ, опечаленный такой критикой.

— Сначала!

— «Низменность Польши»,—откашлявшись началъ мальчикъ.

— «Эта страна служить переходомъ отъ западной Европы къ восточной, отъ низменности германской къ россійской, (также какъ и низменность Фландріи раздѣляетъ низменности Германскую отъ французской). А вы вѣдь были во всѣхъ этихъ низменностяхъ? — увѣреннымъ тономъ спросилъ мальчикъ.

— Былъ, валяй дальше!

— Благодаря своему положенію, обѣ эти страны были полями кровавой борьбы между сосѣдними народностями: «Грюнвальдъ»—ясно и съ оживленіемъ назвалъ мальчикъ.—«Ватерлоо»—тише и печальнѣе произнесъ онъ, ибо ему жаль было Наполеона и опять спросилъ:—а тамъ вы тоже сражались? Правда?

— Откуда ты взялъ! Подумай! Глупости болтаешь!

— А мнѣ Игнатій говорилъ, что вы очень, очень стары—оправдывался сконфуженный Витя.

— Во всякомъ случаѣ не такъ ужъ очень!..—усмѣхнулся докторъ, а мальчикъ продолжалъ:

— «Южную границу представляетъ средняя выгнутая часть Карпатскаго хребта, сѣверную — столь же выгнутый берегъ Балтійскаго моря Съ запада и востока границы, какъ вообще въ промежуточныхъ странахъ, неясно обозначены».

— Вадорь!—пробурчалъ докторъ.

— Что вы говорите?—спросилъ Витя.

Докторъ молчалъ съ угрюмымъ лицомъ, устремивъ взглядъ въ пространство.—Ничего!—отвѣтилъ онъ черезъ минуту.

— У тебя недурной учитель!.. А что же сказано о жителяхъ?

Викторъ перевернулъ нѣсколько страницъ и нашелъ отдѣлъ подъ заглавіемъ «Населеніе».

— «Населеніе»—прочелъ онъ.—«Населеніе по народностямъ дѣлится слѣдующимъ образомъ: поляки составляютъ болѣе чѣмъ половину населенія, въ остающей же части преобладаютъ нѣмцы, за ними идутъ русины, евреи и родственные полякамъ литвины. Въ общемъ около 18 милліоновъ человекъ на пространствѣ пяти съ половиною тысячъ квадратныхъ миль, откуда слѣдуетъ, что густота населенія равняется приблизительно 3 тысячь человекъ на 1 квадратную милю...»

— Довольно,—прервалъ докторъ,—примемъ три съ половиною тысячи. А теперь слушай! Вотъ тебѣ записная книжка и карандашъ, рѣши мнѣ такую задачу: «Если на $8\frac{1}{2}$ тысячи человекъ приходится одна квадратная миля, то сколько квадратныхъ саженъ придется на одного человека?»

Витя насупился.

— Понялъ, сумѣешь?—прибавилъ докторъ.

— Сумѣть-то сумѣю, — отвѣтилъ нахмурившійся мальчикъ, недовольный тѣмъ, что его во время вакацій заставляютъ рѣшать какую-то глупую задачу, но воспротивиться не осмѣлился.

— Миля 7 верстъ—бормоталъ онъ, — верста 500 саженъ, семь семь сорокъ девять, пятьсотъ разъ пятьсотъ... вотъ тутъ ужъ очень большое умноженіе!

— Такъ не умѣешь, дай я сдѣлаю!

— Нѣтъ, я самъ, — отвѣтилъ Витя, взявъ обратно книжку и продолжалъ:—дѣлится, дѣлится!—торжествующе вскрикнулъ онъ.—Выходить безъ остатка.

— Ну сколько же получается?

— Тоже три тысячи пятьсотъ.

— Что ты говоришь, быть не можетъ,—схватилъ книжечку докторъ,—не ошибся ли ты? Это было бы отлично, отлично!—повторялъ онъ.

— Надо еще сдѣлать повѣрку,—замѣтилъ Викторъ.

Сдѣланная общими силами повѣрка подтвердила вѣрность результата.

— Да, да!—покачалъ головой докторъ.—Три тысячи пятьсотъ ... на каждого... это почти $1\frac{1}{2}$ десятины, три морга... Хватить!—прибавилъ онъ.—Сажень... а можетъ быть, я меньше сталъ, покажи-ка мнѣ сажень? Нѣтъ ли у васъ гдѣ-нибудь?—обратился онъ къ мальчику.

— Есть, въ конюшнѣ, я васъ провожу.

Въ конюшнѣ, на дверномъ косякѣ, Витя указалъ доктору двѣ вмянутыя мѣтки. Докторъ сталъ на порогъ, положилъ руку на голову и пальцы пришился какъ разъ противъ мѣтки.

— Отлично! — промолвилъ онъ, вынимая шнурокъ, снявъ при помощи Виктора мѣрку и, взявъ мальчика за подбородокъ, сказалъ:

— А что, сорванецъ, можетъ быть, ты поможешь мнѣ промѣрить результатъ своей задачи на полѣ, а то одному трудно будетъ.

— Сегодня? Когда? — спросилъ Витя, и глаза его заблестѣли въ ожиданіи предстоящей работы.

— Нѣтъ, завтра! Ахъ, ты, повѣса! — тутъ докторъ уцѣпивъ его своими костлявыми пальцами въ пухленькую щечку и кивнулъ ему: — До свиданья!

Мальчикъ невольно поцѣловалъ руку старика и долго слѣдилъ глазами за удалявшейся мощной фигурой.

На слѣдующій день рано утромъ, Витя явился въ Самоуки; онъ надѣялся разбудить доктора, но ошибся, ибо докторъ былъ уже на дворѣ съ топоромъ въ рукѣ и обтесывалъ деревянные колышки, тутъ же рядомъ лежала длинная пятисаженная веревка.

Викторъ хотѣлъ сразу приняться за работу, но старикъ велѣлъ ему раньше ослабить подпруги у сѣдла и разнуздать Гнѣдка.

— Лошадь устаетъ подъ сѣдломъ, — поучалъ докторъ, — ты и не заботишься о ней, а она вѣдь тебя носитъ; скачешь сломя голову, разрываешь ей ротъ удилами, горбишься, какъ казакъ, а локти болтаются, какъ у жида; хорошъ, будущій герой...

— Да меня никто ничему порядочному не учитъ, — пробормоталъ, глотая слезы, задѣтый за живое мальчуганъ.

— Ну, ну, только не кисни, ужъ это хуже всего... Я тебя потомъ научу... а пока забирай колышки, цѣпь и маршъ! — понукалъ его докторъ.

Отложивъ отъ середины дома длину веревки, Постапскій приказалъ Витѣ воткнуть колышекъ въ землю, забилъ его обухомъ топора и велѣлъ мальчику идти дальше; такимъ образомъ они отмѣрили въ ширину въ обѣ стороны по 25 сажень и по 35 въ длину.

Потомъ обозначили колышками стороны прямоугольника, направляя ихъ по шнуру, и какъ разъ въ серединѣ прямоугольника пришелся дворикъ. Границы обозначились довольно ясно; съ одной стороны прямоугольника были расположены дикія груши, другая прошла вблизи источника, третья тянулась вдоль дороги и только четвертая была лишена какого-нибудь естественнаго прикрытія. Если бы ее передвинуть шага на два, то она коснулась бы громаднаго камня, и Витѣ хотѣлось непременно включить въ предѣлы обозначеннаго пространства эту «скалу», на которой онъ предполагалъ поставить «маякъ». Но докторъ воспротивился.

Когда же мальчикъ попробовалъ узнать: отчего онъ не хочеть старикъ рѣзко отвѣтилъ: «Отстань!» и черезъ минуту началъ по своему обыкновенію думать вслухъ:

— Сколько приходится на душу, столько и беру, ибо я тоже чело-

вѣкъ, а земля дѣлится такъ удивительно удачно, точно Богъ... Тутъ,— продолжалъ онъ, указывая на каштаны,—можно устроить огородъ, тутъ... будутъ посѣвы и картофель...

— А гдѣ парники?—прервалъ его Витя.

— Совсѣмъ ихъ не будетъ!

— Такъ и дынь не будетъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ докторъ и, пробираясь сквозь чащу лопуховъ, лебеды и крапивы, въ которыхъ Витя тонулъ съ головою, бормоталъ:

— Нѣтъ! съ одной лопатой трудно основать деревню, надо будетъ для начала купить плугъ...

— Такъ и лошадей тоже?—почесывая обожженные крапивой руки, радостно подхватилъ Витя.

— И лошадей,—записывалъ въ книжку докторъ,—упряжь, бороны, возъ для сѣна, вилы, косы, бруски, кирки, пилы...

— А кнутъ?

— Ну, пусть будетъ и кнутъ.

— Длинный, длинный, на четыре лошади!

— Не жѣшай!—процѣдилъ сквозь зубы докторъ, продолжая записывать.

Витя помолчалъ минутку.

— А гдѣ жъ конюшня?—вырвалось у него.

— Ахъ, правда, конюшня,—началъ оглядываться вокругъ старикъ.— Ну, ничего!—прибавилъ онъ, указывая на домъ,—разберемъ эту пристройку и будетъ конюшня; работы хватить, и слава Богу.

— Да, работы порядочно!—убѣжденно повторилъ Витя,—да ничего, потрафимъ.

— Какъ, потрафимъ?

— Да вѣдь я же буду вамъ помогать?

— А братъ тебѣ позволилъ развѣ?

— Игнатій?—произнесъ Витя.—Да вѣдь я же перешелъ въ другой классъ, и лѣтомъ могу дѣлать все, что мнѣ вздумается, только бы къ обѣду не опоздать, потому что обѣдъ у насъ...

— Постой,—перебилъ его докторъ,—кажется, скоро должна быть ярмарка въ Трупецѣ?

— Да, на Петра и Павла, послѣзавтра огромная ярмарка,—болталъ Витя.—Свиней просто ужасъ сколько, визгъ такой, что ничего не слышно; въ прошломъ году былъ звѣринецъ и собачій циркъ; обезьяны ѣздили верхомъ на пуделяхъ, словъ игралъ на гармоніи своимъ длиннымъ, какъ кишка, хоботомъ съ пальцемъ на концѣ, козелъ стоялъ на бутылкѣ, въ зеленомъ ящикѣ былъ крокодилъ съ Нила, кажется дохлый, но большущій, большущій, черепаха трехсотлѣтняя... Поѣдемте вмѣстѣ, хорошо?

— Хорошо, хорошо, только пора тебѣ и на обѣдъ, потому что ужъ полдень,—промогилъ докторъ, посмотрѣвъ на небо.

Викторъ, привставъ на цѣнь, изобразя на Гнѣдка, тронулся въ путь, но сейчасъ же свернулъ съ дороги и припомнилъ старику доктору, что тотъ обѣщалъ его учить верховой ѣздѣ.

Постанскій удлинилъ ему стремена, велѣлъ разобратъ поводья въ пальцахъ лѣвой руки, вывернулъ ему надлежащимъ образомъ ноги, сильнымъ пинкомъ выпрямилъ ему спину и прижалъ локти къ ребрамъ.

— Ну, а теперь маршъ!

Витя тронулъ рысью и, оставаясь въ томъ же положеніи, хотя ему съ непривычки и было страшно неудобно, доѣхалъ такъ до дому.

Черезъ три дня подъ вечеръ изъ Трупа въ сторону Самомукъ двигалась телѣга, нагруженная всевозможными сельскохозяйственными орудіями; позади плелась лошаденка. Спереди на мѣшкѣ, туго набитомъ соломой, сидѣлъ докторъ, а рядомъ съ нимъ, какъ шишка при дубѣ, сіяющій Витя въ роли возницы. Двѣ гнѣдыхъ, круглыхъ, какъ огурчики, лошаденки трусили мелкой рысцою. Докторъ угрюмо молчалъ, а Витя, пощелкивая въ воздухъ бичемъ, весело покрикивалъ: «Но! Но!» и, поворачивая къ старику свое раскраснѣвшееся, загорѣлое личико, повторялъ:

— Что твои арабскіе кони, летятъ, какъ вѣтеры!

— Ну, ужъ скорѣе точно поросята, — процѣдилъ сквозь зубы докторъ.

Но ему не удалось разубѣдить мальчика, который съ трескомъ въѣхалъ во дворъ и, перегнувшись назадъ, отчаяннымъ «тпру!» остановилъ лошадей.

Докторъ разгрузилъ телѣгу, перенесъ купленные вещи въ домъ, потомъ усѣлся на завалинкѣ и, оперевъ голову на могучія руки, глубоко задумался, всматриваясь въ пламенный дискъ заходящаго солнца, окруженнаго толпою огненныхъ облачковъ.

Витя въ это время вертѣлся около лошадей, рвалъ полныя горсти травы и пытался кормить ихъ съ руки, вытиралъ соломой копыта, расчесывалъ на арабскій ладъ запутанныя гривы, въ концѣ концовъ подбѣжалъ къ доктору и спросилъ:

— А не попробовать ли намъ Бедуина и Пустыню въ плугѣ?

Докторъ вздрогнулъ, какъ разбуженный.

— Что ты говоришь?

— Да чтобъ испробовать лошадей и плугъ, — робко повторилъ Витя.

— Можно, — отвѣтилъ, подумавъ, докторъ. — Сегодня же пропашемъ границу, — живѣе добавилъ онъ.

Запрягли лошадей въ соху. Постанскій схватилъ сильными руками рукоятки и скомандовалъ:

— Бери лошадей за узду и веди прямо!

Витѣ припомнился сразу Римъ, Ромулъ и Ремъ и всѣ ихъ приключенія.

Съ тайною дрожью онъ схватился трепетною рукою за узду, и глазки его заблестали отъ внутренняго огня.

— Но!—крикнулъ громкимъ голосомъ докторъ.

Лошади напряглись и тронули разомъ. Медленно подвигались онѣ впередъ, облитыя багровыми лучами заходящаго солнца. Легкій вѣтерокъ игралъ черными кудрями мальчика, шагавшаго въ нѣмомъ восхищеніи, и развѣвалъ сѣдые волосы маститаго старца со смуглымъ, мужественнымъ лицомъ.

Потянулись крикливыя стаи галокъ. А мальчику казалось, что это хищныя птицы славы, предвѣщающія одному изъ основателей новой столицы господство, а другому—преждевременный конецъ, и сердце билось у него въ груди порывистыми ударами.

На неподвижномъ лицѣ Постапскаго отразилось также нѣкоторое волненіе.

Въ продолженіе всѣхъ каникулъ Витя почти цѣлые дни проводилъ въ Самомукахъ и не разъ оказывался дѣйствительно полезнымъ доктору.

Постапскій обладалъ громадными силами и умѣлъ дѣлать почти все, но есть такія вещи, въ которыхъ одному не справиться, и тутъ-то дѣтскія ручки являлись ошутительною помощію.

Для Виктора же постройка настоящей конюшни, паханіе не въ шутку, а въ серьезъ, корчеваніе пней среди «пампасовъ» красивы, чистка и кормленіе «арабскихъ» лошадей, а главное, возможность пользоваться совѣтами и помощію, добрыя отношенія съ такимъ Постапскимъ, выработка съ нимъ общихъ плановъ на будущее, разборъ результатовъ цѣлесообразнаго, плодотворнаго труда — все это имѣло неизъяснимую прелесть.

Появленіе доктора произвело не малое впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, а собственноручное устройство усадьбы, добровольный отказъ отъ остальной части имѣнія и вообще оригинальный образъ жизни разожгли людское любопытство до послѣднихъ предѣловъ.

А такъ какъ докторъ совершенно открыто избѣгалъ всякихъ сношеній съ людьми, маленькій Витя сдѣлался центромъ назойливыхъ допытываній, даже зависти, а въ концѣ концовъ и злостыхъ сплетенъ, задѣвающихъ память его покойной матери.

Сплетенъ мальчикъ совершенно не понималъ, зато разпросы доставляли ему необыкновенное удовольствіе. Руководясь, однако, врожденною деликатностію, а отчасти и изъ шалости и желанія сдѣлать наперекоръ, гордый своими отношеніями къ старику, Витя принималъ таинственный видъ и отдѣлывался отъ всевозможныхъ приставацій шутками или вымыслами собственной фантазіи. Вообще онъ по природѣ былъ скромнень, а могъ бы, конечно, многое рассказать.

Несмотря на то, что Постапскій не имѣлъ обыкновенія откровенничать передъ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе передъ ребенкомъ,

часто все-таки безсознательно, во время своихъ размышленій вслухъ, отвѣчалъ на вопросы, которыми его постоянно засыпалъ Витя. И такъ, невольной обмолвкой или выразительнымъ жестомъ онъ приподымалъ завѣсу съ прошлаго, выказывалъ свои душевныя волненія, а впечатлительный мальчикъ одно понималъ, о другомъ догадывался, третье схватывалъ чутьемъ, а все—прекрасно запоминалъ.

Такимъ путемъ за глѣто маленькій Витя приобрѣлъ ключъ, который ему позволилъ позднѣе, когда онъ выросъ, разгадать и оцѣнить по справедливости всѣ прославленные чудачества старика-скитальца, удрученнаго обманчивымъ днемъ жизни и явившагося въ Самоуки провести мрачный вечеръ ея среди воспоминаній о минувшихъ снахъ юности, думъ о человѣческой будущности, загадокъ жизни и смерти.

Викторъ сохранилъ навсегда привязанность и уваженіе къ Постапскому; навѣщалъ его при каждомъ случаѣ, хотя старый нелюдимъ и становился въ разговорѣ и обхожденіи все болѣе тяжелымъ, черствымъ и до боли крутымъ.

Даже присутствіе Виктора не смягчало его обиднаго, горькаго тона, полного неожиданныхъ обращеній къ самому себѣ, скрытыхъ недо-молвокъ, то вдругъ везапныхъ, рѣзкихъ вспышекъ якобы искренности. Тонъ этотъ былъ отчасти слѣдствіемъ уединенія, отчасти обострившимся на жизненномъ пути выраженіемъ его прямолинейной непреклонной натуры, вспыхивающей по временамъ, какъ лава въ потухающемъ вулканѣ.

III.

К о л е б а н і я .

Бѣля выразила мужу свое мнѣніе о Марынѣ въ слѣдующихъ словахъ:

— Такъ себѣ, худенькая, но довольно миленькая и, должно быть добрая!

Дѣйствительно Марыня на первый взглядъ производила неопредѣленное впечатлѣніе, чему больше всего способствовали мелкія черты ея лица, налагавшія на него отпечатокъ чего-то блѣднаго, почти эфирнаго, какъ призрачныя видѣнія, носящіяся передъ утомленными безсонницей глазами одинокихъ страдальцевъ.

Линіи и формы ея лица казались второстепенными, и только дѣйствительное выраженіе его, или вѣрнѣе способъ проявленія этого выраженія, не отражавшаго въ себѣ явленій внѣшняго міра, разъясняло или отражало эти линіи, точно лицо ея было только экраномъ, чувствительнымъ къ малѣйшимъ переменамъ въ напряженности внутренняго огня. Способствовала этому и ея бѣлая кожа, прозрачная и нѣжная, какъ лепестки лилій, на которой свободно безъ прихвѣси постороннихъ цвѣтовъ, игралъ пламень ея духа.

— Можетъ быть, она и красива, но во всякомъ случаѣ ужъ очень худая!—рѣшила при богѣ внимательномъ осмотрѣ Бэля.

Однако, когда она увидѣла Марыню, во время одѣванья, обнаженными руками придерживавшую темныя, мѣстами блестящія, волны чудныхъ пышныхъ волосъ, — ею овладѣло сомнѣніе; съ виду худая Марыня обладала дивными формами, точно изваянными изъ твердаго розоваго мрамора.

Тайное чувство нерасположенія и зависти шелохнулось въ сердцѣ гордой Изабэллы, которая не безъ основанія считалась въ окрестностяхъ величественною красавицею *hors concours*.

Но Марыня была такъ далека отъ малѣйшаго намека на соперничество, что, казалось, и не подозрѣвала возможности чего-нибудь подобнаго. Къ тому же ея чарующее сердечное обхожденіе — безсознательное обаяніе, простота и нѣжность скоро обезоружили Бэлю. Обида была забыта, а надорванная нить симпатіи срослась еще крѣпче. Бэля заняла по отношенію къ невѣсткѣ излюбленное положеніе покровительницы, чему Марыня поддалась безъ сопротивленія, и даже съ благодарностью. Жизнь въ свое время такъ ее запугала и пригнула, что у нея навсегда осталась черта нѣкоторой боязливости при встрѣчѣ съ людьми, и склонность принимать малѣйшій признакъ сочувствія съ ихъ стороны, не какъ должное, а какъ незаслуженный даръ. А покровительство Бэли было искренно, сердечно.

Викторъ былъ этому чрезвычайно радъ. Онъ предвидѣлъ возможность разлуки съ женой на довольно долгое время, а что еще того хуже, на совершенно неопредѣленный срокъ; поэтому ему хотѣлось, чтобы по крайней мѣрѣ она была въ тепломъ гнѣздышкѣ, если ему и придется переносить лишения.

Въ братѣ онъ былъ вполне увѣренъ. Игнатій безъ труда владѣлъ собой, и сумѣетъ сдержатъ себя; изъ расположенія же къ Виктору, онъ никогда не выказалъ бы передъ Марыней своихъ чувствъ, даже еслибы былъ не расположенъ къ ней. Бэля при живомъ темпераментѣ обладала подвижнымъ язычкомъ, къ тому же настолько зависящимъ отъ минутнаго настроенія, что ни за что на свѣтѣ не сумѣла бы притворяться благосклонной или скрыть нерасположеніе. Къ тому же она вѣрила въ безошибочность перваго впечатлѣнія, часто поддавалась предубѣжденію и упорно настаивала на своемъ. Поэтому Викторъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что Марыня съ этой стороны обезпечена, и притомъ вполне, такъ какъ обыкновенно самыя продолжительныя симпатіи Бэли выражались въ формѣ благосклоннаго покровительства. Однако чѣмъ благополучіе все устраивалось, тѣмъ труднѣе было Виктору разстаться съ Кленовымъ. Ощущеніе сладкаго отдыха, какъ частая сѣть, опутывало его сердце и оно, какъ напряженные нервы, страдало при одной мысли о разлукѣ.

Подъ старымъ кровомъ этой усадьбы собрались теперь всѣ пред-

меты его личныхъ привязанностей, всё сокровища его личнаго счастья. Въ ихъ средѣ его рѣшимость слабѣла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ ему труднѣе становилось произнести «до свиданія», и эти слова грозили отодвинуться въ безконечность, теряя на всегда всякій смыслъ; а въ то же время онъ чувствовалъ, что это необходимо, и чуть не проклиналъ неумолимый голосъ, взывавшій къ нему «за мной».

Къ тому же онъ началъ сомнѣваться въ правдѣ этого голоса; ибо каждый разъ, какъ онъ только напоминалъ о своемъ отъѣздѣ, ему бросались въ глаза безпокойные взгляды Марыни, врѣзывались въ его душу, и рыдали тамъ неизмѣримо дольше, чѣмъ длился тотъ отпечатокъ смертельной тоски, что появлялся на ея лицѣ при этихъ мимолетныхъ взглядахъ. Прислушиваясь къ этимъ необычнымъ рыданіямъ, Викторъ съ мукой задавалъ себѣ вопросъ: смѣетъ ли онъ открыто подставлять свою грудь, если направленный въ нее ударъ растерзаетъ сердце другого человѣка; имѣетъ-ли онъ право разорвать нѣжныя объятія, въ которыя онъ самъ отдался, если не онъ будетъ потомъ ломать руки съ отчаянія.

Онъ удалился въ Кленовъ, чтобы оставить тамъ Марыню, отдохнуть, прикурнувъ на время, какъ заяцъ, и вернуться назадъ.

А между тѣмъ, чѣмъ ближе подходилъ назначенный имъ самимъ срокъ отъѣзда, все болѣе и болѣе запутывался этотъ гордіевъ узелъ.

Разрубить его онъ не рѣшался, чувствуя скрытую въ его завиткахъ чужую кровь и чужія слезы, а распутать его не умѣлъ.

Его чуткая, изощренная совѣсть, которая до сихъ поръ разрѣшала всѣ житейскія проблемы почти механически, теряла ежедневно выразительность дикціи и заикалась все чаще и чаще. Зато усиливался голосъ разсудка; а разсудокъ этотъ запугивалъ только все дѣло, водилъ его отъ Анны къ Каіафѣ и лицемерно умывалъ руки. Единую личность и миллионы противопоставлялъ Викторъ. Но это уже былъ только подсчетъ, ибо куда-то исчезъ тотъ чудесный пылъ, теперь точно покрытый пепломъ, который умѣлъ миллионы слить въ одно существо, трепещущее жизнью, могучее, потрясающей выразительности. Механическое же сложеніе давало только рядъ разрозненныхъ отдѣльныхъ единицъ.

Тогда Викторъ ощущалъ какъ бы параличъ всѣхъ силъ своего духа, терялъ отвагу и увѣренность въ дѣйствіяхъ, ему казалось, что онъ каждую минуту можетъ упасть, и нѣчто драгоцѣнное сейчасъ же разобьется, и онъ цѣпенѣлъ отъ ужаса, не находя выхода изъ ложнаго круга мысли, и еще болѣе страдалъ отъ этого.

По природѣ онъ не былъ способенъ ни на компромиссы, ни на безразличное существованіе, а ему казалось, что остаются только эти два выхода, оба невозможные и, однако, неумолимо-неизбѣжные. Дошло до того, что вопреки своей дѣятельной и энергичной натурѣ, онъ рѣшился ждать, въ надеждѣ, что, въ концѣ концовъ, что-нибудь должно свер-

шиться въ немъ, и чаша вѣсовъ сама собой перетянетъ. Поручивъ это запутанное и тяжелое дѣло безсознательнымъ нѣдрамъ своей души, онъ отдѣлался отъ сознательныхъ мученій, но зато тѣмъ явственнѣе проявилось безпомощное чувство смущенія и душевной растерянности. Вышнимъ образомъ это не замедлило выразиться въ полной утратѣ стремленій къ какой бы то ни было цѣли. Такъ напримѣръ, вскорѣ по приѣздѣ онъ началъ было мостить кирпичами дорожку въ паркѣ, ведущую къ такъ называемому Викторову оврагу и долженствующую носить имя Марыни, а потомъ ему приходилось дѣлать надъ собой усилія, чтобы кое-какъ довести до конца начатую работу.

Зато онъ могъ часами бродить по полямъ и ущельямъ, и въ этомъ безцѣльномъ блужданіи, такъ подходящемъ къ его внутреннему состоянію, находилъ особую прелесть и что-то въ родѣ душевнаго облегченія.

Однажды онъ забрелъ подобнымъ образомъ далеко отъ дому. Было уже за полдень, солнце стояло еще довольно высоко, маленькое и раскаленное добѣла. Горячіе слои воздуха тяжело и неподвижно висѣли подъ сильно выгнутымъ сводомъ неба, чистаго до приторности, точно вымытаго, чрезмѣрно напряженнаго, словно угрожающаго внезапно разрушиться.

Викторъ шелъ по краю высокой межи, раздѣляющей огромныя пространства низко сжатой желтой ржи, потоптанныя мѣстами скотиной и обнаженныя до бурой потрескавшейся поверхности земли. Блуждающіе глаза его натыкались по временамъ на синѣющую на горизонтѣ волосу Мышинецкаго лѣса, гдѣ онъ не разъ охотился съ гончими, останавливались отдыхая на зеленой долині, откуда выплывала рѣчка Черноводка, образующая далѣе широкое болото, теперь на половину высохшее, а нѣкогда полное криковъ утокъ и бекасовъ, и снова бродили безцѣльно по окрестностямъ, которыя онъ когда-то исходилъ пѣшкомъ съ собакой, извѣдалъ верхомъ и зналъ такъ же прекрасно, какъ и тѣ два старые вѣчно бодрствующіе ястреба, которые кружились надъ его головою. Онъ сѣменилъ по привычкѣ, не торопливо, и машинально держался болѣе утоптаныхъ тропинокъ, болѣе удобныхъ проходовъ, безсознательно сворачивая въ ту или другую сторону.

Въ сторонѣ остался Трупецъ; онъ узналъ его по остроконечной башенкѣ стариннаго костела и по зеленому куполу церкви. Онъ пересѣкъ наискосокъ рѣдкую березовую рощицу и очутился на сильно поросшемъ травою пригоркѣ. Это были Самоуцкія поля, необработанный кусокъ земли, среди котораго одинокая усадьба Постаискаго производила впечатлѣніе приятной неожиданности. Маленькій ключокъ опоясывала со всѣхъ сторонъ живая изгородь изъ терновника, шиповника и барбариса, который уже начиналъ краснѣть и походилъ на коралловый рифъ вокругъ острова зелени. Эта ограда была непроходима глѣтомъ, каждую весну сама ремонтировалась, производила приятное впечатлѣніе для глазъ и была въ то же время полезна, ибо плоды ея доставляли

превосходную кислоту для борща, а промерзши, давали прекрасный продукт для варенья и наливокъ.

Посреди этой пестрой рамы бѣгълся крытый гонтомъ домикъ, направо, въ густомъ саду мелькали разноцвѣтныя крышки рамныхъ ульевъ, нагнѣво зеленѣли гряды овощей, рыжѣло маленькое поле гречихи и желтѣла цѣлой гаммой тоновъ большая площадь густой ржи. Передъ домомъ, между клумбами цвѣтовъ, виднѣлась довольно большая, тщательно выложенная дерномъ горка, цѣлый лѣсъ жердочекъ, обвитыхъ бобами, и высокая группа подсолнечниковъ, привѣтливо кивавшихъ своими золотистыми рѣсницами. Викторъ, послѣ долгаго отсутствія, всегда съ чувствомъ тихой радости встрѣчалъ этотъ очаровательный уголокъ.

Точно также и теперь передъ нимъ возстали поблѣднѣвшія картины давно минувшаго дѣтства, зазвучали заржавѣвшія струны чувствъ, столь же наивныхъ, сколько возвышенныхъ, съ которыми здѣсь впервые встрѣтилось его чистое сердце, и это навело его на ободряющее размышленіе: что можетъ сдѣлать непреклонный, интеллигентный, муравьиный трудъ единичной личности.

На мѣстѣ заброшенныхъ развалинъ двѣ руки одинокаго старца въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ воздвигли цвѣтушую ферму—образцовую и оригинальную, создавъ ее почти изъ ничего.

Живая изгородь была сдѣлана изъ нѣсколькихъ кустовъ, собственноручно вырытыхъ въ какомъ-то оврагѣ, клумбы были засажены полевыми цвѣтами: васильками, колокольчиками, маргаритками, алатоцвѣтомъ, макомъ, ятрышникомъ, разноцвѣтной кашкой и обрамлены верескомъ и синевато-лиловыми прелестными фіалками, собранными во рвахъ и придорожныхъ канавахъ. Дикій рой былъ основаніемъ пасѣки. Разъ приобретенная вѣточка для прививки обращала дикія деревья въ фруктовыя лучшаго сорта. Умѣлый подборъ зерна, выборъ и сортировка болѣе доброкачественныхъ сортовъ, высокая степень обработки земли—все это увеличило урожай почти втрое. Поэтому къ Постанскому обращались за покупкой сѣмянъ даже издалека, и докторъ раздавалъ аптекарскія дозы даромъ, болѣе значительныя вымѣнивалъ на что-нибудь такое, что ему въ данную минуту бывало необходимо, такъ какъ онъ допускалъ только мѣновую торговлю. Денежныя сдѣлки онъ ненавидѣлъ и прибѣгалъ къ нимъ только въ крайнемъ случаѣ. Изъ двухъ золъ онъ предпочиталъ расплачиваться врачебной помощью, хотя и отъ практики уклонялся по мѣрѣ возможности. Это уклоненіе съ его стороны, недовѣріе къ дѣйствию медицинскихъ средствъ—результатъ его общаго скептицизма, туманъ таинственности, покрывающій его прошлое и настоящее,—все это придавало ему особый ореолъ, а нѣсколько счастливыхъ случаевъ создали ему славу чуть ли не чудотворца. Напрасно Постанскій сердился и доказывалъ, что вообще лечатся только дураки, а особенно выдаю-

щеся у него, радъ не радъ, а наскучивъ просьбами, онъ изрѣдка навѣщалъ больного, а когда тому становилось лучше при одномъ его появленіи, старикъ впадалъ въ гнѣвъ, ругалъ пациента и уѣзжалъ почти обиженный, вытряхивая по дорогѣ карманы пиджака, въ который ему засовывали говораръ.

Перекинувъ ногу черезъ загородку, Викторъ оглядѣлся по сторонамъ, выскивая хозяина. Свѣжевскопанная гряда, съ воткнутою лопатой и висящей на ней соломенной шляпой и самодѣльнымъ тулупомъ, указывали на присутствіе хозяина. Не видя Постанскаго въ саду, Викторъ вошелъ въ избу.

Первая комната была просторная, почти квадратная, съ тремя окнами, свѣтлая, и была похожа отчасти на мастерскую мастера на всѣ руки, отчасти на рабочій кабинетъ ученаго или артиста-дилетанта. Подъ однимъ изъ оконъ стоялъ дубовый чисто выстроганный столъ, на немъ старинная лампа съ зеленымъ абажуромъ, деревянная точеная чернильница съ такою же крышкою, украшенная тремя сплюснутыми пулями большого калибра, микроскопъ подъ колпакомъ, химическіе вѣсы, цѣлый рядъ бутылочекъ и баночекъ и цѣлая кипа сѣрой пропускной бумаги—гербарій. Передъ столомъ садовое кресло, оплетенное лозою, и двѣ простыхъ скамьи по бокамъ. Посреди комнаты верстакъ, съ разбросанными на немъ различными инструментами, маленькій токарный станокъ и мольбертъ. По стѣнамъ были прибиты два ряда сосновыхъ полокъ, на которыхъ валялась цѣлая масса разнородныхъ предметовъ въ страшномъ безпорядкѣ и точно въ безпокойствѣ: были тутъ и книги, лишенные переплетовъ, экземпляры древесныхъ грибовъ, шишекъ и различныхъ лишавей, изорванные газеты, всякаго рода желѣзо, черепки отъ чашекъ со слѣдами красокъ, намалеванные картонажи, шкатулки, покрытыя лакомъ не со всѣхъ сторонъ, рамки съ начатою рѣзбою, какія-то безформенныя фигурки изъ глины, высохшія и потрескавшіяся, плохо набитыя чучела птицъ, шкурки хомяковъ, раковины, камешки, флейта и т. п., множество подѣлокъ не то испорченныхъ, не то брошенныхъ, часто передъ самымъ окончаніемъ, рукою, вѣроятно, разочарованною и нетерпѣливою.

Слѣдующая комната была полной противоположностью первой: узенькая, съ однимъ окномъ, некрашеннымъ поломъ и чисто выбѣленными стѣнами. Подъ окномъ стояли нары изъ драни на козлахъ, покрытые грубымъ войлочнымъ одѣяломъ съ клеенчатою подушкой. Надъ ними висѣли въ рядъ пять гравюръ въ черныхъ рамкахъ: одна изъ нихъ изображала непреклоннаго старика Савинскаго, другая—небольшую энергичную голову Бэма; третья—Гарибальди въ блузѣ и широкой шляпѣ съ лицомъ херувима и львинымъ взглядомъ. Ниже, на гвоздикѣ висѣлъ богатокрустированный пистолеть, а въ головкахъ на маленькой полочкѣ, стояла рамка изъ тисненой кожи, въ ка-

кія прежде вставляли миниатюры. Рядомъ ночной шкафчикъ, на немъ огарокъ сальной свѣчки въ деревянномъ точеномъ подсвѣчникѣ, коробочка простыхъ сѣрныхъ спичекъ, щипцы для фитиля и томъ исторіи, заложенный обломкомъ сабли. Стоявшая въ углу на березовомъ пѣтѣ глиняная чашка съ кувшиномъ воды дополняли меблировку.

Это была чистая, темная комнатка, отличавшаяся суровой простотой, угрюмая, холодная и печальная.

Викторъ разсматривалъ гравюры и таинственную рамочку, которая нѣкогда интересовала его такъ же сильно, какъ пистолеть, пока вопреки всѣмъ правиламъ скромности, онъ не убѣдился, что въ ней скрывается портретъ красивой молодой женщины въ большомъ декольтѣ, задорно улыбавшейся страстной улыбкой розовыхъ губъ, съ лиловыми глазами и капризнымъ наклономъ черной, высоко причесанной головки.

«Это, вѣроятно, его бывшая симпатія и, должно быть, продолжительная», думалъ Викторъ, стараясь припомнить кокетливыя и милостивныя черты, но въ ту же минуту онъ услышалъ за стѣной острый визгъ пилы, прошелъ черезъ маленькую кухню и отворилъ заднюю дверь.

На утрамбованной площадкѣ, одѣтый въ холщевую рубашку и виспадающія на лапти тиковыя брюки, докторъ усердно распилывалъ двухдюймовую доску.

Онъ мало измѣнился, это было то же большое лицо, гордое, выдѣляющееся на фонѣ длинныхъ сѣдыхъ волосъ головы, бороды и усовъ, изборожденное морщинами и ямами, которыя провело не столько время, сколько постоянная внутренняя борьба. Изъ-подъ разстегнутой рубахи виднѣлась косматая грудь, пересѣченная посреди полосой загорѣлой кожи, цвѣтомъ напоминавшей ремень; лицо также сильно загорѣло, а выступающій горбатый носъ походилъ цвѣтомъ на сильно опеченный хлѣбъ.

— Богъ помощи!—привѣтствовалъ доктора Викторъ.

— А, это ты!—глухо проговорилъ Постапскій, подымая на него свои выпуклыя глаза, съ большими бѣлками, покрытыми кровяными жилками, и немного мутными, блѣдно-голубыми зрачками.

— Садись, гдѣ хочешь,—и продолжая пилить добавилъ:—что твой Богъ и въ пилѣ?

— Если ужъ Богъ, такъ вездѣ!—отвѣтилъ Викторъ, усаживаясь на завалинкѣ, а потомъ спросилъ:

— Что это вы мастерите?

— Вишь ты, какой зубастый, сразу видно, что дубъ, твердый такой,—бурчалъ подъ носъ докторъ, не прерывая работы.—Хату сколачиваю,—громче добавилъ онъ.

— Хату?—удивленнымъ голосомъ переспросилъ Викторъ, но взглянувъ на размѣры и число досокъ, понялъ въ чемъ дѣло и добавилъ:

*

— Откуда столь минорное настроеніе?

— И еще глупость,—отрѣзалъ докторъ, отбилъ ударомъ сильной руки отпизненный кусокъ, отбросилъ доску и сказалъ:— нѣтъ, милѣйшій, ни одинъ звукъ не бываетъ даромъ, а все-таки такъ называемая натура *vaudun hogget*,—тутъ онъ подтянулъ брюки и прибавилъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ, поднимая палецъ къ небу:

— Не спѣшу я въ эту дыру, да и ей не къ спѣху, можетъ быть, потому, что есть у насъ съ нею счеты. Ой есть!—повторилъ онъ, махнувъ рукой и добавилъ:—нашлись сухія доски, вотъ я и воспользовался случаемъ, а теперь иду ужинать, хочешь, пойдемъ вмѣстѣ,—и съ этими словами онъ повернулъ въ садъ.

Тутъ онъ сорвалъ разщепленной палочкой нѣсколько румяныхъ грушъ, усѣлся на низко скопѣнную траву и, прожевывая сочный плодъ съ видимымъ удовольствіемъ, обратился къ Виктору:—Бшь!

Проглотивъ съ поддюжины грушъ, онъ вытеръ рукавомъ губы и, уставившись на Виктора своими блѣдными глазами, началъ:

— Поторапливайтесь тамъ съ вашимъ исправленіемъ міровыхъ устоевъ, не то поздно будетъ, ты же мнѣ всѣ уши прожужжалъ: «вотъ увидите, докторъ, увидите!» Я было и глаза вытаращилъ, и хотя на старости лѣтъ вижу лучше вдаль, чѣмъ вблизи, да что-то ничего интереснаго не выходитъ! Чего же ты надулся словно мышь на крупу, или животъ у тебя что ли болятъ, не то геморрой?

— Почему это вы говорите «интереснаго»?—прервалъ его равнодушно Викторъ и, откинувшись назадъ, погрузился съ плечами въ стогъ свѣжескопѣннаго сѣна.

— Прежде всего скажу тебѣ, почему я вообще говорю,—продолжалъ оживляясь докторъ.—Завтра Вознесеніе, понимаешь, послѣзавтра воскресеніе, а теперь уже вечеръ. Вечеръ наканунѣ праздника—время прекрасное... придуть, бывало, и тотъ, и другой, и разговоръ, разговоръ, до самаго утра не переговоришь, чуть языкъ не отвалится... чистое наказаніе, настоящій потопъ словъ! Почему «интересное», а вотъ почему: помнишь ты балаганъ на ярмаркѣ въ Трупецѣ: свинья ходитъ на заднихъ лапахъ, при шпагѣ, въ плащѣ и шляпѣ съ пѣтушинымъ перомъ; пуделя—герольдами, а обезьяны—пажами; ты смѣялся тогда и виждалъ: «какъ интересно!» да и я хохоталъ. А смѣшнѣе всего казался намъ торжественный видъ свиньи и глупыя рожи деревенщины, расплывшіяся отъ восхищенія—помнишь?

— Помню, только не вижу связи!..

— Вздоръ, потому молодо-зелено... а вотъ я... Взять хотя бы тогда въ Берлинѣ: стоялъ прекрасный мартъ, а еще прекраснѣе былъ этотъ памятный день: четыре прусскихъ кабана въ экстазѣ, среди оглушительныхъ криковъ толпы «hoch!» несли въ потѣ лица мою тушу, истину тебѣ говорю. Одинъ отъ радости хваталъ меня за ногу, а я таялъ отъ восторга, лобызался съ какимъ-то мочимордой и, глядя на его

откормленную физиономію, думалъ: «вотъ левъ!..» Но ужъ въ маѣ эти левы показавали намъ свою щетину; я и говорю своимъ: «Какъ же такъ! Недавно «hoch!» а теперь бацъ, бацъ», а они мнѣ на это: «Чего-жь ты хочешь? Извѣстное дѣло, картофельныя души! Вотъ венгры, тѣ молодцы!».. «Побрелъ я къ молодцамъ... Красиво раздается это ихъ «eljen!» даже въ ухахъ звенить... Итальянское «evviva!» тоже было ничего себѣ; а ужъ французское «vive!» прошу покорно! Кажется, сердце рвется на части. Ну и что ты на это скажешь? И «hoch», и «eljen», «evviva» и «vive»—все это по нашему значить: «Постанскій, вначалѣ хоть ножки на столъ; и картофель тебѣ, и передъ съ солониной, и макаронъ, сколько хочешь, и рейнвейну! А какъ готово—пошелъ вонъ! и ни гроша на чаекъ!» И вѣрно, потому что и я былъ въ толпѣ... А теперь почитываю себѣ газетки... Нѣкоторые пошли очень высоко. Хоть бы, напримѣръ, самый ярый гарибальдеецъ, Криспи, сдѣлался министромъ, вотъ тебѣ и все!

Только какого чорта онъ копируетъ Бисмарка! Тянется за нимъ, да куда ему, не доросъ! Такъ себѣ, обыкновенный поросенокъ, а этотъ—геніальный юркширскій кабанъ! Я просто влюбленъ въ него... вотъ это, дѣйствительно, башка! Безъ всякихъ метафизическихъ спекуляцій, схватилъ по-хамски черезъ апис духъ истории, вытащилъ его и показалъ какъ на ладони... Хоть и выражено это было довольно грязно, зато убѣдительно искренне... Вотъ это я понимаю! А если выползетъ такой пасхальный поросенокъ и начнетъ пищать: «egalité, liberté», копаться въ прогорклой тушеной капустѣ, такъ меня просто тошнить...

Докторъ плюнулъ и продолжалъ свой монологъ.

Викторъ лѣзливо погружался въ свѣжее сѣно, пахнущее сыростью. Смысль словъ Постанскаго нисколько его не задѣвала, зато хаотическій потокъ его рѣчи и хрипящій по временамъ голосъ, какъ скрипъ тупого напильника, развлекалъ его... Онъ чувствовалъ тогда, точно въ груди его образовывались безболѣзненные нарывы, которые лопались съ легкимъ напряженіемъ, обливая чѣмъ-то холоднымъ и безразличнымъ, какъ лимфа.

Ему не хотѣлось ни слушать, ни тѣмъ болѣе спорить, все его сознание поглощало мирный видъ яркаго заката, гдѣ громадный кругъ солнца, опускающагося во мглѣ золотистыхъ облаковъ, обливался кровью въ гордомъ молчаніи. Передъ нимъ въ красноватомъ туманѣ простирались обнаженные поля, съ которыхъ въяло вечернею прохладой, поднимавшей изъ глубины овраговъ застывшій туманъ.

Густая, сѣрая тѣнь быстрымъ неувереннымъ движеніемъ прокрадывалась въ мѣста, покинутыя свѣтомъ, прячась по временамъ въ извилинахъ мѣстности. Какая-то величественная грусть, грусть безъ тѣни страданія, царила въ этомъ спокойномъ, медлительномъ взглядѣ угасающаго дня, въ этомъ пламенномъ заревѣ, образующемъ море огня, рас-

плывающеея розовымъ потокомъ въ роскошныя озера расплавленнаго золота, въ ясныя, блѣдно-зеленыя ленты, въ широкія распростертыя фіолетовыя полосы, точно схваченныя мѣстами воздушными устами лиловыхъ сумерекъ.

Солнечный дискъ становился съ каждою минутою багровѣе и больше, словно пылающій костеръ, растаскиваемый во всѣ стороны невидимыми поджигателями, которые, казалось, забрасовали горячія головни все выше, на груды горячихъ облаковъ, чтобы распространить общій пожаръ по небу и землѣ; но быстро угасали развѣянныя искры, мѣсто потухшаго зарева мгновенно было занято сѣрой мглою, точно дымомъ тлѣющаго пожарища, а центръ костра, выбившись изъ силъ, рдѣлъ все болѣе широкимъ, но понижающимся пламенемъ.

А докторъ возбужденно продолжалъ:

— Сила выше права, это немного поражаетъ, какъ всякая правда, освобожденная изъ-подъ сентиментальныхъ оболочекъ; а въ сущности гораздо лучше самая грубая сила, око за око, зубъ за зубъ, чѣмъ торжественное заковываніе ея въ холодныя цѣпи справедливости... по крайней мѣрѣ, это нѣчто живое, непосредственное, болѣе натуральное, человѣческое, подвижное... Сила можетъ быть исчерпана, она измѣняется, доступна различнымъ чувствамъ, можетъ гнѣваться, обезумѣть, но можетъ и растрогаться, сжаться... А если тотъ или иной, изъ крющотворовъ исполняетъ мнѣ за мѣсячное жалованье роль наемнаго мстителя, и преспокойно ковыряя въ носу, во имя параграфа такого-то закатываетъ въ каторгу опаршивѣвшаго въ тюрьмѣ бродягу, то мнѣ опять противно дѣлается! Ну, что-жъ ты молчишь, чортъ возьми!—сердито обратился онъ къ Виктору.

— Потому что я согласенъ, даже съ апофеозомъ канцлера, какъ к винтъ-эссенціей современности, которая, однако, нисколько не предрѣшаетъ будущаго,—нехотя отвѣтилъ Викторъ.

Въ тонѣ его голоса проглядывала какая-то апатія, налагавшая отпечатокъ равнодушія на черты его лица.

— Тѣ отсылаютъ къ небу, а эти къ будущему!—пробормоталъ докторъ и быстро взглянулъ въ утомленные глаза Виктора.—У тебя какой-то гвоздь въ головѣ!—вдругъ сказалъ докторъ и поднялся.

— Есть!—отвѣтилъ, также вставая, Викторъ.

— Разумѣется; какъ только твой лысый братецъ прочиталъ мнѣ письмо, я сейчасъ же подумалъ: готовъ! это сразу было видно—идіотъ,—съ первой же ступени эта лѣстница ведетъ въ яму; а онъ еще гнѣздо себѣ лѣпитъ, птенцовъ выводить... Плюнь ты на все это, пока не поздно.

У старика голосъ дрогнулъ, точно онъ захлебнулся; онъ отхаркался и снова началъ говорить быстро и еще ворчливѣе:

— Только не думай, пожалуйста, что я изъ-за какого-нибудь романтизма... я только такъ, для собственнаго удобства... мнѣ тутъ, видишь

ли, гѣтомъ ничего, а вотъ какъ снѣгу навалить, такъ немного крутенько, то-есть скучно, не съ кѣмъ словомъ перекинуться!.. Знаю, ты мнѣ сейчасъ начнешь проповѣдывать о какой-то совѣсти, да только это глупая болѣзнь, хотя и органическая, какъ порокъ сердца, съ нею человѣкъ родится, кричитъ и умираетъ... Но, видишь ли, вѣдь ты могъ бы—такъ, гдѣ-нибудь, ну хоть бы здѣсь—отдѣлить себѣ клочокъ земли отъ свѣта, сколько тамъ на васъ придется, и жить... можетъ быть, до чего-нибудь лучшаго и дожить бы... Вѣдь это земля ничья, хоть я и плачу за нее подати... Ты говоришь: будущее! да вѣдь это журавль въ небѣ... Ты вотъ какъ откапываешь одного, другого съ закопченными лапами, такого же безумца, какъ самъ, и скачешь отъ радости... А лучше посмотри-ка на этихъ мужичковъ, которыхъ вѣками лупили по мордѣ, на этихъ трупецкихъ жидковъ, босяковъ, ихъ много на свѣтѣ!.. Скажутъ имъ медовое словечко, и они вамъ покажутъ будущее, и какъ еще!.. Я-таки погулялъ по бѣлу свѣту, и до сихъ поръ еще шляюсь, слушаю и наблюдаю, потому по природѣ я любопытенъ; да мнѣ и ходить незачѣмъ... Собираются у меня тутъ на дворѣ ежегодно разные Цопки, Гжибы, Сайки, Солтыски, хватаютъ за ноги, лижутъ руки: «Хорошо бы было, кабы вы, добродію, намъ по-сосѣдки удружили и землю продали!» Берите такъ, говорю, услугу окажете, потому меня подати заѣдаютъ, хотите—формально подпишу! И что-жъ ты думаешь? Глаза у нихъ разгораются отъ жадности, а подозрѣваютъ, что я какой-нибудь подкопъ подъ нихъ подвожу; ненавидятъ меня за это, готовы въ ложкѣ воды утопить; запахиваютъ у меня каждую весну по клочку земли, и ждуть, пока я сдохну, чтобы разорвать на части всю усадьбу... А я, какъ на зло имъ, живу, потому что не хочу доставить имъ этого удовольствія... Поди-ка, поди-ка! Изложи имъ свои теоріи!..

И докторъ, желая загладить минуту излишней откровенности, началъ жаловаться на непріятность, которую причиняютъ непрощенные гости во время самой горячей работы, и не прощаясь побрелъ къ дому.

Уже сильно стемнѣло; въ густой синевѣ тучъ проскользывали иногда поблѣднѣвшіе отблески солнечной зари; по усѣянному облаками небу, блестѣли кое-гдѣ мерцающія звѣзды, какъ искорки послѣ потухшаго пожара. Викторъ шелъ дорогой между двумя высокими насыпями, какъ въ тунелѣ; онъ останавливался надъ неожиданнымъ предложеніемъ доктора, но такъ безучастно, какъ будто это было одно изъ несбыточныхъ мечтаній, съ которыми мысль, освобожденная отъ строгихъ оковъ, позволяетъ себѣ играть для собственнаго удовольствія. Огрызки тирады доктора, скомканные съ цѣлою массою постороннихъ понятій, безформенной глыбой возставали въ его головѣ, какъ льдины въ узкомъ мѣстѣ рѣки, образуя временами непріятные заторы. Вся эта стихійная игра души носила отпечатокъ мучительнаго кризиса и происходила какъ-то помимо его участія. Самъ онъ во всемъ этомъ находился

въ положеніи разсѣяннаго зрителя, который спрашиваетъ себя, пожи-мая плечами, къ чему все это? что это значитъ? какое мнѣ до всего этого дѣло? и между тѣмъ, старается услѣдить за важнѣйшими момен-тами этого запутаннаго, унизительно-безсмысленнаго акта, предчув-ствуя, что совершится что-то, чего онъ ожидаетъ.

Въ своихъ чувствахъ онъ испытывалъ легкое подергиванье, какое испытываетъ рука рыбака, когда что-то дергаетъ за крючокъ. Это его сильно занимало, и онъ ожидалъ только соответственнаго момента, чтобы вытащить на свѣтъ изъ мутныхъ глубинъ невѣдомую добычу.

Когда все это сразу исчезло, погрузившись въ бездонный омутъ, Викторъ пережилъ минуту разочарованія, и осмотрѣвшись, замѣтилъ вдругъ, что онъ находится на улицахъ Труцца, совершенно зря про-шелъ съ лишнюю версту дороги и что пора возвращаться домой.

Мѣстечко ночью выглядѣло такъ себѣ. Среди темной безжизнен-ной массы скученныхъ домовъ, поблескивали освѣщенные шабасовками окна, производя среди окружающей пустоты и темноты впечатлѣніе мертваго веселья. Пахло гнилью, ноги тонули въ жидкой, липкой грязи, смѣшанной, какъ хорошее тѣсто, все это указывало Виктору, что онъ находится въ самомъ центрѣ Труцца, на базарѣ. Это была довольно большая, овальная площадь, въ данную минуту безлюдная и тихая; временами только поперекъ ея быстро шмыгали длинныя, словно безногія, темныя фигуры и вдругъ исчезали въ одной и той же точкѣ, точно пропадая сквозь уголъ выступающей стѣны.

Вблизи этого мѣста Викторъ услышалъ продолжительный шумъ, точно глухой отзвукъ сдавленнаго голоса, выходящаго изъ-подъ земли.

— Просто сбѣсились эти пархатые, чортъ ихъ возьми, съ этимъ *макетомъ*!—пробормоталъ, проходя мимо него, ночной сторожъ и по-плелся дальше, гнѣвно постукивая толстой колотушкой.

Въ ту же минуту промелькнуло какъ разъ передъ Викторомъ нѣ-сколько длиннополыхъ тѣней. Онъ проводилъ ихъ взглядомъ въ глубь пасти, поглотившей ихъ. Когда онъ приблизился туда, на него, какъ изъ огромной пасти дракона, пахнуло удушливымъ запахомъ и туск-лымъ свѣтомъ, а подходя еще ближе, онъ слышалъ протяжные звуки и жѣрныя рукоплесканія.

Это былъ входъ въ синагогу. Устроенный ниже уровня площади длинный темный проходъ неожиданно переходилъ въ широкое свод-чатое помѣщеніе. Съ перваго же взгляда было видно, что это проч-ная, вѣковая постройка. На шереховатыхъ стѣнахъ, покрытыхъ каплями сырости, расплзлись какіе-то заплѣсневлѣвшіе лишай, которые при слабомъ свѣтѣ производили впечатлѣніе кусковъ малахита. Боль-шая стрѣльчатая арка съ высокимъ каменнымъ порогомъ отдѣляла эту комнату отъ настоящаго мѣста молитвы; уровень ея, вѣроятно, былъ нѣсколько ниже.

Въ сумрачной передней толкалась кучка возбужденныхъ евреевъ,

которыя бѣгали по поперечнымъ корридорамъ, показывались ежеминутно изъ многочисленныхъ входовъ, и выбѣгали повѣсколку разомъ съ оживленнымъ бормотаніемъ; нѣкоторыя стояли около стѣнъ, курия папирасы, и засматривали внутрь отъ времени до времени черезъ головы стоящихъ на порогѣ.

Очнувшись отъ охватившаго его въ первую минуту одуренія, Викторъ прежде всего увидѣлъ въ различныхъ мѣстахъ небольшой круглой молеельни множество тоненькихъ свѣчекъ и лампочекъ различной величины и формы: все это коптило, мигало или горѣло синимъ раздутымъ пламенемъ, какъ бы стараясь набрать воздуху въ тяжелой атмосферѣ человѣческаго пота. Посреди, на концѣ высокаго шеста видѣлся крупный разиѣровъ домикъ, склеенный изъ разноцвѣтной бумаги, освѣщенный изнутри; шестъ, какъ видно, былъ прикрѣпленъ къ высокой каедрѣ, буквально усыпанной еврейскими ребятишками, которые драли глотки, ссорясь и толкаясь сколько было мочи. Но надъ всѣмъ этимъ возвышался исходящій снизу голосъ, скорѣе вой, непрерывно повторяющій въ довольно скоромъ темпѣ два монотонныхъ звука:

— Наай, наай, ля, ля, ля, ля!

Въ тактъ мѣрно раздавались рукоплесканія. Виктору приходилось видѣть молящихся евреевъ, но тутъ, очевидно, происходило что-то необыкновенное.

Поднявшись на носки, Викторъ увидѣлъ причину этого воя: толпу головъ въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, точно въ муфтахъ, надѣтыхъ стоямя, или въ плоскихъ черныхъ фуражкахъ. Какія-то совершенно чужія, точно въ первый разъ видѣнныя имъ лица, обращенныя къ нему профилемъ, мѣрно покачивались въ одномъ направленіи, ударяя въ ладоши. Видъ сотни движущихся лицъ и мелькающихъ ладоней снова на минуту ошеломилъ Виктора.

Очнувшись, онъ устремилъ глаза въ то мѣсто, куда были обращены взоры всѣхъ присутствующихъ.

Надѣво, между каедрой и стѣнной аркой, въ то сжимающемся, то расширяющемся кругѣ столпившихся евреевъ, на пространствѣ едва нѣсколькихъ футовъ, кружилось что-то, покрытое бѣлой кисеей, точно молодая барышня, танцующая соло оберка *).

Каждый разъ, какъ затихало пѣніе, въ первыхъ рядахъ подскакивали вверхъ нѣсколько хасыдовъ въ лисьихъ шапкахъ и атласныхъ халатахъ, съ громкимъ крикомъ оживленно ударяя въ ладоши. Особенно отличался одинъ еврей, черный какъ смоль, съ распущенными пейсами и высохшимъ блѣднымъ лицомъ, который подскакивалъ до половины роста и, обводя вокругъ разгорѣвшимися глазами, ударялъ въ ладони и издавалъ дикій, возбуждающій крикъ. Тогда, точно электрическая искра пробѣгала по толпѣ. Волну людей охватывало точно

*) Польскій народный танецъ.

эпилептическое содроганіе: сонныя лица замечтавшихся пробуждались на минуту, поднимая въ экстазѣ кверху глаза; черты лица неистовствующихъ искривлялись еще больше и выражали какую-то хищную ярость; оживлялись и загорались угасшіе зрачки оцѣпенѣвшихъ отъ изнеможенія, вой усиливался, а рукоплесканія принимали бѣшеный характеръ.

Фигура въ кисейной вуали продолжала кружиться на одномъ мѣстѣ съ не уменьшающейся скоростью.

— Что это тамъ, женщина?—спросилъ Викторъ ближайшихъ сосѣдей, двухъ солдатъ, которые смѣялись во все горло.

— Чаво?—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, окинувъ глазами Виктора, и ткнулъ сейчасъ же какого-то несчастнаго жидва, пробирающагося впередъ, такъ сильно, что тотъ свалился со ступеней внизъ и нырнулъ въ толпу. Раздался новый взрывъ грубаго смѣха.

— Ну, и чего ты толкаешь?—отозвался какой-то высокій безбородый еврей, блондинъ, съ чертами лица, не обличавшими его семитическаго происхожденія.

Солдаты подтолкнули другъ друга и вышли, осыпая всѣхъ по пути отборной руганью.

— Это не женщина: это *магетъ!*—объяснялъ Виктору высокій жидъ.—Онъ такъ въ каждый праздникъ кружится.

— Магетъ?—повторилъ Викторъ.

— О, это великій магетъ, онъ уже у насъ цѣлый годъ, мы его привезли на лошадяхъ, и этотъ домикъ несли, видите тамъ? Красивый домикъ! Онъ былъ еще красивѣе, да немножко подгорѣлъ! А вы не здѣшній?

— Нѣтъ!

— А можетъ у васъ есть папирочка?

И, получивъ двѣ, жидъ испарился.

Тутъ гнѣіе вдругъ прекратилось, кружащаяся фигура исчезла; проходъ мгновенно наполнился евреями; въ молебельъ стало свободнѣе и тогда сверху Викторъ увидѣлъ толстаго еврея въ лиловомъ халатѣ, сидящаго на полу.

Это и былъ магетъ.

Кисей, откинутая на затылокъ, позволяла видѣть обыкновенное, немного расплывшееся, старческое лицо съ сѣдыми волосами; глаза были закрыты, а грудь тяжело дышала.

Черезъ нѣкоторое время старикъ поднялся и, слегка припадая на правую ногу, съ достоинствомъ прошелъ нѣсколько шаговъ, сопровождаемый свитой евреевъ, которые проталкивались къ нему, стараясь дотронуться до талеса и фиолетовой одежды концами пальцевъ, которые послѣ этого быстро цѣловали, чмокая, точно смакуя.

Въ это время старикъ остановился, закрылъ лицо вуалью, придерживая ее лѣвой рукой на груди, правую руку съ молитвеннымъ кубикомъ на короткой рукояткѣ поднялъ на высоту висковъ и кивнулъ

головой. Въ одну минуту образовался кругъ, нѣсколько лисьихъ шапокъ скакнули вверхъ, раздались рукоплесканія; раздался опять заунывный монотонный мотивъ, вуаль завертѣлась, молежня снова начала наполняться толпою.

— Совершенно другой мѣръ, невѣдомый мѣръ!—думалъ оттиснутый въ сторону Викторъ, глядя на мелькающія передъ нимъ одурѣвшія отъ усталости фигуры, возбужденныя, жаждущія участія въ непонятной для нихъ мистеріи.

— Какъ, и панъ тутъ?—прервалъ его мысли знакомый голосъ,—а когда панъ прѣхалъ? Слышалъ я, что панъ женился; пришелъ панъ посмотрѣть? я теперь уже туда не полѣзу, потому что тамъ, уфъ, какъ жарко!—говорилъ очень красивый еврей, лѣтъ около пятидесяти, одѣтый въ новый, не особенно длинный халатъ и черную репсовую фуражку.

Викторъ хорошо его зналъ; въ свое время этотъ еврей ему дѣлалъ папиросы; позднѣе пустился въ хлѣбную торговлю рожью, нажился, прогорѣлъ, снова нажился и теперь имѣлъ въ Трупцѣ лавочку, гдѣ можно было достать все, что угодно.

Это былъ оборотливый жидокъ, понатершійся въ свѣтѣ, мошенникъ, но въ мѣру: ловкій, одаренный большою дозой проникательнаго ума, немножко даже скептикъ, хотя съ точностью исполнявшій предписанія своей вѣры.

Викторъ любилъ съ нимъ поболтать, а теперь поздоровался съ нимъ почти съ радостью.

— Объясните-ка мнѣ, Ицекъ, что это у васъ творится? Ибо я ничего не понимаю,—проговорилъ онъ.

Жидъ усмѣхнулся и, указывая на большой тюкъ у стѣны, отвѣтилъ:

— Прежде всего мы можемъ себѣ усѣсться, тутъ можно и закурить,—прибавилъ онъ.

Викторъ вынулъ портсигаръ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ еврей, беря папиросу.— Панъ уже видѣлъ его Это магетъ! Онъ все вертится.

— Видѣлъ, но зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?

— Онъ такъ молится, потому что у каждаго магета свой способъ. Былъ тутъ одинъ, который плакалъ, да такъ, что всѣ должны были плакать. Ну а этого мы выписали, дали ему тысячу рублей и домъ; только онъ хочетъ теперь, чтобы ему додали еще двѣсти, и навѣрное дадимъ, потому что пока онъ здѣсь, то тутъ вертятся евреи и изъ Россіи, и изъ Галиціи, есть движеніе, а есть движеніе, такъ оно намъ оплатится. Онъ вертится цѣлый часъ, потомъ три минуты отдыхаетъ, перейдетъ на другое мѣсто и опять вертится часъ, и не ошибется. И такъ семь разъ вокругъ молежни; я самъ не знаю, какъ онъ только можетъ, и старый, и хромой, а можетъ; панъ вѣдь видѣлъ, такъ вотъ оттого онъ и есть магетъ!

— Что это какой-нибудь высшій раввинъ, какъ у насъ епископъ?

— Нѣтъ, раввинъ — это раввинъ, какъ свадьба, такъ и къ раввину; а магетъ—это магетъ, какъ несчастье, такъ и къ магету; онъ стужветъ и *дыбка* (безумье) изгнать, посовѣтовать: купить ли не купить, какъ сдѣлать, чтобы дѣти были, у кого нѣтъ... А, панъ, какъ я слышалъ, и дитя уже имѣеть?

— Да, есть одинъ, сынокъ.

— Сыночекъ! Вотъ и хорошо! Всегда лучше сынъ. У моего сына тоже сынъ, славный ребенокъ, умный мальчикъ. Онъ камашникомъ въ Варшавѣ; я ему скажу, чтобы онъ васъ навѣстилъ.

— Отлично! Вы говорите, что этотъ магетъ съ пользою совѣтуетъ?

— Онъ? Онъ отлично кружится, и мнѣ кажется,—прибавилъ жидъ вполголоса,—что онъ еще лучше кружится чѣмъ... Я вамъ скажу, только вы никому не говорите. По моему, онъ немножко поддѣльный магетъ... Я бы за него и трехъ копѣекъ не далъ.

— Ну, конечно, само собою разумѣется,—началъ увѣряющимъ тономъ Викторъ.

— Охъ, нѣтъ, не говорите такъ,—прервалъ его еврей,—есть хороше, настоящіе магеты, черезъ которыхъ Богъ говоритъ, только ихъ мало, все меньше становится, я зналъ одного, такъ это былъ, дѣйствительно, магетъ, какъ червонецъ, настоящій.

— Откуда же вы знаете, Ицекъ, что тотъ былъ настоящій?

— Откуда я знаю, я пану скажу. Было это такъ: былъ себѣ около Люблина такой себѣ бѣдный жидочекъ, у котораго и денегъ совсѣмъ не было, и не былъ онъ способенъ ни къ какому дѣлу, и радовался, если у него ежедневно была головка луку и хвостикъ селедки на шабасъ, какъ это у насъ часто случается. Приходитъ онъ какъ-то къ портному и просить, чтобы тотъ ему сдѣлалъ цыцели, вы знаете наши цыцели?... И говоритъ ему, чтобы онъ сдѣлалъ такъ и такъ! И тутъ сказалъ портному такое слово, какого ему еще никто не говорилъ. А портной былъ немножко ученый, и сейчасъ же подумалъ, что тутъ что-то есть. И говоритъ ему:

— Хорошо, Юсель, я тебѣ сдѣлаю хорошія цыцели, а ты мнѣ посовѣтуй въ одномъ дѣлѣ. Есть у меня триста рублей и три дочки, и не знаю, подѣлать ли имъ поровну или нѣтъ? Какъ ты думаешь?

А онъ ему отвѣчаетъ:

— Ты, Янкель, можешь каждой дать по триста рублей, потому что у тебя девятьсотъ.

— Такъ оно и было. Вотъ тутъ и видно стало сразу, что онъ магетъ. Начали къ нему съѣзжаться еврейчики, наняли ему квартиру во второмъ этажѣ, а въ первомъ былъ постоянный дворъ. Онъ совѣтовалъ, и честно совѣтовалъ. Какъ вдругъ случилась эта большая война. Ну, панъ, конечно, лучше меня знаетъ! И пришло страшное французское войско въ Люблинъ. Онъ позвалъ тогда къ себѣ мышуреса; далъ ему красивую перину и фаянз-подушку, и говорить:

— Иди съ ней до первой станціи, тамъ будетъ такой маленькій человекъ, ты его самъ узнаешь! Дай ему это и скажи, что магетъ присылаетъ, чтобы ему было хорошо спать!

Пошелъ мышуресъ и узналъ сразу этого маленькаго человекъ, хотя на станціи было много большихъ и богатыхъ генераловъ. И вы знаете, кто былъ этотъ маленькій человекъ? То былъ самъ Напольёнъ! А какъ онъ потомъ назадъ возвращался, то нарочно пошелъ на Люблинъ, а магетъ смотрѣлъ въ форточку. И вотъ онъ ему два раза до той форточки поклонился, шляпу снялъ и сказалъ: «благодарю! благодарю!», такъ что всѣ видѣли и слышали.

— И вы тоже видѣли,—засмѣялся Викторъ.

— Я - то не видѣлъ, потому меня еще тогда на свѣтъ не было, а мнѣ отецъ рассказывалъ. А что я самъ видѣлъ, то я вамъ расскажу,—отвѣтилъ, оживляясь, еврей.—Я былъ въ то время такой же... Э! молоде, чѣмъ вы, а былъ уже женатъ и имѣлъ трое дѣтей, а самый младшій былъ мальчикъ, такой... тотъ самый, который теперь камашникомъ. Я держалъ перевозъ въ Охотницѣ, у пана Нементовскаго. Вы его знаете?

— Нѣтъ!

— Да, конечно, вѣдь это далеко. И былъ я себѣ бѣдный жидочекъ, и держался за этотъ перевозъ руками и ногами, потому что это былъ весь мой хлѣбъ. Панъ не былъ злой, а только горячій; какъ только что не такъ—то сейчасъ сдѣлается такой красный, какъ ракъ, кричать, топаетъ... а потомъ ничего... онъ не обижалъ меня. Только разъ говоритъ онъ мнѣ, чтобы я привезъ ему побольше мяса, потому что я ему возилъ, что нужно, изъ Козеницы; а тамъ какъ разъ евреи привезли этого магета изъ Люблина; онъ ужъ былъ старый и такой бѣлый, какъ коза. Ну, и надо же на бѣду, что я немного забылъ про то мясо; а у пана было много гостей, какъ онъ позвалъ меня, да началъ кричать: нѣтъ тебѣ, мерзавцу, больше мѣста съ Иванова дня, нѣтъ! Мнѣ даже немножко нехорошо сдѣлалось, пошелъ и думаю себѣ по дорогѣ, а, что тамъ! Выкричить всю злость и будетъ опять все хорошо. А на другой день онъ меня встрѣтилъ и, какъ всегда, говоритъ то то, то се. Шутить, ну извѣстное дѣло, панъ... А потомъ вдругъ:

— Только помни, Ицекъ, нѣтъ тебѣ больше мѣста съ Иванова дня.

— У меня и сердце упало!. Ну, что тутъ дѣлать, жена больна, трое дѣтишекъ... Поѣхалъ къ магету. Положилъ ему полтинникъ и говорю, какъ все было: а онъ посмотрѣлъ въ большую книгу, которая у него всегда лежала на красивомъ столѣ, и говоритъ:

— Ты не бойся, Ицекъ!

— Ну, я и не боялся съ четыре недѣли. Какъ вдругъ тутъ снова говорю я съ паномъ то о томъ, то о другомъ, а панъ вдругъ:

— Только помни, Ицекъ, послѣ Иванова дня убирайся!

— Какъ будто меня кто палкой треснулъ; что тутъ дѣлать, самъ

не знаю? Былъ у меня около дома клочокъ земли; время сажать картофель, а какъ тутъ сажать, если онъ такъ говоритъ. Подождать я ярмарки и снова пошелъ къ магету, положилъ ему шесть гривенъ изъ послѣдняго рубля и спрашиваю, что дѣлать. А онъ говоритъ:

— Ты не бойся ничего, Ицекъ!

— А картофель сажать?

— Сажай!

— Посадилъ я картофель, выросъ такой красивый, и цвѣлъ такъ, что просто «ццъ»,—жидъ цмокнулъ,—а какъ разъ въ пятницу, въ Ивановъ день приходитъ управляющій рано утромъ, и говоритъ;

— Ицекъ, панъ приказалъ, чтобы ты духомъ убирался вонъ!

— И зачего мнѣ убираться?—говорю.—А кто будетъ держать перевозъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это ужъ не твое дѣло, пархатый! Убирайся, а то я тебя мгомъ выброшу.

— Я къ пану, прошу, даже плакать началъ. А онъ какъ крикнетъ, говорилъ тебѣ—пошелъ вонъ! Лечу я домой, а сердце такъ и прыгаетъ. На дворѣ выброшены всѣ перины, подушки, жена плачетъ, дѣтки плачутъ, да такъ плачутъ, что просто ужасъ, у меня даже въ головѣ помутилось. Взялъ я у корчмаря рубль въ долгъ, нанялъ телегу и лечу въ Козеницу. Прихожу. Меня не хотятъ пустить, потому что онъ теперь молится... Я поднялъ такой гвалтъ, что онъ самъ увидѣлъ и меня позвалъ. Какъ я началъ говорить: «ну и что мнѣ магетъ сдѣлалъ, я ничего, ничего не боялся, и картофель посадилъ, а теперь мой картофель въ землѣ, а перины, жена и дѣти на дворѣ!» А онъ какъ былъ въ молитвенной одеждѣ, съ толстой книжкой въ рукахъ, такой сѣдой, какъ коза, посмотрѣлъ только странно на меня и говоритъ:

— Просилъ пана?

— Просилъ.

— А онъ что?

— А онъ меня собаками...

— Какъ я это сказалъ, то онъ, какъ держалъ книгу, да какъ бросить ее на землю и крикнетъ:

— Если онъ такой,—такъ пусть сдохнетъ, какъ собака!.. Такъ во мнѣ все и затряслось. Вышелъ я тихо и думаю: что теперь будетъ, ну и что теперь будетъ? Наступилъ шабась, я не могъ вернуться домой, и только въ воскресенье къ вечеру собрался я съ однимъ жидкомъ и ѣду. Подъѣзжаю къ Охотницѣ, а ужъ стемнѣло. Смотрю, а около костела столько свѣту, люди идутъ и что-то несутъ, спрашиваю—что это? Пана несутъ! У него какъ разъ въ тотъ же часъ, какъ магетъ крикнулъ, сдѣлался ударъ.

Тутъ еврей замолчалъ и сидѣлъ нѣкоторое время немного блѣдный, точно утомленный.

— Позвала меня на другой день пани и говорить:

— Ну что-жъ, Ицекъ, можетъ быть, и останешься; пока что... Я голову потеряла.— И въ слезы!..

— Я и остался и просидѣлъ на этомъ мѣстѣ цѣлыхъ пять лѣтъ, пока самъ не ушелъ... А картофеля-то было съ 20 мѣръ, едва выкопали, и такія большія, хорошія.

Жидъ цмокнулъ съ наслажденіемъ и сказалъ:

— Ну, и что-жъ вы изъ-подъ себя скажете?

— Что-жъ, случай!

— Случай? Если бы вы слышали, какъ онъ кричалъ, такъ вы бы не сказали «случай». Онъ скоро умеръ, а какъ онъ умеръ: не стоналъ, не болѣлъ, разъ только пискнулъ такъ нѣжно, точно на скрипкѣ заиграли, и ужъ не стало больше такого магета...

Жидъ снова задумался и спросилъ черезъ нѣкоторое время:

— А который теперь часъ?

Викторъ посмотрѣлъ на часы:

— Одиннадцать,—вставая, отвѣтилъ онъ.

— А вы уже уходите?.. Идите, идите, потому что онъ тамъ будетъ кружиться до четырехъ часовъ. До свиданія!—произнесъ Ицекъ и вошелъ въ молецию.

Выходя, Викторъ еще разъ взглянулъ подъ арку: дѣйствительно, разгорячившій толпу хасыдъ скакалъ вверхъ; Викторъ почувствовалъ на себѣ жаркій огонь его расширившихся зрачковъ, выдѣлявшихся на лицѣ, блѣдномъ, какъ бумага, и услышалъ его дикій крикъ.

Какая-то еврейка, которую оттолкнулъ отъ порога старый еврей, что-то ей живо объясняя, начала сейчасъ же хлопать въ ладони, худыя, какъ индюшья лапы; другая, сидѣвшая сторбившись рядомъ съ ней въ съѣхавшемъ на бокъ парикѣ, обливалась сладкими слезами, осматриваясь по сторонамъ, точно въ испугѣ отъ чрезмѣрнаго счастья.

— Наай, наай, ла, ла, ла, ла,—преслѣдовалъ Виктора уже на улицѣ глухой вой, протяжный и жалобный, какъ вѣчные стоны безсильнаго горя!

— Иной міръ! Невѣдомый міръ!—шепталъ Викторъ, быстро удаляясь, словно убѣгая отъ этихъ стонувъ, которые цѣплялись за него и наполняли суевѣрнымъ страхомъ.

Въ головѣ у него зазвучали горькія слова доктора, какъ мѣткія стрѣлы съ отравленными остриями, и еще сильнѣе овладѣли имъ горькія сомнѣнія. Вся бесполезность его усилій возставала минутами передъ его глазами, точно озими, потоптанныя обезумѣвшей толпой.

— Скоты!—шепталъ онъ.—Грязная тьма! Я бы не могъ въ такомъ зловоніи кружиться для нихъ ни одной минуты...

Мысли его, охваченныя гнѣвомъ, начинали путаться.

— Наай, наай, ла, ла, ла, ла! — ныло у него въ груди.

Онъ грубо засмѣялся.

Въ эту минуту нѣсколько силуэтовъ всадниковъ промелькнуло черезъ дорогу и помчалось въ сторону деревни. Мужики удирали изъ кленовскаго клевера.

Викторъ, почти взбѣшенный, бросился за ними. Они исчезли и былъ только слышенъ удаляющійся топотъ, который показался ему тѣмъ же самымъ протяжнымъ мотивомъ, какъ вѣчные стоны безсильнаго горя.

Сердце его обливалось слезами горькой обиды:

— Стойте! вѣдь я для васъ... — хотѣлъ онъ крикнуть, но спазмъ въ горлѣ помѣшалъ ему.

Онъ пошелъ, точно придавленный тяжестью; въ груди его что-то сжималось, точно пружина, готовая каждую минуту развернуться, а въ спицѣ онъ чувствовалъ легкое, холодное прикосновеніе чуткой руки суевѣрнаго страха. Онъ боялся оглянуться; быстро прошелъ мимо узкихъ плетней и бѣлыхъ хатъ, блестящихъ при свѣтѣ луны голубоватымъ свѣтомъ, и однимъ прыжкомъ влетѣлъ въ кленовскій садъ. Тутъ страхъ его покинулъ, онъ глубоко отдышался, точно послѣ чрезвычайнаго усилія и побрелъ въ сторону дома.

Сжиманія въ груди увеличивались; онъ ощущалъ такое чувство, какое должна ощущать земная кора, когда въ одной изъ ея точекъ хочетъ пробиться на свѣтъ рѣчка, текущая въ нѣдрахъ ея, и взлетѣть къ солнцу живительной струей.

Это былъ особый родъ возвышенной надежды; торжественное ожиданіе чего-то желаннаго и великаго; гордость, что оно существуетъ; тихая печаль, что оно до сихъ поръ еще не проявилось.

Вдругъ все въ немъ заколебалось. Онъ очнулся и услышалъ изъ боковой веранды, обросшей дикимъ виноградомъ, хоровое пѣніе: два голоса — болѣе низкій — Изабеллы, болѣе высокій — Марыни пѣли: «Листья осыпались», басомъ вторилъ имъ Игнатій, немного фальшиво, но въ общемъ выходило довольно стройно, и это пѣніе произвело на Виктора милое впечатлѣніе.

Приближаясь, онъ запѣлъ баритономъ слѣдующій стихъ: «Птичка полевая на могилкахъ распѣваетъ».

— Ахъ, это ты, бродяга! — воскликнула Бая.

— Что же ты, шабасовалъ? — прибавилъ Игнатій.

— Шабасовалъ и былъ у Постаискаго, — отвѣтилъ Викторъ.

И снова въ немъ проснулася болѣзненная печаль, онъ тяжело опустился на уголъ скамейки.

— Пойте! — произнесъ онъ, желая прервать дальнѣйшіе разспросы.

— Что же спѣть? — прошептала Марыня.

— Что-нибудь.

— Ужъ для тебя я знаю что! Вы это, навѣрное, знаете, невѣстка! — начала Бая нѣсколько тактовъ.

— А какъ же,—отвѣтила Марыня.

И полились торжественные, стройные звуки гимна.

Ночь была ясная, освѣщенная полной луною, которая блистала, окруженная слабымъ ореоломъ разлитого золота, почти въ самой вершинѣ лазореваго небеснаго свода.

Легкія, прозрачныя тучки быстро пробѣгали по лунному диску, какъ паутинныя нити,¹ безъ начала и конца, влекомыя вдаль невѣдомой и невидимой рукою.

Викторъ смотрѣлъ въ блестящее лицо мѣсяца и весь поддался очарованію ночи и силѣ пѣсни; медленно расходились морщины на поверхности его души, а въ нѣдрахъ ея снова подымалось таинственное волненіе.

Когда запѣли другую пѣснь, Викторъ присоединился къ хору, точно желая отдѣлаться отъ своихъ мучительныхъ мыслей, чтобы ничто не мѣшало тому, что въ немъ зарождалось въ данную минуту.

И вдругъ, при третьей строкѣ, совершенно неожиданно для самого себя, точно повторяя за кѣмъ-то, онъ съимпровизировалъ на мотивъ припѣва:

Хочу уѣзжать;
Коней дай, Игнатій!
Есть много занятій,
Пора и начать!

Высокое сопрано Марыни задрожало и оборвалось сразу, какъ неосторожно задѣтый кусокъ кристалла.

Все затихло. Бѣля невольно оглянулась и спросила съ безпокойствомъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Викторъ хочетъ ѣхать!—отвѣтилъ вполголоса Игнатій.

— Когда?

— Завтра!

— Вотъ еще!—разсердилась Бѣля. — Тоже острога изъ календаря. Солнце такъ ярко заходило — дурная погода или вѣтеръ, ужъ это навѣрное!

— Разумѣется, — присоединился къ ней Игнатій, — останься хоть до понедѣльника...

Викторъ молчалъ; онъ самъ былъ почти испуганъ своимъ заявленіемъ, которое вырвалось у него точно подъ влияніемъ отголоска, идущаго изъ глубины его души. Но это возвышенное, горячее настроеніе оборвалось вмѣстѣ съ голосомъ Марыни и исчезло безслѣдно. Теперь онъ чувствовалъ, что чаша вѣсовъ нисколько не перетянула, а наоборотъ, тронутая какой-то посторонней силой, качается въ обѣ стороны въ страшно быстрыхъ колебаніяхъ.

Это было чрезвычайно болѣзненное чувство; Викторъ страдалъ прямо-таки физически.

А въ тоже время супруги налегали все сильнѣе, и, сверхъ, того Бэля потребовала содѣйствія Марыни.

Та, забившись въ уголъ бесѣдки, молчала нѣкоторое время; потомъ подвинулась рѣзко, такъ что задрожали виноградные листья, и медленно не своимъ голосомъ произнесла:

— Если Викторъ хочетъ ѣхать, то пусть...

Еще разъ все заколебалось въ Викторѣ; сердце обливалось у него волненіемъ искренней благодарности. Что-то прорвалось, показался жаръ, и Викторъ узналъ въ себѣ тотъ давнишній столбъ огня, энергичный, горящій ровнымъ и чрезвычайно высокимъ пламенемъ.

— Да, долженъ!—произнесъ онъ совершенно сознательно, спокойнымъ, сильнымъ и увѣреннымъ голосомъ.

— Тѣмъ болѣе!—добавилъ онъ мысленно.

— Ну, а если долженъ, такъ ничего не подѣлаешь! — отвѣтила Бэля съ раздраженіемъ въ голосѣ.—Идемъ-те,—прибавила она холодно и, нетерпѣливо звеня ключами, ушла въ комнаты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На топкомъ болотѣ изсохшіе пни,
Гнилушки его освѣщаютъ...
Мучительно-долгіе сѣрые дни,
Здѣсь сѣрыя тѣни страдаютъ.
Подъ ними трясина, колеблясь, стоитъ,
Надъ ними туманъ блѣдносиній,
И птичка-пѣвунья сюда не летитъ,
И тихо надъ мертвой пустыней.
И солнца не видно... И гады шипятъ...
И тѣни печальныя стонутъ....
Безильныя, рвутся на волю, назадъ,
Но тихо и медленно тонуть.
И смотрятъ съ тоскою на небо онѣ,
На вольную, смѣлую стаю:
Свободныя, мчатся къ иной сторонѣ,
Къ далекому, свѣтлому краю!

Пѣсня птицъ.

Мы, свободныя, счастливыя,
Покидаемъ васъ, тоскливыя,
Молчаливыя мѣста!
Мы—туда, гдѣ моря южнаго,
Неогляднаго, жемчужнаго
Ярко блестятъ красота!
Мы хотимъ забыть унылое,
Вѣчно хмурое, постылое
Небо этой стороны!
Ищемъ вѣтра ароматнаго,
Ищемъ солнца незакатнаго,
Ищемъ жизни и весны!

*

Выше, выше мы поднимемъ,
 Шире, шире мы раскинемся
 По равнинамъ голубымъ,
 И усиліями дружными
 Къ морю съ волнами жемчужными
 Безъ оглядки полетимъ!

II.

Сонъ пропалъ. Не знаю, что со мной!
 Красоту деревьевъ серебристыхъ,
 Пыль снѣжинокъ, легкихъ и пушистыхъ,
 Точно вновь я вижу предъ собой.
 Мы летимъ.. Какъ хороши поля!
 Подъ санями искра потухаетъ,
 Чуть мелькнувъ... А сзади убѣгаетъ
 Въ быстромъ бѣгѣ бѣлая земля...
 Мы одни... Ни звука... Какъ огнемъ,
 Рѣзкій вѣтеръ лица обжигаетъ,
 И желанье счастья закипаетъ
 И отвага въ сердцѣ молодомъ.
 Все слилось въ серебряной пыли,
 На душѣ отраднo и тревожно,
 И мечту, и небо невозможно
 Отдѣлить отъ правды и земли...

Л. М. Василевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ-ЗВѢРЬ.

(Изъ книги «По полямъ и лѣсамъ»).

...Я, кажется, никогда не переживалъ такихъ скучныхъ сумерекъ!.. Небо хмуро, темныя тяжелыя тучи завѣшивають его отъ края до края... И тянутся тучи сплошной однообразной грядой и застилають свѣтъ и безъ того короткаго осенняго дня...

Частая висея дождя прячетъ отъ глазъ разостлавшуюся передъ станціей широкую, привольную степь. Я стою у окна и битый часъ смотрю на эту скучную панораму, прислушиваюсь къ шуму листьевъ на чахлахъ деревьяхъ, растущихъ въ станціонномъ палисадникѣ, и въ душѣ негодую на ямщика-башкирца за его дорожную проволочку, благодаря чему приходится заночевать на глухой станціи въ ожиданіи попутнаго поѣзда... А какъ подумаешь—жаль становится этого башкирца...

Крошечный, худенькій и узкоплечій, съ жиденькой сѣденькой бородкой, впалыми глазами и осунувшимися темно-бронзовыми щеками—онъ выглядѣлъ такимъ забитымъ. Помнится, какимъ жалкимъ казался онъ мнѣ, когда сидѣлъ на козлахъ въ сѣромъ коротенькомъ кафтанишѣ и въ старенькой кошмной шляпчонкѣ... Мы ѣхали подъ дождемъ съ ранняго утра. На мнѣ былъ надѣтъ толстый армякъ, теплый и непромокаемый, а мой возница зябъ и ежился отъ сырости въ своемъ дырявомъ кафтанишѣ, и, помнится, все старался усѣсться на козлахъ такъ, чтобы вѣтеръ дулъ ему въ спину...

Чѣмъ-то печальнымъ и жалкимъ вѣяло и отъ той деревушки, гдѣ мы съ нимъ повстрѣчались. Никто изъ обитателей Уракова, какъ называется деревушка, не соглашался везти меня на желѣзнодорожную станцію за сорокъ верстъ. Всѣ ссылались на ненастную погоду и на дурную дорогу, и, глядя на ихъ худыхъ, заморенныхъ лошадей, въ мысляхъ я соглашался съ ними, хотя меня и тянуло ѣхать. И вотъ нашелся этотъ бѣдняга, соблазнившійся заработкомъ въ ненастные дни осени, грозившей голодомъ въ теченіе долгой суровой зимы...

Мы ѣхали медленно... Сначала меня раздражала эта скучная томительная ѣзда, и я сердился на башкирца и кричалъ на него, заставляя понукать лошадей... Онъ что-то бормоталъ по-своему (по-русски онъ не говорилъ ни слова), поворачивалъ ко мнѣ смущенное лицо, и его сѣрые печальные глаза безмолвно молили о чемъ-то... И мы ѣхали долго и медленно...

Мною овладѣла какая-то гнетущая скука... Я дремалъ, закрывая глаза и старался заснуть, но это мнѣ не удавалось. Я раскрывалъ глаза, осматривался по сторонамъ, и тотъ видъ холмовъ и лѣсовъ подъ сплошной кисеей дождя, и эта туманная даль, и темное небо, и сырой воздухъ—навѣвали еще большую тоску...

Помнится, мы перебрались черезъ плотину мельницы и въѣхали въ узкую улицу какой-то деревушки. Башкирецъ обернулся ко мнѣ, что-то долго и убѣдительно бормоталъ, вивая головою на усталыхъ лошадей, а потомъ, не дождавшись моего отвѣта, подѣхалъ къ воротамъ крошечной двухъоконной хатки... Впрочемъ, намъ отказали въ гостепріимствѣ. Я самъ просилъ хозяйку, бабу лѣтъ 40, пустить насъ погрѣться, но изъ этого ничего не вышло: она ссылалась на тѣсноту избы и на то, что у нея больныя дѣти. Мы поѣхали дальше. Въ воротахъ возлѣ двухъоконной избы съ голубыми ставнями стоялъ рыжій мужикъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ въ нашу сторону. Лошади снова остановились, и я попросилъ его впустить насъ погрѣться и передохнуть...

Въ маленькой хаткѣ топилась печь. На лавкѣ у окна спалъ ребенокъ. Молодая женщина убаюкивала другого въ люлькѣ, не громко напѣвая какую-то тягучую и печальную пѣсню. Когда мы съ хозяиномъ вошли въ избу — она смодела.

— Вотъ только самоварчика-то у насъ не водится,—сказалъ хозяинъ,—а хорошо бы погрѣться...

Я пожалѣвъ объ этомъ, попросилъ-было пойти поискать самоваръ гдѣ-нибудь на деревнѣ...

— И-и, что вы!.. — разсмѣялся онъ, — ни у кого нѣтъ... У мельника, вонъ, есть, да развѣ у той собаки выпросишь!..

Я сѣлъ къ окну, съ твердымъ рѣшеніемъ мужественно перенести предстоящее испытаніе.

Мы съ хозяиномъ разговорились... Впрочемъ, говорилъ больше онъ, а я молчалъ и слушалъ. Онъ рассказалъ мнѣ почти всю исторію ихъ Сосновки, насколько она сохранилась въ его памяти за сорокъ пять лѣтъ жизни. Я узналъ, кто былъ ихъ баринъ и на какомъ надѣлѣ они, сосновцы, начали новую жизнь послѣ освобожденія. Потомъ началась безконечная и длинная жалоба на жизнь послѣдующихъ лѣтъ. Цифръ въ этой длинной рѣчи, характеризующихъ безрадостную жизнь, не было, — слышались

ссылки на долгіе томительные годы, въ нихъ верапливались какія-то имена, урожай и неурожай, болѣзни на людей и падежи скота, градобитіе, пожары и много-много бѣдъ... Были, впрочемъ, въ этой рѣчи ссылки и на проблески жизни, но ихъ было немного, они потухали, поглощенные общимъ мрачнымъ тономъ картины.

Свою жалобу мужикъ закончилъ послѣднимъ періодомъ „сосновской“ жизни, когда сосновцы „связались“ съ какимъ-то купцомъ, арендовавъ у него луга и пахоти. Рѣшившись на это, наголодавшіеся крестьяне думали выбиться изъ неудачъ жизни, но разочаровались и еще больше запутались. Раньше ихъ „запутывало“ нѣчто массовое— „округа“,— теперь эта „округа“ замѣнилась однимъ лицомъ, который „сначала казался сподручнымъ“, а потомъ „захлестнулъ петлю-то и не дыхнуть“...

Мужикъ произнесъ эту фразу какимъ-то скорбнымъ и убитымъ голосомъ и глубоко вздохнулъ... Наша бесѣда прервалась: въ избу вошелъ мой жалкій возница, и я понялъ изъ перевода его рѣчи хозяиномъ, что лошади отдохнули... И опять мы поѣхали подъ дождемъ, гонимые вѣтромъ. И опять скучные и однообразные поля и холмы разстилались по сторонамъ дороги, хмурилось небо, и на душѣ было не весело...

Скучая у станціоннаго окна, я смотрѣлъ въ туманную даль степи, въ ту сторону, гдѣ, по моимъ предположеніямъ, должна быть Сосновка, и мнѣ припомнился ея „жалобщикъ“ съ петлей на шеѣ, наброшенной какимъ-то предусмотрительнымъ купцомъ, припоминался мнѣ и мой возница. Ѣдетъ онъ, вѣроятно, теперь гдѣ-нибудь подъ дождемъ, подставляетъ холодному вѣтру свою промокшую спину и стонетъ... пѣть онъ едва ли будетъ, какъ это дѣлаютъ иногда „обратные“, а, впрочемъ, можетъ быть, слушаетъ его тягучую пѣсню туманная степь, и вѣтеръ уноситъ ее, недопѣтую...

Въ комнату вошелъ невысокій коренастый человекъ въ духовной одеждѣ. Широко спитый съ громаднымъ воротникомъ кафтанъ его былъ забрызганъ грязью, шляпа помята и также въ грязи, а изъ-подъ ея широкихъ полей виднѣлись длинные бѣлокурые волосы. Новый пассажиръ внесъ съ собою небольшой чемоданчикъ и подушку.

— Ахъ ты, Господи Боже мой!.. все-то обляпано да перемочено! — ворчалъ онъ, разсматривая свой багажъ, дѣйствительно замазанный грязью и промокшій на дождѣ. Вновь прибывшій пассажиръ стащилъ съ себя кафтанъ, разматалъ съ шеи длинный теплый шарфъ и остался въ короткомъ и помятомъ въ дорогѣ

полукафтаныѣ. Онъ прошелся по комнатѣ, потирая руки и, остановившись возлѣ какого-то объявленія, прибитаго къ стѣнѣ, принялся читать, но скоро, очевидно, не отыскавъ необходимыхъ свѣдѣній, повель сощуренными глазами по стѣнѣ и быстро прошелъ въ двери, гдѣ висѣло росписаніе поѣздовъ той самой дороги, на одной изъ станцій которой мнѣ пришлось проскучать нѣсколько часовъ.

— Если вы, батюшка, въ У..., то намъ съ вами долго ожидать, почти цѣлыя сутки,—обратился я къ нему.

Онъ быстро обернулся, внимательно посмотрѣлъ на меня и, съ развальцемъ, подойдя ко мнѣ, отрекомендовался:

— Діаконъ Темновудринскій! честь имѣю представиться... Развѣ такъ долго придется ждать?—перемѣнивъ тонъ, переспросилъ онъ. Я повторилъ уже высказанное предположеніе, но это, видимо, не успокоило отца діакона. Вернувшись къ тому же росписанію, онъ долго и внимательно всматривался, водилъ перстомъ по цифрамъ и столбцамъ громаднаго листа и только уже послѣ того, убѣдившись во-очію, подошелъ ко мнѣ и со вздохомъ произнесъ:

— Да-а... согрѣшили мы съ вами... согрѣшили...

Я оправдывался передъ собесѣдникомъ и убѣждалъ его, что лично ничѣмъ, собственно, не согрѣшилъ, а во всемъ виноватъ башвирецъ.

— Погода скверная, это точно!.. Дороги у насъ тоже плохи—это неоспоримо!..—согласился и онъ:—Знаете что, чайку бы напиться, замерзъ я страсть какъ!..

Я кивкомъ головы согласился съ его предложеніемъ, и онъ быстро вышелъ. Немного спустя онъ вернулся и, какъ и прежде, потирая руки, сообщилъ, что самоварчикъ будетъ. Діаконъ перетасилъ къ столу свой чемоданчикъ, долго рылся въ немъ, перебирая какіе-то свертки и, наконецъ, вытянулъ со дня бутылку, обернутую въ полотенце и осторожно положилъ ее на столъ.

— Пока что... погрѣться хорошо бы... У меня, знаете ли, смородиновая настоечка...

Онъ слегка улыбнулся и досталъ изъ чемодана еще какой-то свертокъ.

— Попьемъ мы съ вами чайку, погрѣмся, да—Богъ дастъ—и дождемся поѣзда,—говорилъ онъ, разматывая длинное полотенце, и, наконецъ, обнаживъ бутылку съ настоечкой, подсѣлъ къ столу. Я смотрѣлъ на его богатырскія руки и толстые пальцы, которыми онъ развязывалъ веревку. Въ свертѣ оказалась жареная курица и нѣсколько сдобныхъ булочекъ. Доставъ изъ чемодана рюмку съ отбитой ножкой, онъ тщательно вытеръ по-

судину полотенцемъ и, какъ-то быстро всунувъ мнѣ въ руку рюмку, промолвилъ:

— Выкушайте-ка...

Я не отказался отъ его предложенія, въ свою очередь угостил его коньякомъ, и разговоръ между нами завязался. Отъ діаконъ разспросилъ меня, откуда и куда я ѣду, чѣмъ занимаюсь, а потомъ и самъ разсказалъ мнѣ, что онъ живетъ въ с. Булакѣ, заселенномъ „крещенами“.

— Житье наше, я доложу вамъ, самое ужасное! — говорилъ онъ о своей паствѣ и о селѣ, гдѣ та обитаетъ. — Глушь, я вамъ скажу, непоимѣрная! Вотъ до этой станціи пятьдесятъ слишкомъ верстъ!.. Дороги плохи — лѣса да буероги... Опять же народъ — совсѣмъ дикій... Вы понимаете — „крещены“!.. Это, знаете ли, выкресты изъ магометанъ... Ну-съ, крестили ихъ... да собственно не ихъ, а еще предковъ ихнихъ, но православная вѣра еще съ большимъ трудомъ и по сей часъ прививается... Батюшка-то нашъ тоже изъ крещеныхъ... Ему, конечно, нипочемъ среди нихъ, какъ будто среди своихъ живетъ, а вотъ мнѣ такъ трудненько... Кромѣ того, многіе изъ нихъ и до сихъ поръ не оставляютъ своего языка, прежняго-то, магометанскаго-то... Крестится, знаете ли, человекъ, въ храмъ Божій ходитъ, а говоритъ по-татарски... Какъ-то даже странно смотрѣть на нихъ!.. Придешь для какихъ-нибудь требъ, ну, тамъ отпѣвать или крестить кого, или что, а онъ говорить-говоритъ по-русски-то, а потомъ нѣтъ-нѣтъ, да и собьется на свой языкъ... Мученье съ ними страшное... Опять же насчетъ разныхъ приношеній — ужасно скупы! Церковь наша, если бы вы посмотрѣли, многого желать должна. Стѣны это, знаете ли, пустыя, иконостасъ недорогой, такъ — простенькій... Вообще, многого желать надо, многого...

Діаконъ не отказался отъ второй рюмочки, предложенной мною, и долго еще говорилъ о жизни въ мѣстности, заселенной крещенами. Причемъ, разсуждая, онъ часто вдавался въ такія подробности и старался разъяснить мнѣ такія элементарныя истины, какъ будто считалъ меня только что свалившимся съ луны.

— Но, вѣдь, говорятъ, въ вашей мѣстности постоянные неурожаи? Можетъ быть, поэтому, они такъ и скупы? — спрашиваю я.

— О, что тамъ — неурожаи!.. Я восьмой годъ живу на одномъ мѣстѣ, бывали за это время всякія дѣла — урожаи и неурожаи, а толкъ отъ нихъ одинъ!.. Нѣтъ, это такъ ужъ, нерадивый такой народъ! Отстали вотъ они отъ одной вѣры, да и въ другой-то не пристали... Въ русскомъ поселеніи куда лучше!..

Діаконъ вздохнулъ и тихо добавилъ:

— Годика два только и пришлось мнѣ пожить въ одномъ селѣ около города, а потомъ сюда назначили.. Тоже, знаете ли, теперъ семья: сына въ духовное училище опредѣлили, опять же черезъ годокъ - другой и дочурку надо куда-нибудь въ учение пристроить...

Намъ подали самоваръ, давно не чищенный и съ помятами боками; стаканы и блюда также не отличались чистотой. Отецъ діаконъ взялся хозяйничать.

— Ёду, знаете ли, я въ городъ, къ пресвященному. Думаю проситься у него—не переведетъ ли тутъ въ одно сельцо,—началь снова онъ, придвигая ко мнѣ стаканъ чая.

— Что же, вакансія свободна?

— Нѣтъ, а такъ... можетъ быть...

Отецъ діаконъ почему-то не докончилъ своей рѣчи и принялся отхлебывать чай большими и энергичными глотками, съ очевиднымъ намѣреніемъ какъ можно скорѣе наполнить желудокъ теплой жижицей въ надеждѣ поскорѣе отогрѣть прозябшіе члены.

На платформѣ загремѣли рѣдкіе и звонкіе удары волокола. Діаконъ вздрогнулъ и, поставивъ блюдо на столъ, насторожился:

— Что такое?.. поѣздъ?..

— Вѣроятно изъ У., а можетъ быть, товарный..

Минуть пять спустя послышался отдаленный свистокъ паровоза и какой-то протяжный гулъ, причемъ я чувствовалъ, что диванчикъ подо мною дрожить. По запасному пути тихо продвинулся товарный поѣздъ и остановился. Діаконъ стоялъ у окна и усталымъ взоромъ слѣдилъ за движущимися вагонами. Вдругъ онъ сорвался съ мѣста и воскликнулъ:

— Батюшки! Никакъ это Никифоръ Андреичъ! Вотъ-то бы встать!

Онъ схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ на платформу. Минуту спустя онъ велъ за собою низенькаго и толстаго человека. Это былъ темнорусый коренастый мужчина въ драповомъ пальто поверхъ синей чуйки и въ громадныхъ сапогахъ бутылками. Когда онъ снялъ съ головы картузь, я увидѣлъ широкій лысый черепъ. Глазки его, сѣренькіе и узенькіе, привѣтливо улыбались въ сторону діакона, а голосъ звучалъ густыми и пріятными нотками низкаго баса.

— Изъ Сурина, изъ Сурина, отецъ діаконъ—лошадокъ покупалъ! Да вотъ, видите ли, на товарномъ пришлось пріѣхать, потому тамъ несчастье...—говорилъ онъ.

— Что такое?

— Да... крушеніе поѣзда...

— Да что вы?..

— Да-а... паровоза да двухъ вагоновъ какъ не бывало—въ щепы!.. костей тоже по-поломало не мало...

Купецъ раздѣлся, потеръ лысину и охотно согласился на предложеніе діакона присѣсть за чай. Изъ разговора повстрѣчавшихся я узналъ, что оба они изъ одной и той же мѣстности. Нѣсколько разъ назывались деревни и села, о которыхъ я уже слышалъ отъ діакона.

— Вотъ только нашъ старичокъ, влючевскій діаконъ, плохъ: заболѣлъ отъ огорченія...

— Да, да... плохъ, говорятъ, слышалъ я объ этомъ...—согласился и діаконъ.

— Ивана Иваныча въ Б. встрѣтилъ, говорилъ, что въ заштатъ его хотятъ, вотъ онъ и огорчился...—Купецъ покосился на діакона и спросилъ:—Говорятъ, вы на его мѣсто проситесь?..

Діаконъ, очевидно, не ожидалъ этого вопроса и немного смутился, мелькомъ взглянувъ въ мою сторону.

— То-есть, какъ это?.. Я не говорилъ... Человѣкъ еще живъ... Господи Иисусе Христе!.. развѣ мы вороны какіе, что на пададь слетаются...

Наступило неловкое молчаніе. Діаконъ, что называется, приросъ къ блюдцу, а купецъ пилъ чай медленно и кряхтѣлъ.

— Что это вы, батенька мой, на такую погоду глядя, въ городъ надумали?—началъ послѣ неловкаго молчанія купецъ.

— Да такъ... знаете ли... сыновъ вѣдь у меня въ городъ... Такъ вотъ изъ училища написали, что прихворнулъ немного, ну да и скучаетъ, тоже вѣдь первый годъ въ чужомъ городъ...

— Ага... ну, это такъ...

— А я еще не отблагодарилъ васъ. Никифоръ Андреичъ, за бычка-то!—началъ діаконъ съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, полноте, развѣ мнѣ жалко!.. Племя у васъ чудесное будетъ, вѣдь онъ у меня—черкасскій...

Съ разговора о хозяйствѣ мои новые знакомые перешли на тему о томъ несчастіи, о которомъ упоминалъ купецъ, только что появившись. Оказалось, что нынче утромъ было разоблачено срашное преступленіе. Злоумышленникъ развинтилъ гайки, скрѣпляющія рельсы, а поперекъ пути наложилъ шпаль. Машинистъ проходившаго утренняго поѣзда за туманомъ не разсмотрѣлъ ужасной ловушки, результатомъ чего и было крушеніе. Пострадавшими оказались машинистъ, его помощникъ и нѣсколько человѣкъ пассажировъ.

— Говорятъ, кондуктора сильно разбило—не выживетъ, да еще какой-то башкиринъ пострадалъ, ну а остальные-то... ничего...—закончилъ сообщеніе купецъ.

Скоро отыскался и виновникъ преступленія. Это былъ черно-рабочій на одной изъ ближайшихъ станцій. Давно ожидая вакансіи на должность сторожа, онъ рѣшился подвести своего счастливаго соперника, одного изъ дорожныхъ сторожей, съ этой цѣлью и приготовилъ для поѣзда ловушку, надѣясь, что послѣ катастрофы начальство разгнѣвается на нерадиваго служащаго и на мѣсто его опредѣлитъ кандидата.

— Ахъ, ты, нехристь какой!.. А!.. Вотъ-то!..—всплескивалъ руками и горячился отъ діаконъ. — Вѣдь это какое преступленіе-то! Господи!.. да вѣдь ему прощенія не будетъ!..

Онъ долго еще говорилъ на эту тему, приводя даже тексты изъ священнаго писанія и стараясь внушить намъ съ купцомъ весь ужасъ преступленія злосчастнаго кандидата.

Въ преступленіи послѣдняго отецъ діаконъ насчитывалъ нѣсколько грѣховъ: во-первыхъ, то, что эготъ преступникъ задумалъ обмануть начальство, во-вторыхъ, обманулъ бы и другихъ, напримѣръ, слѣдственную власть, если бы преступленіе не такъ скоро открылось, въ-третьихъ, посягалъ на благополучіе сторожа и его семьи и, наконецъ, поѣздъ могъ разлетѣться въ дребезги и тогда сколько душъ погибло бы!..

— Звѣрь-человѣкъ... звѣрь-человѣкъ! — глубоко вздохнувъ, произнесъ онъ послѣ паузы.

Немного спустя онъ поднялся, нахлобучилъ на лобъ шляпу и вышелъ. Купецъ съ усмѣшкой на устахъ посмотрѣлъ въ его сторону и, когда за діакономъ захлопнулась дверь, тихо проговорилъ, поддѣлываясь подъ его тонъ:

— Звѣрь-человѣкъ... — и, указывая чрезъ плечо большимъ пальцемъ руки на дверь, добавилъ: — отецъ-то діаконъ, знаешь, зачѣмъ ѣдетъ въ преосвященному?..— Онъ еще ехиднѣе посмотрѣлъ на дверь и, слегка склонившись въ мою сторону, пояснилъ: — тоже духовное лицо... Господи, Господи!.. А вотъ посмотрѣли бы вы, что они тамъ съ діакономъ нашимъ, со старикомъ Христофоровымъ дѣлають... Старикъ онъ, вуча ребятъ, жена больная... А они и хотятъ, чтобы его за штатъ зачислили, а на его мѣсто вотъ этому діакону хочется... У насъ въ Ключахъ его братецъ двоюродный тоже вторымъ діакономъ... Ужъ я знаю все, что дѣлается, потому я третье трехлѣтіе въ церковныхъ старостахъ...—принялся почему-то увѣрять меня купецъ.

— Недавно какъ-то прихожу къ Христофорову—жалуется сердешный!.. „Хотятъ, говорить, меня со свѣта сжить! Слабъ, говорить, я и старъ, а все же службу исполняю“. И правда, никто на него не пожалуется... Онъ-то вотъ, братецъ-то Чернокудринскаго, всему дѣлу голова выходитъ, всѣ онъ эти каверзы-

то и творить!.. Конечно, Христофоровъ уйдетъ, онъ на его мѣсто вступитъ, а этому-то свою вакансію предоставитъ!.. Вотъ, въ городъ тащитса, смотрите-ка что-нибудь зачуяли!..

Въ комнату вошелъ отъ діаконъ, и купецъ смолеъ.

— Дождь еще сильнѣе пошелъ! — вставилъ діаконъ, переступая порогъ. За нимъ слѣдомъ вошелъ сторожъ. Съ какой-то сладенькой улыбочкой поклонился онъ купцу и принялся зажигать лампы. Когда комнату озарилъ красноватый свѣтъ, лица діакона и купца показались мнѣ блѣдными и утомленными. Діаконъ расхаживалъ изъ угла въ уголь и, видимо, о чемъ-то размышлялъ; купецъ сидѣлъ молча, барабани пальцами по ручей дивана и уставившись глазами въ одну точку. Молчаніе это показалось мнѣ какимъ-то необычнымъ, какъ будто всему этому виною свѣтъ лампъ. Сидѣли люди въ комнатѣ и разсуждали на извѣстныхъ опредѣленныхъ темы, а тутъ вдругъ свѣтъ словно спугнулъ всѣ мысли, а теперь люди какъ будто налаживаются и обдумываютъ, о чемъ говорить дальше?.. Купецъ началъ первымъ. Онъ привазалъ сторожу убрать самоваръ и посуду, а когда тотъ исполнилъ приказаніе, онъ вынулъ изъ кошелька пятіалтынный и бросилъ его на поднось.

— А какъ у васъ тамъ, Никифоръ Андреичъ, съ Ивановской-то дачей, устроилось что-нибудь? — спросилъ діаконъ, останавливаясь около купца. Тотъ посмотрѣлъ на него и промолчалъ. Этимъ взглядомъ, казалось, выразался вопросъ: „а какое вамъ, отецъ діаконъ, дѣло?“ Немного помолчавъ, купецъ, однако, отвѣтилъ:

— Съ Ивановской дачей, отецъ діаконъ, дѣла не простыя! Пять тысячъ-то моихъ, вѣрно, ухнутъ!

— Да что вы?..

— Та-акъ!.. Управляющій-то этотъ, нѣмецъ-то, оказалось не управляющій, а прохвостъ!.. да и я-то дурака сыгралъ! Онъ не смѣлъ запродажной совершать, а я не могъ покупать, потому — Ивановская дача — маіоратная!.. Нѣмецъ денежки получилъ, да и укатилъ въ свою Пруссію! Поди да вотъ ищи его тамъ!..

Купецъ опустилъ голову и опечалился.

— Ну, да вамъ особенно что же горевать, сосновская земелька выручить, — утѣшалъ его отецъ діаконъ. При имени Сосновки я посмотрѣлъ на купца и подумалъ, ужъ не этотъ ли сосновскій благодѣтель, при которомъ „не дыхнуть?“ Дальнѣйшее подтвердило мое предположеніе.

— Да, выручить! — иронически согласился купецъ. — Надо ночи не спать, чтобы она выручила, а опять же съ мужиками... Вы думаете, отецъ діаконъ, нашему брату денежки легко достаются?.. — вдругъ перемѣнивъ тонъ, обратился онъ къ собесѣднику и даже побагровѣлъ съ лица.

— Денежки безъ труда не достаются, что объ этомъ говорить!— соглашался діаконъ.

— То-то вотъ! Съ ними, съ проклятыми сосновцами, ввоешь! Рукавицы-то ежовыя надо одѣть, чтобы ихъ взять да съ мѣста стряхнуть!.. Вотъ они у меня луга арендовали, да пахоти десятины сто. Сѣна-то собрали да и хлѣбъ-то смолотили, а денегъ-то уплатили только половину... Судись съ нимъ каждый день да описывай у нихъ разную рухлядь! У меня дѣла, на Казанскую надо въ Б. ѣхать на ярмарку—а-нъ тутъ по сосновскому дѣлу въ судъ вызываюсь...

Купецъ немного помолчалъ и добавилъ:

— Въ нашу-то шкуру, отецъ діаконъ, не легко пролѣзть, а посмотрѣли бы вы, что подъ этой шкурой дѣлается?.. Вы вотъ отслужите свою службу, придете домой, откушаете чайку, да и ляжете спать, а мнѣ въ иную ночь глазъ не сомкнуть...

— Ну, тоже и камъ, духовнымъ, не легко живется...— вздохнулъ отецъ діаконъ.

Его лицо какъ-то сразу вытянулось и поблѣднѣло, глаза потускнѣли и самъ онъ весь съежился. Купецъ сидѣлъ, уставившись задумчивыми глазами куда-то въ одну точку и негромко барабанилъ пальцами по столу.

Немного спустя, мы всѣ начали обсуждать вопросъ о ночлегѣ. Какъ-то сама собою разрѣшилась эта не мудрая задача: купцу пришлось уступить мягкій диванъ, діаконъ, жалуясь на свою „забкость“, порѣшилъ устроиться у печи, а на мою долю остались три вѣнскихъ стула у окна.

Я вышелъ въ полутемный залъ третьяго класса. Здѣсь также были пассажиры, ожидавшіе поѣзда. Въ углу около холщевой котомки и сундучка дремала старушка, на лавкѣ спалъ мальчуганъ, подложивъ полъ голову собственную руку. У двери на лавкѣ сидѣли двое башкиръ, разсуждая о чемъ-то вполголоса. Не прерывая бесѣды, они осматрѣли меня сонными глазами и потомъ, понизивъ голосъ, сокрушенно закивали головами.

Я вышелъ на платформу. Ночь была темная, дулъ вѣтеръ, шелъ мелкій осенній дождь. На бревенчатый помостъ платформы ложились полосы свѣта, падавшія изъ оконъ комнаты, гдѣ устраивались на ночлегъ мои собесѣдники. Свѣтъ переползалъ чрезъ рельсы, попутно озарялъ кучу дровъ за полотномъ дороги и толнулъ въ сумракъ...

Сумрачная степь разстилалась во всѣ стороны отъ станціи, и чѣмъ-то угрюмымъ и суровымъ вѣяло изъ темной дали. Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда пріѣхалъ. Темнымъ пологомъ ночи были завѣшаны отъ меня и степь, и невысокіе холмики,

по которымъ пришлось пробираться по грязнымъ извилистымъ дорогамъ, и дремучіе лѣса, съ угрюмымъ обитателемъ лѣсной Башкиріи...

И мнѣ снова припомнилась Сосновка, куда я случайно попалъ въ первый разъ въ жизни, припомнилась и та башкирская деревушка, въ которой нашелся смѣльчакъ, рѣшившійся доставить меня на станцію въ непогоду по грязной дорогѣ... Добрался ли онъ засвѣтло до своей хаты? иль, можетъ быть, еще тащится въ непогожую ночь, проклиная злосчастный день? И какія мысли навѣваетъ ему эта темная, непогожая ночь?.. Можетъ быть, въ такую же ночь и „звѣрь-человѣкъ“ обдумалъ свою страшную думу, крадучись подползъ къ рельсамъ и развинтилъ гайки...

Я дошелъ до конца платформы. Мелкій дождь орошалъ мнѣ лицо, вѣтеръ срывалъ съ головы шляпу. По сторонамъ лежала безграничная нѣмая степь...

Много тайнъ хранить она въ безмолвномъ сумракѣ...

Вас. Бруснянинъ.

Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крепостного права въ Россіи.

Существуютъ историческіе вопросы, для рѣшенія которыхъ современные изслѣдователи располагаютъ значительнымъ матеріаломъ, обильными данными источниковъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ, несмотря на достаточный запасъ фактовъ и даже на одинаковое знакомство съ ними разныхъ изслѣдователей, между этими послѣдними возможны большія разногласія, но разногласія эти будутъ зависѣть не отъ количества и качества матеріала, а отъ таланта отдѣльныхъ лицъ, отъ степени ихъ проникательности, отъ ихъ критическаго чутья, отъ широты ихъ воззрѣнія, отъ глубины знаній. Если при этомъ и будетъ открытъ какой-нибудь новый, неизвѣстный прежде источникъ, то самое большее, что онъ дастъ, будетъ заключаться въ нѣкоторой болѣе или менѣе ожидаемой поддержкѣ одного изъ борющихся воззрѣній въ ущербъ другимъ; совершенно новаго и неожиданнаго при наличности значительнаго уже изученнаго матеріала ожидать трудно, чтобы не сказать невозможно.

Не то въ научныхъ историческихъ вопросахъ, матеріалъ для рѣшенія которыхъ скуденъ. Здѣсь каждую минуту можно ожидать находки, которая въ состояніи броситъ совершенно новый свѣтъ на дѣло, подаритъ намъ сюрпризомъ, произвести цѣлый переворотъ въ болѣе или менѣе установившихся воззрѣніяхъ. Къ числу такихъ скудно представленныхъ матеріаломъ и потому наиболѣе спорныхъ вопросовъ принадлежатъ, между прочимъ, и вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крепостного права въ Россіи.

Въ подготовкѣ всякой реформы слѣдуетъ, несомнѣнно, различать двѣ стороны,—реальную и идейную. Прежде чѣмъ идея извѣстнаго преобразования приметъ опредѣленные стройныя очертанія, прежде чѣмъ она сложится какъ нѣчто законченное и—главное—практически-осуществимое, должна произойти глубокая и неотвратимая перемѣна въ реальныхъ житейскихъ условіяхъ, перемѣна, которая подчеркнула бы невозможность сохраненія старины и указала бы пути съ созданію новыхъ порядковъ. Такой реальной перемѣны, подготовившей крестьян-

скую реформу 19-го февраля 1861 года, изслѣдователи ищутъ по преимуществу въ хозяйственныхъ условіяхъ первой половины XIX вѣка, въ тѣхъ новыхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя обнаружались въ русской дѣйствительности, къ 40-мъ и 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія. Говоря вообще, можно различить два основныхъ воззрѣнія на вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Типическимъ представителемъ одного изъ нихъ является Заблоцкій-Десятовскій, выразителемъ другого надо признать П. Б. Струве.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей напечаталъ въ IV томѣ своего сочиненія «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» составленную имъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ «Записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и ярко провелъ въ ней мысль, что крѣпостное право уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка было невыгодно для русскаго *земледѣльческаго* хозяйства, что русское земледѣліе уже тогда нуждалось въ вольнонаемномъ трудѣ, болѣе производительномъ, и потому, несмотря на большую дороговизну, болѣе выгодномъ, чѣмъ подневольный, крѣпостной. Это положеніе авторъ доказываетъ ссылками на рядъ наблюденій своихъ надъ доходностью земледѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, и цифровыми выкладками, обнаруживающими болѣе слабую доходность предпріятій, организованныхъ на основѣ крѣпостной барщины *). Наблюденія надъ *отдѣльными* на выборъ взятыми хозяйствами,—вотъ основной матеріалъ, на которомъ строить авторъ свои заключенія. Конечно, этотъ матеріалъ имѣетъ свою цѣнность, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ достаточно обиленъ, а этого какъ разъ и нельзя здѣсь сказать. Нужно ждать его пополненія и всѣми зависящими отъ насъ средствами содѣйствовать его пополненію, но теперь строить на такомъ матеріалѣ всю теорію можно лишь гипотетически.

Есть, однако, другой матеріалъ,—свидѣтельства о степени развитія земледѣльческой барщины наканунѣ освобожденія сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда крѣпостное право достигало своего полного развитія,—съ XVIII вѣкомъ. Если будетъ доказано, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ барщиной, сократилось, и что это сокращеніе было вызвано не посторонними вліяніями, а условіями именно *земледѣльческаго* хозяйства, то, очевидно, въ земледѣліи слѣдуетъ искать основной причины паденія крѣпостного права, т.-е. Заблоцкій-Десятовскій правъ. Уже въ 1881 г. г. Семеновскій вычислилъ процентъ барщинныхъ (издѣльныхъ) крестьянъ въ 13-ти губерніяхъ въ XVIII в. и въ половинѣ XIX, причемъ оказалось, что изъ восьми нечерноземныхъ губерній только въ двухъ—Тверской и Новго-

*) Заблоцкій-Десятовскій, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», томъ IV. Спб. 1882 г., стр. 281—284.

родской—процентъ барщинныхъ крестьянъ увеличился: въ первой съ 54-хъ въ XVIII в. до 60-ти въ половинѣ XIX ¹⁾, во второй съ 51% до 54,5% ²⁾; въ остальныхъ шести губерніяхъ нечерноземной полосы процентъ барщинныхъ крестьянъ уменьшился: въ Вологодской съ 17-ти (XVIII в.) до 16-ти (полов. XIX в.), въ Костромской съ 15 до 12,5 въ Ярославской съ 22 до 12,5 ³⁾, въ Псковской съ 79 до 71 ⁴⁾, во Владимирской съ 50 до 30 и въ Московской губерніи съ 54-хъ % до 32-хъ ⁵⁾. Въ послѣднее время къ этому прибавлены еще цифры по двумъ нечерноземнымъ губерніямъ, Олонецкой, гдѣ въ XVIII в. было 34% издѣльныхъ крестьянъ, и въ половинѣ XIX 28%, и Смоленской, гдѣ % барщинныхъ крестьянъ повысился съ 70 до 73-хъ ⁶⁾. Это добавленіе, однако, мало мѣняетъ общее впечатлѣніе, такъ что можно вообще сказать, что барщина въ нечерноземныхъ губерніяхъ шла въ XIX вѣкѣ на убыль. Но г. Струве, заподозривая достовѣрность приведенныхъ г. Семейскимъ цифръ для XVIII в., полагаетъ, что барщина постепенно развивалась въ XIX в. ⁷⁾. При томъ же не надо забывать, что, какъ это уже и отмѣчено въ литературѣ, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не условиями земледѣлія, а развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ выгодной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику. Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ губерніяхъ въ большинствѣ случаевъ замѣтенъ ростъ барщиннаго труда и вообще его широкое примѣненіе. Уже г. Семейскій констатировалъ, что въ Тульской губерніи въ XVIII в. было 92% барщинныхъ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. 75%, для Курской губерніи соотвѣтствующія цифры 92 и 74 ⁸⁾, для Воронежской 53 ⁹⁾ и 55,5 ¹⁰⁾, Орловской 66 и 72 и Пензенской 48 и 75% ¹¹⁾. Если къ этому приба-

¹⁾ Г-жа Игнатовичъ исправляетъ послѣднюю цифру на 59: *И. Игнатовичъ*, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія»,—«Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47.

²⁾ У г-жи Игнатовичъ 54,4% (тамъ же).

³⁾ У г-жи Игнатовичъ 12,6% (тамъ же).

⁴⁾ По вычисленію г-жи Игнатовичъ, 77% (тамъ же).

⁵⁾ *В. Семейскій*. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». Сиб., 1881, стр. 48.

⁶⁾ *И. Игнатовичъ*, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія». «Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47.

⁷⁾ *П. Струве*. «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.». «Міръ Вожій» за 1899 г., № 12, стр. 272—274.

⁸⁾ У г-жи Игнатовичъ 75,5% («Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47).

⁹⁾ У г-жи Игнатовичъ 36 (тамъ же).

¹⁰⁾ У г-жи Игнатовичъ 55 (тамъ же).

¹¹⁾ *Семейскій*. «Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II», стр. 48.

вить еще губерніи Тамбовскую, Рязанскую и такія получерноземныя губерніи, какъ Нижегородская и Калужская, то впечатлѣніе нѣкотораго роста издѣлія и, во всякомъ случаѣ, значительной его распространенности въ черноземной полосѣ еще усилятся: правда, въ Рязанской губерніи $\%$ издѣльныхъ съ 81-го (въ XVIII в.) понизился до 62-хъ (въ половинѣ XIX ст.), но въ другихъ онъ или повысился, какъ въ Нижегородской съ 18 до 32, въ Калужской съ 42 до 45, или не измѣнился, какъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII в. и въ половинѣ XIX сидѣло на барщинѣ 78 $\%$ крѣпостныхъ крестьянъ *). Это увеличеніе барщиннаго труда въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ и даетъ право г-ну Струве отрицать вліяніе земледѣльческаго хозяйства на паденіе крѣпостныхъ отношеній: по его мнѣнію, земледѣліе и въ половинѣ XIX в., вопреки Заблоцкому-Десятовскому, соотвѣтствовало условіямъ крѣпостнаго права, было къ нимъ вполне приспособлено, такъ что реформа 19-го февраля была вызвана необходимостью создать вольнонаемныхъ рабочихъ для обрабатывающей фабричной промышленности, въ которой—и только въ ней одной—и слѣдуетъ искать экономическихъ причинъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи.

Нельзя сказать, чтобы и матеріалъ, касающійся распространенія барщины, былъ безукоризненъ, если его разсматривать критически: оставляя въ сторонѣ сомнѣнія г-на Струве относительно цифръ XVIII вѣка, можно отмѣтить, что всѣ приведенныя цифры охватываютъ всего 19 губерній, что не очень много. Къ тому же губернія—слишкомъ обширная территориальная единица, включающая въ себѣ районы нерѣдко очень различныя въ экономическомъ отношеніи, такъ что для того, чтобы уяснить вліяніе именно *земледѣльческаго* производства на формы труда, необходимо выдѣлить изъ территоріи отдѣльныхъ губерній чисто земледѣльческіе районы и изучить ихъ съ данной точки зрѣнія, что совершенно не сдѣлано. Такимъ образомъ, и употребившійся до сихъ поръ методъ изученія распространенности барщины безупреченъ.

Очевидно, что при такомъ состояніи источниковъ всякое новое свидѣтельство, могущее бросить неожиданный свѣтъ на вопросъ, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Пишущему эти строки случайно удалось наткнуться на подобное свидѣтельство. Въ 1873 году московскій губернский предводитель дворянства, князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, владѣвшій имѣніями въ разныхъ полосахъ Россіи, между прочимъ въ нечерноземной Московской и черноземной Воронежской губерніяхъ, и бывшій хорошимъ хозяиномъ-практикомъ и предсѣдателемъ только что основаннаго тогда Московскаго Общества улучшенія скотоводства въ Россіи, написалъ

*) *Изматовичъ*. «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія»—«Рус. Вѣстникъ» за 1900 г., № 9, стр. 47.

письмо тогдашнему министру государственныхъ имуществъ, прося у него ежегоднаго казеннаго пособия Обществу улучшенія скотоводства. Письмо это заключаетъ въ себѣ не мало вообще интересныхъ замѣчаній, но для насъ въ настоящее время важна въ немъ одна подробность, относящаяся какъ разъ къ земледѣльческому хозяйству степныхъ, черноземныхъ губерній наканунѣ освобожденія крестьянъ, причемъ мы не должны забывать, что степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это—губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги. Вотъ что писалъ объ этой области князь Мещерскій: «Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлебовъ и травы дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевая работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинскихъ губерній» *).

Съ перваго же взгляда ясно, какое серьезное значеніе имѣетъ приведенное свидѣтельство, особенно подчеркнутыя нами слова, для изученія экономическихъ причинъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи. Передъ нами открываются сразу совершенно неожиданныя перспективы: такъ, до сихъ поръ думали, что крестьянская реформа сильнѣе и вреднѣе отразилась на помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы, чѣмъ нечерноземной; князь Мещерскій констатируетъ противное; да-дѣ: сильную распространенность барщины на черноземѣ привыкли призывать сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что въ этой полосѣ земледѣліе покоилось всецѣло на крѣпостной основѣ; между тѣмъ оказывается, если вѣрить князю Мещерскому, что вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва-ли не большую и во всякомъ случаѣ не меньшую роль, нежели барщинный подневольный; наконецъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ рѣзко подчеркивается необходимость освобожденія крестьянъ въ Малороссіи, выдѣлявшей въ отходъ значительный контингентъ изъ состава крестьянскаго населенія. Все это очень характерно, оригинально и неожиданно, достаточно неожиданно, чтобы направить мысль изслѣдователя на новые пути, поставить передъ нимъ новыя задачи.

Эти задачи заключаются въ повѣркѣ оригинальныхъ заключеній, необходимо слѣдующихъ изъ приведеннаго свидѣтельства. Насколько пострадало помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній отъ отнятія крѣпостнаго права? Какъ великъ былъ контингентъ пришлыхъ вольнонаемныхъ рабочихъ сравнительно съ барщинными крѣпостными въ

*) Архивъ Московскаго Дворянства, дѣло № 16, за 1873 годъ, «Частная переписка», л. 31 об.

каждой изъ этихъ губерній? Откуда приходили эти вольнонаемные рабочие? Вотъ три основныхъ вопроса, которые необходимо выдвинуть на первый планъ при изученіи земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства въ черноземной полосѣ Россіи передъ реформой 19 февраля 1861 года. Передъ важностью этихъ вопросовъ блѣднѣютъ цифры, указывающія на примѣненіе барщины и получающія совершенно иной смыслъ, если подтвердится фактъ сильнаго прилива вольнонаемныхъ рабочихъ со стороны.

Свидѣтельство князя Мещерскаго есть, конечно, не болѣе, какъ только единичное указаніе въ опредѣленномъ направленіи и, какъ таковое несомнѣнно подлежитъ критикѣ и повѣркѣ иными матеріалами. Не надо однако забывать, что это говоритъ хозяинъ-практикъ, хорошо знакомый съ условіями и формами земледѣльческаго производства въ обѣихъ полосахъ, черноземной и нечерноземной, и что этому хозяину-практику совершенно незначѣтъ было вводить напраслину на помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній въ послѣднее время существованія крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему а priori можно признать за приведеннымъ свидѣтельствомъ значительную степень достовѣрности, а если такъ, то взглядъ Заблоцкаго - Десятовскаго получаетъ неожиданное и довольно надежное подкрѣпленіе: очевидно, экономическихъ причинъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи надо искать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, игнорировать вліяніе которой впрочемъ нельзя, но и въ области земледѣльческаго производства. Да и въ самомъ дѣлѣ: было бы странно, если бы такая великая, можно сказать всеобъемлющая перемѣна, какою является уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, обязана была своимъ происхожденіемъ вліянію исключительно одной лишь сравнительно второстепенной отрасли производства обрабатывающей промышленности, тогда какъ главный нервъ народнаго хозяйства Россіи того времени—земледѣліе—не только не подготовлялъ этой перемѣны, но даже будто бы стоялъ въ противорѣчій къ ней.

Надо думать, что читатель согласится съ нами, если мы признаемъ вновь найденное свидѣтельство чрезвычайно важнымъ и во всякомъ случаѣ сильно обостряющимъ интересъ къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи. Правильное разрѣшеніе этого вопроса зависить отъ спасенія, обнародованія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, прихода-расходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть. Его спасеніемъ каждый можетъ сказать неоцѣнимую услугу русской исторической наукѣ.

Н. Рожковъ.

ГОГОЛЕВСКИЙ СТИЛЬ.

(*И. Мандельштам*, проф. гельсингфорскаго университета. «О характерѣ гоголевскаго стиля». Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ» 1902).

«У всякаго человѣка—свой носъ и свой слогъ», сказалъ когда-то Лессингъ. Въ этомъ шутовомъ афоризмѣ заключена глубокая и вѣрная мысль: какъ носъ, самая выдающаяся часть лица, опредѣляетъ его выраженіе, такъ же точно и слогъ писателя, т.-е. его творческое отношеніе къ народной рѣчи, опредѣляетъ его литературную физиономію. Въ особенностяхъ слога сказываются, можетъ быть, даже и безсознательно для писателя, особенности его духа и міросозерцанія, его отношеній къ окружающей жизни и ея явленіямъ; по слогу мы судимъ о самобытности и оригинальности писателя, а слѣдовательно, и о степени его творческаго дарованія, и въ нашемъ представленіи о писателѣ впечатлѣніе, полученное отъ его слога, неотдѣлимо отъ впечатлѣнія, даннаго содержаніемъ его произведеній. Чѣмъ сильнѣе и ярче талантъ писателя, тѣмъ своеобразнѣе его слогъ, тѣмъ богаче его словарь, которымъ, въ свою очередь, обогащаются позднѣйшія литературныя поколѣнія. Поэтому характеристика писателя со стороны его слога должна служить необходимымъ и цѣннымъ дополненіемъ къ характеристикамъ его литературной дѣятельности. Другими словами—исторія языка должна быть необходимою частью исторіи литературы.

Къ сожалѣнію, наши историки литературы до сихъ поръ обращаютъ очень мало вниманія на эту сторону дѣла. Даже въ изслѣдованіяхъ о той порѣ, когда вопросъ о стилѣ стоялъ на первомъ планѣ въ нашей словесности, вопросъ этотъ трактуется очень поверхностно и небрежно. Языкъ и слогъ нашихъ великихъ писателей остается неизученнымъ, неуясненнымъ. Такое изученіе, конечно, требуетъ внимательнаго и кропотливаго труда; но будучи поставлено на правильную основу, оно будетъ далеко отъ простаго «буквоѣдства»: раскрытіе стилистическихъ приѣмовъ писателя, выясненіе его творчества въ области языка поможетъ уяснить и его характеръ; слогъ явится какъ бы «зеркаломъ души». А подобная работа надъ писателемъ, разумѣется, стоитъ труда и вниманія.

Такую, именно, задачу поставил себѣ проф. Мандельштамъ въ интересномъ изслѣдованіи, съ общими выводами котораго мы стараемся познакомить читателя. Предметомъ своего изученія онъ выбралъ какъ разъ наиболѣе своеобразнаго и характернаго представителя нашей новой литературы,—Гоголя, стиль котораго отличается особенною творческою оригинальностью и, можно сказать, неисчерпаемымъ богатствомъ.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія русскій поэтический языкъ, какъ и языкъ литературный, былъ дѣломъ новымъ, еще только достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, больше—любителей, и вовсе не стоялъ на такой высотѣ, чтобы служить вѣрнымъ выраженіемъ жизни. Многие люди, стоявшіе во главѣ общества, превосходно излагали свои мысли на французскомъ языкѣ, а по-русски писали самымъ неуклюжимъ образомъ,—точно съѣзжали, по выраженію Аксакова, съ торной дороги на жесткія глыбы только что поднятой нивы.

И дѣйствительно, нива была только что поднята.

Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому писателю, внесшему въ литературу *народную* рѣчь, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ языкомъ не писалъ и Пушкинъ. Оттого-то изученіе гоголевскаго стиля и представляетъ особый, исключительный интересъ.

Для правильнаго рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ особенностей языка и слога отдѣльнаго писателя, необходимо, прежде всего, опредѣлить границы этого изученія. Эта внѣшняя сторона литературной дѣятельности писателя, какъ и внутреннее ея содержаніе, несомнѣнно, находится въ тѣснѣйшей органической связи со всѣмъ предшествующимъ развитіемъ народнаго языка и литературы. Вѣдь поэтъ можетъ проявлять свою личность лишь настолько, насколько это допускается народнымъ языкомъ; помимо своей воли, онъ повинуется законамъ языка своей страны, всего народа. Преобразовать языкъ онъ не въ силахъ. Наоборотъ, гений писателя расцвѣтаетъ вмѣстѣ съ расцвѣтомъ генія народа и гибнетъ вмѣстѣ съ паденіемъ и вымираніемъ народнаго языка, несмотря на то, что каждая личность вноситъ кое-что свое въ общую сокровищницу.

Такимъ образомъ, языкъ народа, народомъ же созданный и впродолженіи его исторической жизни все вновь и вновь создаваемый, обуславливаетъ предѣлы творчества отдѣльнаго лица и самый характеръ его мышленія. Это такъ же естественно, какъ естественна зависимость нашего физическаго существа отъ климата, почвы, пищи и пр.

При могуществѣ языка народа, значеніе усилій отдѣльныхъ личностей въ созиданіи языка сравнительно ничтожно. Писатель всегда строитъ свой языкъ и слогъ на основаніи уже данномъ, готовомъ; онъ не *изобрѣтаетъ* словъ, а только *видоизмѣняетъ* ихъ въ примѣненіи къ рѣчи. Однако, это видоизмѣненіе въ употребленіи словъ можетъ при-

нять такіе размѣры, что личность писателя становится замѣтной величиной—и, какъ таковая, подлежитъ отдѣльному изслѣдованію.

Слово само по себѣ—еще не образъ, не художественное созданіе: оно является такимъ только въ сочетаніи съ другими словами, въ предложеніи, въ цѣлой, законченной картинѣ. Слѣдовательно, оригинальность художественнаго языка писателя болѣе всего зависитъ отъ выбора отдѣльныхъ словъ для такого или иного ихъ сочетанія и отъ разнообразія этихъ сочетаній. Поэтъ является оригинальнымъ въ примѣненіи уже готоваго запаса словъ и выраженій къ способу изображенія предметовъ и явленій изъ міра вѣшняго и внутренняго.

Говоря о пользованіи словомъ, необходимо помнить, что языкъ былъ бы безсиленъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ мысли, если бы на каждое представленіе требовалась наличность соотвѣтствующаго новаго звукового сочетанія. Языкъ богатъ и мощенъ тѣмъ, что одному и тому же слову придается различное значеніе, въ зависимости отъ сочетанія этого слова съ другими. Одно и то же слово мы, можно сказать, ежеминутно употребляемъ въ самыхъ различныхъ значеніяхъ, которыя опредѣляются, конечно, его сочетаніемъ съ другими словами. Возьмите, на примѣръ, глаголь «хватить» и сравните его значеніе въ такихъ фразахъ, какъ «хватилъ стаканъ водки», «хватилъ стаканъ обѣ полъ», «хватилъ кулакомъ по столу», «не хватило денегъ», «экъ, куда хватилъ!» и т. д.

Такимъ образомъ, съ перваго же взгляда видно, что творчество въ сферѣ языка заключается всего болѣе въ индивидуальномъ *примѣненіи* словъ въ предложеніи. Малѣйшее измѣненіе въ условіяхъ, въ какія поставлено слово, измѣняетъ смыслъ рѣчи, вызываетъ новое чувство, новое представленіе. Несмотря на то, что языкъ народа стѣсняетъ писателя, ставитъ ему извѣстныя непереходимыя грани, этотъ языкъ, все-таки, каждый разъ сызнова создается мыслью, сызнова оживаетъ въ рѣчи и ея пониманіи.

Творчество Гоголя именно тѣмъ и отличается, что онъ умѣетъ ставить слова въ особыя условія, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что представляется ему случаемъ и подсказывается воображеніемъ. Въ его словарѣ есть особенности, какихъ мы обыкновенно не встрѣчаемъ въ обиходной рѣчи; но въ большинствѣ случаевъ Гоголь говоритъ тѣмъ языкомъ, которымъ говорятъ самые обыкновенные люди. И на эту-то простую рѣчь онъ умѣетъ накладывать тотъ своеобразный отпечатокъ, ему одному только свойственный, въ которомъ и заключается его сила и оригинальность. Прослѣдить разныя стороны этой оригинальности значить—уяснить себѣ душу писателя.

Изучая языкъ и слогъ писателя, прежде всего необходимо выдѣлать тѣ элементы, которые уже даны ему готовыми въ языкѣ народа, — тѣ приемы словосочетаній, какіе онъ усвоилъ бессознательно отъ народной рѣчи, а затѣмъ указать соотношеніе его собственнаго

слога съ слогомъ другихъ современныхъ ему писателей и съ тѣмъ литературнымъ наслѣдствомъ, какое онъ получилъ отъ старшихъ.

Указывая на связь гоголевскаго стиля съ народною рѣчью, проф. Мандельштамъ останавливается на нѣсколькихъ, наиболѣе значительныхъ фактахъ, которые, такъ сказать, сами напрашиваются на вниманіе изслѣдователя.

Однимъ изъ оборотовъ рѣчи, особенно излюбленныхъ Гоголемъ, является *тавтологія*. Тавтологія — не только наслѣдіе стараго русскаго письменнаго языка съ древнѣйшихъ временъ; она — вообще наслѣдіе вѣками выработанной человѣческой рѣчи. Проф. Мандельштамъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ Пятикнижія, греческихъ и римскихъ авторовъ, изъ современныхъ писателей на разныхъ языкахъ, изъ славянской народной поэзіи и древне-русской письменности. Сопоставляя эти примѣры съ употребленіемъ тавтологіи у Гоголя, онъ приходитъ къ заключенію, что нашему писателю принадлежитъ сознательное, преднамѣренное пользованіе этимъ стилистическимъ приемомъ, съ цѣлями чисто художественными: Гоголь имѣетъ въ виду оживить, усилить впечатлѣніе, производимое выраженіемъ, произвести извѣстный эффектъ, заставить почувствовать дѣйствіе интенсивнѣе. Въ народной поэзіи причина тавтологическаго выраженія мысли — безсознательная, не преднамѣренная; у Гоголя всегда является намѣченная цѣль.

Вообще, стоя на почвѣ народнаго языка и склада рѣчи, Гоголь давалъ образцы языка своего собственнаго, лично ему принадлежащаго, съ помощью своеобразнаго примѣненія готовыхъ формъ и оборотовъ.

Но если между поэтомъ и народомъ, понимающимъ его произведенія, существуетъ связь неразрывная, если въ формахъ личной поэзіи всегда есть нѣчто выработанное народно-психологическимъ процессомъ, то, само собою разумѣется, въ еще болѣе тѣсной связи стоитъ поэтъ съ обществомъ, его создавшимъ и выдвинувшимъ: въ процессѣ творчества поэта участвуетъ въ болѣе мѣрѣ все, ближе къ нему стоящее. Такимъ образомъ, языкъ даннаго писателя находится въ ближайшей связи съ языкомъ современнаго ему общества; эта связь проявляется въ весьма осязательной формѣ, на примѣръ, въ появленіи одновременно цѣлаго ряда типовъ однороднаго стиля.

Авторъ изслѣдованія и старается отмѣтить тѣ точки соприкосновенія, которыя, несомнѣнно, существуютъ между слогомъ Гоголя и современной ему литературой, — съ перваго момента его выступленія на литературное поприще.

Какъ извѣстно изъ біографіи нашего писателя, въ эту раннюю пору въ его душѣ рождались требованія чего-то неопредѣленнаго, иногда романтически-прекраснаго, иногда — призрачно-грандіознаго, въ чемъ онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Отсюда — и неясность

его тогдашнихъ мыслей вообще, и неясность образовъ, разумѣется, всегда субъективныхъ.

Гоголю незачѣмъ было создавать какія-либо новыя формы для выраженія своихъ случайныхъ представленій, неясныхъ стремленій, неопредѣленныхъ желаній. Форма была готова: она перешла къ нему отъ его предшественниковъ и современниковъ. Гоголь рано оказался подъ вліяніемъ кружка писателей, много потрудившихся надъ выработкой формы для выраженія указанныхъ настроеній. Такой готовой формой былъ стиль нашего, такъ называемаго, романтизма и въ частности—стиль Жуковского и раннихъ произведеній Пушкина.

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ мы встрѣчаемъ у Гоголя стиль, обусловленный романтическимъ характеромъ его произведеній,—стиль дѣянный, риторическій. «Какъ въ душѣ художника былъ запросъ на что-то призрачное, такъ и въ языкѣ его слышатся отзвуки какого-то фантастическаго міра». Передъ нами то и дѣло появляются образы, въ которыхъ нѣтъ никакой собственно «гоголевской» манеры: словно кто-то диктуетъ ему съ готоваго образца, или онъ пишетъ на заданную, избитую тему. Такихъ образовъ множество—въ «Невскомъ проспектѣ», «Портретѣ», въ «Женщинѣ» и пр. Подобная же риторика возвращается въ послѣдніе годы жизни Гоголя, когда онъ начинаетъ говорить благонамѣренныя рѣчи: въ «Перепискѣ съ друзьями» снова является прежній «романтический» стиль,—та же неясность, бессодержательность, призрачность...

Указанное подражаніе Гоголя готовымъ литературнымъ образцамъ, и при томъ далеко не всегда перваго сорта, обнаруживается во многихъ отношеніяхъ. Даже поверхностное наблюденіе надъ произведеніями перваго періода дѣятельности нашего писателя убѣждаетъ, что онъ не столько творить, сколько варьируетъ мотивы Жуковского и другихъ современныхъ представителей нашего романтизма. Разница съ позднѣйшими его произведеніями чувствуется очень сильно: когда Гоголь оригиналенъ, — тогда онъ весь иной и весь цѣленъ, а здѣсь онъ вялъ и какъ бы надломленъ; онъ неувѣренными шагами идетъ впередъ, двигаясь какъ-то нерѣшительно. О воспроизведеніи явленій, о реальной картинѣ жизни нѣтъ и помину: все только слова, сочетанія словъ, предложенія,—и никакого опредѣленнаго образа.

Что касается вліянія Пушкина, то оно отразилось на произведеніяхъ Гоголя гораздо слабѣе, чѣмъ «романтический» стиль, и категорическое утвержденіе проф. Мандельштама, будто «Гоголь пишетъ языкомъ стихотвореній Пушкина», остается ничѣмъ не подкрѣпленнымъ. Если изслѣдователь хотѣлъ этимъ сказать, что Гоголь въ своихъ стихотвореніяхъ подражалъ Пушкину,—такъ, вѣдь, иначе и быть не могло; но тутъ, по нашему мнѣнію, вкралась методологическая ошибка: дѣло въ томъ, что Гоголь хотя и сочинялъ въ молодости стихи, но вовсе не былъ стихотворцемъ, и привлекать его рижован-

ныя строчки въ качествѣ источника для изученія гоголевскаго *стиля* не было и никакого основанія, и никакой надобности. Что же касается вліянія Пушкина на гоголевскую прозу, то и самъ проф. Мандельштамъ признаетъ, что онъ отражается только въ идеяхъ, а не въ формѣ, т.-е. не въ стилѣ.

Выдѣляя въ произведеніяхъ Гоголя элементы заимствованій и общей для всѣхъ писателей литературной традиціи, мы подходимъ, наконецъ, къ главному вопросу: въ чемъ же именно заключаются особенные отличительные признаки собственно гоголевскаго языка и слога, принадлежащаго только ему и никому другому?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего необходимо обратить вниманіе на психологическія основанія своеобразности языка: чѣмъ въ большей мѣрѣ произведенія писателя носятъ на себѣ слѣды лично имъ пережитаго, прочувствованнаго и передуманнаго, тѣмъ больше въ языкѣ этихъ произведеній будетъ элементовъ собственной души писателя, его индивидуальности. Это—явленіе психологическое, и безъ него не было бы той внутренней движущей силы поэзіи, не было бы той правдивости и искренности, которыя производятъ такое сильное впечатлѣніе и ставятъ душевный строй писателя въ соприкосновеніе съ нашимъ собственнымъ.

Биографы Гоголя уже отмѣтили въ его произведеніяхъ мѣста, съ достаточной ясностью свидѣтельствующія о томъ, что въ его творчество въ значительной мѣрѣ вошли элементы его собственной личной жизни.

Мы знаемъ, что Гоголю приходилось бороться съ обстоятельствами, мѣшавшими осуществленію тѣхъ мыслей, желаній, стремленій, которыя вытекали изъ его гордой, иногда заносчивой, самомнительной, взыскательной и требовательной природы; ему приходилось съ напряженными усиліями отстаивать то, что добыто было съ большимъ трудомъ и еще больше энергіи тратить на обезпеченіе желаемыхъ результатовъ, при томъ мало отвѣчавшихъ его таланту и положенію въ литературѣ. Противниками его были, въ большинствѣ случаевъ, люди, не отвѣчавшіе самымъ элементарнымъ правиламъ нравственности, и уже съ первыхъ дней сознательнаго отношенія къ жизни онъ не щадилъ, напр., пошлости, пскупающей общественное положеніе цѣною уничтоженія въ себѣ человѣческаго достоинства. По мѣрѣ того, какъ расширялся его опытъ, знаніе людей, характеровъ, пониманіе отрицательныхъ сторонъ жизни, расширялись и задачи обличенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь изучалась интенсивнѣе и глубже.

Но недостатки, пороки, пошлыя стороны людей коснулись и самого обличителя. Онъ чувствовалъ ихъ въ себѣ и ясно ихъ сознавалъ. «Я имѣю дурной характеръ,—писалъ онъ,—испорченный, избалованный нравъ, въ этомъ признаюсь отъ чистаго сердца...»

И онъ искалъ исправленія, совершенствованія въ дѣятельности, такъ

какъ, говоритъ онъ, «лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы эти недостатки навѣкъ».

Эта дѣятельность, въ силу душевнаго склада Гоголя, должна была заключаться въ борьбѣ за доброе. Для этого необходимо было очиститься самому, иначе говоря, — изучить самого себя и сдѣлать расчетъ съ прошлымъ. Такой расчетъ и представлялся возможнымъ путемъ объективированія своихъ недостатковъ въ словѣ, въ произведеніяхъ.

Что онъ ясно понималъ свои недостатки, — это видно изъ его собственныхъ признаній и изъ того, что имъ осуждены были проявленія собственной его жизни, которымъ позже онъ придалъ типическія черты. Вотъ нѣсколько фактовъ, болѣе крупныхъ:

«Я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученіи припала мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ, — говоритъ онъ: я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ свои занятія... Несомнѣнно, Гоголь говорилъ правду: отсутствіемъ образованія объясняются и весьма несимпатичные приемы, къ которымъ онъ прибѣгалъ иногда для устройства личныхъ своихъ дѣлъ, и то непониманіе, которое довольно долго обнаруживается въ его двусмысленномъ поведеніи въ отношеніи науки, даже и той, которую онъ самъ изучалъ. Эти приемы отражаются въ языкѣ Гоголя весьма наглядно: онъ хотѣлъ «дернуть» исторію Малороссіи, «хватить» среднюю исторію — «томиковъ въ восемь-девять», «удрать» необыкновенное изданіе пѣсенъ, а когда ему не удалось упрочить за собою кафедру, когда онъ не встрѣтилъ сочувствія къ своимъ неудачнымъ лекціямъ, онъ «расплевался» съ университетомъ. «Такія выраженія, — говоритъ проф. Мандельштамъ, — возможны въ устахъ чловека, по малой мѣрѣ не умѣющаго уважать науку. Гоголь это сознавалъ и тайно страдалъ, — и создалъ Хлестакова».

Другой примѣръ. Въ письмахъ къ матери Гоголь возноситъ льстивыя похвалы своему вліятельному родственнику Трощинскому, зная, что эти письма будутъ показаны кому слѣдуетъ. Это подобострастіе, эта льстивость несомнѣнно тяготили самого Гоголя: недаромъ языкъ, которымъ выражается искательная угодливость Чичикова, такъ близко напоминаетъ указанная письма самого автора «Мертвыхъ Душ».

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много.

Въ своемъ развитіи Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ нашихъ писателей; если онъ въ началѣ своей дѣятельности, какъ мы видѣли, подчинялся традиціямъ и отдѣльнымъ образцамъ, то оригинальность его натуры, тѣмъ не менѣе, смѣло прокладывала себѣ собственный путь по тому направленію, которое подсказывалось врожденною силой, въ особенности силой юмора.

Собственный стиль Гоголя, несомнѣнно, обуславливается основнымъ мотивомъ его творчества, — изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ

жизни. Можетъ быть, справедливо мнѣніе, что онъ не всегда *понималъ* суть этихъ отрицательныхъ сторонъ, не всегда глубоко вдумывался въ причины этихъ явленій; но онъ *чувствовалъ* зло всѣми фибрами своей души, представлялъ его себѣ такъ ясно, какъ никто изъ болѣе раннихъ писателей, а потому именно и имѣлъ возможность изобразить его въ словѣ, какъ никто другой. Сила чувства придаетъ его изображеніямъ что-то стихійное, причемъ какъ будто вовсе исключается преднамѣренно-ясное, сознательно-аналитическое мышленіе.

Творческій геній Гоголя въ созданіи своеобразнаго языка обнаруживается не такъ скоро: первоначально характеръ его языка далеко не имѣлъ той оригинальной красоты, которая отличаетъ его отъ языка многихъ другихъ поэтовъ. Одно время Гоголь, какъ многіе, какъ большинство, не былъ свободенъ отъ вліянія слова, дѣйствующаго на мысль вредно, сковывая ее, какъ лозунгъ, не заключающій въ себѣ никакого опредѣленнаго содержанія. Онъ слѣдовалъ слову слѣпо, бессознательно, хотя и предполагалъ или былъ увѣренъ, что вполне сознательно имъ пользуется. Въ своихъ разсужденіяхъ и лирическихъ мѣстахъ онъ прибѣгаетъ къ такимъ словамъ, которыя, собственно, ничего не выражаютъ, но которыми онъ пользуется какъ опредѣленными величинами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для него мысль не опредѣлилась настолько, чтобы сдѣлаться его духовнымъ достояніемъ, Гоголь и выраженія употреблялъ самыя неопредѣленныя, такія, напр., какія употребляются людьми мало развитыми или лѣниво мыслящими. Ничего нѣтъ скучнѣе этого безжизненнаго языка, этого стиля, въ которомъ слышатся одни только ничего не значущія, или все значущія отвлеченныя выраженія. И это не былъ тотъ родъ отвлеченныхъ выраженій, которыми пользуется писатель для обобщеній: они являются у Гоголя единственно вслѣдствіе его безсилія уловить въ данный моментъ наиболѣе существенные частные признаки. Нерѣдко мы видимъ также нелогичность и неграмматичность въ употребленіи словъ и предложеній, изысканныя, но все-таки неудачныя сравненія, отсутствіе соответствія между характеромъ лица и его рѣчью, вставки ни къ чему не идущихъ, лишнихъ словъ и частицъ, необыкновенную длинноту періодовъ, особенно въ описаніяхъ, и пр., и пр.

Такимъ образомъ, въ первомъ періодѣ творчества Гоголя его языкъ далеко не отличался точностью, ясностью, силой и выразительностью, какими характеризуется его стиль позднѣйшей поры, періода созиданія «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Писателю предстояла въ этомъ отношеніи долгая и упорная работа, и именно въ пору наибольшей своей зрѣлости онъ работалъ наиболѣе медленно. Произведенія, повидимому, уже совсѣмъ готовые къ печати, «вылеживались» по долгу, время отъ времени просматривались, снова отправлялись въ ящикъ, преднамѣренно забывались и опять подвергались усердному исправленію. Въ эту пору полной зрѣлости своего таланта Гоголь относился къ стилю

крайне заботливо и считалъ необходимою медленную работу, которая только и можетъ дать въ результатѣ вполнѣ художественное произведеніе. Художественный трудъ въ глазахъ Гоголя все больше получалъ характеръ священнодѣйствія. Искусство должно быть высшей цѣлью художника, и для достиженія этой цѣли онъ долженъ отвергнуть всѣ соблазны, повиноваться одному вдохновенію и прилагать усиленный трудъ къ выработкѣ формы.

Въ этой усиленной работѣ Гоголя надъ своимъ языкомъ и сло-гомъ можно отмѣтить нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ.

Прежде всего замѣчательно, что Гоголь не терпитъ иностранныхъ словъ; онъ вполнѣ сознательно старается сдѣлать свою рѣчь чисто русскою, а иностранныя слова употребляетъ только съ цѣлью вызвать въ читателѣ извѣстное юмористическое настроеніе или пренебреженіе къ французамъ и ея вліянію, портящему чистоту русской рѣчи. Злая иронія звучитъ въ его словахъ по этому поводу:

«Какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи; какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы то ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэмю».

Гоголь не доходилъ до крайностей иныхъ гонителей иностранныхъ словъ; но онъ всегда выбиралъ слова русскія въ тѣхъ случаяхъ, когда понятіе поддавалось выраженію на русскомъ языкѣ. Виѣсть съ тѣмъ онъ совершенно исключилъ изъ своего словаря и всѣ мисологическія названія и сравненія, бывшія, какъ извѣстно, въ большемъ ходу у нашихъ писателей даже 30-хъ годовъ.

Внесеніе русскихъ словъ въ литературную рѣчь обуславливалось у Гоголя не только инстинктивною потребностью творческаго духа, но и сознательнымъ отношеніемъ къ языку. Гоголь понималъ, какъ немногіе понимаютъ и до сихъ поръ, что писатель не только можетъ, но и долженъ пользоваться не одними лишь словами и выраженіями, имѣющими право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, но также и мѣстными, народными словами, употребляемыми въ разговорной рѣчи. Онъ не только не старался оградить литературный языкъ отъ вліянія народныхъ элементовъ, чего въ то время желали многіе, но, напротивъ, отводилъ народному языку широкое мѣсто,— какъ едва ли кто изъ другихъ писателей, даже позднѣйшихъ, какъ Толстой и Достоевскій. Гоголь хорошо понималъ, что литературный языкъ долженъ быть языкомъ народа, а потому необходимо умышленно къ нему приблизиться. Невозможно безъ вреда для развитія языка уклоняться отъ разговорной рѣчи образованныхъ классовъ обще-

ства, тѣмъ болѣе—отъ рѣчи народной, отъ которой литературный языкъ получаетъ живительные соки и обновленіе.

Записныя тетради Гоголя указываютъ на внимательную его работу по собиранію и изученію отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ оборотовъ народной рѣчи, которыми онъ весьма часто пользовался въ своихъ произведеніяхъ. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни, тѣмъ болѣе, другіе наши поэты не допускали народныхъ выраженій въ такой широкой мѣрѣ, какъ Гоголь; у него, можно сказать, рѣчь не обходится безъ простонародныхъ выраженій или, вѣрнѣе, словъ, созданныхъ подъ вліяніемъ народной рѣчи. Но, помимо этого труда собиранія запаса словъ, Гоголю предстояла еще работа исправленія слога, который мѣнялся по мѣрѣ развитія въ писателѣ чутья къ русскому языку. Сравнивая нѣсколько редакцій одного и того же произведенія, мы видимъ, какое множество передѣлокъ, исправленій, замѣнъ, вставокъ и т. п. дѣлается Гоголемъ, чтобы довести произведеніе до желаемой формы. Предназначенность и сознательность составляютъ при этомъ существенные факторы. Изучая характеръ измѣненій, дѣлаемыхъ Гоголемъ, можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать превосходный матеріалъ для характеристики творчества поэта. Рядъ созданныхъ имъ картинъ принимаетъ совершенно иное освѣщеніе въ редакціяхъ окончательныхъ, благодаря часто ничтожнымъ сокращеніямъ, едва замѣтнымъ опущеніямъ одного слова, частички, фразы.

Помимо постоянного совершенствованія, неустанной работы надъ исправленіемъ стиля, мы часто встрѣчаемся у Гоголя съ одними и тѣми же формами, которыя постоянно повторяются въ неизмѣняемомъ видѣ. У писателя есть любимые образы, любимые стилистическіе приемы, къ которымъ онъ возвращается какъ будто съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, напр., въ самыхъ различныхъ періодахъ творчества Гоголя мы встрѣчаемъ у него одинъ и тотъ же образъ,—«превращенія» человѣка въ то чувство или состояніе, какое въ данную минуту должно быть преобладающимъ въ его личности. Такія выраженія, какъ «весь превратился въ слухъ», въ зрѣніе, во вниманіе и т. п., принадлежатъ у нашего писателя къ числу самыхъ обычныхъ и наиболѣе часто повторяемыхъ. Далѣе, къ любимымъ образамъ Гоголя, съ которыми онъ не расстаётся, относится тотъ, съ помощью котораго художникъ выражаетъ совмѣстное пребываніе, сцѣпленіе отдѣльныхъ предметовъ: «Ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа», «ни одна звѣзда не убѣжитъ» изъ темнаго лона Днѣпра, и т. п. Сюда же относится извѣстная манера выраженія радости, удивленія, негодованія, хотя бы и притворныхъ, ироническихъ, съ помощью восклицаній, относящихся или къ предмету («Что за пироги!» «Фу ты, пропасть, какія смушки!» «Господи, Боже мой! какой у него домы!»), или къ признаку («Безсильныя!» «безпечныя!» «зеленокудрыя!» «пышный!» и пр.).

Одна изъ особенностей гоголевскаго стиля заключается въ необыкновенно частомъ употребленіи рядомъ двухъ синонимическихъ выраженій, напр.: «не торопитесь, не спѣшите», «сжатая и краткія», «туманно и неясно», «орудія и средства» и т. д. Въ особенности эта манера усиливается въ ту пору дѣятельности Гоголя, когда онъ отъ творчества переходитъ къ поученію,—въ пору «Переписки съ друзьями»: чѣмъ дальше, тѣмъ меньше видно въ этомъ отношеніи чувства иѣры; Гоголь какъ будто старается съ помощью этого приѣма пополнить пустоту содержанія своихъ рѣчей...

Къ числу любимыхъ стилистическихъ приѣмовъ Гоголя относятся также: повтореніе частицы «не» при изображеніи отрицательныхъ сторонъ или свойствъ, повтореніе союза «и» передъ рядомъ сказуемыхъ и постановка сказуемаго передъ подлежащимъ, дополняемаго передъ дополняющимъ, опредѣляемаго передъ опредѣленіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обычная рѣчь ставитъ ихъ въ иномъ порядкѣ.

Приѣмы творчества Гоголя, дѣлающіе его стиль отличнымъ отъ стиля другихъ великихъ русскихъ писателей, вообще довольно разнообразны. Какъ писатель эпическій, онъ вноситъ въ свои описанія такой элементъ, который въ значительной степени приближаетъ его къ народному эпосу: онъ обладалъ способностью переноситься въ народно-поэтическое міросозерцаніе, отъ котораго навсегда удалась поэзія другихъ творцовъ русскаго слова. Достаточно указать на «Тараса Бульбу», произведение, представляющее своего рода эпизоды изъ «Илиады».

Очень оригинальны также средства, какими пользовался Гоголь для воспроизведенія характеровъ тѣхъ или иныхъ дѣйствующихъ лицъ. Рисуя людей съ весьма ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, онъ любилъ выставлять особенно такихъ, у которыхъ мысль, и безъ того бѣдная, никакъ не можетъ быть облечена въ сколько-нибудь опредѣленную форму: имъ недостаетъ самыхъ необходимыхъ словъ, вслѣдствіе неясности представленій,—и въ результатѣ получается или недоконченная фраза, или отдѣльныя слова безъ связи между собою, напр.: «А, однако же, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... Ну, да и гдѣ же не бываетъ несообразностей,—а все, однако-жь, есть что-то...»

Эта манера изображенія не покидаетъ Гоголя отъ начала его писательской дѣятельности до послѣдняго времени, поры созданія «Мертвыхъ душъ».

Гоголь рисовалъ различныя фигуры людей грубыхъ изъ всякихъ слоевъ общества; но одну преобладающую черту грубости—потребность ругани—онъ выдвигаетъ постоянно; безъ нея не обходится ни одно лицо этой категоріи, хотя брань разнообразится въ зависимости отъ господствующей черты характера. Въ этомъ отношеніи можно установить извѣстныя группы: Кочкаревъ ругается, какъ Ноздревъ, Ноздревъ—какъ Подколесинъ, а послѣдній—какъ Кочкаревъ, и всѣ трое

въ этомъ отношеніи совершенно похожи другъ на друга. Бранится и баба Черевика въ «Сорочинской ярмаркѣ», и слесарша въ «Ревизорѣ», и брань ихъ, очень типичная для женщины изъ простонародья, почти вовсе не отличается, напр., отъ ругани свахи въ «Женитьбѣ». Бранятся городничій, Собакевичъ, Иванъ Никифоровичъ и т. д., каждый на свой ладъ. Словомъ, эта черта персонажей составляетъ у Гоголя пріемъ, безъ котораго онъ не обходится; а въ изобрѣтеніи словъ и выраженій онъ положительно неисчерпаемъ.

Къ обычнымъ пріемамъ Гоголя относится способъ характеристики при помощи повторенія собственнаго имени или званія даннаго лица каждый разъ, при перечисленіи его свойствъ. {Такъ, напр., при характеристикѣ Ноздрева цѣлый рядъ предложеній, на протяженіи трехъ страницъ, начинается именемъ: «Ноздревъ... Ноздревъ...» (то-то и то-то).

Эпитеты у Гоголя очень оригинальны, и значительное большинство ихъ принадлежитъ ему самому, не составляя обычной ходячей монеты. Гоголевскіе эпитеты имѣютъ характеръ по преимуществу субъективный: дѣйствіе, настроеніе, состояніе, вызываемое въ немъ самою тѣмъ или инымъ предметомъ, писатель приписываетъ самому этому предмету, что вполне соответствуетъ вообще преобладающему въ его творествѣ субъективному тону. Такимъ же субъективнымъ характеромъ отличаются у него и сравненія, и гиперболы, причемъ послѣднія нерѣдко бывають слишкомъ громоздки, неестественны и мало характерны для изображаемаго предмета.

Совершенно своеобразный характеръ придаетъ всему стилю Гоголя элементъ, какого мы почти вовсе не встрѣчаемъ у другихъ русскихъ писателей,—элементъ малорусскій.

Какъ извѣстно, южныя и западно-русскія силы еще съ половины XVII столѣтія дѣятельно вмѣшивались въ образованіе новой русской литературы; такова была роль Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича и другихъ ученыхъ кievлянъ; но это вмѣшательство ограничено было церковно-схоластическою областью, и въ немъ не было тѣни, или одна только тѣнь, южно-русскихъ народныхъ элементовъ. Малороссы являлись въ рядахъ русскихъ писателей и позже, въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка; но Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ и др. шли общимъ для современной имъ литературы классическимъ путемъ и рѣшительно ничѣмъ не заявляли въ писательствѣ племенныхъ своихъ особенностей. Проф. Мавдельштамъ указываетъ, что въ XVIII вѣкѣ малороссійскіе мотивы вошли у насъ въ моду: въ первыхъ нашихъ пѣсенникахъ, которые явились въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, цѣлый особый отдѣлъ отводился пѣснямъ малороссійскимъ, потому что и на самомъ дѣлѣ среди тогдашней публики онѣ были распространены наряду съ русскими; но собственно малороссійская литература существовала пока еще только въ рукописяхъ и была мало

извѣстна, такъ что въ русскую литературу малороссійскій элементъ не входилъ или входилъ едва замѣтными чертами.

А. Н. Пыпинъ полагаетъ, что Гоголь въ своихъ первыхъ повѣстяхъ обратился къ изображенію малорусской жизни и преданій именно потому, что, по собственнымъ словамъ писателя, въ Петербургѣ тогда «было въ ходу» все малороссійское. Съ этимъ, однако, не вполне можно согласиться: въ то время Гоголь совсѣмъ не могъ писать иначе, даже если бы условія его дѣятельности были и другія. Все его существо проникнуто было малороссійскимъ элементомъ; малороссійскій языкъ былъ для него «языкомъ души», а потому понятно, что онъ прежде всего обратился къ народной словесности своей южной родины. Да и много лѣтъ спустя, въ 1844 году, онъ писалъ о себѣ: «Я соединилъ въ себѣ двѣ природы: хохлика и русскаго; я самъ не знаю, какая у меня душа, — хохлацкая или русская...» Гоголь, можетъ быть, самъ не всегда ясно сознавалъ, что возбужденіе его мысли шло именно по колеѣ родного, малорусскаго языка. Присматриваясь къ его слогу, мы видимъ, что оба языка, — малорусскій и великорусскій, — связаны были въ немъ съ различными областями и пріемами мысли: пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ его мысли то или иное направленіе, и наоборотъ, въ предчувствіи извѣстнаго направленія своей мысли онъ беретъ за тотъ или другой языкъ, смотря по тому, въ какой изъ нихъ мысль укладывается поэтичнѣе, легче, ярче. Правда, малороссійскій языкъ и переплетается у него съ русскимъ, но все же сохраняетъ свою отдѣльность, и тѣмъ больше выступаетъ на первый планъ основная стихія гоголевскаго міросозерцанія, — его юморъ, его чувство, тѣмъ ближе онъ къ малороссійскому языку. Сравнивая текстъ многихъ его произведеній съ обычной русской рѣчью, мы замѣчаемъ, что Гоголь часто *думалъ* по-малорусски и мысленно переводилъ слова и обороты малорусской рѣчи на русскій; постояннымъ и вѣрнымъ выразителемъ направленія мысли нашего писателя служилъ именно малорусскій языкъ, обороты котораго неизмѣнно появлялись въ его рѣчи всякій разъ, когда онъ, увлекшись творчествомъ, переставалъ слѣдить за формой. Обобщая свои наблюденія надъ этою особенностью гоголевскаго стиля, проф. Мандельштамъ совершенно вѣрно заключаетъ, что малорусскій языкъ преобладаетъ у Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль требуетъ выраженія *настроенія*. Въ подобныхъ случаяхъ онъ нерѣдко не только думалъ по-малорусски, но по-малорусски и писалъ, оставляя выраженія своего родного языка почти въ нетронутомъ видѣ.

Но были въ его творествѣ и такіе моменты, которые повелительно заставляли его обращаться къ языку обще-русскому. Такихъ моментовъ проф. Мандельштамъ отмѣчаетъ три:

Во-первыхъ, Гоголь пользовался исключительно русскимъ языкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало изображеніе природы: мало-

русский языкъ, не достигшій художественнаго развитія, не могъ дать ему въ этомъ отношеніи достаточнаго матеріала. Вотъ отчего всѣ картины природы у Гоголя, даже въ самыхъ малороссійскихъ повѣстяхъ,—въ «Тарасѣ Бульбѣ», въ «Сорочинской ярмаркѣ»,—нарисованы чистымъ русскимъ языкомъ.

Во-вторыхъ, творческая мысль писателя искала выхода въ языкѣ русскомъ, когда онъ захватывалъ вопросы, выходящіе за предѣлы узкой жизни Малороссіи, касался интересовъ общественныхъ и общенародныхъ. Этимъ объясняется, почему въ двухъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ,—«Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ», рѣчь ведется и дѣйствующими лицами, и самимъ авторомъ почти исключительно русская.

Въ-третьихъ, Гоголь обращался къ русскому языку всякій разъ, когда его мысль работала надъ разрѣшеніемъ вопросовъ философскаго характера. Здѣсь малорусскій языкъ былъ безсиленъ; облекать свои философскія мысли въ соответствующія формы Гоголь и не могъ иначе, какъ по-русски. Насколько несомнѣнно то, что въ большей части поэтическихъ его произведеній сказывается племенная стихія, выражаясь языкомъ его родины, способномъ передавать только образы, рисунки, а не отвлеченныя обобщенія,—настолько же несомнѣнно и то, что русский языкъ долженъ былъ замѣнить родной въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ разсужденіе. Но въ этихъ произведеніяхъ Гоголь *не творитъ*, а потому онъ въ языкѣ прозы совсѣмъ не тотъ, что въ языкѣ поэтическомъ. Его разсужденія не идутъ далѣе общихъ мѣстъ, и стиль его, когда онъ начинаетъ проповѣдывать, оказывается очень плохимъ. «Собственно, даже и стилемъ назвать нельзя этотъ странный языкъ, который мы видимъ, напр., въ «Перепискѣ съ друзьями». Это—смѣшеніе предложеній, какъ будто взятыхъ на прокатъ у духовныхъ писателей разныхъ столѣтій,—не то языкъ отшельниковъ, оставляющихъ міръ, не то славяно-русскій и древнерусскій языкъ самобичующагося монаха... Всего чаще, это—риторическія умствованія, при невозможно-неясномъ способѣ выраженія...»

Невольно является вопросъ: можно ли считать искренними мысли и чувства Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заводитъ подобныя рѣчи?

И въ самомъ дѣлѣ, невозможно допустить, чтобы искреннее чувство выражалось въ стилѣ, лишенномъ всякой непосредственности, всякой естественности, не говоря уже о художественности. Возможности подобнаго совпаденія искренности чувства и неестественности рѣчи противорѣчатъ всѣ факты изъ жизни и творчества поэтовъ, и нашихъ, и иностранныхъ. Если и наблюдаются иногда противорѣчія, можетъ быть, даже и рѣзкія, между словомъ поэта и его дѣломъ, если иногда,—не въ минуты творчества,—«быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ», то въ минуты творчества онъ, несомнѣнно, искрененъ, и

*

инымъ быть не можетъ.—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ переживаетъ то, что имъ изображается. Этому противорѣчило бы в самое свойство поэтического языка, который не можетъ быть искреннимъ по заказу. А между тѣмъ, мы знаемъ, что Гоголь довольно часто могъ и умѣлъ писать совсѣмъ не то, что думалъ и чувствовалъ, умѣлъ быть неискреннимъ; это ясно отражается въ стилѣ его личныхъ писемъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ всегда чувствуется натянутость, искусственность, фальшь. Если сравнить его раннія письма къ матери, въ которыхъ известная доля притворства, по всей вѣроятности, обуславливалась обстоятельствами, — и тѣ письма, которыя включены имъ въ составъ «Переписки съ друзьями», то сходство стиля тѣхъ и другихъ окажется просто поразительнымъ. Здѣсь всѣ слова, всѣ фразы не создаются сами собою, а придумываются, высиживаются; языкъ становится какимъ-то страннымъ, тяжелымъ, неуклюжимъ, враждебнымъ всѣмъ законамъ благозвучія; видно, что писатель душевно не участвовалъ въ томъ, что писалъ. И такой поворотъ отъ живого, своеобразнаго поэтического слова къ вымученнымъ фразамъ, переполненнымъ всякими ненужными повтореніями и тавтологіями, странно «сдѣланными» словами и еще болѣе странными словосочетаніями, замѣчается у Гоголя всякій разъ когда онъ перестаетъ писать то, что дѣйствительно имъ продумано и прочувствовано. «Это—уже и не стиль, это—словоизаліаніе».

Такимъ образомъ, по стилю Гоголя можно съ известною степенью вѣрности опредѣлить переживаемыя имъ настроенія и чувства и, съ другой стороны, прослѣдить, какъ известное настроеніе вызываетъ у него соотвѣтственные приемы стиля, болѣе или менѣе постоянные. Въ жизни Гоголя есть періоды, оставшіеся до сихъ поръ психологически недостаточно разъясненными; его произведенія могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для разъясненій, если удастся установить нѣкоторую закономерность въ отношеніи между его языкомъ и настроеніями.

Въ ряду этихъ настроеній господствующее мѣсто занимаетъ юморъ,— и изслѣдователь гоголевскаго стиля не можетъ не отнестись къ этому основному свойству нашего писателя съ особеннымъ вниманіемъ. Значеніе гоголевскаго юмора, по вѣрному замѣчанію проф. Мандельштама, заключается не только въ томъ, что ему опредѣлено было «чуждой властью идти объ руку съ странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь сквовъ видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы»; значеніе его заключается также и въ формѣ. Она помогла и самому писателю «угонять прочь набѣгавшую на чело морщину и строгій сумракъ лица», — и такимъ же образомъ вліяетъ на читателей.

Гоголь говоритъ о себѣ, что онъ возбуждалъ «не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человекъ человека, но смѣхъ, родив-

шійся отъ любви къ человѣку». Однако, это не всегда было такъ: юморъ его языка имѣеть довольно длинную исторію, и, въ зависимости отъ душевной жизни писателя, обнаруживаются тѣ или иные моменты этой исторіи.

Причина той *веселости*, какую замѣтили въ первыхъ его сочиненіяхъ, появившихся въ печати, заключалась, по его собственному признанію, «въ нѣкоторой душевной потребности»: на него находили припадки тоски, ему самому необъяснимой,—можетъ быть, происходившей, какъ онъ думалъ, и отъ болѣзненнаго состоянія; и вотъ, «чтобы развлекать себя самого», онъ «придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать, выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, во все не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы, подталкивала...» «Вотъ,—продолжаетъ онъ,—происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходять въ голову такія глупости. Можетъ быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя веселостъ эта исчезла бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно».

Этимъ вмѣшательствомъ Пушкина въ творчество Гоголя начинается второй періодъ въ исторіи гоголевскаго смѣха.

Разсматривая стиль перваго періода его творчества, мы, дѣйствительно, замѣчаемъ, что въ эту пору въ немъ менѣе всего обнаруживается тотъ идеализмъ, который такъ ярко сказался впоследствии. Языкъ раннихъ произведеній Гоголя возбуждаетъ смѣхъ только ради смѣха; смѣхъ у него составляетъ самъ себѣ цѣль, какъ удовольствіе, и при томъ—удовольствіе довольно грубое, отзывающееся преувеличеніемъ, шаржемъ; въ дальнѣйшихъ редакціяхъ этихъ первоначальныхъ редакцій своихъ произведеній писатель значительно смягчалъ прежнія грубыя краски и придавалъ своему смѣху уже гораздо болѣе тонкій оттѣнокъ. Стоитъ сравнить между собою, напримѣръ, любое дѣйствіе «Ревизора», любую главу «Мертвыхъ душъ» въ разновременныхъ редакціяхъ, чтобы увидѣть, какъ много труда самаго внимательнаго, самаго кропотливаго положено было авторомъ на очистку своихъ произведеній отъ остатковъ той поры, когда онъ смѣялся только для того, чтобы самого себя потѣшить.

Къ первому періоду развитія гоголевскаго юмора относятся нѣкоторые излюбленные имъ приемы, рассчитанные на смѣхотворное дѣйствіе. Таково, прежде всего, придумываніе смѣшныхъ именъ и прозвищъ, и притомъ—способныхъ смѣшить скорѣе малоросса, чѣмъ русскаго, такъ какъ съ ними связывается нѣкоторое содержаніе, вполне

доступное только малороссу (Пупоузь, Голопузь, Довгочхунт, Свербыгузь и т. п.). Къ этой же категоріи смѣшныхъ выраженій относятся и брань,—какъ уже сказано выше, весьма разнообразная и характерная у Гоголя, и различныя выраженія, служащія синонимами глагола «ругаться» (ввернуть, закрѣпить, отпустить, загвоздить и пр.—словцо), и разныя простонародныя словечки, служащія, большею частью, для изображенія грубыхъ дѣйствій. Характеризуя своихъ героевъ прямо отъ себя, Гоголь нерѣдко говоритъ языкомъ, очень близкимъ къ способу выраженія самихъ этихъ лицъ, т.-е. языкомъ обиходнымъ и — когда нужно — простонароднымъ. Гораздо болѣе важное значеніе имѣють у Гоголя словесныя новообразования, — слова и выраженія, необычныя или по своимъ звуковымъ сочетаніямъ, или по способу ихъ измѣненія, съ помощью, наприимѣръ, особыхъ суффиксовъ, или, наконецъ, просто заново сочиненныя писателемъ. Въ способности своей создавать такія слова и выраженія Гоголь положительно неисчерпаемъ, и можно смѣло сказать, что его словарь, и вообще чрезвычайно богатый, въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою тѣ словесныя запасы, какими пользуются всѣ прочіе наши писатели, не только ему современные, но и позднѣйшіе.

Второй періодъ гоголевскаго юмористическаго стиля характеризуется серьезной, вдумчивой работой надъ исправленіемъ и усовершенствованіемъ языка. Въ этихъ безчисленныхъ поправкахъ, вставкахъ и измѣненіяхъ, полную исторію которыхъ дали Тихонравовъ и Шенрокъ въ своемъ монументальномъ изданіи Гоголя, важнѣйшая забота писателя заключалась въ томъ, чтобы произвести на читателя, по возможности, то же самое впечатлѣніе, какое испытывалъ онъ самъ,—подойти къ изображаемому явленію какъ можно ближе и показать его читателю, держа передъ нимъ также какъ можно ближе. Оттого всякая фраза, произнесенная у Гоголя художественно созданнымъ лицомъ, кромѣ заключающейся въ ней мысли, содержитъ сумму свойствъ, весь характеръ, темпераментъ, позу, жестъ, взглядъ,—и все это получается соединеннымъ въ одномъ образѣ. Гоголь обладаетъ способностью, такъ сказать, въ одно мгновеніе воспроизводить цѣлую фигуру; его юморъ обладаетъ силой давать мыслямъ читателя самое разнообразное содержаніе.

Формы и приемы гоголевскаго юмористическаго стиля отличаются чрезвычайною разносторонностью. Мы не станемъ ихъ перечислять, обращая читателя къ изслѣдованію проф. Мандельштама, подтверждающаго свои выводы многочисленными примѣрами, которые здѣсь приводить было бы утомительно; укажемъ только на нѣкоторые изъ приемовъ, особенно часто повторяющихся.

Прежде всего, источникомъ юмористическаго впечатлѣнія является у Гоголя—и очень часто—самое слово, повидимому, совершенно случайно подвернувшееся во время работы и немедленно вызвавшее извѣст-

ный ходъ мыслей, появленіе тѣхъ или другихъ связанныхъ съ этимъ словомъ образовъ. Такъ, напримѣръ, давая своему герою фамилію Башмакина, Гоголь указываетъ на ея и на его происхожденіе отъ башмака, и тутъ же замѣчаетъ, что, впрочемъ, и отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, всѣ совершенно Башмакины, ходили въ сапогахъ. Такимъ образомъ, писатель неожиданно для самого себя оказался подъ властью созданнаго имъ слова. Подобныхъ примѣровъ можно набрать не мало.

Затѣмъ, юмористическое впечатлѣніе получается отъ различнаго пониманія разными людьми одного и того же слова, дающаго, такимъ образомъ, каламбуръ; отъ сочетанія словъ съ кажущимся содержаніемъ, вродѣ разныхъ присловій—«оно конечно», «тово-воно какъ оно», «въ нѣкоторомъ родѣ долженъ умереть» и т. п.; отъ вызыванія быстрой смѣны самыхъ различныхъ впечатлѣній (Поздравъ купилъ «жеребца, изюму, серебряный рукомоиникъ, крупчатой муки, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, сапоговъ...»); отъ сопоставленія сужденій, не имѣющихъ между собой никакой логической связи (Иванъ Ивановичъ боязливаго характера; у Ивана Никифоровича, *напротивъ того*, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ...); отъ вплетенія не идущихъ къ дѣлу обстоятельствъ, отъ изображенія такихъ свойствъ даннаго лица, которыя противорѣчатъ всему его характеру, или отъ сопоставленія качествъ совершенно различныхъ категорій («пусть ваше ружье околѣетъ»); отъ примѣненія высокаго стили и серьезнаго тона къ бессмыслицѣ или отъ неожиданнаго перерыва высокаго стили вульгарнымъ выраженіемъ. Любопытно также, что у Гоголя нерѣдко источникомъ юмористическаго впечатлѣнія является просто грамматическая форма, напримѣръ, сочетаніе предложеній при помощи одного и того же союза «и», «но», «а», нѣсколько разъ повторяемаго, или повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ (въ рассказѣ о томъ, какъ судья угощалъ Ивана Ивановича чаемъ, пять разъ повторено сказанное первымъ слово «чашечку» и столько же разъ сказано, что Ив. Ив. «поклонился и сѣлъ»), или, наконецъ, необычное и потому комическое словообразованіе («молокососно», «непросвѣтительность», «портное народонаселеніе» и т. п.).

Благодаря этому неистощимому богатству языка и удивительному умѣнью имъ пользоваться, въ рѣчи Гоголя съ поразительною рельефностью выступаетъ цѣлый міръ живыхъ фигуръ, освѣщенныхъ яркимъ свѣтомъ. Мы какъ будто слышимъ ихъ голосъ, видимъ всѣ ихъ движенія, по нѣсколькимъ словамъ угадываемъ всего человѣка: изъ-за каждаго слова видна картина душевнаго настроенія, видны жестъ и поза. И такой поразительный результатъ достигается средствами, въ сущности очень простыми и безыскусственными. Главное дѣло въ томъ, что Гоголь умѣетъ переселяться въ душу своихъ дѣйствующихъ лицъ, до послѣдней тонкой черточки усваивать ихъ міросозерцаніе; это и даетъ ему возможность единственно при помощи воспроизведенія

языка каждаго лица возсоздавать характеры, приче́мъ обычный способъ ихъ изображенія,—описаніе ихъ дѣйствій, намѣреній, мыслей,—оказывается какъ будто совершенно излишнимъ.

Заключая свое изслѣдованіе гоголевскаго стиля, проф. Мандельштамъ высказываетъ, что источникомъ юмора у Гоголя является его идеализмъ, его возвышенныя требованія отъ жизни; хотя въ своихъ произведеніяхъ онъ и сосредоточивается на изображеніи житейскихъ мелочей, но это мелочи пріобрѣтаютъ значительность благодаря силѣ языка, выражающаго внутренній міръ самого художника. Этою субъективностью гоголевскаго стиля обеспечивается единство формы и содержанія. Впечатленія, изображаемыя въ словахъ Гоголя, выступаютъ по мѣрѣ ихъ возникновенія, а не являются готовыми, заранѣе опредѣленными, какъ у большинства другихъ писателей.

Тѣ идеально-высокія требованія, съ которыми Гоголь въ своихъ произведеніяхъ изображалъ жизнь съ отрицательной ея стороны, быть можетъ, не всегда составляли ясную принадлежность его собственнаго сознанія; онъ скорѣе чувствовалъ «бѣдность и несовершенство» нашей жизни, чѣмъ имѣлъ объ нихъ опредѣленное логическое понятіе. Но, каковы бы ни были собственные воззрѣнія Гоголя на содержаніе его произведеній, эти произведенія остались, тѣмъ не менѣе, великой силой. Нравственная ницета бросалась въ глаза именно тѣмъ, что она воспроизведена была ежеминутно, во всѣхъ мелочахъ и во всѣхъ безъ исключенія лицахъ. И замѣчательнѣе всего-то, что у самого писателя взглядъ на литературу, какъ на отвлеченное художество, приводившій къ ея полному удаленію отъ вопросовъ дѣйствительной жизни, шелъ въ разрѣзъ съ внутренней потребностью поэта именно изображать дѣйствительность, и не только въ обобщеніяхъ, но и въ тѣхъ незамѣтныхъ ея проявленіяхъ, которыя ускользали отъ обыкновеннаго наблюденія; «житейское волненіе» сильно било въ жилахъ Гоголя, помимо его воли и пониманія.

Такъ, напримѣръ, когда Гоголь рисовалъ взяточничество, ему, вѣроятно, и въ голову не приходило видѣть въ немъ результатъ общаго уклада нашей жизни; но онъ видѣлъ фактъ давленія, насиія, вымогательства, несправедливости,—видѣлъ то, на что всѣ смотрятъ, не возмущаясь. Онъ не выводилъ изъ своихъ сочиненій того, что изъ нихъ логически вытекаетъ; наоборотъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на изображеніе «случая», чего-то «частнаго», когда въ этомъ-то именно и заключалось *общее* нашей жизни... Въ письмѣ къ гр. А. П. Толстому онъ простоудушно разсуждаетъ о нашей администраціи: «Разсматривая каждую должность въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находимъ, что онѣ—именно то, что имъ слѣдуетъ быть, всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности нашего быта». А читая его сочиненія, мы отчетливо представляемъ себѣ, какая пропастъ лежитъ между его теоретическими понятіями и художественнымъ

изображеніемъ тѣхъ самыхъ должностей, которыя «какъ бы свыше созданы для насъ».

Въ подобныхъ случаяхъ, можно сказать, стиль выдаетъ художника даже помимо его сознанія: въ его рѣчи, при изображеніи случаевъ и лицъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ только частныя явленія, чувствуется то горе, то озлобленіе, то негодованіе, слышится безнадежность при всемъ кажущемся расположеніи къ смѣху. И самъ онъ, и всѣ его герои не могутъ разсуждать вполне спокойно; въ каждомъ слышится тревога или недовольство, иногда даже просто безотчетное... Преобладающую черту гоголевскаго комизма составляютъ моменты, проникнутые страданіемъ, а преобладающую черту гоголевскаго стиля— юмористическая форма мышленія.

Другое отличительное свойство гоголевскаго стиля ислѣдователь видитъ въ его демократичности, т.-е. въ его доступности пониманію каждаго русскаго человѣка. Ни у одного изъ нашихъ великихъ писателей даже у Толстого, это свойство стиля не проявляется такъ сильно и такъ ярко, какъ у Гоголя.

Мы далеко не исчерпали, да и не имѣли въ виду исчерпать въ этой статьѣ, содержаніе книги г. Мандельштама, потребовавшей отъ автора внимательнаго и кропотливаго труда. Изученіе отдѣльныхъ сторонъ гоголевскаго стиля представляетъ несомнѣнный интересъ и поучительность не только для біографа Гоголя, но и вообще для историка русской литературы; оно раскрываетъ передъ нами самую душу писателя, вводитъ во всѣ тайны его творчества, указываетъ ту внутреннюю связь, какая существуетъ между личностью автора и его созданіями. Все это вопросы первостепенной важности, и нельзя не пожелать, чтобы подробное изслѣдованіе стиля нашихъ великихъ писателей, такъ удачно начатое проф. Мандельштамомъ, привлекло къ себѣ и другія ученые силы.

П Морозовъ.

СМЕРТЬ.

ПОВѢСТЬ АРТУРА ШНИЦЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

(Окончаніе *).

Еще до наступленія сумерекъ Феликсъ и Марія пріѣхали въ Зальцбургъ. Къ удивленію ихъ, большая часть домовъ была украшена флагами. Попадавшіеся имъ навстрѣчу люди были одѣты по праздничному, на нѣкоторыхъ виднѣлись кокарды. Въ гостинницѣ, гдѣ они остановились и заняли номеръ съ видомъ на гору Мѣнхсбергъ, имъ объяснили, что въ городѣ происходитъ празднество пѣвческаго общества, и предложили билеты на концертъ, который долженъ быть состояться въ городскомъ паркѣ, въ 8 часовъ вечера, при блистательномъ освѣщеніи. Комната ихъ была расположена въ первомъ этажѣ, прямо подъ окнами протекалъ Зальцахъ. Въ дорогѣ они оба дремали и теперь чувствовали себя вполне бодрыми, такъ что вскорѣ послѣ пріѣзда рѣшили отправиться въ паркъ.

Въ городѣ царило радостное оживленіе. Казалось, что все населеніе высыпало на улицу, между прохожими то тутъ, то тамъ видѣлись веселыя группы членовъ пѣвческаго общества со значками. Не мало было также и пріѣзжихъ, изъ сосѣднихъ деревень наѣхало много крестьянъ въ праздничныхъ одеждахъ. На домахъ развѣвались флаги городскихъ цвѣтовъ, на главныхъ улицахъ высились триумфальныя арки, украшенныя цвѣтами, изъ всѣхъ переулковъ безостановочно катился людской потокъ и надо всѣмъ этимъ оживленіемъ мягкой прохладой вѣялъ лѣтній вечеръ.

Съ берега Зальцахъ, гдѣ царил мирная тишина, Феликсъ и Марія вышли въ болѣе оживленную часть города; послѣ однообразной жизни на мирномъ озерѣ, у нихъ закружилась голова отъ непривычнаго шума. Но скоро къ нимъ вернулась увѣренность привычныхъ жителей большихъ городовъ и уличная суматоха перестала на нихъ дѣйствовать. Веселая толпа, какъ всегда, производила на Феликса не особенно пріят-

*) См. «Миръ Вожей», январь 1902 г., № 1.

ное впечатлѣніе. Марія, наоборотъ, чувствовала себя прекрасно; какъ ребенокъ, она наслаждалась всѣмъ окружающимъ, съ любопытствомъ оглядывалась на женщинъ въ мѣстныхъ костюмахъ и на пѣвцовъ въ разноцвѣтныхъ шарфахъ. Иногда она останавливалась, чтобы хорошенько разсмотрѣть особенно великолѣпно разукрашенный домъ. Иногда она восклицала: «Смотри, какъ красиво!» обращаясь къ Феликсу, безучастно поглядывавшему по сторонамъ, но не получала никакого отвѣта, кромѣ молчаливаго кивка головой.

— Не правда ли,—сказала она, наконецъ,—какъ мы удачно попали?

Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, значеніе котораго она не могла понять.

— Тебѣ, пожалуй, хотѣлось бы также отправиться на этотъ концертъ въ городскомъ саду.

Она улыбнулась. Потомъ она сказала:

— Изъ-за чего же намъ себѣ во всемъ отказывать?

Ея улыбка окончательно вывела его изъ терпѣнія.

— Ты, кажется, и въ самомъ дѣлѣ готова отъ меня этого требовать!

— Да что съ тобой, Феликсъ!—воскликнула она испуганно, но сейчасъ же ея вниманіе отвлекла элегантная парочка, повидимому, совершающая свадебное путешествіе; молодые люди шли, ни на кого не обращая вниманія, отдавшись веселому и нѣжному разговору. Марія шла рядомъ съ Феликсомъ, но не брала его руки. Нерѣдко людской потокъ раздѣлялъ ихъ на нѣсколько секундъ, но потомъ она снова отыскивала его, пробирающагося у самыхъ стѣнъ, подальше отъ столкновеній со всѣми этими людьми. Между тѣмъ, становилось замѣтно темнѣе, въ фонаряхъ загорались огни, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно у триумфальныхъ арокъ, зажигалась иллюминація. Главное теченіе направлялось теперь къ городскому саду. Приближалось время концерта. Сначала и ихъ повлекло туда же, но потомъ Феликсъ внезапно взялъ ея руку, свернулъ въ первую поперечную улицу и скоро вывелъ ее въ болѣе тихую и менѣе освѣщенную часть города. Черезъ нѣсколько минутъ они очутились на отдаленномъ глухомъ берегу Зальцаха, гдѣ до нихъ доносился лишь однообразный плескъ воды.

— Зачѣмъ мы пришли сюда?—спросила она.—Что намъ здѣсь надо?

— Покой,—отвѣтилъ онъ и продолжалъ нервно-возбужденнымъ тономъ:—намъ не мѣсто тамъ. Всѣ эти пестрые фонарики, все это веселье и пѣсни не для насъ. Мы не изъ тѣхъ, которые могутъ смѣяться, кому улыбается молодость. Наше мѣсто здѣсь, гдѣ не слышно звуковъ веселья, гдѣ мы одни. Мы не принадлежимъ этому міру,—и вслѣдъ затѣмъ онъ поспѣшно добавилъ холоднымъ тономъ:—я по крайней мѣрѣ.

Пока онъ говорилъ это, она съ удивленіемъ чувствовала, что на нее его слова не такъ сильно дѣйствуютъ, какъ обыкновенно. Она объяснила это себѣ тѣмъ, что уже много разъ слышала подобные

разговоры, и къ тому же онъ явно преувеличивалъ. И она отвѣтила ласково-снисходительнымъ тономъ.

— Этого я не заслужила, право, нѣтъ.

А онъ, по своему обыкновенію, отрывисто сказалъ:

— Извини, пожалуйста.

Но она продолжала, крѣпче прижимаясь къ его рукѣ.

— И оба мы не принадлежимъ этому міру.

— Нѣтъ, принадлежимъ,—почти крикнулъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она мягко.— Меня тоже не тянетъ въ ту толкотню. Мнѣ она почти также непріятна, какъ и тебѣ. Но я не вижу, какое мы имѣемъ основаніе бѣжать оттуда, какъ зачумленные?

Въ эту самую минуту раздались первые звуки оркестра. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ они доносились до нихъ ясно и отчетливо. Это была торжественная увертюра, служившая, видимо, введеніемъ къ концерту.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ, простоявъ нѣсколько секундъ молча, прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ. — Музыка издали разстраиваетъ меня больше всего на свѣтѣ.

— Да,—согласилась она.— Она звучитъ какъ-то печально.

Они быстро пошли по направленію къ городу. Здѣсь музыка слышна была не такъ ясно, какъ на берегу рѣки. Когда они дошли до освѣщенныхъ и людныхъ улицъ, Марія вновь почувствовала приливъ привычной нѣжности и состраданія къ своему мужу. Она снова повнимала его и все простила ему.

— Мы пойдемъ домой? — спросила она.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Развѣ ты хочешь спать?

— О, нѣтъ!

— Такъ побудемъ еще на воздухѣ. Хорошо?

— Съ удовольствіемъ, если тебѣ пріятно. Только, не сыро ли?

— Да нѣтъ же, скорѣе душно. Развѣ ты не чувствуешь, какъ жарко,—возразилъ онъ нервнымъ тономъ.— Мы поужинаемъ на воздухѣ.

— Съ удовольствіемъ.

Они подошли къ парку. Оркестръ кончилъ увертюру, и теперь изъ ярко освѣщеннаго парка доносился только многоголосый шумъ веселой и оживленной толпы. Немногіе запоздавшіе спѣшили еще на концертъ. Мимо нихъ быстро пробѣжали два члена пѣвческаго общества, тоже, видимо, опоздавшіе. Марія прослѣдила за ними глазами и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ, робко, какъ виноватая, оглянулась на Феликса. Тотъ кусалъ губы и на лбу его лежала складка съ трудомъ сдерживаемаго гнѣва. Она думала, что онъ скажетъ что-нибудь, но онъ молчалъ. Съ ея лица онъ перевелъ взглядъ на двухъ мужчинъ, входившихъ въ ворота парка. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Онъ видѣлъ тутъ передъ собой то, что онъ ненавидѣлъ больше всего на свѣтѣ. Частицу того, что останется здѣсь, когда его уже не ста-

нетъ, того, что будетъ смѣяться и радоваться своей молодости, когда онъ уже не будетъ ни плакать, ни смѣяться. И тутъ рядомъ съ нимъ, крѣпко прижимаясь къ его рукѣ, шла такая же частица живой, смѣющейся юности, бессознательно чувствовавшая свое родство съ той. И онъ зналъ это и это наполняло его безумной мукой. Долгія минуты проходили въ молчаніи. Наконецъ, у него вырвался тяжелый вздохъ. Она хотѣла заглянуть ему въ лицо, но онъ отвернулся.

— Здѣсь будетъ хорошо,—сказалъ онъ вдругъ.

Она не сразу поняла, про что онъ говоритъ.

— Что ты сказалъ?—переспросила она.

Они стояли передъ садовымъ рестораномъ, у входа въ городской паркъ; высокія деревья осѣняли своими зелеными вершинами бѣлые столики, освѣщенные рѣдкими фонарями. Сегодня здѣсь было немного посѣтителей. Они могли выбрать любое мѣсто и заняли маленькій столикъ въ углу сада. Во всемъ саду было не больше двадцати человѣкъ посѣтителей. Невдалекѣ отъ нихъ сидѣла та самая элегантная парочка, которую они уже разъ встрѣтили сегодня. Марія сейчасъ же узнала ихъ. Въ паркѣ пѣлъ хоръ. Голоса слышались издали нѣсколько тише, но свободно и полно и казалось, что листья на деревьяхъ колебались подъ могучей волной веселыхъ звуковъ. Феликсъ заказалъ бутылку хорошаго рейнвейна и теперь онъ сидѣлъ, полузажмуривъ глаза, капельками пропуская вино въ ротъ, весь отдавшись очарованію далекой музыки. Марія сидѣла близко около него, такъ что онъ чувствовалъ теплоту ея колѣна. Послѣ страшнаго волненія послѣднихъ минутъ онъ почувствовалъ, какъ сразу на него сошло успокоеніе, и ему было пріятно, что онъ самъ, своей волей, справился со своимъ волненіемъ. Какъ только они сѣли за столъ, онъ принялъ твердое рѣшеніе побѣдить грызущую боль, терзавшую его сердце. Онъ слишкомъ ослабѣлъ, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ, какую роль въ этомъ играла его воля. Теперь ему приходили на умъ разныя успокоительныя соображенія,—несомнѣнно, онъ придалъ тому взгляду Маріи гораздо худшее значеніе, чѣмъ онъ заслуживалъ, точно также она могла посмотреть на кого угодно другого. Да вотъ и сейчасъ на эту незнакомую парочку она смотрѣла совершенно такимъ же взглядомъ, какъ и на тѣхъ пѣвцовъ.

Вино было вкусно, музыка звучала ласково, лѣтній вечеръ дышалъ тихой прелестью и изъ глазъ Маріи, когда Феликсъ взглянулъ на нее, лился цѣлый потокъ нѣжности и любви. И ему захотѣлось всѣмъ своимъ существомъ отдаться настоящему моменту. Онъ еще разъ приказалъ своей волѣ освободиться отъ власти прошедшаго и будущаго. Онъ хотѣлъ испытать счастье или, по крайней мѣрѣ, опьяненіе. И вдругъ, совершенно неожиданно у него явилось одно ощущеніе, въ которомъ было для него что-то успокоительное, разрѣшающее,—теперь, казалось ему, для него ничего бы не стоило разстаться

съ жизнью. Да, именно, теперь, сейчасъ. И вѣдь онъ всегда имѣлъ возможность исполнить это, такое настроеніе, какъ теперь, можетъ въ любой моментъ вернуться къ нему. Музыка, легкое опьяненіе и прелестная женщина рядомъ съ нимъ,—да, вѣдь это его Марія. Онъ задумался. Пожалуй, всякая другая на ея мѣстѣ могла бы замѣнить ее. Она также съ видимымъ удовольствіемъ пила вино. Феликсу пришлось заказать вторую бутылку. Онъ чувствовалъ себя прекрасно. Онъ рѣшилъ, что это было слѣдствіемъ непривычнаго для него опьяненія. Но важно то, что оно принесло съ собой. Право, теперь смерть не имѣла для него ничего ужаснаго. Ахъ, все это въ сущности такъ пусто и ничтожно!

— Ну, что, Марія?—сказалъ онъ.

Она ближе придвинулась къ нему.

— О чемъ ты думаешь, Феликсъ?

— Все это пустяки. Не правда ли, Марія?

— Да, все, — отвѣтила она, — все, кромѣ того, что я люблю тебя навѣкъ.

Ему показалось удивительно странно, что она именно теперь сказала это и такъ серьезно. Ея личность въ сущности не имѣла для него никакого значенія. Она сливалась для него со всѣмъ остальнымъ міромъ. Да такъ это и должно быть, такъ и надо относиться къ окружающему. Нѣтъ; это не вино внушаетъ ему эти мысли. Вино можетъ только снять съ насъ что-нибудь, какую-нибудь тяжесть, давящую на насъ; оно отнимаетъ у людей и у вещей ихъ значеніе. Да, теперь ничего бы не стоило всыпать какой-нибудь бѣлый порошокъ въ стаканъ — какъ это просто! И при этомъ онъ почувствовалъ, что на глаза ему навернулись слезинки. Ему стало немного жалко самого себя.

Тамъ, въ саду хоръ окончилъ свою пѣсню. Раздались аплодисменты, крики «браво», потомъ неясный шумъ и гулъ голосовъ, и оркестръ съ веселой торжественностью заигралъ полонезъ. Феликсъ слегка выбивалъ рукой тактъ. Въ головѣ его мелькнула мысль: «Ахъ, что тутъ думать, надо пользоваться хорошенько тѣмъ кусочкомъ жизни, который еще отпущенъ мнѣ на долю». И въ этой мысли не было никакой горечи. Скорѣе что-то горделивое, царственное. Какъ! Дрожать отъ страха, ожидая конца, который, въ концѣ-концовъ, предстоитъ каждому? Отравлять себѣ дни и ночи пустыми грезами, когда онъ до глубины души чувствуетъ, что всѣ виды наслажденій вполне доступны ему. Музыка его очаровываетъ, вино нравится ему, а эту очаровательную дѣвочку онъ съ восторгомъ осыпалъ бы сейчасъ поцѣлуями. Нѣтъ, еще право слишкомъ рано отравлять свою душу! А какъ только настанетъ тотъ часъ, когда для него уже не будетъ существовать ни желаній, ни наслажденій, тогда... быстрый конецъ,—какое гордое, царственное рѣшеніе! Онъ взялъ руку Маріи и

долго сжималъ ее въ своихъ. Приблизивъ ее къ губамъ, онъ согрѣвалъ ее своимъ дыханіемъ.

— Полно, — сказала Марія голосомъ, звучащимъ внутренней радостью.

Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ. Какъ она была красива, какъ красива!

— Пойдемъ, — сказалъ онъ ей.

Она отвѣтила непринужденно.

— Развѣ мы не прослушаемъ еще одну пѣсню?

— О, да, — сказалъ онъ, — мы откроемъ окно, и вѣтеръ принесетъ ее намъ въ комнату.

— Ты усталъ? — спросила она озабоченно.

Онъ ласково провелъ по ея волосамъ и засмѣялся.

— Да, — сказалъ онъ.

— Такъ пойдемъ.

Они встали и вышли изъ сада. Она взяла его руку, крѣпко прижалась къ ней и прислонилась щекой къ его плечу. Пѣніе хора все удалялось и удалялось, по мѣрѣ того какъ они приближались къ дому. Весело, темпомъ вальса звучали голоса, такъ что невольно шаги становились легче и свободнѣе. Ихъ отель оказался всего въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы. Когда они вошли на лѣстницу, музыки совсѣмъ не стало слышно. Но едва они вошли въ комнату, на встрѣчу имъ широкой волной ворвался безпечный напѣвъ вальса.

Окно было распахнуто настезь и голубая лунная ночь мягко вливалась въ комнату. Прямо противъ на фонѣ неба вырисовывалась гора съ рѣзкими очертаніями замка на вершинѣ. Не нужно было зажигать свѣчу, серебряный лунный свѣтъ заливалъ всю комнату, только углы тонули въ сумракѣ. Невдалекѣ отъ окна стояло кресло. Феликсъ бросился на него и притянулъ къ себѣ Марію. Онъ цѣловалъ ее, и она его цѣловала. Въ паркѣ замолкла пѣсня, но крики одобренія раздавались такъ настойчиво, что они начали ее сначала. Вдругъ Марія встала и подошла къ окну. Феликсъ пошелъ за ней.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вѣтъ, не надо!

Онъ нетерпѣливо топнулъ ногой.

— Почему не надо?

— Феликсъ! — она умоляюще сложила руки.

— Такъ не надо? — сказалъ онъ съ гнѣвнымъ подергиваньемъ губъ. — Нѣтъ? Мнѣ надо лучше думать о смерти.

— Да что ты, Феликсъ! — и она упала къ его ногамъ, обнимая его колѣни.

Онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Ты дитя, Марія, — прошепталъ онъ и продолжалъ, касаясь губами ея уха. — Я люблю тебя, знаешь? И мы будемъ счастливы, пока

въ насъ есть хоть капля жизни. Я готовъ отказаться отъ цѣлаго года жизни, полной тоски и страха, мнѣ довольно нѣсколькихъ недѣль, пожалуй, нѣсколькихъ дней. Но я хочу ихъ прожить настоящимъ образомъ, я не хочу ни въ чемъ себѣ отказывать, ни въ чемъ! А потомъ... туда.—И обнимая ее одной рукой, онъ показалъ другой туда, гдѣ подъ окнами протекала темная рѣка. Хоръ окончилъ пѣсню и теперь до нихъ доносился тихій плескъ воды.

Марія ничего не отвѣчала. Она обѣими руками крѣпко обнимала его за шею. Феликсъ съ наслажденіемъ вдыхалъ аромать ея волосъ. Какъ онъ любилъ ее! Да, еще хоть нѣсколько дней счастья и потомъ...

Все было тихо кругомъ, и Марія спала. Концертъ давно кончился, подъ окнами съ громкимъ смѣхомъ и говоромъ проходили изъ сада запоздавшіе музыканты и пѣвцы. Феликсъ думалъ, какъ странно, что эти хохочущіе люди были, быть можетъ, тѣ самыя, пѣніе которыхъ такъ глубоко трогало его. Наконецъ, и послѣдніе голоса замолкли и слышно было только жалобное рокотанье рѣки. Да, еще нѣсколько дней и ночей, и потомъ... Но она такъ любитъ жизнь. Рѣшится ли она когда-нибудь? Ей, впрочемъ, и не надо рѣшаться, не надо даже и знать. Когда-нибудь она также заснетъ въ его объятіяхъ и... не проснется больше. И когда онъ вполне увѣрится въ этомъ, тогда и онъ уйдетъ туда же. Но онъ ничего ей не скажетъ, она слишкомъ любитъ жизнь! Она станетъ бояться его, и ему придется одному... Ужасно! Лучше всего было бы сейчасъ... она спитъ такъ хорошо! Покрѣпче сжать ее шею и все готово. Нѣтъ, это было бы глупо. Ему предстоитъ еще много часовъ блаженства; онъ будетъ знать, который долженъ стать послѣднимъ. Онъ смотрѣлъ на Марію и ему казалось, что передъ нимъ лежитъ его спящая рабыня.

Принятое имъ рѣшеніе успокоило его. Зордая улыбка мелькала на его губахъ, когда онъ въ слѣдующіе дни гулялъ съ Маріей по улицамъ и подмѣчалъ восхищенные взгляды, какими окидывали ее встрѣчные мужчины. И когда они ѣздили вмѣстѣ кататься или сидѣли вечеромъ въ саду, или у себя въ комнатѣ, онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, онъ испытывалъ особое, не знакомое ему раньше, гордое чувство власти. Ему мѣшало нѣсколько только сознаніе, что она не добровольно послѣдуетъ за нимъ. Но у него были основанія думать, что его планъ ему удастся. Она уже не осмѣливалась больше протестовать противъ его бурныхъ ласкъ и никогда она не проявляла въ отношеніи его болѣе безавѣтной преданности, чѣмъ въ эти послѣдніе дни. Съ радостной дрожью ожидалъ онъ того момента, когда онъ наконецъ рѣшится сказать ей: «Сегодня мы умремъ». Но онъ все откладывалъ наступленіе этого момента. Иногда онъ рисовалъ себѣ романтическую картину: онъ погружаетъ ее въ сердце кипяль, и она, уми-

рая, цѣлуетъ любимую руку. Онъ постоянно задавалъ себѣ вопросъ, достигла ли она уже такой степени самозабвенія. Но въ этомъ онъ еще сомнѣвался.

Разъ утромъ, проснувшись, Марія сильно испугалась. Феликса не было на его кровати. Она вскочила, и только тогда замѣтила, что онъ сидитъ въ креслѣ у окна, мертвенно-блѣдный, съ низко склоненной головой и раскрытой на груди рубашкой. Охваченная непреодолимымъ ужасомъ, бросилась она къ нему.

— Феликсъ!

Онъ открылъ глаза.

— Что? Что такое!—Онъ схватился за грудь и застоналъ.

— Отчего ты не разбудилъ меня?—воскликнула она, ломая руки.

— Теперь ничего,—сказалъ онъ.

Она подбѣжала къ постели, схватила одѣяло и накинула ему на ноги.

— Скажи же, Бога ради, какъ ты сюда попалъ?

— Не знаю, право, должно быть, во снѣ. Меня что-то душило за горло. Я не могъ вдохнуть. Я совсѣмъ забылъ про тебя. Здѣсь у окна стало лучше.

Марія наскоро накинула на себя платье и закрыла окна. Поднялся неприятный вѣтеръ, съ сѣраго неба моросилъ осенній дождикъ и въ окна проникала пронизывающая сырость. Комната ихъ стала сѣрой и чужой, утративъ сразу всю свою привѣтливую уютность. Наступило безрадостное осеннее утро и разсѣяло тотъ мѣръ очарованія, который они создали себѣ здѣсь.

Феликсъ былъ совершенно спокоенъ.

— Почему ты дѣлаешь такіе испуганные глаза? Что такое случилось? У меня бывали дурные сны и въ хорошіе дни.

Но она не успокаивалась.

— Прошу тебя, Феликсъ, поѣдемъ назадъ, въ Вѣну.

— Да почему же?

— Какъ бы то ни было, лѣто уже кончилось. Посмотри, какое безутѣшное небо. Вѣдь для тебя можетъ быть опасно, если начнется голода.

Онъ внимательно слушалъ. Къ его удивленію именно теперь онъ испытывалъ очень пріятное чувство, легкую усталость выздоравливающего. Дышать было легко и въ самой слабости было что-то успокоительное, разнѣживающее. Отъѣздъ вполнѣ согласовался съ его желаніемъ. Мысль о перемѣнѣ мѣста очень ему нравилась. Ему представлялось пріятнымъ въ дождливый день лежать въ купѣ, положивъ голову на плечо Маріи.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—поѣдемъ.

— Сегодня же?

— Да, сегодня. Со скорымъ поѣздомъ, въ двѣнадцать часовъ.

— А ты не устанешь?

— Да что ты воображаешь? Развѣ это трудъ какой-нибудь—путешествіе. И ты вѣдь сама позаботишься обо всемъ, что мнѣ такъ надобно въ время путешествія.

Она очень обрадовалась, что ей такъ легко удалось уговорить его ѣхать. Не теряя времени, она начала приготовляться, уложила, потребовала счетъ, заказала карету и дала знать на желѣзную дорогу, чтобы имъ оставили купэ. Феликсъ тоже одѣлся, но не выходилъ изъ комнаты и все утро лежалъ на диванѣ. Онъ смотрѣлъ, какъ Марія озабоченно ходила по комнатѣ, и изрѣдка улыбался. Но по большей части онъ дремалъ. Онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ, и когда онъ устремлялъ на нее взглядъ, ему было пріятно, что она всегда будетъ съ нимъ, всегда и, наконецъ, они вмѣстѣ найдутъ послѣднее успокоеніе. «Скоро, скоро»,—говорилъ онъ про себя, а въ сущности еще никогда это не казалось ему такимъ далекимъ.

Именно такъ, какъ онъ себѣ воображалъ, лежалъ онъ въ купэ, удобно устроившись на диванѣ, положивъ голову на плечо Маріи и закутавшись пледомъ. Черезъ закрытыя окна смотрѣлъ онъ на струившійся съ неба дождь, вглядывался въ туманъ, изъ котораго по временамъ выплывали то холмы, то дома. Мелькали телеграфные столбы, убѣгали то вверхъ, то внизъ проволоки, поѣздъ останавливался на станціяхъ, но Феликсъ со своего положенія не могъ различать людей, которые, вѣроятно, сновали по платформѣ. Онъ слышалъ только замедлившійся темпъ поѣзда, голоса, звонокъ и свистки. Сначала онъ просилъ Марію почитать ему газету, но ей приходилось слишкомъ напрягать голосъ, и скоро они оставили это. Оба были довольны, что ѣдутъ домой.

Смеркалось, и дождь все струился. Феликсъ чувствовалъ потребность уяснить себѣ что-то. Но мысли его не хотѣли принимать опредѣленныхъ очертаній. Онъ раздумывалъ. Итакъ, здѣсь лежитъ тяжело больной... Онъ возвращается съ горъ, такъ какъ тяжело больные люди обыкновенно ѣздятъ туда на гѣто... И рядомъ съ нимъ его милая, она самоотверженно ухаживала за нимъ все время и теперь устала... Какая она блѣдная, или это отъ освѣщенія? Да, вѣдь тамъ наверху уже горитъ лампа. А между тѣмъ не совсѣмъ еще стемнѣло... И вотъ пришла осень... Осень печальная и тихая... Сегодня вечеромъ мы будемъ въ нашей вѣнской комнатѣ... И мнѣ будетъ казаться, что я никогда не выѣзжалъ оттуда... Хорошо, что Марія спитъ, мнѣ не хотѣлось бы слышать теперь ея голоса. Интересно, есть ли въ поѣздѣ кто-нибудь съ пѣвческаго праздника?.. Я только усталъ, я совсѣмъ не боленъ. Наверно въ поѣздѣ много болѣе серьезно больныхъ, чѣмъ я... Ахъ, какъ пріятно одиночество... А какъ прошелъ сегодняшній день? Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, сегодня лежалъ на диванѣ въ Зальцбургѣ? Это, кажется, такъ давно... Да, время и пространство, что мы

объ нихъ знаемъ? Загадка жизни! Быть можетъ, когда мы умремъ, мы разгадаемъ ее.

Въ ухахъ у него зазвучала мелодія. Онъ зналъ, что это просто шумъ поѣзда, и все-таки это была мелодія, какая-то народная пѣсня, должно быть, русская, однообразная и красивая.

— Феликсъ, Феликсъ!

— Что такое?

Марія стояла передъ нимъ и гладила его по лицу.

— Хорошо спалъ, Феликсъ?

— Да что же случилось?

— Черезъ четверть часа мы будемъ въ Вѣнѣ.

— Не можетъ быть!

— Это былъ здоровый сонъ, онъ, навѣрно, принесетъ тебѣ пользу.

Она сложила вещи. Поѣздъ сквозь ночной мракъ стремился дальше. Поминутно раздавались свистки и мимо оконъ мелькали огни. Поѣздъ шелъ мимо подгороднихъ станцій.

Феликсъ сѣлъ на диванѣ.

— Я слишкомъ долго лежалъ, меня совсѣмъ разбило, — сказалъ онъ. Онъ сѣлъ въ уголъ и сталъ смотрѣть въ окно. Издали онъ уже различалъ ряды мерцающихъ огоньковъ на городскихъ улицахъ. Поѣздъ шелъ медленно. Марія открыла окно и высунулась изъ него. Замельжали фонари вокзала. Марія махала кому-то рукой, потомъ повернулась къ Феликсу и воскликнула.

— Онъ тутъ, онъ тутъ.

— Кто?

— Альфредъ!

— Альфредъ?

Она все продолжала махать рукой. Феликсъ всталъ и смотрѣлъ черезъ ея плечо. Альфредъ быстро подходилъ и протягивалъ руку Маріи.

— Ну, добро пожаловать! Феликсъ, здравствуй.

— Какимъ образомъ ты явился?

— Я телеграфировала ему, — быстро проговорила Марія, — что мы ѣдемъ.

— Ты настоящій другъ, — сказалъ Альфредъ. — Почта для тебя, конечно, незнакомое изобрѣтеніе. Однако, выходите же.

— Я такъ заспался, — сказалъ Феликсъ, — что едва стою на ногахъ.

Онъ улыбался, чувствуя, что качается, идя по корридору вагона.

Альфредъ взялъ его подъ руку, и Марія, какъ будто боясь потерять ихъ, быстро взяла его подъ другую.

— Вы оба, вѣрно, очень устали?

— Да, я совсѣмъ разбита, — сказала Марія, — послѣ этой глупѣйшей желѣзной дороги чувствуешь себя совсѣмъ другимъ человекомъ, несправда ли, Феликсъ?

Они медленно спускались по ступенькамъ. Марія старалась встрѣ-

*

тяться глазами съ Альфредомъ, а тотъ избѣгалъ ея взгляда. Внизу онъ подозвалъ знакомъ карету.

— Я радъ, что увидѣлъ тебя, дорогой Феликсъ,—сказалъ онъ.— Завтра утромъ я приду къ тебѣ поболтать.

— У меня совсѣмъ голова закружилась,—проговорилъ Феликсъ.— Ну, не настолько все-таки,—сказалъ онъ, когда Альфредъ хотѣлъ помочь ему войти въ карету. Онъ вошелъ самъ и протянулъ руку Маріи.—Вотъ видишь!

Марія вошла вслѣдъ за нимъ.

— Итакъ, до завтра,—сказала она, протягивая Альфреду руку черезъ окно кареты. И взглядъ ея, полный боязни, такъ настоятельно требовалъ отвѣта, что онъ принудилъ себя улыбнуться.

— Да, до завтра. Я буду съ вами завтракать, — крикнулъ онъ. Карета уже отъѣзжала.

Альфредъ нѣсколько секундъ простоялъ на мѣстѣ.

— Мой бѣдный другъ, — пробормоталъ онъ.

На слѣдующее утро Альфредъ пришелъ очень рано, и Марія встрѣтила его у дверей.

— Я должна поговорить съ вами,—сказала она.

— Лучше пустите меня къ нему. Когда я его изслѣдую, у насъ будетъ больше о чемъ говорить.

— Я только объ одномъ хочу просить васъ, Альфредъ! Какъ бы вы его ни нашли, не говорите ему ничего.

— Что вамъ приходитъ въ голову! Дѣло, вѣроятно, вовсе не такъ плохо. Что, онъ еще спитъ?

— Нѣтъ, онъ не спитъ.

— Какъ прошла ночь?

— До четырехъ часовъ онъ спалъ крѣпко, а потомъ сталъ безпокоиться.

— Пустите меня сперва одного къ нему. Вы должны постараться привести въ порядокъ свое блѣдное личико. Вы не должны показываться ему въ такомъ видѣ.

Онъ съ улыбкой пожалъ ея руку и одинъ прошелъ въ спальню.

Феликсъ лежалъ, закрывшись одѣяломъ до самого подбородка, и встрѣтилъ своего друга молчаливымъ кивкомъ головы. Тотъ сѣлъ къ нему на постель и сказалъ:

— Ну, вотъ мы и дома, наконецъ. Ты, повидимому, прекрасно поправился и, надѣюсь, оставилъ въ горахъ свою меланхолію.

— О, да!—сказалъ Феликсъ, не мѣняя выраженія лица.

— Не приподымешься ли ты чуточку. Такъ спозаранку я прихожу только въ качествѣ врача.

— Пожалуйста,—сказалъ Феликсъ равнодушно.

Альфредъ изслѣдовалъ больного, предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые получилъ краткіе отвѣты, и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, какъ бы то ни было, мы можемъ быть довольны результатами.

— Оставь, пожалуйста, этотъ шарлатанскій тонъ,—съ нетерпѣніемъ перебилъ его Феликсъ.

— Лучше самъ ты оставь свои глупости. Взглянемъ хоть разъ на дѣло прямо. Ты долженъ хотѣть выздоровѣть, а не отдаваться пассивно во власть судьбы. Это тебѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы.

— Что же мнѣ слѣдуетъ дѣлать?

— Во-первыхъ, ты пролежишь нѣсколько деньковъ въ постели.

— По правдѣ сказать, у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты вставать.

— Тѣмъ лучше.

Феликсъ нѣсколько оживился.

— Одно только хотѣлъ бы я знать. Что такое въ сущности было со мною вчера. Серьезно, Альфредъ, ты долженъ объяснить мнѣ это. Все время я былъ точно въ какомъ-то туманѣ. И на желѣзной дорогѣ, и на извозчикѣ, и когда спать ложился...

— Что-жъ тутъ объяснять? Ты не гигантъ какой-нибудь. Со всякимъ, кто усталъ, бываетъ такъ.

— Нѣтъ, Альфредъ. Такая усталость, какъ вчера, для меня что-то совершенно необычное. И сегодня я тоже чувствую усталость. Но голова у меня все-таки ясная. Вчера это не было даже непріятно мнѣ, но воспоминаніе объ этомъ мнѣ страшно тяжело. Какъ я только подумаю, что могу опять испытать нѣчто въ этомъ родѣ...

Въ эту минуту въ комнату вошла Марія.

— Поблагодари Альфреда,—обратился къ ней Феликсъ.—Онъ производитъ тебя въ сидѣлки. Съ нынѣшняго дня я остаюсь въ постели и имѣю честь рекомендовать тебѣ мое смертное ложе.

На лицѣ Маріи выразился ужасъ.

— Не давайте этому сумасшедшему запугивать васъ,—сказалъ Альфредъ.—Ему надо полежать нѣсколько деньковъ, и вы, конечно, присмотрите за нимъ.

— Еслибъ ты могъ вообразить себѣ, Альфредъ,—съ насмѣшливымъ пафосомъ воскликнулъ Феликсъ,—что за ангелъ моя Марія.

Альфредъ ничего не сказалъ на это. Обратясь къ Маріи, онъ давалъ ей подробныя указанія, какой уходъ нуженъ Феликсу. Покончивъ съ этимъ, онъ сказалъ ему.

— Заявляю тебѣ, что я буду приходить къ тебѣ въ качествѣ врача только черезъ день. Чаше нѣтъ необходимости. Въ другіе дни о твоёмъ здоровьи не будетъ и рѣчи. Я буду заходить къ тебѣ по старой привычкѣ просто поболтать.

— Богъ мой,—воскликнулъ Феликсъ,—что за психологъ этотъ чело-вѣкъ! Право, оставь ты всѣ эти глупости для другихъ твоихъ пациен-товъ, особенно такіа, самыя примитивныя.

— Милый мой Феликсъ, я говорю съ тобой, какъ мужчина съ женщиной. Совершенно вѣрно, ты боленъ. Но также вѣрно и то, что при правильномъ леченіи ты выздоровѣешь. Я не могу сказать тебѣ ничего иного.—Съ этими словами онъ всталъ.

Феликсъ слѣдилъ за нимъ недоувѣрчивымъ взглядомъ.

— Этакъ, пожалуй, можно было бы и повѣрить ему.

— Это ужъ твое дѣло, мой милый,—коротко отвѣтилъ докторъ.

— Ну, вотъ, Альфредъ,—сказалъ Феликсъ,—ты опять все испортилъ. Этотъ рѣзкій тонъ въ отношеніи тяжело больного—слишкомъ извѣстная уловка.

— До завтра,—сказалъ Альфредъ, поворачиваясь къ двери. Марія пошла за нимъ и хотѣла было проводить его за дверь. Но онъ повелительнымъ тономъ шепнулъ ей:

-- Оставайтесь!

Она заперла за нимъ дверь.

— Подойди ко мнѣ, малютка!—сказалъ Феликсъ, когда она съ спокойной улыбкой стала перебирать свою работу.—Сюда, сюда. Ты, право, удивительно доброе дитя.

Эти ласковыя слова онъ произнесъ сухимъ, даже жесткимъ тономъ.

Слѣдующіе дни Марія не отходила отъ его кровати. Она была сама доброта и самоотверженность. И при этомъ отъ всего ея существа вѣяло яснымъ и радостнымъ спокойствіемъ, которое должно было хорошо дѣйствовать на больного и иногда, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовало хорошо. Но въ другія минуты его раздражала веселая мягкость, съ какою обращалась съ нимъ Марія, и когда она начинала болтать съ нимъ о какой-нибудь газетной новости, или о томъ, какъ они устроятъ свою жизнь, когда онъ будетъ здоровъ, онъ рѣзко прерывалъ ее, прося пощадить его и оставить въ покоѣ. Альфредъ приходилъ каждый день, иногда даже по два раза въ день, но, казалось, обращалъ очень мало вниманія на состояніе своего друга. Онъ говорилъ объ ихъ общихъ друзьяхъ, рассказывалъ разныя исторіи изъ своей больничной практики, иногда вдавался даже въ какой-нибудь литературный или художественный разговоръ, но всегда умѣлъ такъ устроить, чтобы Феликсъ много не говорилъ. Оба, и жена, и другъ вели себя такъ непринужденно, что иногда Феликсу трудно было не поддаться непрощеннымъ надеждамъ, которыя назойливо осаждали его. Онъ говорилъ себѣ, что оба они по чувству долга играютъ передъ нимъ комедію, которая съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ разыгрывается у постели каждого тяжело больного. Но сколько онъ ни старался не поддаваться и съ своей стороны тоже играть роль въ ихъ комедіи, онъ постоянно ловилъ себя на беззаботной болтовнѣ о разныхъ знакомыхъ, какъ будто бы ему самому предстояло еще много лѣтъ бродить среди живыхъ, въ этомъ освѣщенномъ солнцемъ мірѣ. Потому что ему прихо-

дило на память, что такое спокойное состояніе у больныхъ его болѣзнью часто служить предвѣстіемъ близкаго конца, и эта мысль въ одну минуту отравляла всѣ его надежды. Дошло до того, что онъ сталъ считать мрачное настроеніе благопріятнымъ признакомъ и почти радовался, когда оно овладѣвало имъ. Потомъ онъ снова приходилъ къ заключенію, что это совершенно негѣпый ходъ разсужденій, и что тутъ вообще невозможно никакое знаніе, никакая увѣренность. Онъ снова принялся за чтеніе, но романы уже не доставляли ему удовольствія, они ему надоѣли, а нѣкоторые, въ которыхъ рисовалась цвѣтушая, полная событій жизнь, глубоко разстраивали его. Онъ обратился къ философамъ и заставлялъ Марію доставать себѣ изъ книжнаго шкафа то Шопенгауэра, то Нитцше. Но не долго дѣйствовала на него успокоительно ихъ мудрость.

Однажды Альфредъ засталъ его въ то время, когда томъ Шопенгауэра лежалъ у него на одѣягѣ, а самъ онъ съ мрачнымъ видомъ смотрѣлъ прямо передъ собой. Марія сидѣла рядомъ съ работой.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Альфредъ,—вскричалъ онъ возбужденнымъ тономъ, замѣтивъ входявшаго Альфреда,—я хочу снова приняться за романы.

— Что же такъ?

— Это, по крайней мѣрѣ, басня какъ басня. Хорошая или плохая, смотря по рассказчику. А эти господа,—показалъ онъ глазами на книгу,—это просто жалкіе фразеры.

— Ого!

Феликсъ приподнялся на кровати.

— Презирать жизнь, когда самъ здоровъ, какъ Богъ, спокойно смотрѣть въ глаза смерти, путешествуя по Италиі и любуясь роскошной жизнью кругомъ,—это я называю рисовкой. Запереть бы такого господина въ комнату, заставить его дрожать въ лихорадкѣ и задыхаться, да сказать, что между 1-мъ января и 1-мъ февраля слѣдующаго года онъ будетъ лежать въ землѣ, и вотъ пусть-ка онъ тогда пофилософствуетъ.

— Полно,—сказалъ Альфредъ,—что за парадоксы!

— Тебѣ этого не понять. Ты, просто, не въ состояніи этого понять! А мнѣ это противно. Всѣ они фразеры!

— И Сократъ?

— Тоже былъ комедіантъ. Нормальный человѣкъ естественно испытываетъ страхъ передъ неизвѣстнымъ, въ лучшемъ случаѣ его можно только скрыть. Это я говорю тебѣ совершенно искренно. Психологія умирающихъ сплошь фальсифицирована, потому что всѣ великіе люди, смерть которыхъ извѣстна, чувствовали себя обязанными передъ потомствомъ играть комедію. А я? Что я дѣлаю? Что я дѣлаю, когда говорю съ вами о всевозможныхъ вещахъ, до которыхъ мнѣ въ сущности нѣтъ никакого дѣла? Что?

— Не говори ты такъ много, особенно такихъ глупостей.

— Я тоже почему-то чувствую себя обязаннымъ представляться, а въ дѣйствительности я испытываю одинъ безграничный, безумный ужасъ, о которомъ здоровые люди не могутъ составить даже понятія. И всѣ они испытываютъ этотъ самый страхъ, всѣ, и герои, и философы, только эти умѣютъ лучше играть комедію.

— Да успокойся же, Феликсъ.

— Вы, оба, навѣрно, воображаете,—продолжалъ больной,—что вы можете спокойно смотрѣть въ глаза вѣчности, потому что вы не имѣете объ ней пока никакого понятія. Надо быть обреченнымъ, какъ какой-нибудь преступникъ или какъ я, только тогда можно говорить объ этомъ. И жалкій бѣдняга, идущій въ цѣпяхъ къ висѣльцѣ, и великій мудрецъ, выдумывающій изреченія, выпивъ кубокъ яда, и герой, идущій на смерть за свободу и съ улыбкой встрѣчающій направленныя на его грудь дула ружей, всѣ они лицемѣрятъ, я знаю это,—ихъ самообладаніе, ихъ улыбки—рисовка, такъ какъ всѣ они въ сущности испытываютъ страхъ, отвратительный страхъ смерти. Этотъ страхъ также естественъ, какъ сама смерть!

Альфредъ спокойно пересѣлъ къ нему на кровать и, когда онъ кончилъ, сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, съ твоей стороны неблагоприятно говорить такъ много и такъ громко. А кромѣ того, ты болтаешь чистѣйшій вздоръ и, очевидно, страдаешь жестокой ипохондріей.

— Вѣдь ты же теперь такъ хорошо себя чувствуешь!—воскликнула Марія.

— Неужели она въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ?—сказалъ Феликсъ, обращаясь къ Альфреду,—Хоть бы ты ей объяснилъ все когда-нибудь:

— Милый другъ,—отвѣтилъ докторъ,—въ объясненіяхъ нуждаешься только ты. Но сегодня ты такъ упрямъ, что я отказываюсь объяснять тебѣ что-нибудь. — Черезъ два, три дня если ты не будешь больше произносить такихъ длинныхъ рѣчей, тебѣ можно будетъ встать, и тогда мы серьезно обсудимъ причины твоихъ мрачныхъ настроеній.

— Еслибъ я только могъ не видѣть тебя насквозь,—сказалъ со вздохомъ Феликсъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—первалъ его Альфредъ.—Не дѣлайте такого огорченнаго лица,—обратился онъ къ Маріи,—когда-нибудь и къ этому господину вернется рассудокъ. А теперь скажите мнѣ, почему у васъ всѣ окна залепты. Сегодня чудный осенній день, лучше и вообразить нельзя.

Марія встала и открыла одно окно. Начинало смеркаться, и изъ окна повѣяло такой живительной прохладой, что она почувствовала потребность подольше подышать этимъ воздухомъ. Она осталась у окна и наклонила впередъ голову. У нея сразу явилось такое ощущение

віе, точно она совсѣмъ ушла изъ той комнаты. Она вдругъ очутилась на свободѣ и одна. Уже много дней она не испытывала такого пріятнаго чувства. Когда она снова повернула голову назадъ, въ комнату, на нее пахнуло душнымъ больничнымъ воздухомъ и на грудь ея легла тяжесть. Она видѣла, что Феликсъ и Альфредъ разговариваютъ между собой, но не могла въ точности разобрать словъ, да и не стремилась къ этому. Она снова наклонилась впередъ. На ихъ улицѣ было тихо и почти пусто, только съ большой улицы изъ-за угла доносился заглушенный грохотъ колесъ. По тротуару какъ-то по домашнему шли двое прохожихъ, у противоположнаго дома болтала и смѣялась кучка горничныхъ. Какая-то молодая женщина, также какъ и Марія, выглядывала изъ окна напротивъ. Марія не могла понять, почему эта женщина не идетъ гулять. Она завидовала всѣмъ людямъ, всѣ они были счастливѣе ея.

Настали мягкіе и ясные сентябрьскіе дни. Вечера наступали рано, но были теплы и безвѣтрены.

Марія составила себѣ привычку отодвигать стулъ отъ кровати больного, какъ только представлялась малѣйшая возможность, и сидѣть у открытаго окна. Такъ она просиживала цѣлые часы, особенно если Феликсъ дремалъ. Ею овладѣло глубокое утомленіе, она чувствовала полную неспособность уяснить себѣ положеніе, даже больше—совершенно опредѣленное нежеланіе думать. Цѣлыми часами въ головѣ ея не проходило ни воспоминаній, ни мыслей о будущемъ. Она дремала съ открытыми глазами и была довольна, что свѣжій воздухъ съ улицы обвѣвалъ ея лобъ. Но едва до ея слуха достигалъ слабый стонъ больного, она вскакивала. Она замѣтила, что постепенно утрачивала способность сочувствія. Ея состраданіе превратилось въ нервное возбужденіе, а ея горе стало смѣсью страха и равнодушія. Ей не въ чемъ было упрекнуть себя, и когда недавно докторъ серьезно назвалъ ее ангеломъ, она почувствовала лишь небольшое смущеніе. Но она устала, безгранично устала. Уже дней десять или двѣнадцать она не выходила изъ дому. Почему же? Почему? Объ этомъ надо было подумать. Да, да, мелькнуло у нея въ головѣ, это обидѣло бы Феликса. И она вѣдь охотно сидѣла около него, да. Она любила его, нисколько не меньше, чѣмъ раньше. Она только устала, а вѣдь это вполнѣ естественное чувство. Желаніе пробыть хоть часа два на улицѣ становилась все настойчивѣе. Было положительно ребячествомъ отказывать себѣ въ этомъ. Въ концѣ концовъ, и онъ долженъ понять это. И она снова приходила къ убѣжденію, что она должно быть, безгранично его любить, если хочетъ отстранить отъ него даже слабую тѣнь непріятности. Она уронила на полъ свою работу и бросила взглядъ на кровать уже окутанную сгущавшимися сумерками. Больной задремалъ послѣ относительно спокойнаго дня. Теперь она могла бы уйти, и онъ

даже не узналъ бы объ этомъ. Да, да, туда ввизъ, къ людямъ, въ городской паркъ, на Рингштрассе, гдѣ горитъ электричество, въ самую толкотню, именно къ этой толкотнѣ она стремилась всей душой. Но когда это можетъ осуществиться? Только если Феликсъ выздоровѣетъ. А иначе, что для нея этотъ паркъ, эта улица, эти люди! Что ей вся эта жизнь безъ него!

Она осталась дома.

Она придвинула свой стулъ къ его кровати, взяла руку агспящо и плакала тихими, печальными слезами, и все продолжала плакать, когда мысли ее унеслись уже далеко отъ этого человѣка, на блѣдную руку котораго падали ея горячія слезы.

Когда въ этотъ вечеръ Альфредъ пришелъ къ Феликсу, онъ нашелъ его гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ послѣдніе дни.

— Если такъ пойдетъ дальше, — сказалъ онъ ему, — черезъ два, три дня я спущу тебя съ кровати.

Больной принялъ это, какъ и все, что ему говорили, съ недобрымъ и отвѣтилъ обиженнымъ тономъ:

— Конечно, конечно.

Альфредъ обратился къ Маріи, сидѣвшей у стола, и сказалъ ей.

— Вамъ бы тоже не мѣшало выглядѣть немного лучше.

Даже Феликсъ, взглянувшій при этихъ словахъ на Марію, нашелъ ее странно поблѣднѣвшей.

Онъ приучилъ себя никогда не останавливаться на мысли объ ея самоотверженной добротѣ. Иногда это самопожертвованіе казалось ему не вполне искреннимъ, его раздражала ея неизмѣнная терпѣливая мягкость. Порой ему даже хотѣлось, чтобы она когда-нибудь вышла изъ терпѣнія. Онъ съ наслажденіемъ ждалъ момента, когда она выдастъ себя хоть словомъ, хоть взглядомъ, и онъ злобно броситъ ей въ глаза упрекъ, онъ скажетъ ей, что онъ ни минуты не обманывался въ ней, что ея лицемеріе возбуждало въ немъ отвращеніе и что лучше бы она оставила его умереть спокойно.

Теперь, когда Альфредъ заговорилъ о ея вѣншемъ видѣ, она слегка покраснѣла и улыбнулась.

— Я совершенно хорошо себя чувствую, — сказала она.

Альфредъ подошелъ къ ней ближе.

— Нѣтъ, это не такъ просто. Плохое будетъ выздоровленіе для вашего Феликса, если вы захвораете.

— Да я право же совершенно здорова.

— Скажите, вы выходите хоть не надолго на воздухъ?

— Я не чувствую никакой потребности.

— Скажи, пожалуйста, Феликсъ, неужели она ни на шагъ не отходитъ отъ тебя?

— Ты же знаешь, что она ангелъ, — сказалъ Феликсъ.

— Но, извините, Марія, это просто-напросто глупо. Это бесполезное ребячество изводить себя подобнымъ образомъ.. Вы должны выходить на воздухъ. Я нахожу это совершенно необходимымъ.

— Да что вы на меня нападаете, — возразила Марія съ слабой улыбкой, — мнѣ, право, не хочется выходить.

— Это не имѣетъ никакого значенія. Впрочемъ, то что васъ не тянетъ на воздухъ, само по себѣ нехорошій признакъ. Но вы сегодня же пойдете гулять. Отправляйтесь въ городской паркъ или, если это вамъ не улыбается, возьмите экипажъ и поѣзжайте прокатиться хоть въ Пратеръ. Тамъ теперь прекрасно.

— Но...

— Безъ всякихъ «но». Если вы будете продолжать въ такомъ же родѣ и захотите окончательно превратиться въ ангела, вы погубите себя.

Когда Альфредъ произнесъ эти слова, Феликсъ почувствовалъ бо-
лѣзненный уколъ въ сердце. Въ груди его kloкотало бѣшенство. Въ чертахъ Маріи онъ читалъ выраженіе терпѣливаго страданія, просящаго сочувствія. И вдругъ въ его сознаніи мелькнула мысль, оставившаяся на которой до сихъ поръ казалось ему дерзостью, — мысль о томъ, что эта женщина обязана страдать съ нимъ и умереть съ нимъ. Она губила себя, ну что-жъ, это само собою подразумѣвается. Она, можетъ быть, хотѣла бы сохранить красныя щеки и блестящіе глаза въ то время, какъ онъ близится къ концу? Неужели же Альфредъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что эта женщина, его жена, имѣетъ право заглядывать дальше того часа, который будетъ для него послѣднимъ? Быть можетъ, и она сама осмѣливается...

Съ жаднымъ любопытствомъ вглядывался Феликсъ въ выраженіе лица Маріи, пока докторъ на разные лады повторялъ ей одно и то же.

Наконецъ, онъ заставилъ Марію дать ему обѣщаніе, что она сегодня же выйдетъ на воздухъ, и заявилъ ей, что это обѣщаніе входитъ также въ кругъ ея обязанностей, какъ сидѣлки.

— Со мной ужъ больше не считаются, — подумалъ Феликсъ. — Пусть себѣ погибаетъ тотъ, кто все равно обреченъ на гибель!

Онъ, не глядя, протянулъ Альфреду руку, когда тотъ собрался наконецъ уходить. Онъ ненавидѣлъ его.

Марія проводила доктора только до двери и сейчасъ же вернулась назадъ къ Феликсу. Онъ лежалъ съ крѣпко сжатыми губами и гнѣвной морщиной на лбу. Марія поняла его, она всегда его понимала. Она наклонилась надъ нимъ и улыбнулась.

Онъ перевелъ дыханіе, онъ хотѣлъ бросить ей въ лицо какое нибудь неслыханное оскорбленіе. Ему казалось, что она вполне заслужила это. Но она, проводя ласково рукой по его волосамъ и сохраняя на лицѣ все ту же усталую терпѣливую улыбку, прошептала нѣжно, почти касаясь губами его губъ:

— Я вѣдь не иду.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Весь долгій вечеръ до глубокой ночи просидѣла она у его кровати, пока, наконецъ, не задремала на своемъ стулѣ.

Когда Альфредъ пришелъ на другой день, Марія старательно избѣгала разговора съ нимъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ 'и самъ, по-видимому, совсѣмъ забылъ объ ней и занимался исключительно Феликсомъ. Но онъ ничего не упоминалъ о вставаньи съ постели, а больной не рѣшался спросить его объ этомъ. Онъ чувствовалъ себя сегодня слабѣе, чѣмъ въ предшествующіе дни. Ему очень не хотѣлось говорить и онъ былъ радъ, когда докторъ, наконецъ, оставилъ его. На вопросы Маріи онъ тоже отвѣчалъ коротко и неохотно. Когда, послѣ нѣсколькихъ часовъ молчанія, она спросила его:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

Онъ отвѣчалъ:

— Не все ли равно?

Онъ закинулъ руки за голову, закрылъ глаза и почти все время дремалъ. Марія долго сидѣла около него, потомъ мысли ея стали расплываться и она тоже забылась. Когда она черезъ нѣсколько времени очнулась, какое-то удивительно-пріятное ощущеніе разлилось по ея членамъ, точно она проснулась послѣ долгаго и здороваго сна. Она встала и подняла опущенныя занавѣси. Изъ ближняго сада доносился аромат запоздавшихъ осеннихъ цвѣтовъ. Никогда еще воздухъ, пахнувшій въ комнату, не казался ей такимъ прекраснымъ.

Она оглянулась на Феликса, онъ спалъ все въ томъ же положеніи и ровно дышалъ. Обыкновенно въ такія минуты она чувствовала себя растроганной, состраданіе, точно какая то тяжесть разливалась по всему ея существу и приковывала ее къ мѣсту. Но сегодня она осталась спокойной, порадовалась, что Феликсъ спитъ и почти безъ всякой внутренней борьбы, точно это случалось ежедневно, рѣшила пойти погулять часокъ. На цыпочкахъ прошла она къ кухнѣ, попросила служанку посидѣть въ комнатѣ больного, быстро схватила шляпу и почти бѣгомъ спустилась съ лѣстницы. Наконецъ-то, она очутилась на улицѣ, скорыми шагами дошла она до городского сада и радостно вздохнула, увидѣвъ вокругъ себя деревья, о которыхъ она такъ давно мечтала. Она сѣла на скамью. Неподалеку отъ нея на другихъ скамьяхъ сидѣли няньки и бонны. Въ аллеѣ играли дѣти. Но наступали уже сумерки и ихъ веселью тоже приближался конецъ. То то, то другая нянька поднималась съ мѣста, подзывала кого-нибудь изъ дѣтей и за руку вводила изъ сада. Скоро Марія осталась почти одна, прошло еще двое, трое гуляющихъ и въ аллеѣ совсѣмъ затихло.

Итакъ, она была здѣсь, на свободѣ. Да, ну какъ же обстоятъ теперь дѣла? Ей казалось, что наступилъ моментъ, когда она должна

бросить безпристрастный взглядъ на все. Она хотѣла выразить, наконецъ, въ словахъ тѣ мысли, которыя шевелились у нея внутри. «Я живу съ нимъ, потому что я люблю его. Я не привошу никакой жертвы, потому что я не могу поступать иначе. А что будетъ дальше? Сколько времени это будетъ еще тянуться? Никакого спасенія не можетъ быть... И что же? Что же? Я хотѣла умереть съ нимъ вмѣстѣ. Почему же теперь мы стали совсѣмъ чужими другъ другу? Онъ думаетъ только о себѣ. И хочетъ ли онъ самъ до сихъ поръ умереть вмѣстѣ съ ней?» Но въ ту же минуту она ощутила увѣренность, что онъ хочетъ этого. Но онъ представился ей теперь уже не въ видѣ любящаго юноши, съ которымъ она хотѣла быть соединенной навѣки. Нѣтъ, теперь ей казалось, что онъ тянетъ ее за собой куда-то внизъ, упрямо, завистливо, только потому, что когда-то она принадлежала ему.

Рядомъ съ ней на скамейку сѣлъ какой-то молодой человѣкъ и что то сказалъ ей. Она разсѣянно отвѣчала:

— Что?

Но опомнившись, она быстро встала и пошла прочь. Взгляды прохожихъ въ паркѣ были ей непріятны. Она вышла на Рингштрассе, подозвала экипажъ и велѣла прокатить себя.

Наступилъ вечеръ, она удобно откинулась въ уголъ коляски и испытывала пріятное ощущеніе отъ этого спокойнаго движенія, отъ мелькающихъ мимо предметовъ, озаренныхъ невѣрнымъ свѣтомъ газа. Прекрасный сентябрьскій вечеръ вызвалъ на улицу цѣлую массу гуляющихъ. Проѣзжая мимо народнаго сада, Марія услышала веселые звуки военной музыки и невольно ей пришелъ на память тотъ вечеръ въ Зальцбургѣ. Напрасно она старалась увѣрить себя, что все въ этой жизни кругомъ было такъ ничтожно, такъ преходяще, что разстаться съ ней въ сущности ничего не стоило. Она не могла пересилить чувства радости жизни, постепенно проникавшаго ее всю. Ей было хорошо. Все ей нравилось. Ей нравилось, что театръ былъ ярко освѣщенъ, что изъ общественнаго сада выходили толпы гуляющихъ, нравилось, что передъ кафе-ресторанами сидѣли за столиками люди, что вообще были люди, о тревогахъ и заботахъ которыхъ она ничего не знала. Ей было пріятно, что воздухъ такъ мягко и ласково обвѣвалъ ея лицо, и что она увидитъ еще много такимъ вечерамъ, тысячи прекрасныхъ дней и ночей, что по жиламъ ея разливается ощущеніе жизнерадостнаго здоровья. Ну и что же? Неужели она должна была упрекать себя за то, что послѣ смертельнаго изнеможенія, владѣвшаго ею долгіе дни, она, наконецъ, на минуту пришла въ себя? Развѣ мимолетный отдыхъ не былъ ея правомъ? Она же была здорова, она была молода и со всѣхъ сторонъ вокругъ нея кипѣла радость жизни. Вѣдь это же такъ естественно, какъ потребность дыханія, какъ высокое небо надъ ней—и она будетъ стыдиться этого? Она вспомнила о Феликсѣ. Если случится чудо, и онъ выздоровѣетъ, она, конечно, бу-

детъ попрежнему неразлучна съ нимъ. Она думала о немъ съ мягкой, снисходительной грустью. Пора вернуться къ нему. А пріятно ли ему, когда она съ нимъ? Цѣניתъ ли онъ ея нѣжность? Какъ жестки всегда его слова! Какой колющій взглядъ у него! А его поцѣлуй! И какъ давно они не цѣловались! Его губы теперь всегда сухи и блѣдны. Она охотнѣе цѣлуетъ его теперь въ лобъ. А лобъ его холоднѣе и влаженъ. Какая скверная вещь болѣзнь!

Она перемѣнила положеніе. Она намѣренно гнала отъ себя мысли о немъ. Чтобы не думать о немъ, она усиленно смотрѣла на улицу и такъ внимательно всматривалась во все, точно хотѣла навсегда запечатлѣть себѣ это въ памяти.

Феликсъ открылъ глаза. У его кровати горѣла свѣча и распространяла слабый свѣтъ. Около него сидѣла ихъ старуха, равнодушно сложивъ руки на колѣняхъ. Онъ приподнялся и вскричалъ:

— Гдѣ же она?

Женщина объяснила ему, что Марія ушла и скоро вернется.

— Вы можете идти,—сказалъ Феликсъ. И когда она, видимо, колебалась, онъ повторилъ снова:—идите же. Мнѣ не нужно васъ.

Онъ остался одинъ. Мучительное безпокойство овладѣло имъ.

Гдѣ она? Гдѣ она? Онъ едва могъ усидѣть на кровати, но встать боялся. Вдругъ у него мелькнула мысль. Ну вотъ, наконецъ, она и ушла! Она рѣшила бросить его совсѣмъ. Она не можетъ больше выносить жизни съ нимъ. Она боится его. Она прочла его мысли. Или, можетъ быть, онъ во снѣ выговорилъ вслухъ, то, что всегда живетъ въ глубинѣ его сознанія, иногда даже безотчетно для него самого. И она не хочетъ умирать съ нимъ. Мысли вихремъ проносились въ его головѣ. Его была лихорадка, возвращавшаяся къ нему каждый вечеръ. Уже такъ давно онъ не говорилъ ей ни одного ласковаго слова, быть можетъ, именно, изъ-за того она бросила его. Онъ замучилъ ее своей мрачностью, своими недовѣрчивыми взглядами, своими горькими рѣчами, а ей нужна была благодарность!.. Нѣтъ, нѣтъ, даже просто справедливость! О, если бы, она только была здѣсь! Онъ долженъ ее видѣть! Безъ нея онъ не можетъ существовать! Съ жгучей болью онъ сознаетъ это,—лишиться ея онъ не въ состояніи. Онъ за все вымолить у ней прощеніе. Онъ снова будетъ глядѣть на нее нѣжнымъ взглядомъ и снова найдетъ для нея слова, полныя глубокой ласки. Ни звукомъ онъ не выдастъ своихъ страданій. Онъ будетъ улыбаться, когда невыносимая тяжесть ляжетъ ему на грудь. Онъ будетъ, задыхаясь, цѣловать ея руки. Онъ расскажетъ ей, что ему снятся разныя нелѣпости и все, что онъ говоритъ во снѣ—лихорадочный бредъ. И онъ поклонится ей, что обожаетъ ее, что желаетъ ей долгой, счастливой жизни. Только пусть она останется съ нимъ до конца, только пусть она не отходитъ отъ его постели, не дастъ ему умереть одному.

Онъ будетъ въ мирѣ и спокойствіи ожидать ужаснаго часа, если только онъ будетъ увѣренъ, что она съ нимъ. А этотъ часъ можетъ придти скоро, каждый день онъ можетъ настать. Поэтому она должна всегда быть около него, на него нападаетъ ужасъ, когда онъ остается безъ нея.

Гдѣ же она? Гдѣ она? Кровь шумѣла у него въ головѣ, въ глазахъ мутилось, дыханіе стало затрудненнѣе и никого не было съ нимъ! Ахъ, зачѣмъ онъ отослалъ ту женщину? Все-таки это была живая душа. А теперь ему нѣтъ больше помощи, нѣтъ помощи. Онъ выпрямился и почувствовалъ себя сильнѣе, чѣмъ думалъ, только воздуху, воздуху все не хватало. Ужасно, какъ это его мучило. Онъ не могъ этого выносить. Онъ вскочилъ съ постели и, полуодѣтый, какъ былъ, бросился къ окну. Воздуху, воздуху! Тутъ онъ вздохнулъ разъ, другой. Ахъ, какъ это было хорошо! Онъ взялъ широкій халатъ, висѣвшій на спинкѣ кровати и опустился на кресло. На нѣсколько секундъ голова у него закружилась и онъ не могъ собрать мыслей, но потомъ одна мысль, все та же, какъ молнія пронзила его. Гдѣ она? Гдѣ она? Быть можетъ, она часто бросала его такъ, когда онъ спалъ? Кто знаетъ? И куда она могла пойти? Хотѣла ли она просто на нѣсколько времени уйти отъ больничнаго воздуха его комнаты, или она хотѣла убѣжать отъ него самого, потому что онъ боленъ? Быть можетъ, его близость противна ей? Или она боится тѣней смерти, которыя уже носятъ въ этой комнатѣ? Или она тоскуетъ о жизни? Быть можетъ, ищетъ жизни? Развѣ не въ немъ теперь ея жизнь? Чего она ищетъ? Чего она хочетъ? Гдѣ она? Гдѣ она?

Торопливыя, лихорадочныя мысли прорывались шопотомъ, стопами, громкими словами. Онъ вскрикивалъ:

— Гдѣ она? Гдѣ она?

И онъ видѣлъ ее передъ собой, какъ она бѣжала по лѣстницѣ, съ улыбкой освобожденія на устахъ, куда-нибудь, гдѣ нѣтъ болѣзни, нѣтъ всей этой мерзости, нѣтъ медленнаго умиранія, стремилась къ чему-нибудь неизвѣстному, ароматному, цвѣтущему. Онъ видѣлъ, какъ она постепенно исчезала въ легкомъ туманѣ и изъ тумана до него доносился только ея смѣхъ, счастливый, радостный смѣхъ. Туманъ разсѣвался и онъ видѣлъ, какъ она танцуетъ. Она кружилась все дальше и дальше и, наконецъ, опять исчезала. Вмѣсто того раздавался какой-то глухой грохотъ, подвигался все ближе, ближе. Онъ вскочилъ. Гдѣ она? Онъ бросился къ окну. Это гремѣла подъѣзжавшая карета, вотъ она остановилась у воротъ дома. Да, конечно, ему даже видно было ее. А изъ кареты выпрыгнула... да, да, это Марія! Такъ вотъ что! Онъ выскочилъ въ переднюю, тамъ было темно, и онъ не могъ найти входной двери. Но вотъ ключъ повернулся въ замкѣ, дверь распахнулась, и Марія вошла, изъ-за ея спины на мгновенье блеснулъ свѣтъ газа на лѣстницѣ. Она прямо наткнулась на него, не замѣтивъ его, и

громко вскрикнула. Онъ схватилъ ее за плечи и втащилъ въ комнату. Онъ открывалъ ротъ, но не могъ произнести ни звука.

— Что съ тобой?—закричала она въ ужасѣ.—Ты съ ума сошелъ?

Она освободилась отъ него, но онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Казалось, что онъ становился все выше. Наконецъ, онъ могъ заговорить.

— Откуда ты пришла? Откуда?

— Бога ради, Феликсъ, опомнись. Какъ ты можешь... Да сядь же, по крайней мѣрѣ.

— Откуда ты пришла?—повторилъ онъ тише.—Откуда? откуда?—шепталъ онъ.

Она схватила его за руки, онѣ пылали. Онъ, не сопротивляясь, почти безсознательно, позволилъ ей довести себя до дивана и медленно опустился на него. Онъ осматривался кругомъ, точно съ трудомъ приходя въ себя. Потомъ онъ снова повторилъ тѣмъ же однообразнымъ тономъ, но внятно:

— Откуда ты пришла?

Она до нѣкоторой степени успокоилась, сняла шляпу, сѣла на диванъ рядомъ съ нимъ и, ласково склоняясь къ нему, сказала:

— Дорогой мой, я вышла немного подышать воздухомъ. Я боялась сама захворать. Какая бы тебѣ была тогда отъ меня польза? Я взяла экипажъ, чтобъ поскорѣе вернуться къ тебѣ.

Онъ откинулся въ уголъ, утомленный, полусонный. Онъ поглядывалъ на нее сбоку, но не отвѣчалъ ничего.

Она продолжала говорить, ласково проводя по его пылающимъ щекамъ.

— Не правда ли, ты не сердись на меня? Я велѣла служанкѣ сидѣть у тебя до моего возвращенія. Ты не видѣлъ ее? Куда же она дѣвалась?

— Я отослалъ ее.

— Зачѣмъ же, Феликсъ? Она должна была посидѣть только до моего прихода. А я такъ стремилась къ тебѣ! Что мнѣ свѣжій воздухъ, когда тебя нѣтъ со мною.

— Марія! Марія!—Онъ положилъ голову ей на грудь, какъ больное дитя. Какъ въ прежніе дни, губы ея прикоснулись къ его волосамъ. Онъ посмотрѣлъ на нее умоляющимъ взглядомъ.

— Марія,—сказалъ онъ,—ты должна всегда оставаться со мной, всегда, не правда ли?

— Да,—отвѣтила она и поцѣловала его спутанные, влажные волосы. Ей было такъ грустно, такъ грустно. Ей такъ хотѣлось бы поплакать, но въ ея грусти было что-то тяжелое, вялое. Никто не могла она ждать облегченія, даже отъ своего горя. Она завидовала ему, такъ какъ видѣла на щекахъ его слезы.

Всѣ слѣдующіе дни и вечера она снова неотлучно сидѣла у его кровати, приносила ему ѣсть, подавала лекарства и читала ему, когда онъ былъ въ состояніи слушать, газету или какой-нибудь романъ. На утро послѣ ея прогулки, пошелъ дождь и сразу началась осень. Цѣлыми часами, цѣлыми днями, не переставая, по стекламъ оконъ струился дождь. Последнее время по ночамъ больной нерѣдко говорилъ какія-то безсвязныя слова. Тогда она тихонько проводила рукой по его лбу и волосамъ и повторяла точно безпокойному ребенку:

— Спи, Феликсъ, спи!

Онъ замѣтно становился слабѣе, но не очень страдалъ, и когда проходили припадки задыханья, которые не давали ему забывать объ его болѣзни, онъ погружался по большей части въ полудремотное состояніе, въ которомъ онъ самъ себя не отдавалъ отчета. Иногда его нѣсколько удивляло: «Почему это меня теперь ничто не волнуетъ?» Замѣчая, что на улицѣ идетъ дождь, онъ говорилъ: «Ахъ, да, осень». Ни о какой пережвѣнъ онъ больше не думалъ. Ни о концѣ, ни о выздоровленіи. Въ эти дни и Марія также утратила всякое представленіе о другой жизни. Даже посѣщенія Альфреда приобрѣли характеръ чего то обычнаго. Но для него, приходившаго оттуда, гдѣ шла вперед и шумѣла жизнь, комната больного съ каждымъ днемъ измѣняла видъ. Онъ хорошо видѣлъ, что для Феликса и Маріи наступило такое время, какое переживаютъ обыкновенно люди послѣ сильныхъ потрясеній, время, когда нѣтъ ни страха, ни надежды, когда даже сознаніе настоящаго становится смутнымъ и неяснымъ, потому что ему не хватаетъ представленія о будущемъ и воспоминанія о прошломъ. Онъ всегда съ тяжелымъ чувствомъ входилъ въ комнату больного, желая одного—найти ихъ въ томъ же состояніи, въ какомъ оставилъ. Такъ какъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ наступить часъ, когда они будутъ вынуждены подумать о томъ, что имъ предстоитъ.

Когда однажды съ этой мыслью онъ вошелъ въ дверь, онъ увидѣлъ въ передней Марію, блѣдную, ломающую руки.

— Идите, идите,—вскричала она. Онъ быстро пошелъ за ней. Феликсъ сидѣлъ на кровати и устремивъ на входившихъ злой взглядъ, воскликнулъ:

— Что вы со мной дѣлаете?

Альфредъ подошелъ къ нему.

— Что тебѣ опять приходитъ въ голову, Феликсъ?—спросилъ онъ.

— Что ты со мной дѣлаешь, хотѣлъ бы я знать?

— Что за ребяческіе вопросы, Феликсъ.

— Вы хотите дать мнѣ погибнуть, погибнуть самымъ жалкимъ образомъ,—воскликнулъ Феликсъ пронзительнымъ голосомъ.

Альфредъ подошелъ къ нему и хотѣлъ взять его руку, но больной рѣзко отдернулъ ее.

— Оставь меня, а ты, Марія, перестань ломать руки. Я долженъ знать, что вы хотите со мной дѣлать? Что же будетъ дальше?

— Дальше было бы гораздо лучше,—спокойно возразилъ Альфредъ,—если бы ты меньше волновался.

— Да вѣдь ужъ сколько времени, сколько времени я лежу такъ. А вы только смотрите и оставляете меня лежать. Что же ты, въ самомъ дѣлѣ хочешь со мной сдѣлать?—обратился онъ вдругъ къ доктору.

— Не говори-жь ты такихъ негѣпостей.

— Для меня ничего, ничего не дѣлается. Надо мной готовъ разразиться ударъ, и ни одна рука не протягивается, чтобъ отвлечь его.

— Феликсъ,—началъ Альфредъ убѣдительною тономъ, опять присаживаясь на кровать и пытаясь овладѣть рукой больного.

— Ну да, ты просто махнулъ на меня рукой. Ты совсѣмъ меня забросилъ и только пичкаешь меня морфіемъ.

— Тебѣ придется потерпѣть еще нѣсколько дней...

— Да вѣдь ты видишь, что мнѣ ничто не помогаетъ! Я же чувствую, каково мнѣ! Зачѣмъ же ты даешь мнѣ такъ погибать безъ помощи? Вы видите, что здѣсь я гибну. Я не выдержу этого. А вѣдь должна же существовать какая-нибудь помощь, какая-нибудь возможность помощи. Подумай же объ этомъ, Альфредъ, вѣдь ты врачъ, это, наконецъ, твоя обязанность.

— Конечно, помощь возможна,—сказалъ Альфредъ.

— А если не помощь, то, можетъ быть, чудо. Но здѣсь чудо не можетъ совершиться. Я долженъ уѣхать отсюда, уѣхать.

— Ты и уѣдешь, какъ только ты станешь немного посильнѣе и будешь въ состояніи встать.

— Альфредъ, говорю тебѣ, тогда будетъ слишкомъ поздно. Почему я долженъ оставаться въ этой отвратительной комнатѣ? Я хочу уѣхать, уѣхать изъ этого города. Я знаю, что мнѣ нужно. Мнѣ нужна весна, мнѣ нуженъ югъ. Когда я снова увижу солнце, я буду здоровъ.

— Все это совершенно разумно,—сказалъ Альфредъ.—Само собой разумѣется, тебѣ нужно на югъ, только тебѣ придется немного потерпѣть. Не можешь же ты ѣхать сегодня или завтра. Какъ только тебѣ станетъ немного лучше...

— Я могу ѣхать сегодня, я это чувствую. Какъ только я выйду изъ этой ужасной комнаты смерти, я стану другимъ человѣкомъ. Каждый лишній день здѣсь увеличиваетъ опасность.

— Дорогой другъ, долженъ же ты понимать, что я, какъ твой врачъ...

— Ты врачъ и судишь по рутинѣ. Больные лучше всѣхъ знаютъ, что имъ нужно. Оставляя меня лежать здѣсь и умирать безразсудно и преступно. На югѣ случаются иногда чудеса. Нельзя складывать руки, когда есть хоть тѣнь надежды, а надежда всегда есть. Безжа-

лостно оставлять человека на волю судьбы, какъ вы со мной дѣлаете. Я хочу на югъ, я хочу туда, гдѣ весна.

— Ты и поѣдешь туда,—сказалъ Альфредъ.

— Не правда ли, — быстро прервала его Марія, — мы можемъ завтра же выѣхать?

— Если Феликсъ пообѣщаетъ мнѣ провести два дня спокойно, я отпущу его. Но сегодня, сейчасъ—это было бы преступленіемъ! Этого я не допущу ни при какихъ условіяхъ. Посмотрите, какая погода,—обратился онъ къ Маріи,—дождь, вѣтеръ, даже здоровому я не совѣтовалъ бы выѣзжать сегодня.

— Итакъ, завтра!—воскликнулъ Феликсъ.

— Если хоть немного прояснить,—сказалъ докторъ,—самое большее черезъ два, три дня,—даю слово.

Больной недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Честное слово?

— Да!

— Ну вотъ, слышишь?—вскричала Марія.

— Ты не допускаешь,—сказалъ больной, обращаясь къ Альфреду,—что для меня возможно спасеніе? Ты хотѣлъ дать мнѣ умереть на родинѣ? Это ложная сентиментальность. Когда дѣло идетъ о смерти, родины не существуетъ. Возможность жить—вотъ родина. И я не хочу, не хочу такъ беспомощно умирать.

— Дорогой мой Феликсъ, вѣдь ты же хорошо знаешь, что я всегда имѣлъ намѣреніе послать тебя на всю зиму на югъ. Но не могу же я отпускать тебя по такой погодѣ.

— Марія,—сказалъ больной,—приготовь все.

Марія робко-вопросительно посмотрѣла на доктора.

— Приготовляйтесь,—сказалъ докторъ,—это вѣдь ничему не можетъ помешать.

— Все готово, черезъ часъ я встану. Мы выѣдемъ, какъ только проглянетъ первый лучъ солнца.

Послѣ обѣда Феликсъ всталъ. Казалось, что мысль о переимѣннѣ мѣста оказала на него благотворное дѣйствіе. Онъ не спалъ, цѣлый день лежалъ на диванѣ, но не впадалъ больше ни въ припадки отчаянія, ни въ тупую безучастность предшествующихъ дней. Онъ интересовался приготовленіями, давалъ совѣты, указывалъ, какія взять книги изъ его библіотеки и даже самъ отобралъ изъ своего письменнаго стола цѣлую кипу рукописей.

— Я хочу просмотрѣть мои старыя работы,—сказалъ онъ Маріи.

И поздне, когда она укладывала ихъ въ сундукъ, онъ снова вернулся къ той же мысли.

— Кто знаетъ, быть можетъ, это время отдыха принесло пользу моему уму. Я чувствую, что я умственно созрѣлъ. Иногда все, что я

.*

раньше думалъ, озаряется какимъ-то особеннымъ удивительно-яркимъ свѣтомъ.

На слѣдующій же день погода совсѣмъ разгулялась. Въ срединѣ дня стало настолько тепло, что можно было открыть окно. Теплый осенній день дышалъ мягкимъ спокойствіемъ, и когда Марія стояла на колѣняхъ около сундука, ея волосы отливали золотомъ на солнцѣ.

Альфредъ пришелъ въ то время, когда Марія заботливо укладывала въ сундукъ бумаги, а Феликсъ, лежа на диванѣ, развивалъ ей свои планы.

— И на это я долженъ дать разрѣшеніе? — спросилъ, улыбаясь, Альфредъ. — Ты, кажется, думаешь, что тебѣ пора послѣшить приняться за работу.

— О, это я не считаю за работу, — сказалъ Феликсъ. — Тысячи мыслей, которыя прежде были мнѣ неясны, теперь озарились новымъ свѣтомъ.

— Это прекрасно, — медленно произнесъ Альфредъ, всматриваясь въ больного, устремившаго неподвижный взоръ въ пространство.

— Ты, можетъ быть, не понялъ меня, — продолжалъ тотъ, — у меня еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ идей, только такое ощущеніе точно что-то готовится.

— Такъ, такъ.

— Какъ будто я прислушиваюсь, какъ настраиваютъ инструменты оркестра. Это и въ дѣйствительности всегда сильно на меня дѣйствуетъ. Въ слѣдующій моментъ родится чистая гармонія и всѣ инструменты зазвучатъ согласно. — И вдругъ, приподнимаясь, онъ спросилъ: — а ты заказалъ купэ?

— Да, — отвѣтилъ докторъ.

— Итакъ, завтра утромъ, — радостно вскричала Марія.

Она все еще была занята, переходила отъ комода къ сундуку, отъ туда къ книжному шкафу, потомъ опять къ сундуку и старательно укладывала все. Альфредъ испытывалъ странное волненіе. Точно онъ попалъ къ счастливымъ молодымъ людямъ, собиравшимся въ веселое путешествіе. Въ этой комнатѣ снова царилъ радостное, почти беззаботное настроеніе. Когда онъ уходилъ, Марія проводила его въ переднюю.

— Боже! — воскликнула она, — какъ хорошо, что мы уѣжаемъ. Я такъ рада! И онъ совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ это рѣшено.

Альфредъ не нашелъ въ себѣ силы отвѣтить. Онъ пожалъ ея руку и пошелъ къ двери. Но потомъ онъ снова повернулся къ Маріи и сказалъ:

— Вы должны мнѣ обѣщать...

— Что?

— Вѣдь другъ больше, чѣмъ врачъ. Вы знаете, я всегда въ вашемъ распоряженіи. Вамъ стоитъ только мнѣ телеграфировать...

Марія замѣтно испугалась.

— Такъ вы думаете, что это можетъ оказаться нужнымъ?

— Я говорю на всякій случай.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Одну секунду она простояла въ раздумьи, но потомъ быстро вошла въ комнату, боясь, что Феликса встревожить ея отсутствіе. Но тотъ ждалъ только ея возвращенія, чтобы снова приняться за свои разсужденія.

— Знаешь, Марія,—сказалъ онъ,—солнце всегда оказываетъ на меня благотворное дѣйствіе. Если и тамъ станетъ холодно, мы поѣдемъ еще дальше, на Ривьеру, а то, пожалуй, и въ Африку! Что ты на это, скажешь? Подъ экваторомъ моя работа навѣрно пойдетъ удачно.

Такъ онъ продолжалъ болтать, пока, наконецъ, Марія подошла къ нему, ласково погладила по щекамъ и съ улыбкой сказала:

— Ну, будетъ. Надо быть благоразумнымъ. Пора тебѣ ложиться, вѣдь завтра надо рано встать.—Щеки его горѣли, глаза сверкали, а руки пылали, какъ въ огнѣ.

Какъ только стало свѣтать, Феликсъ проснулся. Онъ чувствовалъ радостное возбужденіе, точно ребенокъ, котораго обѣщали взять въ циркъ. За два часа до того времени, когда имъ надо было ѣхать на желѣзную дорогу, онъ сидѣлъ на диванѣ совершенно готовый къ отъѣзду. У Маріи тоже все давно было готово. Въ сѣромъ ватерпруфѣ, въ шляпѣ съ голубой вуалью, стояла она у окна, чтобы видѣть, какъ подъѣдетъ заказанная наканунѣ карета. Феликсъ каждыя пять минутъ спрашивалъ, пріѣхала ли она. Онъ выходилъ изъ терпѣнія и просилъ послать за другой. Онъ говорилъ именно объ этомъ, когда Марія воскликнула:

— А вотъ и онъ, вотъ и онъ! Альфредъ самъ ѣдетъ въ ней,—прибавила она, обращаясь къ Феликсу.

Дѣйствительно, Альфредъ выглядывалъ изъ окна кареты и дружески кивалъ Маріи. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ комнату.

— А вы ужъ совсѣмъ готовы!—вскричалъ онъ.—Что же вы будете дѣлать съ такихъ поръ на вокзалѣ, тѣмъ богѣ, что вы, какъ я вижу, уже позавтракали.

— Феликсъ очень торопится,—сказала Марія.

Альфредъ подошелъ къ нему, большой встрѣтилъ его веселой улыбкой и сказалъ:

— Прекрасная погода, какъ разъ для путешествія.

— Да, вамъ будетъ чудесно ѣхать,—подтвердилъ докторъ.—Можно?—сказалъ онъ, беря со стола сухарь.

— Вы, должно быть, совсѣмъ не завтракали?—спросила Марія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я выпилъ рюмочку коньяку.

— Подождите, въ кофейникѣ еще есть кофе.—Она налила ему

остатки кофе въ чашку и вышла, чтобъ сдѣлать послѣднія распоряженія прислугѣ. Альфредъ долго не поднималъ глазъ отъ чашки. Ему было тяжело наединѣ съ другомъ и онъ никакъ не могъ заставить себя заговорить. Марія снова вошла и сказала, что можно ѣхать. Феликсъ всталъ и первый пошелъ къ двери. На немъ было сѣрое пальто, мягкая черная шляпа, а въ рукѣ онъ держалъ палку. По лѣстницѣ онъ хотѣлъ было тоже идти впереди всѣхъ. Но едва онъ взялся рукой за перила, какъ зашатался. Марія и Альфредъ, шедшіе слѣдомъ за нимъ, поддержали его.

— У меня немного кружится голова,—сказалъ Феликсъ.

— Это вполне естественно,—замѣтилъ Альфредъ.—Послѣ столькихъ недѣль ты первый разъ всталъ съ постели.

Онъ взялъ больного за одну руку, Марія за другую и такимъ образомъ они свели его внизъ. Кучеръ снялъ шапку, увидѣвъ больного.

Въ окнахъ противоположнаго дома видны были соболѣзнуюція женскія лица. Изъ воротъ дома выбѣжалъ хозяинъ, предлагая свою помощь Альфреду и Маріи, усаживавшимъ въ карету блѣднаго, какъ смерть, Феликса. Когда карета отъѣхала, хозяинъ дома, и сострадательныя женщины обмѣнялись многозначительными печальными взглядами.

До послѣдняго звонка Альфредъ болталъ черезъ окно съ Маріей. Феликсъ забился въ уголъ и казался совершенно безучастнымъ. Только когда раздался свистокъ локомотива, онъ нѣсколько оживился и кивнулъ на прощанье своему другу. Поѣздъ отошелъ. Альфредъ еще нѣсколько мгновений простоялъ на платформѣ, смотря ему вслѣдъ. Наконецъ, онъ повернулся къ выходу.

Какъ только поѣздъ вышелъ изъ вокзала, Марія подошла къ Феликсу и спросила его, чего онъ хочетъ. Не откупорить ли бутылку съ коньякомъ или, можетъ быть, дать ему книгу, или почитать газету. Онъ, повидимому, былъ благодаренъ ей за такую заботливость и пожалъ ей руку. Потомъ онъ спросилъ.

— А когда мы пріѣдемъ въ Меранъ?

Она не знала точно времени, и онъ заставилъ ее найти ему въ путеводителѣ время главнѣйшихъ остановокъ. Онъ хотѣлъ знать, гдѣ будетъ обѣденная станція, гдѣ ихъ застанетъ, ночь и вообще интересовался тысячью внѣшнихъ мелочей, къ которымъ онъ въ обыкновенное время былъ совершенно равнодушенъ. Онъ пытался вычислить, сколько народу можетъ ѣхать въ поѣздѣ, и задавался вопросомъ, есть ли среди пассажировъ другія новобрачныя пары. Черезъ нѣсколько времени онъ потребовалъ коньяку, но тотъ вызвалъ у него такой припадокъ кашля, что онъ сердито приказалъ Маріи ни при какихъ обстоятельствахъ не давать ему больше, даже если онъ самъ будетъ просить. Потомъ онъ заставилъ ее прочесть въ газетѣ метеорологическій

бюлетень и одобрительно кивалъ головой при всякомъ благопріятномъ показаніи о погодѣ. Они проѣзжали Земерингъ. Онъ внимательно слѣдилъ за мелькавшими мимо оконъ картинами, но ограничивался односложными замѣчаніями вполголоса: «очень хорошо, очень красиво», и въ этихъ словахъ не звучало ни малѣйшей радости. Въ обѣденное время онъ поѣлъ взятыхъ на дорогу холодныхъ закусокъ и очень разсердился, когда Марія отказалась было дать ему коньяку. Въ концѣ концовъ, она все-таки принуждена была дать. Онъ выпилъ его совершенно благополучно, сразу сталъ свѣжѣе и опять началъ интересоваться всевозможными мелочами. Но скоро онъ по обыкновенію перешелъ отъ замѣчаній по поводу мелькавшихъ за окнами картинъ къ разговору о своей болѣзни.

— Я читалъ о сомнамбулахъ,—сказалъ онъ,—видѣвшихъ во снѣ какое-нибудь средство, на которое не нападалъ ни одинъ врачъ, и оно вылѣчивало ихъ. Больной долженъ слѣдовать своему влеченію, говорю я.

— Конечно,—подтвердила Марія.

— Югъ! Южный воздухъ! Они думаютъ, вся разница въ томъ, что тамъ тепло, что тамъ цвѣтутъ цвѣты, что больше озона и нѣтъ снѣга и вьюгъ. А кто знаетъ, въ этомъ ли все дѣло! Кто знаетъ, что тамъ носится. въ этомъ южномъ воздухѣ! Тайные элементы, которыхъ мы еще совсѣмъ не знаемъ.

— Конечно, тамъ ты выздоровѣешь,—сказала Марія, взявъ обѣими руками руку больного и прижимая ее къ своимъ губамъ.

Онъ заговорилъ о живописцахъ, живущихъ постоянно въ Италіи, о страстномъ тяготѣніи къ Риму королей и художниковъ, о Венеціи, гдѣ онъ былъ много раньше, чѣмъ познакомился съ Маріей. Наконецъ, онъ утомился и захотѣлъ лечь на диванъ. Такъ онъ пролежалъ до вечера, большей частью въ полудремотѣ.

Марія сидѣла напротивъ и наблюдала за нимъ. Она чувствовала себя вполнѣ спокойной. Мягкая грусть наполняла ея сердце. Какъ онъ былъ блѣденъ. И какъ онъ постарѣлъ. Какъ измѣнилось съ весны это прекрасное лицо! И блѣдность была совсѣмъ не та, какая покрывала теперь и ея щеки. Ея блѣдность дѣлала ее только еще моложе, она казалась теперь почти дѣвочкой. И насколько ей все-таки лучше, чѣмъ ему! Первый разъ эта мысль съ такой отчетливостью пришла ей въ голову. Она хотѣла бы, чтобъ ея горе было еще тяжелѣе, еще мучительнѣе. Это, конечно, зависѣло не отъ недостатка сочувствія, причиной была исключительно безграничная усталость, никогда не покидавшая ее послѣднее время, даже когда она чувствовала себя относительно свѣжѣе. Иногда она радовалась этой усталости, ее пугало страшное горе, которое должно наступить, когда пройдетъ усталость.

Вдругъ Марія вдрогнула, оказалось, что она задремала и не замѣтила, какъ стемнѣло. На лампѣ была опущена зеленая ширмочка

и ихъ купэ тонуло въ слабомъ зеленоватомъ полусвѣтѣ. А тамъ за окномъ была ночь, ночь! Казалось, что они ѣхали по безконечному черному туннелю. Но что же ее такъ испугало? Было почти совсѣмъ тихо, слышался только однообразный стукъ колесъ. Постепенно глаза ея привыкли къ полутьмѣ и она снова могла различить черты больного. Онъ лежалъ неподвижно и, повидимому, спокойно спалъ. Вдругъ онъ вздохнулъ глубоко, прерывисто, жалобно. У нея забилось сердце. Вѣрно онъ и раньше такъ вздохнулъ, это-то и разбудило ее. Но что такое? Она пристальнѣе взглядѣлась въ него. Да онъ совсѣмъ не спалъ. Онъ лежалъ съ широко, широко открытыми глазами, она видѣла это совершенно ясно. Эти глаза, глядящіе куда-то въ пространство, въ темноту, наводили на нее страхъ. И снова у него вырвался стоиъ, еще жалобнѣе предыдущаго. Онъ подвинулся и опять застоналъ но уже не жалобно, а какъ-то дико. Онъ порывисто приподнялся, опираясь обѣими руками на сидѣнье, столкнулъ ногами прикрывавшій его плащъ и попытался встать. Но движеніе поѣзда мѣшало ему и онъ снова сѣлъ въ свой уголъ.

Марія вскочила и хотѣла отдернуть зеленую занавѣску лампы. Но въ ту же минуту она почувствовала, что его руки обхватили ее, и онъ съ силой привлекъ ее, всю трепещущую, къ себѣ на колѣни.

— Марія, Марія,—проговорилъ онъ свистающимъ голосомъ.

Она хотѣла освободиться, но это не удавалось ей. Казалось, что вся его сила вернулась къ нему, онъ крѣпко-крѣпко прижималъ ее къ себѣ.

— Готова ли ты, Марія?—прошептала онъ, почти касаясь губами ея шеи. Она ничего не понимала, но чувствовала безграничный ужасъ. Она была совершенно беззащитна и ей хотѣлось кричать.

— Готова ли ты? — повторилъ онъ, менѣе сильно сжимая ее. Она не ощущала уже такъ близко его губъ, его дыханія и могла нѣсколько свободнѣе вздохнуть.

— Что ты хочешь сказать?—спросила она робко.

— Развѣ ты не понимаешь меня?—проговорилъ онъ.

— Пусти меня, пусти меня! — закричала она, но грохотъ поѣзда заглушилъ ея голосъ.

А онъ точно не слышалъ ея словъ. Руки его сами собой опустились, она быстро встала и пересѣла въ другой уголъ купэ.

— Развѣ ты не понимаешь меня?—спросилъ онъ снова.

— Чего ты хочешь?—прошептала она изъ своего угла.

— Я хочу отвѣта,—сказалъ онъ.

Она молчала, дрожа и страстно желая одного, наступленія дня.

— Нашъ часъ приближается,—сказалъ онъ еще тише, но нагнувшись къ ней, чтобы она могла яснѣе слышать его слова.—Я спрашиваю тебя, готова ли ты?

— Какой часъ?

— Нашъ часъ, нашъ часъ!

Она поняла его. У нея захватило дыханіе.

— Ты помнишь, Марія? — его голосъ сталъ мягкимъ, почти умоляющимъ. Онъ взялъ обѣ ея руки.—Ты сама дала мнѣ право спрашивать такъ,—прошепталъ онъ.—Ты помнишь?

Къ ней снова вернулось самообладаніе, когда онъ говорилъ эти послѣднія ужасныя слова, голосъ его потерялъ угрожающій тонъ и взглядъ сталъ мягче. Онъ уже не угрожалъ, а просилъ. Чуть не со слезами онъ спрашивалъ ее.

— Помнишь ты?

И она нашла въ себѣ силу отвѣтить ему дрожащимъ голосомъ.

— Ты совершенный ребенокъ, Феликсъ.

Онъ, казалось, не слышалъ ея. Однотоннымъ голосомъ, точно въ полусабытъи, но совершенно отчетливо говорилъ онъ дальше:

— Приближается конецъ, Марія, намъ пора приготовляться, наше время пришло.

Что-то роковое, рѣшительное и неизбежное звучало въ этихъ словахъ, хотя они были произнесены совсѣмъ тихо. Лучше бы онъ попрежнему угрожалъ ей, тогда она могла бы защищаться. На одну минуту, когда онъ ближе придвинулся къ ней, ею овладѣлъ безумный ужасъ, ей казалось, что онъ сейчасъ кинется душить ее.

Она уже думала о томъ, чтобы броситься въ противоположную сторону купе, выбить окошко и кричать о помощи. Но въ тотъ самый моментъ онъ отпустилъ ея руки и откинулся назадъ, точно больше ему нечего было сказать. Тогда она заговорила:

— Что ты такое говоришь, Феликсъ! И именно теперь, когда мы ѣдемъ на югъ и ты скоро совершенно выздоровѣешь.

Онъ сидѣлъ, прислонясь къ спинкѣ, видимо погруженный въ размышленія. Она быстро встала и отдернула зеленую занавѣску съ лампы. О, какъ это успокоило ее! Сразу стало свѣтло, сердце ея забилось ровнѣе, и страхъ почти исчезъ. Она снова сѣла въ свой уголокъ. Онъ поднялъ на нее глаза и сказалъ медленно:

— Марія, завтра ничто не измѣнится, и югъ не поможетъ. Сегодня я это знаю.

«Почему теперь онъ говоритъ такъ спокойно», подумала Марія. «Можетъ быть, онъ хочетъ усыпить мои подозрѣнія. Можетъ быть, онъ боится, что я сдѣлаю попытку спастись?»

И она рѣшила быть все время на сторожѣ. Она не спускала съ него глазъ, но почти не слушала словъ, слѣдя за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ взглядомъ.

— Но ты вѣдь свободна, и даже твоя клятва не связываетъ тебя. Развѣ я могу тебя принудить? Ты не хочешь протянуть мнѣ руки?

Она подала ему руку, но такъ, что ея рука легла поверхъ его рукъ.

— Скорѣй бы насталъ день!—прошепталъ онъ.

— Я хочу сказать тебѣ что-то, Феликсъ,—проговорила она.—Попробуй заснуть немного, тогда скорѣй придетъ утро. А черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ Меранѣ.

— Я не могу спать,—отвѣтилъ онъ и поднялъ глаза. Въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились. Онъ замѣтилъ недовѣрчивое, подстерегающее выраженіе ея глазъ. И онъ понялъ все. Она хотѣла заставить его заснуть, чтобы на слѣдующей же станціи незамѣтно ускользнуть и бѣжать отъ него.

— Что ты хочешь сдѣлать?—закричалъ онъ.

Она вздрогнула.

— Ничего!

Онъ стремительно поднялся. Едва она замѣтила это, какъ моментально бросилась въ другой уголокъ купэ.

— Воздуху!—вскричалъ онъ,—воздуху!—Онъ открылъ окно и поставилъ голову ночному вѣтру. Марія успомалась,—онъ всталъ оттого, что ему не доставало воздуха. Она снова подошла къ нему и мягко отстранила его отъ окна.

— Это не можетъ принести тебѣ пользы,—сказала она.

Онъ снова сѣлъ въ свой уголокъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Она стояла передъ нимъ, держась одной рукой за окно, потому что снова сѣла на свое прежнее мѣсто. Постепенно его дыханіе стало ровнѣе, слабая улыбка появилась на губахъ. Она смотрѣла на него смущенная, робкая.

— Я закрою окно,—сказала она.

Онъ кивнулъ головой.

— Утро, утро!—воскликнула она.

На горизонтѣ появились сѣровато-розовые полосы.

Долго сидѣли они молча другъ противъ друга. Наконецъ, онъ заговорилъ и блѣдная улыбка все еще бродила около его губъ.

— Ты еще не готова!—сказалъ онъ. Она хотѣла отвѣтить что-нибудь въ такомъ же родѣ, какъ она всегда съ нимъ говорила. Хотѣла сказать ему, что онъ ребенокъ и... не могла. Эта улыбка убивала всякую попытку отвѣтить такъ.

Поездъ шелъ медленно. Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился на большой станціи съ буфетомъ. По платформѣ бѣгали кельнеры съ кофэ и буттербродами. Многіе вышли изъ вагоновъ. Вокругъ былъ шумъ и движеніе. Маріи казалось, что она проснулась отъ тяжелого сна. Вся эта будничная желѣзнодорожная суэта была ей удивительно пріятна. Съ чувствомъ полнѣйшей безопасности встала она и смотрѣла въ окно. Потомъ она махнула кельнеру, чтобъ онъ подалъ ей чашку кофэ. Феликсъ смотрѣлъ на нее, какъ она пила кофэ, но отрицательно покачалъ головой, когда она предложила и ему.

Скоро поездъ тронулся дальше, и когда они выѣхали изъ-подъ

крыши вокзала, было уже совсѣмъ свѣтло. [И какъ красиво! Вдали видѣлись горы, озаренныя розовымъ свѣтомъ зари. Марія твердо рѣшила больше никогда не поддаваться ночнымъ страхамъ, Феликсъ упорно смотрѣлъ въ окно, онъ какъ будто избѣгалъ ея взгляда. Ей казалось, что онъ немного стыдится минувшей ночи.

Еще нѣсколько разъ поѣздъ на мгновеніе останавливался. Было теплое, почти жаркое лѣтнее утро, когда они подѣхали къ Мерану.

— Вотъ мы и пріѣхали, — вскричала Марія, наконецъ-то, наконецъ!

Они взяли экипажъ и поѣхали выбрать себѣ подходящее помѣщеніе.

— Экономить намъ не нужно, — сказалъ Феликсъ. — Моего состоянія еще хватитъ пока.

У нѣкоторыхъ виллъ они приказывали кучеру остановиться и Марія осматривала квартиру и садъ, а Феликсъ ждалъ ее въ коляскѣ. Скоро они нашли вполне подходящій для себя домикъ. Это была небольшая вилла, окруженная садомъ. Марія попросила сдававшую ее экономку выйти на улицу и объяснить всѣ преимущества своей виллы сидящему въ экипажѣ молодому человѣку. Феликсъ все одобрилъ, и черезъ нѣсколько минутъ они заключили условіе и вошли въ домъ.

Не принимая участія въ хлопотливомъ осмотрѣ помѣщенія, которымъ сейчасъ же занялась Марія, Феликсъ попросилъ проводить его въ спальню. Онъ окинулъ ее бѣглымъ взглядомъ. Это была просторная привѣтливая комната, съ свѣтло-зелеными обоями и очень большимъ, теперь открытымъ настежь, окномъ, всю ее наполняло свѣжее благоуханіе сада. Противъ окна стояли кровати. Феликсъ такъ утомился, что тотчасъ же прилегъ на одну изъ нихъ.

Между тѣмъ, Марія заставила показать себѣ весь домъ, и ей особенно понравился садъ, окруженный высокой рѣшеткой. Изъ комнатъ былъ прямой выходъ въ этотъ садъ. Съ другой стороны сада шла дорога къ вокзалу, болѣе близкая, чѣмъ та улица, по которой они пріѣхали.

Вернувшись въ спальню, гдѣ она оставила Феликса, Марія нашла его на кровати. Она окликнула его, онъ не отвѣчалъ. Она подошла ближе, и онъ показался ей блѣднѣе обыкновеннаго. Она снова позвала его, — отвѣта не было, онъ не шевелился. Ужасъ охватилъ ее, она кликнула женщину и послала ее за докторомъ. Какъ только женщина вышла, Феликсъ открылъ глаза. Но не успѣлъ онъ произнести ни слова, какъ вдругъ лицо его исказилось ужасомъ, онъ хотѣлъ приподняться, но снова упалъ на подушки и захрипѣлъ. Изъ рта его поползла струйка крови. Марія, безпомощная, дрожащая, склонилась къ нему. Потомъ она бросилась къ двери посмотреть, не идетъ-ли докторъ, оттуда опять вернулась къ нему, называя его по имени. «Ахъ, если бы Альфредъ былъ здѣсь», подумала она.

Наконецъ, пришелъ докторъ, пожилой господинъ съ сѣдыми бакенбардами.

— Помогите, помогите!—вскричала Марія, увидѣвъ его. Она постаралась объяснить ему, въ чемъ дѣло, насколько позволяло ей ея волненіе. Докторъ осмотрѣлъ больного, пощупалъ пульсъ, сказалъ, что сейчасъ, послѣ кровотеченія его нельзя изслѣдовать и далъ необходимыя указанія. Марія проводила его изъ комнаты и спросила, чего можно ждать.

— Пока ничего не могу сказать,—отвѣтилъ докторъ,—немного терпѣнія. Я хочу надѣяться.

Онъ обѣщалъ вечеромъ пріѣхать опять и изъ окна кареты любезно и непринужденно поклонился Маріи, точно сдѣлалъ ей обычный свѣтскій визитъ.

Минуту Марія безпомощно простояла въ дверяхъ, но потомъ ей мелькнула мысль, сулившая, какъ ей казалось, спасеніе. Она быстро пошла въ почтамтъ отправить телеграмму Альфреду. Пославъ ее, она почувствовала облегченіе. Она поблагодарила женщину, смотрѣвшую за больнымъ во время ея отсутствія, извинилась, что они съ перваго дня причиняютъ ей столько хлопотъ, и сказала, что они надѣются не оказаться неблагоударными.

Феликсъ все еще лежалъ одѣтый, безъ сознанія, но дыханіе его стало спокойнѣе. Марія сѣла у изголовья, и женщина стала утѣшать ее, рассказывая, какъ многіе тяжело больные люди выздоравливали въ Меранѣ, она сама, по ея словамъ, была сильно больна въ молодости и теперь вполне оправилась. А при этомъ ей пришлось еще перенести не мало горя. Мужъ ея умеръ послѣ двухъ лѣтъ брака, а сыновья уѣхали далеко—да, все могло бы сложиться иначе. Но она очень довольна, что получила мѣсто въ этомъ домѣ. На хозяина нельзя было пожаловаться, тѣмъ болѣе, что онъ и пріѣзжалъ-то сюда не чаще, чѣмъ разъ въ два мѣсяца. Такъ, переходя отъ одной темы къ другой, болтала она, стараясь развлечь Марію. Потомъ она предложила разобрать сундукъ, на что Марія съ благодарностью согласилась. Позднѣе она подала ей сюда же обѣдъ. Молоко для больного давно было готово, онъ началъ слегка двигаться и, видимо, скоро долженъ былъ придти въ себя.

Наконецъ, Феликсъ очнулся, онъ нѣсколько разъ повернулъ голову и, наконецъ, остановилъ взглядъ на Маріи, склонившейся надъ нимъ. Онъ улыбнулся ей и слегка пожалъ руку.

— Что со мной было?—спросилъ онъ.

Пришедшій послѣ обѣда докторъ нашелъ, что ему гораздо лучше и посоветовалъ раздѣть его и уложить въ постель. Феликсъ, не сопротивляясь, предоставилъ продѣлать съ собой все, что тотъ сказалъ.

Марія ни на шагъ не отходила отъ постели больного. Вечеру, казалось, не будетъ конца. По настоятельному приказанію доктора, окно оставалось открытымъ, и изъ сада доносилось мягкое благоуханіе цвѣтущихъ деревьевъ—глубокая тишина стояла кругомъ. Машинально

Марія слѣдила за солнечными пятнами на полу. Феликсъ не выпускалъ ея руки. Его руки были холодны и влажны, и это вызывало неприятное ощущение у Маріи. Иногда она прерывала молчаніе нѣсколькими словами, къ которымъ она должна была съ трудомъ принуждать себя.

— Тебѣ лучше, не правда ли?.. Ну вотъ, видишь!.. Не говори, не говори! Тебѣ нельзя говорить!.. А послѣ завтра тебѣ можно будетъ выйти въ садъ!

Онъ кивалъ головой и улыбался. Потому Марія начинала рассчитывать, когда можетъ пріѣхать Альфредъ. Завтра вечеромъ онъ можетъ быть здѣсь. Значитъ, еще одна ночь и одинъ день. Ахъ, если бы онъ былъ здѣсь!

Безконечно, бесконечно тянулся вечеръ. Солнце исчезло, комната начала погружаться въ сумерки, но въ саду на деревьяхъ еще скользили золотые лучи. Вдругъ, въ ту минуту, когда она глядѣла въ окно, она услышала голосъ больного:

— Марія!

Она быстро повернула къ нему голову.

— Теперь мнѣ гораздо лучше,—сказалъ онъ громко.

— Ты не долженъ говорить громко,—ласково остановила она его.

— Гораздо лучше,—прошепталъ онъ.—На этотъ разъ сошло хорошо. Можетъ быть, это былъ кризисъ.

— Безъ сомнѣнія,—подтвердила она.

— Я надѣюсь на хорошій воздухъ. Но это не должно повторяться, иначе я не перенесу.

— Ты же видишь, что теперь ты вполне хорошо себя чувствуешь.

— Ты молодецъ, Марія, благодарю тебя. Но будь внимательна ко мнѣ, будь внимательна!

— Неужели мнѣ надо напоминать объ этомъ,—сказала она тономъ легкаго упрека.

— Потому что,—продолжалъ онъ шопотомъ,—если я уйду отсюда, я возьму тебя съ собой.

Она вздрогнула и невольно схватила его обѣ руки. Онъ повторилъ тихо:

— Тогда я возьму тебя съ собой.

Смертельный ужасъ охватилъ ее, когда онъ произнесъ эти слова. И почему? Вѣдь онъ былъ слишкомъ слабъ для какого бы то ни было насилія. Она была теперь въ десять разъ сильнѣе его. О чемъ онъ могъ думать? Чего онъ искалъ глазами въ воздухѣ, на стѣнѣ, въ пространствѣ? Онъ не могъ подняться, и у него не было никакого оружія. Но, быть можетъ, ядъ! Онъ могъ добыть себѣ яду, быть можетъ, онъ держалъ его у себя и хотѣлъ всыпать въ ея стаканъ? Но гдѣ могъ онъ хранить его? Она сама помогала раздѣвать его. Можетъ быть, онъ спряталъ порошокъ въ карманъ пиджака? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ произнесъ эти слова просто въ бреду или изъ желанія ее

помучить, не болѣе... Но если лихорадка могла вызвать такія мысли, то почему же и не дѣйствія? Быть можетъ, онъ хочетъ воспользоваться минутой, когда она заснетъ, чтобъ задушить ее. Для этого не нужно много силы. Она сейчасъ же лишится сознанія и будетъ беззащитна. О, она ни на мигъ не заснетъ сегодня ночью, а завтра здѣсь будетъ Альфредъ!

Вечеръ проходилъ, наступала ночь. Феликсъ не произносилъ больше ни слова, но зато и улыбка совершенно исчезла съ его губъ, — мрачно, сосредоточено смотрѣлъ онъ прямо передъ собой. Когда стемнѣло, женщина принесла свѣчи и предложила постелить постель рядомъ съ больнымъ. Марія сдѣлала ей рукой знакъ, что это не нужно. Феликсъ замѣтилъ.

— Почему же нѣтъ? — спросилъ онъ и сейчасъ же прибавилъ: — ты слишкомъ добра, Марія, ты должна лечь, я чувствую себя гораздо лучше.

Ей показалось, что въ этихъ словахъ прозвучала насмѣшка. Она не легла спать. Всю долгую молчаливую ночь просидѣла она у его кровати, не смыкая глазъ. Феликсъ почти все время лежалъ совершенно неподвижно. Иногда у нея являлась мысль, что онъ, быть можетъ, только представляется спящимъ, чтобъ усыпить ея подозрѣнія. Она ближе вглядывалась въ него, но колеблющійся свѣтъ свѣчи давалъ иллюзію какихъ-то подергиваній вокругъ губъ и вокругъ глазъ больного, которыя приводили ее въ ужасъ. Разъ она подошла къ окну и посмотрѣла въ садъ. Тамъ все тонуло въ голубоватомъ полусумракѣ, и, выглянувъ немного дальше въ окно, она замѣтила луну, плывшую надъ самыми деревьями. Не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха, и среди безконечной тишины и неподвижности, охватывавшей ее, ей казалось, что прутья рѣшетки медленно колебались взадъ и впередъ.

Послѣ полуночи Феликсъ проснулся. Марія поправила ему подушки и, по внезапному побужденію, ощупала, не спряталъ ли онъ что-нибудь между ними. И въ эту минуту въ самое ухо ей прозвучало:

— Я возьму тебя съ собой! Я возьму тебя съ собой!

Но неужели бы онъ сказалъ это, если бы у него, дѣйствительно было такое намѣреніе? Если бы онъ вообще былъ способенъ составить какой-нибудь планъ? Прежде всего ему пришла бы тогда мысль не выдавать себя. Съ ея стороны было настоящимъ ребячествомъ придавать значеніе беспорядочнымъ фантазіямъ больного. Сонъ сталъ овладѣвать ею, и она отодвинула кресло подальше отъ больного — на всякій случай. Но засыпать она все-таки не хотѣла. Только мысли ея утратили опредѣленность и изъ яснаго свѣта дня погрузились въ область смутныхъ грезъ. Изъ глубины сознанія выплыли воспоминанія, воспоминанія о дняхъ былого цвѣтущаго счастья. Воспоминанія о тѣхъ минутахъ, когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и надъ

ними носилось вѣянье молодой весны. Теперь у нея было смутное ощущеніе, что благоуханіе сада не смѣетъ проникать въ эту комнату. Она должна подойти къ окну, чтобы ощутить его вѣянье. Отъ влажныхъ волость больного поднимались какія-то удушливыя испаренія, наполнявшія всю комнату. Ну и что же? И что же? Ахъ, если бы это все кончилось! Да, кончилось! Она не отступила передъ этой мыслью. Она напала на то слово, которое самому ужасному желанію придаетъ видъ лицемѣрнаго состраданія: «Скорѣй бы онъ освободился»... И что же тогда? Она увидѣла себя, сидящую въ саду на скамейкѣ подъ высокимъ деревомъ, блѣдную и заплаканную. Но эти признаки горя были только на ея лицѣ. Душа ея погрузилась въ блаженный покой, какого она давно-давно не испытывала. И она увидѣла, какъ эта блѣдная фигура подымается со скамейки, выходитъ на улицу и медленно удаляется отсюда. Тогда ей можно будетъ идти, куда она захочетъ.

Но среди этихъ грезъ она все-таки прислушивалась къ дыханію больного, прорывавшемуся иногда тяжелымъ стономъ. Наконецъ, медленно, какъ бы колеблясь, стало пробуждаться утро. При первомъ проблескѣ зари въ комнату заглянула экономка и ласково предложила Маріи смѣнить ее. Она съ радостью согласилась на это. Бросивъ бѣглый взглядъ на Феликса, она вышла въ сосѣдную комнату, гдѣ удобный диванъ такъ и манилъ отдохнуть. Ахъ, какъ хорошо было здѣсь! Не раздѣваясь, бросилась она на него и сейчасъ же закрыла глаза.

Она проснулась долгое время спустя. Пріятный полумракъ окружалъ ее. Сквозь щели закрытыхъ ставень проникали длинные лучи солнца. Какъ только она подняла голову, она сразу вспомнила все. Сегодня долженъ пріѣхать Альфредъ! Съ этой мыслью она смѣлѣе смотрѣла навстрѣчу предстоящему дню. Безъ колебаній вошла она въ сосѣдную комнату. Когда она открыла дверь, ее въ первую минуту ослѣпило бѣлоснѣжное одѣяло, покрывавшее постель больного. Вслѣдъ затѣмъ она замѣтила женщину, встававшую со стула, прижимая палецъ къ губамъ.

— Онъ крѣпко спитъ,—прошептала она и рассказала потомъ, что почти все время у него былъ бредъ и онъ нѣсколько разъ спрашивалъ про госпожу. Раннимъ утромъ заходилъ докторъ и нашелъ его въ томъ же положеніи. Она хотѣла тогда разбудить госпожу, но докторъ не позволилъ. Онъ обѣщалъ еще разъ зайти послѣ обѣда.

Марія внимательно слушала старушку, поблагодарила ее за заботы и завяла ея мѣсто.

День былъ теплый, почти душный. Близокъ былъ полдень. Прежде всего ей бросились въ глаза блѣдныя руки больного, лежавшія поверхъ одѣяла и изрѣдка вздрагивавшія. Подбородокъ его слегка опустился, губы были полуоткрыты, и лицо подернуто мертвенной блѣд-

ностью. Долгіе промежутки дыханія совѣмъ не было слышно, потому оно вырывалось поверхностное, хриплое.

— Онь умреть, прежде чѣмъ прїѣдетъ Альфредъ, — промелькнула у Маріи мысль.

Теперь лицо Феликса снова приобрѣло юношески-страдающее выраженіе, въ немъ чувствовалась какъ бы усталость послѣ невыразимыхъ мученій, отказъ отъ безнадежной борьбы. Марія вдругъ поняла, что такъ страшно измѣняло это лицо въ послѣднее время и что отсутствовало въ немъ въ это мгновеніе. Это была горечь, которая появлялась въ немъ, когда онъ смотрѣлъ на нее. Теперь, должно быть, въ его грезахъ не было ненависти, и лицо его снова стало прекраснымъ. Она хотѣла, чтобы онъ проснулся. Такой, какой онъ былъ сейчасъ, онъ снова возбуждалъ въ ней тяжелое горе, безграничный страхъ за него. Передъ ней снова былъ ея умирающій возлюбленный. Она сразу поняла все значеніе этого. Весь ужасъ надвигающагося на нее неизбѣжнаго, неумолимаго горя всталъ передъ нею, и она все поняла сердцемъ: что онъ былъ ея счастье, ея жизнь, и что она хотѣла умереть съ нимъ и что теперь приближается минута, когда все навѣки кончится. Холодъ, наполнившій ея сердце, равнодушіе, владѣвшее ею послѣдніе дни, все слилось въ какой-то темный, непонятный туманъ и отошло отъ нея. А теперь, теперь все снова стало хорошо. Вѣдь, онъ еще живъ, онъ еще дышетъ, онъ, можетъ быть, видитъ сны. А тогда онъ будетъ лежать неподвижный, мертвый, его закопаютъ въ землю, и онъ будетъ лежать глубоко подъ землею на тихомъ кладбищѣ; однообразные дни будутъ проноситься надъ этимъ кладбищемъ, въ то время, какъ онъ будетъ разлагаться въ землѣ. А она будетъ жить, она останется среди людей, зная, что тамъ, въ безмолвной могилѣ лежитъ онъ, тотъ, кого она любила! Слезы неудержимо лились изъ ея глазъ, наконецъ, она не смогла удержать рыданій. Онъ пошевелился, и едва она успѣла провести платкомъ по лицу, какъ онъ открылъ глаза и съ нѣмымъ вопросомъ взглянулъ на нее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прошепталъ:

— Поди сюда!

Она поднялась со стула, наклонилась надъ нимъ, и онъ поднялъ руки, точно хотѣлъ обнять ее, но тотчасъ же онѣ снова опустились и онъ спросилъ:

— Ты плакала?

— Нѣтъ, — отвѣтила она быстро, отстраняя волосы, упавшіе ей на лобъ.

Онъ долгимъ, серьезнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее и отвернулся. Онъ, казалось, что-то обдумывалъ.

Марія подумала, слѣдуетъ ли говорить больному про телеграмму Альфреду. Нужно ли подготовить его къ этому? Нѣтъ, къ чему? Лучше всего ей самой представиться удивленной его прїѣздомъ. Весь осталь-

ной день прошелъ въ напряженномъ ожиданіи. Вѣшнія событія проходили мимо Маріи точно въ туманѣ. Скоро пришелъ вторично докторъ. Онъ нашелъ больного въ состояніи полнѣйшей апатіи, лишь изрѣдка пробуждался онъ отъ тяжелаго забытья и равнодушнымъ голосомъ спрашивалъ о чемъ-нибудь, освѣдомлялся, который часъ, просилъ воды. Экономка то входила, то уходила, Марія же весь день провела на креслѣ у постели больного. Изрѣдка только она вставала, стояла нѣсколько минутъ, облокотясь на спинку своего кресла, или подходила къ окну и смотрѣла, какъ тѣни деревьевъ постепенно удлинялись и, наконецъ, надъ дорогой и садомъ стали сгущаться сумерки. Насталъ душный вечеръ, свѣча на ночномъ столикѣ у изголовья больного горѣла почти не колеблясь. Только когда наступила глубокая ночь и надъ деревьями снова пылылъ мѣсяцъ, поднялся легкій вѣтеръ. Марія почувствовала себя свѣжѣе, когда онъ обвѣялъ ея разгоряченный лобъ, и больному, видимо, онъ доставилъ облегченіе. Онъ повернулъ голову, посмотрѣлъ широко открытыми глазами на окно и глубоко, со стономъ вздохнулъ:

— А-ахъ!

Марія взяла его руку, свѣсившуюся съ кровати.

— Не хочешь ли ты чего-нибудь?

Онъ медленно отнялъ у нея руку и сказалъ:

— Поди сюда, Марія!

Она придвинулась ближе, склонилась головой къ самой его подушкѣ. Тогда онъ, какъ бы благословляя ее, положилъ руку на ея волосы и оставилъ ее такъ. Потомъ онъ тихо произнесъ:

— Благодарю тебя за всю твою любовь.

Она не поднимала головы съ подушки и чувствовала, что глаза ея снова наполняются слезами. Въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо. Только издали прозвучалъ свистокъ проходящаго поѣзда. Потомъ снова сомкнулась надъ ними тишина душнаго лѣтняго вечера, тяжелая, сладкая, исполненная тайны. Вдругъ Феликсъ выпрямился на кровати такъ неожиданно, что Марія невольно испугалась. Она тоже поднялась съ подушки и посмотрѣла Феликсу прямо въ лицо. Онъ схватилъ обѣими руками ея голову, какъ онъ дѣлалъ раньше во время бурныхъ порывовъ нѣжности.

— Марія, — воскликнулъ онъ, — теперь я хочу напомнить тебѣ.

— О чемъ? — спросила она и хотѣла освободить голову изъ его рукъ. Но къ нему, казалось, вернулась вся его сила, онъ крѣпко сжималъ ея голову.

— Я хочу напомнить тебѣ твое обѣщаніе умереть со мной, — быстро проговорилъ онъ. При этихъ словахъ онъ близко придвинулся къ ней. Она чувствовала на своемъ лицѣ его дыханіе и не могла отодвинуться. Онъ говорилъ такъ близко къ ея губамъ, точно она должна была пить его слова.

— Я возьму тебя съ собой, я не хочу уходить одинъ. Я люблю тебя и не оставлю тебя здѣсь.

Страхъ совершенно парализовалъ ее. Хриплый, заглушенный крикъ вырвался изъ ея груди и странно прозвучалъ въ ея ушахъ. Голова ея была все еще неподвижна въ его рукахъ, онъ точно въ тискахъ сжималъ ея за щеки и за виски. Онъ продолжалъ говорить, а его горячее влажное дыханіе обжигало ее.

— Вмѣстѣ! Вмѣстѣ! Вѣдь это же было твое желаніе! Мнѣ страшно умирать одному. Ты согласна? Ты согласна?

Она ногой оттолкнула стоявшее за ней кресло и наконецъ точно изъ желѣзнаго кольца съ силой вырвала свою голову изъ его рукъ. Онъ все еще держалъ руки въ воздухѣ и смотрѣлъ на нихъ, точно не понималъ, что ея уже нѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричала она и бросилась къ дверямъ. — Я не хочу!

Онъ поднялся, точно хотѣлъ вскочить съ постели. Но силы оставили его и, какъ безжизненная масса, съ глухимъ стукомъ онъ упалъ назадъ на постель. Но она уже не видѣла этого, она распахнула дверь и черезъ сосѣднюю комнату бросилась къ выходу. Она не владѣла собой. Онъ хотѣлъ задушить ее! Она еще чувствовала его твердые пальцы на щекахъ, на вискахъ, на шеѣ. Она выбѣжала на крыльцо, никого не встрѣтивъ. Тутъ она вспомнила, что женщина ушла купить чего-то къ ужину. Что же ей дѣлать? Она снова бросилась въ домъ и черезъ заднюю комнату пробѣжала въ садъ. Она мчалась, точно слѣдомъ за ней гналась погоня. Только на противоположномъ концѣ сада его она остановилась и оглянулась назадъ. Ей было видно открытое окно той комнаты, изъ которой она только что выскочила. Она видѣла свѣтъ свѣчи, но больше ничего не могла рассмотреть. «Что тамъ происходитъ? Что тамъ происходитъ?» повторяла она про себя. Она не могла рѣшить, что ей дѣлать. Безцѣльно ходила она взадъ и впередъ мимо рѣшетки. Вдругъ въ головѣ ея промелькнула мысль: «Альфредъ! Онъ пріѣдетъ теперь! Онъ долженъ теперь пріѣхать!» Она посмотрѣла черезъ рѣшетку на дорогу, ведущую къ вокзалу. Потомъ она поспѣшила къ калиткѣ и открыла ее. Дорога бѣжала передъ ней, тихая и пустынная. Можетъ быть, онъ придетъ съ той стороны, по улицѣ. Нѣтъ, нѣтъ... вонъ тамъ приближается какая-то тѣнь, быстро, быстро подходить она все ближе, это фигура мужчины. Онъ ли это? Онъ ли это? Она бросилась навстрѣчу къ нему, не въ силахъ удержаться.

— Альфредъ!

— Это вы, Марія?

Да, это былъ онъ. Она едва не заплакала отъ радости. Ей хотѣлось поцѣловать его руку, когда онъ подошелъ къ ней.

— Что случилось? — спросилъ онъ.

Она, не отвѣчая, потянула его къ дому.

Одну минуту Феликсъ пролежалъ безъ движенія, потомъ онъ поднялся и оглянулся кругомъ. Ея не было, онъ былъ одинъ! Пронизывающій страхъ охватилъ его. Онъ сознавалъ одно, что она должна быть здѣсь, около него. Однимъ прыжкомъ онъ вскочилъ съ постели. Въ головѣ его шумѣло и стучало. Онъ схватился за стулъ и переступалъ, двигая его передъ собой.

— Марія, Марія!—бормоталъ онъ.—Я не хочу, я не могу умирать одинъ! Гдѣ же она? Гдѣ она могла быть?—Двигая стулъ передъ собой, онъ добрался до окна. Тамъ былъ садъ и надъ нимъ въ голубомъ сіяніи покоилась душная ночь. И какъ она вся звенѣла и дрожала! Какъ плясали всѣ цвѣты и деревья! О, это была весна, которая должна принести ему здоровье. Что за воздухъ, что за воздухъ! Если бы всегда вокругъ него вѣялъ этотъ воздухъ, онъ бы, конечно, выздоровѣлъ. А тамъ... что такое тамъ? Тамъ у рѣшетки въ концѣ сада видѣлась женская фигура, обитая голубымъ луннымъ сіяніемъ. Она точно плыла и колыбалась, но не двигалась съ мѣста. Марія! Марія! А за нею мужская фигура. Марія и съ ней какой-то мужчина, большой, большой... И вдругъ рѣшетка заплясала, а за ней заплясало черное небо и все, все вокругъ. А издали доносились какіе-то звуки, какой-то звонъ, какое-то пѣніе, такое прекрасное, прекрасное. И потомъ сразу стало темно...

Марія и Альфредъ подбѣгали къ дому.

У окна Марія остановилась и со страхомъ заглянула въ комнату.

— Его нѣтъ тамъ!—вскричала она.—Кровать пуста!

Вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала назадъ, на руки Альфреда. Онъ наклонился, тихонько опустилъ ее на землю и въ ту же минуту увидѣлъ за окномъ на полу своего друга въ бѣлой рубашкѣ, съ широко раскинутыми ногами, а рядомъ съ нимъ опрокинутый стулъ, спинку котораго онъ сжималъ рукой. Изъ рта по подбородку медленно ползла густая струя крови. Губы какъ будто вздрагивали и вѣки также. Но когда Альфредъ взглядѣлся внимательнѣе, оказалось, что это былъ обманчивый лунный свѣтъ, скользившій по блѣдному лицу...

К О Н Е Ц Ь.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(Продолженіе *).

IV.

Критическая мысль двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ недовольная старыми литературными традиціями.—Требованіе народнаго и самобытнаго творчества.—Мнѣнія, высказанныя по этому вопросу Кюхельбекеромъ, Бестужевымъ, Сомовымъ, кн. Вижевскимъ, Веневитиновымъ, Кирѣевскимъ, Полевымъ и Надеждинымъ.

Годы, когда «Вечера на хуторѣ» создались и увидѣли свѣтъ, были въ исторіи нашего словеснаго творчества годами переходными: старыя литературныя традиціи падали, подорванныя и обезцѣненныя, а «новое», которое должно было заступить ихъ мѣсто, еще недостаточно окрѣпло и утвердилось. Въ критикѣ шелъ нескончаемый и придиричавый споръ объ этомъ «новомъ и старомъ», о заимствованномъ и народномъ, споръ о старикахъ, которымъ пора перестать поклоняться, и о современникахъ, которые обѣщаютъ много, но пока еще такъ мало сдѣлали.

Въ исторіи литературы, какъ и въ иныхъ областяхъ жизни, существуютъ, дѣйствительно, свои переходныя критическія эпохи. Долгоцарствовавшая традиція—традиція и содержанія, и формы, начинаетъ уступать подъ напоромъ новизны, и эта новизна, еще не систематизированная, не объясненная критически, но сильная сознаниемъ своей житейской правды, начинаетъ требовать для себя признанія и почета, который, конечно, ей придется брать съ боя. Проводники этого «новаго», въ чемъ бы оно ни сказывалось, въ идеяхъ ли, въ чувствахъ, въ ихъ ли художественномъ выраженіи, или въ иномъ какомъ либо способѣ ихъ проведенія въ жизнь—бываютъ всегда слишкомъ прямолинейны и увлечены, чтобы быть справедливыми; имъ всегда кажется, что новое должно начинать собой новую эру, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно только видоизмѣняетъ старую, имъ кажется, что оно есть нѣчто само по себѣ существующее, а вовсе не обусловленное тѣмъ, съ чѣмъ оно такъ задорно воюетъ. Смерть традицій—таковъ общій смыслъ всѣхъ

* См. «Міръ Божій», № 1, январь 1902 г.

революционных переходных эпохъ, и забвение, что покойникъ былъ нѣкогда живымъ человекомъ и въ жизни свое дѣло сдѣлалъ—одна изъ характерныхъ чертъ въ психологii всѣхъ, кто торжествующему новому пролагаетъ дорогу. Жаль только, что смерть стараго не сразу обозначаетъ торжество новаго, а всего чаще разрѣшается въ состояніе двойственное, неопредѣленное, обильное всякаго рода несправедливостями. Такой періодъ неопредѣленности и неустойчивости во вкусахъ настроеніяхъ и сужденіяхъ, такой періодъ не всегда справедливыхъ нападковъ на старое переживала наша словесность въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда къ старому въ искусствѣ читатели стали охладѣвать, новое предчувствовали, но никакъ еще не могли договориться и условиться, въ чемъ именно должны заключаться его характерные признаки.

Что однако должны мы понимать подъ этимъ словомъ «старое», когда говоримъ о литературныхъ теченіяхъ того времени?

Обыкновенно подъ этимъ словомъ разумѣютъ традицію классицизма, нѣкогда столь могущественную у насъ и, безспорно, отражавшую недавнюю правду своего времени—времени вишняго лоска, эксплуатаціи чужихъ мыслей, насильно привитыхъ чувствъ и готовыхъ, напрокатъ взятыхъ, формъ и оборотовъ рѣчи. Но что осталось отъ этихъ классическихъ традицій къ 30-мъ годамъ? Мы этого покойника давно снесли въ могилу и даже забыли дорогу къ ней. Достаточно перелистать журналы того времени, чтобы увидать, какъ рѣдко мы тревожили тогда прахъ старыхъ писателей XVIII вѣка. Если кого изъ нихъ мы тогда вспоминали, то развѣ тѣхъ, которые—какъ, напр., Фонвизинъ или Державинъ—сумѣли отстоять свою самостоятельность вопреки господствующему литературному шаблону.

Къ писателямъ современнымъ, придерживавшимся старыхъ формъ и не переступившимъ за черту этого, совсѣмъ истрепаннаго, мнимо-классического мирозерцанія, относились мы тогда также очень равнодушно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, принималъ тогда близко къ сердцу писанія и творенія Василя Пушкина, Владиміра Панаева, Михаила Дмитріева и другихъ? Для болѣе рьяныхъ критиковъ эти писатели служили удобной мишенью, стрѣляя въ которую, трудно было промахнуться, для неаѣе задорныхъ они просто не существовали. Во всякомъ случаѣ старый классицизмъ, какъ литературная традиція и форма, былъ въ тридцатыхъ годахъ старинной совсѣмъ отпѣтой. Онъ никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ и не съ нимъ должна была сводить счеты та новизна, которая уже давала себя чувствовать.

Начиналъ умирать и другой классицизмъ, болѣе молодой годами и болѣе живой по темпераменту—классицизмъ, который въ двадцатыхъ годахъ пользовался большимъ почетомъ у молодого поколѣнія. Это былъ классицизмъ не чистой пробы, такъ какъ въ немъ была большая примѣсь совсѣмъ моднаго сентиментализма, а иногда и либерализма; но онъ

всетаки сохранялъ классическую внѣшность и старался поддѣлаться подъ тонъ Анакреонта, Тибулла, Горация и Овидія или—когда былъ болѣе серьезенъ—подъ тонъ Тацита, Ювенала и другихъ сатириковъ; нѣкогда подогрѣтый симпатіями всей пушкинской плеяды, онъ имѣлъ широкій кругъ поклонниковъ; къ тридцатымъ годамъ онъ растерялъ ихъ всѣхъ и влачилъ жалкое существованіе на страницахъ какихъ-нибудь второстепенныхъ альманаховъ. Свое дѣло онъ сдѣлалъ: не такъ давно далъ рядъ красивыхъ образовъ и готовыхъ мотивовъ для прославленія кипучей молодости и связаннаго съ ней свободомыслія, теперь и онъ вырождался въ настоящій реэстръ шаблонныхъ фразъ и словъ, которые пошли гулять по рукамъ разныхъ бездарныхъ передѣльвателей чужихъ пѣсенъ.

Если, такимъ образомъ, подновленное античное въ разныхъ его видахъ совсѣмъ отходило въ прошлое, то можно было думать, что тѣ литературныя направленія, которыя болѣе всего способствовали гибели этого классицизма, а именно—сентиментализмъ и романтизмъ—сохранять свою власть надъ нами. Дѣйствительно, эти западныя направленія, пущенныя у насъ въ оборотъ Карамзинымъ, Жуковскимъ и отчасти Пушкинымъ и его друзьями, имѣли въ двадцатыхъ годахъ на своей сторонѣ симпатіи почти всей читающей публики. Не было писателя, который не заплатилъ бы своей дави Оссіану, Скотту, Муру, Байрону, Шиллеру, Гёте, Шатобріану—вообще всѣмъ западнымъ авторитетамъ, который не пожелалъ бы такъ или иначе пересадить ихъ красоты на русскую почву или на ихъ ладъ передѣлать русскіе сюжеты.

Попытки такого пересаживанія сентиментализма и романтизма оказали нашей литературѣ и обществу не малую услугу: они пустили въ оборотъ много новыхъ для насъ чувствъ и настроеній, не говоря уже о томъ, что они много способствовали утонченію нашего эстетическаго вкуса. Они служили также лучшими проводниками западныхъ идей и вообще ускорили наше духовное общеніе съ культурнымъ міромъ. Все говорило въ пользу того, что вліяніе этихъ двухъ литературныхъ направленій, и сентиментализма, и романтизма, будетъ весьма продолжительно, что мы не скоро исчерпаемъ ихъ содержаніе и не скоро пресытимся ими, но, несмотря на то, что мы, дѣйствительно, не исчерпали ихъ содержанія, а лишь поверхностно усвоили ихъ, наша критика тѣмъ не менѣе очень скоро стала этими настроеніями тяготиться и готова была ихъ отчислить съ разрядъ «старого», которое должно уступить мѣсто новому. Въ тридцатыхъ годахъ къ сентиментализму критика совсѣмъ охладѣла, Карамзинъ съ его школой отошла для нея въ прошлое, Жуковскаго она не переставала уважать, но увлекалась имъ сдержанно (да и самъ онъ сталъ писать мало), на нѣмецкій бурный романтизмъ и на байронизмъ, недавно столь головокружительный, стала смотрѣть косо, и если что еще сохраняло тогда для нея свое обаяніе, такъ это были общеміровые памятники

литературы, какъ, напр., поэмы Гомера, драмы Шекспира, поэма Мильтона, романы Гёте и его «Фаустъ», наконецъ, историческіе романы Вальтеръ-Скотта, т.-е. продолжало нравиться то, что стояло внѣ всякихъ литературныхъ школъ и тенденцій...

Наша критическая мысль опередила, такимъ образомъ, въ эти годы значительно нашу словесность, которая за весьма рѣдкими исключеніями, по прежнему продолжала слѣдовать традиціямъ сентиментальнымъ и романтическимъ. У критики была одна мысль, одно желаніе, которое она высказывала очень опредѣленно и рѣзко—это было желаніе имѣть національную, самобытную литературу, черпающую свое содержаніе и свою форму изъ русской народной жизни. Желаніе было вполне законное, указывающее на сознательное отношеніе критической мысли къ недочетамъ текущей словесности; но вмѣстѣ съ тѣмъ это было желаніе трудно исполнимое, такъ какъ національное и самобытное въ нашей литературѣ въ тѣ годы еще совсѣмъ не окрѣпло, и мы переживали тогда, именно, переходный періодъ смѣшенія иноземнаго съ русскимъ, періодъ борьбы подражанія съ самобытнымъ, періодъ отрицанія этого подражанія безъ возможности замѣнить его сразу полетомъ вполне оригинальной фантазіи. Какъ и слѣдовало ожидать, критика была невоздержана и несправедлива въ своихъ нападкахъ на недавнихъ кумировъ, была непослѣдовательна въ ихъ осужденіи и, наконецъ, была не совсѣмъ ясна въ своихъ требованіяхъ «новаго», которое она опредѣляла однимъ словомъ—«народность», пытаясь, но почти всегда безуспѣшно, выяснить, въ чемъ именно долженъ заключаться смыслъ этого таинственного слова.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь выступалъ со своими первыми произведеніями—всѣ прежнія литературныя традиціи, и классическія, и сентиментальныя, и романтическія, были уже значительно подорваны критикой и для огромнаго большинства литературныхъ судей была ясна необходимость имѣть нѣчто свое, столь же совершенное и народное, какъ то, чему эти критики поклонялись на западѣ. Что касается самой литературы, то, какъ мы сказали, она плохо отвѣчала на эти требованія критики и никакъ не могла взять вѣрнаго самобытнаго тона въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ писателей, на которыхъ были устремлены взоры всѣхъ, остальные пребывали все еще въ разныхъ ученическихъ классахъ, гдѣ писали не съ натуры, а съ образцовъ и моделей. Случалось иногда, что одно и то же лицо, было и критикомъ, и художникомъ и тогда, какъ, напр., у Полевого, Марлинскаго, Кюхельбекера — получалось странное противорѣчіе между тѣмъ, что творилъ писатель, и тѣмъ, что онъ думалъ о творествѣ. Какъ художникъ, онъ оставался рабомъ традиціи западной, какъ критикъ, онъ продолжалъ распинаться за народность.

Прислушаемся же къ нѣкоторымъ голосамъ изъ этого лагеря кри-

тиковъ и тогда борьба между старымъ и новымъ, споръ заимствованнаго съ самобытнымъ и надежды возлагаемыя на «народность» обрисуются передъ нами очень ясно. Намъ необходимо подробно ознакомиться съ этими критическими взглядами, чтобы не возвращаться къ ихъ изложенію, когда ихъ суду подпадутъ произведенія Гоголя.

Еще въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. въ самый разгаръ подражанія иноземнымъ образцамъ сентиментальнаго иромантического типа, нѣкоторые, еще очень молодые, писатели стали опредѣленно требовать народныхъ, самобытныхъ сюжетовъ и національныхъ приемовъ въ творчествѣ.

Изъ нихъ наиболѣе характерные, въ то время достаточно популярныя, но затѣмъ быстро забытыя критики, были Кюхельбекеръ—одинъ изъ редакторовъ альманаха «Мнемозина», Александръ Бестужевъ, редакторъ альманаха «Полярная Звѣзда», Веневитиновъ, членъ редакціи «Московского Вѣстника», Сомовъ—литературный обозрѣватель и князь Вяземскій—членъ редакціи «Московского Телеграфа».

Въ 1824 году была въ «Мнемозинѣ» напечатана статья Кюхельбекера «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе» *). Въ этой статьѣ авторъ резюмировалъ свои мысли, раскрывая въ разныхъ мелкихъ критическихъ замѣткахъ, которыя, начиная съ 1820 года, онъ печаталъ въ періодическихъ журналахъ Критикъ произносилъ очень суровое осужденіе господствующему въ русской литературѣ направленію. Онъ осуждалъ нашихъ поэтовъ за тотъ печальный минорный тонъ, который преобладалъ въ ихъ стихотвореніяхъ. Неистовая печаль не есть поэзія, говорилъ онъ, а бѣшенство. Скучно слушать разныхъ Ивановъ да Федоровъ, которые намъ поютъ про свои несчастія. А кто отучилъ насъ понимать радость жизни и на нее откликаться? Это грѣхъ Жуковского, который сталъ подражать новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру, и грѣхъ Батюшкова, который взялъ себѣ за образецъ двухъ пигмеевъ французской словесности—Парни и Мильвуа. Но больше всѣхъ виновата поэзія романтиковъ. Хороша была эта романтическая поэзія въ Провансѣ и у Данте, въ свое время; но теперь, что отъ нея осталось? Одинъ Гёте, пожалуй, удовлетворяетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній ея требованіямъ, объ остальныхъ поэтахъ говорить не стоить; они почти всѣ подражатели, а наша русская романтика есть подражаніе—подражанію. Сила? гдѣ мы найдемъ ее въ большей части нашихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изиѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведенійхъ? Богатство и разнообразіе? Прочитайте любую элегію Жуковского, Пушкина или Баратынскаго, знаешь всѣ. Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Чайльдъ-Гарольды насъ

*) «Мнемозина», II, 29—44.

одошли, и отчего все это? Оттого, что мы не рѣшаемся быть самобытными. Изъ богатаго и мощнаго русскаго слова, мы извлекаемъ небольшой, благопристойный, приторный, искусственно-гощій, приспособленный для немногихъ языкъ... Печатью народности ознаменованы всего лишь какіе-нибудь 80 стиховъ въ «Свѣтланѣ» и въ «Посланіи къ Воейкову» Жуковскаго, нѣкоторыя мелкія стихотворенія Кагенина, два или три мѣста въ «Русланъ и Людмила» Пушкина. Будемъ благодарны Жуковскому за то, что онъ освободилъ насъ изъ-подъ ига французской словесности, отъ Лагарпа и Батте, но не позволимъ ни ему, ни кому другому наложить на насъ оковы нѣмецкаго или англійскаго владычества. Всего лучше имѣть поэзію народную, но ужъ если подражать, то надо знать кому, а у насъ художественный вкусъ настолько не развитъ, что мы не отличаемъ поэтовъ. Мы одинаково цѣнимъ великаго Гёте и недозрѣвшаго Шиллера, огромнаго Шекспира и однообразнаго Байрона... Мы благоговѣемъ передъ всякимъ нѣмцемъ или англичаниномъ. Не довольно присвоить сокровища иноплеменниковъ! Да создастся для славы Россіи поэзія истинно-русская! Да будетъ святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первой державой во вселенной! Вѣра праотцѣвъ, нравъ и отечественности, гѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наши писатели сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими.

Статья Кюхельбекера—одного изъ самыхъ закоренѣлыхъ подражателей въ своемъ собственномъ творествѣ—явленіе очень характерное; это—прямое порицаніе всему иноземному въ нашей словесности, даже тому, которое, какъ поэзія Шиллера или байронизмъ, пользовалось тогда огромной популярностью. Кюхельбекеръ недоволенъ униженіемъ, т.-е. одной изъ отличительныхъ и сильныхъ сторонъ тогдашняго романтизма; онъ давно отрекся отъ классическихъ традицій и требуетъ теперь отреченія отъ сентиментализма и романтизма западнаго во имя «народности», наступленіе которой онъ предчувствуетъ, но на готовыхъ примѣрахъ доказать и провѣрить не можетъ.

Въ этомъ же смыслѣ высказывался и его сверстникъ Александръ Бестужевъ—знаменитый впоследствии Марлинскій—въ своихъ критическихъ обзорахъ текущей русской литературы, которые онъ печаталъ въ «Полярной Звѣздѣ».

Въ статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» *) Бестужевъ, нежелая, какъ издатель альманаха, ссориться съ писателями, наговорилъ кучу любезностей каждому изъ нихъ безъ различія школъ и направленій. Исполнивъ этотъ актъ приличія, онъ очень вѣжливо сталъ распространяться о причинахъ паденія нашей литера-

*) «Полярная Звѣзда» 1823 г.

туры (совсѣмъ непонятнаго «паденія» послѣ тѣхъ комплиментовъ, которыми онъ осыпалъ рѣшительно всѣхъ писателей). Онъ усмотрѣлъ ихъ въ изгнаніи родного языка изъ общества и въ равнодушіи прекраснаго пола (?) ко всему, что на этомъ языкѣ пишется. «Утѣшимся, говоритъ онъ, однако. Вкусъ публики какъ подземный ключъ стремится къ вышнѣ и время невидимо сѣетъ просвѣщеніе». Въ этихъ словахъ высказанъ только намекъ на то, что два года спустя съ большой силой было сказано въ томъ же альманахѣ—но уже ставшемъ на ноги и завоевавшемъ симпатіи публики и писателей.

«Мы воспитаны иноземцами, писалъ Бестужевъ въ статьѣ «Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началъ 1825 года» *), — мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только къ чужому. Измѣряя свои произведенія исполинскою мѣрою чужихъ гениевъ, намъ свысока видится своя малость еще меншею, и это чувство, не согрѣтое народной гордостью, вмѣсто того, чтобы возбудить рвеніе со-творить то, чего у насъ нѣтъ, старается унижить даже и то, что есть. Къ довершенію несчастія мы выросли на одной французской литературѣ, вовсе не сходной съ нравомъ русскаго народа, ни съ духомъ русскаго языка... Чтобы все выразить, надо все чувствовать; но развѣ не надобно всего чувствовать, чтобы все понимать? А мы слишкомъ безстрастны и слишкомъ лѣнны и не довольно просвѣщены, чтобы и въ чужихъ авторахъ видѣть все высокое, оцѣнить все великое».

Замѣтивъ мимоходомъ, что мы начинаемъ уже чувствовать и мыслить, но пока еще оцупью, Бестужевъ выясняетъ значеніе критики у насъ вообще и, послѣ цѣлаго обвинительнаго акта противъ прозяблости нашей жизни, противъ безлюдья и ничтожества, онъ подробно останавливается на томъ, что болѣе всего лежитъ у него на сердцѣ—именно на вопросѣ о «подражаніи». «Насъ одолѣла страсть къ подражанію, пишетъ онъ; было время, что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша муза остается невѣстою-невидимкою. Конечно, можно утѣшиться тѣмъ, что мало потерн—такъ и сякъ пишутъ сотни чужестранныхъ и междуусобныхъ подражателей; но я говорю для людей съ талантомъ, которые позволяютъ себя водить на помочахъ. Оглядываясь назадъ, можно вѣкъ назади остаться, ибо время съ каждой минутой разводитъ насъ съ образцами. При томъ, всѣ образцовыя дарованія носятъ на себѣ отпечатокъ не только народа, но вѣка и мѣста, гдѣ жили они—слѣдовательно, подражать имъ рабски въ другихъ обстоятельствахъ невозможно и неумѣстно. Творенія знаменитыхъ писателей должны быть только мѣрою достоинства нашихъ твореній...»

*) «Полярная Звѣзда» 1825 года.

Разсуждать такъ—было, конечно, не трудно, и критикъ зналъ, что теоретически онъ совершенно правъ, что лучше имѣть свое, чѣмъ подражать чужому. Но художнику эти замѣчанія критика, при всей ихъ убѣдительности, приносили мало пользы, такъ какъ заставить себя быть «народнымъ» художнику было невозможно: все зависѣло отъ степени таланта, но и кромѣ таланта нужна была еще школа и опытъ: наша-же культурная жизнь была еще слишкомъ молода, чтобы найти себѣ сразу оригинальную форму и самобытное отраженіе въ искусствѣ. Даже тѣ немногія талантливныя натуры, какъ, напр., Батюшковъ, Жуковскій, Крыловъ и Грибоѣдовъ, даже они, при всей силѣ ихъ дарованія, не сразу и не всегда могли освободиться отъ иноземнаго вліянія и русскую дѣйствительность изображали либо рѣдко, какъ напр., Батюшковъ и Жуковскій, либо не совсѣмъ по-русски, какъ напр., Крыловъ и Грибоѣдовъ. Когда же имъ удавалось взять вѣрный самобытный тонъ, нарисовать правдивую русскую картину правовъ, какъ это иногда дѣлалъ Пушкинъ, то эта картина была такъ необычна, что критики сами не сразу научались цѣнить ее: такъ случилось, напр., съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ».

Тѣмъ не менѣе критика продолжала твердить свое и требовать «народности». Въ 1823 году появилась маленькая книжечка О. Сомова, безызвѣстнаго тогда беллетриста; книжка была озаглавлена «О романтической поэзіи» *); на нее обратили мало вниманія, но она его заслуживала. Сомовъ былъ изъ числа первыхъ нашихъ беллетристовъ, которые въ своихъ разсказахъ старались разрабатывать матеріалъ народныхъ сказаній и повѣрій въ болѣе или менѣе реальной формѣ, т.-е. стремились сохранить ихъ колоритъ и наивность. Онъ принималъ эту народность близко къ сердцу и въ своей книжкѣ о романтизмѣ поставилъ себѣ цѣлью направить наше вниманіе на тѣ богатства, которыя кроются въ нашей старинѣ и которыми нужно воспользоваться именно въ интересахъ «народнаго» нашего романтизма, а отнюдь не того подражательнаго, который ничего не даетъ для русскаго читателя.

Французская поэзія суха и холодна, говоритъ Сомовъ, и даже среди пресловутыхъ французскихъ классиковъ есть только одинъ хорошій—Парни. Мы дѣлаемъ грубѣйшую ошибку, когда смѣшиваемъ классицизмъ французскій съ античнымъ. Античный классицизмъ половъ жизни и природа его разнообразна—это классицизмъ «народный», «мѣстный», согласный съ нравами и міросозерцаніемъ той страны, въ которой онъ родился; въ этомъ вся его свѣжесть и прелесть, которая отсутствуетъ во всѣхъ попыткахъ воскресить его. У старыхъ мастеровъ должно учиться, но подражать имъ не слѣдуетъ. Народной была и поэзія романтическая, въ тѣ годы, когда она пришла на смѣну классической; народной не

*) О. Сомовъ. «О романтической поэзіи. Опытъ въ трехъ статьяхъ». Спб. 1823 г. стр. 102.

перестаетъ она быть и въ наши дни въ тѣхъ странахъ, гдѣ она вытекла изъ жизни, гдѣ она развилась свободно. Словесность каждаго народа есть говорящая картина его нравовъ, обычаевъ и образа жизни—вотъ почему тщетны всѣ надежды возростить самобытную литературу на почвѣ подражанія, и мы русскіе должны наконецъ имѣть свою народную поэзію, въ которой бы отразились отличительныя черты характера нашей націи, какъ напр., твердость духа, безропотное повиновеніе законнымъ властямъ, радушное гостепрѣимство и т. д. Сомовъ указываетъ затѣмъ на богатство нашей мнѣлогіи, на разнообразіе нашей природы, на обиліе всякихъ красотъ въ нашей древней исторіи—все это затѣмъ, чтобы пристыдить насъ и упрекнуть за то, что мы небрежно проходимъ мимо своихъ богатствъ, заглядываясь на чужія. Заимствованіе и подражаніе къ добру насъ не приведутъ: и безъ того въ нашей словесности замѣтно цѣлое наводненіе унылыми элегіями; вездѣ встрѣчаешь унылыя мечты, желаніе неизвѣстнаго, утомленіе жизнью. Всѣ эти нѣмцеобразныя рапсодіи противны живому и пылкому русскому народу. Онъ долженъ же наконецъ сказать свое слово, и мы можемъ надѣяться: у насъ есть таланты, много обѣщающіе—таковъ юный Пушкинъ, въ вымыслахъ, языкѣ и выраженіи котораго уже раскрываются черты народныя.

Гораздо болѣе сдержанно, хотя въ этомъ же приблизительно духѣ, высказывался въ двадцатыхъ годахъ и князь Вяземскій въ своихъ критическихъ статьяхъ.

Сдержанность его тона и нѣкоторая недоговоренность въ его сужденіяхъ о подражаніи и «народности» объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что по своему воспитанію и образованію, самъ онъ былъ рѣдкимъ примѣромъ запоздавашаго классика, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ при широтѣ своего литературнаго образованія, лучше, чѣмъ кто-либо, понималъ, чѣмъ наша культура была обязана западнымъ литературнымъ теченіямъ. Вяземскій въ сущности былъ скорѣе историкъ, чѣмъ критикъ; для настоящаго критика у него не хватало темперамента, и слишкомъ трезвый и холодный разсудокъ уберегалъ его отъ крайностей, которыя въ разгарѣ борьбы не всегда бываютъ лишними. Онъ былъ живой свидѣтель исторіи развитія нашей словесности, начиная съ самыхъ первыхъ годовъ XIX вѣка, для него наши классики и сентименталисты были совсѣмъ родные люди, какъ позднѣе для него родвыми стали и молодые романтики двадцатыхъ годовъ, въ кругу которыхъ онъ—старшій годами—былъ принять на правахъ товарища. Рѣзко судить о нашемъ классицизмѣ и романтизмѣ онъ не могъ, въ силу его способности все понимать, во всемъ отгнѣять достоинство и на все смотрѣть спокойнымъ и уравновѣшеннымъ взглядомъ. Вотъ почему его критическія статьи, собранныя вмѣстѣ, и поражаютъ читателя нѣкоторой неопредѣленностью въ сужденіяхъ. Ласковое слово нашлось у него для всѣхъ: и для классиковъ XVIII вѣка, и для

сентименталистовъ Карамзина и Жуковскаго, и для классиковъ болѣе новой фармаціи, какъ, напр., Озеровъ и Дмитріевъ, наконецъ, и для романтиковъ. Онъ симпатизировалъ имъ всѣмъ, правильно измѣряя историческую стоимость каждаго; и никогда у него не повернулся бы языкъ сказать, что Карамзинъ устарѣлъ, что Дмитріевъ плохая копія плохихъ оригиналовъ или что Жуковскій навредилъ нашей словесности слишкомъ безотчетнымъ преклоненіемъ передъ нѣмцами. Быть можетъ, въ душѣ Вяземскій все это и чувствовалъ, но извѣстная корректность XVIII-го вѣка не позволяла ему въ данномъ случаѣ отгнѣнить свою мысль какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, и ему иногда приходилось проговариваться и онъ тогда говорилъ приблизительно то же, что и другіе критики, но говорилъ какъ бы въ скобкахъ.

«О чемъ мы хлопочемъ, кого отстаиваемъ?» говоритъ онъ по поводу разгорѣвшагося у насъ спора между классиками и романтиками. «Имѣемъ ли мы литературу отечественную, уже пустившую глубокіе корни и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сей поры малое число хорошихъ писателей успѣли только дать нѣкоторый образъ нашему языку; но образъ литературы нашей еще не означился, не прорѣзался. Признаемся со смиреніемъ, но и съ надеждою: есть языкъ русскій, но нѣтъ еще словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и мужественнаго *).

«Литература должна быть выраженіемъ характера и мнѣній народа», пишетъ онъ въ другой статьѣ. «Судя по квивамъ, которыя у насъ печатаются, можно заключить, что у насъ или нѣтъ литературы, или нѣтъ ни мнѣній, ни характера; но послѣдняго предположенія и допустить нельзя. Дайте намъ авторовъ, пробудите благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ и—читатели родятся. Они готовы; многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего отъ насъ дослышаться не могутъ, и обращаются поневолѣ къ тѣмъ, кои не лепечутъ, а говорятъ. Бѣда въ томъ, что писатели наши выпускаютъ мало ходячихъ монетъ. Радуйтесь пока, что хотя иностранныя сочиненія находятся у насъ въ обращеніи; пользуясь ими, мы готовимся позавать цѣну и своихъ богатствъ, когда писатели наши будутъ бить, изъ отечественныхъ рудъ, монету для народнаго обихода» **).

Въ своей извѣстной статьѣ «Вмѣсто предисловія къ «Бахчисарайскому фонтану». Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова» (1824)—князь Вяземскій беретъ на себя боевую роль защитника новизны въ литературѣ противъ старыхъ традицій. Въ данномъ случаѣ онъ подъ новизной

*) «О Кавказскомъ плѣнникѣ», повѣсти А. Пушкина. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, I, 74—75.

***) «Замѣчаніе на краткое обзорніе русской литературы 1822 года». Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, I, 103.

разумѣлъ поэзію «романтическую». Вяземскій ставтъ на той точкѣ зрѣнія, что всякая поэзія, не насаженная извиѣ, а вырастающая органически на своей почвѣ, среди своего народа—всегда поэзія самобытная, будь она классическая, какъ въ древности, или романтическая, какъ въ настоящее время, въ Европѣ. Народность въ словесности заключена не въ правилахъ, а въ чувствахъ. «Отпечатокъ народности, мѣстности—вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное существеннѣйшее достоинство древности и утверждаетъ ея право на вниманіе потомства. Гомеръ, Горацій, Эсхиль имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношенія съ главами романтической школы, чѣмъ съ своими холодными рабскими послѣдователями, кои сияются быть греками и римлянами заднимъ числомъ». Отсюда, повидимому, прямой выводъ, что подражать вообще никому не слѣдуетъ, ни старымъ, ни новымъ, и что современная романтическая литература русская, которую Вяземскій защищаетъ, также есть попытка быть заднимъ числомъ кѣмъ угодно, но только не самимъ собою. Вяземскій это понимаетъ, но принужденъ склониться передъ необходимостью. Онъ признаетъ, что мы, начиная съ Ломоносова, все только подражали, но что дѣлать, если пока нѣтъ своего? «Поэты современники наши, говорить онъ, не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ; можетъ быть, его и не будетъ, потому что его нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую сияются выставить за классическую *)».

Взгляды Вяземскаго на народность, какъ видимъ, достаточно скептически. Въ его словахъ нѣтъ обычнаго тогда крика: долой иностранцевъ и да здравствуетъ свое національное; и эта сдержанность вполнѣ понятна въ немъ—въ человѣкѣ съ весьма развитымъ и требовательнымъ вкусомъ, большой литературной опытностью и вообще крайне осторожнымъ умомъ. Но что самъ Вяземскій, предпочиталъ національное подражательному—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; онъ только не хотѣлъ увеличивать собою кругъ тѣхъ лицъ, которыя въ первыхъ росткахъ самобытной словесности готовы были видѣть уже осуществленіе своихъ ожиданій.

Полвѣка спустя, когда наша самобытная народная литература уже одержала побѣду надъ Европой, когда всякое подражаніе стало преданіемъ, Вяземскій въ 1876 году сдѣлалъ такую приписку къ одной изъ своихъ старыхъ критическихъ статей **, въ которой онъ разбиралъ вопросъ о романтизмѣ и классицизмѣ: «У насъ не было среднихъ вѣковъ, ни рыцарей, ни готическихъ зданій съ ихъ сумракомъ

*) «Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго». I, 169.

***) «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова». «Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго», I, 57.

и своеобразнымъ отпечаткомъ, говорилъ онъ. Греки и римляне, грѣхъ сказать, не тяготѣли надъ нами. Мы болѣе слышали о нихъ, чѣмъ водились съ ними. Но романтическое движеніе, разумѣется, увлекло и насъ. Мы въ подобныхъ случаяхъ очень легки на подъемъ. Тотчасъ образовались у насъ два войска, два стана; классики и романтики доходили до чернильной драки. Всего забавнѣе было то, что налицо не было ни настоящихъ классиковъ, ни настоящихъ романтиковъ: были одни подставные и самозванцы. Грѣшный человекъ, увлекся и я тогда разлившимся и мутнымъ потокомъ». Легко было такъ говорить о мутномъ потокѣ, когда онъ давно изсякъ, но въ двадцатыхъ годахъ, при желаніи имѣть свое «собственное» и при отсутствіи его, оставалось лишь кланяться направо и налево—и классикамъ, и романтикамъ, что Вяземскій и дѣлалъ, разсуждая вполне правильно, что писатели этихъ обоихъ направленій имѣли свои заслуги передъ нашей культурой.

Если Вяземскій былъ такъ остороженъ, какъ третейскій судья между «народностью» и подражаніемъ, то молодой его современникъ—Веневитиновъ былъ въ рѣшеніи этого вопроса выразителемъ самаго крайняго взгляда, какой можно только себѣ представить. Веневитиновъ былъ одаренъ большимъ критическимъ чутьемъ и то малое, что онъ успѣлъ сдѣлать (а онъ умеръ дадцати двухъ лѣтъ) показываетъ, какую большую умственную силу мы въ немъ потеряли. Но онъ былъ преимущественно философъ-метафизикъ и потому очень склоненъ къ обобщеніямъ. Мало углубляясь въ факты, онъ предпочиталъ оперировать съ самыми общими формулами. Такую общую формулу примѣнилъ онъ и къ вопросу о самобытности нашей духовной жизни, и къ вопросу о томъ, какъ оградить намъ себя отъ подражанія. Мысли его заключены въ маленькой статейкѣ, въ которой онъ обсуждалъ планъ затѣяннаго имъ и его товарищами философскаго журнала.

«Какими силами подвигается Россія къ цѣли просвѣщенія?—спрашивалъ Веневитиновъ. Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семь поприщѣ, общемъ для всѣхъ? У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и входя, слѣдственно, въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія все получила извнѣ; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ даръ не удивленіе, но раболѣпство; отсюда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности... мы воздвигли мнимое зданіе литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы; мы, какъ будто предназначенные противорѣчить исторіи словесности, мы получили форму литературы прежде самой ея существенности. Вотъ положеніе наше въ литературномъ мірѣ—положеніе совершенно отрицательное. Что изъ того, что мода у насъ держится недолго? Давно ли сбивчивыя сужденія

Французовъ о философіи и искусствахъ почитались у насъ законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной сомоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; мы отбросили французскія правила, не отъ того, что мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Языкъ поэзіи обратился у насъ въ механизмъ, онъ сдѣлался орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка».

«При семь нравственномъ положеніи Россіи, одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлью своихъ дѣйствій,— надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словесности и заставить ее болѣе думать, нежели производить».

Средство, какъ видимъ, радикальное, передъ неисполнимостью котораго Веневитиновъ, однако, не останавливается. «Надлежало бы, говорить онъ, нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, бесполезно развлекающія ея вниманіе, и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе». Веневитиновъ рекомендуетъ для этого одно средство—философскій журналъ, который заставитъ насъ дѣйствовать собственнымъ умомъ, устранить насъ на время отъ настоящаго и, главное, сдѣлаетъ насъ самихъ предметомъ нашихъ разысканій. «Россія нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности, и, слѣдственно, своей нравственной свободы въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія» *).

Можно, конечно, только улыбнуться, читая, какъ этотъ восторженный философъ думалъ сразу остановить все развитіе нашей словесности и начать его вновь сначала, заставивъ нашу мысль предварительно пройти строгій и полный курсъ философіи, но значеніе словъ Веневитинова отъ этого не убавится—они ясно указываютъ на то, какъ критическая мысль того времени опережала наше словесное творчество, какъ люди умные были недовольны опекой надъ нами иностраннаго, какъ, наконецъ, имъ хотѣлось имѣть свою самобытную словесность, которая могла бы состязаться съ западною. И все это писалось и говорилось въ тѣ годы, когда власть западныхъ литературныхъ теченій достигала въ на-

*) «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала». «Сочиненія Д. В. Веневитинова». Москва, 1831 г., II, 25—31.

шемъ словесномъ творествѣ своего апогея. Ничѣмъ въ нашей литературѣ критика тогда не была довольна, и она была права не потому, что въ творествѣ Жуковского, Пушкина, Языкова, Баратынского и другихъ не было ничего достойнаго восхваленія, а потому, что то, что этими художниками было создано, обѣщало въ дальнѣйшемъ оправданіе самыхъ смѣлыхъ надеждъ. Читая Жуковского, Пушкина и иныхъ, критикъ думалъ, какъ хорошо было бы, если бы эту силу употребить на разработку истиннонароднаго сюжета и истинно самобытнымъ способомъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ критика не менѣе настойчиво продолжала требовать все той же народности, и мысли самыхъ авторитетныхъ критиковъ, при рѣзкомъ несогласіи во многихъ вопросахъ, совпадали именно въ этомъ—въ желаніи имѣть какъ можно скорѣе литературу, выросшую на русской почвѣ, пропитанную русскимъ духомъ и разрабатывающую русскіе сюжеты. Въ этомъ были согласны три наиболѣе видныхъ литературныхъ судей начала 30-хъ годовъ—И. В. Кирѣевскій, редакторъ журнала «Европеецъ», Н. А. Полевой, редакторъ «Московского Телеграфа», и Н. И. Надеждинъ, редакторъ «Телескопа»—какъ видимъ, предсѣдатели всѣхъ главныхъ литературныхъ трибуналовъ того времени.

Взгляды Кирѣевскаго на назначеніе русской словесности тѣсно связаны съ его общими историко-философскими взглядами. Знаменитый нашъ славянофилъ былъ въ тридцатыхъ годахъ большимъ поклонникомъ Запада. Онъ стоялъ, въ интересахъ русскаго просвѣщенія, за наше тѣсное общеніе съ сосѣдями. Ему хотѣлось, чтобы китайская стѣна, которая отдѣляетъ Россію отъ Запада, скорѣе рушилась. Образованность наша должна возвыситься, говорилъ онъ, до европейской степени и наша обязанность содѣйствовать этому. Существуетъ одинъ важнѣйшій вопросъ для всѣхъ образованныхъ людей русскихъ: это вопросъ объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ просвѣщенію остальной Европы; отъ его рѣшенія зависитъ вся совокупность нашихъ мыслей о Россіи, о будущей судьбѣ ея просвѣщенія и о нашемъ настоящемъ положеніи.

Кирѣевскій рѣшаетъ этотъ вопросъ не въ пользу тѣхъ лицъ, которые говорятъ о просвѣщеніи національномъ, которые не велятъ заимствовать и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Все благоденствіе наше, думалъ Кирѣевскій, зависитъ отъ нашего просвѣщенія, а искать у насъ національнаго значитъ искать необразованнаго; не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы его, если не изъ Европы? Повидимому, нашъ критикъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ былъ стать рѣшительно въ ряды сторонниковъ всякаго подражанія, въ томъ числѣ и литературнаго. Но мысль Кирѣевскаго нельзя понимать такъ просто. Онъ соглашается, что мы смѣшны, подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ неумело и не вполне. Когда наше сближеніе съ Западомъ станетъ болѣе тѣсное, тогда

только и окажутся плодотворныя послѣдствія этого сближенія. Утратить своей національности намъ бояться нечего: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни французами, ни англичанами, ни нѣмцами. «До сихъ поръ національность наша была національность необразованная, грубая, китайски-неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное; и такъ какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европой. Тамъ, гдѣ *обще-европейское* совпадаетъ съ нашею *особенностью*, тамъ родится просвѣщеніе истинно русское, образованно національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями».

Мысль Кирѣвскаго стала теперь совсѣмъ ясна и для самолюбія нашего не обидна. Критикъ хочетъ сказать, что мы должны идти въ школу общечеловѣческую, усвоить себѣ все, что до насъ было сдѣлаво въ области духа и, окончивъ, этотъ курсъ ученія, сочетать это «общее» съ тѣмъ «частнымъ», которымъ мы одарены отъ природы. Не чужое эго должны мы изображать изъ себя, мы должны только обработать хорошо нашъ голосъ; теперь еще рано, но придетъ время, когда мы запоемъ свою пѣсню. А школа намъ пока не опасна, уже по одному тому, что въ настоящую минуту (т.-е. въ началѣ XIX вѣка) она учитъ очень хорошему.

А чему можетъ научить насъ современное просвѣщеніе Европы? спрашиваетъ Кирѣвскій, и на этотъ вопросъ у него есть отвѣтъ очень характерный и очень опредѣленный. Кирѣвскій начинаетъ съ того, что указываетъ, какъ вообще истинная поэзія въ его время на Западѣ пала, какъ *соответственность съ текущею минутою* стало первымъ требованіемъ, которое предъявляетъ общество писателю, какъ отъ этой погони за современностью понизился уровень творчества и какъ все указываетъ на то, что въ обществѣ начинаетъ преобладать исключительное стремленіе къ практической дѣятельности. Все это факты, повидимому, неутѣшительные, но Кирѣвскій изъ нихъ дѣлаетъ очень любопытный выводъ. «Неужели,—спрашиваетъ онъ,—въ этомъ стремленіи къ жизни дѣйствительной нѣтъ своей особенной поэзіи? Именно изъ того, что жизнь *вытѣсняетъ* поэзію, должны мы заключить, что стремленіе къ жизни и къ поэзіи *сошлись* и что, слѣдовательно, часть для поэта жизни наступилъ. То же сближеніе жизни съ развитіемъ челоуѣческаго духа наблюдается и во всѣхъ остальныхъ сферахъ духовной дѣятельности челоуѣка. И философія открываетъ теперь новую цѣль и прокладываетъ новую дорогу. Она стремится къ истинному познанію, положительному, живому, составляющему конечную цѣль всѣхъ требованій нашего ума, и это познаніе не заключается въ логическомъ

развитіи необходимыхъ законовъ нашего разума. Оно *есть* школьно-логическаго процесса, и потому *живое*; оно *выше* понятія вѣчной необходимости и потому *положительное*; оно существенноѣ математической отвѣченности, и потому *индивидуально-опредѣленное, историческое*. Это требованіе исторической сущности и положительности въ философіи сближаетъ весь кругъ умозрительныхъ наукъ съ жизнью и дѣйствительностью. То же стремленіе къ сущности, то же сближеніе духовной дѣятельности съ дѣйствительностью жизни замѣтно въ настоящее время и въ религіи. Всѣ самыя разнообразныя современныя религіозныя партіи, которыя въ такомъ множествѣ волнуются теперь по Европѣ и которыя не согласны между собой во всемъ остальномъ, всѣ однакоже въ одномъ сходятся: въ требованіи большаго сближенія религіи съ жизнью людей и народовъ. Это сближеніе замѣтно и на всей европейской образованности. Вездѣ господствуетъ направленіе чисто практическое и дѣятельно положительное: дѣло беретъ верхъ надъ системой, сущность надъ формою, сущность надъ умозрѣніемъ. Человѣкъ нашего времени уже не смотритъ на жизнь, какъ на простое условіе развитія духовнаго; но видитъ въ ней вѣсть и средство, и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отраслей умственнаго и сердечнаго просвѣщенія. Ибо жизнь явилась ему существомъ разумнымъ и мыслящимъ, способнымъ понимать его и отвѣчать ему, какъ художнику Пигмалиону его одушевленная статуя».

«Въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и успѣха таятся въ опытахъ дѣйствительности и въ сочувствіи съ жизнью общечеловѣческой, говоритъ Кирѣевскій, уже обращаясь прямо къ поэту, а потому поэзія, не проникнутая сущностью, не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка».

Если это такъ, то наше общеніе съ западнымъ просвѣщеніемъ въ данную минуту, чѣмъ оно будетъ тѣснѣе, тѣмъ для насъ полезнѣе. Мы научимся цѣнить дѣйствительность и сущность, мечтательность перестанетъ искажать правильность нашего взгляда на жизнь, мы въ угоду старинѣ не будемъ жертвовать настоящимъ и сентиментальное и романтическое отношеніе къ жизни уступать трезвому взгляду на нее.

«Мы должны всему этому учиться, чтобы готовиться къ той роли, которая намъ предстоитъ, а вся наша роль въ будущемъ, а не въ настоящемъ. Судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи: оно есть условіе и источникъ всѣхъ благъ. Когда эти всѣ блага будутъ нашими, мы ими подѣлимся съ остальной Европой и весь долгъ нашъ заплатимъ ей сторицею. Пока мы можемъ спокойно усваивать себѣ умственныя богатства чужихъ странъ. Чужія мысли должны быть полезны только для развитія собственныхъ. Придетъ время, и мы будемъ имѣть и свою философію, которая должна будетъ развиваться изъ нашей жизни, создастся изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующей

*

шихъ интересовъ *нашего* народнаго и частнаго быта. Когда и какъ, скажетъ время. Блестящее поприще открыто еще для русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоеннымъ нашему отечеству, намъ дано еще надѣяться... А пока надо учиться».

Таковы общіе взгляды молодого Кирѣвскаго, высказанныя имъ не всегда безъ противорѣчій на разныхъ страницахъ его критическихъ статей. Критикъ не систематизировалъ ихъ, но и въ этомъ разрозненномъ видѣ они показали нашей цензурѣ настолько оскорбительными для русскаго самолюбія, что она прикрыла журналъ, гдѣ они были напечатаны *).

Этими общими взглядами Кирѣвскаго опредѣляются и его сужденія о русской литературѣ. Заранѣе можно сказать, что къ этой литературѣ, живущей, главнымъ образомъ, насчетъ запада, онъ отнесется мягко, какъ къ ученику, который учится прилежно. Съ другой стороны, принимая во вниманіе его требованія, чтобы литература сближалась съ жизнью, и съ дѣйствительностью, нельзя ожидать отъ него милостиваго отношенія къ классическимъ, сентиментальнымъ и романтическимъ традиціямъ. Наконецъ, зная его мысли о великомъ будущемъ нашей родины, можно быть увѣреннымъ, что свой оптимизмъ онъ проявитъ и въ отношеніи къ русской словесности. Дѣйствительно, критика его въ общемъ очень мягкая: въ ней нѣтъ вызывающаго, насмѣшливаго, не говоримъ уже—ругательнаго тона, которымъ иногда злоупотребляли его современники, какъ, напр., Полевой и Надеждинъ. Стоитъ только просмотрѣть «Обозрѣнія русской словесности за 1829 и 1831 годъ», чтобы увидать, какъ Кирѣвскому неприятно сказать что-либо рѣзкое. Онъ для всѣхъ находитъ слова ободренія, въ комъ только видитъ искреннее желаніе служить литературѣ. Но эта мягкость не мѣшаетъ ему критически отнестись даже въ лицамъ, къ которымъ онъ питалъ большое уваженіе, и еще строже не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ литературѣ вообще. Отдѣвая все должное заслугамъ Карамзина, онъ опредѣляетъ причины, почему образъ его мысли, нѣкогда для Россіи столь плодотворный, сталъ для насъ теперь неудовлетворительнымъ; онъ видитъ причину этой неудовлетворительности въ томъ, что идеальная, мечтательная сторона человѣческой жизни, которую преимущественно развиваетъ поэзія нѣмецкая, оставалась у насъ еще невыраженной; онъ указываетъ на то, что люди, которые начали воспитаніе мнѣніями карамзинскими, съ развитіемъ жизни увидѣли неполноту ихъ и чувствовали потребность новаго. Для молодой Россіи нуженъ былъ Жуковскій. Его поэзія, хотя совершенно оригинальная въ средоточіи своего бытія (въ любви къ прошедшему), была, однако

*) Всѣ эти взгляды вьаты изъ разныхъ критическихъ статей Кирѣвскаго за періодъ отъ 1829—1830 г. См. «Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣвскаго», Москва. 1861 г. I, 72, 82, 83, 108—109, 67, 69, 71, 72, 137, 46, 33, 15.

же, мало оригинальна. Она передала намъ идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, и на этомъ роль ея кончилась. Лира Жуковского замолчала, но развитіе духа народнаго не могло остановиться. Народъ искалъ поэта. Народу необходимъ былъ наперсникъ, который бы сердцемъ отгадывалъ его внутреннюю жизнь, и въ восторженныхъ пѣсняхъ велъ дневникъ развитію господствующаго направленія, народу нуженъ былъ проводникъ народнаго самопознанія. И вотъ, явился Пушкинъ. «Въ его поэзіи совпалъ французскій сентиментализмъ съ нѣмецкимъ идеализмомъ и поэзія эта выражала собой стремленіе къ лучшей дѣйствительности. Сначала поэзія Пушкина была веселая, затѣмъ байронически разочарованная. Но въ обоихъ случаяхъ она выражала двѣ крайности. Между безотчетностью надежды и байроновскимъ скептицизмомъ есть однако середина: это—довѣренность въ судьбу и мысль, что сѣмена желаннаго будущаго заключены въ *дѣйствительности настоящаю*; что, въ необходимости есть Провидѣніе; что если прихотливое созданіе мечты гибнетъ, какъ мечта, зато изъ совокупности существующаго должно образоваться лучшее прочное. Оттуда *уваженіе къ дѣйствительности*, составляющее средоточіе той степени умственнаго развитія, на которой теперь остановилось просвѣщеніе Европы и которая обнаруживается историческимъ направленіемъ всѣхъ отраслей человѣческаго бытія и духа».

И вотъ этого-то уваженія къ дѣйствительности, или, выражаясь проще, этого правдиваго реализма, Кирѣевскій и не находилъ въ современной словесности. Хоть критикъ и отстаивалъ самобытность Пушкина противъ обвиненій, которыя на него сыпались за его «подражаніе» Байрону, хоть онъ и утверждалъ, что Пушкинъ уже почувствовалъ силу дарованія самостоятельнаго, свободнаго отъ постороннихъ вліяній, но все-таки Пушкинъ въ его глазахъ еще не оправдалъ всѣхъ надеждъ, которыя Кирѣевскій возлагалъ на истиннаго «поэта жизни»; и даже послѣ хвалебнаго разбора «Бориса Годунова» нашъ критикъ замѣтилъ, что Пушкинъ выше своей публики, но что онъ былъ бы еще выше, если бы былъ общепонятнѣе. «Своевременность—говорилъ Кирѣевскій, столько же достоинство, сколько красота, и «Промееей» Эскила въ наше время былъ бы анахронизмомъ, слѣдовательно ошибкой».

О литературѣ же нашей вообще, безъ примѣненія къ какой бы то ни было личности, Кирѣевскій говорилъ сурово. Общій характеръ всѣхъ первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ, а слѣдовательно, и характеръ нашей текущей словесности вообще, выражается въ сочетаніи «собственнаго» съ вліяніемъ шести чужеземныхъ поэтовъ: Гёте, Шиллера, Шекспира, Байрона, Мура и Мицкевича. Это добрый знакъ для будущаго, говоритъ Кирѣевскій. Но мы можемъ спросить, а для настоящаго? Очевидно, что даже въ отношеніи къ первокласснымъ стихотворцамъ, Кирѣевскій объ этомъ настоящемъ былъ не особенно высокаго мнѣнія. Что же касается литературы вообще, какъ итога дѣятельности всѣхъ пишу-

щихъ, то нашъ критикъ видѣлъ въ ней нѣчто совсѣмъ не самобыт-ное, а продуктъ соединеннаго вліянія почти всѣхъ словесностей. «Нѣмецкое и французское вліяніе у насъ господствуютъ, говоритъ онъ, замѣтно много мотивовъ Байрона и Оссіана, вліяютъ также и подражанія древнимъ, Италия имѣетъ среди насъ своихъ предста-вителей въ видѣ Нелединскаго и Батюшкова. Все это живетъ вмѣ-стѣ, мѣшается, родится, ссорится и обѣщаетъ литературѣ нашей характеръ многосторонній, когда добрый геній спасетъ ее отъ без-характерности». Изъ словъ Кирѣевскаго, однако, видно, что пока еще такого добраго генія среди насъ не имѣется. «Будемъ же безпристра-стны, говоритъ онъ, и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полного отра-женія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы. Но утѣшимся, у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего отечества! А пока всѣ движенія нашей словесности похожи на нестройныя движенія рас-пеленатаго ребенка, движенія, однако, необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья *)».

Таковы взгляды Кирѣевскаго на наше литературное движеніе того времени: все у насъ въ будущемъ, а въ настоящемъ только намеки. Настоящая народность еще должна появиться, и мы въ ожиданіи истиннаго «поэта нашей жизни».

Гораздо болѣе суроваго и язвительнаго судью, вооруженнаго да-леко не такой глубокой мыслью, какъ Кирѣевскій, но съ языкомъ болѣе острымъ, нашла себѣ наша молодая словесность въ Н. А. Полевомъ. Положеніе его въ данномъ случаѣ было трудное; онъ былъ признан-ный и самый откровенный защитникъ «романтизма», т.-е. всего новаго въ западной словесности его времени. Его журналъ «Московскій Теле-графъ» былъ проводникомъ этого западнаго романтизма у насъ въ Россіи; всѣ самыя злыя статьи противъ враговъ романтики были на-писаны имъ и его сотрудниками и ему же пришлось теперь творить свой судъ и расправу надъ учениками тѣхъ самыхъ учителей, которымъ онъ поклонялся. Онъ это сдѣлалъ со свойственной ему откровенностью, выясняя значеніе западныхъ мастеровъ, защищая ихъ отъ разныхъ не-лѣпыхъ нападокъ, которымъ они подвергались со стороны слишкомъ ярыхъ поборниковъ всего національнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же былъ и свирѣпымъ говителемъ всякаго подражанія. И у него, несмотря на его преклоненіе передъ западомъ, была завѣтная мысль о народной русской словесности, о «самобытномъ», которое онъ искалъ въ текущей словесности съ терпѣніемъ муравья и которое весьма неудачно стре-мился создать самъ въ своихъ повѣстяхъ и драмахъ.

Когда онъ говорилъ о старикахъ, о классикахъ, даже о сентимен-талистахъ, онъ, конечно, не испытывалъ никакого стѣсненія въ мысляхъ

*) Полное собраніе сочиненій *И. В. Кирѣевскаго* I, 22, 23, 24, 14, 94, 43, 38, 44, 19.

и рѣчи: они были его добычей, и онъ расправлялся съ ними жестоко и смѣло. Надобно было быть смѣлымъ, чтобы написать такую статью, которую онъ написалъ о Дмитріевѣ, въ годы, когда Дмитріевъ былъ настоящей литературной иконой. И Полевой попалъ вѣрно; старому классику было отведено подобающее мѣсто; судъ былъ произнесенъ не только надъ нимъ, но и надъ всѣми, кто съ нимъ во главѣ думалъ такъ неумѣло воскресить классическое въ XIX вѣкѣ. Полевой у Дмитріева отнял сразу право на званіе поэта, онъ же называлъ его космополитомъ, въ твореніяхъ котораго нѣтъ ничего русскаго, ни по уму, ни по языку. Критикъ вышутилъ классическую литературную традицію, всѣхъ этихъ цыганокъ, восклицающихъ «Эвое!» въ Марьиной рошѣ, всѣхъ этихъ пернатыхъ сиренъ на Волгѣ, и онъ подъ своими шутками похоронилъ и маститаго старца Ивана Ивановича, и его родственника, продолжителя семейныхъ литературныхъ традицій—Михаила Александровича Дмитріева, надъ которымъ онъ издѣвался, какъ надъ мальчишкой *).

Въ сужденіяхъ о новыхъ писателяхъ романтикахъ приходилось конечно быть болѣе сдержаннымъ въ отзывѣхъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ были затронуты интересы самого критика. Онъ любилъ романтиковъ истинныхъ, западныхъ; когда Надеждинъ обрушился на нихъ своею тяжеловѣсною диссертацией, Полевой поднялъ перчатку. Въ очень остроумной статьѣ, самой злой, какую онъ когда либо написалъ, сталъ онъ метать ядовитыя стрѣлы противъ своего врага и также попадалъ вѣрно. Мѣрить западные литературныя теченія аршиномъ прописной морали и риторическаго патриотизма, какъ это дѣлалъ Надеждинъ—Полевой считалъ непорядочнымъ и неумнымъ приемомъ со стороны критика. Онъ видѣлъ—и справедливо—нѣкоторую нечистоплотность въ частыхъ указаніяхъ Надеждина на французскую революцію, какъ на источникъ романтическаго настроенія, и полагалъ, что клеймить Байрона клеймомъ Каина надо предоставить кому угодно, но только не литератору **).

Съ горячностью отстаивая всѣхъ великихъ художниковъ романтической школы на западѣ, Полевой поглядывалъ однако очень косо на ихъ русскихъ учениковъ. Самый сильный изъ этихъ, учениковъ, съ которымъ Полевому пришлось сводить свои счеты былъ Жуковский. Оцѣнить его поэзію вѣрно и безпристрастно, опредѣлить точно его значеніе для Россіи было въ тѣ времена очень трудно, какъ вообще трудно писать о живыхъ еще въ полномъ цвѣтѣ находящихся писателяхъ, которыхъ нужно, однако, вдвинуть въ историческую перспективу.

*) Статья: «Сочиненія И. И. Дмитріева» и «Стихотворенія Михаила Дмитріева». «Очерки русской литературы» Н. Полевого. Спб., 1839., II, 451—482, II, 439—447.

**) Статья «О началѣ, сущности и участи поэзіи, романтической называемой. Сочиненіе Н. Надеждина». «Очерки русской литературы». Н. Полевою II, 284—298.

Полевой не убоился трудности, и статья его—лучшее, что *do сихъ поръ* написано о Жуковскомъ, и тотъ, кто въ наше время будетъ писать о Жуковскомъ, вѣроятно только подпишется подъ доброй половиной словъ Полевого. Статья справедливая, но строгая и выдержанная въ спокойномъ, для Полевого рѣдкомъ, ровномъ тонѣ. Она помимо цѣнности критическихъ взглядовъ, въ ней высказанныхъ, замѣчательна и по тому историческому взгляду, который проведенъ въ ней. «Въ наше время годами проживаютъ десятки лѣтъ — говорить критикъ. Духъ испытательности сорвалъ съ глазъ нашихъ всѣ повязки, развилъ въ душахъ нашихъ новыя, невѣдаемыя отцамъ нашимъ струны. Наступило и время суда надъ Жуковскимъ. Заслуги его велики и говоря о немъ, никогда не должно забывать, что мы теперь выросли и усвоили всѣ духовныя богатства запада. Чтобы судить Жуковского, надо быть и критикомъ, и историкомъ. Онъ явился среди насъ въ безцвѣтную эпоху нашей словесности. Онъ замыкалъ собою тотъ періодъ свѣтскости, любезности, невѣрныхъ, но положительныхъ понятій, періодъ сентиментальный и лощенный, когда не было различія между переводомъ и сочиненіемъ, не было слова о народности, когда никто не прислушивался къ родному голосу... Въ этотъ періодъ безцвѣтный и несамобытный, когда мы отъ кафтановъ переходили къ фракамъ, отъ Корнеля къ Дюссамъ, когда единственнымъ лучшимъ памятникомъ вѣка, со всѣми признаками тогдашняго образованія, была «Исторія Государства Россійскаго» (!); когда самыя великія явленія Европы оставались неизвѣстными и никто объ этомъ не беспокоился; когда все было усыпано эпиграммами, мадригалами, акростихами, баснями, трюлетами, романсами, рондо, дистихами, которые писались на розовыхъ листочкахъ—въ это время явился на сцену Жуковский и съ нимъ вмѣстѣ живое чувство и идеальный взглядъ на жизнь. Онъ сталъ у насъ проводникомъ не щегольской, а истинной меланхоліи, пѣвцомъ неопредѣленного, очень искренняго, но неглубокаго чувства, которое одушевляетъ лишь юношу мечтателя. И даже языкъ, на которомъ этотъ юноша изъяснялъ любовь свою чужестранкѣ, даже этотъ языкъ былъ невѣренъ, ошибоченъ, хотя и пламененъ. Жуковский взялъ его у вѣмцевъ, да и самъ поэтъ очень скоро, послѣ краткой вспышки «собственной» поэзіи, превратился въ смиреннаго переводчика и подражателя. Ходъ развитія его идей остановился, онъ застылъ задумчивымъ мечтателемъ, любовникомъ всего прекраснаго въ мірѣ, безотчетно мечтающимъ о небѣ и недоступнымъ высокому міру фантазіи, какой развили для насъ питомцы Шекспира и философіи, германская и англійская новѣйшія музы. Однообразіе мысли Жуковский замѣнялъ только разнообразною формою стиха. Какъ за двадцать лѣтъ не зналъ онъ національности русской, когда писалъ «Марьину рошу» и старался обрусить Ленору, такъ онъ и въ тридцатыхъ годахъ остался незнакомъ съ этой національностью, пересказывая на русскій

ладъ сказку Перро о спящей царевнѣ. Принято думать, что Жуковский представитель современнаго романтизма. Это невѣрно; онъ былъ представителемъ только одной изъ идей его и мѣръ новаго романтизма проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими этотъ романтизмъ осіялъ Европу. Чего же Жуковскому недоставало? Въ прозѣ идей; въ стихахъ глубины восторга, но звуки его были прелестны. Читая созданія Жуковского, вы не знаете: гдѣ родился онъ, гдѣ поетъ онъ? хочетъ ли онъ передать вамъ чужое, оно обращается въ его собственное собственныя же созданія Жуковского, напротивъ до такой степени космополитны въ мѣрѣ литературномъ, что едва отличите вы ихъ отъ переводовъ. При такомъ направленіи эта поэзія и не могла быть народной и народности нечего искать у Жуковского. Онъ живетъ духомъ не на землѣ и что ему въ положительныхъ земныхъ формахъ *)

Произнеся такой строгій судъ надъ старикомъ, Полевой совсѣмъ иначе отнесся къ его великану наслѣднику. Въ одной изъ своихъ статей критикъ далъ цѣлый историческій очеркъ развитія творчества Пушкина. Онъ судилъ поэта, если не всегда вѣрно, то все-таки объективно. Онъ привѣтствовалъ «Руслана», какъ блестящее прекрасное начало, въ которомъ, хотя и не было тѣни народности, но зато были краски. Онъ ставилъ Пушкину въ заслугу, что онъ не увлекся тогдашнимъ классическимъ громкословіемъ и не замечтался въ блѣдныхъ подражаніяхъ Жуковскому. Положимъ, что свѣтское карамзинское образованіе тяготѣло надъ его дѣтствомъ, и Байронъ былъ игомъ его юности, но Пушкинъ отъ этихъ опекуновъ скоро избавился. Онъ заплатилъ, впрочемъ, довольно дорого за свое увлеченіе Байрономъ: блѣденъ и ничтоженъ былъ его «Кавказскій плѣнникъ», нерѣшительны его «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыгане» и легокъ «Евгеній Онѣгинъ» — русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуанова, какъ кавказскій плѣнникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ-Гарольдова лица. Но съ каждымъ шагомъ Пушкинъ становился выше, самобытнѣе, разнообразнѣе и единство его генія проявлялось болѣе и болѣе. Ростъ его таланта всего яснѣе сказанъ на отдѣльныхъ пѣсняхъ «Евгенія Онѣгина». Первая глава пестра, безъ тѣней, насмѣшлива, почти лишена поэзіи; вторая впадаетъ въ мелкую сатиру, но въ третьей Татьяна уже есть идея поэтическая; четвертая облекаетъ ее еще болѣе увлекательными чертами; пятая — сонъ Татьяны — довершаетъ поэтическое очарованіе; въ шестой поэтъ снова впадаетъ въ тонъ насмѣшки, эпиграмму, и то же слѣдуетъ въ седьмой, но поединокъ Ленскаго съ Онѣгинымъ искупаетъ все, а въ восьмой послѣднее изображеніе Татьяны показываетъ, какъ возмужалъ поэтъ семью годами.. Идея народности появляется наконецъ

*) Статья: «Валлады и повѣсти В. А. Жуковского». «Очерки русской литературы». Н. П. Полевого, I, 95—144.

въ «Полтавѣ», и Русь отзывается сквозь байроновскую оболочку даже въ «Братьяхъ Разбойникахъ». А сколько у Пушкина художественныхъ мелкихъ стихотвореній и сколько чисто народнаго въ его «Вступленіи къ Руслану», въ «Женихѣ» и «Утопленникѣ»! Пушкину не чуждо было и есть все, что волновало, двигало, тревожило нашъ разнообразный вѣкъ. Всего болѣе онъ подчинялся могуществу Байрона, но и другія силы романтизма ярко отражались на немъ: баллада испанская, нѣмецкая, поэзія восточная и библейская, эпопея и драма романтическая, разнообразіе юга и сѣвера вдохновляли его лиризмъ, стремящійся къ эпопеѣ и драмѣ. Все это, выражая характеръ современности, составляя характеръ Пушкина, должно было напоследокъ привести его къ драмѣ и роману. Романъ ему не удался, какъ прозаическое отдѣленіе, но онъ создалъ «Бориса Годунова», который удовлетворилъ бы всѣмъ условіямъ настоящей исторической и самобытной драмы, если бы Карамзинъ своимъ освѣщеніемъ эпохи Бориса не сблизилъ поэта съ толку *).

Воздавъ такую хвалу Пушкину, Полевой остался все-таки при своемъ мнѣніи, что наша словесность пока еще переживаетъ періодъ младенчества. Въ своихъ фельетонахъ, которые онъ помѣщалъ въ «Телеграфѣ» подъ разными заглавіями и которые потомъ объединилъ въ шести томахъ «Новаго живописца общества и литературы», онъ, пользуясь правомъ не называть никого по имени, далъ цѣлый рядъ памфлетовъ, въ которыхъ осмѣивалъ нашу литературную братію того времени. Памфлетами были иногда и его критики въ самомъ журналѣ. Доставалось всѣмъ, и молодымъ, и старымъ, и доставалось главнымъ образомъ все за ту же страсть къ подражанію. Все прильнуло къ намъ снаружи, говорилъ онъ. Мнѣнія русскихъ классиковъ, какъ и русскихъ романтиковъ, представляютъ нелѣпую смѣсь, разнородную странную сложность противорѣчій. «Наши романтики большею частью показываютъ тоже дѣтство образованія, какое видимъ въ нашихъ классикахъ, дѣтство, повторяю, ибо все, что мы замѣчаемъ смѣшного въ тѣхъ и другихъ, совсѣмъ не доказываетъ, чтобы наши классики и романтики были злые люди и глупцы: нѣтъ, это недоученые дѣти, такъ какъ и наше русское (литературное) образованіе еще не вышло изъ пеленокъ и едва, едва ходитъ на помочахъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, схоластическихъ, всякихъ—только не самобытныхъ русскихъ **). На нашемъ Парнасѣ толкуются—какъ говорилъ критикъ, разные Феокритовы, Шолье-Андревы, Гамлетовы, Анакреоновы, Обезьянины, Демишиллеровы ***), пишутъ они въ стихахъ и въ прозѣ—и

*) Статя «Борисъ Годуновъ» «Сочиненіе А. С. Пушкина. Очерки русской литературы» *Н. Полевого* I, 160—188.

***) «Очерки русской литературы» *Н. Полевого* II, 286, 288.

***) «Новый живописецъ общества и литературы». Москва, 1832 г., II, 181. «Поэтическая чепуха».

толку отъ нихъ никакого. Всѣ эти Талантины, Аріостовы, Оріенталины, Эпителины, витають мечтой, кто на востокѣ, кто на западѣ, кто любить пальму Ливанона, кто испанскій романсъ, кто Петрарку, кто Шиллера за его романсъ «Kennst du das Land», кто, наконецъ, бредить народностью и думаетъ, что будетъ истинно самобытенъ, если напишетъ романъ, въ которомъ Наполеона русская баба бьетъ башмакомъ и гдѣ у маршала Нея голодная кошка выхватываетъ жареную ворону... Чужое дано намъ, какъ образецъ; отчего же не составить планъ новой поэмы: основаніе взять изъ Гяура, дѣйствіе перенести на Кавказъ, началомъ сдѣлать разговоръ Ромео и Юліи, и потомъ ввести Миньону, похищенную черкесами? *).

Всего ядовитѣе и злѣе бывала шутка Полевого, когда онъ направлялъ ее противъ всевозможныхъ попытокъ молодой поэзіи создать насильственно во что бы то ни стало что нибудь «народное» и «самобытное». Эта «народность» была для самого Полевого вопросомъ большимъ: онъ самъ изо всѣхъ силъ старался быть въ своемъ творествѣ русскимъ по преимуществу и собственная неудача озлобляла его противъ другихъ—надо признаться не болѣе счастливыхъ—конкурентовъ.

Что онъ самъ понималъ подъ словомъ «народность», это изъ его рѣчей не вполне ясно: само слово онъ произносилъ часто, обставляя его пышными эпитетами, но изъ его же собственной критической оцѣнки Пушкина мы могли видѣть, что онъ не всегда обладалъ этимъ чутьемъ народности. Одно не подлежитъ сомнѣнію: и онъ былъ недоволенъ направлениемъ текущей русской словесности и понималъ, что наше творчество—за исключеніемъ развѣ поэзіи Пушкина—расходится съ русской дѣйствительностью, вмѣсто того, чтобы съ нею сближаться. Продумавъ надъ этимъ вопросомъ много лѣтъ, онъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, уже послѣ Пушкина и послѣ выхода въ свѣтъ всѣхъ повѣстей Гоголя, пришелъ къ такому безотрадному выводу: «Народность бываетъ двоякая, писалъ онъ, всѣ народы испытываютъ первую—не всѣ достигаютъ до второй. Первая народность та, которую можно назвать дѣтскимъ возрастомъ каждаго народа. Климатъ, мѣстность, происхожденіе, обстоятельства придаютъ особенную фізіономію самому дикому и первобытному обществу... Но есть и высшая народность; она не можетъ быть создана; она создается сама собою, какъ создаются сами собою, исторически, временемъ, изъ народовъ государства и изъ множества народныхъ жизней самобытная жизнь государственная. Стремясь къ сей цѣли, народы переходятъ періодъ подражанія чужеземцамъ—стараніе переработать въ свою самобытность хорошее чужое—и потомъ періодъ тщетныхъ усилій образовать систематически свою народность въ литературѣ... Мы русскіе, мы дошли до эпохи государственной на-

*) «Новый живописецъ общества и литературы», IV, 202—204. «Весѣда у молодого литератора или старымъ бредить новизна».

родности и она создается у насъ трудами правительства и нашею исторіею, въ государственныхъ постановленіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, законахъ, гдѣ всюду появляется русскій самобытный духъ добрый, сильный, православный. Но словесность наша едва только касается сего періода. Она только что перешла періодъ подражанія, кипитъ, какъ ключъ подъ землею, новою самобытностью, но ключъ еще не пробился на поверхность... Время, когда насильно стараются создать народную словесность, при высшей государственной гражданственности, представляетъ всегда усилія безплодныя и нерѣдко забавныя. Мы теперь находимся въ такомъ времени. Самая простая и обольстительная идея прежде всего бросается въ глаза: обратиться къ первобытной народной поэзіи. Но это все равно, что завернуть взрослому въ пеленки и завязывать его покрывками». И съ большой грустью Полевой заканчиваетъ свою статью словами: «И кто знаетъ будущее? оно такъ обманчиво: сколько было прекрасныхъ началъ, по которымъ мы ворожили счастье и богатство нашей словесности? А чѣмъ кончалось? скучнымъ ничтожествомъ» *).

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на будущее современникъ Полевого и его большой противникъ Н. И. Надеждинъ. Полевой былъ рыцарь романтизма, осужденный карать его слабыхъ адептовъ; Надеждинъ былъ защитникъ классицизма — воспитанный на немъ и ожидавшій отъ него спасенія для нашей юной словесности. Но какъ бы эти два критика ни ссорились, они сходились въ одномъ: въ удовольствіи современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ на литературномъ рынкѣ.

Критическіе взгляды Надеждина выражены очень ясно въ отрицательныхъ положеніяхъ и очень неопредѣленно и неясно въ положеніяхъ утвердительныхъ. Критикъ безъ стѣсненія, иногда даже неприлично, разноситъ своихъ враговъ, но когда ему приходится говорить о томъ, что онъ желалъ бы видѣть на мѣстѣ разрушеннаго, онъ теряется въ общихъ словахъ и мысль замѣняетъ патетической риторикой.

У Надеждина былъ одинъ непримиримый врагъ, это—современное ему западное романтическое движеніе и преимущественно его отраженіе во французскомъ романтизмѣ и байронизмѣ; къ нѣмцамъ онъ былъ болѣе снисходителенъ, хотя и поругивалъ Гете за его «Фауста». Но въ своей брани на романтизмъ онъ не зналъ границъ. Въ этой брани было кое-что и вѣрнаго, но въ общемъ она указывала на малое эстетическое пониманіе и развитіе критика.

«Романтизмъ въ настоящее время, рассуждалъ Надеждинъ, совершенный анахронизмъ. Беззаботное удамство, заставлявшее нѣ-

*) Статья «Чари». Сцены изъ народныхъ былей и разсказовъ малороссійскихъ «Очерки русской литературы», Н. А. Полевого. II, 483—487, 510.

когда рыцарей мыкаться по бѣлому свѣту и доискиваться приключеній, нынѣ возбуждаетъ не почтительное изумленіе, но улыбку сожалѣнія, если еще не презрѣнія. Тоскливыя жалобы и грустные томленія безутѣшной мечтательности сами нагоняютъ тоску, и не вымалываютъ привѣтный отзывъ изъ оглушаемаго ими сердца. Если человѣкъ нынѣ не такая уже неподвижная статуя, каковою представлялся онъ въ паворамъ поэзіи классической, то, конечно, не такой же легучій змѣй — игралище буйныхъ вихрей необузданнаго произвола, носимое по безмѣрнымъ пустынямъ фантастическаго міра, каковымъ его изображала романтическая поэзія... Чтобы воскресить нынѣ эту поэзію, надлежало бы измѣнить весь настоящій порядокъ вещей и воззвать къ жизни святу ю старину среднихъ вѣковъ, и право смѣшно заставлятъ теперь поэтическую фантазію безпрестанно скитаться со странствующими рыцарями по вертепамъ колдуновъ, страшилищъ и привидѣній, какъ бессмысленно и смѣшно принуждать ее вертѣться до упаду вокругъ Иліонскихъ стѣнъ и отпѣвать безконечную фамилію Атридовъ и Пріамидовъ... И зачѣмъ намъ все это, когда наше время значительно выше во всѣхъ смыслахъ временъ прошлыхъ? Человѣкъ классическій былъ покорный рабъ влеченія животной своей природы: человѣкъ романтическій былъ своеправный самовластитель движеній своей природы. И тамъ, и здѣсь упирался онъ въ крайности, или какъ невольникъ вещественной необходимости, или какъ игралище призраковъ собственнаго своего воображенія, но нашъ вѣкъ выше всего этого: онъ стремится къ соединенію сихъ двухъ крайностей чрезъ упроченіе, — освященіе узъ общественныхъ, и существенный характеръ періода, въ которомъ живемъ мы, это возвышеніе и просвѣтленіе гражданственности. Въ этомъ-то гражданскомъ смыслѣ и вреденъ нынѣ романтизмъ: самовравная покорность своимъ прихотямъ, мечтамъ и страстямъ, составлявшая душу временъ романтическихъ въ настоящее время есть преступное буйство; романтизмъ — славословіе порока и грѣха, онъ явная несправедливость и клевета на природу человѣческую, которая устроена такъ, что всѣ частныя ея разногласія и перекоры спасаются во всеобщей гармоніи, какъ было. А что силится прославить современная романтика? Жалкія и отвратительныя судороги бытія: наша романтическая поэзія есть лобное мѣсто — настоящая торговая площадь. Мы охотнѣе позволимъ неподвижнымъ статуямъ, выписаннымъ изъ древняго міра, истязать слухъ нашъ чиннымъ разглагольствованіемъ, чѣмъ представлятъ взорамъ нашимъ жизнь человѣческую въ столь ужасныхъ конвульсіяхъ или со столь отвратительными гримасами. Это жжеромантическое неистовство способно совратить даже великаго гениа. Примѣръ тому знаменитый Байронъ: онъ представляетъ плачевный примѣръ того всегубительнаго эгоизма, который, ярясь на все, добирается, наконецъ, до себя самого и истребивъ собственное бытіе, низвергается съ шумомъ въ мрачную бездну ничтожества. Онъ родственникъ..

Вольтера, этого выродка подновленнаго фальшиваго классицизма. Байронъ и Вольтеръ—двѣ зловѣщія кометы, производившія и производящія доселѣ сильное и пагубное давленіе на вѣкъ свой и они, несмотря на ихъ видимое другъ отъ друга различіе, только отсвѣчиваютъ мрачное пламя одной и той же эсэетической преисподней; британскій ненавистникъ показываетъ ужасный примѣръ души, которая, закатившись въ безпредѣльную бездну самой себя, обрушивается собственною тяжестью глубже и глубже до тѣхъ поръ, пока, оглушенная непрерывнымъ ривовеніемъ, ожесточается злобною лютостью противъ всего сущаго и изрыгаетъ собственное свое бытіе въ святотатскихъ хулахъ съ неистовыми проклятіями».

«Если таковъ самъ Байронъ, то что же сказать объ его подражателяхъ: объ этихъ весеннихъ мошкахъ, съ ихъ пискливыми жалобами и кислыми гримасами на все, не исключая своей человѣческой природы? О времена! о нравы! *)».

А кто опредѣлитъ сколько нанесла вреда эта романтическая поэзія намъ русскимъ? Мы теперь безъ ума отъ нея, и что же такое наша изящная словесность?

«Въ политическомъ состояніи отечества нашего все обстоитъ благополучно. Подъ благодатною сѣнью Промысла, при отеческихъ попеченіяхъ мудраго правительства, мать святая Русь исполинскими шагами приближается неукоснительно къ своему величію... Но наше просвѣщеніе и преимущественно наша литература, составляющая цвѣтъ народной образованности? Можно ли указать въ толпѣ безчисленныхъ метеоровъ, возгорающихся и блуждающихъ въ нашей литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ коемъ бы открывалось таинственное пареніе генія въ горнюю страну вѣчныхъ идеаловъ?—даромъ что мы перечитали всѣ нѣмецкія эсэетическія теоріи о поэзіи. По сю пору, говоритъ критикъ, близорукій взоръ мой, преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвоститыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, сквозь обливающій ихъ чадъ, могъ различить только то одно, что всѣ онѣ влекутся, силою собственного тяготѣнія, въ туманную бездну пустоты или въ страшный хаосъ».

«Нашъ Парнассъ не трудно спутать съ желтымъ домомъ. Богъ судья покойному Байрону. Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся хариты въ окаменяющую медузу. Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ, загудѣли à la Вугол **)».

*) «О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи» (отрывокъ изъ диссертациі *Н. И. Надеждина* 1830 г.) — перепечатано въ полномъ изданіи сочиненій Вѣлинскаго. *С. А. Венгерова*, I, 501—511.

**) «Литературныя опасенія за будущій годъ». Статья *Н. И. Надеждина* 1828 г. Перепечатана у *Венгерова*. I, 455—465.

«Нельзя, конечно, отрицать, что сближеніе съ Европой принесло намъ великую неоцѣненную пользу; оно вдвинуло насъ въ составъ просвѣщеннаго міра, но за это мы заплатили весьма дорого; мы стали пересаживать къ себѣ цвѣты европейскаго просвѣщенія, не заботясь, глубоко-ль они пустятъ корни и надолго ли примутся. Это иногда удавалось: и отсюда тѣ блестящія, необыкновенныя явленія, кои изумляютъ наблюдательность, блуждающую въ пустыняхъ нашей словесности. Сія явленія суть или переводы, или подражанія: они не самородныя русскія, хотя часто имѣютъ русское содержаніе и составлены изъ чисто русскаго матеріала. Такъ растенія иноземныя, легѣмыя въ нашихъ садахъ, питаются русскимъ воздухомъ, сосутъ русскую почву, а все не русскія! Тяжело, а должно признаться, что доселѣ наша словесность была, если можно такъ выразиться, барщиной европейской; она обрабатывалась руками русскими не по русски; истощала свѣжія неистощимыя силы юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ... Благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободою естественностью и оригинальною самообразностью, у насъ, напротивъ, обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности. Всѣ ваши литературныя направленія весьма быстро выпцвѣтали: отцвѣли Ломоносовъ и классицизмъ; Карамзинъ съ его незабудками, розами, горленками и мотыльками. Зазвучали серебряныя струны арфы Жуковскаго, настроенныя нѣмецкою мечтательною музою, и все бросилось подстраиваться подъ тонъ, имъ заданный: фантазія переселилась на кладбище, мертвецы и вѣдьмы потянулись страшною вереницею, и литература наша огласилась дикими завываніями, кои хъ запоздалое эхо отдается еще нынѣ по временамъ въ мрачныхъ руинахъ «Московскаго Телеграфа». Новое броженіе, пробужденное своеправными капризами Пушкина, метавшагося изъ угла въ уголь, угрожало также всеобщю эпидеміею, которая развѣялась собственной вѣтротлѣнностью. Кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно оканчивается всякое круженіе—утомленіемъ, охладѣніемъ, усыпленіемъ: литература оцвѣтла, подобно ратному полю, и минувшій годъ (1831) является молчаливымъ пустыннымъ кладбищемъ, на которомъ изрѣдка возникаютъ призраки усопшихъ воспоминаній *)».

Такова картина развитія нашей литературы, которую нарисовалъ такъ поспѣшно этотъ желчный критикъ, не углубляясь въ факты, не споря по существу, а держась лишь самыхъ общихъ мѣстъ и опредѣленій. Ученаго значенія эта критика, конечно, не имѣла, она была простымъ крикомъ недовольства на скудость реализма, правды и самобытности въ искусствѣ, крикомъ иногда совсѣмъ неприличнымъ, когда рѣчь

*) «Лѣтописи отечественной литературы». Статья *Н. И. Надеждина*, 1831 г., перепечатана у *Венгерова*, I, 527—529.

заходила о молодомъ Пушкинѣ, въ которомъ Надеждинъ видѣлъ главнаго виновника нашего байроническаго бѣснованія.

Что касается положительной стороны въ сужденіяхъ Надеждина, то она грѣшила большой неясностью. Прежде всего, полагалъ онъ, необходимо придумать что-нибудь, чтобы остановить этотъ потокъ романтизма, который грозитъ обратить нашу литературу въ грязную лужу, и Надеждинъ хотѣлъ вѣрить, что намъ въ данномъ случаѣ можетъ оказать большую помощь истинное классическое образованіе.

«Дѣйствительное и цѣлебное противобіеіе романтизму, думалъ Надеждинъ, заключается въ возвращеніи къ тщательному и благоговѣйному изученію священныхъ памятниковъ классической древности; разумѣется, не въ поддѣльныхъ французскихъ слѣпкахъ, но въ самыхъ чистѣйшихъ оригинальныхъ источникахъ. Вездѣ и всегда изученіе классической древности поставлялось во главу угла умственнаго и нравственнаго образованія юношества, какъ первоначальная стихія развиваемой духовной жизни. Пусть въ этой правдѣ убѣдятъ насъ примѣры великихъ мужей, которыми хвалится наше время. Припомнимъ Клопштока, который любилъ классическую древность, Гёте, автора «Ифигеніи», Шиллера, который съ классическимъ міромъ былъ знакомъ гораздо раньше, чѣмъ познакомился съ Шекспиромъ. У грековъ и римлянъ должны мы учиться истинной поэзіи, и если мы этого не дѣлаемъ, то потому, что такое изученіе сопряжено съ большими трудностями и мы ихъ боимся». Надеждинъ понимаетъ, однако, что средствомъ рекомендуемое не вполне современно и онъ спѣшитъ оговориться: онъ отнюдь не желаетъ вернуть нашу словесность къ старому, но ему хотѣлось бы, чтобы новая словесность представляла собою разумное сочетаніе романтическаго съ классическимъ; какъ «эти полуримы противоположности должны быть возведены къ *средоточному* единству»— на это у Надеждина, конечно, вѣтъ яснаго отвѣта, и мысль его, развивая этотъ взглядъ, окончательно теряется въ риторическихъ фигурахъ и въ разныхъ ничего не говорящихъ сравненіяхъ.

Но какова же собственно должна быть наша народная современная словесность и что такое эта желанная «народность», которая должна же наконецъ придти на смѣну тому литературному хаосу, который насъ окружаетъ?

«Судьбы, коими благодатное Провидѣніе ведетъ, питаетъ и раститъ колоссъ Россійскій, поистинѣ удивительны!—воскричалъ Надеждинъ. Уже вся Европа или лучше весь земной шаръ, осужденный быть благоговѣйнымъ свидѣтелемъ ея дивнаго могущества, величія и славы—объемлется трепетнымъ изумленіемъ. Не можетъ же такая страна не имѣть своей словесности, не можетъ же статься, чтобы живое сознаніе внутренней своей гармоніи она не изразила внѣшнимъ гармоническимъ иѣснопѣіемъ? Тѣмъ болѣе, что былъ же у насъ Ломоносовъ, по превосходству поэтъ русскій, въ коемъ его великій народъ пробуднася къ

полному поэтическому сознанию самого себя, былъ же Державинъ, — второе око нашего поэтического міра, коимъ ни одна страна и ни одинъ вѣкъ не посовѣстились бы хвалиться, былъ и Жуковский, но только не «пѣвецъ Свѣтланы», а «пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», въ коемъ столь торжественно гудитъ величественное эхо святой любви къ отечеству; была же у насъ и басня въ лицѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова, ознаменованная печатью высочайшей народности — вѣстовщица духа и характера русскаго... Чудное и достойное великаго народа направленіе! И—о несчастіе! уже скудѣетъ сіе благородное стремленіе, гаснетъ сіе небесное пламя, умолкаетъ сія священная поэзія! Въ писателяхъ какъ будто перестаетъ течъ кровь русская и они хотятъ быть только романтиками!.. Но Надеждинъ былъ оптимистъ. «Святая Русь, говорилъ онъ, которая маниемъ Промысла предназначается газыгрывать первую роль въ новомъ дѣйствіи драмы судьбы человѣческихъ, создастъ свою поэзію. Эта поэзія придетъ на смѣну и классицизму и романтизму, набогатившись ихъ неистощимымъ богатствомъ, и муза наша воспрянетъ тогда къ живой и бодрой самодѣятельности»...

«Мало, конечно, можно надѣяться, но не должно и отчаяваться! Подождемъ внимательно, что принесетъ намъ поздній вечеръ», — заканчиваетъ свою мысль Надеждинъ, какъ бы устыдившись своего слишкомъ громкаго патріотическаго «энеузизма» *).

Но всѣми этими словами понятіе о «народности» въ литературѣ мало выяснялось, въ особенности со стороны эстетической, и самъ Надеждинъ, все время говоря объ искусствѣ, какъ будто не хотѣлъ съ этой точкой зрѣнія считаться, браня напропалую Пушкина. Въ 1831 году онъ, впрочемъ, значительно смягчилъ свой отзывъ. Сказавъ нѣсколько словъ ободренія такимъ писателямъ, какъ Орловъ, Гурьяновъ, Кузмичевъ съ братією, которые «какъ самородная трава, на подобіе мха и плѣсени, стали пробиваться изъ чисто народной почвы», Надеждинъ замѣтилъ, что въ русской словесности близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія, въ которомъ они доселѣ не могли дышать свободно, къ естественности и къ народности. Залогъ этого онъ видѣлъ въ романахъ Загоскина, «въ коихъ русская народность выработана до идеальнаго изящества, въ «Марѣ Посадницѣ» Погодина, въ сказкахъ Жуковскаго и въ особенности въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина,—драмѣ, которая, по его отзыву, отличается глубокой народностью и особенно любопытна тѣмъ, что представляетъ сраженіе чистѣйшей національности содержанія съ строжайшею покорностью искусственной сценической формѣ **)...

*) «О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи», статья Н. И. Надеждина, перепечатана у Венгерова, I, 517—524.

**) «Лѣтописи отечественной литературы. Отчетъ за 1831 г.», статья Н. И. Надеждина, перепечатана у Венгерова, I, 530, 531.

Таковы въ общихъ, самыхъ основныхъ положеніяхъ сужденія литературныхъ судей о наличности русской словесности ихъ времени.

Этотъ судъ надъ литературой былъ, какъ мы видимъ, не въ ея пользу. Изъ какихъ бы точекъ отправленія критики ни исходили въ своихъ сужденіяхъ, они совпадали въ конечномъ выводѣ. И этотъ выводъ можетъ быть формулированъ такъ: содержаніе и форма русской словесности не соотвѣтствуютъ тому положенію, которое Россія заняла среди иныхъ цивилизованныхъ націй міра и не соотвѣтствуютъ также тѣмъ національнымъ формамъ быта и тому національному смыслу, который, безспорно, заключенъ въ нашей народной и государственной жизни. Мы—нація съ фізіономіей самобытной, нація, развивавшаяся иначе, чѣмъ другія, и уже имѣющая нѣкоторыя заслуги передъ культурнымъ міромъ, и тѣмъ не менѣе отраженіе нашей жизни въ искусствѣ до сихъ поръ было и остается пародіей искусства западнаго, несмотря на присутствіе среди насъ большихъ талантовъ, обѣщающихъ многое въ будущемъ. У насъ нѣтъ ни силы, ни умѣнья провести нашу національную идею въ нашемъ художественномъ творчествѣ, отлить ее въ самобытную форму: въ художникахъ нашихъ всѣмъ еще не развито чутье «народности». Таковъ былъ приговоръ критики, приговоръ, долгое время подвергавшійся пересмотру и дополненіямъ,—источникъ размысленій и споровъ и для критиковъ позднѣйшихъ лѣтъ, и для самихъ художниковъ.

И развѣ Гоголь не былъ первымъ, безжалостно подчинившимъ свое вдохновеніе этому приговору? Развѣ его стремленіе выяснить себѣ особенности народнаго русскаго духа, осмыслить религиозное и нравственное содержаніе нашего быта и попытка сблечь результатъ этихъ размысленій въ художественные образы — развѣ все это не было своего рода поисками «народности», той самой «народности», которую всѣ кругомъ него требовали отъ художника?

Слово было какъ будто бы ясное, всѣмъ родное, а между тѣмъ очень неопредѣленное, способное сбить и художника, и критика на невѣрную дорогу.

Дѣйствительно, въ томъ, что говорила критика о «народности» было много правды, но не мало и несправедливаго.

Несправедливо было, напр., отнимать у писателя право на званіе «народнаго» писателя только потому, что онъ бралъ свои сюжеты или форму своихъ произведеній у сосѣдей. Писатель могъ и подражать и все-таки оставаться народнымъ — какъ отдѣльное лицо, какъ продуктъ нашей культуры. Народенъ былъ и Батюшковъ, какъ выразитель чувствъ и настроеній цѣлаго опредѣленнаго кружка интеллигентныхъ «русскихъ» людей десятихъ годовъ XIX вѣка; народенъ былъ и Жуковскій со всѣми его иноземными балладами, опять-таки какъ истолкователь думъ цѣлаго молодого поколѣнія, народенъ былъ Пушкинъ, русскій либераль двадцатыхъ годовъ, почитывавшій Юве-

чала и Байрона; наконецъ, народными можно назвать и нашихъ классиковъ формаци, какъ, напр., Дельвига, Языкова, Баратынскаго, Веневитинова, которые такъ часто поминали Парнассъ, Феба, Музъ, Бахуса, Хлою, Дафну и Аглаю, ваядъ и дриады, думая о своихъ друзьяхъ, своихъ литературныхъ бесѣдахъ, о дѣвицахъ, которыми плѣнялись, и о своихъ усадьбахъ. Эту «народность» въ подражаніи критика просмотрѣла, мало вникая въ психологію поэта и слишкомъ придирчиво относясь къ внѣшней формѣ его рѣчей.

Въ смыслѣ, который тогдашняя критика придавала «народности», крылась еще и другая ошибка, или вѣрнѣе односторонность. Само слово «народность» заставляло и поэта, и критика, прежде всего, думать о «народѣ» и при томъ о простомъ народѣ, который, такимъ образомъ, являлся какъ бы единственнымъ носителемъ народныхъ традицій. Критика какъ-то забывала, что слово «народность» можно и должно понимать въ смыслѣ болѣе широкомъ, что всѣ классы общества, даже съ простымъ народомъ разобщенные, все-таки «народны», какъ продуктъ органической національной жизни; что всякая культура, даже заимствованная, никогда не заимствуется безъ измѣненія, что она всегда претворяется, видоизмѣняется отъ перехода въ другую среду и что, такимъ образомъ, самый ревностный ученикъ вноситъ все-таки чѣто свое въ слова учителя, которыя онъ вытвердилъ и повторяетъ. Критика тридцатыхъ годовъ эту «народность» совсѣмъ не отгѣняла и всегда указывала на бытъ простого народа, какъ на главный источникъ, откуда художникъ долженъ черпать свою рѣчь, свое вдохновеніе и сюжеты.

Такимъ образомъ была допущена одна большая ошибка: критика, сама того не замѣчая, толкала художника на открытую и легкую дорогу «фальшивой» народности. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что народный бытъ, народные обряды, пѣсни, повѣрья, мѣфы, легенды, вообще вся народная старина—самый лучший родникъ и хранитель того, что называется народнымъ «духомъ», народной оригинальностью. Несомнѣнно также, что въ старинѣ вообще больше «самобытнаго», чѣмъ во времени новомъ, когда нація успѣла уже болѣе или менѣе тѣсно сблизиться съ другими. Все это вѣрно, но напирать въ разсужденіяхъ о народности на возвратъ къ старинѣ, на изученіе и воспроизведеніе лишь стараго міросозерцанія и старыхъ чувствъ, хотя бы и очень оригинальныхъ, значило прививать художнику извѣстную тенденціозность. Чтобы давать художнику такой совѣтъ, надобно было быть увѣреннымъ въ большомъ его художественномъ тактѣ, въ большой поэтической силѣ, въ его способности проникаться стариной, а не поддаваться подъ нее. На самомъ же дѣлѣ то литературное теченіе, которое критика такъ пріѣтствовала, а именно разработка старыхъ народныхъ преданій и воскресеніе исторической старины вообще — порождало лишь подражанія не менѣе

*

опасныя для истинной «народности», чѣмъ подражанія иноземному. Художникъ корчилъ изъ себя «русскаго» — щеголялъ народными словами и оборотами, рядился въ національный костюмъ, воображалъ себя современникомъ то Владимира Краснаго Солнышка, то царя Іоанна Грознаго, а на дѣлѣ оставался весьма посредственнымъ компиляторомъ. Между нимъ и народомъ была все та же пропасть, которую онъ напрасно хотѣлъ заполнить цвѣтами краснорѣчія. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ такая ложная народность благополучно процвѣтала и критика иной разъ сама не знала, что ей дѣлать съ этимъ растеніемъ, заглушающимъ литературную виву, растеніемъ, которое она сама же выращивала.

Такимъ образомъ, когда Гоголь выступалъ со своими «Вечерами на хуторѣ», на нашемъ литературномъ рынкѣ вращалась цѣлая масса разнообразнѣйшихъ произведеній словесности, въ которыхъ идея «народности» была понята и выражена въ этомъ историко-археологическомъ и этнографическомъ смыслѣ. Существовали слабыя попытки историческихъ романовъ, были болѣе или менѣе удачныя примѣры передѣлокъ русскихъ темъ на иностранный образецъ, была простая перелицовка старыхъ сказокъ и легендъ, были недурные образцы реставрированной старины, какъ, напр., двѣ-три пѣсенки Жуковского, Дельвига и Мерзлякова, были, наконецъ, какъ исключеніе, настоящіе перлы вродѣ сказокъ Пушкина и его «Бориса», но въ общемъ преобладалъ литературный хламъ и мусоръ — для развитія истинно-народной словесности, пожалуй, болѣе опасный, чѣмъ столь гонимая критикой тенденція прямого подражанія и списыванія съ западныхъ образцовъ.

«Вечера на хуторѣ» были однимъ изъ первыхъ и относительно удачныхъ откликовъ, которыми настоящій талантъ отозвался на требованіе «народности», понимаемой въ этомъ довольно узкомъ смыслѣ.

Въ одномъ, однако, тогдашняя критика была права, не безусловно, но все-таки права. Когда она говорила, что наша словесность не отражаетъ нашей «сущности», т.-е. дѣйствительности, и предпочитаетъ ей иные вѣка и бытъ иныхъ народовъ — критика констатировала безспорный фактъ, хотя при обрисовкѣ его и сгущала нѣсколько краски.

Въ этомъ смыслѣ въ нашей словесности того времени былъ дѣйствительно большой недостатокъ «народности», т.-е. наша *тогдашняя* жизнь не находила себѣ достаточно полнаго отраженія въ искусствѣ. Эта жизнь была очень сложна, очень пестра, характерна по разнообразію идей, чувствъ и настроеній, которыми жили разные классы и группы нашего общества, но о всемъ этомъ разнообразіи нельзя было себѣ составить и приблизительнаго понятія по наличному богатству литературныхъ памятниковъ.

Критика, отмѣчавшая это явленіе, была права въ своихъ жалобахъ

по существу, хотя требованія, которыя она предъявляла нашей еще очень юной литературной жизни, были чрезмѣрны, а нападки критики на эту юную словесность были—какъ мы увидимъ—слишкомъ огульны: кое на что изъ «существенности» литература всетаки успѣла откликнуться, и то, что она уловила, было въ достаточной степени характерно для нашей тогдашней дѣйствительности. Критика просмотрѣла это малое, требуя многого.

Мы должны быть болѣе внимательны, въ особенности если хотимъ выяснитъ, какова была въ данномъ случаѣ заслуга Гоголя. Онъ—поэтъ дѣйствительности, «истинный поэтъ жизни», котораго призывалъ Кирѣевскій—что нашелъ онъ уже свершеннымъ въ той области, въ которой былъ призванъ свершить многое?

Такъ ли въ самомъ дѣлѣ была тогда глуха литература къ явленіямъ современности, какъ мы привыкли думать? и такъ ли полно отразилъ эту современность самъ Гоголь—вмѣстѣ съ Пушкинымъ нашъ первый реалистъ въ искусствѣ?

А наша дѣйствительность тѣхъ лѣтъ могла по праву горевать о томъ, что было такъ мало художниковъ, ея достойныхъ.

Это была дѣйствительность, отливавшая самыми разнообразными оттѣнками мысли и чувства. Въкѣ дѣятельный и тревожный, за котормъ слѣдовала эпоха сосредоточеннаго раздумья—иной разъ очень печальнаго. Въкѣ броженія идей и подъема чувствъ, и годы замиренія и притиханія ума и сердца.

Эпоха Александра I могла въ особенности дать много матеріала и красокъ для историка, психолога и художника.

Въ кругахъ высшихъ были еще живы традиціи временъ Екатерины. Обломки этого царствованія еще сохраняли обаяніе старины и выдѣлялись среди новаго поколѣнія своей запоздалой оригинальностью. Люди стараго времени не играли уже никакой общественной и политической роли, но оставшіеся жить въ столицахъ или разсѣянные по усадьбамъ, отходили медленно въ прошлое, унося съ собою цѣлую отжившую культуру. Опустѣвшіе ряды пополнялись новыми лицами—той вольнодумной или вольнодумствующей аристократіей, которую такъ поощрялъ въ началѣ своего царствованья императоръ Александръ. Самъ онъ и всѣ, кого онъ приближалъ къ себѣ и котормъ довѣрялъ, составляли совѣтъ особую интеллигентную группу, съ необычнымъ для тогдашней Россіи либеральнымъ міросозерцаніемъ на религіозной подкладкѣ, міросозерцаніемъ не стойкимъ и перемѣнчивымъ, а потому вдвойнѣ интереснымъ. Умственный и психическій міръ этихъ людей въ началѣ царствованія Александра и въ концѣ его могъ дать богатѣйшую пищу для наблюдателя, и тотъ же наблюдатель, столь восторженный въ 1801 году, не могъ не задуматься, когда около своего лю-

бимца увидалъ Аракчеева и его свиту. Сложность и пестрота этой жизни высшихъ классовъ усложнялась въ зависимости отъ того, протекала ли она въ столицѣ на службѣ, гдѣ нужно было умѣть плыть по вѣтру, или въ деревняхъ, гдѣ на свободѣ можно было отдаться болѣе спокойно своимъ симпатіямъ и продолжать подготавливать русскую жизнь подъ иностранный образецъ или, наоборотъ, аффицировать даже до мелочей свою патріотическую и національную тенденцію.

Менѣе разнообразна, но не менѣе типична была военная среда того царствованія. Были здѣсь и военные екатерининскаго времени, болѣе свѣтскіе люди, чѣмъ войны, были питомцы павловскаго царствованія, люди суворовской школы, и, наконецъ, военная молодежь новѣйшей формаци, столь много выдавшая и столь многому научившаяся на западѣ, молодежь во многихъ своихъ представителяхъ либеральная, даже готовая ринуться въ политическую агитацію.

Это воинство съ честью вынесло на своихъ плечахъ всѣ трудности отечественной войны, шествіе его по всей Европѣ было шествіемъ триумфальнымъ, и никогда не думало оно такъ много о самыхъ разнообразныхъ общественныхъ вопросахъ, какъ въ эти годы, когда цивилизованныя націи встрѣчали его, какъ своего избавителя, и все-таки давали этимъ избавителямъ понять, что они полуобразованные люди.

Удивительное разнообразіе типовъ и характеровъ можно было найти въ это царствованіе и въ слояхъ бюрократіи, готовящейся стать всемогущей. Кто сможетъ исчислить всѣ эти оттѣнки общественной мысли, которая, начиная отъ полной косности и полной грубости въ низшихъ инстанціяхъ, восходила иногда до очень просвѣщенныхъ взглядовъ въ инстанціяхъ высшихъ, всего чаще, однако, смѣшивая и грубость, и просвѣщеніе, и невѣжество вмѣстѣ? Любопытная эта амальгама мѣнялась, проявлялась разнo въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и въ глухой провинціи...

Пестро и типично было также интеллигентное общество тѣхъ годовъ, общество, въ составъ котораго входили люди разныхъ сословій, слоевъ и профессій... Условія благоприятствовали его развитію. Идеямъ религіознымъ, философскимъ, общественнымъ и политическимъ дарована была относительная свобода развитія, по крайней мѣрѣ, въ первую половину царствованія. Этой свободой интеллигентное общество широко воспользовалось. Въ ней можно было встрѣтить и старыхъ волтерьянцевъ, и читателей энциклопедіи, сентименталистовъ карамзинскаго типа, масоновъ, ревностно принявшихъ за прерванную дѣятельность, мистиковъ и штистовъ разныхъ оттѣнковъ, настоящихъ сектантовъ отъ добрыхъ знакомыхъ Татариновой и Дубовицкаго до скопцовъ включительно, людей съ большимъ тяготѣніемъ къ католичеству, философовъ въ нѣмецкомъ стилѣ, учениковъ Шеллинга и натуръ-философій, экономистовъ, ревностныхъ читателей Смита, свободомыслящихъ въ политическомъ смыслѣ, сторонниковъ конституціи, людей радикальнаго

образа мыслей, будущихъ декабристовъ и рядомъ съ ними ревнителей православія и самодержавія и, наконецъ, форменныхъ обскурантовъ, гонителей и гасителей науки и всякаго просвѣщенія. Всѣ эти люди высказывались довольно открыто и откровенно, говорили и дѣйствовали на виду, имѣя иногда къ своимъ услугамъ спеціальныя органы печати.

Такой же пестротой взглядовъ отличалась и пишущая братія, составлявшая обширный кругъ литераторовъ въ разныхъ смыслахъ этого слова. По вышеизложеннымъ отзывамъ критики мы съ ними отчасти знакомы. Всѣ эти классики, сентименталисты, романтики, старяки и молодежь, находились въ постоянномъ общеніи, перебранивались, договаривались, вновь ссорились, издавали цѣлыми группами журналы и альманахи, имѣли свои собранія и бесѣды, иногда съ признанными уставами и церемоніями, и опять-таки, что очень важно, могли на первыхъ порахъ говорить съ достаточной свободой.

Столько движенія было тогда въ жизни тѣхъ классовъ, которымъ матеріальное и общественное положеніе гарантировало извѣстную или полную самостоятельность. Особое разнообразіе въ эту и безъ того разнообразную толпу вносили жепщины—по образованію, направленію ума и чувствъ болѣе сходныя между собой, чѣмъ мужчины, но, тѣмъ не менѣе, все-таки очень типичныя.

Если изъ этихъ привилегированныхъ классовъ мы спустились бы въ болѣе низкіе и темныя слои общества, то и здѣсь, въ средѣ купеческой, мѣщанской, и наконецъ, крестьянской, мы могли бы натолкнуться на обильнѣйшій запасъ всевозможныхъ оригиналовъ, людей хотя и темныхъ, но не менѣе интересныхъ съ психологической точки зрѣнія, чѣмъ люди образованные. Богатство этихъ типовъ удесят�ерялось этнографическими условіями нашей обширной родины. Каждая національность, входящая въ составъ нашего государства, имѣла, въ особенности въ низшихъ слояхъ, свою характерную фязіономію и могла обогатить яркими красками палитру любого художника.

Когда кончилось царствованіе Александра и послѣ тревожнаго декабрьскаго дня наступило новое царствованіе, оно отозвалось сразу и очень сильно на внутренемъ строѣ нашего общества и на его внѣшнемъ обликѣ. Нѣкоторыя теченія мысли и нѣкоторыя настроенія стали исчезать, замѣнялись другими, исчезать стали и нѣкоторые типы и зарождались новые. Къ началу тридцатыхъ годовъ эта перемѣна стала достаточно замѣтна. Религіозная, общественная и политическая мысль были приведены къ полному молчанію и исчезли совсѣмъ тѣ кружки и общества, которые служили проводниками этихъ мыслей въ царствованіе Александра. Ббльшее однообразіе мысли установилось въ слояхъ военныхъ и бюрократическихъ и значительно понизился уровень серьезности въ журналистикѣ и литературѣ. Интеллигентное общество стало казаться болѣе однороднымъ по своимъ взглядамъ и вкусамъ, конечно, не потому, что оно стало однороднымъ, а потому, что

многое въ мысляхъ и чувствахъ не имѣло возможности всплыть наружу.

Появились и новые типы: зарождался и крѣпъ тотъ типъ разочарованнаго интеллигента, которому затѣмъ предстояла интересная будущность въ новое царствованіе; продолжалъ развиваться на университетской скамьѣ типъ сосредоточеннаго въ себѣ философа, который предпочитаетъ глядѣть вдаль или въ глубь самого себя, чтобы не озираться вокругъ, типъ въ общемъ пока смирнаго служителя науки, который однако скоро станетъ въ ряды оппозиціи; наконецъ, надъ этими частными типами сталъ возвышаться одинъ общій и въ военной, и въ чиновной сферѣ, собирательный типъ челоуѣка николаевскаго царствованія, для котораго дисциплина, послушаніе, исполнительность и трепеть испытываемый и нагоняемый, были первыми параграфами гражданской морали.

Всѣ эти видоизмѣненія произошли, конечно, не вдругъ, а постепенно, и сама метаморфоза была, пожалуй, болѣе интересна, чѣмъ тотъ результатъ, къ которому она приводила. Художникъ могъ бы имѣть въ ней тонкую канву для цѣлаго ряда психологическихъ этюдовъ.

А какъ же воспользовался всѣмъ этимъ матеріаломъ художникъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ? Онъ, свидѣтель царствованія Александра и свидѣтель первыхъ годовъ новаго царствованія, уловилъ ли онъ смыслъ или хотя бы только внѣшнюю форму того историческаго процесса, который передъ нимъ развернулся? Была ли критика права, когда упрекала его въ непониманіи дѣйствительности и въ нежеланіи изображать ее, могъ ли онъ отвѣтить ей, что и она слишкомъ невнимательно отнеслась къ тому, что онъ по мѣрѣ силъ своихъ сдѣлалъ?

На эти вопросы отвѣтить не трудно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Котляревскій.

НАУКА И ЖИЗНЬ.

(По поводу XI-го съезда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ).

Наука—созданіе жизни, съ этимъ, конечно, должны быть согласны всѣ ученые.

Мысль о происхожденіи науки изъ жизни, о томъ, что наука есть символическое выраженіе накопленнаго опыта, наиболѣе ярко и точно выражена въ трудахъ физика Эрнеста Маха. Махъ доказываетъ, что наука и начало свое беретъ изъ жизненныхъ потребностей, и развивается на ихъ почвѣ. «Первыя свѣдѣнія о природѣ человѣкъ приобрѣтаетъ полусознательно и произвольно. Онъ инстинктивно отражаетъ факты въ мысляхъ, представляетъ себѣ ихъ, дополняя быстро движущимися мыслями то, что даетъ ему медленный опытъ, и во всемъ этомъ руководствуется прежде всего своей матеріальной выгодой... Важнѣйшіе успѣхи достигались тогда, когда то, что инстинктивно сознавалось уже давно, удавалось облечь въ форму отчетливыхъ понятій, т.-е. въ такую форму, которая позволяла бы сообщать эти свѣдѣнія другимъ... Все это касается той почвы, на которой вырастаетъ наука. Но развиваться она начинаетъ лишь въ обществѣ и въ особенности въ эпоху расцвѣта ремесла, когда является необходимость дѣлиться съ другими своимъ опытомъ. Тогда только является потребность отчетливо представлять себѣ важность и существенныя черты наблюдаемыхъ явленій для того, чтобы давать имъ наименованія и сообщать о нихъ другимъ. То, что мы называемъ обученіемъ, имѣетъ цѣлью только сбереженіе опыта одного человѣка посредствомъ опыта другаго *)». Вообще же, по мнѣнію Маха, наука есть систематическая символизациа фактовъ мірового опыта, ведущая къ экономіи мысли. «Мышленіе, говоритъ Махъ **),—пытаясь отразить богатую жизнь вселенной, жизнь, лишь маленькою частью которой является оно само, и исчерпать которую у него не можетъ быть никакой надежды, вынуждено пользоваться для этого своими ограниченными средствами, и потому имѣетъ основаніе экономно расходовать свои силы». Первоначально знанія являются

*) Д-ръ Э. Махъ. «Научно-популярные очерки». Переводъ А. А. Мейера. 1901 г. Выпускъ I, стр. 29—31.

**) Ibid. стр. 27—56.

результатомъ «экономіи» самосохраненія. Благодаря сообщенію, опыты *многихъ* индивидовъ, опыты, которые въ свое время, дѣйствительно, должны были быть произведенными, становятся достояніемъ одного. Потребность отдѣльнаго лица овладѣть всею суммою опыта съ наименьшей тратой умственныхъ силъ служить, наряду съ сообщеніемъ, побужденіемъ къ экономическому упорядоченію. Но этимъ и исчерпывается всемогущество науки, представляющееся столь загадочнымъ. Въ частности она не можетъ дать намъ ничего, чего не могъ бы узнать каждый въ достаточно продолжительное время, не пользуясь никакимъ методомъ... Наука увеличиваетъ производительность умственной работы тѣмъ, что даетъ намъ уже испытанные методы мышленія и объединенныя данныя нашего опыта. Такимъ образомъ, прогрессомъ науки является постепенное приспособленіе къ все возрастающему коллективному опыту».

Итакъ, наука—дочь жизни и опыта, вѣчно ими обновляемая и совершенствуемая.

Порой кажется, что наука живетъ самостоятельной жизнью. Герцъ говоритъ объ электромагнитной теоріи свѣта Максвелля, что «при изученіи ея, по временамъ, испытываешь чувство какъ будто въ математическихъ формулахъ есть самостоятельная жизнь, какъ будто онѣ умнѣ насъ, умнѣ даже своего автора, какъ будто онѣ даютъ намъ больше, чѣмъ въ свое время было въ нихъ вложено» *).

Махъ прекрасно объясняетъ эту кажущуюся самостоятельность. «Кто занимается математикой,—говоритъ онъ **),—тѣмъ иногда можетъ овладѣвать неприятное чувство, какъ будто его наука, даже его карандашъ, превосходятъ его умомъ. Отдѣлаться отъ такого впечатлѣнія не всегда былъ въ состояніи даже великій Эйлеръ, какъ онъ самъ сознается въ этомъ. Чувство это до извѣстной степени законо, если принять во вниманіе, какъ много чужихъ мыслей, часто насчитывающихся за собой столѣтія существованія, находятся въ нашемъ распоряженіи и какъ легко мы ими оперируемъ. Этотъ умъ является для насъ отчасти *чужимъ*».

Такимъ образомъ, въ математическихъ формулахъ Максвелля Герцъ, дѣйствительно, могъ видѣть «жизнь», но то была не «самостоятельная» жизнь, а жизнь прошлыхъ тысячелѣтій, и авторомъ этихъ формулъ былъ не одинъ Максвелль, а милліоны ранѣе жившихъ, или лучше сказать, милліоны ранѣе жившихъ дали возможность Максвеллю стать авторомъ электромагнитной теоріи свѣта. Въ одной формулѣ Герцъ ошибался, что эти формулы даютъ «болѣе, чѣмъ въ свое время было въ нихъ вложено»; больше того, что вложили въ эти символы создавшіе ихъ милліоны и Максвелль въ томъ числѣ, они дать не мо-

*) Цитирую по Столѣтову: «Общедоступныя лекціи и рѣчи».

***) Ibid., стр. 35.

гуть, они только выражаютъ весь предшествовавшій опытъ въ болѣе удобной, болѣе экономной и болѣе общей формѣ.

Это—полезная и, если хотите, этическая мысль о неразрывной связи науки и жизни. Она значительно опускаетъ пьедесталы людей, мнящихъ, что они занимаются «чистой» наукой, и нѣсколько приподнимаетъ простыхъ смертныхъ, тѣхъ изъ нихъ, конечно, которые не о хлѣбѣ единомъ живы, а мыслятъ и стремятся къ тому, что зовется истиной. Такая переоцѣнка будетъ, по нашему мнѣнiю, только способствовать прогрессу науки.

«Чистая» наука, «чистое» званiе—какія важныя и пустыя слова! Чистая, значить,—безпримѣсная наука. Но какія же примѣси могутъ быть въ наукѣ и не превратятъ ее въ шарлатанство?! «Hier ist der Hund begraben». «Примѣси» жизни боится «чистая» наука, какъ и «чистое» искусство. Сами вышедшія изъ жизни, они боятся, какъ бы новые прищипцы, новыя дѣти великой матери не заставили ихъ уступить имъ мѣсто. Жрецы «чистой» науки забыли о низкомъ происхожденiи своей богини, забыли о томъ, что наука, строго говоря, всегда была прикладной, всегда являлась слѣдствiемъ запросовъ жизни, что самостоятельность ея всегда была только кажущейся, какъ самостоятельность формулъ Максвелла. Математику породила потребность въ болѣе «экономномъ» мышленiи, геологію преимущества каменнаго топора предъ дубиной и, конечно, еще многія другія вещи, астрономiя вышла изъ волнъ разливагося Нила.

И если потомъ наука специализировалась и расчленилась, то это тоже явилось послѣдствiемъ принципа экономiи, такъ какъ въ теченiе вѣковъ накопилась масса еще не систематизированнаго опыта. При специализаціи легче, скорѣе было его систематизировать, легче провѣрить новымъ опытомъ. Теперь представители чистой науки часто не думаютъ уже о волнахъ житейскаго моря, но это будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока такой порядокъ въ общей системѣ жизни все же будетъ экономнѣе всякаго другого. Ждать этого еще долго и на нашъ вѣкъ, конечно, хватить.

Но симптомы другого порядка уже имѣются. На мой взглядъ три такихъ симптома.

Во-первыхъ, — развитiе техники, во-вторыхъ, — все усиливающееся стремленiе массъ къ образованiю самому широкому, университетскому и, въ-третьихъ, все усиливающаяся специализація научныхъ изслѣдованiй и, несмотря на это, прогрессивное сближенiе отдѣльныхъ наукъ.

Что такое техника? Это—приложенiе систематизированнаго научнаго опыта къ жизненнымъ потребностямъ, это—возвращенiе науки въ жизнь, дочери въ лоно матери, откуда она выходитъ снова обновленной и обогащенной и еще болѣе экономной. Мы знаемъ, что не только техника развивается благодаря наукѣ, но и, наоборотъ, наука, благодаря

техникъ *). Это было болѣе или менѣе всегда, но усиливается съ каждымъ днемъ. Кто Тесла, Эдиссонъ, Маркони—чистые ученые или техники? Тысячи электротехниковъ и механиковъ, инженеровъ, работающих надъ усовершенствованіемъ машинъ, мостовъ, различныхъ путей сообщенія, ученыхъ химиковъ и физиологовъ, работающих надъ разрѣшеніемъ проблемы воздухоплаванія... Какъ отдѣлить въ нихъ ученаго отъ техника, и профессора отъ профана?

Второй симптомъ—стремленіе массъ къ образованію. Человѣчество, когда-то сдавшее на откупъ ученымъ систематизированіе опыта и созданіе науки, хочетъ само приобщиться этихъ даровъ, оно неудержимо стремится къ тому, чтобы каждая его индивидуальность владѣла всей наукой, всѣмъ систематизированнымъ опытомъ. Мы наблюдаемъ еще только начало процесса. При томъ состояніи науки, въ которомъ она находится теперь, это еще невозможно не только для обыкновеннаго человѣка, но даже и для генія. Нужна болѣе экономная, болѣе систематическая обработка опыта, нужна болѣе обобщенная наука, чтобы ею вполне могъ овладѣть каждый отдѣльный человѣкъ. Но когда наука достигнетъ этого, тогда прогрессъ пойдетъ гигантскими шагами. Каждая индивидуальность, приобщенная къ мировому опыту, будетъ немедленно вносить свой опытъ въ общую систему знанія. Каждое движеніе, каждая мысль будутъ использованы во всемъ своемъ объемѣ. Передъ человѣчествомъ встанутъ новыя задачи, гигантскаго объема и глубины которыхъ мы не можемъ себѣ представить нашими близорукими глазами.

Третій симптомъ—специализація растетъ, но, несмотря на это, науки все болѣе и болѣе объединяются, и методы и идеи, присущіе сначала какой-нибудь одной, изъ нихъ проникаютъ въ другія и содержанія отдѣльныхъ наукъ сливаются своими пограничными концами.

Многочисленные уродливости специализаціи отмѣчали уже давно. Ультра специальныя изслѣдованія безъ мысли и цѣли—тоже, конечно, отраженіе дѣйствительности, тоже накопленіе опыта, но плюшкинское накопленіе: хламъ и мусоръ собираются въ безобразную кучу, а цѣлая усадьба безъ надзора и системы разрушается и гложетъ. Кучу мусора выкинуть наследники, а на устройство и поправку разсыпавшагося хозяйства придется затратить много силъ. Конечно, иногда даже и такія работы вносятся нѣчто въ общую систему знанія и, вѣроятно, благодаря этому, а также и общему несовершенству нашего научнаго хозяйства, у котораго на первомъ планѣ были другія, болѣе неотложныя дѣла упорядоченія и систематизаціи, только благодаря этому и держится подобная специализація. Но намъ кажется, что для нея тоже скоро пробьетъ смертный часъ. Конечно, и здѣсь на нашу вѣкъ хватитъ. Такого рода неэкономическая специализація исчезнетъ тогда только, когда спаяются звенья великой цѣпи наукъ. И они уже начали спаиваться.

*) См. «Научный обзоръ» въ этой книжкѣ—«Прикладная и чистая наука».

Астрономія и физика обмѣнялись великими обобщеніями и неразрывно связаны механическими законами. Съ другой стороны къ физикѣ, при посредствѣ лучистой энергіи, сплавовъ, растворовъ и многихъ другихъ цементовъ присоединилась химія. Астрофизика—пышный цвѣтокъ дружбы этихъ трехъ наукъ. Геологія все еще продолжаетъ описывать свои обширныя владѣнія, но въ нѣкоторыхъ областяхъ уже приступила къ болѣе общей обработкѣ фактовъ и привлекла для этой цѣли методы физики и химіи; нѣкоторыми вопросами, она занимается совмѣстно съ астрономіей, нѣкоторыми совмѣстно съ зоологіей и ботаникой. Наслѣдство минералогіи раздѣлили между собой физика, химія и геологія. Ботаника, зоологія и физиологія описываютъ и систематизируютъ отношенія организмовъ другъ къ другу и къ «неорганизованному» міру, и взаимоотношенія элементовъ организма. Многочисленными, но пока еще тонкими, отдѣльными нитями связаны онѣ со всѣми предъидущими науками. Сравнивая и систематизируя онѣ выработали уже, нѣсколько руководящихъ идей, которыя оказываютъ непосредственное влияніе не только на общее развитіе науки, но и на жизнь.

Такъ постепенно систематизируется міровой опытъ и выражается все въ болѣе и болѣе общихъ, легче усвояемыхъ символахъ.

Въ настоящее время произошла какъ будто заминка. Говорятъ о банкротствѣ науки, о разочарованіи въ наукѣ, о какихъ-то поворотахъ назадъ, къ кому-то и къ чему-то. Я не стану здѣсь подробно разбирать это явленіе, оно слишкомъ сложно, но мнѣ кажется, что отчасти въ этомъ виновата и наука даннаго момента: во-первыхъ, ея излишняя переоцѣнка своихъ символовъ, а во-вторыхъ и главное, уже указанныя нами уродливости современной спеціализаціи, благодаря которымъ наука постепенно становится все менѣе и менѣе экономной хозяйкой.

Каста воиновъ изъ орудія защиты превратилась въ орудіе пораженія, каста жрецовъ изъ хранителей народнаго опыта и просвѣтителей выродилась въ проповѣдниковъ мрака и застоя, ученые хотятъ увѣрить человѣчество, что наука развивается по какимъ то особымъ, ей одной присущимъ законамъ. Это мало-по-малу становится не экономнымъ, и человѣческой опытъ ищетъ другихъ путей. Отъ воиновъ и жрецовъ человѣчество отдѣлалось съ большимъ трудомъ, да и то еще далеко не совсѣмъ, съ невыгоднымъ направленіемъ науки оно справится гораздо скорѣе, такъ какъ живемъ мы теперь уже въ болѣе экономномъ хозяйствѣ. Можно даже сказать, что невыгодность распорядка не успѣетъ даже и бѣдъ надѣлать, какъ незамѣтно и постепенно онъ будетъ замѣненъ новымъ, болѣе экономнымъ. Въ этой саморегуляціи и сила науки. Мы уже указывали, куда направлены исканія. Человѣчество неуклонно стремится къ тому, чтобы всѣ приобщились къ готовому уже всемірному опыту, и въ то же время, оно совершенствуетъ этотъ опытъ запросами жизни. Въ ежесекундномъ общеніи науки и жизни, въ ихъ вѣчномъ взаимодействіи—залогъ прогресса человѣчества.

Намъ кажется, что развитая нами точка зрѣнія вскрываетъ основу симпатій культурнаго общества къ народному образованію, ко всѣмъ этимъ народнымъ чтеніямъ, бібліотекамъ, народнымъ дворцамъ и университетамъ и къ популяризаціи. Здѣсь нами движетъ не одна только филантропія и этика, подъ ними скрытъ другой, болѣе могучій и общій мотивъ: чувство общечеловѣческой выгоды.

Мы только что упомянули о характерномъ для науки саморегулированіи въ цѣляхъ болѣе экономнаго развитія. Вначалѣ оно была слабо, теперь же проявляется все рѣзче и рѣзче. Съ каждымъ годомъ общеніе между учеными становится тѣснѣе, растетъ число научныхъ журналовъ и обществъ, все чаще различные съѣзды, гдѣ ученые стремятся сговориться другъ съ другомъ для болѣе плодотворной дальнѣйшей работы. XX вѣкъ начался грандіознымъ предпріятіемъ, которое дастъ блестящіе плоды для раціональной и экономной научной работы; я говорю о международной ассоціаціи академій, которой въ январьскомъ № нашего журнала была посвящена статья акад. А. С. Фаминцына *).

Въ русской научной жизни наиболѣе прогрессивнымъ явленіемъ мы считаемъ съѣзды естествоиспытателей и врачей, несмотря на тѣ недостатки ихъ, о которыхъ намъ приходилось уже говорить по поводу московскаго съѣзда **).

Эти съѣзды, можетъ быть, единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ сталкиваются и вліяютъ другъ на друга наука и жизнь: въ нихъ участвуютъ не только представители «чистой» науки, но и учителя, и агрономы, и статистики и вообще всѣ интересующіеся естествознаніемъ.

Слабо у насъ взаимодѣйствіе науки и жизни и выражается оно часто въ уродливыхъ формахъ; потому такое отрадное впечатлѣніе производятъ всегда эти съѣзды; чувствуется подъемъ духа, нѣкоторая гордость при сознаніи, что и мы не на самыхъ ужъ задворкахъ міровой жизни, часто прорывается досада и неудовлетворенность, но все же общее настроеніе приподнятое и радостное. Все же и на нашей улицѣ праздникъ.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на исторіи возникновенія и развитія нашихъ съѣздовъ; интересующихся отсылаемъ къ цитированнымъ выше статьямъ. Здѣсь мы отмѣтимъ только, что цѣль перваго съѣзда была формулирована слѣдующимъ образомъ. «Съѣздъ русскихъ испытателей въ С.-Петербургѣ имѣетъ цѣлью

*) Этому вопросу — объ ассоціаціи академій и вопросу о международной бібліографіи была посвящена и рѣчь акад. А. С. Фаминцына на одномъ изъ общихъ Засѣданій съѣзда.

**) См. наши статьи: «По поводу IX-го съѣзда естествоиспытателей и врачей». («Русское Богатство» 1894 г., мартъ) и «IX-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ («Міръ Божій» 1894 г., февраль).

способствовать ученой и учебной деятельности на поприще естественных наук, направлять эту деятельность, главным образом, на ближайшее исследование России и на почву России и доставлять русским естествоиспытателям случай личного знакомства между собою». Таким образом, съездам были поставлены цели *научныя, общественныя и педагогическія*. Цели поставлены правильно и широко, несмотря на убогую форму.

Действительно, какие запросы мы можем предъявить такимъ съездамъ русскихъ естествоиспытателей, врачей, педагоговъ и вообще всѣхъ интересующихся естествознаніемъ? Во-первыхъ, запросы единой, если можно такъ выразиться, международной науки. Русскіе съезды должны, конечно, способствовать развитію науки *непосредственно*. Въ какой же формѣ можетъ это осуществиться? Конечно, не въ формѣ узко-спеціальныхъ докладовъ, ихъ всегда можно напечатать въ спеціальныхъ журналахъ и обсудить въ болѣе замкнутомъ и компетентномъ кружкѣ. Нужно быть экономнымъ, особенно намъ, которымъ такія собранія выпадаютъ не часто. На съездахъ должны обсуждаться общіе вопросы, хотя бы и спеціальныхъ наукъ, вопросы, посильное выясненіе которыхъ способствовало бы систематизаціи нашего знанія.

Увы, къ сожалѣнію, мы видимъ обратное явленіе — съезды наши подавлены спеціальными сообщеніями, интересными докладчику, да, можетъ быть, еще одному, двумъ спеціалистамъ, и только изрѣдка проскальзываютъ сообщенія болѣе общаго характера. Можно даже утверждать, что эта тенденція къ спеціализаціи докладовъ все усиливается. Меньше всего ихъ было на I-мъ съѣздѣ (1867—68 г.), больше всего на послѣднемъ—XI-мъ (въ концѣ декабря минувшаго года). Распорядительные комитеты съезда, вѣроятно, сознаютъ эту опасность, и начали принимать нѣкоторыя мѣры. Такъ, на XI-мъ съѣздѣ были организованы программныя засѣданія, но, кажется, выработка постановленій была поручена въ концѣ концовъ особымъ комиссіямъ, по закрытіи съезда.

Затѣмъ, у русскихъ естествоиспытателей есть свои, если хотите національныя, вѣрнѣе *мѣстныя*, спеціальныя цели — это изслѣдованіе необъятной нашей родины. И на съездахъ русскихъ естествоиспытателей должны обсуждаться вопросы, какъ лучше, скорѣе и полнѣе организовать и вести эти изслѣдованія. Это первоначальное накопленіе фактовъ, не вполне законченное еще и въ Западной Европѣ, должно вестись систематично, такъ какъ иначе придется всѣ наличныя силы растратить на эту описательную, такъ сказать, черную работу, и болѣе высокая научная работа отойдетъ къ нашимъ счастливымъ сосѣдямъ. Здѣсь можно имѣть нѣкоторую національную гордость, такъ какъ это полезная гордость — она вызываетъ болѣе производительную трату силъ. Нужно отдать справедливость русскимъ съездамъ естествоиспытателей — они много сдѣлали въ дѣлѣ изученія страны. Благодаря

имъ, основались общества естествоиспытателей при нашихъ университетахъ, различныя научныя станціи, предприняты нѣкоторыя областныя изслѣдованія (Крыма, Кавказа, глубоковод. изслѣдованія Чернаго моря). Отчасти благодаря убѣжденію въ первостепенной важности изученія Россіи, съѣзды естествоиспытателей обогатились секціями — медицины (на II-мъ съѣздѣ 1869 г.), антропологии и географіи (на IV-мъ, 1873 г.), и, наконецъ, подсекцію статистики (на IX-мъ, 1894 г.).

XI-й съездъ тоже не отсталъ въ этомъ отъ предыдущихъ и среди его многочисленныхъ «ходатайствъ» имѣются слѣдующія: 1) присоединиться къ ходатайству общества естествоиспытателей при петербургскомъ университетѣ объ организаціи мурманской біологической станціи; 2) объ устройствѣ на вершинѣ Чатыръ-Дага географической станціи; 3) объ учрежденіи института экспериментальной агрономіи и объ устройствѣ въ ближайшемъ будущемъ порайонныхъ научно-опытныхъ учреждений. Только въ этомъ смыслѣ—изслѣдованія родной страны—и можно говорить о національной, о русской наукѣ. Это, пожалуй, работа низшаго порядка, но въ Россіи, въ силу и жизненныхъ, и научныхъ соображеній, ее поневолѣ приходится выдвигать на первый планъ. Эта работа должна быть сдѣлана, и мы, русскіе, сдѣлаемъ ее скорѣе и лучше другихъ.

Затѣмъ слѣдуютъ *научно-общественныя* задачи съѣздовъ. Мы лично считаемъ ихъ фактически наиболѣе важными, такъ какъ задачи, которыя мы назвали научными, могутъ удовлетворяться въ Россіи и при помощи другихъ учреждений, но живое, непосредственное воздѣйствіе науки на жизнь возможно въ Россіи только на подобныхъ съѣздахъ. И русское общество поняло это, и число интересующихся (а по точной буквѣ программы съѣздовъ — научно работающихъ) естествознаніемъ довольно быстро растетъ: на первомъ съѣздѣ (1867—1868 г., Петербургъ) членовъ было 465, на послѣднемъ (1901 г., Петербургъ) что-то около 5.000. Къ сожалѣнію, организація этого воздѣйствія до сихъ поръ еще хромаетъ. Нужны лекціи по общимъ вопросамъ науки, какъ спорнымъ, такъ и уже вырѣшеннымъ; нужны дебаты по этимъ вопросамъ, чтобы слушатели видѣли самый процессъ мысли, а не получали ее готовой, парадной и неприкосновенной; нужны обзоры успѣховъ наукъ за извѣстные періоды, нужны общедоступныя, хорошо поставленныя демонстраціи наиболѣе выдающихся событій науки, нужны выставки коллекцій, приборовъ и хорошія, доступныя объясненія къ нимъ.

На нѣкоторые изъ этихъ запросовъ жизни съѣзды уже отвѣчаютъ, но далеко не съ желаемой полнотой. Такъ, демонстраціи различныхъ новинокъ по физикѣ уже окончательно привились къ нашимъ съездамъ. На XI-мъ—были показаны опыты Тесла, полученіе жидкаго воздуха, поющая вольтова дуга и нѣкоторыя другіе. Демонстрацій и опытовъ

по другимъ отраслямъ естествознанія, поставленныхъ такъ, чтобы они были доступны и интересны не только специалистамъ, но и вообще всякому, знакомому съ основами науки, было очень мало. Были выставлены коллекціи, аппараты, приборы, совершены экскурсіи, но все больше на специалиста. Исключеніемъ являлась — выставка ископаемыхъ ящеровъ, добытыхъ проф. Амалицкимъ изъ пермскихъ отложений по берегу Малой Сѣверной Двины. Наши читатели знакомы съ этими раскопками и съ замѣчательными результатами ихъ изъ статьи проф. Амалицкаго, помѣщенной въ январской книгѣ прошлаго года. Выставлены три громадныхъ великолѣпно препарированныхъ скелета. Въ зоологическомъ музеѣ университета была выставлена коллекція инъецированныхъ макроскопическихъ препаратовъ Ф. Ф. Остермана, препаратора естественно-историческаго музея бессарабскаго земства, необыкновенная по изяществу выполнения и точной передачѣ мельчайшихъ деталей. Устроена была также выставка по физической географіи. Здѣсь находились этюды, фотографіи карты и диаграммы, Байкала, Онежскаго озера, экспедиціи въ Сѣверный Ледовитый океанъ, различные инструменты для изслѣдованія морскихъ глубинъ, для опредѣленія солнечнаго лучеиспусканія, облачности и т. д., самопишущіе инструменты, аппараты для метеорологическихъ наблюденій въ высокихъ слояхъ атмосферы и др. Были выставлены также различные физическіе приборы физическаго института, а также приборы, минералогическія и геологическія коллекціи, доставленныя нѣкоторыми заграничными фармами. Большое вниманіе педагоговъ обращали на себя естественно-историческія коллекціи петербургскаго подвижнаго музея учебныхъ пособій — начинаніе, дѣйствительно заслуживающее всякаго одобренія.

Вотъ почти все. Лекцій не было. Изъ всѣхъ рѣчей «научнымъ обзоромъ» мы можемъ назвать только крайне интересную, но, по нашему мнѣнію, слишкомъ богатую, слишкомъ подавляющую фактами, рѣчь проф. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Въ большую заслугу этому оратору нужно поставить и то, что онъ отмѣчаетъ неразрывную связь геологіи съ другими науками, и то, что онъ страшится внести въ нѣсколько смутную общественно-научную атмосферу болѣе ясное настроеніе, противопоставляя Дюбуа-Реймоновскому, «ignotabimus» — бодрое: «speremus». «Будемъ же и впредь дружно и безкорыстно работать, говорить онъ, въ надеждѣ, что наши потомки достигнутъ той вершины знанія, съ которой можно будетъ сбывать всю совокупность и причинную связь прошедшихъ, настоящихъ, быть можетъ, и будущихъ измѣненій земной поверхности». Рѣчь проф. Гольдгаммера «Столѣтіе физики» носила характеръ не обзора, а скорѣе была хвалебной пѣснью въ честь богини физики, самой настоящей, самой первой, самой лучшей изъ всѣхъ богинь, какъ аттестуетъ ее намъ ея жрецъ. Мы оста-

новимся нѣсколько на этой рѣчи, такъ какъ она касается основной мысли нашей статьи *).

Проф. Гольдгаммеръ утверждаетъ, что XIX вѣкъ можетъ быть названъ вѣкомъ физики. Физика въ теченіе предыдущихъ столѣтій дала другимъ наукамъ ихъ главные методы изслѣдованія и тѣмъ поставила ихъ въ возможность самостоятельно развиваться. Астрономіи она дала телескопъ, химіи—вѣсы, біологіи—микроскопъ. Въ XIX столѣтіи она создала астрофизику, физическую химію, экспериментальное направленіе въ біологіи, электротерапію и леченіе свѣтомъ. Въ настоящее время прогрессъ физики невозможенъ безъ хорошо обставленныхъ физическихъ институтовъ. Величайшіе умы не сдѣлали въ свое время важныхъ открытій только потому, что не имѣли необходимой для этого обстановки. Никакая затрата не бываетъ такъ плодотворна для прогресса человѣчества, какъ затрата на науку. Но наука не должна преслѣдовать утилитарныхъ цѣлей: практическія приложенія должны являться необходимымъ слѣдствіемъ самодовлѣющихъ теоретическихъ изслѣдованій. Интересно отмѣтить, что когда люди стремились непосредственно къ осуществленію открытій пракческаго характера (какъ, напримѣръ, «*regretium mobile*» или летательныя машины), они не имѣли успѣха, а съ другой стороны, теоретическія открытія (гальванизмъ, X-лучи, электрическія волны Герца) имѣли громадное практическое значеніе, которое выросло совершенно неожиданно для изслѣдователей. Величайшіе наши враги—природа и смерть, и съ этими врагами можно бороться только съ помощію цѣлой арміи ученыхъ. Науку часто обвиняютъ въ безсиліи. Но много ли дѣлаютъ люди, чтобы помочь наукѣ? Россія особенно отстала въ развитіи науки. Только что открытъ первый въ Россіи физическій институтъ въ Петербургѣ, строится подобный же въ Москвѣ, а во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе физики и работы въ физическихъ лабораторіяхъ поставлены въ убогія условія. Наука нуждается въ многомилліонной поддержкѣ, и только тогда мы можемъ ожидать съ нея того, что она способна дать человѣчеству. Пусть нашимъ девизомъ будетъ: да здравствуетъ чистое знаніе! Такъ закончилъ свою рѣчь проф. Гольдгаммеръ.

Безспорно хорошъ физическій институтъ въ Петербургѣ и дай Богъ, чтобы такіе же, еще лучше, если можно, появились и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ, въ Казани и въ Одессѣ—пусть процвѣтетъ тогда русская физика и «величайшіе умы сдѣлаютъ своевременно важныя открытія», но все же зачѣмъ пугать такими врагами, какъ природа (!) и смерть, наше бѣдное министерство финансовъ?! Въ концѣ концовъ, вѣдь еслибы оно даже испугалось, денегъ-то все-таки на физическіе институты при всѣхъ университетахъ не дастъ. «На нѣтъ и суда нѣтъ».

*) Къ сожалѣнію, рѣчи, произнесенныя на общихъ собраніяхъ XI-го съѣзда, будутъ напечатаны цѣликомъ только въ 11-мъ № «Дневника», въ мартѣ мѣсяцѣ,—и при изложеніи содержанія ихъ мы пользовались, главнымъ образомъ, отчетами «Русскихъ Вѣдомостей».

Одного только мы боимся, какъ бы этотъ хвалебный гимнъ физикѣ не обидѣлъ другихъ богинь. Вѣдь жрецы ихъ тоже пѣли о подаркахъ, расточаемыхъ ими человѣчеству и сосѣднимъ наукамъ. Впрочемъ, верховные жрецы науки обыкновенно проще и точнѣе въ своихъ выраженіяхъ. Напр., Бертело *) утверждаетъ, что «одно изъ самыхъ странныхъ заблужденій—это утвержденіе, что вѣсы въ химіи введены въ концѣ прошлаго столѣтія. На самомъ дѣлѣ объ употребленіи вѣсовъ упоминается въ сочиненіяхъ, написанныхъ 1.600 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ ими постоянно пользовались какъ въ химіи, такъ и въ ремеслахъ; изображеніе ихъ встрѣчается на древнихъ памятникахъ Египта». Сомнѣваюсь, чтобы въ тѣ времена существовала богиня проф. Гольдгаммера—«чистая физика». Другой подарокъ физики—телескопъ тоже относится скорѣе къ области міеологіи, чѣмъ исторіи науки. Известно, что въ 1608 г. шлифовальщикъ стеколъ Гансъ Липперсгей представилъ голландскому правительству инструментъ, «чтобы далеко видѣть», и хлопоталъ о привилегіи. Существуетъ преданіе, что дѣти этого шлифовальщика, играя стеклами отъ очковъ, случайно расположили ихъ такъ, какъ въ бинокляхъ, и замѣтили, что далекая колокольня кажется черезъ нихъ ближе. О своемъ наблюденіи они сообщили отцу.

Какъ бы тамъ ни было, если уже говорить о подаркахъ, то телескопъ подарила астрономіи не чистая физика, а скорѣе случай, иначе говоря сама жизнь. Говорить и спорить о томъ, кто создалъ астрофизику, физика или астрономія, кто физическую химію— физика или химія, по нашему мнѣнію, занятіе, по крайней мѣрѣ, непроизводительное. Такой же характеръ носятъ и разговоры о томъ, что физика дала біологіи экспериментальное направленіе, медицинѣ—электротерапію и свѣтолѣченіе. Въ этомъ повинны не только физика, но и тысячи другихъ обстоятельствъ. Методы науки коренятся въ глубинахъ жизни и развитіе ихъ связано съ нею тысячью видимыхъ и мириадами невидимыхъ нитей. Что зовемъ мы даже въ великихъ открытіяхъ случаемъ, вдохновеніемъ? Это—незамѣтное для насъ, но могучее вліяніе жизни, мірового опыта на наше сознательное, систематическое мышленіе.

Не понимаемъ мы также и того, почему исканіе *perpetuum mobile* проф. Гольдгаммеръ приравниваетъ къ той систематической интенсивной и все же плодотворной работѣ, которая идетъ теперь въ области воздухоплаванія и стремится выработать принципы и типъ летательной машины, почему онъ считаетъ одинаково безплодными два эти несоизмѣримыя практическія стремленія, чѣмъ обусловлено такое пессимистическое отношеніе къ бѣднымъ аэропланамъ?! Къ *perpetuum mobile* мы могли бы присоединить и жизненный эликсиръ, и философскій камень. Къ слову сказать, даже и эти неудачныя «практиче-

*) См. рѣчь Бертело. «Лавуазье». «М. В.», январь.

скія» предпріятія все же не были безплодны въ «теоретическомъ» отношеніи: изъ нихъ многое почерпнули и физика, и химія, и медицина.

Итакъ, на сѣздѣ былъ данъ всего одинъ научный обзоръ.

-Лучше была выполнена другая просвѣтительная задача сѣзда — ознакомить людей, интересующихся наукой, съ ея жгучими, «философскими» вопросами и задачами, напр., съ вопросами о границахъ нашего знанія, объ отношеніи живого и мертвѣго, о цѣляхъ и методахъ научнаго изслѣдованія, о непосредственной связи науки и жизни

Остановимся сначала на рѣчахъ проф. Лукьянова и Умова, такъ какъ онѣ касаются очень близкихъ другъ другу вопросовъ и трактуютъ ихъ съ диаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Рѣчь проф. С. М. Лукьянова носитъ заглавіе «О предѣлахъ цитологическаго изслѣдованія при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ». Развитие ученія о клѣткѣ составляетъ, по мнѣнію оратора, одну изъ главныхъ побѣдъ науки XIX вѣка. Цитологическое изслѣдованіе даетъ, конечно, большія надежды и на дальнѣйшія побѣды, но встаетъ вопросъ, каковы предѣлы познанія въ этомъ направленіи и какими условіями они обуславливаются. Прежде всего надо остановиться на методологическихъ приемахъ изслѣдованія. Сложный микроскопъ, являющійся орудіемъ цитологическаго изслѣдованія, ставитъ намъ вполне опредѣленные предѣлы изслѣдованія. На основаніи различныхъ соображеній проф. Лукьяновъ приходитъ къ выводу, что при идеальныхъ условіяхъ построенія сложнаго микроскопа, нынѣ далеко еще не осуществленныхъ, мы сможемъ различать разстоянія въ 0,1 микрона, между тѣмъ, по вычисленіи Физиковъ, діаметръ молекулы долженъ лежать въ предѣлахъ отъ 0,00001 до 0,000001 микрона, слѣдовательно этотъ діаметръ, по крайней мѣрѣ, въ 10.000 разъ меньше, чѣмъ діаметръ самаго маленькаго элемента, который мы можемъ надѣяться увидѣть при идеальныхъ условіяхъ наблюденія въ идеальный микроскопъ. Съ другой стороны, современные бактериологи допускаютъ вышѣ существованіе такихъ микроорганизмовъ, которыхъ нельзя видѣть въ микроскопъ, а между тѣмъ, эти организмы живутъ, питаются, размножаются. Такимъ образомъ надежда проникнуть съ помощью микроскопа въ тайны строенія вещества является грубою переоцѣнкой нашихъ средствъ изслѣдованія. Выясненіе же физиологическихъ процессовъ, хотя бы питанія, при которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны происходить измѣненія динамическаго строя частицъ, лежатъ, по мнѣнію нашего ученаго, уже совершенно внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія, и мы не можемъ имѣть надежды проникнуть въ ту лабораторію, гдѣ жизнь ладитъ свои синтезы и анализы. Микротомъ достигъ, по всей вѣроятности, уже предѣловъ своего совершенства, а между тѣмъ самыя тонкіе разрѣзы, которые мы можемъ получать съ его помощью, въ тысячу разъ толще, чѣмъ слой серебра, который намъ удается отложить на стеклѣ.

Въ общемъ, проф. Лукьяновъ признаетъ, что ученіе о клѣткѣ на-

ходится въ настоящее время въ періодъ быстраго и могучаго роста, но говоритъ, что нужно отличать достижимое отъ недостижимаго. Кромѣ условій техники, предѣлы цитологическаго изслѣдованія опредѣляются самыми свойствами познанія. Это предѣлы безусловныя. Прежде всего мы сталкиваемся съ неразрѣшимымъ вопросомъ о клѣткѣ, какъ носительницѣ психическихъ свойствъ. Даже по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ, специальнымъ носительницамъ психическихъ функций, въ наилучшихъ случаяхъ удается только установить параллелизмъ между физическими и психическими явленіями. Передъ задачею объяснить психическое матеріальнымъ цитологія безсилна. Второй предѣлъ нашего познанія — цѣлесообразность въ строеніи и дѣятельности клѣтокъ. Третьимъ предѣломъ является неостижимость претворенія мертваго питательнаго матеріала въ живое вещество клѣтки. Намъ можно и должно перекидывать мостки отъ механическихъ явленій къ телеологическимъ, но надо сознаться, что наука безсилна понять, въ чемъ отличіе живаго отъ мертваго. Въ жизни есть, несомнѣнно, не только матеріальное, но и духовное начало и наука должна признать непереходимыя границы между духовнымъ и матеріальнымъ, между живымъ и мертвымъ. Одними науками далеко не исчерпывается построеніе міросозерцанія и къ нимъ на помощь, по мнѣнію проф. Лукьянова, должны быть призваны искусство, философія и богословіе.

Проф. Умовъ озаглавилъ свою рѣчь «Физико-химическая модель живаго вещества».

Со стороны нѣкоторыхъ біологовъ, говоритъ нашъ маститый физикъ, все съ большей и большею настойчивостью распространяется ученіе о томъ, что живое вещество, если и подчиняется законамъ, управляющимъ неорганизованной природой, то все же таитъ въ себѣ такія свойства, которыя нельзя объяснить съ механической точки зрѣнія. Представители такого ученія, въ отличіе отъ прежнихъ виталистовъ, называются неовиталистами. Главная аргументація ихъ, по мнѣнію проф. Умова, построена на присутствіи въ нашемъ тѣлѣ опредѣленнаго числа опредѣленныхъ органовъ чувствъ. Разнообразіе и характеръ явленій природы ограничиваются, такимъ образомъ, разнообразіемъ и характеромъ нашихъ органовъ чувствъ. Логически развивая эту мысль, неовиталисты приходятъ къ заключенію, что если мы и въ организованномъ, и въ неорганизованномъ мірѣ встрѣчаемъ одни и тѣ же законы, которымъ подчиняется матерія, то это происходитъ не потому, что субстратъ изслѣдованія въ одномъ и другомъ случаѣ подчиняется одинаковымъ законамъ, а потому, что орудіе изслѣдованія, слишкомъ несовершенное, идентично въ обоихъ случаяхъ. Такому воззрѣнію проф. Умовъ противопоставляетъ слѣдующее. Область научнаго изслѣдованія природы не ограничена явленіями природы, непосредственно воспринимаемыми нашими органами чувствъ; она гораздо шире. Для электричества у насъ нѣтъ непосредственнаго органа чувствъ, но мы не только

можемъ судить о присутствіи электричества, — мы можемъ его измѣрять и оперировать имъ съ такою же, если еще не съ большею точностью, какъ съ любимымъ объектомъ, вполне доступнымъ нашему непосредственному воспріятію. Блескъ всякаго научнаго открытія заключается именно въ томъ, что мы укладываемъ данныя явленія въ такую систему, которая недоступныя для насъ свойства преобразуетъ въ доступныя. Наша сѣтчатка не ощущаетъ X-лучей, фотографическая же пластинка подъ вліяніемъ ихъ испытываетъ такія измѣненія, которыя мы можемъ уже ощущать при помощи сѣтчатой оболочки. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Профессоръ разсматриваетъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ воздѣйствіе механической системы на живую и живой на механическую и вездѣ находитъ аналогію въ функціяхъ живой и неживой системы. Живая кѣтка имѣетъ тенденцію сохранять свою форму, свое положеніе, свое движеніе. Тѣ же свойства имѣетъ и камень. Трудно, по мнѣнію проф. Умова, представить себѣ такую форму дѣйствія какого-либо живого существа, для которой нельзя было бы придумать автомата. Животное встрѣчается гдѣ-нибудь съ опасностью, предупреждаетъ крикомъ своихъ товарищей и убѣгаетъ. Актъ, требующій, несомнѣнно, сложной организаціи съ тонко развитой нервной системой. Но развѣ не въ состояніи автоматъ выполнить съ такимъ же успѣхомъ подобную задачу? Развѣ трудно устроить такой локомотивъ, который на своей передней сторонѣ несъ бы селеновую пластинку, включенную въ цѣпь, дѣйствующую на реле. Свѣтъ отъ вольтовой дуги, помещенной на локомотивѣ, несущемся противъ перваго, могъ бы благодаря проводимости освѣщеннаго селена открывать какой-нибудь клапанъ для подачи свистка, для мгновенной остановки всего поѣзда, обратнаго движенія поѣзда и т. д. Проф. Умовъ разсматриваетъ затѣмъ всевозможныя опредѣленія жизни и не видитъ въ нихъ тѣхъ элементовъ, которые проводили бы рѣзкую грань, отдѣляющую живое отъ неживого. На живое вещество слѣдуетъ въ принципѣ смотрѣть какъ на всякое другое вещество, имѣющее только свои отличительныя свойства. Съ точки зрѣнія физика мы должны поэтому приступать къ изслѣдованію живого вещества, пользуясь тѣми орудіями и методами, которые оказались плодотворными при изученіи неорганизованнаго міра. Ораторъ останавливается на введеніи въ физиологію моделей, какъ это дѣлается съ успѣхомъ физиками. Современная физика, пытаясь проникнуть не въ сущность явленій, а только въ зависимость, и стараясь установить законы этой зависимости, создаетъ механическія модели, въ которыхъ зависимость отдѣльныхъ частей подчиняется такому же закону, какъ и зависимость изучаемыхъ явленій. Преимущество такихъ моделей заключается въ томъ, что онѣ даютъ возможность подмѣчать новыя зависимости. Проф. Умовъ пытается, затѣмъ, установить ту область въ живомъ веществѣ, для которой зависимость отдѣльныхъ свойствъ могла бы быть установлена съ по-

мощью модели. Разсматривая характеръ проявленій дѣятельности организма, мы поражаемся послѣдовательностью, закономерностью и предусмотрительностью, съ которыми совершается движеніе живого вещества. Локомотивъ, сошедшій съ рельсъ, движется еще только очень короткое время впередъ; живое существо обладаетъ безчисленнымъ количествомъ необыкновенно тонко дѣйствующихъ регуляторовъ, которые позволяютъ ему сохранять стройность своего движенія среди самыхъ разнообразныхъ неожиданностей и препятствій. Такимъ образомъ, стройность есть прежде всего тотъ фонъ, на которомъ можно будетъ начертать проектъ первой фізіологической модели. Но и болѣе специфическія свойства живаго вещества, какъ, напримѣръ, психика, память и т. под., могутъ быть, по мнѣнію проф. Умова, субстратами для физико-химической модели живого вещества. Блестящій примѣръ осуществленія подобной модели памяти мы можемъ видѣть въ пленкѣ Липмана для цвѣтной фотографіи. Здѣсь въ чистой, еще не тронутой свѣтомъ пленкѣ, подъ влияніемъ лучей определенной цвѣтности развиваются стоячія волны, длина которыхъ закрѣпляется отложеніями серебра. Самъ цвѣтной лучъ создалъ для отбора свой собственный аппаратъ, и пока этотъ аппаратъ не сотрется, онъ всегда будетъ отвѣчать на данный цвѣтъ, онъ будетъ помнить о данномъ цвѣтѣ.

Среднюю между двумя изложенными нами взглядами и болѣе удобную и менѣе опасную позицію занялъ проф. В. И. Бѣляевъ въ своей рѣчи «О дѣленіи клѣтокъ и размноженіи организмовъ». Впрочемъ, намъ кажется, что почтенный ботаникъ имѣетъ все же нѣкоторое тайное влеченіе къ витализму, хотя и полагаетъ, что и механисты, и виталисты грѣшатъ однимъ и тѣмъ же: «укладываютъ знаніе на Прокрустово ложе готовыхъ шаблоновъ». Выяснивъ значеніе для организмовъ акта воспроизведенія, являющагося основнымъ свойствомъ живыхъ организмовъ, профессоръ Бѣляевъ развилъ ту мысль, что дѣленіе клѣтокъ — простѣйшая форма воспроизведенія — дѣлаетъ неограниченной продолжительность жизни. Одно изъ крупнѣйшихъ завоеваній науки составляетъ выясненіе вопроса о дѣленіи клѣтокъ. Прежнее грубо-механическое воззрѣніе, что клѣтки при дѣленіи распадаются подъ влияніемъ простыхъ механическихъ причинъ, смѣнилось сложнымъ ученіемъ о каріокинезѣ. Указавъ затѣмъ на осложненіе процесса воспроизведенія у высшихъ формъ (половое размноженіе), проф. Бѣляевъ заключилъ свою рѣчь мыслью, что выясненіе тончайшихъ подробностей строенія клѣтки и всего хода процесса размноженія все-таки не даетъ пока отвѣта на вопросъ: что такое жизнь?

По истинѣ «жгучіе» вопросы.

Попробуемъ же нѣсколько разобраться въ нихъ. Но предупредимъ читателя, что въ задачи данной статьи не входитъ полное изложеніе нашего собственнаго взгляда на эти вопросы.

Прежде всего ясно, конечно, что проф. Умовъ, съ одной стороны,

и проф. Лукьяновъ и Бѣляевъ—съ другой вкладываютъ въ слово «объясненіе» совершенно различное содержаніе. Лукьяновъ категорически утверждаетъ, что наука бессильна понять, въ чемъ отличие живого отъ мертваго, г. Бѣляевъ, придерживаясь средней позиціи, болѣе осторожно заявляетъ, что наука пока не даетъ отвѣта на вопросъ, что такое жизнь. Но и категоричность г. Лукьянова, и осторожность г. Бѣяева, въ концѣ концовъ, сводится къ одному и тому же: они хотя и *поняты* что-то, для нихъ совершенно неясное и непонятное, что-то, чего не дано въ мировомъ опытѣ. Понятно, что на помощь приходится звать и «философію», и богословіе: они, вѣдь, искони занимались тѣмъ, что стремились объяснить необъяснимое, волоча людей отъ авдорской волшебницы къ вещи *ad und für sich* и обратно.

Какъ давно уже всѣмъ извѣстно, подобныя «объясненія» замѣняютъ только одну «тайну»—другой. Роскошныя метафизическія блюда не насыщаютъ, только отягчаютъ.

Рязь еще въ 70-хъ годахъ говорилъ относительно этихъ объясненій, что это «настоящіе опіаты для нашего разсудка; они приводятъ его въ безчувствіе, вмѣсто того, чтобы оживлять и прояснять его. Они имѣютъ видъ всеобъемлющаго знанія, которое не трудно, впрочемъ, приобрести, если только считать желаніе и исполненіе за одно и то же» *).

Одно изъ двухъ—или почтенные ораторы знаютъ, какое содержаніе вкладываютъ въ слово *жизнь*, или же имъ нужно вычеркнуть его изъ своего словаря. Вѣдь не слово же опредѣляетъ содержаніе понятія, а наоборотъ, появленіе новаго понятія, вслѣдствіе накопленія новаго опыта, вызываетъ появленіе слова. Не можетъ же быть въ понятіи, въ словѣ больше содержанія, чѣмъ вложила въ него опредѣленная группа людей, а въ идеальномъ случаѣ болѣе, чѣмъ вложено въ него мировымъ опытомъ. Потому научное, а не «опійное» объясненіе всегда будетъ только сравненіемъ—сведеніемъ новыхъ фактовъ опыта къ фактамъ уже извѣстнымъ, старымъ.

Проф. Умовъ близко стоитъ къ этой точкѣ зрѣнія; но, по нашему мнѣнію, нѣсколько осложняетъ ее введеніемъ понятія о зависимости явленій. Къ сожалѣнію, у насъ вѣтъ подъ руками рѣчи проф. Умова цѣликомъ; можетъ быть, это осложненіе только кажущееся.

Итакъ, если гг. виталисты не могутъ дать «объясненій» для имѣющихся у нихъ понятій, то это еще не такъ печально для науки и для профановъ.

Обратимся теперь къ горестямъ гг. виталистовъ, носящимъ болѣе специальный характеръ.

Вотъ, напр., проф. Лукьяновъ говоритъ о методологическихъ предѣлахъ микроскопическаго изслѣдованія. Несомнѣнно, они существуютъ.

*) Цитирую по В. В. Лесевичу. «Что такое научная философія».

Но опять таки это ужъ не такъ печально. Не разъ ставились такіе предѣлы, хотя бы, напр., въ органической химіи, но открывались новые методы и предсказанія оказывались несбывшимися. То же, я убѣжденъ, будетъ и въ изслѣдованіи клѣтокъ и тканей; мы не дойдемъ еще до границы микроскопическаго изслѣдованія, какъ будутъ изобрѣтены другіе методы, болѣе тонкіе и чувствительные. Мы даже имѣемъ нѣкоторый намекъ на такую возможность въ фотографическомъ методѣ г. Буриискаго. Также непонятно, почему г. Лукьяновъ утверждаетъ, что выясненіе физиологическихъ процессовъ лежитъ внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія. Миѣ кажется, что знаменитые коллеги почтеннаго профессора по институту экспериментальной медицины могутъ обидѣться на такое утверждение. Впрочемъ, и здѣсь объясненіе предпологается, вѣроятно, трансцендентальное.

Въ той же степени призрачна неразрѣшимость вопроса о клѣткѣ, какъ носительницѣ психическихъ свойствъ, и непостижимость претворенія мертваго въ живое. Что же здѣсь неразрѣшимаго и непостижимаго, если такое претвореніе совершается, если клѣтка, дѣйствительно является такой носительницей, и если мы твердо и ясно установили, что мы называемъ психическими свойствами, что «мертвымъ» и что «живымъ». Изъ того, что параллелизмъ между «физическими» и «психическими» явленіями констатированъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ, еще не слѣдуетъ, что онъ не будетъ констатированъ и въ другихъ случаяхъ, а главное ничто не говоритъ намъ, что «объясненіе» лежитъ въ данномъ случаѣ только въ установленіи этого параллелизма.

Тоже нужно сказать и о «непереходимыхъ границахъ между духовнымъ и матеріальнымъ». Эти границы существуютъ въ самомъ опредѣленіи «духовнаго» и «матеріальнаго», доставившемъ намъ по наследству отъ временъ доисторическихъ, и существуютъ до тѣхъ поръ, пока мы придерживаемся этого опредѣленія и проводимъ эти границы. Это *circulus vitiosus*, въ который попадаетъ всякій метафизикъ, ищущій причинъ внѣшнихъ, тогда какъ они въ немъ самомъ. Онъ спрашиваетъ, кто разгородилъ его комнату, забывъ, что онъ самъ когда-то сдѣлалъ это для своего собственнаго удобства. Еще одинъ «безусловный предѣлъ» для познанія организмовъ видитъ проф. Лукьяновъ въ цѣлесообразности строенія и дѣятельности клѣтокъ.

Тоже древняя старушка эта цѣлесообразность. Давно уже ее выставляли, какъ «непереходимую границу между живымъ и мертвымъ», какъ яркое доказательство плана въ природѣ, какъ отрицаніе случайностей въ появленіи и развитіи организмовъ. Съ нашей точки зрѣнія всякій процессъ явится цѣлесообразнымъ, если послѣднее его звено принимать за цѣль. Шаръ катится по наклонной плоскости. Этотъ процессъ можно назвать цѣлесообразнымъ, разъ цѣлью его считать конечный пунктъ даннаго движенія. Можно выразить это еще въ болѣе общей

формѣ. Причинность и цѣлесообразность могутъ быть мыслимы, когда изъ цѣлой груды элементовъ нами выдѣляется послѣдовательный рядъ и затѣмъ обрывается на опредѣленномъ элементѣ. Но мы съ проф. Лукьяновымъ говоримъ на разныхъ языкахъ и потому, можетъ быть, будетъ полезнѣе привести мнѣніе о цѣлесообразности и случайности собрата профессора по наукѣ, знаменитаго зоолога Бюкли *). Возражая виталистамъ, сравнивавшимъ цѣлесообразность организмовъ съ цѣлесообразностью машинъ и художественнаго произведенія, Бюкли указываетъ на то, что въ появленіи и паровой машины, и Пареевона большую роль играли элементы случайнаго. Такъ, напр., «паровая машина произошла не изъ готовой идеи, а изъ случайныхъ наблюденій надъ дѣйствіемъ парового давленія, послѣ продолжительнаго примѣненія новыхъ, незначительныхъ, но усовершенствованныхъ комбинацій, цѣлесообразность которыхъ обнаружили лишь испытаніе и опытъ. Всѣ нецѣлесообразныя комбинаціи были откинута въ сторону и забыты; цѣлесообразныя, наоборотъ, сохранились... Ходъ развитія машинъ имѣетъ большое сходство съ постепеннымъ преобразованиемъ организмовъ, какъ его считаетъ вѣроятная теорія Дарвина». Также и Пареевонъ явился продуктомъ всей предыдущей эпохи греческаго искусства. Все, что случай, въ лицѣ гениальныхъ стремленій, создалъ и сохранилъ, стало основой, на которой случайно же появившійся гений созидалъ Пареевонъ.

Бюкли считаетъ возможнымъ, что случайно появившійся, способный къ сохраненію и размноженію организмъ въ состояніи развиться до болѣе сложнаго организма, функционирующаго цѣлесообразно, способнаго къ сохраненію путемъ накопленія случайныхъ новыхъ комбинацій.

«Въ неорганической природѣ,—говоритъ Бюкли,—допущеніе цѣлей является чѣмъ-то совершенно неопредѣленнымъ, произвольнымъ, въ концѣ концовъ, здѣсь можно было бы только сказать, что цѣль процесса состоитъ въ томъ, что онъ совершается. Но и въ организованномъ мірѣ, если имѣть въ виду весь организмъ и его жизненный процессъ, невозможно точное опредѣленіе цѣлей, ибо вся цѣль этого процесса можетъ состоять только въ томъ, что данный организмъ существуетъ и сохраняется. Но это то же, что сказать: цѣль движенія планетъ состоитъ въ томъ, что онѣ существуютъ, сохраняются, и такимъ образомъ вся система ихъ остается такой, какъ она есть». Вообще, принципъ цѣлесообразности насквозь проникнутъ антропоморфизмомъ. Можно ли допустить, задаетъ риторическій вопросъ Бюкли, «что цѣль органа является мотивомъ его происхожденія и его цѣлесообразной дѣятельности?»

Переходя отъ вопроса о происхожденіи цѣлесообразности къ вопросу о ея распространеніи въ мірѣ организмовъ, Бюкли указываетъ, что послѣднее далеко ужъ не такъ широко, какъ думаютъ, и рядомъ съ

*) Prof. Bütschli. «Mechanismus und Vitalismus» 1901.

цѣлесообразными реакціями организма на раздраженія существуютъ и нецѣлесообразныя, которыя, напр., почти всегда проявляются, когда перейденъ извѣстный предѣлъ раздраженія. Также не видитъ Бюкли никакой цѣлесообразности въ томъ, что въ теченіе исторіи земли вымерло множество организмовъ оттого, что они не смогли приспособиться къ мѣнявшимся окружающимъ условіямъ. «Фактъ этотъ непримиримъ съ допущеніемъ, что организму, какъ таковому свойственны цѣлесообразныя и направленныя къ сохраненію его реакціи».

Итакъ, призывъ виталистами на помощь метафизической философіи и богословія, по нашему мнѣнію, излишенъ, по крайней мѣрѣ, въ построеніи нашего міропониманія они помочь намъ не могутъ.

Переходимъ теперь къ механическому «объясненію». Въ методологическомъ отношеніи оно, конечно, неизмѣримо выше, чѣмъ виталистическое, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ чистомъ своемъ видѣ, напр., въ рукахъ проф. Умова, признаетъ основой объясненія—сравненіе, аналогію. Но оно грѣшитъ другимъ грѣхомъ. Оно слишкомъ упрощаетъ дѣйствительность. Напримѣръ, проф. Умовъ, опредѣляя живое вещество, какъ вещество, имѣющее свои отличительныя свойства, все же утверждаетъ, что *вездѣ* въ функціяхъ живой и не живой системы наблюдается аналогія и потому форма дѣйствія какого-либо живого вещества всегда можетъ быть выражена при помощи автомата.

Конечно, можетъ, но только для этого «живое вещество» надо обезличить, не принять въ расчетъ его отличительныхъ свойствъ, а только тѣ общія свойства, на которыя простирается аналогія; это, конечно, очень полезный методъ и съ нимъ можно работать, но только до тѣхъ поръ, пока мы не касаемся специально того, что проф. Умовъ называетъ «отличительными свойствами живого вещества». Здѣсь уже сравненіе не примѣнимо, и познаніе обращается къ основному своему методу—описанію. Съ чѣмъ въ мертвомъ веществѣ можно сравнить такія свойства живого, какъ половой актъ, наследственность, сознание и т. п.?

Проф. Умовъ на своемъ примѣрѣ двухъ паровозовъ пытается аналогизировать крикъ животнаго, предупреждающаго объ опасности своихъ товарищей. Не будемъ спорить, аналогія имѣется, но что съ ней дѣлать? Чему она помогаетъ? Развѣ она увеличиваетъ наше знаніе живого вещества? Нѣтъ, напротивъ, она его сознательно съуживаетъ. Въ крикъ этого животнаго—цѣлый міръ ощущеній, — а мы сводимъ это на взаимодействіе селеновой пластинки и вольтовой дуги. Пленка Липмана «помнитъ о данномъ цвѣтѣ». Затѣмъ даже такая сложная модель? Можно взять простое фотографическое клише, оно тоже «помнитъ», или еще проще. Я бросилъ свинцовый шаръ въ мягкій воскъ, получилось углубленіе, которое сохранится, конечно, гораздо дольше, чѣмъ Липмановская пластинка, воскъ будетъ «помнить» о полученномъ имъ ударѣ. Но какія «зависимости» могутъ уяснить такія модели, что мы выиграемъ отъ ихъ примѣненія? Опять-таки изъ

громадной, еще болѣе сложной, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, совокупности ощущеній, которыя мы схематизируемъ словомъ «память», беретъ абстракція послѣдовательности явленій и въ тоже время обезцѣнивается, отбрасывается несоизмѣримая съ этой абстракціей громада всего остального. Немудрено, что послѣдовательность явленій, въ еще болѣе абстрактной формѣ—причинной связи—можетъ быть констатирована нами всюду. Проф. Умовъ увлекся выясненіемъ «зависимостей», т.-е. сведеніемъ одного явленія на другое, которое и разсматривается какъ причина перваго. Но вѣдь фактъ появляется въ силу дѣйствія совокупности другихъ фактовъ и причина есть искусственное выдѣленіе изъ этой совокупности послѣдняго уловленного нами факта.

Физикъ Махъ предостерегалъ отъ сведенія всѣхъ другихъ наукъ къ положеніямъ физики и, наоборотъ, предлагалъ физикѣ расширить до такихъ предѣловъ, чтобы включить въ нее опытъ большей полноты, чѣмъ нынѣ, напр., опытъ химіи. По мнѣнію Маха, злоупотребленіе механической физикой приводитъ къ тому, что мы приписываемъ явленіямъ пространства и времени болшую реальность, чѣмъ свѣтамъ, звукамъ и запахамъ, тогда какъ всѣ они сводятъ къ одному—къ ощущеніямъ.

Гораздо ближе къ этой точкѣ зрѣнія стоятъ *А. Я. Данилевскій* въ своей рѣчи—«Соціально-физическое значеніе нервной системы».

Нервная система, говоритъ Данилевскій, оказываетъ первенствующее вліяніе на весь строй человѣческой жизни, и поэтому важно выяснитъ съ научной точки зрѣнія значеніе различныхъ сторонъ нервной дѣятельности для человѣческаго общежитія. Задерживающіе центры нервной системы, благодаря которымъ человѣкъ можетъ сдерживать страсти и аффекты—позднѣйшее и, можетъ быть, самое важное и высокое приобрѣтеніе человѣка; чѣмъ выше культура, тѣмъ большее значеніе получаютъ эти волевые регуляторы. Дѣятельность задерживающихъ центровъ можетъ быть понижена вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія нервной системы (отравленіе алкоголемъ, переутомленіе). Ослабленіе задерживающей дѣятельности мозга ведетъ къ уменьшенію альтруизма, проявленію низшихъ чувствъ и вообще къ редукціи нравственной личности. Высшія функціи головного мозга, развившіяся позже другихъ, еще не закрѣпились у человѣка въ достаточной степени и потому отличаются неустойчивостью. Къ этимъ высшимъ функціямъ, кромѣ задерживающей дѣятельности, проф. Данилевскій относитъ и область чувствованій, дающихъ начало всѣмъ нашимъ идеальнымъ стремленіямъ, напр.,—чувства гармоніи, красоты, пока не поддающіяся еще научной формулировкѣ. Вообще же первичнымъ источникомъ соціальной нравственности Данилевскій считаетъ нашу чувственную восприимчивость, а исполненіе альтруистическихъ обязанностей органической потребностью. Одинаковая эмоція, подражательность, взаимное внушеніе—все это имѣетъ про-

мадное значеніе въ социальной жизни людей, и надо остерегаться, чтобы въ нашей жизни, полной утомленія и излишествъ, не предъявлять чрезмѣрныхъ требованій къ нервной системѣ. Переутомленіе можетъ вызвать рѣзкія извращенія всего умственного строя. Съ другой стороны, цѣлесообразное воспитаніе содѣйствуетъ укрѣпленію и развитію высшихъ сторонъ нервной дѣятельности. Такая біологическая точка зрѣнія на нервную систему даетъ, по мнѣнію проф. Данилевскаго, прочную основу нашему мышленію, и наука оказываетъ намъ великую воспитательную услугу.

Какъ видимъ, проф. Данилевскій стоитъ на эволюціонно-описательной, если можно такъ выразиться, точкѣ зрѣнія и близко подходитъ къ эмпириокритицизму Авенариуса. Послѣдній, какъ извѣстно, развивалъ въ своемъ ученіи мысль, что «вещь» и «мысль» суть функціи центральной нервной системы и окружающей ее среды. Безъ мыслящаго индивида—нѣтъ и среды, нѣтъ, значитъ и вещи; безъ окружающей индивидъ среды—нѣтъ измѣненій въ центральной нервной системѣ, а слѣдовательно, нѣтъ и мысли. Такова неразрѣзная связь центральной нервной системы и окружающей ее среды, вещи и мысли. Только нашъ почтенный физиологъ не договорилъ этой мысли. Этимъ, конечно, объясняется и его утвержденіе, что наши идеальныя стремленія не поддаются еще научной формулировкѣ. Стоя на точкѣ зрѣнія эмпириокритицизма, нельзя было бы такъ ставить вопроса и можно было бы найти пути для выработки такой формулировки. Во всякомъ случаѣ, большой заслугой проф. Данилевскаго является то, что онъ сумѣлъ въ своей рѣчи показать, большой публичнѣ, какъ можно «объяснять» явленія духовной жизни, не прибѣгая ни къ бѣлой, ни къ черной магіи, не вдаваясь ни въ витализмъ, ни въ механизмъ.

Научно-общественныя задачи преслѣдовались также и работами статистической подсекціи. Статистика на съѣздѣ естествоиспытателей—это русская жизнь, ворвавшаяся въ «храмъ чистой науки». Ее долго туда не пускали; но разъ жизнь ввела уже въ этотъ храмъ медицину, гигиену и агрономію, статистика неизбежно должна была попасть туда тоже. И она попала, хотя и въ качествѣ несовершеннолѣтней подсекціи. Мнѣ приходилось отмѣчать уже 7 лѣтъ тому назадъ, какъ оживило московскій съѣздъ появленіе этой гостьи.

Другая сторона русской жизни до сихъ поръ не можетъ еще официально проникнуть на съѣзды естествоиспытателей. Я говорю о педагогикѣ. Не смотря на то, что въ задачи съѣздовъ, какъ помнитъ читатель, были внесены и учебныя, но до сихъ поръ, несмотря на многократныя ходатайства, педагогической секціи не образовано.

Впрочемъ, распорядительный комитетъ послѣдняго съѣзда сдѣлалъ большой шагъ впередъ: въ росписаніе занятій съѣзда были внесены два соединенныя засѣданія членовъ съѣзда съ преподавателями естествознанія. Собранія эти, какъ и слѣдовало ожидать, были многолюдны и оживленны. Большая часть времени была посвящена обсужденію

программы о преподаваніи природовѣдѣнія въ средней школѣ проф. Кайгородова, программы, предложенной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ руководства.

Изъ цѣлаго ряда докладовъ и дебатовъ по поводу этого выяснилось, что подавляющее большинство преподавателей естествознанія относится отрицательно къ программѣ проф. Кайгородова.

Здѣсь мы не можемъ входить въ обсужденіе сложнаго и важнаго вопроса о преподаваніи естествознанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, скажемъ только, что отвязаться отъ схоластики и суши, ввести болѣе близкое общеніе съ природой, обратить вниманіе на біологію, дать свободу преподавателю—все это желательныя и необходимыя измѣненія,—но прекраснѣе «общезитіе» проф. Кайгородова, полное изгнаніе имъ системы и опыта, если и лучше схоластики и суши, то все же не многимъ. Наука всегда была и будетъ систематизаціей опыта, а преподаваніе имѣетъ одну, общую всѣмъ отраслямъ знанія, цѣль — передать другимъ эту систему наиболѣе экономнымъ образомъ. Пусть хоть наши дѣти не будутъ краснѣть, читая знаменитыя строфы Пушкина:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Видаемо, много' наболѣло на душѣ у преподавателя естествознанія въ средней школѣ, относительно многого хотѣлось бы потолковать другъ съ другомъ, посоветоваться, выяснить,—а «храмъ» все запертъ. Неужели и на будущемъ одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей не будетъ образовано педагогической секціи?! А пока что, русскіе преподаватели выработали разныя desiderata, представленныя ими распорядительному комитету съѣзда. Самое существенное изъ нихъ: ходатайство о томъ, чтобы «естествовѣдѣніе, введенное въ среднюю школу, какъ предметъ, имѣющій свое самостоятельное значеніе, было проведено черезъ всѣ ея классы, какъ младшіе, такъ и старшіе, независимо отъ того, какой родъ дѣятельности изберетъ учащійся по окончаніи школы».

На долю XI-го съѣзда выпала задача большого научнообщественнаго значенія:—«окончательно обсудить уставъ ассоціаціи русскихъ естествоиспытателей съ цѣлью согласовать его съ указаніями министерствъ». Съѣздъ, въ лицѣ распорядительнаго Комитета, принялъ эти указанія, но ходатайствуетъ передъ министромъ просвѣщенія о томъ, чтобы было оставлено названіе «ассоціація» или, по крайней мѣрѣ, «союзъ», а не «общество», какъ почему то настаиваетъ министерство.

Въ этой ассоціаціи мы видимъ залогъ того, что наука въ Россіи не удалится въ скиты «научной чистоты», а будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сливаться съ жизнью, изъ нея почерпая и факты, и вдохновеніе, въ нее внося—систему и экономію.

В. Агафоновъ.

ЗА РАБОТЮ.

Съ пилой, съ зубиломъ, съ молоткомъ,
Средь чаду, дыма и огня,
Подъ лязгъ и грохотъ за станкомъ
Пилю, рублю желѣзо я...

Гремятъ машины надо мной,
Свистятъ пары, шумятъ приводы...
Проходить день, идетъ другой;
Недѣли, мѣсяцы и годы...

Насъ много здѣсь; все молодежь,
Немного встрѣтишь съ бородами.
А стариковъ наврядъ найдешь;
Сѣдыхъ нѣтъ вовсе между нами...
Старикъ лишь каменный заводъ,
Станокъ иной давно ведется.
А мы—все молодой народъ:
Намъ почему-то не живется...
Иль въ жизни намъ судьба такая,
Загадку эту какъ понять?..
Заноситъ грудь и чахнешь, тая,
Изъ года въ годъ... а тамъ... кровать
Въ стѣнахъ больницы... и... конецъ...

.
О, Ты, всеправедный Творецъ!
О, Господи, съ слезами молимъ:
Взгляни на ратниковъ труда...
Избавь отъ скорбной, горькой доли
Въ такіе юные годя,
Когда такъ хочется любить,

Все видѣть, чувствовать и знать,
И жить... хоть мучиться, но жить...
Страдать, но жить—не умирать!
Твой міръ такъ чуденъ, такъ хорошъ,
Такъ много свѣта и свободы...
О, Боже правый! отчего-жъ
Не жить бы долгіе намъ годы?!

Ө. Поступаевъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Великая годовщина—пятидесятилѣтіе смерти Гоголя.—Литературная и общественная среда, его окружавшая.—Издъ сборника «Подъ знаменемъ науки».—Что погубило Гоголя, какъ художника и человѣка.—«На задворкахъ фабрики» и «Край безъ будущаго», г. Маликова.—Гдѣ же хуже—на фабрикѣ или въ деревенскомъ мирѣ?—Наблюденія г. Маликова изъ жизни сектантовъ. — Памяти Ивана Васильевича Мушкетова.

Однимъ изъ поучительнѣйшихъ явленій русской жизни представляется намъ судьба величайшаго нашего художника-реалиста Гоголя. Бдва выступивъ въ литературу, онъ сразу занялъ единственное и никѣмъ не оспариваемое мѣсто, какъ великій и несравненный изобразитель русской дѣйствительности, какою она была въ угрюмое время крѣпостного царства. Въ десять лѣтъ почти онъ далъ такія картины изъ этого царства мертвечины и гнили, что послѣдующимъ художникамъ осталось развѣ только дорисовать детали, но главное—было дано, и какъ дано! Въ образахъ столь гениально-правдивыхъ и глубокихъ, что, казалось, художникъ заглянулъ въ самую глубь крѣпостного царства, въ его святая святыхъ и представилъ на поученіе и страхъ современности и потомству—весь ужасъ и отвратительное существо этой «злой ямы», которая называлась тогда «всконнымъ» строенъ русской жизни. Великій юмористъ, онъ не рисовалъ трагедій, совершавшихся тогда на каждомъ шагѣ,—трагедій, такъ хорошо повѣданныхъ намъ впоследствии Щедринымъ и Терпигоревымъ,—и хотя безсознательно, но поступилъ какъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ: онъ осмѣялъ этотъ строй. Трагедія, даже самая ужасная, есть все же борьба, въ ней есть исходъ въ смерти, и зритель такъ или иначе возбуждается, вдохновляется ею и примиряется съ судьбой, ибо смерть—великая примирительница. Гоголь далъ нѣчто болѣе важное — картину пошлости русской жизни, онъ показалъ пораженному читателю то, что лежало въ основѣ окружающей жизни. Немногочисленное тогдашнее общество русской интеллигенціи встрѣтило это гениальное воспроизведеніе пошлости русской дѣйствительности съ восторгомъ откровенія, такъ какъ и самые проникательные наблюдатели не видѣли всей глубины того, что далъ Гоголь. Но самого художника погубилъ его великій даръ, и пошлость жестоко отомстила ему за себя.

Слишкомъ неблагоприятны были условія, при которыхъ Гоголь совершилъ свое дѣло. Представимъ только подавляющую обстановку жизни тридцатыхъ и со-

роковыхъ годовъ, когда ему пришлось жить. Въ литературной средѣ полный разгулъ Булгаринныхъ и Сенковскихъ, Гречей—и Дубельта. Пушкинъ только-что кончилъ трагически мучительную жизнь, и трупъ его втихомолку, какъ нѣкую заразу, препроводили подалеже отъ тѣхъ, кто могъ его оплакать. А въ общественной средѣ — полный разгулъ тѣхъ самыхъ «потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», которыхъ другой гениальный поэтъ только-что пригвоздилъ къ позорному столбу исторіи своимъ стихомъ, «облитымъ горечью и злостью». На кого могъ опереться Гоголь? У кого могъ онъ найти поддержку и дружественное укрѣпленіе въ минуты душевной слабости и колебаній?

Онъ меньше всего былъ натурой героической, которая въ себѣ самой ищетъ стимула для борьбы и въ самомъ одиночествѣ находитъ новый источникъ силы. Гоголь былъ человекъ слабый, приспособляющійся инстинктивно къ обстоятельствамъ и шедшій не противъ теченія, хотя и не за нимъ. Онъ искусно лавировалъ тамъ, гдѣ было можно, а больше всего ему было по душѣ—стоять въ сторонѣ и съ своей скрытой, полуязвительной, полугрустной усмѣшкой созерцать жизнь. Болѣзненный, мнительный, недоувѣрчивый, самолюбивый до чудовищности, онъ сторонился отъ жизни и боялся ея. Ему легче дышалось за границей, гдѣ міръ былъ ему глубоко чуждый, но гдѣ онъ могъ уйти въ свою скорлупу, не вызывая ни удивленія, ни порицанія своей замкнутостью. На родинѣ это было немисливо, здѣсь онъ былъ слишкомъ огромной величиной, чтобы не принимать участія въ окружающей дѣйствительности, а послѣдняя положительно пугала его. На родину, въ рѣдкіе наѣзды, онъ являлся только за поклоненіемъ, безъ котораго жить не могъ. Онъ упивался омиамомъ, которымъ со всѣхъ сторонъ окружали его Аксаковы, Плетневы, Смирновы и др. Въ запахъ этого омиама онъ плохо, лучше сказать, вовсе не разбирался. Въ то время, какъ кругъ Аксаковыхъ славилъ его великое художественное дарованіе и въ увизительномъ для обѣихъ сторонъ преклоненіи ждалъ, требовалъ и молилъ новыхъ проявленій того же дара, — кругъ Смирновыхъ и Плетневыхъ тянулъ его въ противоположную сторону, восхваляя его проповѣдническій даръ, глубину его взглядовъ какъ мыслителя, и возбуждая сказать «великое слово», которое должно довершить дѣло его жизни, вскрывъ таинственную для всѣхъ суть русской жизни. Онъ, Гоголь, нарисовалъ только видимую, поверхностную сторону, тогда какъ только онъ можетъ раскрыть изумленному міру и тайну этой жизни.

И все это Гоголь принималъ какъ должное, безъ критики, безъ вдумчиваго отношенія и къ той, и къ другой сторонѣ. Голова его кружилась и не было около него ни одной души, ни одного человека, равнаго ему по таланту и силѣ слова, который могъ бы внести въ эту атмосферу хвалы здоровую струю отрезвленія. Принимая все за чистую монету, онъ и самъ проникся убѣжденіемъ, что онъ-то и есть провиденціальныи человекъ, который завершитъ зданіе русской жизни и откроетъ человечеству великую правду, и придутъ всѣ, и поклонятся.

Ни для кого, быть можетъ, не была ббльшей потерей смерть Пушкина,

какъ для Гоголя *). Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы уберечь Гоголя отъ головокруженія и своимъ здоровымъ умомъ оздоровить и эту болѣзненную, шаткую, колеблющуюся душу. Какъ бы далеко ни склонялся Пушкинъ вправо, онъ никогда не перешелъ бы того предѣла, за которымъ начинается нравственное разложеніе. Его умъ былъ для этого слишкомъ великъ и чувство—здорово, чтобы не видѣть той бездны, которая скрывалась за крѣпостнымъ режимомъ и за всѣмъ, что зиждилось на немъ. А голосъ Пушкина даже взъ-за могилы былъ единственнымъ, къ которому еще прислушивался Гоголь и которому вѣрилъ безусловно, хотя уже и пускался въ своеобразныя толкованія мыслей Пушкина.

Въ только что вышедшемъ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», изданномъ въ честь Н. И. Стороженки, есть очень интересная статья «Гоголь и Бѣлинскій лѣтомъ 1847 г.», въ которой проф. А. И. Вирпячниковъ даетъ любопытныя черты для характеристики этого упоеннаго своимъ величіемъ настроенія Гоголя. Не прошло еще и десяти лѣтъ съ того момента, какъ появились «Мертвыя души» и «Ревизоръ», два капитальныхъ творенія Гоголя, поставившія его имя въ зенитъ литературнаго міра. Бѣлинскій уже написалъ свои великія статьи, разъяснившія всѣмъ значеніе этихъ произведеній, и Гоголь былъ на высотѣ, до которой послѣ Пушкина не поднимался писатель. Его не только признавали славой и гордостью родной литературы,—его читали, какъ нѣкую сокровищницу, его обожали, предъ нимъ благоговѣли и преклонялись. У Аксаковыхъ предъ нимъ, по свидѣтельству очевидцевъ, чуть не молебны служили. А суетливыя и егозливыя великосвѣтскія дамочки, разныя Смирновы и Вельгорскія, въ письмахъ выпрашивали у него чуть не благословенія и закидывали его просьбами по части совѣтовъ на всякій случай жизни **).

Въ этомъ небываломъ для русскаго писателя положеніи было нѣчто глубоко комическое, и странно, какъ Гоголь съ его юморомъ не замѣчалъ этого. А онъ не только не замѣчалъ, но прямо-таки опыянялъ отъ хваленій и въ упоеніи разразился книгой дерзкой, легкомысленной и патетической, книгой, которая, вромѣ святошъ и ханжей, повергла всю собравшуюся около его имени кляку въ великій конфузъ. Самъ авторъ, возбуждаемый и разгорячаемый

*) «Ты знаешь, — говорилъ Гоголь Ал. Ив. Тургеневу, — какъ я люблю мою мать, но еслибъ я потерялъ даже ее, то такъ не могъ бы быть огорченъ, какъ теперь—Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше». Его же слова: «Пушкинъ!—какой прекрасный сонъ видѣлъ я въ моей жизни». По словамъ Кулиша, перваго біографа Гоголя, «смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя рѣзкую грань... При жизни Пушкина—Гоголь былъ одинъ человѣкъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ».

***) Вотъ что говорить о нихъ С. Т. Аксаковъ: «...Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами большею частью высшаго свѣта. Онъ сейчасъ сдѣлалъ изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю, чавову только Вельгорскую, Соллогубъ и Смирнову». Въ особенностъ, вредна была послѣдняя, въ то время «кающаяся Магдалина», по выраженію Аксакова.

чрезмѣрностью хвалы и поощреній—стать на всероссійскую кафедру и озарить міръ «всею правдой», быть такъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, что даже «заранѣе велѣлъ заготовить бумагу для второго изданія», и писалъ Плетневу, тоже пресмыкавшемуся предъ нимъ, какъ Смирнова и проч., что «это его до сихъ поръ *единственная дѣльная книга*, необходимая въ настоящее время многимъ и многимъ». И первое время тѣ же Плетневы поддерживаютъ его въ этомъ убѣжденіи. «Гоголь на основаніи словъ Плетнева увѣрился, что изданіе распродается въ мѣсяцъ», и торжествовалъ новую побѣду. Быть можетъ, ему уже предвидѣлась вся Россія, устремляющаяся къ нему, какъ къ новому пророку, а поученіемъ и духовной пищей. Скоро однако и Плетневъ палъ духомъ и смиренно увѣдомлялъ «учителя», что «книгопродавцы пріостановились своими требованіями и о второмъ изданіи никто изъ нихъ не заикается».

Этотъ чувствительный для адскаго самолюбія Гоголя ударъ былъ однако ничтоженъ въ сравненіи съ удручающими отзывами именно тѣхъ, кто прежде благоговѣлъ предъ нимъ, какъ предъ «величайшимъ писателемъ времени». По словамъ проф. Бирпичникова, «изъ лицъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и познакомившихся съ «Выбранными мѣстами», болѣе 90 процентовъ оказалось противъ него». Даже великосвѣтскія поклонницы новаго пророка вынуждены сознаться что эффектъ книги совершенно неожиданный. Такъ, гр. С. М. Сологубъ пишетъ: «Критики столь язвительны, разборъ вашихъ писемъ такъ немилосердно строгъ и насмѣшливъ и выведенныя заключенія изъ собственныхъ вашихъ словъ и сужденій такъ странны и преувеличены, что я считаю лишнимъ упоминать о нихъ здѣсь, руководствуясь этимъ правиломъ: плетью обуха не перешибешь». Этимъ «обухомъ» оказалось общее возмущенное чувство стыда и обиды за Гоголя, а въ друзьяхъ и поклонникахъ—и за себя. Вопреки ихъ ожиданіямъ, Гоголь, что называется, «повелъ себя неприлично», «повесъ дичь» и выказалъ себя такимъ «моветономъ», что даже у самыхъ завидныхъ хвалителей его не хватило духу выступить на его защиту. Дѣло было погибшее и настолько погибшее, что только Смирнова да еще небольшой кружокъ обскурантовъ, ханжей и мистиковъ въ духѣ византизма, рѣшился отстаивать его.

Самъ Гоголь вначалѣ еще не даетъ себѣ отчета, что онъ надѣлалъ, и пытается, по обыкновенію, хитрить и выкручиваться. Его книга только попытка узнать мнѣніе другихъ о положеніи Россіи. «Письма эти вызвали бы отвѣты; отвѣты эти дали бы мнѣ свѣдѣнія. Мнѣ нужно много набрать знаній; мнѣ нужно хорошо знать Россію—для работы надъ второю частью «Мертвыхъ душъ». Увѣряетъ, что «почти нарочно» помѣстилъ въ своей книгѣ много такихъ мѣстъ, которыя заносчивость тона способны «задрать за живое и разсердить читателя», такъ какъ «русскаго человѣка до тѣхъ поръ не заставишь говорить, покуда не разсердишь его и не выведешь изъ терпѣнія». Потомъ, какъ набалованный и слабый человѣкъ, «старается всю отвѣтственность въ неудачѣ книжки возложить на своихъ близорукихъ поклонниковъ, которые слишкомъ торопили его и приставали къ нему». Но въ концѣ концовъ

падаетъ духомъ и признается, что «размахнулся въ своей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣетъ духу заглянуть въ нее».

Знаменитое письмо Бѣлинскаго довершило ударъ, нанесенный ему общественнымъ мнѣніемъ. «Душа моя изнемогла,—пишетъ онъ ему въ отвѣтъ.— Могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено поражение еще прежде, нежели я получилъ письмо ваше. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать. Да и что мнѣ отвѣчать! Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды...» Такое признание послѣ всего, что было сказано въ «Выбранныхъ Мѣстахъ», являлось для Гоголя отказомъ отъ учительства и пророческихъ откровеній. Въ другомъ письмѣ (къ Анненкову) онъ, по словамъ проф. Кирпичникова, «какъ-бы взываетъ въ милосердіи самаго благороднаго изъ своихъ противниковъ» (Бѣлинскаго), чувствуя себя глубоко виноватымъ, хотя потомъ въ письмахъ къ другимъ онъ же передаетъ впечатлѣніе отъ письма Бѣлинскаго и свой отвѣтъ на него уже въ совершенно другомъ тонѣ. По этому поводу проф. Кирпичниковъ замѣчаетъ:—«такая тенденціозная передача фактовъ, по моему глубокому убѣжденію, не есть умственное коварство или ложь, но результатъ той склонности и умѣнья *приспособляться* къ людямъ и положеніямъ, которая замѣчается и въ скромномъ Гоголь-юношѣ, и въ прославленномъ авторѣ «Ревизора». Эта приспособляемость тѣсно связана съ живымъ воображеніемъ: обдумывая письмо, онъ представляетъ себѣ того, кому пишетъ, и беретъ тотъ тонъ, какой онъ взялъ-бы въ разговорѣ съ нимъ».

Несомнѣнно, что горячій и убѣдительный тонъ Бѣлинскаго подѣйствовалъ на Гоголя сильно. «Съ тѣхъ поръ Бѣлинскій для него не литературный наѣздникъ, а одинъ изъ неслухихъ людей и пріятелей, не безъ нѣкотораго основанія считающій его книгу *вредной*». Также вредной призналъ ее и Аксаковъ, «и такое удивительное согласіе двухъ представителей враждующихъ лагерей, людей идеальной прямоты и честности и знатоковъ искусства, не могло не оказать сильнаго и благотворнаго вліянія на самоувѣреннаго, упорнаго, но гениально-умнаго малоросса», заключаетъ авторъ.

Въ великой печали всѣхъ истинныхъ цѣнителей таланта Гоголя, побѣда осталась не за Бѣлинскимъ и Аксаковымъ. Повернуть снова на путь творчества, отказаться отъ роли учителя и открыто признать свою ошибку Гоголь уже не могъ. Самолюбивый до болѣзненности и захваленный не въ мѣру, онъ не могъ примириться съ неудачей «Выбранныхъ мѣстъ» и все больше погружался въ ханжество и мистику, куда его усердно тянули Смирнова, Толстой, Стурдза при помощи пресловутаго ржевскаго проповѣдника о. Матвѣя Константиновскаго. Въ мучительной борьбѣ, которая несомнѣнно свела его преждевременно въ могилу, Гоголь не имѣлъ возлѣ себя никого, кто поддержалъ-бы его въ свѣтлые промежутки, чей авторитетъ былъ-бы достаточно силенъ, чтобы противостать комплоту ханжей, тѣсно окружавшихъ несчастнаго писателя и уже взиравшихъ на него, какъ на славнѣйшую жертву, какую они могли-бы принести своему византийскому Богу. Мракъ, нависшій надъ русской жизнью съ

конца сороковыхъ годовъ, гробовое молчаніе, воцарившееся въ литературѣ подъ гнетомъ знаменитаго Бутурлина, въ значительной степени усилили меланхолическое настроеніе, свойственное Гоголю вообще, и помогли развиться тому отчаянію, которое и привело къ катастрофѣ, такъ преждевременно лишившей Россію одного изъ лучшихъ ея сыновъ.

Такимъ образомъ Гоголь палъ жертвой не столько своей слабости, сколько жестокихъ условий, при которыхъ ему довелось жить и дѣйствовать. Онъ не былъ душевно-больнымъ, когда печаталъ свою «переписку», но глубокое разочарованіе, послѣдовавшее затѣмъ, упадокъ творческой способности и сознаніе ошибки, имъ совершенной—надломили его силы. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ онъ уже не былъ прежнимъ Гоголемъ, творцомъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». Все послѣдующее время было въ сущности сплошной мучительной агоніей, бузуспѣшными порывами къ творческой работѣ, которая не давалась, а вслѣдъ затѣмъ наступалъ такой упадокъ духа, когда несчастный писатель хватался за все, лишь бы найти успокоеніе для своей пошатнувшейся гордости, какъ писателя. Въ это-то время имъ и овладѣлъ о. Матвѣй и его присные. Имъ досталась одна тѣнь прежняго величія, надъ которой они и могли торжествовать легкую побѣду. Но что Гоголь и въ эти минуты роковой слабости пытался все-таки бороться съ ними, показываютъ обстоятельства его смерти. Онъ не примирился и ушелъ скорѣе подавленный, разбитый, уничтоженный, но не примиренный. Иначе, откуда эти муки послѣднихъ минутъ, этотъ странный конецъ, тамъ положій на сознательное самоубійство? Онъ отдалъ имъ свое творчество, уничтожилъ вторую часть «Мертвыхъ душъ», уничтожилъ и многое другое, что было у него въ рукописяхъ, но одного не могъ отдать — свободы духа, которую требовали у него ослѣпленные враги ея, и унесъ ее съ собой, какъ горькую жалобу къ Тому, Бюго онъ, конечно, понималъ лучше, чѣмъ окружавшіе его фанатики.

Побѣда ихъ была, слѣдовательно, далеко не полной и превратилась скорѣе въ поразеніе, такъ какъ жертва, въ концѣ концовъ, ускользнула, а то, что осталось отъ нея въ наслѣдіе потомству, принесло пышный плодъ, заставившій всецѣло забыть всѣ ошибки писателя, на которыхъ имъ хотѣлось бы обосновать славу его. Такъ жизнь торжествовала побѣду надъ смертью, и нынѣ въ пятидесятилѣтнюю годовщину печальной кончины великаго писателя мы можемъ вдвойнѣ чествовать его: и какъ творца русской литературы, давшаго ей то направленіе, отъ котораго она никогда потомъ не уклонялась, и какъ человѣка, мучительно алкавшаго правды и своею смертью запечатлѣвшаго вѣковѣчную истину, что жизнь только въ свободѣ духа, а не въ отреченіи отъ нея. Онъ далъ намъ великій урокъ. Не будемъ же забывать его, в если иногда кажется, что беретъ верхъ иное начало, то это лишь иллюзія, самообманъ, временное затмевіе, «туманъ предъ зарею», какъ было и въ тѣ дни, когда Гоголь въ мукахъ сомнѣнія кончалъ свою жизнь. А заря возрожденія была уже такъ близко, міръ крѣпостничества, такъ имъ осмѣянный, доживалъ послѣднія минуты, и подъ неподвижной, мертвой поверхностью уже кипѣла новая жизнь.

Сложными и трудными путями идетъ жизнь, и нужно вдумчивое наблюдение, чтобы даже и въ разложеніи увидѣть ростки будущаго. Не всѣмъ это дано, какъ, напр., доказываетъ своими очерками г. Маликовъ. Въ первомъ изъ нихъ — «На задворкахъ фабрики» онъ далъ такую жуткую картину разложенія человѣка на фабрикѣ, что вчужѣ становится страшно.

Очерки его очень интересны. Авторъ былъ приглашенъ устроить ферму, гдѣ можно было бы использовать отбросы фабрики, заражавшіе воздухъ. Ферма была устроена тутъ же подъ бокомъ огромной фабрики, гдѣ работало до четырехъ тысячъ человѣкъ, набравшихся изъ ближайшихъ деревень.

Благодаря такому сосѣдству, авторъ могъ наблюдать и сравнивать нравы и обычаи двухъ міровъ—фабричнаго и у себя, на фермѣ, деревенскаго. Оба міра, въ сущности мало рознились, такъ какъ оба были одного корня, деревенскаго, давшаго обильные ростки, въ видѣ обезземеливагося и отбившагося отъ земли люда, главная масса котораго устремлялась въ фабричные корпуса, гдѣ заработки были больше. И только незначительное меньшинство, по разнымъ причинамъ не устроившееся на фабрикѣ, шло искать пріюта на фермѣ. «Весь этотъ людъ когда-то, конечно, тоже принадлежалъ къ дѣйствительному крестьянству, когда-то и онъ имѣлъ кусокъ земли и уголь въ собственной избѣ, но теперь все это провалилось въ какую-то пропасть. Давнымъ-давно уже мнимое крестьянство оторвалось отъ своей бесплодной родимой глины и давнымъ-давно даже забыло и дорогу туда».

Авторъ не обозначаетъ точнѣе, о какой мѣстности нашего обширнаго отечества идетъ рѣчь, но изъ приведенной характеристики можно заключить, что рѣчь идетъ о какой-нибудь центральной губерніи. Далѣе это становится еще яснѣе, когда авторъ рисуетъ свою фабрику, какъ очень старую, имѣющую традиціи, и цѣлое поколѣніе, выросшее и воспитавшееся на фабрикѣ.

Не веселое впечатлѣніе производитъ на автора эта фабричная молодежь, не знавшая иной жизни, кромѣ фабричной казармы со всѣми ея специфическими сторонами. И то, что повѣствуетъ авторъ объ этихъ впечатлѣніяхъ, дышетъ правдой, рисующей неприглядныя стороны фабричнаго быта со всѣми его прелестями.

«—Охъ, эта фабрика, фабрика! Много она изъ меня крови выпила,—рассказывалъ мнѣ одинъ фабричный юноша, съ которымъ довелось мнѣ какъ-то познакомиться поближе. И я смотрѣлъ на этого, дѣйствительно безъ кровинки въ лицѣ юношу, смотрѣлъ, какъ онъ при своемъ разказѣ медленно, какъ-то по-старчески, качалъ бѣлокурой головой; какъ было при этомъ серьезно его исхудалое, поблекшее и все въ веснушкахъ лицо, и мнѣ дѣлалось какъ-то пеловко, не по-себѣ: точно я находился при постели трудно-больного, гдѣ чувствуешь, что нельзя вести себя, какъ привыкъ, а мягко и осторожно, чтобы невзначай не причинить лишней боли такому человѣку.

«—Я на фабрикѣ съ 10 лѣтъ,—продолжалъ онъ.—Отецъ отдалъ меня туда изъ деревни, потому что братъ мой женатый жилъ здѣсь въ ткачахъ, земля у насъ плохая, такъ что и одни старики то еле прокормятся; ну, онъ и хотѣлъ пустить меня по той же части. Опредѣлили меня сначала въ размотчики, года

4 я тамъ находился и въ школу въ то время ходилъ. Спасибо учительницѣ. Да... хорошо она учила... И полюбилась мнѣ очень эта наука. Кончилъ я въ школѣ первымъ. Послѣ сдѣлали меня прядильщикомъ, и сталъ я зарабатывать по 7 руб. въ мѣсяцъ. До той поры все съ братомъ жилъ, да ужъ больно тяжело съ нимъ было: пилъ онъ шибко и дрался чѣмъ ни попада; бывало, то жону бьетъ, то меня таскаетъ, и все, все въ кабакъ, да въ кабакъ... Ушелъ я отъ него тогда въ общую... И самъ я тогда тоже много этой водки принималъ, шибко пилъ. Ну, вотъ какъ я ушелъ отъ брата, мнѣ и захотѣлось выбиться какъ-нибудь изъ этой проклятой жизни, захотѣлось учиться, потому учительница общала хлопотать за меня у хозяина, чтобы помѣстить въ какое-нибудь училище техническое; сталъ я тогда часто къ учительницѣ ходить за книгами. Хорошая она такая: все, бывало, направляла меня, книжки тоже давала читать. Очень ужъ понравилась мнѣ тогда исторія, да вотъ еще математика. Въ праздники или какъ со смѣны придешь, все больше читаешь или задачи дѣлаешь. Только ужъ очень трудно, неспособно учиться то въ нашей казармѣ. Не повѣрите, придешь иногда со смѣны, ляжешь на нары, книжку возьмешь въ руки, а самъ ничего не понимаешь. Въ ушахъ шумъ да гулъ идетъ—это отъ машинъ да отъ станковъ, голова болитъ, першитъ отъ пыли бумажной, а грудь такъ и ноетъ; такая тоска нападетъ,—дернуть развѣ въ кабакъ. А то и подъ машину что ли? Одинъ конецъ по крайности...»

Что и говорить,—правъ авторъ, жестоко бичуя фабрику, гдѣ выматываются до такой степени люди. Но странное дѣло, и у него выходитъ все же отрадное заключеніе: этотъ испытанный работникъ является въ его изображеніи настолько вполне человѣкомъ, что читателя нисколько не удивляетъ конецъ, когда изъ рассказчика вырабатывается дѣльный техникъ, поступающій на ту же фабрику. Правда, не всѣ такъ благополучно кончаютъ, и тотъ же юноша такъ характеризуетъ своихъ сотоварищей: «Вы не повѣрите, если вамъ скажу, какой у насъ на фабрикѣ народъ есть отчаянный. Вотъ тутъ у насъ партія одна подобралась изъ молодыхъ парней... Страшный народъ! Особенно одинъ изъ нихъ... Идетъ, пригнѣрно, онъ по улицѣ и не пьяный... Встрѣтится кто-нибудь съ нимъ въ недобрый часъ... Расшибетъ, такъ, совсѣмъ ни за что: хочешь, говорить, я рожу ему сворочу... Это первому встрѣчному, не разбирая, кто бы онъ ни былъ: ему все равно... А ужъ изругаетъ, что ни на есть хуже. Мы знаемъ, ужъ онъ подберется кой къ кому!.. Такому человѣку ужъ и не говори ничего: иди скорѣе мимо, потому страшный онъ!.. Здоровенный, зубами заскрипитъ, ровно звѣрь!.. «Я знаю,—зарычить бывало, что Владимірки не миную, такъ мнѣ все равно, когда ни начинать». А вѣдь какой товарищъ хорошій: умереть, не выдастъ! Только ужъ, значить, злоба то больно кипитъ въ немъ, съ нею, видно, и пьетъ шибко».

Такіе типы, конечно, не изъ симпатичныхъ, но когда мы переходимъ на ферму, тутъ, при всѣмъ желаніи автора зарекомендовать своихъ «феллаховъ» возможно лучше,—они все же только и остаются «феллахами», какъ ихъ окрестилъ одинъ изъ фабричныхъ служащихъ. Преобладающей чертой своихъ феллаховъ авторъ, помимо воли, изображаетъ тупость, а взаимныя, «душевные»,

отношенія, напр., между супругами рисуется въ такой, весьма намъ знакомой картинкѣ «деревенскаго уклада». Были у него на фермѣ мужъ и жена, оба горьчайшіе пьяницы, причемъ жена, Арина, любила не только выпить, но еще и «поколородить», чего не любилъ ея Николай, мужикъ угрюмый и пившій мрачно-сосредоточенно. «Арина, вся блѣдная, какъ мертвецъ, дико взвизгивала какія-то неистовыя пѣсни, приплясывала, прихлопывала въ ладоши и кружилась и колобродила до невозможности. Въ такія-то минуты вдругъ откуда-нибудь изъ-за угла поднималась мрачная фигура пьянаго дяди Николая. Молча онъ хватывалъ подругу своей жизни за косу и мгновенно повергалъ на полъ. Это начиналось ученіе. Никто тогда не смѣлъ противодѣйствовать Николаю, ибо силищи онъ былъ неимовѣрной и однажды, при попыткѣ отвлечь его отъ ученія, такъ крикнулъ: «не мѣшайся, убью!» — что вся публика постаралась тотчасъ же убраться изъ избы. А дядя Николай все также молча связывалъ свою бабу, медленно бралъ возжи и начиналъ жестоко, съ какимъ-то хладнокровіемъ тупой страсти, беззвучно передвигая посинѣлыми губами, учить ее. Дикіе крики неслись тогда изъ избы: «ой, убилъ, ой, смерть моя!..», а рабочіе и ребятишки серьезно и молчаливо прислушивались со двора къ этому вою и свисту возжей, и на вопросъ, въ чемъ дѣло, серьезно и тихо говорили: «дядя Николай тетку Арину учить». Словомъ, феллахи вполне оправдывали свою нелицезную кличку, данную имъ фабрикой. Не въ обиду будь сказано автору, но и намъ эта кличка кажется очень мѣткой, и если бы пришлось выбирать между «звѣремъ», котораго описываетъ его пріятель, и дядей Николаемъ, строгимъ учителемъ, мы бы затруднились сказать, кто изъ нихъ хуже.

Несмотря на всѣ отрицательныя стороны, фабрика вносила и нѣчто новое въ окружающее населеніе, то, что можно бы назвать солидарностью интересовъ. Авторъ называетъ это «словомъ рубля», который объединялъ всѣхъ вокругъ себя. Сказалась эта солидарность въ трудную минуту, когда «рубль пошатнулся» и дѣла фабрики пріостановились. Фабричное населеніе, въ концѣ концовъ, сумѣло отстаять свои интересы и заставило выплатить себѣ слѣдующее, хотя и продѣлало все это дико и грубо, но вполне сознательно и планомерно. А ферма съ ея феллахами, потерпѣвшая крушеніе при общемъ паденіи дѣла, просто и тихо умерла, исчезнувъ безслѣдно и безрезультатно.

И вообще пора бы бросить эти ни къ чему не ведущія противопоставленія фабрики и деревни. Первая явилась у насъ давно, въ силу необходимости, а не по людской злобѣ, чтобы насолить деревнѣ. И если послѣдняя распаталась и «претъ» на ту же фабрику, то не отъ соблазна «легкимъ» заработкомъ на фабрикѣ, гдѣ въ мѣсяць можно заработать столько, сколько въ деревнѣ за все лѣто. Подкладка этого явленія такая простая и ясная, и самъ г. Маликовъ ее превосходно опредѣлялъ, указавъ на безземелье и бесплодность «родимой глины». Этимъ вопросъ рѣшенъ если не навсегда, то надолго, и всѣ лирическія изліянія по этому поводу просто комичны. Кажется, будто какіе-то злодѣи, невѣдомо откуда явившіеся, понастроили эти адскія фабрики и сманиваютъ туда ошалѣвшихъ отъ нужды добродѣтельныхъ землепашцевъ. И странное дѣло! Не услытъ такой владезь добродѣтели побывать на фабрикѣ, какъ моментально претво-

рется въ «злодѣя», пьяницу, развратника и пр. Противники фабрики сами не замѣчаютъ, какъ они конфузятъ своего добродѣтельнаго феллаха, который такъ радикально и быстро мѣняется. Возникаетъ невольный вопросъ, стоитъ ли жалѣть такую добродѣтель, которая такъ слаба и не выдерживаетъ при первомъ же искушеніи. Смѣемъ заподозрить, что и у себя въ деревнѣ эта феллахская добродѣтель болѣе или менѣе съ изыаномъ и проявляетъ свои качества при первой же возможности.

За доказательствами намъ не приходится далеко ходить, такъ какъ авторъ въ слѣдующемъ очеркѣ «Край безъ будущаго» даетъ достаточно для этого матеріала. Онъ описываетъ степную поволжскую область, гдѣ еще фабрики нѣтъ и деревенскій міръ во всей своей красѣ. Останавливается онъ прежде всего на хохлахъ и нѣмцахъ-колонистахъ, и тѣ, и другіе поражаютъ его своей почти дикостью, некультурностью, отсутствіемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя мы склонны приписывать этимъ національностямъ. Хохлы утратили всякое воспоминаніе о своей прекрасной Украинѣ, а нѣмцы потеряли все, что нѣкогда принесли изъ родины. «Полтораста лѣтъ и болѣе живутъ всѣ эти люди вмѣстѣ въ самой глубинѣ Россіи и за такое долгое время не нажили сообщна никакого нравственнаго добра, никакой симпатіи; нѣтъ у нихъ общаго идеала, кромѣ одного: купить, продать, нажить. Нѣтъ у нихъ ни общаго родного языка, а съ нимъ ни общей думы, ни любви и никакого великаго и дорогаго для всѣхъ имени человѣческаго; словомъ, нѣтъ никакой общей духовной культуры, а между тѣмъ, свое истинно хорошее и культурное они потеряли. Что теперь для здѣшняго нѣмца великія общечеловѣческія имена людей его прежней родины, что значать эти имена на почвѣ какого-нибудь Новоузенскаго уѣзда?.. Что значать теперь и для здѣшняго хохла славныя и поэтическія преданія и пѣсни его прекрасной Украины? Все сгибло, все озвѣрилось и окиргизилось».

Конечно, виною является опять-таки злодѣйскій рубль, который всѣмъ здѣсь управляетъ, хотя уже не на фабрикѣ, коихъ здѣсь и въ поминѣ нѣтъ, а въ видѣ «зерна», являющагося объектомъ купли-продажи. Огромныя степныя пространства создали здѣсь своего рода фабрику хлѣба, преимущественно пшеницы, а желѣзныя дороги и все усиливающійся экспортъ за границу создали настоящую хлѣбную лихорадку, въ родѣ «золотой», развивающейся въ мѣстахъ новыхъ открытій золота. «Эта лихорадка заставляетъ безпрестанно многихъ малосостоятельныхъ лицъ бросаться на аренду казенныхъ, городскихъ и частныхъ участковъ и, какъ при очень дешевомъ хлѣбѣ, такъ и при сильномъ неурожаѣ, быстро пролетать въ трубу или при удачѣ наживаться... Вообще въ здѣшнихъ мѣстахъ явленія этого быстрого прогоранія или такой же важны очень часты и никого не удивляютъ. Возможность очень легкаго благопріобрѣтенія около крестьянскаго добра, барыши, перекупка, закладываніе хлѣба въ банкъ и вообще полученіе разныхъ ссудъ подъ хлѣбъ, съ тѣмъ, чтобы занять деньги и опять бросить ихъ въ ту же спекуляцію, все это такъ возбуждаетъ аппетиты, такъ поднимаетъ пульсъ этой наживной горячки, что зачастую побуждаетъ людей, даже совсѣмъ незнакомыхъ съ торговымъ дѣломъ или хозяйствомъ,

кидаться или на аренду участковъ, или въ хлѣбную торговлю, и также лихорадочно скоро прогорать, какъ и наживаться».

Ну, а какъ же чувствуетъ себя при этомъ добродѣтельный самарскій феллахъ, проше говоря богобоязненный, добродѣтельный мужичокъ-общинникъ? Увы! И здѣсь его «исконная» добродѣтель «пошатилась» и осталось развѣ одно—сознаніе своего безсилія да неумѣніе приобщиться къ общему «золотому» дну.

«Одинъ только настоящій пахарь-мужикъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этой заразы,—говоритъ авторъ, которому нельзя отказать въ искренности и откровенности,—т.-е. я хочу сказать, не играетъ въ ней никакой активной роли, а всегда лишь роль жертвы и при томъ лишь единственно потому, что этому мѣшаетъ его вѣчная скудость. Внутренно онъ всею душой радъ былъ бы устремиться, конечно, на подобный путь, и умъ его постоянно настроенъ тоже въ этомъ направленіи, но для него ужъ нѣтъ живого объекта для этихъ вожделѣній, нѣтъ, такъ сказать, еще другого подь-мужика, который былъ-бы предоставленъ въ его исключительное пользованіе; для него существуетъ только крестьянскій надѣлъ да черные заработки, на которые не оказывается охотниковъ изъ людей болѣе широкаго размаха, а на этихъ крыльяхъ не взмахнешь ни въ высь, ни въ ширь».

И выходитъ, что ничѣмъ не отличается мужичокъ-пахарь отъ прочихъ его окружающихъ смертныхъ, кромѣ скудости, которая, понятно не можетъ ему внушить ничего, кромѣ мечтаній о «бѣлой Арапіи» и «теплыхъ водахъ», гдѣ живутъ мужики все крѣпкіе и гдѣ отъ хлѣба не «продыхнешь». Любопытнѣе всего, что, по утверженію автора, какъ только мужикъ выбѣтается «въ люди», въ немъ съ поразительной быстротой происходитъ перемѣна. Понагрѣвъ руки около зерна, «живутъ эти зерновщики, какъ ихъ называютъ, хорошо: двухъэтажные дома съ садиками, крашеные полы, мягкая мебель и зеркала—все это въ порядкѣ, все блеститъ чистотою и дышетъ изобиліемъ. Всѣ они, развѣ за рѣдкими исключеніями, весьма склонны къ своеобразному свободомыслию и вообще либерализму, любятъ читать газеты и интересуются политикой; словомъ, носятъ въ себѣ вѣрные зачатки буржуазнаго духа, облеченнаго пока еще въ костюмъ російскаго самодурства и въ долгополые сюртуки съ сапогами бутылкой, хотя и въ этомъ отношеніи произошли уже значительныя измѣненія въ пользу европеизма. Эти солидные люди, какъ истинная заря російскаго будущаго, суть первые пионеры и руководители крестьянской жизни...»

Таковы пока плоды крестьянской жизни теперь, и нельзя сказать, чтобы они были очень симпатичны. Но въ этомъ же «Краѣ безъ будущаго» авторъ отмѣчаетъ и другое явленіе, тоже чреватое будущимъ, въ противность заголовку очерковъ г. Маликова. Это развитіе сектантства, смѣшаннаго изъ всякихъ толковъ и сектъ. Молокане, баптисты, хлысты, раскольники, штундисты—все имѣютъ здѣсь своихъ представителей, довольно мирно уживающихся на широкомъ степномъ просторѣ.

«Самарская губернія переполнена всевозможными сектами и разновѣрами, которыхъ, по свѣдѣніямъ полиціи, въ 1895 г. считалось тамъ 102.837 человекъ, въ дѣйствительности же ихъ, конечно, гораздо больше, такъ какъ многіе

изъ совратившихся, въ виду отвѣтственности, не обнаруживаютъ свою принадлежность къ той или другой сектѣ. Всѣхъ же иновѣрцевъ, считая въ томъ числѣ и раскольниковъ, числилось по этимъ же источникамъ 632.007 чело-вѣкъ, т.-е. свыше 23% всего населенія губ. Уже одно это отношеніе должно наводить на мысль, что, въ силу лишь безпрестаннаго столкновения между собою людей съ столь разнообразными воззрѣніями, религиозное возбужденіе у нихъ должно быть сильно приподнято.

Во время посѣщенія авторомъ этихъ мѣстъ населеніе было сильно возбуждено «выемкой» дѣтей у сектантовъ, и всюду шли объ этомъ оживленные толки и разговоры. Первый повѣдалъ объ этомъ автору одинъ изъ его знакомыхъ помѣщиковъ, Шелеховъ, нѣкогда радикалъ, потомъ осѣвшій на землѣ, которую любилъ и умѣлъ извлекать изъ нея пользу.

Въ сосѣдней деревнѣ Антоновкѣ живетъ довольно много молоканъ, о которыхъ Сергѣй Петровичъ рассказалъ мнѣ исторію, нынѣ уже знакомую изъ газетъ, но тогда еще мало кому извѣстную, о томъ, какъ въ нѣсколькихъ семействахъ отобрали было дѣтей.

Говорятъ, по разнымъ монастырямъ развезены, такъ сами родители рассказывали—пояснилъ Шелеховъ... Тяжелое впечатлѣніе произвела эта исторія на весь здѣшній народъ!.. Да и что за мѣра?—продолжалъ онъ... Развѣ такой жестокостью возможно внести Христовъ миръ въ души преслѣдуемыхъ и преслѣдующихъ?

«— Что же, удалось ли родителямъ розыскать своихъ дѣтей?—спросилъ я.

«— Мать нашла свою дѣвочку въ одномъ монастырѣ, но свиданія не дали. Рассказываютъ, дѣвочка-то увидѣла свою мать случайно, въ дверь, да такъ съ крикомъ и бросилась на шею къ ней, такъ и замерла. Ну ихъ сейчасъ же развели. «Уходи, говорятъ, съ Богомъ, а то и намъ изъ-за тебя бѣда будетъ». Одинъ изъ отцовъ, бывшій солдатъ, въ Петербургѣ кинулся къ большимъ людямъ, гдѣ онъ въ полку прежде служилъ. Тамъ не вѣрять. «Ты что-нибудь врешь и путаешь», возражаютъ ему. «Не можетъ этого быть, чтобы малыхъ дѣтей отнимали у родителей». Вотъ тебѣ и не можетъ быть,—заключилъ онъ».

Вскорѣ, какъ извѣстно, мѣра эта была отмѣнена свыше, по взбударажила она всѣхъ въ край. Шелеховъ указалъ автору на печальныя послѣдствія, въ видѣ общаго озлобленія, какое вызвалъ фактъ отнятія дѣтей.

«— Такъ ты, значитъ, думаешь,—спрашиваетъ авторъ,—что въ дѣлѣ вѣры должна быть полная свобода?

«— А какъ же иначе?—удивленно взглянулъ онъ на меня.—Развѣ вѣчно живого Бога, источника истинной свободы, сыщешь вѣ въ своей свободной совѣсти? Ты пойми, пойми это,—опять горячо заговорилъ Сергѣй Петровичъ.—Вѣдь и самъ Богъ никого не насилуетъ спасеніемъ, а люди берутся за это? Свободой, наконецъ, только обличается злое и узнается доброе. Помнишь пласелы и пше-ницу. Нѣтъ!.. Въ источнику свободы челоуѣку надо идти свободно и искренно. И, конечно, тѣ простые и лишенные духовнаго хлѣба люди, которые сами искренно и свободно ищутъ въ своей совѣсти живого Бога, безъ сомнѣнія, уже

болѣе жизненны, чѣмъ тѣ, которые слять мертвымъ сномъ подѣ покрываломъ знамени истины.

«— Ты сейчасъ замѣтилъ мнѣ,— скромно продолжалъ Шелеховъ,— что-то о порядкѣ, объ укладѣ. Да развѣ всякій такой укладъ не требуетъ для своего существованія живой и нравственно-религіозной основы, словомъ того, что, помимо страха и сыска, должно свободно связывать людей. И если это вѣрно, такъ не творите себѣ кумира изъ этого уклада. Христіанство есть жизнь и жизнь непрерывная, вѣчная. Бодрствуйте, говоритъ Учитель. Такъ чего же бояться тогда человѣку, носителю такой жизни?.. Какой сектантъ можетъ нарушить эту жизнь? Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, мой другъ,— заговорилъ онъ какъ-то особенно мягко.— За такую жизнь бояться нечего, да и никто не боится. А бояться за то, что само по себѣ не вѣчно, и бояться тѣ люди, которые не совершенны въ любви Спасителя. Вѣрные послѣдователи не боялись ни мукъ, ни креста, а іудеи, представители мертвого порядка, вотъ тѣ боялись и потому кричали: «распни!» И какъ часто мы видимъ, что люди смѣшиваютъ этотъ человѣческій укладъ съ укладомъ вѣчнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего лучше для лѣниваго раба, увѣровавшаго, что онъ въ истинѣ, кричать и требовать, особенно еще когда ему тепло на свѣтѣ, самыхъ строгихъ мѣръ къ охраненію этого уклада до полиціи включительно. Загналъ всѣхъ подѣ одну крышу, а затѣмъ и спи спокойно! Но только наврядъ ли такими мѣрами удовлетворится народная совѣсть... Неужели для борьбы со зломъ, а тѣмъ болѣе заблужденіемъ да еще добросовѣстнымъ, необходимо бороться злыми, насильственными мѣрами? Допустимъ на минуту, что всѣ требованія и приемы нынѣшняго уклада перенесены въ давно прошедшія времена, когда только что загоралась заря вѣчной жизни человѣчества... Что же, всѣ великіе и святые люди пошли бы тогда бить и колотъ?..»

«— Духъ времени,— замѣчаетъ Шелеховъ по поводу такихъ новыхъ приемовъ борьбы.— И что всего поразительнѣе, такъ это то, что никто изъ общества, даже никто изъ исполнителей этихъ мѣръ ни крошечки вѣдъ не вѣрять въ дѣйствительность и полезность ихъ: всѣ пожимаютъ плечами или прямо относятся отрицательно, и все-таки дѣлаютъ! Удивительно мертвое время... Ну я понимаю, въ вѣкѣ пламенной борьбы, когда горѣлъ этотъ все сокрушающій непримиримый огонь вѣры... А то теперь-то? Захотѣли во время всеобщаго равнодушія такими мѣрами раздувать потухшій пламень?»

«— Ну, что же,— вставилъ я вскользь,— ты можешь, значить, только радоваться этому съ своей точки зрѣнія: скорѣе къ концу.

«— Я?! удивился онъ, пожимая плечами.— Съ какой стати? Чему же тутъ радоваться, когда растетъ одичаніе, злоба и фанатизмъ; развѣ эти опасныя страсти хорошее поле для дѣла жизни?»

И по всей мѣстности авторъ слышитъ такіе разговоры и толки. Оживленіе, видимо, было огромное, и до сихъ поръ мирный и тихій край сектантства загудѣлъ, какъ улей. Результаты несомнѣнно получились обратные тому, что ожидалось, и, какъ извѣстно, мѣра эта—отнимать дѣтей у упорствующихъ— была отиѣнена.

Таковы интересныя наблюденія автора въ «Краѣ безъ будущаго», хотя мы не понимаемъ, почему г. Маликовъ отрицаетъ за нимъ возможность развитія? Онъ приводитъ хозяйство того же Шелехова, дающее изрядный доходъ при дѣльномъ и умномъ управленіи и усиленной работѣ самого хозяина. А живая работа совѣсти, никогда здѣсь не прерывающаяся, даетъ особый подъемъ духа всему населенію, которое гораздо и зажиточнѣе, и предпримчивѣе, чѣмъ въ центрѣ Россіи.

Не прошло и года, какъ русское общество и наука понесло невознаградимую потерю въ лицѣ Манасеина. Теперь опять новая такая же потеря, еще болѣе жестокая и неожиданная, въ лицѣ такъ внезапно и безвременно скончавшагося Ивана Васильевича Мушкетова, котораго мы всѣ привыкли видѣть такимъ мощнымъ, свѣжимъ, энергичнымъ, всегда готовымъ откликнуться на всякое живое общественное дѣло. Кто изъ нѣсколькихъ тысячъ ученыхъ, естествоиспытателей и врачей на послѣднемъ всероссійскомъ съѣздѣ не помнитъ свѣтлую, бодрую, все и всѣхъ оживляющую фигуру Ивана Васильевича, одного изъ главныхъ устроителей и руководителей послѣдняго съѣзда? Кто могъ подумать, что мы видимъ его въ послѣдній разъ? Глядя на его радужное и такое пріятное лицо, полное жизни, ума и веселости, никому и въ мысль не могло придти, что предъ нами человѣкъ обреченный, на котораго судьба уже наложила свои «необорныя руки». Хочется всѣми силами души протестовать противъ этой жестокой несправедливости, лишившей насъ этого неоцѣнимаго человѣка и дѣятеля именно въ ту минуту, когда онъ былъ бы всего нужнѣе, всего незамѣнимѣе.

Мы, писатели, ближе узнали его въ бывшемъ союзѣ взаимопомощи, гдѣ Мушкетовъ игралъ, какъ и вездѣ, одну изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ ролей. На общихъ собраніяхъ онъ былъ всегда предсѣдателемъ, а въ судѣ чести—безсмѣннымъ судьей. Довѣріе, которое питала къ нему писательская братія, было неограниченно, а его выдающійся острый умъ, природное добродушіе и затаенный, чисто русскій юморъ—вносили ту примирительную ноту, которая такъ необходима во всѣхъ дѣлахъ чести. Не смотря на гибель дѣлъ, лежавшихъ на его плечахъ, Мушкетовъ никогда не отказывался принимать участіе ни въ одномъ дѣлѣ, быстро, умѣло, ловко разбираясь въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ. Онъ также рѣшительно велъ и тѣ засѣданія, гдѣ предсѣдательствовалъ, съ обычнымъ своимъ безпристрастіемъ направляя пренія и удивительно ясно резюмируя ихъ результаты и постановляя вопросы на баллотировку. На душѣ веселѣе становилось, когда на предсѣдательскомъ мѣстѣ видѣлась эта могучая, жизнерадостная фигура, съ провицательными, умными, зоркими глазами, красивыми, энергичными движеніями и едва замѣтной доброй усмѣшкой, когда ему приходилось утишать расхоловшіяся страсти.

Въ чемъ же коренилось то довѣріе и искреннія симпатіи и уваженіе, которыя внушала всѣмъ Мушкетовъ помимо своей воли, ни мало объ этомъ не заботясь и нисколько не добываясь популярности? Прежде всего и главнымъ образомъ—въ его добротѣ, искренности и твердомъ характерѣ. Всякій чувствовалъ, что

на этого человѣка можно положиться, что ни въ какомъ положеніи онъ не замѣнитъ и не отдастъ своего «первородства» ни за какую «чечевичную похлебку». И въ тревожныя минуты общественной смуты взоры всѣхъ невольно направлялись въ его сторону съ ожиданіемъ и надеждой, что скажетъ Мушкетовъ, зная, что сказанное имъ—будетъ сдѣлано. Былъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго онъ не шелъ, но всякій былъ увѣренъ, что до этого предѣла онъ имѣетъ въ Мушкетовѣ надежнѣйшаго союзника и товарища. Среди массы «праздноболтающихъ», колеблемыхъ, какъ тростникъ, Мушкетовъ былъ твердымъ дубомъ, подъ сѣнью котораго укрывались въ дни непогоды робкіе и обездоленные,—и не было для нихъ болѣе надежной опоры. Самая смерть его въ значительной степени объясняется тѣми тягостными мытарствами, нравственными терзаніями и физическими трудами, которыя приходилось выносить ему, отстаивая и защищая довѣрившихся ему. Сердце его истерзалось и не выдержало, сердце этого на рѣдкость мощнаго организма, въ пятьдесятъ лѣтъ производившаго впечатлѣніе человѣка въ расцвѣтъ силъ. Удивительно трогательны были послѣднія минуты его, когда уже въ бреду онъ продолжалъ тревожиться и заботиться о разныхъ «малыхъ сихъ», за которыхъ никогда не уставалъ хлопотать при жизни.

Съ твердостью убѣжденій соединялась въ Мушкетовѣ рѣдкая въ наши дни ясность взглядовъ и глубокое пониманіе интересовъ текущей жизни. Это былъ,—мы не можемъ подыскать лучшей для него характеристики,—«практическій идеалистъ». Фраза его не увлекала никогда, и на первомъ мѣстѣ для него было—дѣло, возможность хоть на одну пядь подвинуться къ тому, что горитъ вдали яркой звѣздой идеала. Идеализмъ стремленій не допускалъ его до низменности компромиссовъ, до сдѣлокъ съ нечистыми злобами дня, а чисто-русская практическая сметка помогала найти вѣрный путь, ближе всего ведущій къ цѣли. Вотъ почему его участіе въ каждомъ общественномъ дѣлѣ было такъ цѣнно и незамѣнимо, какъ истиннаго «мужа совѣта и дѣла». И еще была у него замѣчательная черта, какъ общественнаго дѣятеля,—онъ никогда не терялся и въ самомъ трудномъ положеніи умѣлъ найти наилучшій выходъ, какъ Одиссей многоопытный. Помогала ему жизнерадостная натура, бессознательный оптимизмъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на жизнь и людей. «Духъ правды унылой» былъ ему чуждъ и глубоко противенъ этой энергичной, дѣловой и богатой инициативой душѣ. Эти драгоценныя качества настоящаго общественнаго дѣятеля оцѣняютъ вполнѣ въ Мушкетовѣ только теперь, когда его не стало.

Да, какъ ни горько сказать, а его не стало. «У счастливаго недруги ирутъ, у несчастнаго другъ умираетъ...» Нѣтъ Манасина, нѣтъ Мушкетова,—а кто же ихъ замѣнитъ? «Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко», мѣста ихъ на аренѣ общественной жизни зянутъ пустотой, и словно смерть стоятъ на стражѣ возлѣ. Но жизнь не терпитъ пустоты. «Сомкнись!»—вотъ ея пароль и «впередъ»—ея лозунгъ, впередъ, туда, куда «выносятся волны только смѣлаго душой»...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Грамотность Петербурга. Вышла первая тетрадь свѣдѣній о населеніи Петербурга по первой всеобщей переписи 28 января 1897 года. Пользуясь этими свѣдѣніями, «Русскія Вѣдомости» въ обширной статьѣ рисуютъ картинну грамотности населенія столицы. При этомъ газета высказываетъ слѣдующее вполнѣ основательное соображеніе. Разработка матеріаловъ первой всеобщей переписи населенія должна намъ дать цифру грамотныхъ въ Россіи къ концу девятнадцатаго вѣка. Когда это будетъ,—сказать трудно, такъ какъ до настоящаго времени опубликованы лишь десятокъ полтора погубернскихъ сводокъ переписныхъ данныхъ о грамотности. Но съ появленіемъ первой тетради переписи по Петербургу мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ, какой предѣльной высоты достигла грамотность въ нашемъ отечествѣ. Городовъ, могущихъ соперничать съ Петербургомъ въ этомъ отношеніи немного, а мѣстности, превосходящія столицу по грамотности, врядъ ли даже и встрѣтятся. Поэтому можно безъ риска сколько-нибудь значительной ошибки принять петербургскую грамотность за кульминаціонный пунктъ русской грамотности.

Остановимся затѣмъ на вѣкоторыхъ фактахъ, констатируемыхъ газетою на основаніи данныхъ переписи. Грамотныхъ въ Петербургѣ (безъ иностранцевъ) оказывается 62,6 проц., неграмотныхъ 37,4 проц.

Такимъ образомъ, треть населенія Петербурга (и даже болѣе) къ концу девятнадцатаго вѣка оказывается неграмотной, хотя нѣтъ сомнѣнія, что наибольшій изъ крупныхъ русскихъ городскихъ центровъ предъявляетъ сильнѣйшій спросъ на грамотныхъ людей и имѣетъ возможность притянуть ихъ къ себѣ изъ другихъ мѣстъ. Этотъ фактъ, конечно, не представляетъ ничего неожиданнаго, но онъ важенъ, какъ наглядное доказательство нашихъ слабыхъ успѣховъ въ дѣлѣ просвѣщенія. И не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что, по мѣрѣ разработки матеріаловъ переписи 1897 года, эта печальная истина будетъ подтверждаться все новыми и новыми цифрами.

Сколько извѣстно изъ непосредственныхъ наблюденій и отрывочныхъ статистическихъ данныхъ, мужская грамотность у насъ значительно опередила женскую. И Петербургъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Грамотныхъ мужчинъ въ немъ насчитывается 488.886 человекъ, или 71,6 проц.

всего мужского населенія города, а грамотныхъ женщинъ—284.209, т.-е. только 50,7 проц. общаго числа ихъ въ Петербургѣ. Разницу между этими цифрами нельзя не признать значительной и въ то же время нельзя объяснить ее меньшимъ спросомъ на женскую грамотность со стороны столицы. По сравненію съ низкимъ уровнемъ грамотности женщинъ во всей странѣ, представляется высокимъ и процентъ грамотныхъ женщинъ въ Петербургѣ, какъ ни отстали онѣ въ этомъ отношеніи отъ мужского населенія. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется, да и найдутся ли въ нашемъ отечествѣ еще такія мѣстности, гдѣ бы изъ полумилліона женщинъ половина была грамотныхъ? Не забудемъ при этомъ, что среди женщинъ живущихъ въ Петербургѣ большинство (52,5 проц.)—крестьянки и что двѣ пятыхъ женскаго населенія Петербурга находится въ возрастѣ отъ 21 до 40 лѣтъ. Оба эти факта указываютъ на громадную роль пришлаго элемента въ ростѣ населенія столицы и, въ связи съ приведенными данными о грамотности ея женскаго населенія, заставляютъ думать, что и въ средѣ женщинъ, прибывающихъ въ Петербургъ въ рабочемъ возрастѣ, грамотныхъ тоже довольно много. Ясно, что Петербургъ, притягивая рабочія силы, сталъ предъявлять особенный спросъ на грамотныхъ. При томъ, женская грамотность дѣлится въ столицѣ, повидимому, не меньше, чѣмъ мужская. Но сельское населеніе, за счетъ котораго, главнымъ образомъ, растетъ Петербургъ, не можетъ вполне удовлетворить этому спросу, а по части женской грамотности въ особенности.

Если въ настоящее время предъявляемый Петербургомъ спросъ на грамотныхъ еще не удовлетворяется вполне, то съ теченіемъ времени все-таки возможность его удовлетворенія облегчается.

Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе данныхъ о грамотности и о возрастѣ населенія. Такъ, среди мужчинъ въ возрастѣ 40—49 лѣтъ, грамотные составляютъ въ Петербургѣ 73,5 проц., для возраста 30—39 лѣтъ тотъ же процентъ будетъ 77,7; молодые люди въ 20—29 лѣтъ даютъ 79,9 проц. грамотныхъ, а въ возрастѣ 10—19 лѣтъ—даже 89,5 проц. Такая же прогрессія получается и для женщинъ: въ возрастѣ 40—49 лѣтъ между ними грамотныхъ меньше половины (47,0 проц.), въ 30—39 лѣтъ—51,8 проц.; среди 20—29-лѣтнихъ женщинъ грамотныхъ 61,1 проц., а для слѣдующей десятилѣтней группы болѣе ранняго возраста (10—19 лѣтъ)—грамотность опредѣляется въ 80,8 проц. Есть и другое указаніе на то, что потребность большого города въ притокѣ грамотныхъ, хотя и медленно, насыщается. По городской переписи 1890 года, въ Петербургѣ, безъ пригородовъ, значилось въ числѣ жителей мужского пола старше 5 лѣтъ 74 проц. грамотныхъ, и среди женщинъ того же возраста—54 проц. Такой же расчетъ, по даннымъ переписи 1897 года, показываетъ, что мужская грамотность въ той же возрастной группѣ населенія Петербурга повысилась до 79,4 проц., а женская—до 58 проц. Эти цифры указываютъ на прогрессъ; но нельзя сказать, чтобы онъ совершался быстро даже въ Петербургѣ. Въ остальной странѣ, за исключеніемъ немногихъ городовъ, притокъ грамотныхъ идетъ, безъ сомнѣнія, еще медленнѣе.

Дворяне о дворянской идеѣ. Недавно издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерскій торжественно отпраздновалъ тридцатилѣтній юбилей своей публицистической дѣятельности. Какъ видно изъ газетныхъ отчетовъ, юбилей собралъ въ помѣщеніи редакціи «Гражданина» многихъ представителей чиновнаго міра, привѣтствовавшихъ князя Мещерскаго въ высокой степени сочувственнымъ адресомъ, а присутствовавшій тутъ же издатель «Московскихъ Вѣдомостей» г. Грингмутъ обратился къ юбиляру съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «То не подписывается на вашу газету, тотъ не русскій».

Незадолго до юбилея кн. Мещерскій обратился къ предводителямъ дворянства съ слѣдующимъ печатнымъ циркулярнымъ воззваніемъ:

«Послѣ 30-лѣтняго изданія мною газеты *Гражданинъ*, неуклонно служившаго истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, мнѣ грустно, въ видѣ главнаго итога, удостовѣрить тотъ печальный фактъ, что именно оно, это дворянство, всегда отвѣчало равнодушіемъ на мои усилія честно служить вышесказанной цѣли и всегда въ моей одинаковой борьбѣ съ врагами дворянскихъ завѣтовъ оставляло меня безъ защиты подъ не прерывавшимися 30 лѣтъ ударами злобы и ненависти. Тѣмъ не менѣе ради «30-ти лѣтняго *Гражданина*», считаю своимъ долгомъ, какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ, еще разъ попытаться обратиться на свое изданіе благосклонное вниманіе тѣхъ гг. предводителей, которые рѣшились бы органъ печати, 30 лѣтъ самостоятельно отстаивавшій идеалы, преданія и завѣты русскаго дворянства, удостойть своимъ сочувствіемъ хотя бы въ силу поговорки: «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Предводители дворянства не замедлили отвѣтить, и вотъ на страницахъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» появились слѣдующія строки, подписанныя валковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства г. Ширковымъ:

«Передъ праздниками много нищаго народу обиваютъ пороги, прося Христовымъ именемъ къ Христову дню. По Харькову, между прочимъ, ходятъ двѣтри цыганки, водящія съ собою чужихъ дѣтей, которыхъ онѣ приучаютъ къ нищенству. Этими, грѣшнымъ человекъ, я ничего не даю! хотя бы онѣ просили ради Христа. Христовымъ именемъ должно дѣлаться добро, а не упорчиваться неправда. Такое цыганское прошеніе принесла мнѣ сегодняшняя почта въ воззваніяхъ князя Мещерскаго о подпискѣ на «*Гражданинъ*».

«Эти воззванія присланы мнѣ подъ предлогомъ, что кн. Мещерскій 30 лѣтъ поддерживаетъ какую-то дворянскую идею въ своемъ «*Гражданинѣ*». Если бы онъ былъ только наивенъ и полуграмотенъ, «*Гражданина*» можно было бы просто не читать. Но такъ какъ отсутствія ума нѣтъ, то къ нему надо относиться нѣсколько иначе, а именно понять, что тутъ подъ видомъ наивности уже 30 лѣтъ ведется подпольная интрига для компрометтированія идеи дворянства».

Идея же дворянства, по мнѣнію г. Ширкова, заключается въ слѣдующемъ:

«Вся идея дворянства состоитъ въ воспитаніи не случайныхъ, преходящихъ слугъ государства, а слугъ коренныхъ, связанныхъ съ далекою будущаго отечества, которые приносили бы ему необходимый матеріалъ, его силы, а не расхищали бы его. Тѣ, которыхъ я называю случайными и преходящими, ра-

стаскиваютъ матеріалъ отечественной крѣпости, увѣряя, что они его этимъ сохраняютъ».

Одновременно съ этимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано открытое письмо къ издателю «Гражданина», подписанное тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства В. М. Петрово-Соловово.

«Текстъ вашего письма — обращается онъ къ кн. Мещерскому — и то обстоятельство, что оно не рукописное, а печатное, приводитъ меня къ заключенію, что это есть нѣчто вродѣ циркулярнаго посланія къ предводителямъ дворянства и нѣчто болѣе серьезное, нежели обычная газетная реклама, съ которой нѣкоторые изданія обращаются въ концѣ года къ читающей публикѣ, съ цѣлью увеличить число своихъ подписчиковъ. Поэтому я нахожу необходимымъ отвѣтить вамъ и въ то же время считаю полезнымъ мой отвѣтъ предать гласности. Подводя итоги вашей тридцатилѣтней дѣятельности на почвѣ публицистики, вы съ горькимъ чувствомъ признаете полное равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Но, сами того не подозрѣвая, въ вашихъ сѣтованіяхъ вы воздаете ему величайшую хвалу. Въ самомъ дѣлѣ, если къ тѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя вы неуклонно проводили, русское дворянство относилось несочувственно, то это значить, что въ немъ не заглохла тѣ высокіе идеалы, съ которыми оно, обновленное реформами 60-хъ годовъ, выступило на открывшееся ему новое поприще общественной дѣятельности; это значить, что «эпоха великихъ реформъ» твердо опредѣлила путь, по которому оно должно идти, несмотря на всѣ усилія его ложныхъ друзей своротить его съ этого пути; это значить, что, несмотря на долголѣтнюю реакцію, проводникомъ которой вы такъ долго и такъ усердно служили, въ русскомъ дворянствѣ не угасло безкорыстное стремленіе въ живомъ общеніи и при полной равноправности съ остальными сословіями русской земли трудиться надъ постепеннымъ водвореніемъ того порядка вещей, который составляетъ необходимое условіе нормальнаго общественнаго и государственнаго роста нашего отечества. А если иногда и можно было отиѣтить желательныя съ вашей точки зрѣнія исключенія, то вѣдь это только проявленія спеціальнаго атаксизма, который не является тормазомъ въ общемъ органическомъ развитіи. Вы ошибаетесь, усматривая только холодность и равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Нѣтъ! Негодованіе и протестъ вызывала не только въ передовыхъ его представителяхъ, но и въ громадномъ его большинствѣ ваша проповѣдь узко-сословныхъ тенденцій, ваша апологія дореформенныхъ порядковъ въ видѣ розги и административнаго произвола, ваша защита не духовныхъ интересовъ дворянства, какъ вы ошибочно полагаете, а низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма. Ваша тридцатилѣтняя работа, въ бесплодности которой вы сами сознаетесь, могла бы, кажется, достаточно убѣдить васъ, что идеи, которыми вашъ журналъ служить выраженіемъ, не соответствуютъ стремленіямъ и надеждамъ Россіи ХХ столѣтія. Итакъ, не ждите отъ насъ сочувствія, на которое вы, повидяному, все еще продолжаете надѣяться. Но если вы, прочтя мое письмо, еще разъ оглянетесь на пройденный вами жизненный путь публициста, на которомъ вы, по собственному признанію, видите одна только разочарованія и неудачи, то, быть можетъ, вы откажетесь и отъ слабой надежды

на успѣхъ и бросите вашу неблагодарную Сизифову работу, хотя бы слѣдуя той же самой поговоркѣ, которую вы приводите въ концѣ вашего обращенія къ намъ: «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, датированнымъ 21-го декабря, въ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостяхъ» опубликовано «Открытое письмо тамбовскому уѣздному предводителю дворянства В. М. Петрово-Соловово», датированное 8-го января и подписанное на этотъ разъ семью предводителями дворянства: рузскимъ — кн. П. Долгоруковымъ, звенигородскимъ—гр. П. Шереметевымъ, дмитровскимъ — гр. М. Олсуфьевымъ, опочецкимъ—гр. П. Гейденкомъ, темниковскимъ—Ю. Новосильцевымъ, елецкимъ—А. Стаховичемъ и ливенскимъ—А. Шереметевымъ. Всѣ названные предводители дворянства, выражая полную солидарность съ г. Петрово-Соловово, заявляютъ, что и они точно также считаютъ, что «не защитникомъ истинныхъ интересовъ русскаго дворянства былъ въ теченіе 30-ти лѣтъ «Гражданинъ», а злымъ врагомъ; что неизвѣнно проповѣдывалъ онъ не чувство *единенія всѣхъ сословій русскаго народа*, а сословную рознь; что онъ всячески оскорблялъ тѣхъ людей изъ среды дворянства, которые искали воплотить въ жизни это насущное для страны единеніе; что, стоя далеко отъ жизни, онъ не переставалъ нападать на наше земство, гдѣ еще можетъ, несмотря на преграды, жить это единство; что онъ не желалъ безпристрастно взглянуть въ помѣстную жизнь, а всегда предпочиталъ спокойному и трезвому безпристрастію озлобленную страстность, правдѣ—неправду».

Одиссея тифлисскаго самоуправленія. Тифлисская городская дума, говорить газета «Право», всегда имѣла привилегію приковывать вниманіе не только мѣстной, но и столичной прессы и возбуждать страсти и споры. Одну ее превозносятъ за интеллигентность личнаго состава (75% всѣхъ гласныхъ — люди съ высшимъ образованіемъ), за культурную и просвѣтительную дѣятельность; другіе, наоборотъ, клеймятъ ее за «исключительность» національнаго состава гласныхъ, за то, что въ столицѣ Грузіи (въ которой, встаети сказать, большинство избирателей принадлежитъ къ армянской національности) въ числѣ гласныхъ думы грузинъ — только двое, а большинство гласныхъ — армяне. Между армянами и грузинами вокругъ городского самоуправленія сосредоточена была національная борьба, причеиъ грузины въ своей печати осыпали армянъ всевозможными обвиненіями. Пока эти обвиненія печатались по-грузински, администрація не обращала на нихъ вниманія. Но появляется въ Тифлисѣ В. А. Величко, кратковременное пребываніе котораго на Кавказѣ оставило тамъ глупокіе слѣды. *L'homme passe—l'idée reste*. Въ скромной роли редактора оффиціознаго «Кавказа» онъ возымѣлъ дерзкую мысль сдѣлаться Катковымъ знаменитой — увы! русскому обществу окраины, вдохновителемъ высшей кавказской администраціи... Знакомый съ Кавказомъ лишь по рассказамъ грузинъ и по произведеніямъ поетовъ, переводимыхъ имъ на русскій языкъ, В. А. Величко сдѣлался органомъ грузинской думской партіи, забаллотированной на выборахъ 1897 года. Обвиненія, печатавшіяся раньше на страницахъ «Иверіи», перешли на страницы «Кавказа». Тифлиское самоуправленіе стало называться «само-

управствомъ»; стачка гласныхъ съ поставщиками, своекорыстное участие гласныхъ въ городскихъ поставкахъ, непринятіе на городскую службу не армянтъ, неодинаковое отношеніе къ обывателямъ армянамъ и не армянамъ, взяточничество, хищенія,—вотъ въ чемъ обвинялъ болѣе или менѣе открыто г. Величко дѣятелей тифлискаго самоуправленія. Русскіе, бывшіе на сторонѣ армянтъ, отнесли имъ либо къ категоріи «дрейфусаровъ», либо къ категоріи людей слабыхъ, не устоявшихъ передъ «капуанскими делисами».

16-го октября 1898 г., по распоряженію главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, производится ревизія тифлисской городской управы и всѣхъ подвѣдомственныхъ ей органовъ городского самоуправления. Очевидно, не сомнѣваясь въ томъ, что имѣются дѣйствительно злоупотребленія, кн. Голицынъ немедленно, *не потребовавъ отъ нихъ даже объясненій*, отстраняетъ отъ должности членовъ управы — Иваненко и Вермишева. Величко, представитель русскаго телеграфнаго агентства на Кавказѣ (!), сообщаетъ, что обнаружены въ тифлисской управѣ крупныя злоупотребленія, что двое изъ членовъ управы отстранены отъ должностей и что населеніе г. Тифлиса въ ликовавіи.

Результаты административной ревизіи были представлены на заключеніе совѣта главноначальствующаго, который, 16-го января 1899 года, *не потребовавъ отъ обвиняемыхъ объясненій*, рѣшилъ предать уголовному суду всѣхъ, въ томъ числѣ и Г. Г. Евангулова, утвержденного городскимъ головой лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ревизіи. Но князь—главноначальствующій не желалъ доводить дѣло до суда, такъ какъ установленная ревизіей запущенность хозяйства гор. Тифлиса представляется результатомъ равнодушнаго и неумѣлаго отношенія къ городскимъ интересамъ не одного только нынѣшняго состава управы, но также, и въ гораздо большей степени, и прежнихъ составовъ ея. Находя, въ виду этого, крайне несправедливо мѣрой привлеченіе къ отвѣтственности одного только нынѣшняго состава управы, а съ другой стороны, не находя возможнымъ собственной властью прекратить дѣло въ виду доказанности ихъ вины и прямого требованія закона, князь-главноначальствующій предполагалъ испросить Высочайшее соизволеніе на прекращеніе настоящаго дѣла, съ оставленіемъ, однако, при этомъ, на отвѣтственности состава управы возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ городу неправильными дѣйствіями.

Бъ предположеніямъ кн. Голицына не признали возможнымъ присоединиться ни министр юстиціи, ни министр внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствительно, едва ли привлеченіе къ уголовной отвѣтственности кого бы то ни было, при полной доказанности его вины, являлось бы мѣрою «крайне несправедливою». Заслужитъ, то обстоятельство, что къ винѣ этой были причастны и губернская администрація, и дума, и прежніе городскіе головы и члены управы, можетъ служить только поводомъ къ возбужденію противъ всѣхъ виновныхъ уголовнаго преслѣдованія, но отнюдь не къ освобожденію отъ взысканія даннаго состава городской управы; наконецъ,—что самое главное,—разрѣшеніе дѣла въ томъ порядкѣ, который предлагался главноначальствующимъ, представлялось для самихъ заподозрѣнныхъ мѣрой крайне несправедливой. Если они были въ чемъ-либо виноваты—они должны были быть наказаны. Если же не виноваты, то адми

инстрація должна была признаться въ своей ошибкѣ, дѣло должно было быть безусловно прекращено, и отстраненные члены управы возстановлены въ должности.

Такимъ образомъ, дѣлу было дано дальнѣйшее законное направленіе и заподозрѣннымъ представителямъ тифлискаго самоуправления дана возможность очиститься отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, доказать своимъ избирателямъ, что тѣ не ошиблись въ своемъ выборѣ, а всему русскому обществу, что тифлисское самоуправленіе ничѣмъ не нарушило оказаннаго ему довѣрія.

Дѣло было передано судебному слѣдователю. 8-го апрѣля 1899 года впервые узнали обвиняемые отъ слѣдователя, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. До тѣхъ поръ узнавали они о предъявляемыхъ имъ обвиненіяхъ лишь изъ частныхъ слуховъ, статей г. Величко и корреспонденцій «Новаго Времени». Судебному слѣдователю предстояла не легкая задача провѣрить результаты административной ревизіи и подвести расплывчатые и неопредѣленные обвиненія подъ статьи уложенія о наказаніяхъ. Предварительное слѣдствіе продолжалось два года. Въ это время вице-губернаторъ Стефановичъ, производившій ревизію, былъ причисленъ къ министерству, согласно прошенію, — душа же ревизіи В. А. Величко вовсе отстраненъ отъ должности редактора «Кавказа».

Положеніе городского головы и членовъ управы было очень любопытно. Съ одной стороны, это были обвиняемые, которыхъ слѣдователь подвергалъ допросу, которымъ предъявлялъ обвиненія и которые не могли отлучиться изъ города безъ его разрѣшенія. Съ другой — это были лица, облеченныя довѣріемъ населенія и высшаго начальства, представители столицы края. Осенью прошлаго года празднуется столѣтіе присоединенія Грузіи. Городской голова, рядомъ съ губернскимъ предводителемъ кн. Меликовымъ, принимаетъ представителя государя — великаго князя Михаила Николаевича. Въ самый разгаръ торжествъ умираетъ отъ разрыва сердца Евангуловъ. Великій князь Николай Михайловичъ, въ прочувствованной телеграммѣ изъ Боржома, выражаетъ свое соболезнованіе семьѣ покойнаго и сожалеетъ, что не можетъ быть на похоронахъ. На первую же панихиду является князь-главноначальствующій. На похоронахъ присутствуетъ весь городъ съ помощникомъ главноначальствующаго во главѣ. Дума принимаетъ расходы по похоронамъ на счетъ города. Рѣшаетъ назвать именемъ покойнаго одну изъ главныхъ улицъ города и въ знакъ печали закрываетъ засѣданіе...

Предварительное слѣдствіе отбрасываетъ главные пункты административной ревизіи, остается обвиненіе по 410, 411 и 417 статьямъ, обвиненіе, которое въ любое время можетъ быть предъявлено къ лицамъ, стоящимъ во главѣ любого правительственнаго учрежденія — обвиненіе въ нерадѣніи, медленности и недостаточномъ надзорѣ за подчиненными. Однако, и это обвиненіе оказалось на судѣ несостоятельнымъ, и всѣмъ подсудимымъ вынесенъ полатою оправдательный приговоръ.

У гроба нечиновнаго труженика. 4 декабря въ г. Юрбевѣ-Польскомъ (Владимірской губерніи) скончался отъ скоротечной чахотки молодой и талантливый учитель мѣстнаго городского училища Павелъ Александровичъ

Бѣловъ. Уважаемый товарищами, горячо любимый учениками, покойный съ рѣдкой добросовѣстностью относился къ дѣлу, а всѣ короткіе досуги свои посвящалъ литературному труду. На похороны Бѣлова училищемъ былъ приглашенъ протоіерей Знаменскій, состоящій законоучителемъ того же городского училища, гдѣ работалъ покойный. И вотъ какъ описываетъ въ «Сѣверномъ Краѣ» скорбный обрядъ погребенія этого труженика вдова покойнаго, О. А. Бѣлова.

«На второй панихидѣ по усопшемъ, когда надо было покойнаго положить въ гробъ, въ присутствіи сослуживцевъ и знакомыхъ, о. протоіерей обратился ко мнѣ, какъ къ женѣ покойнаго, съ вопросомъ: почему я не сшила саванъ? Я отвѣтила, что не имѣю понятія о саванахъ, такъ какъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, гдѣ мнѣ приходилось жить, хоронятъ безъ савановъ. А также и присутствующіе стали говорить, что это—дѣло обычая и зависитъ отъ личнаго желанія... На это протоіерей Знаменскій далъ мнѣ и присутствующимъ слѣдующее разъясненіе: «Если бы вы, скажемъ, положили его въ мундиръ съ галунами, или, тамъ, нашивками какими на рукавахъ и воротѣ, съ ясными пуговицами,—словомъ чиновникомъ,—тогда дѣло другое,—можно бы и безъ савана, а то онъ у васъ въ штатскомъ сюртукѣ безъ всякаго ордена и знака отличія? Какъ же онъ явится на тотъ свѣтъ? Кѣмъ онъ предстанетъ?—не то чиновникъ, не то еще кто?..»

«Многіе стали возражать и высказывать удивленіе, что на «тотъ свѣтъ» необходимы чины, ордена и галуны?!... Но о. протоіерей продолжалъ распространяться на эту тему и, стараясь, очевидно, подѣйствовать на меня, сказалъ: «Что же наконецъ, будутъ говорить про васъ въ городѣ?—Скажутъ: жена и савана не сшила!..» Я отвѣтила, что для меня безразлично, что-бы^{ли} сказали...

«— Вамъ то все равно, а что скажутъ про насъ, про сослуживцевъ его:— учителю и на саванъ то не хватило...»

«Я говорила, что, наконецъ, я не хочу безобразить покойника этимъ саваномъ... О. протоіерей продолжалъ стоять на своемъ и все не перекладывалъ усопшаго въ гробъ. Послѣ этого, одна изъ присутствовавшихъ женщинъ стала шить, и саванъ былъ положенъ въ гробъ. Затѣмъ, о. протоіерей перешелъ къ обуви, найдя, что въ штиблетахъ и притомъ старыхъ *неловко* являться на «тотъ свѣтъ», а надо надѣть туфли и притомъ новыя. Я сказала, что теперь прошли уже сутки и переодѣвать покойника невозможно, да, наконецъ, я не стану и не хочу... Въ этотъ разъ услышала: «Ну, какъ хотите, только съ натоптанными подошвами *неловко* на «тотъ свѣтъ» являться... Въ заключеніе я получила нѣсколько замѣчаній относительно уборки свѣчъ, креста, чернаго и бѣлаго крепа и проч. Еще разъ подчеркиваю,—все это было сказано протоіереемъ, т.-е. человѣкомъ, учившимся въ духовной академіи. Но этимъ еще не исчерпывается *анимание* протоіерея Знаменскаго къ покойному сослуживцу; онъ простеръ его дальше, а именно: въ церкви сказалъ обличительную рѣчь у гроба Павла Александровича, зная, вѣрно, по долгому опыту, что на мертваго можно все говорить безнаказанно. Я не буду передавать подробно эту рѣчь, можную темныхъ и двусмысленныхъ намековъ, а скажу лишь объ основной

мысли, которая была такова: «Рабъ Божій Павелъ былъ грѣшникъ, заблудившійся въ дѣбряхъ нечестивыхъ идей, и только смерть, подоспѣвшая во время, спасла его отъ окончательной гибели...» Заканчивалась рѣчь буквально слѣдующимъ: «Смерть, братіе, большею частью, бываетъ несвоевременна, и въ данномъ случаѣ, беря во вниманіе молодые годы раба Божія Павла, можно подумать, что кончина была ранняя, но это будетъ не вѣрно: мы можемъ сказать: хорошо, что рабъ Божій Павелъ умеръ, ибо только смерть отвлекла его отъ дальнѣйшихъ заблужденій и окончательной духовной гибели и не дала окончательно укрѣпиться въ зловредныхъ идеяхъ... Неизвѣстно, до чего бы дошелъ онъ въ своихъ заблужденіяхъ, если-бы смерть не пришла во время! Итакъ, братіе, кончина раба Божія Павла была своевременна! Помолимся же о его грѣшной душѣ и проч...»

«По поводу вышеприведенныхъ словъ прот. Знаменскаго я замѣчу лишь, что всѣ эти темные и неопредѣленные намеки на какіе-то грѣхи были сказаны при маленькихъ дѣтяхъ, ученикахъ Павла Александровича, которые любили и хорошо относились къ нему и пришли проститься и проводить своего учителя въ вѣчное жилище... Кто былъ старше—несли его гробъ до могилы, а маленькіе несли свѣчи...»

«Вотъ, за дѣтей-то, которые не могутъ еще разобраться въ этихъ таинственныхъ намекахъ на какія то заблужденія ихъ учителя, которому они привыкли вѣрить, и, знаю, постоянно обращались за разъясненіями, и онъ любилъ говорить съ дѣтьми, несмотря на запрещеніе врача много говорить; повторяю—за дѣтей обидно и больно, что законоучитель старается поселить столько дурныхъ мыслей противъ человѣка, который, кромѣ добраго и хорошаго, ничего никогда не желалъ и не дѣлалъ своимъ ученикамъ».

А въ доказательство того, что эти «темные и двусмысленные намеки», направленные о. Знаменскимъ по адресу свѣтлой личности покойнаго, не имѣли подъ собой рѣшительно никакой почвы и были измышлены достопочтеннымъ пастыремъ исключительно отъ собственного разума, можно привести другое слово, связанное тутъ-же у гроба Бѣлова учителемъ А. Г. Вѣрнословомъ.

«Близкіе покойному—сказалъ онъ—собрались здѣсь, чтобы почтить его память, отдать ему послѣдній долгъ на землѣ. Сейчасъ онъ навсегда скроется отъ насъ. Ужель это вѣрно! Ужель мы больше уже не услышимъ умныхъ, проникнутыхъ правдой рѣчей нашего незабвеннаго друга! Бѣдный П. А.! Ожидаль-ли кто и онъ самъ, что смерть такъ рано его похититъ? Помню служебныхъ занятій, все свободное время онъ проводилъ въ усиленныхъ литературныхъ трудахъ, жертвуя для нихъ лучшими годами и здоровьемъ. Рѣдко можно было видѣть его свободнымъ отъ дѣла: то онъ читаетъ вновь приобретенную книгу, то обдумываетъ новое свое произведеніе, то пишетъ статью. И для чего-же? Все это какъ будто для того только, чтобы глубже, очевиднѣе познать горькую сторону жизни человѣческой, и съ тоской и скорбью покинуть ее, не успѣвъ сдѣлать для жизни и малой доли того, чтобы имъ было намѣчено. А ему такъ хотѣлось жить, страшно хотѣлось жить, не смотря на свой тяжелый недугъ; ему хотѣлось работать и работать!.. Умирая, онъ бре-

дизл о своихъ и чужихъ литературныхъ трудахъ и наканунѣ смерти началъ писать статью... Одна педагогическая дѣятельность не удовлетворяла покойнаго онъ съ большимъ увлеченіемъ занимался литературнымъ трудомъ, путемъ печати защищая правду, истину и помогая въ нуждѣ, и въ своихъ произведеніяхъ являлся по преимуществу смѣлымъ и рѣзкимъ обличителемъ... Миръ праху твоему, незабвенный товарищъ! Сейчасъ ты на вѣки отъ насъ скроешься! Но память о тебѣ не умретъ въ насъ. Твой милый образъ, твои тихія умныя рѣчи — останутся надолго живыми въ нашей памяти» *)...

Изъ жизни Н. В. Гоголя. Последніе годы жизни Н. В. Гоголя, были отравлены, какъ извѣстно, развивавшеюся болѣзнью. Этимъ состояніемъ великаго писателя въ широкой степени воспользовались разныя темныя силы, постепенно убивавшія въ немъ всякую волю. Въ «Нов. Времени» г. Щегловъ знакомитъ читателей съ ржевскимъ протоіереемъ Матвѣемъ Константиновскимъ, имѣвшимъ на Гоголя въ последнее время рѣшительное вліяніе.

«Въ Оптиной пустыни, — пишетъ онъ, — я слышалъ такой рассказъ о первой встрѣчѣ, въ одномъ московскомъ домѣ, Гоголя съ пресловутымъ ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ Константиновскимъ. Гоголя представляютъ отцу Матвѣю. Отецъ Матвѣй строго и вопросительно оглядываетъ Гоголя:

— Вы какого будете вѣроисповѣданія?

Гоголь недоумѣваетъ.

— Разумѣется, православнаго!

— А вы не лютеранинъ?

— Нѣтъ, не лютеранинъ...

— И не католикъ?

Гоголь окончательно былъ озадаченъ:

— Да нѣтъ же, я православный... Я—Гоголь!...

— А по моему, выходитъ—вы просто... свинья!—безцеремонно отрѣзая отецъ Матвѣй.—Какой-же, сударь, вы православный, когда не ищете благодати Божьей и не подходите подъ пастьерское благословеніе?...

«Гоголь смутился и растерялся и затѣмъ, во все время бесѣды отца Матвѣя съ другими гостями, сосредоточенно молчалъ. Очевидно было, что рѣзкое слово ржевскаго протоіерея произвело на него неотразимое впечатлѣніе. Да и не на него одного только».

О. Матвѣй былъ человекъ совершенно необразованный, но сильный, властный, безцеремонный, обладавшій большою долей ханжества и лицемерія.

«Жалуется ему какой-то сельскій дьячокъ на свое плохое житье-бытье, съ видимымъ простодушнымъ расчетомъ на матеріальную поддержку или протекцію для полученія сана діакона. Со стороны о. Матвѣя отвѣтъ одинъ и тотъ-же: «Молись въ свое время, вина не пей совсѣмъ, никого не осуждай и

*) Покойный, кромѣ участія въ мѣстной провинціальной печати, принималъ участіе и въ журналахъ, посылая статьи и корреспонденціи въ «Новое Слово», «Жизнь», «Миръ Божій». Въ последнемъ см. «Картина кустарнаго производства въ с. Черкизовѣ», июнь, 1900 г.

положи себѣ за правило—или прочесть пятьсотъ разъ въ день Іисусову молитву, или Спасителю акакисть, или главу изъ Евангелія и Апостола—то увидишь помощь Божью... Не грусти; живи, за все Бога благодари. Прощай, братъ, спасайся!»

«Говить купецъ-самодуръ изъ дому своего сына—тотъ съ слезнымъ проше-ніемъ къ о. Матвѣю о заступѣ. А о. Матвѣй въ отвѣтъ на это: «Не отецъ гонить, а Богъ вызываетъ, чтобъ вы не были участниками съ неправдою собраннаго стяжанія. Смотри же съ радостью, какъ Авраамъ, прими этотъ гласъ и пикнуть не смѣй! Боже тебя сохрани. Если будешь слушать совѣта мудраго сатаны,—онъ никогда на добро не научить».

«Или вотъ еще крайне характерный образецъ стила о. Матвѣя—письмо къ неизвѣстному «безтолковому Матвѣю»: «Братъ о Христѣ, Матвѣй, безтолковый, какъ и я! Жаль мнѣ тебя. Тебѣ трудно, а дѣло-то идетъ ладно. Ты не вышелъ отъ отца-то, ну такъ и быть, Богъ поправитъ; не скучай, братъ. Ты стоишь на правомъ пути; онъ тѣсенъ, да вѣренъ. Ступай, не ошибешься: царствіе Божіе нудится. Явится Христось, и будетъ тихо и ясно и все прекрасно».

«О. Матвѣй во всѣхъ случаяхъ, оставался вѣренъ себѣ—сельскому дьячку, какому-нибудь аристократу, ржевскому лавочнику... и автору «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» отпуская одинъ и тотъ-же знакомый рецептъ: «Не прилѣпляйся къ земному, братъ!..» Это между прочимъ, не мѣшало ему одновременно хлопотать о пристройствѣ черезъ Гоголя своей дочери въ Шереметевскій пріютъ и пользоваться другими земными услугами больного и удрученнаго сложной творческой работою писателя, въ родѣ высылки учебниковъ его сыну, нѣкоторыхъ личныхъ порученій по книжной части и пр.»

Какое сильное и вредное вліяніе оказывалъ на Гоголя о. Матвѣй, явствуетъ изъ брошюры доктора Тарасенкова о послѣднихъ дняхъ Гоголя. Мотивъ обличенія о. М. неизмѣнно былъ тотъ-же, т.-е. «не прилѣпляйся къ земному, братъ»; «слабость тѣла не можетъ насъ удерживать отъ пощенія; какая у насъ забота? Для чего намъ нужны силы?? Много званыхъ—мало избранныхъ!.. Путь въ царствіе Божіе тѣсенъ! Мы отдадимъ отчетъ за всякое слово праздное!» и т. п. По словамъ того-же Тарасенкова, однажды, когда о. Матвѣй зашелъ видимо черезчуръ далеко въ своемъ обличительномъ паисѣ, Гоголь не выдержалъ и простоналъ: «Довольно, довольно!.. оставьте! Не могу долѣе слушать... Слишкомъ страшно!!»

«Бѣдный Гоголь!..—восклицаетъ Щегловъ.

«Трудно, право, представить сцену болѣе разительнаго контраста... Гоголь—великій Гоголь, безпощадный сатирикъ, гениальный провидецъ сердца человѣческаго—блѣдный, потрясенный, почти скованный отъ ужаса въ своемъ креслѣ.. и передъ кѣмъ же? Передъ невзрачнымъ и полуневѣжественнымъ, изступленнымъ, пугающимъ его большое воображеніе лубочнымъ свиткомъ загробныхъ мытарствъ... Развѣ только одна кисть Рѣпина была-бы въ состояніи обезсмертить на полотнѣ эту захватывающую тонко психологическую и глубоко національную трагедію!..»

За мѣсяцъ. Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1902 годъ, свидѣтельствуя о неизмѣнномъ ростѣ нашего государственнаго бюджета, забалансирована въ настоящее время суммою почти въ два миллиарда рублей. Въ роспись на 1902 годъ внесены:

Государственные доходы:

Обыкновенные	1.800.784.482 р.
Чрезвычайные	1.800.000 »
Итого	1.802.584.482 »

Государственные расходы:

Обыкновенные	1.775.913.481 р.
Чрезвычайные	170.658.495 »
Итого	1.946.571.976 »

Такимъ образомъ, обыкновенные доходы превышаютъ обыкновенные же расходы суммой въ 24,8 милл. руб.; въ общемъ же итогъ бюджета, включая и чрезвычайный, на сторонѣ расходовъ оказывается перевѣсъ въ 144 милл. руб., которые будутъ покрыты изъ такъ называемой «свободной наличности государственнаго казначейства». Происхожденіе «свободной наличности», неизмѣнно фигурирующей въ бюджетахъ послѣднихъ лѣтъ, объяснялось въ прошлой росписи остатками, получающимися въ результатъ исполненія росписи. Дѣло въ томъ—читали мы въ прошлогоднемъ объясненіи министра финансовъ,—что сумма обыкновенныхъ доходовъ исчисляется въ росписи «съ строгимъ соблюденіемъ осторожности», и обыкновенно за послѣдніе годы дѣйствительное поступленіе ихъ значительно превышаетъ предположенія. Такъ, по отчету государственнаго контроля, въ 1898 г. было получено доходовъ на 16% болѣе, нежели предположено по росписи, въ 1899 г. на 14%. Вотъ благодаря этому обстоятельству, не только покрываются обыкновенные расходы, но и чрезвычайные, и ежегодно извѣстная часть государственныхъ поступленій идетъ, такъ сказать, про запасъ, образуя «свободную наличность государственнаго казначейства». Въ настоящее время такое объясненіе оказывается уже неудовлетворительнымъ, такъ какъ, даже при продолжающемся «строгомъ соблюденіи осторожности» въ исчисленіи доходовъ, «свободная наличность» прошлаго года въ значительной своей части образовалась путемъ займовъ. Сильно истощенная въ началѣ истекшаго года, она замѣтно пополнилась отъ реализаціи выпущенной за границей 4% консолидированной ренты на 159 милл. руб., изъ которыхъ въ казну поступило 148,9 милл. руб.

По сравненію съ росписью на 1901 годъ обыкновенныхъ доходовъ ожидается въ текущемъ году болѣе на 70,7 милл. руб., обыкновенныхъ же расходовъ предположено болѣе на 119,3 милл. руб. Расходы нынѣшняго года обнаруживаютъ, стало быть, тенденцію къ возрастанію въ прогрессіи, значительно превышающей ростъ доходовъ. Наиболѣе крупный приростъ обыкновенныхъ доходовъ предположенъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, которыхъ ожидается на 35,3 милл. руб. больше, чѣмъ было назначено въ росписи 1901 г. Но этотъ

прирость ожидается, однако, не отъ усиленія доходности желѣзнодорожныхъ предприятий, а исключительно отъ расширенія (самой сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которая увеличивается переходомъ въ казну Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги. Въ виду этого, вмѣстѣ съ ростомъ доходовъ по этой статьѣ смѣты растутъ и расходы, которые въ сущности почти цѣликомъ и поглощаютъ показанный прирость. Слѣдующее затѣмъ по смѣтѣ увеличение дохода отъ казенной продажи питей (на 9,4 милл. руб.) точно также не можетъ идти въ счетъ, потому что по той же статьѣ расходы возросли въ значительно большей степени (на 22,2 милл. руб.). Остается отмѣтить болѣе или менѣе замѣтное возрастаніе доходовъ лишь по слѣдующимъ статьямъ: таможенный доходъ увеличился на 8,8 милл. руб., лѣсной—на 8,2, сахарный—на 7, почтовый и телеграфный—на 4, промысловый налогъ—на 3,5, гербовый и судебный сборы на 2 милл. руб.

Что касается обыкновенныхъ расходовъ, то почти $\frac{2}{3}$ громаднаго ихъ увеличенія сравнительно съ росписью 1901 г. падаютъ на долю двухъ вѣдомствъ: министерство путей сообщенія, бюджетъ котораго увеличился на 52,3 милл. рубл., и министерство финансовъ, съ бюджетомъ, увеличеннымъ на 30,2 милл. руб. Затѣмъ расходы увеличились: по уплатѣ займовъ на 11,5 милл. руб., по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на 4,7 милл. рубл., святѣйшаго синода—на 4,2 милл. руб., министерства народнаго просвѣщенія—на 3,6 милл. руб., министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—на 2,5 милл. руб. и т. д.

Въ чрезвычайномъ бюджетѣ, въ которомъ создано громадное несоотвѣтствіе между ожидаемыми доходами, исчисленными въ 1,8 милл. руб., и предположенными расходами въ 170,6 милл. руб., расходныя статьи исчерпываются слѣдующими предположеніями: на Сибирскую жел. дорогу вмѣстѣ со вспомогательными предприятиями 15,9 милл. руб., на сооруженіе другихъ желѣзн. дорогъ 149,9 милл. руб. и на вознагражденіе частныхъ владѣльцевъ за потерю или питейнаго дохода 5 милл. руб. На 1902 годъ предположено, между прочимъ, сооруженіе дорогъ: Оренбурго-Ташкентской, второй Екатерининской, Бологовско-Сѣдлецкой и Сѣверной.

Юбилей. Во второй половинѣ декабря въ Москвѣ, чествовалось тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности двухъ старѣйшихъ и популярнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета: *Н. Я. Стороженко* и *В. О. Ключевскаго*.

Всемирно извѣстный ученый, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Шекспира и его эпохи, гуманный профессоръ, сохранившій лучшія преданія московскаго университета, выдающійся общественный дѣятель, которому обязаны въ Москвѣ очень многія культурныя учрежденія,—такова въ нѣсколькихъ словахъ характеристика *Н. И. Стороженко*. Не ограничиваясь лекціями, которыя онъ читалъ въ университетахъ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ театральномъ училищѣ, *Н. И.* въ широкой степени использовалъ и свою громадную эрудицію, и выдающійся литературный талантъ въ цѣломъ рядѣ статей по разнообразнымъ

вопросамъ европейскихъ литературъ, которыя въ разное время печатались въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ и сборникахъ. «Въ Мирѣ Божіемъ» напечатаны двѣ статьи Н. И. Стороженко: «Модная литературная ересь» (1895 г., ноябрь) и «Шекспиръ и Бѣлинскій» (1897 г., мартъ); всѣ же его статьи и замѣтки, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, составили два большихъ тома печатныхъ вырѣзокъ, которые были преподнесены юбиляру однимъ изъ его учениковъ. Депутации, явившіяся отъ разныхъ учреждений и обществъ съ привѣтствіемъ къ юбиляру, застали Н. И. больнымъ, и онъ принималъ посѣтителей, сидя въ креслѣ. Въ отвѣтной своей рѣчи Н. И. сравнилъ свой юбилей ученаго съ прощальнымъ бенефисомъ артиста, уходящаго со сцены, и высказалъ пожеланіе, чтобы московская alma mater всегда процвѣтала и занимала въ мирѣ русской науки такое же почетное мѣсто, какъ и до сихъ поръ.

В. О. Ключевскій началъ свою профессорскую дѣятельность по кафедрѣ русской исторіи въ московской духовной академіи. Вскорѣ затѣмъ онъ распространяетъ ее и на московскій университетъ, и на высшіе женскіе курсы проф. Герье. Но этими тремя учреждениями не замыкается кругъ слушателей талантливаго лектора. Его, такъ сказать, официальные слушатели—студенты и курсистки—увлеченные блестящимъ изложеніемъ основныхъ моментовъ русской исторіи, въ многочисленныхъ спискахъ разносятъ записанныя ими лекціи по всей Россіи, превращая ее такимъ образомъ въ обширную безграничную аудиторию любимаго профессора. Незданныя до сего времени лекціи В. О. Ключевского являлись, тѣмъ не менѣе, цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи для десятковъ тысячъ молодыхъ людей, никогда не видавшихъ ихъ автора. Художественно-прекрасныя по изложенію, глубокія по содержанию, блестящія по цѣлому ряду остроумныхъ сопоставленій и характеристикъ, эти лекціи однажды могли бы составить славу имени популярнаго историка. Но ими далеко, однако, не исчерпывается ученая дѣятельность В. О., давашаго цѣлый рядъ выдающихся изслѣдованій наиболѣе важныхъ сторонъ русской государственной жизни. Назовемъ хотя бы нѣкоторыя работы: «Боярская дума древней Руси», «Происхожденіе крѣпостного права», «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи», «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси» и др.

VIII-й пироговскій съѣздъ врачей въ Москвѣ.

(3—10 января 1902 г.).

Труды съѣзда кончены и, конечно, не теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго въ Москвѣ за эту недѣлю, подводять итоги съѣзду, цѣнности и значенію его результатовъ. Все это дѣло будущаго, но и сейчасъ нельзя достаточно надивиться энергій и наумительной работоспособности какъ правленія пироговскаго общества, такъ и организаціоннаго комитета съѣзда.

Просто диву даешься, какъ сравнительно незначительное число людей, при

ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, при крайне неблагоприятныхъ вѣшнихъ обстоятельствахъ, продѣлываетъ такую массу тяжелого, незамѣтнаго черноваго труда. Для полученія одного доклада въ нѣсколько печатныхъ страницъ требуется иногда годъ работы, и все это дѣлаетъ правленіе, которое въ своемъ отчетѣ должно, въ виду скудости средствъ, довольно долго оправдывать расходъ въ 80 руб. на постановку такъ необходимаго правленію телефона...

Если въ этому прибавить всю неприглядную обстановку любого общественнаго дѣла у насъ, если обратить вниманіе на длинный перечень возбужденныхъ первостепенной важности ходатайствъ, оставляемыхъ безъ отвѣта или отвергаемыхъ, то станетъ понятно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ небольшой арміей чистѣйшихъ идеалистовъ, выдающихъ въ прекрасномъ далеки свою свѣтлую цѣль и идущихъ къ ней, хотя медленными шагами, черезъ всевозможныя препятствія.

Говоря о VII-мъ пиროговскомъ съѣздѣ въ Казани *), я не могъ не отмѣтить, что врачи, при обсужденіи разныхъ вопросовъ, находятся какъ бы въ заколдованномъ кругу.

Въ самомъ дѣлѣ, уже давно стало общимъ мѣстомъ, что одной лечебной медицины, какъ бы велики и изумительны ни были ея успѣхи, недостаточно для борьбы съ народными болѣзнями, что безконечно важнѣе профилактика болѣзней, которой занимается общественная санитарія и гигиена. А эти послѣднія, по самой своей сущности, приходятъ въ соприкосновеніе со всевозможными сторонами общественной и соціальной жизни населенія, съ бытовыми условіями его жизни, со степенью его культуры, образованности и т. д. Отсюда понятно, что врачамъ, при обсужденіи, казалось бы, узкихъ вопросовъ своей специальности, приходится серьезно останавливаться на такихъ сторонахъ нашей жизни, которыя, съ точки зрѣнія близорукихъ людей, далеко выходятъ за предѣлы компетенціи врачей, и это тѣмъ болѣе необходимо у насъ, гдѣ огромная часть общества находится въ спячкѣ, гдѣ мы почти не имѣемъ другихъ обществъ, союзовъ, органовъ и т. д., которые взяли бы на себя трудъ если не разрѣшенія, то хотя возбужденія какихъ-либо важныхъ вопросовъ. Врачи, напр., обсуждаютъ вопросъ объ алкоголизмѣ, прямо относящійся къ ихъ специальности, но, обсуждая его, они не могутъ обойти молчаніемъ и того, что одной изъ причинъ развитія пьянства являются до сихъ поръ не отмѣненные, позорящіе насъ тѣлесныя наказанія, и понятно возбужденіе вновь ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ прискорбію, такіа ходатайства остаются безъ отвѣта...

Признано всѣми, что для борьбы съ эпидеміями и вообще съ разнаго рода болѣзнями необходимо, чтобы въ населеніи развивались здравыя гигиеническія понятія, а для достиженія этой цѣли нужно устройство чтеній для народа, нужны бібліотеки, книги, демонстраціи и т. д. Нѣкоторые земства въ смѣту на борьбу съ эпидемическими болѣзнями прямо вносятъ уже извѣстную сумму на изданіе книгъ. Между тѣмъ, это дѣло обставлено у насъ величайшими

*) «Миръ Божій», іюнь 1899 г.

затрудненіями. Изъ доклада комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаній въ народѣ мы узнаемъ, что ходатайства о разрѣшеніи такихъ чтеній остаются безъ отвѣта по годамъ, что даются они только извѣстному лицу, и нерѣдко случается такъ, что лицо, просившее въ данномъ мѣстѣ о разрѣшеніи, не дождавшись такого, мѣняетъ мѣсто службы и на старомъ мѣстѣ получается разрѣшеніе, когда уже нѣтъ просителя, а этотъ самый проситель на новомъ мѣстѣ долженъ вновь возбуждать ходатайство и т. д. безъ конца. Вѣдь это сказка про бѣлаго бычка...

Какъ врачамъ, обсуждающимъ вопросъ о вредѣ для здоровья и опасности для жизни цѣлаго ряда промысловъ, производствъ, не задумываться надъ вопросами объ огражденіи жизни рабочихъ, объ ихъ страхованіи, сокращеніи рабочаго времени, объ огражденіи труда малолѣтнихъ и т. п. Нельзя, поэтому, не согласиться съ д-ромъ Н. Ивановымъ, который въ своемъ докладѣ «Объ условіяхъ успѣшнаго проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій», между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «При данныхъ экономическихъ условіяхъ, опредѣляющихъ матеріальную возможность тѣхъ или иныхъ санитарныхъ мѣропріятій, успѣхъ ихъ зависитъ отъ двухъ моментовъ: отъ сознательнаго отношенія къ нимъ населенія и привычки его къ самодѣтельности. Сознательное отношеніе къ общественному дѣлу, въ свою очередь, воспитывается только общественной самодѣтельностью. Отсюда ясно, что широкое пониманіе санитарныхъ мѣропріятій и проведеніе ихъ въ жизнь возможно лишь при посредствѣ самоуправляющихся общественныхъ организацій. Централизація, бюрократическая опека надъ населеніемъ и, какъ неизбежные спутники ихъ, приказъ и наказаніе за неисполненіе приказаній—враги истинной общественной санитаріи и медицины».

На съѣздѣ работало 25 секцій, въ которыя заслушаны были сотни докладовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ медицинской спеціальности.

Однимъ изъ центральныхъ, можетъ быть, важнѣйшимъ, былъ вопросъ о туберкулезѣ, какъ о народной болѣзни, и о мѣрахъ борьбы съ нимъ.

Еще на VII-мъ пироговскомъ съѣздѣ проф. В. Д. Шервинскимъ былъ представленъ докладъ, въ которомъ имѣлись слѣдующія положенія: 1) принять вопросъ о борьбѣ съ бугорчаткой въ число постоянныхъ работъ съѣзда; 2) образовать комиссію изъ членовъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова для подготовительныхъ къ съѣзду работъ по этому вопросу и поручить этой комиссіи выработать программу разработки этого вопроса. Докладъ проф. Шервинскаго былъ одобренъ съѣздомъ, и комиссія при правленіи общества изъ вполне компетентныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Шервинскаго, была образована. Къ настоящему съѣзду комиссія представила свой обстоятельный докладъ, и надо ей отдать справедливость—она сдѣлала большую и сложную работу.

Комиссія изучила рѣшительно все, что относится къ туберкулезу, ознакомилась со всѣми трудами по этому вопросу не только у насъ, но и за границей, и приведенія нѣсколькихъ пунктовъ программы работъ комиссія будетъ достаточно для того, чтобы понять, какую поистинѣ удивительную работу сдѣлала эта комиссія. Программа эта слѣдующая: 1) обзоръ трудовъ пирогов-

скихъ съѣздовъ и другихъ русскихъ врачебныхъ обществъ, а также земствъ и городовъ; 2) обзоръ трудовъ заграничныхъ съѣздовъ по вопросу о туберкулезѣ; 3) сводъ научныхъ положеній о туберкулезѣ, какъ инфекціонной болѣзни: а) по діагностикѣ туберкулеза; б) по этиологіи туберкулеза (роль наследственности, личнаго предрасположенія и вѣшной среды, какъ въ смыслѣ непосредственнаго вліянія на организмъ, такъ и въ смыслѣ распространенія заразнаго начала); в) по вліянію различныхъ факторовъ экономической и соціальной жизни на развитіе и распространеніе туберкулеза среди населенія и пр.; 4) положеніе статистики туберкулеза въ Россіи по вѣдомствамъ и учрежденіямъ въ связи съ общей санитарной статистикой; 5) сводъ статистическихъ данныхъ о туберкулезѣ въ Россіи, 6) санитарное законодательство и обязательное постановленіе по отношенію къ туберкулезу у людей и животныхъ и т. д. и 7) желательныя мѣры борьбы съ туберкулезомъ: законодательныя, общественныя и частныя. Въ исполненіе этой обширной программы въ комиссіи было сдѣлано 20 обстоятельныхъ сообщеній, изъ коихъ нѣкоторыя появились къ съѣзду, какъ вполне самостоятельныя и въ высокой степени цѣбныя сочиненія, а именно книга д-ра Ф. А. Гетье «Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ» и д-ра Ф. М. Блюментала: «Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзью, въ Западной Европѣ и Америкѣ». Часть I (Бельгія. Франція. Англія. Германія). Результаты дѣятельности комиссіи, труды которой далеко еще не кончены, выразились пока: 1) въ разработкѣ программы по изученію туберкулеза; 2) въ выработкѣ мѣръ общественной борьбы съ туберкулезомъ; 3) въ выработкѣ проекта учрежденія при обществѣ врачей въ память Н. И. Пирогова постоянной комиссіи и программы дѣятельности комиссіи и 4) въ составленіи проекта устава русскаго общества для борьбы съ туберкулезомъ.

Не останавливаясь здѣсь на детальномъ разсмотрѣніи всѣхъ сдѣланныхъ комиссіей трудовъ, скажемъ только, что комиссія, правильно понявъ обширную свою задачу, поставила дѣло на надлежащую почву и теперь только нужна дружная работа всѣхъ общественныхъ силъ для того, чтобы, видя по прекрасно разработанному комиссіей пути, добиться цѣли, т.-е. побѣды надъ однимъ изъ злѣйшихъ враговъ человѣчества.

Читатель не получилъ бы надлежащаго представленія о трудѣ комиссіи по туберкулезу, если бы мы не сказали хотя нѣсколько словъ объ устроенной д-ромъ Ф. М. Блюменталемъ, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ комиссіи, выставкѣ по туберкулезу. Самъ Блюменталь скромно называетъ свою выставку иллюстраціей къ вышеназванной книгѣ его. Выставка пріютилась въ одной изъ комнатъ при бюро съѣзда, и собрано на ней рѣшительно все, что сдѣлано въ Европѣ въ смыслѣ ознакомленія населенія съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзью. Тутъ видѣются всѣ изданія, всѣ афиши, брошюры, листки, картинки и т. д., которыя въ огромномъ количествѣ выпускаются въ Европѣ разными обществами по борьбѣ съ туберкулезомъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о туберкулезѣ, слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ отпадномъ явленіи, которое впервые отмѣчается именно на послѣд-

немъ съѣздѣ. Мы говоримъ о докладахъ по туберкулезу, представленныхъ двумя тюремными врачами, которые констатируютъ вредную роль тюрьмы, между прочимъ, и въ смыслѣ распространенія туберкулеза. По справедливому замѣчанію д-ра Жбанкова, эти доклады являются лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ, о которомъ до сихъ поръ не было рѣчи на съѣздахъ врачей.

Сюда же надо отнести докладъ д-ра Л. Поддубскаго «Тюремный врачъ». Въ докладѣ д-ра Поддубскаго имѣются слѣдующія положенія: 1) настоящее положеніе тюремныхъ врачей какъ по закону, такъ и въ особенности на практикѣ крайне неопредѣленно, а дѣятельность ихъ совершенно пассивна, благодаря чему у нихъ есть возможность только лѣчить заболѣвшихъ въ тюрьмѣ, но не предупреждать заболѣванія. Это ненормальное положеніе служитъ одной изъ причинъ отсутствія развитія тюремной медицины и гигиены — отраслей науки, имѣющихъ значительныя особенности и заслуживающихъ права на самостоятельное существованіе; 2) необходимо дать тюремнымъ врачамъ опредѣленное, самостоятельное и отвѣтственное въ ихъ спеціальной дѣятельности положеніе, равносильное членамъ администраціи, чтобы ихъ изслѣдованія имѣли заключенія, преступниковъ и условій ихъ жизни, ихъ мнѣнія и заключенія имѣлись въ виду какъ для предупрежденія заболѣваній въ тюрьмахъ, такъ и для принятія мѣропріятій по воздѣйствію на преступниковъ въ цѣляхъ ихъ исправленія, соотвѣтственно изученнымъ врачомъ особенностямъ психической и физической организаціи каждаго отдѣльнаго преступника. Въ третьемъ своемъ положеніи д-ръ Поддубскій предлагаетъ на будущихъ съѣздахъ организовать отдѣльную секцію по тюремной медицинѣ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ засѣданій съѣзда было соединенное засѣданіе секцій общественной медицины и нервныхъ болѣзней, посвященное не менѣе, чѣмъ туберкулезу, страшному бичу—алкоголизму. Интересъ засѣданія усугублялся тѣмъ, что почетнымъ предсѣдателемъ его былъ избранъ д-ръ И. Н. Нижегородцевъ, предсѣдатель петербургской комиссіи по алкоголизму, успѣвшей уже возбудить нѣсколько серьезныхъ ходатайствъ, между прочимъ, и по вопросу о принудительномъ лѣченіи въ особыхъ учрежденіяхъ «опасныхъ» пьяницъ. По этому послѣднему вопросу возникли горячіе дебаты, причѣмъ огромное большинство высказывалось противъ этой принудительной мѣрѣ, еще раньше осужденной *всей* нашей печатью.

Въ дебатахъ указывалось на то, что у насъ имѣтъ еще вполне опредѣленныхъ терминовъ, по которымъ можно было бы раздѣлить алкоголиковъ на классы, что опредѣленіе «опасный пьяница» можетъ разными лицами и учрежденіями трактоваться по своему усмотрѣнію и что, такимъ образомъ, можетъ быть созданъ у насъ еще одинъ институтъ для произвола и усмотрѣнія. По вопросу о значеніи въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ личнаго прамѣра исполнѣ справедливо указывалось на то, что и врачамъ самимъ слѣдовало бы не только говорить о вредѣ алкоголя, но и на дѣлѣ отказаться отъ него.

Какъ бы то ни было, всѣ споры и разговоры ни къ чему опредѣленному не привели, и рѣшено было сдѣлать вопросъ объ алкоголизмѣ программнымъ для будущаго съѣзда.

Вообще, по поводу передачи вопросов на слѣдующіе сѣзды и предложеній многихъ секцій о созданіи при правленіи для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ новыхъ комиссій, приходится сказать, что такого рода резолюціи свидѣтельствуютъ о большомъ довѣріи и уваженіи къ правленію общества, какими по справедливости пользуется это правленіе среди врачей, но нельзя же забывать, что правленіе это врядъ ли въ силахъ, при всемъ желаніи, надежащимъ образомъ справиться съ той массой порученій, которыя передаются ему сѣздами.

Проф. М. Я. Капустинъ въ послѣднемъ общемъ собраніи указывалъ на то, что такое обиліе предлагаемыхъ секціями комиссій свидѣтельствуетъ о томъ, что секціи относятся съ большой осторожностью и серьезностью къ рѣшаемымъ вопросамъ.

Можетъ быть, это и такъ, но намъ кажется, что невозможность рѣшить какой либо вопросъ тутъ же въ собраніи можетъ быть еще объяснена недостаточной обоснованностью многихъ докладовъ, что вопросъ нерѣдко преподносится, такъ сказать, въ сыромъ видѣ.

Изъ имѣющихъ общій интересъ вопросовъ, обсуждавшихся на сѣздѣ, заслуживаетъ вниманія вопросъ о санитарной организаціи нашихъ городовъ.

По этому вопросу представлено было четыре доклада, изъ которыхъ особенно вниманія заслуживаетъ докладъ д-ра А. А. Чертова. Послѣдній воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который былъ собранъ правленіемъ общества для предполагающагося къ изданію «Сборника свѣдѣній о городской медицинѣ въ Россіи».

Какъ и можно было предвидѣть, этотъ матеріалъ, хотя еще не полный—получено всего свѣдѣній о 258 городахъ—даетъ основаніе сдѣлать самые печальные выводы о положеніи у насъ врачебно-санитарнаго дѣла въ городахъ.

Въ большинствѣ городовъ число больничныхъ мѣстъ недостаточно и далеко не соответствуетъ численности городского населенія, въ больничная помощь тоже почти повсюду неудовлетворительно организована. Существующія санитарныя организаціи находятся почти во всѣхъ городахъ въ зачаточномъ состояніи, на лучшій конецъ имѣется одинъ или нѣсколько санитарныхъ врачей, усилія которыхъ направляются только на борьбу съ заразными болѣзнями; мѣстныя санитарныя условія нигдѣ почти не изучены, не обследованы, а между тѣмъ, большинство городовъ находится въ крайне антисанитарномъ состояніи: только 8 городовъ располагаютъ правильной канализаціей, въ многихъ городахъ, если не повсюду, естественные водоемы загрязнены, правильное водоснабженіе отсутствуетъ и т. д. Участіе общественнаго элемента, въ видѣ такъ называемыхъ участковыхъ попечительствъ, въ дѣлѣ санитарнаго благоустройства, сводится почти къ нулю. «Только при сильномъ развитіи эпидемическихъ заболѣваній,—говоритъ докладчикъ,—или при появленіи слуховъ о надвигающейся бѣдѣ (въ родѣ холеры или чумы) начинается спѣшная работа въ видѣ усиленныхъ осмотровъ, чистки дворовъ и жалищъ, изданія обязательныхъ постановленій, увеличенія медицинскаго персонала и т. д. По минованіи опасности все приходитъ въ прежній видъ».

Приятное включеніе въ этомъ отношеніи представляетъ одна Одесса, гдѣ, какъ намъ не разъ уже приходилось отмѣчать, участія общественнаго элемента въ санитарныхъ дѣлахъ поставлено болѣе или менѣе цѣлесообразно и приноситъ большую пользу населенію.

Расходъ городовъ на врачебно-санитарное дѣло, по имѣющимся свѣдѣніямъ, о 161 городѣ, сводятся къ слѣдующему: 4 города, а именно, Петербургъ, Москва, Рига, Одесса, удѣляютъ на это дѣло отъ 15 до 20% общаго городского бюджета, 7 городовъ тратятъ отъ 10 до 15%, 28—отъ 5 до 10%, 90 отъ 1 до 5%, 16 менѣе 1% и, наконецъ, 16 городовъ совсѣмъ ничего не расходуютъ.

Къ числу общественноинтересныхъ докладовъ должны быть отнесены и доклады о введеніи преподаванія гигиены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и и въ особенности профессиональной гигиены въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, объ огражденіи здоровья и жизни рабочихъ при сельско-хозяйственныхъ работахъ и на фабрикахъ и заводахъ, о сокращеніи на этихъ послѣднихъ рабочаго дня, о лучшей постановкѣ вопроса о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья и т. д.

Съ большимъ сочувствіемъ было принято съѣздомъ предложеніе д-ра Д. Н. Жбанкова, еще раньше сдѣланное имъ съ такимъ же успѣхомъ на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ, о возбужденіи ходатайства о допущеніи въ университетъ женщинъ безъ различія національности. Такъ какъ существующіе сейчасъ отдѣльные курсы и институты для женщинъ не могутъ принять у себя всѣхъ желающихъ учиться и такъ какъ для созданія новыхъ отдѣльныхъ учрежденій нѣтъ средствъ, то весьма естественнымъ является предложеніе о допущеніи женщинъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія для совмѣстнаго съ мужчинами обученія, тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ такое совмѣстное обученіе практикуется, ничего, кромѣ хорошаго, не получилось.

Одной изъ самыхъ слабыхъ секцій на послѣднемъ съѣздѣ оказалась секція по вопросамъ врачебнаго быта. Если исключить докладъ д-ра К. Н. Соколова, предлагавшаго создать при пироговскомъ обществѣ врачей «Справочно-посредническую комиссію», которая взяла бы на себя посредническія обязанности по замѣщенію вакантныхъ мѣстъ медицинскаго персонала, то на засѣданіяхъ этой секціи не было заслушано ничего такого, что заслуживало бы вниманія. И это тѣмъ болѣе удивительно и тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что возбуждавшія и врачей и публику «Записки врача» г. Вересаева давали бы, кажется, поводъ и защитникамъ, и противникамъ этихъ записокъ высказаться по многимъ животрепещущимъ вопросамъ врачебнаго быта. Выступившій съ докладомъ объ отношеніяхъ между врачами и публикой врачъ больше толковалъ о томъ, что при выслушиваніи и выстукиваніи больныхъ нужна абсолютная тишина, и въ отсутствіи этой тишины въ большихъ клиникахъ видѣтъ чуть ли не главный недостатокъ медицинскаго образованія, а для урегулированія тяжелаго гонорарнаго вопроса предлагалъ созданіе какихъ-то особыхъ билетиковъ, на которыхъ врачъ долженъ заранѣе обозначать предполагаемую продолжительность и трудность лѣченія даннаго случая и соответственно

*

этому обозначалъ бы свой гонораръ. Одинъ изъ оппонентовъ предлагаетъ превратить пациентовъ въ кліентовъ и въ этомъ находить спасеніе всего дѣла, другой указываетъ на то, что медицинское образованіе идетъ плохо потому что профессора назначаются, а не избираются, и что эти назначаемые профессора оставляютъ при клиникахъ для усовершенствованія не самыхъ достойныхъ, а тѣхъ, кто имъ нравится, а третій заявляетъ, что налогъ устанавливается только на предметы роскоши, что налогъ на предметы первой необходимости несправедливъ, что врачи представляютъ предметъ первой необходимости и что, поэтому, неудобно говорить о гонорарѣ... Все это было вяло, непослѣдовательно и какъ то внезапно...

А между тѣмъ, еще разъ повторяю, — можно только пожалѣть, что врачи, собравшись въ такомъ большомъ количествѣ, какъ будто обошли молчаніемъ книгу, такъ близко врачей касающуюся и обратившую на себя всеобщее вниманіе.

Появившіеся до сихъ поръ въ печати критическіе отзывы о «Запискахъ врача» г. Вересаева въ огромномъ большинствѣ — мы говоримъ о критикѣ со стороны врачей — были крайне пристрастны. Только за послѣдніе дни, въ видѣ протеста противъ такого рода критики, появляются сочувственные автору «Записокъ» письма.

Группа врачей на одномъ изъ бывшихъ во время сѣзда обѣдовъ отправила г. Вересаеву привѣтственную телеграмму.

Еще на VII-мъ пиროговскомъ сѣздѣ въ Казани, въ виду бывшего тогда въ восточныхъ губерніяхъ голода, врачами былъ организованъ врачебно-продовольственный комитетъ, встрѣченный весьма сочувственно какъ населеніемъ, пострадавшимъ отъ голода, такъ и обществомъ, поспѣвшимъ на помощь комитету со своими пожертвованіями. Въ настоящему сѣзду изданы обстоятельный отчетъ какъ комитета, такъ и одесскаго его отдѣленія. Въ виду того, что голодъ не покидаетъ насъ, сѣздъ рѣшилъ продолжать свое полезное дѣло и перенести центръ комитета въ Москву, гдѣ, надо надѣяться, недостатка въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ и моральной помощи не будетъ.

Какъ повторяется голодъ, такъ въ сущности при обсужденіи вопросовъ общественной медицины, какъ науки, на сѣздахъ повторяются, конечно, съ нѣкоторыми вариантами одни и тѣ же разговоры, которые ведутся почти одними и тѣми же лицами. Это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же темъ и способа ихъ трактованія отнюдь не можетъ быть поставлено въ упрекъ участникамъ сѣзда. Поневолѣ приходится повторяться, разъ условія общественной жизни, создавшія извѣстное положеніе, остаются безъ измѣненія..

Говоря о сѣздѣ, нельзя не упомянуть о привѣтствіяхъ, полученныхъ сѣздомъ отъ Рудольфа Вирхова и Ф. Ф. Эрисмана. Оба привѣтствія вызвали бурю восторга, а отсутствіе Эрисмана проф. М. Я. Капустинъ вполне мѣтко назвалъ большимъ недоразумѣніемъ... И Вирхову, и Эрисману посланы были отвѣтныя телеграммы.

Заканчивая бѣглую замѣтку о сѣздѣ, не могу не указать на то, что въ 25 секціяхъ за 6 дней было заслушано больше 300 докладовъ. Не слишкомъ

ли это много? Не лучше-ли было бы имѣть меньше докладовъ, но болѣе обоснованныхъ, какъ уже указано выше. Необходимо, кажется, хотя бы по возможности, достигнуть того, чтобы всѣ доклады были раньше напечатаны цѣликомъ, что лучше всего, или, по крайней мѣрѣ, въ видѣ рефератовъ въ издаваемыхъ къ сѣзду докладахъ. Тогда всякій могъ бы заранѣе ознакомиться съ тѣмъ, что ему предстоитъ прослушать въ данномъ засѣданіи, въ которомъ можно было бы прямо или только по прочтеніи положеній приступать къ преніямъ. А то теперь тратится много дорогого времени на самое чтеніе. Далѣе, повидимому, никакъ нельзя добиться того, чтобы въ возраженіяхъ говорилось только «существенное, а не повторялось, какъ это часто бываетъ, сказанное уже кѣмъ-либо раньше.

Врачъ В. И. Бинштокъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Европы»—январь; «Журналъ для всѣхъ»—январь. «Русская Старина»—январь; «Русское Богатство»—декабрь).

Въ наступившемъ году «Вѣстнику Европы» исполнилось въ нѣкоторомъ смыслѣ столѣтіе его существованія, ибо журналъ того же названія, «не издаваемый Николаемъ Карамзинимъ», вышелъ въ первый разъ въ началѣ января 1802 года. Но это только «въ нѣкоторомъ смыслѣ»; въ теченіе этого времени въ судьбѣ журнала былъ тридцатипятилѣтній перерывъ, и нынѣшній «Вѣстникъ Европы» вступилъ хотя и въ весьма почтенный, но сравнительно съ столѣтіемъ все же небольшой возрастъ, исчисляющійся въ тридцать шесть лѣтъ. Но выходъ первой книжки «Вѣстника Европы» сто лѣтъ тому назадъ фактъ во всякомъ случаѣ достойный того, чтобы быть особо отмѣченнымъ, и редакція журнала хорошо поступила, приложивъ къ январьской книжкѣ факсимиле «обертки журнала того же формата и цвѣта», подъ какою выходилъ онъ въ изданіи Карамзина. Лишь записнымъ специалистамъ дѣла да немногочисленнымъ любителямъ библіографіи приходится видѣть, роясь «въ хронологической пыли бытописанія земли», старые-старые журналы, т. е. тѣ когда-то волновавшія кровь нашихъ дѣдовъ изданія, что мирно покоятся теперь на полкахъ немногихъ въ Россіи обширныхъ книгохранилищъ, и потому факсимиле карамзинскаго «Вѣстника Европы» явятся для большинства нашей публики, именно вслѣдствіе «старости» его лѣтъ, полной «новинкой». Желаемъ почтенному журналу дожить до того времени, когда будетъ приложено къ нему какое-либо «факсимиле» по случаю *непрерывнаго* существованія «Вѣстника Европы» въ теченіе столѣтія.

Среди статей январьской книжки этого журнала насъ заинтересовала статья г. Гутьяра «И. С. Тургеневъ и П. И. Анненковъ», но, по прочтеніи ея, намъ показалась болѣе смѣлою, чѣмъ убѣдительною попытка г. Гутьяра опровергнуть установленное въ нашей литературѣ мнѣніе, что героями многихъ тургеневскихъ романовъ и повѣстей являлись, при прочихъ несомнѣнныхъ ихъ достоинствахъ, все же люди въ большинствѣ случаевъ слабые и безхарактерные.

«Слабовольность Рудина,—говорить г. Гутьяръ,—усматривать обыкновенно въ его отказѣ (?) жениться на Наташѣ. Но при чемъ тутъ воля, крѣпость ея или безсиліе, когда Рудинъ не любилъ очарованной имъ дѣвушки?»

«Въ повѣсти «Ася» выведенъ не «слабовольный» человекъ, а неопытный юноша, застигнутый врасплохъ страстными признаніями дѣвушки, оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которую герой, конечно, не любилъ. Въ чемъ онъ выразилъ свою слабость? Въ томъ, что не до конца поддался обаянію ея внезапной любви? Въ томъ, что не сумѣлъ оцѣнить ея честной природы, всей поэзіи ея молодости?»

Такова аргументація г. Гутьяра, по существу весьма и весьма слабая. Рудинъ «отказался» (когда это Рудинъ «отказывался» жениться на Наташѣ? Онъ рѣшилъ *покориться* встрѣченному со стороны родителей дѣвушки отказу, а вовсе не отказывался самъ, что далеко не одно и то же) жениться на Наташѣ, потому что не любилъ очарованной имъ дѣвушки. Но тогда, зачѣмъ же онъ домогался ея любви и ея руки? Г. Гутьяръ долженъ согласиться, что, защищая Рудина отъ упрека въ «слабовольности», онъ обрисовываетъ его личность гораздо худшими красками, даетъ такое толкованіе его характеру, подъ которымъ никогда не подписался бы Тургеневъ и которое идетъ совершенно въ разрѣзъ со всеми нашими представленіями о полной нравственной порядности того типа слабыхъ, но, безъ сомнѣнія, благородныхъ «людей, сороковыхъ годовъ», однимъ изъ представителей которыхъ является въ нашей литературѣ Рудинъ. Не любилъ Наташа! А если бы любилъ и все-таки получилъ *отказъ* со стороны ея родителей,—какъ повелъ бы онъ себя въ этомъ случаѣ? Въ томъ и дѣло, что видъ фразъ: «что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами» и пр.,—Рудинъ не былъ бы Рудиномъ. То же самое и герой повѣсти «Ася». Герой былъ «застигнутъ врасплохъ страстными признаніями дѣвушки, оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которую онъ, конечно, не любилъ». Но зачѣмъ же герой такъ неопытенъ и такъ неостороженъ? Не позволено ли ему свиданіе и такъ нелѣпо *послѣ* этого свиданія? Насъ, конечно, мало бы интересовали сердечныя дѣла Рудина и героя «Аси», если бы обнаруженные этими героями въ ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ свойства не объясняли намъ совершенно ясно причины нерѣшительности такихъ героев и въ дѣлахъ иного порядка. Но въ томъ-то и состояло печальное свойство вскормленныхъ крѣпостными хлѣбамъ героевъ, что они всегда готовы были играть съ огнемъ, но такъ, чтобы не обжечься, раздражать свои нервы, но лишь до указываемаго «благоразуміемъ» предѣла. Статья Чернышевскаго «Русскій человекъ на rendez-vous», написанная имъ по поводу именно тургеневской повѣсти «Ася», выявляетъ какъ нельзя лучше эту сторону дѣла. Вѣдь, тутъ, въ этихъ свойствахъ «людей сороковыхъ годовъ», и лежала причина розни между ними и «разночинцами» типа Чернышевскаго и Добролюбова.

Кстати о Добролюбовѣ. Въ «Журналѣ для всѣхъ» помѣщена очень интересная статья г. М. Антоновича, подъ заглавіемъ «Изъ воспоминаній о Николаѣ Александровичѣ Добролюбовѣ». Намъ тѣмъ пріятнѣе остановиться на этой статьѣ,

что сорокалѣтіе со дня смерти знаменитаго критика-публициста ознаменовалось появленіемъ въ нашей литературѣ гораздо меньшаго количества статей и воспоминаній, чѣмъ этого можно было бы ожидать, принимая во вниманіе столь крупный въ исторіи нашей журналистики фактъ. Если не считать газетныхъ статей, то на годовщину смерти Добролюбова откликнулся одинъ лишь нашъ журналъ. Правда, въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» упомянулъ память Добролюбова и этотъ журналъ, но лишь въ формѣ чрезвычайно легковѣсной попытки г. Подарскаго опровергнуть нѣкоторыя соображенія, высказанныя въ помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьѣ г. Богучарскаго «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли». Отмѣчая нѣкоторыя мысли по этому поводу г. Богучарскаго, г. Подарскій «оставляетъ вопросъ въ сторонѣ, въ какихъ индивидуальныхъ свойствахъ противниковъ лежатъ причина того распредѣленія историческихъ ролей, которыми распорядилась судьба, сдѣлавъ изъ Герцена, бывшаго социалистомъ уже въ 40-хъ годахъ, временнаго, наиболѣе блестящаго выразителя русскаго либерализма, а изъ Чернышевскаго и Добролюбова представителей русскаго радикализма», но находитъ, что этотъ вопросъ «врядъ ли разрѣшимъ на основаніи слишкомъ простыхъ соображеній, вродѣ того, что Чернышевскій и Добролюбовъ были, моль, семинаристами, а Герцень—богатымъ «баринемъ». Самъ г. Подарскій думаетъ, что «не въ разницѣ между типомъ «разночинца» и типомъ «барина» надо искать основныхъ причинъ столкновенія между Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Герценомъ, а въ разницѣ между двумя типами общественныхъ партій». Совершенно вѣрно, но г. Подарскій занимается только игрою словъ. Если бы онъ занимался существомъ дѣла, то спросилъ бы себя: а почему же въ эпоху столкновенія между Чернышевскимъ-Добролюбовымъ и Герценомъ (не въ эпоху послѣдующую, а именно эту) на сторонѣ одного изъ двухъ «типовъ общественныхъ партій» оказались преимущественно «разночинцы», а на сторонѣ другого преимущественно «бары»? Если бы онъ хорошенько изслѣдовалъ этотъ вопросъ, то увидѣлъ бы, что г. Богучарскій говорилъ именно о столкновеніи двухъ «типовъ общественныхъ партій», да только, не останавливаясь на поверхности явленія, старался указать на ту, вызывавшуюся болѣе общими условіями, группировку общественныхъ силъ, вслѣдствіе которой долженъ былъ произойти расколъ между «разночинцами» и «барями». Г. Подарскій, да и нѣкоторые другіе сотрудники «Русскаго Богатства», все упрекаютъ своихъ литературныхъ оппонентовъ, что они статьи г. Михайловскаго плохо помнятъ *), а между тѣмъ, помнятъ они ихъ очень хорошо, помнятъ,

*) Вотъ слова г. Подарскаго: «Дѣйствительно то, что говоритъ г. Богучарскій о разницѣ между «прогрессистами» сороковыхъ годовъ, «вышедшими почти поголовно изъ барской среды», и «появленными» разночинцами» было давно выражено въ «Отечественныхъ Запискахъ». Советую развернуть читателю, напр., мартовскій номеръ 1874 года на «Литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ» (т.-е. одну изъ статей г. Михайловскаго): онъ найдетъ тамъ такое объясненіе различія въ міровозрѣніи между двумя упомянутыми категоріями литераторовъ, какое въ смыслѣ пониманія социальной почвы, выростившей эти различныя же плоды торчества, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мы указываемъ потому на это обстоятель-

напр., такія слова г. Михайловскаго: «Каждый видалъ, вѣроятно, такъ называемыхъ людей сороковыхъ годовъ, которые въ свое время даже пострадали за свое пристрастіе къ лучамъ свѣта и свободы и которые въ шестидесятыхъ годахъ вдругъ окрыслились, не будучи въ состояніи побѣдить въ себѣ непріятнаго чувства къ людямъ, въ конечномъ результатѣ имъ, повидимому, вовсе не столь противныиъ» *). Г. Михайловскій констатируетъ фактъ раскола, между «людьми сороковыхъ» и людьми шестидесятыхъ годовъ», а кому же неизвестно, что, за самыми незначительными исключеніями, «люди сороковыхъ годовъ» были всё по прохожденію «баре», а въ шестидесятыхъ на авансцену «разночинецъ выступилъ»? Значитъ, и по мнѣнію г. Михайловскаго, столкновение взглядовъ произошло именно между «барами» и «разночинцами», а г. Подарскій теперь упрекаетъ другихъ въ незнаніи статей г. Михайловскаго и пишетъ въ редактируемомъ г. Михайловскимъ журналѣ, что «не въ разницѣ между типомъ «разночинеца» и типомъ «барина» надо искать основныхъ причинъ столкновения между Чернышевскимъ-Добролюбовымъ и Герценомъ, а въ разницѣ между двумя типами общественныхъ партій». Не твердо, не твердо знаетъ г. Подарскій молитвы изъ своего Бюрана...

Перейдемъ, однако, къ статьѣ г. Антоновича, помѣщенной въ «Журналѣ для всѣхъ». Основываясь на своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Добролюбову, г. Антоновичъ обрисовываетъ личность славнаго дѣятеля на русской литературной нивѣ чрезвычайно симпатичными штрихами. Авторъ «Воспоминаній» написалъ для «Современника» свою первую статью, прочтя которую Добролюбовъ, хотя и забраковалъ ее, но письменно ободрилъ г. Антоновича, чтобы онъ не смущался такой неудачей, и въ заключеніе письма приглашалъ его зайти въ редакцію. Г. Антоновичъ не замедлил воспользоваться приглашеніемъ и былъ принятъ Добролюбовымъ крайне сердечно. «Онъ принялъ меня, — рассказываетъ г. Антоновичъ, — безъ всякихъ церемоній и чрезвычайно запросто, какъ бы давнишняго короткаго знакомаго или товарища... участливо сталъ разспрашивать меня о моемъ вѣншнемъ положеніи, о моихъ планахъ и намѣреніяхъ, о томъ, къ чему я чувствую особенное влеченіе и какая отрасль знанія мнѣ нравится и болѣе извѣстна... Въ заключеніе нашего свиданія онъ сказалъ: «непремѣнно приходите ко мнѣ вечеромъ въ такіе-то дни». Такъ сталъ бывать г. Антоновичъ на квартирѣ Добролюбова, и знаменитый критикъ тутъ же сталъ направлять въ наиболѣе цѣнное для него русло мысли новаго знакомаго. «У Добролюбова бібліотека была небольшая, но состояла изъ самыхъ избранныхъ книгъ. Узнавъ отъ меня, что я питаю нѣкоторую слабость къ философіи, а между тѣмъ, мало знакомъ съ крайней лѣвой гегеліанства и знаю Фейербаха только по наслышкѣ, онъ далъ мнѣ его сочиненія и настоятельно рекомендовалъ протрудивать его два сочиненія: «Das Wesen der Religion» и

ство, что слишкомъ уже часто русскіе люди забываютъ о преемственности идей и, не справляясь съ исторіей нашей мысли, склонны, сами того не подозрѣвая, какъ бы заново, трактовать запаянныя вещи, — трата времени и логическихъ усилій довольно непроеводительная!..» Комментировать ли всё эти поученія г. Подарскаго?.. Нѣтъ, не стоятъ...

*) «Литературныя и журнальныя замѣтки», 1874 года. стр. 117.

«Das Wesen Christenthums». Давалъ Добролюбовъ мнѣ, между прочимъ, сочиненіе Прудона «Système des contradictions économiques». Когда я, возвращая ему книгу, пожаловался, что въ ней нѣтъ никакихъ положительныхъ выводовъ, что въ ней представлены двѣ противоположныя системы воззрѣній, всё про и contra, но вовсе не указано, какъ ихъ примирить или что изъ нихъ вытекаетъ, то онъ сказалъ, что это то и хорошо, что догматичность вездѣ не хороша, что нужно самому думать и самому рѣшать для себя, на какую изъ противоположностей слѣдуетъ становиться и какіе выводы дѣлать изъ нихъ». Съ теченіемъ времени у г. Антоновича установились съ Добролюбовымъ довольно близкія отношенія. Автора «Воспоминаній» поражала въ Добролюбовѣ, «возбуждала удивленіе, почти даже благоговѣніе къ нему» одна характерная особенность его личности: «страшная сила, непреклонная энергія и неудержимая страсть его убѣжденій. Все его существо было, такъ сказать, наэлектризовано этими убѣжденіями, готово было каждую минуту развиться и осыпаться искрами и ударами все, что заграждало путь къ осуществленію его практическихъ убѣжденій. Готовъ онъ даже былъ жизнь свою положить за ихъ осуществленіе... «Постепенно», «потихоньку да помаленьку» — были протавны его энергической, горячей, юношеской натурѣ. Но дѣйствительность грубо разрушала его мечты и точно издѣвалась надъ его горячими, нетерпѣливыми порывами и стремленіями, и это повергало его въ муку и отчаяніе. Но энергія и страстность не могутъ остановиться на отчаяніи: нужно дѣйствовать во что бы то ни стало, работать и бороться могучимъ орудіемъ печатнаго слова» Далекое, конечно, не всѣ факты изъ протекавшей тогда общественной жизни могли попадать въ печать, но они служили обыкновенно предметомъ бесѣды среди литераторовъ. Эти бесѣды приводили въ негодованіе Добролюбова одною своею особенностью. «Какъ только, бывало, соберутся литераторы гдѣ-нибудь, почти каждый изъ нихъ расскажетъ о какомъ-нибудь вопіющемъ фактѣ или безобразномъ явленіи, и всѣ пожалѣютъ. Но все это рассказывается и выслушивается спокойно, хладнокровно и благодушно; и рассказчики, и слушатели на другой же день продолжаютъ свои гимны «настоящему времени», процвѣтанію гласности и обличительной литературы. Добролюбова это бѣсило, просто приводило въ ярость, и онъ удивлялся, какъ это можно такъ спокойно и благодушно относиться къ подобнымъ фактамъ: и его мучило двойное негодованіе — и на самые факты и на печать. Всѣ сообщаемые ему этого рода факты онъ для чего-то аккуратно заносилъ въ свою записную книжку (ненавѣрно, сохранилась ли она послѣ погрома, разразившагося надъ литературнымъ шушприказчикомъ Добролюбова)...» Страшно огорчила Добролюбова направленная противъ него и Чернышевскаго статья Герцена «Very dangerous», о чемъ читатель найдетъ подробный рассказъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Богучарскаго «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли». («Міръ Божій», 1901, ноябрь). Авторъ этой статьи приводилъ тамъ, между прочимъ, свои соображенія въ опроверженіе словъ Головачевой, рассказывающей, будто бы статья Герцена не произвела въ редакціи «Современника» особаго впечатлѣнія. Нынѣ г. Антоновичъ рассказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этой

статей на Добролюбова, въ такихъ выраженіяхъ: «Если бы сильный и неожиданный ударъ грома разразился надъ головою Добролюбова, то онъ такъ не поразилъ бы и не потрясъ его, какъ эта замѣтка». Къ сожалѣнію, и г. Антоновичъ или не знаетъ, или не помнитъ, или забылъ рассказать объ отвѣтномъ письмѣ по этому же поводу Добролюбова къ Герцену, чему имѣются въ печатныхъ источникахъ лишь легкіе слѣды... Объ этомъ нельзя не пожалѣть!..

Въ величайшее негодованіе приводили Добролюбова и сужденія нашей печати о дѣлахъ Европы, ея то надменный, то снисходительный тонъ по отношенію къ происходившимъ за предѣлами Россіи событіямъ. «Отъ инквизиторскихъ взоровъ нашихъ,—говоритъ г. Антоновичъ,—не могли укрыться ни одна ошибка, ни одна стѣснительная мѣра, ни одно некорректное дѣйствіе Пальмерстоновъ или Росселей. Особенно сильно пушила печать Англію за сипаевъ, совершенно такъ же, какъ теперь пушить ее за буровъ. Наша печать до глубины души возмущалась жестокостью и кровожадностью, съ какими англичане усиливались подавить возстаніе сипаевъ въ Индіи. Тогдашняя печать глубоко сочувствовала поработаемымъ сипаямъ такъ же, какъ нынѣшняя печать сочувствуетъ свободолюбивымъ и благочестивымъ бурямъ. Такая строгость и такое сочувствіе возставшимъ, по мнѣнію Добролюбова, были вовсе не къ лицу нашей печати, и ея судейская роль относительно иностранныхъ дѣлъ бѣсила его не менѣе, чѣмъ славословія «настоящему времени» и его гласности. Онъ возмущался каррикатурами Степанова на англичанъ и французовъ и по поводу ихъ написалъ на Степанова двѣ эпиграммы... Въ печати онъ издѣвался и глумился надъ стихотвореніями Розенгейма, содержащими въ себѣ квинтэссенцію національнаго самохвальства... Но печатныя издѣательства Добролюбова и пародіи на стихотворенія Розенгейма были только слабымъ выраженіемъ того негодованія, той злости, какія возбуждало въ немъ это національное бахвальство, свойственное не одному Розенгейму, но почти всей печати. Дать волю этому негодованію излиться въ серьезной статьѣ со всѣми его мотивами и аргументами Добролюбовъ не признавалъ возможнымъ. За англичанъ же онъ вступился и въ серьезной статьѣ и старался убѣдить русскихъ публицистовъ, что судить строго англичанъ и вообще всѣ иностранныя дѣла имъ вовсе не къ лицу, непристойно и что ихъ приговоры, при ихъ неумѣстности, еще и несправедливы. Въ своей статьѣ, которая, къ сожалѣнію, не попала въ собраніе его сочиненій, «Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи», онъ писалъ слѣдующее: «Теперь, даже среди ожесточенія, которое возбуждено среди англичанъ неистовствами сипаевъ, раздаются уже въ парламентъ и на митингахъ голоса противъ злоупотребленій англійскаго управленія въ Индіи; въ лондонскихъ газетахъ печатаются статьи и письма, полныя упрековъ Англіи и сожалѣнія объ участи туземцевъ. Въ этой смѣлости, безпощадности, съ которой во всякое время могутъ быть раскрыты общественные недостатки, заключается величайшая сила Англіи». Этому послѣднему обстоятельству тогдашніе публицисты не придавали никакого значенія, а, напротивъ, пользовались ими, какъ готовымъ и легкимъ орудіемъ противъ самихъ же англичанъ: «вотъ, молъ, сами англичане видятъ и сознаются, какъ они не-

хороши!» Какъ все это поразительно напоминаетъ отраженіе и оцѣнку въ современной русской печати англо-бурской распри! То-то бы пища было теперь высокоталантливому Добролюбову для клеймленія по заслугамъ многихъ изъ нашихъ доморощенныхъ «патріотовъ своего отечества». Всѣ эти черты характера Добролюбова находили самое восторженное къ себѣ отношеніе со стороны Чернышевскаго. «Вотъ, — говаривалъ онъ, — настоящій человѣкъ дѣла, жаждущій дѣла. У него полная гармонія между мыслью, словомъ и дѣломъ. Въ его глазахъ самыя прекрасныя намѣренія не имѣютъ никакого значенія и даже вызываютъ его неудовольствіе, если они не стремятся проявиться въ соответствующихъ дѣйствіяхъ. И какъ онъ во всемъ строгъ, непоколебимъ и непреклоненъ! Никогда онъ не пойдетъ на малѣйшій компромиссъ; никому и ни въ чемъ онъ не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки. Ко всему онъ относится сердечно, осмысленно, прочувствованно и страстно». Иное отношеніе вызывали къ себѣ Добролюбовъ и Чернышевскій со стороны другихъ писателей, писателей-бавъ, принадлежавшихъ къ «людямъ сороковыхъ годовъ». «Тургеневу, напримѣръ, — рассказываетъ г. Антоновичъ, — въ то время приписывали такую фразу: «Добролюбовъ — просто змѣя, а Чернышевскій — ядовитая, гремучая змѣя». Тутъ г. Антоновичъ ошибается. Тургеневъ произнесъ эту фразу какъ разъ наоборотъ, о чемъ имѣется печатное свидѣтельство самого Чернышевскаго. («Въ изъясненіе признательности». Письмо къ г. З—ну. «Современникъ», февраль 1862 г., стр. 393—394). Причины столкновенія между людьми типа Добролюбова и «людьми сороковыхъ годовъ» были глубоки и г. Антоновичъ совершенно правъ, заявляя, что «расколъ неизбеженъ бы, если бы даже Добролюбовъ былъ изысканно любезенъ и почти-теленъ со старшими литераторами».

Объ отношеніяхъ, завязавшихся у Добролюбова въ Италіи, г. Антоновичъ ничего не сообщаетъ. Тутъ интересъ, конечно, не въ «итальянской сиренѣ», въ которую будто бы влюбился тогда Добролюбовъ, — это дѣло важности десятистепенной, — а въ отношеніяхъ нашего критика, имѣющихъ общественное значеніе къ нѣкоторымъ итальянцамъ, о чемъ глухо упоминаетъ въ своей напечатанной въ газетѣ «Новости» въ день сорокалѣтія смерти Добролюбова статьѣ библіографъ г. Сильчевскій. Другихъ свѣдѣній по этому поводу, сколько намъ извѣстно, въ напечатанной о Добролюбовѣ литературѣ не существуетъ, а лично знавшій Добролюбова г. Антоновичъ, къ сожалѣнію, также ничего объ этомъ предметѣ не сообщаетъ.

Свою статью г. Антоновичъ заканчиваетъ такими словами: «Умирая, Добролюбовъ съ полнымъ правомъ могъ сказать своему другу:

«Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествую тою же стезею!..»

Къ кому относятся эти стихи?

Въ вышеназванной статьѣ г. Сильчевскій говоритъ, на основаніи словъ Панаевой-Головачевой, лично ему ею сообщенныхъ, что стихотвореніе это по-

священо Добролюбовымъ ей, Панаевой. Въ письмѣ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» г. Пантелѣевъ сильно въ этомъ сомнѣвается.

Г. Антоновичъ комментируетъ это стихотвореніе такими словами:

«Другъ пошелъ тою же стезею и кончилъ такъ же, сгорѣлъ тѣмъ же, но медленнымъ огнемъ».

И на основаніи всего, о Добролюбовѣ извѣстнаго, намъ также кажется, что правъ именно г. Антоновичъ...

Въ январской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена статья недавно скончавшагося молодого и вдумчиваго писателя Арефьева, подъ заглавіемъ «М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири». Авторъ задаясь цѣлью собрать относящіяся ко времени пребыванія Петрашевскаго въ Сибири матеріалы для біографіи этой оставившей замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей общественной жизни личности. Только недавно закончилось печатаніе въ «Вѣстникѣ Европы» (въ декабрьской книжкѣ 1901 г.) «Записокъ» одного изъ «петрашевцевъ» (Ахшарумова), съ которыми «Міръ Божій» своевременно знакомилъ и нашихъ читателей. Тѣмъ большій интересъ должны представлять попытки собрать данныя для несуществующей у насъ біографіи самого Петрашевскаго. Къ сожалѣнію, собранныя Арефьевымъ свѣдѣнія немногочисленны, хотя, разумѣется, произошло это не по винѣ автора разсматриваемой статьи. Напротивъ, съ своей стороны, онъ дѣлалъ все возможное для намѣченной цѣли, отъ переписки по этому поводу съ извѣстными сибирскими дѣятелями М. В. Загоскинымъ и В. И. Вагинимъ и разговоровъ съ лично знавшимъ Петрашевскаго енисейскимъ врачомъ А. И. Вицинымъ до посѣщенія въ селѣ Бѣльскомъ, Енисейской губерніи, дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Петрашевскій и могилы, въ которой покоится его прахъ. Въ своихъ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ» д-ръ Бѣлоголовый упоминаетъ вскользь о Петрашевскомъ и говоритъ, что онъ былъ высланъ изъ Иркутска генераль-губернаторомъ Муравьевымъ (Амурскимъ) за то, что онъ въ когда-то громкомъ дѣлѣ о дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ принялъ сторону послѣдняго и рѣзко порицалъ какъ Беклемишева, такъ и стоящую за его плечами генераль-губернаторскую партію. Въ письмѣ къ Арефьеву В. И. Вагинъ мотивируетъ высылку Петрашевскаго тою же причиною, прибавляя, что вообще «Петрашевскій не стѣнялся въ выраженіи своихъ мнѣній о мѣстныхъ событіяхъ». Это очень характерно, если вспомнить, что дѣло происходило въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ и при управленіи краемъ Муравьева, такъ старавшагося, по рассказамъ многихъ декабристовъ, прослыть «либераломъ». Объ этомъ, впрочемъ, рассказываютъ и не одни декабристы. «Въ Иркутскѣ.—сообщалъ Арефьеву М. В. Загоскинъ,—жили всегда втроемъ Петрашевскій, И. А. Спѣшневъ и Ѳ. Н. Львовъ (оба также «петрашевца»). Муравьевъ былъ тогда въ угарѣ либерализма и приблизилъ ихъ къ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ моихъ статей въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» Муравьевъ пожелалъ со мной познакомиться и мы (не помню со Спѣшновымъ или Петрашевскимъ) отправились къ генераль-губернатору. У Муравьева въ кабинетѣ цѣлый уголъ былъ заваленъ заграничными изданіями о Россіи и онъ тутъ же пред-

ложилъ пользоваться этими книгами всѣмъ намъ». Все это не помѣшало Муравьеву выслать Петрашевскаго изъ Иркутска за свободное высказываніе своихъ мнѣній «о мѣстныхъ событіяхъ». Изъ Иркутска Петрашевскій былъ высланъ сначала въ глухое село Шушу Минусинскаго округа. «Сойдясь съ своими новыми односельцами, Петрашевскій сдѣлался ихъ адвокатомъ и отъ ихъ имени сталъ осаждать мѣстныя власти безпрестанными прошеніями на разныя утѣшенія и неправды. Прошенія эти доводились до свѣдѣнія Муравьева и постоянно поддерживали его раздраженіе. Одинъ старожилъ передавалъ мнѣ, со словъ самаго Петрашевскаго, что въ Шушѣ изгнанникъ подвергался даже наказанію розгами». Вскорѣ послѣ этого Петрашевскій былъ переведенъ въ село Бѣльское Енисейскаго уѣзда. «Этотъ переводъ явился также наказаніемъ за недоразумѣнія съ начальствомъ». Въ Бѣльскомъ Петрашевскій и умеръ. «По справкамъ въ Благовѣщенской церкви с. Бѣльскаго оказалось слѣдующее: въ 1867 году въ третьей части объ умершихъ подъ № 4 муж. п. записанъ «политическій преступникъ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, умершій скоропостижно». Днемъ его смерти значится 7 декабря 1866 года, а днемъ погребенія 12 февраля 1867 года. Такимъ образомъ, покойный ждалъ погребенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь все это время въ мѣстномъ «холодникѣ». Хоронили Петрашевскаго на средства волостного правленія, и ви одна душа не провожала его до кладбища, кромѣ носильщиковъ. Какъ человекъ, умершій безъ покаянія, онъ былъ зарытъ внѣ кладбища.

«Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...»

Въ предыдущихъ нумерахъ «Міра Божія» читатели были уже ознакомлены съ началомъ и продолженіемъ очерковъ г. Короленко, подъ заглавіемъ «У казаковъ». Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщено окончаніе этого интереснаго произведенія. Какъ въ предыдущихъ книжкахъ, такъ и теперь талантливый авторъ очерковъ старается прослѣдить среди уральскаго казачьяго войска борьбу стараго, полнаго поэзіи, но обреченнаго на смерть неумолимымъ ходомъ вещей, уклада жизни съ новыми, уже намѣтившимися въ ея глубинѣ, теченіями. Пристально наблюдая г. Короленко заслуживающія самаго серьезнаго вниманія религіозныя движенія и настроенія среди казаковъ, прямо въ глаза посмотрѣлъ онъ и совершающимся среди войска экономическимъ переѣмамъ. Онъ не идеализируетъ «старину» и отъ него не укрываются всѣ безотрадныя стороны прежнихъ порядковъ. «Илецкая община,—говоритъ онъ,—подъ вліяніемъ своего сочлена, ученаго агронома Иванаева, въ 1888 году пережила довольно крутую реформу и перешла отъ захватнаго пользованія землями къ передѣламъ луговъ и ограниченію захвата пашень. Въ сущности это было вызвано самою жизнью, такъ какъ прежняя система вела къ чрезвычайной неравномѣрности, беспорядкамъ и злоупотребленіямъ: степи все равно распахивались, но дѣлалось это преимущественно зажиточными казаками, а бѣднота оставалась позади. Луга и ковыль косились «ударомъ», какъ это дѣлается и теперь въ уральской общинѣ». Г. Короленко описываетъ картину такого лугового покоса въ тотъ годъ, когда

онъ былъ въ Уральскѣ. По нѣкоторымъ причинамъ, косцовъ вышло немного «и, однако, то, что я видѣлъ,—говорить г. Короленко, далеко не вызвало представленія о братствѣ и общинныхъ чувствахъ...» «Въ другіе годы вся картча еще гораздо напряженнѣе. Очень рѣдко покось начинается въ свое время, такъ какъ первый же подозрительный звукъ сразу подымаетъ всѣ станы. Каждый кидается къ лучшей травѣ, стараясь перекусить другому дорогу. Иной разъ два враждебныхъ косца долго, до изнеможенія, идутъ рядомъ, пока одинъ не выйдетъ впередъ настолько, чтобы перерѣзать дорогу другому: «братцы, обкосилъ!»—слышится тогда отчаянный крикъ и менѣе усталый косецъ того же стана пускается въ догонку за врагомъ, врѣзающимся въ намѣченный участокъ. Говорятъ, при этомъ бывали иногда случаи, что разъяренные соперники подкашивали другъ другу ноги...»

Картины этихъ «общинныхъ» порядковъ говорятъ очень ярко сами за себя...

Наблюдая г. Короленко и представителей «старого войска», гордящихся его прошлымъ. Но между этими представителями сѣдой старины и казацкой молодежью уже ясно пробѣжала черная кошка. Сидѣли въ одномъ изъ трактировъ три старыхъ казака, говорили о заслугахъ старого войска и поучали молодежь, за что ему «медали даны».

«— Отцы! Дозвольте мнѣ... Я вамъ скажу, за что вамъ медали дадены! (проговорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ трактирѣ молодыхъ казаковъ по имени Каллистратъ).

— Ну?—протянулъ Юносовъ подозрительно.

— Надѣлалъ, скажемъ такъ, мужикъ горшковъ.

— Не объ горшкахъ дѣло!

— А вы слушайте,—крикнулъ одинъ изъ молодежи, предвкушая новую выходку Каллистрата.

— Ну, надѣлалъ горшковъ,—продолжалъ тотъ, оглядываясь и играя веселыми глазами.—Надо ихъ куда-нибудь класть, такъ ли братцы?

— Вѣрно, вѣрно!—крикнули молодые.

— Ты это къ чему примѣнишь?—угрожающе спросивъ каюрчей (старый казакъ-знахарь).

— Ну, онъ ихъ, значить, на плетни и надѣлъ... то же самое, значить, и медалей много надѣлано. Куда дѣвать? На старое войско и надѣли!»

За этимъ чуть было не произошла между старыми и молодыми казаками жестокая схватка, предотвращенная лишь, повидимому, притворною покорностью Каллистрата.

По этому поводу г. Короленко замѣчаетъ: «Всѣ мы понимали, что въ только что разыгравшемся эпизодѣ судьба сдѣлала насъ свидѣтелями не простой трактирной ссоры подвыпившихъ казаковъ». И замѣчаніе г. Короленки совершенно справедливо: тутъ было нѣчто гораздо большее: тутъ было столкновение «старого» и «новаго» среди еще недавно бывшей не монотонной, нѣтъ, а одноколоритной общей жизни войска. За «старое» говоритъ его поэзія, своеобразный размахъ жизни, широкое приволье. За «новое»... Въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь выступаетъ на сцену, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго... Молодежь кичится своею лучшею

обмундировкою да умѣніемъ отличатся «на маневрахъ». Но не таится ли подъ этимъ то самое явленіе, которое появилось и въ русской деревнѣ въ формѣ столь когда-то осмѣяннаго въ нашей литературѣ и столь же ею непонятаго «пинджака»? Не наблюдается ли въ лицѣ молодыхъ казаковъ, въ ихъ неуваженіи къ традиціямъ «старого войска», непочтеніи къ заслуженнымъ его представителямъ и даже въ ядовитыхъ насмѣшкахъ надъ ними и надъ ихъ заслугами, — тотъ же новый, разливающийся по всему лицу земли русской, противный «завѣтамъ святой старины», строптивый духъ индивидуализма, тотъ духъ, что, пройдя черезъ далеко не внушающія симпатіи фазы, приводитъ, въ концѣ концовъ людей къ гораздо болѣе совершеннымъ формамъ общенія, нежели описанныя г. Короленко уральскія, да и разныя другія пресловутыя русскія «общины»?.. Не знаемъ, приходили ли эти мысли въ голову самому г. Короленко, когда писалъ онъ свои интересные очерки казацкаго житья-бытья на Уралѣ. Главу, изъ которой мы заимствовали вышенприведенныя цитаты, г. Короленко заканчиваетъ такими словами: «Теперь эта старина тихо сходитъ со сцены, а въ лицѣ молодежи выступаетъ уже что-то другое, еще неясное и тоже странное. И невольно въ умѣ вставалъ вопросъ: неужели это только фрунтовая шеренга и честолюбіе ранжира?» Г. Короленко не пытается разрѣшить поставленный имъ вопросъ. Не претендуемъ на его рѣшеніе и мы, но кажется намъ, что далеко не въ одной только «фрунтовой шеренгѣ» и «честолюбіи ранжира» здѣсь дѣло и что за этимъ, какъ и за «пинджакомъ» въ деревнѣ, шествуетъ нѣчто иное, гораздо болѣе серьезное...

Въ той же книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена заслуживающая большого вниманія статья г. Пѣшехонова, подъ заглавіемъ «Бривись въ земской статистикѣ». Статья эта посвящена выясненію причинъ многочисленныхъ конфликтовъ земскихъ статистиковъ съ администраціей, земскими управами и, наконецъ, завѣдующими статистическими бюро, которыми былъ такъ богатъ 1901 годъ. Въ началѣ своей статьи немногими, но вѣрными штрихами г. Пѣшехоновъ набрасываетъ небогатую еще временемъ, но очень богатую опытомъ, исторію нашей земской статистики. Лишь въ силу особенныхъ условій, среди которыхъ развивалась наша общественная жизнь, сложился у насъ совершенно особый типъ «земскихъ статистиковъ», организовавшихся для живого и въ высшей степени важнаго дѣла, такъ сказать, и въ особсе «сословіе», составившее, по преимуществу, ядро того «третьяго элемента», на который, какъ на чреватый опасностями для государства, указывалъ въ прославившейся въ свое время рѣчи премудрый г. Кондоиди. Работа земскихъ статистиковъ требовала добросовѣстности въ ея исполненіи, не той чиновничьей добросовѣстности, о которой говорилъ одинъ изъ некрасовскихъ персонажей: «слава Богу, что чиновникъ у насъ не всегда добросовѣстенъ», а добросовѣстности истинной, основанной на горячей любви къ предмету, которому статистики посвящали свои силы. «Не безъ основанія, поэтому, — говоритъ г. Пѣшехоновъ, — въ статистическихъ бюро установился тотъ свободный режимъ, который такъ шокируетъ земскихъ бюрократовъ новѣйшей формации. Вмѣсто безцѣльныхъ и стѣ-

снительныхъ вѣдѣній формъ контроля, вродѣ Родзянкинскихъ дневниковъ, приходится полагаться на совѣтъ самихъ работниковъ. И надо сказать, что уровень этики, установившійся въ статистическихъ бюро, даетъ полную къ тому возможность. Я не буду останавливаться на профессиональномъ значеніи такого «порядка», основаннаго на уваженіи къ личности и сознаниіи ею своей ответственности, и отмѣчу лишь общественное его значеніе. Земскимъ статистикамъ приходится имѣть дѣло не только съ мертвыми цифрами, но прежде всего съ живыми людьми, и при томъ въ условіяхъ крайне неблагоприятныхъ: съ одной стороны, чрезвычайное напряженіе ихъ собственной нервной организаціи, подавляемой обиліемъ впечатлѣній и труда, а съ другой—взволнованное состояніе психики того населенія, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло. Ивѣстно, какое впечатлѣніе производятъ даже самыя несложныя переписи на массу; земская же статистика принуждена и рѣшается затрогивать самыя болыныя и интимныя стороны ихъ жизни. При такихъ условіяхъ, но при иныхъ людяхъ и при иномъ тоиѣ отношеній къ населенію, легко могли бы имѣть мѣсто факты самой беззащитной эксплуатаціи его, вплоть до открытаго вѣточничества, самыя острые конфликты съ нимъ, вплоть до статистическихъ бунтовъ, самыя ужасныя послѣдствія его невѣжества, вродѣ хотя бы тѣхъ, какими всеобщая перепись 1897 году сказалась въ Терновскихъ плавняхъ. Бѣ счастью, исторія земской статистики не знаетъ ни одного, хоть сколько-нибудь серьезнаго, эпизода въ этомъ родѣ».

Но эта-то сторона дѣла меньше всего и цѣнится, употребляя терминологию того же г. Ковлоди, «первымъ» и «вторымъ элементомъ». Имъ бросается въ глаза «непорядокъ» въ смыслѣ отсутствія «равненія подѣ одно», не нравится особый, свойственный «третьему элементу», «вольный духъ» и вотъ «уже раньше,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—былъ предпринятъ рядъ крайне стѣсненныхъ проникновеніе въ среду земскихъ служащихъ отдѣльныхъ, почему-либо казавшихся неудобными, лицъ. Давно уже ни для одного правительственнаго и ни для одного частнаго учрежденія выборъ служащихъ не обставленъ такими затрудненіями, какъ для земства. За послѣдніе же годы противъ земской служилой интеллигенціи въ полномъ ея составѣ предпринятъ систематическій походъ, далеко еще не закончившійся и потому въ своихъ результатахъ не опредѣлившійся. Серьезное значеніе его усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сразу ведется съ разныхъ сторонъ... Въ печати его представителями являются «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости», возставшія въ защиту земства отъ «бюрократіи», разумѣя подѣ послѣднею земскихъ служащихъ, объединенныхъ въ разнаго рода бюро... Изъ земской среды въ роли гонителей выступали «дѣятели новой формаціи»,—или сознательные представители сословно-классовыхъ интересовъ привилегированнаго меньшинства, или, — что чаще встрѣчается,—тѣ современные Янусы, у которыхъ кверху обращена подобострастная рожа холопа, а книзу—строгий лязкъ громовержца!..» Эти господа стали приписывать себѣ въ качествѣ завѣдующихъ бюро лицъ не изъ статистической среды. «Появляются въ этой роли департаментскіе чиновники, земскіе начальники, изгнанные товарищескимъ судомъ лѣсничіе, отставные гене-

ралы и тому подобные люди, хотя и вполне «благонадежные», но къ данному дѣлу вовсе не пригодны». Все это вполне достаточно опредѣляет почву для все учащающихся конфликтовъ между, съ одной стороны, земскими статистиками, а съ другой администраціей, земскими управами и завѣдующими статистическимъ бюро. Въ современномъ земствѣ происходитъ борьба двухъ теченій,—старого и новаго,—но вызывается она не естественнымъ развитіемъ земскаго дѣла, не тѣмъ органическимъ вѣдреніемъ «новаго» въ «старое», какое имѣетъ мѣсто хотя бы въ только что прошедшихъ передъ нашими глазами картинахъ быта уральскихъ казаковъ, а силою тѣхъ вѣдшихъ и независящихъ отъ самого земства условій, въ которыя все болѣе и болѣе ставить его суровая дѣйствительность. Принципъ, на которомъ зиждутся наши земскія учрежденія, принципъ вполне здоровый, но та особая плоть и кровь, въ которыя облеченъ онъ въ жизни, все болѣе и болѣе вливаетъ въ него болѣзнетворное начало худосучія. Не закрытыя сверху отъ непогоды, не имѣющія громоотвода отъ грозъ, стѣны нашего земскаго зданія лишены, сверхъ того, и прочнаго фундамента, на которомъ, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы онѣ не только держаться, но и, преодолевая препятствія, расти, цвѣсти и приносить плоды. Эту истину давно уже поняли наиболѣе прогрессивные элементы среди нашихъ земцевъ, но съ особенною ясностью сознаніе ея сказалось въ земскихъ собраніяхъ только что истекшихъ сессій въ формѣ поднятія во многочисленныхъ земствахъ вопроса объ учрежденіи мелкой земской единицы.

Разсмотрѣнію этого вопроса посвящена и очень интересная часть внутренняго обозрѣнія въ январской книжкѣ «Вѣстника Европы». Этимъ же вопросомъ займемся самымъ бѣглымъ образомъ и мы.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ былъ возбужденъ въ земскихъ собраніяхъ: новгородскомъ, ярославскомъ, симбирскомъ, самарскомъ, курскомъ, воронежскомъ, пермскомъ, тверскомъ, рязанскомъ и многихъ другихъ. Обсужденіе это, не встрѣтивъ препятствій нигдѣ, было снято съ очереди въ одномъ лишь рязанскомъ земствѣ, гдѣ предсѣдатель собранія вашель этотъ вопросъ не мѣстнымъ, а государственнымъ. Само собою разумѣется, что предсѣдатель собранія не имѣлъ на это ни малѣйшаго ни права, ни основанія, и недопущеніе съ его стороны къ обсужденію вопроса, прежде всего, именно *мѣстнаго*, хотя,—какъ и всѣ важные вопросы земскаго дѣла,—тѣсно связаннаго съ вопросами общегосударственнымъ, и свободно обсуждавшагося въ это же время въ многихъ другихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, указываетъ на принадлежность г. рязанскаго предсѣдателя къ тому типу земцевъ «новой формациі», яркую характеристику которыхъ далъ въ вышерассмотрѣнной статьѣ г. Пѣшеховъ. Во всѣхъ другихъ земствахъ, гдѣ обсуждался вопросъ о мелкой земской единицѣ (за исключеніемъ тверскаго, о чемъ мы скажемъ ниже), вопросъ этотъ признанъ настолько назрѣвшимъ, что осуществленіе въ жизни новой самоуправляющейся ячей является, по мнѣнію многочисленныхъ земцевъ, дѣломъ безотлагательной необходимости. *Единогласно* въ этомъ смыслѣ высказались губернскія земскія собранія—новгородское и воронежское, причемъ первое постановило возбуждать ходатайство объ этомъ предъ правительствомъ немедленно, а второе

учредить особую комиссію изъ земцевъ для детальной разработки даннаго вопроса на мѣстѣ и представленія результатовъ работъ комиссіи на обсужденіе уѣздныхъ и губернскаго собранія сессіи будущаго года. На предварительное обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній постановило передать этотъ вопросъ и пермское губернское земское собраніе. Въ докладѣ собранію по этому вопросу пермской губернской земской управы говорится, по словамъ корреспондента «С.-Пет. Вѣд.», слѣдующее: «Вопросъ о реформахъ мѣстнаго общественнаго устройства вполне назрѣлъ; необходимость учрежденія мелкой земской единицы вполне доказана, а потому всякое промедленіе въ рѣшеніи этихъ важныхъ вопросовъ будетъ тормозить поступательное движеніе народной жизни. Земству необходимо теперь же ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы вопросы эти были поставлены на очередь и чтобы разработка ихъ производилась не обычнымъ способомъ, а при непремѣнномъ участіи земства и всѣхъ вообще общественныхъ силъ». Какъ сообщаетъ тотъ же корреспондентъ, «собраніе подавляющимъ большинствомъ голосовъ, признавъ своевременнымъ дать дальнѣйшее движеніе вопросу о мелкой земской единицѣ, постановило передать его на разработку въ уѣздныя земскія собранія». («С.-Пет. Вѣд.» 21 декабря 1901 г. № 350). Въ курскомъ, ярославскомъ, симбирскомъ, самарскомъ и нѣкоторыхъ другихъ земствахъ (въ харьковскомъ вопросъ не разсматривался, вслѣдствіе случайной причины) вопросъ о мелкой земской единицѣ, будучи одобренъ принципиально, переданъ для детальной разработки въ экономическіе совѣты. Надо надѣяться, что сторонники широкой земской самостоятельности, какъ изъ среды самихъ гласныхъ, такъ и тѣсно съ нею соприкасающихся всякаго рода специалистовъ земскаго дѣла (агрономы, техники, врачи, статистики, страховые агенты, ветеринары и т. д.) сумѣютъ усилить интересъ къ работамъ по данному вопросу специальныхъ комиссій, экономическихъ совѣтовъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, привлечь къ нему всѣ полевыя для его разработки мѣстныя силы и сосредоточить на немъ особое вниманіе какъ мѣстной, такъ и столичной печати.—Но особенно живыя пренія возбуждалъ вопросъ о мелкой земской единицѣ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Любопытно, что вопросъ этотъ вызвалъ сильное разногласіе мнѣній среди наиболѣе прогрессивной части тверскихъ земцевъ. Тогда какъ одни изъ такихъ земцевъ полагали, что учрежденіе мелкой земской единицы дастъ земству тотъ прочный фундаментъ, отсутствіе котораго чувствуется въ земской дѣятельности на каждомъ шагу, другіе (главнымъ образомъ, извѣстный земскій дѣятель В. Д. Кузьминъ-Караваяевъ) опасались, какъ бы учрежденіе мелкой земской единицы не погрузило еще болѣе земства исключительно въ область самыхъ повседневныхъ, самыхъ будничныхъ интересовъ и не оторвало ихъ окончательно отъ «широкихъ общественныхъ перспективъ». Некультурность массы населенія и административный строй жизни деревни, созданный положеніемъ 12-го іюня 1889 года, внушали высказывавшимся противъ мелкой земской единицы ораторамъ серьезныя опасенія еще большаго, чѣмъ нынѣ, обезличенія земства, ибо его основная ячейка — мелкая земская единица — легко можетъ стать лишь послушнымъ исполнителемъ велѣній земскихъ начальниковъ.

Въ словахъ г. Кузьмина-Караваева и его сторонниковъ находится, безъ сомнѣннй, известная доза правды, но намъ кажется, что здѣсь все дѣло заключается въ томъ, какаа, именно, организація будетъ придана мелкой земской единицѣ.

Докладъ Пермской губернской земской управы пермскому губернскому земскому собранію могъ бы послужить образцомъ для возбужденія ходатайствъ о той формѣ, которую желательно было бы придать окончательной разработкѣ даннаго вопроса. Что касается высказаннаго нѣкоторыми тверскими ораторами опасенія неудобствъ, которыя могутъ произтечь въ мелкой земской единицѣ отъ некультурности массы нашего населенія, то мы полагаемъ, что дарованіе выборныхъ правъ деревенской интеллигенціи въ лицѣ проживающихъ въ деревняхъ врачей, учителей, ветеринаровъ и пр. не только въ значительной мѣрѣ сгладитъ такіа неудобства, но можетъ сильно двинуть впередъ и дѣло культурнаго развитія Россіи вообще. Пониженіе имущественнаго ценса, если не до нуля, то до возможнаго минимума, и установленіе, наоборотъ, для лицъ, пользующихся выборными правами въ мелкую земскую единицу, ценса образовательнаго, въ размѣрѣ хотя бы свидѣтельства объ окончаніи земской народной школы, разсѣетъ всѣ тревоги и опасенія, навѣваемыя некультурностью нашихъ деревенскихъ массъ. При такихъ условіяхъ «широкія общественныя перспективы» не только не исчезнутъ изъ поля зрѣнія земцевъ, но, наоборотъ, загорятся ярче прежняго, ибо перспективы эти диктуются не погоней за призраками, какъ то думаетъ наша охранительная печать, а величіемъ самой жизни; ея все болѣе и болѣе развивающимися и усложняющимися требованіями. И чѣмъ тверже будетъ фундаментъ подъ органами нашего самоуправленія, чѣмъ больше лицъ будетъ заинтересовано въ его благахъ,—а учрежденіе мелкой земской единицы неизбежно должно будетъ надѣлать новыми правами милліоны жителей Россіи,—тѣмъ сильнѣе будетъ слышаться тотъ именно голосъ страны, который властно требуетъ заботы о «широкихъ общественныхъ перспективахъ». Этотъ голосъ называется *интересами* страны.

За границей.

Общественная жизнь въ Германіи. Новый процессъ гунновъ. Недавно образовавшееся въ Германіи общество соціальной реформы рѣшило устроить свое первое общее собраніе въ сентябрѣ этого года, въ Кёльнѣ, причемъ въ программу внесень вопросъ о регулированіи женскаго фабричнаго труда. Кромѣ того, общество соціальной реформы выразило желаніе принимать женщинъ въ число своихъ членовъ, и такъ какъ по прусскимъ законамъ это оказывается невозможно, то въ рейхстагъ и прусскій сеймъ внесена петиція, поддерживаемая депутатами самыхъ различныхъ партій, въ которой требуется уничтоженіе законодательнымъ путемъ всякихъ ограниченій, препятствующихъ въ разныхъ германскихъ государствахъ участію женщинъ въ соціально-политической дѣятельности. Прусскій законъ объ ассоціаціяхъ воспрещаетъ «женщинамъ, школь-

*

никамъ и ученикамъ» вступать въ такого рода фереины, которые обсуждаютъ на своихъ собраніяхъ политическіе вопросы. Далѣ говорится въ той же статьѣ закона, что «женщины, школьники и ученики» должны быть удалены изъ такихъ политическихъ собраній, и «если они воспротивятся и по первому приказанію не оставятъ залы засѣданія, то засѣданіе должно быть закрыто, и общество должно быть распущено».

Въ Германіи, и въ особенности въ Пруссіи, замѣчается теперь усиленная борьба двухъ теченій, за и противъ женщинъ. Довольно оживленную полемику въ германской печати вызываетъ въ настоящее время распоряженіе ректора берлинскаго университета, профессора Бевуле фонъ - Страдовица, закрывшаго студенческой соціально-научный союзъ (Socialwissenschaftlicheverein), который оказался виновнымъ въ ослушаніи приказаній академическаго начальства. Дѣло въ томъ, что ректоръ—убѣжденный противникъ женскаго движенія, два раза уже вычеркивалъ изъ программы собраній этого союза женскіе доклады, объявивъ при этомъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшитъ женщинамъ читать доклады въ студенческомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, въ декабрѣ прошлаго года ему снова были представлены на утверженіе два женскихъ доклада. Одинъ изъ нихъ должна была прочесть г-жа Цепнеръ на тему «Соціальная проблема женскаго вопроса; бракъ, семья и материнство». Ректоръ снова вычеркнулъ оба доклада. Тогда члены общества, не желая вычеркивать интересную тему изъ программы своихъ засѣданій, рѣшили устроить простой разговорный вечеръ (Diskussionsabend) на тему о бракѣ, семьѣ и материнствѣ и женскомъ вопросѣ вообще. Разумѣется, начальство не могло имѣть ничего противъ этого, но въ объявленіи объ этомъ вечерѣ было помѣщено примѣчаніе, что женщины могутъ принимать участіе въ преніяхъ по этому вопросу, близко ихъ касающемуся. Въ этомъ-то примѣчаніи начальство и усмотрѣло нарушеніе своихъ распоряженій, и ректоръ тотчасъ же распорядился о закрытіи студенческаго фереина. Большинство германской печати отнеслось крайне неодобрительно къ такому поступку ректора, и въ самомъ университетѣ это вызвало довольно сильное волненіе, такъ что возбуждено ходатайство объ отиѣнн постановленія.

Германскія женщины вообще въ послѣднее время все болѣе и болѣе даютъ чувствовать свое вліяніе въ области германской экономической политики. Въ происходящей теперь агитаціи противъ новаго таможеннаго проекта, имѣющаго въ виду повышеніе пошлинъ на хлѣбъ, женщины играютъ довольно видную роль. Правда, онѣ не имѣютъ права голоса и избирательнаго права, но, тѣмъ не менѣе, онѣ оказываютъ вліяніе во время выборовъ. Онѣ пользуются печатью, чтобы заставить себя выслушать и подаютъ въ рейхстагъ петиціи и протесты противъ законопроектовъ, которымъ не сочувствуютъ. Не одинъ уже разъ приходилось германскому правительству отказываться отъ своего законопроекта, несмотря даже на обезпеченное большинство въ рейхстагѣ, вслѣдствіе того, что въ послѣдній моментъ весь народъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ такого законопроекта. Напомнимъ нашимъ читателямъ о школьномъ законопроектѣ Цейдлица и законѣ Гейнце, который недавно еще вызвалъ такой протестъ въ германскомъ обществѣ. Весьма возможно, что такая же

участь ожидаетъ и таможенный законопроектъ, грозящій вздорожаніемъ жизненныхъ припасовъ. Во всякомъ случаѣ, женщины принимаютъ самое дѣятельное участіе въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ и если эти законы не пройдутъ въ рейхстагъ, то несомнѣнно, что этимъ успѣхомъ агитація будетъ обязана въ значительной мѣрѣ женщинамъ, которыя теперь устраиваютъ собранія, произносятъ рѣчи и доклады по этому вопросу, пишутъ статьи и организуютъ петиціи. Секретарь ферейна торговыхъ договоровъ Боргиусъ объясняетъ между прочимъ такую усиленную дѣятельность женщинъ тѣмъ, что таможенные законы угрожаютъ больше всего домашнему бюджету, такъ какъ послѣдствіемъ ихъ будетъ вздорожаніе жизненныхъ припасовъ; въ агитаціи, по его словамъ, играетъ роль, главнымъ образомъ, нѣмецкая хозяйка—«Hausfrau».

Университетскіе вопросы также не сходятъ со сцены въ Германіи. Въ настоящее время въ нѣмецкихъ газетахъ очень горячо обсуждается вопросъ о преобразованіи Мюнхенской академіи въ университетъ. Эта академія до сихъ поръ состояла изъ двухъ факультетовъ, богословія и философіи, а теперь хотятъ ввести юридическія и государственныя науки и съ теченіемъ времени медицинскій факультетъ. Либеральная германская печать обращаетъ вниманіе на строго-католическій характеръ академіи и, поэтому, рекомендуетъ принятіе мѣръ, чтобы будущій университетъ не былъ «конфессіональнымъ», и студенты не были бы вынуждены слушать исторію и философію лишь у такихъ профессоровъ, при назначеніи которыхъ была принята во вниманіе конфессіональная точка зрѣнія. Это замѣчаніе либеральной печати вызвало рѣзкую отвѣдь на страницахъ клерикальныхъ газетъ и «грануль бой»... разумѣется, только на газетныхъ столбцахъ. Полемика подерживается также и исторіей назначенія Шпана, которую все еще не могутъ забыть. Недавно гамбургское отдѣленіе гетевскаго союза посвятило дѣлу Шпана (der Fall Spahn—какъ говорятъ газеты) цѣлое засѣданіе, на которомъ профессоръ новой исторіи берлинскаго университета Максъ Ленцъ прочелъ свой докладъ о римско-католической вѣрѣ и свободной наукѣ. Онъ много распространялся насчетъ опасностей, угрожающихъ всей нѣмецкой культурѣ, вслѣдствіе нарушенія принципа, которымъ до сихъ поръ руководствовались при назначеніи на профессорскія каведры. Шпанъ—ученикъ Ленца и дѣло это особенно интересуетъ его. «Онъ сдѣланъ профессоромъ въ такіе молодые годы безъ научныхъ заслугъ,—сказалъ Ленцъ,—только потому, что онъ католикъ. Это неслыханный фактъ въ университетской исторіи. Надо протестовать противъ подобныхъ фактовъ, для того, чтобы спасти нѣмецкую культуру».

Рѣчь Ленца была покрыта самыми восторженными аплодисментами и была единогласно вотирована резолюція о необходимости бороться противъ воздѣйствія политическихъ конфессіональныхъ взглядовъ на назначеніе профессоровъ, такъ какъ въ этомъ заключается серьезная опасность, грозящая университетамъ и умственной жизни всей націи.

Какъ извѣстно, наслѣдный германскій принцъ находится въ настоящее время въ боннскомъ университетѣ, гдѣ въ свое время слушалъ лекціи и его отецъ Вильгельмъ II, но, какъ видно, ему тамъ не особенно нравится, и онъ даже

обратился къ отцу съ просьбою сократить его пребываніе въ университетѣ. Говорятъ, молодой принцъ недоволенъ обращеніемъ съ нимъ его университетскихъ товарищей, которые часто бываютъ слишкомъ фамиллярны, особенно въ комерсахъ, когда бываетъ выпито изрядно количество кружекъ пива. Однако, императоръ не придалъ серьезнаго значенія жалобамъ своего наследника и категорически объявилъ ему, что онъ долженъ оставаться въ Боннѣ положенное время. «Что же касается мелкихъ столкновеній, на которыя ты жалуешься,—сказалъ онъ своему сыну, то они научатъ тебя лучше знать людей и жизнь».

Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ германскія газеты этотъ инцидентъ. Характеръ молодого принца, повидимому, не изъ покладистыхъ и недавно у него произошло изъ-за чего-то столкновеніе съ президентомъ корпораціи «Vogussia», къ которой принадлежалъ нѣкогда и императоръ Вильгельмъ, въ бытность свою студентомъ боннскаго университета. Президентъ сдѣлалъ принцу строгій выговоръ и присудилъ его къ наказанію, которое заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ выпить двѣнадцать кружекъ пива. Разобиженный этимъ принцъ бросилъ ему въ лицо свою фуражку. Такъ какъ о дуэли между принцемъ и президентомъ корпораціи не могло быть и рѣчи, то президентъ сложилъ съ себя свое званіе, а остальные члены корпораціи объявили себя вполне солидарными съ нимъ. Вообще, какъ говорятъ, между молодымъ принцемъ, будущимъ властителемъ Германіи, и его теперешними товарищами по университету не существуетъ большой симпатіи.

Новый «процессъ гунновъ», возникшій по поводу китайской экспедиціи, опять взволновалъ общественное мнѣніе Германіи. Обвинялись опять-таки германскіе журналисты, Робертъ Шмидтъ, Пауль Джонъ и Вильгельмъ Шредеръ, въ распространеніи ложныхъ и оскорбительныхъ обвиненій противъ германскаго экспедиціоннаго отряда въ Китаѣ. Дѣло возникло изъ-за того, что въ «Vorwärts» была напечатана корреспонденція, въ которой рассказывалось объ избиеніи жителей одной китайской деревни, на которыхъ одинъ китайскій мальчикъ, обращенный въ христіанство, указалъ, какъ на боксеровъ. Генераль-майоръ фонъ-Кеттелеръ, руководившій карательною экспедиціей, обидѣлся и потребовалъ слѣдствія и суда надъ журналистами, опубликовавшими этотъ рассказъ.

На судѣ генераль-майоръ фонъ-Кеттелеръ доказывалъ, что карательныя экспедиціи были безусловно необходимы для восстановленія порядка и спокойствія въ странѣ и что расстрѣлянные имъ въ деревнѣ 22 человека были дѣйствительно боксеры. Это было подтверждено двумя свидѣтелями изъ римско-католической миссіи. Что же касается «писемъ гунновъ», то уже самое названіе ихъ указываетъ, что оно было изобрѣтено съ цѣлями оскорбленія германскихъ воиновъ, которые рисуются въ этихъ письмахъ, заключающихъ въ себѣ одну только ложь, какими-то «каннибалами», кровожадными злодѣями и т. д. «Подобныя оскорбленія не должны оставаться безнаказанными, такъ какъ они касаются не отдѣльныхъ личностей, а цѣлаго экспедиціоннаго корпуса, и потому прокуроръ потребовалъ присужденія Роберта Шмидта, какъ редактора газеты,

напечатавшей оскорбительную статью, въ четыремъ мѣсяцамъ, а корреспондента Науля Джона, доставившаго «Письма гунновъ» къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Послѣ очень долгихъ и бурныхъ дебатовъ судъ приговорилъ Роберта Шмидта къ *шести* мѣсяцамъ, а Джона къ *семи* мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Дѣло о Вилгелмѣ Шредерѣ будетъ разбираться отдѣльно.

Печальные итоги статистики населенія во Франціи. Новая лиги. Жгучій вопросъ обезлюдѣнія Франціи продолжаетъ волновать французскихъ политическихъ дѣятелей. Въ концѣ прошлагодней сессіи сенаторъ Поль Страусъ предложилъ вотировать резолюцію, приглашающую правительство назначить внѣпарламентскую комиссію съ цѣлью изслѣдованія вопроса объ убыли населенія и наиболее дѣйствительныхъ способовъ борьбы съ этимъ зломъ. Министръ-президентъ Вальдекъ Руссо высказался въ пользу этого предложенія, но прибавилъ, что нельзя возлагать слишкомъ большихъ надеждъ на эту мѣру. Пренія, происходившія въ экстренномъ засѣданіи сената, были непродолжительны, такъ какъ всѣ были согласны, что необходимо принять какія нибудь мѣры, чтобы задержать регрессивное движеніе населенія.

Докладъ сенатора Страуса основывался на данныхъ послѣдней переписи 10-го марта 1901 г., еще разъ подтвердившихъ, что населеніе Франціи находится позади другихъ государствъ вслѣдствіе прогрессивнаго уменьшенія цифры рожденій. Сто лѣтъ тому назадъ во Франціи приходилось въ среднемъ 38 рожденій на 1000 человекъ. Съ 1801 года по 1880 это число упало до 32,5; съ 1882 по 1890—до 24 а въ 1890 до 1900 успустилось уже до 23. На тысячу замужнихъ женщинъ приходится во Франціи всего лишь 163 рожденій, тогда какъ въ другихъ странахъ получаютъ слѣдующія цифры: въ Швейцаріи—236, Швеціи—240, Австріи—250, Англии—250, Италіи—251 и Германіи—270.

Сенаторъ Страусъ въ основу уменьшенія населенія Франціи ставитъ смертность дѣтей и настаиваетъ главнымъ образомъ на принятіи мѣръ къ уменьшенію смертности въ дѣтскомъ возрастѣ. Однако, если сравнивать смертность въ другихъ государствахъ, то оказывается, что въ отношеніи смертности дѣтей Франція вовсе не занимаетъ перваго мѣста и въ Германіи наприимѣръ цифра смертности гораздо больше. Выбѣствъ съ Бельгіей и Голландіей, Франція принадлежитъ къ числу такихъ странъ, гдѣ смертность дѣтей въ возрастѣ до пяти лѣтъ наименьшая. Слѣдовательно, главная причина убыли французскаго населенія заключается не въ смертности дѣтей, а въ уменьшеніи числа рожденій. Относительно браковъ Франція стоитъ не въ худшемъ положеніи, нежели другія страны. Статистика указываетъ, что въ годъ на тысячу незамужнихъ женщинъ приходится среднимъ числомъ: 21 бракъ въ Ирландіи, 33 въ Швеціи, 36 въ Швейцаріи и Бельгіи, 44 во Франціи, 46 въ Голландіи, Германіи, Австріи и Англии, 47 въ Италіи и Даніи, и 70 въ Венгріи. Но во Франціи въ бракахъ рождается слишкомъ мало дѣтей и французская статистика лучше всего подтверждаетъ это. По переписи 1886 года на тысячу семействъ 200 не имѣли вовсе дѣтей, 244 имѣли только одного ребенка и 218—двухъ. Двѣ

трети всѣхъ французскихъ семей имѣютъ не болѣе двухъ дѣтей, и замѣчательно, что именно въ самыхъ богатыхъ французскихъ департаментахъ обнаружено наибольшее число семействъ, имѣющихъ не болѣе одного ребенка.

Убыль рожденій начинаетъ теперь сильно беспокоить французскихъ политиковъ. Да оно и понятно. Сто лѣтъ тому назадъ Франція со своими 25-ю милліонами населенія стояла во главѣ культурныхъ націй, въ Германіи было только 14 милліоновъ, а въ Англіи 12. Теперь Франція со своими 38 милліонами занимаетъ шестое мѣсто, да и оттуда ее скоро вытѣснитъ Италия. Населеніе Германіи превышаетъ теперь на 18 милліоновъ населеніе Фривціи, и если принять во вниманіе, что милитаристскія тенденціи попрежнему остаются въ силѣ въ Европѣ, то вполне будетъ понятна озабоченность французскихъ политиковъ. Но какія мѣры думаетъ принять правительство для борьбы съ убылью населенія—пока неизвѣстно. Алькоголь, сифились и распущенность нравовъ, безъ сомнѣнія, оказываютъ вліяніе на уменьшеніе числа рожденій, но главная причина, по мнѣнію одного французскаго журналиста, заключается въ эгоизмѣ французскихъ семей, въ постоянномъ стремленіи къ обогащенію и накопленію, чему препятствуетъ обиліе дѣтей. Съ этимъ эгоизмомъ, составляющимъ основную черту характера французскихъ крестьянъ и буржуа, бороться трудно.

За послѣдніе годы во Франціи развилось множество всяческихъ союзовъ, съ самыми разнообразными наименованіями, указывающихъ, что французскій народъ ощущаетъ необходимость защищать свои важнѣйшіе интересы самъ, даже противъ государства. Такими союзами являются, напримѣръ, «лига правъ человѣка», «лига плательщиковъ податей», насчитывающія тысячи членовъ. Недавно же образовался еще новый союзъ, носящій интересное названіе «Ligue pour la vie humaine» и поставившій своею цѣлью защищать человѣческую жизнь противъ безчисленнаго множества опасностей, угрожающихъ ей со всѣхъ сторонъ. Государственныя учрежденія, которыя должны были бы обезпечивать общественную безопасность, оказываются въ этомъ отношеніи совершенно не на высотѣ своихъ обязанностей, и жизни человѣческой постоянно угрожаютъ опасности вслѣдствіе небрежнаго отношенія наблюдательной власти къ своему долгу. Новая лига, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду борьбу съ безсовѣстною фальсификаціей жизненныхъ припасовъ, такъ вредно отывающейся на здоровьи населенія, въ особенности же съ фальсификаціей молока. Французская печать встрѣтила очень сочувственно образованіе новой лиги, число членовъ которой быстро возрастаетъ.

Результаты двухлѣтней войны. Ирландскій вопросъ. Новая англійскія общества. Нравственныя метаморфозы, происходящія въ Англіи, поражаютъ не однихъ только иностранныхъ наблюдателей. Англійскій журналъ «The Nineteenth Century and After», одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и вліятельныхъ въ Англіи, напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Бѣлая опасность», авторъ которой говоритъ, что надо бояться вовсе не «желтой опасности», о которой такъ много писали въ послѣднее время, а «бѣлой опасности», угрожающей бѣлымъ расамъ. Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣваетъ всѣ тѣ пагубныя

вредныя вліянія, которыя теперь господствуютъ въ Англіи. Авторъ въ особенности нападаетъ на легкомысліе и пошлость печати, на грубые эффекты, за которыми гонятся въ дешевой литературѣ, на глупость и безнравственность большинства театровъ и «Music Halls» и сравниваетъ теперешнюю Англію съ Англіей пятидесятихъ годовъ, съ огорченіемъ констатируя громадный упадокъ и спрашивая себя, какіе шансы имѣеть теперь городское населеніе современной Англіи достигнуть улучшенія въ физическомъ, нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи? «Организмъ этого населенія отравленъ алкоголемъ, употребленіе котораго все болѣе распространяется, говорить онъ—душа же его отравляется фельетонами, въ одно и то же время матеріалистскими и сентиментальными, которые печатаются въ народныхъ газетахъ». Авторъ, однимъ словомъ, вездѣ видитъ одну только пошлость, вульгарность, матеріализмъ и самое грубое тщеславіе и съ ужасомъ спрашиваетъ себя, что ожидаетъ великую англійскую націю при такихъ условіяхъ. И не у него одного возникаетъ такой тяжелый вопросъ. Въ лучшей части англійской періодической печати также не разъ говорилось объ упадкѣ въ Англіи нравственныхъ идеаловъ. «Daily News», напримѣръ, говоритъ, что въ данный моментъ трудно повѣрить, что англійская нація служила нѣкогда идеаломъ свободы и единенія всѣхъ народовъ и всѣхъ расъ. Теперь въ англійской литературѣ преобладаютъ такъ называемые «Empire Makers», пророкомъ которыхъ является Киплингъ, талантливый проповѣдникъ торжества грубой силы и преимущества часто эгоистическихъ и матеріальныхъ дѣлей, которыхъ должна добиваться имперія, желающая быть великой. Имперіализмъ, идущій рука объ руку съ милитаризмомъ, подкапывается подъ лучшія учрежденія страны и расшатываетъ ея основы. Неудивительно, что лучшіе люди Англіи со страхомъ смотрятъ въ будущее.

Новый годъ начался, для Англіи при дурныхъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ въ первый день Рождества бурами была одержана крупная побѣда надъ англичанами, набросившая тѣнь на рождественскіе праздники и снова заставившая англичанъ приуныть. Внутреннія дѣла тоже не могутъ веселить Англію, и призраки ирландскаго вопроса опять начинаютъ беспокоить англійскихъ государственныхъ дѣятелей, которые волей-неволей должны сознавать теперь, что они слишкомъ поторопились считать этотъ вопросъ поконченнымъ. Министерство вынуждено измѣнить свое, нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ Ирландіи и уже не можетъ болѣе отрицать того факта, что новая лига, преемница знаменитой аграрной лиги, существовавшей 20 лѣтъ тому назадъ, постепенно охватываетъ весь островъ, образуя такую силу, съ которою уже нельзя не считаться. Какъ прежде, такъ и теперь земельный вопросъ былъ главнымъ толчкомъ, вызвавшимъ движеніе. Новая лига представляетъ нѣчто въ родѣ аграрнаго трэдъ-юніона, имѣющаго цѣлью уничтожить взаимную конкуренцію ирландскихъ поселанъ, объединить ихъ, сгруппировать и мобилизовать противъ ландлорда или землевладѣльца. Въ Ирландіи, какъ извѣстно, влѣдствіе долгой исторической эволюціи, владѣніе землей сосредоточено въ рукахъ ландлордовъ, но подъ вліяніемъ законовъ, введенныхъ Гладстономъ, ирландскіе ландлорды превратились въ кредиторовъ, владѣющихъ ипотеками, и земельная рента,

получаемая ими, устанавливается трибуналами, причемъ въ извѣстныхъ случаяхъ землевладелецъ бываетъ вынужденъ уступить свои права арендатору и продать ему арендуемую имъ землю по цѣнѣ, установленной трибуналами. Но, къ сожалѣнію, администрація страны большею частью состоитъ изъ членовъ и кліентовъ той же касты ланлордовъ, которая владѣетъ землей, и потому арендаторы всегда остаются въ проигрышѣ, такъ какъ законовѣды въ трибуналахъ толкуютъ законы по своему, т. е. къ выгодѣ землевладельцевъ. Результатомъ этого бываютъ постоянные конфликты, вызывающіе, въ свою очередь, вмѣшательство лиги и бойкотъ. Все вмѣстѣ содѣйствуетъ накопленію раздраженія въ странѣ и глухая борьба между ланлордами и фермерами не прекращается.

Новый статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Виндгемъ сначала выказалъ себя весьма предупредительнымъ человѣкомъ, но затѣмъ и онъ не могъ удержаться и вступилъ въ конфликтъ съ лигой, введя снова ненавистные ирландцамъ принудительные законы, которые были вотированы Бальфуоромъ въ 1888 г. и затѣмъ оставлены безъ употребленія Джономъ Морлеемъ, который бы ихъ отмѣнилъ съ удовольствіемъ, если бы могъ. Но Виндгемъ не побоялся теперь начать примѣнять ихъ въ полной силѣ, стремясь подавить ирландское движеніе. Всѣ лица, возбуждающія подозрѣніе, подвергаются аресту и препровождаются въ судъ, причемъ судьи обходятся безъ присяжныхъ и присуждаютъ за ничтожный поступокъ въ тюрьму. Строгость судей въ особенности выражается по отношенію къ ирландцамъ, членамъ парламента. Однако, въ англійской печати раздаются голоса, осуждающіе такую строгость, тѣмъ болѣе, что дѣятельность такой системы подавленія волненій весьма подлежитъ сомнѣнію.

Виндгему напоминаютъ о томъ, что эту систему пробовали уже практиковать въ Ирландіи, да толку было мало. Парнелль и его сотоварищи сидѣли въ тюрьмѣ. Съ Уильямомъ О'Брайномъ обращались, какъ съ простымъ преступникомъ и т. д. И что же? Все-таки, въ концѣ концовъ, англійскія власти должны были уступить, выпустить на свободу бунтовщиковъ и заключить съ ними пресловутый Бильмангемскій договоръ, подписанный въ тюрьмѣ вождями ирландскаго движенія, а затѣмъ предложить имъ Home Rule и аграрный законъ 1881 или 1888 года. Всѣ эти факты доказываютъ, что преслѣдованіе разжигало еще больше пылкость ирландскаго патріотизма. Во всякомъ случаѣ, положеніе дѣлъ въ Ирландіи не теряетъ своего серьезнаго характера и, пожалуй, даже стало еще серьезнѣе съ тѣхъ поръ, какъ противъ правительства возстали не одни только католическіе кельтскіе элементы въ Ирландіи, но и протестантскіе, англосаксонскіе или шотландскіе фермеры Ульстера, тѣ, которые нѣкогда составляли гарнизонъ Бромвеля, главную силу партіи оранжистовъ, имѣющую безъ этихъ фермеровъ своими представителями лишь незначительную горсть ланлордовъ, большею частью, впрочемъ, даже не живущихъ въ Ирландіи. Теперь эти фермеры жалуются, что они обмануты, что интересы ихъ нарушены землевладельцами и англійскими властями. Они требуютъ массоваго выкупа земель, той самой гигантской операціи, которую Гладстонъ ставилъ въ связи со своимъ проектомъ гомруля въ 1886 году. Глава ульстерцевъ Русселль, принадлежавшій къ уніонистамъ, вышелъ даже въ отставку, чтобы не находиться въ составѣ

правительства лорда Салисбюри и располагать полною свободою дѣйствій, ставъ во главѣ ирландскаго движенія. Онъ считается однимъ изъ самыхъ выдающихся агитаторовъ въ настоящее время, и такъ какъ онъ вступилъ въ соглашеніе съ націоналистами, то оранжисты теперь дѣйствуютъ съ нимъ заодно, и англійское министерство очутилось, такимъ образомъ, между двухъ огней, не рѣшаясь идти наперекоръ желаніямъ крупныхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ и сознавая, что такое положеніе вещей продолжаться не можетъ и что ирландское движеніе все разрастается. Министерству приписывается желаніе поднять вопросъ объ уменьшеніи ирландскаго представительства, опираясь на то, что 102 депутата не соотвѣтствуютъ теперешней цифрѣ ирландскаго населенія. Но это была бы очень рискованная мѣра, такъ какъ если ирландское населеніе уменьшилось, то въ этомъ виноватъ жестокій режимъ, введенный Англійей въ Ирландіи, голодъ 1896 г. и выселеніе фермеровъ.

Недавно въ Лондонѣ происходилъ конгрессъ 400 делегатовъ рабочихъ обществъ, которыя явились представителями никакъ не менѣе трехъ милліоновъ рабочихъ. На конгрессѣ обсуждались различные вопросы, касающіеся интересовъ рабочихъ классовъ, и, главнымъ образомъ, вопросъ объ обезпеченіи старости. Члены конгресса присоединились къ идеѣ, которую нѣкогда развивалъ Чемберленъ, что каждый гражданинъ британскаго государства безъ исключенія долженъ получать пенсію по достиженіи имъ 60-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ, назначеніе этихъ пенсій не будетъ носить характера милостыни, выдаваемой лишь тѣмъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію. Величина пенсіи опредѣлена въ пять шиллинговъ въ недѣлю. Конгрессъ постановилъ представить по этому поводу записку въ парламентъ.

Нѣсколько выдающихся англійскихъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей обратились къ королю съ петиціей объ учрежденіи «британской академіи для поощренія историческихъ, философскихъ и филологическихъ изслѣдованій». Англійскія газеты привѣтствуютъ этотъ начинъ и при этомъ обращаютъ вниманіе на то, что подъ петиціей подписались рядомъ Бальфуръ съ Морлеемъ и Брайсомъ. «Это можетъ служить гарантіей, что британская академія не будетъ имѣть политическаго характера», замѣчаетъ «Daily Mail», выражая при этомъ желаніе, чтобы британская академія также не пошла по стопамъ французской и не навлекла бы на себя столько осужденій, сколько навлекаетъ французское собраніе «безсмертныхъ».

Воспоминанія французскаго журналиста о Гейне. Въ Парижѣ, на Монмартрѣ, живетъ еще одинъ изъ друзей Гейне, по всей вѣроятности, послѣдній оставшійся въ живыхъ, 83-хъ-лѣтній французскій журналистъ Филиберъ Одебранъ, принадлежавшій нѣкогда къ маленькому кружку литераторовъ, господствовавшихъ въ бульварной прессѣ. Одебранъ пользовался когда-то большою извѣстностью въ парижской публикѣ, и его статьи въ «Figaro Citésoise», «Chagivari» и др. газетахъ читались нарасхватъ. Но о немъ давно позабыли и врядъ ли кто-нибудь вспомнилъ бы даже его имя, если бы постоянный со-

трудникъ газеты «Temps», Адольфъ Бриссонъ, не вздумалъ разыскать его убижище и посѣтить его.

Филиберъ Одебранъ живетъ уединенно, но продолжаетъ попрежнему интересоваться парижскою жизнью и слѣдить за нею. «Это настоящій типъ «vieux parisien» — говоритъ Бриссонъ, — живой и впечатлительный, несмотря на свои 83 года». Онъ дебютировалъ во французской журналистикѣ въ 1839 году и тогда же началъ посѣщать знаменитое литературное кафе «Porte-Montmartre», гдѣ познакомился съ разными литературными свѣтлыми, сходящимися въ этомъ кафе. Тамъ онъ встрѣтился и съ Гейне, которому всегда сопутствовалъ маленькій горбатый человекъ, очень веселый и шумный, Александръ Вейлль. Иногда являлась и красавица Матильда, на которую всѣ заглядывались и которая, сознавая свою власть надъ Гейне, изрядно-таки мучила его своими капризами, причѣмъ Вейлль всегда игралъ между супругами роль спасительнаго буфера. Одебранъ узналъ изъ рассказовъ Вейлля, что Матильда была продавщицей въ лавкѣ, гдѣ Гейне всегда покупалъ перчатки. Она поразила поэта своею красотой; онъ влюбился въ нее и сдѣлалъ ей предложеніе, но прежде чѣмъ отвѣтить на него, Матильда спросила у своей хозяйки: «Сколько зарабатываетъ нѣмецкій поэтъ?» — «Немного меньше французскаго поэта», отвѣтила та. Но Гейне выказалъ такую большую щедрость, что Матильда, наконецъ, согласилась выйти за него замужъ. Всѣмъ извѣстно, какова была его супружеская жизнь. Одебранъ рассказывалъ, что ему не разъ приходилось присутствовать при супружескихъ сценахъ, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что у нихъ у обоихъ была страсть ссориться. «У него не хватало терпѣнія, а у нея кротости, и ссоры выходили изъ-за сущихъ пустяковъ», говоритъ онъ. Гейне очень любилъ сравнивать себя съ Сократомъ и говорилъ, что и Сократъ, вѣдь, женился на Ксантиппѣ, хотя никто его не обязывалъ къ этому. Одному изъ своихъ друзей въ кафе Монмартръ онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я сдѣлалъ свое завѣщаніе. Все свое имущество я завѣщаю Матильдѣ, съ условіемъ, чтобы она вышла замужъ во второй разъ. Я хочу, чтобы, по крайней мѣрѣ, нашелся хоть одинъ человекъ на землѣ, который бы ежедневно воспоминалъ меня и говорилъ: «И зачѣмъ этотъ бѣдняга, Гейне долженъ былъ умереть! Вѣдь если бы онъ не умеръ, то мнѣ бы не пришлось жениться на его вдовѣ».

Въ политикѣ Гейне былъ также оригинальнымъ мыслителемъ. «Я какъ теперь помню одинъ завтракъ въ 1848 году, — сказалъ Одебранъ. — Мы собрались у Вейлля. За столомъ сидѣлъ Гейне, Бальзакъ и Евгений Сю. Вина были все самыя изысканныя и кухня превосходная. Гости порядочно-таки разгорячились и принялись обсуждать различные социальныя вопросы и, разумеется, при этомъ обнаружались большія разногласія. Евгений Сю выставлялъ себя защитникомъ демократическихъ идей, Бальзакъ же горячо возставалъ противъ нихъ, Гейне велъ себя сдержанно и молчалъ. Споръ между Бальзакомъ и Сю становился все больше ожесточеннымъ.

«Развѣ это не позоръ, — говорилъ Сю, — что одни имѣютъ все въ избыткѣ, тогда какъ другимъ не хватаетъ даже самаго необходимаго?» — «Значитъ, по

вашему,—возразилъ Бальзакъ,—никто не долженъ быть умнымъ, потому что у очень многихъ не хватаетъ даже простого здраваго смысла?» Тутъ виѣшался Гейне: «Это въ первый разъ,—сказалъ онъ,—что въ устахъ Бальзака слово «умъ» ассоціируется со словомъ «лишній»:

«Сю замѣтилъ, что Гейне еще не высказалъ своего мнѣнія и присталъ къ нему. Гейне поднялъ свой стаканъ, посмотрѣлъ, какъ отражается въ немъ огонь свѣчей, словно лица вдохновенія, и, наконецъ, сказалъ:

«— Время сплетается изъ безконечнаго ряда дней и ночей. Какъ ночь безъ дня, такъ и день безъ ночи, не могли бы существовать. Кругомъ въ природѣ мы видимъ только различія и противоположности. Возьмите мужа и жену—развѣ это не есть соединеніе двухъ контрастовъ? Для всякаго выгоднаго дѣла необходимо, чтобы двое были налицо: одинъ злодѣй и одинъ дуракъ. Изъ двухъ диссонансовъ образуется гармонія... Однимъ словомъ: всюду контрастъ и только контрасты!..

«Онъ снова началъ пристально всматриваться въ отраженіе свѣта въ своемъ стаканѣ, въ которомъ играло шампанское, съ видомъ авгура, старающагося угадать будущее, и, наконецъ, сказалъ:

«— Я не желалъ бы, чтобы была одна только республика или только одна монархія. Я желалъ бы и ту, и другую вмѣстѣ. Я думаю, что прочной могла бы только монархія, управляемая республиканцами или республика, управляемая монархистами...

«Бальзакъ громко расхохотался: «Голубчикъ, ты придумалъ оригинальное разрѣшеніе задачи,—сказалъ онъ.—Господа, я предлагаю овладѣть правительствомъ Франціи. Намъ тутъ достаточно для этого».

«Очень возможно,—прибавляетъ Бриссонъ,—что если бы тогда, за этими пирующимъ столомъ организовалось будущее правительство Франціи, то Бальзакъ былъ бы избранъ президентомъ, а Евгенийъ Сю былъ бы министромъ внутреннихъ дѣлъ. Гейне же составилъ бы конституцію въ стихахъ, а Одебранъ расхвалилъ бы ее въ газетахъ..» Во всякомъ случаѣ, однимъ безсмертнымъ произведеніемъ Гейне тогда было бы больше.

Библия, какъ руководство къ военному искусству. Одинъ изъ англійскихъ военныхъ корреспондентовъ, пользующійся репутацией хорошаго и безпристрастнаго наблюдателя, рассказываетъ, какъ буры научились по Библии военному искусству. «Передъ началомъ теперешней войны,—говоритъ онъ,—всѣ эти полководцы, которые теперь приобрѣли такую извѣстность, не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній о европейскомъ военномъ искусствѣ. Луи Бота, Деветъ, Деларей, Оливье, Смутъ, Принсло—всѣ, покрывшіе трансваальскій флагъ такою славой, являются продуктами момента. Всѣ эти люди, достигшіе высшаго положенія, были дѣтьми южно-африканскихъ степей и, за исключеніемъ только двухъ, не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній объ искусствѣ руководить войной. Но если вникнуть хорошенько въ ихъ методы веденія войны, то можно убѣдиться, что всѣ они черпаютъ свои познанія изъ одного и того же источника. Каждый полководецъ сражается за свой собственный счетъ и дѣйствуетъ со-

вершено независимо отъ своихъ сотоварищей, но при болѣе внимательномъ наблюденіи можно разсмотрѣть, что методы ихъ одинаковы: они производятъ внезапныя нападенія, отступаютъ, переходятъ на другую сторону, разсѣваются и всегда при этомъ дѣйствуютъ на основаніи одного и того же принципа. Если организуется новая бурская команда, избирается новый вождь, то онъ сейчасъ же начинаетъ поступать такъ же, какъ поступаютъ всѣ бурскіе полководцы, какъ будто бы у него въ карманѣ были постоянно при себѣ печатныя инструкціи. До нѣкоторой степени оно такъ и есть, такъ какъ каждый буръ носитъ при себѣ руководства въ войнѣ — онъ черпаетъ свои инструкціи изъ Ветхаго за-вѣта. Ему все извѣстно въ подробностяхъ, что касается методовъ войны древнихъ евреевъ съ филистимлянами, ассирійцами, амалекитянами и др. Онъ знакомъ съ этими методами войны лучше, чѣмъ любой солдатъ со своимъ дѣломъ. Еще будучи мальчикомъ, каждый буръ разсуждалъ объ этомъ со стариками, во время трѣковъ, когда она усаживалась вокругъ лагернаго костра. Въ семейномъ кругу, на своей фермѣ, онъ также слышалъ разговоры объ этомъ и размышлялъ объ этомъ самъ, когда пасъ свои стада въ лугахъ между низкими холмами. Всѣ свои коварные военные методы онъ позаимствовалъ у древнихъ писателей и съ удивительною прозорливостью изучилъ ихъ. У древнихъ писателей Ветхаго За-вѣта не очень много рассказывается о сраженіяхъ, и стратегія въ большинствѣ случаевъ идетъ впереди храбрости. Буръ принимаетъ это такъ, какъ оно есть; онъ восхищается Давидомъ и старается подражать древне-іудейскимъ законамъ. Въ Голиаѳу, на примѣръ, буры относятся презрительно, какъ къ дураку, обладавшему недюжинною силой; ума у него было столько же, сколько у быка — говорятъ они. Сауломъ они тоже не очень восхищаются. Главное поученіе они извлекаютъ изъ исторіи Давида. Вѣдь Саулъ хотѣлъ вооружить Давида по военному и заставить его сражаться по всѣмъ правиламъ искусства, но пастушокъ Давидъ разсудилъ иначе и побѣдилъ великана. Такъ и буръ. Каждый бурскій воинъ считаетъ себя современнымъ Давидомъ, которому однако нѣтъ дѣла до современныхъ способовъ войны и, которому только нужно имѣть въ рукахъ правильное оружіе, чтобы побѣдить своего противника. Военную хитрость они ставятъ выше личной храбрости и высоко цѣнятъ человѣческую жизнь, не считаютъ позоромъ отступление тогда, когда врагъ превышаетъ ихъ силой. Вечеромъ каждый буръ, отдыхая у огня, вынимаетъ свою Библию и черпаетъ изъ нея мудрость. Полководцы буровъ даже свои приказанія передаютъ отрядамъ при помощи библейскихъ текстовъ. Когда Бронье узналъ, что Робертъ окружилъ его у Паардеберга, то онъ послалъ Крюгеру слѣдующее донесеніе: «Читай Іова XVI главу, стих. 11—14». Если перевести на обыкновенный языкъ это донесеніе, то оно будетъ означать: «Враги окружили меня. Я нахожусь въ стѣсненномъ положеніи. Пища и питье на исходѣ». Библейскій текстъ, на который указывалъ Бронье, дѣйствительно подходит къ данному случаю и иллюстрируетъ его безвыходное положеніе.

«Когда первые англійскіе плѣнные попали въ руки буровъ, то Штейнъ обратился къ Крюгеру съ вопросомъ, какъ поступить. Отвѣтъ гласилъ: «2-я

«Книга Царствъ, VI глава, стихъ 21». Это означало, что ихъ убивать не слѣдуетъ.

«Еще раньше, до того времени, когда Христіанъ Деветъ, вытѣснилъ Метуэна изъ его укрѣпленнаго положенія, въ лагерь Девета прибылъ посланный отъ Деларея съ инструкціей, слѣдующаго содержанія: «Исаія, VIII, глава стих. 1—22». Если прочесть эту главу, то вся тактика буровъ становится ясной, такъ какъ въ этой главѣ разсказывается о вѣзтін города Аи и о всякаго рода засадахъ и нападеніяхъ врасплохъ.

«Итакъ буръ смотреть на Библию, не только какъ на источникъ премудрости, но и какъ на лучшее руководство въ военномъ искусствѣ. Тактика древнихъ, которую онъ усвоилъ себѣ, дѣйствительно помогала ему въ теперешней войнѣ и маленькій Давидъ до сихъ поръ успѣшно сражается съ огромными Голиаѳами. Да и во всѣхъ случаяхъ своей жизни буръ прибѣгаетъ къ Библии, ищетъ въ ней наставленія и утѣшенія и находитъ его. Въ каждой семьѣ есть Библия, считающаяся семейнымъ сокровищемъ, которая передается по наслѣдству отъ отца къ старшему сыну. По этой Библии мать учитъ читать своихъ дѣтей и изъ этой же Библии полководцы почерпнули свое искусство бороться съ врагомъ, который далеко превышаетъ ихъ и своею численностью, и своею всею подготовкой».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Петерянина силы».—Докторъ Тулузъ и его изслѣдованія происхожденія гениальности.—Мнѣніе нѣмецкаго писателя о коллегіи Рёскипа въ Оксфордѣ.

Французскій писатель Жоржъ Пико жалуется въ своей статьѣ «Les forces perdues» («Revue des deux Mondes») на ослабленіе у французовъ интереса къ общественнымъ дѣламъ. Въ этомъ усиливающемся равнодушіи заключается, по его мнѣнію, большая опасность. Свободный народъ, на котораго возлагаются обязанности самоуправленія, долженъ былъ бы получать практическое воспитаніе и вмѣшиваться до нѣкоторой степени въ дѣла, которыя вѣдь его же собственныя дѣла! Кроме того, благодаря такому отдаленію большинства французовъ отъ общественныхъ дѣлъ, чиновникъ оказывается въ изолированномъ положеніи, и между администраціей и администрируемыми образуется цѣлая пропасть. Пико полагаетъ, что именно это обстоятельство парализуетъ дѣйствіе многихъ, хорошихъ законовъ, которые при другихъ условіяхъ непременно принесли бы пользу странѣ.

«Въ чемъ заключается наука жизни?—говоритъ онъ.—Въ томъ, чтобы знать свои обязанности. Воспитаніе человѣка можно считать законченнымъ, если въ душу проникло сознаніе тройнаго долга: 1) долга по отношенію къ самому себѣ, такъ какъ безъ добродѣтели, безъ высшихъ принциповъ, которые бы руководили его поступками и вдохновляли его, онъ не будетъ обладать достаточною нравственною силой; 2) долга по отношенію къ своей семьѣ и, нако-

вещь, 3) долга по отношенію къ обществу. Это общество не есть отвлеченное понятіе, такъ какъ оно не можетъ существовать внѣ человѣка и безъ него и человѣкъ долженъ внести въ него свое участіе, сообщивъ ему, такимъ образомъ, частицу своей жизни. Если человѣкъ уклоняется отъ этихъ трехъ обязанностей, то онъ не только бесполезенъ, но даже вреденъ; если же онъ выполняетъ ихъ добросовѣстно, то заслуживаетъ названія человѣка и гражданина».

«Фанатическіе приверженцы государства мало заботятся о семьѣ и индивидѣ. Самодовлѣющая, независимая сила, которая должна заботиться о счастіи массъ,—государство, по мнѣнію ярыхъ приверженцевъ, представляетъ могущественную организацію, которая шествуетъ впередъ и нисповергаетъ всѣ препятствія, властвуя надъ массами, прежде во имя божественнаго права, а теперь во имя верховной делегаціи большинства. Централизація, къ которой такъ стремилась Франція въ теченіе восьмисотъ лѣтъ, дѣйствительно, доставила ей въ XVII-мъ вѣкѣ всемірное вліяніе, но въ то же время она довела свои принципы до крайнихъ предѣловъ. Всемогущее въ дѣлѣ набора рекрутъ и вооруженія цѣлой націи, превратившейся такимъ образомъ въ первоклассный военный инструментъ въ рукахъ завоевателя—государство ввело въ мирное время и въ гражданскій строй страны извѣстную мелочную дисциплину, которая постепенно пріучила гражданъ ничѣмъ не интересоваться и сдѣлала ихъ пассивными. Подъ видомъ управленія государство ввело режимъ опеки, который распространился во всей территоріи страны и не допускаетъ никакой самостоятельности».

Разбирая далѣе признаки французскаго индифферентизма,—являющагося причиною того, что теряется такъ много полезныхъ силъ, авторъ говоритъ: «Въ теченіе прошлаго столѣтія, подѣ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ режимовъ и цѣлой серіи всякаго рода конституцій, монархическихъ и республиканскихъ, Франція выработала мало по-малу особый типъ людей: чиновниковъ и администруемыхъ. Делегатъ государства, имѣющій монополію общественной власти, только одинъ имѣетъ право возвышать голосъ и говорить во имя закона, толковать и примѣнять его, тогда какъ администрируемый видитъ передъ собою только одинъ путь—путь просьбы и долженъ ждать, какъ милости, удовлетворенія этой просьбы. Въ то время, какъ у другихъ, дѣйствительно, сильныхъ націй, существуетъ право требовать отъ государства той или иной мѣры, во Франціи господствуетъ какая-то административная приниженность, превратившая французскій народъ въ толпу просителей... Разумеетсяъ, такое состояніе умовъ открываетъ широкіе пути всемогуществу государства и въ интересахъ корпораціи чиновниковъ поддерживать всѣми способами такое положеніе дѣлъ. Лѣнь, присущая гражданамъ, заставляетъ ихъ мириться съ этимъ; подкупность избирательныхъ агентовъ извлекаетъ изъ этого свои выгоды, избиратели же народа получаютъ только такимъ образомъ свои полномочія. Но прямымъ послѣдствіемъ этого является, конечно, официальная кандидатура, и если не будетъ принято во-время мѣръ, то зло разростется въ ширь и въ глубину и въ самыя жилы страны проникнетъ родъ оцѣпененія. Пусть тогда явятся деспотизмъ, страна будетъ готова принять его...

«Не операція политиковъ или борьба партій,—говоритъ авторъ,—не решитъ

религиозные и расовые раздоры, со всёми своимъ неизбежнымъ кортежемъ религиозной ненависти, готовятъ благосостояніе народовъ, а облегченіе страданій, социальныхъ бѣдствій, организація плодотворныхъ и полезныхъ ассоціацій, — однимъ словомъ, примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ великаго христіанскаго закона любви къ ближнему, какъ бы мы ни называли его; милосердіе, братство или солидарность — вотъ что формируетъ людей-гражданъ и укрѣпляетъ тѣ узы, благодаря которымъ человѣческія общества могутъ сдѣлаться сильными и свободными».

Французскій психіатръ, докторъ Тулузъ предпринялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ рядъ психологическихъ изслѣдованій надъ нѣкоторыми изъ своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, стремясь найти біологическую формулу ихъ гениальности. Первымъ онъ подвергнулъ своему анализу Эмиля Золя и его мозговыя функціи. А теперь онъ изучаетъ Бертело и сообщаетъ результаты своихъ изслѣдованій въ «Revue de Psychiatrie». Докторъ Тулузъ прежде всего старается проникнуть въ тайну происхожденія генія и полагаетъ, что геній обуславливается тремя причинами: или онъ передается по наслѣдству отъ одного изъ предковъ, или онъ представляетъ счастливую комбинацію элементовъ наслѣдственности, или же онъ просто является результатомъ случайностей эволюціи. Разсматривая всѣ три гипотезы по отношенію къ Бертело, докторъ Тулузъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Первая причина генія встрѣчается всего рѣже и къ Бертело она совсѣмъ не примѣнима, такъ какъ его семья, всегда изобилвавшая людьми умными, спокойными и уравновѣшенными, не представляла ни одного выдающагося человѣка. Вторая причина, т. е. комбинація элементовъ наслѣдственности, можетъ быть допущена у Бертело. Полное равновѣсіе умственныхъ способностей знаменитаго химика, которое всѣхъ поражаетъ, могло быть унаслѣдовано имъ съ отцовской стороны; его же мать, обладавшая живымъ умомъ и подвижнымъ темпераментомъ, могла передать ему свою жажду дѣятельности, воспримчивость и строгость къ изслѣдованію. Не слѣдуетъ также игнорировать того факта, что его отецъ былъ изъ Солоньи, а мать парижанка, такъ какъ скрещиваніе расъ представляетъ одно изъ наиболее благоприятныхъ условій для происхожденія выдающагося ума. Но обыкновенно этого бываетъ недостаточно для созданія генія, говоритъ Тулузъ, и геній, повидимому, большею частью обязанъ бываетъ своимъ происхожденіемъ третьей причинѣ, т. е. случайностямъ эволюціи. Именно этой-то случайности мы обязаны большинствомъ своихъ великихъ умовъ. Докторъ Тулузъ захотѣлъ еще разъ провѣрить свою теорію. Между прочимъ, онъ старательно разузналъ, какія болѣзни въ дѣтствѣ могли повліять на мозговую дѣятельность Бертело. Но самое главное значеніе онъ придаетъ паденію, которому подвергся великій ученый, когда ему было семь лѣтъ. Онъ упалъ въ ровъ, на камень и серьезно поранилъ себѣ правую лобную область, гдѣ даже образовалось вдавленіе кости. Докторъ Тулузъ не сомнѣвается, что, именно, это приключеніе произвело глубокія измѣненія въ нервной системѣ ребенка и его интеллектуальныхъ способностяхъ, но, какъ осторожный человѣкъ, докторъ Тулузъ считаетъ нужнымъ предупредить, что одного

этого условія мало, чтобы вызвать гениальность и что сюда, вѣроятно, должны присоединяться еще нѣкоторые другіе, пока, впрочемъ, неизвѣстные элементы. «A la bonheur!» восклицаютъ французы. А то вѣдь въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, нашлись бы родѣтели, которые стали бы распихать лбы своимъ дѣтямъ, чтобы они стали гениальными.

Въ издаваемомъ профессоромъ Франке въ Лейпцигѣ журналѣ «*Sociale Praxis*» помѣщена статья доктора Зигберта Шопера объ англійской высшей школѣ для рабочихъ имени Рескина, открытой въ Оксфордѣ.

«Прежде всего эта школа, — говоритъ авторъ, — стремится научить рабочихъ выполненію тѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ на нихъ общественная жизнь ихъ отечества; на англійскаго рабочаго, возлагается больше такихъ обязанностей, чѣмъ на его собрата нѣмецкаго рабочаго и обязанности эти разнообразѣе. Въ области своей гражданской дѣятельности англійскій рабочій отдѣленъ не такою глубокою пропастью отъ другихъ сословій общества, какъ въ Германіи, и вообще область самоуправленія въ Англійи гораздо шире, нежели въ Германіи. Высшая англійская школа рабочихъ старается сдѣлать ихъ полезными членами общины, сообщивъ имъ такія знанія, которыя необходимы для пониманія государственно-соціальной жизни и участія въ ней и болѣе глубокаго пониманія своихъ обязанностей по отношенію къ обществу, его учреждениямъ и отдѣльнымъ индивидумамъ. Для этого мало, конечно, профессиональныхъ знаній и нужно болѣе широкое міровоззрѣніе и способность самостоятельнаго сужденія и сознательнаго отношенія къ современнымъ проблемамъ. На этомъ основаніи, программа преподаванія въ высшей англійской школѣ для рабочихъ основывается, главнымъ образомъ, на социологій, куда причисляется и изученіе исторіи Англійи, и преимущественно англійской конституціи и современныхъ государственныхъ учреждений, политическая экономія, развитіе промышленности, основы философіи (логика, психологія и этика) и англійская литература. Самособою разумѣется, что одною изъ главныхъ задачъ школы является доставленіе англійскимъ рабочимъ союзамъ цѣлесообразно образованныхъ вождей. Съ этою цѣлью организованы даже отдѣльные курсы, на которыхъ преподаются основы политики, преобразование промышленности, вслѣдствіе введенія машиннаго производства, изученіе организаціи рабочихъ союзовъ и ассоціацій и рабочаго движенія. При этомъ всегда имѣется въ виду не отягощать слушателей подробностями и отдѣльными знаніями, а представить имъ все въ широкомъ освѣщеніи, указывая на законы развитія. Этимъ избѣгается бесплодное многознаніе, и слушатели приучаются сразу охватывать предметъ со всѣхъ точекъ зрѣнія и составлять себѣ сужденіе о немъ.

«Передъ желающими воспользоваться сокровищами знанія открыты два пути: они могутъ оставаться для этого въ школѣ или обучаться письменно. Хотя «школа корреспонденціи» не можетъ возмѣстить пребываніе въ школѣ, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ большое значеніе, такъ какъ лишь немногіе рабочие въ состояніи на болѣе или менѣе продолжительное время прекратить свои

работу и посвящать нѣсколько мѣсяцевъ своему образованію. Для этихъ-то рабочихъ «школа корреспонденціи» представляетъ огромныя удобства. Письменное преподаваніе организовано такимъ образомъ, чтобы оно наиболѣе подходило къ устному преподаванію. Для каждаго курса ученику указывается руководство или изъ существующихъ уже въ литературѣ, или же оно нарочно составляется для этой цѣли. При этомъ ученику дается письменное наставленіе, какъ пользоваться этимъ руководствомъ и, такимъ образомъ, слѣдуя тщательно выработанному плану, онъ постепенно изучаетъ предметъ. Для проверки своихъ знаній ученикъ излагаетъ ихъ письменно и благодаря такому методу, совершенно усваиваетъ себѣ предметъ.

«Жизнь въ коллегіи обходится не дорого—12¹/₂ шиллинговъ въ недѣлю, включая сюда помѣщеніе, полное содержаніе и ученіе. Но даже и при такой небольшой платѣ число интерновъ въ коллегіи не многочисленно. Лишь немногіе могутъ оставаться годъ, большинство же поступаетъ на три мѣсяца; письменное же преподаваніе требуетъ не менѣе трехъ лѣтъ. «Russkin Hall» открываетъ свои двери не только для рабочихъ; молодые люди, принадлежащіе къ другимъ классамъ общества, но не обладающіе большими средствами, также принимаются туда, если они пожелаютъ воспользоваться тѣми средствами къ образованію, которыя доставляетъ коллегія и жить совмѣстною жизнью съ рабочими, слушателями коллегіи.

«Всѣ домашнія работы исполняются членами коллегіи по заранее определенному плану. Учреждены еженедѣльные дежурства въ кухнѣ и для уборки комнатъ и др. работъ. Никто изъ живущихъ въ коллегіи не уклоняется отъ этихъ работъ и охотно выполняетъ ихъ».

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Чистая и прикладная наука.

Въ послѣднемъ № журнала «Revue générale des sciences pures et appliquées» появилась статья извѣстнаго французскаго химика *Ле-Шателье*, посвященная вопросу о вліяніи запросовъ жизни и техники на научныя открытія величайшихъ французскихъ химиковъ. Съ содержаніемъ этой статьи мы и знакомимъ читателя въ настоящемъ обзорѣ.

Остановимся на четырехъ главныхъ этапахъ развитія современной химіи, оставляя въ сторонѣ работы нынѣ живущихъ ученыхъ.

Во-первыхъ, на установленіи химіи вѣсовой, количественной и открытіи ее законовъ, въ связи съ установленіемъ состава воздуха и воды, чѣмъ наука обязана гению *Лавуазье*; во-вторыхъ, на открытіи основныхъ принциповъ ученія объ энергіи *Сади Карно*; въ-третьихъ, на открытіи диссоціаціи *Анри Сент-Кларъ Девиллемэ*; въ четвертыхъ, наконецъ, созданіи микробиологіи *Пастерома*.

Работы всѣхъ этихъ ученыхъ позволяютъ прослѣдить происхождение ихъ идей и выяснить, въ какой мѣрѣ эти идеи возникали подъ вліяніемъ запросовъ жизни и техники.

Полное собраніе работъ Лавуазье состоитъ на три четверти изъ мемуаровъ, посвященныхъ выясненію техническихъ вопросовъ.

Здѣсь, въ этихъ мемуарахъ мы и присутствуемъ при рожденіи научныхъ идей, происхождение которыхъ осталось бы для насъ неизвѣстнымъ, если бы мы обладали только одними чисто научными трудами Лавуазье. Вотъ, наприимѣръ, одно изъ такихъ указаній. При изученіи рыночной стоимости селитры содержащей золы, собираемой тряпачниками и скупщиками золы, Лавуазье говоритъ:

«Предпринимая эту работу, я имѣлъ въ виду только для собственнаго моего полученія повторить надъ золою парижскихъ фабрикантовъ селитры то, что гг. Монте, Вене и Дю-Кудре сдѣлали надъ золою тамариска, и я отнюдь не предполагалъ, что бы изъ этого могло получиться нѣчто достойное вниманія академіи. Но мало-по-малу я былъ приведенъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, и моя работа оказалась имѣющею связь съ чрезвычайно интересными фактами, относящимися къ теоріи двойныхъ средствъ, почему я и вынужденъ раздѣлить ее на два отдѣльныхъ мемуара».

Три наиболѣе важныхъ изслѣдованія Лавуазье посвящены: установленію

состава воздуха и явленій горѣнія; опредѣленію состава воды и изслѣдованію природы горячаго газа, изъ нея получаемаго; изслѣдованію теплоты.

На этихъ трехъ капитальныхъ работахъ можно прослѣдить генезисъ идей основателя современной химіи.

Въ 1764 году Академія объявила конкурсъ для отысканія наилучшей системы фонарей, употребляемыхъ для городского освѣщенія. Лавуазье въ 1766 году прислалъ на этотъ конкурсъ мемуаръ, за который получилъ почетный отзывъ. Въ этомъ первомъ изслѣдованіи онъ ограничился разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ и формѣ головной части фонаря, о наиболѣе выгодной фигурѣ рефлекторовъ и о наиболѣе удобныхъ размѣрахъ резервуаровъ для масла.

Но уже изъ самаго введенія въ этотъ мемуаръ видно, что его занимаетъ вопросъ о горѣніи, и онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи изучить этотъ вопросъ болѣе тщательнымъ образомъ.

Въ слѣдующихъ за этимъ мемуарахъ уже нѣтъ болѣе вопроса о горючихъ веществахъ и можно было бы предполагать, что Лавуазье уже совершенно потерялъ интересъ къ этому предмету, но въ 1777 году появляется послѣ цѣлаго ряда мемуаровъ относительно окисленія металловъ при прокаливанія и о дыханіи животныхъ послѣдняя замѣтка о горѣніи свѣчей. Ею заканчивается длинный рядъ опытовъ относительно состава воздуха и явленій горѣнія и дыханія. Эти изслѣдованія, касающіяся горѣнія свѣчей, не являются въ глазахъ Лавуазье второстепеннымъ и сравнительно мало важнымъ слѣдствіемъ его предыдущихъ работъ. Напротивъ, въ его научныхъ занятіяхъ они занимаютъ главное мѣсто: именно въ этомъ мемуарѣ о горѣніи свѣчей, не довольствуясь достигнутыми результатами, онъ даетъ программу новыхъ изысканій, которыя со временемъ приведутъ его къ открытію состава воды и къ наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ его работъ—изслѣдованіямъ о теплотѣ.

Въ то время Лавуазье думалъ, что углекислота (мѣловая кислота) получается отъ сожиганія водорода (горючій воздухъ). Онъ вѣритъ въ матеріальность теплоты. Такъ опыты, поставленные для разрѣшенія техническаго вопроса о наилучшемъ способѣ освѣщенія городовъ, навели Лавуазье на путь къ познанію истинной природы воздуха и горѣнія.

Точно также первыя изслѣдованія Лавуазье относительно воды произошли благодаря путешествію, которое онъ совершилъ для минералогическаго изученія Франціи. Здѣсь всюду онъ интересовался природой и качествомъ воды какъ питьевой, такъ и минеральной, но въ особенности первой. Причину этого интереса онъ объясняетъ въ началѣ мемуара о водахъ въ Франшъ-Конте, изданномъ въ 1768 г., т.-е. до начала его чисто научныхъ работъ.

«Если для общества интересно знать природу этихъ цѣлебныхъ водъ, удивительное дѣйствіе которыхъ было столько разъ прославлено въ лѣтописяхъ медицины, то не менѣе важно изучить и тѣ, которыя употребляются ежедневно для текущихъ жизненныхъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, именно отъ этой воды зависятъ сила и здоровье гражданъ, и если первыя, т.-е. цѣлебныя воды, возвратили къ жизни нѣсколько драгоценныхъ для государства жизней, то эти послѣднія воды, устанавливая непрестанно порядокъ и равновѣсіе въ экономіи животнаго организма, спо-

собствуютъ ежедневно сохраненію еще большаго числа жизней. Въ изслѣдованіи и изученіи собственно минеральныхъ водъ заинтересована лишь незначительная и при томъ слабѣйшая, подверженная недугамъ часть общества, тогда какъ изслѣдованіе обыкновенныхъ водъ затрогиваетъ интересы всего общества и, главнымъ образомъ, той его активной части, руки которой составляютъ въ одно и то же время и силу, и богатство государства».

Нѣсколько лѣтъ спустя, другія практическія задачи, не касающіяся вопросовъ общественнаго здравія, приводятъ его къ изученію природы воды; на этотъ разъ дѣло идетъ о здоровьи растений, о процессахъ ихъ роста. Вопросы земледѣлія живо интересовали Лавуазье.

Тогда полагали, на основаніи невѣрно истолкованныхъ наблюдений, что растенія развиваются насчетъ воды. Какимъ образомъ вода можетъ дать рожденіе всѣмъ элементамъ, находимымъ въ растеніи: минеральной соли, горючимъ веществамъ, основанію мѣловой кислоты? Въ изысканіяхъ, предпринятыхъ въ эту эпоху, т.-е. въ 1771 году, Лавуазье удается доказать, что минеральный остатокъ, получающійся при выпариваніи всѣхъ натуральныхъ водъ, не составляетъ необходимой, конституціонной части воды: эти минеральные вещества можно извлечь изъ воды, отнять отъ нея и коренныя свойства воды не измѣняются сколько-нибудь существеннымъ, замѣтнымъ образомъ.

Окончательное доказательство химической сложности воды было дано въ классическомъ мемуарѣ, который Лавуазье, и инженерный офицеръ *Менне* (Meunier) представили въ 1784 году академіи. Но если бы у насъ имѣлся только одинъ этотъ мемуаръ, то намъ было бы чрезвычайно трудно установить точно обстоятельства, которыя сопровождали открытіе анализа воды. Въ этомъ мемуарѣ не имѣется ни малѣйшаго указанія на условія, которыя намъ выясняются въ рѣчи, произнесенной Лавуазье въ одномъ изъ публичныхъ засѣданій Академіи:

«Таково было состояніе нашихъ знаній относительно разложенія и образованія воды, когда мы, г. Менне и я, почувствовали себя почти вынужденными вѣяться за этотъ предметъ съ совершенно новой точки зрѣнія съ 1783 по 1784 годъ. Порученіе, которое, согласно приказу Короля, Академія намъ дала, именно усовершенствованіе аэростатическихъ машинъ, неизбежно заставило насъ привыкнуть къ большимъ количествамъ, и конечно совершенно естественно, что мы задались мыслью извлечь его изъ воды, гдѣ онъ находится, какъ мы имѣли очень много вѣсскихъ причинъ быть въ этомъ увѣренными въ большомъ количествѣ.

Изслѣдованіе желѣза мокрымъ путемъ давало мнѣ указаніе на несомнѣнное дѣйствіе желѣза на воду, почему мы, Менне и я, рѣшились слѣдовать этому указанію. Пропуская водяной паръ черезъ ружейный стволъ, нагрѣтый до краснаго каленія, мы нашли, что вода разлагается надѣло и что черезъ нижнее отверстіе ствола не выходитъ вовсе водяныхъ паровъ; кислородное начало воды соединяется тамъ съ желѣзомъ и превращаетъ его въ окалину, въ то время какъ горючее водяное начало переходитъ въ воздухо-подобное состояніе».

Сложная природа воды такимъ образомъ была установлена. Оставось только сдѣлать нѣсколько взвѣшиваній, чтобы установить вѣсовую составъ воды, что вскорѣ и было совершено.

Горѣніе было изучено съ точки зрѣнія чисто химической, но Лавуазье едѣ

не разрѣшил окончательно задачи, которую онъ самъ себѣ задалъ при своемъ первомъ изслѣдованіи фонарей и которую онъ расширилъ при своихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ относительно горѣнія свѣчей, онъ еще не произвелъ изученія тепловыхъ явленій, сопровождающихъ горѣніе.

Обстоятельства, при которыхъ онъ приступилъ окончательно къ этому изученію указаны въ началѣ мемуара, въ которомъ онъ докладываетъ опыты надъ сравнительнымъ изученіемъ тепловаго эффекта различныхъ горючихъ веществъ.

«Въ виду того, говоритъ Лавуазье, что Управленіе финансами пожелало въ 1779 году узнать отношеніе между пошлинами на различные горючія вещества, я былъ принужденъ, чтобы имѣть возможность давать требуемыя отъ меня объясненія, сдѣлать нѣсколько сравнительныхъ опытовъ надъ древеснымъ топливомъ различныхъ древесныхъ породъ. Такъ какъ эти опыты могутъ имѣть нѣкоторую пользу для промышленности, то я счелъ себя обязаннымъ сдѣлать о нихъ докладъ Академіи и помѣстить отчетъ о нихъ въ ея мемуарахъ».

Никакое, казалось бы, изслѣдованіе не могло имѣть болѣе низкой, болѣе практической цѣли. Но способы, употребленные въ дѣло, имѣли высоко научный характеръ: сравнительное тепловое дѣйствіе опредѣлялось взвѣшиваніемъ количества воды, превращаемой въ паръ въ одномъ и томъ же котлѣ равными вѣсовыми количествами различныхъ видовъ топлива. Этотъ мемуаръ опубликованъ въ 1781 году, но еще въ 1780 году Лавуазье и Лапласъ начали свои опыты съ ледянымъ калориметромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что несовершенство котла, какъ калориметрическаго прибора, привело Лавуазье къ открытію метода, научная точность котораго еще не превзойдена и по сіе время.

Въ это же самое время Лавуазье и Лапласъ производили свои совмѣстныя изысканія, не менѣе знаменитыя, надъ тепловымъ расширеніемъ твердыхъ тѣлъ. Они не только не скрываютъ чисто практическихъ соображеній, которыя ихъ побудили приняться за это изслѣдованіе, но, напротивъ, излагаютъ ихъ въ началѣ своего мемуара.

Такимъ образомъ, теоретическія изслѣдованія Лавуазье всегда имѣли цѣлью выяснитъ явленія въ практическомъ отношеніи.

Современные Лавуазье химики и ихъ послѣдователи *Бертолле*, *Гей Люссакъ*, *Тэнаръ*, всѣ, кто съ нимъ и послѣ него трудились надъ укрѣпленіемъ основъ современной химіи, обнаруживали тотъ же самый практическій складъ ума.

Всегда интересуясь полезными, практическими приложеніями науки, эти ученые оставили много связанныхъ навѣки съ ихъ именами усовершенствованій въ области химической промышленности наряду съ общими законами высокаго научнаго значенія.

Въ хронологическомъ порядкѣ первымъ открытіемъ послѣ геніальныхъ работъ Лавуазье, которое послужило исходной точкой для чрезвычайно важной эволюціи въ области химіи, было безсмертное произведеніе *Сади Карно* — «*Sur la puissance motrice du feu*» (О движущей силѣ огня). Отъ него произошла вся термодинамика, которая, въ свою очередь, породила современную химическую механику. По отношенію къ Сади Карно мы не обладаемъ столь многочисленными документами, какъ относительно Лавуазье; даже самая біографія Сади Карно извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Но не нужно прибѣгать къ долгимъ

изысканіямъ, чтобы убѣдиться, въ какой степени имъ руководили практическія, техническія соображенія. Для этого стоитъ только прочесть три страницы, которыми начинаются «*Reflexions sur la puissance motrice du feu et sur les machines propres à développer cette puissance*»:

«Всякому извѣстно, говоритъ Карно, что теплота можетъ быть причиной движенія, что она даже обладаетъ большой движущей силой. Паровыя машины въ настоящее время столь распространенныя, являются очевидными, наглядными тому доказательствомъ.

«Теплоту слѣдуетъ считать первопричиной всѣхъ большихъ движеній, поражающихъ наше зрѣніе на землѣ. Благодаря ей, совершаются всѣ движенія въ атмосферѣ, поднятіе облаковъ, паденіе дождя и другихъ метеоровъ, ею приводятся въ движеніе потоки воды, бороздящіе повсюду поверхность земного шара, потоки, отъ движенія которыхъ человѣкъ научался извлекать нѣкоторую незначительную часть въ свою пользу; наконецъ, землетрасенія, вулканическія изверженія также имѣютъ своею причиной теплоту.

«Изъ этого гигантскаго резервуара мы можемъ черпать движущую силу, потребную для нашихъ нуждъ. Природа, предлагая намъ со всѣхъ сторонъ топливо, намъ дала въ руки средство порождать, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, теплоту и получающуюся изъ теплоты движущую силу. Развивать эту силу, покорять ее и направлять на нашу пользу и является цѣлю различныхъ огневыхъ машинъ.

«Изученіе этихъ машинъ представляетъ предметъ глубочайшаго интереса; ихъ значеніе огромно; ихъ употребленіе и распространеніе растетъ съ каждымъ днемъ; онѣ предназначены на то, чтобы произвести величайшую революцію въ цивилизованномъ мірѣ. Машина, дѣйствующая благодаря огню, уже служитъ для эксплуатаціи нашихъ рудниковъ заставляя двигаться наши суда, углубляетъ наши гавани и порты, исправляетъ теченіе и русла нашихъ рѣкъ, куетъ желѣзо, обрабатываетъ дерево, мелетъ зерно, прядетъ и тклетъ намъ ткани, перевозитъ громадныя тяжести и т. д., и т. д. Вблизи уже день, когда она будетъ всеобщимъ двигателемъ и получитъ перевѣсъ надъ силою животныхъ, силою паденія воды и порывовъ воздушныхъ потоковъ».

И еще на многихъ страницахъ далѣе Сади Карно продолжаетъ развивать эти чисто практическія соображенія: онъ указываетъ на тѣ услуги, которыя уже оказали тепловыя машины въ Англіи, и старается предугадать еще и многія будущія услуги, которыя эти машины призваны оказать всему человѣчеству. И изъ этихъ-то почти что меркантильныхъ соображеній вышла наиболѣе совершенная изъ наукъ, когда-либо созданныхъ человѣческимъ разумомъ, наука, которая, вслѣдствіе ея всеобщности и абстрактности, можетъ считаться *чистою наукой* по преимуществу, образцомъ, къ которому стремятся приблизиться, всѣ другія научныя теоріи.

Это утилитарное предисловіе не является простымъ введеніемъ къ занимавшему Сади Карно вопросу, уступкой вкусу эпохи. Послѣ того, какъ была воздвигнута полная теорія полученія двигательной силы на счетъ теплоты, Сади Карно возвращается къ приложеніямъ ея на практикѣ, которыя его болѣе всего интересуютъ. Десять послѣднихъ страницъ его мемуара, въ которомъ всего шестьдесятъ страницъ, посвящены разбору, изслѣдованію и сравненію различныхъ типовъ дѣйствовавшихъ тогда паровыхъ машинъ.

Замѣтимъ здѣсь, что развитіе науки объ энергіи шло совершенно по другому пути, нежели тотъ, по которому пришла къ ея основамъ. Эта наука стала

областью, почти исключительно принадлежащую математикамъ; но *развивать не значитъ творить*, и, съ другой стороны, остается еще весьма гадательнымъ и недоказаннымъ, не задержало ли внимательство Клаузиуса съ его кинетическою теоріей газовъ, эволюціи великаго открытія Сади Карно.

Для того, чтобы перейти отъ теоріи тепловыхъ машинъ къ химической механикѣ оставалось сдѣлать еще много: нужно было признать *обратимость* химическихъ явленій; честь этого открытія принадлежитъ *Адри Сентъ-Клэръ-Девиллю*.

Приблизительно около 1860 года, Сентъ-Клэръ-Девилль и Дебрэ были заняты давно уже ими начатыми изслѣдованіями по металлургіи платины.

Въ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1861 году передъ химическимъ обществомъ, Дебрэ такимъ образомъ излагаетъ мотивы, которые заставили ихъ приняться за эти изслѣдованія.

«Платина сосудовъ, вышедшихъ изъ употребленія по какимъ-либо причинамъ, цѣнится не дороже самой платиновой руды вслѣдствіе обезцѣненія, которое испытываетъ бывшій въ дѣлѣ металлъ. Цѣна эта такова, что сосудъ платиновый, стоимостью 80.000 франк., въ которомъ ежедневно совершается концентрированіе 4.000 килограммъ сѣрной кислоты, продается за 50—60.000 фр., когда онъ кончаетъ срокъ своей службы, что случается довольно часто. Отсюда понятны будутъ причины, побудившія С.-Клэръ-Девилля и меня приняться за розысканіе способа плавить платину, равно какъ и способа обрабатывать платиновую руду сухимъ путемъ. Мы предполагали, что разрѣшеніе такой задачи, устраняя причину обезцѣиванія платины въ дѣлѣ, позволитъ въ то же время расширить слишкомъ тѣсный кругъ приложений этого драгоценнаго металла, обладающаго такими замѣчательными свойствами и встрѣчающагося чаще, нежели это принято думать».

Такимъ образомъ эта работа имѣла чисто прикладной, техническій характеръ. Но какое отношеніе имѣетъ все это къ диссоціаціи? Для выясненія этого будемъ продолжать чтеніе этой лекціи Дебрэ:

«Отыскивать способы обработки платиновой руды сухимъ путемъ—это, въ концѣ концовъ, значитъ искать способовъ полученія высокихъ температуръ, чтобы ихъ можно было употребить для намѣченной выше спеціальной цѣли; поэтому, и предполагаю въ первой части этой лекціи рассмотретьъ передъ вами главные принципы, которыми должны руководствоваться химики при подобныхъ изслѣдованіяхъ; я покажу далѣе, что эти принципы находятся въ согласіи съ тѣмъ, на что указываетъ практика, причемъ я на вашихъ глазахъ приведу въ дѣйствіе приборы, которые мы изобрѣли, чтобы плавить и отливать, такъ сказать, неограниченныя количества платины».

Далѣе Дебрэ развиваетъ свое хорошо извѣстное вычисленіе температуры кислородо-водороднаго пламени, при чемъ опредѣляетъ эту температуру приблизительно въ 6.800° . Онъ излагаетъ, въ то же время результаты точныхъ опытовъ, имѣвшихъ въ виду опредѣлять точку плавленія платины; эту температуру Дебрэ опредѣляетъ примѣрно въ 2.000° . Дебрэ, кажется, не поразила громадная разница, которая получается по его вычисленіямъ между температурой горѣнія гремучаго газа, необходимаго для сплавленія платины, и температурой, при которой плавится платина.

Но это противорѣчіе обратило на себя вниманіе Сентъ-Клэръ-Девилля и привело его къ ясному и точному понятію объ обратимыхъ химическихъ реакціяхъ

и диссоціаціи. Въ его двухъ лекціяхъ о диссоціаціи, прочитанныхъ въ 1864 году передъ парижскимъ химическимъ обществомъ и слѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ классическими, можно найти окончательный результатъ эволюціи его идей объ этомъ предметѣ. Взявъ за исходную точку вычисленія Дебрэ и повторивъ ихъ, Девиалль противопоставляетъ этому теоретическому результату опытный, полученный имъ при измѣреніяхъ количества теплоты, содержащейся въ платинѣ, накаленной до самой высокой температуры, доступной въ лабораторіи при помощи пламени гремучаго кислородороднаго пламени. При этомъ Девиалль говоритъ слѣдующее: «На основаніи данныхъ этихъ опытовъ, можно утверждать, что температура, при которой происходитъ соединеніе равныхъ эквивалентовъ кислорода и водорода, не превосходитъ $2,500^{\circ}$ ». Сентъ-Кларъ-Девиалль приписываетъ это расхожденіе между наблюдаемой и вычисленной температурой вліянію диссоціаціи водяного пара. Въ этомъ случаѣ онъ *въ первый разъ* заявляетъ объ обратимости реакціи и стремится доказать, что она необходимо должна существовать.

Къ числу величайшихъ открытій XIX вѣка, безъ сомнѣнія, относится возникновеніе микробиологіи, благодаря работамъ *Пастера*. И это завоеваніе науки произошло благодаря вмѣшательству жреца чистой науки въ технику, въ практическіе вопросы. Почти на каждой строкѣ своихъ научныхъ мемуаровъ Пастеръ объявляетъ объ этомъ самымъ откровеннымъ образомъ.

Сынъ мелкаго кожевеннаго заводчика въ Арбуа, Пастеръ не потерялъ во время своего пребыванія въ *Ecole Normale* интереса къ родному, такъ сказать, кожевенному дѣлу; объ этомъ свидѣтельствуютъ различные рецепты и усовершенствованія въ дубленіи кожъ, пересылаемые имъ въ письмахъ на родину и которые онъ горячо рекомендуетъ своимъ испробовать.

Однако, по выходѣ изъ *Ecole Normale* Пастеръ дебютировалъ работами по кристаллографіи чисто научнаго характера, но его изслѣдованія винной кислоты, конечно весьма замѣчательныхъ, все же не было бы достаточно для того, чтобы передать его имя отдаленному потомству. Вся его слава основывается, безусловно, на работахъ, имѣвшихъ въ виду чисто практическія цѣли и приведшихъ къ великимъ научнымъ результатамъ.

Фабрикація уксуса, лѣченіе болѣзаней винъ и шелковичныхъ червей, пивовареніе, профилактическія мѣры противъ эпидемій рожи и прививки противъ бѣшенства и т. д. Возьмемъ изъ работъ Пастера примѣръ наиболее близкій къ химіи — изслѣдованія спиртового броженія. Пастеръ оканчивалъ свои работы надъ винными кислотами, когда онъ былъ посланъ въ Лиль профессоромъ *Faculté des sciences*, который только что былъ основанъ, и гдѣ молодой начинающій ученый сразу занялъ мѣсто декана. Министръ народнаго просвѣщенія, ввѣряя Пастеру этотъ постъ, между прочимъ пишетъ ему слѣдующее:

«Пусть однако г. Пастеръ держится всегда на сторожѣ противъ увлеченія своею любовью къ чистой наукѣ, и пусть онъ не теряетъ изъ вида, что образованіе, даваемое въ факультетахъ, оставаясь всегда на высотѣ научныхъ теорій, должно, чтобы достигать полевныхъ результатовъ и расширять, на сколько возможно, свое

счастлиное вліяніе, ближе всего интересоваться оказаніемъ научной помощи истиннымъ нуждамъ страны, къ просвѣщенію которой направлена дѣятельность факультетовъ».

Вѣрный этой программѣ Пастеръ тотчасъ вступаетъ въ сношенія съ промышленниками и заводчиками, организуетъ посѣщенія фабрикъ и заводовъ слушателями факультета и принимается изучать и искать приложеній науки съ тѣмъ же жаромъ, съ которымъ до тѣхъ поръ служилъ чистой наукѣ.

Въ такихъ то обстоятельствахъ ему и пришлось приняться за изученіе спиртового броженія. Вотъ, что говоритъ по этому поводу біографъ Пастера-Валлери-Радо:

«Лѣтомъ 1866 года Биго, заводчикъ въ Лиллѣ, потерпѣлъ, вмѣстѣ со многими другими, большія убытки при фабрикаціи спирта изъ свежлы. Онъ обратился за совѣтомъ къ молодому декану. Перспектива оказать услугу, сообщить благопріятный результатъ своихъ наблюденій многочисленнымъ слушателямъ, возможность наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ явленія броженія, которыя его всегда чрезвычайно сильно интересовали, всѣ эти соображенія заставили Пастера принять предложеніе Биго произвести изслѣдованіе. Почти ежедневно онъ проводилъ много часовъ на этомъ заводѣ. По возвращеніи въ лабораторію, гдѣ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одинъ микроскопъ и одну угольную печь для анализа, онъ изслѣдуетъ клѣтки, плавающія въ бродящей жидкости, сравниваетъ свекольный сокъ фильтрованный съ не фильтрованнымъ, строитъ всевозможныя гипотезы, которыя его подгоняютъ къ новой и новой работѣ, разъ оказывается, что ихъ приходится отбросить въ силу противорѣчій съ тѣмъ или другимъ вновь открываемымъ фактомъ... Наконецъ удается установить при помощи микроскопа, что дрожжевыя клѣтки бывають совершенно шарообразными, когда броженіе идетъ нормально, и что они удлиняются, принимаютъ вытянутой, овальной видъ, кода начинаются нежелательныя измѣненія въ составѣ бродящей жидкости, и наконецъ дѣлаются свершенно удлиненными, когда броженіе становится молочнокислымъ. Этотъ простой методъ контроля за ходомъ броженія, говорилъ одинъ изъ сыновей Биго, тотчасъ устранилъ всѣ непріятности, причиняемыя неправильно идущимъ броженіемъ».

Такимъ образомъ и здѣсь часто практическіе запросы стали исходной точкой одного изъ самыхъ выдающихся научныхъ открытій истекшаго вѣка.

В. Ян.

† И. В. Мушкетовъ.

Внезапная смерть И. В. Мушкетова (10 ноября) произвела на всѣхъ его знавшихъ самое тяжелое впечатлѣніе. Это одна изъ тѣхъ безцѣльныхъ жестокостей судьбы, послѣ которыхъ такъ страшно и тяжело становится на душѣ. Всего нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ еще полонъ силъ, полонъ плановъ и энергіи, среди любимой работы—научной, педагогической и общественной...

И. В. Мушкетовъ родился въ 1850 г. и происходилъ изъ домашнихъ казаковъ. Среднее образованіе онъ получилъ въ Новочеркасской гимназіи, высшее—

въ Петербургскомъ горномъ институтѣ, съ которымъ и оставался неразрывно связаннымъ до самой смерти. Только первые четыре года своей самостоятельной научной дѣятельности (1873—1877 г.г.), онъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ своей alma mater. Въ 1873 г., чуть ли не прямо въ учебной скамьи, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій по горной части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ. Съ этого же года и начинаются его долготлѣтнія, детальныя и плодотворныя геологическія изслѣдованія Туркестана. Геологическая характеристика Мушкетовымъ Тянь-Шаня считается классической и почти цѣлкомъ помѣщена знаменитымъ Зюссомъ въ его не менѣе знаменитой книгѣ «Das Antlitz der Erde». Къ Туркестану, своему любимому дѣтищу, покойный возвращался не разъ втеченіе своей тридцатилѣтней геологической дѣятельности. Плодомъ долготлѣтнаго изученія этой области явилось его громадное сочиненіе «Туркестанъ»; напечатанъ, къ сожалѣнію, только первый томъ и геологическая карта этого края (составлена совмѣстно съ проф. Романовскимъ).

Въ 1877 г. Мушкетовъ былъ приглашенъ адъюнкты-профессоромъ въ горный институтъ и до самой смерти не покидалъ уже профессорской кафедры въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ читалъ физическую геологію. Насколько серьезно и вдумчиво относился Иванъ Васильевичъ къ своей педагогической дѣятельности, свидѣлствуютъ какъ многочисленныя и талантливыя его ученики, такъ и два громадныхъ (до 1.500 стр.) тома его «Физической геологіи», капитальнаго сочиненія, одного изъ самыхъ полныхъ, которыя имѣются въ этой области во всей мировой литературѣ и, безспорно, самаго полного на русскомъ языкѣ. Для русскаго читателя значеніе этой книги, помимо ея полноты и безпристрастія, главнымъ образомъ, въ томъ, что предметъ въ ней излагается, преимущественно, на примѣрахъ, взятыхъ изъ геологіи нашей страны, и, кромѣ того, дается болѣе или менѣе полное знакомство съ работами русскихъ геологовъ. Для того, чтобы написать *такую* энциклопедію «Физической геологіи», мало книжныхъ знаній, нужно непосредственное, личное знакомство съ страной. И дѣйствительно, не было, кажется, втеченіе 30 лѣтъ научной жизни Мушкетова ни одного лѣта, чтобы онъ не экскурсировалъ гдѣ-нибудь на окраинахъ нашей необъятной родины. Въ 1876 г. онъ изучаетъ золотоустовскій округъ (Южн. Уралъ); въ 1877 и 78 годахъ мы его видимъ на Алаяхъ, Памирѣ и въ Восточной Монголіи, въ 1879 г.—въ Бухарѣ, на Аму-Дарѣ, въ пустынѣ Бизилъ-Кумъ, съ 1880 года—до 1881 года на Кавказѣ, гдѣ онъ изучаетъ ледники Казбека и Эльборуса, изслѣдуетъ минеральные источники и мѣсторожденія каменнаго угля и марганцевыхъ рудъ, въ 1883 г. на изысканіяхъ липецкихъ минеральныхъ водъ, 1884 и 1885 г.—частью на Кавказѣ, частью въ Калмыцкихъ степяхъ и въ Крыму за изученіемъ соленыхъ озеръ. Такимъ перечисленіемъ научныхъ экскурсій неутомимаго геолога можно было бы заполнить нѣсколько страницъ. Наиболѣе важными послѣдующими его работами были изслѣдованія знаменитаго землетрясенія въ Вѣрномъ (1887 г.) и изысканія, произведенныя имъ въ 1893 г., въ высокімъ ледниковыхъ областяхъ Западнаго Кавказа, въ верховьяхъ рѣкъ

Тебердѣ и Чхаатѣ, въ цѣляхъ выясненія геологическихъ условій проектированнаго черезъ Кавказскій хребетъ желѣзнодорожнаго тунеля. Результатомъ этихъ изслѣдованій явились—съ одной стороны классическій отчетъ о вѣренскомъ землетрясеніи и описаніе вышеупомянутой ледниковой области, съ другой—цѣлый рядъ мѣропріятій. Съ обычной энергіей принялся И. В. за выработку проектовъ систематическаго изученія въ Россіи землетрясеній и жизни ледниковъ. Имъ была составлена брошюра о землетрясеніяхъ и способахъ ихъ наблюденій и предпринято, при содѣйствіи географическаго О-ва, собраніе свѣдѣній о русскихъ землетрясеніяхъ. Собранныя данныя легли въ основу «Матеріаловъ изученія землетрясеній въ Россіи» и «Каталога землетрясеній Россійской Имперіи», начатаго Орловымъ. Для наблюденія за жизнью ледниковъ Мушкетовымъ была также выработана программа и собраны свѣдѣнія о ихъ состояніи. Понятно, что и въ международныхъ коммиссіяхъ по изученіи ледниковъ и землетрясеній представителемъ отъ Россіи былъ избранъ покойный геологъ. Географическое О-ва почтило труды Мушкетова: въ 1880 г. за изслѣдованія въ средней Азійи онъ былъ удостоенъ высшей награды Константиновской медали, въ 1898 г. онъ былъ избранъ на 4 года членомъ и председателемъ отдѣленія физической географіи. И. В. былъ почетнымъ членомъ многихъ другихъ русскихъ научныхъ обществъ.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что жизнь столь безвременно скончавшагося ученаго была полна напряженной научной работы. Но, какъ читатель увидитъ въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала, у Мушкетова находились все же силы и для плодотворной общественной дѣятельности.

В. Агафоновъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

О химическомъ составѣ звѣздъ и земного шара.—О зараженіи животныхъ туберкулезомъ чловѣка — Серотерапія брюшнаго тифа. Желтая лихорадка и комары.—О свѣдѣніи волость.—Нѣкоторыя научныя сообщенія, сдѣланныя на XI съѣздѣ русскихъ естественспытателей и врачей.

О химическомъ составѣ звѣздъ и земного шара. Въ «Nature» опубликовано письмо извѣстнаго геолога Зюсса къ Докьеру, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе астрономовъ на аналогію, существующую между химическимъ строеніемъ нѣкоторыхъ звѣздъ и земного шара, аналогію, выяснившуюся изъ спектральнаго анализа этихъ звѣздъ. Вотъ выдержки изъ этого письма. Зюссъ согласенъ съ тѣми геологами, которые разсматриваютъ землю, какъ шаръ, образованный изъ желѣза и никкеля, окруженнаго корой, состоящей, главнымъ образомъ, изъ кремнезема. Кора раздѣляется на 2 пояса: одинъ изъ которыхъ

болѣе богатъ силикатами алюминія и минералами группы полевыхъ шпатовъ, другой—силикатами магнія; оба эти пояса соединены промежуточными породами.

Группа силикатовъ алюминія, болѣе легкая и расположенная во внѣшнемъ поясѣ, образуетъ частью осадочныя горныя породы; группа же силикатовъ магнія находится во внутреннемъ поясѣ и характеризуется присутствіемъ какъ никкеля, такъ и его сплавовъ съ желѣзомъ; вещества эти образуютъ кислотныя и щелочныя группы Бунзена, Дюроше и ихъ приверженцевъ.

Цѣлымъ рядомъ работъ Фохтъ (изъ Христіаніи) доказалъ, что металлическія руды, которыя сопровождаютъ горныя породы, состоящія изъ силикатовъ алюминія, отличаются отъ рудъ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ силикатами магнія, и что горныя породы ultra-основныя характеризуются присутствіемъ нѣкоторыхъ металловъ.

Главными элементами, входящими въ составъ кислыхъ породъ, являются: кремнеземъ, калий, литій, алюминій, вольфрамы, уранъ, церій, иттрий, свинецъ, цинкъ, торій и въ небольшомъ количествѣ бериллій, мѣдь, висмутъ и фторъ.

Элементами основныхъ породъ являются: кальцій, магній, желѣзо, никкель, кобальтъ, хромъ, мѣдь, титанъ, платина и металлы, принадлежащіе къ группѣ платины, углеродъ, сѣра и въ небольшомъ количествѣ кремній, алюминій, барій, стронцій, марганецъ, ванадій, фосфоръ и хлоръ.

Составъ [ultra-основныхъ породъ такой, какъ и въ метеоритѣ Chassigny.

Недавно берлинская академія наукъ опубликовала результатъ многочисленныхъ анализовъ метеоритовъ, сдѣланныхъ Солеп. Изъ этихъ анализовъ видно, что въ метеоритахъ находятся: желѣзо, никкель, кобальтъ, хромъ, мѣдь, углеродъ, фосфоръ, магній, кальцій, сѣра, хлоръ; послѣдніе 2 элемента иногда встрѣчаются въ соединеніи съ кремніемъ. Дэвисонъ, кромѣ того, нашелъ платину и иридій. Всѣ эти элементы, по Фохту, встрѣчаются и въ основныхъ породахъ.

Таблицы фраунгоферовскихъ линій говорятъ о присутствіи водорода, натрія, кальція, барія, магнія, желѣза, марганца, никкеля, хрома, кобальта и титана. Все это элементы воспроизведенныя энгстремомъ основныхъ породъ. Локьеръ недавними наблюденіями доказалъ существованіе среди фраунгоферовыхъ линій, линій нѣкоторыхъ металловъ, характерныхъ для серіи кислыхъ породъ, какowymi являются калий, литій, ураній, церій. Изъ всего этого Зюссъ заключаетъ, что всѣ элементы, входящіе по Фохту, въ составъ породъ основныхъ находятся и въ томъ слое атмосферы солнца, который обусловливаетъ появленіе линій поглощенія (фраунгоферовыхъ) спектра.

Затѣмъ Зюссъ находитъ удивительное сходство въ составѣ солнечной хромосферы и звѣзды α изъ созвѣздія Лебеда. Спектръ этой звѣзды, исследованный Локьеромъ, показалъ присутствіе на ней магнія, кальція, желѣза, титана, марганца, хрома, никкеля, ванадія, мѣди, стронція. Но пары этихъ металловъ находились когда то и на землѣ въ моментъ образованія основныхъ ultra-породъ это ясно видно изъ анализовъ нѣкоторыхъ норвежскихъ рудъ, гдѣ металлическія составляющія тѣ же, что въ хромосферѣ и звѣздѣ α Лебеда.

Въ концѣ письма Зюссъ обращается къ Локьеру съ двумя вопросами: 1) думаетъ ли онъ, что пары металловъ, соотвѣтствующіе металламъ породъ

кислыхъ, представлены на солнцѣ и звѣздахъ въ меньшихъ количествахъ, чѣмъ элементы основныхъ породъ? 2) существуютъ ли причины, объясняющія преобладаніе на солнцѣ и звѣздахъ металловъ основныхъ породъ?

О зараженіи животныхъ туберкулезомъ человѣка. Наши читатели знакомы съ рѣчью Коха, произнесенной имъ на лондонскомъ конгрессѣ. *) Въ ней Кохъ доказывалъ, что туберкулезъ рогатаго скота отличается отъ туберкулеза человѣка и потому не прививается этому послѣднему. Это утвержденіе Кохъ основывалъ на томъ, что отрицательные результаты его опытовъ говорятъ о полной невозможности прививки туберкулеза человѣка рогатому скоту. Теперь же ліонскій профессоръ *Арлуанъ* (*Arloing*) сообщаетъ о результатахъ своихъ опытовъ надъ прививкою туберкулезныхъ бактерий, взятыхъ изъ мокроты человѣка, плевритическаго эксудата и пр., быку, барану и козѣ. У всѣхъ этихъ животныхъ вспрыскиваніе такихъ туберкулезныхъ бактерий въ вены вызывало зараженіе туберкулезомъ. Туберкулезные бугорки одиночные или сливающіеся были находимы, при этомъ, въ легкихъ, печени, селезенкѣ, почкахъ, лимфатическихъ железахъ и проч. органахъ. Во всѣхъ этихъ органахъ рано или поздно появлялось и творожистое перерожденіе. Арлуанъ, утверждаетъ, что ему удалось привить 23 животнымъ туберкулезъ человѣка. Если же Коху и Шютцу такія же прививки не удалось, то это, по мнѣнію Арлуана, объясняется тѣмъ, что они, съ одной стороны, пользовались культурами бактерий слабой ядовитости, съ другой, что количество этихъ культуръ прививаемыхъ животнымъ, были слишкомъ малы. Вообще Арлуанъ думаетъ, что ядовитость туберкулезныхъ бактерий бываетъ различна и что нѣкоторые организмы могутъ приспособляться къ нимъ. Поэтому неудивительно, что туберкулезныя бактерии человѣка оказываютъ на нѣкоторыхъ животныхъ меньше дѣйствія, чѣмъ туберкулезныя бактерии коровы. Такимъ образомъ, по мнѣнію Арлуана, тотъ фактъ, что туберкулезъ у человѣка и у животныхъ вызывается бактеріей Коха—остается неопровержимымъ. Изъ всего этого ліонскій профессоръ дѣлаетъ практической выводъ, что мѣры предосторожности, которыя принимались и раньше по отношенію къ мясу и молоку животныхъ, могущихъ заразить туберкулезомъ, необходимо сохранить. Къ такимъ же выводамъ пришелъ и де-Жонгъ, лейденскій ветеринаръ, дѣлавшій подобныя же опыты съ 1899 г. Онъ кромѣ того, находить, что туберкулезныя бактерии человѣка могутъ вызвать туберкулезъ не только у рогатаго скота, но и у такихъ животныхъ, какъ собаки, обезьяны, причемъ туберкулезъ не будетъ только такимъ слабымъ, какъ при зараженіи подобными бактеріями быка.

Вообще туберкулезная бактерія быка обладаетъ, по мнѣнію де-Жонга, большею ядовитостью, чѣмъ бактерія человѣческаго туберкулеза. Поэтому человѣкъ въ этомъ отношеніи менѣе опасенъ для коровы, чѣмъ корова для человѣка. Де-Жонгъ полагаетъ, поэтому, что гигиена должна требовать примѣненія еще болѣе радикальныхъ мѣръ, чѣмъ это дѣлается теперь по отношенію къ мясу и молоку животныхъ.

*) См. «Міръ Вошія», октябрь 1901 г.

Кто правъ, Бохъ или многочисленные его противники, покажутъ будущія наслѣдованія, а пока что, отъ мѣръ предосторожности отказываться, конечно, нельзя.

Желтая лихорадка и комары. Желтая лихорадка распространена, главнымъ образомъ, на Антильскихъ островахъ и на южномъ берегу Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ. Симптомы ея: внезапное начало, ознобъ, сильная головная боль, боли въ суставахъ, тошнота, рвота, зловонный запахъ отъ кожныхъ испареній. Затѣмъ дня черезъ 2—4 наступаетъ желтуха, желудочныя и носовыя кровотечения, полная апатія. Смертность отъ желтой лихорадки громадна. Особенно часто она заносится кораблями. Въ ноябрѣ 1900 г. нѣсколько американскихъ врачей устроили опытную станцію съ цѣлью выяснитъ причины зараженія и распространенія желтой лихорадки. Станція эта была устроена на островѣ Кубъ, въ мѣстности вполне здоровой и достаточно изолированной для того, чтобы зараза не могла туда проникнуть извнѣ. Опыты производились надъ испанскими эмигрантами, только что поселившимися на островѣ. Выводы, къ которымъ привели опыты, произведенные на этой станціи слѣдующіе: 1) бацилла Санарелли не есть специфическій микробъ желтой лихорадки, не появляется въ крови ужь послѣ зараженія; 2) желтая лихорадка передается, благодаря укусамъ комаровъ особаго вида *Culex fuscatus*, напитавшихся кровью больныхъ желтой лихорадкой, и 3) укусъ комара становится заразительнымъ минимумъ черезъ 12 дней послѣ того, какъ комаръ напился крови больного; 4) вспрыскиваніе здоровому крови больного въ 1-ый и во 2-ой день болѣзни вызываетъ также заболѣваніе желтой лихорадкой; 5) періодъ инкубации продолжается отъ 41 часа до 5 дней 17 часовъ; 6) зараженіе желтой лихорадкой не происходитъ черезъ пыль, слѣдовательно, дезинфекція вещей больного, постели и пр. не необходима; 7) домъ можетъ считаться зараженнымъ желтой лихорадкой только въ томъ случаѣ, если въ немъ находятся зараженные комары; 8) распространеніе желтой лихорадки можетъ быть остановлено мѣрами, предохраняющими больныхъ отъ укусовъ комаровъ и уничтоженіемъ послѣднихъ; 9) такимъ образомъ, способъ распространенія желтой лихорадки вполне опредѣленъ, но специфическій микробъ этой болѣзни до сихъ поръ еще не найденъ.

Сератерапія брюшного тифа. Брюшной тифъ распространяется почти повсюду и смертность отъ него до сихъ поръ все еще довольно велика. Въ 1892 г. Шантемессъ и Видалъ приготовили противотифозную сыворотку изъ тифозныхъ бациллъ, но прилѣненіе ея не дало никакихъ положительныхъ результатовъ. Недавно Шантемессу удалось приготовить сыворотку, но уже не изъ бациллъ, а изъ тифознаго токсина. Нужно замѣтить, что смертность отъ брюшного тифа различна въ различные періоды времени и въ различныхъ мѣстностяхъ, а поэтому, чтобы судить объ успѣхѣ сыворотки Шантемесса, необходимо сравнивать результаты, полученные при лѣченіи этой послѣдней съ результатами, полученными при лѣченіи обычными способами. Изъ 100 больныхъ брюшнымъ тифомъ, лежавшихъ въ различныхъ парижскихъ госпиталяхъ и пользовавшихся сывороткою Шантемесса, умерло всего 6; въ то же время смертность тифозныхъ больныхъ, не подвергавшихся этому лѣченію, равнялась 25%,

а въ вѣкоторыхъ госпиталяхъ даже 31%. Изъ 100 больныхъ, которымъ была вперыснута сыворотка до 8-го дня болѣзни, никто не умеръ; въ этихъ случаяхъ послѣ вперыскиванія температура быстро падала, и затѣмъ слѣдовало выздоровленіе. Если же сыворотку вперыскивали только послѣ 8-го дня болѣзни, то температура падала, но гораздо медленнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ случаяхъ и затѣмъ черезъ нѣсколько дней снова подымалась, такъ что необходимо было сдѣлать второе вперыскиваніе.

Вообще же, тотъ или иной результатъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно зависитъ, какъ отъ степени ядовитости бациллъ, такъ и отъ большей или меньшей устойчивости организма больного.

Кромѣ паденія температуры, черезъ нѣсколько часовъ послѣ вперыскиванія, замѣчается замедленіе пульса; поносъ прекращается черезъ 3 дня; количество мочи увеличивается и нерѣдко вскорѣ послѣ вперыскиванія выдѣленіе бѣлка прекращается. Приблизительно черезъ 24 часа послѣ вперыскиванія замѣчаются измѣненія въ крови, обычные при всякомъ быстромъ выздоровленіи; количество бѣлыхъ шариковъ сильно увеличивается. Нужно замѣтить, что при лѣченіи брюшного тифа Шантемессъ не пользовался исключительно одними только вперыскиваніями противотифозной сыворотки, но примѣнялъ также холодныя ванны и давалъ больнымъ пить большое количество жидкостей; но ни хининъ, ни кофеинъ, ни подкожнаго вперыскиванія солянаго раствора, Шантемессъ не употреблялъ. Сыворотка вперыскивалась подъ кожу руки въ количествѣ 15 куб. сантим. Чѣмъ раньше вперыснута сыворотка, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Самое лучшее, при первомъ подозрѣніи, что у больного тифъ — сдѣлать вперыскиваніе.

Если опыты Шантемесса оправдаются и другими изслѣдованіями, то можно будетъ поздравить медицину съ новой побѣдой: брюшной тифъ перестанетъ быть страшнымъ.

О посѣдѣннн волосѣ. Досихъ поръ процессъ, благодаря которому происходитъ посѣдѣніе волосѣ, былъ совершенно не изученъ.

Мечникова, изучая процессы старческой атрофіи, обратилъ вниманіе и на атрофію пигмента волосѣ, столь обычную у пожилыхъ людей. По его мнѣнію, атрофія эта совершается благодаря дѣятельности фагоцитовъ (phagocytes des cheveux). У этихъ клѣточекъ всего одно ядро. Благодаря многочисленнымъ амебоиднымъ отросткамъ, не у всѣхъ одинаковымъ по количеству, видъ ихъ можетъ быть различенъ. Фагоциты эти происходятъ изъ сердцевиннаго слоя волоса, отуда проникаютъ въ корковый слой, гдѣ и поглощаютъ пигментныя зернышки. Если разсматривать волосы, часть которыхъ еще пигментирована, другая же уже посѣдѣла, то въ нихъ находятъ огромное количество фагоцитовъ. Въ волосахъ, совершенно посѣдѣвшихъ, фагоциты, содержащіе пигментъ, становятся все болѣе рѣдкими и, наконецъ, совершенно исчезаютъ. Такимъ образомъ неоспоримо, что фагоциты поглощаютъ пигментъ и уносятъ его въ другое мѣсто; результатомъ этого является посѣдѣніе волосѣ. Если разсматривать корни сѣдыхъ волосѣ, то въ нихъ часто можно наблюдать фагоцитовъ, наполненныхъ пигментомъ. По наблюденіямъ Мечникова посѣдѣвіе шерсти у старыхъ собакъ, совершается, благодаря тому же процессу, что и у человѣка.

Роль, которую играютъ фагоциты въ посѣднія волосъ, объясняетъ многое въ явленіяхъ, наблюдавшихся уже давно, но до сихъ поръ не объясненныхъ. Такъ извѣстно, что волосы могутъ посѣбѣть въ одну ночь или въ нѣсколько дней. Явленіе это можетъ быть теперь объяснено необыкновеннымъ усиленіемъ дѣятельности фагоцитовъ, которые дѣлаются способными поглотить въ короткое время весь пигментъ волосъ.

По Мечникову механизмъ посѣднія волосъ относится къ общимъ явленіямъ атрофіи твердыхъ частей организма благодаря дѣятельности фагоцитовъ.

«О звучащей вольтовой дугѣ». При измѣненіи силы тока, проходящаго черезъ дугу, проф. А. А. Эйхенвальдъ нашель, что объемъ раскаленныхъ газовъ, образующихъ дугу, пульсируетъ въ тактъ съ измѣненіемъ тока. Если параллельно съ дугой поставить электрической резонаторъ, онъ изъ всѣхъ случайныхъ колебаній тока усваиваетъ колебанія собственнаго періода, и дуга поетъ соответствующимъ тономъ. Если пустить черезъ дугу переменный токъ отъ микрофона, возбуждаемаго какими-либо звуками, то дуга говоритъ, поетъ и т. п. Переменный свѣтъ говорящей дуги, падая на селеновую пластинку, соответственно своей силѣ, мѣняетъ ея сопротивление; тогда токъ, въ которомъ включена пластинка, также соответственно мѣняется; введенный въ него телефонъ повторяетъ звуки, издаваемые дугой (беспроволочный телефонъ). Наконецъ, если сфотографировать переменный свѣтъ говорящей дуги на кинематографической лентѣ и заставить свѣтъ постоянного источника падать на селеновую пластинку черезъ эту ленту, то связанный съ пластинкой телефонъ повторяетъ записанные на лентѣ звуки (фотофонографъ). Докладъ сопровождался цѣлымъ рядомъ опытовъ и демонстрацій.

«О рѣдкоземельныхъ элементахъ и отношеніи ихъ къ періодической системѣ Менделѣева» На основаніи своихъ работъ, проф. Браунеръ приходитъ къ заключенію, что группа рѣдкоземельныхъ элементовъ, какъ La, Ce, Pr, Nd и др., представляетъ въ періодической системѣ какъ бы сходство съ группой астероидовъ въ солнечной системѣ, и эта группа представляетъ какой-то узелъ въ періодической системѣ между церіемъ и неизвѣстнымъ элементомъ съ атомнымъ вѣсомъ въ 180. По поводу доклада (въ засѣданіи секціи химіи XI съѣзда естествоиспытателей) сдѣлали замѣчанія: академикъ Н. Н. Бекетовъ и творецъ періодической системы Д. И. Менделѣевъ. Н. Н. Бекетовъ находитъ, что плоскостное изображеніе системы элементовъ недостаточно для выраженій всѣхъ наблюдаемыхъ законностей между атомнымъ вѣсомъ и химическими свойствами; слѣдуетъ перейти къ тремъ измѣреніямъ въ изображеніи, главные элементы расположить въ плоскости, а рядъ элементовъ съ малымъ измѣненіемъ атомнаго вѣса (какъ рѣдкоземельные металлы) и близкіе по свойствамъ приходится расположить въ третьемъ измѣреніи.

Д. И. Менделѣевъ видитъ въ дополненіи и развитіи началъ періодическаго закона условіе успѣха нашихъ ученій объ элементахъ. Предложенное дополненіе заслуживаетъ большаго вниманія; по его мнѣнію, дѣло выиграетъ еще больше, если мы будемъ исходить не изъ гипотезы о происхожденіи элементовъ, а изъ принятія ихъ первичной индивидуальности. Индивидуальности, какъ и единство, должны составлять краеугольный камень естественной философіи, и индивидуальность въ первичной матеріи является прообразомъ индивидуальности въ мірѣ.

«Грунтовые воды подъ лѣсами». *П. В. Отоцкій* въ различныхъ частяхъ Россіи,—въ Херсонской, Воронежской, Тульской, Новгородской, С.-Петербургской губерніяхъ закладывалъ скважины въ мѣстахъ, совершенно идентичныхъ въ геологическомъ отношеніи, но отстоящихъ на незначительномъ разстояніи одна отъ другой, отличающихся только растительнымъ покровомъ: однѣ скважины—въ лѣсу, другія—въ полѣ. Получился совершенно опредѣленный результатъ, справедливый для всѣхъ наслѣдованныхъ мѣстностей: грунтовые воды подъ лѣсами залегаютъ глубже, чѣмъ подъ полями. Такимъ образомъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, лѣса, по мнѣнію г. Отоцкаго, дѣйствуютъ на грунтъ засушающимъ образомъ. Въ засѣданіи секціи геологій XI сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, въ которомъ г. Отоцкій докладывалъ о вышеизложенныхъ результатахъ своихъ десятилѣтнихъ изысканій, проф. А. П. Павловъ, возражая докладчику указалъ на то, что въ подобныхъ вопросахъ, имѣющихъ непосредственное практическое значеніе, слѣдуетъ быть осторожнымъ въ высказываніи опредѣленныхъ положеній. Чтобы признать засушающее дѣйствіе лѣса въ общемъ водяномъ режимѣ, надо принимать во вниманіе весь сложный комплексъ явленій, вызываемыхъ существованіемъ лѣса, а не только уровень грунтовыхъ водъ.

«О гистологическихъ особенностяхъ развитія при искусственномъ партеногенезѣ». Изучая явленіе такъ называемаго искусственнаго партеногенеза, т.-е. развитія безъ оплодотворенія подъ вліяніемъ дѣйствія различныхъ раздражителей (погруженіе въ кислоты, треніе), у тутоваго шелкопряда, проф. А. А. Тихомировъ пришелъ къ выводу, что неоплодотворенное яйцо можетъ быть уподоблено любому специализированному элементу живого тѣла: какъ каждый такой элементъ отвѣчаетъ на раздраженія своимъ отправленіемъ (сокращеніемъ, выдѣленіемъ и т. п.), такъ и яйцо отвѣчаетъ на всякое раздраженіе своимъ развитіемъ. Проф. Тихомировымъ констатировано, что партеногенетическіе зародыши отлпчаются малой жизнеспособностью, слабостью тканей, запаздываніемъ дифференцировки клѣточныхъ элементовъ и т. п. Авторъ высказываетъ предположеніе, что то или другое раздраженіе мужскаго или женскаго полового элемента до момента зачатія и во время самаго зачатія новой особи можетъ служить причиной измѣненія чертъ строенія потомства и въ этомъ быть можетъ, заключается важнѣйшее біологическое значеніе процесса оплодотворенія.

«Вліяніе искусственныхъ факторовъ на развитіе цыпленка». Проф. В. М. Шимкевичъ производилъ опыты путемъ вспрыскиванія въ яйцо различныхъ веществъ, какъ-то: воды, раствора сахара, раствора соли, никотина и т. п. Затѣмъ яйцо помѣщалось въ естественныя условія развитія. Опыты дали весьма интересные результаты; при разжиженіи бѣлка водою происходитъ скопленіе жидкости въ сосудахъ и другихъ полостяхъ, которыя пріобрѣтаютъ ненормально-большіе размѣры. При этомъ происходятъ различныя аномаліи въ положеніи самого зародыша. Вспрыскиваніе раствора сахара оказываетъ особенно сильное вліяніе на развитіе нервной системы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проф. Шимкевичу удавалось получать совершенно ненормальное развитіе органовъ, въ томъ числѣ и нервной системы.

В. Аз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль

1902 г.

Содержаніе: Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—
Политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—
Справочныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—
Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. Шенрокъ. «Письма Гоголя». — **Ж. Пелисье.** «Критическіе этюды современной литературы».

Письма Н. В. Гоголя. Редація В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. (Годъ не выставленъ). Стр. XI+628+587+499+539. Ц. 6 р. Уже пять лѣтъ спустя послѣ смерти Гоголя Кулишъ выпустилъ изданіе сочиненій и писемъ знаменитаго писателя, причѣмъ письма заняли два большихъ тома. Но, къ сожалѣнію, Кулишъ могъ напечатать не всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи письма, а въ напечатанныхъ онъ сдѣлалъ много пропусковъ, частью по цензурнымъ, частью по чистоличнымъ соображеніямъ. По тѣмъ же самымъ соображеніямъ фамиліи многихъ лицъ, которымъ и о которыхъ писалъ Гоголь, были скрыты подъ произвольно выбранными литерами, такъ что впоследствии понадобился составленный г. Шенрокомъ специальный указатель къ письмамъ. Послѣ 1857 года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ было опубликовано много новыхъ писемъ Гоголя. Между прочимъ, значительное количество писемъ было разсыкано въ архивахъ частныхъ лицъ г. Шенрокомъ, который давно уже занимается собираніемъ матеріаловъ для біографіи великаго юмориста.

Въ новое изданіе писемъ Гоголя вошла всѣ доселѣ извѣстныя, причѣмъ большая часть ихъ свѣрена съ подлинниками. Благодаря этому обстоятельству, письма, напечатанныя у Кулиша съ пропусками, являются въ новомъ изданіи въ полномъ видѣ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на пропуски, вызванные въ изданіи Кулиша цензурными соображеніями. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ нельзя было печатать, что почтмейстеръ распечаталъ письмо, нельзя было называть Москву «старой толстой бабой», а Петербургъ—«чухонскимъ городомъ», нельзя было называть старый стиль медвѣжьимъ и т. д.

Всѣ письма въ новомъ изданіи напечатаны почти безъ пропусковъ. Текст писемъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождается примѣчаніями, въ которыхъ сообщается, гдѣ впервые письмо напечатано и съ какими отступленіями отъ подлинника, кто были упоминаемыя въ письмахъ лица, какими обстоятельствами вызваны отдѣльныя письма, какое значеніе они имѣютъ для біографіи или для характеристики Гоголя и т. д. Кромѣ того въ примѣчаніяхъ указаны помарки и зачеркнутыя мѣста въ подлинныхъ письмахъ. Въ общемъ, примѣчанія г. Шенрока представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для пониманія писемъ Гоголя; но нельзя не указать, что въ этихъ примѣча-

нѣхъ много повтореній и черзчуръ мелочныхъ замѣтокъ, отсутствіе которыхъ нѣсколько не повредило бы изданію. Стоило ли, напримѣръ, указывать, что въ «Русскомъ Архивѣ» по ошибкѣ напечатано *туда* вмѣсто *туда*, что въ «Русской Старинѣ» вмѣсто *для ней* напечатано *для нея*, что у Кулиша напечатано *хоть* вмѣсто *хотя*, *внушеніе* вмѣсто *внушенье* и т. п.? А такихъ примѣчаній очень много.

Но самой слабой стороною новаго изданія является, безспорно, «алфавитный указатель». Въ указатель внесены фамиліи, имена географическія, названія литературныхъ произведеній и даже имена гоголевскихъ персонажей, но съ большими пропусками. Особенно много пропущено именъ географическихъ, пропущены, напримѣръ, Римъ, Петербургъ, Москва и цѣлый рядъ другихъ городовъ, о которыхъ въ письмахъ упоминается очень часто, и нерѣдко даются любопытные отзывы. Не мало также пропущено въ указателѣ страницъ съ характернѣйшими отзывами объ извѣстныхъ литературныхъ дѣятеляхъ. Наряду съ указанными пропусками въ указателѣ допущена излишняя роскошь. Многія лица помѣщены въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ мѣстѣ по начальной буквѣ имени, въ другомъ по начальной буквѣ фамиліи, причемъ указанія страницъ въ обонхъ случаяхъ не всегда сходятся. Кромѣ того, многія фамиліи снабжены въ указателѣ совершенно излишними поясненіями, какъ напримѣръ, «Байронъ, знаменитый писатель», «Бѣдинскій, знаменитый критикъ», «Жуковский, великій поэтъ», «Пушкинъ, великій поэтъ» и т. д. Другія же гораздо менѣе извѣстныя или даже и мало кому извѣстныя имена не снабжены подобными объясненіями. Въ недостаткамъ изданія надо отнести также и отсутствіе спеціальнаго указателя писемъ, который въ то же время могъ бы служить и оглавленіемъ. Отсутствіе такого указателя и пропуски въ приложенномъ указателѣ, безъ сомнѣнія, будутъ затруднять пользованіе письмами Гоголя.

Что касается самыхъ писемъ, то едва ли нужно указывать, какое первоепенное значеніе имѣютъ они и для внѣшней біографіи Гоголя, и для объясненія исторіи его духовнаго развитія. Напомню только, что въ концѣ сороковыхъ годовъ послѣ выхода въ свѣтъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» лучшіе друзья и восторженные поклонники Гоголя не остановились передъ обвиненіемъ его въ лицемеріи, въ корыстныхъ расчетахъ и даже въ подлости. Но черезъ десять лѣтъ появленіе писемъ Гоголя въ изданіи Кулиша дало Чернышевскому возможность заявить на страницахъ «Современника», что «Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себя, и если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его». Какъ въ своей жизни, такъ и въ своей перепискѣ Гоголь не является передъ нами въ такомъ блескѣ нравственной чистоты, какъ Жуковский. Творецъ Хлестакова, Чичикова и Манилова и самъ нерѣдко является въ своихъ письмахъ съ тѣми недостатками, которые онъ такъ гениально осмѣялъ въ своихъ произведеніяхъ. Но изъ тѣхъ же писемъ видно, что, при всѣхъ недостаткахъ своего характера, Гоголь всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы принести людямъ пользу, и о томъ, чтобы самому сдѣлаться лучше. Эти стремленія и тѣ страданія, которыя выпали на долю великаго писателя, съ лихвой искупаютъ его заблужденія и заставляютъ забывать о несимпатичныхъ чертахъ его характера.

С. Аиескій.

Жоржъ Пелисье. Критическіе этюды современной литературы. (*Etudes de littérature contemporaine*). Вторая серія. Перев. съ франц. А. А. Заблоцкой. Москва. 1901 г. Среди современныхъ французскихъ критиковъ Пелисье принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе симпатичнымъ. Большинство его коллегъ не имѣютъ никакой общей точки зрѣнія на литературныя явленія и ограничиваются сообщеніемъ читателю въ возможно граціозной и непринужденной формѣ нѣсколькихъ мыслей, пришедшихъ имъ въ голову при чтеніи пе-

сгдней появившейся книжки. Просматривая ихъ статейки (читать ихъ обыкновенно не трудятся) въ концѣ журнальной книжки, вы чувствуете себя въ атмосферѣ гостини; за невѣднѣемъ болѣе пріятной темы, разговоръ переходитъ на литературу; вашъ благовоспитанный собесѣдникъ, конечно, уже читалъ или видѣлъ на сценѣ послѣднюю новинку, она ему очень нравится или не нравится, но свое впечатлѣніе онъ выражаетъ въ такой забавной формѣ, такъ избѣгаетъ затрогивать какіе нибудь острые вопросы, такъ ловко цитируетъ общезвѣстныхъ писателей и ограничивается афоризмами вмѣсто доказательствъ (желать что-нибудь серьезно доказать — педантизмъ дурного тона), что вы чувствуете себя очень пріятно, хотя бы имѣли совершенно противоположный взглядъ на данный предметъ. Распроцавшись со своимъ собесѣдникомъ, вы не можете припомнить, что, собственно, онъ говорилъ, но на лицѣ вашемъ еще сохраняется улыбка удовольствія отъ пріятно проведеннаго полчаса. Исключеніе изъ этого благовоспитаннаго общества составляютъ скучные клерикалы, вроде Брюнетьера или виконта де-Вогюе, которые всюду готовы подsunуть свою постную мораль и по каждому поводу, воздвѣвая очи горѣ, громить невѣріе и матеріализмъ; но зато они навѣвываютъ скуку, и съ ними мало кто считается.

Жоржъ Пелисье не принадлежитъ ни къ празднымъ болтунамъ, ни къ тонаурованнымъ проповѣдникамъ. Не обнаруживая какого-нибудь яснаго міровоззрѣнія или особенно глубокаго критическаго анализа, онъ все таки расматриваетъ литературу съ точки зрѣнія общественной жизни. «Жизнь идетъ впереди искусства», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ; поэтому его занимаетъ не столько эстетическая оцѣнка даннаго произведенія, какъ отраженіе въ немъ звѣстныхъ общественныхъ явленій. Какъ рисуетъ современная беллетристика политическаго дѣятеля, писателя, священника, молодую дѣвушку, замужнюю женщину?— вотъ вопросы, которые болѣе всего останавливаютъ его вниманіе, причѣмъ онъ старается уяснить себѣ причины отрицательныхъ чертъ дѣйствительности, если она кажется ему правильно воспроизведенной въ литературѣ, а съ другой стороны причины предвзятаго отношенія литературы къ нѣкоторымъ элементамъ общественной жизни. Въ противоположность обычной манерѣ французскихъ критиковъ по возможности сузить свое поле зрѣнія до размѣровъ одного желтаго томика, Пелисье нерѣдко сопоставляетъ десять — пятнадцать произведеній, въ которыхъ затронуты интересующіе его вопросы, и вслѣдствіе этого ему удается нарисовать иногда довольно внушительную картину, напр., состоянія современнаго французскаго духовенства.

Нельзя, однако, сказать, что нашъ авторъ совсѣмъ свободенъ отъ обычныхъ недостатковъ французскихъ журналистовъ. Онъ самъ неоднократно указываетъ, что односторонность современной французской литературы зависитъ, главнымъ образомъ, оттого, что она воспроизводитъ жизнь лишь весьма тѣснаго круга парижскаго общества, роль котораго по отношенію къ жизни всего французскаго народа почти сводится къ роли паразита. Писатели, сами принадлежа къ этой средѣ, понимаютъ только ея психологію, живутъ только ея интересами и только къ ней обращаются со своими произведеніями, несмотря на традиціонную фикцію, будто французская литература всемірна. Въ такимъ авторамъ, какъ Пелисье, было бы несовсѣмъ справедливо отнести этотъ упрекъ въ полномъ объемѣ, но очень часто чувствуется, что и онъ предполагаетъ своихъ читателей исключительно въ парижскихъ литературныхъ сферахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, гдѣ взаимное пониманіе дѣлаетъ излишними ясныя и опредѣленные утвержденія: намекъ, гримаса, междометіе вполне достаточны для сообщенія другъ другу своихъ мнѣній. Возьмемъ примѣръ изъ статьи объ одномъ изъ романовъ Бурже. «Сдѣлавъ Жака снобомъ, — пишетъ авторъ, — Бурже забылъ, что его самого упрекали въ снобизмѣ и что снобизмъ Жака снова возбудитъ замолшія было на-

смѣшки по этому поводу». О своемъ хорошемъ знакомомъ, которому приходится постоянно съ привѣтливой улыбкой пожимать руку, неудобно сказать, что дѣйствующее лицо его романа вышло снобomъ потому, что онъ самъ породистый снобъ, и вотъ критикъ какъ бы вооружается за репутацію своего знакомаго, находя, что его неосторожный литературный приемъ можетъ ей повредить. Когда нѣсколькими строками далѣе Пелисье говоритъ: «мелочи свѣтской жизни всегда интересовали этого проникательнаго психолога, этого серьезнаго патетическаго моралиста», то въ парижскомъ журнальномъ мѣрѣ все мѣ ясно, что вмѣсто словъ «проникательный психологъ» слѣдуетъ читать «портретистъ великосвѣтскихъ кокотокъ», а вмѣсто «серьезный патетическій моралистъ» — «лицемѣрный ханжа». Въ другой статьѣ о романѣ Вогюе, указавъ цѣлый рядъ банальностей въ фабулѣ, въ характерахъ, даже въ языкѣ, критикъ прибѣгаетъ опять къ фигурѣ ироніи: «но какъ бы то ни было, у него неоспоримый талантъ, и стиль его мѣстами необыкновенно изященъ и граціозенъ. Какъ писателя, я нахожу его несравненно выше автора «На двѣ пропасти». Мы не говоримъ объ иностранныхъ читателяхъ, которые вовсе не должны помнить, что «На двѣ пропасти» это бездарнѣйшій романъ бульварнаго любимица Жоржа Оне, но даже среди десятковъ или сотенъ тысячъ французскихъ читателей этого автора сравненіе съ нимъ Вогюе будетъ несомнѣнно понято, какъ комплиментъ, тогда какъ Пелисье хочетъ въ свѣтской формѣ нанести оскорбленіе, подобно тому, какъ кто-то въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» говоритъ: «Можно сказать и дуракъ, и свинья, но на все манера есть».

Къ сожалѣнію, нашему критику не чуждъ другой болѣе крупный недостатокъ, нерѣдкій у французскихъ журналистовъ: наивное — скажемъ для вѣжливости — невѣдніе. Жоржу Пелисье, какъ извѣстно, принадлежитъ сочиненіе «Литературное движеніе XIX вѣка», считающееся въ Франціи солиднымъ историко-литературнымъ трудомъ. Но вотъ оказывается, что этотъ историкъ французской литературы только вчера открылъ замѣчательное произведеніе: «Адольфъ» Бенж. Констана. «Я сталъ спрашивать о немъ у моихъ знакомыхъ, — рассказываетъ авторъ, — и убѣдился, что большинство моихъ соотечественниковъ его не читали». Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ легко французскій писатель отождествляетъ кругъ своихъ знакомыхъ съ «большинствомъ соотечественниковъ». Сдѣлавъ столь крупное открытіе, Пелисье преспокойно излагаетъ содержаніе «Адольфа», въ надеждѣ, что это «внушитъ, быть можетъ, нѣкоторымъ желаніе съ нимъ познакомиться». Такимъ образомъ, французская литература можетъ дѣйствительно, доставить неисчерпаемый источникъ для критическихъ изысканій: сегодня Пелисье открылъ «Адольфа», завтра кто нибудь откроетъ «Мизантропа» или «Федру». У насъ едва ли кто-нибудь изъ солидныхъ историковъ литературы рѣшился бы признаться, что онъ «только вчера» прочелъ «Кто виноватъ?» Если французскіе писатели такъ забывчивы относительно своей родной литературы, то что же съ нихъ требовать знанія иностранныхъ литературы! Въ этой области они никогда не обладали глубокою начитанностью, и В. Гюго, не стыдясь, могъ восклицать: «Шиллеръ или Гете — не все ли равно!» Такъ и Пелисье начинаетъ свою статью о «Воскресеніи» слѣдующимъ замѣчательнымъ изреченіемъ: «Лѣтъ двадцать Толстой не писалъ ничего литературнаго.» «Декабристы» остановились на третьей главѣ, въ «Хозяинѣ и работникѣ» «вымыселъ — только предлогъ». Если допустить даже это, то все таки еще остается «Власть тьмы», «Смерть Ивана Ильича», «Плоды просвѣщенія», «Крейцеровъ соната». Или и здѣсь нѣтъ ничего литературнаго? Но, быть можетъ, это только *l'arsus salami*, необдуманннй зигзагъ пера; далѣе мы встрѣчаемся съ простымъ непониманіемъ произведенія Л. Н. Толстого. Это обнаруживается хотя бы въ такихъ частностяхъ, какъ мнѣніе объ отдѣльныхъ персонажахъ. Такъ, напр., вице-губернаторъ Масленниковъ представляется французскому критику «чест-

нымъ и ограниченнымъ чиновникомъ, корректнымъ, ретивымъ къ службѣ». Но и въ общемъ, стремясь противопоставить романъ Толстого «классическій методъ» французскихъ реалистовъ въ пику послѣднимъ, Пелисье никакъ не можетъ самъ отрѣшиться отъ своихъ «латинскихъ привычекъ». Онъ находитъ, что романъ, какъ художественное произведеніе, вышелъ бы сильнѣе, если бы выкинуть все, что не касается психологіи двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Кто смущаетъ обиліе эпизодическихъ лицъ и сценъ. «Напримѣръ,—по его мнѣнію,—многочисленныя страницы, рассказывающія о мѣрахъ, какія принималъ Нехлюдовъ, чтобы добиться разрѣшенія проникнуть въ извѣстное отдѣленіе тюрьмы, не могутъ не быть нѣсколько утомительными». Словомъ, если бы Пелисье пришлось редактировать «Воскресеніе», то «изъ чисто эстетическихъ соображеній», какъ говоритъ г. Сементковскій, онъ бы отдѣлалъ его еще почище, чѣмъ оно почищено теперь.

Но останемся справедливы къ Пелисье: отмѣченныя нами отрицательныя черты, subtilность стиля, слабая начитанность, небрежность утверждений и отсутствіе проникновенія въ чуждое искусство, свойственны не лично ему, а цѣлой литературной средѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ стремится—и не-безуспѣшно—стать выше ея, и ее самое онъ оцѣниваетъ правильно, безъ кружкового самодовольства и предвзятости.

Е. Девенъ.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

П. Пирлингъ. «Изъ смутнаго времени».—В. Бильбасовъ «Историческія монографіи». Э. д'Эйхталъ. «Алексій Токвилъ и либеральная демократія».

П. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1902. in 8-vo. Стр. 8+270+8. Ц. 1 руб. 25 коп. Достае дѣтъ тому назадъ пишущій настоящія строки имѣлъ случай говорить въ библиографіи «Міра Божьяго» (1892 г., № 11, стр. 21—26) о превосходной книгѣ П. Пирлинга «Россія и Востокъ», единственной въ своемъ родѣ въ нашей исторической литературѣ. Научно-литературная дѣятельность автора, къ сожалѣнію, мало знакома нашей читающей публикѣ, такъ какъ по-русски печатается имъ очень мало, и если не ошибаюсь, книга «Изъ смутнаго времени», какъ отдѣльное изданіе, слѣдуетъ непосредственно за упомянутою выше книгой... Пирлингъ—писатель серьезный, умный, чрезвычайно начитанный; для русскаго историка начитанность его особенно драгоценна тѣмъ, что она опирается на матеріалъ, частью совершенно неизвѣстный, частью совершенно для него недоступный; для публики онъ привлекателенъ умнѣемъ живо, выпукло, интересно изложить ту или другую контрверзу; его критика деликатна, основательна и отличается всѣми свойствами краткаго изложенія безъ всякаго ущерба для существа дѣла. Читая Пирлинга, часто чувствуешь, сколько кропотливой черновой работы имъ продѣлано для какой-нибудь одной рѣшительной страницы его сочиненія. Большую роль въ трудахъ Пирлинга играетъ папскій престолъ. Кто знаетъ его книгу «La Russie et le Saint-Siège», которая не разъ цитируется въ разбираемомъ русскомъ изданіи, тотъ хорошо понимаетъ значеніе Пирлинга въ европейской исторической литературѣ. Авторъ много, съ большимъ любовью и недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ потрудился надъ темой, отлившейся въ приведенный выше французскій заголовокъ. «Тщетна надежда,—говоритъ онъ, узнать современную Россію, не восходя глубже въ ея исторію». Авторъ и пытается заглянуть въ глубину этой исторіи путемъ разработки матеріала

архивовъ Венеціи, Рима, Парижа, Вѣны и др. Работа въ высшей степени цѣнная, только мы должны оговорить, что кругъ вопросовъ, подлежащихъ его изученію, не широкъ: онъ ограничивается фактами и настроеніями политическихъ, дипломатическихъ и духовныхъ сферъ. И только что выпедшее въ свѣтъ изданіе книги «Изъ смутнаго времени» (часть ея статей печаталась ранѣе въ русскихъ журналахъ) отличается тѣми же особенностями, но и чрезвычайнымъ интересомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не интересовался, быть можетъ, празднымъ, но все же чрезвычайно жгучимъ вопросомъ о томъ, кто былъ первый Лжедмитрій? Какъ выражается самъ авторъ, онъ собралъ въ своей книгѣ отдѣльныя розысканія, которыя «преимущественно освѣщаютъ отношенія Дмитрія къ папскому престолу». Если эти и подобныя имъ розысканія, среди которыхъ крупное мѣсто принадлежитъ работѣ С. Ѡ. Платонова, пойдутъ столь же энергично, какъ то замѣчалось за послѣднее десятилѣтіе, то фраза Пирлинга о томъ, что «сперва вышла въ свѣтъ исторія Смуты, а потомъ принялись за изученіе источниковъ», въ недалекомъ будущемъ отойдетъ въ область преданій. С. Ѡ. Платоновъ въ своей докторской диссертациі, очень скоро вышедшей въ свѣтъ *сторымъ* изданіемъ (рѣдкій случай съ толстою и ученою книгою) «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ» (стр. 251, 598), выставилъ положеніе, что Дмитрій былъ дѣйствительно самозванецъ и притомъ Московскаго происхожденія. П. Пирлингъ—одно изъ самыхъ надежныхъ оснований, на которыхъ построенъ этотъ выводъ; онъ опубликовалъ собственноручное письмо Дмитрія къ папѣ Клименту VIII-му отъ 24-го апрѣля 1604 года, сохранившееся въ римскомъ архивѣ инквизиціи. На основаніи изученія этого письма, можно было доказывать (С. Л. Пташицаі), что Дмитрій былъ лицомъ великорускаго происхожденія, опытнымъ въ письмѣ московскаго характера и при томъ типа письма канцеляріи Сутупова, вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ былъ греческой грамотѣ, но не имѣлъ навыка въ польской рѣчи и съ трудомъ овладѣвалъ польскою графикой (стр. 16 и 96). Дешпа папскаго нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605 года, записка Льва Сапѣги, докладъ князя Адама Вишневецкаго польскому королю Сигизмунду III, относящійся къ сентябрю 1603 года—вотъ источники, которые отвергаютъ мысль о Дмитріи, какъ сынѣ царя Ивана Грознаго, и подтверждаютъ его тожество съ Григоріемъ Богдановымъ Отрепьевымъ. Этотъ Отрепьевъ долго скитался по монастырямъ: монашескій бытъ ему знакомъ вдоль и поперекъ, и объ этомъ предметѣ онъ охотно толковалъ; къ чернецамъ онъ относился отрицательно, отзываясь о нихъ съ видимою горечью и даже негодованіемъ (стр. 137, 19). Вѣское свидѣтельство Льва Сапѣги вполне согласуется съ московскими преданіями; въ этихъ преданіяхъ нѣтъ доводовъ противъ тожества Отрепьева съ Дмитріемъ; московскія партіи, хотя и враждебныя между собою, единогласно выдаютъ Дмитрія за Отрепьева.

Вслѣдъ за основною статьею «Новая постановка вопроса о Дмитрія» въ книгѣ П. Пирлинга идетъ рядъ другихъ, которыя имѣютъ цѣлью дать критически разработанный матеріалъ для исторіи царствованія ложнаго Дмитрія Ивановича. Для большой публики послѣ вопроса о томъ, кто такой по своему происхожденію ложный царь Дмитрій, наибольшій интересъ представляютъ его отношенія къ Польшѣ, іезуитамъ и римскому престолу. Большая публика хорошо знаетъ, какъ скверно и тенденціозно стоитъ этотъ послѣдній вопросъ въ нашей литературѣ: его обыкновенно трактовали ученики академій и обыкновенно «безъ руля и безъ вѣтрилъ». П. Пирлингъ впервые вводитъ насъ въ него со стороны самой интимной, строго научной и на основаніи драгоцѣннаго архивнаго матеріала; онъ подвергаетъ превосходной критической оцѣнѣ источники, которыми раньше пользовались у насъ безъ разбора. «Мишки и бернардины», «Дмитрій и кармелиты», «Нунцій Клавдій Рангони»,

«Андрей Лавицкій» и «Николай Чижовскій» — вотъ рядъ статей, которыя читатель одождѣваетъ съ большимъ удовольствіемъ: такъ хорошо умѣетъ Пирлингъ изложить иногда очень спеціальный вопросъ. «Исторію Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина теперь никто не читаетъ и, конечно, не станеть читать, а потому мы не оговариваемъ особо интересныхъ замѣчаній П. Пирлинга объ исторіографическихъ приѣмахъ этого стараго историка-беллетриста (стр. 175, 179, 180 и слѣд.); тѣмъ любопытнѣе и для историка, и для большой публики цѣлая статья П. Пирлинга «Н. И. Костомаровъ о Дмитріи». Авторъ снабжаетъ Костомарова такими свойствами, какъ историческое чутье, историческій тактъ, выдающійся литературный талантъ; Костомаровъ, по его мнѣнію, чуждъ увлеченія «суетнымъ мудрованіемъ». Признаніе этихъ особенностей за Костомаровымъ не мѣшаетъ Пирлингу высказать сильные замѣчанія по поводу известной его статьи «Бто былъ первый Лжедмитрій?» Кто изъ пристрастныхъ къ отечественному прошлому не читалъ этой статьи? Кому не интересно сужденіе о ней спустя почти сорокъ лѣтъ по ея написанію, сужденіе такого знатока исторіи смутнаго времени въ московскомъ государствѣ, какъ Пирлингъ? Послѣдній говоритъ, что нельзя не удивляться скудости костомаровыхъ доказательствъ: «опроверженіе лѣтописныхъ сказаній отчасти недостаточно, отчасти даже ошибочно, а главныя прямыя доказательства иностранцевъ-современниковъ сводятся на голословное утвержденіе ссылнаго пьяницы, переданное Маржерету неизвѣстнымъ англичаниномъ; выводы, истекающіе изъ такихъ посылокъ, не могутъ имѣть окончательнаго и рѣшающаго значенія» (стр. 235).

Привѣтствуя появленіе книги П. Пирлинга, мы съ большимъ удовольствіемъ рекомендуемъ ее, какъ матеріалъ, для серьезнаго и интереснаго чтенія большой публикѣ; не менѣе высоко ея значеніе и для русскаго историка.

В. Сторожевъ.

В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Спб. 1901. Въ пяти томахъ. Ц. 10 руб. В. А. Бильбасовъ, какъ историческій писатель, прежде всего имѣетъ ту цѣну, что онъ вполне доступенъ для чтенія большой публикѣ. Кто не зачитывался въ послѣднее время двумя превосходными томами его «Исторіи Екатерины Второй?» А кто ими не зачитывался, тотъ, вѣдь всякаго сомнѣнія, ждетъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ продолженія этого капитальнаго труда. В. А. Бильбасовъ, какъ русскій историкъ, тѣмъ интереснѣе, что онъ перешелъ къ русской исторіи, завоевавъ предварительно славу спеціалиста во всеобщей исторіи магистерскою диссертацией о крестовомъ походѣ императора Фридриха Второго (Спб. 1863) и докторскою о поповскомъ королѣ Генрихѣ IV (Спб. 1867). В. А. Бильбасовъ силенъ тамъ, гдѣ требуется начитанность въ литературѣ и источникахъ на западно-европейскихъ языкахъ; по направленію своего историческаго мировоззрѣнія онъ нѣсколько *старъ*; его больше привлекаетъ описаніе и критически провѣренное изложеніе, нежели изслѣдованіе; ему, согласно избитому уже въ нашей литературѣ выраженію, гораздо болѣе понятна цѣна всякаго историческаго процесса, чѣмъ историческая эволюція. Энергій и мощи современной научной исторической мысли въ его трудахъ, поэтому, искать не приходится; эту оговорку надо имѣть въ виду при чтеніи его историческихъ работъ.

Пять томовъ недавно изданныхъ г. Бильбасовымъ историческихъ монографій представляютъ, по собственнымъ словамъ автора, «изслѣдованія въ области исторіи, искусства, литературы и критики, помѣщавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднія сорокъ лѣтъ»; перепечатаывая, авторъ «для удешевленія изданія» опустилъ всѣ цитаты изъ книгъ. Эту особенность изданія должны имѣть въ виду всѣ тѣ лица, которыя пожелали бы воспользоваться историческими монографіями г. Бильбасова для какой-либо спеціальной цѣли. Въ небольшой библиографической замѣткѣ нѣтъ возможности сколько-нибудь по-

дробно говорить о содержаніи пяти томовъ монографій (въ каждомъ томѣ чуть не по 600 страницъ), а потому позволимъ себѣ остановиться лишь на томъ, что пишущему настоящія строки представляется особенно характернымъ для писателя или наиболее любопытнымъ для выѣшняго читателя.

Пятый томъ монографій г. Бильбасова заключаетъ въ себѣ рядъ живыхъ и интересныхъ критическихъ статей, изъ которыхъ особенно драгоценными для современнаго читателя являются двѣ: разборъ докторской диссертациі В. С. Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи» (Кіевъ. 1869) и докторской же Н. Д. Чечулина «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774 годы» (Спб. 1896). Послѣдній разборъ—крупная общественная заслуга г. Бильбасова: имъ онъ доказалъ глубокое паденіе науки въ русскомъ университетѣ, изъ котораго были изгнаны лучшія ученые силы, и привлечены взамѣнъ лица, сегодня дебютирующія византинистами, завтра выступающія въ какой угодно другой, потребной для казеннаго университета специальности.

Третій и четвертый томы посвящены статьямъ и матеріаламъ о Екатеринѣ Второй: работы этого рода, написанныя г. Бильбасовымъ, имѣютъ большое значеніе, но не все одинаково интересны для обычнаго читателя.

Статьи *перваго* тома касаются исключительно вопросовъ всеобщей исторіи. Западно-европейской литературѣ 60-хъ годовъ авторъ дѣлаетъ упрекъ, что она мало интересуется славянскимъ міромъ, русской исторической литературѣ того же времени достается за то, что она игнорируетъ изученіе Византіи, которая будто бы имѣла громадное значеніе для русской культуры. Стоитъ заглянуть въ «Очерки по исторіи русской культуры» П. Н. Милюковъ, чтобы понять, на какой ложной дорогѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи стоялъ авторъ. Интересомъ автора къ славянскому міру объясняется помѣщенная въ первомъ томѣ монографій статья «Легендарный образъ Кирилла и Меодія». Статья эта—живо написанный рассказъ, вполне доступный для любого читателя. Тѣми же достоинствами живаго разсказа отличаются статьи «Паписса Іоанна», «Чехъ Янъ Гусъ» и др.

Обращаясь ко *второму* тому: въ немъ прежде всего читасмъ двѣ по своему капитальныхъ статьи г. Бильбасова: «Появленіе русскихъ на исторической сценѣ» (стр. 3—58) и «Памяти Екатерины Второй» (стр. 309—370). Обѣ любопытны для читателя изъ большой публики, обѣ необычайно характерны для самого автора: авторъ—чрезвычайный знатокъ екатерининскаго царствованія; онъ—чрезвычайный смѣльчакъ въ сужденіяхъ о началѣ Руси, и сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не смущалъ простаго читателя своею смѣлостью. Въ концѣ XIX вѣка (статья «Появленіе русскихъ на исторической сценѣ» написана въ 1892 году) авторъ задумалъ вести борьбу съ «норманистами»: теорію норманистовъ г. Бильбасовъ понимаетъ такъ, какъ ее давно въ науцѣ уже не понимаютъ; начальнаго лѣтописнаго свода онъ не знаетъ; совершенно справедливо выдвигаетъ роль археологическихъ раскопокъ, но не знаетъ, какъ ихъ можно и должно приурочивать къ русской исторіи. На какую же точку зрѣнія онъ становится? Но мы умолчимъ объ этой точкѣ зрѣнія. Традиціонный вопросъ о происхожденіи русскаго государства былъ когда-то и очень моднымъ, и очень жгучимъ въ нашей историографіи; для его разрѣшенія было потрачено много труда, силъ, дарованій; на немъ упражняли свое ученое остроуміе многіе знатоки среднебѣковыхъ историческихъ источниковъ. Трактовать теперь этотъ вопросъ путемъ однихъ лирическихъ словоизліяній нельзя! Намъ было чрезвычайно тяжело видѣть эту статью въ собраніи историческихъ монографій г. Бильбасова; статья эта—какой-то удивительный lapsus, присущій русскимъ ученымъ, которые порою любятъ братья за разрѣшеніе вопросовъ, имъ чуждыхъ и не знакомыхъ. Если бы читателямъ показался настоящій отзывъ рѣзкимъ,

то мы рекомендуем его сравнить съ тѣмъ, что пишущимъ настоящія строки уже однажды было высказано въ журналѣ «Русская Мысль» 1893 года (библиографическій отдѣлъ, январь, стр. 42—44) по поводу «Появленія русскихъ на исторической сценѣ». Такіе промахи въ историографіи никогда нельзя замалчивать, ибо они вводятъ читающую публику въ заблужденіе. Что касается статьи «Памяти Екатерины Второй», то это—блестящій апофеозъ Екатерины, выражающій общій взглядъ автора на значеніе этого царствованія. Второй томъ заканчивается статьями публицистическаго характера.

Рекомендуя читающей публикѣ знакомство съ историческими монографіями г. Вильбасова, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не подчеркнуть извѣстнаго своеобразія этого историко-литературнаго багажа. Г. Вильбасовъ, какъ историческій писатель, далеко не лишенный общественныхъ интересовъ и вкусовъ, заслуживалъ бы обстоятельной критической оцѣнки и опредѣленной характеристики.

В. Николаевъ.

Е. д'Эйхаль. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣва. Съ портретомъ Токвиля. Изданіе товарищества «ХХ вѣкъ». Ц. 1 руб. Имя Токвиля хорошо знакомо русскимъ читателямъ. Если не всякій образованный человекъ знаетъ его «Демократію въ Америкѣ», навѣрное немного найдется людей, не читавшихъ «Старога порядка и революціи». Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ достаточно матеріала для характеристики Токвиля, какъ политическаго философа и какъ историка. Трудно было съ большей проникательностью, чѣмъ это сдѣлалъ онъ, раскрыть основы демократическаго строя Соединенныхъ Штатовъ, трудно было схватить духъ учрежденій союза съ такой необыкновенной вѣрностью, такъ безошибочно опредѣлять ихъ руководящіе принципы. Въ настоящее время никто не обратится къ его книгѣ, чтобы по ней познакомиться съ политическимъ устройствомъ Соединенныхъ Штатовъ, но всякій, кто хочетъ подняться выше фактовъ положительнаго порядка и освѣтить идеи и принципы, —тому Токвиля не миновать. Въ «Старомъ порядкѣ» поражаетъ другая черта—черта, обличающая гениальнаго историка. Изучая страницу за страницей этотъ замѣчательный трудъ, гдѣ каждое слово на вѣсъ золота, гдѣ одно широкое обобщеніе, глубоко продуманное, смѣняется другимъ, гдѣ, какъ картонныя домики, вадятся конструкции прежней исторической школы и создаются новыя, поражающія своей убѣдительностью, читатель не можетъ отдѣлаться отъ почти благоговѣйнаго чувства. Токвиль не облачаетъ своихъ положеній въ броню документальныхъ ссылокъ, онъ даетъ почти афоризмы, но подъ этими афоризмами чувствуется увѣренный анализъ, тщательнѣйшее изученіе; тутъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь ненадежной гипотезы; фактовъ — изобиліе. Не историкъ бережно оберегаетъ своего читателя отъ этой подавляющей массы фактовъ и даетъ ему одна лишь результаты, только синтезъ. Въ этомъ необыкновенно счастливымъ сочетаніи анализа съ синтезомъ и лежитъ причина того, что книга Токвиля сдѣлалась, подобно еуклидовой исторіи $\kappa\tau\eta\mu\alpha\ \epsilon\iota\varsigma\ \theta\epsilon\iota\varsigma$, вѣковѣчнымъ плодомъ гениальной мысли.

Такая оцѣнка Токвиля доступна каждому, кто читалъ его два главныхъ произведенія. Быть можетъ, нѣсколько болѣе внимательный читатель сдѣлаетъ еще одно наблюденіе. Въ «Демократіи въ Америкѣ» историкъ какъ будто бы сознательно отступаетъ на задній планъ, уступая мѣсто политическому философу. Институты берутся тамъ, какъ таковыя, и очень часто анализируются такъ, какъ будто готовыми появились на свѣтъ подобно Минервѣ изъ головы Юпитера. Авторъ какъ будто спѣшитъ окончить ихъ изученіе, чтобы примѣрить ихъ къ Европѣ, къ своей родинѣ,—годятся ли демократическія установленія заантлантической республики къ старымъ государствамъ европейскаго материка?

Такое наблюденіе должно быть продолжено. Источникъ такого отношенія Токвиля къ описываемымъ учрежденіямъ шире, чѣмъ можно подумать съ перваго взгляда. Токвиль—прежде всего практикъ. Это — глубокій философъ-политикъ, это — гениальный историкъ-практикъ до мозга костей. И въ историческую философію, и въ исторію онъ забирается потому, что его волнуютъ практическіе вопросы. Но онъ практикъ нѣсколько иного закала, чѣмъ большинство современныхъ политическихъ дѣятелей. Какъ разъ, какъ политическій дѣятель, Токвиль не стоялъ въ первыхъ рядахъ. Въ этомъ ему препятствовало многое и прежде всего нѣсколько вѣншихъ условій, онъ не былъ хорошимъ ораторомъ, у него часто не хватало голоса. Но онъ, вопреки довольно распространенному мнѣнію, былъ практикомъ въ другомъ значеніи этого слова. Настоящее его интересовало непосредственно и прежде всего, и для того, чтобы выяснить это настоящее и его дальнѣйшую судьбу, онъ сдѣлался и философомъ-историкомъ, и историкомъ. Токвиль былъ либералъ. Культъ свободы былъ его основнымъ политическимъ принципомъ. Но онъ чувствовалъ, что принципу свободы угрожаетъ ростъ демократической идеи. И для того, чтобы измѣрить опасность, грозящую либеральному принципу, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Америку, тамъ изучать характеръ демократіи и выяснить размѣры его жизнеспособности. Этотъ шагъ былъ несомнѣннымъ шагомъ практика. Когда въ февралѣ 1848 года демократія восторжествовала во Франціи, Токвиль заранѣе предчувствовалъ переворотъ и тщетно предостерегалъ Гизо. Но демократія продержалась не долго. На смѣну ей явилась имперія. Токвиль снова задалъ себѣ вопросъ: почему Франція не можетъ отдѣлаться отъ этой роковой послѣдовательности въ слѣдованіи политическихъ формъ: демократіи и цезаризма. Попытавшись отвѣтить на вопросъ, онъ нѣсколько лѣтъ проработалъ въ архивахъ и выпустилъ «Старый порядокъ». И этотъ шагъ былъ шагомъ практика.

Но всего ярче сказывается основное направленіе мысли Токвиля въ его «Воспоминаніяхъ и перепискѣ». Здѣсь передъ нами тотъ же гениальный мыслитель, но такъ сказать, въ кругу друзей. Онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, скидываетъ съ себя сдержанный языкъ и приподнятый тонъ большихъ сочиненій, сыплетъ шутками, иронизируетъ, даетъ яркія картины, которыя быть можетъ, помимо его воли, превращаются въ сатиры. Насколько Токвиль чувствовалъ себя неловко въ парламентѣ, настолько же свободно и легко писалось ему въ кабинетѣ, гдѣ онъ мысленно вращался все въ тѣхъ же политическихъ кругахъ, но гдѣ онъ сознавалъ себя хозяиномъ. Если и въ «Воспоминаніяхъ» отказываются узнавать практика, то виною въ этомъ во всякомъ случаѣ не Токвиль.

Книга Эйхтала появляется очень кстати. На русскомъ языкѣ мы знаемъ о Токвилѣ только статью М. М. Ковалевскаго, но и она затерялась въ книжкахъ «Вѣстника Европы». Зато у насъ имѣются переводы главныхъ вещей Токвиля: «Демократія», «Старого порядка» и «Воспоминаній» и книга Эйхтала будетъ служить хорошимъ подспорьемъ при изученіи этихъ произведеній. Авторъ работалъ по надежнымъ источникамъ, сочиненія Токвиля излагаетъ правильно, а это главное. Если настоящей книгѣ удастся и у людей, незнакомыхъ съ Токвилемъ, вызвать интересъ къ жизни и дѣятельности одного изъ величайшихъ умовъ Франціи XIX вѣка, то ея дѣло будетъ сдѣлано.

А. Дживс-леговъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Землевладѣніе и сельское хозяйство». — *Пеллутъ*. «Жизнь рабочихъ во Франціи».

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Перев. подъ ред. С. Н. Булгакова. Спб. 1901 г. 388 стр. Ц. 1 р. 60 к. Превосходная энциклопедія экономическихъ наукъ «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*», составленная коллективнымъ трудомъ выдающихся нѣмецкихъ специалистовъ, представляетъ незамѣнимое руководство для всѣхъ — профановъ и специалистовъ, — занимающихся экономическими вопросами. Г-жа Водовозовой пришла счастливая идея сдѣлать эту энциклопедію доступной русской публикѣ, хотя бы въ видѣ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ наиболее важнымъ вопросамъ, разобраннымъ въ упомянутомъ «Словарѣ государственныхъ наукъ».

Въ общемъ отлично справившись съ этой не легкой задачей, г-жа Водовозова, какъ намъ кажется, сдѣлала одинъ очень большой промахъ. «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*» представляетъ коллективный трудъ *нѣмецкихъ* ученыхъ, написанный на *нѣмецкомъ* языкѣ и по преимуществу для *нѣмецкихъ* читателей. Неудивительно поэтому, что въ немъ вездѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ Германия, о ней иногда съ утомительною, въ особенности для не нѣмецкаго читателя, подробностью говорятъ всѣ статьи, на нѣмецкую литературу по преимуществу указывается. Нѣмецкій читатель, вѣроятно, такимъ характеромъ этого «Словаря» весьма доволенъ, но русскій читатель, конечно, охотно бы довольствовался менѣе подробными свѣдѣніями о Германіи, пожелавъ болѣе обстоятельныхъ данныхъ о другихъ странахъ и прежде всего о Россіи.

Намъ думается, что, издавая такой трудъ для русскаго читателя, вполне целесообразно было бы сократить всѣ излишнія свѣдѣнія о Германіи, пополнить свѣдѣнія о всѣхъ другихъ странахъ и сдѣлать самостоятельныя добавленія о Россіи. И сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе не трудно, что въ изданіяхъ г-жи Водовозовой принимаютъ участіе такіе выдающіеся специалисты, какъ гг. Туганъ-Барановскій и Булгаковъ. Въ выпускѣ «Законодательная охрана труда» эти добавленія были сдѣланы, въ лежащемъ же передъ нами выпускѣ, къ сожалѣнію, мы о Россіи почти ничего не находимъ.

Всѣми этими замѣчаніями мы не хотѣли умалить цѣнность лежащей передъ нами монографіи, мы хотѣли только показать, какимъ путемъ цѣнность эта для русскаго читателя могла бы быть значительно поднята.

Вышедшій теперь вторымъ изданіемъ сборникъ «Землевладѣніе и сельское хозяйство» сумѣетъ дать компетентные отвѣты рѣшительно на всѣ вопросы землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Читатель найдетъ здѣсь краткія свѣдѣнія и о происхожденіи земледѣлія, и о ходѣ его историческаго развитія отъ первобытныхъ временъ до нашихъ дней, и о хлѣбныхъ цѣнахъ, и о сельскохозяйственныхъ товариществахъ и т. д., и т. д. Всѣ эти статьи снабжены обильными и свѣжими статистическими данными, заимствованными изъ безусловно достоверныхъ источниковъ и составленными такими специалистами, какъ проф. Конрадъ. Общіе теоретическіе выводы высказываются авторами съ должною въ подобнаго рода трудахъ сдержанностью и осмотрительностью.

Наиболѣе общій и жизненный интересъ возбуждаютъ статьи о земледѣльческихъ кружкахъ, мелко и крупномъ хозяйствѣ и сельскохозяйственныхъ товариществахъ. Проф. Конрадъ, авторъ статьи о земледѣльческихъ кризисахъ, справедливо видитъ коренныя причины даящагося вотъ уже второе десятилѣтіе аграрнаго кризиса въ общихъ условіяхъ всемірной торговли, созданныхъ появленіемъ на мировомъ рынкѣ новыхъ странъ, благодаря проведенію желѣзныхъ

дорогъ, сокращенію тарифа и т. д. Въ силу этого, и повышенія цѣнъ на мировомъ рынкѣ можно ожидать, по мнѣнію Конрада, лишь тогда, когда перепроизводство продуктовъ будетъ поглощаться увеличеніемъ населенія, и будутъ культивированы при томъ всѣ наиболѣе плодородныя земли. Для завершенія этого процесса понадобится 2—3 десятилѣтія. «Кризисъ окончится лишь тогда, говоритъ Конрадъ, когда покупныя и арендныя цѣны земельныхъ участковъ понизятся соответственно теперешнимъ обстоятельствамъ, и когда сельскіе хозяева измѣнятъ производство сообразно съ теперешними цѣнами продуктовъ, такъ какъ на этотъ разъ причины бѣдствія отличаются болѣе устойчивымъ характеромъ, чѣмъ когда либо прежде, и дѣйствіе ихъ распространяется почти на весь цивилизованный міръ» (103 стр.). Германскіе аграріи, какъ извѣстно, борются съ аграрнымъ кризисомъ болѣе механическимъ орудіемъ—охранительными пошлинами. Поэтому указаніе Конрада на полную непригодность охранительныхъ пошлинъ для устраненія аграрнаго кризиса представляетъ въ настоящую минуту живѣйшій интересъ жизни. Къ сожалѣнію, авторъ коснулся этого вопроса лишь въ нѣсколькихъ словахъ.

Живой интересъ представляетъ затѣмъ статья того же Конрада «Крестьянство и крестьянское землевладѣніе». Разбирая возбуждающій большіе споры вопросъ о борьбѣ мелкаго крестьянства съ крупнымъ и съ крупными землевладѣльцами. Конрадъ, съ присущею ему осторожностью обобщеній, указываетъ на громадную зависимость хода и исхода этой борьбы отъ всей той естественной, исторической и культурной обстановки, въ которой она происходитъ. Тамъ, гдѣ личныя заботы хозяина имѣютъ важное значеніе, а большія средства и знанія не находятъ примѣненія, тамъ, гдѣ приходится на дорого стоящей землѣ съ необычайною старательностью вести интенсивное хозяйство или на дешевой землѣ разводить небольшое количество скота,—во всѣхъ этихъ условіяхъ крестьянинъ оказывается въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ крупный землевладѣлецъ. И наоборотъ, крупное землевладѣніе процвѣтаетъ при отсутствіи подобныхъ условій. Наконецъ, принципъ кооперации, проникая въ деревню, дѣлаетъ положеніе крестьянъ болѣе устойчивымъ и т. д.

II. Берлинъ.

Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочихъ во Франціи. Пер. съ фр. подъ ред. А. А. Мануилова. Спб. 1901 г. 312 стр. Ц. 1 р. 20 коп. Борьба со «старымъ порядкомъ», опиравшимся на широкую государственную поддержку привилегированныхъ сословій и изжитыхъ формъ экономическаго быта, повела во Франціи восемнадцатаго вѣка къ расцвѣту доктрины экономическаго индивидуализма или экономическаго либерализма, кратко и энергично формулированной фізіократомъ Гурне въ знаменитой фразѣ—*laissez faire, laissez aller...* Съ тѣхъ поръ, однако, какъ этотъ «старый порядокъ» былъ низверженъ, прошелъ вотъ уже цѣлый вѣкъ и за этотъ долгій періодъ всѣ успѣли убѣдиться, что одной формальной свободы еще мало для созданія народнаго благосостоянія и что при существующемъ соотношеніи общественныхъ силъ провозглашеніе этой свободы было не декларацией правъ челоуѣка и гражданина, а лишь декларацией правъ капиталиста. Но не смотря на это разочарованіе, доктрина экономическаго либерализма, полное невмѣшательство государства въ сферу экономической жизни, продолжаетъ еще пользоваться во Франціи довольно широкимъ распространеніемъ среди самыхъ различныхъ элементовъ общества.

Съ этимъ факторомъ приходится серьезно считаться при изслѣдованіи вопроса о крайне отсталомъ положеніи рабочаго законодательства во Франціи и весьма безотрадномъ экономическомъ положеніи ея рабочаго класса. Безотрадность этого положенія ярко нарисовалъ Пеллутье въ вышеназванной книгѣ.

Во введеніи авторъ сразу вводитъ насъ въ ту безотрадную обстановку,

въ которой протекаетъ жизнь огромнаго большинства рабочаго класса Франціи. Уже со второй страницы мы узнаемъ объ обремененности французскаго рабочаго всяческими налогами. За послѣдніе годы это налоговое бремя непрерывно растетъ. А между тѣмъ заработная плата стоитъ на очень низкомъ уровнѣ и реально, т.-е. по своей покупательской способности, для огромнаго большинства рабочихъ не возрастаетъ. Какъ низка эта плата, видно изъ того, что за обременительный *шестнадцатичасовой* трудъ кондуктора и кучера омнибусовъ получаютъ въ Парижѣ всего 5 фр. 75 сент. и это трудъ не чернорабочаго, а до известной степени рабочей аристократіи.

Авторъ вполне справедливо указываетъ на то, что тревожный вопросъ застоя или даже уменьшенія роста народонаселенія Франціи находится въ самой непосредственной связи съ угнетеннымъ экономическимъ положеніемъ широкихъ массъ народа.

Авторъ поэтому вполне логично замѣчаетъ, что всѣ тѣ, кого тревожитъ проблема народонаселенія, должны требовать, чтобы республика пришла на помощь рабочему классу, чтобы его трудъ былъ менѣе продолжителенъ и лучше вознаграждался, чтобы рабочія жилища были болѣе удобны и здоровы, словомъ, республика должна «предоставить хотя нѣкоторое благосостояніе тому классу, который доставляетъ государству наибольшее количество податей и людей».

Установивъ общую точку зрѣнія, авторъ затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію продолжительности труда во Франціи. Въ этомъ отношеніи Франція значительно отстала отъ остальныхъ культурныхъ странъ, такъ, напр., какъ мы уже упомянули, кондуктора и кучера омнибусовъ работаютъ до восемнадцати часовъ въ сутки. Служащіе на парижскихъ базарахъ работаютъ до пятнадцати, шестнадцати и семнадцати часовъ въ сутки. Прислуга многочисленныхъ кафе и ресторановъ работаетъ съ восьми утра за полночь, жалованія при этомъ никакого не получаютъ, живя лишь «*rouge boige*». Мальчики въ мясныхъ лавкахъ работаютъ по пятнадцати и восемнадцати часовъ въ сутки, имѣя въ году лишь одинъ день отдыха.

Не лучше положеніе и болѣе интеллигентныхъ служащихъ, напр., железнодорожныхъ. Въ 1894 г. послѣ железнодорожной катастрофы было назначено слѣдствіе, которое выяснило, что одинъ начальникъ мелкой станціи долженъ былъ выдавать билеты, принимать багажъ и слѣдить за остановкой ста двадцати поѣздовъ, приходящихъ ежедневно (каждыя двѣнадцать минутъ). На станціи Ромальи-ля Бютэна, гдѣ ежедневно проходитъ 64 пассажирскихъ и 28 товарныхъ поѣзда, черезъ которую проходятъ около трехъ тысячъ телеграммъ въ мѣсяцъ, всего двое служащихъ и въ итогѣ начальникъ станціи одинъ производитъ маневры, присутствуетъ при отходѣ и приходѣ поѣздовъ, выдаетъ билеты, отправляетъ депеши, смотритъ за кассой, составляетъ счета и подаетъ сигналы. «Въ результатъ, — говоритъ авторъ, — выходитъ, что онъ встаетъ въ пять часовъ утра и ложится не ранѣе полуночи. Въ теченіе дня онъ совершенно не имѣетъ времени для ѣды и, въ буквальный смыслъ, питается на ходу... Начальникъ этой станціи повѣсился, не будучи долѣе въ состояніи выносить такого существованія».

Если таково положеніе привилегированныхъ служащихъ, то положеніе простыхъ рабочихъ не позволяетъ имъ даже сносно питаться.

Послѣ тщательныхъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ выводу, что средній уровень заработной платы равенъ во Франціи 4 фр. 85 сент. для мужчинъ и 2 ф. 46 сан. для женщинъ.

Эта средняя цифра, конечно, какъ всякія среднія цифры, ничего не говоритъ намъ о реальномъ положеніи отдѣльныхъ рабочихъ, такъ какъ заработная плата отдѣльныхъ рабочихъ весьма значительно колеблется, поднимаясь значительно выше и опускаясь значительно ниже этого средняго уровня. Такъ,

напр., на фабрикѣ Брѣзо рабочіе получаютъ за одиннадцати-часовой трудъ всего 3 фр., причеиъ каждыя двѣ недѣли они въ теченіе трехъ дней не имѣютъ работы.

Мы не станемъ слѣдить дальше за колебаніями заработной платы для различныхъ отраслей производства, перейдемъ прямо къ весьма важному вопросу—улучшилось ли за послѣдніе годы положеніе рабочаго класса во Франціи? Авторы даютъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, доказывая, что если номинально заработная плата и возросла, то это ея движеніе было цѣликомъ поглощено вздорожаніемъ продуктовъ пищи, жилищъ, возрастаніемъ налоговъ. «Заработная плата,—говорятъ авторы,—за послѣдніе полвѣка понизилась какъ по отношенію въ увеличившейся продолжительности труда, такъ и въ отношеніи къ возрастанію общественнаго богатства... Часто приходится слышать отъ старыхъ людей, что за ту же самую сумму денегъ прежде получалось гораздо, больше, чѣмъ теперь. Этотъ доводъ является какъ нельзя болѣе вѣрнымъ. Получать сравнительно меньше (несмотря на абсолютное увеличеніе заработной платы) и платить за предметы необходимости дороже, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—вотъ послѣдствія, которыя долженъ нести рабочій классъ при системѣ соперничества» (135 стр.).

Авторы, подробно, живо и тепло охарактеризовавъ жизнь рабочихъ во Франціи, иллюстрировавъ это прекрасное изложеніе сравнительными данными о другихъ странахъ, допустили, однако, большой пробѣлъ, совершенно не коснувшись вопроса о профессиональныхъ организаціяхъ французскихъ рабочихъ. Редакція русскаго перевода очень хорошо сдѣлала, помѣстивъ въ приложеніи къ книгѣ Пеллутье переводъ статьи Магайма о профессиональныхъ союзахъ во Франціи и статьи Скваржинскаго о профессиональныхъ синдикатахъ. Книгу Пеллутье можно рекомендовать всякому интересующемуся социальными вопросами. Должны при этомъ, однако, прибавить, что сочиненіе Пеллутье не строго научное объективное изслѣдованіе, а публицистическая работа, въ виду чего въ кой-какихъ увлеченіяхъ она повинна и въ кой-какихъ ограниченіяхъ и поясненіяхъ нуждается.

Переведена и издана книга Пеллутье вполне безукоризненно.

П. Берлинъ.

ФИЛОСОФІЯ.

М. Гюйо. «Искусство съ социологической точки зрѣнія».

М. Гюйо. Искусство съ социологической точки зрѣнія. Съ портретомъ автора, исполненнымъ фирмою Дюжардена въ Парижѣ. Спб. 1901. Цѣна 2 р. (464 стр.). «Важнѣйшія вещи Гюйо уже переведены почти всё на русскій языкъ («Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности», «Происхожденіе идеи времени», «Задачи современной эстетики», «Наслѣдственность и воспитаніе», «Стихи философа»). Трактатъ, заглавіе котораго написано выше, былъ предпослѣднимъ въ короткой, грустно оборвавшейся жизни французскаго философа. Въ настоящее время, когда только нѣмецкая философская мысль продолжаетъ самостоятельную и энергичную работу, когда западные (да и восточные) сосѣди нѣмцевъ слишкомъ часто довольствуются готовыми каштанами, вытасканными Паульсеномъ, Авенаріусомъ, Вундтомъ,—Гюйо является собою образецъ вдумчиваго и глубокаго, а главное, вполне оригинальнаго мыслителя. Онъ далекъ отъ наивнаго матеріализма, но для него отрицаніе этого ученія вовсе не составляетъ прелюдіи къ беззавѣтному обожествленію

нію старыхъ и новыхъ метафизическихъ философовъ или къ столь же беззавѣтному, но гораздо менѣе невинному, обкрадыванію современныхъ нѣмецкихъ представителей критической философіи.

Прежде всего—Гюйо настоящій философъ,—какъ понимаетъ это Шопенгауэръ: «всякое хотѣніе замирало» въ авторѣ «Міра, какъ воля и представленіе», когда онъ создавалъ свою систему (по собственному его признанію). Для непредубѣжденного читателя Гюйо совершенно ясно, что и въ немъ «замирали» всякія личныя страсти, стремленія и тенденціи, когда онъ писалъ свои книги. Все созданное имъ—работа безпристрастнаго и сильнаго интеллекта, не смущаемая ни суетливымъ и безпокойнымъ желаніемъ заявить свое «первенство» въ раскрытіи истины, ни другими страстями и страстишками, часто такъ неприятно сказывающимися даже въ самыхъ почтенныхъ научныхъ трудахъ. Свѣжестью, искренностию, силою вѣетъ отъ каждой страницы Гюйо: въ смыслѣ эстетическаго удовольствія чтеніе этого философа есть сущій отдыхъ для современнаго читателя.

Основные идеи трактата объ искусствѣ таковы. Искусство вызываетъ общность чувствъ, «соціальную симпатію». Вотъ слова Гюйо по этому поводу: «Искусство есть расширеніе идеи общества (посредствомъ чувства) на всѣ существа на землѣ и даже на существа, превосходящія природу или, наконецъ, на существа, созданныя людскимъ воображеніемъ. Художественная эмоція, такимъ образомъ, непремѣнно социальна. Результатомъ ея является расширеніе индивидуальной жизни, приобщая ее къ болѣе широкой мировой жизни. Внутренній законъ искусства—созданіе эстетической эмоціи соціальнаго характера». Въ написанной Фулье вступительной статьѣ къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что ощущенія и чувства—прежде всего наиболѣе разъединяютъ людей между собою. «О вкусахъ и цвѣтахъ не спорятъ, потому что ихъ считаютъ субъективными, и, однако же, есть средство нѣкоторымъ образомъ социализировать ихъ, сдѣлать ихъ въ большинствѣ случаевъ тождественными для различныхъ индивидуумовъ. Средство это—искусство. Изъ глубинъ несвязныхъ и несходныхъ индивидуальныхъ ощущеній и чувствъ искусство выдѣляетъ такую совокупность ихъ, которыя могутъ находить отзвукъ сразу у всѣхъ или у большинства и которыя, такимъ образомъ, могутъ вызвать ассоціацію наслажденій». Изъ всѣхъ родовъ искусства—искусство реальное, по мнѣнію Гюйо, едва ли не болѣе сильно въ распространеніи «соціальности», но реализмъ только тогда способенъ производить, дѣйствительно, сильныя эмоціи, когда успѣетъ отдѣлаться отъ того, что Гюйо называлъ «тривиализмомъ». Художникъ долженъ «найти поэзію въ предметахъ, которые кажутся намъ часто менѣе всего поэтичными по той простой причинѣ, что эстетическое ощущеніе притупилось отъ привычки». Но самый реализмъ, рамки реалистическаго творчества Гюйо понимаетъ чрезвычайно широко: «Для настоящаго творческаго генія дѣйствительная жизнь, среди которой онъ находится, есть только случайность среди всѣхъ формъ возможной жизни, которую онъ охватываетъ въ какомъ-то внутреннемъ видѣніи. Точно такъ же, какъ для математика нашъ міръ обѣденъ въ смыслѣ комбинацій линій и чиселъ, а размѣры нашего пространства есть только частичное осуществленіе безконечныхъ возможностей, такъ для истиннаго поэта характеръ, который онъ охватываетъ въ живомъ человѣкѣ, личность, которую онъ наблюдаетъ,—не есть цѣль, но средство отгадать безчисленныя комбинаціи, которыя можетъ представить природа. Геній занимается возможностями еще больше, нежели дѣйствительностью; ему тѣсенъ реальный міръ...» По мнѣнію Гюйо, нельзя жаловаться на то, что геній стремится непрерывно превзойти дѣйствительность; идеализмъ, по его понятіямъ, есть не зло, а скорѣе условіе существованія генія: «Нужно только, чтобы задуманный идеалъ, если даже онъ не принадлежитъ къ реальному, обыденно ощущаемому для насъ,—не выхо-

дѣлъ бы изъ серіи возможностей, которыя мы предвидимъ: все заключается въ этомъ. Истинный геній узнается потому, что онъ достаточно широкъ, чтобы поднятись выше реального, и достаточно логиченъ, чтобы никогда не блуждать въ сторону отъ возможнаго».

Одна изъ характернѣйшихъ чертъ художественнаго генія — сила воображенія, а самъ онъ есть нечто иное, какъ «необыкновенно интенсивная форма симпатіи и общности, которая можетъ удовлетвориться только создавая новый міръ и міръ живыхъ существъ». Понимаемое такимъ образомъ художественное творчество создаетъ искусство, которое Гюйо называетъ «сгущеніемъ реальности»: «Часто мы наблюдаемъ больше дѣйствія и рѣшительныхъ мыслей въ драмѣ», которая длится нѣсколько часовъ и развертывается въ комнатѣ, имѣющей 10 квадратныхъ аршинъ, чѣмъ въ цѣлой человѣческой жизни. Гюйо много останавливается на одной изъ любимыхъ своихъ мыслей, что весьма часто произведенія художественнаго творчества важны и значительны не тѣмъ, что они непосредственно говорятъ, не прямымъ смысломъ своего содержанія, но тѣмъ, о чемъ они вовсе не говорятъ, а что они *внушаютъ*. Великіе типы, созданные лучшими драматургами и романистами, — говоритъ Гюйо, типы, которые можно было бы назвать высшими индивидуальностями въ области искусства, являются одновременно глубоко реальными и, несмотря на это, символическими. Одно изъ развѣтвленій этой мысли находимъ въ слѣдующихъ словахъ (взятыхъ нами уже изъ другой главы и сказанныхъ въ иной связи): «прекрасное никогда не бываетъ абсолютно простымъ: оно есть сложность въ соединеніи съ простотою; оно всегда выражалось въ нѣсколькихъ определенныхъ формулахъ, скрывающихъ въ себѣ, въ обыкновенныхъ и глубокихъ терминахъ, очень разнообразныя идеи и образы». Мы можемъ сопоставить съ этими словами мнѣніе русскаго критика о стихотвореніи Лермонтова («Ночевала тучка золотая» etc.) гдѣ расположеніе фразъ, подлежащихъ, сказуемыхъ и т. д. почти ничѣмъ не отличается отъ формъ прозаической рѣчи, слова и термины также совсѣмъ обыденны, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубина поэзіи, сила вызываемой поэтической эмоціи поистинѣ удивительны. Вообще, сужденія Гюйо о природѣ художественнаго творчества отличаются замѣчательной для этой темной области отчетливостію. Онъ думаетъ, что самая прочная основа поэтическихъ созданій — воспоминаніе, т. е. воспоминаніе обо всемъ, что художникъ видѣлъ и переживалъ, *прежде чѣмъ сталъ профессиональнымъ художникомъ*. Воспоминанія объ эмоціяхъ юности всегда неизмѣнны, всегда свѣжи, и «только работая надъ этимъ не поддающимся порчѣ матеріаломъ, художникъ создаетъ свои лучшія, долговѣчныя произведенія». Наша литература, насчитывающая въ числѣ своихъ шедевровъ «Дѣтство, отрочество и юность», «Записки Багрова внука», «Пушкинъ и Бабуринъ», отчасти подтверждаетъ мысль Гюйо. «Отчасти», — потому что художники, создавшіе замѣчательныя картины по своимъ дѣтскимъ и отроческимъ воспоминаніямъ, — въ огромномъ большинствѣ случаевъ создавали столь же долговѣчныя творенія и по впечатлѣніямъ позднѣйшихъ лѣтъ.

По мысли Гюйо, истинный художникъ всегда понимаетъ, насколько жизнь богаче, ярче, шире искусства и, поэтому, всегда вкладываетъ въ искусство какъ можно больше жизни. Разсматривая искусство со стороны его общественнаго значенія, авторъ, какъ мы уже замѣтили, признаетъ реализмъ наиболѣе соціально-важнымъ и значительнымъ жанромъ художественнаго творчества. Но какая форма литературныхъ явленій можетъ быть названа по преимуществу соціальною, соціологически-важною? Гюйо склоненъ прикнудить къ мнѣніямъ Бальзака и Золя, — что романъ есть соціальная эпопея въ полномъ смыслѣ слова. «Романъ включаетъ въ себѣ всю сущность поэзіи и драмы, психологіи и соціальной науки». Художественный романъ, утверждаетъ Гюйо, это при-

*

веденная въ систему и сконцентрированная исторія, въ которой участіе человѣческой воли ограничено строгою необходимостью... «Въ силу этого, романъ есть упрощенное и болѣе яркое изложеніе соціологическихъ законовъ». Входя въ пространный (и чрезвычайно интересный) анализъ европейскаго — преимущественно французскаго — романа, Гюйо говорить о натуралистическихъ тенденціяхъ много такого, что неминуемо должно было вывести изъ себя весьма преувеличивающаго свои дарованія нынѣшняго «патріарха натурализма». Гюйо останавливается на неудачности набившихъ уже всѣмъ оскомину параллелей между «экспериментальнымъ романомъ» и наукою. Наука, говоритъ онъ, никогда не бываетъ безстыдна, потому что она изслѣдуетъ все съ безкорыстною цѣлью... «Наши же современные натуралисты далеко не невѣжественны въ этомъ отношеніи; они очень хорошо знаютъ, чѣмъ оскорбитъ чувство стыдливости и очень часто оскорбляли его умышленно, чтобы вызвать одинъ изъ тѣхъ скандаловъ, которые создаютъ также книгопродавческой успѣхъ». «Геперешій учитель натурализма, — продолжаетъ Гюйо, — несомнѣнно, стремится къ скандаламъ... Необходимо отдать ему ту справедливость, что только въ его романахъ, и нигдѣ больше, наблюдается такое постоянство въ изысканіи и разработкѣ скабресныхъ сюжетовъ». Въ видѣ, дѣйствительно, поучительнаго примѣра Гюйо приводитъ ту смѣшную, вслѣдствіе неправдоподобія, сцену изъ «Жерминаля», когда герой, тотчасъ послѣ *семидневнаго позребенія подъ обваломъ и семидневнаго голода*, все-таки думаетъ объ удовольствіи полового инстинкта... Золя и его послѣдователи, по словамъ Гюйо, «находятъ удовольствие» въ изображеніи противостественной любви, и долго, больше, чѣмъ нужно для «научной точности», распространяются на эту тему. Недавно въ «Revue des deux Mondes» появилась статья о Горькомъ Мельхіора де-Вогюэ; авторъ, говоря о скользкомъ сюжетѣ разсказа «Васька Красный», ставитъ Горькаго и его сдержанность въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, которые, какъ онъ думаетъ, не преминули бы всячески разработать и украсить садистическіе мотивы разсказа. Горькаго Гюйо не зналъ, но, что несравненно печальнѣе, онъ, повидимому, весьма неохотно обращался, вообще, къ русской литературѣ: кромѣ двухъ случаевъ, онъ не говоритъ ни о Тургеневѣ, ни о Достоевскомъ, ни о Толстомъ. Если бы критикъ такой силы, такого проникновеннаго взгляда оперировалъ бы надъ этими величайшими гевіями реалистическаго романа, его книга обогатилась бы рядомъ самыхъ яркихъ иллюстрацій къ тезисамъ и гипотезамъ, разсѣяннымъ въ трактатѣ. Три обширныя (и наименѣе интересныя) главы посвящены введенію философскихъ и социальныхъ идей въ поэзію; тема могла бы сдѣлать эту часть работы одною изъ наиболѣе значительныхъ, но, къ сожалѣнію, предметъ трактуется въ тѣснѣйшей связи съ поэтическими произведеніями Ламартина, Вийи, Альфреда де-Мюссе, Виктора Гюго и его послѣдователей... Блестки поэзій и страницы напыщенныхъ, то сентиментальныхъ, то барабанныхъ виршей, къ чему-то выписанныхъ Гюйо въ огромномъ количествѣ, — вотъ добрая половина содержанія этихъ главъ... Философъ, радующійся въ поэзій не столько искусству, сколько втиснутому, насильно притганному, вымученному изложенію важныхъ и глубокихъ идей (взятыхъ часто, впрочемъ, поэтомъ на прокатъ изъ чужихъ произведеній), беретъ верхъ надъ критикомъ. «Мы испытываемъ неожиданность, счастливую и пріятную неожиданность, читая поэтовъ, одновременно мыслящихъ и чувствующихихъ», чистосердечно признается Гюйо. Очевидно, благодарный за эти «неожиданные» сюрпризы, философъ заставилъ замолчать на время тонкаго и строгаго критика.

Послѣдняя глава имѣетъ для насъ интересъ современности: она посвящена литературѣ «декадентовъ и неуравновѣшенныхъ». Гюйо полагаетъ, что во французскую современную литературу вошли плотною гурьбою, въ качествѣ любимыхъ героевъ, невропаты и преступники. Характерною особенностью не-

уравновѣшенныхъ, невропатовъ Гюйо считаетъ чувство болѣзненнаго состоянія, смутнаго страданія въ соединеніи съ мучительными порывами. Въ ихъ литературѣ болѣзненный анализъ преобладаетъ надъ дѣйствіемъ. Кромѣ грусти, меланхоли, часто, повидимому, безпричинной, — имъ свойственно тщеславіе, также болѣзненное, часто высокоумнѣйшее и нетерпимое. Внѣшній признакъ этой черты «увлеченіе автобіографіями», «стремленіе записывать и увѣковѣчивать даже маловажныя черты повседневной жизни, наблюдать себя и особенно свои страданія, возвеличивать себя въ собственныхъ глазахъ, стремленіе превращать малѣйшее дѣйствіе (свое) въ сюжетъ эпопеи». Далѣе, неуравновѣшенные любятъ страшные образы; писатели изъ этой категоріи любятъ описывать сцены преступленій и кровавыхъ происшествій. Кромѣ, всѣхъ этихъ чертъ, у нихъ поражаетъ то, что переводчикъ неудачно выразилъ терминомъ: «содержимость словомъ». Не они владѣютъ словомъ, а слово ими владѣетъ, случайное сочетаніе звуковъ, запавшее въ голову, не только вызываетъ ассоціаціи, но, нерѣдко, прямо руководитъ и направляетъ мысль. Съ соціальной стороны искусство «неуравновѣшенныхъ», по мнѣнію Гюйо, способно вызвать симпатію къ ихъ страданіямъ, но не къ ихъ характерамъ: они часто уходятъ въ себя, не особенно склонны къ общительности, они не умѣютъ жалѣть другихъ. «Они боятся, что, начавъ жалѣть другихъ, перестанутъ жалѣть себя; а между тѣмъ, лучшее средство возстановить въ себѣ равновѣсіе,—это отдать часть себя другому. Излеченіемъ для неуравновѣшенныхъ было бы то, еслибы они *научились жалѣть* и прониклись бы продолжительной и активной жалостью». Разбирая Бодлера, Верлена, Габріеля Розетти, Гюйо иллюстрируетъ живыми примѣрами сказанное въ первой части этой заключительной главы. Литература декадентовъ отличается, по мнѣнію Гюйо, «преобладаніемъ инстинктовъ, которые стремятся къ разложенію самого общества, и судить объ этой литературѣ должно съ точки зрѣнія законовъ индивидуальной и коллективной жизни». Выводъ его одинъ — литература декадентовъ носить характеръ антиобщественный.

Мы рекомендуемъ читателю эту книгу; кромѣ отиѣченныхъ экскурсовъ въ область французскаго стихотворства, она способна не только заинтересовать, но прямо увлечь нашихъ современниковъ, изголодавшихся въ пустынь эстетическихъ и всякихъ иныхъ трюизмовъ и (что не лучше) вымученныхъ оригинальничаній. Интересующійся соціологіей, эстетикою, критикою, исторіей культуры не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на чтеніе Гюйо и поблагодаритъ переводчика, прекрасно справившагося со своею задачею.

Евг. Т.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ф. Вольногорскій. «Растенія—друзья человѣка.—Н. Вагнеръ. «Картины изъ жизни животныхъ.—Якобсонъ и Бланки. «Прямокрылыя и ложнощѣточокрылыя Россійской имперіи». Малчевскій и Якобсонъ. «Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія».

П. Вольногорскій.—Растенія — друзья человѣка. Вып. 1—6. Москва 1901 г. Изд. К. Тихомирова. Какъ поясняетъ самъ авторъ, книжки эти предназначаются не для специалистовъ, а для широкой публики, поэтому главное вниманіе въ нихъ обращено не на подробное ботаническое описаніе культурныхъ растений—«друзей человѣка», а скорѣе на изображеніе той великой роли, которую играютъ она въ обыденной жизни человѣчества, а также въ его исторіи. Давая лишь въ общихъ чертахъ ботанической очеркъ каждаго даннаго

растительнаго вида, авторъ, затѣмъ, всюду спѣшитъ перейти къ изображенію тѣхъ способовъ, какими человѣкъ утилизируетъ полезныя свойства этого растенія, превращая его постепенно изъ объекта природы въ продуктъ промышленности. Но подчиняя природу, человѣкъ въ то же время становится въ еще большую отъ нея зависимость. Авторъ всюду стремится показать, какъ «власть земли», возникающая изъ культуры растеній, отзывается на судьбахъ человечества, какъ иногда милліоны людей перемѣщались по лицу земли, подчиняясь потребностямъ культуры того или другого растенія. Такъ, усвоенное разведеніе хлопка и сахарнаго тростника въ Сѣверной Америкѣ и Вестъ-Индіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка повело къ вывозу изъ Африки и порабощенію милліоновъ чернокожихъ. Американскій хлопокъ, перерабатывавшійся почти цѣлкомъ на англійскихъ фабрикахъ, послужилъ, съ другой стороны, источникомъ капиталистическаго могущества Англіи, которая въ теченіе всего XIX столѣтія собирала дань со всѣхъ концовъ міра. Въ 6-мъ вып. (стр. 65) авторъ указываетъ на причину усиленной эмиграціи изъ Европы въ Бразилію въ теченіе послѣдняго 10-лѣтія XIX вѣка: какъ извѣстно, въ Бразиліи невольничество было уничтожено лишь въ 1888 г., и немедленно по освобожденіи невольниковъ возникъ для кофейныхъ плантаторовъ рабочій кризисъ, такъ какъ негры были мало склонны работать на бывшихъ господахъ; эти послѣдніе принуждены были объявить широкія льготы для эмигрантовъ изъ другихъ странъ, которыми они надѣялись замѣнить своихъ бывшихъ рабовъ. Началась усиленная эмиграція изъ Европы, принесшая много горькихъ разочарованій для переселенцевъ...

Все изданіе состоитъ изъ 6-ти выпусковъ, въ каждомъ изъ нихъ описана особая группа разводимыхъ растеній: 1-ый выпускъ посвященъ хлѣбнымъ злакамъ, 2-й—овощамъ, 3-й—пальмамъ, 4-й—плодовымъ, 5-й—техническимъ, 6-й—наркотическимъ растеніямъ. Впрочемъ, группы эти, по объясненію автора, имѣютъ значеніе лишь условное и, въ случаѣ надобности, онъ описываетъ заразъ и растенія, не принадлежащія къ данной группѣ. Изъ всѣхъ культурныхъ растеній описаны лишь главнѣйшія—имѣющія первостепенное значеніе для человечества по своему широкому распространенію, обращенію въ мировой торговлѣ и т. д. Чрезвычайно интересенъ 1-й вып., гдѣ показано, какимъ образомъ весь земной шаръ распредѣленъ на отдѣльныя области, смотря по воздѣлываемымъ въ нихъ хлѣбнымъ растеніямъ. Авторомъ приводятся также и любопытныя историческія справки о побѣдоносномъ распространеніи въ новое время нѣкоторыхъ растеній, раѣе вовсе неизвѣстныхъ цивилизованнымъ народамъ, какъ, напр., картофеля, кофе, сахарнаго тростника. Въ главѣ о картофелѣ узнаемъ исторію его проникновенія въ Россію, конецъ XVIII и начало XIX столѣтія. Здѣсь приведена даже въ точной копіи съ оригинала страничка изъ перваго русскаго сочиненія о картофелѣ (статья извѣстнаго Болотова въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» 1770 года).

Помимо главъ о хлѣбныхъ растеніяхъ, болѣе другихъ интересны тѣ части очерковъ, гдѣ говорится о тропическихъ растеніяхъ, почти задаромъ кормящихъ, едвающихъ и грѣющихъ человѣка и о необычайной плодовитости и силѣ роста многихъ изъ этихъ растеній. Достаточно упомянуть, напр., о плодовитости банана, который, по Гумбольдту, приносилъ 100 пудовъ плодовъ на пространство, гдѣ картофель дастъ лишь 98 фунтовъ, а рисъ—83 фунта, или о превосходныхъ качествахъ бамбука, который, благодаря быстротѣ своего роста и громадной высотѣ, на сравнительно малыхъ участкахъ земли приноситъ, въ безлѣсномъ Китаѣ, столько же древеснаго матеріала, сколько намъ наши обширные лѣса.

Все вышеназложенное достаточно говорить о содержательности разбираемыхъ очерковъ. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не вездѣ остается на высотѣ удачно выбранной имъ задачи. Главнымъ недостаткомъ очерковъ является то, что они, съ одной стороны обременены массой ненужныхъ, мелочныхъ и скучныхъ под-

робностей о способѣ ухода и обработки, напр., такихъ растений, какъ какао, бананы, каучукъ и пр., съ другой — рѣшительно ничего не сообщается о такихъ техническихъ процессахъ, какъ выдѣлка виноградныхъ винъ и приготовленіе шоколада. Затѣмъ, авторъ ужь слишкомъ часто пускается въ длиннѣйшія отступленія, ничѣмъ съ темой не связанныя: см., напр., по поводу маиса — о Юкатанскихъ развалинахъ дано цѣлыхъ 12 страницъ! Есть, наконецъ, отдѣльныя главы, составленныя столь неряшливо, что читатель ничего ровно не разберетъ (о тропическихъ корнеплодахъ)... Часто при столкновении автора съ другими науками встрѣчаются грубыя ошибки. Такъ, у него оказывается, что ледниковой періодъ стертъ съ лица земли вмѣстѣ съ прочей прежней фауной сѣвернаго полушарія также и мамонта (мамонтъ — характернѣйшій представитель, именно, ледниковой фауны!); Оввы, по мнѣнію автора, существовали за 8.000 л. до Р. Х., т.-е. за 3.000 л. до официального сотворенія міра. Упоминаемъ о послѣднемъ потому, что въ другихъ случаяхъ авторъ относится къ официальнойности, съ большимъ интересомъ рассуждая о масляничной вѣтви Ноева голубя — была ли она отъ дикой, или культурной маслины (вып. IV, стр. 29), была ли виноградная кисть I. Навина, дѣйствительно, виноградная или же, по своему громадному объему, она могла принадлежать лишь банану (вып. IV, 48)?.. (вып. I, 46). Не мало найдется также противорѣчій, способныхъ подорвать довѣріе читателя къ автору. Съ внѣшней стороны изданіе также не безупречно. Во-первыхъ, корректуры поражаютъ неряшливостью: не говоря о безчисленномъ множествѣ опечатокъ, попадаютъ настоящіе каламбуры, напр., «на зеленомъ паркѣ» вмѣсто на «земномъ шарѣ» (вып. V, 101), Швейцарія простирается и за полярнымъ кругомъ (V, 39) и мн. др. Помимо корректуръ, плохи также нѣкоторые рисунки. Такъ, напр., всѣ снимки съ фотографій проф. Тширха не слѣдовало бы вовсе помѣщать, такъ какъ они представляютъ, выражаясь астрономически, какія то неразрѣшимыя туманности. Въ IV вып. мы не находимъ оглавленія.

А. Д.

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ. Очерки и рассказы съ 300 иллюстраціями. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901 г. Цѣна (въ переплетѣ) 5 р. Книга проф. Н. П. Вагнера, всѣмъ извѣстнаго также подъ именемъ «Кота-Мурлыки», представляетъ выдающееся явленіе въ нашей обѣдной популярно-научной литературѣ. Эта книга можетъ быть поставлена во многихъ отношеніяхъ наряду съ «Жизнью Животныхъ» Брема, съ «Млекопитающими» Фохта и Шпехта, хотя во многомъ она и отличается отъ нихъ.

Книга Вагнера не сухой научный трактатъ, не учебникъ зоологій: это именно рядъ блестяще написанныхъ картинъ изъ жизни звѣрей. Описанія животныхъ даны самымъ краткимъ, но о каждомъ сообщается масса интереснѣйшихъ біологическихъ данныхъ, къ тому же всѣ эти звѣри изображены въ разныхъ видахъ на хорошихъ рисункахъ. Особенно подробно останавливается авторъ какъ на образѣ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, добычаніи пищи, устройствѣ жилища, такъ и на ихъ семейной жизни, уходѣ за потомствомъ, наконецъ, на проявленіяхъ общественности у звѣрей. Послѣднее въ особенности интересно... Надо ли говорить о томъ, что всездѣ звѣри являются дѣйствительно какъ бы живыми; читая книгу, видишь ихъ передъ глазами со всѣми ихъ повадками, добрыми и злыми привычками. Иногда прямо получаются какъ бы цѣлыя параллели, или вѣрнѣе противоположности: укажемъ хотя бы на описанія птицезвѣрей. Безобидный утконосъ, чрезвычайно любопытный и въ природѣ, и въ неволѣ (до сихъ поръ его не удалось, однако, привести живымъ въ Европу), — и мрачная ехидна, въ сущности тоже незлобная, но только имѣющая какой то необычайно суровый внѣшній видъ: вотъ, — говоритъ авторъ, двѣ стороны жизни: блаженная, радостная, и другая — суровая, тяжелая, полная серьезнаго труда. Выбирайте любую...

Много говорить Вагнеръ и объ отношеніи звѣрей къ человѣку, подробно

описываетъ домашнихъ животныхъ, говоритъ объ ихъ породахъ (хотя мѣстами объ этомъ надо было бы сказать нѣсколько больше!), рассказываетъ способы охоты за разными звѣрями и приводитъ охотничьи эпизоды. Интересно описаніе первой охоты за орангутаномъ въ началѣ XIX вѣка (по ошибкѣ, авторъ говоритъ «въ началѣ нынѣшняго столѣтія»): голландскіе матросы смертельно ранили утана; умирая, онъ обвелъ своихъ враговъ такимъ грустнымъ взглядомъ и испустилъ такой жалобный стонъ, что у всѣхъ опустились руки и они съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая: кого они убили? Звѣря или человѣка?

Не будемъ излагать всего содержанія книги. Полагаемъ, ее прочтутъ съ интересомъ и удовольствіемъ всѣ любители природы, старые и молодые.

Цѣну книги нельзя назвать высокой, принимая во вниманіе ея объемъ, массу рисунковъ, переплетъ. Издана она весьма изящно; въ латинскихъ названіяхъ все-гдѣ мы замѣтили опечатки.

Б. Федченко.

Г. Г. Якобсонъ и В. Л. Біанки. Прямокрылыя и ложнощитокрылыя Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ. Спб. 1902 г. Выпускъ 1-ый, съ 5 таблицами (все изданіе въ 6 выпускахъ, съ 25 таблицами, цѣна по подпискѣ 10 р. 50 к.). Изданіе А. Ф. Девріена. Года два тому назадъ въ Германіи появилось превосходное сочиненіе Тюмпеля подъ заглавіемъ «Прямокрылыя средней Европы», въ которомъ были описаны и изображены представители отряда прямокрылыхъ, къ которому относятся весьма интересныя формы насѣкомыхъ, мало привлекающія къ себѣ вниманіе собирателей по той простой причинѣ, что совершенно не было пособій для опредѣленія насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ этому отряду. Въ то время, какъ для опредѣленія жуковъ и бабочекъ существуетъ масса всевозможныхъ изданій, отъ самыхъ общедоступныхъ Käferbuch'овъ и до строго научныхъ Рейтеровскихъ «Bestimmungstabellen», и даже для опредѣленія мухъ имѣются пособія, для опредѣленія прямокрылыхъ даже на нѣмецкомъ языкѣ мы не имѣли почти ничего (кромѣ большого сочиненія Вгиппег'а). Появленіе книги Тюмпеля надо было привѣтствовать и нельзя было не пожелать скорѣйшаго перевода ея на русскій языкъ.

Передъ нами лежитъ 1-ый выпускъ предпринятаго А. Ф. Девріеномъ изданія, представляющаго не простой переводъ книги Тюмпеля, а полную самостоятельную передѣлку ея, составленную примѣнительно къ русской фаунѣ гг. зоологами зоологическаго музея академіи наукъ, Р. Г. Якобсономъ и В. Л. Біанки. Трудъ поистинѣ не малый, такъ какъ пришлось прибавить множество видовъ, въ средней Европѣ не извѣстныхъ, но попадающихся въ Россіи, Европейской и Азіатской, и ея сопредѣльныхъ странахъ до Крайняго Востока Камчатки и Кореи включительно. Списки литературы также пополнены указаніемъ всей русской литературы, не только спеціально научной, но и по вопросамъ о вредныхъ насѣкомыхъ изъ рассматриваемыхъ отрядовъ; не оставлены безъ вниманія даже такія трудно доступныя изданія, какъ, напр., различныя земскія изданія.

Кромѣ этихъ измѣненій, весьма пріятнымъ прибавленіемъ противъ книги Тюмпеля являются двѣ новыхъ крашенныхъ таблицы изображающія важѣйшихъ русскихъ представителей.

Старый отрядъ прямокрылыхъ (Orthoptera) въ настоящее время разбиваютъ на 9 самостоятельныхъ отрядовъ; такого дѣленія придерживаются и авторы рассматриваемой книги. Въ первомъ выпускѣ описанъ лишь одинъ отрядъ — уховертки (Dermaptera) и начато описаніе второго отряда — настоящія прямокрылыя (Orthoptera genuina). При просмотрѣ описаній видовъ уховертокъ мы не замѣтили какихъ-либо пробѣловъ или упущеній и такимъ образомъ нельзя не признать, что книга составлена весьма тщательно.

Вѣщность изданія не оставляетъ желать ничего большаго: бумага, печать, таблицы и полиטיפажы все это превосходно.

Нельзя не пожелать изданію этому широкаго распространенія среди русских энтомологовъ любителей; полагаемъ, что для многихъ изъ нихъ знакомство съ книгой гг. Якобсона и Біанки послужитъ толчкомъ къ энергичнымъ дальнѣйшимъ сборамъ и изслѣдованіямъ надъ прямокрылыми. Для специалистовъ эта книга также не лишена интереса, какъ первая и вполне удачная попытка сводки имѣющихся въ литературѣ данныхъ по русскимъ прямокрылымъ.

При появленіи слѣдующихъ выпусковъ, мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этомъ изданіи. *Б. Федченко.*

Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начального обученія. (Воздухъ.—Вода.—Горѣніе). Составилъ П. Л. Мальчевскій и А. Г. Якобсонъ, преподаватели школъ Имп. Русскаго Техническаго Общества, С.-Петербургъ, 1901 года.

Это изданіе Подвижнаго музея учебныхъ пособій Постоянной комиссіи по техническому образованію при Имп. Русск. Технич. Обществѣ является пособиемъ для преподавателей сельскихъ начальныхъ школъ или техническихъ классовъ для рабочихъ. Очень часто молодой преподаватель самъ нуждается въ помощи и указаніяхъ, какъ поставить преподаваніе опытныхъ наукъ — химіи и физики, не имѣя подъ рукою лабораторіи или спеціального физическаго кабинета. Средства многихъ школъ настолько ограничены, что всякое указаніе и совѣтъ, какъ устроить тотъ или другой опытъ съ *наименьшими* затратами, является прямо драгоцѣннымъ. Въ нашей бѣдной родинѣ всякую попытку удешевить средства для популяризаціи «научныхъ знаній» надо привѣтствовать, какъ весьма отрадное явленіе. И публика, для которой назначена разсматриваемая нами книга, — учителя начальныхъ и воскресныхъ школъ — всегда готова выслушать дѣльные совѣты, даваемые въ этомъ направленіи. Пишущему эти строки когда-то давно, въ 80-хъ годахъ, пришлось быть свидѣтелемъ дружной работы участниковъ одного изъ учительскихъ сѣздовъ въ Новгородѣ надъ составленіемъ физическихъ и химическихъ приборовъ изъ простыхъ предметовъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни: старыхъ бутылокъ, стакановъ, рюмокъ, гвоздей, сургуча, воска, лучинокъ и т. п. Надо было видѣть озабоченныя лица молодыхъ учителей и учительницъ, съ энтузіазмомъ предававшихся составленію такихъ импровизированныхъ на скорую руку физическихъ кабинетовъ и химическихъ лабораторій подъ руководствомъ опытнаго преподавателя физики Я. И. Бовальскаго — всякій его совѣтъ выслушивался внимательно, всякая удача опыта привѣтствовалась дружнымъ радостнымъ одобреніемъ. Мы увѣрены, что такая-же картина оживленнаго, проникнутаго любовью къ дѣлу труда повторилась и на сѣздѣ сельскихъ учителей въ Курокѣ, гдѣ авторы воспроизводили передъ глазами членовъ сѣзда опыты, описанные въ разсматриваемой книгѣ. Она начинается общими указаніями относительно пособій, необходимыхъ для опытовъ, при чемъ обращено особое вниманіе на доступность и дешевизну матеріаловъ. Даются самыя подробныя указанія, какъ составлять и обращаться съ приборами, чтобы они возможно *лучше и дольше* выполняли свое назначеніе. Затѣмъ дается краткое описаніе тѣхъ *немногихъ* матеріаловъ, при помощи которыхъ, однако, можно воспроизвести всѣ главнѣйшіе опыты начальной химіи: выяснитъ составъ атмосфернаго воздуха, дать цѣлый рядъ поучительныхъ опытовъ относительно горѣнія и дыханія, показать свойства естественныхъ водъ и воды перегнанной, дистиллированной. Далѣе отдѣльный рядъ опытовъ посвященъ явленію горѣнія и сухой перегонки. Наконецъ опыты съ паяльной трубкой заютъ возможность воспроизвести въ маломъ масштабѣ полученіе металловъ изъ рудъ, *возстановленіемъ* послѣднихъ при помощи угля. Въ концѣ книги имѣется общій перечень посуды и матеріаловъ, необходимыхъ для производства описанныхъ опытовъ съ указаніемъ стоимости наименьшаго количества потребнаго для опытовъ. Изъ этого перечня видно, что устройство такой педагогической лабораторіи, средствами которой, однако,

возможно выяснитъ въ достаточно удовлетворительной степени свойства воздуха и воды, обойдется всего въ 12 рублей 35 коп.

Можно отъ всей души рекомендовать эту книгу вниманію преподавателей не только низшихъ, но и среднихъ школъ. Чѣмъ ближе и точнѣе будутъ слѣдовать они совѣтамъ этой книги, хотя подчасъ эти совѣты и казались бы имъ слишкомъ мелочными, тѣмъ чище, успѣшнѣе и поучительнѣе будутъ выходить опыты. Вообще, отъ всей книги вѣетъ горячею любовью и преданностью дѣлу преподаванія, въ ней, какъ будто, слышится голосъ стараго опытнаго лаборанта, умудреннаго долгодѣтнимъ опытомъ, поучающаго хорошихъ «химическимъ» манерамъ и приемамъ своихъ молодыхъ сотоварищей. Исполняя желаніе авторовъ, просящихъ во введеніи сообщить имъ замѣчанія по поводу книги, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Въ опытѣ 12-мъ (стр. 33 и далѣе) говорится объ очисткѣ воды фильтрованіемъ, но мало упоминается объ органическихъ (гуминовыхъ) веществахъ, такъ часто окрашивающихъ наши болотныя воды. Здѣсь было бы, по нашему мнѣнію, умѣсто дать опытъ окисленія такихъ веществъ хамелеономъ, какъ примѣръ химической очистки воды. Въ опытѣ 14-мъ не обращено вниманіе на тепловыя явленія, совершающіяся при раствореніи въ водѣ солей. Въ опытѣ 15-мъ для демонстраціи того, что водородъ легче воздуха (стр. 12), можно было бы, кроми всего приведеннаго авторами, указать опытъ съ мыльными пузырями, наполненными водородомъ; онъ очень простъ и поучителенъ, воспроизводя въ маломъ видѣ аэростаты.

В. Яковлевъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Гротъ. «По поводу школьной реформы». — *Мижусевъ.* «Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи». — *Буцинскій.* «Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета въ Одессѣ».

По поводу школьной реформы. О необходимыхъ элементахъ общаго образованія и воспитанія. Я. К. Грота. Съ присоединеніемъ статей К. Я. Грота «Къ вопросу о націонализациі русской школы». Спб. 1901 г. Ц. 50 коп. Въ настоящую брошюру вошли три статьи покойнаго академика Грота, написанныя имъ въ защиту классическаго образованія. Первая статья, напечатанная въ 1871 году въ газетѣ «Голосъ» была отвѣтомъ профессору А. Н. Бекетову, утверждавшему, что общее образованіе «должно предпочтительно основываться на естественныхъ наукахъ». Покойный Я. К. Гротъ горячо доказывалъ ошибочность подобаго взгляда, общеобразовательными знаніями, по его мнѣнію, можно считать только тѣ, предметъ которыхъ — «духовная сторона человѣка, въ обширномъ смыслѣ, а не тѣ, которыя обн имаютъ одну вѣшнюю природу». Принять естественныя науки, какъ основу образованія, вмѣсто древнихъ языковъ было бы по словамъ Я. К. Грота, «то же, что дать перевѣсъ бездушнѣй природѣ надъ высшею духовною жизнью». Вторая статья настоящей брошюры явилась какъ отвѣтъ М. М. Стасюлевичу и была напечатана въ газетѣ «Спб. Вѣдомости» то же въ 1871 году. Она служила развитіемъ мысли, высказанной Я. К. Гротомъ въ полемикѣ съ профессоромъ А. Н. Бекетовымъ. Въ концѣ статьи покойный авторъ приходитъ къ выводу, что классическая система имѣетъ глубокое значеніе для умственнаго развитія молодого человѣка и потому незамѣнима въ образованіи не только ученыхъ и педагоговъ, но и вообще людей, предназначающихъ себя къ высшимъ духовнымъ задачамъ общественной дѣятельности. Третья статья Я. К. Грота не касается собственно классическаго образованія, а трактуетъ вопросъ о значеніи идеаловъ въ воспитаніи.

Возвращаясь къ взглядамъ Я. К. Грота на классическую систему образова-

вѣд, мы не видимъ въ нихъ чего-нибудь новаго и оригинальнаго. Это все тотъ же восторгъ передъ «древнимъ міромъ» и его гениальными писателями, которые даютъ, по мнѣнію всѣхъ защитниковъ классической школы, колоссальный матеріалъ для образованія юношества какъ въ литературномъ и моральномъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ гражданскомъ и политическомъ. Мы не будемъ полемизировать здѣсь съ покойнымъ ученымъ. Какъ и теперь, такъ очевидно и въ то время защитники классической системы защищали какую-то невѣдомую намъ классическую школу, въ которой дѣти и юноши проводили время надъ изученіями литературныхъ, историческихъ и политическихъ красотъ древняго міра. Мы, къ сожалѣнію, такой школы не знаемъ. Наше поколѣніе знаетъ только классическую буреу—гимназію съ казенной обстановкой, гдѣ все «классическое» образованіе заключалось въ идіотскомъ зубреніи грамматики Эллента-Зейферта или Кюнера и писаніи экстенпоралей съ русскаго языка на латинскій и греческій. Никакихъ красотъ въ Ксенофонтахъ, Гомерахъ, Цицеронахъ и Вергилияхъ—мы не видѣли. Они насъ давили, какъ кошмаръ, и выпускали по окончаніи курса съ большими запасами грамматическихъ «исключеній» и съ меньшимъ запасомъ невѣжества и озлобленія.

Издатель статей покойнаго академика К. Я. Гротъ полагаетъ, что взгляды Я. Б. Грота на классическое образованіе могутъ имѣть большое значеніе въ настоящей «критической моментъ умственной жизни и культурнаго развитія Россіи», какъ безпристрастное, чисто объективное сужденіе извѣстнаго ученаго и педагога. Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, ибо, какъ мы уже сказали выше, въ статьяхъ Я. Б. Грота нѣтъ ничего новаго. Все, что онъ говорилъ тридцать лѣтъ тому назадъ, все это можно и теперь найти въ статьяхъ и замѣткахъ сторонниковъ существующей системы. Поэтому настоящія статьи могутъ имѣть только чисто біографическое значеніе—не болѣе.

Гораздо интереснѣе для насъ статья самого издателя К. Я. Грота, которая составляетъ половину всей брошюры. Авторъ является поборникомъ «націонализаціи» русской школы, въ которой необходима, по его мнѣнію, «не только полнота преподаванія такихъ основныхъ предметовъ, какъ свой языкъ, словесность и исторія, но чрезвычайно важно также и направленіе, освѣщеніе, духъ ихъ изученія, программа, по которой оно ведется». Русская школа должна имѣть, по мнѣнію К. Я. Грота, *самобытное* основаніе. Это самобытное основаніе должно заключаться прежде всего въ сохраненіи преподаванія *греческаго языка*, значеніе котораго «для русскаго человѣка вполне аналогично значенію латинскаго языка—для западнаго европейца». Необходимость греческаго языка по словамъ автора прямо уже подсказывается «нашей отечественной стариной, исторіей нашей христіанской культуры и православной церкви, судьбами нашего языка, письменности и всей старой литературы». Нужно выйти, наконецъ, по мнѣнію К. Я. Грота изъ заколдованнаго круга космополитической школы и, «появивъ, въ чемъ заключались грѣхи прошлаго, создать условія для возвращенія новыхъ поколѣній—настоящихъ русскихъ людей, знающихъ свою исторію, свой родъ и свою культурную колыбель, съ гордостью сознающихъ себя русскими, стоящихъ за свою народность и свою самобытность!» Надо ли дальше знакомить читателя со взглядами автора? Не читая слѣдующихъ страницъ, можно напередъ сказать, что дальше пойдутъ «судьбы славянскаго міра», «значеніе славянства въ культурной исторіи Европы», Кириллъ и Меѳодій, «русско-славянскія древности» и вообще весь арсеналъ славянофильскихъ аргументовъ современныхъ націоналистовъ, которые вкупѣ съ «Новымъ Временемъ», Сигмами и «Русскимъ Собраніемъ» стремятся вернуть Россію на путь ея «историческаго прошлаго». на страхъ врагамъ и къ вящему укрѣпленію «національнаго сознанія», *Timeo danaos et dona ferentes!*

Конст. Диксонъ.

П. Г. Мижувъ. Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. Изда-

ніе журнала «Русская Школа». Спб. 1902 г. Ц. 80 н. Всякая система народнаго образованія обыкновенно тѣсно связана съ общимъ политическимъ режимомъ данной страны и поэтому всякое улучшение существующей уже системы зависитъ всецѣло отъ улучшения всего государственнаго строя. Это— истина, которая, конечно, не требуетъ никакихъ особыхъ доказательствъ, хотя она и очень часто забывается многими сторонниками школьной реформы. Только тогда «новая система» можетъ разсчитывать на нѣкоторую прочность и сочувствіе, когда общество будетъ имѣть уже достаточно гарантій, обеспечивающихъ ему правильное развитіе народнаго образованія и полную самостоятельность. Безъ этихъ гарантій—нѣтъ рациональной «системы», а есть только суррогатъ, который, конечно, можетъ поглотить громадныя суммы народныхъ денегъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принесетъ равно никакой пользы. Французская средняя школа «старого режима» («ancien régime») является типичнымъ примѣромъ подобнаго суррогата. Въ этомъ отношеніи книга г. Мижуева особенно поучительна. Авторъ добросовѣстно изучилъ современное положеніе средней школы во Франціи, а также и ея исторію, и крайне рельефно отгѣнилъ ту связь, которая существуетъ между школой и политическимъ развитіемъ французскаго общества за послѣднюю четверть вѣка. За это время во Франціи нѣсколько разъ были пересмотрѣны учебные планы и программы среднихъ учебныхъ заведеній, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, опредѣлены ихъ взаимныя отношенія, а также и отношенія этихъ двухъ главныхъ типовъ средней школы къ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Общественное мнѣніе, однако, далеко не было удовлетворено произведенными реформами, а болѣе прогрессивная часть французскаго общества продолжала требовать «болѣе полнаго согласованія организаціи средняго образованія съ демократическими принципами, лежащими въ основѣ государственнаго и общественнаго строя Франціи со времени установленія правительства третьей республики». Какъ результатъ этого требованія, явилось назначеніе въ концѣ 1898 г. особой парламентской комиссіи для изслѣдованія современнаго состоянія средняго образованія во Франціи и указанія необходимыхъ реформъ. Изданный этой комиссіей матеріалъ и послужилъ главнымъ основаніемъ для автора вышеуказанной книги, который, кромѣ того, нашелъ нужнымъ дать въ началѣ своего труда бѣглый очеркъ развитія и современнаго состоянія организаціи средней школы во Франціи. Здѣсь авторъ указываетъ, между прочимъ, на ту борьбу, какую пришлось и приходится до сихъ поръ еще вести французскому обществу въ области народнаго образованія, благодаря чрезмѣрной централизаціи административнаго строя Франціи, этого пережитка монархизма. Благодаря указанной централизаціи, французская средняя школа до сихъ поръ носитъ ясныя слѣды наполеоновскаго режима, когда среднія учебныя заведенія представляли собою нѣчто въ родѣ казармъ съ военной дисциплиной, гдѣ воспитанники проводили свои школьные годы подъ бой барабана. Въ работахъ вышеуказанной парламентской комиссіи приняли участіе тридцать три депутата подъ предсѣдательствомъ бывшаго перваго министра Рибо. Комиссія выслушала цѣлый рядъ показаній профессоровъ высшихъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, извѣстныхъ ученыхъ, писателей и др. лицъ, мнѣніе которыхъ могло оказывать полезнымъ для разрѣшенія настоящаго вопроса. Между прочимъ, давали показанія писатели Лематръ, Деклеркъ, Брюнетьеръ, Кубертенъ, братья Анатолий и Поль Леруа-Болье и др. Изъ депутатовъ укажемъ на Жореса. Были приглашены также дать показанія бывшіе министры народнаго просвѣщенія Рамбо, Л. Буржуа, Пуанкаре и Комбъ. Кромѣ педагоговъ, служащихъ въ казенныхъ лицеяхъ и коллежахъ, комиссія пригласила высказаться также и преподавателей частныхъ учебныхъ заведеній, большинство которыхъ, какъ извѣстно, de facto въ рукахъ католическаго духовенства. Такимъ образомъ, передъ комиссіей дали свои показанія болѣе 15 аббатовъ, извѣстный о. Дидонъ и даже архіепископъ

тулузскій. Этотъ оригинальный «плебисцитъ» далъ крайне интересные результаты. Съ ними русскій читатель можетъ подробно ознакомиться по книгѣ г. Мижуева, появленіе которой нельзя не признать вполне своевременнымъ.

Конст. Диксонъ.

1) Проф. П. Бучинскій. Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета при новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей. 1895—1901 г. Одесса. 1901 г. 2) Отчетъ о дѣятельности лекціоннаго комитета при одесской городской аудиторіи за 1897—1900 учеб. годы. Одесса. 1901 г. Въ то время, какъ въ Петербургѣ «народный университетъ», благодаря чисто внѣшнимъ условіямъ, «отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть»,—въ Одессѣ онъ занялъ вполне прочное положеніе и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается. Объясняется это отчасти счастливымъ уставомъ новороссійскаго общества естествоиспытателей, которымъ предусмотрѣно устройство, съ надлежащаго, конечно, разрѣшенія, публичныхъ лекцій, а также и тѣмъ энтузіазмомъ, съ какимъ профессора и молодые приватъ-доценты новороссійскаго университета относятся къ этому новому дѣлу. Надо сказать, что постановка публичныхъ лекцій въ Одессѣ вообще сопряжена съ большими затрудненіями, причемъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить малочисленность преподавательскаго персонала въ мѣстномъ университетѣ. Кромѣ того, лекція по естествознанію требуютъ большихъ затратъ на постановку опытовъ и, само собой разумится, что лекціонному комитету, приступившему къ чтенію лекцій безъ всякихъ средствъ, трудно было самостоятельно справиться съ этой задачей. Къ счастью, къ нему на помощь пришелъ ректоръ университета Ф. Н. Шведовъ, который не только разрѣшилъ комитету пользоваться для лекцій актовымъ заломъ, аудиторіями, кабинетами и музеями, но все время,—по свидѣтельству проф. Бучинскаго, принимавшаго самое близкое участіе въ организаціи лекцій,—выказывалъ заботливое отношеніе къ дѣятельности комитета. Лекція читались по всемъ предметамъ, входящимъ въ составъ курса физико-математическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ и пользовались громаднымъ успѣхомъ. Проф. Бучинскій въ своей брошюрѣ даетъ подробный отчетъ объ этихъ лекціяхъ, о числѣ слушателей, о возрастѣ ихъ, степени подготовки, занятіяхъ и пр. Что касается количества лекцій, прочитанныхъ членами лекціоннаго комитета, то оказывается, что въ теченіе перваго двухлѣтнаго цикла ими было прочитано 596 часовыхъ лекцій, а въ теченіе втораго цикла, продолжавшагося 7 полугодій, прочитано 638 лекцій. Кромѣ лекцій, слушатели посѣщали также и практическія занятія, которыя состояли, смотря по предмету, или въ рѣшеніи задачъ, или же въ объясненіи приборовъ, а также различныхъ пріемовъ микроскопической техники, или же въ демонстрированіи различнаго рода микроскопическихъ препаратовъ, спиртовыхъ объектовъ и соответствующихъ моделей. Число посѣтителей на этихъ занятіяхъ превышало иногда 200 чел., а потому приходилось раздѣлять ихъ на группы около 30 чел. и вести занятія отдѣльно съ каждой группой по очереди.

Кромѣ этихъ популярныхъ университетскихъ лекцій по физико-математическимъ наукамъ, въ той же Одессѣ существуютъ еще элементарныя систематическія чтенія по литературѣ, исторіи и естествознанію, организованныя кружкомъ лицъ при городской аудиторіи. Эти чтенія служатъ какъ бы подготовительной ступенью къ лекціямъ новороссійскаго общества естествоиспытателей и имѣютъ большой успѣхъ. Вторая изъ указанныхъ выше брошюръ знакомитъ насъ съ дѣятельностью лекціоннаго комитета при одесской городской аудиторіи за 1897—1900 учебные годы. Слѣдя за ходомъ подписки на чтенія, представленной въ особой таблицѣ, можно видѣть, что интересъ къ лекціямъ не ослабѣваетъ, но увеличивается, по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія о лекціяхъ распространяются среди населенія все больше и больше. Въ первый годъ подписка дала въ среднемъ по каждому предмету 596 слушателей; во 2-й годъ

по 948 человекъ, а въ 3-й—по 1.078 человекъ. При этомъ отчетъ отмѣчаетъ, что нѣтъ ни одного предмета, по которому число записавшихся въ который нибудь изъ годовъ было бы меньше предыдущаго года. Курсы по литературѣ и географіи были распределены на три года; по космографіи и анатоміи читались курсы по два года; по физикѣ и химіи сначала поставлены были одногодичные курсы, а потомъ двухгодичные; по всѣмъ прочимъ предметамъ курсы были одногодичные. На нѣкоторыхъ лекціяхъ число посѣтителей доходило до 1.000 человекъ и болѣе. Обращаясь къ характеристикѣ посѣтителей систематическихъ чтеній, отчетъ говоритъ, что «аудиторія являлась, дѣйствительно, храмомъ (какъ выразился одинъ изъ слушателей въ своемъ письмѣ), куда собираются люди безъ различія пола, возраста (начиная съ 14-ти лѣтъ), вѣроисповѣданія, общественнаго положенія, состоянія, занятій, образованія. Здѣсь вы могли встрѣтить педагоговъ, врачей, офицеровъ, чиновниковъ; тутъ же рядомъ сидѣли воспитанники учебныхъ заведеній, солдаты, мастеровые, модистки, поденщики, купцы, приказчики, горничныя, кухарки, служители. Сюда приходили люди съ высшимъ образованіемъ и совсѣмъ неграмотные, богачи и бѣдняки; тутъ же смѣшивались между собою старцы и юноши; тутъ были люди дѣла, между ними попадались и праздноватающіеся. Одни шли съ серьезнымъ намѣреніемъ изученія предмета, другіе для пріобрѣтенія или пополненія своихъ знаній и для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ». Съ особеннымъ интересомъ относится къ этимъ лекціямъ рабочей людѣ, что видно хотя бы по тѣмъ выдержкамъ изъ писемъ слушателей, которыя приведены въ отчетѣ. Въ концѣ отчета приложены программы читанныхъ лекцій, списокъ вопросовъ, предложенныхъ посѣтителями лекцій и списокъ учебныхъ пособій при одесской городской аудиторіи. Отчетъ написанъ крайне интересно, и мы горячо рекомендуемъ его тѣмъ, кто интересуется вопросомъ объ организаціи общедоступныхъ лекцій. Оказывается для Одессы это было вовсе не такъ уже трудно и даже не потребовало созданія особаго общества. Достаточно, повидимому, было организовать «кружокъ» лицъ, желающихъ читать лекціи, получить разрѣшеніе отъ попечителя округа и затѣмъ найти подходящее помѣщеніе. Но въ томъ-то и дѣло, что получить разрѣшеніе не вездѣ легко, и то, что возможно въ Одессѣ, можетъ оказаться невозможнымъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Все въ данномъ случаѣ зависитъ отъ попечителя округа. Во всякомъ случаѣ, надо пожелать, чтобы примѣръ Одессы не остался безъ подражаній. Впрочемъ, въ провинціи дѣло общественныхъ лекцій, кажется, понемногу начинаетъ прививаться. По крайней мѣрѣ, такія лекціи читались въ Вильнѣ и въ настоящее время читаются въ Екатеринбургѣ. Надо надѣяться, что они проникнутъ понемногу и въ другіе города и что, въ концѣ концовъ, то, что возможно для Одессы, будетъ возможно и для Петербурга съ Москвою, гдѣ число жаждущихъ просвѣщенія, конечно, во много разъ больше.

Конст. Диксонъ.

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ». — *Риманъ*. «Музыкальный словарь».

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ. Подъ редакціей А. Ф. Волнова и Ю. Д. Филиппова. Спб. 1901 г. Изд. Т ва «Общественная польза» т., I. вып. III-й. Трудное и новое дѣло изданія на русскомъ языкѣ энциклопедии общественно-юридическихъ наукъ быстро и успѣшно подвигается впередъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вышедшій третій выпускъ. Къ участию въ словарѣ привлечены выдающіяся научныя силы и общая редакція находится, очевидно, въ опытныхъ рукахъ.

Весь лежащій передъ нами выпускъ заполненъ статьями на букву «б», здѣсь прежде всего отмѣтимъ сжатая, но очень содержательныя и дѣльныя статьи по экономическимъ вопросамъ г. Филиппова, редактирующаго экономическій отдѣлъ. Статьи эти, что очень важно для «Словаря», снабжены очень богатыми библиографическими указаніями.

Экономическія статьи, принадлежащія г. Свѣтловскому тоже весьма богаты библиографическими указаніями, но, къ сожалѣнію, слишкомъ уже кратки и афористичны. Луи-Блану, напр., исключая библиографическія указанія, посвящено всего нѣсколько строкъ.

Изъ не экономическихъ статей въ третьемъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе статья о боярахъ и превосходная, и въ научномъ и еще болѣе того въ публицистическомъ отношеніи статья пр. д. Гессена «бюрократія». Нельзя не пожелать этому «Словарю» наилучшаго успѣха.

П. Б.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, составленнымъ при сотрудничествѣ П. Веймарна, А. Преображенскаго, Н. Финдейзена, Ю. Энгеля и др. Цѣна по подпискѣ (предполагается 20 выпусковъ) 6 рублей, по выходѣ всего изданія въ свѣтъ 8 рублей. Изд. Юргенсона. Москва. Выборъ для изданія на русскомъ языкѣ «Музыкальнаго словаря» Г. Римана долженъ быть встрѣченъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Риманъ одинъ изъ выдающихся современныхъ знатоковъ музыки (теорія и исторія ея), въ то же время высоко образованный человѣкъ, и его «Словарь» включаетъ въ себѣ, кромѣ обширнѣйшаго фактическаго матеріала, очень интересныя статьи по вопросамъ музыкальной теоріи и эстетики. Поэтому особенно желательно наибольшая точность перевода тѣхъ мѣстъ «Словаря», въ которыхъ содержатся общія характеристики и опредѣленія.

Съ этой точки зрѣнія нельзя признать удачно переведенными слово Римана о Бахѣ (стр. 89), о Бетховенѣ (стр. 120). Переведено: «I. С. Бохъ... одинъ изъ величайшихъ гениевъ всѣхъ временъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ превзойти нельзя, потому что они какъ бы воплощаютъ въ себѣ музыкальное искусство цѣлой эпохи». Въ подлинникѣ сказано: «... Weil sich in ihnen das musikalische Empfinden und Können einer Epoche gleichsam verkörpert». По нѣмецки выходитъ и красивѣе, и гораздо содержательнѣе. О Бетховенѣ Риманъ пишетъ: «Wenn das religiöse Empfinden in den Werken Bachs seinen schönsten Ausdruck gefunden hat, so ist es dagegen in denen Beethovens das rein Menschliche, Freud'und Leid, das mit der Sprache der Leidenschaft zu uns redet». Переведено: «Если религиозное чувство (?) нашло свое высшее (?) выраженіе въ произведеніяхъ Баха, то музыка Бетховена говоритъ намъ на языкѣ страстей (?) о чисто человѣческихъ радостяхъ и страданіяхъ». Въ переводѣ исчезли и сила выраженія, и точный смыслъ словъ автора.

Впрочемъ, въ общемъ, переводъ вполне удовлетворительный.

Особое вниманіе редакція «Словаря» обратила на пополненіе русскаго отдѣла, который у Римана довольно слабъ. Это очень важная сторона русскаго изданія, которую хотѣлось бы видѣть наиболѣе полной. Этимъ не отличаются нѣкоторыя слова: напр., Бенуа Марія (піанистка). Кромѣ того, особенно желательно указаніе на общественное положеніе и спеціальныя занятія русскіхъ музыкальныхъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе не музыканты по профессіи (напр. Альфераки).

Новому музыкальному изданію (пока вышли 2 первые выпуска) слѣдуетъ пожелать полного успѣха. Боюсь только, чтобы исполненію этого желанія не помѣшало высокая цѣна изданія (перевод!) и пренеприятная система давать читателю книгу черезъ мѣсяцъ по столовой ложкѣ, очень маленькими выпусками: пока получишь послѣдній выпускъ, потеряешь первый.

В. Вальтеръ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го декабря 1901 г. по 15-ое января 1902 г.)

- Уильямъ Джемсъ. Психологія въ бесѣдахъ учителями. Перев. съ англ. Изд. Линда и Байкова. 1902 г. Ц. 50 к.
- Джемсъ-Марія Бальвинъ. Введеніе въ психологію. Переводъ съ англ. подъ ред. Спиридонова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
- Куно Фишеръ. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Артуръ Шопенгауэръ. Полное собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. Айхенвальда. Москва. 1902 г. Вып. VI.
- О. Грубещая. Матеріалы для біографіи кн. Черкаскаго. Москва. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гр. Арищенко. Любовь. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- П. Бакалейкинъ. Исповѣдь миллионера. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Ив. Лебедевъ (Одинокій). Въ тревогѣ и борьбѣ Изд. Ильина. Мск. 1902 г. Ц. 75 к.
- Ел. Буланина. Раздумье. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Свирскій. Рыжикъ (приключ. мал. бродяги). Библ. «Всходовъ». Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
- А. Челишовъ. Разказы, очерки и стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
- Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Перев. Л. Максимова. «Книжное Дѣло». Мск. 1902 г. Ц. 2 р.
- А. Ермоловъ. Народная сельскохоз. мудрость. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.
- Гр. Виленкинъ. Финанс. и эконом. строй соврем. Англіи. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- І. Деникеръ. Человѣческія расы. Перев. Ранцева. Изд. Вольшакова. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- В. Немировича-Данченко. За далекихъ братьевъ. Изд. «Всходовъ». Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
- Т. фонъ-деръ Гольцъ. Аграрный вопросъ. Пер. Фегексора. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. Изд. Павленкова.
- Э. Лависсъ и Рамбо. Исторія французской революціи. Перев. М. Юдшина. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Д-ръ Желзъ. Преобразуемость живыхъ организмовъ. Перев. Ранцева. Спб. 1902 г. Изд. Вольшакова. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Бриллиантовъ. Повѣсти и разказы. Мск. 1902 г. Ц. 90 к.
- Ю. Головинна. На Памирахъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- В. В. Барятинскій. Разказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- И. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.
- Путеводитель по Велик. Сиб. жел. дор. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Записки истор.-филолог. факульт. Спб. 1900 г. Т. IV.
- Другъ матери. Календарь для матерей. Изд. Дандау. Ц. 1 р. 25 к.
- Э. Гриммъ. Исслѣдов. истор. развитія римской импер. власти. Спб. Стасюлевичъ. Кіевскій календарь. на 1902 г. Бублика. Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.
- Ч. А. Юнгъ. Уроки астрономіи. Перев. съ нѣм. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50.
- Богородицкій. Очерки по языковѣднью и русскому языку. Кав. 1901 г. Ц. 2 р.
- А. Киселевъ. Элементарная физика. Мск. 1902 г. Ц. 2 р. за 2 вып.
- Герценштейнъ. Тифлискій настольн. календарь за 1902 г.
- Арианъ. Первый женскій календарь. 1902 г. Ц. 1 р.
- Труды комиссіи по вопр. объ алкоголизмѣ. Подъ ред. Нижегородцева. Русское о—во охр. нар. здр.
- Отчетъ Моск. о—ва научн. развлеч. за 1900 г.
- Екатеринославское научное общество за 1901 г.
- Б. Клейнъ. Къ вопросу объ электрич. токахъ въ растеніяхъ.
- Село Ново-Животинное и дер. Моховатка въ sanit. отнош. Прилож. къ «Сарат. Земской Нед.» за 1901 г.
- В. Г. Алексѣевъ. Основы символ. теоріи инвентаріантовъ. Спб. 1901 г.
- В. Ламаха. Моя теорія оборон. системы верхнихъ путей. Спб. 1902 г.
- Э. Меркъ. Юдшинъ. Химич. ф-ка. Дармштадтъ. Отчетъ врачебно-продов. комитета VII съѣзда о-ва русск. врачей 1899—1901 г. Коп.
- Краткая статистико-эконом. описаніе лннѣи Моск.-Яросл.-Арханг. ж. д.
- Памятная книжка Семипал. обл. на 1902 г. Вып. VI.
- Гр. Вольке. Право торговли и промысла въ Россіи. Спб. 1901 г.
- Смирновъ. Ученическіе журналы и сборники. Мск. 1901 г.
- П. Б—ций. Что такое жизнь. Перев. съ нѣм. Ц. 20 к.
- Сабанинъ. Системат. роспись книгъ, вышедшихъ въ Россіи за 1899 г. Изд. Русск. о-ва дѣят. печатн. дѣла.
- Ежегодникъ для Императ. театровъ. Вып. 2 и 3 сез. 1899—1900 г.
- Юс. Мадзини. Обь обязанностяхъ человѣка. Перев. Никифорова. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

- Ант. Шенбахъ. Чтеніе и образованіе. Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.
- В. Герасимовъ. Устраненіе чтеній лекцій въ акад. или универс. сист. преподав. наукъ. Спб. 1881 г. Ц. 80 к.
- Р. Л. Вейнбергъ. Эстн. Изъ русск. антроп. журн. 1901 г.
- Сельскохозяйств. обзоръ Нижегород. губ. за 1897—1899 гг. Вып. I.
- В. Джемсъ. Стоять ли жать. Перев. съ англ. Мск. 1901 г. Ц. 20 к.
- В. Гольцевъ. Уголовное право и уголовн. судъ. Изд. ред. «Педагогич. Листка». Мск. 1901 г. Ц. 15 к.
- Дружининъ. Волостное правл. и волостной старшина. Изд. то же. Ц. 20 к.
- Кейнингемъ. Западная цивилизація. Перев. Когана. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ив. Ивановъ. Ломоносовъ. Учит. библ. Мск. 1902 г. Ц. 15 к.
- Г. Петровъ. Къ свѣту. Мск. 1901 г. Ц. 20 к.
- А. Е. Бурцевъ. Библиографич. описаніе рѣдкихъ и замѣч. книгъ. 6 томовъ.
- А. Е. Бурцевъ. Описъ старыхъ славянскихъ и нов. русскихъ рукописей.
- З. В. Гёте. Лисъ Патрикѣвичъ. Съ 36 ил. 24 гр. Каульбаха. Перев. Лихачева. Спб. Марксъ. 12 вып.—14 р.
- Г. Зудерманъ. Собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. Вальмонта. Изд. Скирмунта.
- А. Соколинскій. 15 рассказовъ. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.
- В. П. Авенариусъ. Первый вылетъ. Спб. Луковникова. Ц. 1 р.
- Гай-Сагайдачная. Спасемъ Ниночку. Ком. для дѣтей. Ц. 30 к.
- Гай-Сагайдачная. На чужой квартирѣ. Водевъ одномъ дѣйствіи. Ц. 15 к.
- Бранцевичъ. У камелька. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Мск. Ц. 30 к.
- Маминъ-Сибирякъ. Изъ далекаго прошлаго. Изд. то же. Ц. 1 р.
- Ив. Ивановъ. Рыцарь слова и жнани. То же. Ц. 50 к.
- Баранцевичъ. Вечера. То же. Ц. 30 к.
- Баранцевичъ. Къ свѣту. То же. 25 к.
- Гиларовскій. Портной Ероща. То же. Ц. 5 к.
- Немировичъ-Данченъ. Подъ небомъ Африки. То же. Ц. 60 к.
- Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. То же. Ц. 50 к.
- А. И. Тихоміровъ. О жнани Н. В. Гоголя. То же. Ц. 10 к.
- Свѣшниковъ. Князь Серебряный. То же. Ц. 15 к.
- Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. То же. Ц. 20 к.
- Федоровъ-Давыдовъ. Ловкій башмачникъ. То же. Ц. 20 к.
- Антонъ Чеховъ. Рассказы. Т. IX. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 к.
- Д. Мережковскій. Любовь сильтѣе смерти. Изд. Сворпіона. Ц. 1 р. 35 к.
- В. Бруснинъ. Рассказы. Изд. «Книжное Дѣло». Мск. Ц. 1 р.
- Н. Н. Бахметевъ. Стихотворенія. Мск. 1901 г. Ц. 80 к.
- Шевченко. Повѣсти. Т. I и II. Кіевъ. Ц. 80 к. 2 т.
- А. Брэмъ. Жизнь животныхъ. П. П. Софкина. Вып. II.
- А. Былова. Рассказы изъ исторіи Ирландіи. Дороватовскаго и Чарушникава. Ц. 80 к.
- П. Сергѣенко. Сократъ. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Ц. 40 к.
- Свѣшниковъ. Ледяной домъ. То же. Ц. 30 к.
- Коропчевскій. Прежде и теперь. Изд. «Всходъ». Ц. 1 р.
- І. Шерръ. Всеобщая исторія и литература. Подъ ред. П. Вейнберга. Мск. «Трудъ». Вып. I.
- Ажонъ Рёсиннъ. Сельскіе листья. Перев. Никифорова. Мск. 1902 г.
- П. Г. Мимувъ. Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. Изд. «Русск. Школы». Ц. 80 к.
- С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ. Рассказы и сказки. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Ц. 1 р.
- Статистич. Сборникъ по Ярослав. губ. Вып. 10. Ярослав. 1901 г.
- Зайкинъ. Весѣды о травосѣяніи. Деревенское хозяйство и деревенская жнзнь подъ ред. Горбунова-Посадова. Мск. 1901 г. Ц. 2 к.
- Селивановъ. Какъ отъ болота хорошую пользу получить. Изд. то же. Ц. 3 коп.
- Дегеренъ. Какъ лучше и выгоднѣе удобрять землю. Изд. то же. Ц. 2 к.
- Какъ выбрать хорошую лошадь и молочную корову. Изд. то же. Ц. 2 к.
- Буткевичъ. Скарлатина самая тяжелая и опасная изъ дѣтскихъ болѣзней. Изд. то же. Ц. 2 к.
- Буткевичъ. Дифтеритъ. Изд. то же. Ц. 2 к.
- Ив. Поповъ. Объ улучшеніи молочнаго скота. Изд. то же. Ц. 3 к.
- И. Поповъ. О крестьянской рабочей лошади. Изд. то же. Ц. 3 к.
- Жилинъ. Какъ сдѣлаться хорошимъ огородникомъ. Изд. то же. Ц. 20 к.
- Ностычевъ. Общедоступное руководство къ земледѣлію. Изд. то же. Цѣна 50 коп.
- Штейертъ. Какъ помогать скотинѣ въ несчастныхъ случаяхъ. Изд. то же. Ц. 40 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Science et Education*» par M. Berthelot (Lecène et Oudin). 3 fr. 50. (Наука и воспитание). Въ этомъ сборникѣ своихъ статей и рѣчей, знаменитый французскій ученый обсуждаетъ вопросы двойкаго рода: одни изъ нихъ касаются народнаго образованія и воспитанія и той роли, которую должна играть наука въ современныхъ обществахъ, другіе же относятся къ исторіи современныхъ наукъ. Авторъ излагаетъ свои взгляды на руководящую дѣятельность науки въ обществѣ и ея консервативное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эволюціонистское вліяніе въ нравственномъ, политическомъ и экономическомъ мірѣ. Въ особенности же онъ настаиваетъ на томъ, что наука должна служить основою нравственности и этическаго направленія общества. Въ своихъ статьяхъ о Бернарѣ, математикѣ, о Мильнѣ Эдвардсѣ, зоологѣ, о ботаникахъ Ноденѣ и Декенѣ и о физиологѣ Броунъ-Секарѣ Бертелло обсуждаетъ нѣкоторыя изъ великихъ проблемъ науки и самыя возвышенные вопросы научной философіи.

(Journal des Débats).

«*Ethnologische Novellen*» von Otto Hauser (Bonz und C^o). Stuttgart. (Этнологическія повести). Подъ этимъ страннымъ названіемъ авторъ печатаетъ свои рассказы— «Плоды своихъ обширныхъ фольклористическихъ изслѣдованій», какъ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи. Онъ сознается въ своемъ пристрастіи къ экзотическому матеріалу, но читатель охотно проститъ автору эту слабость, такъ какъ онъ изображаетъ въ своихъ рассказахъ совершенно новую область, рѣдко встрѣчающуюся въ обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, рассказы автора имѣютъ несомнѣнно, культурно-историческій интересъ, но, кромѣ того, они художественно обработаны и съ точки зрѣнія стиля не оставляютъ желать лучшаго.

(Berliner Tageblatt).

«*Meine Wanderungen*» von Eugen Wolf. (Im Innern Chinas). Mit 67 Illustrationen. Stuttgart und Leipzig. (Deutsche Verlagsanstalt). (Мои странствованія). Очень живо и занимательно написанныя путевыя

замѣтки извѣстнаго нѣмецкаго корреспондента Вольфа. Въ этомъ томѣ Вольфъ описываетъ свои странствованія и приключенія внутри Китая. Кромѣ того, въ его книгѣ заключается много цѣнныхъ свѣдѣній и политическихъ соображеній, касающихся современнаго положенія дѣлъ въ Китаѣ.

(Berliner Tageblatt).

«*Lamarck, the Founder of Evolution*». His Life and Work. By Alphens Packard, prof. of Zoology and Geology in Brown University (Ламаркъ, основатель эволюціи). Ученый міръ обязанъ американскому профессору наиболѣе полнымъ и превосходнымъ описаніемъ жизни и трудовъ полузабытаго философа, считающагося истиннымъ творцомъ ученія объ органической эволюціи. Ламарковская теорія органической эволюціи, подъ именемъ неоламаркизмъ, привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время интересъ современнаго ученаго міра и приобрѣтаетъ въ немъ много сторонниковъ.

(Daily News).

«*Constantinople and its Problem*» by Henry Otis Dwight (Oliphant). Константинополь и соединенныя съ нимъ проблемы). Прекрасное описаніе константинопольской жизни и изслѣдованіе причинъ упадка ислама, въ связи съ изученіемъ недостатковъ и достоинствъ этого ученія. Книга представляетъ современный интересъ.

(Daily News).

«*Zwanzig Jahre in Süd. Afrika*». Reisen, Erlebnisse und Beobachtungen, von August Einwald. (Gebrüder Jänecke). Hannover. (Двадцать лѣтъ въ Южной Африкѣ; путешествія, приключенія и наблюденія). Во время своего долговременнаго пребыванія и многочисленныхъ странствованій по Южной Африкѣ, авторъ имѣлъ случай хорошо познакомиться и изучить буровъ и кафровъ. Рассказы его объ этихъ народахъ и вообще о южно-африканской жизни заключаютъ въ себѣ много интереснаго.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Selbst porträts und andere porträts*» Kopenhagen (Gyldendalske Boghandel). (Соб-

ственные портреты и другие портреты). Одна копенгагенская издательская фирма выпустила в свет оригинальный издательский каталог, для которого более пятидесяти шведских и норвежских писателей написали о себе или о других краткия замѣтки или биографическія свѣдѣнія. Нѣкоторые изъ этихъ краткихъ замѣтокъ очень характерны. Напримѣръ, Вирсонъ Натесовъ пишетъ, что онъ родился въ Остердаленъ и что его «безчисленное множество разъ убивали въ Христианіи»; въ послѣдній разъ его убили въ ноябрѣ 1901 г. — «aber nie genug», прибавляетъ онъ. (Berliner Tageblatt).

«Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au dix-neuvième siècle» par M. Boutmy (Armand Colin). (Опытъ политической психологіи англійскаго народа въ XIX вѣкѣ). Книгу эту можно назвать образцовымъ введеніемъ въ области этнической психологіи. Въ ней разсматриваются и подвергаются всестороннему изученію всѣ проявленія жизни англійскаго народа, во всемъ своемъ великомъ разнообразіи. Авторъ отдѣляетъ постоянныя черты народнаго характера отъ такихъ, которыя подвергаются измѣненіямъ и складываются подъ вліяніемъ окружающей среды. Основную черту характера англійскаго народа составляетъ, по мнѣнію автора, индивидуализмъ, но, между тѣмъ, эти индивидуалисты ввели у себя такую свободную ассоціацію, какой нѣтъ у другихъ народовъ и извлекаютъ изъ нея наибольшую пользу. Авторъ подвергаетъ самому тщательному анализу душу англійскаго народа и отыскиваетъ въ психологіи англійскаго народа объясненіе нѣкоторымъ фактамъ современной англійской жизни, которые кажутся непонятными на первый взглядъ и противорѣчащими характеру англичанъ. Очень живо и остроумно написанная книга, обнаруживающая огромную наблюдательность и эрудицію автора, читается такъ же легко, какъ романъ и можетъ считаться на большой кругъ читателей.

(Journal des Débats).

«The Making of an American» by Jacob A. Riis (Macmillan and Co) (Воспитаніе американца). Авторъ этой занимательной книги, довольно известной американскій журналистъ, рассказываетъ въ ней исторію своей жизни и своего вступленія на поприще журнализма. Переселившись изъ Даніи въ Америку въ очень юномъ возрастѣ, съ нѣсколькими фунтами въ карманѣ, авторъ началъ борьбу за существованіе и перенесъ много лишений и бѣдствій, прежде чѣмъ попалъ на дорогу. Онъ рассказываетъ о своей репортерской дѣятельности, о своей жизни въ трущобахъ Нью-Йорка, которыя онъ изучилъ очень хорошо. Вообще книга изобилуетъ интересными

страницами и знакомитъ читателя съ жизнью большого американскаго города. (Manchester Guardian).

«Alcoholism: A study in Heredity» by G. Archdall Reid. London (Fisher Unwin). (Алкоголизмъ; изслѣдованіе наследственности). Авторъ доказываетъ, что прогрессъ расъ и переходъ ихъ отъ пьянства къ трезвости долженъ совершиться посредствомъ естественнаго процесса «алькоголической эволюціи». Онъ не придаетъ никакого значенія пропагандѣ трезвости и различнымъ методамъ, направленнымъ къ уменьшенію пьянства. По его мнѣнію, большинство этихъ методовъ, какъ, напримѣръ, ограниченіе продажи спиртныхъ напитковъ, приносятъ только зло, такъ какъ задерживаютъ ходъ естественной эволюціи. Онъ указываетъ на то, что южно-европейскія расы уже достигли известной стадіи этой эволюціи и поэтому отличаются трезвостью. Для ускоренія этого процесса авторъ совѣтуетъ запретить закономъ браки пьяницъ, такъ какъ наследственность играетъ въ дѣлѣ распространенія алкоголяма огромную роль.

(Daily News).

«An Introduction to Psychology» by prof. Mory Whitonalkins. London (Macmillan and Co). Введеніе въ психологію). Прекрасно написанная книга, которая можетъ заинтересовать обыкновеннаго читателя, несмотря на свой строго-научный характеръ. Особенно интересна глава о воображеніи, которая заключаетъ въ себѣ много полезныхъ свѣдѣній для литературныхъ критиковъ, глава о памяти заслуживаетъ того, чтобы ее прочитали всѣ тѣ, кто имѣетъ дѣло съ воспитаніемъ дѣтей. Авторъ говоритъ въ отдѣльныхъ главахъ о религіозномъ сознаніи, о вѣрѣ и все сказанное имъ по этому поводу отличается ясностью и простотой и составляетъ пріятный контрастъ съ туманными разсужденіями, которыя встрѣчаются въ большинствѣ сочиненій, трактующихъ эти вопросы. (Daily News).

«Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte» von Dr Z. Brentano. München 1901 (Wolf und Sohn). (Этика и народное хозяйство въ исторіи). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ бѣглый обзоръ развитія политико-экономическихъ взглядовъ въ предѣлахъ христіанскаго міровозрѣнія. Авторъ сначала излагаетъ взгляды отцовъ церкви, а затѣмъ время гефформациа. Приближаясь къ современной эпохѣ, авторъ становится болѣе краткимъ и поэтому даже не упоминаетъ о нѣкоторыхъ ученіяхъ, напр., о социализмѣ.

(Berliner Tageblatt).

«Zwang und Freiheit, ein Generalactor in Völkerleben» von Dr Karl Kindermann, prof. an der Universität Heidelberg. Tena (Gustav Fischer). (Принужденіе и свобода).

*

какъ главные факторы народной жизни). Авторъ задался трудною задачею отыскать для всѣхъ явленій народной жизни въ прошломъ и настоящемъ основныя положенія и такимъ образомъ выяснитъ происхождение этихъ явленій. Вообще цѣль автора—дать другое общеполитическое направление возрѣвѣющей науки на жизнь народовъ и заставить ее бросить прежній путь изслѣдованія фактовъ, который до сихъ поръ считался главною задачею политической экономіи. Авторъ добивается этой цѣли посредствомъ математическаго анализа и классификаціи главныхъ теченій народной жизни, отыскивая въ ней общіе факторы, которые обуславливаютъ появленіе этихъ теченій.

(Frankfurt. Zeitung).

«*A History of German Literature as determined by Social Forces*» by Kuno Francke (Bellund Sous). (Исторія германской литературы, определяемая социальными силами). Многообъясняющее названіе книги, однако, не вызываетъ разочарованія у читателей. Эта исторія литературы написана совсѣмъ не по тому шаблону, по какому пишутся обыкновенно такіа книги. Авторъ ея поставилъ себѣ задачею, на основаніи изученія источниковъ, представить связную картину великихъ умственныхъ движеній германской жизни, отражающихся въ германской литературѣ. Такая картина, конечно, была бы въ то же время и картиною исторіи германскаго народа въ прозведеніяхъ его мыслителей и поэтовъ. Эту задачу авторъ выполнилъ.

(Athenaeum).

«*Imperium et Libertas, a study in history and politics*» by Bernard Holland. London (E. Arnold). (Имперія и свобода, очеркъ исторіи и политики). Авторъ этой книги, исходя изъ того убѣжденія, что обширность британской имперіи представляетъ опасность для ея существованія и что имперія можетъ существовать и развиваться лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы метрополія предоставила максимумъ возможной свободы всѣмъ своимъ отдѣльнымъ частямъ, предлагаетъ организацію громад-

наго имперскаго таможеннаго союза, въ составъ котораго вошла бы всѣ британскія колоніи. Англія въ этой могучей ассоціаціи должна играть такую же роль, какую игралъ нѣкогда древній Римъ по отношенію къ своимъ колоніямъ. Авторъ развиваетъ свою мысль, доказывая, что постоянное расширеніе владѣній британской имперіи ведетъ къ ослабленію связи съ метрополіей и въ результатѣ можетъ снова повториться исторія американскихъ колоній.

(Times).

«*Au bout du Monde. Une saison en Nouvelle Zélande, par Gaston de Ségur. Avec 23 gravures et cartes. 4 fr. (Plan et Nourrit)*. (На краю свѣта). Новая Зеландія представляетъ для путешественниковъ громаднѣйшій интересъ въ двойномъ отношеніи: во-первыхъ, ея социальная организація очень интересна. Несмотря на свое недавнее существованіе, эта колонія уже можетъ похвастать большими городами, которые, въ отношеніи комфорта и всякихъ современныхъ усовершенствованій и нововведеній, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Кромѣ того, своими смѣлыми нововведеніями и экспериментами въ области социальнаго законодательства и социальной жизни, Новая Зеландія привлекаетъ къ себѣ вниманіе Европы. Во-вторыхъ, рядомъ съ цивилизаціей, такъ быстро развивающейся и достигшей уже огромныхъ успѣховъ, встрѣчается совершенно первобытная природа, напоминающая доисторическія времена, прообразомъ которой служатъ великія дѣйствительныя дѣла южнаго берега. Конечно, рѣзкіе контрасты первобытной жизни съ цивилизованною постепенно исчезаютъ теперь и, пожалуй, скоро настанетъ время, когда уничтожатся послѣдніе слѣды первобытнаго характера страны. Но пока еще сохранились замѣчательные уголки въ Новой Зеландіи и они-то представляютъ такой разительный контрастъ съ ея теперешнею цивилизаціей.

(Journal des Debats).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

отвѣтилъ докторъ.—Врядъ-ли отъ этого будетъ какая-нибудь польза, но законъ такъ требуетъ.

— Развѣ не будетъ произведено разслѣдованіе?

— Непремѣнно. Вся бѣда, именно, въ томъ, что они черезчуръ много разслѣдуютъ и никогда не преслѣдуютъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.

Онъ попрощался съ родителями и поднялся въ четвертый этажъ. Кусочекъ крепа у дверей указалъ ему, гдѣ жила Бриджетъ Миллиганъ. Здѣсь приготовленія къ похоронамъ значительно подвинулись. Не только горѣли у гроба свѣчи, но четыре откупоренныхъ бутылки стояли на холодной плитѣ, и деревянный жбанъ съ пивомъ охлаждался въ локанкѣ, наполненной льдомъ. Питеръ задалъ нѣсколько вопросовъ. Родителей здѣсь не было, были только старшіе братъ и сестра. Патрикъ служилъ дворникомъ, Элленъ набивала папиросы. У нихъ было отложено нѣсколько денегъ, довольно, чтобы заплатить за похороны.

— М-ръ Моргерти уступилъ намъ виски и пиво за полцѣны, — обстоятельно объяснила дѣвочка.—Благодаримъ васъ, сэръ, намъ ничего не нужно.

Питеръ собрался уходить.

— Бриджетъ часто говорила намъ про васъ. Благодарю васъ за все, что вы для нея сдѣлали.

Питеръ спустился внизъ и зашелъ въ сосѣдній домъ, чтобы взглянуть на пациентовъ д-ра Племма. Они были уже на пути къ выздоровленію.

— Они не пили молока до вчерашняго дня, — рассказывалъ ему сѣдой съ печальнымъ взглядомъ докторъ, — а меня позвали сегодня рано утромъ. Я сейчасъ же заподозрилъ молоко и принялъ свои мѣры. Докторъ Соперъ, рядомъ, молодой человекъ, и не такъ скоро ображается. Но онъ лучше знакомъ съ научной стороной и можетъ сдѣлать хорошій анализъ.

— Вы думаете, что они выкарабкаются?

— Если жара немного спадетъ, — сказалъ докторъ, вытирая лобъ.—Здѣсь

девяносто восемь градусовъ, а этого довольно, чтобы убить даже здороваго ребенка.

— Можно ли ихъ перевезти?

— Думаю, что можно будетъ, завтра.

— Миссисъ Дулей, можете ли вы завтра увезти дѣтей въ деревню, если я вамъ укажу—куда?

— У меня очень мало денегъ, сэръ.

— Это вамъ не будетъ стоить ни копѣйки. Можете вы останить свою семью?

— Да тутъ только одинъ, Майкъ, а онъ и самъ отлично справится.

— Такъ если дѣти завтра будутъ въ состояніи ѣхать, будьте готовы къ четверти двѣнадцатаго, и вы всѣ отправитесь недѣлки на двѣ въ Массачузетсъ, къ моей матери. Тамъ ихъ будутъ отлично кормить,—обратился онъ къ доктору, — передъ домою у насъ дугъ съ травой и цвѣтами, и лѣсъ недалеко.

— Это поставить дѣтей на ноги, — сказала докторъ.

— А кстати о молокѣ. Развѣ санитарное управленіе не оштрафуетъ торговцевъ?—спросилъ Питеръ.

— Вѣроятно нѣтъ, — былъ отвѣтъ.—Очень трудно заставить его что-нибудь сдѣлать, а въ это время года, когда многіе изъ его членовъ въ отпуску, еще труднѣе его расшевелить.

Питеръ отправился на ближайшую телеграфную станцію и послалъ денешу матери. Потомъ онъ вернулся въ свою квартиру и сталъ изучать стѣну. Но Питеръ не думалъ о темно-сѣрыхъ глазахъ. Онъ обдумывалъ свое первое дѣло.

Онъ нашелъ себѣ кліента.

Глава XIII.

Дѣло.

На другое утро Питеръ принялся за дѣло съ такого часа, который, если мы въ это время случайно проснемся, служить намъ предисловіемъ сладкаго четырехчасоваго сна. Вечеръ наканунѣ онъ посвятилъ освѣженію въ своей памяти нѣкоторыхъ муниципальных за-

коновъ и другихъ подробностей, которые могли ему понадобится, и уже съ пяти часовъ утра былъ въ рабочемъ кварталѣ, допрашивая свидѣтелей и дѣлая замѣтки.

Произвести слѣдствіе было не трудно. Молоко было куплено съ телѣжки одной компаніи, которая каждый день проѣзжала по кварталу, но не развозила заказовъ, а просто по мелочамъ продавала молоко, кому нужно. Питеру указали въ это утро телѣжку, но онъ записалъ только адресъ компаніи и больше не обращалъ на нее вниманія. Ему было надъ чѣмъ задуматься, кромѣ телѣжки и возницы.

Онъ прервалъ свои занятія, только чтобъ проводить на вокзалъ миссисъ Дулей и ея двухъ дѣтей. Послѣ этого Питеръ отправился въ сѣверную часть города, пока не дошелъ до берега рѣвки. Ему пришлось навести нѣсколько справокъ и, наконецъ, онъ добрался до дрянной лачуги съ вывѣской:

Национальная молочная компанія.

КОНТОРА.

Лачуга была заперта, и кругомъ не было видно ни души, хотя у дверей стояло нѣсколько телѣжекъ. За лачугой рядъ сараевъ, примыкавшихъ къ большому пивоваренному заводу. Два человѣка стояли у дверей одного изъ сараевъ. Питеръ направился къ нимъ и спросилъ, не могутъ ли они сказать, гдѣ онъ можетъ найти кого нибудь, имѣющаго отношеніе къ молочной компаніи.

— Управляющій пошелъ завтракать,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—если вамъ нужно сдѣлать заказъ, я могу принять его.

Питеръ сказалъ, что дѣло не въ заказѣ, и началъ разговаривать съ рабочими. Только что онъ собрался спросить ихъ, какъ третій человѣкъ, выйдя изъ сарая, присоединился къ нимъ.

— А корова подохла,—замѣтилъ онъ, подходя.

— Уже?—спросилъ тотъ, котораго звали Бялль. Оба встали и вошли въ сарай. Питеръ послѣдовалъ за ними.

— Вамъ нельзя, сказалъ вновь пришедшій.

Но Питеръ вошелъ въ дверь, не обращая на него вниманія.

— Вернитесь,—кричалъ человѣкъ, идя за нимъ.

Питеръ обернулся къ нему:

— Вы служащій національной молочной компаніи?—спросилъ онъ.

— Да, отвѣтилъ человѣкъ,—и намъ приказано....

Питеръ обыкновенно выслушивалъ до конца, но тутъ онъ оборвалъ рабочаго прежде, чѣмъ онъ успѣлъ докончить свою рѣчь, заговоривъ такимъ рѣшительнымъ и повелительнымъ тономъ, что тотъ сразу замолкъ.

— Дѣлайте свое дѣло,—сказалъ онъ,—и не думайте меня выпроваживать. Я знаю, что мнѣ нужно.

Потомъ Питеръ пошелъ такъ скоро за двумя рабочими, какъ только могъ въ полумракѣ, господствовавшемъ въ сараѣ. Третій рабочій почесалъ затылокъ и тоже вошелъ за всѣми.

Хотя въ сараѣ было почти темно, Питеръ разглядѣлъ, что идетъ между двумя рядами коровъ по такому узенькому проходу, что два человѣка едва могли бы разойтись въ немъ. Было грязно, очень жарко, и въ воздухѣ стоялъ особенный запахъ, котораго Питеръ никогда прежде не замѣчалъ въ коровникахъ. Запахъ этотъ напоминалъ ему что то, чего Питеръ не могъ опредѣлить.

Наконецъ Питеръ догналъ обонихъ людей. Одинъ изъ нихъ зажегъ фонарь и разсматривалъ корову, которая лежала на землѣ. Было очевидно, что она издохла. Питеръ обратилъ вниманіе на облѣванный и загнанный хвостъ ея и на двѣ большія язвы на боку; при видѣ этого онъ вадрогнулъ отъ отвращенія.

— Плохо выгладитъ корова,—сказалъ Питеръ.

— Вы находите?—возразилъ человѣкъ съ фонаремъ.—Ничего не подѣлаешь, это неизбѣжно, когда коровъ кормятъ пивными остатками.

— Придержи языкъ, Бялль,—сказалъ человѣкъ, пришедшій вслѣдъ за Питеромъ.

— Не мѣшайте не въ свое дѣло,—

отвѣтилъ Питеръ, быстро повернувшись такимъ голосомъ, что тотъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ. Сильное волнение охватило Питера, глядя на издохшую корову, онъ думалъ о бѣдныхъ маленькихъ дѣтяхъ, метавшихся въ горячкѣ, и ему хотѣлось...

Питеръ опустилъ руку, которою безсознательно замахнулся.

— Дайте фонарь!—скомандовалъ онъ.

Человѣкъ колебался и глядѣлъ на товарищей.

— Давай фонарь сейчасъ!—сказалъ Питеръ не громко, но его голосъ такъ и звенѣлъ. Фонарь былъ поданъ ему, онъ взялъ его и пошелъ вдоль ряда коровъ. Питеръ увидѣлъ на многихъ изъ нихъ болѣе или менѣе развившіяся язвы. Двѣ или три были уже въ той сильной степени болѣзни, когда хвосты начинаютъ гноиться. Рабочіе слѣдовали за нимъ во время этого осмотра и возбужденно перешептывались. Питеру не нужно было много времени, чтобы увидѣть все, что онъ хотѣлъ видѣть. Отдавая у дверей фонарь, онъ спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

Рабочіе казались сконфуженными и нерѣшительно переступали съ ноги на ногу.

— Ваше имя?—переспросилъ Питеръ, глядя на того, который мѣшалъ ему войти.

— А вамъ зачѣмъ?—возразилъ тотъ.

— Это мое дѣло. Ваше имя?

— Джонъ Тинглей.

— Гдѣ вы живете?

— На 61-й улицѣ, номеръ 310.

Питеръ выпросилъ и записалъ имена и адреса всѣхъ трехъ, потомъ отправился въ контору компаніи, которая теперь была открыта.

— Что, это компанія, утвержденная правительствомъ?—спросилъ онъ человѣка, который качался, развалился на стулѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, переставъ качаться и съ подозрѣніемъ глядя на Питера.

— Кому она принадлежитъ?.. продолжалъ свой допросъ Питеръ.

— Я управляющій.

— Я васъ не объ этомъ спрашиваю.

— А я вамъ такъ отвѣчаю.

— А какъ ваше имя?

— Джемсъ Кольдманъ.

— Имѣете ли вы намѣреніе отвѣчать на мои вопросы?

— Не имѣю, пока не узнаю, что вамъ нужно.

— Мнѣ надо узнать, противъ кого здѣсь возбудить уголовное преслѣдованіе.

— По какой причинѣ?

— Узнаете изъ приказа.

Человѣкъ безпокойно задвигался на стулѣ.

— Дайте мнѣ срокъ до завтра.

— Нѣтъ. Приказъ о началѣ преслѣдованія выйдетъ сегодня. Рѣшайте.

— Я думаю, лучше противъ меня,—сказалъ человѣкъ.

— Прекрасно,—замѣтилъ Питеръ.— Вы, конечно, чувствуете, что нашему хозяину не одобровать, а такъ какъ до васъ именно, мнѣ нѣтъ дѣла, то вы выиграете для него только нѣсколько дней безопасности цѣною тюремнаго заключенія.

— Ладно, я все-таки рискну,—сказалъ человѣкъ.

Питеръ повернулся и ушелъ. Онъ направился прямо къ Блакетгамъ.

— Я хочу, чтобы вы подали въ судъ,—сказалъ Питеръ отцу.—Эти люди заслуживаютъ хорошаго урока, и если вы поручите это дѣло мнѣ, то оно вамъ не будетъ стоить ни гроша. А если вы въ тоже время предъявите искъ гражданскимъ порядкомъ, то, вѣроятно, еще получите немного денегъ.

Блакеттъ согласился, также какъ Патрикъ Миллиганъ и Майкъ Дулей. Они уже приобрѣли извѣстность въ своемъ кварталѣ благодаря смерти однихъ дѣтей и выздоровленію другихъ, а «дѣло въ судѣ» обѣщало имъ еще большую знаменитость. По этому они торжественно отправились съ Питеромъ, принесли жалобу подъ присягой и получили приказъ о привлеченіи управляющаго, какъ обвиняемаго, кучера и трехъ другихъ рабочихъ, какъ свидѣтелей, на слѣдующій день.

Въ этотъ вечеръ на порогѣ домовъ въ рабочемъ кварталѣ только и говорили, что о дѣлѣ, и наши три истца ста-

ли героями дня. Даже миссисъ Блаеттъ и Элленъ Миллиганъ забыли свое горе и присоединились къ компаніи на крыльцѣ.

— Вотъ досада-то, что миссисъ Дулей уѣхала!—говорила одна изъ кумушекъ. — Она будетъ страшно жалѣть, когда узнаетъ, что пропустила.

На другое утро Питеръ, оба доктора, супруги Блаеттъ, братъ и сестра Миллиганъ, Дулей, молочный квинтетъ и столько обитателей рабочего квартала, сколько могло набиться, были въ судѣ въ девять часовъ утра. Обвинители и друзья были крайне разочарованы, что дѣло прошло такъ спокойно. Вопросы предлагались чисто формальные, кромѣ одного, когда Питеръ пожелалъ узнать имя или имена владѣльца или владѣльцевъ «Национальной молочной компаніи». Тутъ адвокатъ обвиняемаго, искусный и опытный юристъ, вмѣшался, и пропихнула горячая схватка, съ попыткой вывести изъ себя Питера. Но Питеръ не потерялъ голову и, въ концѣ концовъ, добился своего. Хозяиномъ оказался владѣлецъ пивовареннаго завода, какъ Питеръ и подозревалъ, утилизовавшій отбросы своихъ чановъ, кормя ими коровъ.

На требованіе Питера возбудить противъ владѣльца пивовареннаго завода дополнительное преслѣдованіе защитникъ обвиняемаго сумѣлъ доказать, опираясь на показанія управляющаго, хотя оно едва ли могло имѣть значенія, будто пивоваръ не имѣлъ понятія, что негодное для другихъ потребителей молоко на другой день развозилось по рабочему кварталу, а также, что фальсификація молока производилась безъ его вѣдома. Такимъ образомъ попытка наказать богача не увѣчилась успѣхомъ. Онъ могъ на свои деньги купить подставное лицо.

— Ей-Богу,—говорилъ Дулей Питеру, когда они выходили изъ суда. — Я думаю, вы могли бы по крайней, мѣрѣ, высказать имъ свое мнѣніе.

— Подождите до разбирательства,—сказалъ Питеръ.—Мы не должны тратить пороку до начала сраженія.

Такимъ образомъ по кварталу про-

шелъ слухъ, что «будетъ потѣха въ настоящемъ судѣ», и его съ нетерпѣніемъ ждали пять тысячъ человѣкъ.

ГЛАВА XIV.

Нью-Йорское правосудіе.

На слѣдующее утро Питеру удалось повидать на минуту прокурора и вручить ему памятную записку о нѣкоторыхъ подробностяхъ дѣла, которыя не были внесены въ протоколъ предварительнаго засѣданія суда.

— Я буду докладывать совѣту присяжныхъ завтра,—сказалъ прокуроръ, не обнаруживая ни малѣйшаго интереса къ дѣлу.

— Когда дѣло будетъ разбираться, если они найдутъ искъ правильнымъ?

— Не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ прокуроръ.

— Я желалъ бы точно знать это,—замѣтилъ Питеръ,—такъ какъ трое свидѣтелей въ отсутствіи, а мнѣ важно, чтобы они во-время вернулись.

— Вѣроятно, неѣли черезъ двѣ,—зѣвая, отвѣтилъ служитель закона и Питеръ, понявъ намекъ, поспѣшилъ откланяться.

Остатокъ утра посвященъ былъ собиранію необходимыхъ документовъ для возбужденія трехъ гражданскихъ исковъ противъ богатаго пивовара. Питеръ сейчасъ же написалъ прошенія и сдѣлалъ все необходимое, чтобы поскорѣе подать ихъ.

Это произвело немедленное дѣйствіе въ видѣ визита на слѣдующій день того же адвоката, который защищалъ управляющаго молочной компаніи на предварительномъ слѣдствіи. Когда Питеръ возвращался домой послѣ завтрака, онъ встрѣтилъ адвоката на лѣстницѣ.

— А, м-ръ Стерлингъ, добраго утра! — сказалъ повѣренный, котораго звали Деммеръ. — Я принужденъ былъ вернуться отъ дверей вашей конторы, найдя ихъ запертыми.

— Войдите,—пригласилъ Питеръ.

Повѣренный оглядѣлъ скромную комнату, и на лицѣ его появилось выраженіе спокойнаго удовольствія. Оба съли.

— А теперь приступимъ къ дѣлу, м-ръ Стерлингъ.

— Чѣмъ могу служить?

— По причинамъ, которыя вы легко поймете, мы не хотимъ, чтобы искъ дошли до суда.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И мы рассчитываемъ, что ваши кліенты согласятся съ нами.

— Мы поговоримъ объ этомъ, когда уголовное преслѣдованіе окончится.

— Почему же не теперь?

— Потому что мы надѣемся, что заставимъ Больдмана сказать правду на судѣ, и тогда доберемся и до Больмана.

— Вы даромъ потеряете время.

— О нѣтъ, если у насъ есть хоть маленькій шансъ посадить пивовара въ тюрьму.

— Но у васъ его нѣтъ. Больдманъ будетъ держаться того, что онъ говорилъ раньше, если дѣло будетъ разбираться— а оно и не будетъ разбираться!

Питеръ спокойно смотрѣлъ на Деммера; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ.

— Прокуроръ сказалъ мнѣ, что дѣло будетъ разбираться недѣли черезъ двѣ.

Деммеръ улыбнулся и прищурилъ одинъ глазъ.

— Прокуроръ старается говорить правду,—сказалъ онъ,—а я не сомнѣваюсь, что онъ думалъ, что говорить правду. Ну, а какова ваша цифра?

— Гражданскій искъ не будетъ возбужденъ, пока не кончится уголовное преслѣдованіе.

— Но я говорю вамъ, что уголовного преслѣдованія не существуетъ больше. Оно потушено. Мы съ Больманомъ повидали пужныхъ людей, а тѣ побывали у прокурора. Дѣло даже не будетъ доложено совѣту присяжныхъ. Поэтому бросьте это и скажите лучше, во что вы оцѣниваете гражданскіе искъ?

— Джемсъ Больдманъ пойдетъ въ тюрьму за убійство дѣтей,—сказалъ Питеръ,—а пока онъ не въ тюрьмѣ, не стоить терять время на разговоры о томъ, чтобы бросить или уладить что бы то ни было.

— Уфъ! — замѣтилъ повѣренный со смѣхомъ, хотя видно было, что упорство,

выраженное въ лицѣ и въ голосѣ Питера, ему крайне неприятно.—Вы воображаете, что все знаете, но вы ошибаетесь. Вы можете работать десять лѣтъ, и все-таки дѣло не будетъ ближе къ суду, чѣмъ сегодня. Я говорю вамъ, молодой человѣкъ, вы не знаете Нью-Йорка!

— Я не знаю Нью-Йорка, но...

— Именно,—перебилъ Деммеръ,— а я знаю.

— Возможно,—спокойно отвѣтилъ Питеръ.—Вы можете знать Нью-Йоркъ, мистеръ Деммеръ, но вы не знаете меня. Дѣло будетъ разбираться.

— Хорошо,—засмѣялся Деммеръ,— если вы согласны не возбуждать гражданскихъ исковъ, пока то дѣло не кончится, мы не нуждаемся ни въ какихъ компромиссахъ. Будьте здоровы!

На другое утро Питеръ отправился къ прокурору и спросилъ, принимаетъ ли онъ. «Онъ уѣхалъ въ Баръ-Харбаръ, въ отпускъ недѣли на двѣ», былъ отвѣтъ.

— А кто его замѣняетъ?

Черезъ нѣсколько времени Питеръ былъ допущенъ до чиновника, замѣняющаго прокурора.

— М-ръ Нельсонъ говорилъ мнѣ, что онъ будетъ сегодня докладывать дѣло Больдмана совѣту присяжныхъ, и услышавъ, что онъ уѣхалъ изъ города, я хотѣлъ бы узнать, кому онъ его поручилъ?

— Онъ оставилъ мнѣ все представленія,—отвѣтилъ чиновникъ, но въ числѣ ихъ этого дѣла нѣтъ.

— Не могъ ли онъ поручить это дѣло кому-нибудь другому?

— Нѣтъ.

Питеръ вернулся въ свою контору, досталъ кодексъ и просмотрѣлъ нѣкоторыя статьи. Взглядъ его былъ печаленъ, когда онъ послѣ занятія опять уставился въ стѣну, точно то, что онъ прочелъ, очень не нравилось ему. Но если глаза его были грустны, выраженіе энергичнаго рта было сурово и упрямо, что вовсе не указывало на слабость и желаніе покориться.

Питеръ подождалъ двѣ недѣли, а затѣмъ опять обратился къ властямъ.

— Прокуроръ занятъ и не можетъ васъ принять,—сказали ему.

Питеръ снова зашелъ среди дня, и съ тѣмъ же успѣхомъ.

Слѣдующее утро принесло тотъ же отвѣтъ, который повторился и днемъ. На третій день онъ сказалъ, что пождетъ, и нѣсколько часовъ сидѣлъ въ приемной, надѣясь, что его примутъ, или что ему удастся перехватить прокурора. Но онъ только видѣлъ, какъ посѣтители одинъ за другимъ вводились въ кабинетъ, и наконецъ, ему сказали, что прокуроръ уѣхалъ завтракать и сегодня не вернется больше. Человѣкъ, говорившій это, ухмылялся, видно было онъ считалъ свои слова славной шуткой. Питеръ не могъ также не замѣтить, что писаря и мелкіе служащіе все утро хохотали и указывали на него другъ другу, пока онъ ждалъ. Но онъ только плотнѣе сжалъ зубы, выходя изъ приемной.

Питеръ посмотрѣлъ въ адресной книгѣ адресъ прокурора и въ тотъ же вечеръ пошелъ къ нему. Онъ былъ достаточно проученъ и не послалъ своей карточки, поэтому мистеръ Нельсонъ не замедилъ самъ выйти къ нему.

Въ ту минуту какъ онъ увидѣлъ Питера, онъ сказалъ:

— О, это вы! Я говорю о дѣлахъ только на службѣ, въ назначенные для этого часы.

— Я старался увидѣть васъ,—началъ Питеръ.

— Еще постарайтесь,—прервалъ его прокуроръ, улыбаясь, и направился въ гостиную.

Питеръ спокойно послѣдовалъ за нимъ.

— М-ръ Нельсонъ,—сказалъ онъ, наиѣрены ли вы дать законный ходъ дѣлу?

— Непремѣнно,—улыбнулся Нельсонъ.—Послѣ того, какъ справлюсь съ четырьмястами обвинительныхъ актовъ, которые предшествуютъ ему.

— Не раньше?

— Нѣтъ.

— М-ръ Нельсонъ, не можете ли вы на минуту забыть политику и подумать о...

— Кто говорить про политику?—перебилъ Нельсонъ.—Я просто объяснилъ вамъ, что у меня есть обвинительные акты, которые лежатъ уже по

пяти лѣтъ и ждутъ предъявленія въ судъ, а ваше дѣло должно дожидаться очереди.

И Нельсонъ ушелъ во внутреннія комнаты.

Питеръ удалился изъ квартиры прокурора, и въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ парадной двери, какой то человекъ собирался звонить.

— Дома м-ръ Нельсонъ?—спросилъ человекъ.

— Я прямо отъ него, м-ръ Деммеръ,—сказалъ Питеръ.

— А! Добрый вечеръ, м-ръ Стерлингъ. Я думаю, что угадываю, зачѣмъ вы приходили. Прекрасно! Какъ поживаете?

Деммеръ, очевидно внутренне смѣялся. Питеръ спускался по лѣстницѣ, ничего не отвѣчая.

— Можетъ быть, я могу помочь вамъ?—продолжалъ Деммеръ.—Я хорошо знаю м-ра Нельсона по общественнымъ дѣламъ, и м-ръ Болманъ также. Если вы мнѣ скажете, что вамъ нужно, я попробую замолвить за васъ словечко.

— Я не нуждаюсь въ вашей помощи,—спокойно отвѣтилъ Питеръ.

— Превосходно,—сказалъ Деммеръ.— Не правда ли, вы думаете, что неизвѣстный двадцатилѣтній адвокатъ можетъ идти одинъ противъ всего городского управления?

— Я знаю, что не имѣю достаточнаго вліянія, чтобы подвинуть это дѣло, м-ръ Деммеръ, но законъ на моей сторонѣ, и я еще не собираюсь уступать.

— Восхитительно; что же вы собираетесь дѣлать?—спросилъ Деммеръ насмѣшливо.

— Сражаться,—сказалъ Питеръ и ушелъ.

Онъ вернулся въ свою контору и, сѣвъ къ письменному столу, написалъ прокурору официальное заявленіе, обращая вниманіе на дѣло и прося увѣдомить, когда оно будетъ разбираться. Питеръ сдѣлалъ съ заявленія копію, а оригиналъ отправилъ на почту. Затѣмъ онъ опять читалъ кодексъ, потомъ просматривалъ судебные отчеты и писалъ замѣтки. Во второй разъ утреннее солнце

застало Питера за письменнымъ столомъ, но на этотъ разъ голова его не лежала на столѣ, точно онъ безъ чувствъ или умеръ. Вся его фигура дышала рѣшимостью, а челюсти были сурово сжаты, какъ у бульдога, готоваго броситься на врага.

Глава XV.

Генеральное сраженіе.

Единственный отвѣтъ, который получилъ Питеръ на свой запросъ прокурору, было чисто формальное подтвержденіе прежняго устнаго заявленія, что дѣло будетъ разсматриваться въ очередь, послѣ того, какъ будутъ кончены предыдущія дѣла. Питеръ зналъ слишкомъ много дѣлъ, никогда не дошедшихъ до суда, чтобы не понять, что это обозначало: дѣло будетъ откладываться до тѣхъ поръ, пока не истечетъ давность, и оно само собою должно будетъ прекратиться.

Получивъ такой отвѣтъ, Питеръ сдѣлалъ новый шагъ—отправился въ редакцію трехъ газетъ и старался повидать редакторовъ.

Первый не принялъ Питера. Второй сейчасъ же сказалъ, не давъ ему даже окончить свой рассказъ, что крайне занятъ и не имѣетъ времени разслѣдовать дѣло, но пусть Питеръ попробуетъ зайти черезъ мѣсяць. Третій далъ Питеру досказать всю его повѣсть, а потомъ покачалъ головой:

— Я не сомнѣваюсь, что вы правы, но мы не можемъ воспользоваться вашимъ сообщеніемъ. Такія дѣла разбираются не раньше какъ черезъ полгода, даже черезъ годъ, и если мы теперь же начнемъ кампанію, то провалимся. Если вамъ удастся добыть отъ прокурора письменное заявленіе, что онъ не желаетъ давать ходъ дѣлу, то мы можемъ что нибудь сдѣлать, но я думаю, что онъ слишкомъ ловокъ, чтобы выдать себя.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ не стоитъ начинать атаку, и вы бессильны. Приходите черезъ годъ, и если до тѣхъ

поръ прокуроръ ничего не сдѣлаетъ, мы можемъ заговорить.

Питеръ вышелъ изъ редакціи, сознавая, что шансъ воздѣйствія путемъ печати пропасть. Если газеты республиканской партіи имъ не воспользовались, было бы бездѣльной потерей времени добиваться свиданія съ издателями демократическихъ газетъ, и онъ отказался искать помощи у печати.

Слѣдующіе три дня Питеръ провель въ нью-йоркской юридической библиотекѣ, углубившись въ книги. Затѣмъ онъ уложилъ свой чемоданъ и поѣхалъ съ дневнымъ поѣздомъ въ Альбани.

Питеръ ставилъ свою послѣднюю карту, имѣя для выигрыша одинъ шансъ противъ тысячи, но, именно, этотъ рискъ еще больше возбуждалъ его.

Ровно въ десять часовъ утра, на другой день послѣ своего прѣида въ столицу штата, онъ послалъ свою карточку губернатору.

Въ счастью для Питера, середина августа—время, не особенно занятое у этого сановника, и послѣ недолгаго ожиданія, онъ былъ введенъ въ приемную.

Питеръ уже задолго обдумалъ предстоящее свиданіе и теперь, безъ всякихъ вступленій и объясненій, сразу началъ излагать дѣло.

Онъ зналъ, что долженъ поскорѣ заинтересовать губернатора, не то ему грозило прекращеніе аудіенціи. Поэтому онъ началъ съ описанія сарая, гдѣ поимѣщались коровы. Затѣмъ перешелъ къ смерти ребенка.

Онъ быстро очертилъ то и другое, въ три минуты, не больше, и если бы дѣло шло даже о спасеніи его жизни, онъ не могъ бы говорить серьезнѣе и задушевнѣе.

Губернаторъ сначала казался удивленнымъ поспѣшностью Питера, затѣмъ скучающимъ, затѣмъ заинтересованнымъ, и вдругъ повернулъ свое вращающееся кресло такъ, что очутился спиной къ Питеру. И когда Питеръ кончилъ свой рассказъ, онъ остался въ этомъ же положеніи еще нѣсколько мгновеній. Эта сцена показала Питеру очень краснорѣчивой: въ первый разъ онъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ.

Вдругъ губернаторъ повернулся, и Питеръ увидѣлъ на его щекахъ слезы. Губернаторъ глубоко вздохнулъ и спросилъ:

— Что же вы отъ меня хотите? — тономъ, который для Питера значилъ — все.

— Желаете ли вы выслушать меня еще пять минутъ? — спросилъ Питеръ.

— Да.

Тогда Питеръ громко прочиталъ отчетъ судебнаго слѣдствія и своихъ свиданій съ прокуроромъ и Демеромъ, составленный въ самыхъ ясныхъ и краткихъ выраженіяхъ, какія онъ только могъ найти.

— Вы желаете моего вмѣшательства? — спросилъ губернаторъ.

— Да.

— Боюсь, что это невозможно. Я конечно могу смѣнить прокурора, но для этого должна быть уважительная причина, а я не вижу, чтобы вы могли положительно доказать его нежеланіе преслѣдовать этихъ негодяевъ.

— Это правда. Я самъ вижу, что вы не можете его смѣнить, но есть другое средство.

— Но какое?

— Вы можете созвать особый совѣтъ по этому дѣлу черезъ государственнаго прокурора.

— Вы увѣрены въ этомъ? .

Питеръ развернулъ передъ губернаторомъ одну изъ бумагъ, которая онъ держалъ въ рукахъ. Прочтя ее, губернаторъ позвонилъ.

— Пошлите за мистеромъ Миллеромъ, — сказалъ онъ мальчику. — Потомъ онъ вернулся къ столу и вмѣстѣ съ Питеромъ просматривалъ документы, пока не появился м-ръ Миллеръ.

— Изложите дѣло м-ру Миллеру, — сказалъ губернаторъ, и Питеръ снова прочелъ свои бумаги и повторилъ свой рассказъ.

— Такая статья, безусловно, существуетъ, — сказалъ государственный прокуроръ, — но она бездѣйствуетъ уже много лѣтъ. Я думаю еще разъ просмотрѣть ее.

— Подите съ мистеромъ Миллеромъ, м-ръ Стерлингъ, и разберите съ нимъ

вмѣстѣ свои бумаги, — сказалъ губернаторъ.

— Благодарю васъ, — просто сказалъ Питеръ, но его рукопожатіе, и лицо, и голосъ говорили гораздо сильнѣе. — Онъ вышелъ съ первымъ, за два года. Лучомъ надежды на лицѣ.

Питеръ уже столько разъ странствовалъ по области, которую теперь пришлось разрабатывать генеральному прокурору и его помощникамъ, что чувствовалъ себя въ ней, какъ дома, и дѣйствительно его замѣтки много помогли при изученіи дѣла, тѣмъ болѣе, что, по случаю лѣтнаго времени, въ присутствіи была только половина служащихъ. Чѣстью какъ помощникъ, чѣстью какъ руководитель, Питеръ проработалъ до трехъ часовъ, и радость его росла, когда онъ видѣлъ, что мнѣніе генеральнаго прокурора все болѣе и болѣе согласуется съ его собственнымъ.

Вернувшись съ Питеромъ къ губернатору, генеральный прокуроръ высказалъ заключеніе, что, по его мнѣнію губернаторъ можетъ уполномочить его или кого-нибудь другого возбудить преслѣдованіе.

— Отлично, — сказалъ губернаторъ. — Я очень радъ, что вы такъ думаете. Но если мы все таки найдемъ, что это невозможно, я дамъ вамъ письмо къ прокурору, которое побудитъ его начать дѣло.

Питеръ поблагодарилъ губернатора и всталъ.

— Вы хотите сейчасъ же вернуться въ Нью-Йоркъ? — спросилъ губернаторъ.

— Да, конечно, если я не нуженъ здѣсь.

— А если бы вы пообѣдали со мной и уѣхали бы попозже?

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказалъ Питеръ.

— Прекрасно. Ровно въ шесть часовъ. Затѣмъ, когда Питеръ вышелъ изъ комнаты, губернаторъ спросилъ генеральнаго прокурора:

— Онъ хорошій юристъ?

— Очень хорошій. Ясный и уравновѣшенный умъ.

— Онъ умѣетъ говорить, — замѣтилъ

губернаторъ. — Онъ сумѣлъ такъ тронуть меня, какъ никто, за много дѣтъ. Надо мнѣ навести объ немъ справки въ Нью-Йоркѣ, у кое-кого, чтобы знать, кто онъ такой, и нѣтъ ли въ его дѣлѣ западни.

Обѣдъ прошелъ очень просто, были только губернаторъ и жена. Губернаторъ вѣрно говорилъ своей супругѣ что нибудь, о Питерѣ, потому что у ней было очень доброе выраженіе лица, когда она изучала его, и хотя Питеръ былъ очень прозаиченъ и очень молчаливъ, она, казалось, не тяготилась его присутствіемъ.

Когда обѣдъ былъ конченъ, и явился какой то посѣтитель, что бы поговорить съ губернаторомъ о политикѣ, хозяйка дома увела Питера въ другую комнату и заставила его рассказать все дѣло, начиная съ того, какъ ему пришлось въ голову заняться имъ и почему онъ обратился за помощью къ губернатору. Она даже поплакала, а когда Питеръ ушелъ, пошла на верхъ и посмотрѣла на своихъ собственныхъ спящихъ мальчиковъ, уже достаточно взрослыхъ, чтобы самимъ завоевывать міръ, но все таки маленькихъ дѣтей для сердца матери, и снова поплакала надъ ними. Позже, она опять сошла внизъ, въ кабинетъ губернатора, и прервавъ работу, въ которую онъ углубился, обняла и поцѣловала его.

— Ты долженъ помочь Стерлингу, Уильямъ, — сказала она. — Сдѣлай все возможное, чтобы наказать этихъ негодяевъ, и дай ему это сдѣлать.

Губернаторъ только засмѣялся и отодвинулъ работу, а жена его сѣла рядомъ съ нимъ и высказывала ему восхищеніе и симпатію къ борьбѣ Питера.

Винюваго и его укрывателей ожидала горькая участь. Къ ихъ услугамъ могли быть сильнѣйшія политическія вліянія, которыя боролись за нихъ, но еще сильнѣйшее и таинственное вліяніе работало противъ нихъ. Что бы тамъ ни говорили, самая уцорная и ловкая сила — это незамѣтное вліяніе женщины.

Питеръ вернулся въ Нью-Йоркъ ночью съ чувствомъ надежды и въ то же время сомнѣнія. Успѣхъ казался почти не

возможнымъ, но въ двадцать три года трудно вѣрять въ неудачу. Онъ сталъ ждать, надѣясь увидѣть какое нибудь движеніе со стороны правительства, и не мечтая ни о чемъ большемъ. Но большее явилось само: черезъ пять только дней послѣ его возвращенія онъ получилъ по почтѣ большой конвертъ, а въ конвертъ — специальный приказъ, которымъ Питеръ назначался уполномоченнымъ генеральнаго прокурора для доклада передъ окружнымъ судомъ дѣла «обитателей штата Нью-Йоркъ versus (противъ) Джемсъ-Вольманъ». Если бы кто нибудь могъ видѣть лицо Питера, когда онъ читалъ эту официальную бумагу, тотъ не назвалъ бы его ни угрожимъ, ни незначительнымъ. Питеръ хорошо зналъ, что онъ выигралъ: теперь онъ не встрѣтитъ сопротивленія и помѣхи со стороны правосудія, — всё преграды были опрокинуты; теперь дѣло не будетъ зависѣть отъ произвола чиновниковъ — оно въ его собственныхъ рукахъ; маленькій кусочекъ бумаги обязывалъ каждый судъ оказывать ему содѣйствіе, а, въ случаѣ сопротивленія, пятьдесятъ тысячъ войска, готовы поддержать его!

Не прошло и трехъ часовъ, какъ необходимые шаги для представленія дѣла въ судъ были сдѣланы, и Питеръ занялся разработкой юридической части его.

Эти хлопоты вызвали немедленный визитъ Деммера, который въ этотъ разъ выказалъ гораздо меньше увѣренности чѣмъ прежде, хотя и старался относиться слегка къ успѣху Питера. Деммеръ требовалъ, чтобы Питеръ прекратилъ дѣло и намекалъ на крупный денежный кушъ, но Питеръ сначала просто не вонялъ его намековъ, а въ концѣ концовъ рѣшительно заявилъ, что дѣло пойдетъ законнымъ порядкомъ. Тогда Деммеръ попросилъ отсрочки, но Питеръ былъ неумолимъ. Позже у нихъ было столкновение въ судѣ по этому же поводу, но Питеръ такъ спокойно изложилъ свои доводы, что возбудилъ этимъ вниманіе судьи, который окончилъ споръ, отказавъ отсрочить дѣло. Судья вовсе не былъ намѣренъ принять сторону Питера и самъ былъ крайне удивленъ

своимъ образомъ дѣйствія. Защитникъ же обвиняемаго былъ просто взбѣшенъ.

Однако, всѣ пружины были пущены въ ходъ, чтобы не допустить дѣло до разбирательства. Самое энергичное и внушительное воздѣйствіе было направлено на губернатора, но онъ твердо стоялъ на своемъ, можетъ быть потому, что принадлежалъ къ партіи, противной той, что рѣшала судьбы города; можетъ быть причиной былъ Питеръ и правильное выраженіе его лица во время разсказа о дѣлѣ, или потому, что генеральный прокуроръ нашелъ дѣло законнымъ; можетъ быть, жена его вліяла на него, а можетъ быть и всѣ эти причины вмѣстѣ. Вѣрнымъ оказалось только то, что всѣ попытки помѣшать дѣлу потерпѣли неудачу, и оно было назначено къ слушанію въ послѣднихъ числахъ августа.

Питеръ сообщилъ своимъ кліентамъ о своихъ схваткахъ, и они страшно гордились его великимъ сраженіемъ и громкимъ успѣхомъ, также какъ и всѣ обитатели рабочаго квартала, правильно считавшіе это дѣло — своимъ общимъ дѣломъ. Политики были взбѣшены и взволнованы, такъ какъ почти безпримѣрный поступокъ губернатора возбуждалъ всеобщее вниманіе и интересъ къ дѣлу.

Залъ суда былъ биткомъ набитъ, и всѣ газеты прислали своимъ репортерамъ. Такъ какъ въ свое время газеты дали подробный отчетъ о судебномъ разбирательствѣ, мы считаемъ лишнимъ описывать его. Мы уже знаемъ, чего добився Питеръ.

Защита, устами экспертовъ, старалась доказать, что помѣщеніе для коровъ вовсе не содержалось антигигіенично; что кормленіе скота пивными остатками и «накожные болѣзни» не имѣютъ вліянія на молоко; что молоко было продано по ошибкѣ, по незванію, что оно выдано за тридцать шесть центовъ и снятое, и что весьма сомнительно и бездоказательно, что данное молоко было причиной смерти дѣтей. Единственнымъ драматическимъ эпизодомъ дня было появленіе на свидѣтельской вухъ маленькихъ Дулей (кото-

рые только что накануне вернулись изъ деревни пополнѣвшими и загорѣвшими).

— А что, деревенское молоко похоже на здѣшнее? — спросилъ Питеръ младшую дѣвочку.

— Совсѣмъ не похоже, — отвѣтила она, — здѣсь его берутъ съ телѣжки, а въ деревнѣ отъ коровы.

— Призываю къ порядку, — обратился къ публикѣ судья.

— Которое вкусишь?

— Деревенское. Оно сладкое, точно съ сахаромъ. Вкусное такое!

— Я больше люблю молоко отъ коровы, чѣмъ съ телѣжки.

— Чортъ побери ребятишекъ! — проворчалъ Деммеръ челоуѣку, сидѣвшему рядомъ съ нимъ.

Интересъ достигъ высшей точки, когда Питеръ началъ свою рѣчь. Онъ говорилъ спокойно, простымъ языкомъ, употребляя мало прилагательныхъ, и безъ всякихъ междометій. «Но, — какъ говорила его сосѣдка-барышня на свадьбѣ Уатса, — онъ такъ описываетъ вещи, точно ихъ видишь».

Питеръ говорилъ про больныхъ коровъ и про бѣдныхъ, измученныхъ лехорадкой дѣтишекъ такъ, что слушатели рыдали; кліентовъ его чуть не пришлось вывести изъ зала; сосѣдъ Деммера утиралъ глаза платкомъ; судья и присяжные закрыли глаза руками (чтобы лучше обдумывать, конечно); репортеры съ трудомъ могли записывать (имъ мѣшала черезчуръ яркій свѣтъ), хотя боялись потерять хоть одно слово, и даже обвиняемый вытиралъ рукавомъ глаза.

Питеръ не сознавалъ самъ, что скрзалъ замѣчательную рѣчь, замѣчательную по своей простотѣ и паоосу. Онъ говорилъ впоследствии, что совсѣмъ не готовился къ рѣчи, а говорилъ то, что чувствовалъ. Заключение его рѣчи показало, что вдохновляло его и внушало ему такія чувства. Вотъ какъ онъ кончилъ: «Это не только дѣло правительства противъ Джемса Кольдмана — это протестъ дѣтей бѣдняковъ противъ людской жадности и безчелоуѣчности».

Деммеръ шепнулъ своему сосѣду: «Плохо дѣло. Мы погибли», потомъ

всталъ и началъ искусно защищать, но чувствовалъ, что только теряетъ время. Судья высказался противъ него, а присяжные вынесли приговоръ: «убійство первой степени». Приговоръ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія, всё еще были слишкомъ провикнуты и взволнованы рѣчью Питера.

Объ этой рѣчи и до сихъ говорятъ въ рабочемъ кварталѣ.

Глава XVI.

Послѣдствія.

Не только въ рабочемъ кварталѣ говорили о рѣчи Питера.

Можетъ быть, его обитатели болѣе восторженно выражали свои чувства, устроивъ въ тотъ же вечеръ факельную процессію, продефилировавшую передъ домою Питера, и поднеса ему адресъ который прочелъ м-ръ Деннисъ Моріерти.

Судья вѣжливо пожалъ руку Питера послѣ засѣданія и сказалъ, что онъ прекрасно провелъ обвиненіе. Защитникъ обвиняемаго выразился, что Питеръ знаетъ свое дѣло. Нѣкоторые репортеры успѣли поговорить съ нимъ, мѣшая комплименты съ вопросами.

Репортеры слѣдали даже гораздо больше. Былъ мертвый сезонъ, и дѣло Питера явилось единственной сенсаціонной новостью.

Поэтому они интервьюировали и высирывали всякого, имѣвшаго хоть малѣйшее отношеніе къ дѣлу, старательно отдѣляя зерно отъ плевелъ, т. е. скучныхъ подробностей, и на другое утро многія газеты преподнесли своимъ читателямъ отчетъ въ нѣсколько столбцовъ. Рѣчь Питера была напечатана цѣликомъ и въ чтеніи была также хороша, какъ и когда онъ ее говорилъ. Репортеры слышали и повторяли, не провѣривъ даже, что Питеръ отказался отъ гонорара, заплатилъ всё издержки изъ собственнаго кармана, отказался прервать дѣло, хотя ему предлагали девять тысячъ долларовъ, и спасъ жизнь дѣтей Дулей, пославъ ихъ въ деревню, и «заплатилъ за похороны маленькихъ жертвъ».

Всѣ восхваляли Питера, а въ двухъ самыхъ серьезныхъ газетахъ ему были посвящены дѣйствительно превосходныя передовыя статьи. Во время выборовъ или вообще не въ мертвый сезонъ дѣло, безусловно не возбуждало бы такого вниманія, но стоялъ августъ мѣсяцъ, когда всякая новость хороша.

Въ то же время пресса начала походъ противъ фальсификаторовъ молока и тѣхъ, которые допускаютъ подобную фальсификацію. «Чего смотритъ санитарное управленіе, если на улицахъ, открыто, продаютъ отраву для нашихъ дѣтей? Что дѣлаетъ прокуроръ, если необходимое для общественнаго блага преслѣдованіе должны возбуждать сами граждане?» спрашивали они.

Всевидящіе репортеры прослѣдили способы снабженія города молокомъ, и хотя всѣ были на сторожѣ, и многихъ коровъ успѣли послѣшно отправить за городъ, имъ удалось обличить нѣсколько компаній и напечатать нѣсколько достаточна убѣдительныхъ подробностей, даже не нуждавшихся въ прикрасахъ ихъ искусства пера. Многіе обитатели Нью-Йорка, вѣроятно, еще помнятъ многочисленные процессы «о снятомъ молокѣ» и «молокѣ безхвостыхъ коровъ», возбужденные въ это лѣто, и реформу введенную въ торговлѣ молокомъ стараніями санитарнаго управленія. Такъ какъ было бы слишкомъ долго описывать всѣ процессы, мы отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними къ ежедневной прессѣ того времени, а любителей страшныхъ картинокъ къ «Иллюстрированному еженедѣльнику» Франка Лесли. Если бы не газеты, то врядъ-ли дѣло Питера имѣло-бы другіе результаты, кромѣ наказанія непосредственно уличеннаго; но разъ вопросъ попалъ въ руки прессы, минутное негодованіе разрослось до такой степени, что чуть не всѣ коровы хлѣва въ штатѣ были стерты съ лица земли, и сама администрація принуждена была обнаружить лихорадочную дѣятельность, приведшую къ большимъ реформамъ.

Никто не былъ такъ удивленъ своей внезапной знаменитостью и столь неожиданными результатами, какъ Питеръ.

Онъ собралъ всѣ газетныя статьи и послалъ ихъ матери. Вотъ что онъ писалъ ей при этомъ.

«Не думай, что все это очень выдвинуло меня. По правдѣ сказать, я сталъ только бѣднѣе на нѣсколько сотъ долларовъ, и до конца года мнѣ придется сократить свои расходы. Я пишу тебѣ объ этомъ, зная, что ты ни на минуту не подумаешь, что мнѣ жаль денегъ, и не испортишь мою слабую попытку самопожертвованія предложеніемъ матеріальной помощи. Ты сдѣлала совершенно довольно, принявъ къ себѣ двухъ больныхъ малышей. Очень дурно они вели себя? Что, не топтали ли они цвѣты и не пугали ли до смерти стараго бѣднаго Руссета (Руссетъ былъ котъ)? Мнѣ было очень пріятно видѣть, какъ малыши пополябли и загорѣли. Ихъ свидѣтельскія показанія на судѣ были презабавны и въ то же время трогательны. Говорятъ, что я сказалъ хорошую рѣчь. Что еще удивительнѣе, говорятъ, что я довел до слезъ обвиняемаго и м-ра Больмана, пивовара, который сидѣлъ рядомъ съ Деммеромъ. Сознаюсь, мнѣ очень жаль, что я не могъ привлечь къ отвѣтственности этого Больмана. Онъ главный виновный — а между тѣмъ гуляетъ на свободѣ. Но нравственное впечатлѣніе — самое главное, въ этомъ всѣмъ согласны со мной. Я узналъ, что м-ръ Больманъ ходитъ въ ту же церковь, что и я».

Мать Питера не была удивлена. Она всегда знала, что ея Питеръ герой, и не нуждалась въ мнѣніи газетъ, подтвердившихъ это.

Но все-таки она внимательно прочитала каждую строчку судебныхъ отчетовъ о послѣдовавшей компаніи. Она перечитывала рѣчь Питера еще и еще разъ, останавливаясь на точкахъ, чтобы заплакать, и прижимая газетныя вырѣзки къ груди, вмѣсто отсутствующаго Питера, повторяла всхлипывая: «мой мальчикъ, мой дорогой мальчикъ!» Всѣ въ городкѣ интересовались дѣломъ Питера, и вырѣзки газетъ ходили по рукамъ, между друзьями Питера, начиная со священника и кончая его школьными товарищами. Всѣ удивлялись, почему Питеръ говорилъ такъ мало?

— Еслибъ я могъ такъ говорить, — сказала счастливой матери одинъ адвокатъ, — я бы говорилъ, по крайней мѣрѣ два часа!

Сама миссисъ Стерлингъ тоже желала бы, чтобы рѣчь была длиннѣе. Четыре столбца свидѣтельскихъ показаній, а рѣчь заняла немного больше полу-столбца!

Должно быть, онъ говорилъ не больше двадцати минутъ.

— Даже тотъ, другой адвокатъ, который ничего не говорилъ кромѣ лжи, занялъ своею рѣчью цѣлый столбецъ! Да еще его рѣчь напечатана сжатымъ шрифтомъ, а рѣчь Питера широкимъ, отчего разница въ длинѣ стала еще замѣтнѣе.

Миссисъ Стерлингъ подозрѣвала, не составили ли столичные газеты заговоръ противъ ея Питера? Она поспѣшила подписаться на ту изъ Нью-Йоркскихъ газетъ, которая больше всѣхъ восхваляла Питера, предполагая, что его имя будетъ появляться отъ времени до времени на первой страницѣ. Но когда ожиданія ея не оправдались, когда объ немъ даже не упомянули во время похода прессы и санитарнаго управленія противъ фальсификаторовъ молока, миссисъ Стерлингъ пришла къ полному убѣжденію, что кто-то хочетъ лишить ея сына заслуженной славы.

— Какъ! вѣдь Питеръ началъ это дѣло, — объясняла она, — а теперь газеты и санитарное управленіе приписываютъ все себѣ!

Она даже написала письмо издателю газетъ, письмо, — ходившее въ редакціи по рукамъ и возбуждавшее не мало смѣха въ сотрудничкахъ.

Отвѣта она, конечно, не получила, и газета и попрежнему не обращала вниманія на Питера.

Черезъ два дня послѣ судебного разбирательства къ Питеру снова явился Деммеръ.

— Вы великолѣпно провели дѣло, м-ръ Стерлингъ, — сказала она Питеру. — Вы знакомы со всѣми пружинами не хуже самыхъ опытныхъ, пожилыхъ юристовъ. Вы сумѣли добыть отъ вашихъ свидѣтелей только дѣйствительно нуж-

ныя показанія, не допуская ихъ болтать пустяки. Между тѣмъ, начинающіе юристы часто дѣлають подобную ошибку—топять свои доказательства въ потокъ ненужныхъ подробностей. По чести, наши ребяташки стоили всѣхъ свидѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ. Что, вы нарочно послали ихъ въ деревню, чтобы внушить имъ это показаніе?

— Нѣтъ,—сухо отвѣчалъ Питеръ.

— Ну, мы можемъ предположить, что каждый присяжный—отецъ, и дѣтское лепетаніе тронуло душу каждаго изъ нихъ. Я не хочу сказать, чтобы ваша рѣчь не могла сдѣлать того же. Вы поступили гениально, сказавъ только то, что сами видѣли, не пускаясь въ разборъ показаній, такъ какъ это уже дѣло судьи. Ваша рѣчь—знаменитая рѣчь!

— Благодарю васъ,—сказалъ Питеръ.

«Его не проведешь, — думалъ адеокать.—Съ нимъ надо вести дѣло на чистоту»,—и онъ пересталъ говорить о судѣ и прямо объявлялъ:

— Послушайте, м-ръ Стерлингъ, м-ръ Больманъ не желалъ бы, чтобы вы дали ходъ гражданскимъ искамъ. М-ръ Больманъ—человѣкъ почтенный, у него премилая жена и взрослые дочери. И такъ уже газеты не даютъ ему проходу, а вы еще ташите его въ судъ!

— Въ этомъ единственная возможность добраться до него,—сказалъ Питеръ.

— Но зачѣмъ вамъ добираться до него? Онъ въ самомъ дѣлѣ очень добродетельный человѣкъ, и если вы спросите своего священника—вѣдь вы кажется посѣщаете церковь м-ра Перпла?—вы узнаете, что Больманъ дѣлаетъ много добра и очень щедро раздаетъ деньги.

Питеръ недовѣрчиво улыбулся:

— Раздавать деньги такъ, какъ дѣлаетъ это Больманъ—не особенная благодѣтельность.

— Но вѣдь онъ ничего не знаетъ,—сказалъ адвокатъ. Однако, замѣтивъ мелькнувшее на лицѣ Питера выраженіе, онъ тотчасъ прибавилъ:—по крайней мѣрѣ, Больманъ говорилъ мнѣ, что не имѣлъ понятія о томъ, что дѣло настолько плохо. Онъ уже года четыре не заглядывалъ въ хлѣвъ.

— Зайдите ко мнѣ завтра,—сказалъ Питеръ.

Когда Деммеръ ушелъ, Питеръ отправился къ своему священнику.

— Да,—сказалъ священникъ Питеру,—м-ръ Больманъ всегда пользовался уваженіемъ въ нашей церкви, всегда былъ щедръ и помогалъ охотно. Не могу сказать, какъ это дѣло удивило и огорчило меня, м-ръ Стерлингъ. Оно страшно подѣйствовало на его жену. Его дочери премилыя дѣвушки, вы, вѣроятно, замѣтили ихъ въ церкви?

Нѣтъ, Питеръ не замѣтилъ ихъ. Онъ не прибавилъ, что никогда не замѣчаетъ молодыхъ дѣвушекъ; что, по нѣкоторымъ причинамъ, онъ не интересуется его больше, съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ какъ...

— Гдѣ живетъ м-ръ Больманъ?—спросилъ Питеръ.

— Въ десяти шагахъ отсюда,—отвѣтилъ м-ръ Перплъ и назвалъ улицу и номеръ дома.

Питеръ взглянулъ на часы и, поблагодаривъ священника, откланялся. Онъ не вернулся домой, а пошелъ по данному адресу и спросилъ м-ра Больмана. Почтенный дворецкій попросилъ Питера въ гостиную и повесъ его карточку пивовару.

Въ гостиной были двѣ молодыя дѣвушки. Одна изъ нихъ была, повидимому, гостя, другая молоденькая дѣвушка, съ нѣжнымъ миловиднымъ личикомъ германскаго типа, вѣроятно, одна изъ «милыхъ дочерей». Приходъ Питера прервалъ на минуту ихъ разговоръ, потомъ онъ снова зашебеталъ, сравнивая свои лѣтнія впечатлѣнія. Когда дворецкій вернулся и громко произнесъ:

— М-ръ Больманъ проситъ васъ, мистеръ Стерлингъ, въ бібліотеку,—Питеръ замѣтилъ, что обѣ дѣвушки сразу оглянулись на него, и хозяйская дочь покраснѣла.

Когда онъ вошелъ въ бібліотеку, м-ръ Больманъ, сконфуженный, стоялъ у камина, а полная женщина стояла у окна, повернувшись къ нимъ спиной.

— Вашъ повѣренный былъ у меня сегодня утромъ, м-ръ Больманъ,—началъ

Питеръ,—и я рѣшилъ придти лично поговорить съ вами объ искахъ.

— Присядайте, присядьте, — нервно перебилъ его хозяинъ, однако самъ не сѣлъ.

Питеръ усѣлся.

— Я бы хотѣлъ покончить это дѣло какъ можно лучше,—сказалъ онъ.

Женщина быстро обернулась къ Питеру, и онъ увидѣлъ, что ея глаза полны слезъ.

— Но какимъ же образомъ? — спросилъ пивоваръ.

— Не знаю, — отвѣтилъ Питеръ, — потому то я и пришелъ къ вамъ.

На лицѣ м-ра Больмана выразилось волненіе, и вдругъ онъ зарыдалъ.

— Даю вамъ слово, м-ръ Стерлингъ, — сказалъ онъ, — я ничего не знаю. Я не нахожу себѣ покоя послѣ того, какъ услышалъ васъ въ судѣ.

Онъ говорилъ по-англійски съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, послѣднія же слова произнесъ по нѣмецки. Больманъ сѣлъ у стола и закрылъ лицо руками. Жена его, тоже плакавшая, подошла къ нему и стала его утѣшать, поглаживая по спинѣ.

— Я думаю, — сказалъ Питеръ, — мы возьмемъ назадъ гражданскіе иски.

М-ръ Больманъ поднялъ голову.

— Дѣло не въ деньгахъ, м-ръ Стерлингъ, — отвѣтилъ онъ, продолжая говорить по-нѣмецки. — Посмотрите.

Онъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола чековую книжку, написалъ чекъ и подалъ его Питеру. Число и подпись были проставлены, но сумма не была вписана.

— Вотъ, — сказалъ Больманъ, — предоставляю вамъ сдѣлать все, что вы найдете справедливымъ.

— Пожалуй, м-ръ Деммертъ найдетъ, что мы нехорошо поступили, рѣшивъ безъ него, — замѣтилъ Питеръ.

— Не думайте о немъ. Я приму мѣры, чтобы онъ не обидѣлся, — сказалъ пивоваръ. — Только поскорѣе дайте мнѣ знать, что все это кончено, чтобы моя жена и дочери... — онъ запнулся и не кончилъ фразы.

— Хорошо, — успокоилъ его Питеръ, — мы возьмемъ назадъ гражданскіе иски.

Мужъ и жена обнялись чисто по-нѣмецки.

Питеръ поднялся съ мѣста и подошелъ къ Больману.

— Три иска были въ пять тысячъ каждый, два остальныхъ по двѣ тысячи, — сказалъ онъ и замаялся. Ему хотѣлось быть справедливымъ къ обвиняемымъ. — Я попрошу васъ заполнить этотъ чекъ на восемь тысячъ долларовъ. Треть по двѣ тысячи, а двумъ по тысячѣ.

М-ръ Больманъ освободился отъ объятий своей супруги и взялъ перо.

— Вы не считаете своего гонорара, — сказалъ онъ.

— Я забылъ объ немъ, — разсмѣялся Питеръ, и супруги разсмѣялись вслѣдъ за нимъ, такъ они были счастливы.

— Напишите тогда чекъ на восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ.

— Что вы, — возразилъ пивоваръ, опять переходя на англійскій языкъ, — это слишкомъ мало за пять исковъ!

— Нѣтъ, — сказалъ Питеръ. — Я рѣшилъ требовать эту сумму, если бы протори и убытки присудили намъ.

Чекъ былъ написанъ, и Питеръ пошелъ домой, обвинявшіеся крѣпкимъ рукопожатіемъ съ обоими супругами.

— Какой славный молодой человекъ, — сказалъ пивоваръ.

Глава XVII.

Новые друзья.

На другой день послѣ описаннаго свиданія, Питеръ получилъ съ утренней почтой записочку — явленіе до сихъ поръ необычное.

Если не считать еженедѣльныхъ писемъ отъ матери, это было первое письмо, полученное имъ за два года, со времени отъѣзда Уаттса. Въ первую минуту Питеръ даже подумалъ, что письмо отъ него, и краска залила его лицо, при мысли, что онъ сейчасъ узнаетъ о... о Уаттсѣ.

Но взглянувъ на почеркъ, онъ увидѣлъ, что ошибся, и безъ особаго интереса разорвалъ конвертъ. Все такъ, открывъ его, онъ не сталъ сразу читать письмо, но задумчиво смотрѣлъ передъ собой.

Въ конвертѣ была коротенькая записка слѣдующаго содержанія.

«Недавнее дѣло показываетъ, что м-ръ Стерлингъ не ищетъ похвалъ или награды за свои благородныя дѣйствія. Но женщина, желающая остаться неизвѣстной, не можетъ удержаться, чтобы не выразить мистеру Стерлингу свою глубокую благодарность за все, что онъ сдѣлалъ; такъ какъ она лишена возможности высказать это лично, то проситъ его принять отъ нея благодарность и гонораръ за дѣло бѣдныхъ дѣтей противъ безчеловѣчной людской жадности».

Питеръ посмотрѣлъ въ конвертъ и нашелъ въ немъ чекъ на пятьсотъ долларовъ. Онъ положилъ его на столъ и еще разъ прочиталъ записку. Не было сомнѣнйя въ томъ, что ее писала свѣтская женщина. Все свидѣтельствовало объ этомъ—отъ нѣжнаго аромата, исходящаго отъ бумаги, и до изящнаго ровнаго почерка. Питеру захотѣлось знать—кто она? Онъ осмотрѣлъ чекъ, ища подписи, и нашелъ, что онъ подписанъ кассиромъ того банка, на котораго былъ выданъ.

Полчаса быстрого хода привели Питера въ банкъ, названіе котораго стояло на чекѣ. Банкъ былъ солидный, занимавшійся преимущественно дѣлами богатыхъ семей и наслѣдницъ.

Питеръ спросилъ кассира.

— Я пришелъ по поводу этого чека,—сказалъ онъ, подавая чекъ, когда кассиръ явился.

— Хорошо,—произнесъ кассиръ привѣтливо, но съ отгнѣнкомъ покорной грусти въ голосѣ, который приобретаютъ всѣ кассиры «семейныхъ» банковъ, когда имъ приходится уплачивать по женскимъ счетамъ.—Вы должны подписать ваше имя наоборотъ, съ лѣвой стороны, и представить въ расходную кассу, вотъ въ то окно. Ваша личность должна быть удостовѣрена, если контролеръ васъ не знаетъ.

— Мнѣ не нужно денегъ,—сказалъ Питеръ.—Я хочу знать, кто прислалъ мнѣ этотъ чекъ.

Кассиръ внимательно прочиталъ его.

— О!—сказалъ онъ, потомъ окинулъ

Питера быстрымъ любопытнымъ взглядомъ.—Вы мистеръ Стерлингъ?

— Да.

— Этотъ чекъ заполнялъ я по приказанію предсѣдателя, и вамъ придется повидаться съ нимъ, если вы хотите не только денегъ.

— Могу я его видѣть?

— Пойдемте со мной.

Они вошли въ небольшой кабинетъ въ самой глубинѣ банка.

— М-ръ Дайеръ,—сказалъ кассиръ,—здѣсь м-ръ Стерлингъ, онъ пришелъ къ вамъ на счетъ чека.

— Очень радъ видѣть васъ, мистеръ Стерлингъ, потрудитесь сѣсть.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, кто прислалъ этотъ чекъ.

— Мнѣ жаль, что не могу служить вамъ. Мы имѣемъ положительныя приказанія отъ выдаващаго его лица, чтобы имя не было названо.

— Можете вы передать письмо?

— Это тоже запрещено.

— Словесное порученіе?

— Про это ничего не было сказано.

— Такъ будьте любезны сказать этой дамѣ, что чекъ не будетъ предъявленъ, пока м-ръ Стерлингъ не получитъ возможности лично объясниться съ ней.

— Съ удовольствіемъ. Она навѣрно, не будетъ ничего имѣть противъ этого.

— Благодарю васъ.

— Не за что.—Предсѣдатель всталъ и проводилъ его до двери.—Ваша рѣчь была превосходна, м-ръ Стерлингъ,—Я нисколько не стыжусь сознаться что вы растрогали меня—старика до слезъ.

— Я думаю,—возразилъ Питеръ,—что смерть бѣдныхъ ребятишекъ тронула публику, а не что нибудь другое.

На другой день утрення почта принесла Питеру другую записку, написанную тою же рукою, что и наканунѣ.

— Вотъ что онъ прочелъ:

«Миссъ Де-Во получила извѣстіе о желаніи м-ра Стерлинга и будетъ имѣть удовольствіе принять его по поводу чека, сегодня, въ среду, въ половинѣ двѣнадцатаго дня, если онъ придетъ къ ней.

«Миссъ Де-Во извиняется, что дастъ м-ру Стерлингу такой срокъ, но она уѣзжаетъ изъ Нью-Йорка въ четвергъ».

Когда Питеръ вышелъ на улицу, онъ былъ слегка удивленъ, что такъ равнодушно относится къ ожидаемому свиданію.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился въ присутствіи женщины, которая, судя по твердому почерку, не развалина. Три года назадъ подобная перспектива наполнила бы его ужасомъ.

До той достопамятной недѣли у Пирсовъ, онъ никогда безъ ужаса не шелъ туда, гдѣ ожидалъ встрѣтиться съ женщиной. Послѣ, исключая двадцати четырехъ часовъ во время свадьбы Уаттса, онъ никогда не встрѣчался съ дамами. А теперь онъ шелъ къ совершенно незнакомой дамѣ и не испытывалъ ни замѣшательства, ни страданія. Ему было даже любопытно. Питеръ не былъ подверженъ самоанализу, но происшедшая въ немъ перемена была такъ значительна, что онъ не могъ не замѣтить ея. Зависѣла ли она отъ бремени прожитыхъ годовъ? Или оттого, что онъ пересталъ обращать вниманіе на то, что объ немъ думаютъ женщины? Или его открытіе, что одна дѣвушка была очаровательна, сдѣлало остальныхъ менѣе страшными въ его глазахъ? Онъ предлагалъ себѣ эти вопросы, идя по улицѣ, и не успѣлъ еще найти на нихъ отвѣта, когда звонилъ у дверей старомоднаго двухэтажнаго дома на Второй авеню.

Питера попросили въ большую гостиную, мебель которой была покрыта чехлами, что помѣшало бы Питеру вывести какое-нибудь заключеніе объ обстановкѣ, если бы у него было на это время. Но едва дворецкій успѣлъ выйти, какъ послышался шелестъ женскаго платья. Питеръ быстро поднялся и очутился лицомъ къ лицу съ высокой стройной женщиной между тридцатью пятью и сорока годами. Даже неопытный глазъ Питера сразу узналъ въ ней женщину высшаго круга. Ея платье было изъ самой простой лѣтней матеріи, и его не совѣшь модный покрой и простота придавали всему костюму особый отпечатокъ порядочности. Каждая черта ея лица, посадка головы и манера держаться обличали «породу».

— Я должна поблагодарить васъ, м-ръ Стерлингъ,—сказала она просто,

низкимъ, мягкимъ голосомъ,—что вы выбрали время зайти ко мнѣ, несмотря на назначенный мною короткій срокъ.

— Вы слишкомъ добры,—отвѣтилъ Питеръ,—что согласились на мою просьбу. Для меня всякое время удобно.

— Я рада, что не затруднила васъ.

Питеръ ожидалъ, что она попроситъ его сѣсть, но она ничего не сказала, и онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Я очень признателенъ вамъ, миссъ Де-Во, за вашу записку и за чекъ. Отъ души благодарю васъ, но думаю, что вы прислали чекъ по ошибкѣ, потому я не счелъ себя въ правѣ принять его.

— По ошибкѣ?

— Да. Въ газетныхъ сообщеніяхъ было много неточности. Я «не бѣдный молодой адвокатъ», какъ онъ называли меня. У моей матери хорошія средства и она даетъ мнѣ вполне достаточное содержаніе.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Кроме того,—продолжалъ Питеръ,—хотя газеты были правы, говоря, что я принялъ на себя часть издержекъ по дѣлу, но я болѣе чѣмъ вознагражденъ гонораромъ за гражданскіе иски, предъявленные мною отъ имени родителей пострадавшихъ дѣтей, и съ которыми намъ удалось покончить очень выгодно.

— Не присядите ли вы, м-ръ Стерлингъ?—сказала миссъ Де-Во.—Мнѣ хотѣлось бы узнать подробности дѣла.

Питеръ очень просто изложилъ все, какъ было. Но миссъ Де-Во вставляла свои вопросы и замѣчанія, которыя вели къ новымъ объясненіямъ, и когда Питеръ кончилъ, онъ рассказалъ не только все дѣло, но еще многое другое. Упомянутое о дѣтахъ Дулей открыло фактъ ихъ пребыванія въ домѣ матери Питера, и это выяснило ея положеніе въ свѣтѣ. Удовлетвореніе исконъ повело за собой описаніе визита къ пивовару, и Питеръ, чтобы оправдать свой поступокъ, перешелъ при этомъ свой разговоръ къ пасторомъ. Отношеніе Питера къ дѣлу заставило его говорить о вечерахъ, проведенныхъ въ скверѣ съ дѣтьми и о своемъ одиночествѣ, которое привело его

туда. Впослѣдствіи Питеръ былъ очень удивленъ, вспоминая, какъ много онъ говорилъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что опытная и тактичная женщины можетъ незамѣтнымъ образомъ заставить чело­вѣка высказать все, что онъ знаетъ, если только она захочетъ.

Если женщины когда нибудь серьезно займутся адвокатурой, то да сохранить Провидѣніе тѣхъ представителей сильнаго пола, которымъ придется давать показанія!

Пока Питеръ говорилъ, пробили часы.

— Простите меня, — сказалъ онъ, — я не имѣлъ понятія, что отнял у васъ такъ много времени. — Потому онъ вынулъ изъ кармана чекъ. — Вы видите, что дѣло было очень выгоднымъ для меня, и чекъ мнѣ не нуженъ.

— Одну минуту, м-ръ Стерлингъ, — сказала миссъ Де-Во, не вставая. — Есть ли у васъ время позавтракать со мной? Мы сейчасъ сядемъ за столъ, и вы потомъ можете уйти, когда захотите.

Питеръ колебался. Время у него было, и ему казалось неловкимъ отказаться безъ уважительной причины, которой у него не было; съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права принять приглашеніе, вызванное, можетъ быть, слишкомъ продолжительнымъ визитомъ.

— Благодарю васъ, — сказала хозяйка, пока онъ не успѣлъ сочинить отвѣтъ. — Могу я просить васъ позвонить?

Питеръ позвонилъ и снова неловко протянулъ чекъ миссъ Де-Во.

Но она смотрѣла на дверь, въ которой черезъ минуту показался дворецкій.

— Морденъ, — сказала она, — можете подавать завтракъ.

— Завтракъ поданъ, сударыня, — отвѣтилъ Морденъ.

Миссъ Де-Во встала.

— М-ръ Стерлингъ, я не думаю, что бы ваше объясненіе измѣнило обстоя­тельства, заставившія меня послать вамъ чекъ. Вы сами сознались, что дѣло ввело васъ въ расходы, и что вы за него ничего не получили. Какъ я писала вамъ, я послала вамъ только вашъ гонораръ, а такъ какъ никто другой вамъ его не предложилъ, я настаиваю на

своемъ желаніи. Сама я не могу никого защищать, но я бога... я... я могу помочь другимъ дѣлать это, и я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ удовольствіе чувствовать, что я тоже внесла лепту въ это дѣло.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ. — Я согласенъ взять деньги, я только боялся, что вы послали ихъ по ложному представленію.

Миссъ Де-Во улыбнулась Питеру, и лицо ея приняло премилое выраженіе.

— Я должна сказать вамъ «благодарю васъ», и я вамъ очень обязана. Но вопросъ исчерпанъ, займемся лучше завтракомъ.

Питеръ, несмотря на свой обычный недостатокъ наблюдательности, не могъ не замѣтить изящнаго убранства стола. Это былъ простой лѣтній завтракъ, но серебро, фарфоръ и хрусталь были такіе, какихъ онъ раньше никогда не видалъ.

— Какое вино привыкли вы пить за завтракомъ? — спросила его хозяйка.

— Никакого. Я не пью, — отвѣчалъ Питеръ.

— Вы не признаете вина? — продолжала она.

— Лично я ничего не имѣю противъ него.

— Однако? — И въ голосъ миссъ Де-Во послышался вопросъ.

— Моя мать очень предубѣждена противъ вина, поэтому я и не пью. Для меня это не составляетъ лишенія, она же была бы очень огорчена, если бы я пилъ.

Разговоръ обратился къ матери Питера, къ годамъ его дѣтства, и, къ концу разговора, миссъ Де-Во удалось узнать очень многое о его происхожденіи и его жизни въ Нью-Йоркѣ.

Бой часовъ снова прервалъ Питера, такъ какъ они продолжали сидѣть за столомъ и послѣ того, какъ завтракъ кончился, хотя миссъ Де-Во, для виду, щипала вѣточку винограда. Но когда пробило три часа, Питеръ, не придумывая даже никакого предлога для ухода, поспѣшно всталъ.

— Я отнял у васъ все утро, — сказалъ онъ извиняясь.

— Я думаю, — улыбнулась миссъ

Де-Во,—что въ этомъ мы оба виноваты въ равной мѣрѣ. Я завтра уѣзжаю, м-ръ Стерлингъ, но я вернусь въ концѣ октября, и если ваши занятія и ваше расположеніе позволяютъ вамъ, я надѣюсь, вы зайдете ко мнѣ опять.

Питеръ посмотрѣлъ на серебро и фарфоръ; потомъ перевелъ взглядъ на миссъ Де-Во: она выглядела такой аристократкой.

— Я буду счастливъ,—отвѣтилъ онъ,—если вы, вернувшись, дадите мнѣ знать, что желаете меня видѣть.

Миссъ Де-Во слегка перевела дыханіе, когда Питеръ замедлилъ съ отвѣтомъ.

«Право, мнѣ кажется, онъ собирается отказаться!» думала она, и глубокое изумленіе охватило ее. Она была не меньше удивлена его отвѣтомъ.

— Я никогда не приглашаю къ себѣ мужчинъ дважды, мистеръ Стерлингъ,—сказала она съ отбѣнкомъ надменности въ голосъ.

— Очень жаль,—спокойно отвѣтилъ Питеръ.

Миссъ Де-Во опять перевела дыханіе.

— До свиданія,—сказала она, протягивая ему руку.—Я надѣюсь, что увижу васъ.

— До свиданія,—сказалъ Питеръ, и черезъ нѣсколько минутъ шелъ по направлению къ своей конторѣ.

Миссъ Де-Во стояла задумавшись.

«Это любопытно—думала она.—Хотѣлось бы мнѣ знать, придетъ-ли онъ?»

На слѣдующій вечеръ она обѣдала со своими родными въ одной изъ модныхъ дачныхъ мѣстностей и рассказывала имъ про визитъ «м-ра Стерлинга, адвоката, который сказалъ такую чудную рѣчь».

— Когда мнѣ передали его просьбу,—говорила она,—я думала, что буду погребена подъ градомъ благодарностей или же, что мое предложеніе будетъ отклонено въ надеждѣ, что я залѣюсь слезами при видѣ такого безкорыстія. Такъ какъ я не могла отказаться принять его, я приготовилась оборвать его или взять деньги, не говоря ни слова. Но онъ вовсе не похожъ на то, чѣмъ я его воображала. Онъ не самоувѣренъ и не болтливъ, скорѣе напротивъ. Онъ такъ мнѣ понравился, что я удержала его къ

завтраку и заставила его многое разсказать мнѣ объ немъ самомъ такъ, что онъ и не подозрѣвалъ этого. Онъ ведетъ совсѣмъ особенную жизнь, самъ не отдавая себѣ отчета въ этомъ, и очень интересно объ ней разсказываетъ. Онъ всегда употребляетъ настоящія слова, такъ что все время ясно понимаешь, что онъ хочетъ сказать, и не утруждаешь свои мозги, стараясь заполнить пробѣлы въ разсказѣ. Кромѣ того у него очень пріятный голосъ, голосъ, въ которомъ чувствуется безусловная правда. Нѣтъ, онъ не красивъ, хотя у него прекрасные глаза и волосы. Его лицо и вся фигура слишкомъ тяжелы.

— Онъ джентельменъ, кузина Аннеке?—спросилъ кто-то.

— Онъ немного неловокъ и робокъ по временамъ, но такъ мнѣ понравился, что я пригласила его бывать у меня.

— Мнѣ кажется,—сказалъ кто-то другой,—что вы слишкомъ добры.

— Тутъ-то и произошла самая курьезная вещь,—продолжала миссъ Де-Во—Я вовсе не увѣрена, что онъ собирается придти. Мнѣ было очень пріятно, что онъ не раболѣпствовалъ, во меня крайне удивило, что онъ—первый мужчина, не стремившійся быть принятымъ въ моемъ домѣ. Я даже думаю, онъ не знаетъ, кто такая миссъ Де-Во.

— Онъ скоро узнаетъ это,—засмѣялась одна изъ барышень,—и тогда сдѣлаетъ то же, что я всѣ они.

— Нѣтъ, сказала миссъ Де-Во.—Я думаю, для него это все равно. Онъ кажется, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Мнѣ было бы просто любопытно узнать, неужели мнѣ придется приглашать его во второй разъ? Это будетъ единственный случай, сколько я могу припомнить. Боюсь я, дорогіе мои, старѣется ваша кузина!

Дѣйствительно, Питеръ провелъ четыре часа въ обществѣ женщины, знакомства съ которой всѣ добивались, съ женщиной, одинаково извѣстной знатностью рода, общественнымъ положеніемъ богатствомъ и благотворительностью. Для него не составило-бы большой разницы, еслибъ онъ зналъ объ этомъ, хотя это обстоятельство еще могло ве-

много увеличить его обычную недовольность. Что онъ не былъ такъ несообразителенъ, какимъ считала его миссъ Де-Во, видно изъ слѣдующаго отрывка письма, которое онъ писалъ матери.

«Она очень заинтересовалась дѣломъ, и предлагала мнѣ много вопросовъ о немъ и обо мнѣ самомъ. На многіе изъ нихъ я охотнѣе не отвѣчалъ-бы, но такъ какъ она спрашивала, я не могъ уклониться отъ отвѣта.

«Она меня приглашала посѣщать ее; вѣроятно, съ ея стороны это мимолетняя симпатія, какія часто возникаютъ въ ихъ обществѣ (тутъ Питеръ тщательно вычеркнулъ послѣднюю фразу и упрекнулъ себя, что горечь единственнаго опыта заставила его произнести приговоръ цѣлому классу общества), но если она пригласитъ меня еще разъ, я пойду къ ней, въ ней есть что-то привлекательное и благородное.

«Я думаю, она очень важное лицо».

Дальше онъ писалъ:

«Если ты согласишься со мной, я положу эти деньги въ сберегательную кассу на текущій счетъ, и буду употреблять ихъ на какое-нибудь полезное дѣло для бѣдняковъ. Я безвозмездно предложилъ имъ свои услуги и не считаю себя вправѣ брать деньги, которые гораздо лучше можно употребить на пользу тѣхъ людей, которымъ я старался помочь».

Глава XVIII.

Другой клиентъ.

На другой день послѣ удовлетворенія исковъ Питеръ навѣстилъ своихъ клиентовъ и сообщилъ имъ объ удачѣ. Каждому изъ нихъ былъ предъявленъ чекъ Болзмана и предложенъ вопросъ—доволенъ ли онъ своей долей?

— Еще бы, — отвѣтилъ Дулей. — Я даже не знаю, что мнѣ дѣлать съ такой кучей денегъ.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ Питеръ, — что эти двѣ тысячи собственно должны принадлежать вашимъ дѣтямъ.

— Конечно, — виѣшалась миссисъ Дулей, готовая обратить мужа въ пользу дѣтей.

— Такъ что же мнѣ дѣлать съ ними?—спросилъ Дулей.

— Я бы попросилъ м-ра Стерлинга взять мои на храненіе, — замѣтилъ Блакеттъ.

— Это славная мысль, — согласился Дулей.

Такъ же рѣшили и всѣ остальные. Питеръ посоветывалъ, что лучше всего будетъ положить деньги пока въ сберегательную кассу. «Можетъ быть впоследствии мы пристроимъ ихъ лучше», добавилъ онъ.

Они всѣ вмѣстѣ отправились въ сберегательную кассу, и Питеръ спросилъ совѣта у кассира. Тотъ посоветывалъ передать вексель въ кассу, которая беретъ выдѣлать каждому его часть.

— Я попрошу васъ выдѣлать мнѣ лишніе двѣстипяťдесятъ долларовъ. — сказалъ Питеръ, — это мой гонораръ.

— Лучше разрѣшите мнѣ положить ихъ на ваше имя, м-ръ Стерлингъ, — предложилъ директоръ, который былъ призванъ на совѣщаніе.

— Прекрасно, — согласился Питеръ. — Мнѣ нужно будетъ въ скоромъ времени часть суммы, но остальное пусть остается здѣсь.

Сохранныя книжки были вручены Питеру, и директоръ пожалъ ему руку со всѣмъ жаромъ, который предписывался владомъ въ восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ долларовъ и четырьмя новыми вкладчиками.

Но Питеру не пришлось вынимать своихъ денегъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ опять кто-то постучалъ въ его дверь.

Этотъ кто-то оказался м-ромъ Моріерти, о которомъ мы уже случайно упоминали по поводу отпущенныхъ имъ за полцѣны напитковъ на похороны Биджета Миллиганъ и который выступилъ въ роли оратора въ факельной процессіи.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ, — сказалъ посѣтитель.

У Питера была особенность никогда не забывать разъ видѣнные лица. Онъ не зналъ м-ра Моріерти, никогда не слышалъ его, но тотчасъ-же узналъ его.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Питеръ, протягивая руку.

Питеръ не имѣлъ обыкновенія всѣмъ подавать руку, но лицо этого человѣка ему нравилось, хотя врядъ-ли могло рассчитывать получить премію за красоту. У м-ра Моріерти были огненно-рыжіе волосы, невѣроятно курносый носъ и очень толстая нижняя губа. Но все-таки его лицо нравилось каждому.

— Большая честь для меня пожать руку м-ру Стерлингу,—сказалъ ирландецъ. — Присядьте,—пригласилъ Питеръ.

— Мое имя Моріерти, сэръ, Деннисъ Моріерти, я держу «салонъ» недалеко отъ Центральной улицы.

— Вы были здѣсь съ факельнымъ шестіемъ?

— Да, сэръ. Конечно, я не умѣю говорить рѣчи, особенно въ сравненіи съ вами, но ребята меня выбрали.

Питеръ сказалъ что-то приличное случаю, затѣмъ наступило молчаніе.

— М-ръ Стерлингъ,—началъ наконецъ Моріерти.—Меня вчера требовалъ судья Галлагеръ и больно оштрафовалъ меня. Я хотѣлъ бы, что бы вы пошли къ нему и устроили мнѣ какое-нибудь облегченіе. Только вы и можете это сдѣлать.

— За что васъ оштрафовали?—спросилъ Питеръ.

— За торговлю въ воскресенье.

— Значитъ, за дѣло оштрафовали.

— Не говорите такъ, пока я вамъ не расскажамъ всего. Я радъ бы не торговать по воскресеньямъ, да это стоитъ въ условіи, вотъ и пришлось открыть лавочку.

— Въ условіи?—допрашивалъ Питеръ.

— Да.—И онъ передалъ ему свои бумаги.

Питеръ пробѣжалъ три документа.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ онъ.—Вы на самомъ дѣлѣ только довѣренное лицо, и у пивовара въ рукахъ закладная на вашу недвижимую собственность и откупное свидѣтельство.

— Въ томъ-то и штука,—сказалъ Деннисъ.—И ловко же вы это поняли! Я только довѣренное лицо, и чортъ бы побралъ эту довѣренность! Кто-жъ будетъ работать своей охотой семь дней въ недѣлю, когда и шести довольно?

— Отчего же вы не отказались отъ такихъ условій?

— Потому что меня выгнали бы. И пиво-то такое дрянное, что и въ семь дней его не много продашь!

— Почему же вы не берете пиво въ другомъ мѣстѣ?

— Нельзя, Эдельгейнъ посадилъ меня сбывать свою гадость и ни за что не позволить продавать чтонибудь другое.

— Значитъ, на самомъ дѣлѣ хозяинъ Эдельгейнъ, а вы посажены только для отвода глазъ?

— Понятно.

— А вы не затратили на это своихъ денегъ?

— Ни гроша мѣднаго.

— Такъ почему же хозяинъ не платить штрафа?

— Онъ сказалъ, что знать ничего не хочетъ о штрафахъ. А какъ будто можно избѣжать штрафовъ, когда продаешь его пиво!

— Почему же?—освѣдомился Питеръ, понимая, что за продажу плохого пива слѣдуетъ штрафовать, но не знакомый съ уставами.

— Видите ли, сэръ, ребята не любятъ этого пива, а они понимаютъ толкъ, они обжуются, идутъ въ другія мѣста, а ко мнѣ и не заходятъ.

— Но это не объясняетъ мнѣ, почему васъ штрафуютъ.

— А въ этомъ то вся штука. Разъ ребята не ходятъ ко мнѣ, я мало могу сдѣлать на предварительныхъ выборахъ, у меня нѣтъ вліянія въ политикѣ, поэтому полиція и судьи не спускаютъ мнѣ, какъ другимъ.

Питеръ нѣсколько времени молчалъ, глядя въ стѣну.

— Если бы у меня было хорошее пиво,—продолжалъ Моріерти,—я бы всѣхъ ихъ перещеголялъ, ребята меня всегда любили, потому что я кулаками хорошо работаю.

Питеръ улыбнулся.

— Почему вы не займетесь чѣмъ-нибудь другимъ?—спросилъ онъ.

— У меня мать на рукахъ, да трое ребятъшекъ, а потому я могу потерять свое вліяніе на выборахъ.

— А какое пиво дѣлаешь Больманъ? — спросилъ Питеръ будто совсѣмъ нехстати.

— О, — сказалъ Маріерти, — у него славное, честное пиво! Онъ всегда въ порядкѣ. И онъ справедливо обращается со своими приказчиками. Онъ предлагаетъ имъ торговать или не торговать по воскресеньямъ, какъ сами захотятъ и никогда не прижимаетъ, когда человѣку не везетъ.

Питеръ опять уставился въ стѣну, — онъ что то соображалъ.

— Предположимъ, — сказалъ, онъ, — что я буду въ состояніи освободить васъ отъ штрафа и добиться, чтобы этотъ пунктъ былъ вычеркнутъ изъ условія. Станете ли вы торговать по воскресеньямъ?

— Боже меня сохрани!

— А когда вамъ надо платить штрафъ?

— Я на поручаюсь до завтра, сэръ.

— Такъ оставьте мнѣ ваши бумаги и зайдите завтра въ это же время.

Питеръ еще нѣсколько времени послѣ ухода новаго кліента изучалъ стѣну. Онъ не жаловалъ ни хозяевъ «салоновъ», ни нарушителей закона, но въ данномъ случаѣ, ему казалось, были смягчающія обстоятельства. Его размышленія привели къ тому, что онъ направился въ камеру судьи Галлагера. Судья оказался не разговорчивымъ и суровымъ.

— Онъ попался три раза въ три мѣсяца; я хочу на немъ показать примѣръ.

— Но почему страдаетъ онъ одинъ, когда каждый содержатель питейнаго заведенія по совѣдству дѣлаетъ то же?

— Послушайте, сэръ, — сказалъ судья, — не отнимайте у меня даромъ времени. Чье дѣло слѣдуетъ?

Опять знакомое намъ странное выраженіе промелькнуло на лицѣ Питера. Онъ уже выходилъ изъ камеры, когда въ дверяхъ столкнулся съ однимъ изъ полицменовъ, съ которымъ «дружилъ», по выраженію дѣтвора, т.-е. болталъ съ нимъ изрѣдка въ «треугольникѣ».

— Что за человѣкъ Деннисъ Моріерти? спросилъ онъ полицмена.

— Славный парень, содержитъ мать и трюхъ братишекъ.

— За что же судья Галлагеръ его преслѣдуетъ?

Полицменъ оглянулся вругомъ:

— Политика, сэръ, и ему приказано.

— Кѣмъ?

— Этого мы не знаемъ. Прошлой весной на выборахъ была свалка, и съ тѣхъ поръ намъ приказано караулить его.

Питеръ на минуту задумался.

— Кто же изъ содержателей питейныхъ заведеній главный воротила теперь? — спросилъ онъ.

— Да всѣ они сильны, но главный то Бленкерсъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.

На улицѣ онъ остановился и снова задумался. Затѣмъ онъ прошелъ нѣсколько шаговъ и вошелъ въ большой «салонъ» Бленкерса.

— Мнѣ нужно поговорить съ хозяиномъ, — сказалъ Питеръ.

— Это я, — сказалъ человѣкъ, читавшій газету за прилавкомъ.

— Знаете ли вы судью Галлагера?

— Знаюли! Понятно, знаю, — отвѣтилъ хозяинъ

— Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе пойти со мной въ его камеру и побудить его сложить штрафъ съ Денниса Моріерти?

— Нѣтъ, не сдѣлаю, не хочу. Слишкомъ уже много «салоновъ» развелось; закроютъ, такъ меньше возни будетъ!

— Въ такомъ случаѣ, — спокойно возразилъ Питеръ, — вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы я закрылъ вашъ?

— Что вы хотите сказать? — сердито спросилъ хозяинъ.

— Если дѣло дойдетъ до закрыванія «салоновъ», такъ можно и вашъ закрыть.

— Да вы кто?

Человѣкъ выльзъ изъ за прилавка, презрительно пожимая плечами.

— Мое имя Питеръ Стерлингъ, Питеръ Стерлингъ.

Человѣкъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— А какъ же вы закроете мое заведеніе?

— Найду свидѣтелей противъ васъ подамъ жалобу.

— Такъ не дѣлаютъ.

— Но я такъ сдѣлаю.

— Что же вы имѣете противъ меня?

— Ничего. Но я хочу, чтобы съ Моріерти вели честную игру. Да и вы любите сражаться съ открытыми глазами. Вы не похожи на человѣка, готоваго зарѣзать врага изъ-за угла.

Питеръ не льстилъ хозяину; онъ одѣнилъ его сразу и не стѣснялся высказать ему свою оцѣнку, и высказалъ ее такъ, что тотъ хорошо понялъ смыслъ его словъ.

— Идемъ,—сказалъ Бленкерсъ добродушно.

Они пошли въ камеру судьи, и судья съ трактирщикомъ долго совѣщались шопотомъ.

— Дѣло сдѣлано, м-ръ Стерлингъ,—сказалъ, наконецъ, судья.—Писарь, вычеркните изъ списковъ штрафъ Денниса Моріерти.

— Благодарю васъ,—сказалъ Питеръ трактирщику.—Если я могу чѣмъ-нибудь услужить вамъ—дайте мнѣ знать.

— Не стоитъ благодарности,—отвѣчалъ тотъ, и они разошлись.

Питеръ направился въ сторону «Национальной молочной компаніи», но на этотъ разъ онъ прошелъ на пивоваренный заводъ. Онъ розыскалъ м-ра Больмана, изложилъ дѣло и попросилъ совѣта.

— Несвязывайтесь съ этимъ Эдельгеймомъ. Мы вотъ что лучше сдѣлаемъ; у меня есть свободная лавка на Зендеръ-Стритъ, и вашъ пріятель получитъ ее.

Она вмѣстѣ обсудили всѣ подробности. Деннисъ долженъ былъ поступить арендаторомъ съ обязательствомъ продавать только пиво Больмана, за что получить извѣстный процентъ, а также и со всего другого. Онъ долженъ былъ платить Больману аренду и дать задатную на довѣренное ему имущество; и, наконецъ, онъ имѣлъ право выкупить недвижимую собственность и право торговли въ пятилѣтній срокъ, внося извѣстную сумму.

— Приготовьте бумаги, м-ръ Стерлингъ, и пришлите мнѣ контрактъ. Пусть паренъ попробуетъ счастья,—сказалъ пивоваръ.

Когда Деннисъ явился на другой день къ Питеру, то былъ пораженъ, узнавъ новость. Онъ чуть не вывихнулъ руку Питеру.

— Боже мой! да что мнѣ сказать вамъ?—воскликнулъ онъ, наконецъ.

Затѣмъ, придумавъ что-то, онъ быстро прибавилъ:

— Теперь, Патси Бленкерсъ, смотри въ оба! Задамъ я тебѣ жару на выборахъ!

Онъ просилъ Питера придти на открытіе и помочь «отпраздновать событіе».

— Благодарю васъ,—сказалъ Питеръ,—но я думаю, что не приду.

— Право, вы не бойтесь,—просилъ Деннисъ,—все будетъ въ порядкѣ. Дратся я и самъ умѣю, ребята это хорошо знаютъ.

— Меня мать такъ воспитала,—объяснилъ ему Питеръ,—что я не хожу по «салонамъ», а когда я ѣхалъ въ Нью-Йоркъ, я общалъ, что сейчасъ же напишу ей, если сдѣлаю что-нибудь такое, чего она учила не дѣлать. Она не пойметъ причину моего визита къ вамъ и огорчится.

Составивъ контрактъ, Питеръ заработалъ пятьдесятъ долларовъ, а въ концѣ перваго мѣсяца Деннисъ принесъ ему еще пятьдесятъ.

— Торговля идетъ на славу, сэръ, и я хочу васъ отблагодарить за все, что вы для меня сдѣлали.

Поэтому Питеръ оставилъ свои двѣсти пятьдесятъ долларовъ въ сберегательной кассѣ и покрылъ надержки перваго дѣла заработками втораго.

Вотъ что онъ писалъ матери:

«Боюсь, что ты не одобришь исполнѣ того, что я сдѣлалъ, такъ какъ знаю твое строгое отношеніе къ людямъ, которые дѣлаютъ и продаютъ крѣпкіе напитки. Но въ послѣдніе дни я понялъ, что добротою и помощью можно достигнуть гораздо большаго, чѣмъ строгостью и преслѣдованьемъ. Я не рассчитывалъ зарабатывать что нибудь на этомъ дѣлѣ, поэтому мысль о деньгахъ не имѣла здѣсь ни малѣйшаго вліянія. Мнѣ казалось, что съ человѣкомъ поступили несправедливо, пользуясь законами, написанными съ другой цѣлью. Я старался хорошенько обдумать дѣло и поступить по справедливости. Мой послѣдній клиентъ смотритъ и говоритъ такъ, что я увѣренъ, онъ славный паренъ, и попробую сдѣлать что-нибудь для него, конечно,

если тебѣ не противна мысль, что мой пріятель тратирщикъ. Я знаю, что могу быть полезенъ ему».

Питеръ и не подозрѣвалъ, какую службу сослужить ему новый кліентъ.

Глава XIX.

Предварительное голосованіе.

Послѣ кипучей дѣятельности послѣдняго времени, жизнь Питера снова потекла въ прежнихъ берегахъ. Зима прошла безъ какихъ либо выдающихся событій, если не считать все возрастающую популярность его среди населенія рабочаго квартала.

Но въ слѣдующемъ іюлѣ жизнь Питера вступила въ новую фазу, и переворотъ былъ вызванъ визитомъ Денниса Моріерти.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ, прекрасный сегодня денекъ,—началъ онъ, съ обычнымъ ему пріветливымъ видомъ.

— Да,—отвѣтилъ Питеръ.

— М-ръ Стерлингъ, вы не заняты сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ.

Питеръ былъ дѣйствительно совершенно свободенъ.

— Такъ не пойдете ли вы со мной на предварительное?

— Какое предварительное?

— Предварительное голосованіе для выборовъ депутатовъ въ собраніе.

— Нѣтъ не пойду. А какой партіи?

— Какой партіи?

— Ну да!

— М-ръ Стерлингъ, извѣстно ли вамъ мое имя?

— Деннисъ Моріерти, кажется, не такъ ли?

— Именно. А чѣмъ я занимаюсь?

— Вы держите «салонъ».

— Вѣрно, а въ какомъ кварталѣ я живу?

— Кажется въ шестомъ.

— Такъ,—сказалъ Деннисъ, и лицо его расплылось въ широчайшую улыбку

— Сдается мнѣ, вы считаете меня грязнымъ, чернымъ республиканцемъ.

Питеръ разсмѣялся, какъ всегда, когда Деннисъ начиналъ философствовать.

— Слушайте, Деннисъ,—сказалъ

онъ,—нечего бранить эту партію. Мой отецъ былъ демократъ, но онъ подаль голосъ за Линкольна и въ свое время сражался за негровъ, и хотя я тоже демократъ, но, по моему, республиканцы черны только по своимъ симпатіямъ, а не по дѣламъ.

— А какого вы мнѣнія о мошенничествѣ съ водкой, о «черной пятницѣ» и объ имущественномъ кредитѣ?—спросилъ Деннисъ.

— Конечно, они мнѣ вовсе не нравятся,—отвѣтилъ Питеръ,—но это дѣло рукъ людей, а не партіи.

— А что такое партія, если не тѣ же люди, что ее составляютъ?—продолжалъ Деннисъ.

— Вы хорошо узнали теперь м-ра Большана, Деннисъ?

— Еще бы!

— Ну, такъ онъ сдѣлалъ Большана управляющимъ и поручилъ ему надзоръ за коровами. Однако, это не мѣшаетъ ему быть честнымъ человѣкомъ.

Деннисъ почесалъ затылокъ.

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ онъ,—а республиканцы все таки негодяи! Поглядите-ка на нихъ у насъ въ кварталѣ, ни одинъ порядочный человѣкъ не предложитъ имъ выпить вмѣстѣ съ нимъ.

— Я думаю, Деннисъ,—сказалъ Питеръ,—что если бы всѣ порядочные люди принадлежали къ одной партіи, такъ о другихъ и говорить не стоило бы.

— Истинная правда,—отвѣтилъ Деннисъ.—Потому-то въ городѣ Нью-Йоркѣ и стоитъ говорить только о демократической партіи.

— Разскажите-ка мнѣ про эту подачу голосовъ,—сказалъ Питеръ, видя, что отвлеченная философія политики была безсильна внушить Деннису болѣе терпимый образъ мысли.

— Это дѣло первой важности,—былъ отвѣтъ;—послѣдніе два года бралъ верхъ все Патси Бленкерсъ и его грязная шайка (Деннисъ, казалось, забылъ только что высказанное имъ мнѣніе, что демократы всѣ «порядочные» люди); теперь мы наконецъ дождались списка новыхъ кандидатовъ, и если теперь мы ихъ не побьемъ, то я не Деннисъ Моріерти!

— Какіе вопросы будутъ рѣшаться на митингѣ?

— Сначала составленіе списка кандидатовъ, потомъ выборъ делегатовъ.

— Вотъ что! Значить много будетъ споровъ, пока не выберутъ?

— Еще бы! Славная свалка будетъ! Весь кварталъ такъ возбужденъ, сэръ, что мнѣ, въ моемъ «салонѣ», пришлось дважды пустить въ ходъ кулаки, что бы ребята вели себя потише.

— Чего же вы отъ меня хотите?

— Да въ такой денекъ каждый лишній голосъ пригодится. Вы можете страшно помочь намъ, васъ весь кварталъ любить.

— Но, Деннисъ, я не могу подавать голосъ за то, о чемъ понятія не имѣю. Я не буду знать, правильно ли я поступаю.

— Вотъ еще! Человѣкъ всегда уступаетъ правильно, когда подаетъ голосъ за друзей.

— Нѣтъ, человѣкъ только тогда поступаетъ правильно, когда подаетъ голосъ по твердому убѣжденію.

— По убѣжденію? Это еще что?

— Конечно, т.-е. когда онъ подаетъ голосъ за то, что считаетъ лучшимъ для своей родины.

— Такъ, вѣрно, дѣлаютъ тамъ, откуда вы пріѣхали, — сказалъ Деннисъ. — У насъ это не годится. Здѣсь никогда не говорятъ объ убѣжденіяхъ. Мы въ Нью-Йоркѣ подаемъ голосъ за настоящее дѣло.

Питеръ разсмѣялся.

— Ну, Деннисъ, придется мнѣ взять васъ въ науку, а вы за то меня поучите. Мы съ вами должны другъ другу помочь. Хорошо, я приду на голосованіе. Только позволять ли мнѣ подать голосъ?

— Развѣ посмѣютъ эти мошенники запретить вамъ? Благодарю васъ, сэръ. Такъ я зайду за вами около восьми?

— Только не забывайте, Деннисъ, я не общаю вамъ, за что я подаю голосъ.

— Вы только вслушайтесь хорошенько, а ужъ я не боюсь, вы всегда рѣшите по правдѣ.

Вечеромъ Питеръ очутился въ большой, душной залѣ, биткомъ набитой людьми, окутанными густыми облаками табачнаго дыма. Онъ съ любопытствомъ осматрѣлся

и съ удивленіемъ замѣтилъ, сколько тутъ было знакомыхъ лицъ. Блакеттъ, Дулей Миллиганъ протискивались къ нему и крѣпко пожали руку. Судья Галлагеръ и Бленкеръ занимали первыя мѣста. Два полисмена въ штатскихъ платьяхъ, трое пожарныхъ изъ ближайшаго депо, съ которыми онъ не разъ бесѣдовалъ, м-ръ Деммеръ, его соперникъ на судѣ, и одинъ изъ присяжныхъ, засѣдавшихъ по его дѣлу, видѣлись въ толпѣ. Было много лицъ, съ которыми онъ при встрѣчѣ обмѣнивался паркою словъ или просто поклономъ.

Въ собраніи царствовало сильное возбужденіе, всѣ о чемъ то совѣщались вполголоса съ видомъ, показывавшимъ, какъ глубоко они заинтересованы.

По свѣту Денниса, данному имъ при входѣ въ залъ, Питеръ, одинъ, безъ иоручителя, подошелъ къ каведрѣ. Кто-то сзади него спросилъ его, дѣйствительно ли онъ живетъ въ данномъ кварталѣ и какъ давно, но этотъ вопросъ явился единственнымъ протестомъ, а имя Питера было сейчасъ же занесено въ списки.

Потомъ Питеръ сталъ бродить по залу, болтая со своими знакомыми и стараясь понять, но безуспѣшно, въ чемъ было несогласіе.

Всѣ знали, что предстоитъ сраженіе, но изъ за чего—этого никто не зналъ, да, казалось, и знать не желалъ. Питеръ замѣтилъ, что у каведры раздавались ругательства, сопровождавшія имена заносимыхъ въ списки кандидатовъ, но не зная причины возбужденія, онъ не могъ слѣдить за ходомъ перебранки.

Наконецъ она прекратилась за невѣрніемъ новыхъ пѣводовъ.

— Мистеръ Стерлингъ, — сказалъ Деннисъ, быстро протискиваясь къ нему— не возьметесь ли вы быть председателемъ?

— Нѣтъ, я не знаю порядка подобныхъ собраній.

— Никакого порядка не нужно, — отвѣтилъ Деннисъ, — мы только хотимъ, чтобы дѣло было на чистоту.

И прежде чѣмъ Питеръ успѣлъ что нибудь возразить, Деннисъ уже исчезъ опять въ толпѣ. Въ ту же минуту человѣкъ, составлявшій списокъ кандидатовъ, всталъ.

— Никто больше не желаетъ записаться? — спросилъ онъ. Никто не явился, и онъ продолжалъ:— предлагаю собранію избрать предсѣдателя засѣданія.

— Господинъ секретарь!—отозвались два голоса такъ быстро и дружно, что прервали говорившаго и не дали ему докончить.

— М-ръ Мульдандъ!—отозвался оклинутый.

— Я заговорилъ первый!—закричалъ Деннисъ.

Питеръ видѣлъ, что Деннисъ правъ, и чувствовалъ, что игра ведется не честная.

Въ ту же минуту въ залѣ разразилась буря протестовъ, отрицаній, обвиненій и упрековъ. Питеръ ждалъ, что начнется драка, но положеніе было слишкомъ критическое, чтобы терять время на то, что Деннисъ называлъ «потѣхой».

— М-ръ Мульдандъ,— снова сказалъ секретарь, не обращая вниманіе на поднявшуюся бурю.

— Господинъ секретарь, — ревѣлъ Мульдандъ, — я счастливъ, что могу предложить избраніе президентомъ этого почтеннаго собранія судью Галлагера, гордость нашего правосудія, и приглашаю сдѣлать избраніе его единогласно.

— Господинъ секретарь! — завопилъ, въ свою очередь, Деннисъ.

— М-ръ Моріерти!—отвѣтилъ секретарь.

— Г-нъ секретарь, имѣю честь предложить въ предсѣдатели настоящаго собранія друга дѣтей и народа, мистера Питера Стерлинга, и не хочу даже просить выбрать его единогласно, ибо увѣренъ въ этомъ, въ виду высокихъ доблестей и глубокаго ума уважаемаго собранія!

Питеръ увидѣлъ, что въ концѣ этой рѣчи судья Галлагеръ, Мульдандъ и еще двое стали поспѣшно свѣщаться, и едва Деннисъ кончилъ, какъ судья Галлагеръ заговорилъ.

— Г-нъ секретарь!

— Достопочтенный судья Галлагеръ!—отозвался тотъ.

— Считаю особеннымъ удовольствіемъ уступить мѣсто мистеру Стерлингу, который вполне заслуживаетъ чести предсѣдательствовать на этомъ важномъ

собраніи. Ввиду недавнихъ событій, слишкомъ всѣмъ извѣстныхъ, чтобы упоминать о нихъ, я увѣренъ, что мы найдемъ у него правосудіе и справедливость.

— Чортъ его возьми! — завопилъ Деннисъ.—Я думалъ, эти дураки не согласятся, и мы бы тогда славно ихъ вздули!

Питеръ былъ избранъ единогласно и приглашенъ занять мѣсто за столомъ.

— Съ чего нужно начать?—спросилъ онъ Галлагера, прежде чѣмъ занять мѣсто.

— Съ выборовъ делегатовъ въ областное собраніе. На сегодняшній вечеръ больше ничего нѣтъ,—былъ отвѣтъ.

Питеръ не разъ предсѣдательствовалъ на сходкахъ еще въ колледжѣ и теперь не смутился.

— Не будете ли вы такъ добры сѣсть со мной рядомъ, чтобы подсказывать имена тѣхъ, кого я не знаю?—сказалъ онъ секретарю.

— Объявляю собраніе открытымъ!—громко заявилъ Питеръ —На очереди назначеніе делегатовъ въ областное собраніе.

— Г-нъ предсѣдатель!—завопилъ Деннисъ, надѣясь, что опять явится какой-нибудь соперникъ.

— М-ръ Моріерти!—отвѣтилъ Питеръ.

— Г-нъ предсѣдатель. Имѣю честь предложить делегатамъ въ областное собраніе достопочтеннаго м-ра Слержера, нашего уважаемаго уполномоченнаго на сѣздѣ, достопочтеннаго мистера Беннеди нашего благороднаго полицейскаго комиссара, и м-ра Каггса, упоминать о многочисленныхъ заслугахъ котораго въ почтенномъ собраніи нѣтъ надобности.

— Поддерживаю предложеніе,—подхватилъ кто-то.

— Г-нъ предсѣдатель! — закричалъ какой-то человѣкъ.

— Это—Каггсъ, подсказалъ секретарь.

— М-ръ Каггсъ!—отозвался Питеръ.

— Г-нъ предсѣдатель, сказала Каггсъ,—я принужденъ отказаться отъ чести, предложенной изъ такого источника.

— Что?!—завопилъ Деннисъ, и въ его лицѣ и голосѣ выразилось крайнее изумленіе и бѣшенство.

— Г-нъ предсѣдатель!—сказалъ Деммеръ.

— Мистеръ Деммеръ!—отвѣтилъ Питеръ.

— Имѣю честь предложить делегатами въ областное собраніе достопочтеннаго судью Галлагера, м-ра Сунни и м-ра Каггса, заслугамъ котораго м-ръ Моріерти только что отдалъ должное.

— Присоединяюсь къ...—прокричалъ кто-то, но конецъ фразы пропалъ въ новомъ взрывѣ бури. Даже сквозь страшный шумъ Питеръ услышалъ голосъ Денниса, грозящій и призывающій м-ра Каггса «выйти впередъ и отвѣтить, какъ джентельмѣнъ».

Каггсъ, належаю укрывшись за широкой спиной Бленкера, отказывался отъ этого заманчиваго предложенія. Наконецъ, звонокъ Питера снова возстановилъ нѣкоторый порядокъ.

— Г-нъ предсѣдатель!—началъ Деннисъ.

— М-ръ Моріерти!—отвѣчалъ Питеръ.

— Г-нъ предсѣдатель! Не хочу терять драгоценнаго времени настоящаго собранія на обсужденіе поступковъ грязныхъ трусовъ, низкихъ, предательскихъ гадюкъ, души которыхъ чернѣе, чѣмъ у самаго чорта...

— Призываю къ порядку!—обратился Питеръ къ публикѣ.

— Нѣтъ,—продолжалъ Деннисъ въ отвѣтъ на весьма громкія замѣчанія оппозиціи,—я никого не называю. Если вы знаете такихъ скотовъ, такихъ змѣй, назовите ихъ сами. Какъ я уже сказалъ, г-нъ предсѣдатель, я не хочу отнимать времени у собранія, описывая поведеніе скотины, такой низкой, что она должна возбуждать презрѣніе каждаго честнаго человѣка. Если бы святой Патрикъ жилъ въ наше время, онъ изгналъ бы ее вмѣстѣ съ другими гадами. Я только желаю вычеркнуть имя Каггса изъ числа названныхъ мною делегатовъ въ областное собраніе и предложить человѣка, который также честенъ и благороденъ, какъ нѣкто фальшивъ и негоденъ. Этотъ человѣкъ—Питеръ Стерлингъ, да благословитъ его Богъ!

Снова начался хаосъ. Напрасно Питеръ колотилъ по столу и звонилъ, никто не слушалъ—страсти слишкомъ расходились.

Наконецъ Питеръ всталъ:

— Джентельмѣны!—закричалъ онъ, и голосъ его зазвенѣлъ, покрывая шумъ,—если собраніе не успокоится, я принужденъ буду отложить его до другаго раза!

Наступила мгновенная тишина, всѣ услышали его слова и поняли, что онъ говоритъ совершенно серьезно.

— Кто поддерживаетъ послѣднее предложеніе?—спокойно спросилъ Питеръ.

— Я поддерживаю!—закричали вмѣстѣ Блаккетъ и Миллаганъ.

— Вы слышали предложеніе, джентельмѣнты? Не имѣеть-ли кто возразить?—

Сидѣвшій рядомъ съ судьей Галлагеромъ человѣкъ сказалъ:

— Г-нъ предсѣдатель!—и послѣ обычныхъ вопросовъ, впродолженіи десяти минутъ онъ говорилъ совершенно не относящіяся къ дѣлу вещи. Но за это время Питеръ замѣтилъ сначала дѣятельное перешептываніе между друзьями Бленкера, затѣмъ совѣщаніе судьи Галлагера съ Деннисомъ. Этотъ послѣдній казался неприхотливымъ и съ воинственнымъ видомъ трясъ головой. Потомъ послѣдовало новое совѣщаніе оппозиціи, новые переговоры съ Деннисомъ, опять окончившіеся съ его стороны энергическимъ потряхиваньемъ головой.

Когда стало ясно, что никакой компромиссъ невозможенъ, оратора прервали и постановили приступить къ баллотировкѣ.

Питеръ назначилъ одного изъ пожарныхъ, Дулей и Бленкера проверять голоса, и они послѣ баллотировки объявили, что Деннисъ провелъ свое предложеніе. Питеръ былъ выбранъ большинствомъ двухъ сотъ двѣнадцати голосовъ, остальные кандидаты получили сто семдесятъ два и сто пятьдесятъ восемь.

«Змѣя» набралъ только пятьдесятъ семь избирательныхъ голосовъ.

— Вотъ видите,—говорилъ позднѣе Деннисъ,—мы не подаемъ голоса за убѣжденіе, но мы никогда не выберемъ такого.

— Вы, значить, все таки имѣете свое убѣжденіе,—наставлялъ Питеръ.

— Ну, такъ наше убѣжденіе въ васъ,—отвѣтилъ Деннисъ.

Можетъ быть, онъ былъ правъ.

Глава XX.

Политическій дебютъ.

Какъ только результаты голосованія были объявлены, Питеръ закрылъ собраніе и во время поднявшагося шума незамѣтно ускользнулъ, не сказавъ никому ни слова.

Онъ не былъ ошеломленъ, такъ какъ былъ слишкомъ флегматиченъ, но былъ слегка удивленъ внезапностью случившагося, и хотѣлъ его обдумать, прежде чѣмъ говорить съ кѣмъ нибудь объ этомъ. Поэтому онъ воспользовался поднявшимися крикомъ и взаимными обвиненіями, казавшимися въ порядкѣ вещей, чтобы вернуться въ свою контору, гдѣ долго просидѣлъ, задумчиво устремивъ глаза въ стѣну. Наконецъ онъ легъ и заснулъ такъ тихо и спокойно, какъ будто весь вечеръ читалъ «о постройкахъ современныхъ домовъ» или «вопросы социологіи», которые лежали на его столѣ, а не предсѣдательствовалъ на бурномъ предварительномъ голосованіи и не былъ избранъ делегатомъ.

На слѣдующее утро Деннисъ забѣжалъ къ нему такъ рано, какъ только могъ.

— М-ръ Стерлингъ, — сказалъ онъ, и физиономія его расплылась въ широчайшую улыбку,—позвольте мнѣ привѣтствовать делегата законодательнаго собранія.

— Послушайте, Деннисъ, — сказалъ Питеръ,—съ какой стати вы звалили на меня эту обязанность?

— Ахъ, сударь! Право, когда эта грязная свинья Каггсъ обрушился на меня, что же мнѣ было дѣлать? Я знаю, я долженъ былъ васъ предупредить, но когда всѣ такъ ревутъ, чертовски трудно поступать по писанному, самое лучшее рубить съ плеча, это всегда отлично выходитъ.

— Конечно, — сказала Питеръ, — я очень польщенъ, что меня выбрали, но желалъ бы, чтобы это было сдѣлано не такъ грубо.

— Грубо, говорите вы?

— Да.

— Ей-Богу, ребята предовольны и просто благодумствуютъ сегодня утромъ. Послѣ такой встрепки они всегда становятся уступчивыми и дружелюбными. Только хорошая головоломка могла бы привести ихъ въ такое кроткое настроеніе, и мы бы дали ее имъ, если бы у негодя Кагса было хоть капля здраваго смысла.

— Вы говорите про Галлагера, Бленкера и всю компанію?

— Понятно. Вчерашняя потѣха ничего не значить. Никто не обидѣлся. Право, Галлагеръ самъ заходилъ вчера поздно вечеромъ ко мнѣ, и мы премило провели время; онъ даже угощалъ всю компанію на свой счетъ. Намъ приходится перебранываться на выборахъ, чтобы ребята не скучали, но рѣдко бываетъ, чтобы на другой день мы не были друзьями попрежнему.

Питеръ задумчиво смотрѣлъ въ стѣну. Чѣмъ чаще онъ встрѣчался съ Галлагеромъ, тѣмъ меньше тотъ ему нравился.

«Но, думалъ онъ, я не имѣю права мѣшать ему и Деннису быть друзьями, я слишкомъ мало его знаю».

— Ну, сэръ, а что же насчетъ избирательнаго собранія,—спросилъ Деннисъ.

— Я думаю, что Портеръ самый лучший изъ всѣхъ тѣхъ, о назначеніи которыхъ говорятъ.

— Ей-Богу, нѣтъ, сэръ,—возразилъ Деннисъ,—самъ судья Галлагеръ говорилъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не способный и противникъ «салонновъ».

Въ глазахъ Питера исчезла послѣдняя искра сомнѣнія.

— О! судья Галлагеръ сказалъ вамъ это?—спросилъ онъ.—Когда?

— Вчера.

— Послѣ голосованія?

— Понятно послѣ.

— А кого онъ рекомендуетъ?

— Бѣтлина.

— Слушайте, Деннисъ, вы сдѣлали

меня делегатомъ, но я подамъ голосъ только по собственному убѣжденію.

— Конечно, сэръ, вы будете дѣлать все, что захотите, вы вѣдь лучше меня знаете. Я только передалъ вамъ, что судья...

Стукъ въ двери прервалъ его. Вошелъ Галлагеръ, привѣтствовавшій обоихъ сердечнымъ, дружескимъ образомъ.

Питеръ принесъ еще стулъ изъ своей спальни.

— Ну, м-ръ Стерлингъ, славная у насъ борьба была вчера вечеромъ,— началъ судья.

— Мнѣ кажется, дѣло было серьезное,— сказалъ Питеръ.

— Еще бы! Вашъ пріятель просто ошеломилъ насъ предложеніемъ выбрать васъ. Это было для насъ настоящимъ сюрпризомъ. Знай мы объ его намѣреніи раньше, мы, конечно, не выставили бы другого кандидата. Вы — именно тотъ человекъ, который намъ былъ необходимъ, какъ представитель нашей партіи въ избирательномъ собраніи.

— Я еще никогда не встрѣчался со своими коллегами,— сказалъ Питеръ.— Что это за люди?

Такимъ образомъ онъ вывѣдалъ и мнѣніе судьи, какъ раньше узналъ мнѣніе Денниса.

Потомъ онъ пожелалъ собрать мнѣніе о кандидатахъ и началъ предлагать самыя обстоятельныя вопросы.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на намѣренія другихъ представителей города. Наконецъ, на сцену выступили различные общественные вопросы. Обсужденіе ихъ было въ полномъ разгарѣ, когда Галлагеръ заявилъ, что служебныя обязанности заставляютъ его отправиться въ свою камеру.

— Я приду въ другой разъ, когда у меня будетъ свободное время.

Галлагеръ пошелъ въ свою камеру и засталъ тамъ человека, который уже поджидалъ его.

— Онъ или очень наивенъ, или очень хитеръ,— сказалъ Галлагеръ поджидавшему его человеку.— Онъ только спрашивалъ меня, и какъ я ни старался, я не могъ заставить его показать его карты или проговориться. Плохо будетъ,

если въ нашей солидной партіи произойдетъ расколъ.

— Надѣюсь, это послужитъ вамъ хорошимъ урокомъ: въ другой разъ вы будете лучше улаживать свои дѣла.

— Бленкерсъ настаивалъ, а онъ такой человекъ, что съ нимъ неудобно ссориться. Мы всѣ были увѣрены, что все-таки возьмемъ верхъ.

— О, да пусть себѣ борются,— сердито сказалъ человекъ,— но ваше дѣло смотрѣть, чтобы выставляли настоящихъ людей, такъ, чтобы было все равно—какая сторона возьметъ верхъ.

— Какъ же!—возразилъ Галлагеръ.— Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы направить дѣло на настоящій путь. Я поинтересовался Моріерти и привлекъ его на нашу сторону, я говорилъ съ этимъ Стерлингомъ и расхваливалъ ему Кетлина, стараясь показать, что мнѣ все равно, кто будетъ избранъ.

— Нельзя ли какъ-нибудь воздействовать на него?

— Я ничего не могу придумать. Онъ молодой юристъ безъ всякой практики.

— Значитъ, мы можемъ не обращать на него вниманія, если онъ не сдастся?

— Нѣтъ, не скажите! Благодаря этому уголовному дѣлу я своей дружбѣ съ народомъ, онъ пріобрѣлъ большую популярность въ участкѣ. Если онъ выступитъ на политическую арену, намъ не выгодно будетъ бороться съ нимъ.

— Ужъ будто это такая важная птица, что намъ съ нимъ не справиться?

— Онъ новичокъ, правда, но презладнокровный и презнающій парень, какъ мнѣ кажется. Я самъ испыталъ, какъ ошибется тотъ, кто сочтетъ его простачкомъ.— И Галлагеръ рассказалъ исторію сложенаго съ Денниса штрафа.

Въ ближайшія нѣсколько недѣль Питеръ встрѣтилъ многихъ людей, желавшихъ говорить съ нимъ о политикѣ. Нѣкоторыхъ приводилъ Галлагеръ, другихъ Деннисъ, третьихъ его коллеги делегаты того же участка. Но никому не удавалось заставить Питера выдать свои намѣренія. Питеръ могъ безъ конца говорить о кандидатахъ и принципалъ, не высказывая своего мнѣнія. Раза два его прямо спросили: «Вы за кого?»

но онъ быстро отвѣтилъ, что самъ еще не знаетъ.

Прежде онъ всегда читалъ только одну демократическую газету, теперь онъ читалъ ихъ двѣ и еще одну республиканскую на придачу. Остальное чтеніе пока было оставлено и свободное время посвящалось разговорамъ съ обитателями «салона» и прислушивался къ дебатамъ и преніямъ.

— Я не пью, заявлялъ онъ неоднократно, — потому что моя мать этого не желаетъ.

По многимъ причинамъ — это объявленіе многихъ удовлетворяло. Только однажды кто то попробовалъ поострить:

— Что-жь, она до сихъ поръ поить тебя молочкомъ, сыночекъ?

— Нѣтъ, — возразилъ Питеръ, — но я всѣмъ ей обязанъ; а подобной матери каждый сынъ старается угождать, какъ вы думаете? Насмѣшникъ замаялся, наконецъ, проворчалъ:

— Пожалуй, что и такъ.

Питера больше не выпытывали, его признали своимъ: онъ сидѣлъ, курилъ и слушалъ. Говорилъ онъ очень мало, но все, что онъ говорилъ, имѣло вѣсъ и было полно здраваго смысла; за то онъ умѣлъ заставить другихъ говорить, и часто бывало, что ораторъ, окончивъ рѣчь, вопросительно смотрѣлъ на Питера.

— Онъ ловко справляется съ ребятами, — говорилъ Деннисъ своей матери. — Онъ умѣетъ внушить имъ, что онъ одинъ изъ «нихъ» и что ему необходимы ихъ мнѣнія и помощь. Поэтому, они съ большимъ удовольствіемъ выкурятъ одну трубку его табаку, чѣмъ десять разъ выпьютъ на счетъ Галлагера.

Послѣ того, какъ Питеръ внимательно и долго прислушивался къ разговорамъ, онъ написалъ «Достопочтенному Демуселю Портеру, Гудзонъ, Нью-Йоркъ», прося, не назначить ли онъ ему часъ, чтобы переговорить съ нимъ. Отвѣтъ пришелъ очень скоро; Портеръ писалъ, что будетъ радъ принять м-ра Стерлинга, когда ему будетъ угодно. Питеръ поспѣшилъ назначить день и поѣхалъ въ Гудзонъ.

— Я стараюсь понять, за кого мнѣ подавать голосъ, — откровенно объяснялъ онъ Портеру. — Я еще новичокъ въ этихъ дѣлахъ, а такъ какъ мнѣ не пришлось встрѣчаться съ тѣми людьми, которыхъ выставляютъ кандидатами, я предполагалъ познакомиться съ ними, прежде чѣмъ ѣхать на собраніе.

Изъ разговора съ Питеромъ Портеръ увидѣлъ, что Питеръ прочиталъ массу газетъ и познакомился со всѣми его рѣчами.

— Понятно, — объяснялъ Питеръ, — я хотѣлъ узнать, насколько было возможно, что вы думаете о вопросахъ, которые могутъ обсуждаться въ законодательномъ собраніи.

— Тутъ есть одно маленькое затрудненіе, м-ръ Стерлингъ, — былъ отвѣтъ; — каждый кандидатъ долженъ, въ извѣстной степени, подчинять свои воззрѣнія желаніямъ своей партіи, и часто взгляды измѣняются подъ влияніемъ обстоятельствъ.

— Я это хорошо понимаю, — возразилъ Питеръ. — Я ни минуты не считаю, что то, что вы говорите сегодня, должно быть непремѣнно исполнено завтра. Честному человѣку бываетъ очень трудно придерживаться постоянно одного теченія при безпрестанно измѣняющихся обстоятельствахъ. Но у васъ, конечно, есть какіе-нибудь взгляды на настоящее положеніе вещей?

И лицо, и тонъ Питера внушили довѣріе Портеру.

Онъ больше не притворялся, и во время завтрака и послѣ него говорилъ совершенно откровенно.

— Меня не легко провести, — говорилъ онъ потомъ своему секретарю; — но, мнѣ кажется, этому Стерлингу можно все говорить безъ страха, что онъ нечестно воспользуется сказаннымъ ему, чтобы повредить кому-нибудь. Его можно привлечь только честнымъ образомъ дѣйствія.

Питеръ заговорилъ о своемъ собственномъ избирательномъ участіи.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — можно ждать пользы только отъ безпартійнаго законодательства. Я изучалъ вопросъ о снабженіи города съѣст-

ними припасами и попробую этой зимой, если только смогу, провести биль о систематизации официального надзора.

— Я васъ вполне поддержу, если вы сумѣете выработать правильную редакцію билля. Но вамъ придется выдержать борьбу съ санитарнымъ управленіемъ. Это такое политическое острое гнѣздо.

— Если они не согласятся, я буду бороться; но мнѣ пришлось неоднократно бесѣдовать съ нѣкоторыми его членами по вопросу объ изслѣдованіи фальсифицированнаго молока, и я думаю, что сумѣю составить билль, въ которомъ выражу свои требованія такъ, что они ничего не будутъ имѣть противъ него. Я постараюсь привлечь ихъ къ редактированію билля, такъ какъ они лучше сумѣютъ это сдѣлать на основаніи своей практической опытности.

— Если это удастся вамъ, то, конечно, нечего будетъ бояться ихъ противодействія. Чего вы еще хотите?

— Я думалъ еще объ общемъ биллѣ о домахъ для рабочихъ, но врядъ ли удастся провести его нынѣшней зимой. Это обширный вопросъ, нуждающійся въ крайне тщательномъ изученіи, недостаточнымъ знакомствомъ съ нимъ можно причинить много вреда. Нѣтъ сомнѣнія, что то, что убыточно хозяину, — убыточно и нанимателю, и если вы заставите перваго истратить деньги, то платится всегда второй. Однако, надо же защищать здоровье нанимателя. Я постараюсь поискать, что бы можно было сдѣлать для нанимателя.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы сами посетили въ администрацію, м-ръ Стерлингъ.

— Я не могу быть чиновникомъ, я хочу продолжать свою профессию. Но я надѣюсь работать на политическомъ поприщѣ въ будущемъ.

Питеръ выбралъ время и посѣтилъ и другого изъ самыхъ обещающихъ кандидатовъ. Ему не удалось поговорить съ нимъ, какой-то посѣтитель прервалъ ихъ, и Питеръ ушелъ, не имѣя надежды продолжать прерванный разговоръ.

— Сегодня у меня былъ этотъ Стерлингъ, делегатъ 6-го участка, — говорилъ кандидатъ посѣтившему его санов-

нику. — Боюсь, что онъ надѣлаетъ намъ безпокойства. Онъ предлагаетъ слишкомъ много вопросовъ. Къ счастью, Дуаллингъ зашелъ ко мнѣ, и хотя я обыкновенно не принимаю его, на этотъ разъ принялъ, и его визитъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати, прервавъ перекрестные вопросы Стерлинга.

— Онъ—единственный ненадежный человекъ среди городскихъ делегатовъ,— сказалъ сановникъ. — Вышла досадная ошибка. Будетъ крайне неприятно, если намъ не удастся добиться солиднаго большинства.

Глава XXI.

Политическій обѣдъ.

Когда Питеръ, наконецъ, вывелъ свои заключенія, ему оставался только одинъ мѣсяцъ до начала засѣданій, но въ этотъ мѣсяцъ онъ много и упорно работалъ.

Результатомъ его работы былъ слухъ, возбудившій ужасъ въ предводителяхъ партій.

— Что я слышу?—волновался говоря съ Галлагеромъ его прежній собесѣдникъ. — Говорятъ Шлергеръ рассказываетъ, что подаетъ голосъ за Портера, а Кеннеди совсѣмъ охладѣлъ.

— Если вы прогуляетесь по шестому участку, то еще и не то услышите.

— Что вы хотите сказать?

— Прошлую ночью было факельное шествіе, въ которомъ участвовали почти всѣ избиратели участка, и только Стерлингъ помѣшалъ имъ заставить делегатовъ дать обѣщаніе подавать голосъ за Портера. Стерлингъ убѣждалъ ихъ, что делегаты должны свободно располагать своимъ голосомъ.

Собесѣдникъ попросилъ разъяснить, что это все значитъ?

— Это значитъ, что Стерлингъ основательно укрѣпился. Я думалъ, что знаю, какъ готовить успѣхъ и обращаться съ людьми, но онъ оказался сильнѣе меня и вертеть всѣмъ, какъ хочетъ. Онъ все дѣло испортилъ.

Собесѣдникъ вышелъ изъ камеры Галлагера и черезъ пять минутъ былъ уже въ конторѣ Стерлинга.

— Мое имя Гринъ,—сказалъ онъ,— я делегатъ собранія и членъ комитета, завѣдующаго экстренными поѣздами и помѣщеніями делегатовъ въ Саратогѣ.

— Я очень радъ, что вы зашли,— отвѣтилъ Питеръ.— Я вчера ваялъ билетъ и мнѣ обѣщали отвести комнату въ «Соединенныхъ Штатахъ».

— Не беспокойтесь насчетъ этого, все будетъ въ порядкѣ. Я зашелъ попросить васъ, не пообѣдаете ли вы у меня сегодня? Будетъ нѣсколько делегатовъ и нѣсколько извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, чтобы на досугѣ обсудить положеніе дѣлъ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Питеръ.

Гринъ вынулъ карточку и подалъ Питеру.

— Ровно въ шесть часовъ,—сказалъ онъ.

Потомъ Гринъ направился въ главное управление и рассказалъ о результатѣ своихъ двухъ визитовъ.

— Кого бы лучше позвать,—спросилъ онъ. Послѣ продолжительнаго совѣщанія онъ пригласилъ на обѣдъ четверыхъ.

Обѣдъ оказался для Питера очень интереснымъ.

Во-первыхъ, онъ увидѣлъ, что всѣ приглашенные были видные политическіе дѣятели, чьи имена и мнѣнія появлялись ежедневно на страницахъ газетъ. Главное же было то, что они говорили о предстоящемъ собраніи, и Питеръ изъ двухчасоваго общаго разговора узналъ больше объ «интересахъ» и «вліяніяхъ», о «выгодахъ» и «преимуществахъ» чѣмъ изъ всѣхъ своихъ предыдущихъ чтеній и разговоровъ. Онъ узналъ, что въ Нью-Йоркѣ интересы городскихъ и сельскихъ жителей раздѣлялись, и это раздѣленіе интересовъ играло важную роль во всѣхъ мѣропріятіяхъ.

— Поймите,—говорилъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ дѣятелей,—представители города должны имѣть въ виду городъ. Портеръ прекрасный человѣкъ, но у него мало поддержки, и какъ бы онъ ни былъ расположенъ къ намъ, онъ можетъ провести только тѣ биллы, которые мы и сами безъ него можемъ провести. Кэтлинъ же держитъ въ рукахъ всѣхъ при-

верженцевъ доктрины Монро, а его зять дѣлаетъ, что хочетъ, въ Онандагѣ. Онъ общается заставить ихъ вотировать все, что мы захотимъ. Съ такой поддержкой мы можемъ провести все необходимое для города Нью-Йорка, вопреки сельскимъ избирателямъ.

— Но неужели сельскіе избиратели отказываются вотировать дѣйствительно полезныя и необходимыя для города постановленія?—спросилъ Питеръ.

— Обязательно, если только мы не согласимся помочь имъ вылянчить что-нибудь для нихъ. Сельскіе избиратели держатъ въ своихъ рукахъ интересы величайшаго города и попраютъ ихъ каждый разъ, когда нужно сдѣлать что-нибудь существенное.

— Я имѣлъ разговоръ съ Кэтлинномъ,—сказалъ Питеръ,—и мнѣ не показалось, чтобы онъ былъ подходящимъ человѣкомъ.

— Кэтлинъ человѣкъ робкій, онъ не любитъ высказываться. И это потому, что онъ всегда дѣлаетъ такъ, какъ ему скажутъ тѣ, которые стоятъ зади него. Конечно, такъ можетъ поступать только человѣкъ, не имѣющій своихъ собственныхъ взглядовъ, а потому онъ и не имѣетъ желанія высказывать то, что черезъ часъ ему придется ваять назадъ.

— Я не люблю подставныхъ лицъ,—сказалъ Питеръ.

— Человѣкъ, руководствующійся мнѣніями другихъ, не дурной правитель, м-ръ Стерлингъ. Все зависитъ отъ того, чѣмъ совѣтомъ онъ пользуется. Если бы намъ удалось найти человѣка, способнаго дѣлать только то, чего желаетъ большинство, мы бы выбрали его пятьдесятъ лѣтъ подрядъ. Вы не должны забывать, что мы, въ нашей странѣ, выбираемъ того, кто будетъ дѣлать такъ, какъ мы хотимъ, а не такъ, какъ онъ самъ хочетъ.

— Конечно,—сказалъ Питеръ,—но кто можетъ знать дѣйствительно, чего хочетъ большинство?

— Неужели мы, вожди партій, ежедневно встрѣчающіеся съ представителями кварталовъ и округовъ, не можемъ знать чего хочетъ народъ, лучше чѣмъ человѣкъ, сидящій въ губернаторскомъ домѣ, у дверей котораго стоитъ швейцаръ, не пускающій къ нему посѣтителей?

— Вы можете и не хотѣть дѣлать того, что хочетъ народъ.

— Конечно, я самъ содѣйствовалъ проведенію очень непопулярныхъ законовъ. Но это случается рѣдко, потому что рисковано. Не забывайте, мы только тогда можемъ дѣйствовать, когда наша партія въ силѣ, и потому въ нашихъ интересахъ дѣлать то, что пріятно народу, если мы хотимъ сохранить большинство и стоять во главѣ правленія. Лично мы должны поступать такъ, какъ хочетъ большинство нашей партіи, иначе насъ выбросятъ вонъ, и новые люди займутъ наши мѣста. И то же самое произойдетъ среди всѣхъ партій.

— Все это такъ. — сказала Питеръ. — Теперь я вполне понимаю и вижу то, чего не представлялъ себѣ раньше, а именно, почему городскіе избиратели хотѣли Кэтлина. Но мой собственный участокъ твердо стоитъ за Портера. Мы пришли къ убѣжденію, что его взглядъ на вопросъ о патентахъ и привилегіяхъ намъ полезенъ, и, кромѣ того, онъ обѣщалъ поддерживать насъ при проведеніи необходимыхъ намъ положеній о жилищахъ и сѣстныхъ припасахъ.

— Я знаю, какъ произошла эта перемѣна, и долженъ вамъ сказать, м-ръ Стерлингъ, что найдется немного людей вашего возраста и вашей опытности, способныхъ сдѣлать такъ много и въ такой короткій срокъ. Но есть другая сторона тѣхъ же вопросовъ, которую вы недостаточно приняли въ соображеніе. Всякое предложеніе о сокращеніи привилегій не только затрогиваетъ всѣхъ содержателей «салонновъ», которые увидятъ въ этомъ враждебное отношеніе къ себѣ, но оно возмутитъ всѣхъ пивоваровъ и водочныхъ заводчиковъ, въ интересахъ которыхъ увеличеніе числа «салонновъ». Кромѣ того, постановленіе о жилищахъ и сѣстныхъ припасахъ всегда возбуждаетъ враждебныя чувства въ торговцахъ и домовладѣльцахъ. Если бы противная партія вела открытую игру, мы могли бы смѣяться надъ нею, но обыкновенно партія, лишившаяся власти, не брезгаетъ никакими средствами, зная, что меньшинство ни за что не отвѣчаетъ. Поэтому она старается завербо-

вать недовольныхъ, которыхъ всегда бываетъ много при изданіи каждаго новаго постановленія, и въ очень короткое время на ея сторонѣ собирается большинство, хотя она въ сущности борется противъ интересовъ всего штата. Мы не можемъ сидѣть сложа руки, а между тѣмъ, все, что мы дѣлаемъ, противно чѣмъ-нибудь интересамъ.

— Все это также безотрадно, какъ ученіе о предопредѣленіи, — сострилъ кто-то изъ собесѣдниковъ: —

И хочешь—не можешь,
И не хочешь—не можешь.
Сдѣлаешь—погибнешь
Не сдѣлаешь—погибнешь.

— Вы совершенно вѣрно замѣтили, — произнесъ Питеръ, — что человѣкъ, могущій дѣлать только то, что каждый разъ требуется большинствомъ, будетъ снова выбранъ. Справедливо ли это относительно дѣловъ партій?

— Нѣтъ. Партія рѣдко остается въ силѣ на основаніи этой причины. Если она остается долго у власти, то это обыкновенно потому, что другія партіи заслужили недовѣріе общества. Тогда любить передавать власть изъ рукъ въ руки. Оставивъ въ сторонѣ возможную перемѣну убѣжденій у болѣе старшихъ избирателей, мы видимъ каждые четыре года достаточно новыхъ избирателей, чтобы опрокинуть большинство почти въ каждомъ штатѣ. Конечно, эта молодежь мало заботится о томъ, что сдѣлала давняя партія въ прошломъ; они молоды и пылки, имъ нужна перемѣна вещей. Понято, что меньшинство всегда готово имъ служить. Они называютъ это «реформой», но очень часто эта реформа оказывается просто уродствомъ.

Питеръ улыбнулся.

— Такъ, значитъ, вы считаете мои взгляды на привилегіи, на надзоръ за пищевыми продуктами и на квартирный вопросъ «уродствомъ»? — спросилъ онъ.

— Я этого не говорю, но многія голы, старше и опытнѣе вашей, поработали надъ этими вопросами, и хотя я не знаю, чего вы надѣетесь достигнуть, вы будете не первый, старающійся измѣнить прежній порядокъ вещей, м-ръ Стерлингъ.

роль парусовъ или парашютовъ, которыми животное поддерживается въ водѣ. Иногда хроматофоровъ въ плазматическомъ тѣлѣ не замѣчается, такъ что, очевидно, не всѣ перидиніевыя являются производителями пищевыхъ веществъ и способны къ усвоению неорганическихъ продуктовъ. Замѣчательно, что присутствіе или отсутствіе способности къ усвоению послѣднихъ не стоитъ ни въ какой связи съ систематическимъ родствомъ отдѣльныхъ видовъ, такъ, напримѣръ, у *Peridinium divergens* нѣтъ хроматофоровъ и, слѣдовательно, это жгутиковое можетъ усвоить лишь органическія вещества, въ то же время у другихъ видовъ того же рода *Peridinium* хроматофоры имѣются и усвоение происходитъ такимъ же путемъ, какъ у растений. Ниже мы увидимъ еще, что присутствіе или отсутствіе хроматофоровъ стоитъ въ связи съ вертикальнымъ распредѣленіемъ въ морѣ представителей даннаго семейства. Въ области Гвинейскаго течения перидиніевыя предстали передъ нами въ удивительномъ великолѣпнн и разнообразіи формъ, о чемъ могутъ дать нѣкоторое понятіе прилагаемыя изображенія (рис. 11), на которыхъ представлены виды родовъ: *Peridinium*, *Ornithocercus*, *Ceratocorys* и *Phalacrocoma*. Строеніе и скульптура панцирей этихъ микроскопическихъ формъ поистинѣ восхитительна. Одновременно съ ними встрѣчались палочкообразно вытянутые виды рода *Amphisolenia* и снабженные тремя прилатками представители рода *Ceratium* (рис. 12); кромѣ того попадались огромныя массы мельчайшей, одноклѣточной, шарообразной водоросли, извѣстной своей способностью свѣтиться—*Pyrocystis noctiluca* (рис. 13). На первый взглядъ можетъ показаться, что всѣ эти придатки въ видѣ длинныхъ отростковъ, парусовъ и парашютовъ не что иное, какъ игра природы, любящей придавать иногда своимъ произведеніямъ курьезныя формы, но при ближайшемъ разсмотрѣніи приходится убѣдиться въ томъ, что всѣ они не безцѣльны, а, напротивъ, имѣютъ очень важное значеніе. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ перидиніевыхъ, проф. Шюттъ, доказалъ, что всѣ эти отростки имѣютъ цѣлью увеличить треніе въ водѣ и позволяютъ организмамъ, которые и безъ того достаточно легки, держаться въ водѣ приблизительно на одинаковой глубинѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе того времени, пока они способны къ усвоенію неорганическихъ соединений подъ влияніемъ сол-

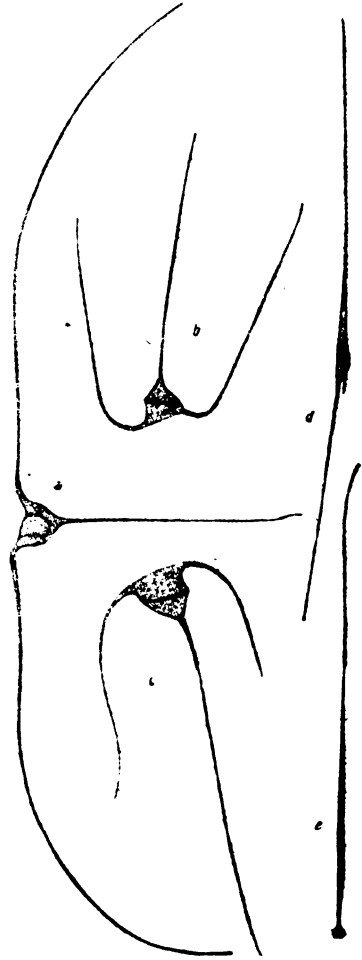

Рис. 12. Перидиніевыя Гвинейскаго течения. а) б) с) *Ceratium* sp.—д) *Ceratium fusus* Ehrb.—е) *Amphisolenia* sp.

вечнаго свѣта. Проф. Шимперъ, между прочимъ, обратилъ наше вниманіе на то обстоятельство, что упомянутыя здѣсь формы преобладали особенно въ Гвинейскомъ теченіи: онѣ появились въ огромномъ количествѣ какъ разъ въ то время, когда мы по первымъ измѣненіямъ въ составѣ морской воды заключили, что вышли изъ сѣверно-экваторіальнаго теченія и попали въ Гвинейское. Обратное, когда мы 6-го сентября покинули Гвинейское теченіе и вступили въ южно-экваторіальное, онѣ сразу исчезли. Въ это представителю рода *Ceratium* съ длиннѣйшими рогами появились массаи въ нашихъ сборахъ другіе виды, построенные по типу *Ceratium lunula* (рис. 14), съ совершенно короткими

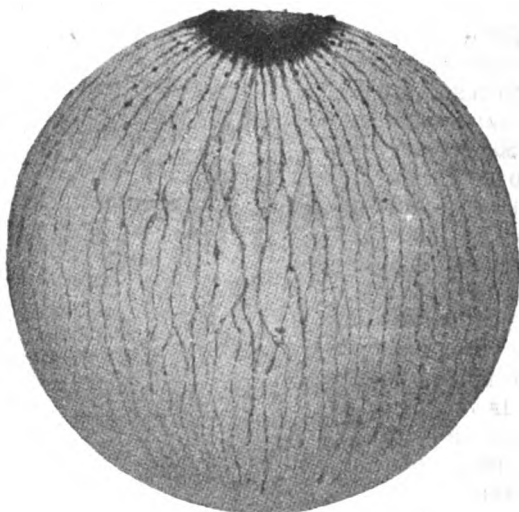

Рис. 13. *Pyrocystis noctiluca* Mur.

точныхъ водорослей и діатомовыхъ, которые совершенно отсутствуютъ на поверхности и наблюдаются лишь въ болѣе глубокихъ слояхъ, на 80—100 метрахъ глубины. Эта «флора тѣни», боящаяся сильнаго освѣщенія и высокой температуры поверхностныхъ слоевъ, состоитъ изъ шарообразныхъ одноклѣточныхъ водорослей *Halosphaera viridis* съ зелеными хлорофилловыми зернами, изъ двухъ видовъ рода *Planctoniella* (рис. 15, 16) и, наконецъ, изъ діатомовой водоросли съ относительно довольно толстымъ кремневымъ панциремъ изъ рода *Coscinodiscus*. Всѣ они не встрѣчаются, однако, ниже 300 метровъ, т.-е. на глубинѣ, гдѣ для нашего глаза царитъ уже полнѣйшая

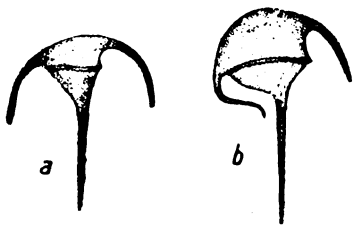

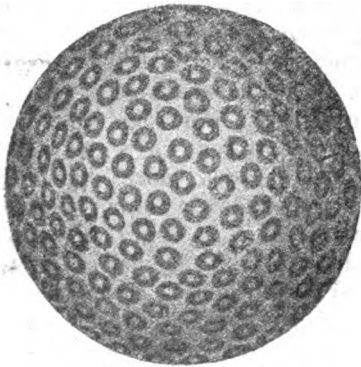
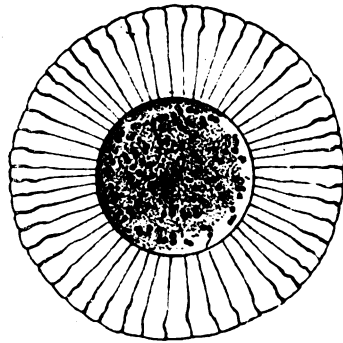
Рис. 14. Виды *Ceratium* близкіе по строенію къ *C. lunula*.

темнота. Замыкающаяся сѣть, опускаемая на большую глубину, приноситъ, правда, также огромное количество названныхъ одноклѣточныхъ организмовъ, но ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что это либо пустыя скорлупки, либо особи съ уже сильно разложившимся плазматическимъ тѣломъ.

Намъ придется еще вернуться ниже къ изложеннымъ здѣсь въ общихъ чертахъ наблюденіямъ, теперь же мы попробуемъ отвѣтить на вопросъ, который, можетъ быть, уже возникъ у читателя: почему въ Гвинейскомъ теченіи преобладаютъ не только перидиніевыя съ превосходно развитыми парусообразными и зонтиковидными при-

даткамъ, но и встрѣчаются представители рода *Ceratium* съ чудовищно-длинными рогами, тогда какъ въ экваторіальныхъ теченіяхъ преобладаютъ формы съ короткими придатками и слабо развитыми приспособленіями для поддержанія организма въ водѣ?

Задача науки въ данномъ случаѣ сводится къ тому, чтобы выяснитъ связь организаціи животныхъ и растительныхъ формъ съ условіями существованія. Ясно, что прежде всего съ этой точки зрѣнія мы должны направить наше вниманіе на свойства морской воды. Сравнивая физико-географическія особенности трехъ теченій, мы замѣчаемъ, что Гвинейское теченіе отличается отъ обоихъ экваторіальныхъ меньшимъ содержаніемъ соли и болѣе высокими температурами поверхности воды. Если вычислить абсолютный удѣльный вѣсъ воды, то получимъ для сѣверно-экваторіальнаго теченія величину 1.024, для Гви-

Рис. 15. *Halosphaera viridis*.Рис. 16. *Planctoniella Sol. Schütt.*

нейскаго теченія—1.022 и для южнаго экваторіальнаго опять—1.024. Какъ ни незначительна эта разница, сказывающаяся лишь въ третьемъ десятичномъ знакѣ, все же ясно, что болѣе холодная вода экваторіальныхъ теченій имѣетъ болѣе большой удѣльный вѣсъ, чѣмъ теплая вода Гвинейскаго. При меньшемъ удѣльномъ вѣсѣ воды волюнѣ естественно, что является болѣе выгоднымъ для организма сильнѣйшее развитіе придатковъ, которые служатъ для поддержанія тѣла въ водѣ,—при болѣе высокой плотности воды это не имѣетъ значенія. Эти соображенія дѣлаютъ для насъ понятнымъ, почему жгутиковые Гвинейскаго теченія отличаются столь явственно чрезвычайнымъ развитіемъ своихъ поддерживающихъ приспособленій отъ болѣе простыхъ по строенію и болѣе неуклюжихъ формъ обоихъ экваторіальныхъ теченій. Намъ представляется даже возможнымъ перенести эти соображенія на фактъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ послѣ изслѣдованій Шютта,—что представители рода *Ceratium* въ холодныхъ полярныхъ моряхъ отличаются болѣе однообразной, простой, неуклюжей формой тѣла отъ своихъ родичей, которые водятся въ теплыхъ моряхъ и характерны удивительно развитыми придатками.

Намъ приходилось имѣть дѣло, однако, не съ одними пигмеями морской поверхности, но и съ колоссами. Когда мы 31-го августа, покинувъ Зеленый мысъ, были заняты раннимъ утромъ подъемомъ лота съ 4.740 метровъ глубины, мы замѣтили вдали спичные плавники цѣ-

*

лаго стада китовъ. Животныя быстро приближались къ судну, я насчиталъ ихъ не менѣе 44. Ихъ пыхтѣніе было ясно слышно, и вскорѣ по изогнутому спинному плавнику и по неуклюжей формѣ головы можно было опредѣлить, что мы имѣемъ дѣло съ гриндвалемъ (*Globiocephalus melas*). Мы рѣшили попробовать добыть кита. Живо спустили лодку, въ нее сѣли лучшіе гребцы, а нашъ старшій офицеръ вооружился гарпуномъ. Мы быстро подошли къ огромнымъ животнымъ, сопѣніе которыхъ громко разносилось по морской поверхности. Они то поднимались, выставляя свою спину, то высовывали головы надъ водою, то ударяли по поверхности моря своими могучими лапами. Четыре раза мы пытались попасть гарпуномъ—но напрасно, вѣрно, волненіе нашего импровизированнаго гарпуника было слишкомъ сильно. Киты нисколько не смущались нашимъ присутствіемъ, они держались кучками штукъ по 12, и намъ безъ труда удалось отрѣзать имъ путь. Однако, вскорѣ они почували опасность, тогда я рѣшился попытать счастье винтовкой. Первый выстрѣлъ попалъ въ дѣло, и тяжело раненый китъ съ силою разсѣкъ воду своимъ хвостомъ, повернулся нѣсколько разъ вокругъ продольной оси своего тѣла и исчезъ подъ поверхностью—всѣ наши ожиданія были тщетны. Слѣдующіе выстрѣлы остались безъ результата. Отъ времени до времени тотъ или другой китъ появлялся на поверхности у самой лодки, такъ что приходилось даже опасаться за ея сохранность, но, наконецъ, животнымъ надоѣла наша близость и они быстро пропали изъ виду. Можетъ быть, и къ счастью, нашъ гарпуникъ промахнулся—ловля эта могла для насъ кончиться не благополучно, но трудно было удержаться отъ искушенія. И до сихъ поръ я не могу забыть эту увлекательную сцену, когда то тамъ, то здѣсь раздавалось громкое пыхтѣніе чудовищъ, отъ времени до времени появлялась на поверхности уродливая голова, раздавались раскатистые звуки ударовъ хвоста по водѣ.

Не болѣе утѣшительны были здѣсь и результаты нашихъ лововъ траломъ, который мы спускали до 4.990 метровъ глубины. Грунтъ дна въ этой области моря состоитъ изъ непріятнаго, липкаго черноватаго ила, къ которому, очевидно, примѣшаны минеральныя осадки, привнесенныя западно-африканскими рѣками. Послѣ продолжительнаго поднятія, въ тралѣ сказывалось лишь незначительное количество иловыхъ животныхъ—фіолетовыхъ голотурій, длиною съ четверть, хрукиихъ офиурт, и лишь рѣдко попадались организмы, привлекавшіе къ себѣ хоть сколько-нибудь вниманіе.

Необычайная находка пришла къ намъ 5-го сентября на палубу при подъемѣ трала съ большой глубины. Въ его пеньковыхъ швабрахъ висѣла бутылка изъ-подъ шампанскаго, содержавшая въ себѣ письмо-владыки морей—самого Нептуна. Въ немъ капитанъ «Вальдивіи» извѣщалъ, что на слѣдующій день самъ подводный богъ пожалуетъ на палубу корабля, чтобы, согласно съ морскими обычаями, произвести установленное крещеніе при прохожденіи черезъ экваторъ,—эта церемонія, говорилось въ писмѣ, особенно необходима въ виду того обстоятельства, что теща морского бога очень на насъ разгнѣвана, такъ какъ нѣсколько разъ ей попали прямо въ голову, бросаемыя нами на глубину, чугунныя лотовыя гири.

Ровно въ три часа на слѣдующій день раздался выстрѣлъ: Нептунъ со своею свитою поднялся изъ волнъ морскихъ и церемоннымъ маршемъ прошелъ по палубѣ «Вальдивіи». Впереди шествовали три негра, прилежно наигрывая дикую мелодію на гармоникѣ, барабанѣ и буб-

нахъ, за ними слѣдовали астрономъ, нотаріусъ и цѣлый рядъ утонувшихъ матросовъ. Наконецъ, показалось и его божіе величество, украшенное длинной бородой и съ трезубцемъ въ рукахъ, а за нимъ—г-жа Нептунъ,—очень изящная дама въ соломенной шляпѣ и съ длинной, но немного жидковатой косицей: внѣшность ея была восхитительна, хотя и мало соответствовала тому представленію, которое у насъ составилось объ Амфитритѣ. Обхожденіе ея было первоначально обаятельно, но она не сумѣла выдержать характеръ до конца торжества. За супружеской четой слѣдовалъ полицейскій лейтенантъ и десять полицменовъ, которые ревностно наблюдали, чтобы никто изъ некрещенныхъ на экваторѣ не избѣгъ своей жалкой участи. Нептунъ обошелъ всю «Вальдивію» и произнесъ торжественную рѣчь передъ членами экспедиціи, затѣмъ астрономъ, вооруженный здоровеннымъ циркулемъ и огромной трубой, произвелъ опредѣленіе широты и нашелъ, что мы находимся какъ разъ подъ 0° 0' 0" широты. Настала, слѣдовательно, моментъ приступить къ крещенію. Морскія божества направились въ носовую часть судна и расположились со своею свитою живописной группой между сѣтями нашихъ драгъ и траловъ. Нашъ большой бакъ для воды долженъ былъ играть роль купели. Началось дѣло съ начальника экспедиціи—Нептунъ обратился къ нему съ трогательною рѣчью, затѣмъ на его голову было вылито нѣсколько ведеръ воды, послѣ чего ему былъ врученъ дипломъ, въ которомъ Нептунъ привѣтствовалъ его въ своемъ царствѣ. Съ другими новичками, не переходившими экватора, поступали гораздо рѣшительнѣе: поочередно имъ завязывали глаза, затѣмъ намыливали щеки, брили деревянными бритвами, наконецъ, Нептунъ громовымъ голосомъ перечислялъ всѣ ихъ прегрѣшенія и приказывалъ приступить къ обряду: по мановенію руки лейтенанта несчастный ввергался въ купель и затѣмъ сильная струя изъ брандспойта довершала остальное. Одинъ за другимъ падали жертвами новички, независимо отъ того, были ли это приватъ-доценты или корабельные юнги,—впрочемъ, послѣднимъ приходилось солонѣе: они должны были подвергнуться еще дождю сверху, тогда какъ свади ихъ подбадривала струя изъ парового насоса.

Въ концѣ концовъ оказалось, что и г-жа Нептунъ не переходила еще за экваторъ: въ своей соломенной шляпкѣ съ косичкой и въ парадномъ платьѣ она была ввержена въ купель и подверглась общей участи. Какъ и всѣмъ новокрещеннымъ, ей пришлось дать клятву на якорѣ, что съ этой поры она будетъ вѣрною слугою его нептунскаго величества. Затѣмъ, вся жокрая процессія, при громѣ той же оглушительной музыки, двинулась снова по палубѣ «Вальдивіи»,—властитель подводнаго царства завѣрилъ насъ въ полномъ благополучіи нашего плаванія и спустился внизъ, въ свой хрустальный дворецъ.

Послѣ прохождения экватора мы направили нашъ курсъ на Камерунъ. Погода была пріятная, сравнительно прохладная и напоминала погоду области пассатовъ, но вскорѣ она измѣнилась, сдѣлалась снова дождливой, что такъ типично для Гвинейскаго теченія. Наши сборы съ глубинъ при помощи драгъ и траловъ были относительно бѣдны, но зато насъ вознаградили блестящіе результаты, полученные на большихъ глубинахъ при примѣненіи вертикальныхъ сѣтей. Впервые мы увидали здѣсь пелагическую глубоководную фауну съ необыкновен-

нымъ богатствомъ новыхъ и замѣчательныхъ по своему строенію организмовъ. Объ этой фаунѣ мы будемъ подробнѣе говорить ниже, здѣсь же достаточно указать, что тутъ впервые попали въ наши сѣти тѣ черныя глубоководныя рыбы, которыя своими свѣтящимися органами и своей курьезной внѣшностью издавна привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Съ ними вмѣстѣ попадались кроваво-красныя раки, огромныя, величиной съ орѣхъ, осгракоды, прозрачныя головоногія, сагитты съ краснымъ кишечникомъ, фіолетовыя медузы, нѣжныя голотуріи, невиданныя глубоководныя гребневики и масса радиолярій съ изящнѣйшими кремневыми скелетами. При выходѣ на поверхность, всѣ приходили въ волненіе. Всѣмъ находилось достаточно работы по зарисовыванію и консервированію извлеченныхъ чудесъ и нерѣдко раздавались искреннія восклицанія съ выраженіемъ энтузіазма и изумленія по поводу богатства окраски, прозрачности и фантастическихъ формъ собранныхъ животныхъ. Очень своеобразно выразился о глубоководной фаунѣ нашъ художникъ, когда онъ впервые увидѣлъ курьезную глубоководную рыбу и сталъ ее зарисовывать: «Можно подумать, что Господь Богъ всѣ сотворенныя имъ красоты спряталъ отъ нашихъ взоровъ на морской глубинѣ!».

ГЛАВА IV.

Викторія. — Экскурсія на Камерунскій пикъ.—Буа.—Камерунъ.— На рѣкѣ Вури.

Утромъ 15-го сентября тяжелыя дождевыя облака заволакивали темный горный ландшафтъ, отъ котораго справа вырисовывался освѣщенный солнечными лучами островъ Фернандо со своимъ пикомъ Кларенсъ. Скоро въ бинокль можно было уже различить верхушки могучихъ великановъ дѣвственнаго лѣса, спускавшагося къ самому морю. То тамъ, то здѣсь выдѣлялась группа деревьевъ, позади которой клубами поднимался туманъ. Берегъ былъ окаймленъ бѣлой полоской прибоа, разбивающагося объ утесы, прорѣзанные глубокими ущельями. Ни одной крыши, ни одного человѣческаго поселенія нельзя было еще разглядѣть на этомъ темномъ фонѣ тропическаго лѣса, характернаго для Камерунскихъ горъ и придающаго величю и спокойствію всему ландшафту.

Но вотъ повемногу панорама развертывалась передъ нами все шире и шире. Хотя облака, протянувшіяся горизонтальной полосой, и закрывали еще видъ на горы, но по мѣрѣ приближенія нашего къ матеріку начали явственно обрисовываться мысы и бухты, окаймленные лѣсомъ. Показалась бухта Амбасъ—перлъ германскихъ колониальныхъ владѣній въ Африкѣ. Ея гладкая поверхность производила впечатлѣніе горнаго озера, окаймленнаго темною рамою величественныхъ вершинъ, изъ густой зелени лѣса привѣтливо выглядывали бѣлые домики факторій и правительственныхъ построекъ. Впереди нея располагаются два красивые островка Амбасъ и Мондоле, а съ другой стороны вырисовываются шесть фантастическихъ утесовъ, поднимающихся изъ моря и представляющихъ рѣзкій контрастъ съ первыми—это Пиратскіе острова.

Мы давно уже не видали земли и развернувшееся передъ нами зрѣлище положительно очаровало насъ, особенно, когда вѣтеръ разнесъ облака, и передъ нами снова появилась невысокая Камерунская гора, а затѣмъ выплылъ вытянутый въ узкій хребетъ Камерунскій пикъ въ 3.960 метровъ высоты. Ясно вырисовывалась область лѣсовъ, коегдѣ длинными языками заходящая на болѣе свѣтлую полосу альпійскихъ луговъ; надъ послѣдней выдѣлялся гребень, прорѣзанный глубокими щелями. Внизу, между темными пятнами лѣса выдѣлялись красивыя постройки и скромныя хижины Викторіи, бухту замыкалъ мрачный мысъ Нахтигалль, покрытый дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ безпрепятственно держится горилла. Наше судно прошло мимо островковъ и остановилось за послѣднимъ изъ нихъ—о. Мондоле. Гулко разнесся грохотъ якорной цѣпи, вскорѣ на зданіи управленія localization вѣмецкій флагъ и отъ берега отвалила лодка съ гребцами-неграми въ матросскихъ курткахъ. Она привезла къ намъ на судно чиновника, совмѣщавшаго въ своей персонѣ, какъ это часто здѣсь

случается, начальника порта, таможенного смотрителя и полицейскаго; онъ засвидѣтельствовалъ, что пріемъ намъ будетъ оказанъ самый радужный. Сторая отъ нетерпѣнія вступить на африканскую почву, мы отправились на берегъ. Былъ какъ разъ базарный день, и на набережной царило большое оживленіе. У пристани толпились негры-рыбаки, пріѣхавшіе сюда на своихъ узкихъ, сдѣланныхъ изъ одного ствола пирогахъ, и обмѣнивали продукты своего лова на плоды и овощи. Тамъ и сямъ мелькали въ волнахъ пироги съ почти голыми гребцами, мужчинами и женщинами, ловко управлявшимися при помощи короткихъ, на концѣ заостренныхъ веселъ. У пристани толпилась масса негровъ, пришедшихъ съ горъ, и съ любопытствомъ разглядывала насъ, новыхъ пришельцевъ, изощряя на насъ прирожденную неграмъ склонность къ юмору. Во время нашего пребыванія въ Викторіи мы неоднократно давали туземцамъ поводъ къ изощренію этой способности: то кто-нибудь изъ зоологовъ, нагруженный банками, бѣгалъ за крабами, жуками и бабочками, то другой ловилъ мухъ или разглядывалъ съ любопытствомъ цвѣты и вѣтви деревьевъ и набивалъ ими ботанизируку, то кто-нибудь пытался подобраться къ неграмъ съ какимъ-то подозрительнымъ аппаратомъ въ рукахъ — всѣ эти дѣйствія возбуждали у нихъ понятное недоумѣніе и нерѣдко вызывали хохотъ, а нашимъ рынянымъ фотографамъ приходилось видѣть неоднократно, какъ чернокожая публика градомъ разсыпалась во всѣ стороны, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда аппаратъ былъ великолѣпнѣйшимъ образомъ наведенъ на фокусъ. Нерѣдко приходилось наблюдать, какъ какой-нибудь чернокожій субъектъ съ неподражаемыми ужимками и кривляніями передразнивалъ непонятныя и смѣшныя дѣйствія пришельцевъ.

Городъ Викторія, принадлежавшій раньше къ англійскимъ колоніямъ, былъ, благодаря стараніямъ бывшаго германскаго генеральнаго консула Нахтигала, присоединенъ къ полученнымъ на рѣкѣ Камерунъ колоніальнымъ владѣніямъ. Населеніе образовалось изъ чернокожихъ, выгнанныхъ изъ Фернадопо, — потомки ихъ живутъ въ настоящее время въ замѣчательно чистенныхъ и даже окруженныхъ часто цвѣтниками домикахъ, которые вытянулись вдоль средней изъ трехъ улицъ города. Передняя улица, тянущаяся параллельно берегу, имѣетъ совершенно европейскій характеръ. Здѣсь находятся факторіи, окружное управленіе, зданіе миссій и тонуція въ зелени небольшія церковки. Задняя улица населена туземцами племени бакаври, затѣнена бананами и масличными пальмами и отличается порядочнымъ количествомъ грязи.

Восхитительнѣйшій видъ открывается на всю окрестность съ расположеннаго на холмѣ казеннаго зданія, гдѣ насъ помѣстили. Взоръ далеко скользитъ надъ голубой поверхностью моря, изъ которой въ фіолетовой дымкѣ поднимается конусъ пика Фернадопо, у самыхъ ногъ раскинулась бухта Амбасъ, окаймленная дѣвственными лѣсомъ и усѣянная островками и утесами, на заднемъ же планѣ величественно возвышается Камерунскій пикъ, окутанный туманомъ. Послѣ трехъ дней дождя проглянуло солнце и раздалось щебетанье многочисленныхъ нектарниковъ и другихъ мелкихъ птичекъ. Рѣзкіе звуки цикады смолкли, и многочисленныя пестрыя бабочки носились вокругъ деревьевъ и кустарниковъ, усѣянныхъ цвѣтами.

Зданіе управленія окружено обширнымъ ботаническимъ садомъ, который находится въ вѣдѣніи д-ра Прейсса. Съ большою радостью узналъ я въ немъ одного изъ своихъ прежнихъ учениковъ и провелъ

съ нимъ не мало часовъ въ разговорахъ объ окружающей природѣ. Ботаническій садъ этотъ нельзя поставить въ сравненіе съ нашими европейскими садами: въ немъ осуществлена идея, которую имѣлъ въ виду еще Гумбольдтъ, когда старался объ основаніи сада акклиматизаціи въ Оротавѣ, — въ этомъ учрежденіи научныя задачи переплетаются съ практическими и до нѣкоторой степени ботаническій садъ приближается къ опытной сельскохозяйственной станціи. Тогда какъ садъ въ Оротавѣ, благодаря отсутствію матеріальныхъ средствъ, выложенъ въ довольно скромномъ масштабѣ, садъ Викторіи поражаетъ уже своей обширностью и хорошимъ устройствомъ. Здѣсь производятся изслѣдованія надъ вліяніемъ дождливаго камерунскаго климата на полезныя растенія, не водящіяся въ данной мѣстности, и результаты охотно сообщаются плантаторамъ. Если за послѣднее время выработка какао въ колоніи достигла значительнаго развитія и приноситъ такія прибыли, что возбуждаетъ надежду о наступленіи, наконецъ, того времени, когда колонія будетъ существовать на свои собственные средства, то нельзя при этомъ забывать, что самыя цѣнныя указанія

Рис. 17. Викторія.

относительно свойствъ различныхъ сортовъ шеколадныхъ деревьевъ были даны, именно, на основаніи опытовъ здѣшняго ботаническаго сада. Является желательнымъ, чтобы садъ превратился въ опытную плантацію еще болѣе обширнаго масштаба, это позволило бы плантаторамъ заниматься культурой различныхъ растений съ еще большею увѣренностью въ успѣхѣ, для того необходимо, однако, значительное расширеніе поверхности сада и увеличеніе его средствъ.

Если кому-нибудь покажется, что ботаническій садъ, въ которомъ разведены плантаціи шеколадныхъ деревьевъ, кофе, ванили, перца, гвоздики, табака, хлопчатника, каучуковыхъ деревьевъ, банановъ и другихъ полезныхъ тропическихъ растений долженъ представлять для глаза однообразное и мало живописное зрѣлище, то здѣшній садъ мо-

жетъ доказать ему противное. Всюду видѣются въ саду и на прилежащихъ плантаціяхъ могучіе великаны дѣственнаго лѣса, которыхъ здѣсь пощадили, какъ хранителей тѣни. Во время нашей прогулки по саду и по плантаціямъ шеколадныхъ деревьевъ западно-африканскаго общества плантаторовъ, обращала на себя вниманіе не столько культурная растительность, сколько туземная: гигантскія деревья оплетены лианами и усѣяны растущими на нихъ эпифитами—орхидеями и папоротниками, верѣдко дерево представляетъ само по себѣ цѣлый ботаническій садъ. Ни на Конго, ни на Суматрѣ, ни на Цейлонѣ и другихъ островахъ Индійскаго океана мы не встрѣчали такого величественнаго развитія растительности, какъ здѣсь, и мой спутникъ, проф. Шимперъ, путешествовавшій по южно-американскимъ и вестъ-индскимъ дѣственнымъ лѣсамъ, говорилъ мнѣ, что лѣса Камерунскаго пика могутъ вполне идти съ ними въ сравненіе.

Намъ очень хотѣлось заглянуть и внутрь этой райской страны, со всѣхъ сторонъ намъ совѣтовали совершить трехдневную экскурсію черезъ мѣстечко Буеа къ области альпійскихъ луговъ пика. При любезномъ содѣйствіи мѣстныхъ жителей мы къ слѣдующему же дню подготовили эту экскурсію. Были наняты носильщики и лошади и рано утромъ нашъ маленькій караванъ отправился въ путь. Довольно хорошая дорога, становящаяся труднѣе лишь въ болѣе высокихъ областяхъ, ведетъ къ Буеа, находящейся въ 4—5 часахъ пути. Мы, однако, занимались по дорогѣ коллектированіемъ и фотографіей, попали къ тому же подъ страшный ливень, отъ котораго должны были прятаться, и потому прошло вдвое болѣе времени, пока мы добрались до первой станціи, промокшіе до нитки. Нашъ фотграфическій аппаратъ сильно потерпѣлъ за этотъ путь, что такъ часто случается въ тропикахъ: камера разбухла, задвижки касетъ едва открывались. При сниманіи къ тому же не разъ принимался лить какъ изъ ведра дождь, и приходилось быстро укачивать аппаратъ,—мы находились въ той полосѣ тропической области, въ которой годовые атмосферическіе осадки достигаютъ почти наибольшей величины въ мірѣ. Тогда какъ въ сѣверной части камерунской области имѣется лишь одинъ періодъ дождей, въ южной — ихъ два. Камерунскія горы представляютъ до нѣкоторой степени естественную преграду, такъ что количество дождя, выпадающаго на западъ отъ нихъ, гораздо значительнѣе количества на восточной сторонѣ. Въ Дебунджа, южнѣе Бибунди, на западномъ склонѣ горъ было измѣрено 897 сантиметровъ годовыхъ осадковъ, эта цифра ниже лишь единственнаго мѣста на земномъ шарѣ—Черрапунджи, на южномъ склонѣ ость-индскаго хребта Чассія.

Огромное количество водныхъ осадковъ въ теченіе дождливаго періода съ начала іюля до конца сентября, влажный и теплый воздухъ, напоминающій оранжерейный, и богатая перегноемъ вулканическая почва объясняютъ въ достаточной степени грандіозное развитіе растительности.

Лѣсъ поднимается далеко по склону горы до высоты приблизительно 2.500, а въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и 2.700 метровъ, и бросается въ глаза, что верхняя, болѣе прохладная область его носитъ другой характеръ, чѣмъ нижняя, — граница между обоими зонами проходитъ приблизительно черезъ Буеа, т. е. на высотѣ 1000 метровъ.

Вблизи Викторіи, гдѣ, очевидно, уже съ давнихъ поръ находились негрятянскія поселенія, лѣсъ рѣже. Это обстоятельство содѣйствуетъ

въ значительной степени увеличенію живописности ландшафта: между отдѣльными древесными гигантами широкою волною прорывается свѣтъ и обусловливаетъ богатое развитіе кустарниковъ и ліанъ, которыхъ не встрѣчается въ лѣсной чащѣ. Растенія изъ семействъ перечныхъ, тыквенныхъ и въюнкковыхъ выступаютъ здѣсь въ формѣ ліанъ и одѣваютъ почву и стволы такимъ пышнымъ нарядомъ, что и съ топоромъ въ рукахъ едва ли можно пробить себѣ дорогу. Часто гладкіе стволы деревьевъ, въ особенности шерстяныхъ деревьевъ (*Eriodendron anfractuosum*) настолько прикрыты зеленью, что широкія основанія ихъ съ расплывающимися, какъ змѣи, корнями едва замѣтны. Ліаны достигаютъ самыхъ кроны деревьевъ и такъ какъ въ тропическихъ лѣсахъ особенно преуспѣваетъ развитіе листьевъ, тогда какъ развитіе древесныхъ частей отходитъ на задній планъ, нерѣдко свѣшиваются широкія зеленныя гирлянды, между которыми тянутся тонкіе, какъ веревки, стволы. Кое-гдѣ ліаны уступаютъ мѣсто эпифитнымъ орхидеямъ и папоротникамъ—между послѣдними особенно бросаются въ глаза аспленіи и платидеріи со своими побѣгами, развѣтвленными какъ оленье рога. Всюду протискиваются между зеленью граціозныя масличныя пальмы (*Elaeis Guineensis*), мѣстами встрѣчается въ одиночку винная пальма (*Raphia vinifera*), обѣ онѣ даютъ пальмовое вино, которому и мы во время нашей поѣздки оказывали предпочтеніе передъ всѣми другими напѣтками. Изъ стволовъ винной пальмы туземцы баквири строятъ свои невзрачныя хижинки и готовятъ цыновки, тогда какъ масличная пальма, содержащая въ своихъ плодахъ пальмовое масло, еще на долгое время будетъ служить важнымъ продуктомъ торговли для колоніи. По берегамъ рѣкъ стоятъ, какъ на ходуляхъ, пандановыя деревья, кое-гдѣ по дорогѣ встрѣчаются на мѣстахъ прежнихъ поселеній бананы и тонкоствольныя тыквенныя деревья (*Carica papaya*).

Ландшафты по обѣ стороны дороги къ Буеа безподобны, — ни одинъ изъ нихъ не похожъ на другой, хотя всѣ имѣютъ нѣчто общее въ характерѣ. Нѣсколько однообразіе картина, представляемая дѣвственнымъ лѣсомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никогда не производилось расчистки. Въ такомъ неприкосновенномъ состояніи онъ остался на полуостровѣ Нахтигалля между бухтой Амбасъ и мѣстомъ стоянки военныхъ судовъ. Гладкіе стволы стоятъ здѣсь тѣснѣе другъ къ другу, и такъ какъ кроны деревьевъ смыкаются, подлѣсокъ разрастается въ полутьмѣ менѣе роскошно. Зато всюду встрѣчаются постройки термитовъ, похожія на гигантскія шляпки грибовъ. Трудно себѣ представить, какое безконечное богатство животной жизни скрываетъ этотъ лѣсъ,—богатство это сказывается особенно при заходѣ солнца. На вершины деревьевъ слетаются тяжелыя птицы-носороги, граціозныя туракосы и сѣрые попугаи, они издаютъ своеобразные крикливые звуки, отыскивая себѣ мѣсто для ночлега. Одновременно мириады цикады и кузнечиковъ работаютъ изо всѣхъ силъ своими микроскопическими скрипками, производя всю ночь нарушающій тишину дѣвственного лѣса неумолчный концертъ. Крупныя звѣри врядъ ли попадутся мимолетному путешественнику на глаза: кто желалъ бы поохотиться на нихъ, тотъ можетъ рассчитывать на успѣхъ, лишь если онъ прирожденный охогникъ и знакомъ съ привычками звѣрей. Между тѣмъ, здѣсь иногда къ плантаціямъ подходятъ слоны, а на полуостровѣ Нахтигалля, какъ мнѣ указывали люди, заслуживающіе довѣрія, встрѣчается еще даже горилла.

Но вернемся къ дорогѣ въ Буеа. На ней царитъ оживленное движеніе, такъ какъ она является главнѣйшей артеріей путей сообщенія между племенами горъ и жителями долинъ. Цѣлыми караванами движутся по дорогѣ тяжело нагруженныя женщины баквири. Тѣ, которые постарше, отличаются обыкновенно невѣроятнымъ безобразіемъ, да и между болѣе молодыми рѣдко встрѣчаются сколько-нибудь красивыя лица, нѣсколько возмѣщается это безобразіе, какъ и у многихъ дикихъ народовъ, правильнымъ и граціознымъ тѣлосложеніемъ. Мужчины баквири достигаютъ лишь средняго роста, но отличаются хорошей мускулатурой. Обыкновенно у нихъ, такъ же какъ и у женщинъ, одѣтыхъ лишь въ передники, доходящіе до колѣнъ, тѣло покрыто темно-синей татуировкой. Многѣ часто приходилось удивляться тому, какія тяжести поднимали они шута въ гору по плохой дорогѣ, тѣмъ не менѣе въ качествѣ рабочихъ на плантаціяхъ баквири оказались мало пригодными. Ихъ природенная лѣнь и нелюбовь къ работѣ по найму заставили давно уже плантаторовъ искать рабочихъ между неграми племени кру и другими племенами. Съ того времени, однако, когда одно изъ гамбургскихъ обществъ монополизировало наемъ рабочихъ племени кру и подняло цѣну на ихъ трудъ, даже и для правительства стало трудно находить на Либерійскомъ побережьи хорошихъ рабочихъ. Въ виду этого является весьма утѣшительнымъ, что сношенія съ королемъ Гарегеа племени бали, завязанныя еще Циндграфомъ, повели въ недавнее время къ удовлетворительному рѣшенію рабочаго вопроса. Гарегеа объявился доставлять для работы на плантаціяхъ людей своего племени и первый транспортъ ихъ былъ доставленъ самимъ Циндграфомъ изъ внутренней части Камерунской области на берегъ. Контрактъ съ неграми, нанимаемыми на годъ, былъ урегулированъ правительствомъ и Гарегеа вскорѣ убѣдился въ томъ, что это предпріятіе представляетъ ему не малыя выгоды.

Во время нашей поѣздки, на всемъ пространствѣ до Буеа работало на плантаціяхъ западно-африканскаго общества «Викторія» 900—1.100 рабочихъ изъ племени бали. Здѣсь обработано около 920 гектаровъ, засаженныхъ болѣе 400.000 шеколадныхъ деревьевъ, которыя уже на третій годъ приносятъ красновато-коричневые плоды, похожіе на бананы. Въ нихъ содержатся бобы, которые тщательно отдѣляются отъ мякоти, высушиваются въ особыхъ аппаратахъ и подвергаются дальнѣйшей обработкѣ. Плодородіе почвы настолько значительно, что четырехлѣтнія шеколадныя деревья поднимаютъ уже свои вѣтви надъ головою всадника, и легко повять, какія ожиданія возлагаются на дальнѣйшее развитіе культуры шеколадныхъ деревьевъ въ этой области. Возможно, что эти ожиданія будутъ и осуществлены, если при помощи умѣлаго отбора деревьевъ и рациональнаго способа сушки удастся выпускать въ торговлю лишь первоклассные продукты. Однимъ изъ непремѣнныхъ условій является также правильное полученіе чернокожихъ рабочихъ на плантаціяхъ: происшедшіе недавно безпорядки внутри страны повели къ тому, что притокъ бали къ берегу прекратился. Когда войска приведутъ возмутившіяся племена въ порядокъ, можно ожидать, что дальнѣйшее развитіе культуры шеколадныхъ деревьевъ пойдетъ нормально.

Между неграми баквири представители племени бали выдѣлялись своимъ ростомъ, длиною бедеръ и черновато-сѣрой окраской. Бали часто попадались намъ навстрѣчу: они шли длинными вереницами, одинъ за

другимъ, прикрываясь отъ дождя листьями банановъ, которые держали надъ головами. На одной изъ казенныхъ станцій по пути мы встрѣтили

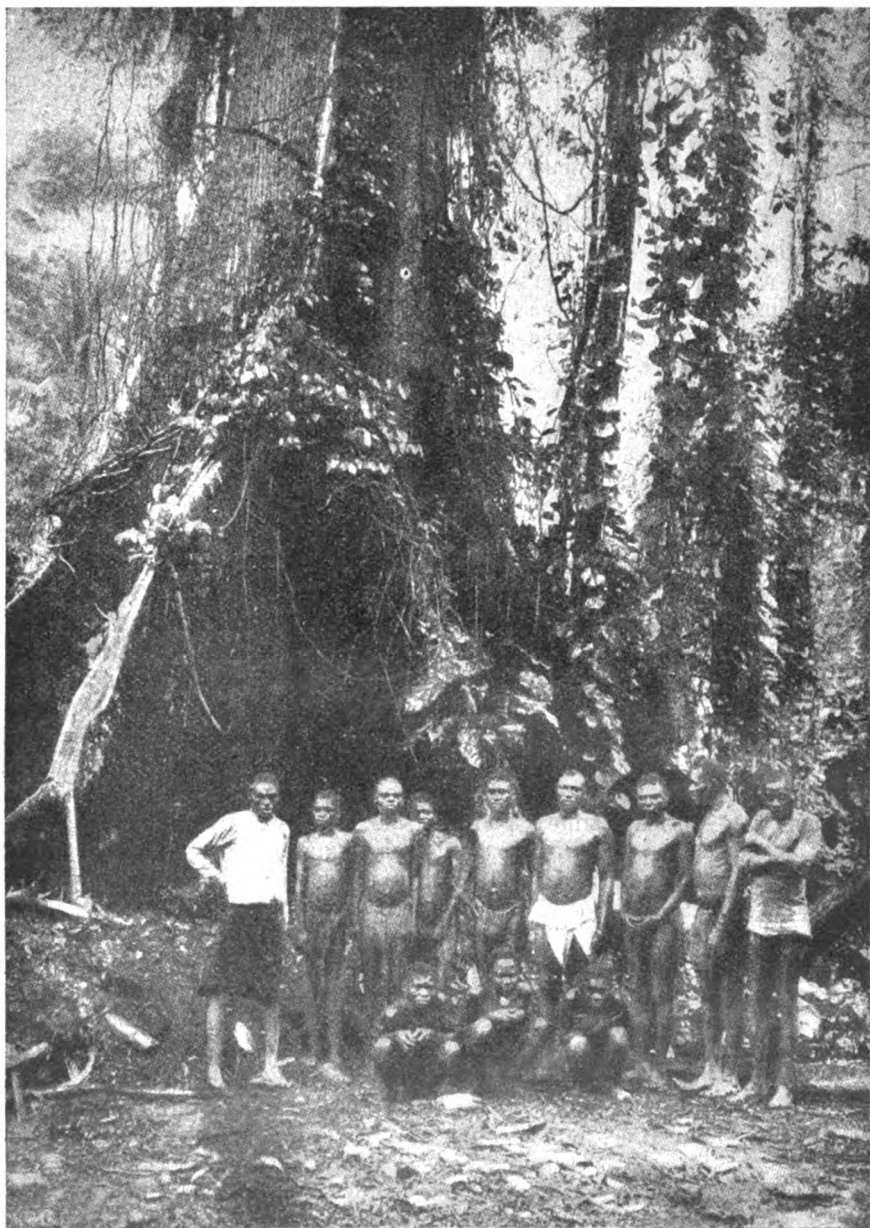

Рис. 18. Туземцы бали. Свади шерстяное дерево (*Eriodendron*).

привѣтливый пріемъ со стороны живущаго тамъ инспектора, который рассказывалъ намъ много интереснаго о приключеніяхъ у своего кровнаго брата короля Гарега. Окружающіе бали посматривали на насъ

опасливо и когда нашъ фотографъ попытался, несмотря на дождь, разставить свой аппаратъ и снять этихъ чернокожихъ обитателей внутренней области страны, они обратились въ послѣднее бѣгство и лишь съ трудомъ удалось уговорить нѣсколькихъ человекъ, изображенныхъ на приложенномъ снимкѣ (рис. 18), остаться на мѣстѣ. Бывшіе съ нами баквири уже утратили суевѣрный страхъ, который внушала имъ камера, послѣ того какъ мы позволили имъ заглянуть на матовое стекло, — когда они увидѣли своихъ сотоварищей стоящими на головахъ, они въ дикой радости начали прыгать и танцовать вокругъ аппарата.

Далѣе дорога сдѣлалась труднѣе и нерѣдко вела по крутымъ откосамъ, на которыхъ тропическія деревья стояли увѣшанныя невиданными плодами. Здѣсь деревья-гиганты отступаютъ на задній планъ и нерѣдко взоръ скользитъ надъ обширными расчищенными мѣстами съ хижинками негровъ или надъ плантаціями и останавливается надъ Камерунской бухтой и задернутыми дымкой крышами домовъ Камеруна. Перебравшись черезъ нѣсколько горныхъ потоковъ, которые прокладываютъ себѣ дорогу, пѣнясь между базальтовыми ущельями и зарослями папоротника, мы добрались, наконецъ, до станціи Буеа.

Здѣсь недурной казенный домъ, окруженный садомъ съ площадкой для лаунъ-тенниса, сторожка, у которой стоитъ караулъ, и хорошенькій одноэтажный домикъ станціи съ пристройками и разбросанными около него хижинами негровъ. Таково современное положеніе Буеа, но въ воображеніи нашею рисовалась другая картина будущей Буеа — цѣлой колоніи выль, соединенной горной желѣзной дорогой съ Викторіей и основнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ внутренней частью страны. Этому мѣстечку, несомнѣнно, предназначено сыграть значительную роль въ развитіи колоніи. — Буеа не только явится центромъ разбросанныхъ по горамъ плантацій, но и первокласснымъ климатическимъ курортомъ, какому нѣтъ равнаго на всемъ западно-африканскомъ побережьи. Уже въ настоящее время туда спасаются больные лихорадкой, и чиновники, утомленные дѣятельностью въ жаркой долинѣ, ищутъ тамъ временнаго отдохновенія, — здѣсь дышется свободнѣе горнымъ воздухомъ, въ періодъ дождей раздается несмолкаемое журчаніе вздвухихся ручьевъ, а отъ величественнаго ландшафта, растилающагося подъ ногами, трудно оторваться. Буеа лежитъ на высотѣ 920 метровъ и тогда какъ средняя годовая температура въ Викторіи и Камерунѣ 25—26°, въ Буеа она на 5—6 градусовъ прохладнѣе. Это для европейцевъ, привыкшихъ къ равномерному тропическому климату побережья, уже значительная разница, тѣмъ болѣе пріятная въ сухое время года съ ноября по май, что малярія здѣсь совершенно неизвѣстна. Съ истиннымъ наслажденіемъ прикрылся я ночью шерстянымъ одѣяломъ и принялъ утромъ освѣжающую ванну прохладной горной воды. На слѣдующій день (17-го сентября) мы предприняли ботаническую экскурсію въ область травянистой растительности Камерунскаго пика. Подняться на вершину, какъ это неоднократно уже предпринималось д-ръ Прейссомъ и г. Бессеромъ, мы не имѣли въ виду, тѣмъ болѣе, что въ дождливый сезонъ это было и затруднительно. Такимъ образомъ, мы направились лишь съ легкимъ багажемъ въ область дѣвственнаго лѣса, расположенную надъ Буеа. Уже при вступленіи въ послѣднюю, нѣкоторые отдѣльные папоротники напоминали намъ, что характеръ растительности здѣсь, въ болѣе прохладной полосѣ, измѣнился. Поднимаясь далѣе по крутой болотистой тропинкѣ мы ясно замѣтили, что дѣвственный лѣсъ низины по своей физиономіи совершенно отличается отъ лѣса болѣе высокой

полосы. Толстые стволы деревьевъ съ широкими кронами (рис. 19) замѣщаются здѣсь болѣе тонкіе и гладкіе стволы низинъ, верѣдко воз-

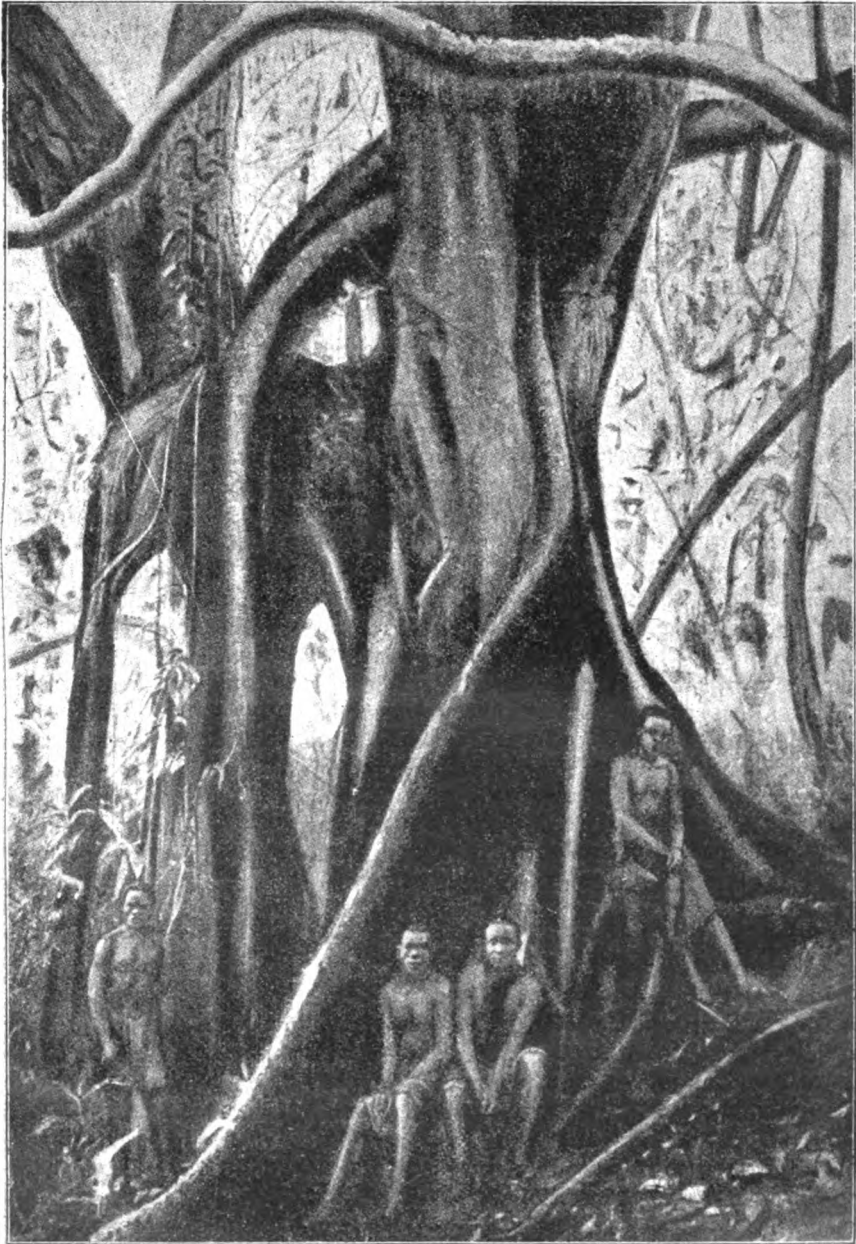

Рис. 19. Тропическій лѣсъ на высотѣ 1800 метровъ.

душные корни деревьевъ образуютъ какъ бы колоннаду, между которою тропинка живописно вьется то въ ту, то въ другую сторону. Мхи, мелкіе папоротники и лишай обростають вѣтви, и непроницаемая сѣть

ліанъ, папоротниковъ и низкихъ кустарниковъ затрудняеть движеніе впередъ. Камерунскій дѣвственный лѣсъ изобилуетъ драгоцѣнными древесными породами и какъ разъ въ этой болѣе высокой полосѣ находится много каучуковыхъ деревьевъ (*Landolphia*), черного дерева (*Diospyrus*) и другихъ твердыхъ и тяжелыхъ сортовъ, которые при рациональномъ лѣсномъ хозяйствѣ могли бы составить немаловажный источникъ дохода для колоніи.

Особымъ украшеніемъ лѣсовъ верхней полосы являются древовидные папоротники (*Cyathea*), которые встрѣчаются то группами, то въ одиночку. Часто мнѣ приходилось мечтать въ молодости о томъ, чтобы попасть въ папоротниковые лѣса Австраліи или Новой Зеландіи, и теперь эти мечты сбылись: мы находились въ таинственномъ полумракѣ папоротниковаго лѣса, вокругъ насъ поднимались колючіе черные стволы и граціозныя зеленыя опахала листьевъ. Своеобразное смѣшеніе темныхъ тоновъ съ зеленою, характерный ароматъ и смягченныя лучи солнечнаго свѣта, проходящіе чрезъ зеленые пластинки листьевъ, производятъ волшебное впечатлѣніе.

Круто ползеть далѣе узкая тропинка по склону горы между безконечнымъ лабиринтомъ деревь до высоты 2.000 метровъ, гдѣ находится верхній предѣлъ лѣса. Ландшафтъ внезапно мѣняется: перель нами разстилается обширная луговая поверхность, поднимающаяся сперва слабо, затѣмъ все круче и круче къ коричневатымъ обрывамъ удлиненнаго гребня, который кажется такъ близко, что сейчасъ до него дойдешь. По ущельямъ дѣвственный лѣсъ поднимается до высоты почти 2.500 метровъ и окаймленъ по краямъ небольшими группами древовидныхъ папоротниковъ. Для того, кому пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней путешествовать въ оранжерейной атмосферѣ дѣвственнаго лѣса, луговой ландшафтъ имѣеть особую прелесть: съ истиннымъ наслажденіемъ вдыхаешь здоровый горный воздухъ и радуешься развернувшейся широкой панорамѣ. Какъ на картѣ вырисовывается Камерунская низменность и Гвинейскій заливъ, то тамъ, то здѣсь пробиваются лучи солнца сквозь сѣрый покровъ облаковъ и выдѣляютъ яркимъ пятномъ часть долины на зеленовато-сѣромъ фонѣ дѣвственнаго лѣса. По гребню ползутъ обрывки облаковъ, они сползаютъ къ намъ все ближе и ближе и обволакиваютъ насъ вскорѣ покрываломъ тумана.

Путешествіе по луговой области затруднительно и требуетъ напряженнаго вниманія. Почва состоитъ изъ вулканическихъ бомбъ, смѣшанныхъ съ пепломъ и обломками лавы, все это затянута роскошнымъ покровомъ травянистыхъ растений, достигающихъ до уровня груди, между ними то тамъ, то здѣсь разбросаны цвѣтушіе кусты, блистающіе разнообразными яркими красками. Этотъ покровъ скрываетъ предательски отъ глазъ щели и ямы между камнями, куда верѣдко можетъ провалиться не только нога, но и все тѣло. Передо мной до сихъ поръ ясно вырисовывается картина, какъ нашъ фотографъ со своимъ аппаратомъ былъ внезапно поглощенъ землею, исчезъ изъ глазъ, и лишь съ трудомъ затѣмъ былъ вытащенъ изъ ямы. Недаромъ управленіе областью опасается, что попытка завести въ этой области альпійской растительности рогатый скотъ врядъ ли увѣнчается успѣхомъ изъ-за неудобствъ, представляемыхъ почвой. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ мнѣ пришлось видѣть стада одичавшихъ быковъ на одномъ изъ уединенно лежащихъ въ Индѣйскомъ океанѣ вулканическихъ островковъ—о. Новомъ Амстердамѣ, гдѣ почва гораздо болѣе

опасна, я думаю, что при населеніи рогатымъ скотомъ этой области врядъ ли представляется такіа препятствія.

Какъ ни подавляюще дѣйствовали на насъ впечатлѣнія роскошныхъ тропическихъ ландшафтовъ, насъ все же тянуло назадъ, чтобы въ тишинѣ и спокойствіи переработать нахлынувшія впечатлѣнія. Душу новичка наполняетъ не столько чувство пресыщенія при созерцаніи тропической природы, сколько сознаніе своей неспособности оцѣнить и понять все то безконечное разнообразіе чудесъ, которое встрѣчается здѣсь на столь незначительномъ протяженіи. Изобиліе видовъ новыхъ животныхъ и растений путаетъ и сбиваетъ въ конецъ, и хотя мало-по-малу и привыкаешь распознавать отдѣльныя формы и находить между ними родственныя, все же при этомъ не получаешь болѣе глубокаго познанія ихъ смысла и значенія. Всѣ онѣ участвуютъ въ ожесточенной борьбѣ за существованіе, всѣ стоятъ въ тѣсныхъ взаимныхъ соотношеніяхъ и всѣ являются зависимыми отъ внѣшнихъ условій. Мой сотоварищъ проф. Шимперъ обращалъ наше вниманіе на то, какъ Камерунскій дѣвственный лѣсъ приспосабливается къ изливающимся на него потокамъ тропическихъ ливней, какъ способъ развѣтвленія деревьевъ, форма ихъ листьевъ и защитныя приспособленія почекъ всѣ приворовлены къ тому, чтобы облегчать сбѣганіе воды. Съ не малою радостью привѣтствовали наши ботаники находженіе между растениями, паразитирующими на стволахъ деревьевъ, одного изъ видовъ пузырчатки (*Utricularia*)—растенія, ближайшій родственникъ котораго принадлежитъ нашей европейской флорѣ и обитаетъ на болотахъ и торфяныхъ озерахъ. Тогда какъ листья нашихъ пузырчатокъ расщеплены въ волосовидные отростки и снабжены своеобразными пузырьками для ловли мелкихъ прѣсноводныхъ рачковъ, у найденнаго тропическаго вида они остаются не расщепленными и располагаются розеткой, изъ середины которой выходитъ стебелекъ, несущій роскошныя желтыя съ фиолетовыми пятнами цвѣты. Нитевидныя развѣтвленныя корешки, отсутствующіе у водныхъ формъ, служатъ для прикрѣпленія между влажнымъ мхомъ и снабжены пузыреобразными вздутьями, которыя могутъ быть сравнены съ пузырьками нашего растенія. Сколько замѣчательныхъ заключеній можно вывести изъ изслѣдованія одного этого представителя тропической флоры, который перешелъ отъ жизни въ водѣ къ существованію въ сыромъ мхѣ и въ воздухѣ, насыщенномъ влагою дѣвственнаго лѣса!

Намъ недолго, однако, пришлось размышлять на эту тему,—наши чернокожіе (рис. 20) давно уже дрожали отъ холода и стучали зубами, охваченные непривычно прохладнымъ, сырымъ воздухомъ горной вершины, и съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала пуститься въ обратный путь. И когда мы начали спускаться и послѣ ночевки въ гостепріимной Буеа снова попали въ оранжерейный воздухъ нижней зоны тропическаго лѣса, лишь тогда стали они проявлять снова прирожденную имъ веселость и, несмотря на тяжелую ношу, скользкую дорогу и безконечный дождь, визвергавшійся на насъ, пѣсни ихъ не прекращались ни на минуту—это были короткія мелодіи, наломившія нерѣдко пѣсни неаполитанскихъ рыбаковъ и портовыхъ рабочихъ,—по всей вѣроятности, они воспѣвали въ нихъ странное поведеніе чудаковъ-иноземцевъ, собирателей червей и растеній.

Прежде чѣмъ оставить столь богатую природными красотами Викторію, намъ пришлось присутствовать при довольно своеобразномъ зрѣлищѣ на одномъ изъ сосѣднихъ маленькихъ острововъ—Бобія. Не-

многочисленное население негровъ, живущее преимущественно рыболовствомъ на самомъ главномъ изъ этихъ крутыхъ утесовъ, прекрасно защищено отъ случавшихся прежде нападений враговъ недоступностью своей деревни,—она расположена на самой верхушкѣ острова и добраться до нея можно лишь по крутой тропинкѣ, ведущей между обломками скаль. Узкая коса позволяетъ причаливать къ острову на лодкахъ. Здѣсь, на этой косѣ царило большое оживленіе: все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, копошились около кита средней величины, котораго убили гарпуномъ за день до нашего посѣщенія. Если принять во вниманіе, какими примитивными средствами располагають негры для борьбы съ гигантомъ морей, то нельзя не подивиться той ловкости и неустрашимости, съ какой имъ удается убить такую крупную добычу и вытащить ее на берегъ. Правительство всячески поощряетъ такой

Рис. 20. Носильщики племени баквири среди травянистой растительности альпійской области.

промыселъ и потому это былъ второй уже китъ, добытый въ теченіе гѣта.

Стройные и сильные негры, съ которыхъ положительно можно гѣпять Геркулеса, копошились на берегу, стараясь повернуть кита съ бока, на которомъ онъ лежалъ, на брюхо. Ихъ соединенныя усилія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, причемъ, однако, изъ раздувагося брюха животнаго вырвались газы отъ начинающихъ уже разлагаться внутренностей,—для чернокожихъ это былъ, вѣроятно, пріятнѣйшій аромать, но мы невольныо принуждены были заткнуть носы. Китовое мясо, особенно когда оно съ душкомъ, является для береговыхъ негровъ любимѣйшимъ деликатесомъ, за который они готовы вымѣнять самые лучшіе свои мѣловые товары, потому китъ цѣнится высоко. Китовый усъ, однако, не имѣетъ почти никакой цѣны и май охотно подарили часть его.

Гарпунщикъ подарилъ кита всему племени и послѣднее пришло

въ радостное волненіе по поводу этого роскошнаго подарка. Вѣсть о счастливомъ ловѣ быстро распространяется, и со всѣхъ сторонъ приходятъ пироги, нагруженные товарами для обмѣна и несущія болтливую публику, которая рассчитываетъ принять участіе въ праздникѣ и пиршествѣ.

Въ честь явившихся бѣлыхъ царекъ этого племени облачился въ свою праздничную одежду, которая рѣзко выдѣляла его между всѣми подданными,—онъ щеголялъ въ тропическомъ племѣ и бѣломъ плащѣ, поверхъ котораго въ видѣ шарфа было повязано мохнатое полотенце. Съ чувствомъ пожалъ онъ намъ руки, пожелалъ добраго утра и былъ, видимо, польщенъ, что мы взобрались, по крутому обрыву, въ подвластное ему селеніе, гдѣ, впрочемъ, не было ни души, такъ какъ всѣ собрались вокругъ кита,—насъ встрѣтили здѣсь лишь негритянскія черныя свиньи. Когда мы вернулись на морской берегъ, то увидѣли своеобразную картину. Часть чернокожаго населенія вытянулась въ длинную вереницу и подъ предводительствомъ одного изъ негровъ, забавно прыгавшаго и подплясывавшаго, окружила кита. Молодые женщины и мужчины встали длинной шеренгой и подвигались медленно впередъ въ тактъ монотонному пѣнію, производя различныя тѣлодвиженія и держась за длинный кусокъ матеріи. Позади шествовали старшины и, наконецъ, самъ царекъ, который держалъ зонтикъ надъ какимъ-то субъектомъ съ вымазанной бѣлой краской физиономіей и ногами. Царекъ далъ мнѣ понять жестами, что это—счастливецъ гарпунщикъ, которому удалось убить кита. На него напялили цилиндръ и обвѣсили его подарками всего племени въ видѣ безчисленныхъ шерстяныхъ и бумажныхъ платковъ. Съ бѣднати потъ лился градомъ, но онъ со стоическимъ спокойствіемъ не отставалъ отъ шествія. Движеніе этой танцующей вокругъ кита процессіи продолжалось нѣсколько часовъ подрядъ, женщины въ то же время, въ знакъ радости, воздымали къ небу руки и затѣмъ опускали ихъ на тѣло кита. Мы уже собирались отправляться назадъ и приготовлялись къ отъѣзду, а монотонная, восхваляющая пѣснь все еще раздавалась въ нашихъ ушахъ.

Полуостровъ Нактигалья, покрытый густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, отдѣляетъ бухту Амбась отъ бухты Военныхъ Кораблей и защищаетъ послѣднюю отъ западныхъ вѣтровъ, благодаря чему, какъ показываетъ уже и самое ея названіе, въ ней охотно останавливаются на якорѣ тѣ небольшія военныя суда, которыя служатъ здѣсь станціонерами. Бухта окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, какъ рамою, и поразительно живописна,—на берегу виднѣются гроты, которые въ прежнія времена служили хорошо защищенными уголками для того, чтобы скрывать добытыхъ на войнѣ рабовъ,—ланы, свѣшивающіяся съ отвѣсныхъ скалъ ихъ, были, вѣроятно, свидѣтельницами не одной сцены ужасающей жестокости. Сильно сѣуженный мысъ у начала бухты даетъ доступъ къ факторіямъ камерунскаго плантаторскаго общества, бѣлыя постройки которыхъ просвѣчиваютъ между пальмами. Факторія, находящаяся подъ руководствомъ господина Фридерича, превратилась въ настоящую опытную плантацію, гдѣ испытываются всѣ новѣйшія техническія приспособленія для выработки какао. Мы охотно послѣдовали приглашенію посѣтить эту плантацію и провели тамъ пріятный вечеръ.

На слѣдующій день послѣ четырехчасоваго плаванія мы подошли къ Камеруну. Мѣстность представляетъ замѣчательный контрастъ

*

съ тѣмъ, что мы видѣли въ окрестностяхъ Викторіи,—тогда какъ тамъ красивѣйшій видъ на заливъ съ возвышающимся надъ нимъ пикомъ, здѣсь мы имѣемъ лиманъ, образовавшійся отъ слиянія трехъ рѣкъ—Мунго, Вури и Дибамба—съ мутною водою;—вмѣсто гигантскихъ стволовъ тропическаго дѣвственнаго лѣса, здѣсь на плоскомъ, отлогомъ берегу заросли мангровыхъ деревьевъ, вмѣсто статныхъ и еще малокультурныхъ баквири, здѣсь хитрое и очень способное къ торговлѣ племя дуалла, вмѣсто немногихъ европейскихъ домовъ въ Викторіи, здѣсь прекрасный городъ съ постройками, которыя подъ тропиками производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Городъ окаймленъ пальмами и выглядитъ очень пріятливо, у cadaго дома раскинуть садъ, вокругъ казенныхъ зданій широкія веранды, дающія много тѣни,—отъ всего вѣетъ тихой идилліей.

Можно было бы позавидовать жизни въ Камерунѣ, если бы здѣсь не было страшнаго бича тропиковъ—маляріи, отъ которой жители сильно страдаютъ. Все же за послѣднее время удалось нѣсколько усовершенствовать борьбу съ нею и, по крайней мѣрѣ, достигнуть нѣкотораго успѣха въ леченіи ея опасныхъ послѣдствій, въ особенности такъ называемой «лихорадки черной воды», путемъ урегулированныхъ извѣстнымъ образомъ приемовъ хирина. Если въ настоящее время количество смертельныхъ исходовъ значительно понизилось, и малярія уже не является такимъ страшнымъ призракомъ, несущимъ за собою неминуемую смерть, то въ этомъ заслуга нашихъ камерунскихъ врачей и въ особенности д-ра Плѣна. Послѣдній показывалъ намъ съ вполне законной гордостью возведенный подъ его наблюденіемъ тропическій лазаретъ, чрезвычайно практичный по своему внутреннему устройству и по прекрасной приспособленности къ мѣстнымъ условіямъ.

Мы встрѣтили превосходный приемъ и были помѣщены въ одномъ изъ казенныхъ зданій. Послѣ нашихъ тѣсныхъ какъ просторныя и обильная воздухомъ комнаты казались намъ очень прохладными и уютными. На слѣдующій день мы отправились посмотреть поселенія туземцевъ дуалла и были, положительно, поражены чистотой жилищъ и широкихъ улицъ. Здѣсь же мы имѣли случай познакомиться съ королемъ Манга Беллемъ, который какъ разъ производилъ судъ и расправу вблизи своего затѣливаго, выстроеннаго на европейскій манеръ, но, за недостаткомъ средствъ, не достроеннаго дворца. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ настоящій джентельменъ, угостилъ шампанскимъ и въ обмѣнъ за поднесенный мною большой портретъ германскаго императора подарилъ мнѣ... козла. Врядъ ли когда-нибудь приходилось камерунскому козлу совершать такое путешествіе, какое совершилъ этотъ «козелъ Белля» на «Вальдивіи», такъ какъ онъ продѣлалъ съ нами весь путь до Германіи. До Каштадта жилось ему еще недурно, но когда мы попали въ антарктическія области, ему, какъ жителю тропиковъ, пришлось перебраться въ котельное отдѣленіе, гдѣ онъ неоднократно во время сильныхъ штормовъ обжигалъ себѣ ноги; кромѣ того, онъ упорно отказывался ѣсть предлагаемые ему растительные консервы, а питался преимущественно газетами, стружками и окурками сигаръ. Имѣя въ виду, что онъ съѣлъ также одну важную дѣловую бумагу, слѣдовало бы предложить нашимъ высшимъ властямъ обратить свое вниманіе на выдающуюся полезность этихъ животныхъ, разводимыхъ королемъ Беллемъ, очевидно, для уничтоженія излишней канцелярщины. Козелъ нашъ попалъ затѣмъ въ лейпцигскій зоологическій садъ, гдѣ у него было теплое казенное

мѣстечко; несмотря на это, онъ все же, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, отрастилъ себѣ болѣе теплую шубу. Въ этомъ густомъ нарядѣ онъ замѣчательно напоминалъ своимъ плотнымъ строеніемъ тѣла горныхъ козловъ. Къ сожалѣнію, привыкнувъ храбро сражаться со всѣми нападающими ему навстрѣчу животными, онъ недавно погибъ во время столкновенія съ верблюдомъ.

Король сдѣлалъ намъ отвѣтныи визитъ, пріѣхавъ на «Вальдивію» съ частью своей свиты. Онъ просилъ меня взять его младшаго брата въ Германію, чтобы тамъ воспитать его,—пришлось имѣть съ нимъ продолжительный разговоръ въ каютѣ и уговаривать его и его сестру Франциску, что, въ виду такого продолжительнаго путешествія и посѣщенія холодныхъ странъ, которое можетъ вредно отозваться на здоровьѣ его брата, просьбу его выполнить неудобно.

Въ это время свита его была принята въ каютѣ-кампанію и проявляла удивительное смѣшеніе поверхностно схваченной европейской культуры и африканской первобытности. Король Манга Белль своимъ симпатичнымъ характеромъ и вѣжностью значительно превосходитъ своихъ подданныхъ, а принцесса Франциска производитъ гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе своимъ умѣнемъ носить костюмъ и вести бойкій разговоръ, чѣмъ ея спутница. Обѣ высочайшія особы начертали свои имена на нашемъ вѣрѣ, который служилъ книгою для записей именъ почетныхъ посѣтителей «Вальдивіи». Когда мы спросились и сдѣлалось извѣстно, что братъ короля не поѣдетъ съ нами, то свита не упустила прихватить съ собою и увезти обратно на берегъ поросятъ и бананы, которые были предназначены для стола принца во время пути.

Особенно интересенъ былъ нашъ визитъ командиру войсками области майору фонъ-Кампцъ. Во время покоренія области онъ прошелъ ее вдоль и поперекъ и имѣлъ случай познакомиться съ характерными особенностями народностей внутренней части страны. Обширный домъ его представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографическаго музея, гдѣ хранятся не только продукты западно-африканской техники и искусства, но и имѣются живые представители различныхъ типовъ туземнаго населенія. Мы видѣли у него трехъ заложниковъ—сыновей предводителей племени бане, и взятаго въ плѣнъ племянника короля Тунга,—все прекрасно сложенные молодые люди, повидимому, нисколько не опечаленные своею участью. Кроме того, хозяинъ показалъ намъ солдата племени гаусса въ живописномъ нарядѣ, затѣмъ туземцевъ племени яунде и пангве, съ оригинальными украшеніями надъ ушами, наконецъ, долговязаго негра изъ племени фанъ, такъ что мы имѣли возможность познакомиться съ физиономическими особенностями цѣлаго ряда племенъ внутренней части страны. Еще интереснѣе, чѣмъ всѣ эти типы, многократно уже описанные различными путешественниками, была женщина карликаго племени бакелли, съ которымъ майоръ Кампцъ познакомился первымъ изъ европейцевъ. Онъ рассказалъ намъ объ этомъ замѣчательномъ племени внутренней части камерунской области слѣдующее:

«Во время моего пребыванія у короля Тунга мнѣ пришлось впервые увидѣть нѣскольکو челоуѣкъ карликаго племени бакелли, извѣстнаго до того времени лишь по имени. Они обитаютъ въ западной части области дѣвственнаго лѣса, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ Нгумба, Бакоко и Були. Послѣ моихъ настойчивыхъ требованій Тунга привелъ мнѣ предводителя и семерыхъ мужчинъ этого племени. Я смѣрилъ

ростъ ихъ, и оказалось, что онъ колеблется между 1,45 и 1,60 метровъ. Повидимому, бакелли уже сильно смѣшались съ другими племенами и лишь у самыхъ низкорослыхъ мужчинъ обнаруживалась характерная для нихъ свѣтлая, почти желтая окраска кожи и угловатая форма лица. Еще во время моего пребыванія въ Матомале нашъ разъѣздъ взялъ въ плѣнъ женщину и мальчика изъ этого племени, но только одинъ мальчикъ казался чистой рассы. Оба они убѣжали, такъ какъ стерегли ихъ не особенно строго. Позднѣе я купилъ отъ одного изъ предводителей племени нгумба взрослою дѣвушку племени бакелли, которая была всего лишь 1,24 метра вышиною; она была привезена въ Камерунъ и съ нею сдѣлали снимки и измѣренія. Какъ говорятъ, бакелли—прилежные собиратели резины и хорошіе охотники, но, тѣмъ не менѣе, другія племена смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и едва считаютъ ихъ людьми. Туземцевъ этого племени взятыхъ мною при посредствѣ Тунга, я щедро одарилъ и отправилъ ихъ назадъ, сказавъ имъ, чтобы они больше не боялись бѣлыхъ.

Видѣнная нами дѣвушка обнаруживаетъ всѣ особенности, характерныя для карликовыхъ племенъ внутренней Африки. Коричневато-желтая окраска кожи, короткіе, спутанные въ войлокъ волосы, короткій и толстый носъ, толстыя губы, пугливый, недоувѣрчивый взглядъ, слабо развитыя груди—таковы главнѣйшія особенности. Къ этому должно еще присоединить ея удивительно малый ростъ, хотя она и была вполнѣ развита, и необыкновенно сильный негритянской запахъ. Несмотря на то, что обращались съ дѣвушкой хорошо, она часто убѣгала въ лѣсъ, но при этомъ чернокожіе солдаты очень быстро ее тамъ разыскивали при помощи обонянія. «Ею пахнетъ лѣсъ», объясняли они, ослабивъ зубы, когда приводили ее домой».

Что въ камерунскомъ лѣсу скрываются подобныя кочующія карликовыя племена, не лишено большого научнаго интереса. Послѣ того, какъ Швейнфуртъ нашелъ ихъ въ Акка и затѣмъ цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей открыли ихъ въ центральной западной и восточной части области дѣвственнаго лѣса, должно ожидать, что именно такъ легко достижимые бакелли позволятъ познакомиться ближе со многими интересными этнографическими особенностями этихъ любопытныхъ племенъ.

Со стороны управленія намъ было сдѣлано въ самой любезной формѣ предложеніе предпринять небольшую экскурсію внутрь страны и для насъ былъ приготовленъ казенный пароходъ «Содентъ». Въ виду недостатка времени, мы выбрали кратчайшій маршрутъ изъ тѣхъ, которые намъ предлагали,—именно, по рѣкѣ Вури вверхъ къ порогамъ ея около Ябасси.—это средняя изъ трехъ впадающихъ въ Камерунскую бухту рѣкъ; благодаря дождливому времени, уровень воды въ ней настолько повысился, что по ней легко можно было подняться на пароходѣ.

Трудно описать въ немногихъ словахъ ту безконечную смѣну то привлекательныхъ, то, порою, однообразныхъ видовъ, открывавшихся передъ нашими глазами во время этого пути. Покинувъ сильно воздѣланную мѣстность, по обѣ стороны суживающейся бухты, мы попали въ цѣлый лабиринтъ мелкихъ протоковъ, которые образуютъ дельту Вури. Постепенно пропадали изъ глазъ деревни дуалла, зданія миссій и идилически разбросанныя въ зелени факторіи и вмѣсто нихъ появлялся передъ глазами низкій мангровый лѣсъ, образуемый преимущественно зарослями *Rhizophora mangle* (рис. 21). Берегъ

окаймленъ роскошною зеленью пальмъ — рафій, между которыми выглядываютъ вытянутыя въ длину панданусы и извивающія по мангровымъ деревьямъ до самыхъ ихъ верхушекъ ротанговые пальмы; на поверхности воды красиво вырисовываются благоухающіе бѣлые цвѣты водяного растенія *Pancreatium maritimum*.

Постепенный переходъ отъ солоноватой воды къ прѣсной сказывался и на измѣненіи ландшафта: мангровыя заросли уступили мѣсто прекрасно воздѣланной мѣстности съ, очевидно, намытой почвой. Виднѣлось безчисленное количество деревьевъ негровъ племени бакоко, которыя какъ разъ въ настоящее время, благодаря дождямъ, стояли почти совсѣмъ подъ водою. Въ кабачкахъ на берегу, гдѣ продается пальмовое вино, парило сильное оживленіе, замѣчавшееся, впрочемъ, и на всемъ пути до самаго Ябасси. Оказалось, вѣсть, что губернаторъ поднимается на казенномъ пароходѣ по рѣкѣ, давно уже распространилась по всей округѣ.

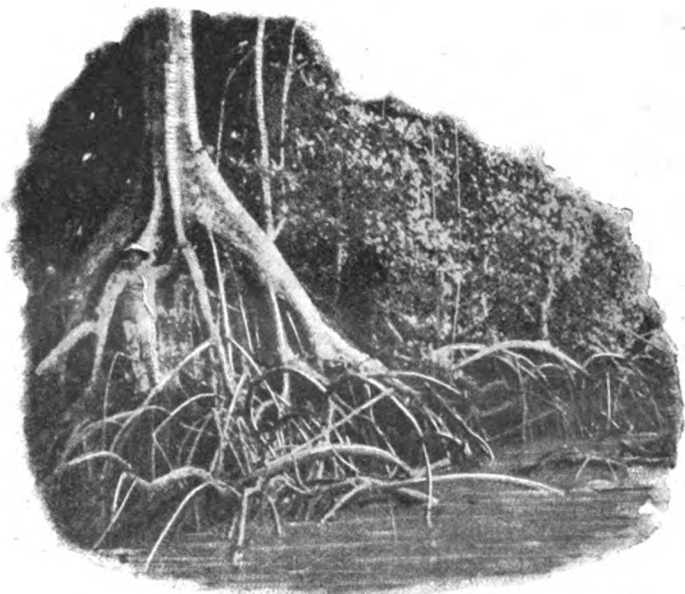

Рис. 21. Основаніе мангроваго дерева (*Rhizophora mangle*).

Приходится изумляться густотѣ населенія по берегамъ. Признаніе своей зависимости отъ Германіи оно выражаетъ тѣмъ, что вывѣшиваетъ надъ своими хижинами флаги или, что чаще, доскутки чернаго, бѣлаго и краснаго цвѣта; при видѣ парохода, отовсюду выставляются любопытствующія головы, всюду тѣсятся женщины, дѣти и мужчины, стараются разглядѣть насъ и всячески выражаютъ привѣтствіе. Руки туземцевъ часто украшены большими кольцами изъ слоновой кости, бедра обернуты матеріей самыхъ яркихъ цвѣтовъ. По временамъ отъ берега, поросшаго баванами, тростникомъ или колоказіями, отдѣляется пирога съ неграми и гребетъ короткими заостренными веслами. По большей части лодки сдѣланы изъ краснаго дерева, чернятся и нерѣдко снабжаются почти чернымъ парусомъ.

Послѣ впаденія въ Вури рѣки Або она развѣтвляется и охватываетъ такъ называемый островъ Вури. Далѣе она протекаетъ по мѣст-

ности, которая своими поросшими тростникомъ берегами и далеко отступающимъ отъ береговъ лѣсомъ напоминаетъ, пожалуй, нѣсколько ландшафты по рѣкѣ Олеру. Здѣсь бросается въ глаза уже издали огромное дерево, покрытое массою цапель и другихъ болотныхъ птицъ—оно указываетъ на мѣсто, гдѣ впадаетъ рѣка Дибомбе, населенная въ сухое время года множествомъ бегемотовъ и образующая въ то же время границу страны Бодимагъ. Это послѣдняя, наде думать, населена особенно густо, такъ какъ маслянистыя пальмы и плаваціи банановъ и сахарнаго тростника съ разбросанными между ними хижинами тянутся вдоль береговъ непрерывно и дѣлаютъ мѣстность даже однообразной. Нѣсколько выкупаютъ это однообразіе видъ на отдаленныя горы Нкосси, красиво выдѣляющіяся своими темно-голубыми тонами на сѣромъ фонѣ дождевыхъ облаковъ и представляющія превосходный контрастъ съ зеленою береговъ и серебристымъ блескомъ рѣки. Послѣ 9-часового плаванія мы добрались, наконецъ, до Ябасси—маленькой негритянской деревушки, которая является для подвижныхъ и дѣловитыхъ негровъ дуала исходнымъ пунктомъ для ихъ торговыхъ сношеній со внутреннею частью страны.

Ландшафтъ здѣсь рѣзко мѣняется. Берега сходятся ближе и имѣющіеся неподалеку немного выше Ябасси пороги препятствуютъ дальнѣйшему судоходству по рѣкѣ. Вся мѣстность холмиста и покрыта роскошнымъ лѣсомъ. Разнообразіе древесныхъ породъ поразительно; до вѣрообразныхъ или куполовидныхъ верхушекъ деревьевъ ползутъ лианы, спускающіяся къ самой водѣ.

Мы до поздней ночи сидѣли на палубѣ и слушали рассказы нашего спутника, много испытавшаго и прекрасно знакомаго со страной, командира охранныхъ войскъ. Всѣ мои сотоварищи страстно желали провести ночь «по-африкански»—въ хижинахъ негровъ. На слѣдующее утро большинство изъ нихъ согласилось, однако, съ тѣмъ, что я не проигралъ, оказавъ предпочтеніе походной кровати на пароходѣ: одного изъ нихъ искушали москиты, по ногамъ другого ночью бѣгали крысы, третій жаловался на невозможный запахъ пальмоваго масла и козъ, другіе—на слишкомъ большую интимность ночевавшихъ съ ними негровъ.

Вернувшись на слѣдующій день въ Камерунъ, мы и не подозревали, что ночь, проведенная въ Ябасси, будетъ имѣть для насъ еще болѣе скверныя послѣдствія. Дней черезъ 8, черезъ 10, когда мы были уже въ виду Конго, изъ одиннадцати участниковъ въ экскурсію по Вури, 9 человекъ заболѣло маляріей, сопровождавшейся явленіями, характерными для камерунской формы этой болѣзни. Изъ 12 человекъ экспедиціи лишь трое остались здоровы—одинъ ночевалъ на сушѣ, другой спалъ на пароходѣ и третій оставался въ Камерунѣ. Если малярія, дѣйствительно, происходитъ отъ зараженія путемъ укусовъ комаровъ, то, на основаніи нашего печальнаго опыта, должно особенно предостеречь путешественниковъ отъ ночевковъ въ рѣчныхъ береговыхъ деревушкахъ негровъ, которыя кишатъ различными насѣкомыми. До сихъ поръ, правда, еще неизвѣстенъ передатчикъ камерунской малярии, но, судя по изслѣдованіямъ зоологовъ, можно съ увѣренностью предположить, что это—одинъ изъ москитовъ, можетъ быть, даже одинъ изъ видовъ не особенно сильно нападающихъ на человека. Изслѣдованія Роста, Грасси и Шаудинна достаточно доказали, что, вмѣстѣ съ выдѣленіемъ слюнныхъ железъ, москиты при уколѣ человека переносятъ въ его кровь маленькіе серповидные зародыши, которые попадаютъ въ красныя кровяныя тѣльца, развиваются здѣсь

въ амѣбообразные организмы, такъ называемые малярійные плазмодии, и, наконецъ, распадаются на множество мелкихъ зародышей. Эти послѣдніе снова попадаютъ въ красныя кровяныя тѣльца и продѣлываютъ то же и точно такъ же бесполо размножаются. Количество припадковъ лихорадки, которые наступаютъ каждый разъ, когда проникшіе въ кровяныя тѣльца паразиты начинаютъ дѣлиться, даетъ возможность опредѣлить число слѣдующихъ одно за другимъ бесполоыхъ поколѣній. Въ концѣ концовъ, наступаетъ какъ бы утомленіе бесполоымъ способомъ размноженія паразитовъ: они разнѣваются тогда два рода клѣтокъ различной величины—маленькія червеобразныя клѣтки и крупныя шаровидныя; первыя соотвѣтствуютъ сперматозоидамъ, вторыя—яйцевымъ клѣткамъ высшихъ животныхъ. Подобно тому, какъ дальнѣйшее развитіе яйца обусловливается проникновеніемъ сперматозоида въ яйцевую клѣтку, точно такъ же и дальнѣйшее развитіе паразита маляріи можетъ происходить лишь при сляніи червеобразныхъ зародышей съ крупными шаровидными,—этотъ процессъ, соотвѣтствующій оплодотворенію высшихъ представителей органическаго міра, называется «конъюгаціей». Конъюгація паразита маляріи никогда не можетъ произойти въ тѣлѣ теплокровнаго животнаго или человѣка, но мы можемъ произвести ее искусственно, если дадимъ каплю крови охладиться. Уже это обстоятельство указываетъ на то, что для конъюгаціи клѣтокъ, служащихъ для размноженія, кровь съ малярійными паразитами должна попасть въ животныхъ съ холодною кровью. Носителями такого полового поколѣнія и оказываются москиты, которые послѣ укуса наполняютъ свой желудокъ кровью. Въ ихъ желудкѣ и происходитъ конъюгація, слившіяся клѣтки проникаютъ черезъ стѣнки желудка, облекаются оболочкой и распадаются на огромное количество мелкихъ серповидныхъ зародышей. Эти послѣдніе переходятъ въ слюнные железы и при уколѣ комаровъ могутъ снова попасть въ кровь человѣка.

Такимъ образомъ, размноженіе малярійныхъ паразитовъ сопровождается чередованіемъ поколѣній, т. е. закономѣрною смѣною бесполоыхъ и половыхъ поколѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь происходитъ и перемѣна хозяина паразитовъ, такъ какъ бесполое поколѣніе живетъ въ крови человѣка, тогда какъ половое—въ москитахъ.

На основаніи новыхъ изслѣдованій, подтвердившихъ старинное представленіе о связи между москитами и маляріей, можно уже съ увѣренностью утверждать, что въ тѣхъ тропическихъ мѣстностяхъ, гдѣ отсутствуютъ москиты, не бываетъ и маляріи. Мы познакомились поближе съ одной такою областью—именно съ окрестностями Большаго Рыбнаго залива. Тамъ на пустынныхъ песчаныхъ дюнахъ не растетъ никакихъ кустарниковъ и никакой травы, такъ какъ нѣтъ прѣсной воды. Личинки москитовъ развиваются всюду, гдѣ имѣются лужи прѣсной воды и потому вполне естественно то обстоятельство, что населеніе Рыбнаго залива, испытывающее временами сильнѣйшіи недостатки въ прѣсной водѣ, не страдаетъ, по крайней мѣрѣ, вовсе отъ маляріи. При нашемъ дальнѣйшемъ путешествіи возможность еще болѣе заразиться маляріей отсутствовала, но припадки уже полученной маляріи продолжались болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, такъ что нашъ врачъ д-ръ Бахманъ имѣлъ возможность произвести специальное наблюденіе надъ теченіемъ этой болѣзни,—къ несчастью преждевременная смерть его не позволила закончить ему начатой работы.

Г Л А В А V.

Устье Конго.—Вверхъ по рѣкѣ. —Баобабы.—Бома.

Путешественники указываютъ обыкновенно на величественное впечатлѣніе, которое производятъ большія африканскія рѣки,—такое впечатлѣніе онѣ, дѣйствительно, производятъ, когда путешественнику пришлось ранѣе идти по безконечнымъ безводнымъ пустынямъ и затѣмъ вдругъ оказаться на берегу многоводнаго потока. Иное впечатлѣніе получаютъ тѣ, кому долго не приходилось видѣть земли,—для

Рис. 22. На берегу Конго.

нихъ уже и чуть замѣтные противоположащіе берега, какъ здѣсь въ устьѣ Конго, кажутся стѣсняющими кругозоръ. Что мы подошли къ области, дѣйствительно, великаго прѣснаго потока, показали намъ уже изслѣдованія наканунѣ того дня, почти въ 150 морскихъ миляхъ отъ устья рѣки. Вода поверхностныхъ слоевъ получила нѣсколько иную окраску, обладала меньшимъ удѣльнымъ вѣсомъ и содержала организмы, которыхъ не встрѣчается на поверхности открытаго моря: признакъ того, что прѣсная вода Конго выходитъ далеко за предѣлы въ море. Чѣмъ ближе мы подходили къ устью, тѣмъ сильнѣе сказывались эти особенности. Поверхность получила темно-коричневый оттѣнокъ

и весьма своеобразно выдѣлялась на ней зеленовато окрашенная морская вода, поднимаемая при дѣйствіи пароходнаго винта съ болѣе значительной глубины. Уже простымъ глазомъ можно замѣтить разницу въ цвѣтѣ воды, добываемой съ различныхъ глубинъ: до 3 метровъ глубины въ стеклянномъ сосудѣ проба окрашена въ коричневатый цвѣтъ, на 5 метрахъ—оказывается уже легкій зеленоватый оттѣнокъ, на 10—вода совершенно прозрачна,—это. служитъ доказательствомъ тому, что даже въ устьѣ Конго прѣсная вода находится только въ поверхностныхъ слояхъ, тогда какъ подъ нею лежитъ слой морской воды.

Близость береговъ Конго сказывается прежде всего въ томъ, что южный берегъ становится красноватымъ и обрывистымъ. Постепенно темный мысъ выдвигается впередъ, на немъ видѣется дѣвственный лѣсъ, окруженный низкими пальмовымъ кустарникомъ, затѣмъ онъ переходитъ въ бѣловатый песчаный берегъ, на которомъ то тамъ, то здѣсь разбросаны огромные стволы упавшихъ деревьевъ,—нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи съ большимъ воодушевленіемъ признали ихъ за крокодиловъ. Вырисовываются изящно прячущіяся въ зелени бѣлыя постройки факторій, и когда мы приближаемся къ южному берегу, на мысъ Шаркъ-Пойнтъ поднимается португальскій флагъ, которому наше судно отвѣчаетъ салютомъ. Сильно вытянутый въ длину, окруженный пальмами мысъ сѣвернаго берега, на которомъ лежали факторіи города Бананы, отдѣляется отъ моря тихій затонъ, служащій прѣвосходнымъ рейдомъ для колышавшихся на немъ многочисленныхъ судовъ. Затонъ этотъ, правда, отдѣленъ отъ устья Конго баромъ, который глубоко сидящіе суда могутъ пройти лишь съ приливомъ. Мы останавливаемся около буя передъ баромъ и ожидаемъ, когда къ намъ подойдетъ лопманская лодка, на которой усердно и ловко гребутъ туземцы племени бангала. Правительство Конго пользуется услугами этихъ обитателей внутренней части области Конго, какъ вообщѣ надежныхъ полицейскихъ и моряковъ. Они выглядятъ очень интересно, особенно если видишь ихъ въ первый разъ: по большей части это здоровенные мускулистые субъекты (рис. 23), съ чрезвычайно разнообразною прическою на головѣ, въ особенности бросаются въ глаза тѣ изъ нихъ, у которыхъ голова выбрита до гола и лишь по срединѣ оставленъ гребень волосъ. У нихъ обычай подпиливать рѣзцы, такъ что они дѣлаются остроконечными, татуироваться и заставлятъ кожу образовывать между татуировкой особые шрамы,—этого они добиваются, какъ мнѣ позднѣе объяснилъ главный врачъ въ области Конго д-ръ Этьеннъ, примѣненіемъ раздражающихъ растительныхъ веществъ. По большей части эти шрамы проходятъ посрединѣ лба, нерѣдко они проводятся горизонтально подъ глазами до ушей а у нѣкоторыхъ все лицо покрыто татуировкой настолько же тонкой, какъ у племени маори въ Новой Зеландіи.

Входя въ заливъ, намъ пришлось познакомиться съ удивительно богатымъ развитіемъ животной жизни въ устьѣ Конго. То тамъ, то здѣсь показывались фонтаны китовъ, тучи морскихъ лясточекъ окружали наше судно, а огромные орлы (*Gypohierax angoliensis*), съ блестяще-бѣлой головой, бѣлой грудью и черными крыльями, описывали въ воздухѣ правильные круги. Намъ удалось убить нѣсколькихъ изъ нихъ и, вслѣдовавъ содержимое ихъ желудка, мы убѣдились въ томъ, что они питаются плодами масляной пальмы, крабами и раками-отшельниками.

Вечеромъ 1-го октября мы бросили якорь передъ Бананой и получили тотчасъ же со стороны генеральнаго секретаря Конго м-ра Гислена и со стороны губернатора приглашеніе посѣтить Бома. Въ Камерунѣ былъ періодъ дождей, здѣсь же, на Конго, по другую сторону экватора, мы оказались въ концѣ сухого времени года и потому относительно низкій уровень стоянія воды въ рѣкѣ не позволилъ нашему

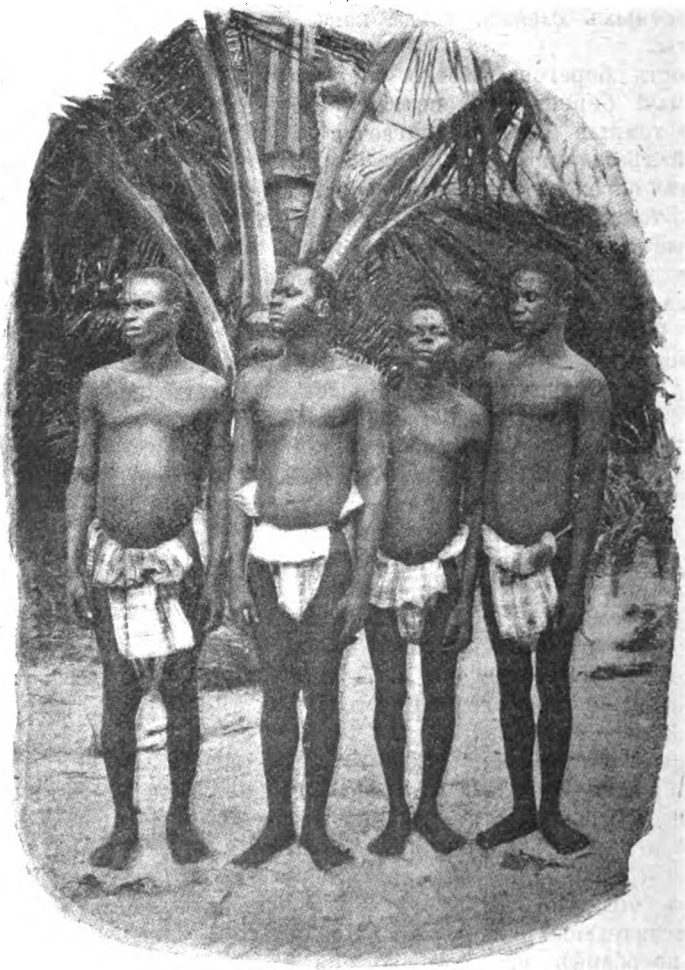

Рис. 23. Негры бангала.

довольно глубоко сидящему судну подняться до Бома. Намъ было, однако, предложено воспользоваться казеннымъ паровымъ катеромъ, что намъ было тѣмъ пріятнѣе, что такимъ образомъ, мы имѣли возможность ближе познакомиться съ областью устья Конго.

Намъ не пришлось сожалѣть о томъ, что два дня мы провели въ порядочной тѣснотѣ на паровомъ катерѣ. Какъ только онъ оставилъ Банану при восходѣ солнца, мы вступили въ лабиринтъ протоковъ рѣки, своеобразные и чарующіе ландшафты которыхъ намъ никогда

не пришлось бы увидѣть, если бы мы поднимались на пароходѣ. Берега покрыты низкими зарослями колючей пальмы (*Phoenix spinosa*), за которыми начинается мангровый лѣсъ, придающій мѣстности чрезвычайно своеобразный отпечатокъ. Деревья стоятъ какъ бы на ходуляхъ и производятъ самое курьезное впечатлѣнiе, стволъ *Rhizophora mangle* переходитъ въ дугообразно изогнутые и вылообразно дѣлящиеся корни, которыми деревья укрѣпляются въ илу. Къ нимъ присоединяются воздушные корни, которые свѣшиваются нерѣдко съ порядочной вышины, какъ вытянутыя паутинки. Эти корни также прикрѣпляются къ почвѣ, и такимъ образомъ возникаетъ непроницаемая сѣть корней, которая сливается съ листовою деревьевъ, напоминающей по своей виѣшности лѣству ольхи. Между мангровыми деревьями колыхатся опалаха одностого изъ папоротниковъ (*Chrysodium*), который распространяетъ всюду, гдѣ встрѣчаются мангровыя заросли. Особенную красоту придаютъ этимъ тихимъ протокамъ пальмы изъ рода *Raphia*, которыя то тамъ, то здѣсь выставляются на самомъ берегу и своими граціозными очертанiями скрашиваютъ ландшафтъ. Протоки образуютъ цѣлый лабиринтъ, и приходится удивляться той увѣренности, съ которой чернокожій рулевой разбирается въ этой путаницѣ, и той ловкости, съ какой онъ производитъ постоянные крутые повороты на загибахъ рѣки, гдѣ нерѣдко пальмы свѣшиваются надъ самымъ катеромъ. Временами мангровыя заросли отступаютъ на задній планъ и появляются причудливые панданусы съ маслинными пальмами и разнообразными гигантами дѣвственнаго лѣса, по которымъ, извиваясь, ползутъ лианы. Подъ пальмами путешествовать, однако, нельзя вполне безнаказанно: когда мы попробовали съ катера собрать кое-какія цвѣтуція растенiя, свѣшивавшіяся съ деревьевъ въ носовой части катера, произошло вдругъ какое-то замѣшательство: ружья были отброшены, сотоварища наши стали стаскивать съ себя сюртуки и неистово метаться изъ стороны въ сторону, — въ нихъ впились своими сильными челюстями цѣлыя тучи муравьевъ. Вскорѣ на нашемъ суденышкѣ всюду виднѣлись рабочіе муравьи, тащашіе куколокъ, и свирѣпые муравьи солдаты, которыхъ можно было вытащить изъ кожи, лишь оторвавъ имъ голову. Муравьи эти относятся къ широко распространенному подътропиками роду *Oecophylla*, живутъ на деревьяхъ и дѣлаютъ свои гнѣзда изъ сплетенныхъ паутинкой листьевъ. Одинъ изъ англійскихъ наблюдателей Голландъ сообщаетъ о постройкѣ ими гнѣзда очень интересныя вещи: «Листья, которые должны быть связаны между собою, сперва приводятся муравьями въ надеждащее положеніе при помощи верхнихъ челюстей и удерживаются въ немъ. Затѣмъ являются другіе муравьи въ огромномъ количествѣ, неся во рту по личинкѣ, и проводятъ переднимъ концомъ личинки отъ одного края листа къ другому, — гдѣ ротъ личинки прикоснется къ листу, тамъ появляется паутинка, прилипающая къ поверхности листа. Они продолжаютъ склеивать такимъ способомъ листья до тѣхъ поръ, пока листья не будутъ связаны по своимъ краямъ прочной тканью и пока, наконецъ, между ними не образуется вещество похожее на войлокъ или на бумагу изъ безчисленныхъ, лежащихъ другъ на другѣ и переплетающихся паутинокъ». Тѣ же муравьи, какъ говорятъ, устраиваютъ нерѣдко вокругъ ствола, на которомъ находится ихъ гнѣздо, поясъ изъ паутинистой ткани шириною около фута, причемъ также пользуются своими личинками, — въ этой ткани запутываются мелкіе муравьи другого рода, съ которыми они ведутъ постоянныя войны. Это очень

своеобразный и едва ли не единственный въ животномъ царствѣ случай инстинктивнаго примѣненія не собственныхъ органовъ, а органовъ другихъ существъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Личинки являются здѣсь какъ бы прялками, изъ которыхъ у ловкихъ муравьевъ-работницъ выходитъ нитка. Когда мое вниманіе было обращено на это обстоятельство знаменитымъ знатокомъ биологіи муравьевъ Васманномъ, я далъ одному изъ своихъ учениковъ произвести анатомическое изслѣдованіе личинокъ муравьевъ *Oecophylla*,—оказалось, что онѣ обладаютъ прядильными железами развитыми такъ сильно, какъ мы не находимъ этого ни у одного изъ перепончатокрылыхъ и, въ особен-

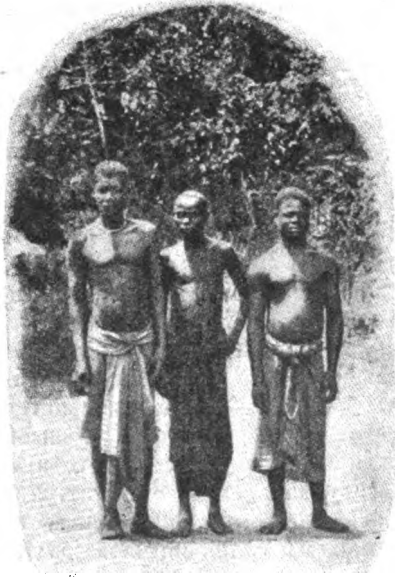

Рис. 24. Негры муссаронга.

ности, ни у одной изъ муравьиныхъ личинокъ. Железы состоятъ изъ четырехъ огромныхъ, тянущихся по длинѣ всего тѣла трубокъ, которыя соединяются по сторонамъ попарно и открываются на нижней губѣ общимъ протокомъ. У взрослыхъ муравьевъ нѣтъ никакихъ особыхъ железъ и врядъ ли они могли бы своими верхнечелюстными железами производить паутинки, такъ что приведенныя наблюденія, несомнѣнно, находятъ себѣ полное подтвержденіе.

Лишь рѣдко попадалась намъ навстрѣчу среди этой тропической глуши пирога съ туземцами,—при нашемъ приближеніи они пугливо жались къ берегамъ и старались спрятаться въ мангровыхъ заросляхъ. Животная жизнь зато сильно развита: то тамъ, то здѣсь мелькаютъ среди зелени прыгающія съ вѣтви на вѣтвь обезьяны (*Cercopithecus mona*), надъ водою проносятся зимородки, то въ черномъ и

бѣломъ опереніи, то замѣчательно пестрые, заросли по берегамъ оживляются тѣневыми птицами (*Scopus*), мелкими хищниками и воршунами, и мы имѣли уже довольно обильную охотничью добычу. Отъ времени до времени на носовой части катера раздавалась бѣглая и учащенная стрѣльба нашихъ охотниковъ и по шлепанью по водѣ можно было отгадать, что пули ихъ предназначались крокодиламъ. Подобно тому, какъ морякъ всѣми возможными способами срываетъ свою ненависть на пойманной акулѣ, такъ на сушѣ крокодилъ становится жертвою преслѣдованія человека: сколько бы крокодиловъ намъ ни приходилось встрѣчать и какъ бы далеко они ни показывались отъ катера, никогда наши охотники не могли утерпѣть, чтобы не пустить пулю въ догонку чудовищу.

Послѣ трехчасового пути, протокъ, по которому мы шли, расширился, какъ озеро, и вскорѣ открылся видъ на самую рѣку Конго. На противоположномъ берегу показались бѣлыя факторіи мѣстечка Изаंगा, и, благодаря миражу, мы видѣли одновременно и отраженія ихъ, висящія въ воздухѣ внизъ крышами. Въ сторонѣ отъ насъ находилось небольшое поселеніе Маалела, у котораго мы остановились. Плятаціи

здѣсь обрабатываются неграми муссеронгами, пришедшими сюда съ португальскаго берега,—мы увидѣли группу ихъ подъ баобабомъ, еще покрытомъ зеленью, и на берегу около лежащихъ тамъ лодокъ. Подобно всѣмъ неграмъ Конго, они гребутъ на своихъ лодкахъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленнаго ствола дерева, стоя и длинными веслами—въ этомъ отношеніи они составляютъ полную противоположность камерунскимъ неграмъ, которые гребутъ сидя и короткими веслами. Весь берегъ былъ здѣсь усыпанъ раковинами ракушки *Galathea*—въ Бома онѣ обжигаются въ извѣсть и, какъ намъ часто приходилось видѣть, идутъ также на мощеніе улицъ.

Выше Маллелы видъ берега совершенно измѣнился. Солонватая вода сюда болѣе не достигаетъ и потому рѣка обрамляется галлерей

Рис. 25. Ваобобы въ саваннѣ нижняго теченія Конго.

лѣса, въ которомъ, кромѣ баобабовъ, характерными породами являются еще толстые фикусы, высоко поднимающіяся шерстяныя деревья (*Eriodendron anfractuosum*) и многочисленныя маслинныя пальмы. На самомъ берегу растутъ панданусы, позади которыхъ граціозно колышутся опахала тростника папируса. По рѣкѣ плыветъ множество бревенъ и корчагъ, принуждающихъ насъ подвигаться съ осторожностью, тогда какъ середина рѣки занята песчаными отмелями и сильно вытянутыми въ длину островками,—на нихъ нерѣдко разгуливаетъ огромное количество цапель и другихъ голенастыхъ.

Такъ постепенно готовится переходъ къ пустынному ландшафту, характерному для Конго,—чѣмъ ближе мы подходимъ къ Бома, тѣмъ болѣе получаетъ преобладаніе саванна. Колючія мимозы, перемежанныя съ кроваво-красными *Hibiscus* и желтыми мотыльковыми, загораживаются понемногу травой и тростникомъ выше человѣческаго роста, въ которыхъ ткачи во множествѣ вѣшаютъ свои гнѣзда. Папирусъ образуетъ мѣстами заросли на большомъ протяженіи, и характерныя формы саванны все болѣе и болѣе выступаютъ на передній планъ—

Между ними первое мѣсто занимаетъ баобабъ (*Adansonia digitata*)—дерево причудливой формы, лишенное въ теченіе сухого времени года листы и увѣшанное своими огромными веретенообразными плодами. Въ наружности этого гиганта сказывается что-то непривѣтливое, и вниманіе наблюдателя невольно приковывается къ нему, тѣмъ болѣе, что баобабы никогда не образуютъ рощъ, а всегда встрѣчаются въ одиночку и оживляютъ однообразный ландшафтъ пустыни. Стволъ обыкновенно недалеко отъ почвы развѣтвляется на 3—4 части и нерѣдко имѣетъ форму неуклюжаго конуса. Огромный обхватъ ствола—отъ 6 до 8 метровъ—кажется совершенно несоотвѣтствующимъ его вышины, тѣмъ болѣе, что развѣтвляясь дерево начинаетъ нерѣдко надъ самою почвой. Крона также очень разнообразна по своему строенію,—иногда главныя вѣтви вытягиваются сильно въ длину и горизонтальны, иногда онѣ коротки и отходятъ подъ острыми углами, то онѣ прямы, то извилисты и разбиваются на множество второстепенныхъ вѣтвей. Ни одно дерево не похоже вполне на своего сосѣда, но все же каждое изъ нихъ имѣетъ нѣчто общее въ своей физиономіи: безобразно толстый стволъ съ рѣзкимъ переходомъ въ боковыя вѣтви.

Эти «мастодонты растительнаго царства», какъ ихъ называлъ Пьеръ Лоти, должны быть страшно стары; ни одно изъ деревьевъ не является такимъ характернымъ для африканской саванны и ни одно не запечатлѣвается такъ ярко въ памяти своей оригинальной вышностью. Съ большою радостью привѣтствовали мы баобабъ, когда черезъ полгода приблизились опять къ восточно-африканскому берегу.

Тогда какъ баобабы встрѣчаются чаще лишь при приближеніи къ Боме, ниже по теченію рѣки характерными для ландшафта элементами растительности являются пустынные пальмы (*Hyphaene*), мѣстами онѣ образуютъ вблизи береговъ небольшія рощицы. Между молодыми стволами поднимаются отдѣльные старые великаны, засохшіе вѣерообразныя листья которыхъ свѣшиваются пониже кроны и прилегаютъ къ стволу. Такъ какъ саванна регулярно выжигается неграми, огонь охватываетъ и суховатыя пальмы и уничтожаетъ ихъ. Онѣ сохраняются лишь въ мѣстахъ, недоступныхъ для огня. Между баобабями и пустынными пальмами разбросаны наши старые знакомые—одиночныя маслинныя пальмы и огромныя шерстяныя деревья. Они выдѣляются надъ низкими зарослями кустарниковъ, между которыми особенно бросаются въ глаза представители рода *Anacardium* и жестколистныя *Anona senegalensis*.

Почва покрыта негустою травой, въ метръ вышиною, иногда она выпускаетъ колосья и вдвое выше человѣческаго роста. Вблизи рѣки саванна богата представителями пернатата царства, оживляется разбросанными береговыми растеніями и кучами папируса и производитъ довольно привлекательное впечатлѣніе. Далѣе внутрь страны наблюдатель не встрѣчаетъ животной жизни, все кажется мертвенно тихимъ, какъ бы выжженнымъ жгучими лучами солнца. Если желаете составить себѣ представленіе о саваннѣ въ сухое время года, то вообразите себѣ обширныя пространства, покрытыя рѣдкою травой докуда хватать взоръ, между ними черныя, истребленные огнемъ и лишеныя растительности островки и разбросанныя на большихъ разстояніяхъ баобабы, производящія впечатлѣніе привидѣній растительнаго царства. Мѣстами попадаются пустынные пальмы или зеленый кустъ *Anona*; почва состоитъ изъ краснаго латерита, волнообразна, и на горизонтѣ видѣются ряды красныхъ холмовъ, которые выше Боме переходятъ

въ гранитныя горы. Видъ унылый и меланхолическій, немало заглохло здѣсь человѣческихъ жизней, никѣмъ не оплаканныхъ, — на такія размышленія жать навелъ, по крайней мѣрѣ, поблѣввшій подъ лучами солнца цѣлетъ негра, съ сохранившимися еще на немъ металлическими кольцами; его нашли мои спутники подъ однимъ изъ баобабовъ.

Наступилъ вечеръ, сильный морской бризъ поднималъ волны на быстро несущейся рѣкѣ и солнце зашло кроваво-красное. Сумерки длились недолго, при наступившей темнотѣ берегъ и красныя латеритовыя холмы имѣли черноватые, расплывчатые контуры. Саванна отъ времени до времени освѣщалась заревомъ отдаленнаго пожара. Нашъ паровой катеръ съ трудомъ боролся противъ течения и уже было поздно, когда высоко поднимающіяся горы указали намъ на приближеніе города Бома. Вскорѣ мы подошли къ военному укрѣпленію, находящемуся ниже города и обладающему семью вращающимися башнями—противъ него возводится на противоположащемъ португальскомъ берегу другое португальское укрѣпленіе, которое врядъ ли, однако, можетъ сравняться съ нимъ силою. Когда мы, наконецъ, въ 9 часовъ вечера причалили къ пристани Бома, насъ встрѣтилъ директоръ морского вѣдомства государства Конго и проводилъ насъ въ ярко блестящій огнями «Ресторанъ Леопольда II», гдѣ намъ, какъ гостямъ государства Конго, былъ данъ блестящій банкетъ. Лишь на слѣдующій день мы имѣли возможность познакомиться ближе съ особенностями этого ресторана, гдѣ хозяинъ португалецъ, а слуги негры. Грязь, царящая здѣсь, самымъ чувствительнымъ образомъ бросается въ глаза новому пришельцу и не приходится завидовать чиновникамъ государства Конго, которые изъ года въ годъ принуждены пользоваться этимъ почтеннымъ учрежденіемъ и низводить свои требованія по отношенію къ чистоплотности изготовленія кушаній и сервировки блюдъ до крайняго минимума. Мы расположились въ другомъ отелѣ на берегу рѣки и пользовались относительными удобствами. Рано утромъ мы были разбужены неумолкающей болтовней и возней негровъ на улицѣ и съ понятнымъ интересомъ наслаждались съ веранды открывающимся оттуда зрѣлищемъ на несущуюся мимо рѣку съ разбросанными по ней островами и на зятянутыя легкой дымкой холмы и горы въ отдаленіи. Красивыя правительственныя постройки, вытянувшіяся длиннымъ рядомъ вплоть до набережной, показывали намъ, что мы находимся въ быстро развивающемся и культурномъ городѣ. Значеніе Бома лежитъ не столько въ ея торговой дѣятельности, сколько въ томъ, что это—столица обширнаго и богатаго государства Конго,—это скорѣе городъ чиновническаго, нежели коммерческаго склада. Впрочемъ, все же онъ имѣетъ и нѣкоторое коммерческое значеніе, хотя бы уже въ виду того, что не особенно глубоко сидящіе пароходы могутъ подниматься до Бома по рѣкѣ и выгружать привозимые товары на прекрасно устроенной набережной.

Нѣсколько выше города находится зданіе управленія и казармы, къ которымъ ведетъ паровой трамвай. Въ общемъ однако, ландшафтъ имѣетъ довольно пустынный характеръ, всюду въ городѣ врывается саванна со своими баобабамъ, мимозамъ, кустами папируса и красной латеритовой почвой.

Въ населеніи города также сказываются яркіе контрасты. Во время нашего посѣщенія постоянное населеніе его заключало лишь 150 европейцевъ, главнѣйшій же контингентъ составляли чернокожіе самаго цестраго разбора—отъ настоящаго европеизированнаго франта въ стоя-

чемъ воротничкѣ и до субъекта, одѣтаго лишь въ наиболѣе необходимую часть туалета. Наибольшій интересъ возбуждали рослые негры племени мажумба, пришедшіе съ караванами изъ внутренней части страны, между ними выдѣлялись тяжело нагруженныя женщины, которыя богато украшены мѣдными браслетами на рукахъ и ногахъ, нитками жемчуга вокругъ шеи, плечъ и талии и огромными серьгами въ ушахъ, но одѣты лишь въ небольшіе передники, сплетенные изъ луба. Нопу свою, а при случаѣ и перемѣщающихся на ихъ спинахъ дѣтей, онѣ тащутъ обыкновенно въ плетеныхъ мѣшкахъ, отъ которыхъ перевязка идетъ вокругъ лба. Можно представить себѣ изумленіе, какое выражаютъ эти наивныя дѣти природы при видѣ европейца на велосипедѣ или пыхтящаго чудовища, которое тащитъ вагонъ трамвая! Чернокожые дѣнди обнаруживали къ нимъ невыразимое презрѣніе, хотя, впрочемъ, сами дѣнди сохранили еще много привычекъ, указывающихъ на ихъ происхожденіе отъ обитателей пустыни: несмотря на оживленную бесѣду, они, напримѣръ, всегда идутъ не рядомъ другъ съ другомъ, а одинъ за другимъ, длинной вереницей. Я долженъ, однако, сказать, что къ чести чернокожихъ обитателей Камеруна, Викторіи и Конго, видѣнныхъ нами при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, ни разу ни одинъ изъ нихъ не попросилъ у насъ милостыни.

Затративъ день на экскурсію въ выжженную солнцемъ саванну и на большой лежащій противъ Бома островъ, мы вечеромъ провели очень пріятно время у губернатора. Губернаторъ м-ръ Фуксъ произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе ясностью и спокойствіемъ своихъ сужденій о положеніи вещей и величайшей любовью къ дѣлу управленія. Онъ германскаго происхожденія, и одинъ изъ его предковъ, выдающійся ботаникъ, является даже виновнымъ въ томъ, что извѣстное декоративное растение было названо фуксіей. Какъ намъ ни было это тяжело, все же пришлось отклонить любезное предложеніе сдѣлать намъ—подняться по желѣзной дорогѣ къ среднему теченію Конго, чтобы познакомиться съ нимъ. Намъ ждала наша работа на океанѣ, и 4-го декабря мы принуждены были покинуть Бома и въ сопровожденіи д-ра Этьенна, главнаго врача государства Конго, быстро спустились внизъ по теченію. Мы прибыли бы на нашемъ маленькомъ паровомъ катерѣ въ Банану еще въ болѣе короткое время, если бы нашему движенію не мѣшала морской приливъ, сказывающійся въ рукавахъ рѣки на большомъ протяженіи.

Оставшіеся въ Бананѣ члены экспедиціи произвели за это время нѣсколько экскурсій по окрестностямъ и располагали не малымъ количествомъ интересныхъ охотничьихъ трофеевъ. Нашъ капитанъ также пріятно провелъ время въ обществѣ одного своего сѣдобородаго коллеги, который всю свою жизнь ѣздилъ вверхъ и внизъ по р. Конго. Разказы его слушались, какъ интересный романъ, особенно, когда онъ говорилъ о тѣхъ «прекрасныхъ временахъ», когда здѣсь процвѣтала торговля рабами и на черномъ товарѣ можно было сколотить себѣ недурной капиталецъ. Этого стараго рѣчного волка, который уже нѣсколько лѣтъ не покидалъ своего судна, удалось-таки склонить къ посѣщенію «Вальдивіи». Покачивая головой, разсматривалъ онъ наши лотовыя машины, барабаны съ тросомъ и трапы и слушалъ, какъ капитанъ объяснялъ ему, что мы добываемъ изъ глубины. «Врешь ты, врешь все, другъ любезный», пробормоталъ онъ, наконецъ, и распрощался.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

